

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CP 373.10

Harvard College
Library

FROM THE REQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

1884.

104

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1884.

(Годъ двадцать пятый).

ЯНВАРЬ. — № 1.

Содержаніе:

Страницы:

I. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго, (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божіемъ, книга восемнадцатая	1— 32
II. Изъ чтеній по догматическому богословію. <i>Архимандрита Сильвестра.</i>	3— 40
III. О штундизмѣ. <i>П. Петрушевскаго.</i>	41— 76
IV. По поводу защиты славянофильства въ Православномъ Обзорѣніи. <i>Н. И. Липицкаго.</i>	77— 94
V. Житіе и хоженье Даниила русьскыя земли игумена. 1106—1108 г. <i>В. Н. Мамкина.</i>	95—111
VI. Письмо высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго, къ ректору Кіевской духовной Академіи Иннокентію Борисову, епископу Чигиринскому. Сообщилъ <i>Н. М. Дроздовъ.</i>	112—115
VII. Александръ Дмитриевичъ Вороновъ. <i>И. Иен. Малышевскаго.</i>	116—135
VIII. Некрологъ и надгробныя рѣчи.	136—144
IX. Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Академіи (за м. ноябрь 1883 г.). <i>Н. И. Петрова.</i>	145—146
X. Объявленія	1—8

„Труды Кіевской дух. Академіи“ выходятъ по прежней программѣ.

Цѣна 7 рубл. съ пересылкою.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улиц., собственный домъ.

1884.

74.6.19.5
ВЪ 1884 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержания и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1884 г. будутъ издаваться его толкованія на ветхозавѣтныя книги; изъ твореній бл. Августина—его твореніе о градѣ Божіемъ.

2, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Программа изданія слѣдующая: Отдѣлъ *официальный*, Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальныя указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ Кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. Отдѣлъ *неофициальный*, мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательныя письменныя памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч. Объемъ изданія будетъ увеличенъ.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемесячно* книжками отъ 10 до 12 листовъ. „Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить *два раза* въ мѣсяць, въ 8-ю д. л., *не менѣе трехъ* листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р., Епархіальныхъ Вѣдомостей 5 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Трудомъ—11 р.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА
О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,
КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Говорить о распространеніи земнаго града совмѣстно съ градомъ небеснымъ отъ времени Авраама и до конца міра, и приводитъ предсказанія о Христѣ какъ сивилль, такъ особенно священныхъ пророковъ, писавшихъ съ основанія римскаго царства.

ГЛАВА I.

О томъ, что было сказано въ предыдущихъ семнадцати книгахъ, доведенныхъ до времени Спасителя.

Я далъ обѣщаніе писать о началѣ, распространеніи и неизбѣжномъ концѣ двухъ градовъ, изъ которыхъ одинъ—градъ Божій, а другой—градъ настоящаго вѣва, гдѣ страствуетъ теперь и градъ Божій, насколько онъ принадлежитъ въ человѣческому роду. Но прежде, насколько мнѣ помогла благодать Христова, я опровергъ противниковъ града Божія, которые Создателю его, Христу, предпочитаютъ своихъ боговъ и съ пагубною для себя злобою ненавидятъ христіанъ. Это я сдѣлалъ въ первыхъ десяти книгахъ. Что же касается того тройственнаго обѣщанія, о которомъ я только-что упомянулъ, то начало обоихъ градовъ изложено мною въ слѣдующихъ за десятою четырехъ книгахъ. Потомъ въ одной книгѣ, которая приходится пятнадцатою книгою настоящаго

сочиненія, говорится объ ихъ распространеніи отъ перваго человѣка до потопа; и затѣмъ, какъ въ исторіи, такъ и въ нашемъ сочиненіи оба града продолжаютъ идти также совмѣстно до Авраама. Но начиная съ патріарха Авраама до времени царей Израильскихъ,—на чемъ мы закончили шестнадцатую книгу,—и отъ этого времени до ирешествія во плоти самаго Спасителя, до котораго доходитъ семнадцатая книга, мое сочиненіе повѣствуетъ о распространеніи одного только града Божія, хотя въ настоящемъ вѣкѣ этотъ градъ не жилъ обособленно, но оба они, какъ и съ начала, всегда вмѣстѣ, преимущественными съ той или другой стороны успѣхами въ родѣ человѣческомъ, сообщили временамъ различный характеръ. Это я сдѣлалъ для того, чтобы съ перваго момента, какъ обѣтованія Божія начали быть болѣе ясными, и до самаго рожденія отъ Дѣвы того, въ Комъ должно было исполниться обѣтованное сначала, судьбы Града Божія, не переплетаясь съ противоположными судьбами другаго града, обрисовались отчетливѣе; хотя до откровенія новаго завѣта онъ ходилъ не во свѣтѣ, а въ тѣни. Теперь же считаю нужнымъ сдѣлать то, что опустилъ: коснусь и судьбъ другаго града со времени Авраама на столько, чтобы читатели сами могли оба ихъ сравнить между собою.

ГЛАВА II.

О царяхъ и эпохахъ зѣмнаго града, съ которыми совпадаютъ хронологическія даты о жизни святыхъ, начиная съ рожденія Авраама.

Итакъ общество смертныхъ, разсѣянное на землѣ повсюду и, при всевозможномъ различіи мѣстныхъ условій, соединенное однакоже извѣстною общностію одной и той же природы,—вслѣдствіе того, что каждый ищетъ своей пользы и удовлетворенія своимъ желаніямъ, а того, къ чему онъ

стремится, или не достаетъ никому, или достаетъ не всѣмъ, — не будучи тождественно, по большей части раздѣляется само противъ себя, и часть, которая пересиливаетъ, угнетаетъ другую. Побѣжденная подчиняется побѣдительницѣ, предпочитая, конечно, не только господству, но и самой свободѣ хоть какой-нибудь миръ и спасеніе; и это—до такой степени, что тѣ составляли предметъ великаго удивленія, которые предпочитали лучше погибнуть, чѣмъ переносить рабство. Ибо у всѣхъ почти народовъ высказывался нѣкоторымъ образомъ голосъ природы, по которому они лучше желали покориться побѣдителямъ, отъ которыхъ случалось быть побѣжденными, чѣмъ подвергнуться уничтоженію отъ истребительной войны безъ конца. Изъ этого вышло, что не безъ дѣйствія Промысла Божія, во власти котораго содержится, чтобы каждый посредствомъ войны или покорялся самъ или покорялъ другихъ, одни обладали царствами, а другіе подчинялись царствующимъ. Но между многими земными царствами, на которыя раздѣляется общество земныхъ выгодъ или желаній (которое мы вообще называемъ градомъ сего міра), мы видимъ два царства, сдѣлавшіяся знаменитѣйшими всѣхъ остальныхъ, сперва Ассирійское, затѣмъ Римское, разграниченныя и различенныя между собою какъ по времени, такъ и по мѣсту. Ибо какъ первое возникло прежде, а второе послѣ: такъ то возникло на востокѣ, а это на западѣ; и при томъ съ концемъ перваго совпадаетъ начало послѣдняго. Что же касается остальныхъ царствъ и остальныхъ царей, то я назвалъ бы ихъ резервами тѣхъ двухъ.

Итакъ, Нинъ былъ уже вторымъ царемъ Ассиріянъ, наслѣдовавшимъ отцу своему Белу, первому царю того царства, когда въ землѣ Халдейской родился Авраамъ. Было въ то время еще небольшое царство Сигіонское, съ котораго извѣстный всесторонній ученый Маркъ Варронъ, паша о

племени народа римскаго, начинается какъ съ времени древняго. Отъ царей Сиционскихъ онъ переходитъ къ Афинянамъ, отъ Афинянъ къ Латинянамъ, а отъ этихъ къ Римлянамъ. Но до основанія Рима царства Сиционское и Афинское представляются весьма незначительными въ сравненіи съ Ассирійскимъ. Правда, и по признанію Саллюстія, римскаго историка, въ Греціи были весьма знамениты Афиняне, но болѣе благодаря молвѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Ибо, говоря объ Афинянахъ, Саллюстій замѣчаетъ: „Дѣянія Афинянъ, какъ я думаю, были довольно велики и блестящи, однако нѣсколько мевѣ значительны, чѣмъ какъ говорить о нихъ молва. Но поелику среди нихъ явились писатели съ великимъ талантомъ, то дѣла ихъ во всемъ мірѣ превозносятся, какъ дѣла величайшія. Доблесть совершавшихъ ихъ представляется такою высокою, какою только могли выставить ее на словахъ великіе таланты“. Не малую славу придали этому городу еще науки и философія, такъ какъ занятія этого рода процвѣтали тамъ по преимуществу. Но что касается политическаго значенія, то ни одно государство въ первыя времена не было сильнѣе и не распространялось такъ далеко и широко, какъ Ассирійское. Повѣствуютъ, что тамошній Царь Нинъ, сынъ Вела, всю Азію, которая по счету называется третьею, а по величинѣ оказывается половиною частію всего земнаго шара, покорилъ до самыхъ предѣловъ Ливіи. Власть его на востокѣ не распространялась на однихъ только Индійцевъ; но и этихъ по смерти его поборила его жена, Семирамида. Такимъ образомъ, всѣ, какіе только были въ тѣхъ странахъ народы или цари, повиновались господству и власти ассирійцевъ и дѣлали то, что имъ приказывалось. Итакъ, Авраамъ родился въ этомъ царствѣ среди Халдеевъ во времена Нина.—Но поелику событія греческія намъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ Ассирійскія, и тѣ, которые искали первыхъ древнихъ слѣдовъ пле-

мени римскаго народа, послѣдовательность историческихъ періодовъ вели чрезъ Грековъ къ Латинянамъ, а отъ нихъ къ Римлянамъ, которые и сами суть Латиняне: то мы, должны, гдѣ нужно, упоминать царей Ассирійскихъ, чтобы видно было, какъ Вавилонія, этотъ какъ-бы первый Римъ, разрасталась параллельно странствующему въ семь міръ граду Божію; но событія, которыя должны быть включены въ настоящее сочиненіе для сравненія того и другаго, т. е. земнаго и небеснаго града, мы вынуждены брать отъ Грековъ и Латинянъ, у которыхъ и самый Римъ является какъ-бы второю Вавилоніею.

Итакъ, когда родился Авраамъ, вторыми царями были: у Ассиріянъ Нинъ, у Сикіонянъ Европъ; а первыми царями были: у тѣхъ Белъ, у этнхъ Эгіалей. Когда же, по выходѣ Авраама изъ Вавилоніи, Богъ обѣщалъ ему, что отъ него произойдетъ великое потомство и о сѣмени его благословятся всѣ народы, Ассиріяне имѣли четвертаго царя, а Сикіоняне пятаго. У первыхъ царствовалъ сынъ Нина, послѣ матери своей Семирамиды, которая, говорятъ, умерщвлена была имъ, когда осмѣлилась осквернить сына кровосмѣстельнымъ соитіемъ. Нѣкоторые думаютъ, что она именно построила Вавилонъ, хотя она могла только возобновить его: когда и какъ построенъ онъ, объ этомъ сказали мы въ шестнадцатой книгѣ. Сына Нина и Семирамиды, который послѣ матери наследовалъ царство, одни называютъ также Ниномъ, а другіе Ниніемъ, производя имя его отъ имени отца. Царствомъ же Сикіонскимъ управлялъ въ то время Телксіонъ. Въ его царствованіе были такія безмятежныя и счастливыя времена, что, когда онъ умеръ, его почтили, какъ бога, жертвоприношеніями и играми, которыя, говорятъ, и установлены были впервые въ честь его.

ГЛАВА III.

При какихъ царяхъ Ассирійскихъ и Сикіонскихъ у столѣтняго Авраама по обѣтованію родился Исаакъ, а у шестидесятилѣтняго Исаака отъ Ревекки произошли близнецы Исавъ и Іаковъ.

Въ его же время у столѣтняго Авраама, по обѣтованію Божію, родился сынъ Исаакъ отъ Сарры, которая, будучи безплодною и состарѣвшеюся, потеряла уже надежду на потомство. А у Ассиріянъ былъ тогда пятымъ царемъ Аралій. У самого-же Исаака на шестидесятомъ году родились близнецы Исавъ и Іаковъ, которыхъ родила ему Ревекка, когда еще былъ живъ дѣдъ ихъ Авраамъ и имѣлъ сто шестьдесятъ лѣтъ отъ роду: онъ умеръ ста семидесяти пяти лѣтъ, когда у Ассиріянъ былъ царемъ старшій Ксерксъ, называвшійся также Баллеемъ, а у Сикіонянъ Өуриавъ, которому нѣкоторые даютъ имя Өуримаха. Это были седьмые цари. Въ одно время съ внуками Авраама возникло царство Аргосцевъ, въ которомъ первымъ царемъ былъ Инахъ. Нельзя не упомянуть, что, по свидѣтельству Варрона, Сикіоняне приносили жертвы и у гроба седьмаго своего царя, Өуриака. При осьмыхъ царяхъ, ассирійскомъ Арнамитрѣ, Сикіонскомъ Левкиппѣ, и при первомъ царѣ Аргосскомъ, Инахѣ, Богъ говорилъ въ Исааку и повторилъ ему тѣ самыя два обѣтованія, которыя даны были отцу его, т. е. что потомству его будетъ принадлежать Ханаанъ и что о сѣмени его благословятся всѣ народы. Тоже самое обѣщано было и его сыну, внуку Авраама, который назывался сначала Іаковомъ, а потомъ Израилемъ, когда у Ассиріянъ царствовалъ уже девятый царь Белохъ, у Аргосцевъ второй, сынъ Инаха Фороней, а у Сикіонянъ оставался еще Левкиппъ. Въ это время Греція, при Аргосскомъ царѣ Фороней, сдѣлалась болѣе извѣстною нѣкоторыми установленіями законовъ и учрежденіемъ судовъ.

Однако, когда умеръ младшій братъ Фородея, Фегой, надъ его могилкою построень былъ храмъ, въ которомъ его чтили, какъ бога, и приносили ему въ жертву быковъ. Полагаю, что такой почести удостоили его потому, что въ своемъ удѣлѣ (ибо отецъ далъ обоимъ имъ по области, въ которыхъ они, при жизни его, царствовали) онъ установилъ священныя мѣста съ жертвенниками для почитанія боговъ и научилъ наблюдать времена по мѣсяцамъ и годамъ, какъ какое изъ нихъ измѣняется и высчитывается. Удивляясь этой новости, люди въ то время еще невѣжественные, или думали, что онъ, послѣ смерти, сдѣлался богомъ, или желали, чтобы былъ такимъ. Ибо и Ю, которая, впоследствии названная Изидою, чтилась въ Египтѣ какъ великая богиня, была, говорятъ, дочерью Инаха; хотя другіе пишутъ, что она пришла въ Египетъ царицею изъ Еѳіопіи, и такъ какъ управляла египтянами съ широкою властію и справедливо, всела много для нихъ полезнаго и положила начало наукамъ, то, послѣ смерти, ей оказали тамъ божескую честь и такое почитаніе, что считали уголовнымъ преступленіемъ, если кто называлъ ее человѣкомъ.

ГЛАВА IV.

О временахъ Иакова и сына его Иосифа.

При десятомъ царѣ Ассирійскомъ Балеѣ и девятомъ Сигіонскомъ Месапіѣ, котораго нѣкоторые называютъ еще Бефясомъ (если только, впрочемъ, это былъ одинъ человѣкъ съ двумя именами и если тѣ, которые въ своихъ сочиненіяхъ поставили другое имя, не разумѣли подъ нимъ другаго лица), когда третьимъ царемъ Аргоссовъ былъ Аписъ, умеръ ста восьмидесяти лѣтъ отъ роду Исаакъ и оставилъ послѣ себя своихъ близнецовъ ста двадцати лѣтъ; изъ нихъ младшій Иаковъ, принадлежащій къ Граду Божію, о кото-

ромъ мы пишемъ (между тѣмъ какъ старшій былъ отвергнутъ), имѣлъ двѣнадцать сыновъ, изъ коихъ тотъ, который назывался Иосифомъ, своими братьями, при жизни еще дѣда ихъ, Исаака, проданъ былъ купцамъ, проходившимъ въ Египетъ. Но Иосифъ, когда ему было тридцать лѣтъ отъ роду, состоялъ на службѣ у фараона, возвысившись изъ униженія, которое претерпѣлъ. Истолковавши по божественному внушенію сны царя, онъ предсказалъ, что наступятъ семь лѣтъ плодородія, изобиліе которыхъ истощать слѣдующія за ними другія семь лѣтъ голода; за это царь сдѣлалъ его начальникомъ Египта, освободивъ изъ темницы, куда ввергла его цѣломудренная невинность: потому что, мужественно сохраняя ее, онъ съ госпожею, воспылавшею къ нему нечистою любовію и грозившею оклеветать его предъ легковѣрнымъ господиномъ, не согласился на блудъ, вырвавшись изъ ея объятій и бросивъ даже одежду. Во второй годъ семи голодныхъ лѣтъ прибылъ въ Египетъ къ сыну Іаковъ со всѣми домочадцами, будучи ста тридцати лѣтъ, какъ самъ онъ отвѣчалъ на вопросъ царя (Быт. XLVII, 9). Иосифу же было тогда тридцать девять лѣтъ, если къ тридцати годамъ, которые онъ имѣлъ, когда былъ осужденъ отъ царя почестями, прибавить семь лѣтъ плодородія и два года голода.

ГЛАВА V.

О царѣ Аргосскомъ Аписѣ, котораго Египтяне подъ именемъ Сераписа почтили божескими почестями.

Въ это время царь Аргосцевъ Аписъ, переплывши на корабляхъ въ Египетъ, сдѣлался, когда здѣсь умеръ, величайшимъ изъ всѣхъ Египетскихъ боговъ, Сераписомъ. Почему онъ и по смерти названъ не Аписомъ, но Сераписомъ, весьма удовлетворительное объясненіе даетъ Варронъ. Такъ какъ

гробъ, въ который кладется умершій и который теперь всѣ называютъ *sarcofagus*, по-гречески называется *σαρφας*, и послѣ похоронъ его начали чтить въ этомъ гробѣ, прежде, чѣмъ построили ему храмъ; то сперва онъ названъ былъ, какъ бы Соросъ и Аписъ, Сораписъ, а потомъ, съ переменною одной буквы, какъ это обыкновенно бываетъ, Сераписъ. И относительно его было также постановлено, чтобы каждый, кто сказалъ бы, что онъ былъ человѣкъ, подвергался смертной казни. А такъ какъ почти во всѣхъ храмахъ, въ которыхъ чтили Изиду и Сераписа, стояла и статуя, которая пальцемъ прижатымъ къ губамъ, повидимому приглашала хранить молчаніе; то Варронъ думаетъ, что это означаетъ, тожъ, чтобы молчали о томъ, что они были люди. Но тотъ быкъ, котораго одержимый удивительною суетностію Египетъ содержалъ въ честь Аписа съ величайшею роскошью, назывался просто Аписомъ, а не Сераписомъ, потому что его чтили живаго безъ саркофага. Когда этотъ быкъ умиралъ, и послѣ поисковъ дѣйствительно находили теленка того-же самаго цвѣта, т. е. имѣющаго такіа-же бѣлыя пятна; то считали это чѣмъ-то чудеснымъ и совершившимся по божественному о нихъ промысленію. Дѣйствительно, для ихъ оболещенія демонамъ не трудно было показать зачинающей и стельной коровѣ призракъ подобнаго быка, который-бы только она одна видѣла; затѣмъ уже похоть матери привлечетъ то, что на плодѣ ея отразится тѣлеснымъ образомъ. Достигъ же Іаковъ при помощи разноцвѣтныхъ налочекъ, что овцы и козы рождались разныхъ цвѣтовъ (Быт. XXX, 37—42). А что люди могутъ производить въ зачинающихъ животныхъ при помощи дѣйствительныхъ цвѣтовъ и предметовъ, то демоны весьма легко могутъ дѣлать при помощи ложныхъ образовъ.

ГЛАВА VI.

При какихъ царяхъ Аргосскомъ и Ассирійскомъ Иаковъ умеръ въ Египтѣ.

Итакъ Ачисъ, царь Аргосскій, а не Египетскій, умеръ въ Египтѣ. Ему наследовалъ въ управленіи царствомъ сынъ его Аргосъ, отъ имени котораго получили свое названіе Аргосъ, а затѣмъ Аргосцы; при предшествовавшихъ-же царяхъ ни городъ, ни народъ этого имени еще не носили. Итакъ, когда у Аргосцевъ царствовалъ Аргосъ, у Сивіонянъ Эратъ, а у Ассиріянъ продолжалъ еще царствованіе Балея, умеръ въ Египтѣ Иаковъ ста сорока семи лѣтъ; при чемъ, чувствуя приближеніе смерти, благословилъ своихъ сыновъ и внуковъ отъ Іосифа и взречь весьма ясное пророчество о Христѣ, говоря въ благословеніи Іудѣ: *Не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дождеже придутъ отложенная ему и той чашіе языковъ* (Быт. XLIX, 10). Въ царствованіе Аргоса Греція стала пользоваться зерновымъ хлѣбомъ и заниматься земледѣльческими посѣвами, употребляя сѣмена, занесенныя со стороны. И Аргоса, послѣ его смерти, начали считать богомъ, построивъ въ честь его храмъ и принося жертвоприношенія. Раньше, въ его царствованіе, эта почестъ воздана была частному, убитому громомъ человеку, Омогиру за то, что онъ первый впрягъ воловъ въ плугъ.

ГЛАВА VII.

Во время какихъ царей умеръ въ Египтѣ Іосифъ.

При двѣнадцатомъ царѣ Ассирійскомъ Мамитѣ, одиннадцатомъ сивіонскомъ Плеинѣ, и при остававшемся еще въ живыхъ Аргосскомъ Аргосѣ, умеръ въ Египтѣ Іосифъ ста десяти лѣтъ (Быт. L, 25). По смерти его народъ Божій, удивительнымъ образомъ умножась въ числѣ, проживалъ въ

Египтъ сто сорокъ пять лѣтъ сперва, пока живы были звавшіе Іосифа, спокойно; а потомъ, такъ какъ размноженіе его возбуждало зависть и казалось подозрительнымъ, онъ до самаго освобожденія своего оттуда, угнетаемъ былъ преслѣдованіями (среди которыхъ, впрочемъ, силою божественною не переставалъ размножаться) и работами нестерпимаго рабства. Въ Ассиріи же и Греціи оставались въ продолженіе этого времени тѣже самыя царства.

ГЛАВА VIII.

Во время какихъ царей родился Моисей, и религія какихъ боговъ возникла въ то же время.

Итакъ, когда у Ассиріянъ царствовалъ четырнадцатый царь Сауръ, у Сикіонянъ двѣнадцатый Орѳополисъ, а у Аргосцевъ пятый Кріазъ, родился въ Египтъ Моисей; чрезъ него народъ Божій освободился отъ египетскаго рабства, въ коемъ онъ долженъ былъ томиться, чтобы возжелать помощи своего Создателя. Нѣкоторые полагаютъ, что въ царствованіе упомянутыхъ царей жилъ Прометей, который, говорятъ, изъ глины образовалъ людей: потому что, какъ утверждаютъ, былъ самымъ лучшимъ учителемъ мудрости; хотя, впрочемъ, не указываютъ, какіе были въ его время мудрецы. О братѣ его Атласѣ говорятъ, что онъ былъ великій астрологъ: это дало поводъ къ вымыслу представлять его носящимъ небо; хотя его именемъ называется гора, высота которой, вѣроятнѣе всего, и вызвала народное повѣрье о ношеніи неба. Съ того времени въ Греціи началъ появляться и много другихъ басень; и до самаго времени Кеброиса, царя Аѳинянъ, въ царствованіе котораго тотъ же народъ сталъ называться и вѣтилъ именемъ и при которомъ чрезъ Моисея Богъ извелъ евреевъ изъ Египта, многіе умершіе, благодаря невѣжественному и пустому обычаю и суевѣрію Грековъ, были

отнесены къ числу боговъ. Между ними была жена царя Кріаса Мелантомика и сынъ ихъ Форвасъ, который, послѣ отца, былъ шестымъ царемъ Аргосцевъ, равно и сынъ седьмаго царя Тріопа, Іасъ, и девятый царь Сѣвелай, или Сѣенелей, или Сѣенель: у различныхъ писателей онъ называется различно. Въ эти времена, по связаніямъ, жилъ и Меркурій ввукъ Атласа отъ дочери Маи: о чемъ толкуется даже въ самыхъ распространенныхъ сочиненіяхъ. Онъ славился знаніемъ многихъ наукъ и искусствъ, которыя передалъ и людямъ; этимъ заслужилъ онъ, что по смерти его объявили или даже вообразили богомъ. Позднѣе, говорятъ, жилъ Геркулесъ относящійся, впрочемъ, къ тѣмъ же временамъ Аргосцевъ: хотя нѣкоторые полагаютъ, что онъ жилъ раньше Меркурія, но, на мой взглядъ, они ошибаются. Въ какое бы, впрочемъ, время они ни родились, у историковъ вполнѣ достовѣрныхъ, писавшихъ объ этихъ древнихъ событіяхъ, считается несомнѣннымъ, что оба они были люди и удостоены божескихъ почестей за то, что оказали смертнымъ много благодѣній по улучшенію удобствъ настоящей жизни. Что же касается Минервы, то она гораздо древнѣе. Говорятъ, что она во времена Стигій явилась въ дѣвичьемъ возрастѣ на озерѣ, называемомъ Тригонъ; почему звалась и Тритоніей. Не подлежитъ сомнѣнію, что она была изобрѣтательницею многихъ искусствъ, и тѣмъ легче сочтена была богинею, чѣмъ менѣе извѣстно было ея происхожденіе. А что распѣваютъ о ней, будто она родилась изъ головы Юпитера, то это нужно относить къ поэзіи и баснямъ, а не къ исторіи и событіямъ дѣйствительнымъ. Впрочемъ, когда жилъ самъ Огигій, во времена котораго былъ великій потопъ, — не тотъ всемірный потопъ, отъ котораго не спасся никто изъ людей, за исключеніемъ находившихся въ ковчегѣ, и о которомъ не знаетъ ни греческая, ни латинская исторія народовъ, но потопъ все же гораздо большій, чѣмъ какой

былъ позднѣе во время Декаліона, — относительно этого историческіе писатели разногласятъ. Такъ, Варронъ начинаетъ свою книгу, о которой я выше упомянулъ, съ этого времени, и древнѣе потопа Огигіева, т. е. случившагося во время Огигія, не представляетъ ничего, съ чего могъ бы перейти къ исторіи римской. Наши же писатели хроникъ, сперва Евсевій, а потомъ Иеронимъ, слѣдуя во всякомъ случаѣ какимъ либо предшествовавшимъ историкамъ, полагаютъ, что потопъ Огигія былъ спусти болѣе чѣмъ триста лѣтъ въ царствованіе втораго Аргосскаго царя Форонея. Но когда-бы этотъ потопъ ни былъ, Минерва чтилась уже, какъ богиня, когда въ Аѣнахъ царствовалъ Кебропсъ, при которомъ, говорятъ, возобновленъ или построенъ и самый городъ.

ГЛАВА IX.

Когда построенъ городъ Аѣинянь и какую причину его названія приводитъ Варронъ.

Ибо Варронъ приводитъ такую причину названія Аѣинъ этимъ именемъ, взятымъ безспорно отъ Минервы, которая по-гречески называется 'Αθήνα. Когда тамъ неожиданно появилось оливковое дерево, а въ другомъ мѣстѣ выступила вода: эти чудеса обезпокоили царя, и онъ послалъ къ Аполлону Дельфійскому спросить, какой они имѣютъ смыслъ и чего требуютъ. Аполлонъ отвѣчалъ, что оливковое дерево означаетъ Минерву, а вода — Нептуна, и что отъ воли гражданъ зависитъ, именемъ кого изъ двухъ боговъ, которыхъ означаютъ тѣ символы, назвать лучше городъ. Кебропсъ, получивши этотъ отвѣтъ оракула, созвалъ для подачи голо-совъ всѣхъ гражданъ обоого пола (здѣсь тогда было въ обычаѣ, чтобы и женщины участвовали въ публичныхъ совѣщаніяхъ). И вотъ, по совѣщаніи, мужчины подали мнѣнія за Нептуна, а женщины за Минерву, и такъ какъ одною

женщиною оказалось больше, побѣдительницею осталась Минерва. Тогда разгнѣванный Нептунъ опустошилъ земли Аѳинянъ взволновавшимися морскими водами: ибо демонамъ не трудно разбрасывать на болѣе далекія пространства какія угодно волны. Чтобы смягчать его гнѣвъ, Аѳиняне, какъ говорить тотъ же авторъ, подвергли женщинъ тройному наказанію: ни одна изъ нихъ послѣ этого не должна была подавать голоса, никто изъ рождающихся не долженъ былъ принимать имени матери, никто не долженъ былъ называть ихъ Аѳинянками. Такимъ образомъ, этотъ городъ, мать и кормилица свободныхъ наукъ и столькихъ и столь великихъ философовъ, — городъ, славнѣе и прекраснѣе котораго Греція не представляла ничего, благодаря издѣвательству демоновъ, получилъ имя Аѳинъ отъ спора своихъ боговъ, мужчины и женщины, и отъ побѣды женщины черезъ женщинъ; но, потерпѣвъ пораженіе отъ побѣжденнаго, принужденъ былъ наказать и самую побѣду побѣдившей, страшась болѣе водъ Нептуна, чѣмъ оружія Минервы. Ибо въ лицѣ женщинъ, такъ наказанныхъ, побѣждена и побѣдившая Минерва: она не помогла своимъ избирательницамъ даже настолько, чтобы съ потерей съ того времени права голоса и съ отчужденіемъ сыновей отъ именъ матерей, онѣ могли по вѣрнѣй мѣрѣ называться Аѳинянками и считаться достойными имени той богини, которой своимъ голосованіемъ доставили побѣду надъ богомъ—мужчиною. Чего и сколько-бы нельзя было сказать по этому поводу, если бы рѣчь наша не спѣшила перейти къ другимъ предметамъ?

ГЛАВА X.

Что Варронъ передаетъ о названіи Ареонага и о потопѣ Девкалиона.

Маркъ Варронъ не хочетъ однакоже давать вѣры баснословнымъ на счетъ боговъ вымысламъ, чтобы не думать чего-

нибудь недостойнаго ихъ величія. Поэтому онъ не допускаетъ, чтобы Ареопажъ, въ которомъ разсуждалъ съ Аѳинянами апостолъ Павелъ (Дѣян. XVII, 19) и отъ котораго всѣ сенаторы Аѳинскіе назывались ареопагитами, получивъ свое имя отъ того, что Марсъ, по-гречески *Ἄρς*, когда на этомъ полѣ (*prago*) судили его двѣнадцать боговъ по обвиненію въ челоуѣкоубійствѣ, былъ оправданъ шестью голосами; ибо когда при произнесеніи приговора голоса дѣлились по ровну, оправданіе обыкновенно предпочиталось обвиненію. Вопреки этому наиболѣе распространенному мнѣнію, онъ старается на основаніи не пользующихся извѣстностію сочиненій подыскать вѣкое иное объясненіе этому имени, чтобы не думали, будто Аѳиняне Ареопажъ назвали именемъ Марса и поля, какъ-бы Марсовымъ полемъ, т. е. въ оскорбленіе божествамъ, вторымъ, по его мнѣнію, чужды ссоры и тяжбы. Варронъ утверждаетъ, что это сказаніе о Марсѣ настолько-же ложно, насколько и сказаніе о трехъ богиняхъ, Юновѣ, Минервѣ и Венерѣ, что, ради полученія золотаго яблока, онѣ спорили передъ Парисомъ какъ судьей, о превосходствѣ своей красоты; хотя послѣднее служить предметомъ и повѣствованія, и представленія въ пѣніи и пляскахъ, при громѣ театральныхъ рукоплесканій во время игръ, установленныхъ для умилоствленія боговъ, услаждающихся такими своими истинными или ложными преступленіями. Варронъ этому не вѣритъ изъ опасенія, какъ-бы не помыслить чего-нибудь несоотвѣтствующаго природѣ и нравамъ боговъ. Однако, приводя не баснословное, а историческое объясненіе названію Аѳинъ, заноситъ въ свое сочиненіе споръ Нептуна и Минервы относительно того, чьимъ именемъ долженъ назваться городъ, — споръ такого свойства, что, когда они обнаружили соперничество проявленіемъ чудесныхъ знаменій, Аполлонъ, въ которому обратились за совѣтомъ, не рѣшился разбирать ихъ,

но чтобы покончить распрю между богами, какъ Юпитеръ трехъ упомянутыхъ богинь послалъ въ Парису, такъ и онъ отослалъ ихъ къ людямъ, на судъ которыхъ Минерва побѣдила большинствомъ голосовъ и въ то же время потерпѣла поражение въ лицѣ своихъ наказанныхъ избирательницъ, отвоевавши у мужчинъ, обязавшихся ей противниками, Аены, но потерявши право считать дружественныхъ ей женщинъ Аенинками.—Въ эти же времена, по свидѣтельству Варрона, при Аенинскомъ царѣ Кранаѣ, преемникъ Кекропса, а по свидѣтельству нашихъ историковъ, Евсевія и Иеронима, еще при жизни самого Кекропса, былъ потопъ, названный Девкалионовымъ отъ того, что Девкалионъ царствовалъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ потопъ по преимуществу имѣлъ мѣсто. Но потопъ этотъ отнюдь не простирался до Египта и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ.

ГЛАВА. XI.

Когда Моисей извелъ народъ изъ Египта, и при какихъ царяхъ умеръ преемникъ Моисея, Иисусъ Навинъ.

Итакъ, Моисей извелъ народъ Божій изъ Египта въ самое послѣднее время царствованія Аенинскаго царя Кекропса, когда у Ассиріяна царствовалъ Аскатадъ, у Сигіонянъ Маравъ, у Аргосцевъ Тріонасъ. Онъ сообщилъ изведенному народу полученный отъ Бога на Синайской горѣ законъ, который называется ветхимъ завѣтомъ, потому что въ немъ заключаются земныя обѣтованія; а чрезъ Иисуса Христа имѣлъ быть завѣтъ новый, въ которомъ обѣщается небесное царство. Такой долженъ былъ наблюдаться порядокъ, такъ какъ во всякомъ человѣкѣ, преуспѣвающимъ въ Богѣ, происходитъ то, о чемъ говоритъ апостолъ въ словахъ: *не прежде духовное, но душевное, потомъ же духовное*; и такъ оно на дѣлѣ, какъ онъ говоритъ: *первый человекъ*

отъ земли, перстень; второй человекъ съ небесе небесный (1 Кор. XV. 46—47). Моисей управлялъ народомъ Божиимъ сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, и умеръ ста двадцати лѣтъ, пророчествовавъ о Христѣ подъ тѣлесными образами въ учрежденіи Скинии, священства, жертвоприношеній и въ другихъ многихъ таинственныхъ установленіяхъ. Моисею преемствовалъ Іисусъ Навинъ, и введши народъ въ обѣтованную землю, водворилъ его тамъ, побѣдивъ по божественному полномочию народы, которые тѣми мѣстами обладали. Управлявши по смерти Моисея народомъ двадцать семь лѣтъ, умеръ и онъ при восемнадцатомъ Ассирійскомъ царѣ Аминѣ, при шестнадцатомъ Сиціонскомъ Коракѣ, при десятомъ Аргосскомъ Данаѣ и при четвертомъ Аѳинскомъ Эрихонѣ.

ГЛАВА XII.

О культахъ ложныхъ боговъ, установленныхъ Греческими царями въ промежутокъ времени отъ исхода Израиля изъ Египта до смерти Іисуса Навина.

Въ теченіи этого времени, т. е. отъ исхода Израиля изъ Египта до смерти Іисуса Навина, чрезъ котораго этотъ народъ получилъ обѣтованную землю, Греческими царями установлены были ложнымъ богамъ культы, которые въ торжественныхъ празднествахъ воспроизводили воспоминаніе о потопѣ, объ освобожденіи отъ него людей и о тогдашней бѣдственной жизни ихъ, какъ они то поднимались на возвышенности, то спускались на равнины. Ибо и восхожденіе и нисхожденіе по священной дорогѣ Луперковъ толкуются въ томъ смыслѣ, будто подъ ними разумѣются люди, которые, по причинѣ наводненія, взбирались на вершины горъ, а когда вода убывала, спускались внизъ. Въ тѣ же времена, говорятъ, Діонисій, называемый также Либеромъ-отцемъ и по смерти причисленный къ богамъ, показалъ въ Аттікѣ своему

гостю виноградную лозу. Тогда же установлены музыкальныя игры въ честь Аполлона Дельфійскаго, чтобы умилостивить гнѣвъ его, вслѣдствіе котораго, думали, Греція поражена была бесплодіемъ за то, что не защитила его храма, сожженнаго царемъ Данаемъ, когда онъ опустошалъ Грецію войною. Установить эти игры надумилъ его же оравулъ. Въ Аттікѣ эти игры Аполлону первый установилъ царь Эрехоній,—и не ему только, но и Минервѣ, на играхъ въ честь которой въ награду побѣдителю давалась маслина, потому что открытіе ея плода приписывается Минервѣ также, какъ Либеру открытіе вина. Въ эти же годы, какъ рассказываютъ, царь Критянь Ксанъ, котораго другіе писатели называютъ другимъ именемъ, похитилъ Европу; отъ нихъ родились Радаманъ, Сарпедонъ и Миносъ, которыхъ наиболѣе распространенное мнѣніе считаетъ сыновьями Юпитера отъ этой женщины. Но читатели такихъ боговъ историческою истиной считаютъ только то, что мы сказали о царѣ Критянь; а что рассказываютъ о Юпитерѣ поэты, чему аплодируютъ театры, что празднуютъ народы, то считаютъ баснословнымъ вымысломъ, чтобы имѣть поводъ къ установленію игръ для умилостивленія божествъ хотя бы и ложными ихъ преступленіями. Въ это же время въ Тиріи пользовался извѣстностію Геркулесъ,—не тотъ, о которомъ упоминали мы выше, а другой: въ исторіи, которая сохраняется въ тайнѣ, говорится какъ о многихъ Либерахъ-отцахъ, такъ и многихъ Геркулесахъ. Этого-то именно Геркулесъ, которому приписываютъ двѣнадцать великихъ дѣлъ, но между коими не упоминаютъ убійства Африканца Антея, такъ какъ оно относится къ другому Геркулесу, сжегъ, какъ рассказываютъ они въ своихъ сочиненіяхъ, самъ себя на горѣ Этъ съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ побѣждалъ онъ чудовищъ, но съ какииъ не могъ вытерпѣть болѣзни, которая обезсиллвала его. Съ это-же время царь, или сворѣе тиранъ

Вузирисъ, приносилъ своихъ гостей въ жертву богамъ своимъ. О немъ разсказываютъ, что онъ былъ сыномъ Нептуна отъ матери Ливіи, дочери Эиафа. Чтобы Нептунъ совершилъ это прелюбодѣяніе, конечно, считается невѣрнымъ, изъ опасенія завести преступленіе на боговъ; а приписывается это поэтамъ и театрамъ, чтобы было чѣмъ умилоствлять боговъ. Говорятъ также, что родителями Аѳинскаго царя Эрихеонія, въ послѣдніе годы котораго умеръ Иисусъ Навинъ, были Вулканъ и Минерва. Но такъ какъ Минерву выдаютъ за дѣвственницу, то говорятъ, что Вулканъ при взаимномъ между ними спорѣ, возбужденный страстію излилъ сѣмя въ землю; отсюда рожденному отъ этого сѣмени человѣку и дано такое имя. Ибо греческое слово *ἐρις* означаетъ споръ, а *χθών* — землю; изъ этихъ двухъ словъ и сложилось имя Эрихеоній. Нужно признаться, впрочемъ, что болѣе ученые подобныя вещи отвергаютъ и не допускаютъ ихъ въ отношеніи къ своимъ богамъ; по ихъ словамъ, баснословное это мнѣніе произошло отъ того, что въ храмѣ Вулкана и Минервы, который въ Аѳинахъ былъ одинъ для нихъ обоихъ, найденъ былъ подкидышъ — мальчикъ, обвитый дракономъ, предсказавшимъ ему великое будущее: такъ какъ родители этого мальчика были неизвѣстны, то, ради общаго храма, его назвали сыномъ Вулкана и Минервы. Выше приведенная басня, однако, лучше чѣмъ эта исторія, объясняетъ происхожденіе имени Эрихеоній. Но намъ, впрочемъ, что до этого? Пусть одно изъ этихъ сказаній, какъ предметъ правдивыхъ сочиненій, назидаетъ людей религіозныхъ, а другое, какъ сюжетъ живыхъ игръ, услаждаетъ вѣщивыхъ демоновъ; но вѣдь эти религіозные люди чтутъ ихъ, какъ боговъ; и потому хотя не допускаютъ въ отношеніи къ нимъ подобныхъ вещей, не могутъ очистить ихъ отъ всякаго преступленія: такъ какъ по ихъ же требованію даютъ имъ игры, въ которыхъ постыдно представляются вещи, явобы благоразумно отрицаемыя,

и боги этими ложными и гнусными играми умилоствивляются. Пусть въ этихъ играхъ басня воспѣваетъ преступленіе несомнѣнно ложное; но услаждаться ложнымъ преступленіемъ есть уже преступленіе истинное.

ГЛАВА. XIII.

Какія басни измышлены въ то время, когда Евреями начали управлять Судии?

По смерти Иисуса Навина, народъ Божій имѣлъ Судей, во время которыхъ для Евреевъ попеременно чередуются то уничтоженныя состоянія бѣдствій за ихъ грѣхи, то состоянія утѣшительнаго благоденствія по милосердію Божию. Въ это время измышлены басни: о Триптолемѣ, якобы онъ по повелѣнію Церкви крылатыми змѣями, летая снабжалъ нуждающіяся страны пшеницею; о Минотаврѣ, якобы это животное заключено было въ Лабиринтъ, изъ котораго, вошедшіе въ него люди, блуждая безъ конца, не могла выдти; о Центаврахъ, якобы они имѣли въ одно и тоже время природу коней и людей; о Церберѣ, будто это треглавый песь преисподней; о Фриксѣ и сестрѣ его Геллѣ, якобы они бѣжали, везомые бараномъ; о Горгонѣ, у которой якобы вмѣсто волосъ были змѣи, и она обращала въ камни смотрѣвшихъ на нее; о Беллерофонтѣ, будто его возилъ крылатый конь, названный Пегасомъ; о Амфіонѣ, будто пріятными звуками цитры онъ смягчалъ и привлекалъ къ себѣ камни; о мастеровомъ Дедалѣ и его сынѣ Икарѣ, будто они летали, устройвъ себѣ крылья; о Эдипѣ, будто онъ заставилъ нѣкое четвероногое съ человѣческимъ лицомъ чудовище, называвшееся Сфинксомъ, погибнуть отъ паденія съ крутизны, послѣ того какъ разрѣшилъ ему загадку, которую оно имѣло обыкновеніе задавать, какъ неразрѣшимую, — объ Антеѣ, котораго убилъ Геркулесъ; будто онъ былъ сыномъ Земли, потому что, падая на землю, поднимался обык-

новенно съ большими силами; и многія другія, о которыхъ я умалчиваю. Всѣ эти басни до самой Троянской войны, которую Маркъ Варронъ заканчиваетъ вторую книгу о племени народа римскаго, изобрѣтательность людская по поводу исторій, содержащихъ въ себѣ истинныя дѣянія, измышляла такъ, что онѣ не служили въ укоризну богамъ. Но затѣмъ нѣкоторые сочинили о Юпитерѣ, будто онъ похитилъ красивѣйшаго мальчика Ганимеда для удовлетворенія своей гнусной страсти: мерзость эту учинилъ царь Тавталъ, а басня приписала Юпитеру,—или будто Юпитеръ въ видѣ золотого дождя явился для соитія съ Данаей, чѣмъ дается понять, что женское цѣломудріе было подкуплено золотомъ. Случилось ли это въ то время на самомъ дѣлѣ, или было вымышлено, или же сдѣлано другими, а приписано Юпитеру,—во всякомъ случаѣ нельзя и выразить словами, сколько зла предполагалось въ человѣческомъ сердцѣ, чтобы оно не только могло терпѣливо переносить подобную ложь, но даже охотно ей вѣрило; между тѣмъ какъ чѣмъ съ большимъ кто благочестіемъ чтитъ Юпитера, тѣмъ съ большею строгостію должны были бы наказывать тѣхъ, кто осмѣливался говорить о немъ такое. На дѣлѣ же они не только не гнѣвались на сочинявшихъ подобныя вымыслы, а напротивъ боялись даже, чтобы сами боги на нихъ не разгнѣвались, если подобныя вымыслы о нихъ не будутъ разыгрываться даже въ театрахъ. Въ эти времена Латона родила Аполлона,—не того Аполлона, къ оракуламъ котораго обращались обыкновенно за совѣтомъ, какъ упомянуто нами выше, а того, о которомъ говорятъ, что онъ вмѣстѣ съ Геркулесомъ пасъ стада царя Адмета, но котораго также считаютъ богомъ, такъ что весьма многіе, и даже почти всѣ, полагаютъ, что это—одинъ и тотъ же Аполлонъ. Тогда же воевалъ въ Индіи и Либеръ-отецъ, который въ своемъ войсѣ имѣлъ многіхъ женщинъ, называвшихся вакханками, знаменитыхъ не столько муже-

ствомъ, сколько неистовствомъ. Нѣкоторые пишутъ, что этотъ Либеръ былъ побѣжденъ и заключенъ въ оковы, а нѣкоторые—что онъ и убитъ въ сраженіи Персеемъ, и не умалчиваютъ о мѣстѣ его погребенія; тѣмъ не менѣе въ имя его, какъ бы бога, нечистыми демонами учрежденъ былъ культъ, или лучше—святотатство вакханалій, неистовая мерзость которыхъ, спустя уже много лѣтъ послѣ, привела сенатъ въ такой стыдъ, что онъ запретилъ совершать ихъ въ Римѣ. Въ это же время, когда умерли Персей и его жена Авроромеда, ихъ съ такою увѣренностію считали взятыми на небо, что не стыдились и не боялись указывать ихъ изображенія между созвѣздіями и называть послѣднія ихъ именами.

ГЛАВА XIV.

О поэтахъ-теологахъ.

Въ тотъ же періодъ времени существовали поэты, которыхъ называютъ теологами за то, что они писали стихи о богахъ,—но о богахъ такихъ, которые были хотя великими людьми, но все же людьми, или были стихіями этого, сотвореннаго истиннымъ Богомъ, міра, или же по волѣ Творца и за свои заслуги облечены были начальствованіемъ и властію; и если рядомъ со многими пустыми и ложными измышленіями они сказали нѣчто о единомъ истинномъ Богѣ, то, почитая вмѣстѣ съ Нимъ другихъ, которые не суть боги, и требуя имъ служенія, приличествующаго только одному Богу,—во всякомъ случаѣ Ему правильно не служили и не могли даже сами отстать отъ баснословной гнусности своихъ боговъ. Это были Орфей, Музей и Ливъ. Но эти теологи боговъ чтити, а сами къ богамъ не причислены; хотя Орфея градъ нечестивыхъ, не знаю какимъ-то образомъ, ставитъ во главѣ подземнаго культа или вѣрнѣе—святотатства. Жена же царя Агаманта, по имени Ино, и сынъ его,

Мелицерть, погибли, бросившись добровольно въ море, и людское мнѣніе причислило ихъ къ богамъ, какъ и другихъ современныхъ имъ людей, Кастора и Поллукса. Не подлежитъ сомнѣнію, что эту мать Мелицера Греки называли Левкотеєю, а Латины Матутей; и тѣ и другіе считали ее однакоже богиней.

ГЛАВА XV.

О паденіи Аргосскаго царства, во время котораго Пизъ, сынъ Сатурна, первый принялъ отцовское царство у Лаврентянъ.

Въ это время Аргосское царство окончило свое существованіе, перешедши въ Мивены, откуда былъ родомъ Агамемнонь; и возникло царство Лаврентянъ, въ которомъ первымъ царемъ былъ Пизъ, сынъ Сатурна. У Евреевъ тогда судією была женщина Деворра. Черезъ нее дѣйствовалъ Духъ Божій, ибо она была и пророчицей; хотя пророчество ея не настолькоъ ясно, чтобы мы могли показать отношеніе его ко Христу безъ пространнаго толкованія. Въ то время уже несомнѣнно царствовали въ Италіи Лаврентяне, отъ которыхъ, послѣ Грековъ, яснѣе выводится происхожденіе Римлянъ. Продолжало еще существовать впрочемъ и Ассирійское царство, въ которомъ двадцать третьимъ царемъ былъ Лампаръ, когда первымъ царемъ Лаврентянъ сдѣлался Пизъ. Намъ не касается, что думаютъ объ отцѣ его, Сатурнѣ, чтители боговъ тѣхъ, не допускающіе мысли, что онъ былъ человекомъ; другіе писали о немъ также, будто онъ царствовалъ въ Италіи прежде сына своего, Пиза, и Виргилій въ извѣстнѣйшемъ сочиненіи своемъ говоритъ о немъ:

*Онъ родъ дикій и разстанный по высокимъ горамъ
Соединилъ, далъ законы ему и назвалъ Лациумомъ:*

*Потому что онъ безопасно въ тѣхъ странахъ укрывался.
Утверждаютъ, что были въка золотые при царь томъ¹⁾.*

Все это считается поэтическимъ вымысломъ. Вѣрнѣе же утверждаютъ, что отцемъ Пива былъ Стерцей, которому, какъ весьма опытному земледѣльцу, принадлежить, говорятъ, мысль удобрять землю скотскимъ навозомъ, названнымъ отъ имени его *stercus*; по словамъ же нѣкоторыхъ, его звали Стервуциемъ. По какой бы, затѣмъ, причинѣ ни названъ былъ онъ Сатурномъ, несомнѣнно однако, что этого Стерцея или Стервуція за заслуги его сдѣлали богомъ земледѣлія. Подобнымъ же образомъ приняли въ число такихъ боговъ и сына его Пива, который, говорятъ, былъ превосходнымъ авгуромъ и военачальникомъ. Отъ Пива родился Фавнъ, второй царь Лаврентянъ; и этотъ считается, или считался у нихъ богомъ. Такія божественныя почести воздавались умершимъ людямъ до Троянской войны.

ГЛАВА XVI.

О Диомедъ, который послѣ разрушенія Трои былъ численъ къ богамъ и спутники котораго, говорятъ, превращены были въ птицъ.

По разрушеніи Трои,—этою, всюду воснѣтомъ и даже дѣтямъ весьма хорошо знаемомъ, разрушеніи, которое и по величости своей и благодаря превосходнымъ сочиненіямъ писателей чрезвычайно извѣстно и славно, и совершилось въ царствованіе сына Фавна, Латина, отъ котораго получило свое названіе царство Латинъ, между тѣмъ какъ царство Лаврентянъ прекратило свое существованіе,—побѣдители Греки, оставивъ разрушенную Трою и возвращаясь по домамъ, страдали и погибали отъ различныхъ и ужасныхъ

¹⁾ Virg. Aeneid. lib. VIII. v. 321—325.

бѣдствій; тѣмъ не менѣе и изъ нихъ пополнилось число боговъ ихъ. Такъ богомъ сдѣлали Диомеда, который, говоря, въ наказаніе, свыше ниспосланное, не возвратился къ своимъ, а спутники его, какъ выдаютъ они это уже не за баснословную и поэтическую ложь, а за историческую истину, превращены были въ птицъ, которымъ онъ, даже и сдѣлавшись, какъ думаютъ, богомъ, ни самъ не могъ возвратить человѣческой природы, ни какъ недавній небожитель не испросилъ ее отъ царя своего Юпитера. Говорятъ, что существуетъ даже и храмъ его на Диомедовомъ островѣ, не далеко отъ горы Горгана въ Апуліи, и тѣ пернатые летаютъ вокругъ этого храма, живутъ тамъ и выказываютъ такую удивительную услужливость, что набираютъ въ носъ воду и производятъ орошеніе; и если туда приходятъ Греки или нибѣющіе происхожденіе отъ Грековъ, то онѣ не только бываютъ спокойны, но и ласкаются къ нимъ; а если видятъ чужестранцевъ, то взлетаютъ имъ на головы и наносятъ такіе тяжкіе удары, что даже убиваютъ. Для подобной войны онѣ, говорятъ, вооружены достаточно вѣрными и величпмъ клювомъ.

ГЛАВА XVII.

Что думалъ Варронъ о невѣроятныхъ превращеніяхъ людей.

Для подтвержденія этого Варронъ рассказываетъ другія не менѣе невѣроятныя вещи о знаменитой волшебницѣ Цирцѣ, которая превратила въ животныхъ и спутниковъ Улисса, и объ Аркадахъ, которые, влекомые рокомъ, переплывали въкое озеро, превращались тамъ въ волковъ и жили вмѣстѣ съ подобными же звѣрями въ пустыняхъ той страны. Если они потомъ не ѣли человѣческаго мяса, то чрезъ девять лѣтъ, переплывши обратно то же озеро, снова превра-

щались въ людей. Варронъ называетъ даже по имени вѣкоаго Деменета, который будто бы, отвѣдавъ жертвы, которую Аркадцы приносили обыкновенно своему богу Ликею, закалывая мальчика, превратился въ волка, и принявши снова на десятомъ году человѣческой образъ, упражняясь въ кулачномъ бою и остался побѣдителемъ на олимпійскомъ состязаніи. Историкъ полагаетъ, что въ Аркадіи Пану-Ликею и Юпитеру-Ликею выдуманно такое имя не почему либо другому, какъ по причинѣ такого превращенія людей въ волковъ, которое, думали они, могло, совершаться только божественною силою. Ибо волкъ по-гречески называется Λύκος: видоизмѣненіемъ этого слова и является имя Ликея. Варронъ говоритъ, что и римскіе Луперки произошли какъ бы отъ сѣмени этихъ мистерій.

ГЛАВА XVIII.

Что нужно думать о превращеніяхъ, которыя совершались съ людьми видимо искусствомъ демонскимъ.

Читающіе это быть можетъ ожидаютъ, что скажемъ мы объ этомъ крайнемъ издѣвательствѣ демоновъ? А что намъ сказать, кромѣ того, что нужно бѣжать изъ среды Вавилова? Эта пророческая заповѣдь (Ис. XLVIII, 20) имѣетъ тотъ духовный смыслъ, что мы изъ града сего вѣка, который есть общество нечестивѣйшихъ и людей и ангеловъ, стопами вѣры, любовію споспѣшествуемой, должны чрезъ преусиліяніе находить убѣжище въ живомъ Богѣ. Ибо чѣмъ большую мы видимъ власть демоновъ въ этой низменности, тѣмъ крѣпче должны прилѣпляться къ Ходатаю, при помощи котораго изъ низменности мы восходимъ къ высочайшему. Вѣдь если бы мы сказали, что этому не слѣдуетъ вѣрить, то еще нашлись бы и теперь люди, которые стали бы увѣрять, что они вѣчто подобное или самымъ достовѣрнымъ

образомъ слышали, или даже испытали сами. Ибо и мы, бывши въ Италіи, слышали подобное объ одной мѣстности этой страны, гдѣ, говорили намъ, женщины, содержащія постоянные дворы и обладающія такими свѣрными искусствами, даютъ обыкновенно, какимъ хотятъ или могутъ, путешественникамъ въ сырѣ нѣчто такое, отъ чего эти мгновенно превращаются въ вьючныхъ животныхъ и таскаютъ на себѣ какинъ-нибудь нужныя тяжести, и затѣмъ, по окончаніи работы, снова принимаютъ прежній свой видъ. При этомъ ихъ смыслъ не дѣлается животнымъ, а остается разумнымъ и человѣческимъ, подобно тому, какъ Апулей въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Золотой осель“, рассказываетъ о себѣ дѣйствительный или вымышленный случай, будто онъ, принявши ядъ, сдѣлался осломъ, сохраняя человѣческую душу.

Все это или ложно, или до такой степени необыкновенно, что по справедливости не заслуживаетъ довѣрія. Однако нужно вѣрить самымъ твердымъ образомъ, что всемогущій Богъ можетъ сдѣлать въ наказаніе ли, или для сдерживанія, все, что захочетъ, а демоны, по могуществу своей природы (ибо она—тварь ангельская, хотя по своей собственной вивѣ и злая), могутъ дѣлать только то, что попускаетъ Онъ, совѣтовъ котораго тайныхъ много, а несправедливаго ни одного. Но если демоны и дѣлаютъ нѣчто такое, о чемъ идетъ у насъ рѣчь, то конечно не новыя творятъ природы, а измѣняютъ по виду тѣ, которыя сотворены истиннымъ Богомъ: такъ что онѣ кажутся не тѣмъ, что онѣ на самомъ дѣлѣ. Итакъ я полагаю бы, что не только душу, но и тѣло демоны ни коимъ образомъ не могутъ своимъ искусствомъ или властію превратить въ дѣйствительные члены и формы животныхъ: но образы человѣческой фантазіи, которые и въ мышленіи и въ сновидѣніяхъ принимаютъ видъ безчисленнаго множества различныхъ вещей и хотя не суть тѣла, однако

съ удивительною скоростію принимаютъ тѣлесныя формы, когда тѣлесныя чувства бываютъ усыплены или притуплены, могутъ какимъ-то непонятнымъ образомъ принимать для чувствъ другихъ тѣлесныя образы; такъ что самыя тѣла людей находятся въ другомъ мѣстѣ, оставаясь, правда, живыми, но въ состояніи усыпленія чувствъ гораздо болѣе тяжеломъ и глубокомъ, чѣмъ во время сна, а известный фантастическій образъ является чувству другихъ какъ бы воплощенный въ форму какого нибудь животнаго; да и самому человѣку, какъ это случается съ нимъ въ сновидѣніяхъ, кажется, что онъ таковъ и переноситъ тяжести; при чемъ, если эти тяжести суть тѣла истинныя, то ихъ переносятъ демоны въ насмѣшку надъ людьми, видящими въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, истинныя тѣла тяжестей, съ другой—ложныя тѣла вьючныхъ животныхъ. Табъ, нѣкто, по имени Престанцій, рассказывалъ о такомъ случаѣ съ отцемъ его: тотъ привялъ въ сырѣ у себя дома ядъ и лежалъ въ своей постели какъ бы спящій, но табъ, что его никоимъ образомъ не могли разбудить. Черезъ нѣсколько дней онъ какъ бы проснулся, и рассказалъ будто бы снявшіеся ему тяжелые сны, именно — будто онъ былъ ломовою лошадыю и въ числѣ другихъ вьючныхъ животныхъ вознагъ солдатскій фуражъ, называемый Ретійскимъ, потому что онъ перевозился въ Ретію. Оказалось впоследствии, что такъ и было въ дѣйствительности, какъ онъ рассказывалъ; хотя ему все это представлялось его же сновидѣніемъ. Другой рассказывалъ, что онъ ночью у себя дома, прежде чѣмъ лечь въ постель, видѣлъ, будто пришелъ къ нему одинъ, очень знакомый ему, философъ и объяснилъ ему нѣчто изъ философіи Платона, чего прежде, когда онъ о томъ просилъ его, не хотѣлъ объяснить. И когда онъ спрашивалъ послѣ фило-

софа, почему тотъ въ его домѣ сдѣлалъ то, что отказывался сдѣлать у себя дома, когда его просили о томъ, отвѣчалъ: »Я этого не дѣлалъ, но мнѣ грезилось во снѣ, что я это сдѣлалъ«... И въ этомъ случаѣ въ фантастическомъ образѣ представилось бодрствующему то, что другой видѣлъ во снѣ.

Объ этихъ вещахъ мы слышали не отъ кого-нибудь, кому повѣрить считали бы дѣломъ недостойнымъ, но отъ такихъ рассказчиковъ, которые, по нашему мнѣнію, не были лжецами. Мнѣ кажется, что и то, что рассказываютъ люди и что занесено въ книги, будто аркадскіе боги, или вѣрнѣе—демоны, превращали людей въ волковъ, и будто Цирцея своими заклятіями превратила спутниковъ Улисса, могло произойти такъ, какъ объяснилъ я,—если только, оно дѣйствительно было. Что же касается Діомедовыхъ птицъ, то онѣ, въ виду того, что родъ ихъ, какъ утверждаютъ, продолжается преимущественнымъ выводомъ дѣтей, по моему мнѣнію, были не превращены изъ людей, а поставлены на мѣсто похищенныхъ, какъ была поставлена лань на мѣсто Ифигеніи, дочери Агамемнона. Ибо демонамъ, когда по суду Божію попускалось это ямъ, не могли быть трудны и этого рода обманы чувствъ.—Но такъ какъ Ифигенія впоследствии найдена была живою, то само-собою уяснилось, что лань была поставлена на ея мѣсто. Спутники же Діомеда ни въ тоже самое время нигдѣ не появились, ни впоследствии не были замѣчены въ какомъ-либо мѣстѣ, будучи истреблены мстительностію злыхъ ангеловъ; отъ того и возникло вѣрованіе, будто они превращены въ тѣхъ птицъ, которыя тайно были переведены въ эти мѣста изъ другихъ странъ, гдѣ такой родъ птицъ водится, и внезапно поставлены на ихъ мѣсто. А что онѣ приносятъ своими носами

въ храмъ Діомеда воду и производять орошенія, и что ласкаются къ Грекамъ и нападаютъ на чужестранцевъ,—можно не удивляться, что это дѣлается по наущенію демоновъ; для нихъ важно убѣдить, что Діомедъ сдѣлался богомъ, чтобы одурачить людей, заставивъ ихъ чтить многихъ ложныхъ боговъ, въ обиду истинному Богу, и умершимъ людямъ, которые и при жизни не жили истинною жизнію, служить храмами, алтарями, жертвами и священствами: что все, если совершается надлежащимъ образомъ, причисляется—только одному живому и истинному Богу.

ГЛАВА XIX.

О томъ, что Эней прибылъ въ Италію въ то время, когда у Евреевъ начальствовалъ судія Лабдонъ.

Въ это время, по взятіи и разрушеніи Трои, съ двадцатью кораблями, на которыхъ плыли остатки Троянцевъ, прибылъ въ Италію Эней, когда тамъ царствовалъ Латинъ, а у Аѳинянъ Менесей, у Сикіонянъ Полифидъ, у Ассирійцевъ Тавтанъ; у Евреевъ же былъ тогда судією Лабдонъ. По смерти Латина, Эней царствовалъ три года, когда въ вышеупомянутыхъ странахъ оставались тѣ же цари, за исключеніемъ Сикіонянъ, у которыхъ царемъ былъ уже Пелазгъ, и Евреевъ, судією которыхъ былъ Самсонъ; послѣдній, поелику обладалъ удивительною силою, былъ сочтенъ за Геркулеса. Такъ какъ Эней, когда онъ умеръ, нигдѣ не нашли, то Латинъ сдѣлалъ его своимъ богомъ. Точно также и Сабиняне перваго царя своего Санкта, или какъ въ некоторые называютъ его—Санкта, причислили къ богамъ. Въ то-же время Аѳинскій царь Кодръ, подъ видомъ неизвѣстнаго человека, отдалъ себя на убіеніе Пелопонезцамъ, врагамъ Аѳи-

нянъ, и былъ убитъ. Разсказываютъ, что онъ этимъ спасъ отечество. Ибо Пелопонезцы-де получили отъ оракула отвѣтъ, что они побѣдятъ въ такомъ лишь случаѣ, если не убьютъ царя Аеннианъ. И вотъ онъ обманулъ ихъ, явившись въ одеждѣ бѣдняка, и ссорою вызвалъ ихъ на убійство его. Отсюда у Виргилія выраженіе:

....*Или Кодровы ссоры* ¹⁾).

И Бодра Аенниане почтили жертвоприношеніями какъ бога. При четвертомъ царѣ Латинянъ Сильвіѣ, сынѣ Энея (не отъ Крексы, отъ которой былъ Асканій, третій царь Латинянъ, а отъ Лавиніи, дочери Латина), который, говорятъ, родился уже послѣ смерти отца, при двадцать девятомъ царѣ Ассирійскомъ Онеѣ, шестнадцатомъ Аеннскомъ Мелантѣ и при судіѣ Еврейскомъ Илиѣ первосвященникѣ, погибло царство Сиционянъ, которое, по преданіямъ, существовало впродолженіи девяти сотъ пятидесяти девяти лѣтъ.

ГЛАВА XX.

О преемствѣ царскаго сана у Израильтянъ послѣ временъ Судей.

Въ царствованіе по означеннымъ мѣстамъ упомянутыхъ лицъ, вслѣдъ за окончаніемъ временъ Судей, началось съ царя Саула царство израильское: тогда жилъ пророкъ Самуилъ. Съ того же времени начался рядъ царей Латинскихъ, которыхъ прозывали Сильвіями; ибо отъ Энеева сына, который первый назывался Сильвіемъ, преемникамъ его давались и собственные имена, и это прозваніе, подобно тому, какъ

¹⁾ Virg. Eclog. V. v. 11.

впослѣдствіи Цезарями прозывалъ тѣхъ, которые преемствовали Цезарю Августу. Когда же Саулъ былъ отвергнутъ, такъ что не долженъ былъ царствовать никто изъ его рода, и когда онъ умеръ, ему преемствовалъ по царству Давидъ, чрезъ сорокъ лѣтъ по воцареніи Саула. Въ это время Афиняне, послѣ смерти Кодра, перестали имѣть царей, а стали имѣть для управленія государствомъ гражданскихъ сановниковъ: Послѣ Давида, который царствовалъ тоже сорокъ лѣтъ, царемъ Израильтянъ былъ сынъ его Соломонъ, построившій Богу знаменитѣйшій Іерусалимскій храмъ. Въ его время у Латинъ построена Альба, отъ которой цари, хотя царствовали въ томъ же Лаціумѣ, стали называться не Латинскими, а Албанскими. Преемникомъ Соломона былъ сынъ его Ровамъ, при которомъ народъ Еврейскій раздѣлился на два царства, и каждая часть стала имѣть своихъ особыхъ царей.

ГЛАВА XXI.

О царяхъ Лаціума, изъ которыхъ первый Эней и двѣнадцатый Авентинъ причислены къ богамъ.

Послѣ Энея, который признанъ былъ богомъ, Лаціумъ имѣлъ одиннадцать царей, изъ которыхъ ни одинъ не сдѣланъ былъ богомъ. Но затѣмъ Авентинъ, бывшій послѣ Энея двѣнадцатымъ царемъ, когда былъ убитъ на войнѣ и похороненъ на той горѣ, которая и въ настоящее еще время называется его именемъ, былъ причисленъ къ такимъ богамъ, какихъ они себѣ дѣлали.

ТРУДЫ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ.

1884.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КИЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. соб. д.

1884.

Печатать дозволяется. 8 января 1884 г.

Кіевской духовной Академіи
заслуженный профессор *В. Пьеницкій.*

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

НО

ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

(Продолженіе ¹).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О БОГѢ-ПРОМЫСЛИТЕЛѢ МІРА.

§ 49.

Теперь мы переходимъ къ ученію о томъ никогда не прекращающемся и непрерывно продолжающемся дѣйствіи Божіемъ въ отношеніи къ созданному міру, которое направляется къ его сохраненію, а также къ достиженію предназначенной ему цѣли, и которое обыкновенно носитъ названіе промысла Божія о мірѣ. Слѣдуя же принятому нами плану, мы сперва изложимъ общее ученіе о промыслѣ Божіемъ въ мірѣ, а послѣ ученіе частное о Богѣ-промыслителѣ міра чистыхъ духовъ, и рода человѣческаго.

¹) Рядъ чтеній по догматическому богословію, печатаемыхъ въ Грѣдахъ Академіи съ мая 1877 года, представляетъ полное изложеніе системы этой важнѣйшей изъ наукъ богословскихъ. До сихъ поръ напечатано введеніе въ догматическое богословіе (1-й томъ) и первая часть науки о Богѣ въ самомъ себѣ, единомъ въ существѣ и тринномъ въ лицахъ (2-й томъ). Вторая часть науки говоритъ о Богѣ, въ Его отношеніи къ міру. Первое отдѣленіе ея содержитъ ученіе о Богѣ-Творцѣ міра, а настоящее второе отдѣленіе представляетъ ученіе о Богѣ-Промыслителѣ міра, (что совремемъ составить содержаніе 3-го тома).

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ.**О БОГѢ - ПРОМЫСЛИТЕЛѢ МИРА ВООБЩЕ.**

§ 50.

Учение откровенное.

Какъ же учить откровеніе о промышленности Божиѣмъ въ мірѣ? По его изображенію, Богъ, создавши міръ, не сталъ вдали отъ него, какъ чего-то чуждаго или враждебнаго Себѣ, предоставивъ его себѣ самому, а напротивъ никогда и ни на одво мгновение не прерывалъ Онъ и не прерываетъ Своихъ самыхъ близкихъ, живыхъ и дѣятельныхъ отношеній къ нему, какъ къ Своему родственному созданію, всегда нуждающемуся въ Его всесохраняющей и всѣмъ правящей промыслительной дѣятельности. Онъ небо и землю наполняетъ (Иерем. 23, 24), небо—престолъ Его, земля же подножіе ногъ Его (Матѣ. 5, 34. 35). Пребывая же вездѣ, а также зная все подъ счетомъ (Ис. 40, 26. Матѣ. 10, 30), вѣсомъ и мѣрою (Іов. 28, 25), Онъ не остается однимъ безразличнымъ и безучастнымъ зрителемъ всего того, что есть и происходитъ въ мірѣ, а напротивъ здѣсь всегда Онъ является тѣмъ, чѣмъ есть отецъ въ своемъ домѣ (Матѣ. 5, 5; 6, 26. 32), или верховный владыка и царь въ своемъ царствѣ (1 Пар. 29, 11. 12; Пс. 102, 19). Ибо „кто кромѣ Его промышляетъ о землѣ, и кто управляетъ всею вселенною“ (Іов. 34, 13)? отъ начала міра донынѣ Онъ никогда не прекращаетъ въ немъ своей дѣятельности (Іоанн. 5, 17). Имъ все стоитъ (Колос. 1, 17), Онъ все держитъ словомъ силы Своей (Евр. 1, 3), въ Его рукѣ душа всего живущаго (Іов. 12, 10), и у Него ничто не выбываетъ (Ис. 40, 26). Зная, что еслибы сокрыто было Имъ лицо Его, то все пришло бы въ сматевіе (Пс. 103, 29), и еслибы Имъ было обращено Его сердце къ Себѣ, то вдругъ погибла бы всякая плоть (Іов. 34, 14. 15), Онъ не закрылъ совершенно

отъ тварей лица Своего, и не отнимаетъ у нихъ Своего зиждительнаго духа, посылая его для обновленія лица земли (Пс. 103, 30), оживляя Имъ все (Неем. 9, 6), и всему дая жизнь, и дыханіе, и все (Дѣян. 17, 25). Отъ Него зависятъ законы бытія, движенія и жизни: *о Немъ бо живемъ, и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28). Имъ назначаются мѣста и времена для жительства твари (Дѣян. 17, 26; Пс. 103, 8. 9), а также подается все нужное для ихъ существованія и жизни. Покрывая небо облаками, Онъ приготовляетъ для земли дождь, произращаетъ на горахъ траву (и злакъ на пользу чловѣку), даетъ скоту его пищу, и итенцамъ ворона, взывающимъ къ Нему (Пс. 146, 8. 9; 64, 10—14; 103, 13. 14; Дѣян. 14, 17). Потому-то очи всѣхъ уповаютъ на Него, и Онъ даетъ имъ пищу ихъ въ свое время, открываетъ руку Свою и насыщаетъ все живущее по благоволенію (Пс. 144, 15. 16).

Если же Богъ такъ печется о мірѣ, что ничего не оставляетъ безъ Своей промыслительной заботы¹⁾, даже и полевыхъ злій, Имъ Самымъ одѣваемыхъ, и птицъ небесныхъ, безъ Его воли не падающихъ (Матѣ. 6, 29. 30; 10, 29. 30), то тѣмъ болѣе Онъ печется о чловѣкѣ, составляющемъ предметъ Его особеннѣйшей отеческой заботливости. Самый его зародышъ Своими очами видитъ Богъ, и въ книгѣ Своей опредѣляетъ всѣ дни существованія его на землѣ (Пс. 138, 16). Изводя изъ чрева матери, Онъ вселяетъ въ него упованіе у груди матерней (Пс. 21. 10), и во всю его жизнь, какъ отецъ, всѣ заботы о немъ принимаетъ на Самаго Себя (1 Петр. 5, 7) и до того простираетъ Свою попечительность о немъ, что безъ Его воли и волосъ съ головы его не падаетъ (Матѣ. 10, 30). Будучи близокъ къ каж-

¹⁾ Эту мысль о всеобщности промисла Божія Премудрый весьма характерно выражаетъ въ слѣдующемъ обращеніи къ Богу: „Ты любишь все существующее и ничѣмъ не гнушаешься, что сотворилъ; ибо не создалъ бы, если бы что ненавидѣлъ. И какъ могло бы пребывать что либо, если бы Ты не вохотѣлъ? Или какъ бы сохранилось то, что не было призвано Тобою“ (Пречл. 11, 25. 26)?

дому (Дѣян. 17, 27), и вѣдан помышленія каждаго (Пс. 138, 2), чувствованія (Пс. 7, 10), и даже вздохи (Пс. 77, 11), Онъ подаетъ потребное всѣмъ, прежде чѣмъ у Него попросить о томъ (Матѣ. 6, 32), а также приклоняетъ ухо Свое къ молитвѣ просящаго (Пс. 85, 1: 17, 7) и исполняетъ просимое имъ (Пс. 19, 2—5; Матѣ. 7, 11), если только оно проистекаетъ изъ искренней и живой вѣры (Матѣ. 17, 20), и согласно бываетъ съ волею (Матѣ. 6, 10) и славю Божію (Іоанн. 14, 13), а также съ собственнымъ благомъ просящаго, заключающимся въ достиженіи царствія Божія, котораго, повтому, и нужно искать прежде всего другого (Матѣ. 6, 33). Къ этой высокой цѣли направляетъ Господь и всю судьбу чловѣка, до безконечности разнообразія и согласуя ее то съ нравственными потребностями чловѣка, то съ требованіями своей милости и правды (Пс. 24, 10; 88, 15; Пс. 28, 17). Онъ „направляетъ шаги чловѣка, не знающаго своего пути (Притч. 20, 24), дѣлаетъ его нищимъ и обогащаетъ, унижаетъ и возвышаетъ (1 Цар. 2, 7), причиняетъ раны, и Самъ обвязываетъ ихъ, поражаетъ и Его же руки врачуютъ (Іов. 5, 18). Любя праведныхъ (Пс. 145, 8), и ненавидя всѣхъ дѣлающихъ беззаконіе (Пс. 5, 6), Онъ хранитъ первыхъ, какъ звѣзду ока (Пс. 16, 8; 36, 24; 33, 16; 90, 4—7), и содѣйствуетъ имъ во всемъ къ ихъ благу (Рим. 8, 28), тогда какъ надъ послѣдними открываетъ съ неба Свой гнѣвъ и попускаетъ имъ ходить въ похотяхъ сердець своихъ, предавая ихъ превратному уму—дѣлать непотребства (Рим. 1, 18. 24. 28). Но безъ своего промыслительнаго попеченія не оставляетъ Онъ и грѣшниковъ, такъ какъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Матѣ. 5, 45), и Сына Своего въ міръ послалъ не для того, чтобы однихъ праведныхъ, а и грѣшниковъ призвать къ покаянію (Лук. 5, 32). Если Онъ посѣщаетъ жезломъ беззаконія грѣшниковъ и ударами неправды ихъ (Пс. 88, 33), то, какъ долготерпѣливый и многомилостивый,

не до конца гнѣвается и не во вѣкъ негодуеть (Пс. 102, 8. 9), но долготерпѣть, и долготерпѣть съ тою именно цѣлію, чтобы посредствомъ Своей благодати привести ихъ къ показанію (Рим. 2, 4); такъ какъ Онъ *не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится, и живу быти ему* (Іезек. 33, 11). И людей праведныхъ Господь допускаетъ часто и много страдать, подобно Іову, отъ разныхъ вѣшнихъ бѣдствій и людскихъ неправдъ, и притомъ даже среди повидимому незаслуженнаго благоденствія грѣшниковъ (2 Тим. 3, 12); но и въ семь случаевъ Онъ поступаетъ такъ не по чему либо иному, какъ по внушенію Своей правды и любви. Поступаетъ такъ, съ одной стороны, для боляе полнаго очищенія ихъ подобно серебру (Притч. 25, 4) отъ примѣси всякихъ нечистотъ грѣховныхъ, немѣвнѣемъ которыхъ не можетъ похвалиться ни одинъ смертный даже въ одинъ какой либо день жизни своей на землѣ (Притч. 20, 9; Іов. 14, 4), а съ другой стороны для ихъ испытанія и утвержденія въ добродѣтели (1 Кор. 10, 13; Рим. 5, 3—5), за которую каждый получить полное воздаяніе только въ жизни будущей (2 Тим. 4, 7. 8). Можетъ ли, повѣтому, кто сказать Господу: Ты поступаешь несправедливо (Іов. 36, 23)? *Тьмъ же, пишеть ап. Павелъ, прежде времени ничтоже судите, дондеже приидеть Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя, и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (1 Кор. 4, 5).

Къ этимъ же высшимъ нравственнымъ цѣлямъ направляетъ Господь и судьбы цѣлыхъ народовъ и царствъ. Назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію (Дѣян. 17, 26), Онъ, какъ царь по всей землѣ (Пс. 46, 3. 8), владѣеть царствами человѣческими, давая ихъ тому, кому хочеть (Дан. 4, 14), Онъ устанавливаетъ и всѣ власти земныя (Рим. 13, 1), такъ что Имъ цари царствуютъ и повелители узаконяють правду (Прит. 8; 15). Поставляя же царей и держа въ рукъ Своей сердца ихъ (Притч. 21, 1), Онъ, когда находитъ нужнымъ, и низлагаетъ ихъ (Дан. 2,

21), равно какъ и благопотребныхъ людей въ одно время воздвигая среди того или другаго народа (Сир. 10, 4; Исх. 31, 3—6), въ другое время отнимаетъ ихъ у него, истребляя изъ среды его судью и умерщвляя всѣхъ князей его (Амос. 2, 3). Сообразуясь съ нравственнымъ состояніемъ народовъ, Онъ въ одни времена обильно подаетъ имъ всѣ блага земли (Ис. 1, 19), и даруетъ тихую и безмятежную жизнь (1 Тим. 2, 2), въ другія времена наводитъ на нихъ глады, моры, землетрясенія (Матѳ. 24, 7), мечъ (Ис. 1, 20), порабощеніе и всѣ другія общественныя бѣдствія (Дан. 3, 28). По Его же волѣ, одни царства колеблются и падаютъ, а другія возвышаются и стоятъ твердо (Дан. 2, 37—44), одни народы призываются въ церковь Христову и прививаются къ ней, какъ къ благодатной лозѣ, а другіе или остаются до времени вовсе не призванными въ нее, или жѣ, бывъ призваны и даже привившись къ ней, опять отламываются отъ этой лозы, чтобы когда либо впоследствии при помощи вѣры и силы Божіей снова привиться къ ней (Рим. 11, 17—23). И кто опять можетъ сказать Господу: Ты поступаешь несправедливо (Іов. 36, 23), зная, что какъ небо выше земли, такъ и пути Его выше путей нашихъ (Ис. 55, 9)? При созерцаніи этихъ-то путей Божіихъ, являющихся въ судьбахъ человѣчества, Апостолъ, отгнавъ всякую мысль о неправдѣ Божіей (Римл. 9, 14), восклицаетъ: *о любима богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судоу Ею и неизсмыдовани путіе Ею* (Римл. 11, 33)!

Вотъ въ главныхъ и существенныхъ чертахъ общее откровенное ученіе о промыслѣ Божіемъ въ мірѣ!

Ученіе древне-отеческов.

§ 51.

Это ученіе во всей его силѣ было принято древне-все-ленскою церковію и въ ея символахъ выражено въ самой сжатой формѣ, а именно только въ одномъ приложенномъ къ

Богу словѣ: *Вседержителя*, чѣмъ, конечно, обозначалось не что иное, какъ то непрерывно продолжающееся и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ открывающееся въ мірѣ дѣйствіе Божіе, которое необходимо для его сохраненія и управленія, и которое носитъ названіе промысла.

Но древніе отцы и учителя, а также писатели церковные, какъ сейчасъ увидимъ, не мало занимались его разъясненіемъ и оправданіемъ, въ виду разныхъ недоумѣній и ложныхъ мнѣній, почему и высказали не мало замѣчательнаго и стоящаго нашего вниманія.

Чтобы оправдать необходимость вѣры въ промыслъ Божій, *Авимауръ* говоритъ слѣдующее; „тѣ, которые признають Бога творцемъ всего, если хотять быть вѣрными своимъ началамъ, необходимо должны допустить, что все сотворенное находится подъ сохраненіемъ и промысленіемъ премудрости и правды Его“¹⁾. По заключающейся въ сихъ словахъ мысли, если и можно кому либо не вѣрить въ промыслъ Божій, то развѣ только тѣмъ, которые не вѣрятъ въ бытіе Самаго Бога. Вѣрующіе же въ Бога ни въ какомъ случаѣ не могутъ не признавать Его промыслителемъ міра, такъ какъ это было бы противорѣчіемъ ихъ началамъ, или же самимъ себѣ. Имѣя въ виду эту самую мысль, *Климентъ александрійскій* говоритъ: „очевидно, что всякъ не признающій промысла... есть поистинѣ безбожникъ“²⁾. *Лактанцій* же выражаетъ ее еще полнѣе и опредѣленнѣе. Коснувшись ученія Эпикурова, который, допуская бытіе Божіе, отвергалъ провидѣніе, тогда какъ всѣ другіе древніе философы, вѣрившіе въ Бога, вѣрили и въ Его провидѣніе, онъ говоритъ слѣдующее: „я не знаю, что можетъ быть болѣе этого себѣ противорѣчащаго. Если существуетъ Богъ, то, конечно, существуетъ, какъ промышляющій Богъ... Отвергая, поэтому, провидѣніе, Эпикуръ долженъ бы былъ отвергнуть бытіе Божіе, равно какъ и, наоборотъ, признавая бытіе Божіе,

1) De resurrect. mort. n. 18.

2) Strom. lib. V. c. 1.

онъ долженъ бы былъ допустить и бытіе провидѣнія, потому что одно безъ другаго не мыслимо и существовать не можетъ¹⁾.

Почему же, спрашивалось, было не мыслимымъ и невозможнымъ, чтобы вѣруя въ Бога и признавая Его творцемъ міра, въ тоже время не признавать Его и промыслителемъ міра? На это самъ Лактанцій отвѣчаетъ тѣмъ, что „Богъ потому самому, что Онъ—Богъ, не иначе можетъ мыслиться нами, какъ такъ, что Онъ помнитъ прошедшее, знаетъ настоящее и предусматриваетъ будущее“²⁾. Но эту же мысль яснѣе и прямѣе выражаютъ св. Амвросій, Феодоритъ и Дамаскинъ. „Какой дѣятель, спрашиваетъ *Амвросій*, вознебрежетъ о своемъ произведеніи? Кто оставитъ и отринетъ то, что самъ же восхотѣлъ создать? Если несообразно съ чѣмъ либо промыслять, то не болѣе ли несообразно творить, когда не сотворить чего либо нѣтъ никакой несправедливости, а не заботиться о томъ, что создалъ, крайнее немилосердіе“³⁾. „Какъ можетъ, спрашиваетъ также *Феодоритъ*, нерадѣть о Своей твари Тотъ, Кто создалъ ее по множеству Своей благодати“⁴⁾. „Одинъ Богъ, говоритъ *Дамаскинъ*, по естеству благъ..., а какъ благій, Онъ промышляетъ, потому что не промышляющій не благъ (такъ какъ и люди, и безслысленныя животныя естественно пекутся о своихъ дѣтяхъ), и кто не печется, тотъ подвергается порицавію“⁵⁾. *Златоустъ* же къ мысли о благодати Божіей, какъ такомъ свойствѣ, которое не можетъ не вызывать Бога на промышленіе о созданномъ Имъ мірѣ, присовокупляетъ еще мысль о всемогуществѣ Божіемъ, которое таковое промышленіе дѣлаетъ для Бога вполне возможнымъ

¹⁾ De ira Dei c. 9.

²⁾ Ibidem.

³⁾ De offic. I. c. 13.

⁴⁾ Contr. haeres. lib. V. c. 10.

⁵⁾ De fid. orthodox. lib. II c. 29. Эту же мысль ясно высказывали также *Феофилъ антиохійскій* (Ad Authol lib. I. n. 3) и *Немезій* (De nat. homin. c. 42).

и удобоосуществимымъ. „Если бы, говорить онъ, потребовались и десятки тысячъ такихъ міровъ (каковъ настоящій) и даже безконечное число ихъ, то Богъ равно былъ бы достаточенъ для всѣхъ, и не только къ созданію ихъ, но и къ тому, чтобы промышлять о нихъ по созданію“¹⁾.

Но при этомъ естественно возникалъ такой вопросъ: можетъ быть міръ не имѣть и нужды въ промышленіи Божиёмъ, можетъ быть онъ и самъ собою можетъ продолжать свое существованіе, бывъ созданъ и устроенъ совершеннѣйшимъ образомъ Всесовершеннымъ Творцемъ? На это у древне-христіанскихъ учителей и писателей былъ тотъ отвѣтъ, что все созданное, какъ созданное изъ ничего, само въ себѣ по своей природѣ есть ничто²⁾, что оно измѣнчиво и удоборазрушимо³⁾, а потому, бывъ предоставлено самому себѣ, могло бы тотчасъ возвратиться въ ничтожество⁴⁾. Всякое, поэтому, сотворенное естество и видимое и умопредставляемое для поддержанія своего имѣть нужду въ Божіемъ попеченіи⁵⁾. Если бы когда либо хотя на одно мгновеніе оставила міръ сила Всесильнаго и Вседержащаго Творца, то тогда бы вдругъ перестали существовать всѣ твари во всѣхъ ихъ видахъ, тогда погибла бы вся природа⁶⁾.

И порядокъ міровой самъ въ себѣ не составляетъ чего либо неизмѣннаго, такъ какъ онъ не принадлежитъ міровому веществу существенно и необходимо, а потому всегда можетъ нарушиться безъ вѣшной поддержки со стороны Міроправителя. Хотя у насъ на землѣ воздвигнутое зданіе стоитъ (при существующихъ условіяхъ) даже послѣ того, когда строитель, окончивъ свою работу, оставитъ его и

¹⁾ In Ioann. homil. 5, ad verba: in Ipso vita erat.

²⁾ Лактанцій De fals. sapient. c. 28. 7. *Ieron.* Epist. 43. n. 6. ad Clesiph. advers. Pelag.

³⁾ Аванас. Orat. contr. gent. n. 41.

⁴⁾ Кирилл. александр. In Ioann. lib. IX. p. 793.

⁵⁾ Висул. велик. De Spirit. sanct. ad Amphiloeh. c. 8.

⁶⁾ Август. De Genes. ad litt. IV. c. 12. n. 22.

отойдетъ; но міръ не могъ бы стоять и на мгновеніе ока, если бы Богъ отъялъ отъ него Свое промышленіе¹⁾. Если бы хоть на одинъ день Богъ оставилъ дѣло Своего управленія тварями, онѣ тотчасъ бы уклонились отъ своихъ естественныхъ путей, которыми ведутся и направляются къ достиженію полноты своего развитія и перестали бы быть тѣмъ, чѣмъ есть каждая въ своемъ родѣ²⁾, и міръ, носимый случаемъ, какъ вихремъ корабль, долженъ бы былъ, по причинѣ беспорядочныхъ движеній вещества, мгновенно разрушиться и возвратиться въ первоначальный хаосъ и неустройство³⁾.

Если же, не смотря на свою измѣнчивость и удобообразуемость, міръ, въ теченіе столькихъ тысячелѣтій, стоитъ твердо и неизменно; то о чемъ свидѣтельствуетъ это, какъ не о томъ, что о немъ неуспѣшно промышленяетъ его Творецъ, непрерывно сообщая ему ту твердость и прочность, какихъ въ себѣ онъ не имѣетъ⁴⁾. Если, далѣе, и порядокъ въ мірѣ, не смотря на способность послѣдняго къ беспорядочности, въ теченіе столькихъ вѣковъ, остается совершенно цѣлымъ и нерушимымъ; то опять не говоритъ ли это неумолимо о всегдашнемъ, никогда не прерывающемся блюденіи за міромъ его Верховнаго Правителя? „Если кто увидитъ, говоритъ *св. Теофилъ антиохійскій*, снаряженный въ морѣ и идущій къ берегу корабль, тотъ непременно заключитъ, что есть на немъ кормчій, управляющій его движеніемъ. Такъ точно должно думать, что есть Богъ Правитель вселенной, хотя Онъ и невидимъ плотскими глазами по Его безконечности“⁵⁾. „Вижу зданіе, повторяетъ тоже *св. Ефремъ*, и заключаю о здателѣ; вижу міръ, и познаю промыслъ; вижу,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibid. n. 23.

³⁾ *Григор. наз.* Orat. 14. n. 33.

⁴⁾ *Теодорит.* De provident. Orat. 1.

⁵⁾ Ad Autholic. n. 5.

что корабль безъ кормчаго тонеть, и дѣла человѣческія ничѣмъ не оканчиваются, если Богъ не управляетъ ими... Отъ пастыря зависятъ стадо, а отъ Бога—все, что возрастаетъ на землѣ... Въ волѣ царя расположить полки воиновъ, а въ волѣ Божіей—опредѣленный уставъ для всего... На землѣ ничего нѣтъ не возглавленнаго, потому что начало всему Богъ¹⁾. Отвергать, поэтому, промыслъ Божій или утверждать, что міръ, состоящій изъ неба и земли, безъ кормчаго носится въ такомъ согласіи и порядкѣ, по *Теодориту*, „совершенно похоже на то, какъ если бы кто, сидя на кораблѣ, и переплывая море, и види, какъ кормчій распоряжается веслами и по надлежащему править кормиломъ, сталъ утверждать явную ложь, будто бы не стоятъ кормчій на кормѣ, корабль не имѣеть веселъ, не направляется движеніемъ кормила, во несется самъ собою, преодоѣлываетъ стремленія волнъ, побѣждаетъ нападенія вѣтровъ, не нуждается въ помощи корабельщиковъ или кормчаго, который бы всѣмъ гребцамъ давалъ нужныя приказанія“²⁾).

Итакъ „твореніемъ управляетъ Творецъ, не оставивъ безъ управленія корабля, Имъ построеннаго, бывъ Самъ его строителемъ и садовникомъ, возраставшимъ вещество. Ояъ и вещество сотворилъ, и корабль построилъ, и постоянно управляетъ его кормиломъ“³⁾. Съ перваго же мгновенія, какъ только былъ устроенъ міръ, Богъ по великимъ и непреложнымъ законамъ движеть и водить его, какъ кубарь, ходящій кругами подъ ударомъ, не предоставляя его самому себѣ, чтобы не разстроился заведенный въ немъ величественный строй на подобіе того, какъ и ликъ пѣвцовъ разстраивается, если только никто имъ не править⁴⁾).

¹⁾ Облч. себѣ самому и испов. Твор. св. отцевъ, XII, 216. Снес. *Златоуст*. In epist. ad Coloss. c. 2. homil. 5; In Ioann. homil. 18. n. 2.

²⁾ De provident. Orat. 2.

³⁾ *Теодорит*. De provident.

⁴⁾ *Григор. наз.* Таянствъ. пѣсноп. слов. 5. въ Твор. св. отц. IV. 231.

Вмѣсто же этого „подобно тому, какъ какой либо виртуозъ, настраивая лиру и искусно совокупляя звуки высшіе, средніе и низкіе, производитъ одну стройную пѣснь, и Онъ, держа мудростію Своею вселенную, какъ лиру, и совокупляя воздушное съ земнымъ, небесное съ воздушнымъ, и всѣмъ управляя Своею волею и мановеніемъ, чудно и прекрасно соблюдаетъ единый міръ и единый порядокъ“¹⁾. И всѣ эти промыслительныя дѣйствія своя на міръ Богъ производитъ не откуда либо издалека, какъ бы отошедши отъ міра, и совнѣ только движа эту громаду, а производитъ Своимъ непосредственнымъ присутствіемъ²⁾, и производитъ, простирая Свою міропромыслительную и міроправительную дѣятельность, не на одни болѣе общіе или главные виды бытія, а безусловно на все существующее, не исключая никакихъ, даже повидимому самыхъ незначительныхъ и ничтожныхъ частичекъ вселенной. „Всемогущее и святѣйшее Слово (Бога) Отца, обтекая все, и повсюду проявляя силы Свои, и освѣщая все видимое и невидимое, все содержитъ и объемлетъ въ Себѣ, такъ что ничего не оставляетъ непричастнымъ силы Своей, но все и во всемъ каждое существо порознь и всѣ существа вмѣстѣ оживляетъ и сохраняетъ“³⁾. „Какъ на небѣ, такъ и на землѣ ничто не изъято изъ управленія и провидѣнія Божія и попеченіе Творца простирается на все какъ на невидимое, такъ и на видимое, какъ на великое, такъ и на малое, потому что и всѣ творенія имѣютъ вужду въ промышленія Творца и каждое порознь, по своей природѣ и по своему назначенію“⁴⁾. „Каждая вещь (не сама по себѣ, а) по провидѣнію Божію, получила и получаетъ и собственный видъ, и порядокъ, и число, и величину, такъ что ничего не было и не бываетъ напрасно и

¹⁾ *Аванас.* Contr. gent. n. 42 et 44. Справ. *Клим. Рим.* Epist. 1. ad corinth. c. 20.

²⁾ *Август.* In Joann. Tract. II. n. 10.

³⁾ *Аванас. велик.* Orat. contr. gent. n. 42.

⁴⁾ *Аванас.* De resurr. mort. n. 18.

случайно¹⁾). Въ томъ собственно и открываются съ особенною силою благость и величіе Творца, что Онъ промышляетъ не только о великомъ и громадномъ, но и о маломъ и повидимому ничтожномъ, не только промышляетъ о небѣ и землѣ, ангелѣ и человѣкѣ, но и о малѣйшихъ животныхъ, птицахъ, травахъ, цвѣтахъ и деревьяхъ²⁾).

Но въ ряду всѣхъ другихъ земныхъ тварей предметомъ особеннѣйшей промыслительной попечительности Божіей является человѣкъ, котораго Богъ больше любитъ, чѣмъ любить другъ своего друга, или отецъ и мать свое родное дитя³⁾). Назначая ему предѣлы жизни, Онъ отъ его рожденія до смерти неусыпно блюдетъ за его судьбою, удовлетворяя и безъ прошеній и по его прошеніямъ всѣмъ его существеннымъ нуждамъ, устроая всѣ вѣшнія жизненные его условія и положенія, и все направляя къ полезному и лучшему, хотя часто тяжелыми и недовѣдомыми для людей путями⁴⁾). Самымъ же осязательнымъ свидѣтельствомъ промыслительной любви Божіей къ человѣку служить исторія судьбы падшаго человѣчества⁵⁾ и божественнаго домостроительства, направляемая единственно въ тому, чтобы спасти падшаго человѣка, и спасти, такъ какъ онъ создавъ свободно-нравственнымъ существомъ, не противъ его воли, а согласно съ его желаніемъ, и не путемъ насилія и принужденія, а только побужденія и убѣжденія⁶⁾). По этой же причинѣ Богъ тогда какъ, вслѣдствіе Своей святости, любить въ людяхъ одно доброе и содѣйствуетъ

¹⁾ *Ирин.* Contr. haeres. lib. II. c. 26. n. 3. Ту же мысль повторилъ: *Блиментъ алекс.* (Strom. I. c. II), *Оригенъ* (In Num. hom. 23. n. 4) и *Минуцій Феликсъ* (Octav. n. 17).

²⁾ *Август.* De civit. Dei lib. V. c. 11. *Григор. велик.* Lib. XXVII. c. 18. n. 35 in cap. 37. lov.

³⁾ *Златоуст.* In Matth. homil. 19. n. 7.

⁴⁾ *Васил. велик.* Epist. 97 (101); *Григор. наз.* Orat. 14 n. 33.

⁵⁾ *Златоуст.* In Epist. ad Colos. c. 2. homil. 5.

⁶⁾ *Васил. велик.* De Spirit. sanct. c. 14. *Григ. наз.* Orat. 31. (Theologic. 5) n. 25.

только доброму, въ тоже время, по Своему благоснисхожденію, попускаетъ и терпитъ злое¹⁾, хотя его слѣдствія преграждаетъ и направляетъ къ торжеству добра²⁾. По этой же причинѣ, тогда какъ Онъ любитъ праведниковъ, терпитъ и грѣшниковъ, въ ожиданіи отъ нихъ покаянія и обращенія, къ которому призываетъ и побуждаетъ Своими безчисленными и разнообразными средствами³⁾.

Не иными побужденіями и цѣлями руководится Богъ и въ управленіи цѣлыми народами и государствами. Потому что „Богъ Самъ раздаетъ земныя царства и добрымъ и не добрымъ, и раздаетъ не безъ намѣренія, не по случаю или счастью, но сообразно съ ходомъ дѣлъ и временъ, для насъ сокрытымъ, для Него же совершенно извѣстнымъ“⁴⁾. Нѣкоторые изъ царей даются Имъ для улучшенія и пользы подданныхъ и для сохраненія правды, нѣкоторые же для устрашенія, наказанія и укоренія, а иные— для униженія или возвышенія народовъ, смотря по тому, чего бываютъ они достойны⁵⁾. „И то находится во власти Вседержителя, чтобы каждый на войнѣ или былъ побѣжденъ, или побѣдилъ, одни получили царства, а другіе содѣлались подданными царей“⁶⁾.

Но при этомъ спрашивалось, какъ же примирить съ промысломъ Божиимъ существованіе въ мірѣ такъ называемаго зла физическаго, такъ часто и тяжело поражающаго человѣка, не смотря на его мольбы къ Богу о его милостяхъ и щедротахъ, а также зла нравственнаго, не только

¹⁾ *Златоуст.* In Acta Apost. homil. 23. n. 4. In 2 Epist. ad Timoth. c. 4. homil. 8. n. 4. *Феодорит.* In cap. 38. Ezechielis. *Дамаск.* De fid. orthodox. lib. 2. c. 29.

²⁾ *Ориг.* In genes. homil. 3. n. 2. *Васил. вел.* Quod Deus non est auct. mal. n. 4 et 5. *Дамаск.* De fid. orthodox. lib. II. c. 29.

³⁾ *Кирилл. іерус.* Orat. catech. 8. n. 4. *Златоустъ* Ad Stagir. orat. 1. n. 2.

⁴⁾ *Август.* De civit. Dei lib. IV. c. 33.

⁵⁾ *Ирин.* Contr. haeres. lib. V. c. 24. n. 3.

⁶⁾ *Августин.* De civit. Dei lib. XVIII. c. 2.

находящаго для себя мѣсто въ жизни свободно-нравствен-ныхъ существъ, но и часто пріобрѣтающаго повидимому совершенное торжество или побѣду надъ добромъ въ лицѣ благоденствующихъ грѣшниковъ и страждущихъ праведниковъ? На это древніе учителя даютъ нижеслѣдующіе отвѣты. То, что представляется для вѣкоторыхъ несовершенствомъ въ видимой природѣ, напр. землетрясенія, бури, наводненія и разныя перевороты земныя сами по себѣ, безъ отношенія къ чувствующимъ существамъ, не есть зло, а напротивъ въ общей системѣ міровой составляетъ тоже, что—въ живописи, при свѣтлыхъ краскахъ, тѣни, что въ музыкѣ, при возвышенныхъ и тонкихъ звукахъ—звуки грубые и визкіе¹⁾, или что въ организмѣ тѣла, при ровной поверхности, вдающіяся и выдающіяся въ немъ части²⁾. Зломъ же оно является только по отношенію къ чувствующимъ тварямъ и владыкѣ ихъ, повинувшему чрезъ свой грѣхъ всю тварь суетѣ (Рим. 8, 20), и нашедшему въ этомъ самомъ и наказаніе за свой грѣхъ³⁾. Но наказывая такимъ образомъ человѣка, Богъ вмѣстѣ съ симъ его и врачуетъ, обращая разныя физическія бѣдствія въ одно изъ самыхъ важныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ тому, чтобы вразумлять людей, удерживать отъ порока и приводить къ добродѣтели. „Болѣзнь, говоритъ св. *Василій великій*, въ городахъ и народахъ, засуши, неплодіе земля и бѣдствія, встрѣчающіяся съ каждымъ въ жизни, пресѣкаютъ возрастаніе грѣха. И всякое подобное зло посылается отъ Бога, чтобы предотвратить порожденіе истинныхъ золъ. Ибо и тѣлесныя страданія и внѣшнія бѣдствія измышлены къ обузданію грѣха. Итакъ не отъ Бога зло, а Богъ истребляетъ зло, подобно тому какъ и врачъ истребляетъ болѣзнь, а не влагаетъ ее въ тѣло. Разрушенія же городовъ, землетрясенія, наводненія, гибель

¹⁾ *Августин*. De Genes. ad litt. imperf. cap. 5.

²⁾ *Григ. наз.* Orat. 14 n. 31.

³⁾ *Феофила антiox.* Ad Autholic. lib. II. n. 17. *Татиан.* Ad Graec. c. 12. *Август.* Contr. Iulian. op. imperf. V, 8.

Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

войнствъ, кораблекрушенія, всякое истребленіе многихъ людей, происходящее отъ земли или моря, воздуха или огня, и всякой другой причины, бывають для того, чтобы удѣломудрить оставшихся; потому что Богъ всенародныя пороки удѣломудриваетъ всенародными казнями“¹⁾).

Что касается, даже, явленій въ мірѣ зла нравственнаго, то хотя оно и допускается Богомъ ради сохраненія неприкосновенности человѣческой свободы, условливающей возможность самаго добра²⁾, но Имъ, какъ можно видѣть изъ вышесказаннаго, вовсе не поддерживается, и не только не поддерживается, но и пресѣкается или уничтожается, чтобы уступить свое мѣсто возрастанію и торжеству добра. Если же часто праведники повидимому оставляются Богомъ, не смотря на свои непрестанныя и теплыя молитвы къ Нему, и подвергаются самымъ тяжелымъ бѣдствіямъ, тогда какъ грѣшники благоденствуютъ, то при этомъ не нужно забывать того, что никто изъ людей самыхъ добродѣтельныхъ не можетъ похвалиться тѣмъ, чтобы не нуждался въ испытаніи своей добродѣтели³⁾, а также въ живомъ чувствительномъ напоминавіи о томъ, что настоящая жизнь не есть истинная, блаженная жизнь, а только путь къ этой жизни⁴⁾. Кроме того никто не видитъ того, что происходитъ внутри людей благочестивыхъ и нечестивыхъ, какую высокую радость первые получаютъ въ своей совѣсти, и какое тяжкое послѣдніе несутъ наказаніе отъ той же самой совѣсти⁵⁾. Богъ же всего нужно при этомъ помнить то, что настоящая жизнь не есть жизнь полнаго воз-

¹⁾ Quod Deus non est auct. mal. n. 5.

²⁾ Аванас. Contr. gent. n. 7. *Васил. велик.* Quod Deus non est auct. mal. n. 6. Акуст. De genes. contr. Manich. lib. II. c. 29.

³⁾ Акуст. Contr. Faust. lib. I. c. 3. lib. 22. c. 20.

⁴⁾ Григ. велик. Мор. I. 23. c. 24. n. 46.

⁵⁾ Акуст. Enarr. in psalm. 53. n. 8.

даянія за добродѣтель и порокъ, и что такового воздаянія нужно ожидать только въ жизни будущей. „Если намъ открыто царствіе небесное, говорятъ *Златоустъ*, и показано воздаяніе въ будущей жизни, то уже не стоитъ и изслѣдовать, почему праведные здѣсь терпятъ скорби, а порочные живутъ въ удовольствіяхъ. Ибо если тамъ каждому ожидается награда по заслугамъ, то для чего возмущаться здѣшними событіями счастливыми и несчастными? Этими бѣдствіями Богъ покорныхъ Ему упражняетъ, какъ мужественныхъ борцовъ, а болѣе слабыхъ, нерадивыхъ и не могущихъ переносить ничего тяжкаго предварительно вразумляетъ на добрыхъ дѣла“¹⁾. „Не нужно, поэтому, какъ замѣчаетъ *Григорій Богословъ* (въ виду подобныхъ явленій), дивиться, не постигая недоумислимой глубины Божіихъ распоряженій, по которымъ все совершается. Не нужно дивиться, зная, что міромъ управляетъ Художникъ, который, конечно, премудрѣ насъ, и твореніе Свое ведетъ, къ чему Ему угодно и какъ угодно, но безъ всякаго сомнѣнія къ совершенству и уврачеванію, хотя врачующие и огорчаются“²⁾. По этой же причинѣ, по наставленіямъ *св. Василія великаго*, не нужно смущаться и тѣмъ, что часто молитвы не бываютъ выслушиваемы и удовлетворяемы Богомъ, такъ какъ это зависитъ отъ того, что мы молимся или не искренно и неусердно, или же молимся о томъ, что намъ не существенно полезно и необходимо, между тѣмъ какъ Богъ лучше, чѣмъ мы сами, знаетъ, что для насъ болѣе полезно и необходимо, соотвѣтственно съ чѣмъ выслушиваетъ и не выслушиваетъ наши молитвы, и удовлетворяетъ ихъ или не удовлетворяетъ“³⁾.

¹⁾ Ad Stagir. orat. 1. n. 16. Снес. *Григ. наз.* Orat. 14. n. 31. *Амарос.* Offic. I. с. 12. *Август.* In Psalm. 36 et 136.

²⁾ Orat. 4 (1 contr. Iulian.) n. 4. XLVII.

³⁾ О томъ, что молитву должно предпочитать всему: Твор. св. отц. твор. св. Васил. велик. ч. V. стр. 388 и 339, 389—341.

§ 52.

Соображенія разума въ пользу ученія о Промыслѣ, съ опроверженіемъ противоположныхъ мнѣній.

Послѣ всего сказаннаго не трудно видѣть, что въ древне-отеческомъ ученіи, хотя въ короткѣхъ, но находится все главное и существенное, что могло бы быть сказано въ оправданіе промысленія Божія о мірѣ и въ опроверженіе разныхъ по сему предмету недоумѣній и ложныхъ мнѣній. Если, повѣтому, намъ остается что сдѣлать, то развѣ только сказанное ими больше развить или разъяснить, примѣнительно къ позднѣйшимъ и современнымъ ученіямъ, колеблющимъ собою или вовсе отвергающимъ промыслъ Божій въ мірѣ.

Кто же въ позднее и наше время противники христіанскаго ученія о промыслѣ? Можно бы указать на позднѣйшихъ пантеистовъ и матеріалистовъ, какъ на противниковъ этого ученія. Но намъ представляется лишнимъ здѣсь говорить какъ объ однихъ, такъ и о другихъ, потому что первые изъ нихъ, отвергая разумно-личнаго и свободнаго Творца міра, и на мѣсто Его ставя какое-то безсознательное и инстинктивно-дѣйствующее міровое начало, по самому существу дѣла, ничего другаго не могутъ придумать для объясненія существующаго въ мірѣ порядка, кромѣ будто бы царящаго здѣсь закона слѣпой необходимости, все равно какъ и послѣдніе изъ нихъ, не признавая другой причины всѣхъ вещей, кромѣ однихъ слѣпыхъ механическихъ силъ природы и ихъ чисто случайнаго дѣйствованія, ничего другаго не въ состояніи придумать для объясненія настоящаго міроваго порядка, какъ только слѣпо допустивши здѣсь господство одного слѣпаго случая. Съ ними, повѣтому, нужно вести рѣчь не о Промыслѣ, а о Виновникѣ міра. Но мы не можемъ не обратить вниманія на тѣхъ изъ противниковъ нашихъ, которые повидимому признаютъ личнаго Бога, и признаютъ Его Творцемъ міра, но въ тоже время рѣшитель-

но и настоятельно отвергаютъ Его промыслъ въ созданномъ Имъ мірѣ. Таковы именно такъ называемые деисты, которые учатъ, что хотя Богъ въ началѣ создалъ и устроилъ міръ, но, по его созданіи и устроеніи, Самъ сталъ совершенно вдали отъ него, прервавъ всякія Свои отношенія къ нему, и предоставивъ ему самому сохраняться и управляться чрезъ дарованныя ему прочныя и неизмѣнныя физическіе законы, причемъ само собою понятно, промышленіе Божіе оказывается совершенно не нужнымъ и даже лишнимъ дѣломъ, такъ какъ оно было бы недостойною Бога поправкою своихъ дѣйствій и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ заведенный ходъ мировыхъ событій, скорѣе могшимъ ему повредить, чѣмъ принести какую либо пользу.

Что же сказать по поводу этого лжеумствованія позднѣйшихъ противниковъ ученія о промыслѣ? Слѣдуетъ, конечно, повторить здѣсь тоже самое, что говорилось и древними учителями церкви, въ виду подобныхъ лжеученій, а именно то, что, признавая Бога творцемъ міра, чтобы быть вѣрнымъ самому себѣ и послѣдовательнымъ, необходимо признавать Его и промыслителемъ, потому что Богъ-Творецъ міра и не промышленію о мірѣ—есть противорѣчіе (Аѳинагоръ, Амвросій, Феодоритъ и Дамаскинъ). И въ самомъ дѣлѣ, не противорѣчіе ли это—представлять Бога разумно-свободнымъ творцемъ, по своей премудрости, благодости и могуществу создавшимъ и устроившимъ міръ, и въ тоже время утверждать, что по произведеніи на свѣтъ близкаго и родственнаго себѣ созданія, Онъ тотчасъ прервалъ всѣ свои къ нему отношенія, переставъ совершенно думать и пещись о его дальнѣйшей судьбѣ? Есть ли какая либо возможность согласить одно съ другимъ? Если Богъ отъ вѣчности далъ въ умѣ Своемъ мѣсто для мысли о мірѣ, и отъ вѣчности созерцалъ въ Себѣ мысленные образы всѣхъ будущихъ существъ, то мыслимое ли дѣло, чтобы, по самомъ созданіи міра и всѣхъ его существъ, Онъ нашелъ ихъ почему-то недостойными Своего созерцанія, вниманія и

наблюденія, и пересталъ объ нихъ вовсе думать, какъ будто бы они на дѣлѣ явились не тѣмъ, чѣмъ прежде мыслились и представлялись въ Его вѣчномъ умѣ? Между тѣмъ всякая мысль Божія о мірѣ уже есть животворное для него дѣйствіе, всякое о немъ Божіе помышленіе уже есть самое промышленіе. Если, даже, Богъ отъ вѣчности не только созерцалъ, но и съ любовью созерцалъ идеальный міръ всѣхъ будущихъ существъ, и не почему либо иному, какъ только по Своей любви восхотѣлъ привести его въ дѣйствительное бытіе и жизнь; то опять возможное ли дѣло, чтобы Онъ почему-то пересталъ любить его тотчасъ послѣ его созданія, какъ будто бы онъ, по своемъ созданіи, явился не тѣмъ близкимъ и родственнымъ Богу міромъ, какимъ въ своемъ идеальномъ видѣ былъ предметомъ Его любви, а чѣмъ-то совершенно чуждымъ Ему и даже противоположнымъ? Между тѣмъ любовь Божія къ міру, уже потому самому, что есть любовь, не иначе можетъ выражаться, какъ только въ непрерывномъ поддержаніи Своихъ близкихъ и внутреннихъ отношеній къ нему, не иначе, какъ въ непрерывномъ живомъ и дѣятельномъ содѣйствіи ему къ достиженію той цѣли, для которой онъ созданъ, и которая состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ его единеніи съ любящимъ его Богомъ. Если, наконецъ, всемогущество Божіе подвинуто было къ тому, чтобы создать и устроить міръ; то почему бы оно, тотчасъ по созданіи и устроеніи міра, должно было совершенно заключиться въ себя и вовсе перестать обнаруживать свои дѣйствія въ мірѣ, не смотря на то, что сюда не перестали быть обращенными мысль и любовь Божія? Развѣ оно послѣ созданія міра истощилось въ своихъ силахъ и Богъ пересталъ быть всемогущимъ?

Но говорятъ (деисты), что промышленіе Божіе въ мірѣ если бы оно дѣйствительно было, было бы противорѣчіемъ величію и совершенствамъ высочайшаго Существа, какъ Существа безконечнаго, вѣчнаго и неизмѣннаго. Почему же?—Потому что Оно, бывъ поставлено въ необходимость

непрерывно дѣйствовать въ конечномъ, пространственномъ, временномъ и измѣняемомъ мірѣ, будто бы и Само по необходимости должно становиться конечнымъ, пространственнымъ, временнымъ и измѣняемымъ. Но спрашивается: отъ чего же Оно не стало конечнымъ, пространственнымъ, временнымъ и измѣняемымъ, созидая и устроая конечный, пространственный, временный и измѣняемый міръ? Развѣ есть какая либо существенная разница между тѣмъ: обнаруживаетъ ли свои дѣйствія Богъ на болѣе или менѣе продолжительное время вовнѣ себя или въ мірѣ? Кто не пойметъ того, что Богъ, какъ въ дѣлѣ творенія, такъ и промышленности, одинаково является Богомъ, т. е. верховнымъ Владыкою и Господомъ твари, которую онъ безусловно подчиняетъ Себѣ, а не самъ подчиняется ей, вслѣдствіе чего Ему не предложитъ никакой опасности отъ дѣйствій Своихъ въ мірѣ стать тѣмъ, чѣмъ есть міръ, т. е. стать конечнымъ, измѣняемымъ и временнымъ? Между тѣмъ совершенно напрасно овазывается и самая съ виду благонамѣренная (со стороны деистовъ) попытка спасти безконечность и другія свойства Высочайшаго существа чрезъ допущеніе полнѣйшей замнутости Его въ Себѣ Самомъ, по созданіи міра, и полнѣйшаго предоставленія судьбы послѣдняго исключительно себѣ самому. Потому что этимъ, какъ сейчасъ увидимъ, не только не охраняются, но напротивъ совершенно колеблются и ниспровергаются, какъ безконечность, такъ и другія свойства безконечнаго существа Божія. Какая это, спрашивается, будетъ безконечность и безграничность существа Божія, если, какъ предполагають деисты, подлѣ него будетъ стоять міръ, въ предѣлахъ своего существованія огражденный такою чертою, за которую оно никакими своими дѣйствіями не можетъ или не должно перешагнуть, и даже дотронуться, бывъ, подобно міру, безвыходно заключено въ своихъ собственныхъ предѣлахъ? Какого также рода будетъ вѣчность и неизмѣнность этого Существа, если предположить, что Оно какъ

бы совершенно случайно и мимолетно вышло изъ Себя, чтобы создать міръ, по по его созданіи тотчасъ опять вошло въ Себя, чтобы навсегда забыть о Своемъ дѣйстви и произведеніи, какъ о чемъ-то будто бы вовсе не случившемся и къ Нему не имѣющему никакого близкаго и внутренняго отношенія? Съ точки же зрѣнія теистической вся эта запутанность и противорѣчивость въ представленіяхъ о Богѣ отстраняется сама собою и при ней, исключительно при ней одной, всѣ означенныя свойства Божія сохраняются во всей ихъ цѣлостн и неприкосновенности. Потому что съ этой точки зрѣнія созданный Богомъ міръ не представляется въ отношеніи къ Богу чѣмъ либо совершенно постороннимъ противъ Него лежащимъ, и полагающимъ собою для Него преграду, а напротивъ близкимъ и родственнымъ Ему производеніемъ, всецѣло обнимаемымъ или ограждаемымъ Его существомъ, и потому онъ, что само собою очевидно, не только не исключаетъ собою безконечности или безграничности Божіей, но напротивъ рѣшительно и неотразимо свидѣтельствуетъ въ пользу ея. Міръ также съ этой точки зрѣнія не представляется чѣмъ либо чисто случайно и мимолетно возникшимъ изъ Бога, и потомъ ставшимъ существовать самъ собою и для однихъ мимолетныхъ цѣлей, а напротивъ представляется дѣломъ предвѣчной мудрости Божіей, хотя вслѣдствіе Своихъ рѣшеній создавшей его во времени и съ формами бытія измѣнячивыми и временными, но создавшей для того, чтобы онъ былъ всегдашнимъ и немолкаемымъ органомъ и отобразомъ славы своего вѣчнаго и неизмѣннаго Творца, и всегда послушно или въ полной зависности отъ Него служилъ Его вѣчнымъ и неизмѣннымъ цѣлямъ, а потому и съ этой стороны разсматриваемый міръ опять не исключаетъ собою въ своемъ Промыслителѣ свойствъ вѣчности и неизмѣнности, во напротивъ ихъ необходимо предполагаетъ и оправдываетъ.

Но говорятъ еще, что для Бога промыслять о мірѣ значило бы поправлять свое собственное дѣло, или Самого

Себя, значило бы вмѣшиваться въ завершенный Имъ же Самимъ стройный міровой порядокъ, и чрезъ это нарушать его. Почему же?—Потому, отвѣчаютъ, что если и человѣкомъ хорошо и прочно устроенное произведеніе, какъ напр. машина, можетъ очень долго существовать сама собою, безъ всякаго наблюденія и поправокъ со стороны своего производителя, то мыслимое ли дѣло, чтобы міръ, будучи совершеннѣйшимъ произведеніемъ совершеннѣйшаго Творца, былъ устроенъ такъ, что бы не могъ продолжать существовать самъ собою, и постоянно нуждался въ наблюденіи и поправкахъ со стороны своего верховнаго Устроителя? Если вмѣшательство механика въ дѣйствія машины на ея ходу могло бы произвести въ ней замѣшательство, то не должно ли бы произойти тоже самое и въ ходѣ міровой машины отъ подобнаго же вмѣшательства?

Но, спрашивается, имѣетъ ли здѣсь какой либо смыслъ и значеніе аналогія устроенной человѣкомъ машины, хотя бы она устроена была даже самымъ прочнымъ и несокрушимымъ образомъ? Если машина, устроенная механикомъ, можетъ существовать и существовать долгое время и послѣ того, какъ онъ ее почему либо оставляетъ, то это отъ чего зависитъ? Зависитъ отъ той простой причины, что вмѣсто механика за ней продолжаютъ смотрѣть другіе подобные люди, и что въ ея продолжаютъ оставаться нерушимыми всѣ готовыя условія, необходимыя для ея существованія. Но то ли будетъ положеніе міра, если представить его стоящимъ совершенно въ или независимо отъ Бога? Представляя его таковымъ, необходимо представить въ умѣ своемъ, какъ ни трудно это, тѣ послѣднія границы, до которыхъ онъ простирается со всѣми своими существами, вообразивъ же это, вмѣстѣ съ симъ нужно вообразить и то, что за означенными границами міровыми уже нѣтъ ровно ничего міроваго или такого, что бы принадлежало міру или производило бы какое либо дѣйствіе и вліяніе на него. Какъ же, спрашивается, въ семъ случаѣ міръ могъ бы существо-

вать самъ собою, хотя бы онъ представлялъ собою самый прочный и искусно устроенный механизмъ? Что бы могло поддерживать его бытіе и заведенный въ немъ ходъ и порядокъ, когда бы внѣ его уже ничего не было похожего на тѣ готовыя внѣшнія условія, при которыхъ существуютъ, какъ машины, такъ и всѣ другія произведенія человѣческія?

Развѣ, во имя совершенства міра, какъ творенія совершеннѣйшаго Творца, допустить съ деистами, что міру дарована самобытность? Но можно ли требовать или ожидать отъ Бога, чтобы Онъ, созидая міръ, хотя бы даже наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, создалъ его не иначе, какъ самобытнымъ? Не тоже ли было бы это, если бы стали требовать отъ Бога, чтобы Онъ, вознамѣрившись создать міръ, вмѣсто этого создалъ другаго подобнаго Себѣ бога? Да и мыслимое ли дѣло созидать самобытное, или созданное сдѣлать самобытнымъ? Что самобытно,—не нуждается въ созиданіи, а что создано, то по свсей природѣ не самобытно, и никогда ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться самобытнымъ. Между тѣмъ и самъ міръ ничѣмъ не заявляетъ о томъ, чтобы онъ былъ самобытенъ, или чтобы онъ могъ существовать самъ собою безъ сторонней поддержки, и правящей имъ высшей силы. На что бы изъ міроваго бытія мы ни обратили свое вниманіе, на отдѣльные ли и единичные его виды, или же на цѣлыя группы тѣхъ или иныхъ его видовъ, вездѣ мы встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же общимъ явленіемъ, что ни одно существо не заключаетъ въ самомъ себѣ условій, необходимыхъ для поддержанія своего существованія, а ищетъ и находитъ ихъ только внѣ себя, и только благодаря имъ существуетъ, такъ что если бы прекратились они, перестало бы существовать и оно само. Возьмемъ для примѣра хоть человѣка—владыку всего земнаго. Для поддержанія существованія его по тѣлу необходимы—воздухъ, вода, растенія и животныя, для существованія же воздуха, воды, растеній и животныхъ необходима земля, земля же въ свою очередь не иначе можетъ

существовать, какъ при дѣйствіи на нее солнца, и т. д. Если бы, повтому, возможно было разобщить человека съ воздухомъ, водою, растеніями и животными, а послѣдніа разобщить съ землею, равно какъ самую землю съ солнцемъ, то, безъ сомнѣнія, совершенно прекратили бы свое существованіе всѣ эти виды бытія міроваго. Но можетъ быть, какъ предполагаютъ противники наши, міровыя существа, хотя въ своей отдѣльности не могутъ существовать сами собою, тѣмъ не менѣе могутъ поддерживать свое существованіе, благодаря одной только взаимной своей связи и своему взаимодействию, на подобіе того, какъ въ тѣлесномъ организмѣ существуютъ многіе члены, взаимно поддерживая другъ друга чрезъ взаимную передачу того, что необходимо для общаго ихъ благосостоянія? На это мы отвѣчаемъ тѣмъ, что если каждое существо порознь не имѣетъ въ себѣ самомъ необходимыхъ для своего существованія условій и потому само собою совершенно безсильно поддержать свое бытіе, то понятно, что таковы должны быть по своей природѣ и всѣ вмѣстѣ взятые существа. Сколько угодно увеличивайте количество нулей, и какъ угодно сочетавайте ихъ между собою, никогда не произведете изъ нихъ единицы или другой какой либо положительной цифры, все равно какъ увеличивая число мертвецовъ и сообщая имъ всѣ возможные сочетанія, никогда чрезъ это не произведете жизни, а тѣмъ болѣе источника жизни. Правда, что во всякомъ животномъ организмѣ многіе члены его, бывъ поставлены въ разнообразныя сочетанія и соотношенія, въ этихъ самыхъ сочетаніяхъ и соотношеніяхъ имѣютъ важную гарантію для обезпеченія своего существованія, такъ какъ они, благодаря этому, могутъ взаимно поддерживать другъ друга, получая отъ другихъ то, что для ихъ существованія необходимо, и въ свою очередь сами сообщая другимъ то, что для ихъ благосостоянія нужно. Но отъ чего, спрашивается, все это зависитъ? Отъ того, конечно, что въ всякаго животнаго организма существуютъ готовыя условія,

которыя нужны для поддержанія внутренней живой связи между его членами, и для пользованія которыми приспособленъ самъ организмъ. Разобщите его, если возможно, съ этими условіями, и въ немъ всѣ связи и соотношенія между его членами совершенно теряютъ свое обезпечивающее значеніе, и даже самое свое существованіе. Если, поѣтому, весь міръ представить себѣ въ видѣ громаднаго организма, снабженнаго безчисленнымъ количествомъ членовъ, способныхъ къ взаимно-причиннымъ и взаимодѣйственнымъ отношеніямъ, то спрашивается, какимъ бы образомъ могла сохраниться въ немъ эта, обезпечивающая его существованіе, взаимопричинность и взаимодѣйственность, если бы въ его вовсе ничего не было такого, что бы могло ихъ поддержать и сохранить?

Указываютъ на законы природы, какъ на такого рода силу, которая будто бы вполне и на всегда можетъ собою гарантироватьъ взаимно-причинность и взаимодѣйственность между всѣми мировыми системами и силами. Но что такое законы природы, и могутъ ли они существовать сами собою, безъ всякой сторонней поддержки? Законы природы—это ничто иное, какъ тѣ предопредѣленные Богомъ положенія или нормы, въ которыя поставлены и поставляются силы природы, и слѣдуя которымъ неизмѣнно, онѣ всегда производятъ одни и тѣже слѣдствія. Прямѣе же сказать, законы природы—это тѣже самыя силы природы, приспособленныя и предназначенныя къ тому, чтобы принять и принимать такія, а не иные положенія или нормы, и вслѣдствіе этого всегда производить такіе, а не иные результаты. Но спрашивается, сами ли собою принимаютъ силы природы этого рода положенія? Опытъ показываетъ, что если дѣйствуетъ какая либо изъ силъ природы и производитъ соответственные своему назначенію дѣйствія, то дѣйствуетъ и производитъ свое дѣйствіе не иначе, какъ при наступленіи или постоянномъ присутствіи благопріятныхъ для этого условій, такъ что если эти условія проходятъ, то самая сила пре-

вращаетъ свое обнаруженіе и дѣйствіе. Такъ напр. сила растительная проявляетъ свое дѣйствіе въ сѣмени, обращая его постепенно въ растеніе, цвѣтъ и плодъ, только тогда, когда бываетъ благопріятная для растительности почва, достаточная влага и свѣтъ, въ противномъ же случаѣ она или вовсе не обнаруживаетъ себя, или же не производитъ всѣхъ тѣхъ дѣйствій, какия способна произвести. Тоже самое нужно сказать о жизненной силѣ, то производящей, то поддерживающей тѣлесные организмы, а также объ общихъ силахъ природы—притягательной и отталкивательной, дѣйствующихъ не иначе, какъ при существованіи вонѣ нужныхъ благопріятныхъ условій. Яснѣйшій знакъ, что всѣ силы природы, хотя и предназначены и приспособлены къ правильной и закономѣрной дѣятельности, но не самобытны и не сами по себѣ или изъ себя дѣйствуютъ, а зависятъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ другихъ внѣшнихъ, условливающихъ ихъ причинъ. Если же онѣ таковы, что постоянно нуждаются въ своей поддержкѣ со внѣ, то какимъ образомъ могутъ быть признаны послѣднимъ основаніемъ, могущимъ обезпечивать собою постоянную въ мірѣ взаимопричинность и взаимодѣйственность, условливающую въ свою очередь собою существованіе всего текущаго порядка міроваго? Если, поэтому, міръ представить совокупностію или системою силъ природы, предназначенныхъ къ тому, чтобы чрезъ свое закономѣрное дѣйствованіе поддерживать существующій порядокъ вещей, то спрашивается, что бы могло поддерживать природу и назначеніе этихъ силъ, а еще болѣе, что бы могло ихъ уравнивать, объединять и направлять къ одной общей и для нихъ вовсе неизвѣстной цѣли, если бы за предѣлами міра не было одной высшей, ихъ поддерживающей и объединяющей и ими непрерывно правящей Силы? И такъ и законы природы не только не исключаютъ собою мысли о необходимости хранящей и правящей промыслительной дѣятельности Божіей въ мірѣ, но напротивъ скорѣе и прямѣе, чѣмъ что либо, приводятъ

къ ней. Какъ происхожденіе законовъ природы, составляющихъ собою напередъ цѣлесообразно и математически расчисленные и установленныя нормы бытія, вовсе не объяснимо безъ дѣйствія ума Божественнаго, такъ и продолженіе ихъ существованія и направленіе къ одной общей цѣли, о которой они, по своей слѣпотѣ и безсознательности, ничего не знаютъ, вовсе невысказуемо безъ участія наблюдающей за ними и правящей ими Воли Божіей.

Послѣ всего сказаннаго, кто не увидитъ, что положеніе нашихъ противниковъ, будто промысленіе Божіе въ мірѣ было бы только лишнимъ и даже вреднымъ для него вмѣшательствомъ, или что промысленіе Божіе было бы со стороны Бога поправкою Своего произведенія и Себя Самаго, составляютъ одніи легкомысленныя и ѣдкія фразы, не заключающія подъ собою никакого истиннаго смысла и дѣйствительнаго значенія? Можно ли назвать вмѣшательствомъ то дѣйствіе любви, мудрости и всемогущества, которое обращается Богомъ на Его собственный міръ, и притомъ міръ безусловно во всемъ ятомъ нуждающійся, для поддержанія своего существованія и достиженія предназначенной ему цѣли? Можно ли назвать со стороны Бога поправкою Своего дѣла или Самаго Себя то, если Онъ, благоволившіи создать міръ, не какъ нѣчто совершенно закончѣное или закончѣемое, а какъ живой, постоянно развивающійся и обновляющійся организмъ, постоянно блюдетъ за его судьбою и непрерывно направляетъ и ведетъ его къ тѣмъ цѣлямъ, постепенное, а не внезапное достиженіе которыхъ предначертано было въ умѣ Божественномъ еще отъ вѣчности?

Между тѣмъ, не смотря на всю свою несостоятельность, теорія самоуправленія міра помощію однихъ физическихъ законовъ, находила и находитъ въ позднѣйшее время не мало сторонниковъ и приверженцевъ, благодаря именно тому фальшивому направленію позднѣйшаго естествознанія, по которому, изучая и изясняя всякаго рода явленія

природы, обыкновенно всегда остававляются на однихъ физическихъ законахъ, нарочито игнорируя все стоящее выше ихъ, какъ будто бы они составляютъ собою послѣднее основаніе всего существующаго¹⁾. Такъ напр. новѣйшіе естествовѣды, при изясненіи происхожденія и существованія всѣхъ тѣлъ небесныхъ, считаютъ совершенно достаточнымъ ограничиваться ссылкой на одни физическіе законы притяженія и отталкиванія, или общій законъ движенія (Бурмейстеръ, Эли-де-Бомонъ, Дарвинъ, Ламаркъ и др.). Такъ изясняютъ они происхожденіе и существованіе всѣхъ на землѣ видовъ бытія и тѣлесныхъ организмовъ, обращаясь къ однимъ физическимъ законамъ, то разныхъ механическихъ и химическихъ сочетаній, то разнородныхъ внѣшнихъ географическихъ или климатическихъ вліаній, и т. п. Такъ, наконецъ, пытаются они объяснить происхожденіе и существованіе на землѣ въ человѣчествѣ духовно-нравственной (Бокль и Дреперъ) и религиозной жизни (Огюсть Контъ), стараясь историческій ходъ въ ея развитіи подвести подъ постоянные и неизмѣнныя законы бытія. Но мы уже не говоримъ о томъ, что новѣйшее естествовѣденіе пока еще далеко не можетъ похвалиться полнымъ и всестороннимъ знаніемъ законовъ природы, а также

¹⁾ Можно замѣтить, впрочемъ, что не малозначительнымъ поводомъ къ развитію и распространенію теорія міроваго самоуправленія послужило ученіе Лейбницево о мірѣ, какъ наилучшемъ твореніи Божию, и о предустановленной гармоніи міровой. Послѣдователи Лейбницевы—вольфіанцы, принявши за несомнѣнное, что міръ созданъ Богомъ наилучшимъ, отсюда прямо пришли къ тому заключенію, что міръ не нуждается ни въ какой сторонней поддержкѣ, такъ какъ это свойственно только произведеніямъ несовершеннымъ, нуждающимся въ своемъ сбереженіи, а также въ улучшеніяхъ и поправкахъ. Къ такому же выводу пришли они, и признавъ въ мірѣ предустановленную гармонію, причемъ казалось имъ совершенно лишнимъ дѣломъ или даже вреднымъ внимательствомъ всякое дѣйствіе Божіе, обращенное на міръ. Но самъ Лейбницъ вовсе не считалъ необходимыми подобныхъ выводовъ изъ своего ученія о мірѣ наилучшемъ и о предустановленной въ немъ гармоніи, а напротивъ прямо и рѣшительно исключалъ ихъ, утверждая, что Богъ есть существо абсолютное, а потому внѣ Его не должно быть ничего такого, что бы зависѣло отъ Него.

искусствомъ посредствомъ ихъ вполне удовлетворительно изъяснить всё міровыя явленія, такъ какъ эти изъясненія, особенно если они и касаются выходящаго за предѣлы чисто физическихъ законовъ духовно нравственнаго и религіознаго порядка вещей, часто оказываются совершенно несостоятельными и расходящимися съ дѣйствительностію. А напротивъ допустимъ даже, что оно рано или поздно успѣетъ достигнуть полнаго знанія законовъ не только чисто физическаго, но и духовно-нравственнаго и религіознаго бытія, а также, что въ состояніи будетъ посредствомъ этихъ законовъ изъяснить если не всё, то почти всё явленія, какъ физическаго, такъ и духовно-нравственнаго міра. Но и въ семъ случаѣ можетъ ли остановиться наша мысль на однихъ законахъ природы, какъ на послѣднемъ основаніи, при объясненіи существующаго порядка вещей? Развѣ законы сами въ себѣ необходимы или самобытны? Развѣ они—разумныя и живыя существа, которыя знаютъ, для чего существуютъ и сознательно направляютъ все существующее къ одной опредѣленной цѣли? Кто докажетъ самобытность ихъ, не могши доказать самобытности элементовъ и силъ природы? Кто пойметъ существованіе и цѣлесообразное ихъ дѣйствованіе безъ необходимаго предположенія высочайшаго Разума, установившаго ихъ, и безъ высочайшей Воли, блюдущей за ними и управляющей ими, сообразно съ Своими цѣлями и предначертаніями, касающимися міра? Изученіе, поэтому, законовъ природы, гдѣ бы они ни изучались, въ мірѣ ли физическомъ, или духовно-нравственномъ, въ судьбѣ ли частныхъ людей, или въ исторіи человѣчества, если только оно будетъ чуждо всякихъ предубѣжденій, ни въ какомъ случаѣ не должно приводить къ ослабленію или даже совершенному исключенію мысли о Верховномъ промыслителѣ и міроправителѣ, а скорѣе должно вести къ ея просвѣтленію, оживленію и укрѣпленію, что самымъ дѣломъ оправдывалось въ лицѣ знаменитѣйшихъ изслѣдователей законовъ природы, каковы напр. были Ньютонъ, Коперникъ, Кеплеръ, Эйлеръ, и другіе.

Но есть еще другіе поводы, вызывающіе нашихъ противниковъ на отрицаніе промысла Божія въ мірѣ и отстаиваніе своей теоріи предоставленія Богомъ міра самому себѣ или однимъ его физическимъ законамъ. Таковыми поводами обыкновенно служатъ для нихъ непрерывно возникающія и продолжающіяся явленія въ мірѣ такъ называемаго зла физическаго и нравственнаго, которыя будто бы никакъ не могутъ быть примиримы съ промыслительнымъ присутствіемъ Божиимъ въ мірѣ. Но прежде чѣмъ мы войдемъ въ разсмотрѣніе этого рода недоумѣній, замѣтимъ нашимъ противникамъ слѣдующее. Если явленія замѣчаемаго въ мірѣ зла, какъ думаютъ они, дѣйствительно таковы, что никакъ не могутъ быть примирены съ величіемъ Божиимъ, при нашемъ возрѣвіи на міръ, какъ на мѣсто непрерывнаго присутствія промыслительной дѣятельности Божіей, то спрашивается, какимъ же образомъ они могутъ быть примирены ими съ ихъ деистической точки зрѣнія на міръ?

Не труднѣ ли и не возможнѣ ли имъ будетъ это сдѣлать? Вѣдь отстраняя Бога отъ міроуправленія, они должны сказать, какъ и дѣлаютъ, что законы природы сами собою или по своей внутренней необходимости производятъ всѣ виды зла, существующаго въ мірѣ. Но кто, по ихъ же собственному возрѣвію, далъ міру или установилъ въ немъ такого рода законы, чтобы они необходимо производили зло? Конечно, Самъ Богъ-творецъ міра. Но если такъ, то спрашивается, какъ же съ благостію и святостію Творца міра примирить то, что Онъ и напередъ предположилъ создать и создалъ міръ такимъ, чтобы онъ необходимо производилъ явленія зла, какъ физическаго, такъ и нравственнаго? Гдѣ здѣсь мѣсто для благости и святости Творца, когда все зло въ мірѣ должно быть отнесено къ Нему Одному, какъ къ своей творческой причинѣ? Не ставится ли, повтому, наши противники въ необходимость, подобно древнимъ дуалистамъ, вмѣсто всеблагаго и всесвятаго Бога, злое начало признать творцемъ міра, или же, подобно древнимъ и новымъ панте-

Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

истамъ, признать, что Богъ не по Своей благости и премудрости создалъ міръ, а произвелъ его изъ Себя по одному безсознательному и безотчетному влеченію, и произвелъ въ видѣ не наилучшемъ, а сравнительно худшемъ? Вотъ въ какія неразрѣшимыя затрудненія и противорѣчія поставяетъ нашихъ противниковъ попытка изъяснить явленіе и существованіе зла въ мірѣ, чрезъ вытѣсненіе отсюда всеблагаго и премудраго промысла Божія! Между тѣмъ, какъ сейчасъ увидимъ, всѣ подобныя затрудненія и противорѣчія исчезаютъ сами собою, при нашемъ взглядѣ на міръ, какъ на дѣло не только творческой, но и промыслительной дѣятельности Божіей, и при нашей мысли о Богѣ, не только какъ творцѣ, но и какъ всеблагомъ и всевятомъ промыслителѣ міра, Который, хотя допускаетъ зло въ мірѣ, но допускаетъ его ради самаго добра, для его сбереженія, преспѣванія и торжества.

Такъ напр. указываютъ намъ на часто повторяющіяся въ природѣ грозныя физическія явленія, сопровождающіяся страшными въ ней опустошеніями, а также на разнаго рода муки и страданія, господствующія въ царствѣ животныхъ, и ужасы царящей здѣсь смерти, съ неумолимою и непреклонною неизмѣнностію ежедневно, ежечасно и даже ежеминутно поражающей силою своею тысячи и миллионы живыхъ и чувствующихъ существъ, безъ всякаго соображенія съ чьей либо стороны къ ихъ мучительной участи. Но грозныя и разрушительныя явленія природы сами по себѣ, независимо отъ своихъ дѣйствій на живыя и чувствующія существа, не суть зло, а скорѣе добро, потому что они въ общей совокупности всѣхъ физическихъ явленій составляютъ тоже, что въ картинѣ темныя краски или тѣни, необходимыя для ея цѣлостности и художественности. Иное дѣло—страданія, гнетъ и смерть, которымъ съ неотразимостію подвергаются всѣ одушевленныя, хотя неразумныя, но все же чувствующія твари. Но по поводу этого мы замѣтимъ, что благо, если этого рода явленія вызываютъ въ людяхъ со-

страдательность, и наводятъ ихъ на печальныя размышленія, потому что эти размышленія естественно должны приводить ихъ къ сознанію своей грѣховности и соединенной съ ней виновности въ бѣдствіяхъ твари, которая, по слову Апостола, покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее и потому совокупно (съ нимъ) стонетъ и мучится до нынѣ (Рим. 8, 20—22). Кромѣ того, вправѣ ли кто отъ всеблагаго Творца и Промыслителя во имя Его благодати требовать, чтобы Онъ всѣ одушевленныя твари надѣлялъ непремѣнно одинаковою способностію къ жизни и одинаковыми жизненными дарами, или чтобы Онъ не долженъ былъ создать однихъ тварей только для мимолетной и скоротечной жизни, а другихъ для болѣе продолжительной и нескончаемой жизни, или однихъ—только для того, чтобы другимъ служили поддержкою, а другихъ—для того, чтобы ими пользовались, какъ необходимымъ средствомъ къ своему существованію? Между тѣмъ слѣдуетъ къ этому присовокупить, что самое вымираніе, равно какъ нарожденіе животныхъ, происходитъ не случайно или хаотически, а всегда закономѣрно и вполне цѣлесообразно, чего опять не могло бы быть безъ участія Верховнаго Ума, правящаго законами природы.

Но говорятъ, далѣе: еще менѣе завидна на землѣ участь человѣка, такъ какъ онъ, будучи отличенъ отъ другихъ живыхъ существъ своею свободно-разумною и сознательною природою, по этому же самому является несравненно болѣе, чѣмъ они, воспримчивымъ и чувствительнымъ ко всѣмъ жизненнымъ бѣдствіямъ, скорбямъ и страданіямъ, которыя въ такомъ неисчетномъ количествѣ и съ такою нерѣдко невыносимою тяжестію обрушиваются на него, и поражаютъ его съ тою же неотразимою и неумолимою необходимостію, не обращая никакого вниманія на всѣ его обращенія и мольбы къ провидѣнію о ниспосланіи ему благъ или избавленіи его отъ золъ. Но что удивительнаго, если жизнь наша бываетъ полна горечей и страданій, когда мы

знаемъ, что всё мы еще въ лицѣ падшихъ прародителей нашихъ были осуждены на лишенія и изнурительные труды, болѣзни и смерть, и что всё рождаемся въ этомъ мірѣ вовсе не для блаженства или награды, а для духовно-нравственнаго воспитанія и преспѣванія, для нравственныхъ подвиговъ и заслугъ, въ каковомъ отношеніи, какъ извѣстно, самими лучшими учителями и воспитателями являются сами же вѣщнія бѣдствія?

Между тѣмъ нельзя не признать крайне преувеличеннымъ тотъ мрачный взглядъ на нашу жизнь, что будто бы она составляетъ одну чашу горечей и страданій, безъ капли довольства и радости. Если бы было такъ, то отчего происходитъ то, что почти всё люди такъ неохотно расстаются съ своею жизнью? Если же принять во вниманіе, что настоящая жизнь наша служить только воспитаніемъ и подготовленіемъ къ жизни будущей, то тогда она не только не покажется какимъ-то непрогляднымъ мракомъ, не пропускающимъ черезъ себя ни одного луча промыслительной любви Божіей, но напротивъ явится полною самыхъ разнообразныхъ и благопопечительныхъ дѣйствій этой любви, открывающейся во всѣхъ скорбяхъ и радостяхъ, посѣщающихъ человѣка, и все въ его жизни направляющей не къ чему либо иному, какъ только къ одному его благу, истинному и существенному.

Этимъ между прочимъ объясняется и то, почему такъ часто и даже очень часто бываютъ не слышимы и не удовлетворяемы наши прошенія и молитвы, обращаемыя къ Промыслителю. Не говоря уже о томъ, что весьма многіе рѣдко молятся съ надлежащею вѣрою, искренностію и усердіемъ, спросимъ: о чемъ обыкновенно молятся и чего большею частію просятъ себѣ у Бога. Не молятся ли обыкновенно Богу о своемъ только личномъ благѣ, совершенно забывая о благѣ другихъ? Не просятъ ли большею частію у Бога однихъ вещественныхъ благъ, вовсе теряя изъ виду то, что существенно важно и необходимо для духовно-нрав-

ственного пресѣянiя души? Одинъ напр. просить себѣ у Бога увеличенiя своего богатства, не смотря на то, что успѣлъ собрать его до излишества, и не безъ ущерба благосостоянiю другихъ. Другой просить себѣ высшихъ почестей, вовсе не задумываясь надъ тѣмъ, будетъ ли, по достиженiи ихъ, приносить обществу пользу, или же одинъ только вредъ. Иной, бывъ обиженъ или оскорбленъ кѣмъ либо, просить объ униженiи и даже уничтоженiи своего противника. Есть и такiе, которые не совѣстятся обращаться съ молитвами къ Богу о помощи имъ даже въ совершенiи какаго либо обмана, воровства и другихъ подобныхъ преступленiй, и т. д. Не представляютъ ли, повтому, часто молитвенныя обращенiя людей къ Богу столько несообразнаго и безпорядочнаго, что если бы все дѣлалось по нимъ, то могъ бы произойти совершенный хаосъ въ ихъ частной и общественной жизни? Чему же дивиться, если молитвы людей къ Богу часто оставляются Имъ безъ вниманiя и удовлетворенiя? И родители земные часто отказываютъ своимъ дѣтямъ въ ихъ просьбахъ, если просимое ими бываетъ вредно или для нихъ самихъ, или же для другихъ. Но совсѣмъ иное—молитвы людей, согласныя съ Волею Божіею и проникнутыя чувствомъ полнѣйшей преданности этой Волѣ. Онѣ, безъ сомнѣнiя, выслушиваются и исполняются Богомъ, подтвержденiемъ чему служатъ—дарованiе молящимся сладкаго чувства близости Божіей, чудесныя избавленiя ихъ отъ разныхъ повидимому совершенно неизбѣжныхъ бѣдъ и опасностей, таковыя же повидимому совершенно неожиданныя обращенiя ихъ къ лучшей нравственной жизни, и т. п.

Наконецъ, наши противники указываютъ намъ на явленiя въ мірѣ зла нравственнаго, какъ на такого рода явленiя, которыя будто бы происходятъ съ неотразимою необходимостiю, безъ всякаго соотношенiя къ нимъ правосуднаго Бога, такъ какъ на землѣ порокъ существуетъ безъ наказанiя, равно какъ добродѣтель безъ вознагражденiя, и даже порокъ торжествуетъ въ лицѣ благоденствующу-

щихъ порочныхъ людей, тогда какъ наоборотъ добродѣтель принижается въ лицѣ людей добрыхъ и честныхъ, угнетаемыхъ несправедливостію и другими тяжелыми бѣдствіями. Но прежде всего не прямо ли противъ этого говорить присущая всѣмъ людямъ и не подкупно судящая и оцѣнивающая всѣ ихъ нравственные поступки совѣсть, не напрасно признаваемая всѣми голосомъ или судомъ самаго Бога? Лишь только преступникъ задумываетъ совершить какое либо преступленіе, уже совѣсть поднимаетъ противъ него свой неумолимый голосъ, грозя ему страшнымъ судомъ всевидящаго и всеправеднаго Бога, и голосъ ея на столько бываетъ силенъ и грозенъ, что преступникъ только тогда можетъ чувствовать себя въ состояніи совершить преступленіе, когда успѣетъ его какими либо искусственными средствами заглушить или совершенно ослабить. Но его не оставляетъ въ покоѣ совѣсть и по совершеніи преступленія, а напротивъ теперь еще больше, чѣмъ когда либо, являетъ надъ нимъ свою грозную силу, карая его своими нещадными упреками и мучительными угрызениями. Правда, закоренѣлые злодѣи пріобрѣтаютъ, при посредствѣ ненормальной жизни, искусство заглушить и этого рода дѣйствія совѣсти, но за то они никогда не могутъ похвалиться внутреннимъ своимъ довольствомъ и миромъ. А между тѣмъ, нерѣдко случается и то, что повидимому совершенно усыпленная въ преступникѣ совѣсть вдругъ съ такою пробуждается въ немъ неотразимою силою, что онъ, не находя никакой другой возможности успокоить ее, самъ, не смотря на неизвѣстность другимъ своихъ преступленій, объявляетъ о нихъ правосудію, прося себѣ соотвѣтствующаго наказанія, а если, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не удастся и это, добровольно на себя налагаетъ разные тяжелые подвиги, въ надеждѣ искупить этимъ свою вину и достигнуть примиренія съ своею совѣстію. Лишне говорить, что покой и миръ совѣсти, которыми честный и добродѣтельный человѣкъ вознаграждается за свою неукоризненную жизнь,

такое составляет для него безцѣнное благо, что онъ никогда не промѣняетъ его ни на какія земныя блага, богатство ли, почести ли, и т. п., если бы только послѣднія потребовали отъ него принести его себѣ въ жертву. Кромѣ того, можно еще указать, какъ на проявляющееся въ мірѣ возмездіе за добродѣтель и порокъ, на то, что съ добродѣтелью почти всегда соединяется бодрая, ровная, безмятежная и долгодѣтельная жизнь, тогда какъ наоборотъ за порокомъ слѣдуетъ хилость, болѣзненность и преждевременная смерть. А сколько исторія даже цѣлыхъ народовъ представляетъ поразительныхъ примѣровъ Божественнаго правосудія, то ущедряющаго и милующаго ихъ за процвѣтаніе въ нихъ доброй нравственности, то чувствительно вразумляющаго и предостерегающаго ихъ, по поводу порчи ихъ нравовъ, то нещадно ихъ карающаго и даже изглаживающаго съ лица земли за ихъ окончательное нравственное растлѣніе!

Что касается наконецъ обычнаго возраженія: отъ чего на землѣ добродѣтельные люди большею частію страдаютъ, тогда какъ порочные благоденствуютъ, то оно, какъ мы уже имѣли случай прежде замѣтить, само собою отклоняется и ослабляется, при взглядѣ на настоящую жизнь, какъ на время только воспитанія и подвига, а на будущую, какъ на время полнаго воздаянія. Но къ этому мы присовокупяемъ слѣдующее. Можно ли быть увѣреннымъ, что страдающіе высоконравственные люди были бы тѣмъ, чѣмъ есть, если бы, вмѣсто поражающихъ ихъ бѣдствій, окружены были излишествомъ и полнымъ внѣшнимъ довольствомъ? Кромѣ того, такими ли несчастными, какъ ихъ другіе представляютъ, сами чувствуютъ себя эти люди, привыкнуши довольствоваться самымъ скуднымъ и малымъ, и наслаждающіеся при этомъ полнымъ покоемъ и миромъ совѣсти, а также живыми и свѣтлыми надеждами на жизнь будущую? Не сами ли они часто, ради вѣры и блага другихъ, обрекаютъ себя на страдальческую жизнь, и самую

смерть, вовсе не сожалѣя о мірскихъ благахъ, но только всегда сохраняя при этомъ надежду на полученіе благъ вѣчныхъ? А если люди порочные бываютъ окружены внѣшнимъ довольствомъ и изобиліемъ, то опять можно спросить, лучше ли бы они стали, если бы все это было отнято у нихъ и вмѣсто этого были поражены крайними лишеніями и бѣдствіями? Не употребляетъ ли также въ семь случаевъ Богъ самое ихъ внѣшнее изобиліе и довольство, какъ средство къ ихъ вразумленію и исправленію? Если же они не вразумляются и не исправляются, совершенно забываясь и погрязая въ роскоши и грѣховныхъ удовольствіяхъ, то что завиднаго въ ихъ снаружи блестящемъ, но кратковременномъ положеніи, при недостаткѣ внутренняго истиннаго довольства и счастья, главное же, при недостаткѣ надежды на полученіе вѣчнаго блаженства въ будущемъ вѣкѣ.

Архимандритъ Сильвестръ.

О ШТУНДИЗМѢ.

Условія его происхожденія и развитія, и мѣры потребности православной Церкви для борьбы съ нимъ.

Не мало уже писали о штундизмѣ и по поводу его, толковали на разные лады, — и все таки до сихъ поръ какъ самое это явленіе въ жизни нашего общества, такъ и многія другія, затрогиваемыя при этомъ, стороны общественной жизни остаются еще не уясненными въ надлежащей мѣрѣ. Между тѣмъ выяснить и осмыслить въ надлежащей мѣрѣ это болѣзненное явленіе въ нашемъ народѣ, со всѣми важнѣйшими симптомами его и затрогиваемыми имъ сторонами нашей общественной жизни и приступить ко всеобщему и коренному лѣченію этого общественного недуга давно уже настоятъ сильная и неотложная потребность. Надѣюсь, что эту вторую мысль раздѣляетъ со мною всякій, кто дорожить залогомъ нашего вѣчнаго спасенія — православной вѣрой и основой нашего временнаго благополучія и преспѣванія — русской народностью.

Крайне невеселую картину въ настоящее время представляетъ тотъ районъ таращанскаго уѣзда, кievской губерніи, который зараженъ штундизмомъ. Ядъ протестантскаго вольнодумства подъ формою штундизма, при хладнокровномъ созерцаніи и даже одобрительныхъ возгласахъ однихъ, при разрозненныхъ, единичныхъ и потому нетвердыхъ усц-

ліяхъ борьбы другихъ, свободно распространяется въ средѣ нашего простаго народа, концентрическими кругами захватывая все больше и больше пространства. До послѣдняго времени было извѣстно, что штундизмъ въ киевской епархіи гнѣздилися въ таращанскомъ уѣздѣ въ двухъ центральныхъ и нѣкоторыхъ смежныхъ селахъ; сообщалось, что онъ есть уже и въ Таращѣ. Теперь стало очевиднымъ то, что штундизмъ въ Таращѣ, среди невозмутимой тишины успѣлъ уже достаточно осѣсться и окрѣпнуть, такъ что нашелъ возможнымъ выслать своихъ проповѣдниковъ въ окрестныя села и заявить тамъ свое присутствіе цѣлымъ рядомъ насильственныхъ дѣйствій и святотатственныхъ выходовъ. Между такими селами могу указать: Керданы, Лѣсовичи, Степокъ съ Болкувомъ, Прусы. Не думаю впрочемъ, чтобы и другія селенія, близкія къ Таращѣ, были чисты отъ него или безопасны отъ его прираженія. Онъ имѣетъ или можетъ имѣть себѣ сторонниковъ всюду, ибо всюду существуетъ въ народной средѣ матеріалъ, годный на такое дѣло, и условія, благопріятныя переработкѣ сего матеріала—въ штундизмъ ли или во что угодно другое. Какой же это матеріалъ въ средѣ нашего народа, и что за условія, способствующія переработкѣ этого матеріала въ штундизмъ? Въ какихъ чертахъ, затѣмъ, заявляетъ себя штундизмъ въ нашей мѣстности? Какія бы, наконецъ, мѣры слѣдовало принять нашему русскому Правительству и нашей православной Церкви, въ виду этого несомнѣнно вреднаго и опаснаго явленія въ нашей общественной жизни?—Отвѣчаю на эти вопросы по порядку, руководясь большею частію своими личными наблюденіями ¹⁾).

¹⁾ Приходилось мнѣ встрѣчать ошибки сужденій по поставленнымъ здѣсь вопросамъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ (Слово, В. Евр., Пр. Обзор. Кіевлян. и др.). Многие здѣсь казались мнѣ слишкомъ учеными, или до крайности односторонними. Впрочемъ судить объ этомъ я здѣсь не намѣренъ.

I.

Народъ и условія его жизни, разсматриваемыя въ отношеніи къ штундизму.

Неодинаковое отношеніе разныхъ членовъ нашего простонародья къ штундизму.—Часть народа, обезпеченная землей, съ матеріальной, бытовой и религіозно-нравствен. сторонъ.—Безземельные, съ тѣхъ же сторонъ.—Первые дѣятеля у насъ по насажденію штундизма.—Значеніе для насъ херсон. вѣнецкихъ колоній.—Мѣстные источники распространенія у насъ штундизма.—Образъ дѣйствія первыхъ агитаторовъ.—Нападеніе на духовенство со стороны агитаторовъ и обвиненіе его со стороны общества.—Защита отъ этихъ нападокъ.—Причины нѣкотораго отдаленія духовенства отъ народа послѣ 60-хъ годовъ.—Открытіе церковно-приходскихъ школъ и ихъ упадокъ.—Печальныя послѣдствія необразованности народа.—Другіе способы воздѣйствія духовенства на народъ: примѣръ собственной жизни, проповѣдь и бесѣды во внѣ-богослужебное время.—Неудачная постановка матеріальнаго быта нашего духовенства, какъ помѣха ему въ исполненіи его обязанностей.—Выводъ изъ предшествующей рѣчи о духовенствѣ—безосновательность упрековъ нашего духовенства по поводу штундизма.

Извѣстно, что мѣстомъ первоначальнаго появленія штундизма были нѣсколько селеній Таращанскаго уѣзда въ 50 в. отъ уѣзд. города, это Чаплинка, Косаковка и Пасокое. Въ этихъ мѣстахъ, говорятъ, особенно много шляхты, и первыми послѣдователями и проповѣдниками здѣсь штундизма были всѣ почти шляхтичи (Пав. Цибульскій, Болабанъ, Тышкевичъ, Флоринскій, Богдышевская, Лисоцкій...). Потомъ уже въ штундизмъ стали переходить и крестьяне, которые теперь, разумѣется, составляютъ большинство среди отпавшихъ. Однакожь и въ крестьянствѣ не всѣ одинаково относятся къ штундизму. 10-лѣтній опытъ показалъ, что одни изъ нихъ болѣе расположены къ зараженію штундизмомъ, нежели другіе; эта неодинаковая предрасположенность нашихъ крестьянъ къ зараженію штундизмомъ находится въ очень замѣтной связи съ различіемъ ихъ въ матеріаль-

номъ положеніи, а вмѣстѣ съ этимъ—и въ національной и нравственно-религіозной устойчивости ихъ. Итакъ, прежде, чѣмъ говорить о постороннихъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ или доселѣ имѣющихъ такое или иное значеніе для развитія штундизма, нужно сказать о самомъ народѣ, его матеріальномъ положеніи, его національномъ самосознаніи и нравственно-религіозномъ складѣ, такъ какъ отъ степени развитія этихъ сторонъ народной жизни зависитъ успѣхъ штундизма прежде всего.

Вообще говоря, большинство здѣшнихъ крестьянъ живутъ пока еще съ матеріальнымъ достаткомъ. Эта значительная часть крестьянъ владѣетъ полевымъ надѣломъ отъ 1 до 3, рѣже до 10 десятинъ земли. Не велики эти надѣлы сами по себѣ, но въ настоящую пору этихъ надѣловъ, при плодородіи здѣшняго края, для обезпеченія годичнаго содержанія семьи достаточно. При благоприятныхъ обстоятельствахъ (каковы урожай полей и др.) и условіяхъ (напр. возможность имѣть выпасъ для рабочаго скота и пр.), а также—нѣкоторой бережливости и умѣренности, для такихъ крестьянъ бываетъ возможенъ даже нѣкоторый остатокъ, который употребляется ими большею частію на хозяйственныя обзаведенія, покупку воловъ, плуга, устройство вѣтряковъ и пр. Богачи среди нашихъ крестьянъ—большая рѣдкость. Хозяева, промышлявшіе чумацкимъ промысломъ, посылавшіе ежегодно 10, 20 и больше „паровиць“ въ дорогу—за солью въ Крымъ и рыбой на Донъ, пасѣчники, нѣкогда владѣвшіе цѣлыми сотнями пней, хуторяне, въ урожайные годы свозившіе на ярмарки фурами садовые фрукты,—всѣ эти гиганты народнаго богатства переходятъ въ настоящее время или и перешли уже въ область преданій нашего крестьянства¹⁾. Огражденный со всѣхъ сторонъ путемъ стро-

¹⁾ А если бы вы, съ какою-либо сожалѣніемъ останавливаетесь за это сторонѣ своего прошедшаго крестьянина нашъ. Не панича съ ея египетскимъ работами, съ ея тяжелыми невзгодами подъ лашскимъ ярмомъ при полномъ безправіи и беззащитности крѣпостнаго предъ всякимъ, кто въ правѣ считалъ себя

гой формальной законности, нашъ крестьянинъ (разумѣю здѣсь большинство крестьянъ) волей-неволей долженъ сосредоточить на своемъ полевомъ участкѣ все свое вниманіе и такимъ образомъ, при малости этого участка, постоянно оставаться въ предѣлахъ обычнаго, средняго достатка. Нужно однакожь прибавить здѣсь, что съ размноженіемъ народонаселенія и этому, относительно болѣе счастливому, большинству нашихъ крестьянъ становится все тѣснѣй и тѣснѣй, все хуже и хуже. Притомъ, мы не имѣли еще здѣсь въ виду разныхъ несчастныхъ случаевъ, сопровождающихся въ большей или меньшей степени вредными послѣдствіями для крестьянскаго благосостоянія (пожары, падежи скота, неурожаи).

Другая, относительно меньшая часть нашего крестьянства, это—разнаго рода безземельные. Сюда входятъ крестьяне, волею разныхъ судебъ очутившіеся безъ земли; либо еще съ 61 года, либо потомъ— по различнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, затѣмъ—шляхта, мѣщане и другіе, живущіе болѣею частію на чиншовомъ положеніи и промышляющіе разными сторонними промыслами, службой по панскимъ дворамъ, по лѣсничествамъ и пр. наконецъ,—солдаты по возвращеніи изъ службы болѣею частію не могущіе добиться участія въ отцовскихъ надѣлахъ наравнѣ съ прочими братьями. Все это—народъ, лишенный прочнаго, фундаментальнаго обезпеченія, предоставленный жить „на

его „добру научать“... вѣтъ, не то нашему крестьянину въ его прошломъ представляется теперь такъ отраднымъ, дорогимъ, желаннымъ. Его занимает и привлекаетъ въ прошедшемъ то приволье, та ширь, которая, при всѣхъ невгодахъ крѣпостнаго состоянія, существовала для него относительно пользованія промыслами, ему искони принадлежавшими. Не было тогда такого стѣсненія въ землѣ, было тогда довольно мѣста для выпаса скота, были хутора, имѣлась пасѣчница... Съ волей иное пошло: большая часть поля и всѣ лѣса къ пану отошли, очутились у него также хутора и пасѣчница, не стало гдѣ пастись скоту, дорого стало строить, нечѣмъ даже огашиваться. Все, чѣмъ крестьянинъ прежде свободно пользовался, стало запретнымъ для него, даже часть предковой фамильной собственности отчуждена. Остался онъ при одномъ только и при томъ небольшомъ полевомъ надѣлѣ.

счастье“, на „авось“ да „какъ нибудь“. Не обезпеченный, какъ другіе его собратія, безземельный,—кто бы онъ ни былъ, крестьянинъ, шляхтичъ или солдатъ,—въ рѣдкихъ случаяхъ безропотно свосить горемычную судьбу свою: „тярко, тяжело жить на свити отакъ, якъ мы, безъ земли, въ одну хатку тилки, тай годи...“, говоритъ безземельный крестьянинъ; солдатъ проповѣдуетъ больше на тому о томъ, что онъ служилъ Царю-Государю вѣрою и правдою столько-то лѣтъ, воротился со службы на родину, а земли для него нѣтъ; шляхтичъ тоже плачется на свое шатаніе по службамъ, на непрочность своего положенія на чиншевой землѣ... Въ результатъ—броженіе умовъ, склонность къ порицанію настоящаго и притомъ не въ одномъ только экономическомъ отношеніи. Прибавьте къ этому склонность и большую возможность къ сближенію этой части нашего народа съ иновѣрными и иноплеменными лицами ¹⁾, и вы отчасти поймете, почему положеніе этого народа незavidно не только съ матеріальной стороны, но и стороны національной и религіозно-правственной. Недовольство матеріальнымъ бытомъ въ связи съ безпрестаннымъ мыканьемъ по заработкамъ могло ли не отразиться въ этой части народа нашего нѣкоторымъ ослабленіемъ и даже совершенною потерей его исконнаго національнаго и религіозно-правственнаго содержанія?

Тѣсная связь матеріальнаго обѣднѣнія съ обѣднѣніемъ духовнымъ въ нашемъ простомъ народѣ весьма рѣзко выдается, если обратимъ вниманіе на то, какъ относятся къ своей религіозной и національной особенности зажиточные, т. е. владѣющіе полевымъ надѣломъ крестьяне, и какъ—разнаго рода безземельные. Первые,—вообще говоря,—значительно опредѣленнѣе, чѣмъ вторые, въ своей національ-

¹⁾ Богѣ или менѣе крупная промышленность и землевладѣніе находятся у насъ въ рукахъ лицъ либо польскаго, либо еврейскаго, либо нѣмецкаго племени.

ной физиономіи и крѣпче въ религіозно-нравственномъ складѣ. Крестьянинъ надѣленный землею, еще во многомъ сохранилъ въ себѣ лучшія, симпатическія черты своего варданата типа: въ немъ болѣе сказывается здравомыслія и спокойной разсудительности, осторожности и вѣрнаго пониманія тѣхъ или иныхъ явленій и сторонъ жизни,—больше остроты ума и сильнаго и глубокаго чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживаетъ въ себѣ болѣе вѣрности преданіямъ и завѣтамъ вашей исторіи и больше питаетъ привязанности къ своимъ роднымъ обычаямъ. Уроковъ исторіи онъ не забылъ еще, или лучше,—эти уроки не прошли для него напрасно. Хоть рѣдко уже приходится у насъ въ народѣ слышать скорбныя повѣсти объ уни, о польской „доброй“ справѣ во времена Рѣчи Посполитой и крѣпостнаго права; однакоже и теперь еще среди этой лучшей половины нашего простаго народа хорошо понимаютъ, кто нашъ другъ и кто недругъ. Зажиточному нашему крестьянину антипатиченъ до крайности еврей—„невѣра и Иуда—хриstopродатель“, все еще подозрителенъ „ляхъ“, не любя ему и „німота“. Въ дѣлахъ общественныхъ („общесельскихъ“) и приходскихъ онъ болѣе способенъ стоять за общіе интересы громады и Церкви. Вся обрядовая сторона жизни (какъ бытовой, такъ и церковной) для него имѣетъ значеніе не просто только по своей занимательности, а главнымъ образомъ потому, что въ ней онъ видитъ что-то родственное себѣ, что-то завѣтное, говорящее отрадно его уму, волѣ и сердцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто заповѣдное; онъ не хочетъ и даже боится измѣнить ей, ибо она завѣщана ему, какъ дорогое наследіе, его отцами, дѣдами и прадѣдами. Свой языкъ родной онъ сохраняетъ еще въ чистотѣ; пѣсни у него—также свои, родные. И все это не потому, чтобы не любя ему была рѣчь его московскаго собрата, а потому, что, вѣдь, языкъ и пѣсня его суть такая же его „батьківщина“, какъ его домъ, земля, село, церковь; въ своей родной рѣчи, въ своей родной пѣснѣ онъ

слышать наиболее внятное ему слово, наиболее близкое его сердцу звуки. И въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи здѣсь вы встрѣтите болѣе всего добраго, разумнаго, здраваго, похвальнаго. Сколько въ немъ добросердечія, искренности, щедрости, въ особенности же сильной, глубокой и святой вѣры! Говоря о свѣтлой сторонѣ типа лучшей части нашего простаго народа, я не забываю и стороны темной. Скажу однако, что недостатки его не особенно важны и не такъ бросаются въ глаза, какъ его достоинства. Я долженъ впрочемъ упомянуть здѣсь объ одномъ, весьма распространенномъ среди всего вообще нашего простаго народа, недостаткѣ, очень много вредящемъ ему и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ и въ религіозномъ отношеніяхъ. Это—пьянство, которое, пожалуй, можно назвать матерью всѣхъ пороковъ нашего простонародья. Оно течетъ матеріальное благосостояніе нашихъ крестьянъ, губитъ ихъ силы и физическія и духовныя. Не жалко ли видѣть, какъ иной крестьянинъ больше расходуетъ своихъ средствъ какому-нибудь Ицкѣ или Мордку, чѣмъ себѣ и своей семьѣ въ домъ?—какъ самые важные обряды церковныя и церемоніи, полныя глубокаго священнаго смысла и значенія, (погребеніе, помяновеніе усопшихъ на проводахъ, въ Омину подѣлю, въ Дмитріеву субботу и пр., закладчина, свадьба), а также важнѣйшіе праздники, въ особенности храмовые сопровождаются, какъ бы по нѣкому законному обыкновенію, обильнѣйшими возліяніями Бакусу, сборищами и гульбищами у корчмы со всѣми безобразіями, ссорами, драками и драгами, которыя, надобно сказать, не ограничиваются сферою корчмы и улицы, а переходятъ въ дома и здѣсь ложатся въ основу нескончаемыхъ неприятностей, отравляющихъ всю жизнь членовъ семейства? Станемъ ли удивляться тому, если иногда и лучшіе изъ народа нашего, впечатлѣніемъ зрѣлища всевозможныхъ пьянственныхъ безобразій, приходятъ въ настоящее время къ сознанію какой-то пустоты вокругъ себя, недовольства

своимъ настоящимъ и обнаруживаютъ порывъ къ чему-то иному, стороннему ¹⁾?

Теперь скажу еще о другой, меньшей половинѣ нашего простаго народа—безземельныхъ, особенно тѣхъ, которые, для добыванія себѣ средствъ къ жизни, принуждены пускаться въ отхожіе промыслы, отчасти также—тѣхъ, которые служатъ по найму на экономіяхъ, въ посессіяхъ, на заводахъ, по городамъ, также занимаются извозомъ, скупнымъ промысломъ, барышничествомъ... Здѣсь уже вы не встрѣтите тѣхъ симпатическихъ и почтенныхъ чертъ бытовой, нравственной и религіозной жизни. Въ личномъ характерѣ нашего безземельнаго больше обнаруживается безпокойства, порывистости, неровности. Въ отношеніи къ народнымъ преданіямъ и обычнымъ житейскимъ правиламъ явдо болѣе критицизма, нежели преданности, покорности. Меньше также въ этой части нашего простонародья сознанія своей національной особности. Нашъ безземельный болѣе космополитиченъ въ отношеніи къ бытовой и религіозной жизни: бывають среди его даже такіе, которымъ положительно все одно,—свой ли братъ или иноплеменникъ (жидъ, полякъ или нѣмецъ),—православный ли или иновѣрный (еврей, католикъ или протестантъ), что въ простомъ народѣ особенно странно встрѣчать. Въмѣстѣ съ тѣмъ этотъ народъ мало дорожитъ и своимъ роднымъ языкомъ и своими родными пѣснями,—старается говорить „помосковски“ и пѣсни у него такіа же, хотя, конечно, и то и другое у него смѣшано съ малорусскимъ и представляетъ карикатуру на то, чему подражаютъ. Не подумайте, впрочемъ, что эта часть народа нашего болѣе русская, чѣмъ первая. Совершенно напротивъ. Эти послѣдніе имѣють въ себѣ меньше всего русскаго; говорятъ же порусски изрѣдка лишь ради пустаго краснобайства, чтобы только порисоваться „барскою рѣчью“ (на которой у насъ говоритъ интеллигенція), кото-

¹⁾ Примѣръ см. ниже.

Труды Кіевской дух. Академіи 1884 г. т. I.

рой они наслушались, шатаясь по службамъ „въ Адесі“ и другихъ городахъ. И въ нравственномъ отношеніи она далеко ниже персыхъ: въ нихъ чаще встрѣчаешь хитрость, плутоватость, нечестность въ словѣ и дѣлѣ, своекорыстный эгоизмъ. Низко-корыстная точка зрѣнія обнаруживается у него и въ отношеніи къ дѣламъ вѣры. Онъ не только индифферентенъ къ нимъ, потому что таинства, молитвы, богослужебные обряды ничего матеріальнаго ему не даютъ, но и склоненъ къ отчужденію отъ всего этого, потому что удовлетвореніе религіозныхъ потребностей соединено съ извѣстными расходами. Православная обрядность ему кажется лишнею обузою; онъ не видитъ и не ощущаетъ въ дѣлахъ благочестія духовной стороны, а обращаетъ свое вниманіе только на матеріальную сторону религіозно обрядовой жизни. Относительно шляхты здѣсь нужно еще замѣтить, что она издавна отличается большею вольностію поведенія, чѣмъ крестьяне, (и доселѣ причисляя себя къ дворянству, разумѣется, старинному), преданіями своими какъ то болѣе тяготеетъ къ Житомиру и Варшавѣ, нежели къ стариннымъ центрамъ русской государственной и религіозной жизни ¹⁾).

Вотъ въ общихъ чертахъ характеристика кореннаго здѣшняго населенія,—нишняго класса народа. Каковымъ оно представляется нынѣ, таковымъ же несомнѣнно оно было и дѣтъ десять слишкомъ тому назадъ, до появленія въ нашихъ мѣстахъ штундизма. Время, протекшее съ тѣхъ поръ до нынѣ, только позволило этимъ чертамъ нашего народа высказаться въ судьбахъ этого пагубнаго историческаго явленія съ большею опредѣленностью и рѣшительностію. Большинство и лучшая часть нашего народа не могла на пер-

¹⁾ Мнѣ самому приходилось бывать свидѣтелемъ того, какъ иной родовой шляхтичъ, въ минуту расхлябаннаго сознанія своего „голору“, починалъ и Варшаву и Житомиръ, даже Езуса и Пайлу Марію, хотя онъ уже издавна—православный и русскій.

выхъ порахъ оказать сочувствіа штундизму, этому мечадію протестангства, произведенію нѣмецкаго духа,—чуждому намъ и по происхожденію своему, и по своему внутреннему характеру; и мы увидимъ ниже, съ какимъ почетомъ обыкновенно всрѣчаетъ и провожаетъ отъ себя на перыхъ порахъ народъ нашъ это странное для него благовѣстіе. Послѣднее однакоже было бы заключать о томъ, что положеніе штундизма въ нашемъ краѣ совсемъ не прочно, не имѣетъ за собою никакой будущности. Надобно помнить, что въ настоящее время существуетъ большая разница въ положеніи праслославіа и положеніи штундовой пропаганды. Первое, при встрѣчѣ со второю, оказываетъ, вообще говоря, лишь пассивное сопротивленіе,—почти своею только косою; если бываетъ противодѣйствіе активное, то только со стороны духовенства, да и оно дѣйствуетъ какъ-то вершительно и притомъ врозь. Вторая, напротивъ, дѣйствуетъ непрерывно, притомъ по всѣмъ правиламъ пропагандистской тактики; при томъ очевидно, что движеніемъ управляетъ опытная рука. Вода, горятъ, долбить камень. Такъ и фанатическая пропаганда въ нашемъ краѣ мало по малу разбиваетъ твердую вѣру здѣшняго простонародія, противостоящую сему стремительному потоку одною лишь своею косою и больше и больше распространяется среди народа. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эта мысль будетъ подробно раскрыта. А теперь перехожу къ изслѣдованію того: что же это за пропаганда? Кто ея дѣятели у насъ? Какой ея источникъ? Что за условія, способствующія ея успѣху?

Уже изъ предыдущаго видно, кто именно изъ среды нашего народа долженъ былъ выступить въ качествѣ первыхъ застрѣльщиковъ этого движенія. Это та другая сравнительно очень малая часть нашего простонародья, которая, будучи поставлена разнаго рода историческими обстоятельствами въ общихъ условій народной жизни, значительно обособилась отъ большинства, такъ сказать, вышла изъ колеи народной жизни, и если еще придерживалась

этой колеи, то только до времени, пока не встрѣтилась съ постороннимъ сильнымъ вліяніемъ, которому она и отдалась всецѣло, со всѣмъ фанатическимъ пыломъ и страстью. Такими именно и были первые агитаторы въ нашемъ краѣ—Тышкевичъ, Цыбульскій и К°; таковы же большею частію и позднѣйшіе агитаторы—неофиты. Извѣстна исторія совращенія Тышкевича. Живя долго въ херсонской губерніи, Тышкевичъ совсѣмъ овѣмечился: женился тамъ на протестанткѣ, подпалъ вліянію пасторовъ, бросилъ православіе и еще тамъ практиковался въ пропагандѣ. Возвращенный на родину (въ с. Плоскую) для водворенія, онъ сначала совращаетъ свою братію,—шляхтичей, такихъ же по положенію въ обществѣ и духовному складу своему, какъ и онъ. А отсель пошла зараза дальше. Но прежде чѣмъ говорить о самомъ распространеніи заразы, я оставлю вниманіе на той мѣстности, откуда эта зараза получила происхожденіе въ началѣ, да и теперь къ намъ приносится, именно—на Херсонскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Херсонская губернія имѣетъ важное значеніе для нашего края, какъ мѣсто, куда отправляется нашъ бѣдный классъ населенія для заработковъ. По разсказамъ крестьянъ, возвращающихся оттуда, мало кто изъ нихъ останавливается для заработковъ у другихъ колонистовъ: большею частію они навиваются у нѣмцевъ, которые въ большинствѣ протестанты (лютеране, кальвинисты, анабаптисты). Эти колонисты, вызванные нашимъ правительствомъ еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія, собственно въ видахъ благотворнаго воздѣйствія ихъ на наше сельское хозяйство, водворившіеся у насъ съ такими большими издержками для нашего государства, получившіе притомъ самый прочный залогъ своего благосостоянія въ такихъ жирныхъ надѣлахъ полевой земли (60 десятинъ на семью), которые нашему русскому мужику и присниться не могутъ, до сихъ поръ еще не обнаруживали никакого благотворнаго воздѣйствія на сельско-хозяйственную культуру нашего края. За то они

въ настоящее время всецѣло дарятъ насъ иного рода культурою, — культурою, состоящей въ вытравливаніи въ нашемъ простомъ народѣ всего, что въ немъ есть лучшаго, — его простой вѣры, его благоговѣйнаго отношенія къ святыѣ, его привязанности къ благочестивымъ упражненіямъ — посту, молитвѣ, праздникамъ, — уваженія къ авторитету церкви и ея богоучрежденной іерархіи, или прямѣ — въ отрѣшеніи его отъ православія и затѣмъ отъ своей народности. И все это дѣлается подъ видомъ желанія добра русскому народу, которому предстоитъ великая будущность, но который будто бы не знаетъ Христа, будто бы коснѣетъ въ гнусномъ идолопоклонствѣ и пребываетъ во тьмѣ разнаго рода предразсудковъ и суевѣрій.. Вотъ въ чемъ ихъ культура! Впрочемъ, кажется вмѣстѣ съ этимъ имѣется въ виду и преуспѣваніе русскихъ также въ отношеніяхъ научномъ и промышленномъ, ибо, по мнѣнію пастора Боннекемпфера ¹⁾, — полагать надо, главнаго насадителя у насъ штундизма, — русскіе потому и не двигаются впередъ въ научномъ и промышленномъ отношеніяхъ, что они — православны. Итакъ, нужно было искоренить у русскихъ православіе. Что въ Херсонскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ существуетъ съ самыхъ 60-хъ годовъ систематическая пропаганда, это не подлежитъ сомнѣнію. Но кромѣ систематической пропаганды, существуетъ здѣсь и пропаганда частная. Я разумѣю то непрестанное вліяніе, которое оказы-

¹⁾ Страни. 1860 г. На эту рѣчь Боннекемпфера, кажется, до сихъ поръ мало обращали вниманія. Судя по отзывамъ его здѣсь о нашей православной церкви и затѣмъ по тому, что о немъ до сихъ поръ печаталось, можно считать Боннекемпфера первымъ творцемъ русскаго штундизма. Слѣдовало бы интересоваться штундизмомъ ближе съ нимъ познакомиться. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, будто эта рѣчь принадлежит не тому Боннекемпферу, который былъ пасторомъ въ колоніи Рорбахъ, а какому-то другому. Если это и вѣрно, то интересъ указанной выше рѣчи не теряется, тѣмъ болѣе, что бывший Рорбахскій пасторъ, кажется, совершенно раздѣляетъ мысли своего соименника о нашей церкви.

вають здѣшніе колонисты—богачи на своихъ батраковъ—нашихъ бѣдныхъ, захудалыхъ крестьянъ. Возьмите, спросите кого угодно изъ бывшихъ тамъ на службѣ нашихъ крестьянъ, какъ ему жилось тамъ у вѣмца колониста, и вамъ понятнымъ станетъ то, какъ русскій работникъ научается уму-разуму относительно своей вѣры у вѣмца. Рѣдкій изъ крестьянъ не ставеть рассказывать вамъ, какъ приходилось ему либо въ споры вступать съ хозяиномъ-вѣмцемъ, либо сужденія его слушать о вашей православной вѣрѣ. Да къ этому и случивъ бываетъ весьма много: праздники, посты, крестное знаменіе при молитвѣ (передъ обѣдомъ и послѣ обѣда), молитва вечерняя, утреня, крестъ на груди, иконы въ домѣ... все это к сему подобное служить обыкновенно точкой отправленія въ разговорахъ о нашей православной вѣрѣ между крестьяниномъ и вѣмцемъ. „Навяльсь мы до німца“, рассказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ, „да я не зналы потімъ, якъ выбраця одъ ёго. Въ среду и пятницю обідъ скоромный: все зъ молокомъ, та мясомъ; въ Петрівку—тожъ скоромно. Стады казати, щобъ намъ пісний гарылы, такъ де тобі?—Не хоче німець; каже, косыть не будешъ за ті гроші, що даю. Та иде таке тобі верзе про посты, що луче вуши заткны. Цілыхъ 2—3 місяця прыздыва не знаешъ, все на работі, въ церкви не буваешъ; руські слободы не близько, а стань просыця въ неділю у хозяина до церкви, то вінъ заразъ тобі каже: іды въ нашу церкву (вірку)... та все смієця зъ насъ. Терпілы мы, терпілы, та якъ діждали сроку, перехрыстылысь, та драла звітія... Потімъ уже ніколы не стану у німца“ (на работу). Не всякій, конечно, относится къ чужимъ рѣчамъ съ такимъ благоразуміемъ и стойкію. Бываютъ между крестьянами и такіе, которые ведутъ себя у подобныхъ хозяевъ съ истинно-холодскою угодливію и подобоострастіемъ. Наслушавшись всевозможныхъ циническихъ отзывовъ своего хозяина-вѣмца, очи, естественно, послѣ этого новыми глазами вачивають смотрѣть на обряды

православія и возвращаются домой уже значительно охладившими къ вѣрѣ, если не совсемъ соображенными. А совращать тамъ видно очень охочи: только пожелаѣ слушать, да учиться грамотѣ, сейчасъ тебѣ и Евангеліе дадутъ и наставлять стануть.

Я однакоже нисколько здѣсь не думаю утверждать то, будто бы въ настоящее время штундизмъ приносится къ намъ главнымъ образомъ изъ Херсонской губерніи. Въ настоящее время штундизмъ въ Таращанскомъ уѣздѣ настолько уже акклиматизовался, что можетъ распространяться своими собственными, мѣстными силами. Изъ Херсонской губерніи положено здѣсь начало, оттуда же еще и теперь можетъ исходить главное направленіе; да еще можетъ разрастаться тамъ тотъ или другой изъ отправляющихся туда на заработки. Собственно же мѣстное распространеніе штундизма идетъ у насъ въ настоящее время чисто географическимъ путемъ изъ центровъ въ мѣста сосѣдствія. Распространителями служатъ обыкновенно тѣ изъ штундистовъ, которые по какимъ нибудь дѣламъ бывають въ этихъ сосѣднихъ мѣстахъ.

Но здѣсь, кажется, не неумѣстно будетъ обратить вниманіе на то, какими средствами пропагандисты обыкновенно дѣйствуютъ, чтобы добиться успѣха. Извѣстно, какъ дѣйствовали въ началѣ первые насадители у насъ штундизма: Тышкевичъ, Цыбульскій и К°. Обманъ и лицемеріе были главными пружинами ихъ дѣятельности. Начали они агитировать изъ-подтишка. Прежде всего они старались приобрести довѣріе народа и уваженіе: прикидывались праведниками, читали имъ книги, толковали ихъ, а для скрѣпленія союза поили слушателей водкой. Заручившись расположеніемъ извѣстнаго кружка людей, они старались окончательно уже отторгнуть этихъ своихъ единомышленниковъ отъ Церкви. Но какъ отторгнуть? Нельзя было укрыться отъ священника. Онъ гдѣ видимый представитель Церкви: онъ строитель таянъ Божіихъ, судія совѣсти cadaго, об-

леченный притомъ властію вязать и рѣшить, онъ—духовный наставникъ, учитель и воспитатель приходской общины. Нужно было узнать его предъ народомъ, если хотѣли отдѣлать отъ церкви подготовленныхъ ими. И вотъ, особенно на первыхъ порахъ, агитаторы не щадили никакой грязи, чтобы очернить пастырей духовныхъ. Священники не учатъ народъ, священники сами ничего не знаютъ или хоть и знаютъ, да не такъ толкуютъ, священники „повыдумовали базнащо, тай маять насъ“... и т. д. и т. д. Повятно также, что при этомъ не забыли нравственной стороны ихъ: тутъ ни предъ чѣмъ не останавливались, ничего не пропускали, да еще при всякомъ случаѣ старались преувеличить въдесятеро. И выходило, что, дѣйствительно, священники таковы, что лучше держаться отъ нихъ подальше. Замѣчательно, что вездѣ, гдѣ только появлялся штундизмъ, священникъ въ томъ приходѣ, послѣ нѣкоторой пригготовительной работы со стороны агитаторовъ, дѣлался первою мишенью для ихъ нападеній¹⁾. Когда такимъ образомъ, путемъ нѣсколькихъ фанатическихъ выходовъ противъ священника, агитаторы добьются униженія его, тогда уже легко имъ удастся сколотить свою партію и преобразовать ее по своему. Такъ, окончательное,—точнѣе—открытое отпаденіе отъ Церкви слѣдуетъ какъ будто бы послѣ разлада со священникомъ.

Здѣсь именно лежитъ источникъ того довольно распространеннаго мнѣнія о происхожденіи штундизма, будто его вызвало исключительно наше духовенство—грубое, глупое, лѣнивое, корыстное, мало нравственное или и совсѣмъ безнравственное, при томъ—погруженное въ формализмъ и да-

¹⁾ Посему любимѣйшимъ мѣстомъ Св. Писанія у штундистовъ—агитаторовъ служитъ гл. XXIII Мо., начинающаяся словами: „тогда началъ Иисусъ говорить народу и ученикамъ своимъ, и сказалъ: „на *Моисеевомъ съдаициъ съдоша книжници и фарисеи...*“—глава, представляющая богатую пищу для бессмысленной и дерзкой фантазіи пропгандистовъ (Толкованіе этой главы штундистами см. въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1882 г. № 16).

леко отъ народа стоящее. О грубости много бы можно было здѣсь спорить, да быть можетъ, самая грубость на устахъ порицателей значить что нибудь другое, чѣмъ мы понимаемъ: можетъ быть, здѣсь рѣчь шла объ отсутствіи перчатокъ на рукахъ, о смазныхъ сапогахъ на иномъ, старой, рваной одежѣ и тому подобныхъ деревенскихъ безобразіяхъ. Тутъ, пожалуй, и спорить будетъ нечего. О глупости придется сказать тоже не больше: ость вѣдь такой у насъ народъ, для котораго все глупо, что—не отъ него. А вотъ, что касается разобщенности нашего духовенства съ народомъ, его формализмъ, корыстолюбіи, лѣности, объ этомъ слѣдуетъ сказать нѣчто. Духовенство наше, говорятъ отличители его, притомъ—даже иногда и искренно ревнующіе о Церкви, невнимательно къ нуждамъ народа, формально относится къ своимъ обязанностямъ, предаю почти исключительно своимъ личнымъ интересамъ,—вотъ почему оно и не авторитетно въ народѣ; отъ этого—де и штунда и т. д. Отвѣчаю на это сообщеніемъ о томъ, что видѣть и слышать мнѣ самому приходилось здѣсь въ Таращанскомъ уѣздѣ. Что наше духовенство само себя отдѣляетъ отъ народа, удаляется отъ него,—этого никакъ нельзя сказать. Случаи, въ которыхъ священникъ держалъ бы себя баринкомъ, недоступнымъ для прихожанина, подобно тому, какъ это заурядъ, говорятъ, можно встрѣтить у протестантовъ, у насъ почти невозможны: батюшка въ нашей мѣстности живетъ не самъ собою и не для одного себя; онъ соучастникъ крестьянина въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни—радостныхъ или печальныхъ, онъ раздѣляетъ съ нимъ общеніе, бесѣду и трапезу. И ужели справедливо будетъ думать, что все это участіе здѣсь ограничивается одною формальностью, что, присутствуя при семейныхъ оказіяхъ, священникъ ограничивается одною обрядовою стороною,—что онъ печальнаго не утѣшаетъ, радующемуся не сорадуется, нуждающагося въ наставленіи не поучаетъ?—Самъ я постоянно иному былъ свидѣтель. Можно желать по этой части большаго, и даже слѣ-

дуетъ; но это уже будетъ совсѣмъ другое. И въ равнодушіи со стороны духовенства къ нуждамъ нашего народа упретъ, кажется, будетъ въ значительной мѣрѣ несправедливымъ: оно ли о школахъ не равновало? Оно ли равнодушно было къ нравственному состоянию пасомыхъ? Оно ли, при всей отчужденности и препятствіяхъ къ вышательству въ общественныя дѣла прихода, не ратовало за высвобожденіе крестьянъ отъ нозаго рабства египетскаго—жидовъ вассалаторовъ (корчмарей, арендаторовъ, олей, ставкозъ и пр.)?—Сколько мнѣ извѣстно, здѣшнее духовенство и прежде готово было идти на встрѣчу существеннѣйшимъ нуждамъ народа, да и нынѣ оно не отстываетъ отъ удовлетворенія этихъ нуждъ, насколько есть у него къ тому возможности. И сколько бы уже до сихъ поръ было сдѣлаво умъ добра народу, если бы другіе, столціе надъ народомъ, старались поддерживать, а не мѣшать ему! (Мѣшали, кажется, тоже во имя газихъ-то глѣсихъ, просвѣщенныи и грей)! И въ корыстолюбіи, взяткахъ и поборахъ безпристрастный не упрекнетъ наше духовенство. Не о поборахъ и взяткахъ думать бы, а постараться бы лучше объ измѣненіи условій матеріальнаго положенія нашего духовенства. При данномъ же нынѣ состояніи этихъ условій, всегда будутъ возможны злоупотребленія (въ отдѣльныхъ случаяхъ) правомъ вознагражденія за требы (поборы). Впрочемъ, если иногда—возможны и бывають вымогательства, то гораздо чаще случается то, что трудшемуся саужителю алтаря и ничего не достается кромѣ разсѣ хлѣба на пропитаніе.

Итакъ, во первыхъ, духовенство здѣшнее не такъ сильно разобщело съ народомъ,—не нерадитъ о нуждахъ народа, не въ такой мѣрѣ своими интересами занято,—какъ это обыкновенно хотятъ представить: все возможное по части этихъ требованій оно дѣлаетъ и впредь готово дѣлать. Но, во вторыхъ, говорю это о нашемъ духовенствѣ, я вовсе не думаю утверждать, что оно въ этомъ отношеніи стоитъ на высотѣ своей задачи. Напротивъ, я скорѣе го-

толь склониться на сторону того мнѣнія, которое у насъ весьма часто приходится слышать,—будто прежде, именно до 60-хъ годовъ, духовенство наше во всѣхъ, вышеуказанныхъ отношеніяхъ стояло выше, нежели теперь, т. е. что и связь его съ народомъ была крѣпче, и дѣятельность его народу казалась благотворнѣе, и матеріальныя отношенія были съ обѣихъ сторонъ боже удовлетворительны. Съ выходомъ крестьянъ на волю отношенія пастырей къ народу какъ-то сами собой стали ослабѣвать, въ характерн дѣятельности пастырей какъ-будто менѣе ощущается производительности, и даже въ матеріальной отношеніи со стороны духовенства иногда обнаруживается, пожалуй, оольнѣе требовательности. Итакъ, что же?—Не стать ли намъ тотчасъ объявлять наше молодое поколѣніе духовныхъ въ самолюбномъ уклоненіи отъ исполненія своей задачи? Не искать ли намъ рѣшенія занимающаго насъ вопроса въ возмѣр либеральномъ духѣ, винтываемомъ нашею молодежью къ школь и парализуемомъ ихъ отношеніи къ своему апостольскому призванію?—(Оставить себѣ прочія обстоятельства, всѣ новыя условія жизни нашего пастырства, и осыпать упреками нашихъ молодыхъ отцевъ, сваливъ всю бѣду на ихъ голову,—тачъ рѣшать вопросъ будетъ очень легко, но и очень несправедливо. Посмотрѣли бы вы на иныхъ молодыхъ священниковъ, какъ они берутся за свое дѣло въ началѣ, и вы бы не сказали, что они такъ холодны, такъ безучастны въ своему святому дѣлу, такъ сильно провнкнуты практицизмомъ. Грустную, до крайности тяжелую (подъ часъ даже съ трагическою развязкой) повѣсть приходилось вамъ слышать отъ этихъ „молодыхъ“ батюшекъ о первой порѣ ихъ дѣятельности: съ юношескою свѣжестью силъ, съ горячимъ энтузіазмомъ браться ипой претставитель апостольскаго служенія за дѣло Божіе на нивѣ Господней: много добра хотѣлось ему сдѣлать на сей нивѣ, кое-что даже онъ дѣлалъ и заводилъ, да скоро потомъ затихнуть пришлось подъ тяжестью неблагопріятныхъ условій и

обстоятельствъ. Отъ чего же нынѣ наше духовенство не можетъ стоять въ такой близости къ народу, какъ это было до 60-хъ годовъ? Отъ чего вообще и отношенія между нимъ и народомъ какъ будто къ худшему измѣнились?—Болѣе или менѣе крѣпкая и глубокая связь духовенства здѣшняго съ народомъ обуславливалась особенно тѣмъ, насколько оно удовлетворяетъ его насущнѣйшимъ нуждамъ. А эти нужды до 60-хъ годовъ и послѣ того были совершенно различны. До 61 года народная жизнь была сдавлена крѣпостнымъ правомъ: вся главная масса народныхъ интересовъ сосредоточивалась на панскомъ дворѣ, большая часть времени и силъ посвящалась барщинѣ. Не было тогда народу нашему ни досуга, ни охоты заняться чѣмънибудь важнѣе добыванія въ потъ лица своего хлѣба насущнаго,—не было времени даже подумать объ этомъ. Потребности народа съуживались до самаго ограниченаго минимума. Имѣсть съ тѣмъ и задача духовенства была проще. Не о школахъ, не о болѣе или менѣе широкомъ просвѣщеніи народа приходилось ему тогда думать, а о болѣе или менѣе сносномъ гражданскомъ положеніи народа,—о смягченіи тягостей барщины, о защитѣ его отъ произвола и самодурства со стороны пана и различныхъ „підпанківъ“. И священникъ въ эту пору, дѣйствительно, былъ постояннымъ печальникомъ его предъ начальствомъ и защитникомъ предъ помѣщиками. Священникъ и народъ болѣли однимъ сердцемъ, жили одною мыслию и питались одною надеждою. За то и народъ дорожилъ своимъ пастыремъ, былъ крѣпко привязанъ къ нему. Ничуть не выше въ нравственномъ отношеніи (если даже не ниже) стоялъ тогдашній священникъ въ сравненіи съ нынѣшнимъ. Тѣмъ не менѣе народъ относился къ нему съ полнымъ уваженіемъ, вниманіемъ и послушаніемъ. Онъ не былъ такъ склоненъ къ пересудамъ, которые въ настоящее время часто доходятъ до глумленія надъ своимъ пастыремъ, напротивъ того, какъ видно изъ многихъ разсказовъ стараго времени, даже защищалъ его отъ злорѣчія и злословія

и скрывалъ его недостатки, — обличительнымъ словомъ его не брезгалъ, а старался слушаться его и покоряться. Но, что всего поразительнѣе, такъ это то, что народъ, не смотря на свою нищету, не задумывался удѣлять ему изъ своего добра, — часто вознаграждалъ его труды съ избыткомъ: онъ также не считалъ для себя унижительною и трудною помочь ему лично въ полевыхъ работахъ: съ большою охотою бывало стекался онъ помочь „своему батющці“ послѣ пяти дней работы на пана. При простотѣ народа, его скромности и искренности съ одной стороны, и при очевидно важномъ значеніи для него священника — съ другой, иного, конечно, и ожидать нельзя было. И сами священники, кажется, были довольны тогда своимъ положеніемъ. Съ какихъ поръ это духовенство подняло жалобы на свою нужду? Кажется, до 60-хъ годовъ этихъ жалобъ было меньше. Скажутъ, быть можетъ, что съ тѣхъ поръ здѣшнее духовенство стало жалованья больше получать? — Да, — вмѣсто 120—300 р. съ очень почтеннымъ минусомъ отъ вычетовъ изъ этого жалованья. А между тѣмъ жизнь болѣе, чѣмъ вдвое, подорожала, потребности возрасли, даванія прихожанъ стали понижаться до нуля; а расходы по хозяйству у священника всегда стоятъ выше, нежели у другаго хозяина землевладѣльца или землепашца. Но взглянемся однако попристальнѣе, что случилось съ нашимъ народомъ и духовенствомъ послѣ дарованія воли. Сброшено ярмо рабства, не стало панщины! Полно работать на другихъ, — притомъ еще — ино-вѣрныхъ и иноплеменныхъ! Конецъ чуждому вмѣшательству въ дѣла нашего крестьянина! Конецъ панскому самоуправству и произволу надъ крестьяниномъ — его личностью, его трудомъ, его домомъ, его имуществомъ. Отнынѣ крестьянинъ становится полноправнымъ гражданиномъ своего отечества, — не просто крестьяниномъ, а крестьяниномъ-собственникомъ. Ему дано самоуправленіе: онъ самъ себя сталъ господиномъ и судья въ дѣлахъ семейныхъ, имущественныхъ и общественныхъ. Цѣлая эра наступила въ его положеніи,

быть и сознании. Онъ (разумѣй—большинство его) начинаетъ устраиваться съ виѣшняей стороны, является у него нѣкоторый достатокъ, развивается въ немъ сознание личности. На досугъ нашъ простолюдинъ начинаетъ приглядываться ближе къ себѣ и другимъ: развивается духъ критики. Возникаютъ у него при этомъ новыя требованія и новые вкусы. Даже бѣдный и безземельный простолюдинъ, подъ влѣдѣннемъ личной свободы, теперь сталъ совсемъ инымъ. Итакъ матеріальный достатокъ, сильный подъемъ сознания личности, развитіе критики въ народѣ—тогъ непосредственные плоды освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Однако этихъ плодовъ освобожденія было еще недостаточно для того, чтобы нашъ народъ шелъ надлежащимъ образомъ впередъ по новому пути своего развитія. Для нормальнаго прогресса нашего народа первѣйшую потребность составляетъ образованіе. Если народъ нашъ сталъ поправляться матеріально, проникаться большимъ сознаниемъ себя и обнаружилъ болѣе интереса ко всему окружающему,—то нельзя было оставлять его на волю судьбы, безъ всякаго руководства и духовной пищи. Иначе эти результаты освобожденія крестьянъ могли получить кривое, прерванное и злокачественное направленіе. Матеріальный достатокъ—необходимое условіе благоденствія; но вѣдь надобно имъ благоразумно пользоваться. Свобода воли и пылкость ума—необходимые атрибуты нравственнаго совершенства и просвѣтлѣнія сознания; но вѣдь употребленіе ихъ должно быть законное и направленіе здравое. Все же это могла дать только школа и церковь: первая выдѣриетъ въ дѣтское сознание коренныя начала вѣры, жизни и знанія; вторая этимъ началамъ даетъ высшее направленіе, освященіе и утвержденіе. Само собою разумѣется, что ни та, ни другая не должны быть раздѣльны: ибо, собственно говоря, и цѣль ихъ одна—приведеніе людей къ совершенству,—только первая преслѣдуетъ потребности преннущественно здѣшняго міра, вторая болѣе имѣетъ

въ виду міръ горній. Первая только начинается совершенствованіе человека, вторая отъ самого начала сопутствуетъ человеку на всѣхъ путяхъ его жизни и доводитъ это совершенствованіе до конца, приводя его въ міру возраста исполненія Христова.

Итакъ, если одною изъ первыхъ потребностей для нашего народа, послѣ дарованія ему воли, было образованіе, то необходимо было, чтобы это образованіе велось въ союзѣ съ церковью и при дѣятельномъ участіи послѣдней. На духовенствѣ лежала нравственная обязанность выступить первому своимъ трудомъ и влѣніемъ на удовлетвореніе этой насущной потребности народа. Что же? Отступилось ли оно отъ этого своего призванія? Нисколько нѣтъ. Всѣмъ памятно у насъ то, какъ живо оно, по призыву своего архиепископа, Высокопреосвященнаго Арсенія, принялось, вскорѣ послѣ дарованія крестьянамъ воли, за основаніе и устройство церковно-приходскихъ школъ. Покойный митрополитъ Арсеній съ особенною любовью и вниманіемъ относился къ этой сторонѣ дѣятельности нашего духовенства въ народѣ. И наше сельское духовенствошло охотно на встречу этой существеннѣйшей нуждѣ народа. Уже одинъ простой фактъ открытія ц.-приходскихъ школъ почти во всѣхъ приходехъ кievской епархіи свидѣтельствуетъ объ усердіи нашего духовенства къ образованію народа. А присмотритесь ближе къ тому, какъ устроивались и содержались эти школы: не священникъ ли одинъ былъ у насъ въ то время безкорыстнымъ и самоотверженнымъ радѣтелемъ школы? Богъ и некоторые священники принимали учащихся дѣтей къ себѣ въ домъ, другіе принимали къ себѣ учителя на квартиру, или давали ему отъ себя столъ, иные дарили свои дома на школу, вносили на дѣло школы свои матеріальныя жертвы, было не мало такихъ, которые лично сагемались дѣломъ обученія дѣтей. Волико было людямъ известнаго поворота считать все это публичнымъ обманомъ, издѣваться надъ характеромъ и значеніемъ церковно-приходской школы: въ

этомъ случаѣ явно сказалось лишь то наше просвѣщенное верхоглядство, которому ничто не можетъ нравиться, если только къ нему вмѣшались священникъ, славянщина и духъ церковный. Что однакоже церковно-приходская школа не была фикціей, что, напротивъ, она существовала повсемѣстно въ нашей епархіи въ первое время прошедшаго 20-тилѣтія и принесла свою пользу народу, объ этомъ посвидѣтельствуютъ тѣ изъ крестьянъ, которые, получивъ первоначальное образованіе въ церковно-приходскихъ школахъ, закончили его въ разныхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ недавнее время; а лучше всего это доказываетъ нынѣ то повсемѣстное явленіе въ нашихъ селахъ и деревняхъ, что большинство грамотниковъ среди селянъ суть все 25—30-лѣтніе. Но здѣсь кто-нибудь скажетъ: „что же теперь духовенство ваше притихло съ своею ревностію объ образованіи народа? Отъ чего церковно-приходскія школы, въ такомъ изобиліи возникавшія на первыхъ порахъ, стали потомъ закрываться или сокращаться въ числѣ учащихся?— Не означаетъ ли это того, что ревность вашего духовенства была напускная, что она ему была, такъ сказать, совиѣ навязана непрошеннымъ усердіемъ епархіальной администраціи, — а потому и прошла скоро, какъ только настала къ тому счастливая пора“.— Въ томъ-то и бѣда вся, что съ такимъ же, какъ и здѣсь, недовѣріемъ и предубѣжденіемъ къ духовенству нашему относились съ самаго же начала. Судили его много за все, заподозрили его искренность, констатировали его неспособность къ обученію народа, а сами чуть ли и пальцемъ дотронуться къ дѣлу не хотѣли. Между тѣмъ—какъ много бы сдѣлано было добра народу, еслибы порицатели духовенства, ревнуя единственно о благѣ народа, а не о чемъ другомъ, вмѣсто осужденій, насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ благороднымъ и великимъ предпріятіемъ духовенства, взялись лучше за содѣйствіе ему и словомъ и дѣломъ, идя съ нимъ дружно, рука объ руку, къ одной общей народообразовательной цѣли. А при тѣхъ усло-

віяхъ, какія были и какія и теперь еще существуютъ, ничего иного и ожидать нельзя, кромѣ прекращенія и уничтоженія церковно-приходскихъ школъ. Судите сами. Въ то время, какъ школы—такъ называемыя—народныя получали казенную и общественную поддержку, школа церковно-приходская лежала и нравственно и матеріально почти исключительно на плечахъ священника. Онъ долженъ былъ самъ ее заводить и устроить, самъ обо всемъ подумать, все приискать, самое же главное—изыскать для нея матеріальныя средства. Последнее—особенно важно. Свободныя церковныя суммы очень скудны: хорошо, если наберется хоть одинъ, другой десятокъ рублей остатка въ церковной кассѣ за годъ. Нужно, слѣдовательно, было священнику призывать громаду къ содѣйствію. А какъ трудно было сладить съ нею, я думаю, это многіе испытали. Нелегко было втолковать народу, что школа для него необходима, а еще труднѣе было добиться отъ него солидной матеріальной поддержки. Народу, который недавно жилъ совсѣмъ безъ всякаго образованія, лишней затѣей самага батюшки могла казаться школа, да еще школа, достаточно обставленная всѣмъ необходимымъ и надлежаще устроенная. Вотъ что мнѣ приходилось слышать отъ нашихъ отцовъ. Соберутъ бывало сходъ. Станетъ священникъ толковать собравшейся массѣ про грамотность, про школу. Прихожане какъ будто соглашаются... Попробуй же онъ далѣе заговорить о деньгахъ;—тутъ сейчасъ такая сумятица поднимется, что и самъ себѣ онъ станетъ не радъ. „Де намъ тѣхъ грошей взять? Все давай та давай. Таке теперъ тобі по світі пішло здырство, що й не веде Маты Божа...“ Теперъ уже слышны и на такой ладъ рѣчи: „на що намъ ця школа? ні-вуды намъ тѣхъ грошей дівать. Мо-ѣму малому, щобъ за плугомъ быть, не треба грамоты...“ Такъ вотъ погадять, покричатъ, пошумять, да на томъ почти и покончатъ. Впрочемъ и батюшку таки не обидятъ: отпустятъ рублей 20—30 на школу изъ тѣхъ 100—200, которые они должны будутъ получить отъ шинкаря въ концѣ

года. Вотъ и дѣлай батюшка съ своей школой, что хочешь, просвѣщай народъ. Можно ли хоть хорошаго учителя нанять на эти деньги? И такъ приходилось возиться духовенству со школами изъ году въ годъ. Много бы здѣсь могло духовенству посодѣйствовать своимъ вліяніемъ на народъ и зависящими отъ него мѣрами уѣздное начальство. И въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно, дѣйствительно, помогало: тамъ выходило и больше дѣла и толку. Впрочемъ это бывало рѣже. Въ большинствѣ случаевъ наше духовенство было представлено самому себѣ, а то нерѣдко встрѣчало даже противодѣйствіе со стороны уѣздныхъ властей; бывали иногда духовенству нашему отъ уѣзднаго начальства услуги въ видѣ такихъ внушеній народу: „не давайте денегъ, не посылайте дѣтей... это все поповская затѣя; они это ради себя дѣлаютъ; на вашихъ же плечахъ потомъ ѣздить будутъ...“. Крестьянину нашему это, конечно, и на руку было, хотя и не въ тѣхъ видахъ, въ которыхъ давались имъ такіа внушенія. Видно, эти доблестные мужи, оставленные надъ народомъ для его блага, воображали предъ собою въ нашемъ духовенствѣ клерикаловъ—своихъ естественныхъ враговъ: напрасно! здѣсь вѣдь не Франція, или Германія, а православная Россія. И то—истина безспорная, что пастыри духовные у насъ не какіенибудь члены ордена, преслѣдуемаго своимъ узкія, партіозныя цѣли, не какіе нибудь сепаратисты отъ народа, а плоть отъ плоти и кость отъ костей его, только при этомъ самимъ Богомъ уполномоченные правомъ учить и наставлять народъ въ вѣрѣ и воспитывать его въ благочестіи по духу ученія Христова, по смыслу преданія апостольскаго. И при учрежденіи школъ, наше духовенство, безъ всякаго сомнѣнія, (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своемъ) руководилось прежде всего желаніемъ блага народу и сознаніемъ своей просвѣтительной миссіи во врученной ему отъ Бога паствѣ. Но люди поняли иначе. И вотъ, не поддержавное отъ другихъ въ дѣлѣ устройства церковно-приходскихъ школъ, духовенство наше волей-не-

волей должно было, послѣ тяжелаго опыта, и руки опустить. Оживленіе его въ этомъ дѣлѣ стало мало-по-малу затихать. И вотъ—въ настоящее время многія школы, учрежденныя нѣкогда духовенствомъ, остались у насъ только въ воспоминаніи, другія ожидаютъ такой же участи, и я полагаю теперь, по крайней мѣрѣ ²/₃ церковно-приходскихъ школъ или закрыты фактически, или же существуютъ только по имени, что впрочемъ все одно.

А между тѣмъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше оказывалась въ народѣ нужда въ грамотности, да и не въ грамотности только, а въ основательномъ, отчетливомъ знаніи того, кто онъ таковъ есть, чѣмъ онъ быть долженъ и почему. Само собою разумѣется, что наше духовенство, вынужденное силою тяжелыхъ обстоятельствъ отступить назадъ въ отношеніи къ удовлетворенію народа въ самомъ необходимомъ, должно было очутиться въ положеніи болѣе замкнутомъ, изолированномъ отъ народа, чѣмъ прежде; и эта изолированность со временемъ сказывалась все болѣе и болѣе осязательно. Въ прежнее вѣдѣ время духовенство ощутительно могло показывать предъ народомъ свое значеніе: его соучастіе въ нуждахъ, скорбяхъ и радостяхъ народа были явственны для этого послѣдняго; народу было очевидно, что если его еще не въ конецъ раззоряетъ панъ-самодуръ-фацатикъ, то потому особенно, что видѣлъ надъ собою постоянную грозу въ ревниво оберегающемъ своихъ пасомыхъ пастырѣ; такъ-же твердо онъ былъ убѣжденъ, что если кто истинно и нелицемѣрно порадуется измѣненію его положеніи къ лучшему, такъ это постоянный печальникъ, защитникъ и заступникъ его—батюшка. Напротивъ, когда наступила въ самомъ дѣлѣ переменна къ лучшему въ положеніи народа,—то послѣдній не въ состояніи былъ надлежащимъ образомъ повяты и оцѣнить усиліе пастыря къ его просвѣщенію, а потому и не обнаруживалъ особенной охоты послѣдовать внушеніямъ его особенно при отсутствіи сколько нибудь порядочной поддержки со стороны общества и прави-

тельства. Такъ дѣло народнаго воспитанія и понынѣ оставалось. Когда же наконецъ и въ народѣ оживилось сознаніе нужды въ образованіи, то онъ не сталъ разсуждать, что да почему, а прямо сталъ заявлять (благо подказчиковъ услужливыхъ есть много!), что намъ въ полахъ пользы вѣтъ никакой, что наши „попы сами на себе живутъ“, что „попы насъ не учылы и не учать“. Здѣсь еще однако не вся бѣда. Самое большее зло заключается въ тѣхъ грустныхъ послѣдствіяхъ на самомъ освобожденномъ народѣ, которыми уже и теперь сказывается въ немъ продолжительное отсутствіе здраваго, основательнаго, глубокаго религіозно-нравственнаго образованія. Уже замѣчено было, чѣмъ больше свободы и правъ человѣку, тѣмъ выше должно быть его образованіе; иначе свобода и права не принесутъ ему добра. И нашему народу, ставшему свободнымъ и полноправнымъ, съ 60-хъ годовъ, давно уже настояла потребность въ образованіи, дабы его свобода не превратилась въ волюность, дабы и онъ не возмнилъ о себѣ выше мѣры, полагаемой законами Божескимъ и человѣческимъ, и не могъ сдѣлаться легкимъ орудіемъ всякаго обольстителя, который рѣшится вытянуть его въ свою интригу, разжечь его страсти и произвести въ немъ смуту. Образованіе для народа въ его новомъ положеніи было единственно прочнымъ обезпеченіемъ его правильнаго развитія, единственно надежной охраной коренныхъ основъ и вѣковыхъ формъ его жизни. На самомъ дѣлѣ, какъ было выше показано, народъ не былъ до сихъ поръ обезпеченъ надлежащимъ образомъ къ своему правильному развитію, не былъ надлежаще охраняемъ и утверждаемъ въ вѣрности этимъ кореннымъ основамъ и вѣковымъ формамъ своего бытія. Отсюда-то и начало болѣзней нашего народнаго организма,—отсюда въ сущности и штундизмъ—грозное знаменіе нашего времени. И эти болѣзни въ нашемъ народѣ могутъ, чего добраго, въ будущемъ развиться еще болѣе и произвести еще болѣе опустошеній въ нашей народной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по-

смотрите, что дѣлается съ нашимъ народомъ. Вотъ та часть его, которая не укрѣпилась достаточно своими корнями въ родную почву—слабая, худосочная и тощая духомъ, подверглась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ томъ числѣ и у насъ, въ тарашанскомъ уѣздѣ) дѣйствию жгучихъ и порывистыхъ вѣтровъ—протестантизма. И не долго она противилась этому вѣянію, легко поддалась ему, и вырвана теперь съ корнемъ изъ своей родной почвы. Трудно ей возвращаться назадъ: для насъ, православныхъ, эта отпавшая часть, кажется, совсѣмъ потеряна. Впрочемъ это еще частичка возможнаго зла. Если предоставить дѣламъ идти попрежнему, то можетъ быть у насъ въ будущемъ во сто-кратъ хуже. Кажется повсемѣстнымъ стало у насъ то явленіе, что молодое поколѣніе изъ народа, взросшее на полной свободѣ въ всякой почти регулировки личнаго сознанія и поведенія въ жизни, является въ значительной степени одичалымъ въ отношеніи къ церкви и къ своимъ пастырямъ,—отцамъ духовнымъ, и апатичнымъ въ отношеніи къ своимъ религіознымъ обязанностямъ. Замѣтно, что для молодаго поколѣнія, взросшаго уже не въ крѣпостномъ состояніи, меньше значенія имѣетъ авторитетъ церкви и пастыря, нежели для людей старыхъ¹⁾; оно болѣе легкомысленно, менѣе строго блюдетъ уставы церкви, менѣе любитъ храмъ Божій, таинства церкви, богослуженіе. Не даромъ здѣсь сложилось общее убѣжденіе, что „молодые въ религіозномъ отношеніи не стоятъ старыхъ“. Дѣйствительно, нельзя не признать, что въ нашемъ молодомъ поколѣніи простаго народа вольность поведенія вообще и легкомысліе въ отношеніи къ церкви и пастырямъ ужь

¹⁾ Это нибудь возразить здѣсь: но и въ періодъ крѣпостнаго права не было школы; отъ чего же тогда штурдизма не было?—Отъ того, скажемъ мы, что старое поколѣніе крестьянства не такъ нуждалось въ просвѣщеніи для того, чтобы держаться церкви; достаточно ему было того, что церковь давала ему въ горѣ утѣшеніе душевное, а въ лицѣ пастырей также и защиту отъ иноплеменихъ и иновѣрныхъ утѣснителей.

очень далеко зашли. Да это и очень естественно при томъ отношеніи къ религіи, которое теперь у насъ повсюду вошло въ моду. Религія, говорятъ, дѣло совѣсти: эту истину въ наше время такъ вѣрно знаютъ, что, кажется, больше ничего другаго и знать не хотятъ. Такъ называемый образованный человѣкъ вездѣ носится съ нею, трубитъ о ней направо и налево; и не напрасно онъ такъ дорожитъ ею: она даетъ ему возможность укрываться за нею съ своимъ невѣріемъ, скептицизмомъ и враждой противъ церкви. Народъ нашъ не нуждается въ этой идеѣ въ такой степени: однакожь, кажется, и онъ мало по малу начинаетъ проникаться сознаниемъ того, что ему вольно принимать или не принимать то, что относится къ вѣрѣ, или же, — что онъ можетъ вѣровать такъ или иначе. Что же послѣ этого можетъ быть съ нашимъ народомъ, лишеннымъ здраваго религіознаго образованія, но много сознающимъ себя, какъ не постепенное ослабленіе узъ церковныхъ, какъ не охлажденіе къ дѣламъ вѣры и удаленіе отъ пастырей? Воли много, а воспитанія — почти нуль. Все держится стариной, да еще свойственнымъ нашему народу болѣе, чѣмъ какому другому, природнымъ здравомысліемъ. Однако дурные признаки уже теперь сказываются; дай же Богъ, чтобы эти признаки, вмѣсто развитія къ худшему, образумили наше лучшее общество и вызвали къ бытію здравую, разумную, православно-русскую школу, каковою и можетъ быть школа церковно-приходская.

На все это мнѣ могутъ возразить: пусть сказанное о церковно-приходской школѣ справедливо; но вѣдь не чрезъ одну школу духовенство можетъ учить и воспитывать народъ. Оно можетъ и должно назидать его примѣромъ своей жизни и научать своимъ собственнымъ словомъ съ церковной кафедры и частно. А много ли оно преуспѣвало въ этомъ? — Не отъ того ли оно и невліятельно въ народѣ, что стоитъ низко въ нравственномъ отношеніи и не заботится о наставленіи его по крайней мѣрѣ тѣми способами, кото-

рые для него доступны, т. е., проповѣдами, бесѣдами по праздникамъ и при разныхъ требахъ?—Что касается нравственности, то я не беру на себя обязанности обѣлять наше духовенство до чиста, и не думаю здѣсь ни отрицать существованія въ средѣ его разныхъ недостатковъ и слабостей, ни устранять изъ виду пужду въ ихъ исправленіи. Но, во-первыхъ, эти недостатки большею частію суть обыкновенныя слабости природы человѣческой; крупныя проступки въ нашемъ духовенствѣ очень рѣдки; про нихъ что-то у насъ очень мало и говорятъ, какъ бы ни рады были этому пропагандисты штудизма. Во-вторыхъ, и это самое главное, нельзя считать недостатковъ нравственныхъ въ нашемъ духовенствѣ исключительной причиною штудизма. Возьмите, переберите все наше духовенство, и сравните съ нравственной стороны духовенство тѣхъ приходовъ, гдѣ появилась и уже утвердилась штунда, съ тѣмъ, гдѣ ея нѣтъ. Не представится ли вамъ во всей поразительности тотъ фактъ, что духовенство многихъ, увлеченныхъ въ штунду, приходовъ еще при самомъ возникновеніи ея, было гораздо нравственнѣе своихъ сосѣдей—сопастырей, въ приходахъ которыхъ еще и теперь или вовсе нѣтъ штунды, или хоть и есть, да что-то принялась плохо?

Далѣе. Совершенно справедливо, что проповѣди, воскресныя бесѣды и тому подобныя виды общественной пастырской учительности могли бы быть однимъ изъ средствъ, воспитывающихъ въ благочестіи и утверждающихъ въ вѣрѣ нашъ народъ. Справедливо и то, что всего этого въ нашемъ духовенствѣ мало еще, что по этой части отъ него еще приходится много желать. Но странно вотъ что. Тѣ самыя, которые болѣе всего склонны винить наше духовенство въ этомъ отношеніи, видимо, менѣе всего расположены открыть ему возможность къ исполненію этой обязанности. Я разумію здѣсь возможность матеріальную, физическую, въ которой наше духовенство нуждается столько же, сколько и всякій другой. То правда, что духъ плоти и костей не

имать, но для людей свѣтскихъ должно быть понятно, какимъ это образомъ занятія житейскія не позволяютъ обнаруживаться во всей полнотѣ духу. Можно ли нашему духовенству заняться надлежащимъ образомъ и проповѣдью съ кафедръ и бесѣдами къ народу въ воскресные и праздничные дни и разными другими видами учительной дѣятельности, при настоящихъ условіяхъ его матеріальнаго быта? Доказывать ли здѣсь то, что хозяйственные заботы отнимаютъ у нашего духовенства весь остатокъ свободнаго времени отъ исполненія требъ и обязательныхъ службъ? Гдѣ ему помышлять о проповѣди (да еще не опустительной), о воскресныхъ чтеніяхъ и бесѣдахъ (которыя тоже трудъ не легкій, если ихъ вести, какъ слѣдуетъ), когда ему за шатавіями изъ-за хлѣба насущнаго некогда и за книгу взяться, чтобъ почитать что-нибудь хоть самому для себя? Скажите: священникъ получаетъ 300 р. жалованья?— Да. Прибавлю къ этому только еще очень порядочный вычетъ, иногда въ рублей 40—60. Этимъ жалованьемъ теперь послѣдній писарь или канцелярскій служитель обижается. Правда, нѣкогда священники [и 120 рублями довольствовались. Но вѣдь то было другое время. Жизнь тогда была гораздо дешевле. А теперь, кромѣ увеличенія расходовъ на самого себя, на семейство, въ особенности воспитаніе дѣтей, приходится и на поле тратиться очень много: прежде обработка поля очень мало стоила; крестьянинъ не былъ такимъ церемоннымъ на счетъ помощи своему пастырю, шель пособлять ему даже съ великой охотой. А извольте-ка теперь допроситься у него помощи. Крестьяне или на отръвъ отказываютъ своему батюшкѣ въ помощи, когда онъ является къ нимъ съ просьбой помочь Бога ради, или же въ большинствѣ случаевъ, завидѣвъ батюшку и смекая, въ чемъ дѣло, стараются скрыться отъ него. А потомъ еще и позволяютъ себѣ выражать свое неудовольствіе: „да це ему не панщина теперь!.. що винъ насъ зве?! Мы ему не панщинні. Ні за що не діжде, щобъ я пішовъ (или пішла)

ему на поле робыть... Понятное дѣло, что духовенству приходится обрабатывать поле исключительно на свои средства, а какъ много теперь это стоитъ, всякій знаетъ. А тутъ у священника дѣти въ школѣ;—на каждого выходить за годъ минимумъ 150 р. с. Гдѣ ты имъ столько наберешь? Приходится или видѣть и терпѣть съ семействомъ великую нужду, или, что бываетъ чаще, посвятить себя преимущественно хозяйственнымъ заботамъ, глядѣть за полемъ, за работниками, за сборомъ хлѣба, за молотью, за сбытомъ хлѣба. Такъ вотъ и выходитъ, что священникъ постепенно очерствѣваетъ, охлаждается ко всякому научно-богословскому предмету,—подъ тяготою житейскихъ попеченій, отлагаетъ въ сторону и проповѣди и бесѣды, хотя объ этомъ настоятельно напоминаетъ ему жизнь. Весьма заурядно явленіе такого рода. Тотчасъ по вступленіи на приходъ священникъ и Библію читаетъ, и догматикой занимается, и исторію церкви изучаетъ, и проповѣди верѣдко сказываетъ и съ прихожанами какъ-то общителнѣе. Но вотъ пожилъ лѣтъ 10. Пришлось воспитывать дѣтей. Средства нѣтъ: нужно высосать ихъ изъ земли. Вотъ и вачинаетъ онъ биться изо всѣхъ силъ надъ тѣмъ, какъ бы извлечь изъ земли выручки побольше. А гдѣ же Библія, догматика, исторія?—Покрыты пылью забвенія. Получаются еще газеты. Да и тѣ потомъ оказываются не нужными: некогда читать, да и не зачѣмъ напрасно денегъ тратить. О проповѣдяхъ и не поминай: ве до проповѣдей тутъ, когда за хозяйствомъ некогда и въ гору глянуть. И выходитъ въ концѣ концовъ, что иной священникъ достигнетъ обезпеченія себѣ и своему семейству порядочнаго. За то совсѣмъ въ немъ будутъ изглажены тѣ свѣтлые идеалы, которые такъ вдохновляли его въ первую пору его служенія, когда въ немъ еще только что воспылалъ даръ Божій, пріятый возложеніемъ руки преемника Апостольскаго,—даръ, который онъ долженъ былъ постоянно возгрѣвать и утверждать въ себѣ своею дѣятельностью. Забыты востор-

женные порывы, заглушены высшіе интересы; священникъ выходить примѣрнымъ, образцовымъ хозяиномъ, добрымъ семьяниномъ, пожалуй еще, аккуратнымъ требоисправителемъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ гѣмъ нибудь больше этого. Все-таки хорошо еще то, если земля достаточно вознаграждаетъ священника. А что бываетъ, когда и земля, не смотря на усилія священника—хозяина, не удовлетворяетъ нуждамъ его?—По неволѣ приходится ему допознать свои денежные ресурсы торгами за требы и таинства. Весьма нерѣдки такія явленія. Прихожане не только отказываются помочь батюшкѣ, но даже стараются, по возможности, больше стянуть съ него за обработку поля, пользуясь затруднительнымъ его положеніемъ, которое они сами же намѣренно создали. Священникъ повышаетъ плату за требы. Крестьяне упряются: „какъ можна? Таже впередціого въ васъ не було. Та і въ тімъ то и въ тімъ місці такъ не дають“.. Священникъ настаиваетъ: „не помогаете, такъ платите“; „иначе—дескать—дѣтямъ моимъ по міру послѣ придется пуститься“. И беретъ свое, уже не обращая вниманія на ропотъ и судъ людской. Понятно, что этой мѣрой священникъ ровняетъ себя. Но, скажите, какъ же быть?—Куда ему дѣваться съ дѣтьми? Или думаете, что онъ одинъ долженъ быть такимъ отцомъ, который, когда дитя хлѣба просить, камень подастъ ему? Или не думаете ли ужъ, что священникъ долженъ быть пролетаріемъ, который будетъ каждому въ руки смотрѣть до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не догадается подать ему какую нибудь лепту „ради Христа“? Легко укорять, стоя въ сторонѣ и не давая себѣ труда войти въ положеніе обличаемыхъ. А что сказать, далѣе, о тѣхъ іереяхъ, которые предали себя Богу всецѣло, почти отложили земное попеченіе? Что терпятъ ихъ семейство? Чему подвергаются сами они? Да и отъ одной ли нужды страдаютъ они? Пойметъ ли ихъ еще самъ народъ? Знаю я одинъ и такой примѣръ, что прихожанинъ нѣкій свазалъ о своемъ священникѣ, заявив-

шемъ себя въ отношеніи къ прихожанамъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ: „кто ему виновать, що винъ зъ насъ не бравъ? Треба було брать“... Нѣтъ. Не укорять, не глумиться надъ нашими пастырями, а скорѣе сострадать имъ въ тяжестяхъ и трудностяхъ положенія ихъ. Да если кто ревнуетъ искренно и велицемѣрно о благѣ народа и церкви, то ужъ лучше подумать бы ему объ измѣненіи прежде всего матеріальнаго положенія нашего духовенства, объ устроеніи его судьбы такъ, чтобы оно безпрепятственно могло предаться тому строенію дѣла Божія, для котораго оно поставлено. Выведите наше духовенство изъ той плачевной доли, въ которой оно въздыхаетъ о хлѣбѣ насущномъ, поставьте его въ такое положеніе, чтобы оно не боялось на счетъ своего будущаго и своего семейства, и вы увидите, что та энергія, которая въ немъ тратится на заботы о спасеніи себя отъ нищеты, которая при этомъ въ иныхъ, пожалуй, переходитъ въ неумѣренное стремленіе къ обогащенію себя, останется свободной для прямыхъ цѣлей пастырскаго служенія.

Итакъ, вотъ что хотѣлось сказать по поводу упрековъ нашему духовенству изъ за штундизма. Можно ли теперь винить наше духовенство такъ, какъ винять его? Духовенство наше, безъ всякаго сомнѣнія, само себя не отдѣляетъ отъ народа, не разобщается съ нимъ, оно не перадитъ о нуждахъ народа теперь, какъ и прежде, по мѣрѣ возможности и силъ стараясь удовлетворять имъ; наконецъ, и своимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ занято лишь потому, что готовыя средства скудны, а помощь прихожанъ въ большинствѣ случаевъ слаба или и совсѣмъ не подается священнику. Отсюда уже само собой слѣдуетъ, что то мнѣніе, по которому будто бы единственно наше духовенство виновато въ явленіи штунды—вообще—не справедливо. (Отдѣльныхъ случаевъ крайняго недостоинства пастыря, а слѣдовательно, и нѣкоторой виновности его въ явленіи штунды, я не отрицаю). Не духовенство въ существѣ дѣла виновато,

если оно теперь дальше отъ народа, чѣмъ прежде. Не оно стало устраниваться отъ народа;—устранили и устраниютъ его отъ народа неблагоприятныя обстоятельства, въ которыя оно поставлено, благодаря непонятному нерасположенію къ его предпріятіямъ на благо народа со стороны общества и затѣмъ—особенностямъ его матеріальнаго быта. Само собою понятно, что и нападки народныхъ агитаторовъ и отпадшихъ отъ церкви на наше духовенство нужно понимать именно въ томъ смыслѣ, что священника никакъ нельзя обойти, какъ видимаго представителя церкви, если хотять окончателно оторвать обольщенныхъ ими отъ церкви. Самая 21 гл. Мѣ., послѣ утвержденія штундизма въ извѣстныхъ мѣстахъ, перестаетъ привлекать вниманіе какъ штундистовъ, такъ и православныхъ, хотя священники остаются тѣже самые и такими же самыми. Явное дѣло, что примѣненіе сей главы искусственно, какъ одно изъ средствъ пропаганды нашихъ культуррегеровъ, испомлившихся въ іезуитскихъ способахъ ловленія рыбы въ мутной водѣ въ свою гибельную мрежу. Лютеръ, Кальвинъ и др. реформаторы заимствовали изъ этой главы матеріалъ для примѣненія къ католическому духовенству. Ихъ послѣдователи, пришедшіе къ намъ изъ Германіи и поселившіеся среди насъ, будучи недовольны глубокимъ сознаніемъ нашей православной церкви своей истинности предъ другими христіанскими обществами и нерасположенностію ея ко вступленію съ ихнимъ протестантствомъ въ какое-то братство¹⁾, рѣшились насильно оторгнуть нашъ народъ отъ церкви, и для этого пустили въ ходъ толкованіе 21 гл. Мѣ. съ тѣми примѣненіями къ вашему православному духовенству, которыя дѣлали первые реформаторы въ отношеніи къ католическому духовенству, надѣясь чрезъ разрывъ народа съ духовенствомъ пошатнуть твердую вѣру перваго. (Недомысліе агитаторовъ еще оразнообразило это примѣненіе своимъ собственнымъ шутовскимъ творчествомъ).

II. Петрушевскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. рѣчь Бонискемфера. Сгранникъ 1860 г.

По поводу защиты славянофильства въ Православномъ Обзорѣніи.

Въ октябрьской книжкѣ *Православнаго Обзорѣнія* за настоящей годъ, въ статьѣ: *Богословское ученіе славянофиловъ предъ судомъ проф. Линицкаго*, высказано нѣсколько замѣчаній по поводу моей книги *Славянофильство и либерализмъ*. Въ числѣ этихъ замѣчаній есть и такія, которыя заслуживаютъ вниманія въ интересъ самаго дѣла... Задача названной книги состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть славянофильство, въ связи съ либерализмомъ, по возможности во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ того и другаго направленія, т. е. всесторонне. Такая задача, понятно, требовала представить, главнымъ образомъ, общія существенныя черты означенныхъ направленій съ опущеніемъ подробностей. Вотъ почему, если авторъ книги *Славянофильство и либерализмъ* приводитъ подлинныя слова тѣхъ писателей, мнѣнія которыхъ требовалось изложить, то всегда это дѣлалось не съ тою цѣлью, чтобы на немногихъ словахъ основывать слишкомъ широкіе и смѣлые выводы и предположенія, а только въ тѣхъ видахъ, чтобы по возможности ближе къ подлиннику, къ принятому въ немъ способу изложенія, и, гдѣ нужно, словами самаго писателя представить общій ходъ его мысли, — указать въ особенности важнѣйшіе моменты изложеннаго въ данномъ трактатѣ міросозерцанія. Такое именно общее обзорѣніе всего хода мысли у извѣстнаго писателя, въ извѣстномъ ученіи, и было главнымъ основаніемъ для вывода заключеній, имѣющихъ цѣлю представить характеристику этого писателя, или этого ученія, а никакъ не от-

рывочныя фразы и выраженія, наудачу взятых. На этомъ основаніи упрекъ въ томъ, что въ книгѣ *Славянофильство и либерализмъ* одни слова излагаемаго писателя приводятся, а другія не приводятся,—такой упрекъ, высказываемый по-видимому съ тѣмъ, чтобы изобличить автора названной книги въ злонамѣренности, приходится рѣшительно отвергнуть, какъ не основательный и къ дѣлу не относящійся. Равнымъ образомъ, послѣ сказаннаго, нѣтъ надобности много говорить и о томъ, почему болѣе подробно и обстоятельно не изложены въ моей книгѣ взгляды Кирѣевскаго, Хомякова и другихъ славянофиловъ на католичество и протестантство. Еслибы авторъ книги *Славянофильство и либерализмъ* задался мыслию—подробно рассмотреть все высказанное о католичествѣ и протестантствѣ славянофилами, тогда спеціальному вопросу, хотя безспорно важнѣйшему, пришлось бы дать мѣсто въ книгѣ такое, которое не соответствовало ни задачѣ, ни характеру сочиненія. Характеръ же сочиненія таковъ, что авторъ всего менѣе намѣревался выступить въ несвойственной ему роли обвинителя и судьи, которую почему-то хотять ему навязать. Своимъ дѣломъ онъ считалъ изслѣдованіе, а не изобличеніе и осужденіе.

Сказанное доселѣ о книгѣ: *Славянофильство и либерализмъ* вполне подтвердится въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ, которыя необходимо сдѣлать по поводу замѣчаній, изложенныхъ въ названной выше статьѣ *Правосл. Обзорнія*.

Прежде всего необходимо дать отвѣтъ на поставленный авторомъ критической статьи въ *Правосл. Обзорніи* вопросъ о раціонализмѣ въ католичествѣ. Повидимому рецензентъ хочетъ отстоять взглядъ на католичество, высказанный Кирѣевскимъ. А этотъ взглядъ состоитъ въ томъ, что католичество есть не что иное какъ раціонализмъ, но только ограничиваемый предѣлами одной лишь іерархіи, въ которой не допускается, и что поэтому раціонализмъ въ протестантствѣ не есть явленіе новое, а только продолженіе или дальнѣйшее развитіе, въ сущности—распространеніе,—

того начала, которое было уже въ католичествѣ и даже составляло его сущность. Итакъ дѣло идетъ о *началахъ*, или иначе *принципахъ*. По мнѣнію рецензента требованіе католицизма, „чтобы міряне слѣпо подчинялись вѣроученію, утверждаемому авторитетомъ іерархіи, выражаетъ специфическую черту католическаго раціонализма, какъ раціонализма съ цѣлію духовнаго порабощенія чловѣка“¹⁾. Если рецензентъ полагаетъ, что раціонализмъ можетъ выражаться въ подобномъ требованіи, то при такомъ, должно сознаться, *специфическомъ* пониманіи раціонализма, можно найти гдѣ угодно раціонализмъ. Тогда и магометанство есть раціонализмъ и іудейскіе талмудисты также раціоналисты. Но подъ раціонализмомъ принято понимать такое направленіе мысли, которое предоставляетъ право разуму всякаго чловѣка свободно толковать и изъяснять предметы вѣры; ибо раціонализмъ не полагаетъ никакого иного начала чловѣческой дѣятельности выше разума, признавая разумъ высшею инстанціею въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ. Раціоналисты конечно понимаютъ, что разумъ можетъ впасть въ заблужденія, подвергаться ошибкамъ, но они думаютъ, что нѣтъ иного спасенія противъ заблужденій разума вромѣ свободной дѣятельности самаго же разума. Разумъ заблуждается, во онъ же и исправляетъ свои заблужденія. Но рецензентъ кажется иначе понимаетъ раціонализмъ. Впрочемъ, какъ онъ понимаетъ раціонализмъ, это ни изъ чего не видно. Онъ говоритъ: „Въ католичествѣ даже сравнительно либеральныя люди, каковы напр. Фенелонъ, архіепископъ камбрійскій, и тѣ трактуютъ о народѣ какъ о неспособномъ къ сознательно-религіозной жизни и рекмендуютъ ему безусловно слушаться церковной власти, представляемой въ католичествѣ (только въ католичествѣ?) іерархіей и ея сосредоточіемъ—папой. Фенелонъ обращается къ „непросвѣщеннымъ людямъ“^а—къ народу съ такими словами:

1) Прав. Обзоръ. октябрь 1883 г. стр. 279.

„не разсуждай, не ртышай ничего, довольствуйся смиреніемъ и покорностью церковной власти“ и т. д. Въ средніе вѣка внушалось народу, что „прекословить церковной власти— папѣ“—значить впасть въ ересь и изычество“. Мы не будемъ спорить съ рецензентомъ¹⁾ о томъ,—худо ли хорошо ли поступилъ Фенелонъ, обращавшись къ народу съ такими рѣчами. Рецензентъ за это его не одобряетъ,—и это его дѣло, но изъ чего видно, что Фенелонъ, такъ говорившій народу, былъ рационалистъ,—вотъ это собственно слѣдовало бы показать. Да если бы и Фенелонъ былъ рационалистъ, то и это не доказывало бы, что католичество есть рационализмъ. Рецензентъ самъ отличаетъ Фенелона отъ другихъ представителей католицизма, причисляя его къ сравнительно либеральнымъ людямъ въ католичествовѣ. „Если такимъ образомъ, заключаетъ онъ свое разсужденіе, съ католической точки зрѣнія народъ представляетъ темную, безсознательную, инстинктивную массу,—а „іерархія“—умъ, волю и руководящую силу народа, то Кирѣевскій вислозько себя не противорѣчитъ, утверждая, что католицизмъ съ одной стороны есть рационализмъ, а съ другой—такое вѣроисповѣданіе, которое требуетъ и начала слѣпой вѣры“. Можетъ быть, это и вѣрно, что Кирѣевскій себя не противорѣчитъ, но только рецензентъ этого не доказалъ. Послѣдуемъ за нимъ даѣе, въ надеждѣ, что мысль его болѣе выяснится. Указавъ на слѣдующее мѣсто изъ моей книги:—когда скоро разумъ одного лица или многихъ лицъ поставляется выше всего, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого должно быть то, что и каждый станетъ свой разумъ также признавать для себя верховнымъ судіей,—рецензентъ присовокупляетъ такое замѣчаніе: „Быть можетъ, на словахъ это и такъ, но на практикѣ далеко не всегда такъ бываетъ“²⁾. Славянофилы, разсуждая о католичествовѣ и протестантствѣ, не имѣли и не могли имѣть въ виду того, что *бываетъ* на прак-

¹⁾ Ibid. стр. 280.

²⁾ Стр. 280.

тикѣ. И Кирѣевскій и Хомяковъ хотѣли конечно, по своему разумѣнію, опредѣлить и выяснить основной принципъ католичества, составляющей отличительную его черту въ сравненіи съ православіемъ,—при чемъ требовалось также показать, что такое православіе,—опять же по своему основному принципу, характеризующему какъ *ученіе* православія, такъ равно и жизнь православную. Но рецензентъ такъ выражается, что коль скоро рѣчь идетъ не о томъ, что *бываетъ* на практикѣ, то это одни слова. Практикѣ обыкновенно противоположаютъ теорію, ученіе. Итакъ всякое ученіе, всякая теорія—это одни слова. Главное—практика. Что же именно рецензентъ нашелъ на практикѣ такого, что могло бы помочь разъясненію интересующаго насъ вопроса о раціонализмѣ католическомъ? „Подчиненіе авторитету, говоритъ онъ, какъ всякому извѣстному, въ судьбахъ исторіи и жизни человѣчества играло весьма важную роль. Католицизмъ же въ лицѣ своихъ монашескихъ орденовъ, напр. іезуитизма, особенно прославился искусствомъ завладѣвать совѣстью вѣрующихъ и обращать ихъ въ послушное стадо, всегда готовое слѣдовать за своими пастырями. Да наконецъ и то нужно сказать, что народъ, какъ сила бессознательная въ католичествѣ, нарочито воспитываемая въ непониманіи вѣры, можетъ не разумѣть того, что „іерархія“ поставляетъ свой разумъ „выше всего“¹⁾). И пусть народъ этого не понимаетъ, мы же почему знаемъ это? Рецензентъ объ этомъ умалчиваетъ,—но это не мѣшаетъ ему рѣшительно отвергать тотъ признакъ, указанный въ моей книгѣ, по которому можно бы находить въ католичествѣ раціонализмъ, если бы онъ дѣйствительно былъ, и отвергаетъ этотъ признакъ не почему либо иному, а единственно руководясь соображеніями о томъ, что *бываетъ* на практикѣ. Онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ моей книги: какимъ образомъ могло случиться, что раціонализмъ, допу-

¹⁾ 280—281.

Труды Киев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

щенный иерархией въ своей средѣ, не сдѣлался общераспространеннымъ въ католичество? Въ самомъ дѣлѣ, если католическая иерархія признавала свой разумъ верховнымъ рѣшающимъ *началомъ* въ области вопросовъ вѣры, то это притязаніе на автократію своего разума должно было выразиться известнымъ образомъ; именно такое притязаніе, если существовало, могло обнаружиться только въ томъ, что свои рѣшенія церковная иерархія въ такомъ случаѣ подкрѣпляла бы раціональными доводами (какая наивность, восклицаетъ рецензентъ), а всякое разсужденіе и въ тѣхъ, къ кому оно обращается, вызываетъ соответствующее дѣйствіе разума, состоящее либо въ признаніи, либо въ отрицаніи предлагаемаго. Если же, вмѣсто всякихъ разсужденій, иерархія основывала свои рѣшенія на свидѣтельствахъ преданія и Писанія, то хотя бы толкованіе этихъ свидѣтельствъ было произвольное и ложное, и хотя бы имѣлось въ виду подкрѣпить подобными свидѣтельствами не истину, а собственное измышленіе, внушенное какими то нибыло побужденіями, то уже нельзя въ этомъ видѣть раціонализмъ. Напротивъ, подобный способъ выражать свои опредѣленія самъ собою свидѣтельствовалъ бы о томъ, что авторитетъ преданія и Писанія ставится выше разума. Наконецъ иерархія могла провозглашать свои опредѣленія и включать ихъ въ число истинъ вѣроученія, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ Писанія и преданія, но и безъ всякихъ раціональныхъ доводовъ, а догматически; въ такомъ разѣ это было бы выраженіемъ властолюбія, но невозможно видѣть въ такомъ способѣ дѣйствія раціонализмъ.—Рецензентъ укоряетъ это разсужденіе въ наивности. Не такіе, дескать, хитрецы католическіе иерархи, чтобы выказать свой раціонализмъ. Это тайна, которую они тщательно скрываютъ. Однакожъ рецензентъ провѣдалъ объ этой тайнѣ, но должно полагать, что и онъ не меньшій хитрецъ, если не хочетъ намъ сообщить эту тайну со всею, соответственной важности вопроса, откровенностію. Въ приведенномъ

мѣстѣ изъ моей книги рѣціонализмъ характеризуется какъ такое направленіе, которое разумъ признаетъ верховнымъ рѣшающимъ началомъ въ области вопросовъ вѣры. И это главное, а затѣмъ уже, какъ вещь второстепенная, указывается и то, что отъ рѣціонализма всегда слѣдуетъ ожидать извѣстнаго, соответственнаго ему, образа дѣйствія въ рѣшеніи вопросовъ вѣры. Именно рѣціонализму должно быть свойственно основывать рѣшенія вопросовъ религіозныхъ посредствомъ доводовъ рѣціональныхъ, а не чрезъ простое указаніе на свидѣтельства Писанія и преданія. Но этимъ замѣчаніемъ нисколько не устраняются и другія формы обнаруженія рѣціонализма: рѣціонализмъ можетъ проявляться и проявляется въ извѣстныхъ опредѣленіяхъ, идеяхъ. Однакожь опредѣлить въ точности, какія именно мысли слѣдуетъ считать рѣціоналистическими, не возможно; ибо рѣціонализмъ можетъ обнаруживаться въ мысляхъ самыхъ разнообразныхъ, далеко не сходныхъ между собою; рѣціонализмъ можетъ быть и пантеистическимъ, и деистическимъ, и теистическимъ и даже атеистическимъ. Между тѣмъ, по поводу приведеннаго выше мѣста изъ моей книги, рецензентъ говоритъ вотъ что: „Отсюда ясно, что разуметь почтенный профессоръ подъ рѣціонализмомъ,—отнюдь не мысль, не то, что подкрѣпляется, доказывается, или опредѣляется, а самые доводы, доказательства мысли. Если послѣднія рѣціональнаго характера, то кто бы ни былъ пользующійся этими доводами—онъ всеконечно рѣціоналистъ; напротивъ, какаго бы характера ни была мысль, опредѣленіе, но если по какимъ бы то ни было побужденіямъ человѣкъ старается обосновать ее или его на свидѣтельствахъ Писанія и преданія, то это уже одно говорить за то, что человѣкъ подчиняетъ свой разумъ авторитету Писанія или преданія и слѣдовательно не можетъ подлежать упреку въ рѣціонализмѣ“¹⁾. Въ свою очередь мы замѣтимъ, что по мнѣнію рецензента, рѣціонализмъ, какъ это ясно

¹⁾ Стр. 282.

слѣдуетъ изъ приведенныхъ словъ его, состоитъ въ извѣстныхъ специфическихъ мысляхъ, что есть слѣдоват. мысли нарочито рационалистическія. Если онъ при этомъ имѣть въ виду мысль о верховенствѣ разума, то эта мысль, какъ по преимуществу характеристическая для рационализма, мною указана. Какія же еще мысли разумѣть онъ? Рецензентъ находитъ очевидно страннымъ и нецѣльнымъ выводъ, сдѣланный имъ изъ моихъ словъ, именно тотъ выводъ, что пользующійся рациональными доводами, повѣтому долженъ быть признанъ рационалистомъ. Но этотъ выводъ, какъ показываетъ приведенное мѣсто изъ моей книги, допускается мною лишь въ связи съ тою мыслью, что рационализмъ состоитъ въ признаніи разума высшимъ рѣшающимъ началомъ. Имѣя въ виду этотъ принципъ рационализма, конечно слѣдуетъ признать, въ качествѣ необходимаго его послѣдствія, преимущественное употребленіе рациональныхъ доводовъ,—т. е. господство рационалистическаго метода признакомъ рационализма; о методѣ говорится, а не объ отдѣльныхъ доводахъ... Но этимъ, очевидно, висколько не утверждается, что всякое случайное разсужденіе есть рационализмъ, и всякій разсуждающій челоѣкъ есть рационалистъ. Между тѣмъ рецензентъ безъ всякаго стѣсненія это именно странное заключеніе выводитъ изъ моихъ словъ, и затѣмъ опровергаетъ его, хотя по своей очевидной нецѣльности оно вовсе не требовало опроверженія. „Значить, говоритъ онъ, съ этой точки зрѣнія и сатана свой разумъ подчинялъ авторитету Писанія, такъ какъ онъ при искушеніи Христа свои предложенія Ему старался оправдать авторитетомъ Писанія; значить также и всякая сумасбродная секта, извлекающая для защиты себя обоюдоострый мечъ слова Божія, подчиняется авторитету Писанія; значить наконецъ и адвокатъ, на судѣ оправдывающій преступленія своего кліента посредствомъ злоупотребленія словомъ Божіимъ, также подчиняетъ разумъ свой авторитету Писанія“ и т. д. Затѣмъ читаемъ: „Очевидно также, что рационализма не будетъ въ томъ случаѣ, когда челоѣкъ, имѣя

разумъ въ послушаніи вѣры, наружнымъ образомъ не ссылается на свидѣтельства Писанія и отцевъ, а обращается къ доказательствамъ собственнаго разума. Съ точки зрѣнія проф. Давидцаго это раціонализмъ. Пусть! Но тогда раціоналистами придется считать и нѣкоторыхъ отцевъ церкви¹⁾ и т. д.'). Въ приведенныхъ выше словахъ монахъ рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ случаяхъ (не о томъ, что *бываетъ*) правильнаго или неправильнаго употребленія свидѣтельствъ Писанія и преданія, которые конечно могутъ встрѣчаться и у раціоналистовъ, и у нераціоналистовъ, а о постоянно преобладающемъ методѣ рѣшенія религіозныхъ вопросовъ, или же имѣющихъ связь съ религіею,—о методѣ или способѣ рѣшенія религіозныхъ вопросовъ, стоящемъ всегда въ тѣсной связи съ основнымъ принципомъ, изъ котораго при этомъ исходятъ. Принципъ же этотъ есть либо раціоналистическій, или же прогивный раціонализму. Декартъ старался согласить свою философію съ католическимъ вѣроученіемъ, но это по отношенію къ его философіи случайность, не имѣющая существеннаго значенія, ибо по своему основному принципу это была философія раціоналистическая. Не въ случайностяхъ дѣло, какія могутъ быть или *бываютъ на практикѣ*, а въ принципахъ. По толкованію рецензента, всякій разсуждающій человекъ признается въ моей книгѣ раціоналистомъ. А между тѣмъ у него именно выходитъ, какъ выше показано, что раціоналистами слѣдуетъ признавать не только разсуждающихъ людей, но и *запрещающихъ разсуждать*, требующихъ безусловнаго себѣ повинновенія. Но вотъ что онъ дальше самъ говоритъ: „Еслибы почтенный профессоръ повнимательнѣе проштудировалъ ученіе славянофиловъ о римскомъ католицизмѣ, то онъ отвесся бы справедливѣе къ ихъ трудамъ, отмѣчепнымъ во всякомъ случаѣ печатью оригинальности и глубокой мысли; онъ тогда не возставалъ бы противъ ихъ мысли

¹⁾ Стр. 282—283.

о томъ, что въ католичествѣ есть рационализмъ, такъ какъ эта мысль въ общемъ ея видѣ признается истинной не только славянофилами, но и наиболее добросовѣстными изъ западныхъ писателей. Такъ *Деваръ*, въ сочиненіи „о нѣмецкомъ рационализмѣ“, слѣды ея видитъ въ римскомъ католичествѣ¹⁾. Итакъ теперь выходитъ, что рационализмъ въ моей книгѣ понятъ не такъ широко, какъ полагаетъ рецензентъ, ибо не признаются за рационализмъ даже нѣкоторые слѣды его. Рецензентъ не замѣчаетъ того, что еслибы признавать за рационализмъ всякіе слѣды его, которые случайно могутъ встрѣтиться гдѣ либо, тогда пожалуй и всякое разсужденіе пришлось бы заподозрить въ рационализмъ.

Можно согласиться съ тѣмъ, что мысль, выраженную въ приведенныхъ рецензентомъ изъ моей книги словахъ, слѣдовало бы изложить полнѣе и пожалуй съ большею ясностію; въ подобномъ случаѣ долгъ доброжелательнаго критика, а таковымъ слѣдуетъ признать всякаго ищущаго лишь разъясненія дѣла, сдѣлать необходимыя указанія и дополненія; тогда было бы виднѣе,—насколько разбираемое положеніе состоятельно или несостоятельно. Но рецензентъ нашелъ лучшимъ избрать легчайшее. Онъ утверждаетъ, что въ моей книгѣ взгляды славянофиловъ на католичество и протестанство не изложены во всей полнотѣ и всесторонности. Но еслибы въ своей рецензій онъ дополнилъ сказанное въ моей книгѣ и исправилъ, что представляется ему неправильнымъ, то для дѣла это было бы полезнѣе, чѣмъ всѣ его побѣдоносныя сраженія съ вѣтранными мельницами.

Перейдемъ теперь ко взглядамъ Хомякова. О томъ, какъ я отношусь въ своей книгѣ къ Хомякову, рецензентъ между прочимъ говоритъ: „но онъ не щадитъ памяти покойнаго писателя, „лучшаго человека и лучшаго христіанина зем-

¹⁾ Стр. 286.

ли русской“¹⁾. Г. Линицкій хочетъ во что бы то ни стало поддержать свое обвиненіе, лишенное всякаго смысла...¹⁾. И такъ отъ меня зависитъ щадить, или не щадить память Хомякова; въ моей книгѣ Хомяковъ обвиняется въ чемъ-то... Удачно или неудачно представлена мною характеристика взглядовъ Хомякова,—но это очевидно не то же, что обвиненіе, и не было никакой надобности щадить его. А обвиненіе въ протестантствѣ, развѣ это не тяжкое обвиненіе для православно-русскаго человѣка? Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ это обвиненіе, и можно ли назвать это обвиненіемъ. Рецензентъ укоряетъ меня въ томъ, что я основываю свои положенія на однихъ выраженіяхъ или мѣстахъ, оставляя безъ вниманія много другихъ. И однакоже самъ онъ рѣшительно игнорируетъ общій ходъ мысли въ моемъ изложеніи ученія Хомякова, и изобличаетъ меня въ неправильности этого изложенія, основываясь на немногихъ отрывочно взятыхъ выраженіяхъ и мѣстахъ. Онъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто въ моей книгѣ характеристика ученія Хомякова основывается на произвольномъ толкованіи отдѣльныхъ выраженій и мѣстъ, взятыхъ у Хомякова, такъ что читатель изъ безсвязныхъ замѣтокъ рецензента долженъ вынести самое превратное представленіе о моемъ изложеніи доктрины Хомякова. Съ предвзятою цѣлью—защитить память Хомякова онъ приводитъ изъ сочиненій его отрывочныя мѣста, съ торжествомъ указывая на то, что эти мѣста мною оставлены безъ вниманія. Но онъ не подумалъ вотъ о чемъ. Представляетъ ли ученіе Хомякова о церкви простое повтореніе только въ другихъ словахъ того, что можно найти во всякомъ учебникѣ по Закоу Божію. Но вѣдь никому не приходило на мысль составителей такихъ учебниковъ провозглашать учителями церкви въ томъ особомъ значеніи, въ какомъ это наименованіе усвоится уважаемымъ церковью писателямъ церковнымъ. Значить, кто

¹⁾ Стр. 292.

взялся бы представить характеристику учения Хомякова о церкви, тотъ долженъ обратить вниманіе не на отдѣльныя мѣста и выраженія, а на то, что есть дѣйствительно характеристическаго въ цѣломъ построеніи этого учения. Если же въ ученіи Хомякова о церкви ничего нѣтъ характеристическаго, и ученіе это ничего не заключаетъ въ себѣ сверхъ того, что можно найти и во всякомъ руководствѣ по Закову Божию, тогда по какому праву и славянофилы и другіе, согласно съ ними, ведутъ въ сочиненіяхъ Хомякова о церкви выраженіе не просто общеизвѣстнаго катехизическаго ученія,—а славянофильскаго воззрѣнія на церковь?

Но несомнѣнно есть нѣчто характерное въ ученіи Хомякова о церкви. Смыслъ и значеніе этого ученія предупредительно разъясняетъ Самаринъ въ своемъ предисловіи къ этому ученію. Главный недостатокъ у прежнихъ богослововъ Самаринъ видитъ въ томъ, что возставая либо противъ католичества, либо противъ протестантства, въ жару полемики, они склонялись обыкновенно на сторону противоположную той, какая была предметомъ нападенія. Такъ С. Яворскій, писавшій противъ протестантства, склоняется видимо на сторону католичества, а Теофанъ Прокоповичъ, нападавшій на католичество, близокъ былъ къ протестантству. Хомяковъ же, въ своемъ ученіи о церкви, строго выдерживаетъ средину между католичествомъ и протестантствомъ, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону. Какимъ же образомъ это удалось Хомякову? Это оказалось для него возможнымъ, благодаря его особенному взгляду на церковь, впервые имъ выраженному и разъясненному. Взглядъ этотъ состоитъ въ томъ, что католичество и протестантство представляютъ собою распадѣніе тѣхъ элементовъ вѣроученія и жизни христіанской, которые православіе содержитъ въ цѣлости и неразрывной связи ихъ между собою. *Цѣльность*—это, по мнѣнію славянофиловъ, важнѣйшій отличительный признакъ православія, на который указывалъ также и Кирѣевскій. Протестантство и католичество раздѣляютъ преданіе и Писаніе,

вѣру и добрыя дѣла, учащихъ и обучаемыхъ. Православіе же не раздѣляетъ ни Писаніе отъ преданія, ни вѣру отъ добрыхъ дѣлъ, ни учащихъ отъ обучаемыхъ. На этомъ основаніи Хомяковъ полагалъ, что церковь православная,—если именно разумѣть оную такъ, какъ онъ разумѣлъ,—оказывается *въ равной мѣрѣ* далекою и отъ католичества и отъ протестантства. Она не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго ни съ тѣмъ ни съ другимъ. Изъясня такимъ образомъ православіе, Хомяковъ чрезъ то ставитъ себя въ положеніе, равно далекое отъ всякаго соприкосновенія какъ съ одною противною стороною, такъ и съ другою, отъ которыхъ онъ строго разграничиваетъ православіе. Но точно ли удалось Хомякову, *какъ онъ того желалъ*, удержать строгую средину между католичествомъ и протестантствомъ? дѣйствительно ли представленное имъ изъясненіе православія одинаково чуждо духа и католическаго и протестантскаго? Несомнѣнно, что въ ученіи своемъ о церкви онъ склоняется на одну сторону *болѣе чѣмъ на другую*; слѣдовательно средину онъ не выдерживаетъ; онъ ближе къ протестантству, чѣмъ къ католичеству. Это видно изъ того, какъ опредѣляется и изъясняется у Хомякова церковь. Церковь—организмъ, а не учрежденіе. Почему же не учрежденіе? По объясненію Самарина, церковь нельзя назвать учрежденіемъ потому, что названіе это даетъ ложное представленіе о церкви, какъ о чемъ-то формальномъ, бездушномъ, казенномъ на подобіе какого либо присутственнаго мѣста,—между тѣмъ какъ церковь, по истинному понятію о ней,—это сама жизнь. Она также должна быть свободна, едина и нераздѣльна, какъ свободна, едина и нераздѣльна жизнь. Жизнь—начало органическое, создающее нераздѣльную цѣльность и единство элементовъ, которые она проникаетъ собою. Это животворящее, организующее начало въ церкви есть благодать. А развѣ протестантизмъ отвергъ всякое іерархическое посредство и всю, можно сказать, обрядовую сторону религіи призналъ излишнею, не для того, чтобы установить

органическое, нераздѣльное единство всякой вѣрующей души (единство или возрожденіе чрезъ вѣру) съ божественною благодатію, въ которой заключается корень религіозно-духовной жизни? Развѣ протестантизмъ не обвиняетъ церковь католическую въ мертвенности, формализмѣ?

Когда Хомяковъ излагалъ свое ученіе о церкви, то вѣроятно онъ не полагалъ, что пишетъ символическую или догматическую книгу; онъ конечно имѣлъ въ виду представить такъ сказать философію православія. А философіи вѣдь свойственно и погрѣшать. Поэтому сказать, что опредѣленіе и изъясненіе церкви у Хомякова стоятъ ближе къ протестантству, чѣмъ къ католичеству,—это не значитъ еще обвинить Хомякова въ неправославіи, въ протестантизмѣ. Нимало этимъ не подвергается сомнѣнію то, что онъ былъ и русскій человекъ и благочестивый христіанинъ. Изъ предъидущаго видно, что въ намѣреніи его не было ни того, чтобы стать на сторону протестантства, ни того, чтобы послѣдовать въ чемъ либо католичеству. Напротивъ, онъ хотѣлъ держаться одинаково далеко и отъ того и отъ другаго; и если на самомъ дѣлѣ такъ не было, то и это не его вина; причина этого заключалась просто въ невыполнимости поставленной имъ для себя задачи. Какъ бы ни смотрѣть на католичество и протестантство, нельзя однако отрицать того, что это вѣроисповѣданія христіанскія, что хотя всецѣло истина христіанства не содержится ни въ протестантствѣ ни въ католичествѣ, однако *частію* она есть и тамъ и здѣсь. Церковь православная отвергаетъ не все католичество въ цѣлости, а только то, въ чемъ оно отступаетъ отъ нея, какъ церкви вселенской. Хомяковъ же настаиваетъ на томъ, что церковь православная всецѣло отвергаетъ и католицизмъ и протестантство, что она не имѣетъ и не можетъ имѣть нисколько соприкосновенія съ тѣмъ и другимъ. Что же именно привело Хомякова къ этой мысли о таковой исключительности церкви православной относительно протестантства и католичества? У славянофиловъ былъ общеприня-

тымъ тотъ взглядъ на католичество и протестантство, что какъ въ первомъ проявилась стихія романскаго племени, такъ во второмъ выразилась стихія германская; отсюда само собою давалось предположеніе, что въ православіи, если не выразилась вполнѣ, то должна выразиться стихія славянскаго племени. И какъ славянское племя совершенно чуждо германскому и романскому, по крайней мѣрѣ исторія его сдѣлала такимъ, то и церковь православная, какъ преимущественное выраженіе славянской стихіи, не должна имѣть никакого соприкосновенія съ протестантствомъ и католичествомъ. Пока славянинъ остается православнымъ, онъ не можетъ переродиться въ чуждую ему національность. Дѣйствительно православіе—великая охрана народнаго духа въ славянскомъ племени. Но едва ли возможно согласиться съ славянофилами и въ томъ, что если для славянства православіе имѣетъ великое жизненное значеніе, то поэтому славянская стихія въ самой церкви должна быть также началомъ опредѣляющимъ и господствующимъ, какъ въ протестантствѣ германская стихія служитъ такимъ началомъ, а въ католичествѣ стихія романская. Вотъ въ какомъ смыслѣ сказано въ моей книгѣ, —чего никакъ не можетъ уяснить себѣ рецензентъ, что славянофильство рассматриваетъ православіе по преимуществу въ бытовомъ его выраженіи. Это не то значить, что славянофилы признавали вполнѣ осуществленною въ народной жизни ту идею церкви, которую имѣлъ въ виду выяснить Хомяковъ. Нѣтъ, они смотрѣли на эту идею болѣе, какъ на идеаль, долженствующій осуществиться, чѣмъ какъ на дѣйствительность уже законченную и вполнѣ опредѣлившуюся. Осуществленіе церковной идеи послѣдуетъ, когда жизнь церкви всецѣло сольется съ народною жизнью. Признаки этого сліанія можно усматривать въ древней Руси. Но затѣмъ Европейское просвѣщеніе произвело разрывъ между церковностію и народною жизнью (церковь сдѣлалась официальной, казеннымъ учрежденіемъ, вѣдомствомъ). Теперь задача заключается въ

томъ, чтобы снова выступить на путь слиянія церкви съ народною жизнью. Но нужно рѣшить, какъ должно совершиться это слияніе? Должна ли церковь подчинить своему влиянію всецѣло народную жизнь, или же наоборотъ, народная жизнь должна овладѣть церковью и подчинить ее себѣ? Въ церкви, по славянофильскому воззрѣнію, теперь вѣтъ жизни; церковь—это пустой, хотя и драгоценный сосудъ, который должна наполнить собою народная жизнь. Итакъ народничество—главная идея въ славянофильствѣ, а такъ какъ народничество есть также основной принципъ новѣйшаго либерализма, то и неудивительно, что славянофильство во многомъ соприкасается съ либерализмомъ, на что указано въ моей книгѣ, но рецензентъ почему-то не обратилъ на это вниманія.

Послѣ сказаннаго легко разрѣшаются недоумѣнія и возраженія рецензента по поводу моего изложенія доктрины Хомякова.

„Называя ученіе Хомякова, говоритъ рецензентъ, „значительно близкимъ къ протестантству“, ученіе, главнымъ принципомъ котораго является принципъ органическаго единства церкви, проф. Ливницкій „во всякомъ случаѣ“ тѣмъ самымъ утверждаетъ, что принципъ органическаго единства есть принципъ болѣе или менѣе присущій и протестантству, какъ ученію и какъ практикѣ. Между тѣмъ отрицаніе означеннаго принципа и рѣшительное господство на практикѣ и въ теоріи принципа *индивидуализма* есть одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ протестантства“¹⁾. Къ сказанному прежде объ этомъ теперь присоединимъ слѣдующее замѣчаніе: не въ томъ дѣло, какъ выразилось на практикѣ и къ какимъ послѣдствіямъ привело начало, установленное протестантствомъ, а въ томъ, каково самое начало. Первые представители и виновники протестантизма всего менѣе думали о томъ, что ихъ принципъ произведетъ инди-

¹⁾ Стр. 290.

видуализмъ. Индивидуализмъ не принципъ,—а послѣдствіе принципа. Также точно Хомяковъ и вообще славянофилы полагали, что если сосудъ церкви наполнится народною жизнію,—то тогда-то именно и осуществится полное общеніе и совершенное единство въ церкви, а между тѣмъ вопросъ этотъ могъ бы рѣшить только опытъ. Быть можетъ, вмѣсто общенія произошелъ бы тоже индивидуализмъ.

„Обратимся, говоритъ рецензентъ, спеціально къ тому мѣсту, которое подало ему поводъ обвинить Хомякова въ протестантствѣ. Оно содержитъ мысль, что „церковь есть единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати“⁴, и что „она, какъ духовный организмъ, есть Духъ Божій, который знаетъ и не можетъ не знать себя“⁴. Изъ этого мѣста выводитъ, сдѣланный г. Ливницкимъ, гласить, что отъ человѣка ничего болѣе не требуется, какъ только предаться во власть дѣйствующаго въ церкви Духа Божія, т. е. *сохранять въ себѣ жизнь церкви*. Что же? и сохраняйте. Развѣ это такъ легко, развѣ это не требуетъ со стороны человѣка самыхъ напряженныхъ подвиговъ?... Но проф. Ливницкій, разумѣется, совсѣмъ не то хотѣлъ высказать; именно въ приведенномъ мѣстѣ изъ Хомякова онъ видитъ призывъ *ничего не дѣлать для своего спасенія*, сидѣть, такъ сказать, сложа руки. Откуда же это вытекаетъ⁴ 1)? Объ этомъ вужно спросить самаго рецензента, такъ какъ не могло быть у меня и въ мысли подобной нелѣпости, какую онъ вывелъ. Развѣ протестанты, когда учатъ, что спасаетъ вѣра а не добрыя дѣла, понимаютъ вѣру въ смыслѣ ничего недѣланія? Итакъ, чтобы показать близость указаннаго опредѣленія Хомякова къ протестантству, не было вовсе надобности въ такомъ странномъ перетолкованіи его, какое навязываетъ мнѣ рецензентъ. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, въ ученіи о спасеніи человѣка одни преимущественное вниманіе обра-

⁴) 291.

щаютъ на участіе въ этомъ дѣлѣ благодати, другіе же преимущественное значеніе придаютъ свободной волѣ чело-вѣка, и вопросъ въ томъ, какая изъ этихъ сторонъ ближе къ протестанству.

На стр. 140 II тома, читаемъ далѣе, Хомяковъ говорить: „церковѣ на епископовъ по преимуществу валагаетъ *служеніе и обязанность поучать слову Божию*“¹⁾). Налагаетъ церковъ, а что такое церковъ? Церковъ единый цѣлостный организмъ. И народъ и іерархія въ этомъ организмѣ должны быть въ нераздѣльномъ союзѣ и общеніи. Слѣд. вложеніе на епископовъ обязанности поучать слову Божию должно исходить также отъ народа, ибо по самому понятію о церкви, какъ цѣлостномъ организмѣ, народъ неотдѣлимъ отъ церкви. Служители и представители церкви должны выходить изъ народа, должны быть избираемы народомъ. Нѣтъ ли въ такомъ усвоеніи церковныхъ правъ народу близости къ протестанству?

Католическая церковъ, по воззрѣнію протестантскому, въ теченіе среднихъ вѣковъ, выполняла и исполнила уже свое предназначеніе—служить для новыхъ народовъ, принявшихъ христіанство, воспитательницею и руководительницею. Но послѣ того, какъ народы достигли зрѣлаго возраста, опека сдѣлалась для нихъ излишнею. Надлежало представить народамъ свободу прежде всего въ отношеніи религіозномъ, а затѣмъ и политическомъ. Первая задача была рѣшена протестанствомъ. Религіозная вѣра должна быть свободнымъ обнаруженіемъ внутренней духовной жизни чело-вѣка, ибо вѣра религіозная есть дѣло совѣсти и убѣжденія. И въ отношеніи къ цѣлому народу также должно признать, что вѣра религіозная должна быть свободнымъ обнаруженіемъ его внутренней жизни. Нѣтъ ли и въ ученіи Хомякова о церкви нѣкотораго отраженія этой идеи о само-бытномъ органическомъ проявленіи религіозной жизни?

П. Линицкій,

¹⁾ 294.

Житіе и коженъе Данила русьскыя земли игумена.

1106—1108 г.

Издано подь редакціею М. В. Веневитинова.

(Православный Палестинскій Сборникъ. Т. I., вып. 3. Сиб. 1883 г. 8°).

Предъ нами третій выпускъ Православнаго Палестинскаго Сборника, издаваемаго Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Весь выпускъ занятъ извѣстнымъ „Хожденіемъ“ въ Іерусалимъ игумена Данила. Доколѣ напечатана лишь первая половина „Хожденія“; вторая, думать нужно, также не заставитъ себя долго ожидать, если только позволить средства Общества, такъ какъ со стороны подготовленія къ печати самаго текста едва ли могутъ встрѣтиться препятствія. Ожидая съ понятнымъ нетерпѣніемъ окончанія изданія, мы однако находимъ возможнымъ и умѣстнымъ посвятить нѣсколько замѣчаній и настоящему выпуску, тѣмъ болѣе, что общій характеръ изданія уже достаточно выяснился.

Какъ видно, Православное Палестинское Общество поставило себѣ почтенную цѣль—издать въ свѣтъ рядъ древнихъ путешествій въ Святую землю для ознакомленія съ ея прошедшими судьбами. Если взять во вниманіе, что современное состояніе Палестины съ ея христіанскими святынями и памятниками древности удобнѣе изучать по новѣйшимъ путешествіямъ, какъ болѣе отвѣчающимъ современнымъ требованіямъ науки, то' станетъ яснымъ, что цѣль Общества при изданіи древнихъ путешествій строго научная. Не возможно, разумѣется, ожидать, чтобы современный путеше-

ственникъ, заинтересованный свѣтынями Палестины въ настоящемъ ихъ видѣ, обратился за справками въ какому-либо старому Паломнику, который помимо своей воли не въ состоянн удовлетворить запросовъ современнаго образованія, отчасти въ слѣдствіе своей краткости, отчасти въ слѣдствіе невольныхъ промаховъ древней наивности, отчасти наконецъ въ слѣдствіе неизбежности историческихъ измѣненій въ судьбѣ разныхъ мѣстностей и памятниковъ Палестины. Итакъ остается думать, что цѣль изданій Общества научная. Нельзя поэтому не порадоваться, что Православное Палестинское Общество, озабоченное судьбами нынѣшнихъ паломниковъ, въ тоже время не забываетъ и интересовъ отечественной исторіи и литературы.

Въ ряду средствъ, обезпечивающихъ поступательное развитіе науки, изданіе древнихъ памятниковъ занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, составляетъ начальный и заключительный актъ научныхъ работъ, особенно при возрастающемъ господствѣ историческаго метода. Прогрессъ современной науки тѣмъ и силенъ, что книгопечатаніе, пароходы и желѣзныя дороги уничтожаютъ главный тормазъ древней цивилизаціи—затруднительность взаимныхъ сношеній. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ за каждымъ памятникомъ ѣхать на мѣсто его находенія! Но и самый способъ изданія памятниковъ имѣетъ свою исторію, отнѣчающую росту самой науки. При отсутствіи научной критики памятники ничтожныя печатаются впереди важныхъ; самые важные памятники печатаются по дурнымъ спискамъ, или если и по хорошимъ, то такимъ способомъ, который дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе ими. Поэтому-то въ настоящую пору немногіе изъ старыхъ изданій удовлетворяютъ требованіямъ научной критики; не рѣдко возникаетъ настоятельная необходимость переизданія того, что уже было не разъ издано. Современная наука требуетъ, чтобы памятники издавались или по древнѣйшимъ или по наиболѣе исpraцнымъ спискамъ, съ указаніемъ разночтеній по другимъ спискамъ

(если таковые, конечно, существуют); та же наука требует дипломатически точнаго воспроизведенія текста древняго памятника, положеннаго въ основаніи изданія, чтобы такимъ образомъ пользованіе имъ возможно было не только для историка, но и для филолога. Полезно, а иной разъ и необходимо предварять изданіе объяснительными замѣчаніями, знакомящими съ судьбой памятника, или разъясняющими наиболѣе трудные вопросы, на которые неминуемо наталкиваешься при чтеніи текста. Хорошо, а иной разъ также и необходимо сопровождать изданіе замѣчаніями археологическими, историческими, филологическими и проч. Въидомъ критической обработки являются такъ называемыя „чтенія“, т. е. реставрація текста утраченнаго оригинала.

Теперь посмотримъ, каковъ характеръ изданій древнихъ памятниковъ Православнаго Палестинскаго Общества.

Доколѣ цѣликомъ изданъ лишь „Бордоскій Путникъ“, самый древній изъ сохранившихся путеводителей по Святой землѣ. Неизвѣстный авторъ, вѣроятно житель города Бордо (отсюда и названіе Путника), посѣтилъ Константинополь и Іерусалимъ въ 333 году. Названный Путникъ представляетъ изъ себя краткій очеркъ, а иногда и просто перечень тѣхъ городовъ, въ которыхъ приходилось быть автору. Описаніе сдѣлано отчасти на основаніи собственныхъ наблюденій, отчасти на основаніи официальныхъ римскихъ путниковъ. Можетъ быть, кто либо изъ читателей этого Путника спроситъ, почему же именно этотъ, а не другой путникъ изъ иностранныхъ предложенъ вниманію русскаго общества? Ужъ конечно не потому только, чтобы выгоднѣе представить достоинство Паломника Даниїла, начатаго печатію въ слѣдующемъ выпускѣ; и не потому въ свою очередь, что это самый древній изъ сохранившихся путниковъ въ Святую землю, такъ какъ кромѣ древности въ памятникѣ важно достоинство и полнота самого содержанія. Отвѣтъ можетъ быть одинъ: почтенное намѣреніе представить исторію путешествій въ связи съ исторіей самой Палестины

виушило Православному Палестинскому Обществу благую мысль предложить своимъ читателямъ цѣлый рядъ хождений въ Святую землю. Намъ повтому остается приятная надежда увидѣть современемъ въ печати и другіе изъ древнихъ Паломниковъ, разумѣется, наиболѣе цѣнные по своему содержанию. Относительно же „Бордоскаго Путника“ замѣтимъ, что изданіе сдѣлано тщательно, даже роскошно, со вниманіемъ въ послѣднихъ научныхъ объясненіяхъ его.

Отдавая, такимъ образомъ, справедливое г. Хитрово за тщательное изданіе древняго латинскаго путника, мы съ тѣмъ выѣстъ должны признаться, что для насъ, русскихъ, наиболѣе интереса представляетъ „Хоженіе“ въ Іерусалимъ игумена Давіила. Памятникъ этотъ имѣетъ громадную важность какъ въ историческомъ и литературномъ, такъ и филологическомъ отношеніи. Онъ служитъ для насъ свидѣтельствомъ нашихъ сношеній съ востокомъ, какъ и состоянія самой Палестины въ данный періодъ (начало XII в.), является показателемъ выссты литературнаго образованія древнихъ русскихъ людей и наконецъ представляетъ образецъ древнерусскаго языка, хотя и съ сильнымъ вплиніемъ языка церковнославянскаго.

Первое библиографическое упоминаніе о „Странникѣ“ Давіила принадлежитъ Сильвестру Медвѣдеву († 1691 г.), который на страницѣ 18 своего „оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ“, упоминаетъ „Странство монаха Давіила въ Іерусалимъ“. Изъ приведенныхъ начальныхъ словъ „Хоженія“ Давіила: „Се азъ недостойный игумень Давіилъ“ видно, что Медвѣдевъ имѣлъ подъ руками полный изводъ „Хоженія“. Если принять во вниманіе послѣдующую неизвѣстность библиографическаго труда Сильвестра Медвѣдева, то станетъ понятнымъ, какъ отсутствіе ссылокъ на него у послѣдующихъ изслѣдователей отечественной старины, такъ и то, что съ началомъ нынѣшняго столѣтія послѣдовало новое открытіе „Хоженія“ Давіила. Кому должна быть отдава честь перваго открывателя этого драгоценнаго памятника,

трудно рѣшить. Бестужевъ-Рюминъ повидимому склоняется въ пользу нашего знаменитаго исторіографа Н. М. Карамзина ¹⁾, который упоминаетъ о путешествіи Данила во II томѣ своей истор. государ. російскаго (Изд. 4. Спб. 1833 г. стр. 143—144), а въ примѣчавіи 185 приводитъ выдержку объ отношеніи путешественника къ Балдуиу, тогдашнему іерусалимскому королю. Судя по списку „Хожденія“ съ собственными отмѣтками Карамзина, хранящемуся теперь въ Императорск. Публич. Библіотекѣ ²⁾, съ другой стороны въ виду того, что Карамзинъ ничего не упоминаетъ о собственной замѣткѣ Данила о времени своего хожденія въ Іерусалимъ, должно предположить, что исторіографъ пользовался краткимъ изводомъ „Странника“. Въ свою очередь митрополитъ Евгеній Волховитиновъ въ своемъ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина (изд. 2-е, 1827 г., стр. 113) говоритъ, что еще въ 1816 г. онъ представилъ въ Московское общество Исторіи и древностей Россійскихъ „списокъ Путешествія, сведенный изъ многихъ“. На этомъ основаніи И. П. Сахаровъ въ введеніи къ изданію Путешествія Данила ³⁾ отдаетъ повидимому преимущество равнаго ознакомленія съ разсматриваемымъ памятникомъ именно митрополиту Евгенію. Представляется болѣе вѣроятнымъ, что Карамзинъ и Евгеній совершенно независимо другъ отъ друга открыли списки „Хожденія“ Данила и по своему имп воспользовались: первый, какъ памятникомъ историческимъ, второй, какъ памятникомъ историко-литературнымъ, на основаніи чего игумень Данилъ и помѣщенъ въ числѣ писателей духовнаго чина. На основаніи сравненія Іордана съ рѣкою Сновою, протекающею не далеко отъ Чернигова, митропо-

¹⁾ „Древняя русская письменность“, А. А. Котляревскаго. Воронежъ 1881 г. стр. 21.

²⁾ М. В. Веневитиновъ въ своемъ введеніи къ изданію „Хожденія“ упоминаетъ этотъ списокъ подъ № 62.

³⁾ Путешествія русскихъ людей по Святой землѣ, Спб. 1839 г. ч. I., стр. 4; то же въ „Сказаніяхъ русскаго народа, Спб. 1849 г., т. II, я. VIII, стр. 8 Путеш. игумена Данила.

леть Евгеній и Карамзинъ предполагали, что игумень Данилъ или родомъ или жительствомъ былъ изъ окрестностей Чернигова ¹⁾. Въ свою очередь Карамзинъ предполагаетъ, что паломникъ Данилъ могъ быть юрьевскимъ епископомъ Данииломъ, поставленнымъ въ 1113 г. ²⁾; слѣдов. время путешествія, когда Данилъ былъ еще игуменомъ, Карамзинъ относитъ къ болѣе раннему времени. Митрополитъ Евгеній, не указывая точно времени путешествія, относитъ его вообще къ началу XII вѣка, такъ какъ къ этому именно времени относятся событія и дѣятельность лицъ, упоминаемыхъ Данииломъ: Балдуина (1100—1118 г.), Михаила—Святополка (1093—1113), Василия—Владимира (Мономаха 1113—1125), Олега (княжившаго въ Черниговѣ въ 1115 г.), взятіе Франками Акры (1104). Само собою понятно, что признавая во всей силѣ соображенія митрополита Евгенія, трудно было въ тоже время признать въ паломникѣ Данилѣ юрьевского епископа Данила, поставленнаго въ 1113 году, какъ на это указалъ Карамзинъ. Вотъ почему мнѣнія послѣдующихъ ученыхъ, касавшихся разсматриваемаго нами памятника, колебались между мнѣніемъ митрополита Евгенія и Карамзина.

Кромѣ Евгенія и Карамзина „Хожденіемъ“ Данила былъ заинтересованъ неутомимый К. Ѡ. Калайдовичъ, который приготовилъ было даже къ печати сводный текстъ „Хожденія“. При составленіи его онъ воспользовался текстами списковъ библіотеки графа Толстова, Историческаго Общества и своднымъ спискомъ митрополита Евгенія³⁾. Гдѣ въ настоящую пору этотъ списокъ и почему онъ не появился въ печати,—остается неизвѣстнымъ, какъ не извѣстно и то, почему не былъ напечатанъ сводный текстъ самого

¹⁾ Словарь писат. духовн. чина стр. 113; Истор. госуд. россійск. т. II, изд. 4-е, прим. 185.

²⁾ Ibid. прим. 185.

³⁾ Сахарова, Путеш. русск. люд. Сиб. 1839 г. стр. 7; его же, „Сказанія русск. нар.“. Сиб. 1849 г., ч. VIII, стр. 8.

Евгенія. Отдѣльные отрывки изъ „Странника“ Данила на основаніи списковъ Импер. Публ. Библ. помѣстилъ въ своемъ Путешествіи по св. мѣстамъ А. Н. Муравьевъ ¹⁾ (гл. I, стр. VII—XXX, по изд. 1830 г.). Чувствовалась однако потребность въ полномъ изданіи, и этой потребности взялось удовлетворить Московское Общество Исторіи и Древностей россійскихъ, поручивши исполненіе этого дѣла своему сочлену, г. Коркунову. Кромѣ своднаго списка митрополита Евгенія и другихъ, принадлежащихъ самому Обществу, г. Коркуновъ имѣлъ въ распоряженіи пергаменный списокъ Флорищевой Пустыни ²⁾, потомъ не извѣстно куда исчезнувшій. Прекрасное намѣреніе Общества однако и доселѣ остается неосуществленнымъ.

Первый опытъ изданія полнаго текста „Хожденія“ Данила принадлежитъ И. П. Сахарову. Мы имѣемъ подъ руками два его изданія: одно 1839 года въ его „Путешествіяхъ русскихъ людей по Святой землѣ“ подъ заглавіемъ: „Путешествіе игумена Данила по святымъ мѣстамъ въ началѣ XII столѣтія“; къ изданію приложенъ палеографическій снимокъ заглавнаго листа списка, положеннаго въ основаніе изданія; второе, представляющее повтореніе изданія 1839 года, лишь съ весьма незначительными измѣненіями въ введеніи и въ расположеніи разночтеній, вышло въ 1849 г. и помѣщено въ VIII части II тома „Сказаній русскаго народа“ съ 11 по 45 стр. ³⁾. Сахаровъ сличилъ между собою десять спис-

¹⁾ Путеш. русск. людей 1839 г., стр. 8; тоже въ „Сказ. русск. нар.“, кн. VIII, стр. 8.

²⁾ Ibid. кн. VIII, стр. 8.

³⁾ Только о двухъ изданіяхъ Сахарова упоминаетъ А. С. Норовъ (Путеш. игумена Данила по Святой землѣ въ началѣ XII в., стр. VI) и И. И. Срезневскій (Древніе Памятники русск. письм. и язык. Изв. Акад. Наукъ т. X, стр. 83). М. В. Веневитиновъ упоминаетъ о четырехъ его изданіяхъ: въ 1837, 1839 и 1849 г. Изданіе 1837 г. снабжено вариантами изъ четырехъ списковъ, въ которыхъ въ изданіи второмъ прибавлены варианты новыхъ четырехъ списковъ. Изданіе третье и четвертое представляютъ, по словамъ г. Веневитинова, лишь перепечатку втораго изданія (Православн. Палестинск. Сборн. т. I., кни. 3, стр. X.), между тѣмъ во введеніи къ изданію 1839 и 1849 гг. Сахаровъ самъ

ковъ XVI и XVII вв. и отмѣтилъ чаеболѣе выдающіяся разпо-
 чтенія. По особенностямъ содержанія всѣ списки раздѣлены
 Сахаровымъ на двѣ редакціи: *полную* и *сокращенную*. Списки
 первой редакціи имѣютъ слѣд. особенности: а) носятъ за-
 главіе: „книга, глаголемая странникъ“; б) содержатъ введе-
 ніе самого игумена Данила и его же послѣсловіе, въ кото-
 ромъ говорится, что онъ ходилъ въ княженіе Святиполка
 Изяславича; в) отличаются полнотою и сравнительною пра-
 вильностію текста. Въ спискахъ второй редакціи а) огла-
 вленіе читается: „хождение игумена Данила къ святымъ мѣ-
 стамъ; б) ни въ одномъ спискѣ, кромѣ Дубровскаго, нѣтъ
 ни введенія, ни послѣсловія; в) масса ошибокъ и прибав-
 леній¹⁾. Что касается до самаго способа изданія, то онъ
 не можетъ быть оправданъ, какъ не отвѣчающій требова-
 ніямъ научной критики. Такъ какъ первоначальный списокъ
 навсегда утраченъ, то „что дѣлать, спрашиваетъ Сахаровъ,
 съ нашими старыми переписчиками, которые при списываніи
 любили подновлять старые списки?“ Отвѣтимъ: издавать
 основной списокъ съ дипломатическою точностію, а всякія
 исправленія отмѣчать въ подстрочномъ замѣчаніи, или если
 и въ текстѣ, то курсивомъ или въ особой разрядкѣ. П. П.
 Сахаровъ отступилъ отъ этого требованія и въ сущности
 продолжилъ ту же самую работу старыхъ писцевъ—подно-
 вителей текста, которую только что осудилъ. „Мнѣ должно
 было угадывать, говоритъ онъ, настоящія слова Данила,
 понимать его современный очеркъ выраженій и письма“. Но
 кто можетъ поручиться, что то пониманіе, которое пред-
 ставляется намъ, какъ единственно возможное и справедли-
 вое, и на самомъ дѣлѣ таково? При такомъ способѣ изданія
 не только филологъ, но и историкъ, очевидно, не можетъ
 съ увѣренностію пользоваться изданнымъ текстомъ.

говоря о промотрѣнныхъ имъ десяти спискахъ, которыхъ перечень онъ при
 этомъ и представилъ. Проф. Шевыревъ въ своемъ курсѣ Русской Словесности
 упоминаетъ объ изданіи Сахаровымъ „Хожденія“ Данила на основаніи шести
 списковъ (т. II, стр. 207, прим. 50). Вѣроятно, это и есть первое изданіе.

1) Сказ. русск. нар. ч. VIII, стр. 10; Путеш. русск. людей, стр. 12—13.

Относительно личности самого игумена Данила Сахаровъ находитъ возможнымъ признать лишь то, что онъ былъ человѣкъ русскій. За это говоритъ самый способъ разсказа, напоминающій Нестора, помилованіе русскихъ князей и повѣшеніе кандила *за всю русскую землю*. Что онъ былъ черниговецъ—это одна лишь догадка археологовъ. Въ свою очередь относительно времени хожденія Данила въ Иерусалимъ можно съ увѣренностію сказать только, что оно происходило въ началѣ XII в. Имена русскихъ князей, записанныя для поминовенія на вѣтениі, не могутъ давать никакого опредѣленнаго указанія, во первыхъ потому, что неизвѣстно, какъ они поминались: за упокой или только за здравіе? во вторыхъ, упоминаніе послѣсловія о хожденіи Данила въ княженіе Михаила—Святополка, умершаго въ 1113 году, находится въ видимомъ несогласіи съ извѣстіемъ того же Данила объ участіи его въ походѣ Балдуина на Дамаскъ. Если принять, что это тотъ самый походъ, который былъ предпринятъ въ 1115 году, то выйдетъ, что Данилъ путешествовалъ уже въ княженіе Владиміра Мономаха. Такимъ образомъ по вопросу о времени Хожденія Сахаровъ прѣмываетъ къ мнѣнію митрополита Евгенія.

Изданіе И. П. Сахаровымъ „Хожденія“ Данила сдѣлало возможнымъ болѣе обстоятельное ознакомленіе съ его содержаніемъ. Нельзя однако сказать, чтобы на это содержаніе до послѣдняго времени было пролито много свѣта, особенно по вопросу о личности Данила и точномъ опредѣленіи времени посвщенія имъ Святой земли. Такъ проф. Шевыревъ по вопросу о родивѣ и мѣстѣ жительства игумена Данила прѣводитъ лишь мнѣніе митрополита Евгенія и Карамзина¹⁾. Митрополитъ Макарій въ свою очередь находитъ несомнѣннымъ лишь то, что Данилъ былъ человѣкъ русскій, хотя и догадку о Черниговѣ, какъ о мѣстѣ его рожденія или подвѣдомой ему обители, считаетъ весьма

¹⁾ Ист. рус. Слов. т. II, стр. 185—186.

вѣроятною ¹⁾). Тоже колебаніе слышится у Порфирьева ²⁾ и А. С. Норова ³⁾). Проф. Голубинскій въ своей исторіи русской церкви (т. I, вып. I, стр. 682—83) склоняется къ тому же предположенію, какъ наиболѣе вѣроятному, но при этомъ въ пользу его приводитъ и новыя соображенія. Кромѣ сравненія Іордана съ рѣкою Сновою,—на что указывалось постоянно и до него,—г. Голубинскій отмѣчаетъ еще фактъ поминанія Давидомъ въ числѣ главныхъ въ то время князей и второстепенныхъ князей Полоцко-Минскихъ. Ясно, что Давидъ стоялъ къ этимъ князьямъ въ какомъ-то особомъ отношеніи. Принимая во вниманіе, что сѣверо-западная часть нынѣшней Черниговской губерніи смежна съ древнимъ княжествомъ Полоцко-Минскимъ, должно предположить одно изъ двухъ: или то, что Давидъ былъ Полоцанинъ изъ юго-восточной части княжества и зналъ черниговскую рѣку Снову по сосѣдству, или же то, что онъ былъ житель сѣверо-западной части Черниговской области и какъ близкій сосѣдь записалъ въ поминникѣ имена Полоцко-Минскихъ князей. Последнее предположеніе г. Голубинскій считаетъ болѣе вѣроятнымъ и, прибавимъ, вполне справедливо; иначе трудно было бы объяснить, почему Давидъ своего мѣстнаго князя упомянулъ въ „Путешествіи“ предпоследнимъ.

Въ свою очередь по вопросу о времени путешествія Давида мало прибавлено новаго. Шевыревъ ⁴⁾ и митрополитъ Макарій ⁵⁾ относятъ его къ промежутку времени между 1113—1115 г.; такъ какъ, по собственнымъ словамъ Давида, онъ путешествовалъ въ княженіе великаго князя Святополка Изяславича, умершаго въ 1113 году, а въ Іерусалимѣ былъ при королѣ латинскомъ Балдуинѣ, когда послѣд-

¹⁾ Ист. русск. церк. т. II, стр. 132.

²⁾ Ист. русск. Слов. ч. I, Казань 1870 г. стр. 307.

³⁾ Путешест. ижм. Давида, стр. III.

⁴⁾ Ист. русск. Слов. т. II, стр. 185.

⁵⁾ Ист. русск. церк. т. II, стр. 132.

ній предпринималъ свой походъ противъ Дамаска въ 1114 и 1115 г. Что касается до молчанія о смерти Святополка, то это, по замѣчанію Шевырева, объясняется тѣмъ, что Даниилъ, пробывшій до 16 мѣсяцевъ въ метохіи св. Саввы, вѣроятно, не слышалъ о смерти великаго князя¹⁾. Это мнѣніе раздѣляютъ и А. С. Норовъ²⁾, О. Э. Миллеръ³⁾ и Е. Е. Голубинскій⁴⁾. И. И. Срезневскій относитъ походъ Балдуина на Дамаскъ къ 1113 г., а поэтому годомъ возвращенія Данила принимаетъ 1114 г.⁵⁾

Затронуты были и другіе вопросы, касающіеся содержанія „Хожденія“ и личности самого Данила, какъ автора, напр. относительно цѣли путешествія, какъ равно и цѣли составленія самаго описанія, относительно характера описанія и господствующихъ въ немъ воззрѣній.

Путешествія въ Святую землю были довольно обычнымъ явленіемъ въ древне-русскомъ Обществѣ, но предпринимались съ различною цѣлію. Были и такіе паломники, которые ходили замаливать свои грѣхи, какъ былинный Василій Буслаевъ („а мое-то вѣдь гулянье неохотное; съ молоду бито много, граблено, подъ старость вадо душу спасти“); ходили ради бродяжничества и праздности, какъ это видно изъ отвѣта Нифонта на вопросъ Кирика; но были и такіе, которые ходили по неотразимому запросу искренняго религіознаго чувства, изъ желанія видѣть и поклониться мѣстамъ, освященнымъ присутствіемъ на землѣ Богочеловѣка. Къ такимъ-то паломникамъ по общему мнѣнію принадлежалъ и нашъ игумень Даниилъ⁶⁾.

Труднѣе выяснитъ самую цѣль составленія описанія; потому что не всѣ же способны къ авторству, да и изъ

¹⁾ Ист. русск. Слов. т. II, стр. 185.

²⁾ Путеш. игум. Данила, стр. V—VI.

³⁾ Опытъ историч. обзорѣнія русск. Словеси. ч. I, вып. I, стр. 295.

⁴⁾ Истор. русск. церк. т. I, стр. 683.

⁵⁾ Древніе памятники письма и язык. Изв. Акад. Наук. т. X, стр. 84.

⁶⁾ Шевыр., истор. русск. Словеси. стр. 184, 188; Макарь., истор. русск. церк. II, 133; Орестъ Миллеръ, опытъ историч. обзор., стр. 295; Порфиръ, истор. русск. Словеси. ч. I, стр. 307.

способныхъ далеко не всѣ берутся за подобнаго рода труды. Шевыревъ полагаетъ, что Данииломъ руководило въ этомъ случаѣ желаніе возстановить правду въ разсказахъ разнаго рода очевидцевъ чудесъ, совершающихся въ Святой землѣ¹⁾). На этой по преимуществу цѣли настаиваетъ и проф. Голубицкій²⁾). Митрополитъ Макарій³⁾ и проф. Порфирьевъ⁴⁾, въ виду замѣчаній самого игумена Давиила признають, что описаніе сдѣлано изъ любви автора къ святымъ мѣстамъ и изъ желанія сохранить въ памяти то, что показалъ ему, недостойному, Господь. Съ этой личной цѣлю соединилось и желаніе быть полезнымъ для вѣрныхъ людей, чтобы они, услышавъ о св. мѣстахъ, поревновали о нихъ душою и мыслию и такимъ образомъ получили мзду наравнѣ съ лично посѣщавшими св. землю. Черезъ это впрочемъ дѣло не разъясняется окончательно. Такая цѣль необходимо предполагаетъ въ Давиилѣ болѣе или менѣе привычнаго автора, для котораго трудъ описанія не представлялся дѣломъ непреодолимой трудности. Возможно и то, что въ монастырѣ св. Саввы онъ насмотрѣлся на книжные труды подвижниковъ, возгорѣлся ревностію подражать имъ въ такомъ богоугодномъ и душеспасительномъ дѣлѣ, а можетъ быть слышалъ и прямое поощреніе къ такого рода труду. Весьма вѣроятно и то, что русскіе паломники, сильные вѣрою, но наивные разумѣніемъ, распространяли на родинѣ всякаго рода небылицы про святыхъ мѣста, быть можетъ даже оскорбительныя для религіознаго чувства,—и вотъ образованный русскій игумень пожелалъ возстановить правду. Этимъ объясняется и самый характеръ описанія.

Всѣ, изучавшіе „Хожденіе“ Давиила, согласно признають, что онъ не только хогѣлъ, но и могъ знать правду. Онъ критически относится къ разсказамъ очевидцевъ, какъ

¹⁾ Ист. русск. Слов. II, стр. 191—192.

²⁾ Ист. русск. церк. стр. 683—84.

³⁾ Ист. русск. церк. т. II, стр. 133—134.

⁴⁾ Ист. русск. Слов. ч. I, стр. 307.

напр. по поводу схождения свѣта, осматриваетъ достопримѣчательности не свѣшно, а подолгу останавливаясь, посѣщая одно и тоже нѣсколько разъ. Онъ не щадяетъ средствъ для того, чтобы имѣть своимъ путеводителемъ почтеннаго старца, хорошо знакомаго съ святынями Палестины. Путешествуя въ безпокойное время крестовыхъ походовъ, когда, подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій, еще болѣе усиливается племенная и религіозная вражда, нашъ игумень старается не опустить случая, чтобы видѣть мѣста, мало доступныя, по дорогѣ его религіозному чувству. Такъ онъ пользуется походомъ Балдуина на Дамаскъ, опираясь на довѣріе и расположеніе къ нему католическаго короля. Въ виду всего этого, скромно отзываясь о своихъ литературныхъ заслугахъ, онъ могъ въ то же время сповольно сказать, что написанное имъ о мѣстахъ святыхъ, о градѣ Іерусалимѣ и о всей землѣ обѣтованной, если и не мудро, то *безо лжи*¹⁾. Встрѣчаются впрочемъ и у него мѣстныя благочестивыя преданія, которыхъ онъ не могъ провѣрить личнымъ наблюденіемъ, а потому принималъ на вѣру въ простотѣ религіознаго чувства, какъ напр. о крещеніи Христа въ полночь, о пещерѣ „Отче нашъ“, такъ названной потому, что въ ней Христосъ научилъ своихъ учениковъ пѣть молитву Господню, о рожденіи Антихриста въ Капернаумѣ, о служеніи Мелхиседекомъ литургіи на хлѣбъ и вино, а не на опрѣснокахъ, о пупѣ земномъ и проч.²⁾ Преданія эти могутъ пролить свѣтъ на апокрифы и должны быть разсмотрѣны совместно съ ними.

Намъ остается еще сказать объ изданіяхъ „Хожденія“ послѣ Сахарова, чтобы потомъ перейти къ замѣчаніямъ

¹⁾ Шеввр., истор. русск. Слов. II, стр. 186—192; Миллер., опытъ истор. обзор. русск. Слов. ч. I, вын. I, стр. 296; Порфир., ист. русск. Слов. ч. I, стр. 308—309; Голуб., истор. русск. церк. т. I, період. I, стр. 683—684.

²⁾ Порфир., ист. русск. Слов. ч. I, стр. 308—310; Миллер., опытъ истор. обзор. русск. Слов. ч. I, в. I, стр. 298; Шеввр., ист. русск. Слов. т. II, стр. 190 и др.

объ изданіи того же „Хожденія“ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Выдержки изъ хожденія на основаніи Сахаровскаго изданія сдѣланы митрополитомъ Макаріемъ ¹⁾, Шевыревымъ ²⁾ и Порфирьевымъ ³⁾; проф. Буслаевъ представилъ свои выписки по списку Общества исторіи и древностей № 189 съ разнотченіями по списку графа Толстова XVI в. ⁴⁾. Самое важнѣйшее изданіе этого времени, незамѣнимое отчасти и доселѣ, принадлежитъ Археографической Комиссіи и вышло подъ извѣстнымъ уже намъ заглавіемъ: „Путешествіе игумена Даниила по Святой землѣ въ началѣ XII вѣка“. Спб. 1864. 4-о. Введеніе и редакція изданія принадлежатъ извѣстному путешественнику по востоку А. С. Норову, который снабдилъ его драгоценными историко-географическими и археологическими замѣчаніями. Въ концѣ приложены карты Палестины, Іерусалима, храма гроба Господня и нѣсколько прекрасныхъ палеографическихъ снимковъ изъ рукописей „Хожденія“, которыми А. С. Норовъ пользовался при настоящемъ изданіи. Всѣхъ рукописей, содержащихъ въ себѣ „Паломникъ“ Даниила, извѣстно было Норову до 31, но при изданіи онъ воспользовался преимущественно 15 списками. Подобно Сахарову онъ дѣлитъ всѣ списки на двѣ редакціи: *полную* и *сокращенную*; списки первой редакціи въ свою очередь дѣлитъ на два разряда: на имѣющіе и не имѣющіе послѣсловіе. Такимъ образомъ изданіе г. Норова сдѣлано было съ возможнымъ вниманіемъ къ требованіямъ науки; но при достоинствахъ нельзя не отмѣтить и довольно важныхъ недостатковъ. Недостатки эти состоятъ въ искусственности состава и расположенія своднаго текста. Такъ г. Норовъ позволялъ себѣ не только вставки, но и опущенія въ основномъ своемъ спискѣ, хотя и отмѣчалъ ихъ въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ. Самый порядокъ и расположеніе частей „Хожденія“ произвольно измѣнены сравнительно какъ съ основ-

¹⁾ Ист. русск. церк. т. II, стр. 133—137.

²⁾ Ист. русск. Слов. II, 188—197.

³⁾ Ист. русск. Слов. ч. I, стр. 307—310.

⁴⁾ Истогр. Христом. стр. 655—667.

нымъ спискомъ, такъ и съ другими той же редакціи. Всѣ эти недостатки дѣлаютъ новое изданіе „Хожденія“ не только умѣстнымъ, но и желательнымъ.

Предположивши повторить изданіе „Хожденія“ игумена Данила, Православное Палестинское Общество постаралось сдѣлать все, чтобы удовлетворить требованіямъ образованныхъ читателей и людей науки. Редакція поручена М. В. Веневитинову, и на этотъ разъ лучший выборъ трудно было и сдѣлать. Г. Веневитиновъ уже извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ изслѣдованіемъ „Хожденія“, помѣщеннымъ въ VII вып. Лѣтописей занятій Археографической комиссіи. Сверхъ того въ V вып. „Памятниковъ Древней Письменности“ за 1881 годъ ему принадлежитъ описаніе лицевыхъ изображеній „Хожденія“, которыми снабженъ списокъ купца Хлудова, теперь хранящійся въ Московскомъ Никольскомъ единоувѣрческомъ монастырѣ. Мы съ сожалѣнію нигдѣ не могли достать изслѣдованія г. Веневитинова, а потому по необходимости должны довольствоваться введеніемъ, которымъ снабжено изданіе Православнаго Палестинскаго Общества.

По вопросу о личности Данила г. Веневитиновъ не сказалъ ничего новаго. Онъ признаетъ южно-русское происхожденіе Данила съ одной стороны на основаніи сравненія Иордана съ рѣкою Сновою, съ другой на основаніи поминовенія южно-русскихъ князей. Такимъ образомъ онъ съ небольшимъ различіемъ повторилъ то, что уже раньше его было высказано г. Голубинскимъ. За то въ опредѣленіи времени Хожденія Данила сказано много новаго и, думаемъ, вполне основательнаго. Согласно съ Гагенмейеромъ онъ относитъ это хожденіе не къ 1113—1115 г., а къ 1106—1108 г. и вотъ на какихъ основаніяхъ: а) Данилъ опредѣленно говоритъ, что ходилъ въ Св. землю въ княженіе Святотополка, слѣд. между 1104—1113 г.; б) походъ Балдуина на Дамаскъ, въ которомъ участвовалъ Данилъ, происходилъ не въ 1115 г., а между 1106—1108 г., такъ какъ по-

ходъ 1115 года былъ не противъ Дамаска, а въ союзѣ съ нимъ противъ турецкаго вождя Бурзука; в) сирійскій городъ Триполь, взятый крестоносцами 13 июля 1109 года, видимо находился еще въ рукахъ Сарацинъ; г) упоминаніе Даниила о нападеніяхъ аскалонскихъ Сарацинъ на паломниковъ совпадаетъ съ рассказомъ Вильгельма Тирскаго о такомъ нападеніи въ 1107 г.; д) невозможность предположенія, чтобы Даниилъ въ теченіи столь продолжительнаго времени (2 лѣтъ) оставался въ неизвѣстности о смерти великаго князя. На этомъ основаніи г. Веневитиновъ примыкаетъ къ мнѣнію Карамзина о томъ, что нашъ путешественникъ Даниилъ былъ потомъ (съ 1113 г.) епископомъ города Юрьева.

Самое составленіе своднаго текста сдѣлано сколько возможно приспособительно къ современнымъ требованіямъ науки. Г. Веневитиновъ представляетъ перечень 70 извѣстныхъ ему списковъ „Хожденія“, которыми однако могъ воспользоваться не всѣми. Въ распредѣленіи списковъ по редакціямъ замѣчается у него большая строгость и точность сравнительно съ его предшественниками. Всѣхъ редакцій у него четыре, которыя различаются между собою: а) количествомъ главъ (96—97 въ I редакціи, 50—69 во II, 20—40 въ III); б) присутствіемъ (въ I и IV) или отсутствіемъ (II и III) главы объ Армаеѣ; в) отсутствіемъ (I, II и IV) или присутствіемъ (III) указанія на время хожденія; г) разницей въ оглавленіи; д) полнымъ (I, IV) или краткимъ (II, III) текстомъ главы о молитвѣ Авраама; е) разностью именъ князей, записанныхъ для поминанія (во II и IV имена перепутаны, въ III вѣтъ имени Глѣба Мяскаго).

Въ основаніи изданія положенъ списокъ Импер. Публ. биб. 1496 г., принадлежащій къ I редакціи, доселѣ еще не изданной, и воспроизведенъ слово въ слово, съ указаніемъ разночтеній и даже исправленій въ подстрочномъ замѣчаніи. Только двѣ вставки внесены въ самый текстъ, но и тѣ отмѣчены разрядкой. Въ этомъ отношеніи сводный текстъ г. Веневитинова составляетъ не только желательное пополненіе изданій Сахарова (III ред.) и Норова (II ред.),

но съ тѣмъ вмѣстѣ даетъ возможность пользоваться имъ съ научными цѣлями. Только одного не можетъ простить редактору филологъ—замѣны глухихъ гласныхъ чпстыми и раскрытія титлъ. Въ такомъ видѣ чтеніе памятника представляетъ, разумѣется, много удобствъ для неспеціалиста, (это и имѣло въ виду Православное Палестинское Общество), но такое произвольное обращеніе съ текстомъ должно неминуемо не благоприятно отозваться на выводахъ о языкѣ.

Нельзя наконецъ пройти молчаніемъ еще одной особенности настоящаго изданія „Хожденія—снабженія текста прекраснымъ воспроизведеніемъ лицевыхъ изображеній изъ Хлудовскаго списка XVII в. Доволь помѣщено IX рисунковъ; остальные три слѣд. будутъ приложены ко второй половинѣ „Хожденія“. Объясненію ихъ, какъ уже сказано, было посвящено чтеніе г. Веневитинова въ „Обществѣ любителей древней письменности“ отъ 27 марта 1881 года (стр. 7—13). Принимая во вниманіе свойство рисунковъ, напр. помѣщеніе осмиконечныхъ крестовъ по русскому обычаю, изображеніе при каждомъ городѣ всѣхъ его святыхъ, расположенныхъ въ объемѣ одного и того же рисунка, г. Веневитиновъ приходитъ къ выводу, что художникъ вѣроятно самъ не былъ въ Палестинѣ и изображалъ святыхъ по указанію „Хожденія“ и собственнаго воображенія. За это говорить напр. изображеніе въ видѣ столба жены Лота и горящаго города. За то же говорить, прибавимъ, устройство цѣрковныхъ куполовъ и нѣкоторыхъ частей цѣрковныхъ крышъ по русскому обычаю. При всемъ томъ, вполне соглашаясь съ г. Веневитиновымъ, скажемъ, что интересно было бы провѣрить, не положено ли въ основаніе этихъ рисунковъ указаній русскаго или греческаго подлинника, какіе употреблялись несомнѣнно при изображеніи ликовъ святыхъ.

Не говоримъ уже о внѣшней сторонѣ изданія: бумага, печатя и выполненія рисунковъ, безукоризненныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

В. Малининъ.

Письмо высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго, къ ректору Кіевской духовной Академіи Иннокентію Борисову, епископу Чигиринскому.

Нижеслѣдующее письмо, собственноручно писанное митрополитомъ Филаретомъ и поступившее въ Церковно-Археологическій Музей, находящійся при Кіевской духовной Академіи, отъ одного изъ священниковъ кіевской епархіи, представляетъ интересъ, какъ матеріалъ для характеристики отношеній автора его въ Кіевской духовной Академіи вообще и къ ректору ея, преосв. Иннокентію Борисову въ частности. Оно показываетъ, что эти два знаменитые іерарха русской церкви, не смотря на натянутыя отношенія, существовавшія между ними, не ограничивались взаимнымъ соблюденіемъ обычныхъ правилъ приличія, но и обмѣнивались сообщеніями и мнѣніями по вопросамъ, касающимся богословской науки и ея представителей. Такъ, преосв. Иннокентій, какъ видно изъ этого письма, обращался къ митрополиту Филарету съ приглашеніемъ содѣйствовать своими трудами тому предпріятію, которымъ въ то время горячо интересовался самъ онъ и которое имѣло свою цѣль не только удовлетвореніе потребности общества въ религиозно-нравственномъ чтеніи, но также оживленіе и развитіе богословской науки въ нашемъ отечествѣ,—именно изданію *Воскреснаго Чтенія*, начавшаго выходить съ Пасхи 1837 г. при Кіевской духовной Академіи по благословенію митрополита Евгенія и инициативѣ Иннокентія при ближайшемъ участіи іеромонаха Димитрія (впоследствии архіеп. Херсонскаго), протоіерея П. М. Скворцова, Я. К. Амфитеатрова и

П. С. Авсенева. Митроп. Филаретъ отнесся къ этому приглашенію, повидимому, довольно холодно: онъ ограничился лишь присылкою одного своего „слова“, которое прежде было произнесено имъ и которое было уже извѣстно по спискамъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Но изъ этого же письма видно, что онъ живо интересовался тѣмъ, что происходило въ Академіи, и въ частности учеными трудами ея профессоръ и студентовъ.

Н. Д.

*Преосвященнѣйшій Владыко,
Достопочтенный о Господь Братъ!*

Утѣшительно мнѣ было увидѣть изъ пятиличнаго письма Вашего и Вашихъ по Академіи сотрудниковъ¹⁾, что, среди святыхъ воспоминаній, расширяющихъ сердце радостію въ молитву, доброжелательно вспоминали Вы и мое смиреніе. Съ удовольствіемъ встрѣчаюсь здѣсь и съ старымъ знакомымъ о. протоіереемъ Іоакимомъ²⁾, и съ о. Димитріемъ,

¹⁾ Упоминаемое здѣсь письмо было писано Иннокентіемъ вскорѣ по возведеніи его въ санъ епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи (3 окт. 1837 г.), ко двю ангела митроп. Филарета (1 дек. 1837 г.) отъ имени пяти лицъ: самаго *Иннокентія*, бывшаго ректоромъ Академіи съ 1830 по 1839 г. и впоследствии архіеп. херсонскимъ († 1857 г.), протоіерея *Іоакима Георг. Орлова*, магистра с.-петербургской Академіи, бывшаго впоследствии преподавателемъ новгородской семинаріи, съ 1824 г. бакалавромъ, а съ 1828 по 1834 г. ордин. профессоромъ кіевской Академіи († 1854 г.), іеромонаха *Димитрія* (въ мірѣ Климента) *Муретова*, перваго магистра VII курса кіевской Академіи (1831—1835 г.), бывшаго съ 1835 г. бакалавромъ, съ 6 сент. 1837 г. орд. проф., съ 1838 г. инспекторомъ, съ 1841 по 1850 г. ректоромъ кіевской Академіи и скончавшагося 14 ноября 1863 г. въ санѣ архіеп. херсонскаго и одесскаго, и по всей вѣроятности отъ архим. *Григорія Миткевича*, бывшаго съ 23 іюля 1836г. по 24 дек. 1837 г. инспекторомъ кіевской Академіи и впоследствии архіеп. Калужскимъ, протоіерея *Н. М. Скаорцова*, бывшаго съ 1817 по 1849 г. профессоромъ Академіи († 1863 г.) или, можетъ быть, отъ *Я. К. Амфитеатрова*, бывшаго съ 1829 г. бакалавромъ, а съ 1835 по 1848 г. профессоромъ кіевской Академіи.

²⁾ Прот. Іоак. Г. Орловъ былъ знакомъ митроп. Филарету еще какъ студентъ с.-петербургской Академіи и впоследствии получилъ отъ него большой фотографическій портретъ, хранящійся въ настоящее время въ Церковно-Археол. музеѣ кіевской Академіи.

недавнимъ знакомымъ по его сочиненію¹⁾). Благодарю всѣхъ Васъ, и молю Отца свѣтовъ, да благословитъ Васъ новымъ обильнымъ изліяніемъ свѣта спасительныя мудрости на Васъ и чрезъ Васъ.

Благодарю Вашему Преосвященству и за воспоминаніе о мнѣ по случаю дня моего Ангела. Предъ путешествіемъ изъ Москвы я не имѣлъ времени благодарить Васъ въ свое время.

Разсужденіе о славенскомъ переводѣ библіи я прочиталъ, или справедливѣе сказать прослушалъ читаемое, чѣмъ даю отдыхъ моей немощи. Довольно свѣдений собрано. Только, говоря о *Эрмитажной* рукописи *Остромирова Евангелія*, сочинитель обнаруживаетъ, по какимъ старымъ справкамъ онъ писалъ: уже много лѣтъ и много разъ писано, что Евангеліе сіе находится въ Императорской публичной библіотекѣ²⁾.

¹⁾ Здѣсь, разумѣется курсовое сочиненіе преосв. Дмитрія: „О путяхъ промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ и о путяхъ покаянія для обращающихся“, которое въ рукописи было извѣстнымъ митр. Филарету. Прежде курсовыя сочиненія студентовъ Академіи, предварительно удостоенія ихъ авторомъ ученыхъ богословскихъ степеней, посылались на разсмотрѣніе въ св. Синодъ, а св. Синодъ передавалъ ихъ для прочтенія своимъ членамъ и другимъ епархіальнымъ преосвященнымъ, имѣющимъ авторитетъ въ ученomъ богословскомъ мѣрѣ. Съ особымъ вниманіемъ относился къ этимъ сочиненіямъ московскій митрополитъ Филаретъ, перѣдко дѣлавшій подробныя рецензій на нихъ, не согласныя съ академическими отзывами о нихъ. Сочиненіе студента іеромонаха Дмитрія Муретова заслужило похвалу у него; прочитавъ это сочиненіе, митрополитъ Филаретъ замѣтилъ изъ него доброту души автора, какою онъ отличался въ теченіе всей своей жизни, написалъ на сочиненіи: „добръ отецъ Дмитрій“. Сочиненіе это впоследствии, именно въ 1839 г., было напечатано и вошло въ составъ 1-го тома „Собранія сочиненій студентовъ Кіевской духовной Академіи“.

²⁾ Разсужденіе это, написанное въ 1835 г. по назначенію митрополита Евгенія экстраорд. профессоромъ кіевской Академіи *Орестомъ Марк. Новицкимъ*, было издано въ Кіевѣ въ 1837 г. in 4° подъ заглавіемъ: „О первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ“. На стран. 41—42 этого сочиненія авторъ говоритъ: „въ Императорскомъ Эрмитажномъ книгохранилищѣ находится... харатейное Евангеліе Остромирово, писанное еще въ 1056 г.“, хотя оно уже съ 1811 г. находилось въ с.-петербургской Императорской публичной библіотекѣ. Орестъ Марк. Новицкій, магистръ V курса кіевской Академіи (1827—1831 г.) въ 1836 г. перешелъ на кафедру философіи въ университетъ Св. Владиміра и доселѣ еще здравствуетъ.

По вызову Вашему, имѣть меня въ числѣ сотрудниковъ Воскреснаго Чтенія, велѣлъ я препроводить къ Вашему преосвященству слово на восшествіе Государя Императора на престолъ, которое брали уже у меня въ спискахъ петербургскіе въ Москвѣ Гости. Можетъ ли оно имѣть мѣсто въ изданіи Вашемъ, рѣшить Ваше дѣло¹⁾: мое дѣло было изъяснить послушаніе Вашему приглашенію.

Съ истиннымъ почтеніемъ есмь
Вашего Преосвященства
покорнѣйшій слуга
Филаретъ М. Московскій.

Сяб. Генв. 11. 1838.

Сообщилъ Н. Дроздовъ.

¹⁾ Слово это помѣщено въ № 46 Воскреснаго Чтенія за 1837/8 г. подъ заглавіемъ: „Слово въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича ноября 20 дня 1837 г., въ Благовѣщенской церкви Чудова монастыря, говоренное Синодальнымъ членомъ, Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ“. Подъ этимъ же заглавіемъ оно напечатано и въ собраніи „словъ и рѣчей“ митрополита Филарета.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ВОРОНОВЪ.

Подъ все еще свѣжимъ чувствомъ неожиданно постигшей насъ скорби въ утратѣ дорогаго товарища начинаемъ мы эти строки о немъ, какъ дань любви и уваженія къ нему. Мы желали бы воспроизвести образъ почившаго, начиная съ той поры, когда стали обозначаться первые задатки духовнаго развитія его, уцѣлѣвшіе въ сознаниіи и воспоминаніяхъ его самаго, которыми дѣлился онъ и съ нами, и которые пополнились для насъ со словъ другихъ близкихъ къ нему лицъ.

Хорошо помнилъ Александръ Дмитріевичъ свое отрочество, счастливо прошедшее въ домѣ отца и матери. Отецъ его былъ сельскимъ священникомъ тверской губерніи новоторжскаго уѣзда въ селѣ Грузинахъ, гдѣ и родился Александръ Дмитріевичъ 5 февраля 1839 года. Въ годы отрочества его отецъ былъ уже благочиннымъ и состоялъ въ этой должности болѣе 20 лѣтъ. Онъ выдавался между собратіями своимъ образованіемъ, умѣніемъ и усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей, такъ что былъ уважаемъ въ средѣ ихъ и пользовался вниманіемъ епархіальныхъ архипастырей, не одинъ разъ награждавшихъ его за честную и полезную службу. Понятно, что такой отецъ хотѣлъ дать доброе воспитаніе сыну и самъ занялся начальнымъ обученіемъ его, раздѣляя этотъ трудъ съ женою, матерью воспитываемаго сына. Будучи самъ человѣкомъ искренней вѣры и благо-

честія, о. Димитрій старался возвращать задатки ихъ въ сердцахъ дѣтей. Александръ Дмитріевичъ любилъ вспоминать о томъ, съ какою охотою ходилъ онъ съ отцемъ въ приходскую церковь, радъ былъ здѣсь читать и пѣть на клиросѣ и какъ утѣшало это его отца и мать и служило утѣшеніемъ для него самаго. Хорошо подготовленный дома, Александръ Дмитріевичъ на 10 году отданъ былъ въ Новоторжское духовное училище, гдѣ, при живыхъ и воспримчивыхъ способностяхъ, скоро оказался отличнымъ ученикомъ. Такимъ же онъ былъ затѣмъ и въ тверской семинаріи, куда поступилъ въ 1853 г., и почти всегда стоялъ въ спискахъ первымъ ученикомъ. Въ семинаріи пробылъ онъ 5 лѣтъ и по окончаніи перваго года богословскаго курса отправленъ въ московскую Академію. Здѣсь послѣ приемныхъ испытаній онъ принятъ третьимъ въ общемъ списокѣ принятыхъ, но къ концу перваго года достигъ перваго мѣста въ общемъ списокѣ своего курса, на какомъ и удержался до конца всего академическаго курса, хотя по нѣкоторымъ предметамъ и мѣнялся мѣстомъ съ неразлучнымъ товарищемъ своимъ Ф. А. Терновскимъ, о чемъ оба товарища любили вспоминать въ разсказахъ о своемъ академическомъ воспитаніи. Какъ на особенность въ порядкѣ занятій Александра Дмитріевича указывались въ этихъ воспоминаніяхъ на его строгую аккуратность въ обработкѣ семестровыхъ сочиненій. Онъ имѣлъ обычай начинать эту работу съ перваго же вечера того дня, въ какой дана тема сочиненія, и уже поэтому успѣвалъ тщательно обработать его и приготовить всегда къ сроку, а то и ранѣе. Изъ воспоминаній Александра Дмитріевича о своихъ наставникахъ занесемъ сюда хотя немного изъ того, что касается лицъ, уже скончавшихся. Съ глубокимъ уваженіемъ говоря объ Александрѣ Васильевичѣ Горскомъ, преподававшемъ общую церковную исторію, онъ выражался, что преподаваніе Александра Васильевича, не блистая внѣшними качествами (напр. ораторскимъ изложеніемъ), сильно было широкою ученостію, твердостію и

глубиною мысли, одушевленной живою вѣрою, наконецъ строгою добросовѣстностію. Съ признательностію говорилъ Вороновъ о своихъ научныхъ бесѣдахъ съ Александромъ Васильевичемъ въ его келліяхъ, куда добрый наставникъ охотно допускалъ студентовъ, желавшихъ попросить его совѣта и наставленія. Съ неменьшею признательностію вспоминалъ Вороновъ и о другомъ наставникѣ и инспекторѣ архимандритѣ Порфиріѣ. Свои воспоминанія о немъ, Вороновъ совместно съ товарищемъ своимъ Ф. Терновскимъ, пожелалъ огласить печатно, спустя годъ по кончинѣ Порфирія, когда оба они были уже профессорами кіевской Академіи¹⁾.

Въ этихъ воспоминаніяхъ Воронова объ о. Порфиріѣ ясно сказывается предъ нами и воспоминаемый доблестный наставникъ и воспоминающій достойнѣйшій ученикъ его по академіи.

Последнею работою Воронова въ академіи было курсовое сочиненіе на ученую степень на тему: *о богодухновенности Священнаго Писанія*, данную преподавателемъ этого предмета іеромонахомъ Михаиломъ²⁾). Въ засѣданіи академической конференціи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ м. Филарета, сочиненіе это вызвало нѣсколько замѣчаній послѣдняго относительно степени сообразности выражаемаго въ сочиненіи взгляда съ ученіемъ православной церкви. Но строгій критикъ — архипастырь успокоенъ объясненіями рецензента сочиненія, бакалавра Михаила и одобрилъ сочиненіе Воронова, также какъ разсматривавшееся вслѣдъ затѣмъ сочиненіе товарища его Терновскаго: *Стефанъ Яворскій и его сочиненія*³⁾.

¹⁾ Воспоминанія эти напечатаны въ „Трудахъ К. д. Академіи“ 1867 г. т. 2. стр. 127 и д.

²⁾ Нынѣ пресвященный Михаилъ, епископъ Курскій.

³⁾ По прежнему уставу академіи 1809 г. мѣстный архипастырь почтался предсѣдателемъ академической конференціи, важнѣйшія засѣданія которой нынѣ мѣсто по окончаніи двухгодичныхъ курсовъ академіи, когда производилась послѣдняя оцѣнка успѣховъ и присужденіе ученыхъ степеней окончившимъ курсъ студентамъ, на основаніи экзаменовъ и курсовыхъ сочиненій ихъ.

Въ 1862 г. 30 октября состоялось назначеніе А. Д. Воронова и товарища его Ф. А. Терновскаго бакалаврами въ Кіевскую академію, перваго—на кафедре новой общей церковной исторіи, втораго—на кафедре сравнительнаго или, какъ тогда называли, обличительнаго богословія. Товарищи условились одновременно проститься съ академіею, потомъ съ Москвою и отправиться въ Кіевъ, а предъ тѣмъ испросить въ напутствіе благословеніе Московскаго архипастыря. По словамъ Воронова, митрополитъ, преподавая это напутственное благословеніе, выразилъ свое удовольствіе, что Московская академія удѣляетъ теперь свои силы Кіевской, чего давно уже не было, и внушалъ поддержать въ послѣдней ученую честь первой¹⁾. Съ полною привѣтливостію встрѣчены они и въ Кіевѣ—въ академіи, гдѣ оба москвича еще до своего пріѣзда были извѣстны по своимъ студенческимъ работамъ, напечатаннымъ въ 1862 г. въ журналѣ „Труды Кіевской академіи“, а по поводу этого обстоятельства были уже и въ перепискѣ съ редакціею журнала. Словомъ, у насъ уже ожидали въ прибывшихъ москвичахъ увидѣть отличныхъ преподавателей и участниковъ учено-литературной дѣятельности академіи, какое ожиданіе не замедлило вполнѣ оправдаться.

Въ Кіевской академіи при м. Евгеніѣ эти засѣданія конференціи если не всегда, то часто происходили подъ предсѣдательствомъ м. Евгенія. Со времени же преемника его м. Филарета (Амфитеатрова) обычай этотъ прекратился. Но въ Московской академіи твердо соблюдалъ его въ Бозѣ почившій м. Филаретъ (Дроздовъ). Обыкновенно на время послѣднихъ экзаменовъ онъ пріѣзжалъ въ Сергіеву лавру на мѣсяцъ, присутствовалъ на экзаменахъ и затѣмъ въ засѣданіяхъ конференціи, которыя растягивались иногда дня на три и продолжались по 5—6 часовъ въ день, а то и болѣе. Владыка желалъ непосредственно ознакомиться съ *каждымъ* сочиненіемъ. Читались введеніе и планъ сочиненія, и еще потомъ—та или другая часть его или выдержки изъ нихъ по требованію владыки. Читалъ секретарь конференціи или рецензентъ сочиненія. Необходимо полагать, что такой порядокъ много вліялъ на строгую обработку сочиненій.

¹⁾ За все время съ 1819 г., когда преобразована была наша академія, до 1862 г. встрѣчаемъ въ ней только двухъ наставниковъ изъ воспитанниковъ Московской академіи, служившихъ при томъ не долго. Это: іеромонахъ *Евгеній Соколовъ*, бакалавръ съ 1820 по 1824 г., въ которомъ уволенъ по прошенію, и архимандритъ *Платонъ Березинъ*, ректоръ и проректоръ богословія, прибывшій 8 мая 1828 г. и скончавшійся 23 іюля того же года.

Воронову предстояло трудиться, какъ уже сказано, по кафедрѣ новой общей церковной исторіи. До 1862 года въ нашей Академіи, какъ и въ другихъ, существовала одна кафедра общей церковной исторіи. Съ 1862 г. изъ нея выдѣлена особая кафедра новой церковной исторіи, въ слѣдствіе заявленной въ академіяхъ мысли о необходимости специализировать и чрезъ это усилить изученіе церковной исторіи. Мысль эта опиралась какъ на сознаніи обширности предмета, преподаваніе котораго по этому самому ограничивалось преимущественно древними періодами, и мало подвигалось за вѣка послѣ вселенскихъ соборовъ и раздѣленія церквей, или же ограничивалось общими очерками относительно послѣдующихъ вѣковъ, такъ за тѣмъ — и на сознаніи потребности изученія позднѣйшей церковной исторіи Византіи и Греко-Востока, исторіи другихъ православныхъ церквей, особенно славянскихъ, наконецъ болѣе серьезнаго изученія во многомъ интересной для насъ церковно-исторической жизни р.-католическаго и протестантскаго Запада. Все это поставлялось предметомъ новой кафедры подъ названіемъ новой церковной исторіи, такъ что специализованная область этой кафедры оказывалась еще довольно сложною и очень обширною, а трудность ея обуславливалась почти полною запущенностію у насъ втой области историческаго изученія, едва затронутою въ весьма немногихъ трудахъ по этому предмету. Понятно, что молодому бакалавру приходилось почти заново работать на этомъ мало обработанномъ полѣ науки. Силъ для такой работы было у него довольно. Съ отличными дарованіями, привычкою къ усидчивому труду, опредѣлившюся въ немъ еще за время студенчества въ Академіи, онъ соединялъ тотъ запасъ научныхъ средствъ, какой давало твердое знаніе языковъ греческаго и латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, восполненное имъ изученіемъ новогреческаго и отчасти славянскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ ему доступенъ былъ широкій кругъ первыхъ источниковъ въ своей научной области и ученыхъ трудовъ новогрече-

скихъ, славянскихъ, римско католическихъ и протестантскихъ ученыхъ, а даръ критики и строгая логичность мышленія, при твердости основныхъ убѣжденій, воспитанныхъ въ духъ православія, обеспечивали научное самообладаніе при изученіи и изложеніи разнородныхъ предметовъ своей кафедрѣ. Тѣмъ не менѣе Вороновъ чувствовалъ затрудненія въ занятіяхъ отъ этой разнородности предметовъ кафедрѣ и не разъ высказывалъ мысль, что кафедра новой общей исторіи была бы лучше поставлена, если бы отъ нея отдѣлено было изученіе новой исторіи православнаго Греко-Востока, съ исторіею другихъ мѣстныхъ восточныхъ, оставшихся отъ древности, церквей и обществъ, въ томъ числѣ и сектантскихъ. Исторію же славянскихъ церквей и исторію католическаго и протестантскаго запада поставить предметомъ другой кафедрѣ, но начать эту исторію ранѣе раздѣленія церквей, взойдя къ основанію западныхъ національныхъ церквей. Онъ говорилъ, что такую постановкою предметовъ новой церковной исторіи лучше выдержана была бы генетическая связь входящихъ въ нее элементовъ и областей историческаго изученія, которое чрезъ это самое могло бы быть сильнѣе и обильнѣе результатами. Особенно настаивалъ онъ на этой своей мысли при разграниченіи предметовъ кафедръ, имѣвшемъ мѣсто съ введеніемъ новаго устава академіи 1869 г. и желалъ оставить на своей кафедрѣ только исторію западной церкви съ позднѣйшими развѣтвленіями ея на р.-католическую и протестантскую и исторію славянскихъ церквей, а новую исторію Греко-Востока оставить при кафедрѣ древней церковной исторіи или выдѣлить въ особую кафедру для приватъ-доцентуры. Но въ ту пору мысль Воронова не могла быть принята, ему досталось продолжать чтенія по своей кафедрѣ въ той сложной области, въ какой онъ началъ и которая указана нами выше. Не безъ грусти подчинился онъ этой необходимости и продолжалъ трудиться такъ и столько, какъ и сколько могъ. Работая добросовѣстно, онъ въ своихъ чтеніяхъ сосредоточивался по-

очередно то на той, то на другой части того, что составляло отграниченную ему область „новой церковной исторіи“, но именно вслѣдствіе добросовѣстности считалъ себя обязаннымъ не опустить въ теченіе курса ни одной изъ частей ея. Ученое знаніе, критика источниковъ въ тѣхъ вопросахъ научной области, которые изучилъ онъ спеціальнѣе, характеристика наиболѣе крупныхъ личностей и явленій, наконецъ, ясность и строгая логичность изложенія, при постоянномъ стремленіи къ исторической правдѣ—таковы были выдающіяся черты его чтеній, въ которыхъ онъ не могъ однако же избѣжать нѣкоторой отрывочности, обусловливаемой именно самымъ существомъ нѣкоторыхъ предметовъ его кафедры или источниковъ для изученія ихъ. Говоримъ въ послѣднемъ отношеніи то, что говорилъ о своихъ чтеніяхъ самъ покойный профессоръ, продолжавшій между тѣмъ стремиться къ сосредоточенію на болѣе однородныхъ частяхъ своей „новой церковной исторіи“. Достоинства профессорскихъ занятій и ученыхъ трудовъ Воронова, какъ и товарища его Терновскаго, съ первыхъ же поръ были признаны въ Академіи. Характеристику преподаванія Вороновымъ своего предмета и его профессорскаго вліянія читатели найдутъ въ помѣщаемой ниже надгробной рѣчи о немъ одного изъ болѣе раннихъ слушателей, искренность и правдивость которой неоспоримы для тѣхъ, кто близко зналъ Воронова ¹⁾. Не менѣе справедливо и то, что сказано и другимъ лицомъ о Вороновѣ, какъ профессорѣ, участливомъ къ студентамъ, по требовательномъ какъ на экзаменахъ, такъ при критикѣ сочиненій ²⁾. Изъ служебной хроники Воронова въ академіи отмѣтимъ здѣсь слѣдующіе факты. 1866 г. 3 февраля онъ одновременно съ Терновскимъ возведенъ въ званіе в.-ординарнаго профессора, а въ 1878г. 6 марта, по защищеніи имъ докторской диссертациі,—въ

¹⁾ Разумѣемъ рѣчь священника М. Златоверховникова, воспитанника Кіевской академіи XXIV курса, напечатанную въ Воскр. Чтеніи (№ 46, 1883 г.).

²⁾ Въ статьѣ: *памяти* профессора Кіевской академіи А. Д. Воронова (въ Церк. Общ. Вѣстникѣ 1883 г. № 149

звание ординарнаго профессора. Временами онъ проходилъ другія должности въ академіи, какъ-то: помощника инспектора съ 25 февр. 1863 г. до 1 августа 1865 г., а съ этого года—помощника секретаря академическаго правленія и затѣмъ секретаря съ 1 сент. 1867 по 15 августа 1869 г., когда съ введеніемъ новаго устава въ академіи должности эти—послѣднія перестали быть придаточными для профессоровъ и преподавателей. Съ образованіемъ по новому уставу Совѣта Академіи Вороновъ постоянно избираемъ былъ въ члены его отъ церковно-историческаго отдѣленія, исправлялъ нѣкоторое время и должность инспектора Академіи. Охотно принималъ и выполнялъ онъ и другія временно возлагавшіяся на него Совѣтомъ порученія, какъ напр. по участію въ строительномъ комитетѣ при Академіи (съ 1875 г. апр. 5 по 1879 г. апр. 28), по предсѣдательству въ комисіи, назначенной Совѣтомъ въ іюнь текущаго года для ревизіи и приведенія въ порядокъ академической бібліотеки и ея каталоговъ. Это было послѣднею услугою Академіи со стороны Воронова, который принялся за порученное ему дѣло, такъ сказать, съ упорнымъ усердіемъ, проводя едва не всѣ утра, а часто и послѣобѣденные часы ваканціальныхъ дней съ 15 іюня по 15 августа въ бібліотекѣ, такъ что въ буквальномъ смыслѣ не далъ себѣ ваканціальнаго отдыха, и это обстоятельство, по замѣчанію врачей, пользовавшихъ его во время вскорѣ затѣмъ наступившей болѣзни, существенно повліяло на упадокъ некрѣпкихъ въ физическомъ отношеніи силъ его, въ свою очередь затруднившій его леченіе и обусловившій печальный исходъ его болѣзни. Прибавимъ, что въ послѣдніе два года съ лишнимъ онъ, по избранію Совѣта, былъ редакторомъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и, по свойственной ему добросовѣстности и порывчивости во всякой возлагаемой на него работѣ, работалъ надъ означеннымъ изданіемъ слишкомъ много. Какъ особенность его редакторскаго труда констатируемъ здѣсь слѣд. обстоятельство: завадшись мыслию, что епархіальное изданіе должно быть въ

извѣстномъ отношеніи органомъ епархіального духовенства, онъ дорожилъ участіемъ въ изданіи сотрудничавъ изъ среды его. Охотно прочитывалъ онъ многочисленныя корреспонденціи, замѣтки, статьи и проповѣди, присылаемыя изъ епархіи, предупредительно входилъ въ изустныя объясненія съ авторами ихъ, поддерживалъ письменныя сношенія съ знакомыми и незнакомыми священниками и другими сотрудниками изданія въ епархіи, терпѣливо давалъ какъ объясненія касательно присылаемыхъ статей и корреспонденцій, такъ и совѣты относительно болѣе удобной или желанной постановки того или другого вопроса, той или другой мысли о нуждахъ духовенства о разныхъ требованіяхъ и условіяхъ въ его положеніи и въ служеніи пастырскомъ, проповѣдническомъ и т. п. Не знакомому съ дѣломъ не легко объяснить свойство труда, который не безъ самоотверженія приходилось затрачивать участливому редактору надъ кучами такого матеріала, поступившаго въ его руки, изъ котораго лишь часть могла быть пущена въ дѣло. Въ семьѣ Воронова не разъ находили нужнымъ сдерживать его усердіе къ многочисленной редакторской перепискѣ, за которой онъ просиживалъ иногда ночи. Находя утѣшеніе въ предполагаемой пользѣ его редакторскаго труда для епархіального духовенства, для религиозно-церковныхъ интересовъ епархіи, онъ подѣ часъ вздыхалъ однакоже о томъ, что редакторскія работы отнимаютъ у него время для ученыхъ трудовъ, но отъ самаго времени ждалъ облегченія первыхъ, чтобы возвратиться къ послѣднимъ, и увы! не дождался...

Изъ сказаннаго о составѣ предмета профессорскій каеэдры Воронова и другихъ занятіяхъ его довольно объясняется и характеръ его учено-литературныхъ трудовъ. Есть въ ряду ихъ труды капитальнаго достоинства, цѣлостной обработки, но значительнѣйшая часть ихъ имѣетъ, такъ сказать, отрывочный характеръ. Они помѣщались въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ-то: въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“, въ „Воскресномъ Читеніи“, въ

„Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“, въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“ въ которомъ онъ былъ членомъ и нѣсколько разъ читалъ свои рефераты и др. статьи. Нѣкоторые болѣе капитальные труды его существуютъ и въ отдѣльномъ изданіи. Представимъ перечень учено-литературныхъ трудовъ и статей Воронова въ порядкѣ не изданій, гдѣ они печатались, и не годовъ появленіи ихъ, а въ порядкѣ извѣстныхъ серій, обнимающихъ предметы однородные или соприкосновенные, какъ то:

1. *Исторія и современное состояніе славянскихъ церквей.*

1. *Св. Кириллъ и Меводій. Главнѣйшіе источники для исторіи Свв. Кирилла и Меводія.* Частими печаталось въ „Трудахъ Кіев. Академіи“ и издаво отдѣльно въ 1877 г.¹⁾ Это обширное критическое изслѣдованіе можетъ быть названо продолженіемъ извѣстнаго изслѣдованія (о „Паннонскихъ Житіяхъ“) А. В. Горскаго и имѣло цѣлю: 1) опредѣлить время происхожденія главнѣйшихъ легендарныхъ источниковъ и показать отношеніе одного источника къ другому, т. е. опредѣлить зависимость или самостоятельность источниковъ, въ слѣдствіе чего даво было бы основаніе для сужденій о достовѣрности и значенія легендарныхъ источниковъ; 2) опредѣлить подлинность и достовѣрность нѣкоторыхъ документальныхъ источниковъ. Полагаемъ, что обѣ эти задачи выполнены авторомъ въ его трудѣ съ существеннымъ успѣхомъ и добытые имъ результаты или выводы составляютъ серіозное приобрѣтеніе въ наукѣ. Отмѣтимъ въ особенности выводы его относительно главнаго изъ легендарныхъ источниковъ такъ называемыхъ „Паннонскихъ Житій“. Выводы состоятъ въ томъ, что: 1) оба житія имѣли одного и того же автора и этимъ един-

¹⁾ Это сочиненіе представлено было Вороновымъ въ качествѣ диссертациі на степень доктора, которая и получена имъ. А вслѣдъ затѣмъ сочиненіе это, по рецензіи профессора Е. Е. Голубинскаго, удостоено академіей наукъ малой Уваровской преміи.

ствомъ автора объясняются всё отношенія сходства и различія между житіями; 2) начальная редакція житія была греческая. Изъ мысли о начальной греческой редакціи житій выясняется историческій смыслъ и значеніе довольно многихъ весьма важныхъ извѣстій, заключающихся въ житіяхъ; 3) славянская редакція житій, представляемая дошедшими до насъ списками ихъ, не потерпѣла существенныхъ измѣненій и можетъ быть признана подлинною; 4) авторъ житій былъ ученый славянинъ, принадлежавшій къ восточной, а не западной церкви, и жившій не въ Панноніи, а въ Болгаріи. Онъ не былъ непосредственнымъ ученикомъ и очевидцемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меодія, и Житія составлены имъ не ранѣе второй четверти X вѣка. Неоспоримо, что совокупностію этихъ выводовъ значительно возстановляется авторитетъ „пространныхъ“ житій Кирилла и Меодія, въ свое время поднятый изъ забвенія Горскимъ, но затѣмъ ставшій умаляться у насъ подъ вліяніемъ поспѣшной податливости нѣкоторыхъ изъ нашихъ славистовъ, предвзятыхъ сужденіямъ славистовъ латино-нѣмецкаго лагеря. Конечно, резюмированные здѣсь выводы Воронова относительно пространныхъ житій, также, какъ нѣкоторые другіе, сдѣланные имъ въ томъ же изслѣдованіи и касавшіеся источниковъ греческихъ, греко-славянскихъ, славянскихъ и латинскихъ, допускали возраженія, которыя и дѣлались автору изустно и печатно. Но и самъ онъ продолжалъ провѣрять и поддѣрживать свои выводы, обращая вниманіе какъ на бывшіе уже извѣстными, но менѣе обслѣдованные имъ источники, такъ и на вновь открываемые. Въ ближайшей связи съ указаннымъ главнымъ изслѣдованіемъ Воронова явились слѣдующія, заносимыя нами въ общій перечень, статьи его. 2) *Къ вопросу объ источникахъ для исторіи свв. Кирилла и Меодія* („Труды Академіи“ 1878 г. № 1), гдѣ рѣчь идетъ о древнемъ славянскомъ канонѣ св. Димитрію Солунскому. 3) *Научное движеніе по вопросу о св. Кириллѣ и Меодіи* (ib. 1881 г. № 2), гдѣ трак-

туется о новооткрытомъ въ Британскомъ Музеѣ и обследованномъ Эвальдомъ *сборникъ папскихъ писемъ*, въ которомъ заключаются, въ числѣ другихъ, письма Іоанна VIII и Стефана VI и между ними письма, важныя для исторіи славянства, служація между прочимъ къ новому подтвержденію авторитета „пространныхъ житій“ Кирилла и Меодія, какъ историческаго источника и къ новому разъясненію нѣкоторыхъ встрѣчаемыхъ въ нихъ извѣстій или намековъ.— Слѣдующія затѣмъ статьи имѣютъ отрывочный характеръ. 4) Памяти свв. Кирилла и Меодія (Руков. для сельскихъ пастырей 1876 г.). 5) Канонизація свв. Кирилла и Меодія (Кіевск. Еп. Вѣд. 1881 г. № 45). 6) *Нѣмецко-латинская пропаганда у славянъ Полабскихъ* въ X и XI в. (ib. 1871 г. № 10),— рѣчь, читанная на годичномъ актѣ академіи. 7) О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вѣкахъ (Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Дѣт. кв. I. 1873—1877 г. Кіевъ 1879 г.). 8) Нынѣшнее состояніе православной церкви въ Сербіи (Руков. для сельск. паст. 1875 г.). 9) Изъ новѣйшей исторіи Болгарской церкви по Констант. Иречку. (ib. 1877 г.). 10) Народные религиозные обычаи и обряды южныхъ славянъ (ib. 1878 г.). 11) Церковныя дѣла у южныхъ славянъ (К. Еп. Вѣд. 1880 г. № 7). 12) Органическій уставъ государственнаго устройства Болгарскаго княжества въ религиозно-церковномъ отношеніи (ib. 1879 г.).

II. *Исторія и современное состояніе греческой церкви.*

1) О чинахъ при архіерейскихъ кафедрахъ въ Восточной церкви (Руков. для сельск. паст. 1868 г.). 2) Новыя изслѣдованія по исторіи христіанскаго Востока (ib. 1878 г.). 3) Синайское дѣло („Труды“ 1871, 1872 гг. Есть и отдѣльное изданіе). 4) Библиографическія замѣтки о книгѣ Константина Контгогона: *ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία* (ib. 1867 г. № 10). 5) Отчетъ греческаго архіепископа Дикурга о пребываніи его въ Англіи (ib. 1870 г. № 11). 6) Восточная церковь въ 1878 г. (Кіев. Епарх. Вѣдом. 1879 г.).

III. *Исторія и современное состояніе римско-католической церкви.*

1) О происхожденіи свѣтской власти папъ. Это еще студенческое сочиненіе Воронова, потомъ обработанное и помѣщенное въ „Трудахъ Кіев. Академіи“ 1862 г. 2) За-мѣтки изъ церковной жизни Запада (ib. 1866). 3) За-мѣтки изъ церковной хроники Запада (Руков. для сельск. паст. 1868) 4) О книгѣ Гизо: *Meditations sur l'état actuel de la religion chretienne* (Труды 1867 г.). 5) Цапство и старо-католическое движеніе (Руковод. для сельск. пастыр. 1872). 6) Констанцскій конгрессъ старокатоликовъ (ib. 1873 г.). 7) Старокатолическое движеніе (ib. 1874 г.). 8) Старокато-лическое движеніе въ 1875 г. (ib. 1875). 9) Старокатоличе-ское движеніе въ 1879 г. (Кіев. Еп. Вѣд. 1879 г.). 10) Борьба между государствомъ и церковію на Западѣ (ib. 1874 г.). 11) Новый взрывъ борьбы между государствомъ и римскою церковію въ Германіи (ib. 1875 г.). 12) Современная борьба государства съ церковію (Кіев. Еп. Вѣд. 1880 г.). 13) Ка-толическая Галликанская церковь. 14) Изъ католической обрядности. 15) Религіозная процессія съ тавцами. 16) Про-цессъ о чудесахъ. 17) Юбилей Бенедиктивскаго ордена. 18) Дѣятельность католическихъ, религіозныхъ обществъ въ Германіи. (Всѣ эти статьи въ Кіев. Епар. Вѣдомостяхъ 1879—1880 г.).

IV. *Исторія и современное состояніе протестантства.*

1) Протестантское богословіе и вопросъ о богодухновенности Св. Писанія (Труды Кіев. Акад. 1864. № 4 и 9). 2) Протестантскій сеймъ въ Альтенбургѣ (ib. 1865 г.). 3) На-родные проповѣдники на Западѣ (ib. 1864 г.). 4) Народная школа и ея отношеніе къ церкви и духовенству въ Герма-ніи (Рук. для сельск. паст. 1866 г.). 5) Христіанское обще-ство для примиренія вѣроисповѣданій (основанное въ Ба-денѣ изъ католиковъ и протестантовъ (Труды Кіев. Акад. 1864 г.). 6) Практическія богословскія семинаріи въ Герма-ніи. 7) Одинъ изъ проектовъ новаго церковнаго устройства

въ Пруссіи. 8) Вопросъ о государственной церкви въ Ирландіи. 9) Открытіе памятника Лютеру въ Вормсѣ. 10) Третій нѣмецкій протестантскій сеймъ въ Бременѣ. 11) Церковныя споры въ Берлинѣ (всѣ эти статьи въ „Трудахъ Кіев. Акад. 1868 г.). 12) Нѣмецкое протестантство послѣ войны 1870—71 г. (Рук. для сельск. паст. 1872 г.). 13) Миссіонерская конференція въ Лондонѣ. 14) Изъ отчета Британскаго библ. Общества. 15) Процессъ по обвиненію въ ереси. 16) Изъ области блужданій религіозной мысли и жизни Запада. 17) Майскіе праздники у протестантовъ. 18) Еп. (протестантскій) Гоботъ. 19) Кельнскій соборъ. 20) Изъ церковной хроники Англіи. 21) Изъ церковной статистики сѣверо-америк. штатовъ (—всѣ въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1879—1880 г.).

V. Есть нѣсколько статей Воронова по древней церковной исторіи, какъ напр. объ участи мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ въ первые три вѣка христіанства (Рук. для с. паст. 1864 г.); рождественскій или Филипповъ постъ (ib. 1866 г.); Праздникъ Богоявленія (ib. 1867 г.); а также по исторіи іудейства, какъ напр. семейный бытъ евреевъ по Пятикнижію; іудейскій народъ и іудейство въ періодъ образованія талмуда (Труды в. Ак. 1866 и 1868 гг.).

VI. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ принималъ участіе въ переводахъ твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, печатаемыхъ въ „Трудахъ Кіевской д. Академіи“.

VII. Въ Кіевскихъ періодическихъ изданіяхъ и нѣкоторыхъ иногородныхъ можно насчитать десятки статей его по разнымъ предметамъ, касающимся современной жизни русской церкви, духовенства, духовно-учебныхъ заведеній, народной школы, литературы духовной и свѣтской. А во время своего редакторства по „К. Еп. Вѣдомостямъ“ онъ, совмѣстно съ однимъ изъ кіевскихъ священниковъ, издалъ очень полезную для епархіальнаго духовенства книжку подъ заглавіемъ: *Памятная книжка кіевской епархіи*.

Необходимо замѣтить, что не смотря на отрывочность Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

учено-литературныхъ работъ Александра Дмитриевича, о которой даетъ представленіе сдѣланный нами (и притомъ еще не полный) перечень его сочиненій, статей и замѣтокъ, онъ все таки старался обращаться въ опредѣленныхъ областяхъ, такъ что собранные и распределенные систематически труды его могли бы составить довольно цѣлостные, историческіе и историко-публицистическіе очерки. Тѣмъ не менѣе онъ, какъ мы сказали, помышлялъ о полномъ возвращеніи къ строго научнымъ работамъ по новой церковной исторіи, особенно исторіи христіанской церкви у славянъ, имѣлъ не малый запасъ матеріаловъ по этому предмету, хотя и говорилъ, что труда еще много и много впереди. Но *ars longa, vita brevis est!* Думы о своихъ будущихъ трудахъ суждено ему увести въ міръ загробный!...

Сказавъ о научныхъ занятіяхъ Воронова по исторіи христіанства у Славянъ, не опустимъ упомянуть о его, такъ сказать, славянофильскихъ сочувствіяхъ, обнаруживавшихся практически. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Кіевского славянскаго благотворительнаго Комитета, поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ представителей славянской науки въ Россіи, чрезъ посредство дружественно расположеннаго къ нему русскаго протоіерея въ Вѣнѣ высокопочтеннаго Раевского и благодаря этому пріобрѣлъ для нашей академической библіотеки довольно значительную коллекцію трудовъ и изданій западно-славянскихъ ученыхъ.

Христіанинъ искренней и твердой вѣры, онъ былъ такимъ и въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ, строго православныхъ, и въ разнаго рода жизненныхъ отношеніяхъ. Бывъ церковнымъ старостой своей приходской церкви, усердно исполняя обязанности этого своего званія, онъ съ утѣшеніемъ говорилъ, что это новое служеніе его приходскому храму пріятно ему еще потому, что оно напоминаетъ ему дни отрочества, когда онъ любилъ прислуживать отцу при служеніи въ его родной, приходской церкви. Въ послѣднее время онъ былъ еще церковнымъ старостой при домово́й цер-

кви Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Александры Петровны. Чтя сокровенную сторону религиозно-настроенной души почившаго, не станемъ передавать о тѣхъ обнаруженіяхъ ея, о какихъ свидѣлствуютъ видѣвшіе усердіе къ церкви Воронова, какъ прихожанина и старосты.

Семейная жизнь Воронова устроилась было счастливо. Женился онъ рано—на третьемъ году службы, найдя нѣжно любимую и любящую подругу жизни въ лицѣ круглой сироты, самой младшей изъ дѣтей бывшаго профессора Киевской Академіи, потомъ протоіерея и настоятеля Набережно-Николаевской церкви Аверкія Пушиова—Людмилъ Аверкіевнъ. Въ подроставшихъ съ годами дѣтяхъ, которыми Богъ благословилъ ихъ, они находили утѣшенія родительской любви, по и источникъ заботъ и страданій, неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ нѣжная и самоотверженная любовь матери и отца страдаетъ надъ приключившеюся болѣзнію дѣтей гораздо болѣе, чѣмъ надъ собственною, гдѣ дума о добромъ воспитаніи и счастіи дѣтей напрягаетъ всѣ силы души къ заботѣ обезпечить то и другое. Сдерживаясь предъ святынею семейныхъ чувствъ и заботъ почившаго, предъ великостію горя овдовѣвшей супруги, осиротѣвшей семьи, не можемъ однако безъ боли сердца не сказать о томъ, что при самой нѣжной заботливости его о семьѣ, для которой трудился онъ болѣе, чѣмъ позволяло его не крѣпкое здоровье, онъ не дождался утѣшенія видѣть оконченнымъ воспитаніе даже старшихъ дѣтей, а относительно младшихъ не дождался и того утѣшенія, что они будутъ помнить своего отца, постигнутаго смертнымъ недугомъ тогда, когда меньшему изъ дѣтей было менѣе года. Въ борьбѣ съ постигшимъ его недугомъ, но еще крѣпясь нѣкоторою надеждою на выздоровленіе, онъ сокрушался, что прерывается его трудъ для службы и семьи и съ собственнымъ ему чувствомъ вѣры молитвенно повторялъ: „прости мнѣ, Господи, что я отстаю отъ дѣла!“ Но быстрое усиленіе недуга подрываетъ надежду подняться отъ него, смѣняя ее предчувствіемъ приближающейся кончины: кто

не испытавшій сего можетъ постигнуть тайну скорби у сознающаго приближеніе кончины,—скорби о томъ, что послѣ себя оставляетъ онъ въ семьѣ, гдѣ недоконченный подвигъ жизни для нея останется всецѣло на одной уже матери!... Бывшимъ въ эти роковыя минуты у одра болвющаго замѣчались взрывы ужаса, стоны тайнаго, глубокаго горя. Но наитіе жившей въ немъ вѣры, казалось, умягчало тяжкое состояніе его души, и въ ней въ эти минуты еще оставалось мѣсто для памяти не только о своей семьѣ, но и о другихъ, кому хотѣлъ онъ, но не успѣлъ помочь. Едва ли не за день до смерти онъ вспоминаетъ, что далъ слово хлопотать за одну бѣдную дѣвушку объ опредѣленіи ея на думскую стипендію, и предчувствуя, что самъ уже не сдѣлаетъ этого, поручаетъ хлопотать объ этомъ своему другу, стоявшему у его смертнаго одра. Этотъ простой фактъ, характеризующій христіанскую участливость и сострадательность почившаго пусть замѣнитъ все остальное, что можно бы сказать о немъ въ этомъ отношеніи, но о чемъ пристойно умолчать, чтя тайну добрыхъ дѣлъ и слѣдуя примѣру самого почившаго, сказавшаго о благодѣяніяхъ чтимаго имъ архимандрита Порфирія: „Видяй въ тайвѣ да воздасть тебѣ явѣ!“ Минуты напутствія святыми Тайнами были послѣдними минутами еще сознательнаго состоянія больнаго. Предсмертная агонія началась къ ночи предъ 29 октября, а въ 9 ч. утра этого дня свершилась его кончина, не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ послѣдней лекціи, читанной имъ въ Академіи, и послѣдняго выпущеннаго имъ 19-го номера „Кіевскихъ Еп. Вѣдомостей“.

Неожиданность такъ быстро послѣдовавшей кончины увеличила поражающее дѣйствіе ея какъ на семью, такъ на сосѣдей и сослуживцевъ покойнаго. Предполагаемая и до этого, но теперь открывшаяся во всей печальной дѣйствительности безпомощность осиротѣвшей семьи усугубляла чувство соболъзпованія ей вмѣстѣ съ скорбію о понесенной академіею утратѣ. Первые молитвы объ усопшемъ вмѣстѣ съ членами его семьи, родными, сосѣдами вознесли собрав-

шіеся къ 11 часамъ 29-го октября сослуживцы покойнаго и слушатели - студенты. Послѣ другихъ панихидъ, въ 4 часу того же дня совершена болѣе торжественная панихида ректоромъ академіи соборнѣ въ присутствіи вновь собравшихся сослуживцевъ покойнаго и студентовъ. 30 октября въ 4 часа пополудни послѣдовалъ выносъ тѣла покойнаго въ соборную церковь Братскаго монастыря. Гробъ несенъ былъ на рукахъ профессорами и студентами академіи. 31 октября, въ день похоронъ, заупокойную литургію совершалъ викарій Кіевской епархіи преосвященный Виталий, а отпѣваніе послѣ литургіи высокопреосвященный митрополитъ Платонъ, явившій живѣйшее участіе къ скорбѣ семьи и академіи, въ понесенной ими утратѣ. Къ сослуженію въ заупокойной литургіи и панихиды послѣ нея явились многіе изъ Кіевского духовенства, при значительномъ стеченіи посѣтителей изъ мѣстнаго городского населенія. На литургіи, во время причастна, сказано надгробное слово проф. В. О. Пѣвницкимъ, а на панихидѣ рѣчи профессоромъ Малышевскимъ, также законоучителемъ 1 Кіевской гимназіи священникомъ М. Златоверховниковымъ и однимъ изъ студентовъ академіи (Булгаковымъ) церковно-историческаго отдѣленія, которые также на общую складку изготовили вѣнокъ на гробъ глубоко почитаемаго наставника. По возданіи послѣдняго цѣлованія умершему и послѣднемъ заупокойномъ пѣніи въ церкви, гробъ поднять былъ на руки профессорами и студентами и вынесенъ изъ церкви для установки на погребальную катафалку предъ колокольнею Братскаго монастыря и затѣмъ печальная процессія съ духовенствомъ, имѣвшимъ во главѣ ректора семинаріи архимандрита Иринея, съ участіемъ всѣхъ профессоровъ, преподавателей и студентовъ академіи, и при значительномъ стеченіи народа, направилась къ кладбищу на горѣ Щекавицѣ, останавливаясь по пути предъ всѣми церквами для прочтенія евангелій, по мѣстному Кіевскому обычаю. Могила покойному устроена рядомъ съ семейными могилами

его родных по женѣ. Предъ опущеніемъ гроба въ могилу сказана еще одна рѣчь студентомъ академіи Лашковымъ. Въ присутствіи рыдающей супруги, не отходящей отъ дорогого ей гроба во время отпѣванія, погребальной процессіи и у самой могилы, при общемъ священно-молитвенномъ настроеніи, опущенъ онъ въ могилу, оставляя въ сердцахъ нашихъ горестъ безвозвратной утраты, облегчаемую только вѣрою въ блаженное упокоеніе души его, преселившейся туда, гдѣ уже нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія, но жизнь безконечная.

Послѣ похоронъ, по русскому обычаю, ректоромъ академіи въ своей квартирѣ устроена поминальная трапеза, на которой соизволилъ, по просьбѣ ректора, присутствовать и высокопреосвященный архипастырь. Вдова покойнаго съ дѣтьми явилась на нѣсколько минутъ, чтобы поблагодарить Его Высокопреосвященство за отеческое собогдѣзнованіе скорби осиротѣлой семьи и за его подвигъ въ молитвѣ о почившемъ. Милостиво и въ глубоко прочувствованныхъ, полныхъ высокаго назиданія, словахъ архипастырь утѣшалъ плачущую вдову, ободрялъ ее силою вѣры и упованія, примѣрами, указующими на блаженную участь отшедшихъ въ міръ загробный, въ жизнь вѣчную, ласково, отечески утѣшалъ каждого изъ дѣтей—сиротъ и въ заключеніе всего обѣщалъ явить свое ходатайство о возданіи семьѣ за достойную и продолжительную службу покойнаго. Новое утѣшеніе преподано ей архипастыремъ при вторичномъ свиданіи съ нею чрезъ нѣсколько дней въ самой квартирѣ архипастыря, пожелавшаго обстоятельнѣе распросить о теперешнихъ нуждахъ вдовой доли ея.

Между тѣмъ еще въ день кончины Воронова, осиротѣвшему семейству принесено было благодѣтельное утѣшеніе отъ Ея И. В. великой княгини Александры Петровны, обычное и всѣмъ извѣстное христіанское сердоболіе которой сказалось въ особенно милостивомъ участіи къ горю осиротѣлой семьи Воронова, бывшаго въ послѣднее время

церковнымъ старостой домовой церкви Ея Высочества и потому известнымъ Ея Высочеству. Это утѣшеніе и пособіе принесъ духовникъ Ея Высочества, достоуважаемый протоіерей В. И. Лебедевъ, участвовавшій также въ поминальныхъ служеніяхъ и молитвахъ о Вороновѣ. Черезъ недѣлю затѣмъ онъ же принесъ и новое утѣшеніе сообщеніемъ, что Ея Высочество милостиво соизволила назначить по свою жизнь пенсію вдовѣ Воронова въ 300 р. въ годъ. Къ глубочайшей благодарности обязываютъ академію эти дѣянія любви и состраданія Ея Высочества, благодѣющей академіи и по милостиво принятому Ея Высочествомъ званію почетной попечительницы существующаго при академіи Богоявленскаго Братства для вспомошествованія студентамъ.

Память Воронова почтена и въ состоящемъ при Киевскомъ Университетѣ Историческомъ Обществѣ Нестора Летописца. Въ засѣданіи 4 декабря членомъ Общества проф. Малышевскимъ прочтено было воспоминаніе о Вороновѣ съ характеристикой его учено-литературной дѣятельности и, по принятому обычаю, по окончаніи чтенія, члены общества почтили память скончавшагося сочлена обрядомъ встанія въ честь его. Мы желали бы современемъ оживить память его собраніемъ и изданіемъ хотя бы нѣкоторой части его историческихъ очерковъ. Въ этой надеждѣ заканчиваемъ настоящія строки о немъ, внушенные долгомъ товарищества и чувствомъ дружества и глубокой почтительности къ памяти Александра Дмитріевича.

И. Малышевскій.

Некрологъ и надгробныя рѣчи.

17-го ноября 1883 года скончался студентъ I курса Кіевской Академіи Семень Новикъ—уроженецъ гродненской губерніи. Отець его былъ причетникомъ въ с. Чемерахъ и жилъ въ бѣдности. Немудрено повтому, что раннее дѣтство Новика прошло въ нуждѣ и лишеніяхъ. Въ духовномъ училищѣ повойный учился хорошо, но не отлично: его способности развивались медленно. Только уже въ семинаріи—въ Вильно Новикъ сталъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ. За то какъ человекъ, Новикъ всегда былъ одинъ: лучшей другъ и товарищъ!

Въ Кіевъ покойный пріѣхалъ полнымъ силъ и желаніи посвятить себя высшей богословской наукѣ. Но судьба судила иначе: онъ умеръ, не вынеся летучаго ревматизма.

Погребеніе его совершено было въ Кіево-Братскомъ монастырѣ ректоромъ Академіи архимандритомъ Сильвестромъ. При погребеніи сказаны были три надгробныя рѣчи,—одна студентомъ IV курса Рознатовскимъ, а двѣ другія студентами I курса Петропольскимъ и Оглоблинымъ.

I

Еще вчера билось это молодое сердце! Еще вчера оно чувствовало свою связь съ жизнію, которую хотѣлось продолжить, но увы! Сегодня предъ нами бездыханный трупъ страдальца!... Мнѣ по несчастной случайности самому пришлось быть свидѣтелемъ страданій покойнаго, страданій ужасныхъ, тѣхъ страданій, когда малѣйшее движеніе производитъ нестерпимую боль. Но при всемъ этомъ покойный несъ свою горькую чашу съ удивительнымъ терпѣніемъ. Можетъ-быть горечь этой чаши умѣрялась непрестаннымъ упованіемъ на милость Божію, кто знаетъ?! Но только покойный постоянно, при самыхъ мучительныхъ кризисахъ

своей болѣзни, повторялъ имя Божіе. Трогательно было смотрѣть, съ какимъ неподдѣльнымъ, горячимъ чувствомъ обращался страдалецъ горѣ! Болѣе любимую молитвою его въ послѣдніе дни жизни была первая пѣснь Великопостнаго канона: „Помощникъ и Покровитель“..... Да, была въ усопшемъ искра Божія, которая въ послѣднія минуты особенно ярко блестяла! Блестѣла она упованіемъ, но просвѣчивалась въ ней и надежда на то, что связь съ этой жизнію опять войдетъ въ обычную колею. Молодая природа долго боролась со смертію, не хотѣлось ей въ расцвѣтѣ своего развитія разстаться съ жизнію. Безъ содроганія невозможно было присутствовать при тѣхъ моментахъ болѣзни страдалца, когда въ немъ происходила борьба съ потерей сознанія. Несчастнѣй тогда напрягалъ всѣ свои духовныя силы, чтобъ только удержать въ себѣ сознаніе—увѣрялъ всѣхъ, имѣвшихъ о немъ попеченіе, что правильная мысль его не покидаетъ, что онъ такой-же здоровый душой человѣкъ, какъ и прочіе. Все-это признаки неодолимаго желанія жить, и все это такъ понятно, естественно! Понятно, говоримъ, потому, что внутренняя жизнь покойнаго была полна тѣхъ мыслей, тѣхъ идеаловъ, которые думалось установить, развить въ себѣ. О развитіи особенно любилъ говорить покойный. Бывало, кто бы ни присѣлъ къ его постели съ лаской утѣшенія, всякому страдалецъ твердить о томъ, что ему хочется жить, развивать тотъ внутренній міръ, который ему дало предшественное образованіе. Итакъ—живая вѣра въ Бога и стремленіе развить добрыя зачатки—вотъ основныя черты нравственной фізіономіи покойнаго. Эти черты симпатичны, потому что онѣ отмѣчаютъ всегда истиннаго человѣка; эти черты искренни, потому что онѣ раскрыты въ томъ состояніи, когда притворства не бываетъ.....

И чтожь? Въ то время, когда упованіе на помощь Божію и желаніе прильнуть къ жизни всею грудью ни на минуту не оставляли покойнаго, мгновенно пресѣкается

его жизнь. Неповѣдимы судьбы Божіи! И кто дерзнетъ сказать, что изволеніе Божіе въ данномъ случаѣ жестоко, неумолимо?! Въ самомъ дѣлѣ: отнята жизнь, которая жила, уповая на Бога... Не лучше-ли поэтому самому теперешнее состояніе этой жизни? Да, скажемъ мы, потому что только смерть грѣшниковъ люта, а участь жившихъ и умершихъ въ Богѣ гораздо лучше земной. *Вѣмы, говорятъ Апостолъ, яко аще земная наша хранина тѣла раззорится, созданіе отъ Бога имамы, хранину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ* (2 Кор. 5, 1). Вотъ жизнь загробная умершихъ съ Богомъ! Хранина нерукотворенная! Какъ вождедѣвно это мѣсто! А почему? Потому что въ ней нѣтъ тѣхъ страданій, которыя постоянно преслѣдуютъ насъ здѣсь, на землѣ. Кто изъ насъ не перенесъ какой-нибудь болѣзни тѣла?! А нравственныя мученія... Не даромъ этотъ міръ и жизнь называются юдолью плача! И кто скажетъ, какія изъ этихъ болѣзней—физическія или нравственныя—легче? Нѣтъ, мы можемъ только сказать, что онѣ дополняютъ другъ друга—и только. Въ „храминѣ же нерукотворенной“ земнымъ болѣзнямъ нѣтъ мѣста, какъ нѣтъ мѣста и причинамъ этихъ болѣзней—грѣху и вредоноснымъ условіямъ нашей планеты. Вотъ почему Тайновидецъ замѣчаетъ: *И отыметь Богъ всяку слезу отъ очію ихъ и смерти не будетъ ктому: ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ ктому* (Апок. 21, 4). Вотъ почему мы не можемъ жаловаться на судьбы Божіи за то, что онѣ оторвали отъ земной жизни этого страдальца. Да, мы не можемъ жаловаться... И это нужно сказать тѣмъ больше, если обратить вниманіе на вторую черту покойнаго—его стремленіе къ усовершенствованію своего духа.

Онъ стремился преумножить данный ему отъ Бога талантъ. И вотъ въ періодъ его заботъ объ этомъ прекращается его жизнь. Чтожъ? Неужели надобно думать, что со смертію и развитіе этого страдальца совершенно прекратилось?! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Каждый изъ насъ надѣленъ отъ Бога стремленіемъ къ добру и истинѣ. *Будьте*

совершенни, яко же и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. Вотъ то добро и истина, въ которой мы должны стремиться. Въ этой жизни мы должны приближаться къ этому совершенству, но кто изъ живущихъ на землѣ скажетъ, что овладѣлъ имъ? Мы вѣруемъ, что человекъ, развивши въ себѣ искру Божію, продолжаетъ идти путемъ совершенства и въ будущей жизни. И если здѣсь,—въ этой юдоли плача,—встрѣчаются препятствія въ преуспѣванію въ развитіи духовно-нравственной природы, то тамъ этихъ препятствій не будетъ. Тамъ нѣтъ того тѣла, которое тяготитъ нашу душу къ тѣлесному, тамъ нѣтъ и тѣхъ искушеній житейскихъ, которыя возможны здѣсь. Напротивъ, тамъ всякія низменныя пожеланія исчезнуть и будетъ работа духа и духа! Поэтому Апостолъ и замѣчаетъ: *смется тѣло душевное, возстанетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44). Мало того: при полномъ одухотвореніи нашей природы каждый изъ умершихъ въ Богъ услаждается въ горнемъ мірѣ вѣчнымъ созерцаніемъ Самой Истины. *Нинь, по Апостолу, видимъ убо якоже зеркаломъ въ іаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12). Такимъ образомъ и стремленіе покойнаго къ развитію своего внутренняго духа не только не тердается теперь, но вступаетъ на правильный, вѣчный путь. И намъ—товарищамъ и знакомымъ покойнаго—остается только одно по отношенію къ нему—молитва и молитва! И теперь, когда на устахъ каждаго изъ насъ послѣднее прости, ваша молитва будетъ сердечна, растворена слезами неподдѣльной любви... Аминь.

К. Рознатовскій.

II

Дорогой товарищ!

Въ послѣдній разъ мы собрались проститься съ тобою, сказать тебѣ послѣднее прости! Не давно мы съ тобою встрѣтились, и уже приходится разставаться! Мало пришлось намъ жить съ тобою, но и за это короткое время мы узнали и по-

любили тебя. Твое честное отношеніе къ дѣлу, твоя любовь къ товарищамъ заставили насъ уважать тебя, какъ чловѣка честнаго и достойнаго.

Мы увидѣли въ тебѣ поклонника науки, желавшаго для нея и ради нея отдать все. Рано лишившись родителей, ты вступилъ въ школу, работалъ въ ней, заботился о своемъ умственномъ развитіи. Во всѣхъ своихъ трудахъ, удачахъ и неудачахъ ты сталъ совершенно одинокимъ, тебѣ не было знакомо ни родительское, ни родственное участіе! Нужно быть нравственно сильнымъ, нужно много имѣть любви и уваженія къ труду, чтобы при такихъ обстоятельствахъ не пошатнуться и не уклониться отъ предназначеннаго пути! Но ты устоялъ на немъ, тебя не утратило одиночество! Нѣтъ! ты видѣлъ только дѣло, дѣло честное, святое, просвѣщеніе свѣтомъ христіанской вѣры дорогаго для сердца каждаго изъ насъ русскаго народа и ради этого дѣла ты жертвовалъ всѣмъ!

Ты могъ бы и въ этомъ году получить и самостоятельное положеніе въ обществѣ и достаточное матеріальное обезпеченіе и, можетъ быть, даже сохранить свое здоровье и свою жизнь. Но ты изъ желанія принести больше пользы своему родному краю, нуждающемуся въ просвѣщенныхъ борцахъ за православіе, рѣшаешься съ нѣсколькими рублями отправиться въ дальній путь, въ чужой и совершенно незнакомый тебѣ городъ. Здѣсь тебя ожидало въ случаѣ неудачи много лишеній, много горести. Но трудности преодолены, и ты въ Академіи.

Съ поступленіемъ въ Академію, казалось, все прошлое, всѣ невзгоды забыты, такъ весело и спокойно стало на душѣ: мечты стали исполняться, о чемъ много было передумано, что являлось только въ воображеніи, стало дѣйствительностію. Ты уже взялся съ привычною энергіею, — и рвеніемъ за дѣло, но... долго ли все это продолжалось! Смерть тихо, незамѣтно стала подкрадываться къ тебѣ, твоя молодая, неразцвѣтшая жизнь начала по немногу увя-

дать и, наконецъ, совсѣмъ угасла! И нѣтъ уже той страстной привязанности къ дѣлу, которая отличала тебя. Не слышишь и твоей рѣчи, всегда дѣльной и серьезной, уста твои вѣрно сомкнулись, и никогда уже намъ не услышать твоего пріятливаго слова...

Но неужели нѣтъ никакого утѣшенія для насъ? Нѣтъ, твоя жизнь, твоя дѣятельность дають намъ твердую вѣру, что Господь успокоитъ тебя въ Своихъ обителяхъ и избавитъ тебя отъ мученій, которыхъ ты много уже перенесъ на землѣ.

Тамъ, въ далекомъ и невѣдомомъ мірѣ тебя встрѣтитъ блаженство и вѣчный покой!..

Прощай же, дорогой товарищъ! Еще нѣсколько минутъ, и могила скроетъ твое тѣло отъ нашихъ глазъ, но образъ твой свѣтлый, чистый навсегда останется въ нашихъ сердцахъ и будетъ онъ учить насъ, какъ жить, трудиться и любить.

Михаилъ Петропольскій.

III.

Дорогой товарищъ!

Прерваны наконецъ дни твоей молодости,—дни лучшихъ твоихъ надеждъ и стремленій. Угасла твоя молодая жизнь совершенно неожиданно для тебя самого и для твоихъ товарищей. Могли ли мы думать, въ то время, какъ начинался еще только полный расцвѣтъ твоей жизни, въ то время, какъ еще кипѣли въ груди твоей силы жизни, когда стремился ты, боролся и искалъ чего-то лучшаго въ жизни,—могли ли мы думать, что скоро будетъ положенъ конецъ твоимъ стремленіямъ, что скоро жизнь твоя будетъ прервана и усѣчена сѣкирою смерти? Нѣтъ,—конечно, не думали мы этого, и ты также не могъ ожидать такого печальнаго несвоевременнаго по нашему взгляду конца твоей жизни. Какъ теперь еще помнится, ты полонъ былъ надеждъ на будущее, ты радовался одною вмѣстѣ съ нами радостію.

До послѣдняго вздоха ты обращалъ свои взоры на текущую жизнь, и волновался тѣмъ, что волновало сердца твоихъ товарищей. Никакой тѣни отчаянія не закрадывалось въ твою душу; ты надѣялся на восстановление своихъ силъ съ тѣмъ, чтобы опять затѣмъ трудиться, работать и жить тѣмъ, чѣмъ и мы живемъ.

Не опасаясь за свою жизнь и здоровье,—съ полными надеждами на будущее, ты вмѣстѣ съ нами поступилъ въ академію,—желая также, какъ и мы, жить и находить лучшее утѣшеніе жизни въ научныхъ трудахъ, въ стремленіяхъ къ истинѣ, добру и всему, что только облагораживаетъ, просвѣщаетъ умъ человѣческой и возвышаетъ его надъ остальными видами существъ земныхъ. Стремленія эти были столь живучи и сильны въ твоей душѣ, что не обращая вниманія на свое незавидное здоровье, ты рѣшился, во что бы то ни стало, посвятить себя на четырехъ-годовалый трудъ въ академіи, желая жить болѣе высшими запросами человѣческой жизни, чѣмъ всѣ обыденныя, ничего не стоящія и скоро преходящія нужды ея.—Мнѣ первому пришлось быть свидѣтелемъ твоихъ горячихъ желаній поступить въ академію, которыми ты полиновался сильно, и такъ, какъ едва ли могли волноваться многіе. Еще и теперь отчетливо представляется мнѣ первое утро, когда я только что вступилъ за порогъ академіи и здѣсь же, во внутреннихъ ея комнатахъ, встрѣтилъ тебя за книгою. Сразу пораженъ былъ я тою торопливостію, тою внутреннею борьбою, которая была замѣтна въ твоемъ лицѣ и происходила, вѣроятно, вслѣдствіе желаній справиться съ работою и явиться вполне приготовленнымъ на испытаніе. Съ тѣхъ поръ ярко запечатлѣлся въ душѣ моей твой образъ. Приближалось время испытаній. Какъ многіе изъ насъ, ты не былъ вполне самоувѣренъ въ своихъ силахъ и не мало у тебя было безпокойства о томъ, какъ бы не быть не принятымъ въ академію. Видно, сильно было въ тебѣ стремленіе свое къ высшему свѣту образованія. Но

вотъ мы вступили въ высшее святилище науки. Начались учебныя занятія;—съ жаркимъ увлеченіемъ, какъ помнится, принялся ты за работу, многократно бесѣдуя и обсуждая вмѣстѣ съ товарищами различныя научныя вопросы, и это, какъ замѣтно было, доставляло тебѣ большое удовольствіе и наслажденіе. Но не суждено было осуществиться все-му тому, чего искалъ ты, къ чему стремился съ жаждою,—богѣ многихъ. Не прошло еще и мѣсяца съ поступленія въ академію, какъ злой недугъ уже схватилъ тебя, и ты долженъ былъ прервать свои занятія. Съ этого времени и начала все богѣ и богѣ увидать твоя молодая жизнь, силы твои значительно слабѣли и наступила наконецъ пора, когда духъ не могъ уже держаться въ обезсилѣвшей отъ болѣзни оболочкѣ плоти. И вотъ окончились безъ возврата всѣ временныя стремленія, волнующія человѣка въ этой жизни, положенъ предѣлъ всѣмъ временнымъ запросамъ человѣческаго ума. Но не кончена духовная жизнь твоя. Все лучшее, высшее, что только принадлежитъ душѣ, дѣлается вѣчнымъ достояніемъ ея и составляетъ дивную красоту человѣческой жизни, то не умерло въ тебѣ, но будетъ жить вѣчно и за гробомъ тамъ, гдѣ это лучшее познается человѣкомъ въ совершенствѣ, гдѣ и земное лучшее расширяется, обогащается и освѣщается свѣтомъ высочайшаго вѣдѣнія. И если не успѣлъ ты еще въ этой жизни развить и усовершенить свои стремленія къ истинѣ и добру, то знай, что все это ты обрѣтешь тамъ, въ вѣчной жизни—въ Богѣ,—тамъ, въ близкой жизни съ Богомъ ты найдешь многое, чего не нашелъ въ этой жизни, тамъ послѣдуетъ твое возрожденіе и полное завершеніе твоихъ стремленій...

Но какъ бы то ни было, а мы, страстно привязанные къ жизни, еще не можемъ равнодушно помириться съ твоею преждевременною по нашему взгляду кончиною. Намъ жалко того, что жизнь теряетъ въ себѣ людей еще съ свѣжими, не остывшими запасами стремленій и желаній внести

также и съ своей стороны хотя долю добра въ жизнь чело-
вѣчества. Намъ жалко того, что теряемъ въ тебѣ своего
друга и товарища, съ которымъ жили мы одною совмѣстною
жизнію, который съ своей стороны дополнял нашу жизнь
и приносилъ въ нее долю лучшаго. Намъ тяжело перено-
сить твою кончину—тѣмъ болѣе, что мы не видимъ здѣсь
твоихъ родныхъ, людей болѣе близкихъ къ тебѣ, которые
также вмѣстѣ съ нами могли бы раздѣлить печаль нашу.

Остается утѣшаться одною мыслию, что Всевѣдущій
Богъ, безъ нашего вѣдома, знаетъ, кому и когда положить
предѣлы этой земной жизни. И если намъ кажется непонят-
нымъ то, что мы теряемъ лицъ, начинающихъ еще только
жить, то для Премудраго Творца болѣе извѣстно, кто окон-
чилъ свое дѣло жизни и нуженъ для жизни будущей, вѣч-
ной. Безъ сомнѣнія, и ты, дорогой товарищъ, свершилъ
свой жизненный путь, сдѣлалъ то, что требовалось отъ
тебя Богомъ, что для тебя наступила пора проститься съ
этою малозначущею жизнію и жить тамъ, гдѣ истина и добро
торжествуютъ во всей своей силѣ, *идъже нѣсть бользнь, ни
печаль, ни въздыханія, но жизнь безконечная.*

С. Оглобинъ.

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи

ЗА М. НОЯБРЬ, 1883 Г.

I.

Въ Ноябрь мѣсяцъ было два засѣданія Церковно-Археологическаго Общества, 4 и 28 чиселъ, на коихъ, кромѣ текущихъ дѣлъ Общества, разсматривался вопросъ о внутреннемъ убранствѣ Владимірскаго Собора въ Кіевѣ.

II.

Въ теченіи Ноября мѣсяца въ Церковно-Археологическое Общество, Музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертвованія:

А. Отъ Православнаго Палестинскаго Общества: третій выпускъ „Православнаго Палестинскаго Сборника“, 1883 г., заключающій въ себѣ первую половину Хожденія Даниила Паломника.

Б. Отъ Хорватскаго Археологическаго Общества: *Viestnik Hrvatskoga Arkeologickoga Druztwa. Godina V. Br. 4. Zagreb. 1883.*

В. Изъ библіотеки Кіевской дух. Академіи выдѣленъ въ Музей гравированный портретъ сенатора князя Якова Феодоровича Долгорукова.

Г. Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Томской дух. Семинаріи Архимандрита Аванія пятнадцать руб. (15 р.) серебромъ на нужды Церковно-Археологическаго Общества.

Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

9**

Д. Отъ дѣйствительнаго члена, инспектора Кишиневской дух. семинаріи Л. С. Мацѣвича: 24 письма архіепископа Могилевскаго Анатолія (Мартыновскаго), скончавшагося на покоѣ въ Бессарабіи въ 1872 году, въ разнымъ лицамъ. Важнѣйшія изъ нихъ напечатаны въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ за текущій Ноябрь мѣсяць.

Е. Отъ дѣйствительнаго члена, Коллежскаго Секретаря Т. І. Вержбицкаго: 1—2) двѣ серебряныя римскія монеты Автовина Пія и Фаустины старшей; 3) серебряная французская монета Людовика XIV, конца XVII вѣка, и 4) мѣдная копейка Петра I, 1715 года.

Ж. Отъ члена-корреспондента, законоучителя Новочеркасской гимназіи, священника Николая Кириллова—икона св. мученика Христофора, писанная на доскѣ масляными красками.

З. Отъ приватъ-доцента С.-Петербургскаго Университета П. А. Сырку—диссертация его: „Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ. С.-Петербургъ. 1883“.

И. Отъ священника Каковскаго, изъ Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи: 1) мурница съ оловянными сосудцами для мѣра и елѣя, въ деревянномъ ящикѣ и оловянномъ футлярѣ; 2—5) четыре мѣдныя австрійскія, польскія и русскія монеты XVIII и нынѣшняго вѣковъ.

І. Отъ студента IV курса Кіевской Академіи Стефановскаго мѣдная турецкая монета 1141 года гидржи.

К. Выручено отъ продажи старыхъ русскихъ монетъ *сорокъ пять коп.* (45 к.) серебромъ.

Секретарь Общества *Н. Петровъ.*

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1884.

(Годъ двадцать пятый).

ФЕВРАЛЬ. — № 2.

Содержаніе:	Страницы:
I. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго, (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божіемъ, книга восемнадцатая	33— 64
II. Ученіе Шлейермахера о религіи. <i>Θ. С. Орнатскаго.</i>	147—177
III. О штундизмѣ. <i>II. Петрушевскіаго.</i>	178—196
IV. Сильвестръ Кулябка, архієпископъ С.-Петербургскій, какъ духовный писатель. <i>II. Залтскаго</i>	197—256
V. О первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, 1491 г. (Съ рисункомъ). <i>С. Т. Голубева.</i>	257—268
VI. Протоіерей Александръ Михайловичъ Воскресенскій, экстраорд. профессоръ Кіевской дух. академіи. <i>В. Θ. Пьеницкаго.</i>	269—296
VII. Рѣчи, посвященныя памяти пр. А. М. Воскресенскаго.	297—306
VIII. Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Академіи (за м. декабрь 1883 г.). <i>Н. И. Петрова.</i>	307—313
XI. Поправки и объявленіе.	

„Труды Кіевской дух. Академіи“ выходятъ по прежней программѣ.

Цѣна 7 рубл. съ пересылкою.

КІЕВЪ:

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улиц., собственный домъ.

1884.

ВЪ 1884 ГОДУ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ИЗДАЮТСЯ:

1, Труды Кіевской Духовной Академіи (ежемесячно).
2, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости (два раза въ мѣсяцъ),

Цѣна за годъ съ пересылкою: Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р.;
Епархіальныхъ Вѣдомостей 5 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вместѣ*
съ Трудомъ—11 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, или Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Въ редакціи продаются книги:

(Цѣны на нѣкоторыя книги значительно понижены).

1. Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Высокопр. Арсенія, Митрополита Кіевского (въ 8 д. 634 стр.). Цѣна (*вмѣсто трехъ рублей*) 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.
2. Изъясненіе Божественной Литургіи. Высокопр. Арсенія, Митрополита Кіевского (въ 8 д. 460 стр.). Ц. 2 р.
3. Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ. Ц. 40 коп. съ перес. 55 коп.
4. Книга для назидательнаго чтенія. Изданіе второе. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
5. Сборникъ статей изъ Воскр. Чтенія (для народныхъ школъ). Ц. 20 к., съ перес. 30 к.
6. Самуилъ Миславскій. Ѳ. Рождественскаго. Ц. 1 р. 50 к.
7. Исслѣдованіе о талмудѣ. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.
8. Девять историческихъ книгъ св. Писанія ветхаго завіта въ русск. перев. съ евр., съ примѣчан. М. С. Гулева. Ц. 1 р. 25 коп. (*см. 1 р. 80 к.*).
9. Жизнь и творенія блаж. Августина. Ц. 40 коп., съ перес. 50 коп.
10. Яковъ Космычъ Амфитеатровъ. Цѣна 30 коп. (*см. 70 к.*).
11. Послѣдніе дни жизни Преосвящ. Филарета, Митрополита Кіевского. Ц. 25 коп. (*см. 50 коп.*).
12. Описаніе 50-лѣтняго юбилея Высокопреосвященнаго Арсенія, Митрополита Кіевского и Галицкаго. Ц. 50 коп., съ перес. 60 коп.
13. Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи. Ц. 2 р. 50 к.
14. Списокъ начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской духовной Академіи первыхъ XXV курсовъ (1819—1869). Ц. съ пер. 10 к.
15. Указатель Воскреснаго Чтенія. Цѣн. 30 к., съ пер. 40 к.
16. Историческій характеръ книги Іудифъ. Н. М. Дроздова. Ц. 50 к.
36. О книгѣ премудрости Соломона. Д. В. Поспѣхова. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к. (*см. 3 р.*).
37. Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. 1-й. Ив. Игн. Малашевскаго. Ц. 3 р. 50 к. (*см. 4 р.*).
38. Обзоръ философскихъ ученій. П. Ив. Липицкаго. Ц. 80 коп. (*см. 1 р. 25 к.*).
39. Философія отцовъ и учителей церкви (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). К. Ив. Скворцова. Ц. 1 р. 85 коп., съ пер. 2 руб.
40. Объ авторѣ сочиненій, известныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита. К. Ив. Скворцова. Ц. 65 к., съ пер. 80 к.
41. Блаженный Августинъ, какъ психологъ. К. Ив. Скворцова. Ц. 1 руб. 30 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.
42. Записки по церковному законодѣнію. Прот. И. М. Скворцова, изд. 4-е. Ц. 90 коп., съ пер. 1 р. 5 коп.

Другіе, впрочемъ, не хотѣли говорить, что онъ былъ убитъ въ сраженіи, а утверждали, что его просто не оказалось, да и что гора получила свое названіе не отъ имени его, а отъ прилета птицъ (*ex adventu avium*). Послѣ него въ Лаціумѣ никого уже не дѣлали богомъ, кромѣ Ромула, основателя Рима. Между тѣмъ и другимъ было однакоже два царя, изъ которыхъ первымъ былъ, выражаясь стихомъ Вергилія:

Близжайшій тотъ Прока, Троянскаго слава народа ¹⁾.

Такъ какъ въ его время уже нѣкоторымъ образомъ начинались роды, произведшіе на свѣтъ Римъ, то величайшее изъ всѣхъ царствъ, Ассирійское, покончило свое весьма продолжительное существованіе. Оно перешло къ Мидянамъ, просуществовавъ почти тысячу триста пять лѣтъ, если присчитать сюда и время Бега, который былъ отцемъ Нина и первымъ царемъ тогда еще небольшого Ассирійскаго царства. Прока царствовалъ раньше Амулія. Этотъ Амулій посвятилъ въ весталки дочь своего брата Нумитора Рею, мать Ромула, иначе называвшуюся Илією. Утверждаютъ, будто она своихъ близнецовъ зачала отъ Марса: этимъ хотятъ скрасить или извинить ея паденіе, и добавляют въ доказательство, что выброшенныхъ дѣтей кормила волчица. Этотъ родъ звѣрей они считаютъ принадлежащимъ Марсу; такъ что волчица потому-де и дала мальчикамъ свои сосцы, что призвала въ нихъ дѣтей своего господина Марса. Есть впрочемъ и такіе, которые говорятъ, что, когда дѣти лежали выброшенныя и плакали, ихъ сначала подобрала какая-то публичная женщина и сперва дала имъ свою грудь (а публичныхъ женщинъ называли они волчицами ²⁾), отсюда и публичные дома въ настоящее время называются люпанаріями), а затѣмъ

¹⁾ Aeneid lib. VI. v. 767.

²⁾ *Lupas*.

принесла, ихъ къ пастуху Фавстулу, жена котораго Авба уже и воспитага ихъ. Хотя, что удивительнаго и въ томъ, если Богъ для обличенія царя, съ такою жестокостію приказавшаго бросить ихъ въ воду, захотѣлъ послать млекопитающаго звѣря на помощь къ этимъ, чудесно отъ воды спасеннымъ, дѣтямъ, которые должны были основать такой великій городъ? Послѣ Амулія Лаціумское царство наследовалъ братъ его, дѣдъ Ромула, Нумиторъ. Въ первый годъ царствованія этого Нумитора основанъ былъ Римъ, поэтому онъ царствовалъ одновременно съ своимъ внукомъ, т. е. Ромуломъ.

ГЛАВА XXII.

О томъ, что Римъ основанъ былъ въ то время, когда Ассирійское царство прекратилось и когда въ Иудей царствовалъ Іезекія.

Скажу коротко, Римъ возникъ какъ бы второй Вавилонъ, и какъ бы дочь перваго Вавилона, посредствомъ которой Богу угодно было покорять весь міръ и умиротворить его надолго повсюду, соединивъ его въ общество подъ одною государственною властію и законами. Ибо народы въ это время были уже сильны и храбры, и племена искусны въ военномъ дѣлѣ: уступали не легко и побѣда надъ ними сопряжена была съ великими опасностями, немалымъ опустошеніемъ съ той и другой стороны и страшными трудностями. А когда Ассирійское царство покоряло почти всю Азію, то хотя это совершилось и путемъ завоеванія, могло быть достигнуто не слишкомъ жестокими и трудными войнами; потому что племена были еще неискусны въ сопротивленіи, но такъ многочисленны и велики. Хотя послѣ извѣстнаго великаго и всемірнаго потопа, отъ котораго въ ковчегѣ Ноевомъ спаслось только восемь человѣкъ, прошло исрнаго болѣе тысячи лѣтъ, но Нинъ по-

всѣхъ всю Азію, за исключеніемъ Индіи. Римъ же не такъ скоро и не такъ легко управился съ тѣми народностями востока и запада, которыя мы видимъ подвластными теперь Римской имперіи; потому что, возрастая мало по малу, онъ всюду, куда ни расширялся, встрѣчалъ ихъ сильными и воинственными. Итакъ, въ то время, когда построень былъ Римъ, народъ Израильскій жилъ въ обѣтованной землѣ семь сотъ восемнадцать лѣтъ. Изъ нихъ двадцать семь лѣтъ принадлежать времени Иисуса Навина; затѣмъ, триста двадцать девять лѣтъ—періоду Судей, а съ того времени, какъ начали ставиться цари, прошло триста шестьдесятъ два года. И въ то время въ Іудеѣ былъ царь, и имя его было Ахазъ, или, какъ полагаютъ другіе, преемникъ его Езекиа, о которомъ во всякомъ случаѣ извѣстно, что этотъ прекраснѣйшій и благочестивѣйшій царь царствовалъ во времена Ромула. Въ той-же части Еврейскаго народа, которая называлась Израилемъ, начиналъ царствовать тогда Осія.

ГЛАВА XXII.

О сивиллѣ Эритрейской, которая въ числѣ другихъ сивиллъ считается за давшую многія совершенно ясныя предсказанія о Христѣ.

Въ то же самое время, полагаютъ нѣкоторые, давала свои предсказанія сивилла Эритрейская. По свидѣтельству Варрона, сивиллъ было много, а не одна. Но сивилла Эритрейская написала нѣчто, ясно касающееся Христа, что прежде читали и мы на Латинскомъ языкѣ, изложенное въ плохихъ Латинскихъ, теперь уже не существующихъ, стихахъ какиихъ-то, какъ въ послѣдствіи мы узнали, неискуснымъ переводчикомъ. Ибо Флавіанъ, мужъ знаменитѣйшій, бывшій даже проконсуломъ, человекъ весьма краснорѣчивый и много-

ученый, когда мы разговаривали съ нимъ о Христѣ, показавъ намъ греческій кодексъ, говоря, что это—предсказаніе сивиллы Эритрейской, и указавъ въ немъ одно такое мѣсто, въ которомъ начальные буквы стиховъ расположены въ такомъ порядкѣ, что изъ нихъ составляется фраза: 'Ιησὺς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτῆρ, т. е. по-Латинѣ: *Jesus Christus Dei Filius Salvator* ¹⁾). Эти стихи, начальные буквы которыхъ имѣютъ такой, какъ мы сказали, смыслъ, содержатъ въ себѣ, какъ переводить ихъ нѣкто Латинскими, еще и теперь существующими, стихами, слѣдующее:

- I Judicii signum tellus sudore madescet.
 NE coelo Rex adveniet per saecula futurus:
 M Scilicet in carne praesens ut judicet orbem.
 O Unde Deum cernent incredulus atque fidelis
 I Celsum cum sanctis, aevi jam termino in ipso.
 M Sic animae cum carne aderunt, quas judicat ipse:
 X Cum jacet incultus densis in vepribus orbis.
 I Rejicient simulacra viri, cunctam quoque gazam;
 E Exuret terras ignis, pontumque polumque
 I Inquirens, tetri portas effringet Averni.
 M Sanctorum sed enim cunctae lux libera carni
 I Tradetur, fontes aeterna flamma cremabit.
 O Occultos actus retegens, tunc quisque loquetur
 M Secreta, atque Deus reserabit pectora luci.
 O Tunc erit et luctus, strident dentibus omnes.
 E Eripitur solis jubar et chorus interit astris.
 O Volvetur coelum, lunaris splendor obibit.
 I Dejiciet colles, valles extollet ab imo.
 I Non erit in rebus hominum sublime vel altum.
 I Iam aequantur campis montes, et caerula ponti
 O Omnia cessabunt, tellus contracta peribit.
 M Sic pariter fontes torrentur, fluminaque igni.

¹⁾ По русски: *Иисусъ Христосъ Сынъ Божій, Спаситель.*

M Sed tuba tum sonitum tristem demittet ab alto
 O Orbe, gemens facinus miserum variosque labores:
 T Tartareumque chaos monstrabit terra dehiscens.
 H Et coram hic Domino reges sistentur ad unum.
 R Recidet e coelis ignisque et sulphuris amnis ¹⁾.

Въ этихъ Латинскихъ стихахъ, какъ бы ни точно переводили она греческій текстъ, тамъ, гдѣ по-гречески поставлена буква Γ, нельзя было выдержать тотъ смыслъ, какой вы-

1) Сигналъ суда—увлажится земля потомъ.

Съ неба прійдетъ Царь, имѣющій царствовать во вѣки,
 Чтобы, присутствуя въплоти, судить міръ.
 Тогда узрять Бога невѣрный и вѣрный
 Превознесеннаго со святыми, въ самомъ концѣ уже вѣка.
 На судъ къ Нему предстануть души съ плотію: Онъ бу-
 детъ судать ихъ.

Нбо міръ лежитъ невоздѣланный подъ густыми терніями.
 Мужа побросаютъ. кумиры и все богатство.
 Пожретъ огонь землю и море и къ полюсу
 Пробираясь, сокрушить врата мрачнаго ада.
 Великой плоти святыхъ открыть будетъ свѣтъ,
 А преступниковъ будетъ жечь вѣчное пламя.
 Открывая тайныя дѣянія, каждый тогда будетъ говорить
 Сокровенное, и Богъ откроетъ свѣту изгибы сердца.
 Тогда будетъ плачь и заскрежешутъ всѣ зубами.
 Сіяніе солнца померкнетъ и мерцаніе звѣздъ прекратится.
 Небо совется и свѣтъ луны исчезнетъ.
 Опустятся холмы, поднимутся доли.
 Въ дѣлахъ человѣческихъ не окажется великаго или высокаго.
 И горы и моря уравниются съ полями
 Прекратится все, сокрушенная земля погибнетъ.
 Изсушатся огнемъ одинаково источники и рѣки.
 Тогда съ горняго міра раздастся печальный звукъ трубы,
 Оплакивающій злодѣйство и разныя бѣдствія несчастныхъ,
 Земля, разсѣвшись, откроетъ хаосъ тартара.
 Предъ Господомъ предстануть всѣ цари вмѣстѣ
 Съ неба польется потокъ огня и сѣры.

ходить, если соединить буквы, стоящія въ началѣ каждаго стиха; потому что нельзя было подыскать Латинскихъ словъ, которыя бы начинались съ этой буквы и соответствовали фразѣ. Такихъ стиховъ три: пятый, восемнадцатый и девятнадцатый. Но, если соединяя буквы, стоящія въ началѣ всѣхъ стиховъ, мы этихъ трехъ стиховъ читать не будемъ, а вмѣсто нихъ будемъ помнить букву Γ , которая именно въ этихъ мѣстахъ стоитъ: то получится пять словъ: Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель; но это—если будемъ читать по-гречески, а не по-латынѣ. Стиховъ всѣхъ двадцать семь: это число составляетъ полный тройной ввадрать. Ибо три, умноженные на три, даютъ девять, а само девять, взятое трижды, подобно тому, какъ если бы плоской фигурѣ мы давали высоту, дасть двадцать семь. Если первая буквы этихъ пяти греческихъ словъ: $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \Theta\epsilon\omicron\upsilon \text{I}\iota\omicron\varsigma \Sigma\omicron\tau\eta\rho$ — что по-латынѣ значить: Исусъ Христосъ Спаситель,—соединить вмѣстѣ; то получится слово, $\text{I}\chi\theta\upsilon\varsigma$, т. е. рыба. Подъ именемъ ея таинственно разумѣется Христосъ: потому что въ безднѣ настоящей смерти, какъ бы въ глубинѣ водъ, Онъ могъ оставаться живымъ, т. е. безгрѣшнымъ. Эта сивилла, Эритрейская ли она, или какъ думаютъ нѣкоторые, скорѣе Кумейская, во всѣхъ своихъ стихахъ, изъ которыхъ мы привели только маленькую частичку, не высказываетъ ничего такого, что относилось бы къ культу ложныхъ или измышленныхъ боговъ, и что напротивъ, не говорило бы противъ нихъ и ихъ чтилелей; такъ что и сама она, по-видимому, должна быть относима къ числу тѣхъ, которые принадлежатъ къ Граду Божію. Приводить и Лактанцій въ своемъ сочиненіи нѣкоторыя предсказанія сивиллы, не указывая, впрочемъ, какой именно. Но то, что онъ приводитъ порознь, и счелъ лучшимъ изложить вмѣстѣ: такъ какъ приводное имъ во многихъ мѣстахъ и въ краткихъ выраженіяхъ представляетъ одну пространную рѣчь.

„Онъ предасть себя потомъ, говорить, она, въ незаконныя руки невѣрныхъ: оскверненными руками дадутъ заушенія Богу и оплюютъ Его ядовитыми изверженіями нечистыхъ устъ; Онъ смиренно обнажитъ святой хребетъ для ударовъ. И принимая заушенія, Онъ будетъ молчать, дабы никто не зналъ, какое Онъ слово, или откуда Онъ пришелъ, чтобы говорить царству мертвыхъ, и увѣнчается терновымъ вѣнцемъ. Въ пищу дадутъ ему желчь, а для питья поднесутъ оцетъ: такую негостепріимную трапезу опредѣляютъ Ему. Неразумная, ты сама не познала Своего Бога, посмѣвающагося надъ умами смертныхъ; но увѣнчала Его терніями и примѣшала ужасную желчь. Завѣса же храма раздерется, и среди дня въ продолженіи трехъ часовъ будетъ темная ночь. Онъ умретъ смертію, три дня предаваясь сну, и тогда, вышедши изъ ада на свѣтъ, явится первый началомъ воскресенія для возвращенныхъ“. Эти сивиллины свидѣтельства Лактанцій приводилъ отрывочно въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія, но мѣрѣ того, какъ ему казалось, что ихъ требуютъ тѣ пункты, которые онъ старался доказать, мы съ своей стороны, не прерывая ихъ никакими вставками, а излагая въ видѣ одной связной рѣчи, позаботились только раздѣлить ихъ на параграфы, если, впрочемъ, послѣдующіе писатели удостоятъ удержать ихъ. По другимъ извѣстіямъ, сивилла Эритрейская жила не во время Ромула, а во время Троянской войны.

ГЛАВА XXIV.

О томъ, что въ царствованіе Ромула славились семь мудрецовъ, что въ это время десять колынь, называемыя Израилемъ, отведены были въ плынь Вавилонскій, и что Ромулъ послѣ смерти удостоенъ былъ божеской почести.

Сказываютъ, что въ царствованіе Ромула же жилъ Фалесъ Милетскій, одинъ изъ семи мудрецовъ, которые послѣ

поэтовъ-теологовъ, изъ числа коихъ наибольшю знаменитостію пользуется Орфей, названы были *σοφοί*, т. е. мудрецами. Въ тоже время десять колѣнъ, получившія въ раздѣленіи народа Божія имя Израиля, были побѣждены Халдеями и отведены плѣнниками въ ихъ страну, между тѣмъ какъ въ Иудейской землѣ оставались еще два колѣна, названныя именемъ Иуды и имѣвшія столицю Иерусалимъ. Когда и Ромула по смерти нигдѣ не оказалось, Римляне, какъ это извѣстно всѣмъ и каждому, включили и его въ число боговъ. Тогда уже перестали это дѣлать, и если дѣлали послѣ, во времена цезарей, то только изъ лести, а не вслѣдствіе заблужденія. Поэтому Цицеронъ ставитъ въ великую похвалу Ромулу, что этой почести удостоенъ онъ не въ грубыя и невѣжественныя времена, когда люди легко ошибались, а во времена просвѣщенныя и цивилизованныя; хотя, впрочемъ, тогда еще не была ключемъ и не расплочалась утонченная и остроумная болтовня философская. Но если въ позднѣйшее время перестали включать умершихъ людей въ число боговъ, то не перестали чтить и имѣть за боговъ тѣхъ, которые включены были въ ихъ число древними; увеличили даже соблазнъ пустаго и нечестиваго суевѣрія прибавкою идоловъ, которыхъ древніе не знали; и это—по дѣйствию въ ихъ сердце нечестныхъ демоновъ, обольщавшихъ ихъ притомъ ложными образами до такой степени, что они въ угоду своимъ ложнымъ божествамъ представляли въ гнусныхъ играхъ баснословныя преступленія боговъ, хотя въ этотъ, сравнительно болѣе просвѣщенный, вѣкъ преступленія эти уже не измышлялись. Послѣ Ромула царствовалъ Нума. Онъ счелъ нужнымъ огрaдить Римъ такимъ множествомъ ложныхъ боговъ, что самъ по смерти не удостоился быть включеннымъ въ число ихъ: небо представлялось до такой степени переполненнымъ божествами, что ему не могло найдтись тамъ мѣста. Сказыва-

ють, что во время его царствованія въ Римѣ и въ началѣ царствованія у Евреевъ нечестиваго царя Манассіи, убившаго какъ извѣстно, пророка Исаію, жила сивилла самосская.

ГЛАВА XXV.

Какіе философы славились въ царствованіе Римскаго царя Тарквинія Древняго и Еврейскаго Седекіи, когда Иерусалимъ былъ взятъ и храмъ разрушенъ.

Въ царствованіе у Евреевъ Седекіи, а у Римлянъ Тарквинія Древняго, бывшаго премникомъ Апку Марцію, народъ Іудейскій отведенъ въ плѣнъ Вавилонскій, а Іерусалимъ и храмъ, построенный Соломономъ, разрушены. Событія эти предсказывали пророки, обличавшіе Іудеевъ въ ихъ беззаконіи и нечестіи, особенно Іеремя, который опредѣлялъ даже и число лѣтъ плѣна (Іер. XXV, 11). Въ это время, говорятъ, жилъ Питтакъ Мителенскій, второй изъ семи мудрецовъ. А во время пребыванія народа Божія въ плѣну Вавилонскомъ, жили, какъ пишетъ Евсевій, и остальные пятеро, которые съ вышеупомянутыми Фалесомъ и этимъ Питтакомъ счисляются въ числѣ семи. Это именно Солонъ Аѳинскій, Хилонъ Лаведемонскій, Періандеръ Коринѳскій, Клеобуль Липдскій и Біасъ Пріѳнскій. Всѣ они, названные семью мудрецами, приобрѣли послѣ поэтовъ-теологовъ знаменитость тѣмъ, что превосходили прочихъ людей нѣкоторымъ похвальнымъ родомъ жизни и въ краткихъ изреченіяхъ изложили нѣкоторыя нравственныя правила. Но по отношенію къ наукамъ они не оставили потомству ничего достопамятнаго, за исключеніемъ того, что Солонъ, какъ утверждаютъ, составилъ для Аѳинянъ нѣкоторые законы; Фалесъ же былъ физикъ и оставилъ послѣ себя сочиненія, излагающія его ученіе. Во время Іудейскаго же плѣна процвѣтали и физики Анаксимандръ, Анаксименъ и Ксенофанъ. Тогда же жилъ и Пифагоръ, отъ котораго философы получили свое названіе.

ГЛАВА XXVI.

О томъ, что въ то время, когда по истеченіи семидесяти лѣтъ окончился плѣнъ Іудеевъ, освободились и Римляне отъ царской власти.

Въ теченіе этого времени Киръ, царь Персидскій, власть котораго простиралась на Халдеевъ и Ассиріянъ, облегчивъ немного плѣнъ Іудеевъ, дозволялъ, пятидесяти тысячамъ человекъ изъ нихъ, возвратиться для построенія храма. Ими былъ заложенъ только фундаментъ и устроенъ алтарь. Продолжить постройку вслѣдствіе набѣговъ непріятельскихъ они никакъ не могли, и дѣло затянулось до Дарія. Въ теченіе того же времени совершились и тѣ событія, которыя описываются въ книгѣ Іудеевъ: книгу эту іудеи благоразумно не приняли въ канонъ Писаній. Во время Дарія, царя Персидскаго, по исполненіи семидесяти лѣтъ, предсказанныхъ пророкомъ Іереміею, Іудеямъ, по освобожденіи отъ плѣна, возвращена была свобода, при седьмомъ царѣ Римскомъ Тарквиніѣ. По изгнаніи Тарквинія освободились и Римляне отъ царской власти. До этого времени народъ Израильскій имѣлъ пророковъ: хотя ихъ было и много, но отъ немногихъ и у Іудеевъ, и у насъ сохранились каноническія писанія. Забавчивая предыдущую книгу, я обѣщала въ настоящей сказать кое-что о нихъ: что и считаю теперь своею обязанностію исполнить.

ГЛАВА XXVII.

О временахъ пророковъ, пророчества которыхъ изложены въ книгахъ, и которые многое говорили о призваніи язычниковъ въ то время, когда началось Римское государство и окончилось Ассирійское.

Чтобы опредѣлить время этихъ пророковъ, вернемся нѣсколько назадъ. Въ началѣ книги пророка Осіи, который

считается первымъ въ ряду двѣнадцати, написано слѣдующее: *Слово Господне, еже бысть ко Осіи, во днехъ Осіи, и Іоавана и Ахаза, и Іезекіи царей Іудимыхъ* (Ос. I, 1). Амосъ также пишетъ, что онъ пророчествовалъ во дни царя Осіи, прибавляя еще и царя Іеровоама, который жилъ въ тѣ же дни (Амос. I. 1). Точно также и Исаія, сынъ Амоса, или только-что упомянутого пророка, или же, какъ больше думаютъ, другаго Амоса, который, не будучи пророкомъ, назывался такимъ же именемъ, въ началѣ своей книги называетъ тѣхъ же самыхъ четырехъ царей, во дни которыхъ онъ пророчествовалъ, какихъ называетъ и Осія. Равно и Михей указываетъ тѣ же самыя времена своего пророчествованія, только послѣ дней Осіи. Ибо онъ называетъ послѣдующихъ трехъ царей, которыхъ называетъ и Осія: Іоавана, Ахаза и Езекию (Мих I, 1). Всѣ они, какъ видно изъ ихъ же книгъ, пророчествовали вмѣстѣ въ одно и тоже время. Къ нимъ присоединяются Іона, (пророчествовавшій) въ царствованіе того же царя Осіи, и Іоиль, (пророчествовавшій) тогда, когда уже царствовалъ Іоаванъ, преемникъ Осіи. Но время этихъ двухъ пророковъ мы могли опредѣлить по хроникамъ, а не по ихъ книгамъ, такъ какъ сами они о своемъ времени умалчиваютъ. Продолжается же этотъ періодъ времени отъ Латискаго царя Проки, или его предшественника Авеитина, до времени Вомула, царя уже Римскаго, или даже до первыхъ годовъ царствованія преемника его Нумы Помпидія; ибо до этого времени царствовалъ въ Іудеѣ царь Езекиа. Такимъ образомъ эти, такъ сказать, вѣсны пророчества пробилась одновременно тогда, когда Ассирійское царство разрушилось, а Римское началось; такъ что, какъ въ первое время Ассирійскаго царства жилъ Авраамъ, которому даны были явнѣйшія обѣтованія о благословеніи въ сѣмени его всѣхъ народовъ: такъ въ началѣ западнаго Вавилона, во времена владычества котораго имѣлъ явиться

Христосъ, въ Коемъ обѣтованія тѣ исполнились, раздались предсказанія пророковъ не только говорившихъ, но и писавшихъ во свидѣтельство этого великаго будущаго событія. Ибо хотя въ Израильскомъ народѣ никогда почти не было недостатка въ пророкахъ съ того времени, какъ у него явились цари, но служеніе ихъ касалось только Евреевъ, а не язычниковъ. Появленіе же тѣхъ болѣе ясныхъ пророческихъ писаній, которыя нѣкогда должны были принести пользу язычникамъ, должно было начаться съ того времени, когда сталъ строиться городъ, имѣвшій быть владыкою надъ язычниками.

ГЛАВА XXVIII.

О томъ, что въ пророчествахъ Осія и Амоса относится къ Евангелію Христа.

Пророкъ Осія тѣмъ труднѣе для уразумѣнія, чѣмъ глубже говоритъ онъ. Но нѣчто изъ всего мы должны взять и изъяснить здѣсь согласно нашему обѣщанію. *И будетъ, говоритъ онъ, на мѣсть, на нѣмже речеся имъ: не людіе мои вы, сіи тамо прозовутся сынове Бога живаго* (Осія, I, 10). Это пророческое свидѣтельство о призваніи народа изъ язычниковъ, прежде Богу не принадлежавшаго, въ этомъ же смыслѣ поняли и апостолы (Римл. IX. 26). А такъ какъ и этотъ народъ языковъ по духу принадлежитъ къ чадамъ Авраама, и потому правильно называется Израилемъ: то пророкъ, продолжая рѣчь, говоритъ: *И соберутся сынове Іудины и сынове Израилевы купити, и поставятъ себѣ власть едину и изыдутъ отъ земли* (I, 11). Если бы мы захотѣли еще болѣе разъяснить это мѣсто, то затемнили бы только смыслъ пророческой рѣчи. Припомнимъ однакоже извѣстный камень краеугольный и двѣ стѣны, одну изъ Іудеевъ, а

другую язъ язычниковъ (Ефес. II, 14, 15; 20—22): первая узнается подъ именемъ сыновъ Іудинныхъ, вторая подъ именемъ сыновъ Израилевыхъ,—обѣ вмѣстѣ опираются на одну и ту-же вѣрность того камня и восходятъ отъ земли. Отѣхъ же плотскихъ Израилтянахъ, которые теперь не хотятъ вѣровать во Христа, но увѣруютъ впоследствии, т. е. о сынахъ ихъ (ибо тѣ путемъ смерти отыдутъ въ свое мѣсто), тотъ же пророкъ свидѣтельствуеъ говоря: *Зане дни многи сядутъ сынове Израилевы не сушу царю, ни сушу князю, ни сушей жертвы, ни сушу жертвеннику, ни жречеству, ниже явленіямъ* (Ш, 4). Кому не ясно, что Іудеи въ настоящее время находятся въ такомъ именно положеніи? Но послушаемъ, что пророкъ прибавляетъ: *И посемъ обратятся сынове Израилевы, и възышутъ Господа Бога своего и Давида царя своего и почудятся о Господь и о благостехъ Его въ послѣдняя дни* (Ш, 5). Яснѣ этого пророчества ничего не можетъ быть, если подъ именемъ Давида разумѣть Христа, бывшаго, какъ говоритъ апостоль, *отъ сѣмени Давидова по плоти* (Римл. I, 3). Пророкъ предсказалъ еще и будущее воскресеніе Христа въ третій день, какъ оно должно было быть предсказаннымъ на возвышенномъ пророческомъ языкѣ: *Испълнитъ ны, говорить, о двою дню, въ день третій воскреснемъ* (VI, 3). Согласно съ этимъ апостоль говоритъ намъ: *Аще воскреснете со Христомъ, вышнихъ ищите* (Колос. III, 1). О подобныхъ предметахъ пророчествуеъ также и Амось: *Уготовися, говорить, призвати Бога твоего, Израилю: се Азъ утверждаю громъ и созидаю вѣтръ и възпячая въ челоуцнхъ Христа своего* (IV, 12, 13). И въ другомъ мѣстѣ: *Въ той день возставлю скиню Давидову падиую, и возгражду падиая ея и раскопанная ея возставлю, и возгражду якоже днѣ вѣка: яко да възышутъ Мене оставиися че-*

ловцы и вси языцы, въ нихже призванъ имя Мое въ нихъ, глаголетъ Господь, творяй сія вся (IX, 11, 12).

ГЛАВА XXIX.

Что предсказано о Христв и о Церкви Исаію.

Пророкъ Исаія не принадлежитъ къ числу двѣнадцати пророковъ, которые называются малыми, потому что рѣчи ихъ отличаются краткостію въ сравненіи съ рѣчами большихъ пророковъ, называемыхъ такъ потому, что они написали пространныя книги. Къ числу этихъ большихъ принадлежитъ Исаія, котораго я присоединяю къ двумъ выше приведеннымъ во вниманіе къ тому, что онъ пророчествовалъ въ одно съ ними время. Обличая грѣхъ, наставляя правдѣ и предсказывая грѣшному народу грядущія несчастія, Исаія больше, чѣмъ другіе пророчествовалъ о Христв и о Церкви, т. е. о Царѣ и созданномъ Имъ градѣ; такъ что нѣкоторые называютъ его скорѣе евангелистомъ, чѣмъ пророкомъ. Но чтобы не увеличивать объема сочиненія, я въ настоящемъ мѣстѣ изъ многого приведу лишь одно. *Се уразумеетъ отрокъ Мой, говоритъ пророкъ отъ лица Бога Отца, и вознесется, и прославится зѣло. Якоже ужаснутся о тебѣ мнози, тако обезславится отъ чловѣкъ видѣ твой, и слава твоя отъ сыновъ чловѣческихъ. Тако удивятся языцы мнози о немъ, и заградятъ царіе уста свои: яко имже не возвьстися о немъ, узрятъ, и имже не слышаша, уразумеютъ. — Господи, кто върова слуху нашему, и мышца Господня кому открься? Возвьстимомъ, яко отроци предъ нимъ, яко корень въ земли жаждущей, нсть вида ему ниже слава, и видѣхомъ его,*

и не имаше вида, ни доброты. Но видъ его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человеческихъ: человекъ въ язвъ сынъ и въдыи терпѣти болѣзнь, яко отвергнися лице его, безчестно бысть, и не вмѣнися. Сей грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуеть, и мы вмѣнникомъ быти въ трудъ и въ язвъ отъ Бога и въ озлобленіи. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на немъ: язвою его мы исцѣльхомъ. Все яко овцы заблудихомъ: человекъ отъ пути своего заблуди, и Господь предаде его грѣхъ ради нашихъ. И той зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ: яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Во смиреніи его судъ его взятся: родъ же его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животъ его, ради беззаконій людей Моихъ ведеса на смерть. И дамъ лукавыя вмѣсто погребенія его и богатыя вмѣсто смерти его: яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеса лествъ во устѣхъ его. И Господь хочетъ очистити его отъ язвы: аще дастся о грѣхъ, душа ваша узритъ сѣмя долгоживотное. И хочетъ Господь рукою своею отзяти болѣзнь отъ души его, явити ему свѣтъ, и создати разумомъ, оправдати праведнаго благо служаща многимъ, и грѣхи ихъ той понесетъ. Сего ради той наслѣдитъ многихъ, и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти: зане предана бысть на смерть душа его, и со беззаконными вмѣнися, и той грѣхи многихъ вознесе, и за беззаконія ихъ преданъ бысть (ЛII, 13—15; ЛIII, 1—12). Это — о Христвѣ.

Теперь послушаемъ, что пишетъ онъ далѣе о Церкви. Возвеселися, говорить, неплоды нераждающая, возгласи и

возопій нечревоболтвшія, яко многа чада пустыя, паче нежели имуція мужа. Рече бо Господь: расшири мѣсто кущи твоея и покрововъ твоихъ, воздрузи, не пощади, продолжи ужа твоя и колія твоя укрьти. Еще на десно и на лѣво простри: и стѣмя твое языки насмѣдять, и грады опустѣвшія населити. Не бойся, яко посрамлена еси, ниже устыдися, яко укорена еси: понеже срамоту вѣчную забудеши и укоризны вдовства твоего не помянеши кому. Яко Господь творилъ тя, Господь Сиваоуз имя ему: и избавивый тя Святый Богъ Израилевъ всей земли прозвется (LIV, 1—5), и проч. На этомъ и остановимся. Кое что въ словахъ этихъ требуетъ объясненія; но, думаю, есть въ нихъ достаточно и настолькоъ яснаго, что ихъ по-неводѣ должны будутъ понять даже и противники.

ГЛАВА XXX

Что въ пророчествахъ Михея, Іоны и Іоилы имѣетъ отношеніе къ новому завѣту.

Пророкъ Михей, представляя Христа подъ образомъ вѣ-которой великой горы, говоритъ: *И будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня, уготована надъ верхи горъ и вознесетъ выше холмовъ, и потицатся къ ней людіе. И приидутъ языци мнози и рекутъ: приидите, взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля: и покажутъ намъ путь его, и пойдѣмъ по стезямъ его, яко отъ Сіона изыдетъ законъ, и слава Господня изъ Іерусалима. И разсудитъ средѣ людей многихъ, и изблечитъ языки крѣпки даже до земли дальня (IV, 1—3).*

Пророкъ указываетъ и мѣсто, въ которомъ родился Христосъ: *И ты, говоритъ, Вилееле, доме Ехбраовъ, еда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Иудиныхъ? Изъ тебе бо мнѣ изыдетъ Старыйшина, еже быти въ князя во Израили, исходи же его изъ начала отъ дней вѣка. Сего ради дастъ я, до времени рождающія породитъ, и прочіи отъ братіи ихъ обратятся къ сынамъ Израилевымъ. И станутъ, и узритъ, и упасетъ паству свою крѣпостію Господь и въ славу имене Господа Бога своего пребудетъ: зане нынѣ возвеличится даже до концевъ земли (V, 2—4).*

Пророкъ же Іона пророчествовалъ о Христѣ не столько словами, сколько нѣкоторымъ своимъ страданіемъ, но гораздо яснѣе, чѣмъ если-бы провозглашалъ о Его смерти и воскресеніи словами. Ибо для чѣго онъ былъ поглощенъ китомъ и на третій день изверженъ, если не для того, чтобы знаменовать Христа, на третій день возвратившагося изъ глубины ада?

Пророчества Іония въ своемъ полномъ составѣ требуютъ пространнаго изложенія, чтобы ясно было, что относится въ нихъ во Христу и Церкви. Однако, я приведу одно его пророчество, которое приведено и апостолами, когда на соборныхъ вѣрующихъ, по обѣтованію Христа, сошелъ Духъ Святой (Дѣян. II, 17, 18): *И будетъ, говоритъ, по сихъ, и излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши, и дочери ваши, и старцы ваши сонія узрятъ, и юноты ваши видѣнія увидятъ. Ибо на рабы Моя, и на рабыни Моя во дни оны излію отъ Духа Моего (Іона II, 28).*

ГЛАВА XXXI.

Какія пророчества о спасеніи міра во Христѣ находятся у Авдія, Наума и Аввакума.

Три пророка изъ числа малыхъ, Авдій, Наумъ и Аввакумъ, сами не говорятъ о времени своего пророчества; не

указывается, когда они пророчествовали, и въ хроникахъ Евсевія и Иеронима. Правда, Авдія они ставятъ вмѣстѣ съ Михеемъ, но не на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣчены годы, когда, какъ извѣстно изъ его же книги, пророчествовалъ Михей, что, по моему мнѣнію, произошло отъ ошибки небрежно переписывавшихъ чужіе труды. Другихъ же двухъ упомянутыхъ мы не могли отыскать въ имѣющихся у насъ спискахъ хроникъ; но такъ какъ въ канонѣ они содержатся, то мы не могли обойти и ихъ. Авдій, по объему своей книги кратчайшій изъ всѣхъ пророковъ, говоритъ противъ Идумей, т. е. народа Исава, отвергнутаго первенца изъ двухъ сыновей-близнецовъ Исаака, внуковъ Авраама. Если допустимъ, что по способу выраженія по которому часть принимается вмѣсто цѣлаго, Идумея поставлена вмѣсто язычниковъ, то можемъ разумѣть о Христѣ слѣдующія слова пророка: *Въ гору же Сіони будетъ спасеніе, и будетъ свята* (17), и нѣсколько далѣе, въ самомъ концѣ пророчества: *И въздуть спасаеміи отъ горы Сіони, еже отмстити гору Исаваю: и будетъ царство Господеви*. Ибо ясно, что это исполнилось, когда спасаемые отъ горы Сіона, т. е. вѣрующіе во Христа изъ Іудей, подъ которыми главнымъ образомъ разумѣются апостолы, взошли, чтобы защитить гору Исава. А въ чемъ состояла эта защита, какъ не въ томъ, что проповѣданіемъ евангелія они устроили спасеніе тѣхъ, которые увѣровали, дабы избавиться отъ власти тмы и вступить въ царство Божіе? Это заключительными словами и выразилъ пророкъ, прибавивъ: *И будетъ царство Господеви*. Ибо гора Сіонъ означать Іудею, гдѣ по предсказанію имѣло совершиться спасеніе и святое, т. е. Іисусъ Христосъ: подъ горою же Исава разумѣется Идумея, знаменующая языческую церковь, которую, какъ объяснилъ я, защищаютъ спасаемые отъ Сіона, дабы она сдѣлалась царствомъ Господу. Это было темно, пока не сбылось; но кто изъ вѣрующихъ не знаетъ, что оно сбылось?

Пророкъ же Наумъ, или лучше самъ Богъ чрезъ него, говорить: *Потреблю изваянная и слянная; положу гробъ твой; яко се скоры на горахъ ноги благовѣствующаго и возвыщающаго миръ. Празднуй Іудѣ праздники твоя, воздаждь обѣты твоя: зане не приложатъ ктому, еже противи сквозъ тебе во обѣщаніе. Совершено, уничтожено, отъято. Взыде вдыхая въ лице твое, отземляй отъ оскорбленія* (I, 14, 15; II, 1). Кто помнитъ евангеліе, тотъ догадается, Кто восшелъ отъ преисподней и вдохнулъ въ лице Іуды, т. е. учениковъ Іудеевъ, Святаго Духа. Тѣ, празднества вторыхъ духовно такъ обновляются, что не могутъ приходить въ обѣщаніе, принадлежать новому завѣту. Мы видимъ затѣмъ, что изваянная и слянная, т. е. кумиры ложныхъ боговъ, истреблены уже евангеліемъ и преданы забвенію, какъ-бы гробу; и узнаемъ такимъ образомъ, что пророчество исполнилось и въ этомъ пунктѣ.

Въ слѣдующихъ словахъ Аввакума о чемъ иномъ говорится, какъ не объ имѣвшемъ быть пришествіи Христа: *И отецца Господь ко мнѣ и рече: Впиши видѣніе явъ на дскѣ, яко да постигнетъ читаяй я. Зане еще видѣніе на время, и просіяетъ въ конецъ, а не сѣуще: аще умедлитъ, потерпи ему, яко идый пріидетъ и не умедлитъ* (II, 2, 3)?

ГЛАВА XXXII.

О пророчествѣ, содержащемся въ молитвѣ и пѣсни Аввакума.

А въ своей молитвѣ и пѣсни кому, какъ не Господу Христу, говорятъ онъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой и убоялся; Господи, разумьхъ дѣла Твоя и ужасохся?* Ибо что означаютъ эти слова, какъ не поддающееся выраженію въ словахъ удивленіе предугаданному, новому, и неожиданному спасенію людей? *Посредь двою животну по-*

знакъ будещи:—это что значить, какъ не среди двухъ завѣтовъ, или среди двухъ разбойниковъ, или среди Моисея и Иліа, на горѣ съ нимъ бесѣдовавшихъ? *Внегда приближится льтоу, познаешия: внегда приити времени, явишия*: слова не требующія и объясненія. *Внегда смутится души моей во гнѣвъ, милость твою помянеши*: что значить, какъ не то, что (пророкъ) представляетъ въ своемъ лицѣ Іудеевъ, къ коимъ принадлежалъ по своему происхожденію? Смутенные великимъ гнѣвомъ, они пригвоздили ко кресту Христа, а Онъ, помяная милосердіе, говорилъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ-бо что творятъ* (Лув. XXIII, 34)? *Богъ отъ Ѳеманъ придетъ, и святой изъ горы пріосѣненныя чащи*. Выраженіе *отъ Ѳеманъ* нѣкоторые переводятъ *отъ юга*, или *изъ Африки*, чѣмъ означается полдень, т. е. пламень любви и блескъ истины. Тѣнистую же и чащею покрытую гору можно объяснять различно; но я охотнѣе разумѣлъ бы подъ нею возвышенность божественныхъ писаній, пророчествовавшихъ о Христѣ. Ибо тамъ много предметовъ, покрытыхъ тѣнью и мракомъ, которые даютъ упражненіе уму изслѣдователя. А приходитъ онъ оттуда, когда его находятъ тамъ тотъ, кто ихъ уразумѣваетъ. *Покры небеса добродѣтель его, и хваленія его исполнь земля*: что это значить, какъ не тоже самое, что говорится и въ псалмѣ: *Вознесися на небеса Боже и по всей землѣ слава Твоя* (LVI, 6)? *И сіяніе его яко свѣтъ будетъ*, т. е. слава о Немъ просвѣтитъ вѣрующихъ. *Рози въ рукахъ его*: что другое, какъ не знакъ побѣды крестной? *И положи любовь державну крѣпости своя*: не требуетъ даже и объясненія. *Предъ лицемъ его предвидетъ слово, и изыдетъ на поле по стопамъ его*: что другое значить, какъ не то, что о Немъ предвозвѣщено было прежде, чѣмъ пришелъ Онъ сюда, и проповѣдано послѣ того, какъ отошелъ отсюда? *Ста и подвижется земля*: не то ли значить, что Онъ сталъ,

чтобы оказать помощь, и *подвижесе земля*, чтобы увѣр-
 вать. *Призръ, и растаяша языцы*, т. е. сжалился и обра-
 тилъ народы въ покаянію. *Стрышася горы нуждею*: т. е.
 силою чудесъ сокрушена гордость надменныхъ. *И растаяша*
холми вѣчнии, т. е. уничижены на время, чтобы быть воз-
 величенными вѣчно. *Шествія вѣчная ея за трудъ видѣхъ*,
 т. е. видѣлъ подвигъ любви, получившій вѣчную на-
 граду. *Шатры Евїонскія убоятся и шатры земли*
Мадїамскія: т. е. народы, уstraшенные внезапною вѣстію
 о чудесахъ твоихъ, даже и не входящіе въ составъ Имперіи
 Римской, войдутъ въ нѣдра народа христіанскаго. *Еда въ*
ръкахъ прогнѣваешися, Господи? Еда въ рѣкахъ ярость
Твоя? или въ море устремленіе Твое? Это сказано потому,
 что Онъ пришелъ теперь не для того, чтобы судить міръ,
 но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него (Іоан. III, 17).
Яко всядеши на кони твоя и поѣздъ твой спасеніе: т. е.
 тебя повесутъ евангелисты твои, тобою управляемые, п
 евангеліе твое—спасеніе для тѣхъ, которые увѣруютъ въ
 Тебя. *Налѣцая налѣчеша лукъ твой на скиптры, глаго-*
летъ Господь, т. е. будешь угрожать судомъ своимъ даже
 царямъ земли. *Рѣками разсѣдется земля*: т. е. когда
 польются рѣчи проповѣдающихъ о Тебѣ, отверзутся для
 исповѣданія сердца людей, которымъ сказано: *Расторгните*
сердца ваша, а не ризы ваша (Іоан. II, 13). Что значить:
Узрятъ тя и поболѣтъ людїе, какъ не то, что будутъ
 блаженными, проливая слезы? Что значить: *Расточая воды*
шествіемъ, какъ не то, что проходя здѣсь и тамъ въ лицѣ
 повсюду благовѣствующихъ о Тебѣ, ты разливаешь потоки
 ученія? Что значить: *Даде бездна гласъ свой?* Не глубина ли
 человѣческаго сердца выявила то, что ему представляется?
Высота привидѣнія своего: это—какъ бы объясненіе преды-
 дущаго стиха, ибо высота тоже, что и бездна. При сло-
 вахъ же: *привидѣнія* своего, нужно подразумѣвать *даде*

гласъ, т. е., какъ сказали мы, выявила, что ему представляется. Ибо привидѣніе означаетъ предетавленіе, но такое, которое оно не удержало про себя, не скрыло, а выявило своимъ исповѣданіемъ. *Раздвижеса солнце и луна ста въ чинъ своемъ*: т. е. Христось вознесся на небо, а церковь учреждена подъ управленіемъ Царя своего. *Во свѣтъ стрѣлы твоя пойдутъ*: т. е. слова твои понесутся не скрытыми, а явными. *Въ блистаніи молній оружіи твоихъ*—подразумѣвается *стрѣлы твоя пойдутъ*. Ибо Онъ говорилъ ученикамъ своимъ: *Еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцете во свѣтъ* (Мф. X, 27). *Прещеніемъ умалиши землю*: т. е. смпришь людей угрозою. *И яростію низложиши языки*: т. е. тѣхъ, которые превозносятся, сокрушаешь наказаніями. *Изшелъ еси во спасеніе людей Твоихъ, спасти помазанныя Твоя, вложилъ еси во главы беззаконныхъ смерть*: изъ этого ничто не требуетъ объясненія. *Воздвиглъ еси узы даже до выи*. Здѣсь можно разумѣть благія узы мудрости, чтобы на ноги надѣты были путы ея, а на шею—ея цѣпь. *Разстѣклъ еси во изступленіи*—подразумѣвается—*узы*: ибо Онъ пробудилъ добро, пресѣвъ зло, о которомъ Ему говорится: *растерзалъ еси узы моя* (Псал. 115, 7); и это—*во изступленіи*, т. е. удивительнымъ образомъ. *Главы сильныхъ сотрясутся въ ней*, т. е. въ удивленности. *Обнаружатъ угрызенія своя, яко снѣдаяи нищій тай*. Ибо нѣкоторые изъ вельможъ іудейскихъ, удивляясь Его дѣламъ и словамъ, приходили въ Господу, и чтобы утолить голодь, вкушали хлѣбъ Его ученія тайно, страха ради Іудейска, какъ рассказываетъ о нихъ Евангеліе (Іоан. XIX, 38). *И навелъ еси на море кони твоя смущающія воды многи*: это—не что иное, какъ многіе народы. Ибо одни не обратились бы изъ страха, другіе не преслѣдовались бы съ яростію, еслибы не были приведены въ смятеніе всѣ. *Усмотрѣлъ, и убояся седеце мое, отъ гласа молитвы устенъ моихъ, и видѣ*

трепетъ въ кости моя, и во мнѣ смятется крѣпость моя. Обратилъ онъ вниманіе на то, о чемъ говорилъ, и самъ утрашился своей рѣчи, которая изливалась у него пророчески и въ которой созерцалъ онъ будущее. Ибо, при смущеніи народовъ многихъ, видѣлъ непрерывныя скорби церкви, сознавалъ себя постоянно ея членомъ, и потому говорить: *Почію въ день скорби моя*,—говорить, какъ принадлежащій въ числу упованіемъ радующихся, скорби терпящихъ (Римл. XII, 12). *Да възду*, говоритъ, *въ люди пришельствія моего*: удаляется рѣшительно отъ злобнаго народа, родственнаго ему по плоти,—народа не странствующаго на сей землѣ и не ищущаго горняго отечества. *Зане смоковь не плодопринесетъ и не будетъ рода въ лозахъ: солжетъ дѣло маслинное и поля не сотворятъ яди: оскудѣша овцы отъ пищи, и не будетъ воловъ при яслѣхъ.* Пророкъ видитъ, что народъ тотъ, который имѣлъ убить Христа, теряетъ изобиліе духовныхъ богатствъ, которыя, по пророческому обычаю, представляетъ подъ видомъ земнаго плодородія. И такъ какъ народъ этотъ заслужилъ гнѣвъ Божій потому, что, не зная правды Божіей, захотѣлъ установить свою, то вслѣдъ за тѣмъ говорить: *Азъ же о Господь возрадуюся, возвеселюся о Бозь Спасъ моему.* *Господь Богъ мой сила моя и учинитъ нозъ мои на совершеніе: и на высокая возводитъ мя, еже побѣдити ми въ пѣсни Его* (Аввак. III), т. е. въ той пѣсни, о которой нѣчто подобное говорится въ псалмѣ: *И постави на камени нозъ мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста моя пѣснь нову, дѣніе Богу нашему* (Псал. XXXIX, 3, 4). И такъ, тотъ побѣждаетъ въ пѣсни Господа, кто доставляетъ удовольствіе похвалою Ему, а не самому себѣ, соотвѣтственно выраженію: *хвалйся о Господь да хвалится* (1 Кор. I, 31). Но, на мой взглядъ, нѣкоторые кодексы, въ коихъ стоитъ: *Возвеселюся о Бозь Іисусъ моему* излагаютъ это

мѣсто лучше, чѣмъ тѣ, которые, желая это мѣсто перевести по латыни, не поставили самого имени, называть которое для насъ гораздо любезнѣе и пріятнѣе.

ГЛАВА XXXIII.

Что въ пророческомъ Духѣ предсказали о Христѣ и призваніи язычниковъ Іеремія и Софонія.

Пророкъ Іеремія принадлежитъ въ числу пророковъ большихъ, какъ Исаія, а не малыхъ, какъ прочіе, изъ писаній которыхъ я уже нѣчто привелъ. Онъ пророчествовалъ, когда въ Іерусалимѣ царствовалъ Осія, а у римлянъ Анкъ Марцій, и когда приближалось уже время іудейскаго плѣна. Продолжалъ онъ пророчествованіе до пятаго мѣсяца плѣна, какъ это видимъ мы изъ его писаній. Рядомъ съ нимъ мы ставимъ Софонію, одного изъ малыхъ. Ибо послѣдній самъ говоритъ, что пророчествовалъ во дни Осіи (Соф. I, 1), хотя и не указываетъ, до какого времени. Такимъ образомъ, Іеремія пророчествовалъ во времена не только Анка Марція, но и Тарквинія Древняго, который былъ пятымъ царемъ у Римлянъ. Ибо послѣдній уже началъ царствовать, когда этотъ плѣнъ случился. Итакъ, пророчествуя о Христѣ, Іеремія говоритъ: *Духъ лица нашего Христосъ Господь ятъ бысть въ растлѣніихъ нашихъ* (Плач. IV, 20), указывая въ такихъ братскихъ словахъ, что Христосъ Господь нашъ и что Онъ пострадалъ за наши грѣхи. И въ другомъ мѣстѣ онъ также говоритъ: *Сей Богъ нашъ, не взымится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку своему и Израилю возлюбленному отъ него. Посемъ на земли явися и съ чловѣки пожиле* (Варух. III, 36—38). Нѣкоторые это свидѣтельство приписываютъ не Іереміи, а его писцу, котораго назывался Варухомъ; но болѣе распространенное мнѣніе считаетъ его Іереміинымъ. О

Христѣ говоритъ пророкъ еще и въ слѣдующихъ словахъ: *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и возставлю Давиду отпрыскъ праведный и царствовать будетъ царь и премудръ будетъ и сотворитъ судъ и правду на земли. Во днѣхъ его спасетсѧ Іуда и Израиль пребудетъ въ надежди, и сіе имя ему, имяже нарекутъ Его, Господь праведенъ наизъ* (Іер. XXIII, 5; 6). О призваніи же язычниковъ, которое имѣло послѣдовать и которое мы видимъ нынѣ исполненнымъ, онъ говоритъ такъ: *Господи Боже мой, и приближище мое во днѣхъ злыхъ: къ тебѣ языцы придутъ отъ послѣднихъ земли и рекутъ: Воистину лживыхъ стяжаша отцы наша идоловъ, и нѣсть въ нихъ пользы* (XVI, 19). А что его не познаютъ Іудеи, отъ которыхъ Ему надлежало быть убитымъ, это пророкъ даетъ понять такимъ образомъ: *Отягчено сердце всѣмъ, и человекъ есть и кто познаетъ Его* (XVII, 9)? Іереміи же принадлежитъ и извѣстное пророчество о Новомъ Завѣтѣ, Ходатай котораго есть Христосъ, изложенное мною въ семнадцатой книгѣ¹⁾. Ибо это—слова Іереміи: *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину завѣтъ новъ* (XXXI, 31), и проч., что тамъ читается.

Что касается пророка Софоніи, пророчествовавшаго съ Іереміею, я приведу здѣсь слѣдующія его предсказанія о Христѣ: *Сего ради потерти Мене, глаголетъ Господь, въ день воскресенія Моего на будущее: зане судъ Мой въ сонмища языковъ еже собрать царей* (III, 8). И еще: *Ужасенъ Господь на нихъ и потребитъ вся боги земные; и поклонятся Ему кійжедо отъ мѣста своего, вси острови язычестви* (II, 11). И вѣсколько ниже: *Яко тогда, говорить, обращу языкъ въ людей и въ родъ Его, еже призы-*

¹⁾ Выше кн. XVII. гл. 3.

вати всьмъ имя Господне, работати Ему подъ игомъ единымъ. Отъ конецъ рѣкъ Евіопскихъ принесутъ жертвы Мнѣ. Въ день онъ не имаша постыдиться отъ всѣхъ начинаній твоихъ, имже нечествовалъ еси въ Мя: яко тогда отъиму отъ тебе укоризны досажденія твоего, и кому не имаша приложити величатися на гортъ святый Моей. И оставлю въ тебѣ люди кроткии и смиренныи и убоятся о имени Господни останцы Израилевы (Ш, 9--13). Это тѣ останки, о которыхъ находится пророчество въ другомъ мѣстѣ, приводимое и Апостоломъ: *Аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется* (Исаи, X, 22,; Римл. IX, 27). Ибо эти останки Израильскаго народа увѣровали во Христа.

ГЛАВА XXXIV.

О пророчествѣ Даніила и Іезекіиля, относящемся ко Христу и Церкви.

Затѣмъ, въ самое время Вавилонскаго плѣна пророчествовали сначала Даніилъ и Іезекиль, т. е. два другіе изъ числа большихъ пророковъ. Изъ нихъ Даніилъ опредѣлялъ числомъ лѣтъ самое время, въ которое имѣлъ придти и пострадать Христосъ: показывать это путемъ вычисленій было бы долго, да и не разъ это дѣлалось другими прежде насъ. О власти же Его и славѣ пророкъ такъ говорилъ: *Видѣхъ во снѣ ноцію, и се на облацехъ небесныхъ яко сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго деньми дойде, и предъ Него приведется. И Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людїи, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не преидетъ, и царство Его не разсыплется* (Дан. VII, 13, 14).

Іезекиль, изображая Христа по обычаю пророческому подъ образомъ Давида, такъ какъ Онъ принялъ плоть отъ

сѣмени Давида (а по причинѣ этого рабскаго образа, въ которомъ сталъ человѣкомъ, Сынъ Божій называется также и рабомъ Божіимъ), такъ пророчествуетъ о Немъ отъ лица Бога Отца: *И возставлю надъ стадами Моими пастыря единого и упасетъ я, раба моего Давида; той упасетъ я и той будетъ имъ пастырь. Азъ же Господь буду имъ въ Бога, и рабъ Мой Давидъ князь средѣ ихъ: Азъ Господь глаголахъ* (XXXIV, 23, 24). И въ другомъ мѣстѣ: *И князь одинъ будетъ во всѣхъ сихъ царемъ, и не будутъ къ тому въ два языка, ни раздѣлятся къ тому на два царства, да не оскверняются ктому въ кумирьхъ своихъ, и въ мерзостехъ своихъ, и во всѣхъ нечестіяхъ своихъ: и избавлю я отъ всѣхъ беззаконій ихъ, и мнѣже соотрѣпшиши, и очищу я; и будутъ Ми въ люди, и Азъ буду имъ въ Бога. И рабъ Мой Давидъ князь средѣ ихъ, и пастырь одинъ будетъ всѣхъ* (XXXVII, 22—24).

ГЛАВА XXXV.

О предсказаніяхъ трехъ пророковъ, именно Аггея, Захаріи и Малахіи.

Остаются три малыхъ пророка, пророчествовавшіе въ концѣ плѣна, Аггей, Захарія и Малахія. Изъ нихъ Аггей пророчествовалъ съ большею ясностію о Христѣ и о церкви въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: *Сице глаголетъ Господь воинствъ: еще единому, и Азъ потрясу небо, и землю, и моремъ и сушею и сотрясу вся языки; и придетъ Желанный всѣми языками* (II, 7, 8). Это пророчество частью видимъ уже исполнившимся, а частью надѣмся, что оно должно исполниться въ концѣ. Такъ, свидѣтельствомъ ангеловъ и звѣздъ, бывшимъ при воплощеніи Христа, Богъ потрясъ небо. Онъ потрясъ землю величайшимъ чудомъ рожденія Его отъ Дѣвы. Потрясъ море и сушу проповѣдью о

Христѣ и по островамъ и по всей землѣ. Такимъ образомъ видѣли мы, какъ подвигнулись всѣ народы въ вѣрѣ. А что говорится далѣе за тѣмъ: „*Придетъ Желанный всѣми языками*“, то ожидается еще относительно втораго Его пришествія. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы быть желаннымъ для ожидающихъ, Ему надлежало быть прежде возлюбленнымъ для вѣрующихъ.

Захарія о Христѣ и церкви говоритъ: *Радуйся это, дщи Сиона, восклицай, дщи Иерусалимля: се царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаая; той кротокъ и всѣдъ на осла и жеребя сына ослицы. И обладаетъ водами отъ моря до моря и отъ рѣкъ до исходящихъ земли* (IX, 9, 10). О томъ, когда случилось, что Христосъ воспользовался въ пути вьючнымъ животнымъ этой породы, мы читаемъ въ евангелии, тамъ же приводится и самое это пророчество въ такой части, въ какой представлялось въ томъ мѣстѣ достаточнымъ (Мѡ. XXI). Въ другомъ мѣстѣ, обращая въ пророческомъ Духѣ свою рѣчь ко Христу о прощеніи грѣховъ Его кровію, онъ говоритъ: *И Ты въ крови завета Твоего испустилъ еси узники Твоя отъ рова не имуща воды* (IX, 11). Различно можно понимать, даже и съ точки зрѣнія правой вѣры, что пророкъ хотѣлъ дать разумѣть подъ этимъ ровомъ. По моему мнѣнію, лучше всего разумѣть подъ нимъ въ своемъ родѣ сухую и неплодную глубину человеческой бѣдности, гдѣ нѣтъ источниковъ правды, и есть грязь неправды. Объ этомъ говорится и въ псалмѣ: *Изведи мя отъ рова страстей и отъ брѣня тины* (Пс. XXXIX, 3).

Малахія, пророчествуя о церкви, которую видимъ распространенною чрезъ Христа, говоритъ отъ лица Божія, обращаясь очевиднѣйшимъ образомъ въ Іудеямъ: *Нѣсть воля Моя въ васъ, и жертвы не прииму отъ рукъ вашихъ. Зане отъ востокъ солнца и до западъ имя Мое велие есть во языцехъ, и на всякомъ мѣстѣ жертвоприношеніе совершится и принесется имени Моему жертва чиста:*

зане велие имя Мое во языцехъ, глаголетъ Господь (I, 10). Когда мы видимъ, что это жертвоприношеніе совершается уже священствомъ Христовымъ по чину Мелхиседкову на всякомъ мѣстѣ отъ востока солнца до запада, а жертвоприношенія Іудеевъ, которымъ сказано: *нѣсть воля Моя въ васъ и жертвы не прииму отъ рукъ вашихъ*, прекратились, чего они сами не могутъ отрицать: то чего же они ждуть еще доселѣ другаго Христа, когда то, о чемъ читаютъ въ пророчествѣ и что видятъ уже исполнившимся, могло исполниться только чрезъ Христа? Ибо нѣсвольбо ниже пророкъ о Немъ говоритъ отъ лица Бога: *Завѣтъ мой бѣ съ нимъ жизни и мира, и дахъ ему боязнію боятися Мене, и отъ лица имени Моего устрашатися ему: Законъ истины во устѣхъ Его, въ миръ исправляяи иде со мною, и мнози отврати отъ неправды. Понеже устни іеревовы сохраняютъ разумъ, и закона възвѣстуютъ отъ устъ Его: яко Ангелъ Господа Вседержителя есть* (II, 5—7). Не слѣдуетъ удивляться, что Іисусъ Христосъ названъ Ангеломъ всемогущаго Бога. Какъ по причинѣ образа раба, въ которомъ Христосъ явился къ людямъ, Онъ—рабъ: такъ Ангелъ Онъ ради евангелія, которое возвѣстивъ людямъ. Если эти два слова перевести съ греческаго, то и евангеліе значитъ благая вѣсть, и Ангелъ—вѣстникъ. О Немъ же пророкъ говоритъ и еще: *Се Азъ посылаю Ангела Моего и призоветъ на путь предъ лицемъ Моимъ, и внезапно придетъ Господь въ церковь свою, Его же вы ищете, и Ангелъ завета, Его же вы хотите: Се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель: И кто стерпитъ день пришествія Его? и кто постойтъ въ видѣніи Его?* (III, 1, 2)? Въ этомъ мѣстѣ пророкъ предвозвѣстивъ и первое и второе пришествіе Христа,— первое въ словахъ: *И внезапно придетъ въ церковь свою*, т. е. въ плоть свою, о которой Христосъ сказалъ въ евангеліи: *Разорите церковь Мою и трети деньми созижду ю*

(Иоан. II, 19); второе—когда говорить: *Се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель: и кто терпитъ день пришествія Его и кто постоитъ въ видѣніи Его?* Словами же: *Господь, Еюже вы ищете, и Ангелъ завета, Еюже вы хотите*, пророкъ далъ понять, что и Іудеи, согласно съ писаніями, которыя читаютъ, ищутъ и желаютъ Христа. Но многіе изъ нихъ, ослѣпленные въ своемъ сердцѣ прежними своими заслугами, не познали, что Тотъ, Кого они искали и желали, пришелъ. А подъ завѣтомъ, о которомъ пророкъ упоминаетъ или выше, когда говорить: *Завѣтъ Мой бы съ мимъ, или здѣсь, гдѣ назвалъ (Христа) Ангеломъ завета, мы должны разумѣть безъ всякаго сомнѣнія завѣтъ новый, въ которомъ содержатся вѣчныя обѣтованія, а не ветхій, заключающій обѣтованія временныя. Придавая большое значеніе этимъ послѣднимъ обѣтованіямъ и служа истинному Богу въ надеждѣ на награду такими временными предметами, весьма многіе слабые люди снущаются, когда видятъ, что имъ въ избыткѣ владѣютъ и нечестивые. Поэтому, чтобы показать различіе между вѣчнымъ блаженствомъ новаго завѣта, которое дается только добродѣтельнымъ, отъ временнаго благополучія ветхаго, которое весьма часто дается и злымъ, пророкъ говоритъ: *Отяготисте на Мя словеси ваши, глаголетъ Господь, и рѣсте: о чемъ клеветаемъ на Тя? Рѣсте: суетенъ работай Богу; и что больше, яко сохранихомъ храненіе Его, яко идехомъ молитвенницы предъ лицемъ Господа Вседержителя? И нынѣ мы блажили чуждиихъ, и созидаются вси творящии беззаконная: сопротившася Божови, и спасошася. Сія рекоша болящіяся Господа кійждо ко искреннему своему: и внятъ Господь, и услыша: и написа книгу памяти предъ собою болящимся Господа и благоговѣющимъ имя Его* (III, 13—16). Подъ эту книгу разумѣется новый завѣтъ. Послушаемъ въ заключеніе, что слѣдуетъ далѣе: *И будутъ Ми, глаголетъ Господь Вседер-**

житель, въ день, егже Азъ творю, въ снабдѣніе; и избери я, имже образомъ избираетъ человекъ сына своего добротъ работающа ему: и обратитесь и увидите между праведнымъ и между беззаконнымъ, и между служащимъ Божови и не служащимъ Ему. Яко се день грядетъ горящъ, яко печь, и поглотитъ я: и будутъ вси иноплеменицы и вси творящии беззаконная яко стебли, и возжетъ я день Господень грядый, глаголетъ Господь Вседержитель: и не останется отъ нихъ корень, ниже вѣтвь. И возсіяетъ вамъ болющимся имене Моего солнце правды, и исцѣленіе въ крильхъ его: и изыдете и възграете, якоже тельцы отъ узъ разрышени; и поперете беззаконники, и будутъ пепелъ подъ ногами вашими въ день, въ оный же Азъ сотворю, глаголетъ Господь Вседержитель (III, 17—18; IV, 1—3). Это—такъ называемый день суда. О немъ, если Богъ благоволитъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе.

ГЛАВА XXXVI.

Объ Ездры и Маккавейскихъ книгахъ.

Послѣ этихъ трехъ пророковъ, Агген, Захарія и Малахія, въ самое время освобожденія народа изъ рабства Вавилонскаго, писалъ и Ездра. Онъ считается больше историческимъ писателемъ, чѣмъ пророкомъ; также точно, какъ и книга, называемая Есѣяръ, повѣствующая во славу Божию о событіи, совершившемся не задолго предъ временами. Можно пожалуй признать за пророчество о Христѣ разсказъ Ездры о возникшемъ между нѣкоторыми юношами вопросѣ о томъ, что въ мірѣ всего сильнѣе: одинъ говорилъ, что сильнѣе всего цари, другой—вино, а третій—женщины, весьма часто повелѣвавшія и царями; но потомъ этотъ же самый третій доказалъ, что истина побѣждаетъ все (2 Ездр. гл. III и IV). Изъ евангелія мы знаемъ, что истина есть

Христось. Съ этого времени Іудеи, по возстановленіи храма, имѣли не царей, а князей, до самаго Аристовула. Хронологія этихъ князей находится не въ тѣхъ священныхъ писаніяхъ, которыя называются каноническими, а въ другіхъ. Въ числу послѣднихъ принадлежатъ и книги Маккавейскія, которыя за каноническія считаются не Іудеями, а Церковію, ради тяжкихъ и удивительныхъ страданій нѣкоторыхъ мучениковъ, которые еще до пришествія Христова во плоти боролись за законъ Божій до смерти и претерпѣли тягчайшія и ужасныя бѣдствія.

ГЛАВА XXXVII.

О томъ, что авторитетъ пророковъ древнѣе самыхъ первыхъ зачатковъ языческой философіи.

Итакъ во время нашихъ пророковъ, писанія которыхъ сдѣлались въ послѣднее время извѣстными почти всему народу, еще не существовало философовъ языческихъ. И самое имя это, которымъ они называются, получило начало отъ Пифагора Самосскаго, ставшаго знаменитымъ и извѣстнымъ въ то время, когда окончился плѣнь Іудеевъ. Слѣдовательно остальные философы жили еще гораздо позже пророковъ. Тамъ, самъ Сократъ Аѳинскій, —этотъ учитель всѣхъ наиболѣе тогда славившихся философовъ, занимающій въ той части философіи, которая называется нравственною или практическою, первое мѣсто, —въ хроникахъ встрѣчается послѣ Ездры. Немного позднѣе родился и Платонъ, далеко превосходившій всѣхъ прочихъ учениковъ Сократа. Если мы присоединимъ къ нимъ даже и старѣйшихъ по времени, которые еще не назывались именемъ философовъ, т. е. семь мудрецовъ и затѣмъ—физиковъ, которые были послѣдователями Талеса и подражали ему въ изслѣдованіи природы, разумью Анаксимандра, Анаксимена и Анаксагора, а также нѣкоторыхъ и другихъ, жившихъ прежде, чѣмъ Пифагоръ впервые сталъ носить имя философа: то и эти не превосходятъ своею древностію нашихъ пророковъ вообще.

УЧЕНІЕ ШЛЕЙЕРМАХЕРА О РЕЛИГИИ.

(Продолженіе ¹⁾).

IV.

Несомнѣнно самъ Шлейермахеръ главное и существенное значеніе въ религіи усвоилъ субъективной сторонѣ ея, религіозному чувствуванію. Но столь же несомнѣнно и то, что опредѣленіе и раскрытіе субъективной стороны религіи у Шлейермахера стоитъ въ зависимости отъ его философскаго взгляда на Бога и Его отношеніе къ міру. Это обстоятельство даетъ намъ право начать и критическую оцѣнку Шлейермахерова ученія о религіи съ этого именно пункта.

Къ какому же направленію можно отнести взглядъ Шлейермахера на Бога и Его отношеніе къ міру? Если имѣть въ виду только Рѣчи о религіи, то вопросъ этотъ не представляетъ трудностей для рѣшенія. Всѣ, писавшіе о Шлейермахерѣ, согласны въ томъ, что въ этомъ сочиненіи нашъ богословъ слѣдовалъ преимущественно пантеистической системѣ Спинозы. И дѣйствительно спинозизмъ проглядываетъ въ Рѣчахъ довольно ясно. Подобно Спинозѣ Шлейермахеръ съ одной стороны отличаетъ Божество или—какъ иногда выражается онъ—безконечное, единое, вѣчное, отъ пространственно-временной множественности конечныхъ вещей, а съ другой признаетъ его имманентнымъ всему конечному: во всемъ, существующемъ подъ условіемъ взаимодѣйствія, есть безусловное, во всѣхъ перемѣнахъ, совершающихся въ гра-

¹⁾ См. Труды Кіевск. дух. Акад., 1883 г. мартъ, май, сентябрь и ноябрь.
Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

ницахъ времени и пространства, есть постоянное, вѣчное, словомъ во всемъ конечномъ бытіи, опредѣленномъ временемъ, пространствомъ и причинностію, есть то, что изъято изъ этой опредѣляемости, безконечное. Но это безконечное, единое, вѣчное отнюдь не есть такое единство, которое бы получалось только путемъ абстракціи отъ конечнаго, напротивъ оно есть самоосуществляющій себя въ безконечной множественности конечнаго *универсъ*. Универсъ, это—любимое выраженіе Рѣчей въ первомъ ихъ изданіи. Какъ и безконечное Спинозы, универсъ Шлейермахера есть въ одно и тоже время и *natura naturans* и *natura naturata*. Какъ *natura naturans*, онъ есть мировой духъ, проявляющійся въ безконечно разнообразныхъ формахъ конечнаго бытія, а какъ *natura naturata*, есть дѣлостность частныхъ формъ его проявленія, изъ коихъ каждая носитъ въ себѣ идею безконечнаго. Личнаго бытія этотъ мировой духъ, Божество Рѣчей, неимѣетъ и не можетъ имѣть; ибо понятіе личнаго бытія не есть самое высшее понятіе въ ряду нашихъ понятій и, какъ такое, не приложимо къ Божеству, бытію самому высшему, абсолютному. Это понятіе образуется нами путемъ аналогическаго заключенія отъ человѣческой личности, а такъ какъ личность человѣческая существуетъ и развивается только подъ условіемъ взаимодѣйствія съ инымъ конечнымъ бытіемъ, то стало быть съ перенесеніемъ понятія личности на безконечное, это послѣднее само должно было бы подпасть подъ тоже условіе взаимодѣйствія съ конечнымъ бытіемъ и вслѣдствіе этого стать такимъ же конечнымъ и ограниченнымъ бытіемъ, какова и человѣческая личность. Кроме того, съ понятіемъ личнаго бытія неразрывно связаво понятіе эдемонизма, и слѣдовательно, если бы безконечное было существомъ личнымъ, то оно должно бы быть мыслимо и какъ существо, могущее ниспосылать человѣку счастье и несчастье и возбуждать его къ нравственности; но такъ мыслить его нельзя: счастье и несчастье человѣка происходитъ не отъ безконечнаго, а есть слѣдствіе натураль-

ной связи вещей, и возбуждать къ нравственности Божество не можетъ, потому что это значило бы дѣлать свободу человѣка несвободной и нравственность—нравственной. Признанія Божества личнымъ существомъ не требуетъ, какъ необходимаго условія для себя, и религія или благочестіе. Религія одинаково можетъ быть глубокой и сильной, признается ли Божество личнымъ или безличнымъ существомъ; возможно даже, что иная религія, отрицающая личное бытіе Божества, гораздо лучше, чѣмъ другая какая либо, признающая такое бытіе за Божествомъ, и потому между истинно-религіозными личностями никогда не было энтузіастовъ и ревнителей за понятіе о Божествѣ, какъ личномъ существѣ; они охотно могли бы помириться и съ атеизмомъ, если разумѣть подъ нимъ такое направленіе религіознаго созерцанія, которое отрицательно относится къ понятію личнаго бытія Божія на томъ основаніи, что оно несовмѣстимо съ безконечностью Божества и приложимо только къ конечному человѣческому существу. Въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ понятію личнаго бытія Божества близость Шлейермахера къ пантеизму Спинозы высказалась еще болѣе, чѣмъ въ общемъ опредѣленіи Божества, какъ универса или какъ *natura naturans* и *natura naturata*; только у Спинозы отрицаніе личности Божіей гораздо рѣшительнѣе, нежели у Шлейермахера. Уже то извѣстное положеніе амстердамскаго философа, что „всякое опредѣленіе есть отрицаніе“, т. е. ограниченіе и слѣдовательно не приложимо къ безконечному, не позволяло ему мыслить Божество личнымъ существомъ. Но Спиноза и прямо утверждалъ, „что *intellectus* и *voluntas* не принадлежатъ природѣ Божества, а что это только *modi* атрибутовъ мышленія и протяженности, которые подобно всѣмъ *modis*, т. е. ограниченнымъ формамъ проявленія единаго безконечнаго бытія, относятся непосредственно не къ этому послѣднему, а только къ *naturae naturatae*, т. е. къ міру конечнаго су-

ществованія“¹⁾). То обстоятельство, что Спиноза говорит объ *idea ideae* въ Богѣ и объ интеллектуальной любви, какою Онъ любитъ себя, нисколько не опровергаетъ отрицательнаго взгляда его на личное бытіе Божіе; это, по мысли Спинозы, значитъ только то, что „бесконечное мышленіе во всѣхъ единичныхъ актахъ мышленія и волящей дѣятельности конечныхъ существъ остается въ абсолютно простомъ тождествѣ съ самимъ собою; но такое простое, безразличное тождество съ собой уничтожаетъ истинное существо мышленія и вообще существо духа и низводитъ его на одинаковую линію съ количественною протяженностію: это—количественная лишь бесконечность, поверхность безъ углубленія, качественно неопредѣленное бытіе“²⁾).

Между Спинозой и Шлейермахеромъ есть однакожь и различіе, и различіе не незначительное. По Спинозѣ, истинно реальное бытіе принадлежитъ только единой бесконечной субстанціи, и что непосредственно и необходимо слѣдуетъ изъ нея, есть только бесконечная же цѣлостность ея состояній или модусовъ, ничѣмъ существенно не различающихся между собой. Если же тѣмъ не менѣе мы отличаемъ вещи конечнаго бытія одну отъ другой, поставляемъ ихъ во взаимное отношеніе и такимъ образомъ опредѣляемъ ихъ, то это—не истинная точка зрѣнія на вещи, а дѣло только нашего воображенія: воображеніе наше какъ бы вырѣзываетъ изъ бесконечной природы, какъ плоскости, отдѣльныя части или фигуры, которыя, какъ такія, необходимо уже ограничены, конечны. Истинная и потому самая высшая точка зрѣнія на вещи та, чтобы созерцать ихъ *sub specie aeternitatis*, т. е. какъ простые только *modi* безковечнаго. Не то видимъ у Шлейермахера. Шлейермахеръ былъ человекъ жизни и энергіи, и къ тому же находился подъ сильнымъ вліяніемъ геніально-романтическаго направленія своего вѣка, направленія,

¹⁾ *Flüederer*. Das Wesen der Religion. 1869, p. 189.

²⁾ *Ibid.* p. 205. Сравни. *Baur*. Trinitätslehre, p. 538.

въ которомъ, какъ извѣстно, весьма важное значеніе усвоилось всему элементарному и индивидуальному. Вслѣдствіе этого онъ не могъ принять той мысли Спинозы, что всякое конечное единичное бытіе есть только ограниченіе безконечной субстанціи, какъ бы вырѣзокъ изъ нея, но смотрѣлъ на единичное, какъ на *индивидуальное*, т. е. своеобразное проявленіе безконечнаго. Все дѣйствительное индивидуально, и если игнорировать индивидуальное, то ничего не останется кромѣ пустыхъ абстракцій. Конечно, если мы станемъ смотрѣть на вещи міра только въ ихъ причинномъ отношеніи между собой, къ нимъ вполне примѣнимо тогда положеніе Спинозы— „всякое опредѣленіе есть отрицаніе“,— ибо „поскольку единичное опять относится къ чему-нибудь единичному же и конечному, тогда одно можетъ своимъ существованіемъ разрушать (zerstören) другое“; но высшая точка зрѣнія на вещи состоятъ не въ томъ, чтобы разсматривать ихъ въ причинномъ отношеніи между собой, а въ томъ, чтобы созерцать ихъ въ себѣ, въ ихъ внутренней безконечности, и въ этомъ случаѣ все единичное является существующимъ „неразрушимо одно рядомъ съ другимъ“, единымъ и истиннымъ. Это высшее созерцаніе вещей *sub specie aeternitatis*, созерцаніе, котораго, какъ сказано, требовалъ и Спивога, у Шлейермахера имѣетъ однако ту особенность, что у него вело оно не къ тому, чтобы игнорировать конечное въ его дѣйствительной индивидуальности или своеобразности и созерцать только единое безконечное *вмѣсто* конечнаго, но къ тому, чтобы созерцать безконечное *въ* самомъ конечномъ, какъ своеобразномъ проявленіи его. Оттого все отношеніе единаго безконечнаго ко множественности конечнаго у Шлейермахера получило болѣе жизненный и реальный характеръ, нежели у Спинозы. Но конечное, какъ бытіе индивидуальное, все же и по Шлейермахеру не есть что-либо постоянное, твердое, непреходящее, но какъ вышло оно изъ безконечнаго, такъ же должно и уничтожиться въ ловѣ его, и въ этой общей участи

всего конечнаго не можетъ составлять исключенія и чело-
вѣческая индивидуальность или челоѳечская личность. Уже
здѣсь на землѣ челоѳкъ долженъ „изъ любви къ Богу
уничтожить свою личность и жить въ единомъ и всемъ“,
и насколько онъ, отрицая свою личность, сливается съ все-
общимъ бытіемъ, настолько наслаждается и безсмертіемъ;
съ полнымъ же прекращеніемъ настоящей жизни, въ ко-
торой требованіе личнаго бытія всегда сказывается еще
очень сильно, должно, конечно, послѣдовать и полное погру-
женіе челоѳечской личности въ лонъ безконечнаго. Въ
этомъ пунктѣ своего ученія Шлейермахеръ, очевидно, опять
приближается къ Спинозѣ, у котораго отрицаніе личнаго
продолженія челоѳечской души за гробомъ есть прямой и
необходимый выводъ изъ акосмическаго созерцанія.

Но если, какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго, спинозисти-
ческой пантеизмъ составляетъ весьма замѣтную характер-
ную черту въ ученіи Рѳчей о Божествѣ въ его отноше-
ніи къ конечному бытію, то къ какому направленію мы
должны отнести позднѣйшее, діалектическое и догмати-
ческое, ученіе Шлейермахера о Богѣ и Его отношеніи къ
міру? Есть ли оно ученіе также пантеистическое, или же
иное какое, деистическое или теистическое? Рѣшить этотъ
вопросъ уже не такъ легко, какъ вопросъ о направленіи
ученія Рѳчей. Оттого и между критиками Шлейермахера
явилось значительное разногласіе въ рѣшеніи этого вопроса:
одни (О. Полейдереръ¹⁾ и Рунцъ²⁾, обращая вниманіе
главнымъ образомъ на діалектическое ученіе объ абсолют-
номъ въ его отношеніи къ условному бытію, считаютъ его

¹⁾ *Pfeiderer*. Das Wesen der Religion, p. 209 и д. Впрочемъ, въ болѣе
позднемъ своемъ сочиненіи „Religionsphilosophie auf geschichtlicher Grund-
lage, 1878, p. 116 и д., Пфлейдереръ измѣнилъ свой первоначальный взглядъ ка-
сательно направленія діалектическаго ученія Шлейермахера и призналъ это
ученіе, равно какъ и ученіе догматическое, пантеистическимъ.

²⁾ *Runze*. Schleiermachers Glaubenslehre in ihrer Abhängigkeit von
seiner Philosophie, 1877, p. 102 и д.

деистическимъ, другіе (Шёреръ)¹⁾, соединяя съ діалектическимъ ученіемъ и догматическое, усматриваютъ въ томъ и другомъ переходъ отъ пантеизма Рёчей къ теизму, большая же часть критиковъ и въ діалектическомъ и догматическомъ ученіи Шлейермахера видятъ ясныя слѣды пантеизма²⁾. По видимому, точное рѣшеніе вопроса о направленіи позднѣйшаго Шлейермахерова ученія и не возможно на томъ основаніи, что Шлейермахеръ считаетъ рѣшительно невозможнымъ объективное познаніе Бога, слѣдовательно и опредѣленіе объективнаго отношенія Бога къ міру, а то богопознаніе, которое излагаетъ въ Вѣроученіи, самъ же призываетъ имѣющимъ только субъективное значеніе,—и стало быть весь споръ о томъ, былъ ли Шлейермахеръ пантеистомъ или деистомъ, по видимому, „споръ непонятный“, какъ это и утверждаетъ Пюньеръ при изложеніи Вѣроученія Шлейермахера³⁾. Конечно, если бы нашъ богословъ, упирая на невозможность объективнаго богопознанія, остался вполне послѣдовательнымъ себѣ, тогда и рѣшеніе указаннаго вопроса было бы, пожалуй, невозможно, и весь споръ по поводу него былъ бы непонятнымъ. Но въ томъ и дѣло, что такой послѣдовательности у Шлейермахера нѣтъ: онъ хотя и сильно упираетъ на невозможность объективнаго богопознанія, однако въ то же самое время самъ поставляетъ такую идею Бога, которая не есть чисто отрицательная только идея, но за отрицательною стороною указываетъ и на нѣчто положительное. Это можно видѣть въ особенности

¹⁾ E. Schürer. Schleiermacher's Religionsbegriff und die philosophischen Voraussetzungen desselben, 1868, p. 35.

²⁾ Zeller. Erinnerung an Schleiermacher's Lehre von der Persönlichkeit Gottes. Theol. Jahrbüch. 1842, I, p. 263 и д.; *ею же* Friedrich Schleiermacher. Vorträge u. Abhandlungen geschichtlichen Inhalts von Zeller, 1865, p. 186; *ею же* Geschichte der deutschen Philosophie, 1873, p. 761 и д. Kamp. Schleiermacher's Gotteslehre, 1876, p. 28 и д.—Voigt. Fundamentaldogmatik, 1874, p. 44. Кудрявцевъ. Религія, ея сущность и происхожденіе, 1871, стр. 152.

³⁾ Pünjer. Geschichte der christl. Religionsphilosophie seit der Reformation. 2 Bd., 1883., p. 199.

изъ критики Шлейермахера разныхъ конструціи идеи Бога: пантеистической, дуалистической или деистической и теистической. Какъ возможна была бы эта критика, если бы собственная идея Шлейермахера о Богѣ, служившая при этомъ масштабомъ для него, была ничѣмъ болѣе, какъ только отрицаніемъ всякой опредѣленности? То, сообразно чему что-либо принимается или отрицается, само необходимо должно имѣть нѣчто уже опредѣленное, положительное. Интересно въ этомъ отношеніи сравнить Шлейермахера съ Кантомъ. И тотъ и другой отвергаетъ возможность богопознанія, но основанія для этого, равно какъ и результаты у обоихъ различны. „По видимому, говорить относительно этого Целлеръ, Шлейермахеръ только продолжаетъ дальше своимъ собственнымъ путемъ Кантову критику рациональной теологіи; но, если ближе всмотрѣться въ дѣло, сейчасъ же окажется, что основаніемъ этой критики служить у него такая точка зрѣнія, которая значительно отличается отъ точки зрѣнія Кантова критицизма. Послѣдній отрицаетъ познаваемость Бога потому, что наше знаніе ограничено только сферою явленія, что нашъ разумъ не имѣетъ средства образовать себѣ понятіе о сверхчувственномъ; Шлейермахеръ же отрицаетъ ее потому, что всѣ понятія, какія мы можемъ составить о Божествѣ, не соответствуютъ истинной идеѣ Бога, идеѣ абсолютнаго существа. Повтому Кантъ съ своею критикою вполнѣ держится въ границахъ человѣческаго сознанія; онъ довольствуется тѣмъ утвержденіемъ, что между понятіями, какія мы можемъ составлять себѣ, *не имѣется* понятія о Божествѣ; онъ не впадаетъ *въ противорѣчіе* себѣ, когда отказываетъ намъ въ возможности богопознанія, такъ какъ при этомъ онъ не предполагаетъ *опредѣленною* взгляда на Божество, Шлейермахеръ же впадаетъ въ него: онъ сравниваетъ самыя высшія понятія, какія мы можемъ составить себѣ, съ идеєю Божества и находитъ, что они неадекватны ей; слѣдовательно онъ долженъ уже обладать этою идеєю, долженъ знать, какъ мыслить Божество, чтобы мыслить Его правильно; его критицизмъ имѣетъ своимъ

основаніемъ совершенно опредѣленное догматическое убѣжденіе¹⁾. Но если такъ, если т. е. Шлейермахерова идея Бога есть нечто опредѣленное, то стало быть возможно уже судить и о ея направленіи, а при соображеніи нѣкоторыхъ другихъ данныхъ,—и о направленіи всего ученія Шлейермахера о Богѣ и Его отношеніи къ міру.

По Діалектикѣ, Богъ есть единство идеальнаго и реального, мышленія и бытія, но такое единство, въ которомъ оба эти вида бытія совершенно сливаются между собой, слѣдовательно—абсолютно *индифферентное* единство. Нельзя поэтому мыслить Бога ни какъ высшую абсолютную силу, ни какъ высшій абсолютный субъектъ, ни какъ бессознательную судьбу или необходимость, ни какъ провидѣніе, ни какъ абсолютнаго Законодателя, ни какъ абсолютнаго Художника; во всѣхъ этихъ и подобныхъ опредѣленіяхъ переносится на Бога такая или иная разность и противоположность. Но коль скоро къ Богу не приложимы такіа опредѣленія, какъ „субъектъ“, „провидѣніе“, „Законодатель“, „Художникъ“, то, значитъ, Онъ не можетъ быть мыслимъ, и какъ *личное* существо, что дѣйствительно и утверждаетъ Діалектика, и при томъ во всѣхъ редакціяхъ. Богъ, мыслимый какъ „сознательное, абсолютное Я“ (Dial. p. 158), какъ „свободное единичное существо“ (p. 529. 533), словомъ какъ личное, перестаетъ быть абсолютнымъ и становится уже конечнымъ бытіемъ. Тоже утверждаетъ и философская этика Шлейермахера: личность всегда требуетъ бытія *сopodчиненнаго*, и слѣдовательно если мыслить Бога личнымъ, то Онъ также долженъ бы быть соподчиненнымъ чему-нибудь, т. е. конечнымъ бытіемъ. А такое отрицательное отношеніе къ понятію личности Божіей несомнѣнно—одна изъ характерныхъ особенностей не много какого направленія въ ученіи о Богѣ, какъ только пантеистическаго, ибо ни дензмъ, ни тѣмъ болѣе теизмъ личнаго бытія Бога не отрицаетъ.

¹⁾ Geschichte der deutschen Philosophie, p. 761.

Отъ діалектической идеи Бога, какъ извѣстно, не отступаетъ существенно и догматическое ученіе Шлейермахера о Богѣ. Согласно съ этою идеею Шлейермахеръ и здѣсь требуетъ не мыслить въ Богѣ никакихъ внутреннихъ опредѣленностей на томъ основаніи, что онѣ свойственны только конечному человѣческому существу и если мыслятся приписанными Богу, то чрезъ это самое Онъ низводится въ рядъ такихъ же конечныхъ существъ, каково существо человѣческое. Въ Богѣ не должно различать ни знанія и воли, ни актовъ рѣшенія и осуществленія ихъ, ни возможнаго и дѣйствительнаго, ни сознанія о себѣ и объективнаго сознанія (міросознанія): все это совпадаетъ въ Немъ воедино. И всѣ приписываемыя Богу свойства также не суть особыя опредѣленности или стороны въ Богѣ, а только различные способы отношенія религіознаго чувстваванія къ рефлектируемой изъ него единой абсолютной причинности. Какъ субъективное представленіе, Вѣроученіе допускаетъ и личность Бога, но мыслить, что Богъ и объективно въ Себѣ самомъ есть личность, аналогичная съ нашею личностію, нельзя безъ нарушенія Его абсолютности. Въмѣсто личности Шлейермахеръ упираетъ на *жизненность* Бога, и это представленіе считаетъ достаточной гарантіей противъ обвиненія въ пантеизмѣ. Конечно, представленіе Бога живымъ существомъ можетъ освобождать Шлейермахера отъ обвиненія въ пантеизмѣ матеріалистическомъ, но не отъ обвиненія въ пантеизмѣ, подобномъ Спинозистическому и еще болѣе Шеллинговскому (пантеизму Шеллинговой философіи тождества).

Не трудно замѣтить довольно ясныя слѣды пантеизма и въ томъ, что Шлейермахеръ говоритъ какъ въ Діалектикѣ, такъ и въ Вѣроученіи объ отношеніи Бога къ міру. Богъ есть единство идеальнаго и реальнаго, но и міръ есть также идеальное и реальное, слѣдовательно, по содержанію оба *тождественны*, и различаются только тѣмъ, что въ Богѣ идеальное и реальное существуютъ въ совершенномъ тождествѣ или безразличіи между собой, а въ мірѣ, какъ двѣ опредѣленныя и (относительно) противоположныя стороны

бытія,—различіе, котораго не отрицаетъ и пантеизмъ. Какъ абсолютное единство идеальнаго и реальнаго, Богъ потому служитъ послѣднимъ основаніемъ возможности соотношенія мышленія и бытія какъ въ знаніи, такъ и въ хотѣніяхъ воли, но Онъ есть связующій узелъ и всѣхъ вообще противоположностей, существующихъ въ мірѣ. Мыслимый видъ Бога, міръ представлялъ бы собою только неупорядоченный агрегатъ единичнаго и противоположнаго; если же онъ есть гармоническое цѣлое, космосъ, если единичное и противоположное существуетъ въ немъ въ взаимоотношеніи, то въ силу лишь абсолютнаго объединяющаго его принципа, т. е. Божества. И вотъ почему Діалектика говоритъ о присутствіи Бога не только въ непосредственномъ человѣческомъ самосознаніи, которое есть также единство идеальнаго и реальнаго, мышленія и бытія, но и въ вещахъ, причемъ присутствіе Бога въ непосредственномъ самосознаніи отличается отъ присутствія Его въ вещахъ только характеромъ сознательности; о бытіи же Бога видъ и прежде міра Діалектика рѣшительно отказывается говорить.

Всѣ эти положенія, указывающія на неразрывность существованія Бога и существованія міра, въ существенномъ повторяются и въ Вѣроученіи. Такъ въ отдѣлѣ о міротвореніи б. го-словъ говоритъ, что мы не можемъ представлять Бога существующимъ когда либо „безъ абсолютно зависимаго отъ Него“, т. е. высказываетъ мысль о безначальности міра. Но если міръ по бытію своему безначаленъ, то отсюда только одинъ шагъ до той мысли, что онъ есть необходимый моментъ самой же божественной жизни, а въ такомъ случаѣ о различіи міра отъ Бога ни въ смыслѣ деизма, ни въ смыслѣ теизма не можетъ быть и рѣчи. Далѣе, въ отдѣлѣ о божественномъ мірохраненіи Шлейермахеръ говоритъ, что обусловливаемость вещей Богомъ вполне совпадаетъ съ обусловливаемостію ихъ натуральною связію, и на этомъ основаніи отвергаетъ возможность непосредственнаго проникновенія Бога въ міротеченіе, т. е. возможность чуда; онъ утверждаетъ даже,

согласно съ Спинозой, что божественная причинность вполне выражается и исчерпывается въ цѣлостности міра, такъ что кромѣ того, что положено и существуетъ въ дѣятельности, Богъ не могъ произвести что-либо иное. Міръ есть такимъ образомъ цѣлостное выраженіе или проявленіе божественной причинности, и все, что существуетъ въ немъ, одинаково необходимо обусловлено божественною причинностію чрезъ натуральную связь. При этомъ возрѣніи само собою падало истинное значеніе и свободы человѣческой воли. Человѣкъ свободенъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ мы можемъ назвать свободною всякую дѣятельную натуральную силу, продуктирующую изъ себя по своей внутренней необходимости извѣстный рядъ явленій. Свобода вообще простирается настолько, насколько простирается внутренняя жизнь и дѣятельность; поэтому, гдѣ есть такая жизнь и дѣятельность, тамъ есть уже и свобода. Необходимость напротивъ—тамъ, гдѣ есть *взаимодѣйствіе* и слѣдовательно опредѣляемость одного чрезъ другое. А такъ какъ каждая вещь міра существуетъ не только сама по себѣ и въ себѣ, но стоитъ и во взаимоотноеніи съ другими вещами, которыми и опредѣляется, то стало быть все въ мірѣ сколько свободно, столько же и необходимо,—свободно, поколику разсматривается само въ себѣ, необходимо, поколику разсматривается во взаимоотноеніи съ инымъ. Но эта мысль, приравнивающая человѣка въ разсматриваемомъ отношеніи ко всѣмъ натуральнымъ существамъ и вещамъ, очевидно,—мысль пантеистическая и въ частности спинозистическая¹⁾.

¹⁾ Относительно свободы и необходимости Спиноза такъ говоритъ: *res libera dicetur, quae ex sola suae naturae necessitate existit, et a se sola ad agendum determinatur; necessaria autem, vel potius coacta, quae ab alio determinatur ad existendum et operandum certa ac determinata ratione.* Этотъ цитатъ заимствованъ изъ статьи Зигварта „Schleiermacher's Erkenntnistheorie. Jahrbuch. für deutsche Theologie. Zw. Bd. 2 Heft., p. 310.

Итакъ и въ позднѣйшемъ, діалектически-догматическомъ ученіи Шлейермахера о Богѣ и Его отношеніи къ міру нельзя отрицать слѣдовъ пантеизма, и притомъ довольно ясныхъ. Все это ученіе построено по схемѣ отношенія *сущности къ явленіямъ*. Сущность и явленія неразрывно связаны между собой: сущность существуетъ и обнаруживается только въ явленіяхъ, и наоборотъ явленія существуютъ только, покуда есть сущность, которая обнаруживаетъ себя. Какъ мысль или понятіе, сущность, конечно, оглачается отъ явленій: она есть неразличимое *единство*, неопредѣленная и потому трансцендентальная для нашего познанія основа, тогда какъ явленія—опредѣленная и потому доступная для познанія *множественность*; но дѣйствительнаго существованія ихъ одного безъ другаго мы никакъ не можемъ представить. Сущность безъ явленій или въ явленіяхъ была бы пустою лишь мыслию, а явленія безъ обнаруживающейся и существующей въ нихъ сущности были бы хаотическою множественностію. Но если такова схема, сообразно которой у Шлейермахера построено ученіе объ отношеніи Бога къ міру,—въ чемъ едва ли можно и сомнѣваться, такъ какъ только съ точки зрѣнія этой схемы вполнѣ понятнымъ становится для насъ указанное ученіе Шлейермахера,—то вѣдь таже самая схема лежитъ въ основѣ и ученія Спинозы и затѣмъ Шеллинга о томъ же предметѣ. Отъ Спинозы Шлейермахеръ отличается здѣсь только тѣмъ, что признаетъ за міромъ явленій реальное значеніе, тогда какъ по Спинозѣ міръ явленій есть только цѣлостность модусовъ или состояній единой безконечной субстанціи, а отъ Шеллинга тѣмъ, что не объясняетъ, какъ изъ единой абсолютной сущности, т. е. изъ абсолютнаго тождества идеальнаго и реальнаго происходитъ міръ явленій.

Опредѣливъ такимъ образомъ общее направленіе ученія Шлейермахера о Богѣ и Его отношеніи къ міру, мы должны теперь обратить вниманіе на частныя положенія въ этомъ ученіи и посмотрѣть, насколько они состоятельны.

Начнемъ съ того положенія Діалектики, что Богъ не можетъ быть мыслимъ ни какъ высшая абсолютная сила и причина, ни какъ провидѣніе и судьба, ни какъ Законодатель и Художникъ. Первые четыре понятія суть самыя высшія, до какихъ достигаетъ теоретическое мышленіе (подъ формой понятія и сужденія), но они неадекватны и мыслить подъ ними Бога значитъ ограничивать Его. Конечно, что касается понятія судьбы или необходимости, то оно и въ самомъ дѣлѣ неприложимо къ Богу, понимаемому въ смыслѣ теизма, и не только религіозное чувствовавіе рѣшительно протестуетъ противъ этого понятія, но имъ не можетъ удовлетвориться и спекулятивное мышленіе, ибо Богъ, мыслимый какъ судьба, всегда бы дѣйствовалъ не только безсознательно, а и необходимо и въ этой необходимости заключалась бы Его ограниченность. Но сколь справедливо это, столь же несправедливо то, будто Богъ, безъ ограниченія Его абсолютности, не можетъ быть мыслимъ и какъ высшая сила и причина и какъ провидѣніе. Разумѣется, если бы мы стали мыслить Бога только какъ высшую силу въ ряду конечныхъ силъ и только какъ послѣднюю причину въ цѣпи конечныхъ причинъ, тогда Онъ не былъ бы и не могъ быть абсолютнымъ, ибо какъ высшая сила, заканчивающая собою только рядъ конечныхъ силъ, не есть дѣйствительно абсолютная сила, а **условливается** цѣлостностію низшихъ и подчиненныхъ силъ, такъ и послѣдняя причина, заканчивающая собою только цѣпь конечныхъ причинъ, не есть причина истинно абсолютная, а также **условливается** цѣлостностію низшихъ и подчиненныхъ причинъ, и потому та и другая въ указанномъ смыслѣ рѣшительно неадекватны Богу. Но почему же мы не можемъ мыслить Бога, какъ такую силу, которая абсолютно возвышается надъ всѣми конечными силами, которая, какъ сила *творческая*, создала всѣ конечныя силы и затѣмъ своею безконечною мощію всецѣло объемлетъ и обусловливаетъ ихъ? Почему также не можемъ мыслить Его, и какъ такую

причину, которая ничѣмъ не обусловливается, напротивъ служить основаніемъ и условіемъ всего? Вѣдь никакой ограниченности и обусловленности въ этомъ случаѣ не переносится на Бога. И не рѣдко какъ религіозное, такъ и философское мышленіе пользуются этими понятіями („абсолютная сила“ и „абсолютная причина“) въ отношеніи къ Богу для обозначенія того, что Онъ есть творческій Виновникъ всего бытія и что Его всемогущество объемлетъ и обусловливаетъ все бытіе, и при этомъ бываетъ вполнѣ увѣрено, что абсолютность Бога чрезъ это нисколько не нарушается. Еще менѣе нарушается Его абсолютность, когда Онъ мыслится подъ понятіемъ „провидѣніе“. То—правда, что это понятіе предполагаетъ противоположность сознанія и предмета (субъекта и объекта), но развѣ слѣдуетъ отсюда, что вмѣстѣ съ этимъ понятіемъ переносится и ограниченность на Бога потому именно, что сознанію Божію противопоставляются объекты? Богъ, какъ провидѣніе, ограничивался бы только въ томъ случаѣ, если бы объекты Его провидѣнія были чѣмъ-либо независимымъ отъ Него; но вѣдь коль скоро они положены самимъ же Богомъ, то не могутъ потому и ограничивать Его, хотя и противостоятъ Его сознанію. Послѣднія два понятія, т. е. понятіе абсолютнаго Законодателя и понятіе абсолютнаго Художника, суть самыя высшія понятія, до какихъ доходитъ мышленіе со стороны воли; но и подъ ними мыслить Бога запрещаетъ нашъ богословъ. Относительно послѣдняго понятія, пожалуй, еще можно согласиться, что съ нимъ соединена нѣкоторая опасность ограниченія Бога, если только хотать подъ нимъ мыслить Бога и въ отношеніи къ *первоначальному происхожденію отъ Него міра*, происхожденію, которое, по этому понятію, можетъ быть только *образованіемъ* міра изъ готовой и независимой отъ Бога по своему бытію матеріи; но ужъ никоимъ образомъ нельзя согласиться, будто Богъ не можетъ быть мыслимъ и какъ абсолют-

ный Законодатель, безъ того, чтобы чрезъ то самое не быть и ограниченнымъ. Ограниченіе должно будто бы происходить отъ того, что понятие Бога, какъ абсолютнаго Законодателя, предполагаетъ возможность противодѣйствія Богу со стороны тѣхъ, кому данъ законъ, а въ отношеніи къ чему возможно какое-либо противодѣйствіе, то не можетъ быть абсолютнымъ. Противодѣйствіе божественному законодательству со стороны человѣка, конечно, возможно, и не только возможно, а и дѣйствительно есть, но какъ же слѣдуетъ отсюда, что чрезъ это противодѣйствіе ограничивается и самъ Богъ? Что прямо слѣдуетъ отсюда, это только то, что человѣкъ въ силу присущей ему свободы можетъ поступать или въ согласіи съ законодательною Волею Божіею, когда даетъ перевѣсъ высшимъ моральнымъ влеченіямъ своего духа, или же вопреки ей, когда подчиняется низшимъ влеченіямъ своей плоти,—слѣдовательно слѣдуетъ лишь заключеніе о несовершенствѣ и ограниченности человѣка, не всегда подчиняющаго свои низшія влеченія высшимъ, самъ же Богъ, вложившій въ духъ человѣческой моральной законъ, какъ выраженіе своей абсолютной Воли, остается неограниченнымъ.

Дальнѣйшее положеніе Діалектики (а также и Рѣчей) Шлейермахера, которое еще менѣе, чѣмъ предшествующее, можетъ быть признано удовлетворительнымъ, есть то, которымъ запрещается мыслить Бога, какъ самосознательное и свободное, т. е. какъ *личное* существо, на томъ основаніи, что личность, какъ принадлежность только ограниченныхъ и конечныхъ духовныхъ существъ, необходимо должна будто бы ограничивать Бога, коль скоро прилагается къ Нему. Человѣкъ религіозный, конечно, представляетъ по аналогіи съ собой и Бога личнымъ существомъ, но это представленіе неадекватно и рассматриваемое съ спекулятивной точки зрѣнія должно быть отвергнуто. Такъ какъ это положеніе Шлейермахера мы считаемъ однимъ изъ

главныхъ признаковъ, опредѣляющихъ направленіе его ученія о Богѣ, то не излишне поэтому остановиться на немъ нѣсколько подольше.

Прежде всего слѣдуетъ признать за несомнѣнный фактъ то, что личность Бога есть необходимѣйшее и существеннѣйшее предположеніе религіознаго сердца человѣческаго. Религіозный человѣкъ свое отношеніе къ Богу непосредственно сознаетъ, какъ отношеніе существенно взаимоотноенное или какъ отношеніе взаимообщенія, а такое взаимоотноеніе возможно, конечно, не съ какимъ инымъ Богомъ, какъ только съ личнымъ: только если Богъ есть Я, Онъ можетъ быть для насъ и Ты, лично открывающимся и вступающимъ съ нами въ живой союзъ существомъ. вмѣстѣ съ личностію Бога стоитъ и падаетъ не только религія, понимаемая въ истинномъ ея смыслѣ, но и всѣ истинно религіозныя обнаруженія: молитва, жертва и весь культъ. Безличный Богъ не можетъ ни слышать возносимой къ Нему молитвы, ни воспринимать приносимой Ему жертвы, все равно какъ не можетъ и оказать никакой помощи слабому по своимъ силамъ и склонному къ паденію человѣку и поддержать его въ тяжелыя минуты жизни. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, какъ неразрывно связано истинно религіозное отношеніе къ Богу съ признаніемъ живой личности Божіей, можетъ служить для насъ І. Христосъ, представляющій Собою высочайшій образецъ для насъ и съ религіозной, и со всякой другой стороны. Не есть-ли вся земная жизнь нашего Спасителя постоянное и живое общеніе съ Богомъ, какъ Своимъ Отцемъ, общеніе, въ которомъ Онъ говорилъ съ Нимъ, какъ Я съ Ты, какъ лицо съ лицомъ, какъ истинный духъ съ истиннымъ Духомъ? И для всякаго конечнаго, но истинно религіознаго субъекта личное бытіе Бога, какъ Отца и постоянного Промыслителя, есть непоколебимое внутреннее убѣжденіе, съ которымъ онъ никакъ не можетъ разстаться, доколѣ жива въ немъ истинная религіозность. Поэтому, когда Шлейермахеръ въ первомъ из-

данія Рѣчей утверждаетъ, что религія возможна и безъ признанія личнаго Бога, то такое утвержденіе или приложимо только къ неистинной религіи, или же совершенно ложно, коль скоро прилагается къ истинной религіи. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ и самъ Шлейермахеръ нѣсколько смягчилъ указанное утвержденіе, признавъ понятіе личнаго Бога только *безразличнымъ* для религіи самой въ себѣ; но и эта смягченная мысль также не можетъ быть принята, такъ какъ для существа религіи далеко не все равно, признается ли въ ней личное бытіе Бога или же безличное: съ существомъ ея мирится только понятіе о Богѣ, какъ личности¹⁾.— Но если такимъ образомъ личность Бога есть необходимое предположеніе существа истинной религіи и въ непосредственномъ сознаніи каждаго истинно религіознаго субъекта имѣетъ непоколебимое основаніе, то въ состояніи ли доказывать возможность ея и мышленіе спекулятивное? т. е. другими словами: имѣетъ ли она, кромѣ субъективнаго значенія, и объективное достоинство? приложима ли она къ Богу въ Немъ самомъ, безъ ограниченія Его абсолютности? Вопросъ чрезвычайно важный не только самъ по себѣ, но и потому, что отъ такого или иного рѣшенія его зависить согласіе или несогласіе требованій религіознаго сердца съ требованіями теоретическаго мышленія.

Шлейермахеръ не раскрываетъ подробно основанія, почему не возможна объективная мыслимость Бога, какъ личнаго бытія и ограничивается только краткими положеніями касательно этого. Однако мысль его положеній, не смотря на ихъ краткость, все же довольно ясна. Богъ, какъ бытіе *абсолютное*, потому самому есть и совершенно неопредѣли-

¹⁾ Возможна, конечно, нѣкоторая религіозность и при пантеистическомъ возрѣніи на Божество, но тогда она—или простая квіетическая чувствительность предъ всеобъемлющимъ Безконечнымъ, или же, если приближается къ истинному существу религіи, то всегда на счетъ теоретическаго возрѣніи на Божество,—возрѣнія, съ которымъ человеческое сердце, непосредственный источникъ религіи, далеко не всегда стоитъ въ согласіи.

мое и неопредѣленное бытіе: опредѣленіе Его было бы вмѣстѣ и ограниченіемъ. Между тѣмъ личность есть опредѣленное бытіе и безъ ограниченія не возможна; личность, какъ замѣчено въ философской этикѣ, требуетъ бытія *сopодчиненнаю*, т. е. она возникаетъ тогда, когда то бытіе, которое становится личнымъ, или наше я стоитъ въ соотношеніи съ инымъ, внѣшнимъ къ нему, бытіемъ (при чемъ все равно, будетъ ли это физическое бытіе или же другіе я), и опредѣляется имъ, вслѣдствіе чего и приходитъ къ сознанію себя, какъ лица. Здѣсь прежде всего несправедливо то, будто абсолютное, какъ такое, потому самому есть и совершенно неопредѣлимое и неопредѣленное бытіе, и если опредѣляется, то вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничивается. Конечно, абсолютное не можетъ опредѣляться чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, стороннимъ для него, и если допустить возможность такого внѣшняго опредѣленія въ отношеніи къ нему, тогда оно необходимо теряло бы свою абсолютность, становилось бы ограниченнымъ, конечнымъ бытіемъ. Но вѣдь есть другаго рода опредѣленность, опредѣленность *внутренняя*, причина коей само же опредѣляемое, полагающее само себя, какъ такое, а не иное бытіе, а въ этомъ случаѣ опредѣленіе не только не есть ограниченіе, но наоборотъ самоутвержденіе своего существа, совершенство. Этого рода опредѣленность, поелику она полагается не чѣмъ-либо и не кѣмъ-либо внѣшнимъ, а самимъ же опредѣляемымъ, мы не колеблясь можемъ призвать и въ Богъ: Богъ есть существо, само себя абсолютно полагающее, самоопредѣляющее и, какъ такое, истинно абсолютенъ, ибо абсолютность въ истинномъ ея значеніи не въ чемъ иномъ и состоитъ, какъ именно въ самопричинной, безусловной самоопредѣленности; напротивъ то, что не въ состояніи самоопредѣлять себя, что количественно только безпредѣльно, подобно разсѣянному свѣту, истинно абсолютнымъ никоимъ образомъ не можетъ быть названо. Но такъ какъ самоопредѣлять себя можетъ только существо духовное, обладающее волею и разумомъ, слѣдовательно

личное, то, значить, и Богъ, какъ бытіе абсолютно самоопредѣляющее себя, не только можетъ быть мыслимъ личнымъ существомъ, безъ нарушенія Его абсолютности, но и долженъ *по преимуществу* быть мыслимъ таковымъ, въ силу Его абсолютной самоопредѣляемости. И этотъ выводъ изъ понятія объ истинной абсолютности нисколько не ослабляется и тѣмъ болѣе не опровергается тою мыслию Шлейермахера, что личность *возникаетъ* будто бы только вслѣдствіе отношенія бытія, становящагося личнымъ, къ иному *внѣшнему* бытію. Мысль эта во первыхъ не совсѣмъ справедлива, а во вторыхъ и въ правильномъ своемъ значеніи можетъ быть допущена только въ приложеніи къ конечной человѣческой личности. Нельзя сказать, что личность *возникаетъ* чрезъ отношеніе бытія, становящагося личнымъ, къ иному внѣшнему бытію. То, что лежитъ въ основѣ личности, наше *я*, конечно, *мыслится* нами въ отношеніи или точнѣе въ противоположеніи къ тому, что не есть *я*, къ *не-я*, вслѣдствіи чего и образуется мнѣніе, будто одно *возникаетъ* впервые только чрезъ отношеніе къ другому; на самомъ же дѣлѣ тутъ простое лишь смѣшеніе логической мыслимости съ реальною возможностью существованія. *Я* реально существуетъ прежде, нежели поставляетъ себя въ отношеніе и противоположеніе къ иному бытію,—существуетъ въ нашемъ самочувствованіи, и то, что составляетъ существо нашего *я* *прежде* противоположенія, служитъ основаніемъ, почему и *въ* противоположеніи оно является именно какъ *я*, т. е. какъ личное бытіе, а не какъ *не-я*.

„Если бы, говорить Лотце, ни одинъ изъ этихъ членовъ противоположности (*я* и *не-я*) не имѣлъ, кромѣ противоположности, своего твердаго (самостоятельнаго) смысла, тогда не только не оставалось бы никакого основанія рѣшить вопросъ, которому же изъ двухъ членовъ противоположности занимать мѣсто *я* и которому—мѣсто *не-я*, но утратился бы даже и всякій смыслъ подобнаго вопроса“¹⁾.

¹⁾ Мирозосмъ. Ч. 3. стр. 680.

Далѣе, нельзя сказать и того, будто личность требуетъ, какъ *существенно* необходимаго условія для себя, чтобы субъектъ относился и поставлялъ себя въ противоположность къ *не-я*, понимаемому *непрѣмьно* въ смыслѣ *внѣшняю* бытія. Личность возможна и безъ отношенія къ внѣшнему бытію при одномъ отношеніи къ бытію *внутреннему*, составляющему содержаніе самаго субъекта; нужно только, чтобы субъектъ могъ рефлексировать на себя самаго, т. е. созерцательно относится къ себѣ и все, что составляетъ его внутреннее содержаніе, полагать, какъ свое *собственное*, относить къ своему я, какъ центру, а съ тѣмъ *внѣстѣ* и опредѣлять себя, выходя извнутри себя же самаго. Поэтому, чѣмъ богаче внутреннее содержаніе субъекта, и чѣмъ цѣлостнѣе и яснѣе оно созерцается, какъ его собственное, а въ связи съ этимъ, чѣмъ сознательнѣе и свободнѣе и самоопредѣленіе его, тѣмъ совершеннѣе и личность. Конечно, что касается человѣка, то онъ становится личностію не безъ отношенія и къ внѣшнему бытію, т. е. къ другимъ личностямъ и къ безличной природѣ; но необходимость этого условія для образованія его личности есть лишь *слѣдствіе* его *ограниченности, конечности*. Въ самомъ понятіи конечнаго существа лежитъ то, что оно должно подвергаться вліяніямъ отвнѣ и развиваться подъ условіемъ ихъ, ибо всякое конечное существо есть только часть міроваго цѣлаго и, какъ часть, не можетъ стоять внѣ вліяній на него со стороны остальныхъ частей цѣлаго. И человѣкъ, какъ существо также конечное, всецѣло никогда не можетъ освободиться отъ внѣшнихъ вліяній; но особенно сильна зависимость его отъ нихъ въ самомъ началѣ его жизни и развитія. Правда, и тогда человѣческой духъ не есть вѣчто совершенно пустое, безсодержательное, а обладаетъ уже нѣкоторыми нормами и законами, сообразно которымъ должно совершаться развитіе его жизни; но безъ воздѣйствія со стороны внѣшняго бытія онъ все же не въ состояніи ни начать этого развитія, ни достать матеріала для него: отъ внѣшняго бытія, и въ началѣ почти

исключительно отъ него одного, онъ получаетъ и побуды и матеріалъ для своего развитія. Съ воспріятіемъ и увеличеніемъ матеріала, приводящаго отвѣтъ, человѣкъ начинаетъ постепенно входить и вовнутрь себя и отличать свое я отъ всего иного, вслѣдствіе чего у него является болѣе или менѣе ясное самосознаніе, а съ самосознаніемъ проявляется и стремленіе къ свободному самоопредѣленію, т. е. образуется личность. Такимъ образомъ личность человѣческая есть хотя результатъ собственно внутренняго духовнаго развитія, но развитія, совершающагося только при необходимомъ содѣйствіи вѣшняго фактора. Но что необходимо для образованія человѣческой личности, въ слѣдствіе именно ограниченности человѣка, то во все не необходимо для Бога, какъ абсолютнаго Духа. Всѣ условія личнаго бытія заключаются въ Немъ же самомъ: во первыхъ Онъ отъ вѣчности есть неистощимое богатство духовнаго содержанія и не нуждается потому ни въ какомъ иномъ, приводящемъ отвѣтъ, содержаніи, чтобы чрезъ отношеніе къ нему придти къ самосознанію; Его самосознаніе покоится на чисто внутреннемъ созерцаніи и саморазличеніи, и всегда было и есть абсолютно совершенно; затѣмъ и для проявленія своего самоопредѣленія Онъ также не нуждается ни въ какомъ вѣшнемъ побудѣ, потому что Его самоопредѣленіе всегда исходитъ извнутри Его же собственнаго существа. Такимъ образомъ и понятіе личности приводитъ насъ къ тому же выводу, къ какому привело понятіе истинной абсолютности, т. е., что Богъ не только можетъ быть мыслимъ, безо всякаго нарушенія Его абсолютности, но и долженъ быть мыслимъ по преимуществу личнымъ существомъ. Личность есть совершеннѣйшая форма духовнаго бытія, какую мышленіе можетъ представить себѣ.

Въ тѣсной связи съ понятіемъ абсолютной и вѣчной личности Божіей стоитъ и христіанско-догматическое ученіе о Богѣ, какъ *Творцѣ міра*. Поэтому Шлейермахеръ, понявшій Бога только какъ простое, неразличимое единство, для котораго предикать личности былъ бы только ограниченіемъ,

естественно отрицательно отнесся и къ этому ученію. По его мнѣнію, высказанному въ Діалектикѣ, ученіе о твореніи въ сущности будто бы тождественно съ спинозистическимъ ученіемъ о происхожденіи міра, потому что и тамъ и здѣсь міръ понимается только какъ „цѣлостное явленіе или откровеніе“ Бога, какъ высшей силы ¹⁾. Но насколько это несправедливо, очевидно для всякаго, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ тѣмъ и другимъ ученіемъ. По Спинозѣ, міръ дѣйствительно есть только явленіе или обнаруженіе Божества, мыслимаго какъ *natura naturans* или какъ сила, и притомъ явленіе столь же необходимое, какъ необходимо напр. природѣ треугольника равенство его угловъ двумъ прямымъ; между тѣмъ по христіанско-догматическому ученію о твореніи, міръ есть *свободное* дѣло личнаго Бога, восхотѣвшаго по любви своей (а не по необходимости) привести его изъ небытія въ бытіе и дать ему относительно самостоятельное существованіе, чтобы осуществлялось и устроилось въ немъ, сообразно предначертаннымъ ему цѣлямъ и при живомъ отношеніи къ нему творческой причины, царство любви, истины, добра и красоты. Шлейермахеръ критически относится къ ученію о твореніи и въ своемъ Ввѣрученіи, но основанія, на которыя онъ упираетъ при этомъ, столь же мало могутъ быть признаны состоятельными. По словамъ богослова, ученіе о твореніи міра въ общепринятомъ его значеніи вноситъ будто бы ограниченность въ существо Божіе, такъ какъ оно предполагаетъ въ Богѣ сперва предуготовительную дѣятельность, состоящую въ положеніи идеальнаго міра или идеи міра, и затѣмъ исполнительную, состоящую въ реализаціи идеальнаго міра въ видимомъ пространственно-временномъ мірѣ, т. е. предполагаетъ послѣдовательность актовъ божественной дѣятельности, что не возможно безъ ограниченія Бога. Но почему же именно послѣдовательность актовъ божественной дѣятельности непременно должна ограничивать Бога?

¹⁾ Dial. p. 119.

Только въ томъ случаѣ она могла бы ограничивать Его, если бы акты божественной дѣятельности впервые являлись всякій разъ вслѣдствіе соображенія и размышленія, подобно тому какъ бываетъ у человѣка; но не такъ на самомъ дѣлѣ нужно мыслить ихъ въ Богѣ. Богъ отъ вѣчности предвидитъ всѣ акты своей дѣятельности, равно какъ и послѣдовательность ихъ осуществленія, а въ такомъ разѣ ни о какомъ ограниченіи *Бога* не можетъ быть и рѣчи. Потому же самому нельзя въ строгомъ смыслѣ говорить и о *предуготовительной* дѣятельности въ Богѣ, состоящей въ положеніи идеи міра. Идея міра вовсе не есть результатъ какой либо предуготовительной дѣятельности Божіей, а также отъ вѣчности была присуща Богу; относительно даже самаго акта осуществленія божественнымъ всемогуществомъ идеи міра въ дѣйствительный міръ нельзя собственно сказать, что онъ совершился *во времени*, ибо это значило бы, что и до этого акта существовало время, какъ нѣчто реальное, напротивъ виѣствѣ съ дѣйствительнымъ міромъ началось и самое время въ собственномъ его значеніи, или, какъ прекрасно выразился бл. Августинъ, „*mundus non in tempore, sed cum tempore factus est*“¹⁾. Шлейермахеръ думалъ видѣть несостоятельность ученія о твореніи и въ томъ, что оно, понимая міръ какъ *чисто свободное* или какъ *производительное* дѣло Божіе, могущее быть и не быть, тѣмъ самымъ допускаетъ будто бы *произволъ* и въ самомъ Богѣ; но и это положеніе богослова покоится на ложномъ толкованіи догматическо-христіанскаго ученія о твореніи. По этому ученію, твореніе міра имѣетъ свое основаніе не въ какомъ-либо произволѣ, который въ Богѣ и невозможенъ, а единственно въ безконечной любви Божіей, желающей чтобы было и иное бытіе, могущее участвовать въ ея благахъ. Но въ существѣ любви, конечно, нѣтъ никакого произвола, равно какъ съ другой стороны она не слѣдуетъ въ своемъ

¹⁾ De civit. lib. XI. c. v. Взглядъ бл. Августина на начальность происхожденія міра болѣе подробно изложенъ въ „Чтеніяхъ по догматическому богословію“ Архим. Сильвестра. Труды акад., 1882, кн. 10, стр. 137 и д.

обнаруженіи и чистой необходимости: любовь есть живое и сознательное единство свободы и необходимости.

Въ Вѣроученіи Шлейермахеръ трактуетъ и о божественномъ міропромышленіи подъ терминомъ „мірохраненія“, но что сказано имъ объ этомъ предметѣ, то столь же далеко отстоитъ отъ истины, сколь далеко отъ нея его взглядъ на міротвореніе. Подъ мірохраненіемъ Шлейермахеръ разумѣетъ божественную причинность, насколько она существуетъ только какъ натуральная связь существъ и вещей міра; внѣ и помимо этой связи божественная причинность ни по своему существованію, ни по проявленію не должна быть и мыслима, а отсюда само собою слѣдовало, что ни къ чему единичному она не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія. Что этотъ взглядъ на божественное мірохраненіе вполне гармонируетъ съ Шлейермахеровою идеею Бога, какъ абсолютнаго единства или какъ принципа, объединяющаго все противоположное, существующее въ мірѣ, это конечно несомнѣнно; но съ истинно теистической точки зрѣнія онъ никоимъ образомъ не можетъ быть оправданъ. Въ немъ неправильна уже та мысль, будто мірохранящая сила Божія существуетъ и проявляется только въ общей натуральной связи и ни на что единичное непосредственно не простирается,—неправильна прежде всего потому, что не согласна съ св. Писаніемъ, которое говоритъ, что не только законы природы стоятъ во власти Божіей, поелику они и положены самимъ же Богомъ (Псал. 148, 8; Іерем. 31, 35. 36) и не только всѣ явленія природы—громъ, буря, градъ и т. п. совершаются по Волѣ же Божіей, но даже и такіе, повидимому, ничтожные предметы, какъ полевая лилія, не исключены изъ всеобъемлющей промыслительности Божіей, и что въ особенности на людей Богъ простираетъ свой промыслительный взоръ, ибо „Имъ мы живемъ, движемся и существуемъ (Дѣян. 17, 28), такъ что даже волосъ на головѣ не падаетъ безъ соизволенія на то Воли Божіей,—неправильна далѣе и потому, что противъ нея говорятъ и

простыя соображенія безпристрастнаго мышленія. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ препятствовать всемогущей Волѣ Божіей простирать свою охранительную силу непосредственно и на каждое единичное бытіе? Ничтожество этого бытія? Но оно не ничтожно, потому что есть такое же твореніе Божіе, какъ и общіе законы міра; а если ближе всмотрѣться въ каждое единичное бытіе, особенно въ бытіе органическихъ и одушевленныхъ существъ, то окажется, что каждое такое бытіе представляетъ собою въ существенномъ такую же законосообразную и цѣлесообразную связь силъ, какую мы замѣчаемъ лишь въ большей мѣрѣ и въ цѣлой природѣ, и слѣдовательно, коль скоро допускается мірохранящая дѣятельность Божія по отношенію къ общей законосообразности или къ натуральной связи всѣхъ вещей и существъ, то было бы не совѣсть послѣдовательно отрицать ту же божественную дѣятельность и по отношенію къ единичному бытію, которое само по себѣ также есть законосообразное бытіе. Самое же главное,—съ признаніемъ правильности той мысли, что мірохранящая дѣятельность Божія простирается лишь на общую натуральную связь вещей и существъ и помимо ея не имѣетъ никакого отношенія къ единичному бытію, теряло бы всякій разумный смыслъ присущее человѣку и всему человѣчеству убѣжденіе въ дѣйственности молитвы, или въ возможности исполненія возносимыхъ къ Богу молитвенныхъ прошеній. Убѣжденіе это было бы тогда простой лишь субъективной иллюзіей, не имѣющей реальной основы для себя. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ и всеобщность этого убѣжденія въ человѣчествѣ, и неуничтожимость его даже въ людяхъ научно образованныхъ, если только не потеряна у нихъ вѣра въ живаго и личнаго Бога, и наконецъ многочисленные факты исполненія молитвенныхъ прошеній, возносимыхъ къ Богу съ искреннею вѣрою какъ от дѣльными лицами, такъ особенно церковію,—все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ за то, что присущее человѣку

и человѣчеству убѣжденіе въ дѣйственности молитвы не простая субъективная иллюзія, а имѣетъ реальную основу.

Но и помимо указаннаго недостатка, Шлейермахеръ все же остается еще крайне одностороннимъ въ разсматриваемомъ пунктѣ своего ученія. Онъ говоритъ только о божественномъ мірохраненіи, и то въ томъ лишь смыслѣ, что божественная причинность имманентно существуетъ и проявляется только какъ ничѣмъ не нарушимая натуральная связь вещей и существъ; но это—если бы даже было понято и вполне правильно—есть только еще одна сторона въ общемъ понятіи божественнаго міропродвиженія. Последнее состоитъ не въ одномъ только сохраненіи и поддержаніи законосообразной связи міра, равно какъ и всѣхъ отдѣльныхъ частей его, но и въ дѣятельномъ направленіи всей жизни міра и въ произведеніи новыхъ началъ, не могущихъ произойти чисто естественнымъ путемъ. На такія новыя начала указываютъ нѣкоторыя эпохи въ исторіи міра и особенно въ исторіи человѣчества, когда возникаютъ новыя какія нибудь идеи и возвышаются новыя формы жизни надъ развалинами стараго. Объяснить ихъ появленіе изъ взаимодѣйствія стараго нельзя; имъ обыкновенно предшествуетъ разложеніе стараго и упадокъ его продуктивной силы, а что разъ распалось и вступило во внутреннее противорѣчіе, то само собою не въ состояніи произвести ничего новаго и высшаго. Новыя начала прежде своего осуществленія въ жизни не существовали нигдѣ въ конечномъ бытіи, а существовали идеально въ разумѣ Божіемъ и реальными становятся только чрезъ всемогущество Божіе. Но эта дѣятельность божественной Воли, проявляющаяся въ творческомъ положеніи въ жизнь конечнаго бытія новыхъ началъ или идей, не должна однако быть мыслима такъ, какъ будто она стоитъ внѣ всякой связи съ мірохранящей божественной дѣятельностію, отъ которой зависитъ существованіе въ мірѣ законосообразнаго порядка; напротивъ то—одна и таже всемогущая Воля Божія, которая проявляетъ свою

дѣятельность съ одной стороны въ сохраненіи и поддержаніи существующаго міропорядка, а съ другой въ положеніи въ немъ новыхъ началъ, а потому и это новое, высшее, вступая въ дѣйствительную жизнь, не нарушаетъ собой порядка и законосообразности ея, а только возвышаетъ и направляетъ ее къ той цѣли, которая должна быть осуществлена ею по предопредѣленію божественному. Самое вступленіе новаго и высшаго въ дѣйствительную мировую жизнь совершается обыкновенно не сразу, а тогда, когда она становится способной къ воспріятію новаго, когда исполнится для него время. Эту творчески продолжающуюся въ жизни міра и особенно человѣчества и не стоящую въ разногласіи съ мірохраненіемъ божественную дѣятельность мы можемъ назвать божественнымъ *міроправленіемъ*. Въ одномъ мѣстѣ Вѣроученія упоминаетъ о божественномъ міроправленіи и Шлейермахеръ, но повимаетъ его однакожъ такъ, что оно почти совсѣмъ совпадаетъ съ божественнымъ мірохраненіемъ. Міроправленіе, по мысли Шлейермахера, означаетъ не живое и дѣятельное отношеніе Бога къ міру и человѣчеству, а лишь то, что все къ мірѣ и прежде всего человѣческая природа изначала опредѣлены Богомъ въ отношеніи къ искупительному откровенію силы Божества во І. Христѣ, а чрезъ Него и во всѣхъ вѣрующихъ въ Него; въ силу этого изначальнаго опредѣленія Божія и совершается само собою все теченіе человѣческихъ и натуральныхъ событій безъ особаго уже воздѣйствія Божія. По крайней мѣрѣ, необходимости такого воздѣйствія у Шлейермахера не указано.

Съ нашей текстической точки зрѣнія на Бога, какъ на личное существо, Творца міра и Промыслителя, получаютъ совершенно иное значеніе и свойства *Божіи*, чѣмъ какое усвоилъ имъ Шлейермахеръ въ своемъ Вѣроученіи. Какъ извѣстно, Шлейермахеръ рѣшительно отвергъ объективное значеніе божественныхъ свойствъ, т. е. значеніе ихъ, какъ особыхъ опредѣленностей въ Богѣ, на томъ осно-

ваніи, что тогда и самъ Богъ былъ бы существомъ сложнымъ и потому ограниченнымъ; не хотѣлъ признать ихъ и какъ различные способы выраженія реального отношенія Бога къ міру, потому что и въ этомъ значеніи онѣ ограничивали бы Бога, указывая въ Немъ на разность функций. Напротивъ онъ усвоилъ имъ лишь субъективное значеніе, признавъ ихъ только различными способами отношенія религіознаго чувствованія къ рефлектируемой изъ него же абсолютной причинности,—въглядъ безъ сомнѣнія послѣдовательный съ точки зрѣнія на Бога, какъ на абсолютно-индифферентное единство. Но коль скоро Богъ есть живая и изначальная личность, то уже это понятіе даетъ намъ несомнѣнное право предполагать, что Богъ обладаетъ свойствами, присущими вообще духовному бытію, свойствами, конечно, абсолютно совершеннѣйшими, какъ совершенна и личность или духовность Божія. И это предположеніе вполнѣ подтверждается. затѣмъ понятіемъ о Богѣ, какъ Творцѣ. Ибо кто признаетъ Бога истиннымъ и дѣйствительнымъ Творцомъ міра, кто въ мірѣ, какъ близкомъ къ Нему и родственномъ Ему произведеніи, видитъ, какъ вездѣ, такъ особенно въ высшихъ и совершеннѣйшихъ созданіяхъ, образъ совершенствъ Его, тотъ можетъ ли придти къ той мысли, чтобы въ самомъ Богѣ совершенно ничего не было схожаго и аналогическаго съ тѣмъ, что лучшаго и совершеннѣйшаго усматривается имъ въ мірѣ? Кому не извѣстенъ тотъ всеобщій законъ соотношеній между причиной и дѣйствіемъ, въ силу котораго мы всегда считаемъ себя вправѣ по дѣйствію судить о самой причинѣ его, зная, что все, что проясляется въ дѣйствіи, относится къ причинѣ, что не будь этого въ причинѣ, не было бы его и въ дѣйствіи? На какомъ же основаніи мы, столько усматривая въ мірѣ отобразовъ возвышеннѣйшихъ качествъ и совершенствъ его Виновника, стали бы утверждать, что въ самомъ Виновникѣ міра ничего нѣтъ похожаго на все это, что между Нимъ самимъ и Его отображеніемъ въ мірѣ никакого нѣтъ

внутренняго соотношенія и что послѣднее существуетъ само собою, независимо отъ перваго, и не имѣя въ немъ никакого для себя основанія? Разсуждать такимъ образомъ значитъ—или противорѣчить себѣ, или отказаться признавать Бога Творцемъ міра, или же наконецъ самый міръ считать не дѣйствительнымъ, а только призрочнымъ произведеніемъ Божиимъ⁴⁾.—Тоже самое подтверждается наконецъ и повятіемъ о Богѣ, какъ Промыслителѣ. Ибо, если на основаніи характера или качествъ всякой вообще дѣятельности мы можемъ заключать о характерѣ или качествахъ самаго дѣятеля, то стало быть и на основаніи характера дѣятельности божественнаго міропромышленія возможно дѣлать заключеніе о свойствахъ Божіихъ, обнаруживающихся въ этой дѣятельности. И такое заключеніе всегда дѣлала безпристрастная мысль въ лицѣ лучшихъ ея представителей, углублявшихся съ религіозною вѣрою въ сердцахъ въ созерцаніе міра и человѣчества, въ которомъ (человѣчествѣ) по преимуществу и открывается божественное промышленіе. Въ виду возраженія Шлейермахера здѣсь слѣдуетъ еще спросить: признаніемъ въ Богѣ свойствъ не вносится ли сложность въ самое существо Божіе? Конечно, если понимать ихъ, (по примѣру Д. Скота и социніанъ) какъ совершенно отлчныя и отдѣльныя одна отъ другой стороны или формы бытія Божія. Но вѣдь когда говорить о божественныхъ свойствахъ христіанская догматика, то понимаетъ или должна понимать ихъ не въ этомъ, а въ иномъ смыслѣ. Свойства находятся въ Богѣ, не какъ отличныя и отдѣльныя стороны Его бытія, а въ живомъ, нераздѣльномъ единствѣ между собою, ибо то—одно и тоже существо Божіе, которое открывается намъ и благимъ, и премудрымъ, и святымъ, и правосуднымъ и т. д. При этомъ отнюдь не слѣ-

⁴⁾ Опытъ правосл. догматическаго Богословія, архим. Сильвестра, 1881 г., т. II, стр. 55 в д.

дуетъ допускать и той мысли, будто существо Божіе вполне открывается въ своихъ свойствахъ; напротивъ Оно открывается въ нихъ только, такъ сказать, одною стороною, именно тою, какою обращено къ міру, содержа въ себѣ самомъ кромѣ этого много иного, что вѣдомо только Ему одному, и что для другихъ сокрыто. Въ своемъ всецѣломъ существѣ Богъ есть безконечная глубина всего совершеннаго, проникнуть въ которую и вполне познать никакой конечный умъ самъ по себѣ не въ состояніи.

Такимъ образомъ рассматриваемое съ теистической точки зрѣнія ученіе Шлейермахера о Богѣ и Его отношеніи къ міру оказывается во всѣхъ своихъ пунктахъ болѣе или менѣе несостоятельнымъ, и таково оно въ силу именно своего пантеистическаго характера.

Посмотримъ теперь, не болѣе ли удовлетворительно ученіе нашего богослова о субъективной сторонѣ религіи.

Ө. Орнатскій.

(Окончаніе будетъ).

О ШТУНДИЗМЪ.

Условія его происхожденія и развитія, и мѣры потребныя православной Церкви для борьбы съ нимъ.

Народъ и условія его жизни, рассматриваемыя въ отношеніи къ штундизму.

(Продолженіе *).

Отношеніе къ штундовому движенію мѣстнаго класса образованныхъ и чиновныхъ лицъ; отношеніе мѣстныхъ инновѣрныхъ и иноплеменныхъ элементовъ населенія—поляковъ и евреевъ.

Мы обозрѣли въ прежней книгѣ положеніе двухъ главныхъ сторонъ, изъ которыхъ слагается наша церковная жизнь,—народа и духовенства, насколько мнѣ это казалось нужнымъ для уясненія причинъ развитія у насъ штундизма, этой зловѣщей тучи, облегшей горизонтъ Церкви Божіей не здѣсь только, но по всему югу Россіи... Однако мой очеркъ положенія дѣлъ въ нашей мѣстности въ рассматриваемомъ отношеніи будетъ не полонъ, если я не коснусь здѣсь еще нѣкоторыхъ другихъ элементовъ нашей среды, которые далеко не незначительны въ нашей общественной жизни и не безразличны въ отношеніи къ поднятому у насъ штундизмомъ движенію.

Прежде всего нужно сказать о классѣ образованныхъ и чиновныхъ людей, т. е., нашей мѣстной аристократіи и бюрократіи, или вообще о нашей интеллигенціи. Этотъ классъ у насъ, какъ и вездѣ почти, сравнительно не великъ, но за то

*) См. Труды Киев. дух. Академіи, 1884 г., к. январь.

очень важенъ, какъ сила господствующая и правящая. Господство и правленіе нашей (какъ и всякой вообще) интеллигенціи я разумѣю не только внѣшнее, начальственное (бюрократической ея части), но и болѣе внутреннее, — духовное, — господство надъ умами и вообще надъ нашей внутренней жизнію. Конечно наша чиновная среда преимущественно управляетъ внѣшнимъ ходомъ нашей общественной жизни. Но, какъ извѣстно, господство внѣшнее влечетъ за собой въ той или иной степени и господство внутреннее точно также, какъ бываетъ и наоборотъ. Наблюдая внѣшній порядокъ нашей жизни, она не можетъ не вліять на внутренній строй ея; имѣя предметомъ надзора и попеченія своего по преимуществу нашу общественную жизнь, она не можетъ не касаться въ томъ или другомъ случаѣ личнаго ея элемента; вѣдая наши дѣла, она не можетъ не касаться внутренняго источника этихъ дѣлъ — сознанія и совѣсти. Въ особенности наша интеллигенція можетъ воздѣйствовать и воздѣйствуетъ на ту область нашего духа, которая, кажется, болѣе всего открыта стороннему вліянію, именно область мысли и убѣжденія. Интеллигенція у насъ пользуется общимъ почетомъ. Духовенство наше относится къ ней съ особымъ почтеніемъ и отличаетъ ее особымъ вниманіемъ, видя въ ней сферу близкую и родственную себѣ и по положенію и по образованію. Тѣмъ болѣе готовъ уважать ее нашъ народъ, видящій въ ней не только свое начальство, но и людей знающихъ, ученыхъ, разумныхъ. Съ обѣихъ сторонъ нашей народной среды (духовенства и собственно народа) интеллигентный классъ почитаютъ и слушаютъ охотно. Правда, само духовенство наше поставлено надъ народомъ (равно какъ и надъ интеллигенціей) для того, чтобы руководить и наставлять его въ путяхъ жизни, воспитывать его въ вѣрѣ и благочестіи и посредствомъ совѣсти и чрезъ данную ему отъ Бога власть воздѣйствовать на всю нашу духовную жизнь. Но не сомнѣнно и то, что духовенство у насъ, какъ и вездѣ въ православномъ мірѣ, не претендуетъ на исклю-

чительное обладаніе совѣстію и разумомъ народа, зная хорошо, что въ организмѣ Церкви всѣ—одинъ для другаго члены и могутъ быть полезны другъ другу по мѣрѣ дарованій каждому отъ Бога, и что нѣтъ такого члена въ этомъ организмѣ, который бы могъ не нуждаться въ другомъ (1 Кор. XII гл.). Съ другой стороны и нашъ народъ, если и имѣетъ предъ собою духовнаго отца, учителя и наставника, то однако онъ нисколько не считаетъ для себя излишнимъ прислушиваться и принимать къ свѣдѣнію то, что говорятъ ему другіе, въ особенности тѣ, которыхъ считаетъ онъ за людей знающихъ ученыхъ, и разумныхъ. Такое отношеніе къ нашей интеллигенціи совершенно естественно при томъ назначеніи, которое она должна бы выполнять въ нашей общественной народной жизни. Интеллигенція по идеѣ своей есть разумъ народа, есть воспитательная сила, содѣйствующая своимъ руководствомъ развитію въ народной жизни силъ и началъ, служащихъ къ ея нормальному развитію и усовершенствованію. Само собою понятно, что такой классъ не долженъ отдѣлять себя отъ народа. Интеллигенція есть разумъ народа, но разумъ не въ томъ смыслѣ, будто она должна давать народу разумъ свой особый, а въ томъ, что она носить въ себѣ и болѣе или менѣе совершенно раскрываетъ тотъ же разумъ, какой вложенъ въ душу и самаго народа. Интеллигенція не измышляетъ новыхъ формъ и не полагаетъ совершенно новыхъ началъ нашей жизни; напротивъ, она опирается на тѣ же основы, развиваетъ тоже содержаніе и въ тѣхъ же формахъ, какія даны въ самомъ духѣ народномъ. Къ числу этихъ основъ нашей жизни безспорно принадлежитъ наша вѣра православная и народность русская. Первая—элементъ идеальный, вторая реальный, первая—духовный, вторая мірской. И та и другая настолько существенны нашему народу, что безъ нихъ будетъ не мыслимъ и самъ народъ. Итакъ, если интеллигенція существуетъ у насъ для развитія народной жизни, то она должна крѣпко стоять на началахъ православной вѣры

и русской народности. „Понятіе истинно интеллигентный“ у насъ должно быть равнозначущимъ понятію истинно-русскій и „истинно и искренне православный“. Такова должна быть наша интеллигенція по идеѣ; но такова ли она у насъ на самомъ дѣлѣ? При взглядѣ на нашу интеллигенцію, прежде всего мнѣ бросается въ глаза ея рѣзкая обособленность и удаленіе отъ народа. Нашъ простолюдинъ, при всемъ уваженіи къ людямъ образованнымъ, ни за что не допуститъ мысли, что наши интеллигенты—тоже что и онъ; это, по его словамъ, „панство, господа, благородные“, а не „люды“, или точнѣе не изъ народа: да и сама интеллигенція, величая себя этимъ именемъ, една ли серьезно причисляетъ себя къ народу, который она зоветъ „чернью“. Видно, что эти люди, хотя и русскіе и православные, все же далеко не то, что нашъ простой народъ. Что же это значитъ?—Не означаетъ ли это только того, что народъ нашъ этимъ хочетъ отличить отъ себя интеллигенцію, (которую онъ, какъ сказано выше, очень уважаетъ), а послѣдняя—выдѣлать себя изъ массы необразованныхъ, и болѣе ничего?—Очень хотѣлось бы думать такъ, но, признаюсь, мнѣ кажется, что раздѣленіе между нашимъ народомъ и интеллигенціей заходитъ гораздо далѣе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи между народомъ и нѣкоторой частью нашей мѣстной интеллигенціи. Я уже говорилъ выше о главной и лучшей части нашего простаго народа. Скажу и здѣсь, что эта часть (большинство) народа еще и теперь представляетъ весьма много хорошаго, почтеннаго. Если есть въ ней недостатки, то еще болѣе въ ней замѣчается достоинствъ, такихъ, которыя слѣдовало бы не только уважать, но которымъ не мѣшало бы и подражать. Между прочимъ я здѣсь хочу обратить вниманіе въ особенности на устойчивость народа въ основныхъ началахъ и формахъ своего бытія,—въ особенности же на вѣрность его Церкви Христовой и преданіямъ отеческимъ. Взгляните на какое угодно мѣсто, зараженное штундой, —вездѣ вы встрѣтите одно и тоже—твер-

доть основной, лучшей части народа въ православіи. Какъ бы ни сильно было броженіе умовъ въ данной мѣстности, все же значительная часть народа остается вѣрной Св. Церкви: среди безумныхъ восторговъ и шумной пляски вокругъ жертвенниковъ Ваала и Астарты, всегда и вездѣ вы найдете въ нашемъ народѣ и много добраго, вѣрнаго останка, который не преклоняетъ колѣнъ своихъ предъ измышленными отъ людей богами, и эта часть народа не опьяняется виномъ невѣрія, не поддается оболъщевію, но негодуетъ на эти безбожныя глумленія и ревнуетъ о своей святой вѣрѣ, какъ истинно отъ Христа происходящей, а не отъ челоуѣкъ измышленной и только „для глазъ“ къ Писанію прицѣпленной. Вотъ каковъ нашъ народъ въ лучшей его части. И онъ ли не достоинъ за это нѣкотораго уваженія и даже подражанія? Съ прискорбіемъ я долженъ сказать, что въ нашей интеллигенціи (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой ея части) не замѣтно ни справедливаго отношенія къ этой лучшей части нашего народа, ни особеннаго уваженія къ устоямъ нашей народной жизни. Часто приходится слышать такіе отзывы о народѣ, что онъ грубъ, суевѣренъ, глупъ... и пр., но рѣдко случается встрѣтить въ отзывахъ о немъ чтонибудь хорошее, даже—о той лучшей и здоровой части его, которая можетъ быть названа истинно-русской и истинно-православной. И по отношенію къ кореннымъ началамъ и вѣковымъ формамъ нашей народной жизни вообще а къ нашей Церкви въ особенности, въ интеллигенціи нашей, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ея, замѣтно много индифферентизма и космополитизма, чтобы не сказать болѣе. Воспроизвожу здѣсь въ своей памяти многое, что видѣть самому или отъ другихъ слышать приходилось, и невольно при этомъ на душу грусть налегаетъ... Я не желаю здѣсь касаться тѣхъ или другихъ частныхъ, но скажу вообще, что не добрымъ слухомъ объ этомъ вся наша земля полвится. Что, напр., означаютъ всеобщіе толки у насъ о томъ, что мѣстная полиція тянетъ за штудистами?... Какъ ни понимай эти толки, а все-таки нельзя

отнять у нихъ силы свидѣтельства о томъ, что полиція наша ужь довольно много потворствуетъ (если даже не содѣйствуетъ) штундовой агитаціи: нѣтъ дыма безъ огня... Будь полиція въ искреннихъ отношеніяхъ къ Церкви и законныхъ къ штундизму, не стали бы на нее и напраслину вводить. Быть можетъ, здѣсь кто-нибудь укажетъ на извѣстныя дѣяствія полиціи въ первую пору штундизма, когда она дѣйствовала даже черезъ чуръ усердно.—Такъ. Но это тогда и было. Притомъ же плохо и усердіе не по разуму. Не жалѣть о такой помощи, а желать слѣдуетъ, чтобы она въ такой формѣ больше не повторялась. Однако еще менѣе слѣдуетъ желать отъ полиціи и уѣзднаго начальства вообще такого положенія, при которомъ та или другое дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ потачника ереси и даже гонителя Православія. Вообще сказать нужно, что штундизмъ силенъ у насъ не однимъ своимъ положеніемъ, которое онъ самостоятельно завоевываетъ своими собственными силами и средствами среди населенія, а—и той аттестаціей, которую онъ получалъ отъ мнящихся здѣсь быть мудрыми. Напр. штундисты говорятъ: „за нами и паны господа; а те все що попы говорятъ, то вони самы для себе повидумовали: не вірте имъ...!“ Не всякій изъ нашего народа пропуститъ это мимо ушей: подумаетъ, посмотритъ, приложитъ на вѣсы еще чтонибудь, да и скажетъ: „оно и въ самомъ дѣлѣ...“ А отзывы о штундизмѣ ужь дѣйствительно бывають очень лестные: штундизмъ—свѣтлое явленіе въ нашей жизни ему предстоить великая будущность у насъ... штундисты—люди нравственности высокой,—умные,—пріятные... и проч. въ подобномъ родѣ. Одно лицо, котораго теперь уже нѣтъ на свѣтѣ, послѣ подобныхъ отзывовъ, говорило намъ: „напрасно вы стараетесь бороться съ этимъ прекраснымъ явленіемъ; къ нему уже самое время насъ ведетъ“... Что это такое?! Можно бы еще многое сказать, но и этого довольно. Sapienti sat.

Впрочемъ я здѣсь не хотѣлъ бы ограничиться одной

не свѣтлой стороны положенія нашей интеллигенціи въ настоящемъ случаѣ. Вышесказанное я относилъ только къ нѣкоторой части нашей интеллигенціи. Но есть, безъ сомнѣнія, у насъ и люди иные, — конечно, истинно рускіе и истинно-православные. О нихъ бы хотѣлось самому сказать, но предоставляю сказать тѣмъ, которые ближе съ ними знакомы. Я же въ настоящій разъ закончу свои сообщенія твердой надеждой и желаніемъ, чтобы эта часть интеллигенціи заявила о себѣ болѣе рѣшительно и сильно. Даже и о той части нашей интеллигенціи, о которой выше была рѣчь, нельзя сказать, чтобы она была вполне проникнута антипатіей къ своему родному русскому и православному. Скорѣе можно сказать, что это съ ея стороны простое легкомысліе и либеральныя замашки, а не полное отрицаніе существеннаго содержанія нашей народной жизни. Можно даже надѣяться, что съ теченіемъ времени, съ перемѣной вѣтра въ сферѣ общественной мысли въ Россіи и въ нашихъ верхнихъ слояхъ, у насъ также пойдутъ дѣла на иной ладъ и съ иными лучшими результатами; тогда и интеллигенція наша (во всей своей цѣлости) явится тѣмъ, чѣмъ ей слѣдуетъ быть для народа.

Въ заключеніе не могу не упомянуть въ двухъ-трехъ словахъ еще о двухъ немалочисленныхъ, довольно замѣтныхъ и вліятельныхъ элементахъ, которые, хотя и не единовѣрны и не одного племени или не одной народности съ нами, однако же очень зорко присматриваются къ намъ и далеко не безразличны къ тому, что дѣется у насъ или съ нами, — это поляки и евреи. Вліяніе этихъ элементовъ на наше основное народонаселеніе такъ или иначе, хоть и не вездѣ съ одинаковою силою, сказывается нынѣ, какъ и прежде сказывалось.

Въ свое время полякъ, или чаще на мѣстномъ языкѣ — ляхъ, былъ для насъ, русскихъ, а въ особенности для крестьянъ лицомъ до крайности антипатичнымъ, если даже не ненавистнымъ. Это чувство вкоренилось исторіей кровавыхъ гоненій и издѣвательствъ благороднаго шляхетства

надъ „схизматыцкимъ быдломъ“, и до послѣднихъ временъ почти во всей своей свѣжести поддерживалось крѣпостническимъ правомъ. Съ прекращеніемъ сего послѣдняго, стали заживать язвы народныхъ страданій,—стало затихать въ народѣ и чувство ненависти и отвращенія къ ляху. Самый характеръ поляка (по крайней мѣрѣ у насъ), подъ вѣдѣніемъ новаго положенія, сталъ какъ будто мягче, добрѣе и дружественнѣе: претензіозность, кичливость, заносчивость съ „москалемъ“ или „схизматыкомъ“ какъ-то рѣже теперь стала попадаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали завязываться между русскими и поляками болѣе искреннія и довѣрчивыя отношенія. Мнѣ очень пріятно сообщить здѣсь свое наблюденіе, что тѣ изъ поляковъ которые болѣе заняты спасеніемъ души своей, чѣмъ политикой и разными вождѣльнѣями на тему „отъ моря до моря“, не гнушаются ни русской народности и языка, ни православія. И въ отношеніи къ штундизму такіе поляки отнеслись съ должнымъ недоувѣріемъ. Носятся даже слухи, что нѣкоторые ксендзы ввѣщаютъ своимъ прихожанамъ отвращаться отъ штунды, какъ страшной заразы, тогда какъ рѣдкій изъ ксендзовъ можетъ противиться общенію католиковъ съ православными. И лучшіе изъ поляковъ нерѣдко открыто предъ народомъ заявляютъ свое сочувствіе православію, и даже въ диспуты съ пропагандистами вступаютъ, давая чрезъ то и православнымъ нравственную поддержку. Намъ извѣстенъ такой случай, что одинъ добрый католикъ (лѣсничій гр. Браницкаго Козницкій) своимъ личнымъ вліяніемъ отклонилъ нѣсколькихъ православныхъ отъ увлеченія штундой. Однако, не смотря на эти утѣшительныя явленія и факты, нельзя не признать, что еще много остается поворачиваться жернову исторіи, пока на всемъ нашемъ польскомъ обществѣ отстанетъ вора исключительности и исчезнетъ болѣзнь фаятстическихъ бредней и несбыточныхъ мечтаній. Трудно полякамъ отказаться совсѣмъ отъ тѣхъ вождѣльнѣй, которыя еще недавно такъ сильно экзальтировали защитниковъ

„ойчизны“. Между тѣмъ сила обстоятельствъ со всею очевидностію свидѣтельствуетъ о томъ, что партія польщизны въ нашемъ краѣ проиграна. Итакъ патріотамъ польщизны приходится скрыть свои завѣты подальше, затаить свою досаду поглубже. Здѣсь, намъ кажется, главный узелъ истинныхъ отношеній другой части нашего польскаго общества къ русскимъ интересамъ и интересамъ православія. Не ожидайте отъ этихъ людей искренности и благожеланія, вы не найдете въ нихъ соучастія нашему обществу русскому и православному ни въ радостныхъ, ни въ скорбныхъ событіяхъ нашего отечества и нашей Церкви. Напротивъ намъ видѣлось даже нѣчто совсѣмъ другое. Что бы значило, напр., слѣдующее обстоятельство, которое постоянно привлекало мое вниманіе: въ средѣ нашего простаго народа въ минуты особеннаго напряженія его мысли и чувства (напр., во время борьбы Россіи за нашихъ балканскихъ братьевъ,—во время ожиданій коронаціи Государя Императора,—въ разгаръ штундовской агитаціи...) постоянно распространяются какіето таинственнаго характера слухи (напр., о Скобелевѣ, что онъ перешолъ въ магометанскую вѣру, о страшномъ судѣ въ Августѣ мѣсяцѣ или же просто, въ концѣ прошедшаго 1881 года, о какомъ-то запечатанномъ письмѣ, съ неба упавшемъ, и пр. и пр.). Мнѣ хотѣлось добратся первоисточника этихъ слуховъ и, признаюсь, почти всегда путь слуховъ доходилъ до подобныхъ лицъ и на нихъ обрывался. Правда, нѣкоторые изъ этихъ слуховъ были ходячими и въ печати (напр., страшный судъ). Но почему эти слухи передавались людьми именно польскаго происхожденія, передавались какъ несомнѣнныя пророчества, а въ подтвержденіе даже читались газетныя сообщенія, которыя еще болѣе терроризовали массу, такъ что наши крестьяне приходили въ ужасъ, нѣкоторые даже въ обморокъ падали? Это еще болѣе странно при вниманіи къ тому обстоятельству, что сами провозвѣстники едвали вѣрили этимъ слухамъ!... Послѣ этого становится понятнымъ уже и то, какъ относятся такіе

господа къ тяжелой печали православія въ нашихъ мѣстахъ. Не съ сочувствіемъ и благожеланіемъ къ нашей Церкви (какъ тѣ, о которыхъ рѣчь была прежде,) высказываются эти господа, а съ явной враждой. Здѣсь забывается даже противорѣчіе самимъ себѣ, ибо порицаютъ то, что у себя въ католичествѣ признаютъ. Съ штундистами любезничаютъ, о нихъ съ похвалою отзываются, ихъ собранія посѣщаютъ и похваляютъ, а насъ, православныхъ, („поповъ“ въ особенности) охуждаютъ, и бранятъ публично, и дѣлаютъ это почти съ такою же ревностью, какъ и сами штундисты. Само собою разумѣется, что этотъ образъ дѣйствій если не причиняетъ новыхъ отпаденій отъ Церкви, то по крайней мѣрѣ отпадшихъ утверждаетъ въ отступничествѣ.

Евреи—эксплуататоры нашего края, а нашего народа въ особенности; они же и деморализаторы народа нашего по преимуществу. Евреи у насъ, какъ и вездѣ, народъ торговый и промышленный. Кромѣ городовъ, которыхъ торговля и отчасти ремесла и мастерства находятся въ рукахъ еврейскихъ, (впрочемъ ремесломъ и мастерствомъ занимаются очень немногіе, большинство же, кряхтя и изгибаясь, что называется, „въ три погибели“, деругся „въ куці“). Здѣшніе евреи разсѣлись у насъ по всѣмъ весямъ и деревнямъ и вездѣ успѣваютъ прибрать къ рукамъ своимъ самыя прибыточныя и доходныя статьи: кабаки, мельницы (водяныя), ставки; даже носессіи находятся почти исключительно въ ихъ рукахъ. Напрасны были старанія нашего правительства устроить это племя отъ цитейной торговли по селамъ: скорѣе можно десять Османъ-Пашей съ ихъ арміями изгнать изъ Плеввенскихъ позицій или заполонить, чѣмъ побѣдить это съ виду не воинственное племя, или выжить изъ какого нибудь насиженнаго тепленькаго мѣстечка; евреи въ упорствѣ непобѣдимы, въ хитростяхъ не истоцимы, за то въ матеріальныхъ благахъ жизни не оскудѣваютъ, но преуспѣваютъ и изобилуютъ, не смотря на свое замѣчательное многоплодіе. Но что всего возмутительнѣе, такъ это то, что еврей избѣ-

гаетъ производительнаго труда, который требуетъ большею частію мускульныхъ усилій, сторонится черной работы, даже и въ одеждѣ боится, какъ своей смерти, чего-нибудь грубаго, жесткаго или „неблагодарнаго“, (Толстое сѣрое сукно встрѣчаешь нрѣдка только у балагульщико́въ, а то все на нашихъ евреяхъ бумага, шерсть, сукна, атласъ и бархатъ). Вся суть жидовскихъ стремленій въ нашемъ краѣ, выражается въ слѣдующихъ тезисахъ: производительный трудъ, черная работа... не много даютъ; придется копить не рублями, а копѣйками и полушками... пожалуй, и за цѣлую жизнь не скоплю того, чего мнѣ хочется. Нѣтъ, не для чернаго труда мы существуемъ, на то мужикъ есть. А мы отъ него будемъ брать, сами будемъ ѣсть, да ему же или панамъ, либо въ сторону сбывать... А то на чтоже мы надѣлены отъ легovy умной головой?“ Гешешъ всепожирающій—вотъ нынѣ призваніе сыновъ талмудическаго Израиля! И какъ хищныя птицы, взмостились они по всѣмъ такимъ мѣстамъ, гдѣ крупной выгодой пахнетъ, и какъ встребы алчные бросаются они на добычу—иногда въ одиночку, а иногда цѣлою стаей... Ничто не уйдетъ теперь отъ цѣпкихъ загребущихъ рукъ ихъ. Чуть аренда открылась, либо мало-мальски прибыльное дѣло есть—не смѣй туда никто дотронуться: это „наше“, „до насъ слѣдуетъ“. Но довольно объ этомъ. Я упомянулъ объ этомъ для того, чтобы уяснить другую черту дѣятельности евреевъ по отношенію къ народу нашему—именно сторону деморализаторскую. Еврей живетъ трудомъ народа; онъ же и балауетъ и развращаетъ его, насколько прибыльно это для него самаго. Говорить ли о продѣлкахъ корчмарей—спиваньи зажиточныхъ крестьянъ, подпиваньи и подкупахъ сельскихъ выборныхъ, переводахъ краденныхъ вещей, разворительномъ ростовщичествѣ, объ организаціи ими конокрадствъ? Про эту спеціальность ихъ знаетъ и засвидѣтельствуетъ всякій, кто жилъ среди нихъ, кто часто встрѣчался съ ними на общихъ съ другими жизненныхъ путяхъ своихъ, кто, слѣдовательно, извѣдалъ ихъ самъ лично, а не

судить о нихъ по наслышкѣ, на основаніи того лишь, что пишутъ о нихъ извѣстная у насъ литература, или, — что по нашему мнѣнію еще хуже, — берется судить о нихъ съ безпредѣльныхъ высей гуманизма. Но зло отъ еврейскаго племени для нашего народа тѣмъ не ограничивается. Отъ него мы терпимъ еще нѣчто такое, что гораздо хуже указаннаго. Еврей знаетъ или лучше духомъ чувствуетъ, какъ опасно въ народѣ полное пробужденіе силъ его; онъ чувствуетъ, что съ этимъ пробужденіемъ его силъ связано стремленіе его къ освобожденію отъ тѣхъ путъ, которыми онъ въ настоящее время скованъ по рукамъ и ногамъ. Онъ радъ видѣть крестьянина простымъ, равнодушнымъ къ своему положенію. Если только крестьянинъ ему дѣйствительно такимъ является, то онъ готовъ съ нимъ даже подружить; онъ вступаетъ съ нимъ въ интимныя бесѣды, обращается за просто съ нимъ: онъ знаетъ, что это для него не вредитъ, а напротивъ пользуетъ ему, — подъ видомъ благопріятеля легче ему лѣзть въ крестьянскій карманъ. Лѣстивою рѣчью, лицемерной лаской, даже нѣкоторымъ почетомъ и угодливостью онъ старается забрать въ свои руки простодушнаго, — видимымъ добродушіемъ и благожелательствомъ онъ стремится усыпить въ народѣ его сознаніе своихъ собственныхъ интересовъ, — скрасить и замазать свои неправды, — свалить бѣду, въ которой въ значительной степени самъ виноватъ, непременно на другихъ; но что омерзительнѣе всего, это то, что видимо высасывая изъ народа соки до послѣдней крайности, онъ самыя свои эксплуататорскія продѣлки выставляетъ, какъ нѣкое благодѣяніе, безъ котораго-бы просто погибнуть человѣку пришлось: такъ бываетъ при отдачѣ денегъ за страшно высокіе раззорительные проценты, при торгахъ, когда заломивъ или предложивъ цѣну за товаръ, невѣроятно высокую или низкую, онъ оторопѣвшему или измученному крестьянину затѣмъ съ жалобными воплями спускаетъ или повышаетъ эту цѣну до половины первоначальнаго барыша и проч. Вотъ вся суть пріятельскихъ отношеній между на-

шими крестьянами и жидовскимъ племенемъ. Еврей дорожить нашимъ крестьяниномъ лишь настолько, насколько есть возможность усыпить его сознание и эксплуатировать его. Однакожь не все бываетъ коту масляница. Часто крестьянинъ высоко поднимаетъ голову и сказывается во всей своей истинносущей природѣ. Тогда онъ явно высказываетъ свое недовѣріе и презрѣніе къ жида. „Якъ можно, щобъ жыдъ на нашѣ спыні іздывъ? Мы трудымся, а вівъ тілько сыдыть, та ість..., та ще й сміетця надъ нами...“ (Такъ говорятъ лучшіе, хотя, обыкновенно, еще немногіе среди народа). И вотъ начинается агитація между народомъ изгнать „парха“ изъ корчмы... Не рѣдко священникъ присоединяетъ свой совѣтъ или совѣмъ закрыть кабакъ или, по крайней мѣрѣ, взять крестьянамъ его въ свои руки. Поднимается „гвультъ“ въ жидовскомъ притонѣ; приходится гнуться въ три погибели, обращаться и къ тому и къ другому съ моленіями и разными приложеніями: „пей N... пей, та тілько будь ласкавъ... оступись за мене!“ „И ты, Ив—ли, иды, чого ты боишься, выпей чарочку, на тобі й квартиру, не жалію, та гляды,—въ віділю на сході щобъ перекричавъ того-то и того-то!“ и т. д. и т. д. Большею частію жидъ побѣждаетъ. Но какъ глубоко тогда ненавидитъ проученный сынъ Израиля крестьянина. „Хамъ, мужикъ, гадюка, Гаманово ухо, жыдівскій патынокъ и попыхачъ, дурень, котораго я уже не мало годівъ за нісь вожу, хоче одъ мене вывернуца! А той півъ іще... яке его діло? Нехай свої квыші знае; а одъ мене хліба нехай не одбірае. Дождеця і вівъ чогось... отплачу і ему...“ И чуткому сердцу еврея отлично понятно то, что приводитъ человѣка, имъ эксплуатируемаго, къ сознанию себя: это, во первыхъ, народность, сознание нашимъ крестьяниномъ собственнаго достоинства и общности своихъ личныхъ интересовъ съ интересами прочихъ братій, а вовторыхъ, вѣра православно-христіанская—сокровищница божественной истины, которая не даютъ нашему крестьянину окончательно забыться, но постоянно отрезвляютъ и

оживляютъ его, освѣжаютъ его мысли и поднимаютъ его изъ усыпленія. И вотъ начинается еврей еще глубже ненавидѣть и то и другое. Итакъ къ догматическому, традиционному источнику озлобленія евреевъ противъ всего христіанскаго и русскаго прибавляется еще источникъ практической, житейской. Вопиющей неправдой будетъ считать нашихъ евреевъ гражданами нашего отечества. Не граждане это, а наши нахлѣбники, да еще въ добавокъ капризные, злые и неблагодарные. Лично я почти никогда не видѣлъ въ евреяхъ чего-либо подобающаго россійскому гражданину. Чѣмъ пахнутъ, напр., такіа слова: „якъ Царѣви вашему треба воювать, то яхай Собі бере изъ вашихъ, а не насъ, намъ воювать за васъ не треба“... И ни на что утѣшительное въ нашей жизни не отвѣчаютъ они съ искренней радостью, за то всегда бѣдѣ нашей злорадствуютъ. Если вообще они злорадствуютъ несчастіямъ въ нашей жизни, то тѣмъ охотнѣе они злорадствуютъ штундовому движенію, которое такъ унижаетъ теперь нашу вѣру, такъ раздѣляетъ силы народа, такъ ослабляетъ авторитетъ Церкви и значеніе духовенства. Чтобы мои сужденія не были голословными, позвольте привести здѣсь два примѣра, (каковыхъ впрочемъ я могъ бы привести и больше). Есть въ Таращѣ кузнецъ, старый уже, извѣстный подъ именемъ Янжела. Кузница его надъ самой дорогой, при вѣздѣ въ городъ со стороны Бѣлой Церкви, Керданъ и Кривой: у него очень часто крестьяне останавливаются для починки воевъ иликовки какой-нибудь хозяйственной вещи. Этотъ старый еврей, при всемъ своемъ косноязычїи, очень охочъ до разговоровъ съ крестьянами. А разговоры его обыкновенно бываютъ въ такомъ родѣ, что онъ называетъ крестьянина вдолоповлонникомъ, доказываетъ, что иконы запрещены Св. Писаніемъ, что праздниковъ въ честь святыхъ не должно быть, потому-что въ Моисеевомъ законѣ ихъ не было положено... и пр. При этомъ постоянно ссылается на штундистовъ. По нѣкоторымъ даннымъ намъ кажется, что онъ былъ

въ сношеніяхъ съ таращанскими штундистами, по крайней мѣрѣ мнѣ приходилось видѣть надѣлавшаго въ Таращѣ шуму пресвитера Козловскаго въ разговорѣ съ евреями у самой Янкелевой кузницы. А вотъ другой примѣръ, который привожу по памяти со словъ нынѣшняго священника с. Чаплинки, достоуважаемаго о. Романа Діаковскаго. Разсказъ идетъ про корчмаря Іоську Зисермана, загадочнаго, достойнѣйшаго друга и сотрудника въ насажденіи штундизма первымъ благовѣстникамъ, не знаю какого Евангелія среди нашего населенія, Герасиму Балабану, Ивану Лясоцкому и др. подробнымъ. Балабанъ, по своемъ водвореніи въ Чаплинкѣ, нашель въ Іоськѣ Зисерманѣ самаго усерднаго и способнаго помощника. У Іоськи была квартира Балабана. Здѣсь онъ устраивалъ угощенія для тѣхъ, которыхъ онъ считалъ благопріятными для своихъ плановъ. Угощенія бывали обильныя: цѣлыя ведра выставлялись Іоськой на это. За столомъ бывало Балабанъ поведеть рѣчь „о попахъ“. Собесѣдники слушаютъ сначала спокойно, а потомъ видятъ, что дѣло далеко слишкомъ заходить, и начинаютъ беспокоиться... Тогда приступаетъ на выручку Балабану Іось: онъ старается вдолбить въ голову оторопѣвшимъ или недоумѣвающимъ мужикамъ, что Балабанъ „правду каже“: „хиба не правда, що піпъ нашъ на вашему хлібові поправився? га?!... Та всі-то попы такі, якъ і нашъ; якъ вы терпите їхъ? на що вы держитесь їхъ? вони бісові обдырателі, вони ваші злодії...“ Помощь Іоськи была весьма кстати пропагандисту. Безъ него труднѣе ему было бы сбивать съ толку людей. Іосько имѣлъ большую силу у крестьянъ: „законникомъ и добрымъ чоловікомъ“ счумѣлъ онъ зарекомендовать себя; въ какой нибудь нуждѣ или затрудненіи мужикъ бредеть къ корчмѣ, а тутъ ужъ Іосько и напоить, и совѣтомъ не оставить. Бранчпная критика этого „разумнаго чоловіка“ противъ своего „попа“ (да, кстати ужъ, и противъ всѣхъ „поповъ“) очень много содѣйствовала виждренію въ сознаніе нѣкоторыхъ здѣшнихъ прихожанъ пренебрежительнаго

и даже презрительнаго отношенія „къ попу“ своему и другимъ. Такъ было при о. Низгодзинскомъ (человѣкъ, по отзывамъ многихъ, очень достойномъ). По смерти Низго, прѣвзжаю, рассказываетъ о. Романъ, на приходъ я. Самое первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это ужасное пьянство, шумныя сборища у корчмы и значеніе, которымъ пользуется Іось: всѣ идутъ къ нему, — „вінъ“, говорятъ, „у насъ разумный, такъ законы гарно знае, що куды кому?“... Недѣли двѣ или три по моему прибытію на приходъ бредеть Іось ко мнѣ, съ важностью входитъ въ комнату: на голову свой ермолокъ насунулъ, по пріятельски мнѣ руку подаеть, садится. Обидно, да и мерзко мнѣ стало при видѣ этого нахала: я уже зналъ, что надѣлалъ онъ моему предшественнику. Я рѣшился раздѣлаться съ нимъ поскорѣе. „Чего тебѣ надобно?“ спрашиваю. „Ну... якъ-то чого? прійшовъ познакомиться. Якъ же можно, щобъ мы й досі не були знакоми??...—„Знакомиться у меня есть много съ кѣмъ; а тебя я не знаю, да и знать-то не имѣю особенной нужды“...— „Та ну те лышынь, —чого то вы сердытесь?... давайте лучше посыдымъ, та поговоримъ“...— „Некогда мнѣ говорить съ тобой. Чего тебѣ нужно отъ меня?“...— „Якъ то чого нужно? Ну, може въ васъ е чого покурить, дайте мѣні на папіросъ съ десять“...— „Табаку у меня нѣтъ... Больше ничего не скажешь?“...— „Може вамъ чого буде треба одъ мене?“...— „Ничего мнѣ отъ тебя не нужно“...— „Якъ то такъ? Якъ же можно, щобъ вы безъ мене жылы?“...— „Очень просто. Водка твоя мнѣ не нужна... Такъ вотъ я ты мнѣ не нуженъ“...— „Чи вже таки вы обійдетесь безъ води? Вы ще не навчылись жить... Побачите потимъ... А я вамъ въ наборъ и на 20 и на 30 карбованцивъ повіру... Таже по сосідству намъ приходится жыть, то треба якось жыть“...— „А я говорю тебѣ, что ты мнѣ не нуженъ: ступай себѣ“... Взбудоражился жидъ. „Які то теперъ люды на світі стали горді! Якъ колысь було, то я тутъ у попівъ якъ свій чоловікъ: мѣні було й мука и всѣго, чого мѣні треба було, давали...

А теперь... ой, ой... Ну, прощайте!" Ушолъ. Начинаетъ распространять среди прихожанъ, что это сякой и такой человекъ. Всѣ козыремъ на меня смотрятъ; прошеніе собираются на меня писать, какъ на безпокойнаго. Мнѣ совсѣмъ нельзя было справиться съ корчемной интригой. Подогрѣтые Іосью крестьяне писали прошеніе на меня, снаряжали „комиссію“ изъ себя, потратились на уполномоченныхъ, во ничего, конечно, не успѣли, и бросили жаловаться „що жъ, за нымъ теперь скривъ рука,—ничого не зробишь“... Успокоились мои прихожане, но не успокоился Іосъ: бравится, да сплетни точить. „Плохо, думаю... Нужно избавиться отъ этого пріятеля. А тутъ еще бѣда: трудно достать улики на лицо; все вѣдь въ корчмѣ говорится, да и знаетъ хитрый Іосъ, кому что говорить. Такъ прошло шесть мѣсяцевъ, Іосъ не поладается. Наконецъ таки не выдержалъ,—выскочилъ, да на свою голову. Поступилъ въ нашу церковно-приходскую школу вѣкто Шрольскій—человекъ простой, ходившій въ свитѣ, съ крестьянами бывшій, какъ свой человекъ. Однажды купался онъ въ рѣкѣ, было здѣсь нѣсколько крестьянъ, былъ также и Іосъ. Приходитъ венгръ (разнощикъ товаровъ), заводитъ разговоръ. „Можно ли у васъ, люди добрі, покупаться?“—Милости просимъ, отвѣчаетъ учитель. Затѣмъ начинаетъ спрашивать про штундовъ. „Что это за люди такіе?“—Учитель описываетъ, что они такое, отзывается о нихъ, что они не что иное, какъ ханжи, что у нихъ на дѣлѣ совсѣмъ не то, что снаружи представляется, и проч.; потомъ рассказываетъ, что здѣсь и батюшка очень хорошъ, трудится для громады, объясняетъ народу ученіе вѣры, со всею ясностію доказываетъ, однако заблудшій народъ ничего не слушаетъ. При послѣднихъ словахъ подходит къ кружку бесѣдующихъ Іосюко и вмѣшивается въ разговоръ: „слушайте, господинъ Шрольскій, шо вы говорите про попа, шо вінъ объясняе, та доказуе?.. У вашего попа тільки правды, якъ у мене десь!“... Шрольскій обращается къ одному изъ крестьянъ: „чи ты

чуешь, що Іось говорить: чи вінъ же правду говорить?...— „Бреше“, простодушно выведъ спрошенный. „Ну, ну... якъ то я брешу? хыба жъ вашъ щипъ правду каже? лучше собаці вірыть, якъ попові. Вінъ такъ говорить, бо ему треба кныші істы... а вы дурні вірыте“... и т. д. Послѣ этой выходки не одобровалось Іосю. Собираю я свѣдѣнія отъ одного, другаго, третьяго крестьянина, записываю, составляю актъ, посылаю къ начальнику края (кн. Дундукову-Корсакову), и прошу, въ примѣръ прочимъ возмутителямъ, выпроводить этого Іоську Зиссермана изъ моего прихода. Производилось потомъ приставомъ дознаніе, которое подтвердило доносъ. Іосько оштрафованъ былъ и высланъ изъ прихода съ воспрещеніемъ жить гдѣ нибудь поблизости Чаплинки и даже приближаться менѣе, чѣмъ за 20 верстъ.

Такъ-то подвизался въ Чаплинкѣ въ самую смутную пору приходской жизни Іосько премудрый,—„вельзый законникъ и чоловікъ добрый“, за что впрочемъ и изгнаніе претерпѣлъ. Съ своей стороны скажу, что есть въ нашихъ краяхъ не мало такихъ Іосегъ да Янкелей, и не въ корчмахъ они только обитаютъ, а и въ мельницахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сборища народныя бывають, и особенно въ первую пору агитаціи штундовой они даютъ подспорье пропагандѣ далеко не послѣднее. Не даромъ мнѣ приходилось слышать отъ одного толковитаго православнаго протолюдина мнѣніе, что „ця штундова віра—одъ жидівъ“. Я однако знаю, что фактъ участливаго отношенія евреевъ къ штундизму и вражды къ православію призываетъ не всякій.—„Какое жиду дѣло до православія?“ скажетъ иной просвѣщенный скептикъ.—„Жидамъ православіе лучше, а не наша вѣра: бо мы водки не льемо, а православні пьютъ, бо мы не крадемо, а православні крадутъ“... и т. д. и т. д., отвѣтитъ на нашу рѣчь съ комическимъ паэосомъ самохвалъ штундистъ. Что сказать на это тому и другому? Посоветовать развѣ скептику поближе всмотрѣться въ значеніе православія и нашихъ пастырей для народа, да побольше

любить свою вѣру и свою народность?—Не смѣю. Скептики наши вѣдь все видятъ, такъ сказать, не раскрывая глазъ своихъ, а православіе-то они любятъ ужъ очень и очень сильно: доказательствомъ служить смѣхъ и издѣательства, а ревнуютъ какъ?—о, не бранились бы такъ, если бы не ревновали! Мнящимъ же себя не таковыми, яко же прочіи: хищницы, неправедницы, прелюбодѣи и тѣмъ оправдать себя старающимся отъ нерѣдкаго побратимства съ евреями поставлю на видъ то, что самая штунда у насъ посѣяна на почвѣ, обильно орошенной водкой чрезъ апостола—іезуита Балабана, да и потомъ евреи васъ, г. штундисты, своею помощію не оставляютъ, хоть, можетъ быть, не водкой, то добрымъ словомъ опять таки въ корчмахъ, на торгахъ, въ мельницахъ... Впрочемъ у вашей братіи, кажется за правило принято одно дѣлать, другое говорить, одно имѣть въ мысляхъ и сердцѣ, другое на устахъ. Трудно жъ будетъ съ вами до чего нибудь положительнаго договориться.

II. Петрушевскій.

(Продолженіе будетъ).

Сильвестръ Кулябка, Архіепископъ С.-Петербургскій, какъ духовный писатель.

Содержаніе и характеръ его проповѣдей.

*(Продолженіе *).*

Въ своихъ проповѣдяхъ Сильвестръ Кулябка раскрываетъ мысли преимуществу нравственно-практическаго содержанія—о покаяніи и исправленіи жизни, о милосердіи и милостыняхъ, объ удаленіи отъ соблазновъ и исполненіи заповѣдей Божіихъ, о почитаніи царской власти и т. п. Даже тамъ, гдѣ обстоятельства заставляютъ проповѣдника избрать для своего слова тему догматическаго характера, онъ все-таки старается дать своему предмету практическую постановку, отыскать въ немъ сторону нравственную, чтобы слушатели его не остались безъ назиданія. Такъ напримѣръ, въ словѣ въ недѣлю двадцатую по Пятидесятницѣ проповѣдникъ говоритъ о воскресеніи и будущей жизни, но не ставитъ вопроса прямо догматически, напротивъ постановка вопроса у него чисто практическая: проповѣдникъ обѣщаетъ показать, что грѣшно оплакивать умершихъ¹⁾. Таковы же слова его на праздники—на пресвятую Троицу, на плащаницу, на соборъ Архистратига Михаила. Въ последнемъ, напримѣръ, словѣ проповѣдникъ не избираетъ предметомъ своимъ какихъ либо догматическихъ представленій, которые воспроизводились и въ самомъ праздникѣ и во взятомъ

¹⁾ Реп. акад. № 51. г. 16.

^{*)} См. Труды кievск. д. Акад. 1383, сентябрь.

имъ текстъ: *пойметъ Сынъ человеческій ателы своя и соберуть отъ царствія Его вся соблазны и творящія беззаконія и свернутъ ихъ въ печь огненную*; онъ, напротивъ оставливается на понятіяхъ соблазна и беззаконія и раскрываетъ ихъ главнымъ образомъ съ практической стороны¹⁾. Нѣкоторыя догматическія истины проповѣдникъ самъ отказывается раскрывать подробно предъ слушателями на томъ основаніи, что для послѣднихъ трудно помнитъ подробное догматическое ученіе о какомъ вибудь предметѣ. Въ словѣ наприм. на Пресвятую Троицу проповѣдникъ говоритъ: „Повеже день сей не по тому, которое по вся дни и часа Богу прислушаешь отъ насъ вѣрнихъ прославленію собственѣшное нѣчто, ко величанію Божію долженствуемъ, то есть какъ тотъ день, которій съ Петромъ насъ готовихъ отвѣту что вѣруемъ, вкою вѣруемъ, чего дождаемся, устроятъ, то намъ въ словѣ нинѣшнемъ пристойно би говорить, да и надобно—что есть Отець, что Сынъ, что Духъ Святій? да повеже тайнства толикая словомъ худимъ и малоискуснымъ объявлять хотя бы и мало чтось Божією помощію глаголющій сдолѣлъ да смиласій в памяти удержатъ бесѣдуемихъ недоволенъ“. Проповѣдникъ хочеть, чтобы познаніе Бога было не формальнымъ только, схематическимъ представленіемъ Его, но живую нравственную стихію въ человѣкѣ, поэтому, по его словамъ, „знати Бога есть не просто знати, что толко сила нѣкая есть, вся содержащая, аще видимая, аще невидимая, о всѣхъ промышляющая и строящая... но такъ еще знати, чтобы вѣдати волю, что есть благопріятно Богови, и чимъ благоугождается Онъ“²⁾. Точно такъ же проповѣдникъ избѣгаетъ темъ и чисто историческаго характера. Историческимъ фактамъ и событіямъ онъ даетъ мѣсто въ своихъ проповѣдяхъ лишь въ качествѣ примѣровъ и доказательствъ развиваемыхъ имъ нравственныхъ положеній.

¹⁾ Тамъ же, л. 47.

²⁾ Слово на Пр. Тройцу anno D. 1732 г. риз. Киев. азад № 11. л. 27 и 28.

Въ словѣ наприм. на день великомученицы Варвары развивая мысль о христіанскомъ терпѣніи, проповѣдникъ рассказываетъ о страданіяхъ Варвары, которымъ подвергалъ ее родной отецъ; но рассказъ его вовсе не имѣетъ историческаго характера, не передаетъ событій въ послѣдовательномъ порядкѣ, не называетъ времени, мѣста и лицъ, участвовавшихъ въ событіи, и проч.

Избирая для проповѣдей по преимуществу нравственные предметы, Сильвестръ для раскрытія ихъ пользуется лишь тѣми пособіями и источниками, которые онъ самъ указалъ въ своей гомилетикѣ и которые одобрены для употребленія Ѡ. Прокоповичемъ. Въ его проповѣдяхъ не встрѣчается неумѣстныхъ повѣствованій и цитатъ изъ разныхъ исторій о царствахъ и народахъ, изъ книгъ о птицахъ, звѣряхъ, камняхъ, водахъ и т. п. Въ извѣстныхъ намъ его проповѣдяхъ мы встрѣтили не болѣе четырехъ ссылокъ на гражданскую исторію. Это именно въ словѣ въ день тезоименитства Анны Ивановны проповѣдникъ рассказываетъ, впрочемъ на основаніи библейскаго свидѣтельства, что у древнихъ персовъ была такая формула привѣтствованія царей: „царю во вѣки живи, царю во вѣки живи“¹⁾. Въ словѣ въ день восшествія на престолъ той же Императрицы, въ подтвержденіе того, что цари сидятъ на престолахъ часто не по волѣ Божіей, проповѣдникъ указываетъ на рассказъ историка Іустина о персидскомъ царѣ Камбизѣ, убившемъ своего брата Мегрія, когда послѣдній приснился ему желающимъ раздѣлить съ нимъ власть, и о двухъ волхвахъ, захватившихъ царство въ свои руки посредствомъ коварнаго убійства прямаго наследника престола. Тутъ же упоминаетъ и о Тарвиніѣ по историкѣ Ливію²⁾. Но эти ссылки отличаются чрезвычайною сжатостію и совершенно исчезаютъ въ массѣ примѣровъ библейскихъ. Повидимому,

¹⁾ Тамъ же л. 227.

²⁾ Тамъ же л. 238.

для Сильвестра закономъ стало требованіе Прокоповича, чтобы проповѣдники не читали „казнодѣшниковъ легкомысленныхъ, каковыя наипаче бывають польскіе“; въ проповѣдяхъ его вѣтъ ни малѣйшаго слѣда, который бы указывалъ на его знакомство съ современною польскою проповѣдью. Исключительными источниками изобрѣтенія мысли и доказательствъ служатъ для него Священное Писаніе, творенія отцовъ церкви, въ особенности Златоуста, и собственный психологическій опытъ. Проповѣдникъ беретъ изъ Писанія темы для своихъ проповѣдей, заимствуетъ мысли для раскрытія ихъ и доказательства, такъ что почти каждая мысль у него замыкается текстомъ. Библейско-историческіе примѣры, уподобленія и сравненія являются у него очень обыкновеннымъ способомъ развитія мыслей. При объясненіи текстовъ онъ приводитъ параллельныя мѣста, ставитъ въ логическую связь одно мѣсто съ другимъ и такъ образъ выясняетъ или доказываетъ свой предметъ. Вслѣдствіе такого всесторонняго пользованія Священнымъ Писаніемъ, самый слогъ проповѣдей принимаетъ по мѣстамъ библейскій колоритъ. Библейскими и текстами особенно богаты позднѣйшія его проповѣди, сказанныя въ сороковыхъ годахъ его столѣтія, около того времени, когда онъ спеціально изучалъ Писаніе, преподавая въ академіи богословіе. Вотъ какъ наприм. въ словѣ въ недѣлю самарянина проповѣдникъ доказываетъ, что подъ упоминаемыми въ евангеліи брашномъ и нивами разумѣется спасеніе человѣческое: „Когда Павелъ нѣкоторыя слова отъ закона Моусеова взявъ сіи: Да не заградиши устенъ вола молотяща, въ доводъ привелъ тому, какъ должно всякаго дѣлателя не лишать мзды его: дабы же за излишнее не причтено ему, тамъ учить о томъ, къ чему и само естество человѣка подобнѣ жъ животнаго движеть, то есть, что и волъ работный пици своей причастится долженъ; тотъ часъ навелъ: да о воловѣхъ радить Богъ, или насъ ради всяко глаголетъ, такъ что и нынѣ Христу не о тѣлесныхъ брашнахъ

какихъ либо и о чувственныхъ нивехъ слово, и явленно убо отъ происходящей въ сей исторіи, да и довольно насъ увѣрить можетъ оное наставленіе Христова, въ которомъ училъ: няето же глагола, возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи. Въ царствіи бо Божіи какъ ни сѣють, ни жнутъ, такъ и рало не нужно: да и етомушъ возоставлять учениковъ Христу, не нивы только, но и мѣста, гдѣ бы главу преклонить, не имѣвшему, потребности не было. Что же и о пици пещиса, какъ о дневной злобѣ, давно уже запрещено, видѣть можно, яко и о брашнѣ здѣ некоторой рѣчи нѣтъ. Но брашно, слышателіе, спасеніе есть человѣческое. Смотримъ бо въ нынѣшнемъ евангеліи глаголетъ Иисусъ: Мое брашно есть, да творю волю пославшаго Мя: волю же пославшаго Его въ 6 гл. Іоанна, въ 21-мъ зачалъ истолковалъ такъ: се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже дастъ Мнѣ, не погублю отъ Него. Въ 22-мъ зачалъ непогубленіе отъ Него изъяснено такъ: се же есть воля пославшаго Мя, Отца, да всякъ видий Сына, и вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный: животъ же вѣчный есть сущее спасеніе человѣкомъ; то убо брашно Христово есть спасеніе человѣкомъ¹⁾. Въ этомъ словѣ, сравнительно небольшомъ, встрѣчается до 25 цитатъ, отмѣченныхъ самимъ проповѣдникомъ, изъ евангелій, посланій апостольскихъ, изъ псалмовъ, историческихъ и пророческихъ книгъ В. Завѣта. Приведемъ еще отрывокъ изъ слова „на соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ“: „Соблазнъ такъ бѣдное растлѣніе есть, яко во всѣхъ плѣжетъ, всѣхъ единимъ взоромъ убиваетъ; такъ тяжкое, яко самъ о немъ Господь приговорилъ: горе, имъ же соблазнъ приходитъ; такъ всякаго милосердія не достойное яко его на вершателя слышати: лучше бы ему, да обвѣстися жерновъ осельскій о віи его и погрязнулъ въ мори: какже неудобоицѣльное, Павелъ объявилъ словомъ симъ: вѣкійхъ

¹⁾ Сл. въ нед. Сам. рип. акад. № 51. т. 1.

человѣкъ, рѣче, грѣхи предъявленны суть предваряюще на судъ, вѣкійхъ же и послѣдуютъ. Елико бо соблазненный живетъ прежде суда на судъ позивается, яко довольно быяиш брашною совѣсть; а по смерти со собою носить бремя свое¹⁾. Другимъ источникомъ для своихъ проповѣдей Кулябка считалъ творенія отцовъ церкви, въ особенности Златоуста. Проповѣдникъ очень часто самъ дѣлаетъ ссылки на этотъ источникъ. Такъ наприм., въ словѣ на недѣлю 20-тую развивая мысль, что съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о смерти и загробной жизни грѣшно оплакивать умершихъ, онъ замѣчаетъ: „не говори такъ: лучше бы мужа не пріять или жени, неже погубить, но по Златоустовому наказанію, яже убо пріялъ еси, о сихъ благодари, а яже не в конецъ имаши о семъ прослави“²⁾. Нѣсколько далѣе въ томъ же словѣ говорится: „не только тое мудрствуемъ, что сына любимаго погубилъ я, но такъ, сына погубилъ я, лютѣ мнѣ, явленній се грѣхъ мой пред Богомъ, за которій толико наказуемій есмь, сына погубилъ, о Боже довольно мнѣ сіе наказаніе, да уцѣломудруся, но горша бѣда, чтобы и души не погубить, смотрѣмъ сего, о семъ печѣмся, сіе при всѣхъ погребеніихъ поминаемъ слово Златоустаго, иже глаголетъ: Дщерь вѣкто погубивъ вѣщшую часть своего живота в печалѣхъ проводить, а душу погубляя не болѣзнуешь ли“³⁾? Въ словѣ въ недѣлю мясопустную проповѣдникъ три раза приводитъ слова Златоуста. „Скажу тебѣ отъ Златоустаго учителя, — говоритъ проповѣдникъ, обличая слушателей въ немилосердіи въ нищимъ, — „алчущаго Христа не напитоваемъ; о одномъ кускѣ хлѣба молящаго не милуемъ; озлобимаго гонимъ; мѣста ему нигдѣ же не даемъ“⁴⁾. Наконецъ въ заключеніи, убѣждая слушателей не стѣсняться тѣмъ, если кто нибудь изъ нихъ по своимъ средствамъ не можетъ

¹⁾ Сл. на соб. арх. М. тамъ же л. 48 на обор.

²⁾ Рук. эк. № 51. л. 19.

³⁾ Тамъ же на обор.

⁴⁾ Тамъ же л. 23 на обор.

Щедро дарить нищихъ, онъ еще разъ приводитъ слова Златоуста: „Милостини бо величество не мѣроу даемыхъ, но произволеніемъ дающаго судится“¹⁾). Кромѣ Златоуста онъ приводитъ по мѣстамъ и другихъ отцовъ церкви, хотя и не такъ часто. Въ словѣ на погребеніе кіевскаго войта Полоцкаго встрѣчается ссылка на Василя Великаго. Высказавши мысль, что въ до-христіанскія времена смерть казалась печальнымъ и страшнымъ явленіемъ, „понеже все уже добро со животоу симъ уходило“, проповѣдникъ прибавляетъ: „для чего то по Василя Великаго свидѣтельству первѣе святыхъ смерть риданіемъ и слезами почиташеся; зѣло бо о умершемъ Іаковѣ плакаше Іосифъ, и самъ ляже ко гробу и съ плачемъ его провождаху“²⁾). Въ словѣ на соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ встрѣчается ссылка на Теофилакта: „Соблазнъ въ вѣрѣ,—говоритъ проповѣдникъ,—бываетъ, когда иное и нашимъ догматомъ противное отъ кого разсѣвается учительство, кое общимъ именемъ ересью называютъ: о якомъ то по Теофилактовомъ мнѣнію³⁾ сказано: соберуть отъ царствія его, сіестъ христіанскаго рода, въ коихъ Христосъ глава, въ коихъ заповѣдми своими царствуетъ Онъ, вся соблазны, сіестъ, ереси многоразличнѣ“. Въ словѣ „на святую великомученицу Варвару“, въ доказательство превосходства души человѣческой предъ всѣми другими твореніями Божиими, Сильвестръ приводитъ слова Августина: „Нѣтъ въ мірѣ того, чтобы съ человѣческою душою в равенствѣ ходить могло: ясно о томъ засвидѣтельствовалъ Августинъ премудрѣй⁴⁾ въ книгѣ на Бытія: яко же, рече, Богъ всю тварь, тако человѣческая душа всякое созданіе естества достоинствомъ превосходитъ“. Илагала нравственное христіанское ученіе

¹⁾ Тамъ же л. 25.

²⁾ Тамъ же л. 31 на обор.

³⁾ Тамъ же л. 49 на обор.

⁴⁾ Тамъ же л. 54.

на основаніи лишь указанныхъ источниковъ, проповѣдникъ устраняетъ отсюда всякіе личные мотивы и не допускаетъ сдѣлокъ съ совѣстью, свойственныхъ католическимъ проповѣдникамъ. Оттого его мораль отличается объективно-библейскою чистотою и возвышенностью; въ ней слышится даже нѣкоторая суровость древнихъ христіанскихъ правоучителей. Но въ тоже время проповѣдникъ вездѣ слышится живымъ человѣкомъ, которому знакома вся трудность нравственнаго самообладанія; поэтому его строгая мораль не имѣетъ ничего общаго съ безжизненнымъ педантизмомъ схоластическихъ проповѣдниковъ. Сильвестръ Кулябка обладаетъ тонкимъ психологическимъ анализомъ и наблюдательностью, которыя помогаютъ ему проникать въ тайны человѣческой воли и разоблачать настроенія мыслей и чувствъ своихъ слушателей. Отъ того въ проповѣдяхъ его слышится серьезное, но живое слово живаго человѣка. Его самого никогда не покидаетъ сознаніе себя человѣкомъ, похожимъ на всѣхъ людей; поэтому въ тонѣ его рѣчи слышится близость его къ слушаемымъ и, если угодно, задушевность, исключая ту надутую и холодную „властительность“, которую осуждалъ Прокоповичъ. Мягкость и дружественная простота тона составляютъ очень привлекательную сторону проповѣдей Сильвестра Кулябки. Употребляемые имъ дружественныя обращенія къ слушателямъ въ родѣ: „молю же ты, слышателью!“ „о возлюбленне!“ и т. п. производятъ впечатлѣніе искренней сердечности и придаютъ его проповѣдямъ обаяніе теплоты древне-русскаго учительства. Вотъ, наприм., отрывокъ изъ слова въ недѣлю 20-ю, характеризующій тонъ его проповѣдей: „Молю же ты, слышателью, поминай любовь, еяже знаменія многа тебѣ подадохомъ, напиши на скрижалехъ сердца плотяныхъ, о еликихъ тебе поучахомъ, поминай тое, чего память не безъ пользы будетъ тебѣ. О старцы, елици въ лѣтѣхъ dospѣвше, послѣднимъ симъ къ вамъ бесѣдованіемъ зову, понеже болшь не жить сколько

прожилось уже по всякъ день по всяку ночь и сходѣше на память чрезъ весь вѣкъ вашъ вами содѣянныхъ, и когда еще къ западу смертному не пришли, показавиѣмъ къ вечеру гробному и благотворениѣмъ приуготовьте себе, а въ часъ смертнѣй несумнѣно вѣруй и спасешися. О мужіе, насилу, и что дѣтъ еще много надежда вамъ есть, не велики уповайте, той одръ, на которомъ ты почиваешь, часто гробомъ бываетъ возлѣжащему, не буди уклоняяся на шее, но десного преданія придержиися, не мягкого пути избирай, но тѣсного, которымъ, по словеси Христовомъ, нуждницы къ царствію небесному текутъ, не размышлять въ себѣ глаголя: чтожъ з сего, се нѣчего, коли много грѣха не имѣть, тое вѣчего великимъ рожномъ душѣ твоей станетъ, и богачъ евангельскій, упиваяйся и ядѣй, все то въ нѣчего ставилъ, и говорилъ, что на тое мнѣ Богъ (далъ), дабы въ славу Его употребляялъ, меда послѣ капли воды не удостоился, смотри на вѣрѣнко и внутрь церковныхъ уставовъ держиися, когда постъ, пости... когда церковь сѣтууетъ и себе сотѣсняетъ постомъ, не заливайся ты, не кажи дурного; афедрономъ исходить. Много не говорю, бо уже къ концу приходъ, но только тое, поминай глаголъ мой, яко бѣда тебе досяжетъ, зане противу церкви борешся, и православнымъ сливочисъ противу православія борешися... о юноти юность обучѣте воздержанію, да и старость ваша не погубить васъ. Наконецъ спаситесь вы, приклонѣте ухо мысленное на слышаніе глаголаныхъ, послушайте, молю, аще не проповѣдника, то поне такъ, какъ послушанъ былъ отрокъ Давидъ, праведный судъ возвѣстившій... Богъ же вразумляяй всякаго да наставитъ во спасеніе, да приведетъ в царствіе и здѣ смертію в небо преселившихся, и всякаго спасетъ предстательствомъ Пречистія Дѣвы, ея же под кровомъ храмъ сей^а.

Мягкій тонъ С. Кулябки однакожъ никогда не доходитъ до сантиментальности и потворствованія слабостямъ людскимъ. Когда раскрываемый проповѣдникомъ нравственный

недостатокъ не заслуживаетъ снисхожденія, происходя отъ сознательной небрежности и уклоненія отъ нравственныхъ нормъ или отъ испорченной мысли и сердца, тогда рѣчь проповѣдника принимаетъ строгій, иногда даже нѣсколько рѣзвѣй тонъ. Напримѣръ въ словѣ на Пр. Троицу проповѣдникъ, выразивъ мысль, что слабость человѣческой воли есть общій удѣлъ всѣхъ насъ, потомъ строго обличаетъ эту слабость, когда она происходитъ отъ нерадѣнія о нравственномъ совершенствованіи и спасеніи или даже отъ сознательнаго уклоненія и пренебреженія всѣмъ тѣмъ, что ведетъ къ совершенству и спасенію. Сказавши, что Богъ всегда готовъ содѣйствовать нашему спасенію, проповѣдникъ продолжаетъ: „Что же прилучается? Сія откуда бываетъ, аще не отъ нашего жъ безопаства и нерадѣнія и презрѣнія? Кто бо отъ насъ, когда поне единъ часъ закону Божию поучаяся присѣдитъ, хотя день и ночь повелѣваеміи творити, то кой не лучшей всладостъ избираетъ разговоры разные и долгіе имѣти о псахъ, о конехъ, и о яствахъ и питіяхъ и о всякой иной житеиской вещи, вежели о Богѣ своемъ Создателѣ благодателѣ: и друга убо имѣвй единого или и другого, всегда въ сердци память его обноситъ, в словахъ приѣмлетъ имя его с похвалою, со удивленіемъ и самъ хочетъ славить его, и дабы равно отъ всѣхъ славимый билъ: о Богѣ же своемъ когда бо ни есть и куда би пришедъ или монахъ, или инъ кой, и началъ нѣчто благословить, кійждо бы з ревностію сказагъ, чтожъ бо и завше в церкви мѣсто сему, а не здѣсь: о бѣдность, о времена, о обычаи! И безстудніи рѣчи и слова всегда время и мѣсто свое имѣють, а Богъ поминаемый в дому твоего не достоинъ ли есть: толико часто оскверняяй уста своя неподобныхъ изреченіемъ, поне нѣкогдасъ освятити уста своя понудилъ себе. А то видимъ и сгорестію сердца вѣдаемъ, что когда бы между разговоромъ пришло кому, какъ спастися намъ, другій сосѣдай порицательнымъ рѣчи образомъ противословить: о святецъ, о лицемѣръ, о добрый господине или погибельній сыну! такъ ли тебѣ Богъ твой милъ

сталъ? Сего ли ранами своими у тебе заслужилъ, чтобъ никогда и поминаемый не былъ? Обаче познавей себе, что съ тобою дѣлается. Не тое ли, что я скажу? Понеже ты не искусилъ имѣти Бога в сердцѣ своемъ, сего ради предаде тебе Богъ какъ творити такъ и мыслити неподобная. Сего ради сладости тебѣ не подастъ о имени своемъ и кое сердце на муку вѣчную щадимо есть, тое Бога не вмѣстительно есть". Въ словѣ въ недѣлю масопустную, обличая слушателей въ немилосердіи къ нищимъ, проповѣдникъ говорить, что они относятся къ нищимъ, какъ къ собакамъ, и рѣчь его принимаетъ запальчивый, даже рѣзкій тонъ: „слухомъ не стерпишь, что мы дѣломъ держаемъ! но разсуждай: нищій бо какъ песь нѣкій обходитъ весь градъ алча, но отъ нѣкоего алчу свою утѣшающее похитити желая, но (о лютости!) не скоро на то нападетъ. Коликія бо обходя дома послышишь отвѣтствовавшихъ. Богъ дастъ; о смѣшный отвѣте: Богъ дастъ! А ты чему не даешь? Бо не имѣю. Лжеша. Нѣтъ у тебя куса хлѣба? такъ чѣмъ живешь? Чѣмъ себе и своя дѣти пропитываешь? Е, рече, да на мою потребу;— на твою? а на Христову ли нужду не осталось? тебѣ пресыщатись довольно есть, а Христу препитатись нѣтъ нѣчего?" Въ такомъ Златоустовскомъ тонѣ написана почти вся проповѣдь.

Но войдемъ въ болѣе подробное изложеніе содержанія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ намъ словъ Кулявки, чтобы имѣть фактическія основанія для сужденія о внутреннемъ и внѣшнемъ характерѣ ихъ. Такъ какъ большая часть словъ его, находящихся въ нашемъ сборникѣ, нигдѣ не издавались, то не лишнимъ будетъ остановиться на содержаніи каждаго отдѣльнаго слова. Имѣющіяся въ нашемъ сборникѣ слова и рѣчи мы раздѣлимъ на три главныя группы: слова на дни воскресныя и праздничныя; слова и рѣчи на царскіе дни; наконецъ надгробныя слова и рѣчи.

Къ первой группѣ относятся слѣдующія слова: слово въ недѣлю Самаряныни, въ недѣлю двадцатую по пяти-

десятницѣ, въ недѣлю мясопустную; слово на пр. Троицу, на Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ, слово на великомученицу Варвару и наконецъ слово на Плащаницу. Содержаніе словъ этой группы всегда стоитъ въ связи съ воскресными или праздничными евангельскими чтеніями. Большая часть ихъ писаны на опредѣленный текстъ изъ дневнаго евангелія, а два слова—въ недѣлю 20-ю и на плащаницу—только по поводу евангелія, безъ опредѣленной темы, т. е. текста. Слово въ недѣлю Самаряныи написанное, замѣтимъ кстати, подъ сильнымъ вліяніемъ Златоуста, имѣетъ въ основаніи своемъ текстъ: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть къ жатву уже*. Сопоставляя эти слова съ цѣлымъ евангельскимъ разсказомъ, проповѣдникъ находитъ, что Спаситель, говоря о брашнѣ и нивахъ, созрѣвшихъ для жатвы, разумѣлъ ихъ не въ буквальномъ смыслѣ, а въ метафорическомъ. Подъ брашномъ и жатвою разумѣется, по словамъ проповѣдника, спасеніе человѣческое, и онъ ставитъ такое предложеніе: „Какъ Богъ прилѣжно и несыто ищетъ спасенія нашего“. Въ доказательство этого предложенія, онъ коротко воспроизводитъ исторію домостроительства Божія о нашемъ спасеніи. Настоящій евангельскій фактъ, т. е. встрѣча и бесѣда Христа съ самарянкою, по словамъ проповѣдника, такъ же служить нагляднымъ доказательствомъ прилежнаго исканія Богомъ нашего спасенія: „Яко убо отъ пути утрудися Христосъ при владзѣхъ, а не индѣ сѣде, то видимое спасенія ей было его желаніе. Того вопросы искали спасительныя, туда вся бесѣда намѣряла Христова; уловляя премудрыя въ коварствѣ ихъ, жену перво въ разговоръ влови: да, котораго видѣла она случайно, слышати же за возбраняющій имъ законъ не хотѣла, познати того вожделятъ сердечно“. Затѣмъ проповѣдникъ анализируетъ поведеніе и душевныя состоянія самарянки, и извлекаетъ отсюда нѣсколько назидательныхъ уроковъ для слушателей: „Когда жъ такъ Богъ несыто нашему спасенію настоятъ желаніемъ, да не

неугодны Его явимся, не Павла, не Петра, не Иоанна или изъ другихъ кои великихъ оныхъ угодниковъ Божиихъ въ подражаніе здѣ привожу, слышателей, но самарянина нынѣшнюю. Подражайте сію и мужіе и жены добрую наставницу, вашу: Коимъ либо в церковь приходитъ в обычай нѣтъ, либо и въ мысли нѣтъ: или и пришедшимъ случайно все о иномъ попеченіе бываетъ; аще вѣдающимъ, къ кому и зачѣмъ приступилось; совершенно знающимъ: что и говорить и смѣяться по домамъ мѣсто, хотя и то не безъ вины предъ страшнымъ Судією, а еюдѣи уреченное время всякаго позываетъ восплакаться предъ Господомъ, сотворшимъ насъ. Самарянина же толико прилежитъ вниманіемъ Христу, котораго еще и не познала, что ни домовныя попеченія отторгнутъ ей могли, ни варъ солнечный, въ самомъ полудни тяжко належащій намъ, слышательіе, въ безотвѣтствіи! кои будто бы за десять миль уже отъ дому отошли, такъ прилежно о домашнихъ печемся, и въ церкви стоя: кои и подъ кровни сими стужаемъ себе въ слышаніи глаголемыхъ отъ Христа... Подражаемъ самарянина, христіане, елижды къ исповѣданію грѣховъ приступаемъ: обличаема она о тайныхъ своихъ, за укоръ того не ставила себѣ, но въ сокрушеніи бывъ глагола: Господи, вижу, яко пророкъ еси Ты. Что отъ сего? Буди той и намъ разумъ, который и женѣ, пророка исповѣдала она, а исповѣдая извѣстна была твердо, что такой тайновидецъ на исцѣленіе раны ей отерылъ: не такимъ и мы грѣховъ, да не подражатели явимся іудеомъ, коихъ изблечивъ Христосъ о совѣщаніи на убійство Его, услышалъ: самарянинъ еси Ты, и бѣса имаши; но буди присво намъ и въ очахъ и въ сердцахъ пророкъ взывалъ: Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконія моя и ты отпустилъ еси нечестіе сердца моего^а.

Въ словѣ на недѣлю 20-ю, составленномъ также по подражанію Златоусту, проповѣдникъ останавливаетъ прежде всего вниманіе на фактъ погребенія Наянскою вдовою своего сына: Несчастливая, беззащитная вдова погребаетъ единствен-

наго своего сына, который былъ для нея единственною радостью въ жизни и утѣшеніемъ въ горѣ, который былъ живымъ образомъ ея умершаго мужа. Краснорѣчіе, по словамъ проповѣдника, не въ силахъ изобразить то душевное состояніе, которое испытала эта вдова; не въ силахъ оно изобразить и вопли и слезы ея. Но мы покажемъ, говорить проповѣдникъ, что „горць плакати умершихъ беззаконно есть“,—это и составляетъ предметъ или предложеніе слова. Ходъ доказательствъ въ общихъ чертахъ таковъ:

„Всяко животное полезнаго ищетъ себѣ, ищетъ добра, и гдѣ почувствуетъ корысть свою, всѣми силами несется туда, не когда получить благое сдущѣ свѣей, болѣзнуеть, во любимаго си лишаяся, и противная стражда и благой надежды отпадая стѣуетъ“.

„Аще убо и мы, о злѣ множицею и бѣдахъ ключаемыхъ скорбѣмъ, не такъ же, но далече инакъ и живымъ лицомъ показаваться въ благополученіяхъ нашихъ обыклы, смерть же коегождо благихъ ему, а благихъ вѣчныхъ, и вѣщевъ приносительная есть, то что ясно остается, аще не подати къ лучшимъ отходя, и о себѣ не печалуеши, а о другомъ радуешися“. Развитие этихъ общихъ мыслей посредствомъ разнаго рода сравненій и образовъ и составляетъ существенную часть слова. Но естественно было ожидать проповѣднику такого возраженія, что не плакать надъ умершими близкими невозможно—это выше природы человѣческой, поэтому онъ и говоритъ: правда, плакать объ умершихъ родныхъ и близкихъ побуждаетъ насъ сама природа, но „чрезъ чаяніе естество не допускаетъ. Аще бо помыслиши, яко иній животь, иній вѣкъ лучшій, покойній сына твоего ждетъ, аще помыслиши, яко скорбя о приближеніи издвоздаянія сыновѣ твоему, развѣ не благодарна еси Божіей благодати, которую онъ туне даровалъ чрезъ смерть в насъ вшедшую, удобіе естество преклониши. Что бо когда горко воздохнешъ, когда вопль вознесешъ, и кликъ безчяинній, чи тимъ уже и мертваго возставишь мощно? тебѣ

грѣхъ отъ того болшій и мергвому не польза. Покажу образъ скорбѣнія, только внемли дѣянiемъ. Иовъ скорбѣлъ о погубленiи сыновъ, толико уже елико лѣпо было чадолюбивому отцу и человѣческаго естества причастному, чтобы скорбя такъ ли вичалъ, какъ мы себе окаевающе, животъ проклинаемъ свой, несчастну годину, в которую родился сынъ, лучше глаголемъ, бѣ ниже сына имѣти, неже имѣвшу погубити. Что убо, рци ми, когда бы онъ теперъ не умеръ, что вже тимъ и никогда не умреть? Не тотъ ли законъ есть естеству отъ Бога положеннiй, не тое ли по вся дни собывающееся видимъ, что или сынъ прежде отца или отецъ прежде сына къ гробу отходить“. Въ заключенiи проповѣдникъ обращается къ старикамъ, мужамъ и юношамъ, приглашая ихъ жить такъ, чтобы всегда быть готовымъ къ будущей жизни.

Слово въ недѣлю мясопустную имѣеть двоякiй составъ. Евангельское чтенiе дало проповѣднику тему о милосердiи; но въ этотъ же день (28 генвара) праздновалось рожденiе Анны Иоанновны. Проповѣдникъ нашелъ возможнымъ воздать въ своемъ словѣ Кесарю и Кесарю и Божiя Богу. Кончивши рѣчь о милосердiи, онъ дѣлаеть такой безыскусственный переходъ къ торжеству дня: „сiя ми пристойная и ритчи евангельской недавно прочтенной? Какъ же бы намъ еще дню нынѣшнему должное отдать, въ онъ же рожденiе Ея императорскаго Величества празднуемъ“ и послѣ этого обращается съ молитвою къ Богу, дабы Онъ хранилъ жизнь императрицы на радость подданнымъ ея, благословилъ ее милосердiемъ и кротостiю Давида и проч.

Исходною точкою или темою самаго слова о милосердiи служитъ текстъ: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе*. Проповѣдникъ извлекаеть изъ этого текста двѣ логически неразрывныя между собою мысли, или вѣрнѣе, одну мысль, только въ двоякомъ объемѣ, какъ общую и частную: о милосердiи, какъ нравственномъ настроенiи человѣка, всегда готоваго войти въ положенiе другаго

и сочувствовать ему, а затѣмъ о милосердіи въ ближайшемъ проявленіи его—милостынѣ.

Все, что мы дѣлаемъ для нашихъ меньшихъ братьевъ, Христось принимаетъ, какъ бы это было сдѣлано для Него самаго. Такъ ли у насъ? „когда, наприм., одинаго гдѣ біють, болятъ ли то в другого? Когда одинаго лають, стыдится ли слышай? когда ли кому гнѣвъ на старшаго, печалуемъ ли мы? когда на достоинство возводятъ кого, радуемся ли о томъ? Не такъ! ей, не такъ! все противно, все иначе“. Проповѣдникъ становится на социальную точку зрѣнія и, вслѣдъ за Златоустомъ, доказываетъ, что милосердіе, понимаемое въ общемъ смыслѣ житейскихъ отношеній, какъ раздѣленіе труда и взаимопомощь, есть не только добродѣтель, но также и социальный законъ, безъ котораго немислима жизнь человѣческаго общества „Звѣрей и bestій свойство таково нерадѣти о ближняго дѣлахъ, и такъ наприм. псу единому біемому, другій не скучнетъ, а человѣческой весь составъ въ сіе истое состроенъ есть, что ближній ближнимъ и сытъ и пьявъ, и честенъ и безчестенъ; братъ брата ищетъ: продаетъ напримѣръ одинъ, купуетъ другій, и когда по всѣмъ хитростямъ, по всѣмъ майстествамъ посмотришь, брата брату помогающаго видишь: швецъ бо безъ вравца, а кравецъ безъ шевця не живетъ: панъ безъ слуги, а слуга безъ пана. Такъ и въ притчи винѣшной нищій богатаго требуетъ, богатій ради нищаго мзду воспріемлетъ“. Милостыня и есть ближайшее проявленіе милосердія: взалкался, говоритъ Спаситель, и не дасте Ми ясти. Изъ этихъ словъ ясно, что Богу такъ пріятна милостыня, что Онъ, по выраженію проповѣдника,—„жебраковъ, прошаковъ онихъ по граду скитающихся своєю особою почитаетъ; не рече бо: взалкались убозій и не дасте имъ ясти; но взалкался и не дасте Ми ясти“. Так. обр., когда мы даемъ милостыню нищимъ, то въ лицѣ послѣднихъ мы даемъ ее какъ бы самому Христу. Насколько же мы милосерды бываемъ ко Христу въ лицѣ нищихъ? Проповѣдникъ рѣзко обличаетъ слу-

шателей въ немилосердіи къ нищимъ, причѣмъ изложеніе у него принимаетъ часто драматическій характеръ: онъ представляетъ себя какъ бы въ живомъ спорѣ съ немилосердымъ слушателемъ, предупреждаетъ тѣ избыткія извиненія, которыя изобрѣла скупость въ отвѣтъ на просьбы о милостынѣ и съ живостію опровергаетъ и осмѣиваетъ ихъ.

Слово на Пресвятую Троицу написано на текстъ: *се же есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и Его же послалъ еси І. Христа.* Познаніе Бога всегда влекло за собою благія для людей послѣдствія. Перечислить всѣ такія послѣдствія „говорящему невозможно, а слышащему не вомѣстимо“. Тѣмъ не мѣнѣе, хотя коротко,—говорить ораторь,—припомнимъ „древность оную, вкаторую іудеями познался Богъ, что тамъ не дѣлалось славное и сильное, страшное и ужасное... а дѣлалось то, от еже Бога вѣдапмимъ“. Познавши Бога, Израиль сталъ славнымъ народомъ, сокрушилъ „крѣпости враговъ, лукъ, щитъ и мечъ и брань“, сами язычники, трепеща единого звука оружія ихъ, стали познавать Бога и кланяться Ему. Понятно, что, чѣмъ высшаго мы будемъ достигать познанія о Богѣ, тѣмъ большаго будемъ заслуживать „мздовозданія“. Мы, христіане, страшны теперь не только „единоестественнымъ и единообразнымъ“ врагамъ нашимъ, но даже демонамъ, которыхъ мы прогоняемъ нашимъ исповѣданіемъ, не только надѣемся избѣжать вѣшнихъ бѣдъ, но ожидаемъ жизни вѣчной по слову Спасителя: *се есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и Его же послалъ еси, І. Христа.* Но что же значить познать Бога? Знать Бога „есть непросто знати, и что толко сила вѣкая есть, вся содержащая, аще видимая, аще невидимая, о всѣхъ промисляющая и строящая, чего бы безбожники славнымъ именемъ греческимъ аеенети прозиваеміи, хотя и на тое слѣпою въ погибель себѣ отвагою сияются, однакъ противитися безъ стыда и смѣху въ возмездіе дурнословію словесъ сихъ, коемъ лица ихъ покрывающаго не могутъ:

но такъ еще знати, чтобы вѣдати волю, что есть благопріятно Богови и чимъ благоугождается Онъ⁴. Познавши волю Божию, мы непременно сдѣлаемся наслѣдниками царства Божія, „понеже въ Бозѣ вся намъ благая надѣмая сокровенна суть“. Проповѣдникъ затѣмъ подробнѣе говорить о томъ, что значить знать Отца, Сына и Св. Духа, въ немногихъ, но опредѣленныхъ и характерныхъ чертахъ изображая Божественную волю и домостроительство чело-вѣческаго спасенія. Знать Отца значить знать, что Онъ „насъ бѣдняковъ въ милости своей преизобильно ховаеть, что намъ, которіи за праздность въ насъ добрыхъ дѣлъ никогда и куса хлѣба не заслужили и не годни, должить, одеждуетъ, питаетъ и грѣетъ“, непрестанно печется о насъ, такъ что и волосъ съ головы нашей не упадетъ безъ воли Его и желая, чтобы мы изо дня въ день не предавались житейскимъ печалемъ“, убѣждаетъ насъ: *не печитесь, что ясте или что нѣсте, или чимъ одѣждитесь*. Словомъ, познать Его праведнаго и милостиваго,—праведнаго, ибо Онъ не лишилъ юнѣйшаго сына достойной части имѣнія; милостиваго, ибо Онъ не казнилъ сына, распутно расточившаго отданное ему имѣніе, но помиловалъ, и какъ только увидѣлъ его возвращающагося съ покаяніемъ, тотъ часъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, лобызалъ его и устроилъ пирь. Зная Отца такимъ, мы несомнѣнно захотимъ быть благодарны Ему и внимательны къ Нему. Знать Сына значить знать, что Онъ „сый въ лонѣ Отчи, соестественній, сопредвѣчній“ изволилъ спасти родъ чело-вѣчскій чрезъ свои страданія, смерть и воскресеніе.—Зная это, мы не осмѣлимся „второе распяти Его и поплевати кровь“. Знать Духа Св. значить знать, что Онъ „вся дѣйствующъ въ насъ, еже хотѣти и еже творити, Онъ сподвизаетъ насъ во благое, Онъ горѣ возводитъ, возноситъ, Онъ единъ благопознательствъ, сквернѣ чистительній, обновитель истлѣваемаго: тако вѣдати Духа злобою нашею воздавать всѣмъ на насъ воздаваемыхъ не станемъ“. Но знаніе добрыхъ истинъ не всегда бываетъ плодотворно, если въ гармонію съ нимъ не

приведена воля; поэтому проповѣдникъ предвидитъ такое возраженіе себѣ: можетъ быть здѣсь ктонибудь скажетъ: я и самъ знаю это, но бѣда въ томъ, что не могу отстать отъ того, „къ чему измлада понавылъ“, и становясь день ото дня хуже, отчаяваюсь въ наслѣдованіи живота вѣчнаго. Проповѣдникъ сочувствуетъ своему слабому слушателю, потому что раздвоеніе между волею и знаніемъ— это общая человѣческая слабость: „къ сей скорбѣ твоей, о возлюбленне, и я приложу сказать: горе, горе“; но побесѣдуемъ объ этой общей для насъ бѣдѣ. Правда, что какъ трудно исторгнуть изъ земли тернъ, когда глубоко пустилъ корни, такъ трудно бываетъ отвыкнуть отъ того, что вкоренилось въ насъ временемъ и привычкою,—тутъ уже нужно дѣйствіе Св. Духа. Но съ другой стороны и сами мы должны заботиться о нашемъ исправленіи, и Богъ, не хотящій смерти грѣшника, во обращенія его, всегда готовъ содѣйствовать исправленію, и спасенію „и въ первій бо часъ стоитъ, и въ третій часъ сходитъ, и шестаго не закоснѣваетъ, и въ девятій притягаетъ и перваго на десять не презираетъ“. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ имѣемъ ли мы хоть малѣйшую заботу о нашемъ спасеніи? Поучается ли ктонибудь изъ насъ хоть одинъ часъ, въ то время какъ дѣлать это повелѣвается намъ день и ночь? Кто изъ насъ не предпочитаетъ водить разные продолжительные разговоры о собакахъ, о лошадяхъ, о яствахъ и питьяхъ и о подобныхъ предметахъ, нежели о Богѣ, своемъ Создателѣ и благодѣтель? Имѣющій друга или друзей, помнитъ объ нихъ, съ удовольствіемъ произноситъ ихъ имена, съ похвалою объ нихъ отзывается и любитъ, когда другіе хвалятъ ихъ: но еслибы монахъ или ктонибудь другой, пришедши въ домъ, сталъ говорить о Богѣ, то каждый съ ревностію замѣтилъ бы ему: „въ церкви мѣсто сему, а не здѣсь“. Такое холодное отношеніе къ вѣрѣ, такое даже намѣренное отклоненіе отъ себя всего, что можетъ напоминать о спасеніи, проповѣдникъ объясняетъ эпикурейскимъ настроеніемъ самозабвенія,

когда, человекъ полюбившій прелести жизни, не хочетъ вспомнить о своей душѣ, чтобы представленіемъ будущихъ мукъ не смутить совѣсти и не нарушить ея самодовольнаго покоя. „Но какъ жь, убѣждаетъ онъ, отрада слѣпымъ отъ нечувствія“, или какое благополучіе, завязавши глаза, бѣжать въ пропасть, и отъ того, что не видишься, воображать, какую то „безпотребную, окаянную сладость“? Что за польза опомниться тогда, когда уже невозможно будетъ исправить дѣла: когда, аки сонъ, жизнь сія и временныя сладости изникнули, а вѣчное мученіе застало, настала нужда безконечный оный вопль возносить: горе, горе лютыхъ временъ нашихъ!?“ Это ли значить знать Бога? Лучше уже и не знать Его, чѣмъ знаніе Его и поклоненіе Ему ограничивать одними „внѣшними церемоніями“. Въ заключеніе проповѣданія приглашаетъ слушателей припасть къ милости Божіей и помолиться за государыню и за самихъ себя: „Ты во первыхъ во умиленіи исповѣданія благочестивомъ рци: о, Боже, сила наша, Твоя десница предварила благословеніемъ благостыннымъ Самодержавнѣйшую Государыню нашу сию... Ей миръ и благодатише, ей славу и долгоденствіе, ей животь подавая, насъ живота сподоби. Молить о семъ въ лицѣ сихъ молящихся здѣсь вождь малороссійскій, молить кіевопечерская лавра, первою отъ тебе въ Россіи почтенная, и сія, хотя въ лицѣ худости нашей и слова нашего заимствовавъ Пастырь нашъ милостію твоею почтенный усердствуетъ тебѣ. Царю, во вѣки живи...“.

Въ качествѣ темы для слова на соборъ святаго Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ поставленъ текстъ изъ дневнаго евангельскаго чтенія: *Пошлетъ Сынъ человеческій ангелы своя, и соберутъ отъ царствей Его вся соблазны и творяція беззаконія, и ввернутъ ихъ въ печь огненную; ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.* Эта проповѣдь замѣчательна тѣмъ, что въ ея заключеніи проповѣдникъ присоединилъ вѣчто въ родѣ поздравительной рѣчи архіепископу Кіевскому Рафаилу, такъ какъ 8-го ноября былъ день его тезоименитства. Рѣчь эта состав-

лена по правиламъ энциклитическихъ рѣчей, и матерію для нея дало оратору главнымъ образомъ ими поздравляемаго. Къ проповѣди рѣчь эта привязана совершенно механически. Выписываемъ ее цѣликомъ.

„Егда же такъ вѣждо внимать себѣ поучается, внемли зособна себѣ ты церкве кievскія, а внемли щастю твоему, паче же Божию на тебѣ благословенію, имъ же тебе благословляетъ пастыру твоему лѣтній день Ангела своего обходити даруя: о якъ не всуе, якъ не безъ смотрѣнія Рафаила званіемъ прокованному: кое имя в военнопачальницѣхъ знатное образовало, мнится мнѣ, да якоже (по Богословскомъ разсужденію) Ангелы болшіе болшимъ провѣнціямъ приставляются, тако Рафаиль в матери градовъ предсѣдательствуетъ. Познавай, а купно и поздравляй щастя себѣ, что ты какъ первѣйшая престоломъ на память вѣйшла предъ Бога, и для перваго таковаго и толикаго пастыра твоего, первое имѣть счастье во всѣхъ церквахъ славиться. Еже, мнится мнѣ, образовалося еще оттогда, когда онъ въ рожденіи Михаилъ нареклся, то есть, да что въ военнопачальницѣхъ Михаилъ есть, тое онъ в пастырахъ будетъ. Познавай напоследокъ щасте твое в пастырѣ своемъ, когда имѣешь благословную вину радости—аще всякая церковь какого ни есть пастыра имѣвшая, а его лишаящися имѣеть правилу вину вдовствующей называться, аки того лишившаяся, которой обручаетъ Христу, то кое благополучіе пастыра своего видѣть предсѣдающаго. Но да крѣпко будетъ щастіе се в насъ къ вамъ, о Ангелы Господны, с молитвеннымъ гласомъ обращаемся: рода христіанскаго, градови церкви хранители оградѣте миромъ и милостію животъ его, утвердите в насъ благополучіе сіе долгое и неотъемлемое, другимъ завидимое, а отъ насъ непреносимое: сотворѣте о насъ проповѣдоватися по градамъ и мѣстамъ: синове Малоросійстии возрадуются о Пастырѣ своемъ. Амѣнь“.

Слова, содержаніе которыхъ мы только что изложили, принадлежатъ по своему характеру къ проповѣдямъ цер-

ковнымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Къ нимъ болѣе всего и относятся сдѣланныя нами выше замѣчанія. Теперь мы съ большимъ правомъ можемъ повторить ихъ. Основной мотивъ этихъ проповѣдей чисто нравственный. По словамъ самаго Кулябки „проповѣдь, не заключающая въ себѣ назиданія, есть только ласкательница народнаго слуха“. Поэтому Кулябка избѣгаетъ въ проповѣдяхъ отвлеченно-богословскихъ разсужденій, которыя такъ нравились схоластическимъ проповѣдникамъ; въ нихъ нѣтъ такъ же религіозной полемики, хотя въ его время полемика съ протестантами и католиками составляла весьма замѣтную черту церковно-религіозной жизни. Если онъ и беретъ для проповѣди какую либо догматическую тему, то ставитъ ее какъ можно проще, доступнѣе для слушателей, и всегда старается выдвинуть въ ней на видъ такую сторону, съ которой тема эта могла имѣть практическое значеніе и дать предметъ для назиданія. Спасеніе, какъ плодъ нравственнаго совершенства—такова приблизительно общая тема разсмотрѣнныхъ нами его проповѣдей. Въ развитіи ея проповѣдникомъ нѣтъ ничего оригинальнаго и особенно глубокаго. Но проповѣдникъ и не имѣетъ въ виду дѣйствовать на слушателей своимъ авторитетомъ и своею изобрѣтательностью: „я не догматичній“, замѣчаетъ онъ въ одной проповѣди¹⁾. Глубоко вѣруя въ непоколебимую авторитетность самой проповѣдуемой имъ истины, онъ представляетъ себя „тростью книжника скорописца“: „послушайте, молю,—говорить онъ въ одной изъ проповѣдей,—аще не проповѣдника, то поне такъ, какъ послушанъ былъ отрокъ Даниилъ, праведный судъ возвѣстившій, аще не такъ какъ книжникъ,... поне аки оселъ Валааму проглаголавшій“²⁾. Онъ не знаетъ другаго авторитета и другихъ источниковъ для своего проповѣдническаго слова кромѣ Священнаго Писанія и „древнихъ оныхъ отцовъ, когда еще благодатныя сѣмена

¹⁾ Слово на плащаницу. Ркп. № 51. л. 201 на обор.

²⁾ Слово въ нед. 20-ю. Ркп. № 51. л. 20 и 21.

были¹⁾). Отъ того проповѣди его являются выраженіемъ чистаго христіанскаго нравственнаго ученія,—выраженіемъ „со властью и силою“, свойственными человѣку, убѣжденному въ важности и святости проповѣдуемаго имъ ученія. При этомъ проповѣди его богаты анализомъ душевныхъ состояній, обнаруживающимъ въ проповѣдникѣ человѣка серьезнаго и наблюдательнаго. Благодаря указаннымъ качествамъ, эти проповѣди были для своего времени добрымъ и назидательнымъ словомъ и несомнѣнно производили впечатлѣніе на слушателей. Говоря вообще, проповѣдникъ, вслѣдъ за Теофаномъ Прокоповичемъ, серьезно взглянулъ на дѣло церковнаго проповѣдничества и понялъ его истинныя задачи. Но обстоятельства и условія времени не благопріятствовали, однако, ему выполнить созванныя имъ задачи проповѣди церковной во всей ихъ широтѣ. Въ проповѣдяхъ Кулябки чувствуется недостатокъ живой современности. Въ нихъ не отразилась жизнь его времени со всеми ея особенностями, хотя, повидимому, она могла бы дать богатый матеріалъ для живаго церковнаго слова. Нравственное и соціально-политическое состояніе Россіи были въ его время таковы, что не могло быть недостатка въ побужденіяхъ и матеріалахъ для живаго проповѣдническаго слова.

Дворъ Анны Ивановны, состоявшій почти исключительно изъ иностранцевъ, былъ, какъ извѣстно, средоточіемъ и источникомъ нравственно-религіозной распущенности, которая, въ свою очередь, развращала все, что соприкасалось со дворомъ. Для большинства людей, окружавшихъ императрицу, не было ничего святаго въ убѣжденіяхъ, привычкахъ и традиціяхъ русскаго народа. Они жили по своимъ привычкамъ, по своимъ представленіямъ, насиліемъ устраняя все, что могло противорѣчить этимъ привычкамъ и привлекая къ себѣ, съ другой стороны, все, что предпочитало сочувство-

1) Тамъ же, слово на Великомуч. Варвару, л. 57 на обор.

вать имъ. По словамъ современника, эти люди „догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависить, въ басни и пи во что поставляли, ходатаицу спасенія нашего неусыпную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище на помощь не призывали, святыхъ угодинокъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали; добрая дѣла, имиже вѣчная мзда снискуется, отменяли, въ посты святыя мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялись; сами суще чада и наслѣдницы геенны, гееннѣ быть не вѣрили... И симъ лаяніемъ толяко любителей міра сего въ безстрастіе и сластолюбіе приводили, что мнози и въ епикурская мнѣнія впадали. Яждь, пій, веселися, по смерти никакого де утѣшенія нѣсть; и которые такъ бредили, таковыя то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковыя и въ чины производилися; а которые такихъ прелестниковъ не слушали, колікія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили, мужиками, грубіанами нарицали. Кто посты хранитъ, называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ, пустосвятъ. Кто иконамъ кланяется—суевѣръ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ, глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостыню не скудно подаетъ, простъ, не умѣетъ, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталось. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ“ и т. д.¹⁾ Русская знать, имѣвшая пріѣздъ ко двору, естественно, не могла не воспринимать образа мыслей и привычекъ своихъ чужестранныхъ менторовъ и, въ свою очередь, не могла не заражать ими другихъ соприкасавшихся съ нею сферъ русскаго люда. Оттого въ русскомъ обществѣ разсматриваемаго времени мы видимъ замѣчательную путаницу религіозныхъ и нравственныхъ понятій, положившую свою печать и на общественную жизнь и нравы времени. Поправіе правосудія и взяточничество

¹⁾ Слово Дмитрія Сѣченова въ день Благовѣщ. 1742 г. Лѣт. русск. лѣт. ч. II. отд. III. стр. 14.

въ судахъ, жестокость и насилія сильныхъ надъ слабыми, развратъ въ жизни семейной, безумная роскошь и пьянство въ общественныхъ и частныхъ увеселеніяхъ и тому подобныя пороки были знаменіями этого времени по преимуществу.

Подъ давленіемъ общественныхъ бѣдствій и неурядицъ въ государствѣ, народъ страдалъ и вину своихъ страданій возлагалъ на нѣмцевъ. Неудовольствіе и ропотъ противъ нѣмцевъ слышались во всѣхъ слояхъ общества. Люди высшихъ чиновъ говорили: „нынѣ силу великую имѣютъ оберъ-камергеръ (Биронъ) и фельдмаршалъ Минихъ, которые что хотятъ, то и дѣлаютъ, и всѣхъ насъ губятъ; всѣ отъ нихъ пропали и никто не смѣетъ съ ними говорить“. Люди среднихъ чиновъ говорили: „Биронъ взялъ силу и государыня безъ него ничего не сдѣлаетъ. Всѣмъ нынѣ овладѣли иноземцы. Биронъ всѣмъ овладалъ“. Въ монастыряхъ говорили: „Какъ не боготворятъ чрево, когда тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати, употребляютъ на объяденія и пьянства, и какъ сатанѣ жертвы не приносятъ, когда слезныя и кровавыя сборы употребляютъ на потѣхи? А на все это государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣть имъ некого, хоть всѣ пропади; да хотя и есть у нихъ, да у немногихъ, а хотябъ и у всѣхъ были, такъ они брегутъ ли о нашихъ русскихъ крестьянахъ? Чай хуже собакъ почитаютъ пропащее наше государство!“

Биронъ и его дружина чутко прислушивались къ говору народа, чтобы своевременно предупредить болѣе громкое выраженіе неудовольствія. Не стѣняясь особенно средствами, они преслѣдовали людей, назавшихся имъ опасными, преслѣдовали и тѣхъ, которые, хотя по личнымъ своимъ средствамъ и не могли быть опасны могущественному фавориту, но громче другихъ говорили правду. Такимъ образомъ сложился тотъ порядокъ вещей, который мы представляемъ подъ именемъ „бионовщины“.

Въ такое-то время живое и правдивое слово пастырей церкви было бы очень желательно и несомнѣнно могло бы принести большую пользу народу, но оно было невозможно. Легко представить себѣ положеніе духовенства въ это время. Въ прежнія и еще недавнія времена оно стояло въ срединѣ, такъ сказать, между правительствомъ и народомъ, истолковывая послѣднему распоряженія и предначертанія перваго. Но какое положеніе оно заняло бы теперь, и чью сторону должно было бы принять? Очевидно, оно не могло стать на сторону правительства, не покрививъ совѣстью и не возбудивъ въ обществѣ недовѣрія и презрѣнія къ себѣ. Стать на сторону народа, высказать сочувствіе его тяжелому положенію, одобрить и утѣшить его въ этомъ положеніи добрымъ пастырскимъ словомъ—это значило бы нѣкоторымъ образомъ стать противъ правительства, а слѣдовательно, подвергнуться преслѣдованію, ссылкамъ и т. п. Въ томъ и другомъ случаѣ обстоятельства современной жизни не могли, очевидно, быть предметомъ публичнаго церковнаго слова. Но не говоря о порядкѣ и обстоятельствахъ современной жизни, не легко было касаться даже нравственнаго состоянія народа; по крайней мѣрѣ нужно было много осторожности, чтобы, разоблачая нравственныя язвы общества, его пороки и увлеченія, не обмолвиться лишнимъ откровеннымъ словомъ, въ которомъ подозрительный слухъ могъ услышать больше, чѣмъ нужно.

Проповѣдникамъ оставалось такимъ образомъ или говорить безцвѣтными, не имѣвшими отношенія къ современной жизни проповѣди, или совсѣмъ замолчать. Проповѣдники избрали, какъ извѣстно, послѣднее и царствованіе Анны считается временемъ совершеннаго упадка и прекращенія церковнаго слова. Дмитрій Свѣченъ въ словѣ 25 марта 1742 года¹⁾, описывая образъ мысли правителей и порядковъ вещей временъ Анны Ивановны, замѣчаетъ между прочимъ:

¹⁾ Лѣт. русск. л. ч. II. отд. III. стр. 14.

„А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ тайвъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ—куда? зачѣмъ? Монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные сибирскіе города въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отвертати. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается“.

Хотя Сильвестръ Кулябка не послѣдовалъ своимъ собратамъ и довольно часто, какъ мы видѣли, говорилъ проповѣди, но по недостатку ли „этой благодати мученичества“, или, быть можетъ, по особенному складу своего ума и характера, — только и онъ избѣгаетъ въ проповѣдяхъ своихъ рѣчи о современныхъ обстоятельствахъ жизни и современномъ положеніи вещей. Даже упрекая и обличая слушателей въ извѣстныхъ порокахъ и слабостяхъ, онъ не беретъ этихъ пороковъ изъ самой жизни и не изображаетъ ихъ чертами ихъ фактическаго существованія, но старается скорѣе объяснить и раскрыть ихъ психологически, или по крайней мѣрѣ рисуетъ ихъ такими общими чертами, что въ нихъ нельзя узнать пороковъ этого именно, а не другаго времени. Проповѣдникъ даже, какъ мы видѣли, заимствуетъ иногда описаніе пороковъ у отцовъ и проповѣдниковъ первыхъ вѣковъ христіанства, наприм., немилосердіе своихъ слушателей описываетъ словами Златоуста: „Скажу тебѣ отъ Златоустаго учителя: алчущаго Христа не напитоваемъ, о одномъ куски хлѣба не милуемъ, озлобляемаго гонимъ, мѣста ему нигдѣ же не даемъ“¹⁾. Лишь изрѣдка, и то какъ бы мимоходомъ, онъ намекаетъ, повидимому, на современные нравы и пороки. Тамъ и сямъ встрѣчаются намеки на холодное отношеніе къ церкви и

¹⁾ Слово въ недѣлю мясопуст. Рки. акад. № 57. стр. 23.

вѣрѣ, на роскошь, пьянство и лицемѣріе. Въ словѣ наприм. на Архистратига Михаила проповѣдникъ говоритъ, что любовь къ Богу состоитъ въ исполненіи Его заповѣдей, что, слѣд., не исполняющій заповѣдей, не любитъ Бога, богоненавистникъ, и продолжаетъ: „да можетъ кто сказать: чего жъ хочеть слово, дабы я ни о чемъ другомъ не говорилъ, и ничего не дѣлалъ, кромѣ только что о заповѣдехъ Божиихъ. Такъ я не къ тому званъ, тое дѣло пушай монахомъ будеть, которимъ нѣтъ чего другаго дѣлать: о добрій господине! Нѣтъ ли твоего званія о заповѣдехъ Божиихъ поучатися хотя на время? Такъ нѣтъ твоего званія и царство получить, кое ничѣмъ другимъ снискуется, только симъ, скажи мнѣ, гдѣ тогда еще монахи были, когда Давидъ воспѣлъ: въ законѣ Твоемъ поучуся день и ночь: видимъ ли, яко день и ночь, т. е. непрестаннаго поученія, а не временнаго Давидъ хотѣлъ, да и той же инога отъ монаховъ да еще и главнѣйшаго званія былъ, т. е. царскаго. О времени! о обичая!“ Въ томъ же словѣ говоря о видахъ соблазновъ и различая „соблазнъ въ подающемъ и соблазнъ въ воспріемлющемъ“, проповѣдникъ говоритъ: „соблазнъ въ пріемлющемъ бываетъ, когда и нѣтъ вины къ грѣху, да растлѣнный умъ либо зависть совѣтуетъ тое думать кому о другихъ, что самъ въ обычаи имѣеть; напримѣръ: видитъ кого к церкви идущаго на моленіе, а его мысль не туда влечеть, но гдѣ бы чашу хорошаго вина испить: тутъ и говоритъ: вотъ лицемѣръ“. Встрѣчается намекъ на угодливость и лесть; въ словѣ „на плащаницу“ проповѣдникъ говоритъ о подражаніи страстямъ Христовымъ и замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ „але то бѣда: многожди вышнимъ себѣ властемъ работимся, такъ что ихъ плачь на себѣ переимаемъ, ихъ злоключеніе, когда они пострадавши нѣчто велми ниспадають скорбми, на себе перевестъ слово льстимся, будтобы уже они стеклянныя души имѣли, а мы только одни деревянныя либо каменныя, которыми не скоро, либо и всяко болѣзней не чуемъ“. Въ томъ же словѣ попадаетъ мимоходный на-

мекъ на увлеченіе роскошью и разгуломъ: „Такое-то ни-иѣшное торжество наше, которое отъ насъ ничего не требуетъ больше, развѣ дабы мы ненеподобниками являлися болѣзней Христовыхъ, но въ сердца бы оныя и въ мысли повсегда обносили; аще же тотъ въ крови валяется, а мы въ сластехъ, убійственное се несострадательное дѣло есть. И кое бо тутъ сходство? Онъ потами, онъ бѣдами, онъ ранами, всякимъ видомъ болѣзней, досадъ, алчбами, жаждами, воздыханіи неизглаголаннми: а мы на ложахъ, на обѣдахъ изутра, то есть только что на свѣтъ заниматься стало, вино и сикеръ гоняще, туда попасть мыслимъ, гдѣ плотяное необходимо, но духовная вся обдержится, хорошее се подражаніе такое“. Въ словѣ на недѣлю мясопустную проповѣдникъ возмущается противъ грубости нравовъ и жестокости людей своего времени: „что либо къ нищимъ сдѣланное нами, все то самому себѣ Христось Господь сдѣланное причитати обыкль. Что се есть? Откудова се? Такъ ли в насъ водится? Поставимъ образецъ отъ себе. Когда, на примѣръ, одинаго где біють, болить ли то в другого? Когда одинаго лають, стыдится ли слышай? Когда ли кому гнѣвъ на старшаго, печалуемъ ли ми? Когда на достоинство возводятъ кого, радуемся ли о томъ? не такъ, ей не такъ! все противно, все иначе! біють кого, кость котораго отъ костей твоихъ есть, а мы вопіемъ: бій жесточай, и настоимъ зубами скрежещуще, ярость звѣрскую показуя, и когда би толко естество человеческое не возбранило, всего съ тѣломъ пожерти готовы. Лають кого, а ми приговорюемъ: такъ ему и треба и т. д“. Мы старались выписать наиболѣе рельефныя намеки на современные нравы въ проповѣдяхъ Кулябки, но ясное дѣло, эти намеки слишкомъ случайны и слишкомъ общи и не даютъ читателю болѣе или менѣе опредѣленнаго и яснаго представленія о нравахъ русскихъ людей разсматриваемаго времени. Обходя щекотливую дѣйствительность, проповѣдникъ предпочитаетъ поучать своихъ слушателей общими нравственными разсужденіями.

Но есть у Кулябки слова и рѣчи, въ которыхъ онъ касается политическихъ обстоятельствъ своего отечества, хотя и представляетъ ихъ въ несовѣмъ правдоподобномъ свѣтѣ. Это именно слова и рѣчи на высокаторжественные царскіе дни, составляющія вторую группу его словъ. Вѣрный требованію Прокоповича, Кулябка не упускаетъ случая воздать должную честь царской власти. Уже въ разсмотрѣнныхъ нами словахъ на воскресные и праздничные дни мы встрѣчали въ заключеніяхъ словъ благопожеланія и молитвы за императрицу. Но отъ послѣднихъ годовъ царствованія Анны Ивановны сохранилось, въ нашемъ сборникѣ сочиненій Кулябки, три полныя слова, посвященные тремъ высокаторжественнымъ днямъ этого царствованія, именно слова, сказанныя: въ день тезоименитства императрицы 3 февраля 1738 года, въ день восшествія на престолъ 19 генваря 1739 года и слово въ день коронаціи ея, сказанное въ 1740 году. Слова эти по содержанію имѣютъ тѣсную связь между собою и представляютъ какъ бы одинъ трактатъ о важности царскаго служенія и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лестный панегирикъ Аннѣ Ивановнѣ.

Въ первомъ изъ этихъ словъ развивается такое предложеніе: „Почему мы, якоже то и всѣмъ народомъ свойственно есть, Ангеловъ Государей нашихъ собственнѣйшею и искреннѣйшею любовію же и радостію, и усерднѣйшимъ и множайшимъ моленіемъ праздновать долженствуемъ?“

Въ словѣ въ день восшествія императрицы на престолъ поставлено предложеніе: „Всегда ли при возведеніи на престоли царей люди веселиться должны, и почему то приличествуетъ слово сіе Государынѣ нашей: яко она оправдана владычествовать надъ Россією?“ или какъ оно иначе формулировано у проповѣдника: „всегда ли царіе Божією десницею на престолахъ своихъ посаждаются?“

Наконецъ третье слово въ день коронаціи изъ текста: *Ты благословиши праведника, Господи, яко оружіемъ благоволенія отъначалъ еси насъ*, развиваешь мысль, что благосло-

веніе Божіе, почивающее на царяхъ, всегда сопровождается благоволеніемъ Божиимъ къ людямъ.

Въ доказательство предложенія перваго слова проповѣдникъ приводитъ три главные положенія: царская власть происходитъ отъ Бога и ей усвоются божественныя названія; она утверждается Духомъ Святымъ, который руководитъ дѣлами царей; наконецъ цари живутъ не для себя, но для народовъ, которыми они управляютъ. Мысли для развитія этихъ доказательствъ заимствованы проповѣдникомъ главнымъ образомъ изъ Священнаго Писанія и библейской исторіи, а также и отъ разума.

„Царское имя, — говоритъ проповѣдникъ, — не земныхъ вымыслъ то. Но якоже всякая вещь единого вѣкою мудростию управлятися имѣеть природное желаніе, тако сіе правительства имя единымъ собою назданное, показалъ Богъ еще тогда, когда небо и землю совершивъ, царя имъ собообразнаго, человекъ глаголю, уставилъ и отсюду видно имя царское отъ древности своей, видно и отъ достоинства наздавшаго и. Должность же имени того кому не видна? Къ тому бо и назданіе власти царской смотрѣло то едино, и первое Его намѣреніе было, да дружество человеческое, единого коего главою радосное, и въ союзѣ твердое и в единомыслствѣ крѣпкое пребудеть. Къ чему самому единія и отъ единого происходящія человекъ заручать имѣли закони. Да когда нижнимъ предержателемъ управляеміи человекъ, емужъ и боязнь, и законъ исполненіе даиствують отъ себе: то оттого и о вышнемъ царѣ, не въ очахъ ихъ, но въ сердцахъ престоль свой поставляющомъ разсуждаютъ такъ: что в Его власти животь и смерть, въ Его рукахъ мечъ отмщевія, до раздѣленія души же и духа, до членовъ и мозга пресяцающій. Егдажъ имя такое отъ самаго Бога назданіе имѣеть свое, почему имени того людямъ, елижди Ангеловъ ихъ празднуемъ, высочайшее вѣкое торжество свойствуется, не мой догадъ будеть се. Покажутъ то лзвѣстивѣше словеса Божественная, боговъ нарицавіа елнимъ имъ дарству.“

Трудъ Кіевской дух. Академіи 1884 г. т. I. 15

ющія. А здѣ и разсудитить можно будетъ, какъ то имени Божія участнимъ новое иъное, а не и другимъ обычайное гостуветъ празденство. Покажетъ сама истина царей во власти оживленія и умерщвленія, временнаго мало чимъ отъ Божіей уособляющая: повнегда имъ суди Божія въ людехъ дѣлать, то есть мучити злоторцевъ, благотворцамъ всякую милостину являть, составлять и отнимать законы, облегчать одни, премѣнять другіи, въ ихъ званіи заключа. Зримъ ясное свидѣтельство сего въ книг. 2 Парал. с. 19. Зрѣте, рече, что творите, не бо человекскій судъ дѣлаете, но Господній, и елига аще разсудите, на васъ презбудетъ. Покажетъ тое Духъ Божій, дары своя въ нихъ извѣствующій, и собою помазующій ихъ. Еже видѣти было на Давидѣ. И почи, рече, Духъ Господень на Давидѣ отъ дне того и потомъ. И много сего собрать мощна бы, аще бы о томъ только и рѣчь была. Напримѣръ; какъ то сердца царей, по свидѣтельству Соломонову, неудобопостижна; не удобопостижна же за пребывающаго и дѣйствующаго въ нихъ Духа: явъ оны что ня дѣлають, Божіимъ Духомъ водимы дѣлають. Что самое отъ Давидовыхъ же словесъ собрать мощно: Духомъ владычимъ утверди мя. И мнѣ же словомъ не представляющу и мало, кто и самъ отъ себе познать не можетъ; что царіе не себѣ живутъ, но животъ ихъ весь доброе и неподвижное народа состояніе. Отъ чего что слѣдуетъ? тое, что когда мы благодарственнія либо умиловительнія къ Богу о царскомъ житіи возсылаемъ мольбы, на насъ же самыхъ переходитъ все, какъ корень и составъ имѣющихъ на томъ“.

«Девеже цари, — говорится въ словѣ въ день восшествія Императрицы на престолъ, — Христами Господними нарицаются дводнократно въ Писаніи, то какъ Христосъ, не можна смазати, чтобы не отъ десницы Божіей былъ, то нельзя не признать всѣхъ царей отъ руки Господней не быть по сему“. Но если всѣ вообще цари поставляются на престолахъ не безъ воли Божіей, то избраніе ихъ и самое царство-

ваніе бываетъ или по благословенію Божию или только по допущенію. Въ доказательствѣ этихъ мыслей посредствомъ историческихъ примѣровъ и состоитъ первая теоретическая часть слова. Во второй же части доказывается въ частности относительно Анны, что она вошла на русскій престолъ не только не безъ воли Божіей, но и по Божию избранію и благословенію.

Третье слово, составляющее какъ бы естественное продолженіе двухъ первыхъ, развиваетъ такую главную мысль: благословеніе Божіе, ниспосылаемое на царей, всегда сопровождается благоволеніемъ Божиимъ къ людямъ, управляемымъ этими царями. Такъ какъ слово это развивается изъ текста: „*Ты благословиши праведника, Господи, яко оружіемъ благоволенія вѣнчалъ еси насъ*“: то посредствующимъ доказательствомъ, среднимъ, такъ сказать, терминомъ въ немъ, служитъ мысль, что цари, благословляемые Богомъ,—непремѣнно праведники, „кои ни думать чего безъ Бога не могутъ, ни дѣлать, какъ сердце свое въ рукахъ Божіихъ имѣющіи всегда“. Самыя же доказательства заимствованы большею частью изъ исторіи еврейскаго народа.

Но болѣе интересную часть этихъ словъ составляетъ приложеніе развитыхъ проповѣдникомъ общихъ мыслей къ царствованію Анны Ивановны. Часть эта во всѣхъ трехъ проповѣдяхъ представляетъ чрезвычайно пышный панегирикъ Аннѣ Ивановнѣ. Проповѣдникъ не скупится на громкіе эпитеты и похвалы Императрицѣ. Онъ называетъ Анну „благодатною, чудною, великою, славою Россіи, радостью и прославленіемъ ея, кроткимъ Давидомъ, мудрымъ Соломономъ, великимъ Константиномъ, державнымъ Θεодосіемъ, живымъ Петромъ и вдовствующею Юдиной“, и Россія, по его словамъ, никогда не была счастливѣе, чѣмъ въ это царствованіе. Но съ особеннымъ напряженіемъ онъ старается раздуть вѣшнюю, военную славу этого царствованія. По словамъ оратора, время царствованія Анны перестало уже

считать годами, а считают одержанными ею побѣдами; даже весна не украшается въ такомъ изобиліи цвѣтами, какъ годы царствованія Анны украшены побѣдами. Ея войска и ихъ предводители превзошли самаго Юлія Цезаря. Послѣдній говорилъ: „пришелъ увидѣль, побѣдилъ“; о русскихъ же вождяхъ можно сказать, что они болѣе побѣдили, чѣмъ видѣли.

Если мы должны вообще съ радостью, любовію и молитвами праздновать дни тезоименитствъ царскихъ,—говорится въ первомъ словѣ,—то обращая въ частности вниманіе на настоящій день, т. е. тезоименитство императрицы, я не нахожу словъ для выраженія той радости, какая должна обнимать Россію. „Аще твоему нынѣшнему дню внять восхощеша, яко же и должна еси, Россіе, равнаго и слова не обрѣтаю, конемъ бы, какъ краемъ перста коснувшись, представить радость, отъ счастья въ тебѣ рожденную, отъ побѣдъ умноженную, Божиимъ всегда на тебѣ благословеніемъ возрастающую. Нашей Государинѣ счастіемъ дѣлается, сивове Россійстїи, что мы и благоплодства земная собираемъ и всякое добро не лишаетъ насъ. Нашей Государинѣ оружіемъ толикїи уже по Асіи въ маломъ лѣтъ числѣ, а еще по градехъ вѣрностію и величествомъ сильныхъ, сооружени обелиски и пирамиды, послѣднимъ народомъ Аннино имя предвозвѣщающїи. Нашей Государинѣ оружія одни устрашились, другїи удивились, протчіи отъ гнѣздъ изгнани своихъ, въ скотскихъ селенїяхъ селенію покоя ищутъ своему. На нашей Государинѣ Божиимъ благословеніемъ дѣлается, что всякій годъ теченіе свое новою преславною заключаетъ побѣдою такою, что уже не столько весна цвѣтами своимы, сколько твоей, Россіе, Государинѣ лѣта побѣдами украшаются; побѣдами же, которїи всѣ, аще бы и на хартїи видѣть, и того бѣ было много разсуждать: было бѣ много разсуждать, понеже было бѣ чему удивляться, какъ той просто до побѣды приступить. А зъ нашими оруженосцами; зъ вами богохранимое, и Христа Господня, то есть Христоименитой

Государинѣ нашей любительное воинство, и в вама искуснѣйшіе вожди и управители, лучшее сдѣлалось, неже с онимъ римскимъ кесаремъ Іуліемъ, побѣдами своими похвалившимся такъ: придохъ, видѣхъ, побѣдихъ. О васъ бо можно в правду признать, что вы болѣе и скорѣе побѣдили, нежели видѣли. Отъ чего всего познать мощно, какъ тебѣ не мило, драконе ассійскій, когда Аннино имя, Аннина слава въ обоихъ твоихъ ушесахъ гремитъ. Когда послѣ всѣхъ первыхъ, а и тѣхъ міру всему и извѣстныхъ, и дивныхъ, летитъ вѣсть, что Очаков городъ взятъ. О вѣсти не слыханнїа!“

Восшествіе Анны на престолъ, по словамъ оратора, было виною всемірнаго торжества, тѣмъ болѣе торжествуетъ его Россїя, для которой событіе это было милостивымъ посѣщеніемъ Божиимъ, началомъ счастья и благополучія, и ораторъ отъ лица Россїи изливаетъ предъ Богомъ чувство этого торжества въ стихахъ пѣснопѣній Давидовыхъ: „Не можетъ Россїя не праздновать сего, не можетъ къ Тебѣ не утревевать, Боже нашъ, когда возжада къ Тебѣ душа ея, и Ты помянулъ еси ю: паче же всю себе предъ.лицо Твое въ храмъ Твой собирая днесъ весело восклицаемъ къ Тебѣ: тако во святомъ явися Тебѣ видѣти силу Твою и славу Твою, видѣти силу, ею же злохитростїя враговъ совѣти запяля; видѣти славу, на ея же верхъ восхожду уже. Не можетъ не исповѣсти: тако благословлю Тя въ житїи моемъ: благословлю въ животѣ, его же милость Твоя предварила есть: яко лучши милость Твоя паче животъ. Не можетъ о нынѣшнемъ рукъ своихъ дѣлѣ не признаться, тако глаголя о имени Твоемъ: воздѣжу руцѣ мои, яко отъ тука и масти да исполнится душа моя, и устнама радости восхвалятъ Тя уста моя. Не можетъ наконецъ Россїя въ день сей, въ день же милостиво приарѣтелнаго на себе Божїа посѣщенїа, и къ другинамъ не воскликнути своимъ: наполните мя рожами, оируйте мя цвѣтами“. Этотъ день,—говоритъ нѣсколько далѣе проповѣдникъ, обращаясь къ Россїи,—„благополучіе твое тебе было уже отбѣгшое какъ уздою возвратилъ, потратъ бывшихъ благихъ лучшихъ и твердѣйшихъ при-

обрѣненіе даровалъ; по крѣпкой бурѣ глубокую тишину, по мракахъ свѣтъ; словомъ сказать... самій въ тебѣ духъ твой и утробы вся изліявшіися въ тебе возвратилъ“.

Развивая вторую часть предложенія: „почему приличествуетъ слово сіе Государынѣ: яко она оправдана надъ всею владычествовать Россією“, проповѣдникъ снова увлекается военно-политическимъ могуществомъ и славою этого царствованія и превозноситъ личныя достоинства императрицы, которая, по его словамъ, вмѣстѣ со скипетромъ наслѣдовала нравъ, мужество и мудрость Петра Великаго.

„Многіе царіе по избравію на верховную сію восходятъ власть: а твоя, Россія, Государыня наслѣдное скипетра пріять, и наслѣдное не въ крови толко, но и въ добродѣтели. Пойде нравомъ, пойде мужествомъ, пойде высокимъ и скорымъ разсужденіемъ первому по всему подобная Петру Первая Анна и не въ диво себѣ имѣеть, яко же и оный великій Петръ (чего другія доказать недовольни), царей на престолахъ поставляти великая Анна. Гдѣ ни пойде оружіемъ, а оружіемъ праведно приносимымъ вездѣ побѣждающая чудная Анна, ея же государствованія лѣта забываемъ уже мы исчислати временами, во побѣдахъ“...

„Многіе царіе пріемлють скипетро, но еще не навывкли содержанія его: а твоя Россія, Государыня, прежде множайшихъ лѣтъ давно уже съ Давидомъ двойственную оную званія царскаго пѣснь Господевъ пѣть научилася: милость и судъ воспою Тебѣ, Господи: еще прежде царствованія въ тебѣ многихъ и народовъ и князей высочайшая Герцогиня была: была твоею, Россія добра, прежде своего на Россійскій престолъ восшествія и промыслительница и Первому Петру совѣтница“.

Проповѣдникъ настолько воодушевляется описанными достоинствами императрицы, что, по его словамъ, еслибы въ настоящее время былъ живъ еще апостолъ Павелъ, то онъ непременно написалъ бы къ Россіи посланіе съ особеннымъ пріветствіемъ; проповѣдникъ предлагаетъ и прозекъ

такого посланія: „Державной Аннѣ и домашней ея церкви благодать и миръ. Твоя, Россія, Государыня мать о чадехъ суще болящая, милующая, а не умерщвляющая. Твоя на послѣдокъ, Россія, Анна сама тебѣ и кроткій оный Давидъ, и мудрый Соломонъ, и великій Константинъ, и державный Θεодосій, и живый въ тебѣ Петръ, и вдовствующая Юдиетъ, дивная тезоименная Анна постомъ и молитвами не исходящая отъ церкви“. Обращаясь въ заключеніи слова къ самой императрицѣ, проповѣдникъ проситъ ее принять отъ пастыря Киевскаго поздравленіе въ такой формѣ: „Ты, славо Россійская, ты радости и прославленіе людей твоихъ; яко сотворила еси мужественно и укрѣпила сердце твое; сего ради рука Господня удержала тебе и буди благословенна во вѣки“.

Въ словѣ на коронацію 1740 года проповѣдникъ какъ бы обобщаетъ все то, что онъ сказалъ объ Аннѣ въ предыдущихъ словахъ, — послѣ чего мы получаемъ цѣльный и прекрасный образъ императрицы, хотя не вполне согласный съ историческою дѣйствительностію.

Доказавъ посредствомъ текстовъ Писанія и библейскихъ примѣровъ общую мысль слова, что благословеніе Божіе, пребывающее на царяхъ, всегда сопровождается благоволеніемъ Божіимъ къ людямъ, проповѣдникъ продолжаетъ: „Помянемъ же прочее, что мы празднуемъ нынѣ: Благословеніемъ царскимъ благоволеніе въ насъ дѣйствующи съ того дне, котораго девять годъ назадъ, вѣнецъ на главу возложенъ Богомъ оправданной надъ всею владычествовать Россією Аннѣ Ивановнѣ и отъ самаго имени извѣстни даръ тебѣ, Россія, что уже благодать надъ нами царствуетъ благодатная Анна, многихъ именъ Анна. Буде бо посмотримъ въ деннонощныя мольбы ея отъ церкви постомъ и молитвами и любленіемъ благодѣпія дома Божія не исходящія съ оною пророчицею Христа благословившею, праведная Анна; буде на милость и кротость къ всѣмъ, съ онымъ кротчайшимъ всѣхъ человѣкъ Давидомъ, — кроткая Анна; буде на мудрость, правительству по-

добающую съ онымъ Божию престолу присѣдающую премудрость испросившимъ себѣ Соломономъ,—мудрая Анна; буде на мира церквамъ и благочестія желаніе съ онымъ благочестивымъ Константиномъ,—благочестивая Анна, буде ли въ державѣ царствія распространеніе съ онымъ великимъ Θεодосіемъ, *великодержавная Анна*; буде въ побѣды просіяніе съ онымъ побѣдительнымъ первымъ Петромъ,—побѣдительная первая Анна, и се явное въ насъ благоволеніе Божіе, имъ же толико уже вѣнчается при благословляемой въ житіи своемъ Богооправданной Аннѣ.

Гораздо больше, повидимому, умѣренности, искренности, и исторической правды въ поздравительной рѣчи съ восшествіемъ на престолъ, сказанной Кулабкою Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ ночь съ 24 на 25-е ноября 1741 года совершился переворотъ, возведшій на Русскій тронъ Елисавету Петровну. Въ манифестѣ, изданномъ черезъ три дня послѣ того, объяснены были права новой императрицы на русскій престолъ и исторія нарушенія этихъ правъ, установленныхъ еще завѣщаніемъ Екатерины I. Успѣхъ переворота, возведшаго императрицу на прародительскій престолъ, приписанъ „наипаче и особливо“ преданности лейбъ-гвардіи полковъ. За ними скрывались люди, дѣйствовавшіе въ рѣшительныя минуты въ пользу Елисаветы. Но манифестъ могъ бы назвать еще партію, хотя и не принимавшую участія въ переворотѣ, но отозвавшуюся сочувствіемъ новому царствованію, вынесшую много тяжелыхъ воспоминаній изъ временъ господства Бирона: этою партіею было духовенство. Прискорбная исторія съ Θεофилактомъ Лопатинскимъ не единственная въ своемъ родѣ; простое, очень естественное чувство неудовольствія къ иновѣрцамъ, захватившимъ въ свои руки значительную часть правленія, имѣвшимъ вліяніе даже на церковныя дѣла; наконецъ раздраженіе, вызванное полемикой съ католическимъ и лютеранскимъ ученіями,—все это не мало содѣйствовало тому, что переимѣна прави-

тельствующаго лица, обѣщавшаго положить конецъ прежнему порядку вещей, встрѣчена была расположеніемъ со стороны духовенства. Поэтому какъ только совершился переворотъ, представители духовенства, безмолвствовавшіе въ предшествовавшіи царствованіи, раскрываютъ уста и громко, съ неподдѣльною радостью, привѣтствуютъ императрицу. Проходитъ пять, шесть, десять лѣтъ послѣ переворота 25 ноября 1741 г., и проповѣдникъ все таки считаетъ своею обязанностію возвратиться воспоминаніемъ къ столь счастливому, по его мнѣнію, событію, указать на его общественное значеніе ¹⁾. Съ своей стороны Елисавета Петровна не остается равнодушною слушательницей такихъ панегириковъ: въ ея правленіе мы видимъ цѣлый рядъ указовъ, обнаруживающихъ особенную заботливость и попечительность правительства о церкви, ея служителяхъ, монастыряхъ, о распространеніи православія среди иновѣрцевъ, на востокѣ Россіи и въ Сибири.

По порученію кіевскаго архіепископа Рафаила ²⁾, Сильвестръ Кулябка привозитъ Елисаветѣ Петровнѣ поздравленіе со вступленіемъ ея на русскій престолъ и, подобно современникамъ своимъ, привѣтствуетъ это событіе, какъ торжество справедливости и зарю новаго будущаго для Россіи. Ораторъ говоритъ о преимуществахъ наследственной власти предъ выборною, и въ словахъ его слышится прежде всего глухой упрекъ кратковременному царствованію Іоанна Антоновича, которое, по мнѣнію оратора, было наказаніемъ Божиимъ русскому народу.

„Хотя и вси просто царіе, яко же самовысочайшая власть на земли, отъ Бога учиненни на то, да посредѣ людей своихъ сѣди, яко же отцы, здравіа и сугубихъ ползей народнихъ любителие, свѣтлѣются яко же солнца, отъ бла-

¹⁾ Лѣт. рус. л. т. II, отд. III, стр. 2.

²⁾ Рян. К. Ач. № 51. л. 40.

гихъ равно и отъ злыхъ теплоты милосердія своего не врышюшіе: почитаются якоже божи, Божию на земли милости и гнѣва дѣло займствовавшия, Вышняго воли сердцами своими въ рукахъ Божиихъ носимими, извѣстителие. Но когда бываетъ то, что инии якъ не въ вѣнцахъ рожденни, но на то избранны, себе забываютъ, самопослѣднѣйшій въ народѣ человекъ, за такового властелина сущимъ догадомъ Бога себе прогнѣваннаго, либо и отъ Бога себе оставленнаго признаваетъ, а наслѣдная власть, якъ не въ диво себя вѣнецъ поставляющая, но съ нимъ рожденна, съ нимъ воспитанна, прямое дѣло единаго Бога есть: Бога то есть на котораго зазреть нельзя, дабы таковую Онъ намъ власть въ наказаніе допускалъ, въ котораго то есть силъ и прежде рожденія еще, и въ самомъ рожденіи, оную возбранить было: но наслѣдственная власть истинное дѣло отеческое есть, съ знаніемъ народныхъ користей и любленіемъ людей своихъ родащаяся, и единого коегождо ползу въ утробахъ и въ сердцахъ своемъ носящая“.

Если наслѣдственная власть имѣетъ сама по себя такіа преимущества предъ выборною, то съ другой стороны Елисавета Петровна по своимъ личнымъ качествамъ вполне была способна, по мнѣнію оратора, поддержать доброе наслѣдіе Петра, отъ котораго ее несправедливо устранили, и ораторъ съ негодованіемъ говорить о дѣятеляхъ тридцатыхъ годовъ, изъ личныхъ расчетовъ устранившихъ отъ престола Елисавету. Онъ упрекаетъ ихъ въ неблагодарности къ Петру, который возвысилъ ихъ, „не малыми въ Россіи“ сдѣлалъ, а они вмѣсто благодарности лишили престола его прямую наслѣдницу.

„Ты, Всеавгустѣйшая Монархине наша, радости теперь всѣхъ насъ на себя очеса обращающая, а съ тѣмъ и сердца наша намъ возвращающая, яко не Имперіи только великаго онаго Петра, но мудрости и мужества, но и всѣхъ просто добродѣтелей Его, наслѣдный у насъ Государь, кто не явно исповѣсть, развѣ бы которій либо между роди-

теми и дочерами средства считать не умѣлъ, и живой крови ихъ признать не хотѣлъ, либо завистію заслѣпленъ, слѣпо и глупо противу уму своему ишолъ, было бы, что, когда ты всемилостивѣйшая Государыня ваша по блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государяхъ Родителяхъ Твоихъ, якъ живая ихъ кровь, сама намъ и Петръ, Сама и Петровна осталась, и потомъ уже и зависть сама, якъ которая не въ далекихъ, но въ близкихъ живетъ, никакой на Тебѣ претенсіи сискать не могла, да главы народнимъ дѣламъ отъ Петра великаго посвященіе, а якъ самій евентъ показалъ, и прямо вѣтреніе, то есть въ коихъ толко устахъ былъ Петръ, а въ главахъ ихъ сущій ветеръ. Безчисленіе отъ всѣхъ сторонъ ума ихъ олачки ихъ толко ползамъ, а твоей чести разоренію, Россіи умаленію служащіе надималъ, было, глаголю, что таковыя и толикія главы свѣтомъ Россіи Петромъ на свѣтъ въ Россію пущеніе великимъ Петромъ немалыми въ Россіи подѣланіе, Тебе наслѣдія лишили, вѣнца отчуждили, всю презрѣли, всю уничтожили“.

По словамъ оратора, народъ сочувствовалъ Елисаветѣ и въ ея униженіи видѣлъ униженіе собственной чести, снисканной ему Петромъ: „Всепоподаниѣйшія сердца наши воздыхавіи неизглаголавными къ Богу кричали, въ вѣлюбленіи Тебе Петровны, якъ бы уже и своей чести Петромъ имъ снабдѣнной, ненавистникамъ, народнимъ ихъ именемъ Россіи позывая такъ: сего ли у тебе заслужилъ Петръ Россіе, дабы такъ презрѣнъ былъ въ Петровнѣ? въ живомъ своемъ образѣ, въ другомъ въ себѣ презрѣнъ? Россіе! которая Петромъ отрожденна, Петромъ возставленна, нимъ въ славу, нимъ въ силу и крѣпость возрасла, нимъ побѣдительною надъ врагами, любительною отъ всѣхъ, нимъ страшною, нимъ красною сдѣланна? Россіе! кой, еслибы прежней сеей еще титли не было, ей свято, праведно наректися бы должна Петровна! дабы сіе не единъ толко градъ собственнимъ сямъ именемъ титуловался Петеръ бургъ, но и вся ты Петровъ градъ именовалась“. Но сочувствуя Елисаветѣ,

народъ не смѣлъ однакоже выразить громко этого сочувствія и уже отчаявался видѣть Елисавету на русскомъ престолѣ. Но всемилостивый Богъ, „которому, по Златоустому святому, обычай есть тогда спасать, когда отовсюду отчаяніе приходитъ, здѣлалъ тое, чего мы хотя и хотѣли, да далей и хотѣть уже не смѣли, посадилъ на родительскомъ престолѣ Петровну, дабы мы чего такъ долго желали, получая то, большъ чего уже и желать не могли. Посадилъ же Петровну, то есть въ твердость Россіи и самую каменную Духомъ напастей бурныхъ не сокрушаемую, не колеблемую, и къ скипетру убо рожденну, да и къ оружію мужественну, милость и судъ Богу воспѣть еще въ родителяхъ своихъ добръ изученную, и се то есть самонаслѣдная, самодержавная Государине наша что буде бы намъ и тому, который на сердца ваши, лучше нежели мы сами, смотрѣть свидѣтельствуются, а тые Тебѣ кромѣ внѣшнихъ словесъ видны были. Видѣла бы ты въ толикой радости нашей на самую натуру насъ скорбящихъ, которая столко намъ устенъ не даетъ, сколко Ты преподобіе намъ (по Павлу) къ Богу на всякомъ мѣстѣ воздѣтъ рудѣ виновницею сдѣлалась. Видѣла бы и малѣйшій въ насъ удѣ не праздный, но никакъ требующій. Такъ исполнены радости сердца наша, когда исполнилъ Богъ въ благихъ желаніи наша!“

Въ санѣ уже архіепископа С.-Петербуржскаго Сильвестръ Кулябѣ, какъ мы видѣли, довольно часто говорилъ проповѣди на высочоторжественные дни царствованія Елисаветы Петровны, но, по сказанію Лѣтописей русской литературы¹⁾, „всѣ проповѣди его за весьма непогими исключеніями, почти не касаются современности“. Въ качествѣ исключеній можно указать на слово его, сказанное 25 ноября 1750 года, и слово 5 сентября того же года. Въ первомъ изъ этихъ словъ проповѣдникъ отъ настоящаго положенія дѣлъ пере-

¹⁾ Л. р. лит., т. II, отд. III, стр. 17.

носятся къ не такъ давно прошедшему, котораго проповѣдникъ былъ свидѣтелемъ, именно къ кратковременному царствованію Брауншвейгской фамиліи. Это было,—по его словамъ, время, когда „вмѣсто императорства правительство государствовало, взошло на російскій престолъ безгластво, а за вужду тую иновѣрство царствовати стало, хваталось за скипетръ російской младенчество, еще рукъ своихъ отъ персей отнять не могущее; толико великою, толико славною управлять имперією рука младенческая покусилась и къ своему послуженію недовольная; писалъ законы, посылалъ указы, раздавалъ чины возрастъ, самаго себе расудить, самого себе распознать не умѣвшій; въ свѣтлости императорской введенъ тотъ, который самъ едва что вчера солнечную лучу увидѣлъ, а православіе въ Россіи кутовъ искало... руки крѣпкихъ въ желѣзахъ томились, препоясуемая бедра сильныхъ въ плинеахъ томились“¹⁾. Во второмъ словѣ проповѣдникъ горячо благодаритъ Елисавету за льготы, предоставленныя, или вѣрнѣе сказать, возвращенныя ею Малороссіи: „Прошелъ годъ высокоmaterной милости къ тебѣ, малая Россія, въ который тебе голодомъ истаявующей, и житаницы, и сокровища отверзли невозбранно... Насталъ другій: что тебе сдѣлала, народа своего воскресеніе сіе, Елисаветъ? Что тебѣ полезное, что ты долгимъ временемъ ждала, получить же едва не отчаявалась было; воскресила вождя тебѣ. Твердо знаю, малороссійской народѣ, что ты вѣрностію и мало когда не поколебавшійся, всегда благодарный, и имѣнія и животъ за государство сіе, въ такъ крѣпкое свое защипеніе тебе принявши, положить готовый, не за страхъ, но за совѣсть государямъ служащій, государей паче родившихъ тебе любящій, и безъ присяги и безъ клятвы вѣру и вѣрность знающій; твердо знаю, о благородивый народѣ! дѣтей твоихъ отъ долицъ взямая,

¹⁾ Лѣт. рус. лит. ч. II. отл. III. стр. 26.

прежде, неже азбуки обучать, Елисаветъ знать, Елисаветъ любить, за Елисаветъ и наслѣдство ея душу полагать учить будешь и совершенно учить; вѣрю несумнѣнно, что преклоняеть въ себѣ (купно съ жезломъ) колына своя предъ Богомъ претружденный лѣтами старецъ въ благодареніе Богу, за толикія милости къ тебѣ, чрезъ всемилостивѣйшую государыню сію; возстанеть въ позднѣйшая лѣта со-старѣвшійся юноша, и повѣсть сыномъ елика видѣлъ и слышалъ¹⁾.

Въ томъ же словѣ Сильвестръ упоминаеть о желаніи императрицы освятить первые серебряные рудники въ Сибири, назвавъ ихъ колывано-воскресенскими, и серебро ихъ употребивъ на гробницу Александра Невскаго.

Третью группу гомилетическихъ произведеній Сильвестра Кулябки составляютъ: „Слово на погребеніе Дмитрія благороднаго его милости пана войта Кіевскаго Полоцкаго упривиліюваннаго 1733 года іюня 12 дня“²⁾ и надгробная рѣчь при погребеніи кіево-печерскаго архимандрита Романа³⁾. Войтъ Полоцкій, на погребеніи котораго сказаво Кулябкою слово, былъ тотъ самый Полоцкій, который непримиримо враждовалъ противъ всего Кіевскаго духовенства, отягощалъ его и монастырскихъ людей разными поборами, отнималъ имѣнія, бралъ мостовыя и другія пошлины съ самаго архіерея, поддѣлывалъ универсалы и грамоты, и по милости котораго преосв. архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ отрѣшенъ отъ епархіи и лишенъ архіерейскаго сана⁴⁾. Католическій проповѣдникъ едвали бы и въ надгробномъ словѣ простилъ такому гонителю духовенства, а скорѣе счелъ бы долгомъ совѣсти такъ или иначе выговорить покойному въ казиданіе живыхъ. Ничего подобнаго мы не

¹⁾ Лѣт. рус. лит. ч. II, отд. III. стр. 24.

²⁾ Рук. Кіев. Ак. № 51. л. 30 на обор., Тр. Кіев. Ак. 1865 г. май.

³⁾ Тамъ же. л. 209.

⁴⁾ Труд. Кіев. Ак. 1865 г. май.

находимъ въ надгробномъ словѣ Кулябки. Проповѣдникъ удачно выбралъ весьма приличный для своего слова текстъ: „благъ день смертный паче житія“, и во всемъ словѣ достойно выдержалъ характеръ церковнаго проповѣдника. Слѣдуя пословицѣ—*de mortuis aut bene aut nihil*,—проповѣдникъ не сдѣлалъ ни одного намека на неприятный характеръ покойника, а напротивъ нашелъ возможнымъ помянуть его даже добрымъ словомъ.

Сопоставивъ дохристіанскій взглядъ на смерть съ христіанскимъ, по которому день смертный благъ паче житія, проповѣдникъ обращается къ покойнику и поздравляетъ его съ переселеніемъ въ лучшую будущую жизнь: „добрый день, смертный, буди тебѣ, который ты на радость отъ печали преишолъ, добрый день, въ онъже къ твоему счастью тебѣ не достало; добрый день той, коимъ тлѣнная измѣнилъ нетлѣнными... О добрій старче! добрій день буди тебѣ! О главо, бѣдность власовъ, благословеніе Божіе на себѣ показующая*! и т. д. Въ заключеніи слова проповѣдникъ приглашаетъ Кіевскихъ гражданъ почитать умершаго подражаніемъ и памятію его многолѣтней и усердной дѣятельности на пользу города и общества. „Древле у многихъ обычай былъ, что всякому, что въ житія его любимѣйшее было, купно съ нимъ умирающимъ или погребати и сожигати. Вы напротивъ сдѣлайте: которое онъ въ разсужденіи правды вобществѣ, не облѣнясь, кой разумъ въ правленіи имѣлъ, коимъ и многія многимъ ползи многія у васъ себѣ памяти поставилъ, тыя соблюсти цѣло потщитесь, въ томъ и съ того себѣ его примѣры поощряйте, да на котораго явленное благословеніе показывалъ Богъ, того для и васъ управить. Идите печальные на послѣдокъ граждане: повѣдайте сіе дѣтямъ вашимъ и родащимся отъ нихъ, что добраго и бодрого правителя имѣли есте, ни старостію, ни времени долготою претрудившагося, вознерадѣти о повѣренномъ дѣлѣ своемъ“...

Надгробная рѣчь при погребеніи кіево-печерскаго архимандрита Романа по формѣ относится къ эпитифическимъ рѣчамъ и составлена по правиламъ реторики. Выразивъ въ общихъ чертахъ скорбь объ утратѣ, какую понесла лавра въ лицѣ покойника, ораторъ ищетъ утѣшенія для себя и лавры въ воспоминаніи добродѣтелей и заслугъ Романа и воспроизводитъ жизнь и дѣятельность въ послѣдовательномъ приблизительно порядкѣ фактовъ, начиная съ юношескаго возраста.

По изображенію оратора, это былъ замѣчательно благочестивый юноша, въ которомъ вмѣстѣ съ возрастомъ возрасталъ страхъ Божій и постоянное вниманіе къ своей душѣ. Въ двадцать лѣтъ отъ роду онъ добровольно отрѣкается отъ міра и принимаетъ иночество съ обѣтами чистоты, смиренія и послушанія, которые и выполняетъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Въ зрѣломъ возрастѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе „честное и другимъ образцовое игуменское начальствованіе его въ Зміевской обители, нимъ первымъ прославленное, нимъ уповаванное, которое о кротости его, о братіи добромъ якоже душъ тако и тѣлесъ радѣніи и по смерти молчать не можетъ“. Но въ этой малоизвѣстной обители жизнь и дѣятельность Романа мало были замѣтны для посторонняго глаза. Волею широкая дѣятельность его началась въ кіево-печерской лаврѣ. Девятнадцатый годъ минулъ, — говоритъ ораторъ, — какъ кіевская лавра „Божіимъ смотрѣніемъ“ была совершенно разрушена огнемъ, такъ что остались только камни на камняхъ. Тогда Романъ принялъ на себя заботы о возстановленіи ея, — „принялъ трудъ испепеленная, вся крѣпости въ прежнемъ чину и числѣ поставить и поставилъ“. Это дѣло стоило ему труда и безпокойствъ, подорвавшихъ даже его здоровье. Однако заботы эти онъ взялъ на себя не изъ личныхъ какихъ-либо выгодъ, не потому наприм., что надѣялся самъ впоследствии принять лавру въ свое „владѣніе“, но какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ у него было одно только желаніе, что-

бы послушаніе его было полезно обществу. Объ этомъ свидѣтельствуесть „первопрестольная катедра довольно, еще архидіаконскій чинъ на себѣ держащаго, его посолствомъ уполюзованная“. Извиняясь недостаточнымъ временемъ, ораторъ отказывается говорить о многихъ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности Романа и нѣкоторыхъ чертахъ его характера, потому что подробное описаніе ихъ потребовало бы „столько великихъ книгъ, сколько его дѣлъ числомъ есть“. Между прочимъ онъ оставляетъ „начальствованіе Романа въ пещерахъ и внутрь лаври старѣйшинство“. Не вспоминаю здѣсь,—продолжаетъ онъ,—и о природномъ тѣла его составѣ, которій, мнится мнѣ, весь отъ добродѣтели сложеній имѣлъ, и о чемъ древній Платонъ написалъ, что добродѣтель еще бы видъ свой показать могла, дивное бы вѣкоесь во всѣхъ любленіе свое возбуждала, тое онъ внутренею нѣкоюсь симпатією наверхшилъ, всякому любимый, кому видимый, и не человѣкомъ толко къ любленію чимъ не есть вестись могущимъ, но самимъ лучшаго и височайшаго разсужденія мужемъ, съ кимъ не поговорилъ, того какъ магнетною стрѣлою сердце поразилъ. Что о немъ блаж: Ив: Д: П: П: П: Ив: I: Ив. Д. великій думалъ, что свидѣтельствовалъ оставляемъ, не отъ насъ свидѣтельству быть. Что другія, которіи съ нимъ дружбы всегда искали, приложеніе его дружбы своей чести мѣли“. Но нельзя, пословамъ оратора, умолчать о архимандріи Романа, на которую онъ не самъ себе мѣстилъ, но Богомъ возведенный былъ“. Въ этомъ служеніи онъ былъ истиннымъ пастыремъ, никогда не оставлявшимъ паствы своей безъ пажити. Онъ принялъ на себя служеніе и санъ Архимандрита, ища въ немъ, согласно увѣщанію Златоуста, не чести, но дѣла. Доказательствомъ этому служатъ дѣла его, которыхъ другой кто нибудь не успѣлъ бы сдѣлать не только въ шесть, но и въ десять лѣтъ. Какія же это дѣла? „Смотри, говоритъ ораторъ,—на столпъ дивнымъ дѣломъ и архитектурою прежде въ Россіи малой ни чрезъ сонъ видѣннаго дѣлаемій

Смотри на другіе зданія прежней грубости своей обнаженія и въ лучшее благолѣпіе одѣянныя и *оменнимъ насилствомъ* неподвижныя. Смотри на благолѣпіе церковное внутренее, ему же онъ своимъ иногда пособилъ имѣніемъ; а иное и все собою подѣлалъ, все то трофеи, все то памятники Романовихъ дѣлъ обелискы! смотри напоследокъ лавру сію прежде въ имя только, либо незамай и въ лице свѣданную, а теперь кому отъ великожъ и благотвореніемъ не знаемую, когда за Романово имя синами себе одни, другіи слугами себе восписуютъ, за Романово имя развѣ отъ кого неизвестное, отъ того нелюбимое“.

Въ заключеніи рѣчь снова принимаетъ скорбный тонъ, ораторъ обращается къ лаврѣ и выражаетъ сочувствіе постигшему ее горю: „о видимъ, видимъ, плачородная лавро, несчастіе твое, видимъ добро твое, тебе оставившее. Познаемъ извѣстно, чего ты лишилася еси, когда Романа лишилася, толико долгою болѣзнію разслабляемаго и отъ попеченія о тебѣ никогда не ослабѣвшаго“. Наконецъ ораторъ обращается въ частности къ инокамъ, преемнику покойнаго и архіепископу, передавая имъ какъ бы послѣдніе завѣты умершаго: „Желаеть (Романъ) отъ васъ, иночествующихъ соборо, да когда послѣднее ему отдаси цѣлованіе, когда на лице его кому не взираеши крѣпко на его смотриши мыслию и поминая его любовь должное любвѣ воздаеши благодареніе, то есть молитву о немъ теплую къ Богу. Желаеть по тебѣ старѣншіе ствующій личе, да начатая Романомъ твоей къ большей славѣ намѣренная и не у в совершенство достигшая дѣла, с тоєю теплотою окончеваеши, с коею онъ и житіе кончалъ. Желаеть по тебе преосвященнѣйшая главо, паче же молить и молчаніемъ симъ отъ среди всѣхъ вопіеть, да когда тоей у тебе милости сподобляется, о которой два года назадъ какъ в разговорахъ желалъ, да твоими святителскими руками земли тѣломъ преданъ будетъ“.

Рѣчь эта, какъ видно изъ ея содержанія, сказана чрезъ 19 или вѣрнѣе въ 19 годъ послѣ сильнаго пожара, бывшаго въ Кіево-Печерской лаврѣ. Безъ сомнѣнія, тутъ

разумѣтся пожаръ 1718 года, произведшій большія разрушенія въ лаврѣ, обратившій въ пепелъ какъ внутренность соборнаго храма, такъ и всѣ монастырскія зданія, бібліотеку съ книгами и древними рукописями и типографію¹⁾). Въ такомъ случаѣ произнесеніе этой рѣчи падаетъ на 1736 годъ. 13 сентября 1736 года, дѣйствительно, умеръ намѣстникъ лавры, архимандритъ Романъ Копа. Родомъ онъ былъ изъ купцовъ малороссійскаго мѣстечка Погари и родился въ 1677 году; въ монахи постриженъ въ лаврѣ при архимандритѣ Іоасафѣ Кроковскомъ въ 1700 году, слѣдовательно около 22 лѣтъ отъ роду; въ 1701 году посвященъ во іеродіакона, въ 1716 году—во іеромонаха, а въ 1730 году 12 іюня посвященъ въ Кіево-Печерскаго архимандрита архіепископомъ Нижегородскимъ и Алаторскимъ Питиримомъ въ московской измайловскаго двorca церкви Всѣхъ Святыхъ въ присутвіи императрицы Анны²⁾). „По нѣкоторымъ лаврскимъ запискамъ,—говорится въ описаніи Кіево-Печерской лавры,—значится, что Романъ былъ іеромонахъ, вѣроятно постриженъ въ схиму при смерти“³⁾).

Ораторъ преувеличилъ, безъ сомнѣнія, заслуги покойнаго для лавры: Извѣстно, напримѣръ, что честь возстановленія лавры послѣ пожара 1718 года принадлежитъ не Роману, а Іоанникію, дѣятельному намѣстнику лавры, который съ помощію, пожалованною ему Петромъ I, возобновилъ погорѣвшую церковь и монастырскія зданія, такъ что Успенскій соборъ былъ уже освященъ въ 1729 году архіепископомъ Кіевскимъ Варлаамомъ⁴⁾). Разумѣтся, Романъ Копа еще въ санѣ іеромонаха могъ быть сотрудиникомъ Іоанникія и раздѣлять съ нимъ тѣ многочисленныя хлопоты, какія должно было возложить на начальника лавры возобновленіе послѣдней; въ должности же намѣстника

¹⁾ Полн. собр. истор. свѣд. о монаст. и дост. церкв. въ Р. стр. 118.

²⁾ Опис. Кіево-Печ. лаврн. Кіевъ 1826 г. стр. 122.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Полное собр. истор. свѣд. о мон. и достопр. ц. въ Р. стр. 118.

лаврсаго Романъ могъ уже и самъ продолжать начатое Іоанникіемъ благоустройство лавры, заботясь о внутреннемъ и внѣшнемъ благолѣпіи церквей и монастырскихъ зданій. Между прочимъ въ намѣстничество Романа Копы въ 1731 г. основана каменная лаврская колокольня и вылитъ большой колоколъ въ 1000 пуд.¹⁾ Ораторъ, безъ сомнѣнія, и имѣеть въ виду колокольню, когда приглашаетъ слушателей смотрѣть „на столпъ дивнымъ дѣломъ и архитектурою прежде въ Россіи малой ни чрезъ сонъ видѣнною дѣлаемій“.

Въ реторикахъ Кулябки, въ книгахъ о рѣчахъ эпидигмическихъ или официозныхъ, есть три рѣчи на славянскомъ языкѣ, написанныя на день патрона Романа, архимандрита Печерскаго²⁾. Были ль онѣ сказаны въ свое время, или написаны только для примѣра,—не извѣстно. Онѣ представляютъ собою очень короткіе и совершенно безцвѣтные панегирики имяниннику и не прибавляютъ ни одной черты къ характеристикѣ Романа. Только одна изъ нихъ, помѣщенная въ реторику 1733 года, можетъ обращать на себя вниманіе, потому что подтверждаетъ извѣстіе лаврскихъ записокъ о іеросхимничествѣ Романа Копы. Въ предисловіи къ этой рѣчи сказано: „*exemplum secundum accipe slavicam gratulationem Romani Abbatis Pieczariensis, ubi alluditur ad id, quod hieroschimonachus sit* (другой примѣръ получай поздравленіе Романа, архимандрита Печерскаго, на славянскомъ языкѣ, гдѣ намекается на то, что онъ іеросхимонахъ)³⁾. Въ самой рѣчи намекъ этотъ выраженъ такъ темно, что его легко было бы просмотрѣть, еслибы онъ не былъ отмѣченъ авторомъ или переписчикомъ; выраженъ онъ такими словами: „Романа въ тебѣ видимъ, рожденіе твое, второе тебѣ возродившаго, Романа видимъ въ імени ерѣпкаго, и юность твою возмущавшаго,

¹⁾ Опис. Кіево-Печ. лавры, стр. 122.

²⁾ Реп. Кіев. Акад. № 51. л. 173; 321 и 322.

³⁾ Реп. Кіев. Ак. № 51. л. 172 на обор.

и крѣпость старостию исчезающую утвердившаго: и такъ дражайшее въ тебѣ имя видимъ; ибо цѣною твоея души купленное видимъ“¹⁾). Такъ какъ реторика, въ которой помѣщена эта рѣчь, относится къ 1733 году, то очевидно, Романъ былъ постриженъ въ схиму не при смерти, какъ полагаетъ авторъ описанія Кіево-Печерской лавры, но не позже 1733 года.

Во внѣшнемъ характерѣ проповѣдей Сильвестра Кулябки такъ же мало оригинальнаго, какъ и во внутреннемъ ихъ характерѣ и содержаніи. Главное достоинство проповѣдника и въ этомъ отношеніи составляетъ то, что онъ избѣгаетъ по возможности недостатковъ схоластической школы. Построеніе его проповѣдей, отличаясь правильностью, чуждо, однако же, той искусственности, которая въ схоластическихъ проповѣдяхъ заслоняла собою ихъ содержаніе. Для Кулябки форма—предметъ второстепенной важности, и не она управляетъ содержаніемъ проповѣди, но наоборотъ содержаніе,сообразно естественному ходу мысли, укладывается въ такую, а не другую форму. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ Кулябки мы встрѣчали два различныхъ предмета: рядовое евангеліе дало проповѣднику извѣстную тему, а какой нибудь исключительный случай, въ родѣ царскаго дня, именинъ мѣстнаго архіепископа, вызывалъ его на другое слово. Схоластическій проповѣдникъ, чтобы перейти отъ одного изъ этихъ предметовъ къ другому, непременно построилъ бы цѣлую цѣпь метафоръ и во что бы ни стало связалъ бы эти предметы, хотя бы между ними не было ни одной точки соприкосновенія. Кулябка, напротивъ, дѣлаетъ въ подобнахъ случаяхъ самый естественный и простой переходъ: „мы говорили о томъ-то, какъ же бы сказать объ этомъ“ и т. п. При всемъ томъ построеніе его проповѣдей, какъ мы сказали, отличается

¹⁾ Тамъ же, т. 1. 173.

научною правильностью. При составленіи своихъ проповѣдей, Кулябка имѣлъ безъ сомнѣнія, въ виду свой трактатъ „de modo concionandi“, такъ что извѣстныя намъ его проповѣди безъ озобенно большой натяжки можно было разгруппировать по указаннымъ въ названномъ трактатѣ способамъ составленія проповѣдей. Одну изъ нихъ авторъ самъ приводитъ въ своей гомилетикѣ въ качествѣ проповѣди, составленной по девятому способу. Это—слово „на плащеницу“. Изложимъ содержаніе этого слова въ связи съ его формою, руководясь замѣчаніями, сдѣланными къ нему самимъ авторомъ¹⁾.

Слово на плащеницу не имѣетъ въ началѣ ясно поставленной темы и начинается приступомъ, въ которомъ проповѣдникъ какъ бы отыскиваетъ приличную времени матерію для своего слова. Задавшись вопросомъ: „что се дѣлаемъ, что Христа Господня погребаемъ?“ проповѣдникъ не считаетъ однако же, нужнымъ на немъ останавливаться, потому что погребеніе Христа совершается Церковію каждый годъ и потому извѣстно каждому „даже малѣйшему отроку“. Не находитъ онъ подходящимъ заняться въ своемъ словѣ и „погребательными похвалами, понеже не велико ставить Богъ устнами нашими величать Себе, ему же быти въ дѣлѣхъ досадителми являлися, но и паче отвращается таковыхъ похвалъ по оному: вскую, рече, ты воспріемлещи завѣтъ устнами твоими; ты же (и проч. псалма того)... по-тому мы,—говоритъ проповѣдникъ,—„вмѣсто похвалений погребательныхъ толикимъ и великимъ купнословомъ послужимъ сказующе: чего хоцетъ отъ насъ погребаніе нынѣшное Христово, которому столько уже вѣковъ прошло,

¹⁾ Девятый способъ—черезъ правильный или превращенный силлогизмъ; здѣсь долженъ быть предосланъ предметъ, о которомъ намѣренъ говорить, что составитъ предложеніе; доказательство располагается въ большей или меньшей послылкѣ; при переходѣ къ меньшей послылкѣ, можетъ допустить отступленіе,... можетъ такъ же примѣшать споръ... заключеніемъ будетъ краткое повтореніе сказаннаго. Рев. Кіев. Ак. № 51. стр. 199.

и теперь Онъ погребатися такъ нужди не имѣеть, какъ одесную величества слави живій сѣдять⁴. Но и тутъ еще проповѣдникъ не переходитъ прямо къ предложенію, потому что такой переходъ былъ бы простъ, „вульгаренъ“, какъ называетъ онъ простой переходъ въ своей священной реторикѣ. Въмѣсто того, чтобы прямо отвѣчать на поставленный вопросъ, проповѣдникъ отсылаетъ слушателей къ ап. Петру, „кой и самъ довольно приглядѣлся Христу, въ таковомъ разѣ сердцемъ и очима, хотя и не устнами (отвержася бо) послужилъ Ему. Христось, рече, пострада по насъ намъ остави образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его“ — вотъ чего хочетъ погребеніе Христово. Поставленное такимъ образомъ предложеніе проповѣдникъ развиваетъ и доказываетъ разными рассужденіями, строя ихъ по различнымъ формамъ силлогизма; такъ первое доказательство построено по формѣ сорита, второе — по формѣ энтимемы и т. дал. Представимъ въ общихъ чертахъ ходъ этихъ доказательствъ. Христось своими страданіями и смертію побѣдилъ и адъ и смерть и плоды своей побѣды усвоилъ намъ; будучи, такимъ образомъ, участниками пріобрѣтенныхъ Христомъ благъ, не должны ли мы быть участниками и Его страданій; Христось, чтобы быть ходатаемъ о насъ, сидѣлъ одесную Бога Отца, — это пріятно намъ, почему жъ намъ непріятно, когда онъ пострадавши за насъ, велитъ и намъ слѣдовать Ему. Часто бываетъ, что когда высшіе или власти впадаютъ въ болѣзни или скорби, мы льстимъ имъ, выражая готовность перенести на себя ихъ страданія, какъ будто у нихъ стеклянныя души, а у насъ каменныя или деревянныя, которыя нечувствительны къ страданіямъ. „Такъ властемъ работимся, да еще и не велии сего отъ насъ истязующимъ, а Христу стеницу! воплящу! къ всѣмъ мимоходящимъ рани показующу своя, аще, глаголя, есть болѣзнь, яко болѣзнь моя! Христу, которому нашимъ зломъ умученному, многое милосердіе и отъ себе долженствовали бы, Христу, глаголю, ни геевни запрещеніе увѣщаетъ насъ, но обозрѣв-

шеся на страданія Его, только что не говоримъ: чимъ мнѣ Тебѣ пособить?... И такъ еще страстемъ приравляющіеся Христовимъ, по стопамъ ходятъ Христовимъ: по стопамъ же ходящія Христовимъ, туда текутъ, амо же Онъ Предитечю възійде; тамо же входитъ и намъ поупущено: остается, яко Христови страсти себѣ присвоити долженствуемъ“...

Въ слѣдующій за тѣмъ части, повѣствованіи—изображается тяжесть борьбы Христа съ діаволомъ и ужасъ Его страданій и снова повторяется предложеніе. Проповѣдникъ представляетъ далѣе, что ему могутъ возражать, и разрешаетъ эти воображаемыя возраженія. Такимъ образомъ образуется часть рѣчи, извѣстная въ реторикахъ подъ именемъ спора или опроверженія (confutatio). „Развѣ то мыслимъ, яко человекъ только любить, когда въ бѣдѣ себѣ приищеть потѣшителя и сострадателя: а Христось грозно намъ о немилосердіи и темничниковъ непосѣщеніи завѣщавій, противными красуется и охотно приимаетъ та. Ей не такъ! и смось на церковь всю, которая плачи и вопли устала сіи. И часто тебѣ Петръ приговоруеть: Христось, глаголя, пострада по насъ, намъ остави образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. Петръ приговоруеть. Той бо нѣкогда попротивъ Христу самоволно Себе на страданія не вдавать, сатану слышалъ; и что ни ему, ни другому кому безъ такого ополченія жизни получить нѣльзя, въ словесѣхъ сихъ показалось: иже хощеть по Мнѣ ити, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядеть“... Тутъ ораторъ ставитъ новое возраженіе себѣ: „скажетъ: какій то крестъ? той ли, на которомъ Христось повѣшеній былъ? которій и Сумонъ Кириной поносилъ; если тотъ, дакъ того прежде страстей, то есть когда Онъ сее говорилъ, еще не было; но тогда показался, когда Христось распинался; и носить тое, чего въ вещей естество не имѣтъ, ни Петру, ни другимъ Петровникомъ не можна было, да и потомъ не всѣмъ имѣтъ можна крестъ тотъ, а буде и имѣтъ, да частицу только: напоследокъ же той крестъ тѣлу только тяжелей,

а до души нѣтъ нѣчего: и таковій крестъ взявшимъ на себе недалеко бы тогда за Христомъ зайти; а теперь и невольно, понеже Христось по земли не ходить уже, а съ тѣломъ к Нему на небо пойти время не пришло⁴. „Тѣмъ же,— отвѣчаетъ проповѣдникъ на поставленныя возраженія,— крестъ признаеть, присяжную оную бѣду, на которую мы въ крещеніи обѣщаемся: наше, глаголю, по силѣ страстемъ Господнимъ подражаніе, то есть, когда Онъ въ бѣдѣ, мы въ разлііи не будемъ⁴. Проповѣдникъ затѣмъ дѣлаеть отступленіе отъ логическаго хода рѣчи, хотя, какъ онъ самъ объясняетъ, и не внѣ своего предмета, отъ логическаго движенія мысли уклоняясь къ фактическому положенію дѣлъ и изображая поведеніе слушателей, совѣмъ не похожее на страданія Христовы: „Онъ подвизаяся вѣнчался, а мы ли куплю страстей и повседневное ихъ дѣюще приобрѣтеніе вѣнца того дожить надѣемся? Онъ потама, онъ бѣдама, онъ ранами, всякимъ видомъ болѣзней, досадъ, алчбамы, жаждама, воздыханія неизглаголанными: а мы на ложахъ на обѣдахъ изутра то есть только что на свѣтъ займаться стало, вино и сиверъ гоняще, туда попасть мыслимъ; где плотяное не входно, но духовная вся обдержатся! Хорошее се подражаніе такое,—съ ироніей замѣчаетъ ораторъ,—тое то и Петръ намѣнилъ, когда сказалъ: намъ остави образъ, да послѣдуетъ стопамъ Его⁴. Въ заключеніи напоминая слушателямъ о послѣдованіи стопамъ Христовымъ, ораторъ приглашаетъ ихъ вспомнить, что намъ придется еще разъ пойти на встрѣчу Господу при второмъ Его пришествіи. Нужно сказать, что это слово представляетъ самое искусственное построеніе въ ряду извѣстныхъ намъ проповѣдей С. Кулябки, какъ будто при составленіи ея онъ имѣлъ главною цѣлью представить образчикъ осуществленія риторическихъ правилъ для своихъ воспитанниковъ. Всѣ другія его проповѣди, какъ мы видѣли при изложеніи ихъ содержанія, имѣють гораздо простѣйшій строй, мало отличающійся даже отъ современнаго строя церковной

проповѣди. Тамъ рѣдко встрѣчаются нарраціи, отступленія, какъ отдѣльныя части рѣчи. Большинство проповѣдей имѣютъ лишь главнѣйшія части ораторской рѣчи: приступъ, предложеніе, доказательство и заключеніе. Впрочемъ, весьма часто приложеніе у него имѣютъ и тема и споръ (confutatio). Благодаря правильности построенія, каждое слово его сполна обнимаетъ свой предметъ и развиваетъ его ясно и опредѣленно, не давая мѣста случайнымъ ассоціациямъ мыслей. Когда установлено предложеніе проповѣди, то дальнѣйшее развитіе предмета само собою органически вытекаетъ изъ этого предложенія, никогда не выступая изъ намѣченнаго имъ объема, никогда не уклоняясь въ ненужныя умствованія и лишнія разглагольствія. вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчь его не можетъ назваться сухою, схоластическою. Она оживляется постоянно подвижнымъ чувствомъ оратора, ищущимъ выраженія своего въ возгласахъ, вопросахъ, восклицаніяхъ. Примѣры, сравненія и метафоры и другіе цвѣты краснорѣчія такъ же придаютъ живость его рѣчи. Въ большинствѣ случаевъ всѣ ораторскія украшенія, попадающіяся въ его проповѣдяхъ, отличаются скромностью и простотою; въ нихъ ничего нѣтъ неестественнаго вычурнаго и неожиданнаго, рассчитаннаго на эффектъ. Употребляемыя имъ сравненія, образы и примѣры заимствуются большею частью изъ Библии, или по крайней мѣрѣ изъ самой понятной и обыденной области природы и жизни: земледѣлецъ, зерно, мореплаватель, купецъ, „шавецъ, кровецъ“, собака, лошадь, волъ и т. п. самыя обыкновенныя сравненія и образы, употребляемыя проповѣдникомъ. Но изрѣдка попадаются въ проповѣдяхъ Кулабки и черты, напоминающія прежнюю школу. Встрѣчаются наприм. довольно рѣзкія сравненія и слишкомъ фамильярныя обращенія къ слушателямъ. Такъ напримѣръ въ словѣ на недѣлю мясопустную проповѣдникъ сравниваетъ положеніе Христа въ лицѣ пищихъ съ положеніемъ собакъ и лошадей. Въ томъ же словѣ такъ обращается къ слушателю: „лжешп, нѣтъ ли въ тебе куса хлѣба?“

и еще: „скажи жъ ты мнѣ: а ты не здоровъ ли, съ толикимъ пространствомъ питаеши себе, такъ утучняеши, аки бы на день заколенія?“ Попадаются ничего не выражающія метафоры и игра словъ, въ родѣ: „водоносъ страстей; классы помышленій, нивы благополучій, кладязи сердцець, западъ смертный, вечеръ гробный“... Слово въ недѣлю мясопустную начинается такою неуклюжею метафорою: „Яко же милосердіе невозбранно въ круги небесныя приходя въ царскомъ невѣстницѣ всегда впокоевается: тако немилосердіе отъ дверей оныхъ, брачная внутрь выѣцающихъ ликованія, далече прогонимо есть“; въ словѣ „на плащавицу“ есть такое выраженіе: „адъ снѣдію божества удавился“. Но подобныя недостатки не могутъ копечно идти въ параллель съ тѣми же недостатками у предшественниковъ его, южно-русскихъ проповѣдниковъ, и попадаеясь очень рѣдко и то въ самыхъ первыхъ только проповѣдическихкихъ опытахъ Кулябки, могутъ свидѣтельствовать только о неустановившемся еще вкусѣ молодаго проповѣдника. Позднѣйшія его проповѣди по всей вѣроятности совсѣмъ чужды были недостатковъ, подобныхъ указаннымъ, — по крайней мѣрѣ слово его на новый годъ 1751 года, приведенное у Сопикова¹⁾, представляетъ образецъ скромнаго и солиднаго слога, вполне достойнаго церковной проповѣди.

По отзыву исторіи малой Россіи²⁾, поученія Кулябки отличались „строگوю нравственностію и разсудительностію, хотя слогъ весьма нечистъ и темень ко вреду многихъ хорошихъ мыслей“. Дѣйствительно, слогъ у Сильвестра очень темный, неуклюжій и тягучій. Въ построеніи періодовъ и словосочиненіи замѣтно сильное вліяніе латинскихъ про-

¹⁾ Опытъ Росс. библ. ч. I. стр. 211. Слово № 1202.

²⁾ Ч. III. стр. 225.

заиковъ. Періоды большею частью длинны вслѣдствіе обилія вставочныхъ предложеній; вотъ наприм. періодъ: „Когда апостоли, какъ мало случаемой въ нихъ вещи, то есть: дабы Христосъ съ женою бесѣдовалъ, когда удивляясь, а спросить самага, чего съ нею ищетъ, не смѣя, хотя прежде много уже и дерзнувшія, какъ то прерѣковать о смерти ему, каковъ былъ у нихъ Петръ, сидѣнія себе одесную его въ царствіи просить, каковы Заведеевы сыны были, или кто есть болій, вопрошать, что прочія всѣ негодовавшія о двоихъ братіяхъ сдѣлали: да только ясти понуждали Христа, а въ отвѣтъ получили отъ него брашно ему ясти отъ нихъ несвѣдомое: а потомъ и на нивы уже созрѣвающія къ жатвѣ очеса возвести повелѣвающаго услышали: что иное собрать мощно отъ сего, аще не то, что въ сей евангелской нынѣшней бесѣдѣ главизна есть, сіесть: какъ Богъ прилежно и несыто спасенія ищетъ нашего“¹⁾). Формы языка у Кулябки представляютъ смѣсь русскихъ, церковно-славянскихъ, малорусскихъ и польскихъ формъ. Кромѣ малороссійскихъ и польскихъ словъ, вошедшихъ въ проповѣди его въ большомъ количествѣ, встрѣчаются слова западно-европейскаго происхожденія, наприм.: рээстръ, генеральво, навклиръ, калваката (кавалькада), бестія, аееисти, интересъ, симпатія, эпиническій, контрактъ и т. п.

Благодаря указаннымъ особенностямъ, слогъ и языкъ проповѣдей Сильвестра Кулябки, отличаясь пестротой, неопредѣленностью, поражаетъ дѣйствительно темнотою и неуклюжестью. Многія мѣста въ его проповѣдяхъ приходится читать не одинъ и не два раза, чтобы понять, что хочетъ сказать проповѣдникъ. Такая темнота и неопредѣленность рѣчи становятся особенно неприятными недостатками языка Кулябки, когда встрѣчаешься съ ними въ мѣстахъ, касающихся какихъ нибудь историческихъ обстоятельствъ. Въ надгробной, напримѣръ; рѣчи при погребеніи

¹⁾ Слово въ нед. Самар. рип. Кіев. Акад. № 51. л. 1.

Романа, архимандрита печерскаго, есть между прочимъ такое выраженіе: „третій день назадъ какъ шесть годъ прошло, когда мы пастыря нашего милостію всеавгустѣйшій Государыни нашей при приходѣ своемъ свѣтла пастырскимъ жезломъ обдаренія устрѣшая. Мнѣ ли съ милостію намъ и миромъ и многовиднымъ добромъ нашимъ устрѣшатися“¹⁾... Романъ, какъ мы знаемъ, посвященъ въ архимандрита 12 іюня 1730 года, а умеръ въ сентябрѣ (13-го) 1736 года: слѣдовательно, встрѣча, о которой говоритъ ораторъ, происходила около 10-го сентября 1730 года, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ посвященія Романа,—какой же фактъ разумѣеть тутъ ораторъ? Была ли эта встрѣча при первомъ возвращеніи Романа изъ Москвы въ санъ архимандрита, или подъ „милостію обдаренія“ Романа пастырскимъ жезломъ тутъ разумѣется особенный какой вибудь фактъ?

Нужно, однако, сказать, что и въ отношеніи слога и языка нашъ проповѣдникъ съ теченіемъ времени совершенствовался, и позднѣйшія его проповѣди представляютъ больше опредѣленности, ясности и плавности въ языкѣ, чѣмъ проповѣди, сказанныя въ 30-хъ годахъ. Въ этомъ отношеніи благотворное вліяніе на него оказало болѣе обстоятельное знакомство проповѣдника съ церковно-славянскимъ языкомъ въ годы преподаванія Кулябкою богословія. Знакомство это повело проповѣдника къ выработкѣ болѣе опредѣленныхъ формъ языка по образцу языка церковно-славянскаго. Стоитъ сравнить приведенные нами выше отрывки изъ проповѣдей его, сказанныхъ въ 40-хъ годахъ, съ проповѣдями 30-хъ годовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Доброе также вліяніе на языкъ проповѣдника оказало знакомство его съ великорусскимъ говоромъ. Перемѣщенный въ Великороссію, онъ по необходимости

долженъ былъ прислушиваться къ великорусскому говору и въ пользу его сглаживать пестроту того латино-польско-малорусскаго говора, который онъ усвоилъ себѣ въ Киевской академіи. Такимъ образомъ въ словахъ—въ недѣлю Самаряныни 1742 года,—на Благовѣщаніе 1742 года²⁾ и на новый годъ 1751 года³⁾ почти не встрѣчается малорусскихъ и польскихъ словъ, и попадаютъ даже характерные звуки великорусскаго говора, напримѣръ о вмѣсто і и мѣсто а, — „малороссійской“ вмѣсто малороссійскій, „можно“, вмѣсто можна и т. п.

Петръ Зальескій.

¹⁾ Реп. Акад. № 51. л. 209.

²⁾ Судить только по отрывкамъ, приведеннымъ у Тихонравова.

³⁾ Соликов. Опытъ росс. библи. ч. I. стр. 219.

О первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, 1491 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

(Посвящается А. Θ. Бычкову).

Книгопечатаніе славянскими кирилловскими буквами первѣе всего началось въ Краковѣ около 1491 года. Библиографы указываютъ пять книгъ, изданныхъ здѣсь въ означенномъ году: *Осмогласникъ*, *Триодъ цвѣтную*, *Триодъ постную*, *Часословецъ* и *Псалтирь съ возсмѣдованіемъ*. Впрочемъ, послѣдняя книга, не смотря на тщательные розыски библиографовъ, нигдѣ не найденная, едва ли не занесена въ каталоги по недоразумѣнію¹⁾. Единственнымъ издателемъ всѣхъ вышепоименованныхъ книгъ до послѣдняго времени считался *Швайпольтъ Фоль*, краковскій мѣщанинъ, по происхожденію нѣмецъ изъ франконской области или изъ племени франковъ. Такое заключеніе непосредственно вытекало изъ содержанія выходной записи, помѣщенной въ концѣ двухъ краковскихъ изданій. Такъ въ концѣ *Омогласника* и *Часословца* 1491 г. читаемъ: „Докончана бысть сия книга у великомъ градѣ у краковѣ при державѣ великаго короля полскаго казимира. и докончана бысть мѣщаниномъ краковскимъ швайпольтомъ, фьоль, изнѣмецъ немецкого роду, франкъ. и скончашась по

¹⁾ Основанія для этого предположенія находятся у *Добровскаго* (Institut. linguae Slavicae dialecti veteris. 1822. p. XXXVII) и *Каратаева* (Описание славяно-русск. книгъ. 1878 г. вып. 1. стр. 8—9).

божиемъ нароженіемъ 14 сътъ девяностыи и 1 лѣто".—Но сравнительно въ недавнее время мнѣніе о Швайпольтѣ Фьолѣ, какъ единственномъ издателѣ первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ (въ Краковѣ), а также объ его происхожденіи сильно было поколеблено извѣстнымъ польскимъ библиографомъ Карломъ Ейстрейхеромъ. Въ своемъ сочиненіи *Günter Zainer i Świątopelk Fiol* (Warszawa. 1867), Ейстрейхеръ по вопросу объ издателѣ первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ 1491 г. расходится съ предшествовавшими библиографами и *рѣшаетъ его иначе*, не смотря на то, что исходнымъ пунктомъ для своего мнѣнія беретъ тѣ же самыя выходныя записи, на которыя ссылались и прежніе изслѣдователи объ означенныхъ книгахъ. Вся суть дѣла заключается въ томъ, что Ейстрейхеръ читаетъ означенныя записи иначе, чѣмъ онѣ читались до него, а вслѣдствіе этого дѣлаетъ и другіе выводы, несогласныя съ прежними. Обыкновенно библиографы читали и понимали выходныя записи на краковскихъ издаваніяхъ 1491 г. такимъ образомъ, что онѣ „окончены были (печатаніемъ)... краковскимъ мѣщаниномъ Швайпольтомъ Фьолемъ, (по происхожденію) изъ нѣмцевъ, изъ нѣмецкаго рода (племени) франковъ".—Ейстрейхеръ же читаетъ означенныя записи слѣдующимъ образомъ: „книги окончены были (печатаніемъ)... краковскимъ мѣщаниномъ Швайпольтомъ Фьолемъ и (происходящимъ) изъ нѣмцевъ, изъ нѣмецкаго роду, Франкомъ". Такимъ образомъ, по чтенію Ейстрейхера оказывается, что было два издателя первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ: Швайпольтъ Фьоль—*краковянинъ* (откуда сдѣланъ былъ выводъ—*славянинъ*) и Франкъ—*нѣмецъ*.

Правильность своего чтенія Ейстрейхеръ доказываетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Хотя книги, изданныя въ Краковѣ въ 1491 году, и суть книги церковно-славянскія; но выходныя записи, помѣщенныя въ концѣ ихъ, написаны языкомъ бѣлорусскимъ или, точнѣе, малорусскимъ. Въ малорусскомъ же нарѣчій

(подобно тому какъ и въ польскомъ языкѣ) славяно-русскій предлогъ *изъ* обозначается буквою *з* или *с*; такимъ образомъ, въ выходной записи слова *изнѣмси* нужно читать не—*изъ нѣмецъ*, какъ это дѣлалось прежде но—*и изъ нѣмецъ* (по-польски *i z niemiec*). Въ подтвержденіе сказаннаго Ейстрейхеръ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ древней южно-русской письменности, откуда можно видѣть, что предлогъ *изъ* писался посредствомъ одной буквы—*з* или *с*. Такъ въ грамотѣ короля Казимира, отъ 1457 г. читаемъ: *сходитъ с памяти, некоторые з нихъ, писано черезъ Мартина з Луки*; въ статутѣ 1492 года—*заплатили з дому, выдадутъ с права*; въ грамотахъ королей Александра (отъ 1492 г.) и Сигизмунда I (отъ 1509 г.)—*з добрую волю, з нашою, з ласки, з города*, и т. д., и т. д. Тоже самое правописаніе можно встрѣтить и въ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ. Такъ, напр., Скорина въ Часословѣ 1525 г. подписывается—*с Полоцка*; книга Василия великаго о постничествѣ (1594 г.), Сборникъ (1598 г.), Лѣкарство на оспалый умыслъ чловѣчій (1607 г.),—обозначены вышедшими *з друкарни Острожское*; Евангеліе (Вильно, 1595 г.)—*з дому Мамоничевъ*, и т. д.

2) Въ выходной записи Часословца 1491 г. литеры—*из* напечатаны не слитно, но отдѣлены одна отъ другой на *пол-букву*,—обстоятельство, по мнѣнію Ейстрейхера, показывающее, что составитель записи считалъ каждую литеру *особою частію рѣчи*.

3) На верху выходной записи находится гербъ города Кракова съ слѣдующею (по чтенію Ейстрейхера) подписью: *S. V. з Кракова*, т. е. *Świętopełk Viol z Krakowa*. Если здѣсь для обозначенія славяно-русскаго предлога *изъ* употребленъ мало-русскій *з*,—то крайне не логично будетъ допустить, что въ самой записи, при одномъ и томъ же значеніи, одинъ и тотъ же авторъ воспользовался не этою послѣднею формою (малороссійскимъ *з*), а другою (славяно-русскимъ *изъ*).

Мнѣніе К. Ейстрейхера, получившаго за свое сочиненіе ученую степень доктора философіи, поспѣшно и съ вос-
Труды Киев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

торженными похвалами принято было всѣми польскими, а также и нашими библиографами. Когда г. Головацкій написалъ статью о первоначальныхъ церковно-славянскихъ изданіяхъ Швайпольта Фьоля (Sweipolt Fiol und seine kyrilische Buchdruckerei in Krakau... Wien, 1876) и, будучи незнакомъ съ трудомъ по этому предмету Ейстрейхера, повторилъ прежнее чтеніе выходной записи *Осмогласника* и *Часословца* 1491 г.,—то сильно былъ упрекаемъ и польскими и нашими библиографами въ незнакомствѣ съ современнымъ состояніемъ церковно-славянской библиографіи и съ научными выводами о краковскихъ издателяхъ славянскихъ книгъ, въ настоящее время общепринятыми ¹⁾.—Но какъ ни великъ авторитетъ Ейстрейхера и какъ, повидимому, ни прочно обосновано его новое мнѣніе относительно изданія краковскихъ церковно-славянскихъ книгъ *двумя лицами*, обозначенными въ выходныхъ записяхъ,—тѣмъ не менѣе мы затрудняемся согласиться съ нимъ. Въ противовѣсъ означенному мнѣнію Ейстрейхера можно сказать слѣдующее:

1) Если въ тогдашнемъ книжномъ языкѣ можно весьма часто встрѣчать употребленіе предлога *зъ*, *съ*, соответствующаго славяно-русскому *изъ*,—то нерѣдко можно встрѣчаться и съ послѣднею формою. Такъ, напр., Скорина хотя и употреблялъ часто выраженія: *с Полоцька*, *з нихъ*; то не менѣе часто можно встрѣтить въ изданныхъ имъ книгахъ и употребленіе церковно-славянскаго *изъ*. Напримѣръ: „Библія руска выложена докторомъ Францискомъ Скориною *из* славнаго града Полоцька“...; „Доконана есть Псалтирь сия прадею Скорины... *изъ* славнаго града Полоцька“; „Доконанъ есть акаѳистъ... прадею Скорины... *изъ* славнаго града Полоцька“. „И о воскресеніи телъ нашихъ *изъ* мертвыхъ наясней пророкуеть“ (*изъ* предисловія къ Библии 1517—1519 гг.), и т. д. Тоже самое можно встрѣтить и въ тогочасовенныхъ актахъ. Такъ, напр., въ *дьяніяхъ виленскаго собора* 1509 г.

¹⁾ См., напр., Древн. и Нов. Рос. 1880 г., февр., стр. 372 и слѣд.

хотя и попадаетъ малороссійская форма *зъ, съ* (*зъ Мѣвѣнска, съ Полоцка, зъ Голшанъ*), но встрѣчается и славяно-русскій *изъ* (*изъ Слуцка, изъ Смоленска*). Вообще же нужно замѣтить, что чѣмъ болѣе какой либо древнѣй (южно-русскій) документъ испещренъ *полонизмами*, или чѣмъ ближе онъ приближался къ разговорному языку, тѣмъ чаще встрѣчается въ немъ польская и малорусская форма *зъ, съ*; и на оборотъ, чѣмъ ближе документъ подходитъ къ языку славяно-русскому, тѣмъ рѣже попадаетъ въ немъ означенная форма, замѣняясь славяно-русскимъ—*изъ*... Такимъ образомъ, для рѣшенія правильности чтенія выходныхъ записей яраковскихъ изданій, вопросъ, очевидно, сводится къ тому,—какимъ языкомъ написаны означенныя записи: болѣе ли близкимъ къ малорусскому или же къ славяно-русскому?—Ейстрехеръ—какъ мы видѣли—утверждаетъ, что онѣ *написаны языкомъ бѣлорусскимъ или, что то же, малорусскимъ*. Но это не вѣрно. Изъ всѣхъ болѣе чѣмъ 30 словъ, изъ коихъ состоятъ выходныя записи, только одно (нароченіе) можно считать малорусскимъ. Всѣ же остальные слова, а равнымъ образомъ и конструція ихъ, славяно-русскія. *Докончана бысть сия книга у великомъ градѣ Краковѣ, при державѣ великаго короля полскаго*, и т. д.,—развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, рѣчь не славяно-русская, а малорусская?.. Послѣ сказаннаго становится очевиднымъ, что при рѣшеніи вопроса относительно чтенія словъ въ выходныхъ записяхъ: *изъ нѣмецъ*,—ислѣдователь не въ правѣ ссылаться на документы, испещренныя *полонизмами* или писанныя *по-малорусски*, но долженъ имѣть въ виду исключительно письменныя памятники, *сходныя по языку съ означенными записями*. Но коль скоро вопросъ о правильномъ чтеніи выходныхъ записей будетъ поставленъ на эту *законную* почву, то мнѣніе Ейстрейхера окажется несостоятельнымъ. Едва-ли знаменитый библиографъ сможетъ указать письменныя памятники, *сходныя по языку съ разсматриваемыми записями*, гдѣ-бы употреблена была для предлога *изъ* малорусская форма—*зъ*. Между тѣмъ

подобныхъ памятниковъ съ славяно-русскою формою означеннаго предлога можно указать не мало. Такъ какъ г. Ейст-рехеръ живетъ въ Краковѣ, то мы приведемъ здѣсь, для примѣра, содержаніе одного письменнаго памятника XV стол., находящагося въ Краковѣ. Въ кафедральномъ соборѣ г. Кракова (katedra czyli kościół ś. Wacława) есть каплица св. креста (kaplica ś. krzyża), называвшаяся въ старину *русскою*. Каплица эта, украшенная византійскою живописью, изображающею святыхъ греческой церкви, съ *славянскими* около нихъ надписями,—построена въ XV стол. польскимъ королемъ Казиміромъ Яггелончикомъ и его женою Елизаветою, дочерью цезаря Альберта. О времени сооруженія этой каплицы на одной изъ ея стѣнъ и до настоящаго времени сохраняется надпись, которую мы и приводимъ въ полномъ видѣ: Бѣгоізколиннимъ. мѣдѣткъ. Бѣга. Оцѣ. вимогѣшаго пописана бысть (на каплицѣ) великодержавного. короля. приквітлого Казимира. за Бѣжню. мѣстн. короля. польского. і келанкого киза литовского і рѣцько (го і жомонтско)го. і князятн прѣского пана. і дедича. і иныхъ многихъ. земля. осподара. и его королевое приналежѣшии панин Елизаветы. і поколенья цѣб- (зар)ьского. княжа приналежѣшии цезаря Жиггимонта. пана землан рѣцькоє. и чеськоє. і Угорьскон. по лѣтѣхъ нароженья Божьго ꙗ лѣтѣхъ. V. II. O. лѣтѣхъ. докончани шню каплицю писмо мѣдѣ октлѣра къ...¹⁾ Приведенная надпись—какъ видно—очень сходна по языку съ выходными записями краковскихъ изданій. Рѣчь здѣсь славяно-русская, съ легкимъ оттѣнкомъ полонизма. И хотя въ надписи малорусскихъ словъ все-таки значительно болѣе, чѣмъ въ выходныхъ краковскихъ записяхъ, тѣмъ не менѣе предлогъ *изъ* сохраняетъ здѣсь форму

¹⁾ Надпись эта приводится (польскими буквами) у Сарницкаго (Annales 1587 г., стр. 319), но въ значительно искаженномъ видѣ, и въ статьѣ „Славянскій Краковъ“, помѣщенной въ *Древности*, издаваемыхъ при Московскою Археол. обществѣ,—но съ большими пропусками, не оправдываемыми современными состояніемъ надписи.

славяно русскую (*is поколенья*). Тѣмъ естественнѣе онъ долженъ сохранить эту форму въ краковскихъ изданіяхъ.

2) Ейстрехеръ говорить, что въ выходной записи Часословца 1491 г. литеры *и* и *з* напечатаны не слитно, но отдѣлены одна отъ другой на пол-букву,—и это обстоятельство, причисляетъ къ доказательствамъ своего мнѣнія о раздѣльномъ значеніи литеръ. Доказательство, по меньшей мѣрѣ, странное! Дѣло въ томъ, что всѣ краковскія изданія 1491 г. напечатаны въ большинствѣ случаевъ *сплошнымъ* шрифтомъ; слова въ нихъ раздѣляются очень рѣдко. Тоже самое должно сказать и о выходныхъ записяхъ. Отъ такого печатанія часто происходило, что слова, которыя слѣдовало бы раздѣлить, оказывались слитыми, а буквы въ одномъ и томъ же словѣ—отставленными одна отъ другой. Такъ, напр., въ словѣ—*докончана* буква *д* отставлена отъ прочихъ болѣе, чѣмъ на литеру; въ словѣ—*божиемъ* буква *ж* отдѣлена какъ отъ предшествующаго слога *бо*, такъ и отъ окончанія *иемъ*; между тѣмъ предшествующія означенному слову выраженія—*и скончашась по*—напечатаны совершенно слитно; также совершенно слитно напечатаны слова: *докончана бысть мѣщаниномъ краковскимъ. Сия книга у великомъ кра* напечатано совершенно слитно, а продолженіе слога *кра*, т. е., *дръ*,—отдѣльно, и затѣмъ непосредственно сливается съ предлогомъ *у*¹⁾.—Послѣ сказаннаго понятно, какое значеніе должно придавать доказательству Ейстреихера, опирающемуся на томъ обстоятельствѣ, что литеры *и* и *з* въ выходной лѣтописи Часословца отдѣлены одна отъ другой на пол-букву. Не мѣшаетъ къ этому прибавить еще и то, что въ выходной записи Осмогласника, дословно сходной съ записью Часословца, означенныя литеры напечатаны *слитно*. Очевидно, что всѣ разсужденія Ейстреихера о томъ, якобы при печатаніи выходной записи *drukarz widoczne uważał iq* (т. е. букву *и* въ словахъ *изъ*

¹⁾ Ся. прилагаемый въ концѣ замѣтки лигатурованный снимокъ выходной записи *Осмогласника* 1491 г.

нѣмец) *za głoske osobna*,—должно отнести къ области чисто фантастической.

3) Если—говоритъ Ейстрейхеръ—Швайпольтъ Фьоль въ одномъ мѣстѣ подписался з *Кракова*, если въ одномъ случаѣ для обозначенія славяно-русскаго предлога *изъ* употребилъ малорусскій *з*,—то крайне нелогично допустить, чтобы онъ не поступилъ также и въ другомъ однородномъ случаѣ. Подобное заключеніе, разумѣется, имѣетъ значительную долю справедливости. Но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ Ейстрейхеръ ради оправданія одного ошибочнаго чтенія создаетъ другое, не менѣе ошибочное,—и посредствомъ послѣдняго хочетъ оправдать первое.

Оаращаемся къ доказательствамъ.

На верху выходной записи въ краковскихъ изданіяхъ помѣщены какъ—мы сказали—гербъ города Кракова. По сторонамъ герба ясно видны литеры *S. V.* и слово—*Кракова*,—что, въ совокупности, читалось библиографами слѣдующимъ образомъ: *Sigillum Urbis Кракова*, т. е. гербъ города Кракова. Мы уже знаемъ, что Ейстрейхеръ и въ данномъ случаѣ расходится съ предшествовавшими ему библиографами и читаетъ подписи около герба такъ: *Swiętoplek Viol з Кракова*. Въ подтвержденіе правильности своего чтенія Ейстрейхеръ, во первыхъ, указываетъ на знакъ, находящійся на лентѣ, обвивающей гербъ,—знакъ, который по мнѣнію этого библиографа, походитъ на букву *з* (и въ соединеніи со словомъ—*Кракова* образуетъ выраженіе—*з Кракова*); и, во вторыхъ, обращаетъ вниманіе на несообразность прежняго чтенія подписей, при которомъ выходила смѣсь *латыни съ русскимъ языкомъ*: „*Sigillum urbis*“—и вдругъ: „*Кракова!*“—Но мы позволяемъ себѣ и въ данномъ случаѣ не согласиться съ достопочтеннымъ библиографомъ. Въ противовѣсъ чтенію Ейстрейхера можно сказать слѣдующее:

а) Знакъ, на который ссылается г. Ейстрейхеръ, *очень мало* походитъ на букву *з*. Мы скорѣе склонны думать, что

гравёр хотѣлъ изобразить (и изобразилъ) на означенномъ мѣстѣ ленты не букву, а нѣчто въ родѣ цвѣтка или какойнибудь подобной декоративной фигуры. Предположеніе это находитъ нѣкоторую опору, между прочимъ, и въ томъ обстоятельстве, что и на другой лентѣ, обвивающей противоположную сторону герба, есть подобная же, хотя и меньшихъ размѣровъ, декоративная фигурка, помѣщенная здѣсь какъ бы ради симметріи.

б) Ейстрейхеръ находитъ прежнее чтеніе около герба (*Sigillum urbis Кракова*) несообразнымъ потому, что оно представляетъ смѣсь двухъ языковъ. А развѣ—спросимъ мы—чтеніе самого Ейстрейхера: *Swiętopelk Viol z Кракова*—не представляетъ подобнаго же смѣшенія? Отвѣтъ ясенъ, очевидно и вытекающее отсюда заключеніе. Последнее не въ пользу чтенія Ейстрейхера представляется еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: Смѣшеніе двухъ языковъ въ обозначеніи имени, фамиліи и мѣстонахожденія извѣстнаго лица дѣйствительно вещь странная и мы, при чтеніи древнихъ письменныхъ памятниковъ, съ такимъ смѣшеніемъ не встрѣчаемся (страннымъ, повтому, кажется и чтеніе Ейстрейхера). Между тѣмъ, подобное смѣшеніе латыни съ польскимъ или южно-русскимъ языками мы зачастую встрѣчаемъ, когда рѣчь идетъ о предметахъ юридическихъ, названіи должностей, и т. п. Относительно латинской терминологіи, встрѣчающейся въ польскихъ и южно-русскихъ актахъ, составлена даже цѣлая книга. А такъ какъ въ эту терминологію входило и слово *sigillum* въ значеніи знака, печати, герба, — то и чтеніе подписи на гербѣ краковскихъ изданій—*sigillum urbis Кракова*—представляется болѣе имѣющимъ смысла, чѣмъ вышеприведенное чтеніе Ейстрейхера.

Можно сдѣлать и еще нѣсколько возраженій касательно ошибочнаго чтенія Ейстрейхеромъ выходныхъ записей на краковскихъ церковно-славянскихъ книгахъ. Такъ, напр., если, помнѣнію Ейстрейхера, было два издателя означенныхъ книгъ, то почему одинъ изъ нихъ называется по имени и фа-

милія (Швайпольтъ Фьоль), а другой только по фамиліи (Франкъ)? Далѣе: если принять чтеніе Ейстрейхера, то не будетъ ли страннымъ плеоназмомъ выраженіе, что Франкъ происходилъ *изъ нѣмецъ, изъ нѣмецкою рода?* (не говоримъ же мы: *я русскій, изъ русскаю рода*). Между тѣмъ, держась чтенія прежнихъ нашихъ библиографовъ, такой трудно объяснимый плеоназмъ уничтожается. По этому чтенію выходитъ, что книги изданы *краковскимъ мѣщаниномъ* (указывается осѣдлость), *изъ нѣмецъ* (указывается народность), *изъ нѣмецкаю рода франкъ* (указывается частнѣйшая черта—племя).

Отрицая правильность чтенія Ейстрейхеромъ выходныхъ записей на краковскихъ церковно-славянскихъ изданіяхъ, мы, само собою разумѣется, не признаемъ и тѣхъ выводовъ, которые на основаніи его сдѣланы какъ самимъ Ейстрейхеромъ, такъ и его послѣдователями. Именно, считаемъ Франка, какъ сподвижника Фьоля по изданію книгъ, лицомъ фантастическимъ; самаго Швайпольта Фьоля считаемъ не *славяниномъ—полякомъ*, а *нѣмцемъ* (какъ, впрочемъ, показываетъ и его фамилія, а отчасти и его знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ)¹⁾, поселившимся въ Краковъ и получившимъ здѣсь права гражданства.

Извѣстно, что Швайпольтъ Фьоль не долго продолжалъ печатаніе церковно-славянскихъ книгъ въ Краковѣ (всѣ книги, изданныя имъ здѣсь, относятся къ 1491 г.). Что было причиною прекращенія Фьолемъ издательской дѣятельности—рѣшить трудно. Въ 1492 году онъ былъ обвиненъ въ ереси, заключенъ въ тюрьму и позванъ на судъ къ инквизитору. Нѣкоторые изъ библиографовъ поставляли это обвиненіе въ связи съ напечатаніемъ церковно-славянскихъ книгъ, „чѣмъ Фьоль помогалъ греческой церкви, которая въ глазахъ святой инквизиціи считалось сектою“. Но изъ

¹⁾ Условіе, заключенное Швайпольтомъ Фьолемъ, съ нѣкимъ Рудольфомъ Борсдорфомъ относительно изготовленія послѣднихъ русскихъ буквъ,—писано было *по-нѣмецки*.

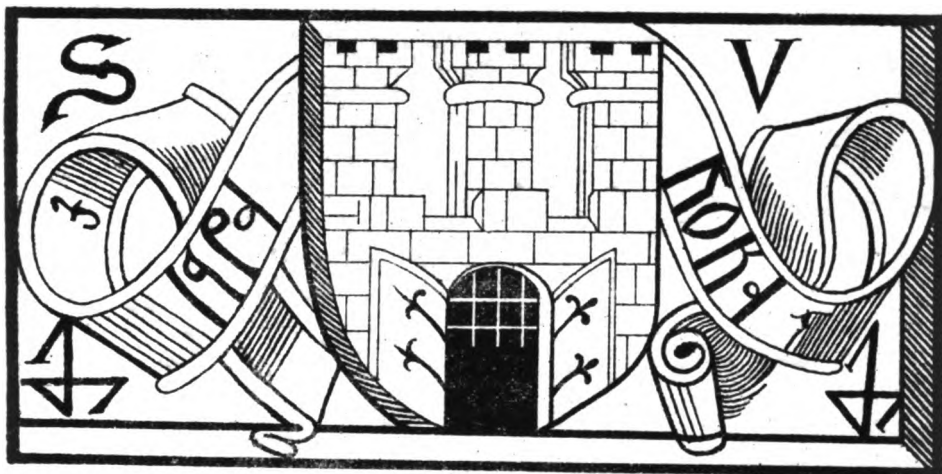
документовъ (обнародованныхъ Мацѣвскимъ еще въ 1814 г.) подобное предположеніе не оправдывается. Во время допросовъ Швайполту Фьолю о печатаніи имъ церковно-славянскихъ книгъ не было и помину. Онъ обвинялся въ томъ, что высказался въ Гусситскомъ духѣ противъ причастія подѣ однимъ видомъ. Когда Фьоль на судѣ подѣ присягою отрекся отъ еретическихъ мнѣній, противныхъ католицизму, то былъ освобожденъ изъ заключенія. Дальнѣйшая судьба его мало извѣстна. По однимъ сказаніямъ онъ удалился въ Венгрію; но Грабовскій указываетъ на нѣсколько документовъ 1511—1526 гг., изъ коихъ видно, что нѣкій Фьоль въ означенное время находился еще въ Краковѣ или его окрестностяхъ. Былъ ли то Швайпольшъ Фьоль—издатель первоначальныхъ церковно-славянскихъ книгъ, или же только его однофамилецъ,—неизвѣстно.

Еще нѣсколько словъ. При разсмотрѣніи браковскихъ церковно-славянскихъ книгъ сами собою возникаютъ слѣдующіе вопросы: 1) что побудило нѣмца Швайпольша Фьоля заняться печатаніемъ означенныхъ книгъ, и 2) для какой, преимущественно, мѣстности онѣ предназначались?—Первый вопросъ, по нашему мнѣнію, достаточно уясняется условіемъ, заключеннымъ Фьолемъ съ упомянутымъ Рудольфомъ Борсдорфомъ. Въ означенномъ условіи Борсдорфъ, между прочимъ, принималъ на себя обязательство *ни для кою, безъ вѣдома Фьоля, не вырывать русскіихъ буквъ и никою не учить этому искусству*. Этотъ пунктъ условія, очевидно включенный въ него по настоянію Фьоля, обнаруживаетъ въ послѣднемъ чловѣка съ торговыми наклонностями, смотрѣвшаго на задуманное имъ предпріятіе со стороны его доходности,—словомъ чловѣка, бравшагося за издательское дѣло какъ за небезвыгодное ремесло (замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи издательская дѣятельность Фьоля, по своимъ мотивамъ, рѣзко отличается отъ подобной же дѣятельности большинства западно-русскихъ, преимущественно братскихъ, типографій, зачастую *сознательно* печатавшихъ книги себѣ

въ убытокъ, исключительно имѣи въ виду *потребу церковную*). Труднѣе категорически рѣшить другой вопросъ—для какой преимущественно мѣстности предназначались Фьолемъ его изданія. А. И. Соболевскій въ одномъ изъ своихъ рефератовъ, читанныхъ въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, рассматривая краковскія церковно-славянскія книги (1491 г.) *со стороны языка*, нашелъ въ нихъ сходство съ тогдашними и позднѣйшими молдо-влахійскими рукописями и отсюда сдѣлалъ выводъ, что Фьоль и Франкъ (референтъ всецѣло раздѣляетъ мнѣніе Ейстрейхера) печатали означенныя книги по порученію молдо-влахійцевъ (для какаго нибудь молдовлахійскаго воеводы или вельможи). Этотъ выводъ намъ кажется поспѣшнымъ. Естественноѣе предположить, что Фьоль, предпринимая изданіе церковно-славянскихъ книгъ, имѣлъ въ виду всѣ окрестныя мѣстности, нуждавшіяся въ нихъ. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ положительныя данныя относительно широкаго распространенія краковскихъ церковно-славянскихъ изданій не только въ Молдо-Влахіи, но и Галиціи и всѣхъ западно-русскихъ областяхъ. Даже, можетъ быть, что онѣ имѣли небольшой сбытъ и въ самомъ Краковѣ. Какъ послѣднее предположеніе не можетъ показаться страннымъ, тѣмъ не менѣе оно находитъ нѣкоторую опору въ указанномъ нами фактѣ существованія въ означенномъ городѣ (въ XV стол.) *русской* каплицы, съ *русскими* иконами, съ *русскими* около нихъ надписями. Впрочемъ къ этому, въ высшей степени интересному вопросу, мы намѣрены со временемъ возвратиться и поговорить о немъ обстоятельнѣе.

С. Голубевъ.

Выходный листъ Осмогласниа, издавнаго въ 1491 г., въ Краковѣ.

Докончана въ сѣмъ книгѣ великомъ градѣ боу
 краковѣ при державѣ великаго короля полскаго
 казимира . и докончана въ мѣщаннѣ краковъ
 ской мѣшван полтоу . фѣоль . и зидецъ не
 мецко городоу . франкъ . и скончаша по кожнѣ
 пароженецѣ . дѣ сѣть . девѣть десѣтъ и лѣто .

**ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ВОСКРЕСЕНСКИЙ,**

экстраординарный профессоръ Кіевской духовной Академіи.

26 декабря 1883 года, въ четвертомъ часу утра, скончался экстраординарный профессоръ Кіевской Академіи протоіерей А. М. Воскресенскій. Кончина его поразила своею внезапностію всѣхъ, его знавшихъ, хотя состояніе его здоровья уже довольно давно казалось многимъ очень подозрительнымъ. Около года назадъ замѣтно онъ сталъ слабѣть силами, и многіе находили въ немъ признаки чахотки. Весною 1883 года онъ жилъ въ деревнѣ у своего родственника—священника, надѣясь свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ укрѣпить свои силы; но возвратился изъ деревни въ городъ въ болѣе разстроенномъ состояніи здоровья, чѣмъ въ какомъ туда отправился. Видѣвшіе его по возвращеніи изъ деревни думали, что дни его сосчитаны. Но въ городѣ онъ началъ поправляться. Въ августѣ и первой половинѣ сентября онъ жилъ въ Выдубицкомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи Кіева въ живописной мѣстности на берегу Днѣпра. Настоятель этого монастыря архимандритъ Евлогій, съ полнымъ участіемъ къ положенію уважаемаго имъ профессора, предоставилъ ему всѣ возможныя удобства жизни. Благодатный воздухъ Выдубицкаго монастыря освѣжилъ силы больнаго, и онъ вступилъ въ отправленіе всѣхъ своихъ обязанностей, читалъ лекціи, ѣздилъ въ консисторію, которой состоялъ членомъ, служилъ въ церкви и исполнялъ

требы по приходу—21 декабря, бывши въ одномъ собраніи, онъ высматривалъ очень хорошо, и пишущій эти строки, подойдя къ нему, выразилъ предъ нимъ свое удовольствіе потому поводу, что онъ смотритъ такимъ молодцомъ. „Да, слава Богу (отвѣчалъ онъ)! Я чувствую себя теперь хорошо“. Но на дѣлѣ оказалось, что ошибался и онъ самъ на счетъ состоянія своего здоровья, ошибались и тѣ, которые замѣчали въ немъ относительную свѣжесть. 25 декабря, въ день Рождества Христова, въ три часа утра онъ отправился въ церковь служить всепощное богослуженіе, и за тѣмъ, не выходя изъ церкви, началъ совершать литургію и послѣ нея молебное пѣніе, положенное на этотъ день въ память избавленія Россіи отъ галловъ и съ ними двадцати языкъ. Пришелъ онъ изъ церкви въ домъ уже въ десятомъ часу утра, конечно, значительно утомившись; но впрочемъ кромѣ усталости не чувствовалъ ничего особеннаго,—въ 12-мъ часу принималъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, пришедшихъ къ нему съ праздничнымъ визитомъ, а въ первомъ часу по полудни самъ отправился въ Академію, чтобы сдѣлать праздничный визитъ ректору. Не заставъ ректора дома, онъ пошелъ къ инспектору, но уже съ трудомъ могъ пройти небольшое разстояніе, отдѣляющее квартиру ректора отъ квартиры инспектора, и нѣкоторые изъ знакомыхъ, встрѣтившись съ нимъ на этомъ пути и видя его изнеможеніе, должны были поддерживать его на дорогѣ. У инспектора онъ просидѣлъ цѣлый часъ, чтобы отдохнуть и собраться съ силами, и сначала просилъ позволенія посидѣть молча, потому-де, что очень усталъ и ему трудно дышать. Въ экипажѣ, когда онъ отправлялся домой, онъ не въ силахъ былъ самъ влѣсть безъ помощи другихъ. Возвратившись домой, онъ сидѣлъ за столомъ во время обѣда, и взялъ ложки двѣтри супу. Но послѣ обѣда, часу въ шестомъ вечера, ему вдругъ сдѣлалось дурно: онъ почувствовалъ необыкновенную слабость, стало труднымъ дыханіе, и въ груди послышалось зловѣщее влокотанье. Послали за докторами; доктора

приказали приготовить для него ванну, приняли въ некоторыя другія врачевныя мѣры, сдѣлали подкожное вспрыскиваніе еенра; но все было уже напрасно. Въ четвертомъ часу утра, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, онъ тихо перешелъ въ вѣчность.

Александръ Михайловичъ Воскресенскій родился въ 1828 году въ погостѣ Васильевскомъ Владимірской губерніи Муромскаго уѣзда, отстоящемъ въ десяти верстахъ отъ г. Мурома. Погостами въ той мѣстности называются такія селенія, въ которыхъ есть церковь, и при ней одни дома членовъ причта; а приходъ этой церкви составляютъ нѣсколько деревень, расположенныхъ въ окрестности. Въ погостѣ Васильевскомъ въ то время, когда жилъ въ немъ Александръ Михайловичъ, было три причта (нынѣ два): въ немъ жило три священника, два дьякона, шесть причетниковъ и просвирия, такъ что это былъ поселокъ порядочный, не смотря на то, что въ немъ не было ни одного крестьянскаго двора. Александръ Михайловичъ былъ второй сынъ одного изъ священниковъ. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ его сверстники называли его не иначе, какъ „puer“. Такое прозвище дано было ему его отцомъ по слѣдующему случаю: у Александра Михайловича была сестра, которая была годами двумя моложе его, и тоже называлась Александрю; чтобы отличить мальчика и дѣвочку, носящихъ одно имя, отецъ одного назвалъ „puer“, а другую „virgo“. И съ этимъ прозвищемъ Александръ Михайловичъ извѣстенъ былъ не только въ своемъ погостѣ Васильевскомъ, но и въ училищѣ, и въ семинаріи и даже въ Академіи.

Дѣтскіе и отроческіе годы А. М. Воскресенскаго протекли такъ же, какъ обыкновенно протекали они у дѣтей сельскихъ священниковъ. Онъ не получилъ такого тщательнаго воспитанія, какое получаютъ въ городахъ дѣти богатыхъ родителей, и не было надъ нимъ въ тѣ годы особеннаго надзора. Его воспитывали добрыя преданія и благочестивые обычаи священнической, преданной церкви, семьи.

Отецъ самъ училъ его грамотѣ по Часослову и Псалтирѣ; но образованіе, полученное Александромъ Михайловичемъ дома отъ отца, не ограничивалось одною элементарною русскою и славянскою грамотою. Онъ, еще до поступленія въ училище, подъ руководствомъ отца, научился читать, писать и немного переводить по латини и по гречески и поступилъ въ училище прямо въ третій классъ.

Наши отцы, жившіе при церкви и служившіе церкви; и дѣтей своихъ располагали къ тому служенію, которое составляло, такъ сказать, жизнь ихъ. Дѣтей своихъ они не только водили въ церковь во всѣ праздничные и воскресные дни, но и располагали ихъ къ тому, чтобы они, по мѣрѣ возможности, принимали участіе въ чтеніи и пѣніи при отправленіи богослуженія. У А. М. Воскресенскаго главныя воспоминанія, касающіяся его отроческой жизни, сосредоточивались на церковной жизни своей родины, и участіе его въ этой церковной жизни съ малыхъ лѣтъ положило твердое начало тому религіозному настроенію, съ какимъ онъ остался до конца дней своихъ. Въ каждую воскресную и праздничную службу А. М. Воскресенскій непременно бывалъ въ церкви съ тѣхъ поръ, какъ началъ сознавать себя. Не только пропустить литургію въ воскресные и праздничные дни, но даже проспять утреню (всенощныя въ погостѣ Васильевскомъ и зимой и лѣтомъ служились не съ вечера, а съ утра) онъ, подобно другимъ своимъ сверстникамъ, считалъ для себя дѣломъ не позволительнымъ. И еслибы случилось ему въ какой либо праздникъ, когда служба церковная начиналась ранѣе обыкновеннаго, не успѣть къ началу службы,—это составило бы для него большое горе и лишеніе. Я помню случай, хорошо характеризующій настроеніе Воскресенскаго, когда онъ былъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ. Въ пасху въ церкви его родины литургія не соединялась непосредственно съ утренею, какъ это дѣлается въ городахъ, и начиналась часовъ около семи утра. Мальчикъ заснулъ по окончаніи утрени и не слышалъ

звона къ обѣдѣ, а его семейные забыли разбудить его въ свое время. Онъ явился къ обѣдѣ во время пѣнія достойна, и явившись въ церковь плакалъ на взрыдъ,—плакалъ отъ того, что неволью лишилъ себя всей полноты праздничной радости.

Присутствуя въ церкви, Воскресенскій, еще до опредѣленія своего въ училище, началъ принимать участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, и скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ бойкихъ и усердныхъ чтецовъ. Читать мальчикамъ давали сначала заключительный псаломъ, положенный при концѣ обѣды, потомъ по мѣрѣ успѣховъ, первый часъ, за тѣмъ часы предъ обѣднею, шестопсалміе, каензмы и канонъ, и наконецъ дозволяли читать пареміи и апостолъ; послѣднее считалось очень почетнымъ и разрѣшалось только тѣмъ, которые искуснымъ чтеніемъ снискивали особый авторитетъ у штатныхъ представителей клира. Воскресенскій очень рано достигъ этой чести.

— Усердіе къ участію въ богослуженіи замѣтно было и у другихъ дѣтей—односельчанъ Воскресенскаго. При трехпричтовомъ составѣ клира Васильевскаго погоста молодое поколѣніе его было довольно многочисленно: начиная отъ богослововъ, бывшихъ въ послѣднемъ классѣ семинаріи, въ немъ были представители другихъ меньшихъ возрастовъ, до первоклассниковъ и ниже. И все это поколѣніе наполняло клиросы, и между представителями его было замѣтно соревнованіе: никто не хотѣлъ уступать другому въ болѣе или менѣе *успѣшномъ веденіи* дѣла, исполняемаго людьми, стоящими на клиросѣ. Благодаря этому, праздничныя и воскресныя службы въ погостѣ Васильевскомъ отправлялись очень торжественно. Чтецовъ было много очень хорошихъ и пѣніе, при шести причетникахъ и достаточномъ числѣ дѣтей разнаго возраста, было полное и многоголосное. Стихиры на Господи возвахъ не читали, какъ это дѣлаютъ и въ видныхъ церквахъ большихъ городовъ, а пѣли всѣ, по черемѣнно, на обоихъ клиросахъ, и кто либо изъ дѣтей,—

часто А. М. Воскресенскій—посилъ менею, октомхъ или трюдь съ одного клироса на другой, возглашая тѣ стихи или припѣвы, какіе положены предъ каждою стихирюю. Ирмосы праздничныхъ каноновъ пѣли положенное число разъ, и если на какой праздникъ существуетъ два канона, то неопустительно пѣли ирмосы того и другаго канона, а для пѣнія такъ называемой катавасіи сходились вмѣстѣ оба лика, то есть, стоящіе на правомъ и на лѣвомъ клиросѣ. И пѣніе этихъ ирмосовъ было близко къ обиходному, и при своей протяжности выходило умилительно-торжественнымъ. Часто, впоследствии стоя въ какой либо большой праздникъ въ какой либо изъ видныхъ церквей г. Кіева, и слушая вмѣсто пѣнія не очень внятное чтеніе стихирь, и замѣчая, что не поютъ и по разу всѣхъ ирмосовъ одного канона, а о ирмосахъ другаго канона совершенно забываютъ, переносились мы съ А. М. Воскресенскимъ мыслию въ церковь роднаго села, и не мало сожалѣли, что не тамъ стоимъ праздничную службу, и что не слышимъ теперь умилительнаго пѣнія многихъ прекрасныхъ пѣсней церковныхъ, которое такъ восхищало насъ въ дѣтствѣ.

Въ частной домашней жизни Воскресенскій въ дѣтствѣ представлялъ изъ себя мальчика юркаго, живаго и предприимчиваго. Его дѣломъ было затѣять какую либо невинную игру и пригласить къ ней другихъ. Зимой онъ самъ устроитъ гору изъ снѣгу, и катансь по ней самъ, предоставляет пользоваться ею и другимъ. Лѣтомъ онъ то согласится съ сверстниками пойти съ равняго утра за грибами въ одинъ изъ близъ лежащихъ лѣсковъ, то отправляется, одинъ или вдвоемъ, на рѣку ловить рыбу.—Последнее удовольствіе было однимъ изъ его любимыхъ удовольствій, и онъ въ теплую пору года очень много времени проводилъ на рѣкѣ съ удочкою въ рукахъ и ставя жерлицы въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ для ловли большихъ щукъ. Родители предоставляли ему полную свободу располагать своимъ временемъ,—большую, чѣмъ какою пользовались его сверстники,

дѣти другихъ священниковъ, и онъ, для оразноображенія своихъ развлеченій, иногда отправлялся ловить рыбу на цѣлый день версты за три отъ роднаго села на другую рѣку, которая была богаче рыбою, чѣмъ та рѣка, которая протекаетъ около Васильевского погоста. Проведши иной разъ почти цѣлый день вдали отъ дома, безъ обѣда, онъ съ радостію возвращался въ погостъ, если удавалось ему поймать большую щуку или двухъ, трехъ язей. Проводя часто время на рѣкѣ, и будучи довольно смѣлымъ, готовый на рискъ, Воскресенскій въ дѣтствѣ два раза подвергался опасности утонуть: не будь на берегу случайныхъ людей, когда онъ падалъ въ воду, не умѣя порядочно плавать, его бы не живымъ уже вытащили изъ воды. Родной братъ его, подобно ему смѣлый и предприимчивый, былъ жертвою своей неосторожности, — преждевременно, въ годы отрочества, нашелъ смерть въ рѣкѣ, которая едва не поглотила прежде его и Александра Михайловича.

Въ 1839 году, на двѣнадцатомъ году отъ рожденія А. М. Воскресенскій отданъ былъ въ Муромское духовное училище. Принять онъ былъ, какъ мы уже упоминали, прямо въ третій классъ. Поступилъ онъ въ этотъ классъ, какъ говорили тогда, *не-въ-годъ*, т. е., въ такой годъ, когда не было перевода въ высшій классъ, и онъ долженъ былъ просидѣть въ этомъ классѣ три года, вмѣсто двухъ, наравнѣ съ другими, переведенными изъ втораго одногодичнаго класса въ третій не въ годъ перевода. Всего въ училищѣ онъ провелъ пять лѣтъ. Учился онъ очень хорошо и въ третьемъ и четвертомъ классѣ считался въ числѣ лучшихъ учениковъ, но уступалъ въ успѣхахъ не одному изъ своихъ товарищей. Выше его въ спискахъ стояли Д. Пѣвницкій, бывшій впоследствии ректоромъ Воронежской и Тамбовской семинаріи, нынѣ ключарь — протоіерей Храма Христа Спасителя въ Москвѣ, и Левъ Милозоровъ, кончившій курсъ первымъ въ Владимірской семинаріи въ 1850 году, и долженствовавшій поступить въ Московскую академію, но не посланный туда

потому, что его считали человекомъ ненадежнаго здоровья: по окончаніи курса семинаріи онъ былъ учителемъ Муромскаго духовнаго училища и затѣмъ священникомъ въ одномъ селѣ Повровскаго уѣзда; будучи священникомъ, онъ пользовался въ окрестности извѣстностію, какъ пастырь умный и ревностный къ своему долгу; скончался онъ уже довольно давно.

У насъ привыкли отзываться о старшихъ духовныхъ училищахъ или съ презрительною насмѣшкою, или съ злобнымъ негодованіемъ. Часто люди, вышедшіе изъ духовныхъ училищъ, поставляютъ себѣ въ особенное удовольствіе самими мрачными красками изображать мѣсто своего первоначальнаго образованія, примѣръ чего можно видѣть въ извѣстныхъ характеристикахъ бурсы Помяловскаго. Къ тѣмъ училищамъ, въ которыхъ мы учились, не приложимы подобныя желчныя характеристики, и когда мы читали подобныя характеристики, намъ казалось, что въ нихъ рисуется какой-то другой міръ, далекій и отличный отъ того, въ какомъ мы жили. Муромское духовное училище, въ которомъ получилъ первоначальное образованіе А. М. Воскресенскій, оставило въ немъ, какъ и въ другихъ своихъ ученикахъ, самыя добрыя воспоминанія о себѣ, и мы всегда сохраняемъ къ нему самую теплую и благодарную привязанность, и поминаемъ его однимъ добромъ. Учили насъ хорошо, и располагали заниматься дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Первымъ главнымъ предметомъ изученія былъ языкъ латинскій, и по нему ученики успѣвали такъ хорошо, что при переходѣ въ семинарію легко могли переводить всѣхъ прозаическихъ авторовъ. Кромѣ занятій въ классѣ, состоящихъ въ переводахъ устныхъ и письменныхъ съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій, ученики, если не обязывались, то приглашались переводить что либо „и отъ себя“ дома. На экзаменахъ, послѣ отвѣтовъ изъ пройденнаго въ классѣ, спрашивали, что и сколько ученикъ перевелъ *отъ себя*, и находились такіе, которые въ теченіе

перваго года въ четвертомъ классѣ переводили всего Корнелия Непота. Знаніе греческаго языка въ Муромскомъ училищѣ времени воспитанія А. М. Воскресенскаго было слабѣе, чѣмъ знаніе латинскаго, и это зависѣло отъ излишней доброты учителя греческаго языка, много послаблявшаго своимъ ученикамъ и не умѣвшаго быть требовательнымъ. — Начальники и учителя обращались съ нами по человѣчески, можно сказать даже, по отечески. Жестокихъ наказаній, о какихъ повѣствуетъ Помяловскій, у насъ и въ поминѣ не было. Розга считалась въ числѣ наказаній; но къ ней прибѣгали не такъ часто, какъ это бывало въ другихъ училищахъ, и А. М. Воскресенскій, равно какъ и многіе другіе, прошелъ училищный курсъ, ни разу не подвергшись этому унижительному наказанію. Въ высшемъ четвертомъ классѣ наказывали разгою только за грубыя шалости, но я не помню случая, когда бы наказали кого за незнаніе урока. Инспекторъ училища (священникъ Иванъ Ѳедотычъ Грандицкій) былъ грозой для учениковъ, и его всѣ ученики очень боялись и чувствовали нѣкоторый трепеть, когда встрѣчались съ нимъ на улицѣ. Но онъ производилъ на учениковъ такое впечатлѣніе не частыми и строгими наказаніями, а суровымъ видомъ и грознымъ словомъ. Бывало, когда провинится въ чемъ либо ученикъ, онъ взглянетъ на него сурово, сдвинувъ брови; крикнетъ, пожалуй, топнетъ ногою, и виновный совсѣмъ потеряется, и очень часто этимъ ограничивалось все наказаніе. Смотрителемъ училища былъ игуменъ Нифонтъ, недавно скончавшійся въ санѣ архимандрита настоятеля Муромскаго Спасскаго монастыря (въ то время онъ былъ настоятелемъ Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря): этотъ держалъ себя ближе къ ученикамъ, чѣмъ инспекторъ, и иногда приглашалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ на домъ для занятій напри- мѣръ по географіи: онъ подвергалъ учениковъ, хотя изрѣдка, болѣе строгимъ наказаніямъ, чѣмъ инспекторъ, но его не боялись такъ ученики, какъ боялись Ив. Ѳ. Грандицкаго.

Изъ училищной жизни Воскресенскій любилъ вспоминать о публичныхъ экзаменахъ, на которыхъ онъ бывалъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Тогдашніе публичные экзамены не были одними испытаніями учениковъ въ знаніи преподаваемыхъ имъ предметовъ, а были обставлены разными аксессуарами, которые придавали имъ видъ особаго праздничнаго училищнаго торжества. На это училищное торжество собирались всѣ главные представители городского общества, и нѣкоторые изъ нихъ являлись съ коробками конфетъ, предназначавшимися для раздачи ихъ въ награду отличившимся ученикамъ. Торжество открывалось пріѣздившею рѣчью къ достопочтеннѣйшимъ посѣтителямъ, которую произносилъ одинъ изъ учениковъ; затѣмъ пѣвчіе пѣли какую либо канту религіознаго или патріотическаго содержанія или духовный концертъ. Пѣніе это въ теченіе экзамена повторялось нѣсколько разъ; въ промежуткахъ послѣ испытанія учениковъ одного класса и до приступленія къ испытанію учениковъ другаго класса пѣвчіе непремѣнно что нибудь пѣли. Кромѣ пѣнія программа экзамена разнообразилась введеніемъ въ нее произнесенія какихъ либо стиховъ, нарочито сочиненныхъ для этого случая. Когда кончалъ курсъ училища Воскресенскій (въ 1844 году), тогда на публичномъ экзаменѣ Муромскаго духовнаго училища были произносимы *Разговоры* и „*Эхо*“. *Разговоры* и *Эхо* написаны были стихами смотрителемъ училища игуменомъ Нифонтомъ, который владѣлъ легкимъ стихомъ. *Разговоры* вели въ присутствіи публики на срединѣ залы четыре ученика,—Рѣзвый, Разсѣянный, Прилежный и Дѣшвыный. Содержаніемъ разговора служило выраженіе чувствъ и желаній каждаго изъ этихъ учениковъ въ то время, когда весенняя природа располагала ихъ къ удовольствіямъ и звала то *за-рѣчку*, то *въ лѣсъ*, а приближеніе экзамена заставляло ихъ думать о приготовленіи къ нему. А. М. Воскресенскій былъ въ числѣ разговаривающихъ; ему поручена была роль, кажется, Разсѣяннаго. *Разговоры*

написанъ былъ очень занимательно, и произнесенъ былъ совершенно свободно и съ надлежащимъ выраженіемъ. Восторгъ публики былъ необычайный, и городничій всѣмъ, участвовавшимъ въ Разговорѣ, далъ по изящной коробкѣ конфетъ. Понятно, съ какою радостію принять былъ этотъ подарокъ. Коробка конфетъ получившими ее учениками привезена была домой, къ родителямъ, и долгое время сохранялась у нихъ, какъ замѣчательный трофей, приобретенный ихъ сыномъ. Этому чрезвычайному подарку придавали больше значенія, чѣмъ обыкновенному подарку книгами, даваемому ученикамъ, отличившимся успѣхами и благопріеміемъ.—Для произнесенія Эха выбирались ученики, обладавшіе сильными басистыми голосами (въ то время въ училищѣ былъ порядочный хоръ, и между учениками четвертаго класса находилось не мало такихъ, которые пѣли густымъ басомъ). Одинъ ученикъ выходилъ на средину и выражалъ свои чувства, а другой скрывался въ углу, гдѣ либо около двери, и повторялъ послѣднія слова или слоги перваго, какъ невольное эхо, но такъ, что эти отголоски эха не были бессмысленнымъ повтореніемъ звуковъ, произносимыхъ первымъ ученикомъ, и заключали въ себѣ свой особый смыслъ. Въ 1844 году это забавное произведеніе начиналось такъ:

Сердечно признаюсь:—учиться не хочу!

(Эхо отвѣчало) Чу!

Ба! Чей тамъ слышно гласъ? Скажи пожалуйста безъ смѣха.

Эха.

Не легкое тебя сюда, знать, занесло.

О о о! и т. д.

За тѣмъ раздавали награды отличнымъ ученикамъ. Экзаменъ кончался благодарственной рѣчью, въ которой одинъ изъ учениковъ выражалъ чувство признательности почтеннѣйшей публикѣ за то, что она удостоила своимъ посѣщеніемъ насажденный вертоградъ ихъ, и просилъ у ней

извиненія, если плоды съ молодыхъ розгъ вертограда показались ей не совсѣмъ зрѣлыми. Въ концѣ всего было приличное пѣніе.

Изъ Муромскаго училища въ 1844 году А. М. Воскресенскій переведенъ былъ въ Владимірскую духовную семинарію. Въ семинаріи сначала онъ не былъ въ числѣ самыхъ видныхъ учениковъ. Въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, въ такъ называемой словесности,—онъ въ разрядномъ спискѣ занималъ мѣсто во второмъ десяткѣ, и въ среднемъ отдѣленіи или въ философіи въ первый годъ онъ тоже записанъ былъ въ общемъ спискѣ ниже 10 №. Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ былъ профессору логики, психологіи и патрологіи М. В. Тихонравову. Это былъ человекъ высокаго релігіознаго настроенія, умный, внимательный къ ученикамъ, умѣвшій отличать способности, и весьма ревностный въ исполненіи своего долга. Въ печати извѣстно его магистерское сочиненіе „*О христіанскомъ мученичествѣ*“. Кончилъ онъ курсъ въ Московской духовной Академіи въ 1846 году со степенью магистра, и тотчасъ же по окончаніи курса назначенъ былъ наставникомъ Владимірской семинаріи, изъ которой и поступилъ въ Академію, и съ разу заслужилъ репутацію одного изъ лучшихъ преподавателей, но, къ сожалѣнію, не долго послужилъ на пользу духовнаго юношества, скончавшись въ 1850 году. М. В. Тихонравовъ обратилъ вниманіе на бойкіе устные отвѣты Воскресенскаго, на ясность и живость его мысли въ сочиненіяхъ, сталъ спрашивать его чаще, давалъ ему, для его испытанія, особые упражненія, и въ спискѣ по своему предмету, который считался тогда главнымъ, къ году поставилъ его вторымъ. Подобное повышение ученика въ спискахъ въ тѣ времена было довольно рѣдко, и нѣкоторые съ удивленіемъ посмотрѣли, когда вдругъ Воскресенскій изъ учениковъ второго десятка сталъ однимъ изъ первыхъ, выше многихъ, на которыхъ въ словесности привыкли смотрѣть, какъ на болѣе даровитыхъ и лучше успѣвающихъ. Но Воскресен-

скій вполне оправдалъ мнѣніе о немъ своего паставника, и разъ ставъ вторымъ въ спискѣ, уже потомъ не ниспускался съ этого мѣста, и за нимъ должны были признать первенство надъ собою тѣ изъ его товарищей, которые дотожд считали себя выше его.

Кромѣ этого обстоятельства семинарская жизнь Воскресенскаго не представляетъ ничего особеннаго. Учился онъ очень усердно, и аккуратно занимался *по всемъ предметамъ*. Отмѣчаемъ это потому, что въ то время большинство учениковъ далеко не одинаково занимались предметами, входящими въ курсъ семинарскаго курса. Между этими предметами были предметы главные,—въ низшемъ отдѣленіи словесность, въ среднемъ логика, психологія и патрологія, въ высшемъ богословіе догматическое и нравственное и гимлетика. Успѣхи по этимъ предметамъ имѣли опредѣляющее значеніе на оцѣнку достоинствъ ученика, между прочимъ потому, что наставники, преподававшіе эти предметы, давали ученикамъ сочиненія, въ которыхъ обнаруживалась степень развитія и твердость мысли каждаго изъ нихъ. Этими предметами и сочиненіями, съ ними связанными, всѣ ученики занимались неопустительно: соревнованіе ихъ направлено было къ тому, чтобы не стать ниже другихъ по главному предмету и здѣсь оказать возможные успѣхи. Прочіе предметы назывались *побочными*, и ими многіе занимались кое-какъ, зная, что на нихъ не обращаетъ большаго вниманія и начальство, и что относительный неуспѣхъ по нимъ не сопровождается вредными послѣдствіями для ученика. Воскресенскій съ одинаковымъ усердіемъ относился и къ главнымъ и къ побочнымъ предметамъ, и старался успѣвать какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ. Онъ даже принадлежалъ къ числу немногихъ избранныхъ, которые съ особеннымъ вниманіемъ относились къ естественной исторіи и сельскому хозяйству, введеннымъ въ программу семинарскихъ наукъ съ его курса, между тѣмъ какъ начальство семинарскаго смотрѣло на эти новые предметы явно несочувст-

венно и не расположено было особенно поощрять усердіе учениковъ къ занятію этими предметами. Нужно сказать, что оно имѣло къ этому основаніе: наставники этихъ предметовъ, получившіе образованіе въ Горыгорѣцкомъ институтѣ, иногда позволяли себѣ высказывать предъ учениками матеріалистическія воззрѣнія и подвергали смѣлой критикѣ то или другое ученіе церкви, напримѣръ о твореніи міра, о нетлѣвни мощей и т. под., что разрушительно могло дѣйствовать на вѣру учениковъ, и что вносило дисгармонію въ тотъ стрѣнный, отличавшійся единствомъ направленія, ходъ семинарскаго образованія, сохранить который считало своею обязанностію семинарскаго начальство.

Въ Кіевскую академію Воскресенскій поступилъ, чрезъ годъ богословскаго курса, въ 1849 году по назначенію семинарскаго начальства. Въ тотъ годъ изъ Владимірской семинаріи Духовно-учебное управленіе двухъ воспитанниковъ предназначило вызвать на казенный счетъ въ С.-Петербургскую академію, и двухъ въ Кіевскую. Въ Петербургскую академію посланы были два родные брата,—П. Цвѣтковъ (изъ 1-го высшаго отдѣленія семинаріи, нынѣ протоіерей Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ) и П. Цвѣтковъ (изъ 3-го высшаго отдѣленія, нынѣ протоіерей въ Кронштадтѣ), а въ Кіевскую два односельчанина, Д. Пѣвницкій (изъ 2-го высшаго отдѣленія семинаріи, нынѣ протоіерей храма Христа Спасителя въ Москвѣ) и покойный А. Воскресенскій (изъ 3-го высш. отдѣленія). Сдавши очень хорошо пріемный экзамень, Воскресенскій съ разу зарекомендовалъ себя предъ академическими наставниками, и въ теченіе академическаго курса считался однимъ изъ видныхъ студентовъ. Какъ въ семинаріи, такъ и въ академіи онъ ровно занимался всѣми предметами, и не было у него особеннаго расположенія къ какой либо спеціальности. Замѣчали его усердіе наставники физико-математическихъ наукъ; но онъ выдавался успѣхами по этимъ наукамъ не потому, чтобы чувствовалъ къ нимъ особенное призваніе, а потому, что другіе его товарищи не-

внимательно относились къ нимъ и позволяли себѣ опускать ихъ лекціи. Это ровное и усердное занятіе всѣми предметами было причиною того, что Воскресенскій въ разрядныхъ спискахъ студентовъ сталъ выше другихъ, которые по мнѣнію товарищей были даровитѣе его. Впрочемъ въ низшемъ курсѣ, — философскомъ, — его успѣхи были менѣе значительны, чѣмъ въ высшемъ, богословскомъ, и какъ въ семинаріи, такъ и въ академіи онъ началъ выдаваться своими успѣхами къ концу, а не къ началу курса. При окончаніи курса онъ присужденъ былъ конференціею къ степени магистра и въ послѣднемъ разрядномъ спискѣ записанъ былъ подъ 3 №. Магистерское сочиненіе онъ писалъ „о высшихъ родахъ христіанскаго подвижничества“. Кончилъ онъ курсъ Академіи въ 1853 году.

Въ періодъ студенческой жизни Воскресенскій былъ чело-вѣкъ въ высшей степени живой и веселый, и любилъ немного щеголять. По отношенію къ товарищамъ былъ онъ очень общителенъ: онъ очень скоро сходилса съ другими, и послѣ двухъ, трехъ бесѣдъ дѣлался другомъ-пріятелемъ своего товарища, къ которому обращался на „ты“. Въ его курсѣ едва ли у кого было столько близкихъ людей между студентами, сколько у него. И его очень любили товарищи, — любили за его доброту, за его прямоту и простоту и за его готовность раздѣлять съ другими и радость и горе. Его доброта была выдающеюся чертою его характера во всѣ періоды его жизни, и она сразу была замѣтна всякому, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Помнится мнѣ, что, когда онъ, поступивъ въ академію, извѣщалъ своего бывшего наставника по семинаріи М. В. Тихонравова, возвысившаго его въ ряду товарищей, о блистательной сдачѣ пріемнаго экзамена и о своихъ успѣхахъ въ Академіи, тотъ замѣтилъ пишущему сіи строки: „это Господь за доброту ему посылаетъ“.

Въ студенчествѣ изъ товарищей былъ близокъ Воскресенскій съ о. Владиміромъ Быковскимъ (нынѣ Веніаминъ,

епископъ черниговскій), съ Милоемъ Іоанновичемъ (впослѣдствіи Михайлъ, митрополитъ сербскій), съ Николаемъ Шерпиловымъ (нынѣ Евгеній, епископъ астраханскій). Съ нимъ вмѣстѣ учились и копчили курсъ Павелъ (Вильчинскій), епископъ саратовскій, Владиміръ (Петровъ), епископъ томскій, и Модестъ (Стрѣльбицкій), епископъ люблинскій, викарій холмско-варшавской епархіи. На должности бакалавра при академіи, изъ товарищей Воскресенскаго, тотчасъ по окончаніи курса, оставленъ былъ одинъ Ив. Игн. Малышевскій (нынѣ заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ русской церковной исторіи). Ректоръ Академіи архимандритъ Антовій (скончавшійся казанскимъ архіепископомъ) имѣлъ въ виду для занятія бакалаврской должности при академіи еще и Павла (Вильчинскаго), принявшаго монашество при самомъ окончаніи курса, и дѣлалъ предложеніе объ этомъ академической Конференціи; но по стеченію разныхъ обстоятельствъ это предложеніе ректора Антовія осталось безъ исполненія.

По окончаніи академическаго курса, А. М. Воскресенскій полныхъ тридцать лѣтъ провелъ на духовно училищной службѣ. Въ теченіе этого тридцатилѣтняго періода ему не разъ приходилось мѣнять тѣ предметы, преподаваніе которыхъ ему поручалось, что могло не совсѣмъ выгодно отзываться на ходѣ его учебныхъ и ученыхъ занятій.

Первоначально онъ посланъ былъ въ Волинскую семинарію на кафедру церковной исторіи, археологіи и каноническаго права. Опредѣленіе о его назначеніи на Волинь состоялось 31 октября 1853 года; а къ мѣсту службы своей онъ явился уже въ началѣ 1854 года. Но и года не преподавалъ онъ тѣхъ предметовъ, на которые первоначально былъ назначенъ. 27 августа 1854 года онъ, согласно съ его желаніемъ, перемѣщенъ былъ на кафедру логики, психологіи, патрологіи и латинскаго языка. Этого перемѣщенія желалъ Воскресенскій потому, что кафедра логики, психологіи и патрологіи въ системѣ тогдашняго семинарскаго образованія

была въ числѣ главныхъ, а кафедра церковной исторіи и археологіи, въ которую онъ былъ назначенъ, считалась въ числѣ второстепенныхъ кафедръ, и наставникъ логики и психологіи имѣлъ больше вліянія на учениковъ и пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ, въ силу значенія своей кафедры, чѣмъ наставникъ церковной исторіи, и предметами первой кафедры въ семинаріяхъ въ тѣ поры больше занимался, чѣмъ предметами второй.

Мѣста преподавателей въ Волынской семинаріи, помѣщающейся въ уѣздномъ городѣ Кременцѣ, считались весьма выгодными для окончившихъ курсъ Академіи; потому что тамъ для всѣхъ преподавателей были готовы казенныя квартиры, да и жизнь въ уѣздномъ городѣ была дешевле, чѣмъ въ губернскомъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ студентовъ академіи желали попасть туда на службу. Но будучи выгодными, эти мѣста въ то же время были и опасными для мягкихъ и воспримчивыхъ натуръ. Въ захолустьи уѣзднаго города утвердились и господствовали въ то время не похвальные житейскія привычки, которыя могли увлекать на скользскій путь податливыхъ новичковъ, любящихъ товарищество.

На Волыни А. М. Воскресенскій служилъ не долго. Въ 1855 году, черезъ два года по окончаніи академическаго курса, онъ женился на дочери священника одной изъ пригородныхъ церквей г. Кіева Георгія Замышлевскаго, которой давалъ уроки, когда былъ студентомъ академіи, и съ тѣхъ поръ началъ стремиться къ переводу въ Кіевъ. Въ 1856 году, чрезъ годъ слишкомъ послѣ его женитьбы, открылась вакансія по кафедрѣ физико-математическихъ наукъ въ Кіевской духовной семинаріи, и на эту вакансію онъ перемѣщенъ былъ въ Кіевъ 27 декабря 1856 года.

На кафедрѣ математики въ Кіевской семинаріи А. М. Воскресенскій пробылъ около трехъ лѣтъ, и за тѣмъ, 13-го октября 1859 года, черезъ шесть лѣтъ семинарской службы, переведенъ былъ бакалавромъ въ Кіевскую академію по

той же кафедрѣ физико-математическихъ наукъ, какую онъ занималъ въ послѣднее время въ семинаріи, и съ тѣхъ поръ онъ не оставлялъ академіи, до самой своей смерти, хотя принужденъ былъ впоследствии времени переимѣнить предметъ, имъ преподаваемый, на другой, по случаю исключенія изъ программы наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, физики и математики, Уставомъ 1869 года. Поступилъ въ академію Воскресенскій на мѣсто Д. А. Подгурскаго, кончившаго курсъ въ 1829 году, и дѣлалъ тридцать лѣтъ не могшаго получить званія профессора, за недостаткомъ штатной профессорской вакансіи. Чтобы вознаграждать труженника науки, получавшаго долгое время скудное бакалаврское жалованье, Конференція академіи въ 1849 году, когда была открыта въ Кіевской академіи кафедра латинскаго языка, поручила ему, оставивъ его на кафедрѣ математики, преподаваніе вновь введеннаго латинскаго языка, вслѣдствіе чего онъ сталъ получать два бакалаврскихъ жалованья. Но когда разрѣшено было Синодомъ сверхъ шести штатныхъ профессорскихъ вакансій учредить въ академіи еще двѣ сверхштатныхъ, Д. А. Подгурскій возведенъ былъ въ званіе ординарнаго профессора, и остался тогда на одной кафедрѣ латинскаго языка, предоставивъ преподаваніе математики новому дѣятелю. Профессоромъ физико-математическихъ наукъ былъ въ то время В. П. Чеховичъ, служившій въ академіи съ 1827 года, и по его рекомендаціи избранъ былъ бакалавромъ,—помощникомъ ему по кафедрѣ,—А. М. Воскресенскій... Самъ онъ читалъ алгебру и физикѣ и завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ, а Воскресенскому поручено было преподаваніе тѣхъ частей математики, которыя до него излагалъ Д. А. Подгурскій,—именно, геометріи, тригонометріи и аналитической геометріи. Профессоръ Чеховичъ умеръ въ ноябрѣ 1862 года, и послѣ его смерти, опредѣленіемъ Св. Синода, на Воскресенскаго одно возложено было преподаваніе всѣхъ физико-математическихъ наукъ, прежде раздѣленныхъ между двумя наставниками,—профессоромъ и бакалавромъ;

но при этомъ ему не было прибавлено жалованье, и онъ остался на одномъ бакалаврскомъ окладѣ, какъ былъ прежде. Съ смертію Чеховича въ Кіевской академіи ординатура отнята была у кафедры физико-математическихъ наукъ, къ которой была приурочена проектомъ устава духовныхъ академій 1808 года, и отдана была преподавателямъ другихъ наукъ, старшимъ по службѣ Воскресенскаго. Такое усложненіе и увеличеніе работы, безъ увеличенія жалованья, Воскресенскій принялъ на себя съ полною охотою, безъ всякаго вида неудовольствія, и онъ никому никогда не выражалъ своего неудовольства на то, что у него отнята была надежда въ ближайшемъ будущемъ получить званіе ординарнаго профессора, а съ нимъ и вышій окладъ жалованья. Впрочемъ онъ въ 1864 году (26 марта) возведенъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора академіи, съ какимъ оставался до конца своей жизни. Въ то время званіе экстраординарнаго профессора не было уже однимъ почетнымъ титуломъ, какъ это было отъ начала дѣйствованія стараго академическаго устава до 60 хъ годовъ, а соединено было съ значительнымъ возвышеніемъ жалованья противъ бакалаврскаго оклада изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, по почину, сдѣланному въ Московской духовной академіи покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ.

Дѣло преподаванія физико-математическихъ наукъ Воскресенскій велъ весьма успѣшно. Онъ умѣлъ располагать своихъ слушателей къ изученію своего предмета, и въ особенности интересовалъ ихъ лекціями по физикѣ. Намъ случалось выслушивать иные отдѣлы изъ его лекцій по физикѣ въ отвѣтахъ студентовъ на экзаменѣ. Студенты передавали свои свѣдѣнія по наукѣ не съ такою полнотою и точностію, съ какою сообщалъ ихъ имъ профессоръ. Между тѣмъ въ отвѣтахъ студентовъ слышалось много новаго и интереснаго. Видно, что профессоръ внимательно слѣдилъ за движеніемъ своей науки, и въ области, подлежащей точнымъ математическимъ изслѣдованіямъ, умѣлъ находить вопросы живые и занимательные.

Кромѣ физико-математическихъ наукъ, до введенія новаго академическаго Устава, Воскресенскій въ теченіе года (1866—7) преподавалъ студентамъ библейскую археологію и еврейскій языкъ, послѣ смерти профессора Гуляева и до поступленія на эту кафедру нынѣшняго профессора Анима Олесницкаго, съ производствомъ за это половины бакалаврскаго олада. Нынѣ есть въ академіи бывшіе слушатели лекцій Воскресенскаго по этой прибавочной кафедрѣ, и они свидѣтельствуютъ, что А. М. Воскресенскій съ полнымъ усердіемъ отнесся къ этому временному порученію, возложенному на него Правленіемъ академіи, и лекціи его по библейской археологіи были весьма содержательны.

Кромѣ академіи Воскресенскій, въ теченіе 12 лѣтъ (отъ 15 сентября 1866 года до 7-го генваря 1879 года), преподавалъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ сначала космографію, а потомъ физику и геометрію. Дѣвочкамъ онъ излагалъ свои уроки по этимъ предметамъ съ такою ясностію и приспособительностію къ ихъ пониманію, что они очень легко ихъ усвоили, и оказывали въ этихъ наукахъ успѣхи весьма хорошіе.

Кромѣ того, при дѣйствіи стараго Устава духовныхъ академій, когда съ должностію наставника можно было соединить и другія побочныя должности въ академіи, А. М. Воскресенскій несъ на себѣ въ разное время обязанности то бібліотекаря, то секретаря Правленія академіи. Въ началѣ 1861 года онъ опредѣленъ былъ помощникомъ бібліотекаря академіи, но въ сентябрѣ того же года перемѣнилъ эту должность на должность помощника секретаря академіи, а въ 1863 году (27 марта) опредѣленъ секретаремъ Правленія академіи, но въ іюнь слѣдующаго 1864 года оставилъ эту должность и опредѣленъ бібліотекаремъ академіи, и въ этой должности онъ состоялъ до введенія новаго Устава академій въ 1869 году. Должность бібліотекаря въ это время требовала особыхъ трудовъ отъ человѣка, желавшаго взять ее на себя. По случаю перестройки въ академіи, для бібліотеки назначено было новое помѣщеніе, и два раза нужно было всю

библіотеку, состоящую изъ десятковъ тысячъ томовъ, переносить изъ одного мѣста въ другое. Возни было чрезвычайно много при переноскѣ и при новой разстановкѣ книгъ: приходилось цѣлые мѣсяцы присутствовать почти постоянно въ библіотекѣ, притомъ среди пыли, неизбежно поднимаемой при разборѣ и укладываніи книгъ. Библіотекарю самому за всѣмъ нужно было присмотрѣть, чтобы ничто не пропало и все было цѣло, и чтобы все уложено было на своемъ мѣстѣ. А. М. Воскресенскій не доволствовався тѣмъ, чтобы смотрѣть за другими, исполнителями его распоряженій: онъ много работалъ самъ своими руками, часто исполняя обязанности чернорабочаго. И при этомъ отъ него не слышалось никакого ропота, никакой жалобы на тяжесть работы, на него возложенной и еще увеличенной его усердіемъ. Начальство академіи видѣло его труды и усердіе по этому дѣлу и въ вознагражденіе его особыхъ трудовъ и за сохраненіе библіотеки, при перенесеніи ея изъ стараго помѣщенія въ новое, въ цѣломъ и полномъ порядкѣ, положило выдать ему годовой окладъ бакалаврскаго жалованья. Награда, можно сказать, не равняется громадности труда, подъятаго Воскресенскимъ при этомъ случаѣ, но онъ этою наградою вполне былъ удовлетворенъ.

Въ 1866 году мы видимъ Воскресенскаго еще секретаремъ академической Конференціи, (въ это время для облегченія секретарей Правленія отдѣлены были отъ нихъ занятія по Конференціи), отъ какой должности онъ по прошенію уволенъ 16 января 1868 года.

По введеніи въ Кіевской академіи въ 1869 году нынѣ дѣйствующаго Устава православныхъ духовныхъ академій закрыта въ ней кафедра физико-математическихъ наукъ, занимаемая А. М. Воскресенскимъ, и онъ избранъ былъ преподавателемъ исторіи и обличенія русскаго раскола. На этой кафедрѣ онъ состоялъ до самой своей смерти въ теченіе 14 лѣтъ, и эти послѣдніе годы своей жизни посвящалъ раз-

работкѣ этого новаго предмета, имѣ теперь избраннаго. Лекціи свои о расколѣ онъ читалъ студентамъ III курса церковно-историческаго отдѣленія, и его слушатели отзывались о немъ и его лекціяхъ съ чувствомъ призвательности. Въ день исполнившагося тридцатилѣтія его службы она поднесли ему адресъ, въ которомъ благодарили его за его ясное, одушевленное и просвѣтительное слово, и выражали искреннее желаніе, чтобы онъ еще долго послужилъ на пользу родной ему академіи. Два раза онъ подвергался въ Совѣтѣ академіи, согласно съ требованіемъ Устава, переизбранію на новое пятилѣтіе службы,—въ 1878 году, по выслугѣ имъ двадцатипятилѣтняго срока службы, и въ прошедшемъ 1883 году, не за долго до смерти, по истеченіи тридцатилѣтія со дня вступленія его на духовно-училищную службу, и въ оба раза закрытою баллотировкою Совѣтъ выразилъ полное признаніе его полезной преподавательской дѣятельности. Въ послѣдній разъ (11 ноября 1883 года) онъ получилъ, за исключеніемъ одного, всѣ бѣлые шары. Такое вниманіе къ нему Совѣта весьма его тронуло, и онъ со слезами на глазахъ волнующимся голосомъ благодарилъ своихъ сослуживцевъ за то, что они дали ему возможность не разлучаться съ академіею, которой онъ такъ преданъ, и съ которой сжилъ своею душею. Но еще не пришло изъ Св. Синода утвержденіе избранія Совѣтомъ академіи Воскресенскаго на продолженіе имъ академической службы въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ, какъ онъ скончался.

Въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ А. М. Воскресенскій съ должностию профессора академіи соединялъ службу по епархіальному вѣдомству. 5 декабря 1871 года онъ рукоположенъ былъ въ священника къ Царе-Константиновской церкви, въ которой настоятельствомъ нѣкогда другой профессоръ академіи Шокотовъ, впоследствии Автовій, архіепископъ Кишиневскій. Въ то время ваставники духовно-учебныхъ заведеній въ Кіевѣ уклонялись отъ принятія священства, хотя преосв. митрополитъ Арсеній приглашалъ многихъ

изъ нихъ къ вступленію на епархіальную службу. А. М. Воскресенскій первый вступилъ на путь, оставленный его товарищами по учебной службѣ, и митрополитъ Арсеній очень былъ радъ, когда узналъ о намѣреніи Воскресенскаго принять священство. Онъ всегда относился къ покойному съ любовью и полнымъ благорасположеніемъ. Не мало борьбы пришлось вынести Воскресенскому, когда онъ задумалъ надѣть рясу, и вѣское слово митрополита Арсенія помогло ему побѣдить тѣ предубѣжденія, съ какими ему пришлось бороться при исполненіи своего намѣренія о принятіи священства.

Приходъ его былъ довольно большой и многолюдный, требовавшій отъ него не малыхъ хлопотъ, но не богатый: главные его прихожане мелкіе торговцы и мѣщане, и труды его по приходу не слишкомъ обильно вознаграждались. Выгоднымъ обстоятельствомъ въ его положеніи было только то, что онъ имѣлъ довольно помѣстительную даровую квартиру, при самой церкви и не далеко отъ академіи. Церкви и приходу своему онъ преданъ былъ до самоотверженія. У него при церкви устроена была и нынѣ состоитъ образцовая церковно-приходская школа. Онъ позаботился украсить свой храмъ и нашелъ средства для устроенія въ немъ изящнаго иконостаса. У него въ церкви образовался очень порядочный хоръ. Очень часто онъ проповѣдывалъ въ своемъ приходскомъ храмѣ, и его простое, здоровое, приспособленное къ нуждамъ и пониманію своихъ прихожанъ, слово чрезвычайно имъ нравилось. Для исполненія требъ въ своемъ приходѣ, когда былъ здоровъ, онъ являлся по первому зову, и для всѣхъ былъ одинаково доступенъ, со всѣми былъ одинаково ласковъ и привѣтливъ. Отъ того и прихожане къ нему были очень расположены и чтили въ немъ пастыря, который былъ имъ по душѣ и по сердцу. Свою любовь и уваженіе къ нему они выразили поднесеніемъ ему наперснаго креста;—подарокъ этотъ тѣмъ цѣннѣе былъ для него, что поднесли его люди простые и не бога-

ты, отъ своихъ скудныхъ достатковъ собравшіе вѣчто, чтобы заявить свое расположеніе къ своему духовному отцу. Въ 1874 году (20 марта), на третьемъ году по рукоположеніи во священника, Воскресенскій возведенъ былъ за заслуги по духовному вѣдомству въ санъ протоіерея. Состоя настоятелемъ прихода, Воскресенскій несъ и нѣкоторыя другія должности по епархіальной службѣ, возлагаемыя на него епархіальнымъ начальствомъ. Такъ съ 11 февраля 1875 года и до смерти былъ цензоромъ журналовъ и книгъ духовнаго содержанія. Въ 1878 году, согласно выбору духовенства, былъ утвержденъ (17 декабря) епархіальнымъ начальствомъ благочиннымъ кіево-подольскихъ церквей. Отъ этой должности онъ отказался, когда (въ 1880 году) назначенъ былъ членомъ консисторіи, каковымъ состоялъ по день своей смерти. Кромѣ того, онъ исполнялъ разныя временныя порученія епархіальнаго начальства: такъ, онъ былъ предсѣдателемъ временно-строительной комиссіи по перестройкѣ зданій кіево-подольскаго и потомъ кіево-софійскаго духовнаго училища, и по указу консисторіи два раза обозрѣвалъ находящееся при Лебединскомъ женскомъ монастырѣ женское училище въ учебномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Неся на себѣ много должностей, и имѣя по нимъ много разнообразныхъ и хлопотливыхъ занятій, А. М. Воскресенскій находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Эти литературные труды его не имѣютъ цѣлости, и разсматриваемые въ отдѣльности, не такъ замѣтны. Но ихъ въ разное время напечатано было такъ много, что изъ нихъ могъ бы составиться не одинъ томъ. Они печатались въ Воскресномъ Чтеніи, Руководствѣ для сельскихъ пастырей и въ Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Для Воскреснаго Чтенія, начиная съ 60 годовъ, А. М. Воскресенскій былъ однимъ изъ усердныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ, и нѣкоторое время принималъ участіе въ редакторскихъ трудахъ по его издачію. Церковный духъ, доброе благоче-

стивое направленіе, пониманіе практическихъ потребностей современной жизни, и при этомъ ясность мысли и легкое изложеніе дѣлали его статьи весьма пригодными и даже дорогими для изданій религіозно-нравственнаго характера. Нѣтъ возможности перечислить всѣ статьи, какія печаталъ А. М. Воскресенскій въ разное время въ указанныхъ нами поврежденныхъ изданіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень малы по объему, и многія изъ нихъ являлись безъ подписи его имени, такъ что трудно съ несомнѣнною точностію указать, что изъ напечатаннаго въ Воскресномъ Чтеніи и другихъ духовныхъ журналахъ принадлежитъ перу Воскресенскаго. Но мы считаемъ не излишнимъ, для вѣ котораго уясненія характера литературныхъ трудовъ покойнаго, указать нѣсколько его статей, помѣщенныхъ въ Воскресномъ Чтеніи, посвященныхъ послѣдовательному и связному раскрытію одного предмета и имѣющихъ относительную полноту. Такъ въ XXV ⁽¹⁸⁶¹⁾/₍₁₈₆₂₎ годъ Воскреснаго Чтенія онъ помѣстилъ рядъ статей (11), въ которыхъ раскрывалъ смыслъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, положенныхъ церковнымъ уставомъ на недѣльные дни, начиная отъ 26-й недѣли по пятидесятницѣ, и кончая недѣлею соропустною (№№ 34—44). Въ этомъ году, по предложенію Ректора академіи Филарета, статьи этого рода готовилъ для каждаго № Воскреснаго Чтенія инспекторъ академіи Архимандритъ Меѳодій. Но не успѣлъ онъ довести до конца этой работы: у него открылась опасная болѣзнь (чахотка), которая въ іюль 1862 года свела его въ могилу. Когда Архимандритъ Меѳодій за болѣзнію не могъ готовить срочныхъ статей для журнала, его работу взялъ на себя А. М. Воскресенскій и велъ ее также хорошо, какъ его предшественникъ по труду, обладавшій умомъ тонкимъ и яснымъ, и въ тоже время отличавшійся глубокимъ благочестіемъ. Въ XXVII ⁽¹⁸⁶³⁾/₍₁₈₆₄₎ г. Воскреснаго Чтенія была помѣщена замѣчательная его статья „*Библейское ученіе о твореніи міра и совре-*

менное естествознаніе (№ 49). Въ XXVIII (¹⁸⁶⁴/₁₈₆₅) и XXIX (¹⁸⁶⁵/₁₈₆₆) годах Воскреснаго Чтенія онъ печаталъ „Объясненіе праздни-ковъ православной церкви ученикамъ сельскихъ школъ“. Этотъ трудъ состоитъ изъ двадцати статей, въ которыхъ авторъ показывалъ происхожденіе, смыслъ и значеніе великихъ и среднихъ праздниковъ нашей церкви. Началъ онъ объясненія съ праздника Рождества Пресвятыя Богородицы, и ведя свое объясненіе преименно по вѣти церковнаго года, кончилъ его статью о праздникѣ Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Въ XXXII (¹⁸⁶⁸/₁₈₆₉) годѣ Воскреснаго Чтенія встрѣчаются назидательныя и интересныя статьи его по космографіи, гдѣ онъ съ религіозной точки зрѣнія освѣщалъ такія явленія въ природѣ, какъ солнце (№ 14), луна (№№ 36 и 37) и солнечныя и лунныя затмѣнія (№ 55). По возобновеніи Воскреснаго Чтенія при академіи, въ 1879 году онъ помѣстилъ въ немъ рядъ очень хорошихъ поученій на знаменательныя недѣли постной тріоды, начиная отъ недѣли мытаря и фарисея и кончая недѣлею сыропустною, и поученіе на день св. Пасхи. Въ 1880 году шелъ рядъ его статей, направленныхъ противъ социализма, которыя потомъ вышли отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: „Современный социализмъ и собственность“ (№№ 30, 31, 32, 35, 50 и 52). Въ 1881 году онъ напечаталъ шесть поученій о приготовленіи къ празднику Рождества Христова и седьмое поученіе на самый день Рождества Христова (№№ 47—52).

Въ товарищескомъ кругу А. М. Воскресенскій, какъ человекъ мягкій, простой, открытый, незлобивый, чуждый всякаго лукавства, пользовался общимъ сочувствіемъ и расположеніемъ. Вездѣ, куда ви поставляла его судьба, у него находились пріятели и близкіе люди; но враговъ у него не было, да и трудно было кому либо питать враждебное чувство къ этой доброй душѣ. Его любили сослуживцы его по академіи; уважали и любили его и студенты, его слушатели. Съ чувствомъ почтенія и полнаго благорас-

положенія относилось къ нему духовенство города Кіева, членомъ котораго онъ былъ въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ своей жизни, и низшіе члены причтовъ церковныхъ не могли нахвалиться имъ, когда онъ стоялъ къ нимъ въ начальственномъ отношеніи по званію благочиннаго, какимъ онъ былъ облеченъ, согласно избранію духовенства: всѣмъ нравилась его доступность, нравилось его гуманное, простое обращеніе, чуждое всякой тѣни заносчивости или гордости. А о расположеніи къ нему прихожанъ мы уже говорили. Люди большею частію не богатые и простые, они думали, что, когда поступить къ нимъ священникъ изъ профессоровъ академіи, то будетъ обращаться съ ними высокоумно, и не будетъ имѣть съ ними пастырскаго общенія. Но лишь только приступилъ онъ къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей, они увидали въ немъ человѣка, который своею простотою и всегдашнею доступностію превосходилъ другихъ, не ученыхъ священниковъ, и чѣмъ болѣе узнавали его, тѣмъ болѣе привязывались къ нему.

Общее расположеніе къ Александру Михайловичу Воскресенскому со всею наглядностію выразилось при его погребеніи, которое совершено было 28 декабря 1883 года въ его приходской церкви. Желающихъ отдать ему послѣдній долгъ и помолиться объ упокоеніи души его было такъ много, что довольно просторная церковь не могла вмѣстить всѣхъ, пришедшихъ на его погребеніе. Даже улицы, ближайшія къ Царе-Константиновской церкви, запружены были народомъ, и по дорогѣ близъ церкви не только нельзя было проѣхать экипажу, но и съ трудомъ можно было пройти пѣшеходу. На гробъ его возложено было два вѣнка, — одинъ отъ прихожанъ, а другой отъ студентовъ академіи, его слушателей. Заупокойную литургію совершалъ ректоръ академіи архимандритъ Сильвестръ, въ сослуженіи четырехъ священниковъ. На литургіи послѣ пѣнія причастна надгробное слово говорилъ протоіерей Н. И. Флоринскій. Погребеніе совершено было преосвященнымъ Виталиемъ, епископомъ Цигц-

рянскимъ, викаріемъ Кіевской епархіи, и съ нимъ вмѣстѣ, кромѣ ректора академіи, служившаго обѣдню, участвовали въ совершеніи чина погребенія духовникъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны протоіерей В. И. Лебедевъ, ректоръ семинаріи архимандритъ Ириней, архимандритъ Выдубицкаго монастыря Евлогій, кафедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебеднцевъ, и большая половина наличныхъ священниковъ города Кіева. Предъ началомъ отпѣванія говорилъ надгробную рѣчь профессоръ академіи В. Пѣвницкій, ближайшій землякъ почившаго (родомъ изъ одного села), послѣ пятаго Евангелія предъ канономъ сказана была рѣчь протоіереемъ Ильею Т. Экземплярскимъ, а послѣ шестой пѣсни канона студентомъ IV курса академіи В. Скворцовымъ. Были еще приготовлены двѣ рѣчи студентами, его слушателями, желавшими излить надъ гробомъ почившаго свои благодарныя чувства къ нему, Л. Рождественскимъ и А. Юнынымъ. Но за недостаткомъ времени, при продолжительности священническаго погребенія, онѣ не могли быть произнесены въ церкви: одна изъ нихъ студентомъ Рождественскимъ сказана была надъ могилою, предъ опусканіемъ гроба въ землю. Могила для покойнаго, по желанію его семейства, приготовлена была въ предмѣстьи города Кіева, — Приорѣ, подлѣ церкви, при которой долгое время былъ настоятелемъ его тесть. Погребальную процессію отъ того приходскаго храма, гдѣ священствовалъ Александръ Михайловичъ и гдѣ былъ совершенъ чинъ его погребенія, до мѣста послѣдняго его упокоенія, на протяженіи пяти верстъ, сопровождала огромная толпа народа. Духовенство г. Кіева, по росписанію благочиннаго Экземплярскаго, раздѣлено было на три смѣны для участія въ сопровожденіи гроба почившаго сослужителя. Но нѣкоторые шли за гробомъ въ облаченіи на всемъ протяженіи пятиверстнаго пути, именно, архимандритъ Выдубицкаго монастыря Евлогій, благочинный кіево-подольскихъ церквей и законоучитель 1 й Кіевской Гимназіи и Коллегіи Павла Геллагана, протоіерей И. Т. Экземплярскій, и священникъ Николанабережioй церкви на Подоль П. Солюха, участвовавшій и въ служебii литургіи.

В. Пѣвницкій.

Рѣчи, посвященныя памяти покойнаго профессора академіи протоіерея А. М. Воскресенскаго.

I.

Рѣчь профессора академіи В. Пьяничаго.

Слишкомъ много трогательныхъ воспоминаній вызываетъ во мнѣ настоящій гробъ, и горькимъ воплемъ я готовъ рыдать надъ нимъ.

Въ почившемъ отцѣ и собратѣ я провожаю въ могилу близкаго къ себѣ челоуѣка, съ которымъ небесная воля Божія крѣпкими узами соединила меня отъ вѣжныхъ дней моего дѣтства, и съ которымъ я, одинъ изъ всѣхъ, окружающихъ его гробъ, шелъ рука объ руку чрезъ весь полу-вѣковой періодъ его жизни. Дома нашихъ родителей только нѣсколькими саженьями отдѣлены были одинъ отъ другаго, и упредивъ меня немногими годами на жизненномъ поприщѣ, почившій былъ руководителемъ моимъ въ играхъ моего отрочества. Памятный мнѣ съ первыхъ дней, какъ я началъ различать людей, онъ навсегда сохранилъ цѣлымъ и ненарушимымъ тотъ союзъ, начало которому положено было при выходѣ моемъ изъ колыбели. Посланные сюда волею начальства съ далекаго сѣвера, одинъ вслѣдъ за другимъ для скочанія своего образованія, и призванные нести долгъ службы въ здѣшнемъ краѣ, мы тѣмъ тѣснѣе держались другъ друга, чѣмъ дороже на чужбинѣ воспоминанія родины, воздухомъ которой мы дышали и питались въ годы своего возрастанія. До послѣднихъ дней не переставалъ онъ дѣлать со мною свои радости и печали, и повѣрялъ мнѣ всѣ свои думы, заботы, намѣренія и опасенія. И въ длинномъ рядѣ десятицѣ-

тѣй я не знаю случая, когда бы омрачились наши взаимныя отношенія, и хотъ немного ослабѣла связь любви и дружбы, укрѣпленная съ дѣтства. И теперъ не стало этого человѣка, съ которымъ я сжился, въ которомъ всегда встрѣчалъ нелицемѣрный сочувственный откликъ, съ которымъ дѣлился всѣмъ дорогимъ и священнымъ. Какъ будто оторвалась отъ сердца живая часть его и жгучія боли чувствуются въ немъ.

Прости меня, почившій отецъ и собратъ, что я надъ твоимъ гробомъ даю мѣсто выраженію своей личной скорби, и личными воспоминаніями, теперъ только для меня одного дорогими, возмущаю тихій покой мирной души твоей.

Я знаю, что есть скорбь, сильнѣе и болѣзненнѣе моей скорби. Это скорбь тѣхъ, которые видѣли въ тебѣ заботливаго отца семейства, и которыхъ поддерживалъ ты на трудныхъ путяхъ жизни. Съ тобою они лишились всего, что давала имъ и чѣмъ окружала ихъ нѣжная родительская любовь. Съ покорностію склоню голову свою предъ невыразимую силу скорби твоихъ присныхъ, и тѣмъ горячѣе сочувствую ей, что твои дѣти мои воспріемныя дѣти отъ купели крещенія. Я не въ силахъ остановить ихъ слезъ и утишить ихъ плачь. Но пусть, обливаясь слезами, они возведутъ свои опечаленные взоры къ небу,—туда, откуда взираетъ на насъ окомъ милосердія Покровитель скорбныхъ и Утѣшитель плачущихъ. Пусть обратятся къ Нему съ сердцемъ сокрушеннымъ, и возсіетъ надъ ними лучъ надежды и упованія. Ты просилъ для нихъ милости у Бога, когда стоялъ предъ престоломъ Его въ святомъ храмѣ,—ты не переставешь молиться за нихъ, и по переселеніи въ небесный храмъ, и твоя молитва посылаетъ на нихъ благословеніе свыше.

Я знаю, что есть утрата важнѣе той, какую я понесъ въ твоей смерти. О твоей кончинѣ глубоко сожалѣть то святилище науки, которому принадлежалъ ты и по мѣсту своего воспитанія и по мѣсту своего служенія. Рядѣютъ нежданно ряды ея сотрудниковъ, и съ трудомъ отыскиваетъ

она новыхъ дѣтелей. Тѣмъ болѣе наша ученая семья цѣнила твои труды и твои испытанныя силы, и еще недавно общимъ голосомъ она заявила желаніе, чтобы ты не оставлялъ ея въ годы приближающейся старости. Съ радостною благодарностію отвѣчалъ ты на общее желаніе готовностію служить вмѣстѣ съ нами, пока Богъ дастъ намъ силы. Но въ то время, когда ты собирался продолжать проложенный путь науки, Господь воззываетъ тебя съ воздвѣываемой тобою нивы, и указываетъ тебѣ новое служеніе. Въ смущеніи смотримъ мы на опустѣлое мѣсто твое, и покоряясь опредѣленіямъ Божиимъ, молимъ Господа отвратить отъ насъ карающую десницу свою, и милостію своею укрѣпить и возобновить трудящіяся силы наши.

Но доколѣ предаваться скорби и заботамъ о живыхъ? Нашего слова ждетъ память почившаго, которая добрымъ свѣтомъ свѣтитъ для насъ, и я, шедшій рядомъ съ покойнымъ по пути жизни, въ этой памяти нахожу отраду и утѣшеніе въ своей печали.

Я съ дѣтства знаю, съ дѣтства любилъ и чтилъ эту вѣжную, мягкую, незлобивую душу, полную сердечной любви, готовой все сдѣлать для своихъ близкихъ,—душу простую, но въ тоже время безупречно благородную. Въ годы юности и школьнаго воспитанія это былъ любимѣйшій изъ товарищей, ко всѣмъ близкій и участливый, чело-вѣкъ открытой души и свѣтлаго взора, своею искреннею пріязнію всѣхъ располагавшій къ себѣ. И по выходѣ изъ школы, всюду, куда ни являлся онъ, отъ него вѣяло любовью и добротою. Гнѣвъ и злопамятство не могли найти мѣста въ этой добрѣйшей душѣ. Среди долгаго служебнаго поприща встрѣчались ему непріятности, порождаемыя чужою страстію; но онъ тяготили его чистую, любовную душу, и онъ всегда готовъ былъ идти съ словомъ мира и прощенія къ человѣку, его обидѣвшему. О, если бы больше было такихъ характеровъ на землѣ! Мирно и тепло жилось бы тогда людямъ.

Съ дѣтства я помню эту душу, полную теплой вѣры, преданную церкви и Богу. Еще мальчикомъ онъ спѣшилъ по первому удару колокола являться въ храмъ на молитву, и какъ теперь я вижу его отроческія слезы, какія лились у него отъ того, что онъ опоздалъ явиться къ началу богослуженія въ одинъ изъ великихъ праздниковъ, подобныхъ нынѣшнему празднику, въ какой онъ подъялъ непосильный трудъ служенія, ускорившій смерть его. Будучи наставникомъ юношества, онъ не считалъ себя спокойнымъ и не видѣлъ законченнымъ своего служенія до тѣхъ поръ, пока не принялъ званія пастыря церковнаго, и онъ съ услажденіемъ носилъ это высокое званіе. Стоять предъ престоломъ Божиимъ, молиться за себя и другихъ—въ этомъ видѣлъ онъ высокую честь, которая радовала его душу. И душа его, всегда открытая предъ нами, сдѣлалась, такъ сказать, благоуханіе, когда осѣнила ее благодать священства. За эту вѣру и преданность церкви Господь удостоилъ его непостыдной кончины въ тотъ день, когда онъ, окруженный своею паствою, торжественно прославлялъ нисшествіе къ намъ Спасителя міра, и прискрененъ приобщился Ему въ тайнѣ тѣла и крови Христовой.

Не намъ цѣнить труды его пастырства. Но мы съ удовольствіемъ видѣли, что эти труды свискали ему рѣдкую любовь его духовныхъ дѣтей, и мы вѣруемъ, что они найдутъ себѣ воздаяніе у божественнаго Пастыреначальника, вѣнчающаго вѣнцомъ правды добрыхъ и вѣрныхъ служителей церкви.

Мы, служители науки, почтимъ въ немъ вѣрнаго и усерднаго соратника въ томъ вертоградѣ наукъ, въ которомъ онъ раздѣлялъ труды наши. Не къ одному дѣлу онъ былъ приставляемъ въ немъ; но вездѣ заявлялъ усердіе, вездѣ видѣли его беззавѣтную преданность своему долгу. Ослабленный силами въ послѣдній годъ, онъ жалѣетъ и груститъ, что отъ него, во вниманіи къ его болѣзненному состоянію, потребовали меньше уроковъ, чѣмъ сколько онъ

имѣлъ ихъ прежде. Онъ не считалъ для себя возможнымъ и позволительнымъ уклоняться отъ дѣла, когда его сотрудники, видя ослабленіе силъ его, просили его щадить себя. На долгъ службы сосредоточено было его первое вниманіе, и ему онъ жертвовалъ всѣми своими интересами. Этою преданностію долгу онъ можетъ послужить образцомъ и назиданіемъ для другихъ.

Человѣкъ добра и чести былъ почившій. А если что и стропотное было въ путяхъ его, покроетъ то молитва церкви, которой онъ, достойный служитель этого храма, просить у всѣхъ, здѣсь предстоящихъ.

II.

Речь студента Академіи В. Скворцова.

Опять „везде смерть сквозь окна наша“ (Іер. IX 28)!

Нѣтъ еще и двухъ мѣсяцевъ, какъ, горько оплакавъ, проводили мы „въ страну далечу“, „откуда нѣтъ пришельцевъ“, одного изъ дѣятелей нашей дорогой *Almae Matris*, — высокодаровитаго наставника своего! А вотъ и опять смерть!... И другой дорогой членъ нашей академіи „*дуновенію уподобился и дніе ея яко снѣгъ преходять*“ (Іс. 143). Еще смятенная душа не успокоилась отъ столь недавнихъ тяжелыхъ погребальныхъ скорбей и впечатлѣній, — и вотъ опять подавляющая картина погребенія съ „надгробными рыданіями“, съ печальными словами, съ замогильными думами!... Снова болѣзненная, дорогая утрата незабвеннаго наставника, полного еще яркаго свѣта мысли и рѣдкой теплоты любвеобильнаго сердца.

Есть сердца одеревенѣвшія, окаменѣвшія въ тяжелой борьбѣ съ крѣпкими бурями житейскаго моря. Но „нѣтъ сердца, выносящаго безъ нѣкоего трепета“ и смятеннаго чувства „надгробное рыданіе, сиротскую печаль“, неожиданную, роковую разлуку съ дорогимъ человѣкомъ! Легіонъ ния человѣческимъ скорбямъ и печалямъ, но нѣтъ, выше

скорби, нѣтъ печали болѣзненнѣ той, которая охватываетъ любящее, преданное сердце при „последнемъ пѣлованіи“ останковъ роднаго, дорогаго, любимаго, нужнаго челоуѣка, съ которымъ притомъ едва не сегодня же вмѣстѣ жили, проводили время, бесѣдовали,—вмѣстѣ думали, чувствовали, волновались!...

Да! великую, трудно вознаградимую утрату несемъ всѣ мы, собравшіеся около твоего гроба, болѣзную и плачущую о тебѣ, „лучшій изъ людей“, образцовый отецъ семейства, добрый нашъ наставникъ и примѣрный пастырь. Тяжелую скорбь вызываетъ у насъ сей твой гробъ, нежданннй нашъ покойникъ, „животъ свой положившій“, какъ доблестный воинъ,—на жизненномъ полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ!... Только два четыре назадъ мы внимали твоему учительному слову, а теперь—ты предстоишь предъ нашимъ сматеннымъ взоромъ „бездыханенъ и безбраченъ“. Въ предпоследній день своей трудовой жизни ты, всегда ласковый, добрый, душевный, ревностный пастырь, обходилъ дома своихъ прихожанъ съ праздничнымъ молитвословіемъ и привѣтомъ,—въ послѣдній день—совершалъ торжественное праздничное богослуженіе, возносилъ послѣднія въ сей жизни твоей молитвы о грѣхахъ духовныхъ чадъ своихъ,—произносилъ послѣднія слова назиданій и наставленій,—раздѣлялъ праздничную радость съ академіей за нѣсколько часовъ до смерти и закончилъ свое земное странствованіе съ своей родной семьей трапезою мира и любви, не замѣчая, не думая, что такъ близокъ конецъ твоей земной жизни среди насъ,—что *въ той же день*,—въ этотъ день праздничной радости, въ день труда, и благожеланій *изыдетъ духъ твой и возвратится къ Господу Богу. По истинѣ, дніе твои, челоуѣкъ, яко снѣгъ переходятъ!* Какъ тѣнь, исчезла твоя труженическая, честная жизнь, неутомимый работникъ на нивѣ Господней! Замеръ свѣтлый умъ, не бьется ужъ болѣе и доброе твое сердце. Сѣмъжались очи, и не увидимъ мы больше ласковаго, благодушнаго, привѣт-

ливаго ко всѣмъ и каждому взора твоего! Сомкнулись на вѣки для насъ твои нелѣстивыя, правивыя уста, и никто изъ насъ не услышитъ богѣе прямыхъ совѣтовъ, правдивыхъ словъ назиданій и обличеній, укоризнъ и одобреній! И все это вдругъ, неожиданно, негаданно!!...

Сердцевѣдче Господи! Ты зришь нетерпѣливые порывы слабого ума проникнуть закрытую отъ мысли завѣсу тайны судебъ твоихъ. Но не вѣрни сіе намъ во грѣхъ „*неимущихъ упованія*“. Вѣрмы, Милосердный Господи, что отъ избытка скорбнаго чувства въ нашемъ словѣ слышится голосъ недоумѣнія предъ Твоими судьбами и нетерпѣнія въ скорби нашей, но молимъ Тебя, Праведный, не вѣрнить во грѣхъ намъ это естественное человѣческое чувство, которому причастны въ своихъ страданіяхъ и святые Твои. Мы вѣруемъ, что Премудрая воля Твоя ведетъ человѣка и въ жизни и въ смерти его ко благу; мы видимъ очами вѣры путеводную звѣзду Богооткровеннаго ученія твоего, освѣщающаго „блаженный путь, имже идетъ душа“ на небо; мы слышимъ совѣтъ Апостола Твоего „не плакать объ умершихъ“...

Но не оставимъ гроба сего съ одною скорбію, не почерпнувъ въ немъ никакого христіанскаго утѣшенія и облегченія въ нашемъ горѣ, въ нашихъ слезахъ, въ нашей утратѣ и печали. Нѣтъ! не одни только слезы и безотраднѣю тоску вызываетъ сія смерть, сей гробъ и здѣ лежачій дорогой покойникъ нашъ. Гдѣ жъ этотъ цѣлебный елея утѣшенія? А развѣ эта самая смерть въ торжественный день праздника Рождества Христова, послѣ совершенія Божественной литургіи, послѣ напутствованія Св. Таинъ—не есть утѣшеніе для вѣрующаго сердца любящихъ почившаго? А эта тихая, мирная кончина—не есть ли радостная для насъ кончина праведника?!... А эта глубокотрогательная погребальная процессія, эти сердечныя соболазнованія окружающихъ сей гробъ сотоварищей, учениковъ, „присныхъ, знаемыхъ“ и прихожанъ,

переполнившихъ сію церковь, чтобы отдать послѣдній долгъ своему пастырю,—развѣ мало утѣшительнаго говорить нашему сердцу? А добрая жизнь, широкая многоплодная, неутомимая дѣятельность почившаго, положившаго все свои силы до послѣдняго вздоха на служеніе наукъ, церкви и „малымъ симъ“—развѣ не облегчаютъ нашу скорбь? Почившій былъ *благодѣльцемъ и вѣрнымъ рабомъ*, преумножившій данные ему таланты трудомъ и ревностью на пользу науки, церкви и народа; а такимъ Господь скажетъ на своемъ страшномъ судилищѣ: *„вниди въ радость Господа Твоего“*. И мы вѣруемъ, что ты, почившій отче, идешь изъ нашей юдоли плача „въ радость Господа“. Слышится намъ этотъ Господень голосъ надежды во гласѣ всѣхъ знавшихъ тебя и народа, свидѣтельствующихъ теперь въ одно слово о твоёмъ братолюбіи, дружескомъ добротѣ, теплотѣ, простотѣ и благородствѣ души твоей. Слышится этотъ голосъ во гласѣ усердныхъ молитвъ, праносимыхъ и нынѣ и во все дни твоего упокоенія народомъ, переполнявшимъ церковь сію, слышится этотъ голосъ и въ самой смерти твоей, и самомъ горѣ нашемъ, въ обильномъ потокѣ искреннихъ слезъ и задушевныхъ „словъ“ этихъ...

Принявъ санъ священства, почившій явилъ себя пастыремъ благоговѣйнымъ, „право правящимъ слово истины“, усерднымъ молитвенникомъ и ревностнѣйшимъ проповѣдникомъ Слова Божія народу. Его наставленія лились въ потокахъ ясно, одушевленной рѣчи! Призри на его добрый трудъ сей и воздай ему, Господи, по дѣломъ его! Въ званіи пастыря—требоисправителя почившій былъ „блаженнымъ мужемъ, разумѣвающимъ на нища и убога“. Онъ былъ „мужъ—правдолюбецъ“, въ каждомъ безъ различія званія и положенія видѣвшій человѣка. Языкъ его не зналъ словъ лести и угодничества, чужды ему были самоуничиженіе, гордость и высокоуміе; отношенія его ко всѣмъ были прямы и искренны, все ватянутое, лицемерное возмущало его правдивую душу; корыстные побужденія никогда не руководили имъ на широкомъ полѣ его дѣятельности. А души таковыхъ лю-

дей, по слову Боговдохновеннаго пѣвца, будутъ обитать въ жилищѣ Господа и вселятся во Святую гору (Пс. XIV).

Всели же его, Милосердый Господи и Праведный нашъ Судія, въ жилищѣ Твоемъ, въ мѣстѣ покоя, въ обителяхъ вѣрныхъ и благихъ рабовъ Твоихъ, простивъ ему волеыныя и неволеыныя прегрѣшенія его. Призри, Господи, на сердечную любовь нашу къ почившему отцу, наставнику, и пастырю и на молитвы всѣхъ насъ, чадъ его по духу!

III.

Речь студента академіи Л. Рождественскаго.

Дорогой Наставникъ!

Движимый чувствомъ долга и искреннею, сердечною въ тебѣ привязанностію, я являюсь предъ твоимъ гробомъ, чтобы выразить ту скорбь, въ которую повергла твоихъ слушателей твоя кончина, чтобы воздать тебѣ послѣднюю дань благодарной любви, чтобы сказать тебѣ послѣднее—прости.

Тяжела разлука съ тобой,—тѣмъ болѣе тяжела она, что смерть унесла въ тебѣ втораго дорогаго для насъ чело-вѣка. Еще не улеглось внутреннее волненіе, еще не изгладилось то тяжелое впечатлѣніе, которое произвела на насъ недавняя потеря одного изъ лучшихъ нашихъ наставниковъ. Теперь новая жертва смерти предъ нами, новая потеря, новое горе...

Мы давно видѣли твою болѣзненность, почившій наставникъ. Мы знали, какъ трудно было для тебя исправное отправленіе твоихъ обязанностей. Но мы далеки были отъ мысли, что дни жизни твоей сочтены. Нежданно поразила насъ вѣсть о твоей кончинѣ. Давно ли мы въ скромномъ торжествѣ праздновали тридцатилѣтній юбилей дѣятельности твоей на пользу духовнаго просвѣщенія? Недавно мы, твои слушатели, признательные за твои труды на пользу нашу, говорили въ поднесенномъ тебѣ адресѣ: „мы надѣемся,

что... Вы, глубокоуважаемый наставникъ, не оставите насъ безъ вашего просвѣщеннаго руководства, увѣрены, что та взаимная любовь, которая связываетъ насъ съ Вами въ настоящее время, не изсякнетъ никогда"... Подкрававшая неумолимая смерть разомъ разбила наши надежды. Она похитила тебя изъ этой жизни для новой, лучшей... въ другомъ, горнемъ мірѣ. Но она не въ состояніи порвать нашихъ крѣпкихъ взаимныхъ духовныхъ связей. Не изсякла и не изсякнетъ къ тебѣ наша любовь, любимый наставникъ. Къ дорогому гробу твоему прикованъ взоръ нашъ въ настоящія минуты, и къ тебѣ, почившій наставникъ, устремлены наши мысли и сердца. Твой свѣтлый, привлекательный образъ глубоко запечатлѣнъ въ насъ и никакія перемѣны въ нашей жизни не изгладятъ его изъ нашей души.

Еще живо звучитъ для насъ твое слово, разумное, прочувствованное, глубоко убѣжденное... Вѣское и увлекательное, оно, быть можетъ, заставило очень многихъ изъ насъ обратиться къ изученію того предмета, который ты такъ любилъ.

Но не одно твое учительное слово располагало насъ любить и уважать тебя. Гуманность и сердечность отношеній твоихъ къ намъ—вотъ та сила, которая неволью располагала къ тебѣ; теплота и мягкость твоего обращенія привлекала къ тебѣ чуткія сердца твоихъ слушателей. Твоя прямота и откровенность заставляла уважать тебя всякаго, знающаго тебя. Ты смѣло говорилъ намъ истину... часто и горькую истину... Мы понимали тебя, и тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ больнѣе намъ разлука съ тобою.

Жизнь твоя, незабвенный наставникъ нашъ, оставила глубокой, неизгладимый слѣдъ въ нашихъ сердцахъ. Твои слушатели не могутъ забыть никогда въ тебѣ честнаго наставника и добраго, сердечнаго человѣка! Теплую молитву возносить и будутъ возносить они къ Подателю всѣхъ благъ объ упокоеніи твоей души тамъ, идѣже вси праведніи упокоются. Эта молитва—самая лучшая для тебя благодарность за то доброе вліяніе, которое ты имѣлъ на насъ.

Живъ Богъ! Жива та вѣра, которая согрѣвала и поддерживала тебя въ твоемъ нелегкомъ жизненномъ пути. Она служила основаніемъ нашей вѣры въ твою свѣтлую будущность въ загробной жизни.

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Киевской духовной Академіи

ЗА М. ДЕКАБРЬ 1883 ГОДА.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ въ Церковно-Археологическое Общество, Музей и бібліотеку его поступили слѣдующія пожертвованія и отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

А. Отъ Православнаго Палестинскаго Общества Православный Палестинскій Сборникъ 4-й выпускъ. С.-Петербургъ. 1883.

Б. Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: „Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ тринадцатый. Съ VI литографированными листами. Одесса. 1883“.

В. Отъ почетнаго члена, Графа Мих. Вл. Толстова 195 №№ фотографическихъ снимковъ и портретовъ, акварелей и чертежей, гравюръ и литографій, рукописей и книгъ и др., а именно:

1. *Фотографіи*: 1) икона преп. Сергія Радонежскаго съ учениками, значащаяся въ описи 1642 года; 2) Видъ нерушимыя стѣны въ Киево-Софійскомъ соборѣ; 3) Икона трехъ святителей Московскихъ и Леонтія Ростовскаго, XVI в., изъ ризницы Сергіевской лавры; 4) Рака преп. Сергія; 5) Рака св. Тихона въ Задонскѣ; 6) Окладъ евангелія XVII в. въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой лавры; 7) Крестовоздвиженскій монастырь въ Нижнемъ Новгородѣ;

Труды Киев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

20

8) Видъ Нижняго Повгорода; 9) Виенскій монастырь и Семи-
нарія; 10) Церковь на Филяхъ близъ Москвы, построенная
Кар. Пол. Нарышкинымъ, дѣдомъ Петра I; 11) Часовня у
Гостиннаго Двора въ С.-Петербургѣ; 12) Преображенскій
всей гвардіи соборъ въ С.-Петербургѣ; 13) Воскресенскій
монастырь и загородный архіерейскій домъ близъ Казани;
14) Казанскій соборъ въ С. Петербургѣ; 15) Исаакіевскій
соборъ въ С.-Петербургѣ; 16) Костромской дѣвичій мона-
стырь до возобновленія; 17) Тотъ же монастырь по возобнов-
леніи; 18—19) Виды Сергіевской пустыни, С.-Петербургской
губ.; 20) Спасо-Іаковлевскій монастырь въ Ростовѣ; 21) Стро-
гоновская церковь въ Нижнемъ Новгородѣ; 22) Архангель-
скій соборъ въ Нижнемъ Новгородѣ; 23) Печерскій мона-
стырь въ Нижнемъ Новгородѣ; 24) Благовѣщенскій мона-
стырь въ Нижнемъ Новгородѣ; 25) Дмитріевскій соборъ во
Владимірѣ; 26) Успенскій соборъ во Владимірѣ; 27) Бывшій
Рождественскій монастырь во Владимірѣ; 28) Золотыя ворота
во Владимірѣ; 29) Спасо-прилуцкій монастырь близъ Вологды;
30) Троицкая (Герасимова) церковь въ Вологдѣ; 31) Хоть-
ковъ монастырь Московской губ.; 32—33) Виды Воскресен-
скаго монастыря (Новаго Іерусалима); 34) Видъ г. Казани
со стороны Волги и дамбы; 35) Казанскій кремль со сто-
роны Волги; 36) Сумбекина башня въ Казани; 37) Бого-
родицкій дѣвичій монастырь въ Казани; 38) Богоявленская
церковь въ Казани; 39) Памятникъ въ честь побѣды надъ
Татарами, близъ Казани; 40) Часовня Раиеской пустыни
близъ Казани; 41) Зилантовъ монастырь близъ Казани; 42)
Каедральный соборъ въ Курскѣ; 43) Каедральный соборъ
въ Костромѣ; 44) Свято-Троицкая Сергіева лавра; 45) Голо-
сѣвская пустынь близъ Кіева; 46) Московскій Архангель-
скій соборъ; 47) Задонскій Богородичный монастырь; 48)
Свѣтогорскій монастырь близъ Пскова; 49) Упраздненный
Макарьевскій монастырь на Волгѣ; 50) Виды города Воро-
нежя; 51) Пристань у лавры преп. Аеанасія на Аеонѣ; 52)
Верхняя церковь въ селѣ Знаменскомъ, Данковскаго уѣзда,

построенная по плану Растрелли въ 1775 году; 53) Карета св. Димитрія въ Яковлевскомъ Ростовскомъ монастырѣ. Портреты: 54) Антонія, архіепископа Казанскаго; 55) С. Петербургскаго митрополита Исидора; 56) Московскаго митрополита Иннокентія; 57) Воронежскаго архіепископа Іосифа; 58) Костромскаго архіепископа Платона; 59) Казанскаго архіепископа Аѳонія; 60) Владимірскаго архіепископа Антонія; 61) Нижегородскаго епископа Макарія; 62) Можайскаго епископа (выиѣ архіепископа Тверскаго) Саввы; 63) Архимандрита Миханла (выиѣ епископа курскаго) и 64—91) профессоровъ Московской дух. Академіи, настоятелей монастырей и вообще духовныхъ лицъ и проч.

II. *Акварели и чертежи*: 1) Царскіе чертоги въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, въ которыхъ помѣщается теперь Московскія духовная академія; 2) Развалины церкви въ г. Острогѣ; 3) Видъ г. Владиміра-Волынскаго; 4) Георгіевская церковь въ Старой Ладогѣ; 5) „Ольгины бани“ на рѣкѣ Великой; 6) Планъ г. Ростова; чертилъ В. Юровъ; 7) Копія плана Ростовскаго Кремля; чертилъ въ 1790 г. М. Прапиць; 8) Ростовскій Кремль съ 1865 г.; рис. С. Ходневъ; 9) Фасадъ внутренностей Ростовскаго архіерейскаго дома; рис. Пацьковъ, копироваль Д. Львоворовъ; 10) Австрійскій генераль Гиулай (карикатура).

III. *Гравюры и литографіи*: 1) Храмовая икона великомученика Георгія въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ; 2) Боголюбская икона Богородицы въ Боголюбовѣ монастырѣ; 3) Преп. Козьма Яхренскій; 4) Образъ св. Іоанна война въ Серпуховскомъ Владычнемъ монастырѣ; 5) Образъ св. Николая надъ Никольскими воротами Московскаго Кремля; рис. и грав. К. Тромовинъ; 6) Знаменіе пресв. Богородицы,—храмовая икона Новгородскаго Знаменскаго собора; 7) Храмовая икона Псковской Покровской церкви, что у Пролома Баторіева, съ изображеніемъ извѣстнаго видѣвія старца Дороева; 8) Аѳонская икона св. Анны съ Богородицею на рукахъ; 9) Образъ св. Симеона Богопріимца XV в. въ Нов-

городскомъ Звѣринѣ монастырѣ; 10) Внутренность Голгоетской церкви въ Воскресенскомъ храмѣ въ Новомъ Иерусалимѣ; рис. Д. Струковъ; 11) Икона Царевича Димитрія въ Серпуховскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; ликъ Царевича—портретъ, принадлежавшій его матери; 12) Преп. Нилъ Сорскій; 13) Образъ св. князя Θεодора Ярославскаго въ Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ; рис. П. Турчаниновъ; 14—15) Апокалипсисъ композиціи профессора Бруна,—стѣнопись С.-Петербургскаго Исакиевскаго собора; 16) Ладанница Новгородскаго Софійскаго собора конца XIV в.; 17) Крестъ преп. Авраамія Ростовскаго; 18) Крестъ въ часовнѣ близъ Крестовской заставы въ Москвѣ XVII в.; 19) Мечи Псковскихъ князей Всеволода и Довмонта въ Псковскомъ Троицкомъ соборѣ; 20) Страсти Христовы,—21 гравюра Леонтія Бунина, одного изъ первыхъ русскихъ граверовъ конца XVII и начала XVIII в.; 21) Палестина и Синай, альбомъ видовъ, рисованныхъ съ натуры Н. П. Поливановымъ, С.-Петербургъ, 1878 г.; 22) Достопамятности Москвы, изд. подъ покровительствомъ князя Дим. Владим. Голицына Тромонинымъ (7 рисунковъ); 23) Ростовскій Кремль; 24) Кремль или бывшій архіерейскій домъ въ Ростовѣ; грав. І. Т. Шевковниковъ; 25) Послѣднія минуты пребыванія Императора Александра I при рагѣ Александра Невскаго 1 Сент. 1825 года; 26) Видъ Вологодскихъ соборовъ съ восточной стороны; 27) Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ; 28) Палаты царевича Димитрія въ Угличѣ; 29) Планъ Новоіерусалимскаго храма; 30) Карта окрестностей Пскова; 31) Планъ г. Пскова; 32) Планъ Новгорода, 1862 г.; 33) Покровская башня въ Псковѣ; 34) Внутренность Московской оружейной палаты; рис. Д. Струковъ; 35) Битва подъ Нарвою 19 ноября 1700 г.; 36) Церкви въ г. Киржачѣ; 37) Церковь упраздненнаго Сновидскаго монастыря близъ Владиміра на Клязьмѣ; 38) Видъ упраздненнаго Успенскаго Дубенскаго монастыря въ 1765 и 1859 гг.; 39) Церковь св. Іоанна Богослова на Ишнѣ, близъ Ростова; 40) Видъ древняго Новгорода и осада его въ

1170 году; 41) Преп. Савва Сторожевскій съ монастыремъ; 42) Видъ Борковской Николаевской пустыни; 96) Псково пещерскій монастырь; 97) Серпуховскій Владычній монастырь; 98) Церковь Спасо-Мирожскаго монастыря въ Псковѣ; 99) Церковь Ивановскаго монастыря въ Псковѣ; 100) Видъ Соловецкаго монастыря съ западной стороны; 101) Планъ Соловецкаго монастыря; 102) Видъ Покровскаго Звѣрина монастыря въ Новгородѣ; 103) Часовня Ковневскаго монастыря въ С.-Петербургѣ; 104) Видъ Козьмина монастыря Владимірской губ. и уѣзда; рис. Д. Струковъ; 105) Планъ и фасадъ Новгородскаго Софійскаго собора; 106) Аѳонскіе виды; 107) Видъ Даниловскаго монастыря въ Москвѣ; 108) Покровскій Соборъ въ Москвѣ; 109) Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ; 110) Спасо-обыденная всеградская церковь въ Вологдѣ; 111) Аѳонскій Пanteлеимоновъ монастырь; 112) Лаодикей; 113) Филадельфія; 114—119) Иерусалимскіе виды; 120) Ворота Крутицкаго архіерейскаго дома въ Москвѣ; 121) Дворцовыя ворота въ селѣ Коломенскомъ; 122) Дворецъ Хановъ въ Бахчисараѣ; 123) Городъ Симферополь; 124—125) Великій Устюгъ; 126) Церковь въ Констанцѣ; 127) Соборъ въ Базелѣ; 128) Костель св. Анны въ Вильнѣ; 129) Водопадъ Иматра; 130) Канцлеръ, графъ Алексій Безстужева-Рюминъ. G. Caspar de Prenner pinx. et delin. 1755. I. M. Bernigeroth sculps. Lipsiae. 1756. 131) В. Д. Олсуфьевъ, оберъ-гофмейстеръ, съ 1856 года графъ; рисов. Проф. Krüger; 132) Статсъ-Секретарь Н. М. Лонгиновъ; Thaddeo Mayer; 133) Наѳаниль, архіепископъ Псковскій и Лионскій,—изд. А. Князева; 134) Настоятель Оптиной пустыни архимандритъ схимонахъ Моисей († 1862 г.); 135) Арсеній Мацѣевичъ; литог. Д. Струковъ; 136) Царь Іоанъ Грозный; Кондевъ гр.; 137) Царевна Софія; литогр. А. Петерсена; 138) Князь В. Б. Голицынъ; литогр. А. Петерсена (объ съ древнихъ гравюръ); 139) Грузинская царица Тамара; 140) Императрица Александра Ѳеодоровна; рис. и грав. Ф. Рейтомъ (T. Wriht); 141) Петръ Александровичъ Румянцевъ Задунайскій; 142) Никита Акиноіевичъ Демидовъ.

IV. *Рукописи и книги:* 1) Рукописный сборникъ XVIII в., начинающійся сводами узаконеній по 1744 годъ и заключающій разныя выписки и разсужденія, прошенія и доношенія Стефана Яворскаго, графа Миниха, Арсенія Мацѣевича, аловитный указатель къ Кормчей Книгѣ, указы императорскіе, сенатскіе и Московскій Консистоіи. въ листъ; 2) *Lexicon Syriacum, autore Aegidio Gutbirio, Hamburgi. 1667. 8-о.* 3) *Integrum morborum mysterium, autore Roberto Fludo, alias De-Fluctibus. Francofurti, 1631, fol.* 4) *Histoire*

générale des Drogues, par Pierre Somet. Paris 1694 fol. 5)
Abrégé de l'histoire universelle, ancienne et moderne, par
le compte de Ségur. Paris. 1823—1830, 46 книжекъ въ 23
переплетахъ. 12-о.

У. *Кресты*: Два кипарисные креста съ мусіей Цареградской и Кіево-Софійской.

Г. Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Воронежской, духовной Семіаріи, Архимандрита Димитрія „Мѣсяцесловъ святыхъ, всею Русскою церковію или мѣстно чтимыхъ“ и проч. Выпускъ IV. Воронежъ. 1883.

Д. Отъ профессора Никифора Ив. Щеголева пять рукописей, а именно: 1) Палинодія Захаріи Копыстенскаго, безъ начала и конца, in 4 о, писанная около половины XVII вѣка и могущая имѣть значеніе для возстановленія первоначальнаго текста этого сочиненія; 2) Сборникъ начала XVIII вѣка, in 4-о, заключающій въ себѣ нѣкоторыя сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго, а именно: Внутренняго челоуѣка духовное обученіе, Врачевство духовное на смущеніе помысловъ, Рѣчь къ великому Государю архіерею Димитрія, егда еще архимандритъ бывъ въ Москву съ Украины приде, О пресуществленіи, и проч.; 3) *Ars oratoria; praesentis saeculi genio accommodata et in praxim rhetoribus Collegio Leopoliensis proposita anno Domini 1688 in 9-mum въ 4-ку.* 4) *Occupationes et exercitia variae, 1715—1716 г. въ 4-ку;* 5) *Adagia... ad usum Roxolanae juventuti tradita anno Domini 1724—1725, съ подписью Ильи Комавенскаго въ 4 ку.*

Е. Отъ настоятеля Кіево-Софійской Набережно Николаевской церкви, священника П. И. Солухи: 1) Синодикъ или помянникъ Межигорскаго монастыря, безъ начала, представляющій второй экземпляръ хранящагося въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго Собора и заведеннаго въ 1625 году, во съ дополненіями, продолжавшимися до упраздненія монастыря въ концѣ прошлаго вѣка, въ листъ; 2) Сводъ существовавшихъ узаконеній и указовъ,—рукопись половины прошлаго вѣка, въ листъ.

Ж. Отъ священника села Бабина, Ровенскаго уѣзда, Волынской Губерніи, Θεοφана Савлущинскаго: *Ἐργος το ιεστ Lament iedyney S. powschechney apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z objasnieniem dogmat wiary. Theophila Orthologa (Мелетія Смогрицкаго). W Wilnie. 1610. 4-о.*

З. Отъ члена-корреспондента священника Васильевской церкви въ г. Владиміръ-Волынскомъ Дан. Левицкаго: 1) Рукописный Нотный Ирмологіонъ, довольно разбитый, со множествомъ миньятюръ къ тексту, довольно грубо исполненныхъ, конца XVII вѣка, въ листъ; 2) *Allgemeine Religionsgeschichte, oder Geschichte des Reiches Gottes, vom*

Entstehen desselben bis auf Pabst Pius VIII., von Johann Sebastian Wittmann. Zweite Ausgabe. Augsburg. 1834 г. въ 6 томахъ; 3) Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten der Christ-Katholischen Kirche aus den ersten, mittlern und letzten Zeiten, mit besonderer Rücksichtnahme auf die Disciplin der katholischen Kirche in Deutschland von Anton Joseph Binterim. Mainz. 1827, 1829, 1831 г., въ 5-ти томахъ; 4) Ignaz Wurz k. k. Landesfürstl. Pfarrers zu Pierawart der Gottesgel. Doctors und vormaligen öffentl. Lehrers der geistl. Beredsamkeit auf der Universität zu Wien Sämmtliche Predigten. Wien. 1784—1786, въ 6-ти томахъ; 5) Половина маленькаго оловяннаго складня съ изображеніемъ великомученика Дмитрія; 6) Серебряный польскій грошъ Сигизмунда III, 1622 г., и 7) Мѣдная русская монета 1758 года.

И. Отъ протоіерея г. Василькова, Кіевской губерніи, Александра Мацѣвича, вслѣдствіе резолюціи Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Кіевскаго Платона, поступила въ бібліотеку музея рукописная „Исторія христіанской церкви“, in 4-о, вѣроятно представляющая собою академическія лекціи 50-хъ годовъ нынѣшняго вѣка.

І. Отъ дѣйствительнаго члена, Коллежскаго Секретаря Т. І. Вержбицкаго—серебряная римская монета Коммода Антонина.

К. Отъ инспектора народныхъ училищъ Донской Области Ал. Л. Крылова составленная имъ брошюра: „Аксайская икона Божіей Матери Одигитріи“. Новочеркасскъ. 1883. 8-о.

Л. Отъ воспитанника первой Кіевской Гимназіи Захаріевскаго—Брауншвейгъ-Люнебургская монета 1819 года.

М. Получено платы за входъ въ музей (1 р.) и за указатель музея (20 к.) *одинъ рубль двадцать коп.* (1 р. 20 к.) серебромъ.

Н. Получено % съ принадлежащихъ Обществу облигацій за полугодіе, по 1 декабря, *тридцать семь руб. пятьдесятъ коп.* (37 р. 50 к.) серебромъ.

Секретарь Общества Н. Петровъ.

ПОПРАВКИ

къ статьѣ: „По поводу защиты славянофильства въ Прав. Обозрѣніи“ (м. Январь).

Напечатано на стр. 80 строк. 13 снизу: Можетъ быть, это и вѣрно, что Кирѣевскій себѣ не противорѣчить, но только рецензентъ этого не доказалъ. *Слѣдуетъ*: Можетъ быть, это и вѣрно, что Кирѣевскій себѣ не противорѣчить, но не это важно, а то—слѣдуетъ ли признать его взглядъ на католичество правильнымъ; рецензентъ же этого не доказалъ. На стр. 17 строк. 17 снизу *напеч.*: то уже нельзя, *слѣдуетъ*: однако нельзя.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

„Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“ проф. Н. И. Петрова. Ц. 3 р. и на пересылку за 2 ф. Складъ изданія у автора (Кіевъ, Ильинская у., д. № 4) и въ редакціи „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“. Выписывающіе прямо отъ автора за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ уступка, по значительности требованій, отъ 25 до 30% безъ пересылки.

Ибо о Фалесѣ, послѣ котораго жили остальные, извѣстно, что онъ получилъ знаменитость въ царствованіе Ромула, т. е. тогда, когда изъ израильскихъ источниковъ образовалась рѣка пророчества въ тѣхъ писаніяхъ, которыя растеклись по всему міру. Такимъ образомъ только теологи-поэты, Орфей, Линъ, Музей и другіе, буде такіе у грековъ были,—только они одни представляются жившими по времени раньше тѣхъ пророковъ, писанія которыхъ пользуются у насъ авторитетомъ. Но и они не превосходятъ по времени нашего истиннаго теолога Моисея, который справедливо проповѣдалъ о единомъ истинномъ Богѣ и писанія котораго въ священномъ канонѣ занимаютъ въ настоящее время первое мѣсто. Поэтому, что касается грековъ, на языкѣ которыхъ по преимуществу вышѣли литературныя произведенія этого вѣка, то у нихъ нѣтъ ничего, чѣмъ они могли бы выставить свою мудрость по крайней мѣрѣ болѣе древнюю, если не высшую, сравнительно съ нашею религіею, въ которой заключается истинная мудрость. Нужно впрочемъ признать, что если не въ Греціи, то у варварскихъ народовъ, а именно въ Египтѣ, дѣйствительно существовала еще до Моисея нѣкоторая доктрина, называвшаяся ихъ мудростію: иначе не было бы въ священнѣхъ книгахъ написано, что Моисей наученъ былъ всей мудрости Египтянъ (Дѣян. VII, 22), въ то, конечно, время, когда онъ тамъ родился и дочерью фараона былъ усыновленъ, вскормленъ и воспитанъ какъ человѣкъ знатный. Но и мудрость Египтянъ не могла превосходить древностію мудрость нашихъ пророковъ: ибо пророкомъ былъ и Авраамъ (Быт. XX, 7). Какая же мудрость могла быть у Египтянъ прежде, чѣмъ ихъ познакомила съ письменами Изида, которую они, когда умерла, сочли нужнымъ чтить, какъ великую богиню? А Изида была, по преданію, дочерью Инаха, который первымъ началъ царствовать у Аргосцевъ, когда явились на свѣтъ уже внуки Авраама.

ГЛАВА XXXVIII.

*О томъ, что нѣкоторыя писанія святыхъ не внесены въ церковный канонъ по причинѣ ихъ крайней древности, изъ опасенія, чтобы по поводу ихъ къ истинному не при-
мѣшалось ложное.*

Если даже обратимся къ временамъ болѣе древнимъ, то и прежде извѣстнаго величайшаго потопа былъ у насъ патріархъ Ной, котораго я также назову по всей справедливости пророкомъ; потому что и самый ковчегъ, который онъ построилъ и въ которомъ съ своими спасся отъ потопа, былъ пророчествомъ о нашихъ временахъ. А о Энохѣ, седьмомъ отъ Адама, развѣ не говорится въ каноническомъ посланіи апостола Іуды, что онъ пророчествовалъ (Іуд. I. 14)? Если писанія ихъ не получили авторитета ни у Іудеевъ, ни у насъ, причиною тому служить крайняя древность, вслѣдствіе которой считали нужнымъ относиться въ нимъ съ недоувѣріемъ, чтобы не принять ложнаго за истинное. И дѣйствительно, въ обращеніи имѣются писанія, которыя выдаются за ихъ писанія такими людьми, которые вѣрятъ по своему вкусу, безъ разбора тому, чему хотятъ вѣрить. Но чистота канона не приняла ихъ, не потому, чтобы не признавался авторитетъ тѣхъ людей, которые сдѣлались удобными Богу, а потому что писанія эти не считаются имъ принадлежащими. И удивляться не слѣдуетъ, что писанія, обращающіяся съ именемъ такой глубокой древности, считаются подозрительными. Въ исторіи Іудейскихъ и Израильскихъ царей, содержащей въ себѣ повѣствованіе о дѣяніяхъ, относительно которыхъ мы вѣруемъ тому-же каноническому писанію, упоминается много такого, что тамъ подробно не излагается, а говорится, что о томъ можно читать въ другихъ книгахъ, написанныхъ пророками, и въ иныхъ мѣстахъ называются даже и самыя имена пророковъ (1 Парал.,

XXIX, 29; 2 Пар. IX, 29): и однако въ канонѣ, принятомъ народомъ Божиимъ, писаній этихъ мы не встрѣчаемъ. Признаюсь, этого обстоятельства я не могу объяснить себѣ иначе, какъ предположеніемъ, что люди эти, которымъ Духъ Святый открывалъ то, что должно было имѣть религиозный авторитетъ, сами же могли писать одно, какъ люди, изъ любви къ историческимъ изслѣдованіямъ, другое какъ пророки, по божественному вдохновенію; и эти два рода писаній были такъ различны, что первый, полагали, нужно приписывать какъ бы имъ самимъ, а другой Богу, чрезъ нихъ говорящему, и такимъ образомъ первый относился къ расширенію познанія, а другой къ авторитету религіи. Подъ покровомъ этого авторитета сохраняется и канонъ, до такой степени, что если какія нибудь писанія выдаются даже за писанія древнихъ пророковъ, но въ канонъ не внесены, они не имѣютъ значенія даже и для расширенія значенія; потому что неизвѣстно, принадлежатъ-ли они тѣмъ, за чьи выдаются. Они не считаются заслуживающими довѣрія, и въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ читается что-нибудь противное ученію книгъ каноническихъ; такъ какъ это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что книги эти не принадлежатъ тѣмъ пророкамъ.

ГЛАВА XXXIX.

О Еврейской письменности, которая никогда не была чужда еврейскому языку.

Итакъ, не слѣдуетъ думать, будто-бы, какъ полагаютъ нѣкоторые, чрезъ посредство того, кто назывался Евромъ, откуда происходитъ имя Евреевъ, сохранился и перешелъ къ Аврааму только языкъ Еврейскій, а письменность-де Еврейская получила начало со времени закона, даннаго Моисеемъ; вѣрнѣе же, чрезъ указанное преимущество патриарховъ

упомянутый языкъ сохранился вмѣстѣ съ своею письменностію. Затѣмъ, Моисей поставилъ въ народѣ Божиємъ людей, которые обязаны были завѣдывать обученіемъ грамотности, когда еще не были знакомы ни съ одною бубвою божественнаго закона (Исх. XVIII. 21, 25). Писаніе называетъ ихъ *υρδματωεισαυφουεϊς*, т. е. по латынѣ вводителами письменъ или въ письмена: такъ какъ они, т. е. вводятъ нѣкоторымъ образомъ письмена въ сердца учащихся, или лучше вводятъ въ письмена тѣхъ, кого обучаютъ. Итакъ пусть ни одинъ народъ по какому нибудь хвастовству не хвалится древностію своею мудрости сравнительно съ нашими патриархами и пророками, которымъ присуща была мудрость божественная; ибо оказывается, что и Египеть, который обыкновенно ложно и напрасно величается древностію своихъ наукъ, по времени не превосходитъ нисколько своею мудростію мудрость нашихъ патриарховъ. Вѣдь никто не осмѣлится утверждать, что Египтяне были весьма свѣдущи въ заслуживающихъ удивленія наукахъ раньше, чѣмъ познакомились съ грамотностію, т. е. раньше, чѣмъ явдась къ нимъ Изида и научила ихъ письменамъ. Самая достопамятная наука ихъ, называемая мудростію, что иное была, какъ не по преимуществу астрономія, которая, какъ и всякая другая наука подобнаго рода, обыкновенно имѣетъ значеніе болѣе для упражненія способностей, чѣмъ для просвѣщенія ума истинною мудростію? А что касается философія, которая яво бы учить чему-то такому, отъ чего люди дѣлаются блаженными: то этого рода занятія процвѣтали въ странахъ тѣхъ около временъ Меркурія, прозваннаго Трисмегистомъ, т. е. хотя гораздо раньше греческихъ мудрецовъ или философовъ, однако позже Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа, даже позже и Моисея. Ибо оказывается, что въ то время, когда родился Моисей, жилъ только извѣстный великій астрологъ Атласъ, братъ Прометейя, дѣдъ по матери Меркурія

старшаго, внукомъ котораго былъ вышеупомянутый Меркурій Трисмегистъ.

ГЛАВА XL.

О живѣйшей хвастливости Египтянъ, которые древность своей науки опредѣляютъ сотнями тысячъ лѣтъ.

Итакъ напрасно нѣкоторые стараются дать ходъ непѣйшему мнѣнію, будто съ того времени, какъ Египтяне владѣютъ знаніемъ звѣздочетства, насчитывается болѣе ста тысячъ лѣтъ. Въ какихъ это книгахъ записано такое число Египтянами, которые научились письменамъ подъ руководствомъ Изиды съ небольшимъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ? Вѣдь Варропъ, который передаетъ это, не послѣдній авторитетъ въ исторіи, при томъ это не противорѣчитъ и истинѣ божественныхъ писаній. Ибо если отъ перваго человѣка, называемаго Адамомъ, не прошло еще и шести тысячъ лѣтъ то не заслуживаютъ ли скорѣе насмѣшки, чѣмъ опроверженія, тѣ, которые относительно лѣтосчисленія стараются убѣдить въ такихъ своеобразныхъ и такъ противорѣчащихъ дознанной истинѣ вещахъ? Ибо какому разсказчику о прошедшемъ вѣрить намъ скорѣе, какъ не тому, который предсказалъ и будущее, исполнившееся уже на нашихъ глазахъ? Да и самое указанное нами разногласіе между историками служить для насъ побужденіемъ — вѣрить скорѣе тому изъ нихъ, который не противорѣчитъ исторіи, которую мы признаемъ за божественную. Когда граждане печестиваго града, разсѣяннаго всюду по лицу земли, читаютъ ученѣйшихъ людей, изъ которыхъ, повидимому, не слѣдуетъ пренебрегать ничьимъ авторитетомъ; то будучи между собою несогласны относительно событій, отъ нашего времени весьма удаленныхъ, не знаютъ, кому они должны болѣе вѣрить. Но мы, опираясь въ исторіи нашей религіи на божественный автори-

теть, все что только ему противорѣчить, не сомнѣваясь считаемъ рѣшительно ложнымъ, какъ-бы тамъ ни разсказывалось обо всемъ прочемъ въ свѣтскихъ сочиненіяхъ. Истинно ли остальное, или ложно, оно не придастъ намъ ничего для жизни правильной и блаженной.

ГЛАВА ХЛІ.

О разногласіяхъ въ философскихъ мнѣніяхъ и о согласіи каноническихъ писаній, содержащихся Церковію.

Но оставимъ область историческаго знанія; среди самыхъ философовъ, отъ которыхъ мы сдѣлали это отступленіе въ исторіи, — которые, повидимому, въ своихъ занятіяхъ о томъ только и старались, чтобы открыть способъ, какъ слѣдуетъ жить, чтобы достигнуть блаженства, — отъ чего это разногласіе учениковъ съ учителями и соучениковъ между собою, если не отъ того, что люди доискивались этого человѣческимъ смысломъ и человѣческими умозаключеніями? Могло конечно имѣть при этомъ мѣсто и стремленіе къ славѣ, вслѣдствіе котораго каждый изъ нихъ желалъ казаться мудрѣе и остроумнѣе другаго, быть не рабомъ, такъ сказать, чужаго мнѣнія а изобрѣтателемъ собственнаго ученія и собственной теоріи; но допустимъ, что были между ними нѣкоторые, и даже очень мнѣгіе, такіе, которые расходились съ своими учителями и соучениками изъ любви къ истинѣ, чтобы отстоять то, что они считали за истину, была ли она истинною или нѣтъ: во всякомъ случаѣ, что дѣлать, куда или на чью сторону склониться человѣческому несчастію для достиженія блаженства, если имъ не руководить авторитетъ божественный? Между тѣмъ, что касается нашихъ авторовъ, на которыхъ не безъ основанія утверждается и заканчивается канонъ священныхъ писаній, то они рѣшительно ни въ какомъ отношеніи не разногласятъ

между собою. Поэтому-то, когда они писали, не напрасно увѣровали, что имъ или черезъ нихъ говорилъ Богъ, не какіе-нибудь немногіе болтуны на спорныхъ словопревѣяхъ въ школахъ и гимназіяхъ, а столькіе и такіе по селамъ и городамъ, ученые и неученые, народы. Самыхъ ихъ естественно должно было быть немного, чтобы отъ размноженія не терялась цѣнность того, что должно быть дорого для религіознаго чувства; но, однако и не настолькоъ мало, чтобы согласіе ихъ не вызывало удивленія. Ибо въ толпѣ философовъ, даже оставившихъ въ своихъ литературныхъ работахъ памятники своихъ ученій, не легко встрѣтить такихъ, которые-бы во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ были между собою согласны. Доказывать это, впрочемъ, въ настоящемъ сочиненіи было бы долго.

Однакоже кто изъ авторовъ какой либо секты пользуется въ этомъ демонотущемъ градѣ въ такой степени авторитетомъ, чтобы остальные, иначе и несогласно съ нимъ мыслящіе, не одобрялись? Развѣ въ Аѳинахъ не пользовались славою и Эпикурейцы, утверждавшіе, что боги не заботятся о дѣлахъ человѣческихъ, и Стоики, думавшіе напротивъ, что дѣла эти управляются и охраняются богами—помощниками и покровителями? Поэтому я удивляюсь, почему Анаксагоръ, который говорилъ, что солнце есть горящій камень, и отрицалъ, что оно богъ, былъ обвиненъ; когда въ томъ же самомъ городѣ пользовался славою и жилъ въ полной безопасности Эпикуръ, не только не вѣрившій тому, чтобы солнце или какая либо изъ звѣздъ были богами, но утверждавшій даже, что въ мірѣ и вообще не существуетъ ни Юпитера, ни кого-либо изъ боговъ, до котораго доходили-бы молитвы и моленія людей. А Аристиппъ, полагавшій высшее благо въ чувственномъ удовольствіи, а Антисоенъ, утверждавшій напротивъ, что блаженнымъ человѣкъ бываетъ доблестію духа, оба славные философы и оби

принадлежавшіе къ школѣ Сократа, полагавшіе однакоже благо жизни въ такихъ различныхъ и противоположныхъ цѣляхъ, при чемъ первый говорилъ даже, что мудрый долженъ избѣгать дѣлъ государственныхъ, а послѣдній—что долженъ управлять государствомъ,—развѣ каждый изъ нихъ не привлекалъ тамъ къ себѣ учениковъ для обращенія въ послѣдователей своей секты? У всѣхъ на глазахъ, въ видномъ и самомъ бойкомъ портикѣ, въ гимназіяхъ, въ садахъ, въ публичныхъ и частныхъ мѣстахъ спорили толпами каждый за свое мнѣніе: одни утверждали, что міръ одинъ, другіе—что міровъ безчисленное множество; одни—что этотъ единственный міръ имѣеть начало, другіе—что не имѣеть; одни—что онъ будетъ имѣть конецъ, другіе что будетъ существовать вѣчно; одни—что онъ управляется умомъ божественнымъ, другіе—случаемъ; одни говорили, что души бессмертны, другіе—смертны; и изъ тѣхъ, которые признавали души бессмертными, одни добавывали, что онѣ переходятъ въ животныхъ, другіе—что этого ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть; изъ тѣхъ же, которые называли души смертными, одни говорили, что онѣ погибають вслѣдъ за тѣлами, другіе—что живутъ еще и послѣ тѣлъ, мало ли или много, но не вѣчно; одни конечное благо полагали въ тѣлѣ, другіе—въ душѣ, третьи въ томъ и другомъ, а нѣкоторые прибавляли къ душѣ и тѣлу и внѣ существующее благо; одни полагали, что тѣлеснымъ чувствамъ всегда слѣдуетъ вѣрить, другіе—что не всегда, третьи—что никогда. Какой народъ, какой сенатъ, какая общественная или правительственная власть нечестиваго града старались когда нибудь войти въ разборъ этихъ и другихъ безчисленныхъ разногласныхъ мнѣній философовъ, одни изъ нихъ одобрить и принять, другія—осудить и отвергнуть? Не терпѣли-ли они, напротивъ, среди себя безъ всякаго разбору эти безконечные споры несогласныхъ между собою людей,—споры не о поляхъ и домахъ, или какомъ-ни-

будь денежномъ вопросѣ, а о такихъ предметахъ, которые дѣлаютъ жизнь несчастною или блаженною? Хотя при этомъ высказывалось и нѣчто истинное, но съ такою же полною свободою говорились и ложь, такъ что городъ такой съ полнымъ основаніемъ можетъ носить таинственное имя Вавилона. Ибо Вавилонъ въ переводѣ значитъ Смѣшеніе, о чемъ, помнится, я уже и говорилъ ¹⁾. Для царя этого града, діавола, рѣшительно все равно, изъ за какихъ противоположныхъ заблужденій спорять между собою тѣ, надъ которыми онъ одинаково властвуетъ по причинѣ ихъ великаго и разнообразнаго нечестія.

Но то племя, тотъ народъ, тотъ Градъ, то государство, тѣ Израильтяне, которымъ было ввѣренно слово Божіе, никогда съ такимъ произволомъ не смѣшивали псевдопророковъ съ истинными пророками; но признавали и принимали другъ съ другомъ согласныхъ и ни въ чемъ между собою не разнорѣчащихъ истинныхъ авторовъ священныхъ писаній. Они были для нихъ и философами, т. е. любителями мудрости, и мудрецами, и богословами, и пророками, и учителями добродѣтели и благочестія. Кто мыслилъ и жилъ согласно съ ними, мыслилъ и жилъ не по человѣку, а по Богу, который говорилъ чрезъ нихъ. Если у нихъ запрещено святотатство, его запретилъ Богъ. Если было сказано: *Чти отца твоего и мать твою*, то это заповѣдалъ Богъ. Если сказано: *Не прелюбы сотвори, Не убій, Не укради* (Исход. XX, 12—15), и проч. въ этомъ родѣ, то изречено это было не человѣческими, а божественными устами. Все, что нѣкоторые философы среди жи, которую они высказывали, могли усмотрѣть истиннаго и въ чемъ старались убѣждать путемъ трудныхъ разсужденій, какъ напр., что настоящій

¹⁾ Выше кн. 16. гл. IV.

міръ сотворенъ Богомъ и управляется Его промысломъ, равно о честности добродѣтелей, о любви къ отечеству, о вѣрности дружбы, о добрыхъ дѣлахъ и вообще о всемъ, относящемся къ добрымъ нравамъ, хотя они и не знали, къ какой цѣли и какимъ образомъ все это должно направляться,—все это въ томъ Градѣ было заповѣдано народу пророческими, т. е. божественными, хотя и чрезъ людей, устами, а не втолковано путемъ словопреній, чтобы всякій, кто получалъ о тѣхъ предметахъ познаніе, страшился презирать не человѣческій разумъ, а слово Божіе.

ГЛАВА XIII.

По какому домостроительству божественнаго промысла священныя писанія ветхаго завета переведены были съ еврейскаго языка на греческій, чтобы сдѣлаться известными всѣмъ народамъ.

Эти священныя книги пожелалъ знать и имѣть и одинъ изъ египетскихъ царей Птоломеевъ. Послѣ удивительнаго, но кратковременнаго могущества Александра Македонскаго (называемаго также великимъ), съ какимъ онъ отчасти силою или войскомъ, а отчасти и страхомъ поворилъ всю Азію, даже почти весь міръ, занявши въ своихъ походахъ въ числѣ другихъ царствъ востока и Іудею, его сподвижники, по смерти его, не раздѣлили полюбовно между собою его громаднѣйшую монархію, чтобы обладать ею, а скорѣе расторгли, чтобы все опустошать войнами. Тогда Египетъ сталъ имѣть царями Птоломеевъ. Первый изъ Птоломеевъ, сынъ Лага, перевелъ въ Египетъ изъ Іудеи многихъ плѣнниковъ. Преемникъ его, другой Птоломей, называемый Филадельфомъ, всѣмъ, которыхъ тотъ привелъ плѣнниками, даровалъ свободу; сверхъ того онъ послалъ царскіе дары въ храмъ Божій и просилъ у тогдашняго первосвящен-

ника Елеазара сообщить ему писанія, которыя, какъ слышалъ онъ изъ носившейся молвы, считались дѣйствительно божественными, и которыя потому желалъ имѣть въ своей, тогда составлявшейся имъ, знаменитѣйшей библіотекѣ. Когда первосвященникъ Елеазаръ прислалъ ему священныя книги на еврейскомъ языкѣ, онъ попросилъ еще переводчиковъ; къ нему и посланы были семьдесятъ два человѣка, по шести отъ каждаго изъ двѣнадцати колѣнъ, — люди весьма свѣдущіе въ томъ и другомъ языкѣ, т. е. еврейскомъ и греческомъ. Переводъ ихъ принято называть переводомъ Семидесяти. Преданіе говоритъ, что въ ихъ словахъ было такое удивительное и поражающее, до очевидности божественное согласіе, что хотя за своею работою они сидѣли отдѣльно одинъ отъ другаго (такимъ путемъ Птоломей захотѣлъ провѣрить ихъ добросовѣстность), однако между ними не оказалось различія ни въ одномъ какомъ-либо словѣ, имѣвшемъ у нихъ одинаковый смыслъ и одинаковое значеніе, ни въ расположеніи словъ; но какъ бы переводчикъ былъ одинъ, такъ переведенное ими всѣми было тождественно; ибо во всѣхъ нихъ на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же Духъ. Такой удивительный даръ Божій былъ сообщенъ имъ для того, чтобы придать и этимъ еще образомъ тѣмъ Писаніямъ авторитетъ Писаній нечеловѣческихъ, а божественныхъ, какими они и были, — авторитетъ, который имѣлъ привести нѣбогда пользу будущимъ вѣрующимъ изъ язычниковъ: что мы и видимъ уже исполнившимся.

ГЛАВА XLIII.

Объ авторитетъ семидесяти переводчиковъ, который по сохранившимся въ немъ красотамъ Еврейскаго стиля долженъ быть предпочитаемъ всѣмъ другимъ переводамъ.

Хотя были и другіе переводчики, переводившіе священныя Писанія съ Еврейскаго языка на Греческій, какъ-то

Авила, Симмахъ и Θεодотіонъ; хотя существуетъ и еще переводъ, авторъ котораго неизвѣстенъ и потому безъ имени переводчика называется пятымъ изданіемъ: однако переводъ Семидесяти принятъ Церковью такъ, какъ бы онъ былъ единственнымъ, и находится въ употребленіи у греческихъ христіанскихъ народовъ. изъ которыхъ весьма многіе не знаютъ даже, существуетъ-ли еще другой какой-либо. Съ перевода Семидесяти сдѣланъ переводъ и латинскій, находящійся въ употребленіи въ латинскихъ церквахъ. Въ наше еще время жилъ пресвитеръ Іеронимъ, человекъ ученѣйшій, свѣдущій во всѣхъ трехъ языкахъ, переведшій священныя писанія на Латинскій языкъ не съ греческаго, а еврейскаго. Но не смотря на то, что Іудеи признаютъ его ученый переводъ правильнымъ, а переводъ Семидесяти во многихъ мѣстахъ погрѣшительнымъ; однако церкви Христовы полагаютъ, что никого не слѣдуетъ предпочитать авторитету столькихъ людей, избранныхъ для этого дѣла тогдашнимъ первосвященникомъ Елеазаромъ, на томъ основаніи, что, если-бы даже и не проявился въ нихъ единый, безъ сомнѣнія божественный, Духъ, а ученые Семьдесятъ по обычаю человѣческому входили между собою въ соглашеніе относительно словъ перевода, чтобы употребить такое, которое принималось всѣми, то и въ такомъ случаѣ имъ не слѣдуетъ предпочитать одного, кто бы онъ ни былъ. Но какъ скоро мы видимъ въ нихъ такой ясный знакъ богодуховенности, то какъ бы всякій другой переводчикъ Писаній съ Еврейскаго языка на какой-нибудь другой вѣренъ ни былъ, согласенъ-ли онъ съ Семидесятью или окажется несогласнымъ, за Семидесятью мы должны признать пророческое превосходство. Ибо тотъ же самый Духъ, который былъ въ пророкахъ, когда они изрекали Писаніе, тотъ же духъ былъ и въ Семидесяти, когда они его переводили. Этотъ Духъ по божественному авторитету могъ, конечно говорить и вѣчто иное, подобно тому

какъ извѣстный пророкъ говорилъ и то и другое, потому что и то и другое говорилъ тотъ же самый Духъ; могъ говорить и тоже самое иначе, такъ что людямъ хорошо понимающимъ видѣнь былъ, хотя и не подъ одинаковыми словами, тотъ-же самый смыслъ, могъ, наконецъ, иное опустить, а другое добавлять, чтобы и отсюда видно было, что это было дѣломъ не рабскаго труда человѣка, какимъ долженъ былъ быть переводъ буквальный, а дѣломъ власти божественной, которая наполняла и направляла умъ переводчика. Нѣкоторые впрочемъ полагали, что греческіе кодексы перевода Семидесяти слѣдовало исправлять по еврейскимъ кодексамъ; однако опустить то, чего еврейскіе кодексы не имѣютъ, а Семьдесятъ имѣютъ, не рѣшились, а только вставили то, что еврейскіе кодексы имѣютъ, а Семьдесятъ не имѣютъ, и эти вставки отиѣтили въ началѣ стиховъ извѣстнаго рода знаками на подобіе звѣздъ, называемыми поэтому звѣздочками. То же, чего наоборотъ еврейскіе кодексы не имѣютъ, а Семьдесятъ имѣютъ, обозначили, и тоже въ началѣ стиховъ, черточками, подобно тому, какъ пишутся унціи. Съ такими значками распространены повсюду и многіе латинскіе кодексы. Но все то, что не опущено или прибавлено, а иначе сказано, и даетъ или другой смыслъ, не несомнѣстимый однакоже съ тѣмъ, или тотъ же самый, но выраженный инымъ образомъ,—то можетъ открываться только при сличеніи тѣхъ и другихъ кодексовъ. Итакъ, если въ Писаніи мы должны, какъ и слѣдуетъ, видѣть лишь то, что чрезъ людей говорилъ Духъ Божій, то все, что въ еврейскихъ кодексахъ есть, а у Семидесяти нѣтъ, все то Духъ Божій благоволилъ сказать не чрезъ нихъ, а чрезъ пророковъ. Все же, что есть у Семидесяти и чего нѣтъ въ еврейскихъ кодексахъ, тотъ же самый Духъ предпочелъ высказать чрезъ нихъ, а не чрезъ пророковъ, показывая такимъ образомъ, что тѣ и другіе были пророками. Ибо точно

также одно изрекъ онъ чрезъ Исаію, другое чрезъ Іеремію, третье чрезъ иного какаго либо пророка, или одно и то же, но иначе, чрезъ того либо другаго, какъ было Ему угодно. Все, что находится у пророковъ и у Семидесяти, изрекъ чрезъ тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же Духъ, но такъ, что тѣ предшествовали пророчествуя, а эти слѣдовали за ними, пророчески ихъ изъясняя: ибо какъ въ тѣхъ, говорившихъ истинное и между собою согласное, обиталъ одинъ и тотъ же Духъ мира, такъ и въ этихъ, переводившихъ отдѣльно другъ отъ друга и однако какъ бы едиными устами проявился тотъ же самый единый Духъ.

ГЛАВА XLIV.

Что нужно думать о гибели Ниневитянъ, наступленіе которой по еврейскому тексту предвозвѣщается по истеченіи сорока дней, а по Семидесяти ограничивается трехдневнымъ срокомъ.

Но скажетъ ктонибудь: Какъ могу я знать, что пророкъ Іона сказалъ Ниневитянамъ: *Еще три дни и Ниневія превратится плев:* „Еще сорокъ дней“ (Іоан. III, 4)? Дѣйствительно, кто не согласится, что пророкъ, посланный устрашить городъ угрозою неминуемой гибели, не могъ сказать въ одно и то же время и то и другое? Если гибель угрожала на третій день, то никакъ не на сороковый, а если—на сороковый, то не на третій. Итакъ, если меня спросятъ, что изъ двухъ сказалъ Іона, я отвѣчу, что скорѣе то, что читается въ еврейскомъ текстѣ, т. е.: „Еще сорокъ дней и Ниневія разрушится“. Ибо Семьдесятъ, переводившіе гораздо позднѣе, могли сказать иное, относящееся однако же къ тому же предмету и имѣющее тотъ же самый смыслъ, но заставляющее читателя, при сохраненіи уваженія къ тому и другому авторитету, обратиться отъ исторіи къ изслѣдо-

ванію того, для означенія чего и написана эта исторія. Хотя событія эти совершились въ городѣ Ниневіи, но знаменовали собою нѣчто такое, что превышаетъ мѣру этого города; подобно тому, какъ самъ пророкъ находился три дня во чревѣ кита, но знаменовалъ собою другаго, имѣвшаго быть три дня въ глубинѣ ада, того, кто есть Господь всѣхъ пророковъ. Поэтому, если подъ тѣмъ городомъ справедливо разумѣютъ пророчески изображенную церковь язычниковъ, покаяніемъ сокрушенную, чтобы не быть уже такою, какою была; то такъ какъ въ языческой церкви, образомъ которой была Ниневія, совершенно это Христомъ—подъ сорока и тремя днями означаетъ тотъ же Христосъ,—подъ сорока потому, что Онъ въ продолженіе сорока дней бесѣдовалъ съ своими учениками по воскресеніи и потомъ вознесся на небо,—подъ тремя потому, что въ третій день Онъ воскресъ. Читателя, мысль котораго не желаетъ подняться выше историческаго факта, Семьдесятъ переводчиковъ, они же—и пророки, какъ бы пробуждаютъ отъ сна къ созерцанію пророческой высоты и какъ бы такъ говорятъ ему: „Въ сорока дняхъ ищи Того, въ Комъ можешь найти и три дня,—первое усмотришь въ вознесеніи, послѣднее въ воскресеніи Его“. Такимъ образомъ тѣмъ и другимъ числомъ могло даваться совершенно согласное предуказаніе; при чемъ—то чрезъ пророка Іону, а это чрезъ пророчество Семидесяти переводчиковъ, но говорилъ одинъ и тотъ же Духъ. Стараюсь быть краткимъ, и потому не привожу въ доказательство многихъ другихъ мѣстъ, въ которыхъ Семьдесятъ переводчиковъ представляются отклоняющимися отъ еврейскаго подлинника, но, правильно поняты, оказываются съ нимъ согласными. Почему, слѣдуя по мѣрѣ силъ примѣру апостоловъ, которые приводили пророческія свидѣтельства изъ того и другаго, т. е. изъ еврейскихъ кодексовъ и изъ Семидесяти, и я съ своей стороны считалъ нужнымъ пользо-

ваться авторитетомъ тѣхъ и другихъ, такъ какъ авторитетъ обоихъ одинаковъ и божественъ. Но продолжимъ, какъ умѣемъ, свою рѣчь о томъ, что еще остается.

ГЛАВА XLV.

О томъ, что по возобновленіи храма Іудеи перестали имѣть пророковъ и до самаго Рождества Христова подвергались постояннымъ бѣдствіямъ, подтверждавшимъ, что пророками обѣщано было построение иного храма.

Послѣ того, какъ народъ Іудейскій пересталъ имѣть пророковъ, онъ оказался несомнѣнно худшимъ, въ то именно время, когда, съ возобновленіемъ храма послѣ Вавилонскаго плѣна, надѣялся видѣть себя лучшимъ. Ибо въ этомъ смыслѣ плотскій тотъ народъ понялъ то, что предсказано было пророкомъ Аггеємъ: *Велія будетъ слава храма сего послѣдняго паче перваго* (Агг. II, 10). Но что рѣчь шла о Новомъ Завѣтѣ, это пророкъ показалъ нѣсколько выше, гдѣ высказываетъ ясное обѣтованіе о Христѣ: *И сотрясу вся языки и придетъ Желанный всѣхъ языковъ* (ст. 8). Этому мѣсту Семьдесятъ переводчиковъ по авторитету пророческому придали другой смыслъ, примѣнимый скорѣе къ тѣлу, т. е. къ Церкви, чѣмъ къ главѣ, т. е. Христу: „Придутъ избранныя Господу отъ всѣхъ языковъ“, т. е. люди, о которыхъ самъ Іисусъ говоритъ въ Евангеліи: *Мнози бо суть званіи, мало же избранныхъ* (Мѡ. XXII, 14). Изъ такихъ избранныхъ отъ язычниковъ, какъ изъ живыхъ камней, Новымъ Завѣтомъ создается домъ Божій гораздо славнѣйшій, чѣмъ какимъ былъ тотъ храмъ, построенный Соломономъ и возобновленный послѣ плѣна. Поэтому-то съ того времени народъ Іудейскій и пророковъ не имѣлъ, и подвергся многимъ бѣдствіямъ со стороны чужеземныхъ царей и даже со стороны самихъ Римлянъ, чтобы не думалъ, что пророчество Аггея исполнилось этимъ возобновленіемъ храма.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

по

ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

(Продолженіе *).

ЧАСТНОЕ УЧЕНІЕ.

О Богѣ-Промыслителѣ существъ міра духовнаго.

§ 53.

Ученіе откровенное.

Теперь переходимъ къ частному ученію о Богѣ промыслителѣ, а именно, промыслителѣ особеннѣйшихъ въ мірѣ свободно-разумныхъ существъ, и прежде всего существъ міра духовнаго.

Если, по ученію откровенія, Богъ промышляетъ о всемъ мірѣ, „все держа словомъ силы Своей (Евр. 1, 3), и все животворя“ (1 Тим. 6, 13); то безъ сомнѣнія промышляетъ и о существахъ міра духовнаго, не выходящихъ изъ ряда твореній Божіихъ, но только высшее между ними занимающихъ мѣсто. Если, далѣе, никто не можетъ придти къ Богу иначе, какъ только при содѣйствіи привлекающаго къ Себѣ Самаго Бога (Іоанн. 6, 44 и 65; 14, 6), и никто не можетъ даже назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ

*) См. Труды Кіевск. д. Акад. 1884, январь.
Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

Святымъ (1 Кор. 12, 3); то, безъ сомнѣнiя, и безплотные духи не могли сами собою, безъ содѣйствiя Божiя или благодати Святаго Духа, достигать того высокаго и блаженнаго единенiя съ Богомъ, къ какому были предназначены; а также того высокаго духовно-нравственнаго преспѣванiя, какое для этого требовалось. И должно, поэтому, думать, что съ самаго же созданiя ихъ, имъ были открыты изобильные источники животворной благодати Духа Святаго, которыми они могли и должны были пользоваться, по мѣрѣ своихъ силъ, какъ для достиженiя вообще своего высокаго назначенiя, такъ и въ частности для успѣшнаго выполненiя тѣхъ назначенныхъ имъ Богомъ разнообразныхъ и важныхъ служенiй, которыя представляли собою необходимый къ нему путь и средство.

Но, какъ извѣстно изъ откровенiя, не всѣ безплотные духи одинаково воспользовались преимуществами своего первоначальнаго положенiя, что вполнѣ зависѣло отъ дарованной имъ Богомъ и ничѣмъ не нарушаемой свободы. Тогда какъ одни изъ нихъ съ сыновнею любовiю и полною преданностию принимали всѣ, подаваемые имъ дары любви и милости Божией, и чрезъ это все болѣе и болѣе скрѣпляли и упрочивали свой союзъ съ Богомъ, другiе, наоборотъ, горделиво и презрительно встрѣтили эти дары Божii, возмечавъ сами собою и независимо отъ Бога устроить свое благо, и вслѣдствiе этого расторгли свой союзъ съ Богомъ, самовольно отпавъ отъ своего Творца и Благодѣтеля. По словамъ ап. *Иуды* (ст. 6), *они не соблюли своего начальства* (μη τηρήσαντες τὴν ἐαυτῶν ἀρχήν), но оставили свое жилище (ἀλλὰ ἀπολιπόντες τὸ ἴδιον οἰκητήριον). *Не соблюли своего начальства*, тогда какъ другiе, что само собою предполагается, его соблюли, и они сами могли бы его соблюсти, если бы захотѣли того и о томъ позаботились. *Но оставили свое жилище*, то есть: никто не побуждалъ и не заставлялъ ихъ покидать его, а они сами собою самовольно оставили его, не смотря на то, что оно опредѣлено было имъ вначалѣ

Самимъ Богомъ. Отъ чего же, спрашивается, произошло такое самовольное и беспорядочное дѣйствованіе въ вѣкоторой части міра духовнаго, или какъ объяснить его? Отвѣтъ на это, хотя не вполне прямой и ясный, мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ ап. Павла: *подобаетъ епископу быти не новокрещенну, да не разгордѣлся въ судъ впадетъ діаволь* (1 Тим. 3, 6), Выражая здѣсь свое опасеніе, какъ бы еще не окрѣпшій въ вѣрѣ чрезъ поставленіе во епископа, не вовлекся въ гордость и вслѣдствіе этого не подпалъ осужденію наравнѣ съ діаволомъ, Апостолъ вмѣстѣ съ симъ естественно предполагаетъ и ту мысль, что для діавола поводомъ къ губельной для него горделивости между прочимъ послужило то, что онъ на первыхъ же порахъ еще до утвержденія въ добрѣ былъ поставленъ на сравнительно высокомъ посту, похожемъ на постъ въ церкви епископа сравнительно съ многими другими подчиненными ему вѣрующими, угрожая же епископу за разгордѣніе осужденіемъ одинаковымъ съ тѣмъ, какому подвергся діаволь, Апостолъ ясно этимъ показывать и то, что главная вина, за которую былъ осужденъ діаволь, состояла не въ чемъ либо иномъ, какъ въ его разгордѣніи или въ гордости, проникнувшей собою все его существо. На основаніи этого можно представлять такъ, что діаволь, будучи однимъ изъ высшихъ начальственныхъ духовъ, сперва оболѣстился тою горделивою мыслию, что онъ и самъ собою, независимо отъ Бога, можетъ существовать и жить, подобно Богу, образовавъ изъ подчиненныхъ ему низшихъ себя духовъ свое особое царство, а когда эта мысль всецѣло и неотразимо овладѣла имъ, онъ рѣшился и самымъ дѣломъ открыто выйти изъ повиновенія Богу, оставивъ свой прежній, назначенный ему Богомъ постъ, и не одинъ онъ поступилъ такъ, а своимъ губельнымъ начальственнымъ примѣромъ и вліаніемъ успѣлъ увлечь за собою, съ оставленіемъ своихъ прежнихъ постовъ, всѣхъ подчиненныхъ себѣ духовъ, которыхъ число, хотя неизвѣстно, но должно быть весьма зна-

читательно, такъ какъ, въ писаніи упоминается о цѣломъ царствѣ демонскомъ, въ которомъ царемъ—дѣволъ (называемый сатанюю или Вельзевулъ Матѳ. 25, 41; 12, 24—26. Марк. 3, 22. 23), и въ которомъ есть своего рода начальства и власти (Кол. 2, 15; Еф. 6, 12), есть духи злѣйшіе и менѣе злые (Лук. 11, 26), и есть цѣлыя ихъ легіоны (Лук. 8, 30).

Послѣ этого, само собою понятно, и самое промышленіе Божіе надъ міромъ безплотныхъ духовъ во многомъ должно было измѣниться и на самомъ дѣлѣ измѣнилось, пребывши въ отношеніи къ оставшимся вѣрными Богу добрымъ духамъ тѣмъ, чѣмъ оно было и прежде, но ставши совершенно инымъ въ отношеніи къ отпадшимъ злымъ духамъ.

Такъ какъ Богъ есть присносущій свѣтъ (Іоан. 1, 9) и неисчерпаемый источникъ жизни (Пс. 35, 10; 1 Тим. 6, 13), то понятно, что ангелы добрые, сохранившіе свое жилище на небѣ (Мат. 22, 30; Марк. 13, 32), а вмѣстѣ съ симъ и свою близость къ Богу до возможности непосредственно предстать Ему (Дан. 7, 10), и всегда зрѣть лице Его (Мат. 18, 10), продолжали и непрерывно продолжаютъ почерпать отсюда, по мѣрѣ своихъ силъ, нужный для своего озаренія свѣтъ и необходимую для своего укрѣпленія благодать, вслѣдствіе чего не престають все болѣе и болѣе возрастать и преуспѣвать въ познаніи истины, а также утверждаться въ добрѣ. Къ этому же самому направляются и споспѣшествуютъ всѣ тѣ разнообразныя служенія, которыя Богомъ были поручены и непреставно поручаются добрымъ ангеламъ, и которыя послѣдніе всегда неукоснительно выполняютъ, исполняя въ семъ случаѣ прежде всего волю Божію (Пс. 102, 21), но въ тоже время совершенствуя и укрѣпляя въ добрѣ свою собственную волю. Такъ одни изъ нихъ окружаютъ самый престолъ Господа и непреставно приносятъ Ему поклоненіе и хвалебныя пѣсни (Ис. 6, 3; Дан. 7, 10; Апок. 4, 8; 7, 10—12), а также, конечно, исполняютъ всякую Его волю на небѣ (Мат. 6, 10), въ отношеніи къ

тѣмъ ангеламъ, которые въ небесной іерархіи занимають сравнительно низшія мѣста, бывъ подчинены чиновначаліямъ высшимъ (Кол. 1, 16; Сол. 4, 19; 1 Петр. 3, 22). Другіе же изъ ангеловъ являются всегдашними и самыми разнообразными органами откровенія и выполненія Его святой воли на землѣ. Есть, напр. какъ говорится въ Апокалипсисѣ, ангелы, приставляемые къ нѣкоторымъ земнымъ стихіямъ, а также къ вѣтрамъ, которыми располагають и правятъ они, согласно съ намѣреніями Божиими (Апок. 16, 5; 7, 1; 14, 18). Есть также ангелы, которымъ ввѣряется Богомъ наблюденіе за судьбою существующихъ на землѣ царствъ и народовъ, что видно изъ книги пророка Давида, гдѣ упоминается объ ангелахъ, какъ князьяхъ царства персидскаго, и народовъ греческаго и еврейскаго (Дан. 10, 13. 14. 20 и 21). А какому необъятому сонму ангеловъ предоставлено и предназначено принимать самое близкое и живое участіе въ судьбахъ домостроительства спасенія людей! Такъ напр. они цѣлыми тѣлами присутствовали при синайскомъ законодательствѣ (Втор. 33, 2) и, при ихъ служеніи, данъ былъ еврейскому народу законъ (Дѣян. 7, 53). Такъ во всѣ ветхозавѣтныя времена они неоднократно и иногда даже въ значительномъ количествѣ (какъ напр. Іакову) являлись на землѣ, то для оказанія помощи и избавленія заслуживающимъ того (Быт. 32, 1; Суд. 2, 1; 5, 23; 3 Цар. 19, 4—8; 4 Цар. 19, 35), то для обличенія и вразумленія заблудшихъ (Числ. 22, 23 и 31), то для откровенія избраннымъ воли Божіей относительно судебъ израильскаго народа и будущаго царства Христова (Дан. 9, 21; Зах. 3, 1).

Съ наступленіемъ этого царства, они становятся еще болѣе близкими къ земному жилищу людей, слѣди за тайною совершившагося здѣсь искупленія грѣшниковъ (1 Петр. 1, 11), объ обращеніи которыхъ они такъ много радуются на небѣ (Лук. 15, 10). Предвозвѣстивъ зачатіе Спасителя міра (Мат. 1, 20), они пѣснословать Его рожденіе (Лук. 2, 13), присутствуютъ при Немъ и служатъ Ему

во время Его земной жизни (Мат. 2, 13, 19; 4, 11) и предсмертных скорбей (Лук. 22, 43), благовѣствуютъ о Его воскресеніи (Мат. 28, 5; Марк. 16, 6), и сопутствуютъ Ему при вознесеніи отъ земли на небо (Дѣян. 1, 11). По вознесеніи же Христовомъ они блюдутъ за успѣхами проповѣди евангельской, помогая апостоламъ въ ихъ затрудненіяхъ и опасностяхъ (Дѣян. 5, 19; 12, 7; 27, 23) и первоначальныя, основанныя ими, церкви принимаютъ подъ свое покровительство (Апок. 1, 20)¹⁾. Между тѣмъ кромѣ этого они не преставали и не престають блюсти и за спасеніемъ каждаго въ отдѣльности изъ боящихся Бога или вѣрующихъ, о чемъ засвидѣтельствовалъ еще Псалмопѣвецъ, говоря, что *ангелъ Господень ополчается окрестъ боящихся Его* (Пс. 33, 8), и что подтвердилъ впоследствии самъ Христосъ, уча, что каждый изъ вѣрующихъ имѣеть своего ангела, *выну видящаю лице Отца небеснаго* (Мат. 18, 10), а также Его апостолъ Павелъ, назвавъ ангеловъ *служебными духами, въ служеніе посылаемыми, за хотящихъ наследовать спасеніе* (Евр. 1. 14).

Исполняя же столь многія и разныя служенія для славы Божіей и преспѣванія добра въ мірѣ, добрые ангелы, понятво, чрезъ это и сами преуспѣвали и преуспѣвають въ добрѣ и въ немъ на столько утвердились, что для нихъ стало нравственною невозможностію увлекаться зломъ, почему откровеніе называетъ ихъ избранными (1 Тим. 5, 21) и святыми (Дѣян. 11, 13) и вмѣстѣ съ симъ утверждаетъ,

¹⁾ Хотя, судя по частнымъ чертамъ, усвоеннымъ въ Апокалипсисѣ ангеламъ седми малозійскихъ церквей (Апок. гл. 2 и 3), легко можно разумѣть подъ ними епископовъ этихъ церквей, но есть основаніе подъ ними разумѣть не только епископовъ—видимыхъ представителей означенныхъ церквей, но и ангеловъ, какъ невидимыхъ ихъ представителей, основаніе же это заключается въ слѣдующихъ словахъ самаго Господа, явившагося *ап. Иоанну*: „Тайна седми звѣздъ, которыя ты видѣлъ въ десницѣ Моей, и седми золотыхъ свѣтильниковъ есть сія: седми звѣздъ суть ангелы седми церквей, а седми свѣтильниковъ, которые ты видѣлъ, суть седми церквей“ (Апок. 1, 20).

что они таковыми пребудутъ и тогда, когда съ ними Господь придетъ въ послѣдній день для всеобщаго суда (Мат. 25, 31; Марк. 8, 38; Іуд. 1, 14) и что повѣтому и они несомнѣнно войдутъ въ будущее царство блаженства и славы (Евр. 12, 22 и 23).

Какое же отношеніе Бога промыслителя къ отпадшимъ злымъ духамъ? Такъ какъ и по ихъ паденіи въ своемъ существѣ неизмѣнилась ихъ духовная природа съ сознаниемъ и волею (Мат. 8, 16; 10, 1; Лук. 10, 17. 20; Еф. 6, 12; 2 Кор. 2, 11; 2 Тим. 2, 26), то все созданное хранящій Богъ, безъ сомнѣнія, сохраняетъ и эту природу, которая сама въ себѣ не есть зло, а добро. Но съ другой стороны, такъ какъ они, отпавъ отъ Бога, источника всякаго добра и совершенства, самовольно и упорно направили свою свободу въ совершенно противоположную сторону, а именно, ко злу, то понятно, что Богъ не могъ и не можетъ поддерживать ихъ или содѣйствовать имъ въ этомъ направленіи, а потому Онъ, чтобы не нарушать ихъ свободы, только допускалъ и допускаетъ свободно раскрываться и обнаруживаться въ дѣйствіяхъ ихъ извращенной волѣ, хотя съ тѣмъ, конечно, чтобы извѣстными предѣлами ограничивать эти дѣйствія, а также пресѣкать пронтекающія отсюда для общаго блага вредныя послѣдствія. Предоставленные же самимъ себѣ злые духи, какъ извѣстно изъ откровенія, мало того, что въ себѣ самихъ развиваютъ и укрѣпляютъ одну злую волю, они всегда готовы бывають вездѣ, гдѣ только представляется возможность распространять и поддерживать зло, чрезъ вовлеченіе въ него всякаго рода свободно-разумныхъ существъ. А такъ какъ по ниспаденіи ихъ съ неба въ область поднебесную или воздушную (Еф. 6, 12; 2, 2) для нихъ сталъ вовсе недоступенъ міръ небожителей, то все ихъ злостное вниманіе исключительно устремлено на близкую къ нимъ землю съ тѣмъ, чтобы здѣсь между людьми сѣять, возвращать и утверждать зло, что и на самомъ дѣлѣ производится ими не безъ значительнаго успѣха. Такъ, завистію діавола вошла въ міръ смерть

(Прем. Солом. 2, 24), выѣсть съ грѣхомъ къ которому чрезъ его оболъщеніе, были превлечены наши прародители (Быт. 3, 1—6), грѣхъ же и смерть, распространившись на всѣхъ людей (Рим. 5, 12), чрезъ это самое проложили путь въ власти надъ ними и господству діавола съ подчиненными ему духами, такъ что все ветхозавѣтное человѣчество на сколько было грѣховно и покрыто тьмою идолопоклонства, было ничѣмъ инымъ, какъ областію сатаны (Дѣян. 26, 18; Колос. 1, 13), и погрязающіе въ заблужденіяхъ и злѣ люди ничѣмъ инымъ, какъ чадами діавола (Іоан. 8, 44), живущими по волѣ его, властительски въ нпхъ дѣйствующаго (Еф. 2, 2).

И съ пришествіемъ Христа на землю и основаніемъ на ней Его благодатнаго царства, онъ не прекращалъ и не прекращаетъ здѣсь своей враждебной противъ людей дѣятельности, направляя ее не только къ тому, чтобы удержать въ своей власти сыновъ противленія (Богу) (Еф. 2, 2), но и чтобы исхищать и покорять подъ свою власть сыновъ царствія Божія или церкви Христовой. Ходя подобно рыскающему льву и ища кого поглотить (1 Петр. 5, 8), онъ кромѣ того вооружаетъ всѣ свои начальства, властей и міроправителей тьмы вѣка сего (Еф. 6, 12), и ведетъ самую упорную и непримиримую борьбу, какъ со всѣми людьми, такъ въ особенности съ благочестивыми и вѣрующими, употребляя всѣ возможныя козни (Еф. 6, 11), чтобы захватывать ихъ въ свою сѣть (1 Тим. 3, 7), и уловлять въ свою волю (2 Тим. 2, 26). У однихъ напр. онъ уноситъ изъ сердца слово Божіе, чтобы не увѣровали и не спаслись (Лук. 8, 12), другимъ же или внушаетъ преступныя помышленія и чувства (Лук. 22, 3), или ослѣпляетъ ихъ умы, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія (2 Кор. 4, 4), иныхъ, чтобы искусить, поражаетъ, какъ Іова, тяжелыми вѣшными бѣдствіями (Іов. 2, 7; Апок. 2, 10), а въ вѣкорытохъ онъ, какъ видно изъ многихъ примѣровъ бѣсно-

ватыхъ, упоминаемыхъ въ евангельской исторіи ¹⁾, даже вселяется и овладѣваетъ ихъ тѣлами, чтобы являть надъ ними свою мучительную власть и чрезъ это, конечно, достигать своихъ преступныхъ цѣлей. Такъ, по изображенію откровенія, діаволъ дѣйствуетъ и такъ не преставеть дѣйствовать даже до скончанія міра, предъ которымъ его враждебная и губительная дѣятельность въ отношеніи къ избраннымъ Божиимъ, не только не ослабѣетъ, но станетъ еще сильнѣе и упорнѣе и при посредствѣ его орудія — антихриста, будетъ доведена до самыхъ крайнихъ и послѣднихъ предѣловъ (2 Солун. 2, 9; Апок. 13, 2—7).

Все это ясно говоритъ о крайне и даже безповоротно испорченномъ нравственномъ состояніи діавола, которое Самъ Спаситель такъ изображалъ, говоря о діаволѣ: *онъ челоукоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ, яко нѣсть истинны въ немъ, егда змыолетъ лжу, отъ своихъ змыолетъ, яко ложь есть и отецъ лжи* (Іоан. 8, 44). Т. е. его духовно-разумная природа такъ извращена, что ему истина стала совершенно чуждою и вмѣсто ея онъ внутренно влечется къ двойной лжи, стараясь и другихъ вовлечь въ ложь, а также и его нравственное чувство на столько притуплено и искажено, что онъ не можетъ, ни желать, ни дѣлать людямъ добра, а можетъ желать имъ одного только зла и причинять имъ, что онъ сталъ дѣлать съ самаго начала, одну только смерть.

¹⁾ Въ пользу дѣйствительности этихъ примѣровъ ясно говоритъ свидѣтельство самаго Иисуса Христа, Который, изгоняя изъ бѣсновалыхъ бѣсовъ, прямо называлъ ихъ духами нечистыми, повелѣвая имъ изйти изъ людей (Марк. 5, 8; 1, 25; 9, 25; Лук. 8, 25), и Который предъ своими врагами вовсе не отрицалъ того, что изгоняетъ бѣсовъ, а отрицалъ только то предубѣжденіе, будто Онъ изгоняетъ ихъ силою Веельзевула (Лук. 11, 15). Кроимъ того Онъ и апостоламъ преподавалъ власть изгонять бѣсовъ (Мате. 10, 1, 8; Марк. 16, 17, 18), каковой властію и на самомъ дѣлѣ пользовались они, бывъ въ семь случаевъ убѣждены, что изгоняютъ бѣсовъ, а не производятъ что либо иное (Лук. 10, 17; Марк. 9, 29; Дѣян. 16, 18).

Діаволь, поэтому, такъ низко въ нравственномъ отношеніи испалъ, что для него оказывается нравственно невозможнымъ ни раскаяніе, ни исправленіе, и что онъ, напротивъ, способенъ и готовъ все глубже и глубже погрязать во злѣ, равно какъ все шире и шире распространять его вовнѣ, только бы не встрѣчалось ему здѣсь никакихъ для этого преградъ.

Но Господь, попуская производить зло діаволу, всегда Своею промыслительною силою ограничивалъ и ограничиваетъ его пагубныя въ мірѣ дѣйствія. Еще обольщеннымъ имъ въ раю нашимъ прародителямъ дано было Богомъ обѣтованіе, что Сѣмя жены или Потомокъ ихъ, рожденный отъ одной жены, поразитъ его въ главу (Быт. 3, 15). По слову же апостольскому этотъ обѣтованный Избавитель—Сынъ Божій для того и воплотился и явился на землю, чтобы разрушить дѣла діавола (1 Іоан. 3, 8), и Своею смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, то есть діавола (Евр. 2, 14). И Самъ Спаситель міра предъ Своими крестными страданіями за его спасеніе говорилъ: *нынѣ судъ есть міру сему, нынѣ князь міра сего изнанъ будетъ вонъ, и аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12, 31. 32), что и на самомъ дѣлѣ исполнилось и продолжаетъ исполняться, чрезъ постоянное и непрерывное увеличеніе членовъ благодатнаго царства Христова, такое же сокращеніе членовъ царства, подвластнаго князю міра сего. Если же послѣдній и теперь, и даже среди членовъ царствія Божія не прекращаетъ своей враждебной и пагубной дѣятельности, то за то, для успѣшной борьбы съ нимъ и одержанія побѣды надъ всѣми его кознями, вѣрующимъ отъ божественной силы Христовой даровано все потребное для жизни и благочестія (2 Петр. 1, 3), и указаны самыя вѣрныя и дѣйствительныя средства, каковы: призываніе имени Христова (Марк. 16, 19), молитва, постъ (Марк. 9, 29) и духовное бодрствованіе (Матѣ. 26, 41; Еф. 6, 11—17).

Между тѣмъ Христось, при окончаніи міра, всѣ пагуб-

ныя дѣйствія діавола на землѣ *упразднить явленіемъ пришествія* (2 Сол. 2, 8), и положить навсегда конецъ его губительной дѣятельности, осудивъ его вмѣстѣ съ его ангелами на вѣчныя мученія (Матѣ. 25, 41), для которыхъ они будутся, бывъ связаны узами адскаго мрака (2 Петр. 2, 4).

§ 54.

Ученіе церковно-отеческое.

Такъ учили и древніе отцы и пастыри церкви, только раскрывая и разъясняя откровенное ученіе о промыслительномъ отношеніи Божию къ міру духовному.

По ихъ воззрѣнію, всѣ безплотные духи, бывъ созданы не по естеству добрыми, а только по своей свободѣ предназначенными къ добру и святости, что должно было достигаться посредствомъ ихъ стараній, труда и подвига ¹⁾, съ самаго начала имѣли нужду въ своемъ озареніи и просвѣщеніи божественнымъ свѣтомъ, который такъ для ихъ мысленнаго зрѣнія необходимъ, какъ для глазъ чувственныхъ свѣтъ солнца ²⁾, и въ своемъ оживотвореніи благодатію Св. Духа, безъ которой невозможно освященіе, и которая такъ для нихъ необходима, какъ огонь для разжиганія и нагрѣванія какого либо тѣла ³⁾. И Богъ съ самаго начала ихъ созданія сталъ освѣщать своимъ божественнымъ свѣтомъ, которымъ они не могли не просвѣщаться подобно тому, какъ свѣтомъ солнца не могутъ не освѣщаться тѣ, которые близки къ солнцу и не отворачиваютъ своего лица отъ него ⁴⁾. Также и Духъ Святый съ первыхъ мгновеній

¹⁾ *Ирин.* Contr. haeres. lib. IV. c. 37. n. 6. *Tatian.* Orat. contr. graec. c. 7. *Васил. велик.* Contr. Eunom. lib. III. n. 2. *Амврос.* De Spirit. sanct. I, 7. n. 83. *Август.* De civit. Dei. lib. XII. c. 9.

²⁾ *Васил. велик.* Quod Deus non est auct. mal. n. 8. De Spirit. sanct. ad Amphiloeh. c. 16.

³⁾ *Васил. велик.* De Spirit. sanct. c. 16. Contr. Eunom. lib. III. n. 2.

⁴⁾ *Васил. велик.* Quod Deus non est auct. mal. n. 8.

ихъ жизни сталъ присущъ имъ и началъ сообщать благодать свою, потребную для ихъ совершенія и восполненія ¹⁾, сдѣлавшись для нихъ учителемъ, правителемъ и освяти-телемъ ²⁾. Со стороны духовъ, повтому, чтобы достигать своего высокаго назначенія и нравственнаго совершенства, требовалось только одно,—не удаляться отъ Бога источника свѣта и жизни и пребывать въ нерушимомъ союзѣ съ Нимъ что вполне зависѣло отъ ихъ власти ³⁾.

Но не смотря на все это, Денница, одинъ если не изъ самыхъ первыхъ и преимущественнѣйшихъ ⁴⁾, то тѣхъ высшихъ начальственныхъ духовъ, которымъ были подчинены низшіе ангельскіе порядки, назначенные для управленія міромъ ⁵⁾, отпалъ отъ всеблагаго Бога, увлекши за собою въ грѣхъ и тьму безчисленное множество подчиненныхъ ему духовъ ⁶⁾. Отпалъ же онъ не потому, чтобы по самой природѣ своей былъ золъ, такъ какъ, наравнѣ со всѣми духами, былъ созданъ добрымъ, а единственно въслѣдствіе злоупотребленія своей воли ⁷⁾, возмущенной и низверженной овладѣвшею ею гордостію ⁸⁾. Подъ вліяніемъ

¹⁾ *Васил. велик.* De Spirit. sanct. с. 16.

²⁾ *Кирилль іер.* Orat. catech. 16. п. 23.

³⁾ *Васил. велик.* Quod Deus non est. au t mal. п. 8.

⁴⁾ *Григор. наз.* Orat. 38. п. 9. Пѣсноп. тани. слов. 4. (Гвор. св. отц. IV, 228), в слов. 6 (тамъ же стр. 237). *Григор. велик.* Moral. IV. с. 13. *Анастас.* Облг. с. 4.

⁵⁾ *Авимаг.* Legat. pro christian. п. 24. *Григ. нисс.* Catech. с. 6. *Златоуст.* Homil. 4. in epist. Ephes. *Дамаск.* De fid. orthodox. lib. II. с. 4.

⁶⁾ *Дамаск.* Ibidem.

⁷⁾ *Ирин.* Contr. haeres. lib. IV. с. 41. п. 2. *Татиан.* Advers. graec. с. 7. *Кирилль іерус.* Orat. catech. 2. п. 4. *Васил. велик.* Advers. Eunom. lib. II. п. 27. *Теодорит.* Divin. decret. epitom. с. 8.

⁸⁾ Мышле, что гордость была главнымъ грѣхомъ, низвергшимъ природу діавола и возмущившимъ ее противъ Бога, между древними учителями и писателями было господствующимъ. Его напр. высказывали *Оригенъ* (In Ezech. homil. 9. п. 2), *Аванасій* (Orat. de virginit. in opp. T. I. p. 824. ed. Commel.), *Басилій великій* (Comment. In Isai. с. 2. vers. 13. с. 10 vers. 14), *Амвросій* (Epist. 84), *Григорій наз.* (Пѣсн. таинств. слов. 6. Твор. св. отц. IV, 237), *Златоустъ* (In Genes. homil. 22. п. 2), *Иеронимъ* (Comment. in Ezechiel. с. 16), *Кирилль алекс.* (Contr. antropomorph. с. 17), *Теодоритъ* (Divin. decret.

гордости, онъ пренебрегъ своимъ, хотя преимущественнымъ, но зависимымъ отъ Бога положеніемъ, равно какъ и порученнымъ ему отъ Бога служеніемъ ¹⁾, и увлекши за собою всѣхъ подчиненныхъ себѣ духовъ ²⁾, возсталъ противъ Него, возмечтавъ самъ стать равнымъ Богу ³⁾, но бывъ низринутъ съ неба, и удалившись отъ Бога, онъ вмѣстѣ съ симъ удалился отъ истиннаго свѣта и добра, и испалъ въ область тьмы и бездну зла ⁴⁾.

Послѣ же этого, вслѣдъ за столь значительнымъ нарушеніемъ падшими духами своихъ отношеній въ Богу, естественно должно было измѣниться и на самомъ дѣлѣ измѣнилось промыслительное Божіе къ нимъ отношеніе, оставшись, конечно, въ тоже время тѣмъ, чѣмъ и прежде было, для оставшихся вѣрными Богу духовъ или добрыхъ ангеловъ.

Такъ какъ ангелы добрые пребыли въ своемъ единеніи съ Богомъ и исполненіи порученныхъ имъ служеній, то Господь не переставалъ и не перестаетъ освѣщать и

epitom. с. 8), и въ семъ случаѣ иногда (какъ напр. Аванасій, Василій великій, Иеронимъ и Феодоратъ) ссылались то на слова ап. Павла: *да не раззорѣвъ съ судъ упадетъ діаволъ* (1 Тим. 3, 6), то на слова изъ пророка Ісаіа, призывая ихъ къ діаволу: *на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой... буду подобенъ Вышнему* (Ис. 14, 13. 14).

Было, впрочемъ, и такое мнѣніе, будто діаволъ палъ отъ зависти или къ первымъ людямъ (*Иуст. Dialog. cum Tryph. с. 124. Ирм. Advers. haeres. lib. IV. с. 40. п. 3. Тертул. De patient. п. 5*), или къ Сыну Божію (*Лактанц. Divin. instit. 2, 8*), но оно такъ примиралось съ прежнимъ господствующимъ мнѣніемъ, что діаволъ сперва всталъ въ гордость, а вслѣдъ за ней и въ зависть (*Св. Лев. De coll. serm. IV. Григоръ вел. lib. Pastoral. part. III. с. 11*). Что же касается встрѣчающагося у нѣкоторыхъ, на основаніи Быт. гл. 6. ст. 2. мнѣнія, будто бы грѣхъ падшихъ духовъ состоялъ въ плотскомъ смѣшеніи съ дочерями человѣческими (Авенар. Legat. pro christ. п. 26. Тертул. Virg. ve land. п. 7. Лактанц. Divin. instit. II, 15. Илар. In Psalm. 132, 2), то оно, какъ не согласное съ словомъ Божіимъ, было совершенно отвергнуто и безъ вниманія оставлено (*Св. Златоустъ In Genes. homil. 22, п. 2 et 3*).

¹⁾ *Иуст. 2 Apolog. п. 5. Авенар. Legat. pro christ. п. 24.*

²⁾ *Кирилъ. іерус. Catech. orat. 2. п. 4.*

³⁾ *Кирилъ. алекс. In Ioann. lib. V. p. 507. ed. Lutet.*

⁴⁾ *Дамаск. De fid. orthodox. lib. II. с. 4. Аугуст. De civit. Dei XI, 9.*

просвѣщать ихъ Своимъ божественнымъ свѣтомъ, дѣлая ихъ по себѣ вторыми свѣтами или отблесками своего свѣта ¹⁾, а также и Духъ Святой не переставалъ и не перестаетъ сообщать имъ благодать Свою ²⁾, оставаясь ихъ учителемъ, правителемъ и освятителемъ ³⁾. А потому они не переставали и не престають возрастать въ своихъ силахъ и преуспѣвать въ своей духовно-нравственной жизни, усовершая и раскрывая ее, при посредствѣ тѣхъ высокихъ и важныхъ служеній, которыя проходили и не престають проходить по распоряженіямъ и указаніямъ Самаго Бога ⁴⁾.

Предстоя Богу и всегда созерцая Его неизреченную славу, они возносятъ Ему свои хвалебныя пѣсни, въ чемъ состоитъ ихъ всегдашнее и обычное занятіе ⁵⁾. Но этимъ не ограничивается ихъ дѣло, „они не только воспѣвають хвалебныя пѣсни, но и служатъ Богу въ дѣлахъ Его Божескаго промышленія“ ⁶⁾.

Такъ, ангелы, прежде всего, служатъ Богу въ дѣйствіяхъ Его промышленія въ самомъ же мірѣ ангельскомъ. Потому что „чины ангельскіе поставлены въ такомъ порядкѣ, что низшіе ангелы получаютъ просвѣщеніе и благодѣянія Божіи чрезъ высшихъ (Правосл. исп. каѳ. церк. ч. 1, отв. на вопр. 20)“. Престола, напр., серафимы, и херувимы поучаются непосредственно отъ Бога, какъ высшіе изъ всѣхъ и ближайшіе къ Богу, а потомъ они поучаются и прочіе чины, и такимъ образомъ по порядку высшіе учатъ низшихъ ⁷⁾. Когда, поэтому, небесные духи желаютъ узвать что либо о Сынѣ, то обращаются съ вопро-

¹⁾ Григор. наз. Orat. 38. n. 9. Orat. 6. n. 12.

²⁾ Васил. велик. De Spirit. sanct. c. 16.

³⁾ Кирилл. іерус. Orat. catech. 16. n. 23.

⁴⁾ Тертул. Advers. Prax. n. 3.

⁵⁾ Аванас. De comm. essent. Patr. Fil. et Spirit. n. 52. Васил. велик. homil. in Psalm. 28. comment. in Isai c. 6. v. 6. Григор. наз. Orat. 28. n. 31. Дамаск. De fid. orthodox. lib. II, c. 8.

⁶⁾ Θεοδωριτ. Divin. decret. epitom. c. 7.

⁷⁾ Аванас. De Commun. Patr. Fil. et Spirit. n. 52.

сами своими къ высшимъ ангеламъ, а эти научаются по мановенію отъ Духа ¹⁾). Такимъ же образомъ высшіе ангелы низшимъ сообщаютъ всякое вѣденіе и просвѣщеніе ²⁾).

Ангелы, далѣе, служатъ Богу органами Его промыслительной дѣятельности и въ мірѣ чувственномъ, потому что тогда какъ „одни изъ нихъ предстоятъ великому Богу, другіе своимъ содѣйствіемъ поддерживаютъ цѣлый міръ ³⁾), бывъ поставлены для управленія стихіями и небесами, міромъ и всѣмъ, что въ немъ ⁴⁾). Каждый изъ нихъ получилъ (въ завѣдываніе) одну какую либо часть вселенной, или приставленъ къ чему либо только одному въ мірѣ, какъ вѣдомо это было все Устроившему и Распредѣлившему, и все они ведутъ къ одному концу, по мановенію Зяждителя всаческихъ“ ⁵⁾).

Но особеннѣйшимъ предметомъ живаго участія въ промышленности Божіемъ о мірѣ служили для ангеловъ люди, во всѣхъ ихъ видахъ существованія на землѣ, въ видѣ ли народовъ и обществъ, или же въ видѣ особыхъ отдѣльныхъ личностей. Какъ видно изъ упоминаній въ книгѣ Давидовой объ ангелахъ—внззлхъ іудейскомъ, елинскомъ и перскомъ ко всѣмъ народамъ съ населяемыми ими мѣстами или городами приставлены Богомъ особенные ангелы, которые предстательствуютъ за нихъ предъ Богомъ и блюдутъ за ихъ судьбою, направляя се невѣдомыми средствами и пу-

¹⁾ *Ефрем. sup. Advers. Scrutat. serm. 5.*

²⁾ *Дамаск. De fid. orthodox. lib. II. с. 3.* Сравн. *Діон. Ареопаг. о небесн. іерарх. изд. 1839 г. стр. 17, 21, 27, 35, 39 и 59.*

³⁾ *Григор. наз. Пѣсноп. таинст. слов. 6 Тв. св. отц. IV, 236.*

⁴⁾ *Авнина. Legat. pro christ. n. 10.*

⁵⁾ *Григор. наз. Orat. 28. (de theolog. 2) n. 31.* Такъ учили и многіе другіе отцы и пастыри церкви, напр. *св. Іустинъ* (*Dialog. cum Tryph. n. 5.*), *Оригенъ* (*In Ierem. homil. 10. n. 6.*), *Иеронимъ* (*In Gal. IV, 3.*), *Августинъ* (*De Genes. ad litt. XII, 36.*) и *Дамаскинъ* (*De fid. orthodox. lib. II. с. 3.*). Встрѣчается также у нѣкоторыхъ мнѣніе объ особенныхъ ангелахъ, поставленныхъ надъ отдѣльными видами бытія царствъ природы, неорганическаго, органическаго и животнаго (*Ориг. In Ioann. T. XIII. n. 49. In Num. homil. 14. n. 2. Август. De divers. quaest. LXXXIII. quaest. 79.*).

тями къ назначенной имъ Провидѣніемъ цѣли¹⁾. А какъ можно видѣть изъ примѣра, упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ, ангеловъ малоазійскихъ церквей, и каждой церкви или паствѣ приставленъ особый ангель, который имѣетъ свое невидимое наблюденіе надъ нею и оказываетъ ей свое благодатное покровительство и содѣйствіе²⁾. Наконецъ, въ чемъ несомнѣнно убѣждаютъ слова Самаго Господа объ ангелахъ вѣрующихъ (Мат. 18, 10)³⁾, и каждому изъ вѣрующихъ дается Богомъ особенный ангель, который становится для каждаго всегдашнимъ его хранителемъ и споспѣшникомъ его спасенія⁴⁾. Входи во внутреннее общеніе

¹⁾ „Что нѣкоторымъ изъ ангеловъ, пишетъ *Теодоритъ*, вѣрено начальство надъ народами, объ этомъ свидѣлствуетъ божественный пророкъ Давидъ, говоря: *князь же царства перскаго стояше противу мнѣ* (10, 3), а также упоминала о князѣ эллинскомъ и присовокупляя, что не было ничего, кто помогъ бы ему ходатайствовать предъ Богомъ о свободѣ иудеевъ, кромѣ князя ихъ Михаила (Дан. 10, 20—21) (*Divin. decret. epitom.* с. 7). По *Григорію Богослову*, „каждому (ангелу) дано особое начальство отъ Царя имѣть подъ надзоромъ людей, города и цѣлыя народы“ (лѣспол. таинств. сл. 6. Твор. св. отц. IV, 236). И по *Дамаскину*, „ангелы охраняютъ части земли, правятъ народами и мѣстами, какъ поставлены на то Творцъ мь“ (*De fid. orthodox.* lib. II с. 3). Тоже высказывали и многіе другіе учителя и писатели, напр. *Климентъ алекс.* (*Strom.* VI, 6), *Оригенъ* (*In Genes. homil.* 16. п. 2), *Василій великій* (*Contr. Eunom. lib.* III. п. 1), *Златоустъ* (*In Matth. homil.* 49) и *Епифаній* (*Haeres.* 51. п. 34).

²⁾ „Я увѣренъ, пишетъ *св. Григорій Богословъ*, что особенный ангель покровительствуетъ каждую церковь, какъ научаетъ меня Іоаннъ въ Апокалипсисѣ“ (*Orat.* 42. п. 9). По *Амаросію* „Господь, для защиты паствы Божіей, не только поставилъ епископовъ, но и ангеловъ опредѣлилъ“ (*Exposit. evang. Luc.* lib. II. п. 50). Такъ учили и другіе отцы и пастыри церкви, напр. *Оригенъ* (*In Numer. homil.* II. п. 5; *homil.* 20. п. 3), *Иларій* (*In Psalm.* 124), *Василій великій* (*Epist.* 238 ad episc. nicopol.) и *Епифаній* (*Haeres.* 25. п. 3).

³⁾ Такъ понимали слова Спасителя древніе знаменитые толковники, напр. *Оригенъ* (*In Num. homil.* 20. п. 3), *Василій великій* (*Contr. Eunom. lib.* III. п. 1) и *Златоустъ* (*In epist. Coloss.* с. 1. *homil.* 3. п. 4).

⁴⁾ Что ангелы хранители даются однимъ только вѣрующимъ или христіанамъ, это древніе знаменитѣйшіе учителя, съ присовокупленіемъ нѣкоторыми изъ нихъ, что ангелы и въ ветхомъ завѣтѣ давались богобоязненнымъ иудеямъ, основывали на словахъ Спасителя: что ангелы имѣнно *малыхъ вѣрующихъ въ Него выну видятъ лице Отца небеснаго* (Мат. 18, 10), и на изреченіяхъ Псалмопѣвца: *ополчится ангель Господень окрестъ боящихся Его* (Пс. 33, 8),

съ вѣрующимъ со вступленіемъ его въ Христову церковь, Ангель хранитель неотступно присутствуетъ при немъ и блюдетъ за нимъ во всю его жизнь, если только не бываетъ отгоняемъ со стороны его какими либо нечистыми и враждебными дѣйствіями ¹⁾, а вмѣстѣ съ симъ, какъ всегдашній его помощникъ и споспѣшникъ, наставляетъ его въ вѣрѣ и всякомъ добрѣ ²⁾, охраняетъ отъ всякихъ золъ его душу и тѣло ³⁾, возноситъ его молитву къ Богу и самъ о немъ предстательствуетъ предъ Богомъ во всѣхъ его земныхъ нуждахъ и скорбахъ ⁴⁾ и наконецъ, по самомъ окончаніи этой жизни, не оставляетъ его своею помощію, проводя его душу въ невѣдомую ей страну вѣчности ⁵⁾.

Столь же благоплодное и никогда не прерывающееся служеніе добрыхъ ангеловъ Богу въ дѣлахъ Его домостроительства ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что они не преставали и не престають совершенствоваться въ добрѣ, и въ немъ на столько утвердились, что для нихъ сталъ вовсе невозможнымъ какой либо поворотъ ко злу, чѣмъ, конечно,

а также на словахъ ап. Павла о испославіи ангеловъ хотящихъ наследовать спасеніе (Евр. 1, 14). Такъ напр., *Оригенъ* (In Num. homil. 20. n. 3), *Иларій* (Comment. in Matth. c. 18. n. 5), *Василій великій* (Homil. in Psalm. 48. v. 15), *Златоустъ* (In epist. Coloss. c. 1. homil. 3. n. 4), *Амеросій* (Ехрос. in Psalm. 118), *Анастасій синаитъ* (In Hexaemer. lib. V. in Bibl. Patr. T. IX. p. 880. Lugd.) и *Кириллъ alexandрійскій* (Contr. Julian. lib. IV. opp. T. VI. p. 122. ed. 1638). Нѣкоторые же изъ учителей свою мысль высказывали довольно неопредѣленно и были повидимому не противъ и того мнѣнія, что ангелы даются и каждому человеку, какъ напр. *Григорій нисскій* (De vit. Mos. T. I. p. 194. ed. 1638), *Августинъ* (De civit. Dei. XX, 14) и *Теодоритъ* (In Genes. quaest. 3).

¹⁾ Смотр. *Илар.* Tract. in Psalm. 118. litt. 1. n. 8. *Василій велик.* Homil. in Psalm. 83. v. 8.

²⁾ *Илар.* Tract. in Psalm. 120. vers. 1. *Григор. наз.* Orat. 40. n. 37, 38.

³⁾ *Васил. велик.* Homil. in Psalm. 33. vers. 8. *Илар.* Tract. in Psalm. 134. vers. 7.

⁴⁾ Напр. *Илар.* Comment. in Matth. cap. 18. vers. 5. *Август.* Lib. ad Honorat. de grat. Epist. CXI. c. 29. *Иоанн. Лѣств.* Лѣств. 28, по пер. славянск. изд. стр. 125.

⁵⁾ Напр. *Илар.* Tract. in Psalm. 57. n. 6. *Кирилл. alexs.* Слово на мск. души—въ Хр. Чт. 1841, I, 203.

Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

обязаны они, какъ благонастроенности своей свободы, такъ въ особенности своему, никогда не прерывающемуся общенію съ Богомъ. Если бы, по *Василію великому*, мысленно допустить хотя мгновенный перерывъ въ этомъ общеніи ангеловъ съ Богомъ, то тогда въ мірѣ ангельскомъ неминуемо должно бы было произойти то, что бываетъ въ темной комнатѣ, когда выносятся изъ нея свѣтильникъ, или же что бываетъ въ войскѣ съ отнятіемъ у него военачальника, а въ ликѣ пѣвцовъ—съ отнятіемъ ликоначальника. Но ангелы никогда не прерываютъ своего общенія съ Святымъ по естеству Духомъ, а потому и сами, подобно тому, какъ раскаленное огнемъ желѣзо принимаетъ свойство огня, имѣютъ въ себѣ святость, проившую въ ихъ существо, и оставшую ихъ природою, различаясь въ семъ случаѣ отъ Духа Святаго тѣмъ, что тогда какъ въ Духѣ Святостъ есть естество, въ нихъ—она есть только освященіе по причастію ¹⁾. Эту же мысль, раздѣляемую древними учителями ²⁾, *Дамаскинъ* выражаетъ такъ: „ангелы (были) неудобопреклонны ко злу, но не совсѣмъ непреклонны, а нынѣ (стали) и вовсе непреклонны, но не по естеству своему, а по благодати и по всегдашней близости къ единому благу“ ³⁾.

Если же ангелы такъ всегда близки къ Богу и высоки по своей святости, если кромѣ того столь важное и благодѣтельное участіе принимаютъ они въ спасеніи вѣрующихъ, то понятно, что это самое естественно налагаетъ на каждого вѣрующаго обязанность достойнымъ образомъ ихъ чтить и призывать въ своихъ молитвахъ къ Богу, а потому

¹⁾ De Spirit. s. ad Amphiloeh. c. 10. Contr. Eunom. lib. III. n. 2.

²⁾ Напр. *Амерос*. De Spirit. s. 1, 7. n. 83. *Григор. наз.* Orat. 41. n. 11. *Авуст.* De civit. Dei. lib. XI. c. 9.

³⁾ De fid. orthodox. lib. II. c. 3. Въ православномъ же исповѣданіи восточной православной церкви это же ученіе выражено такъ: „ангелы утвердились въ благодати Божіей навсегда. Поелику они не согласились съ денницею возстать на Бога, то и получили сію благодать, такъ что не могутъ грѣшить, впрочемъ, не по естеству, но по благодати Божіей“ (Прав. испов. ч. I. отв. на вопр. 20).

и вселенскою церковью всегда признавалось и признается почитаніе и призываніе ангеловъ обязательнымъ для всѣхъ ея членовъ¹⁾).

Что же касается отпавшихъ отъ Бога ангеловъ, то отвошеіе къ нимъ Бога-промыслителя, по воззрѣнію древнихъ учителей церкви, было и есть таково, каково отношеніе свѣта солнечнаго къ тѣмъ, которые сами по своей волѣ все болѣе и болѣе удаляются отъ его животворнаго дѣйствія, обрекая чрезъ это себя на все болѣе и болѣе возрастающую тьму и потерю правильной и здоровой жизни²⁾. На первыхъ же порахъ послѣ паденія падшіе духи могли бы, если бы захотѣли, покаяться и обратиться къ Источнику свѣта и жизни и должно думать, что имъ дано было время для покаянія милосерднымъ Творцемъ³⁾, не перестававшимъ въ нихъ любить и сохранять то, что составляло ихъ природу, и было само по себѣ благо⁴⁾, но гордость и обдуманное, безповоротное упорство въ противленіи Богу воспрепятствовали имъ это сдѣлать⁵⁾, а потому они все дальше и дальше отпадаютъ отъ Бога и вмѣстѣ съ симъ все болѣе и болѣе ниспадаютъ въ страну мрака, зла и духовной смерти, гдѣ нѣтъ мѣста для раскаянія⁶⁾.

А что дѣйствительно діаволъ съ другими падшими духами не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ раскаянія, которое всегда готовъ принять Господь, свидѣтельствомъ этому служатъ непрерывно продолжающіяся его пагубныя дѣйствія въ мірѣ, направляемыя единственно къ тому, чтобы призванныхъ на служеніе Богу людей всячески отдалать отъ Бога и всякаго добра и вовлекать въ рабство

¹⁾ См. книг. прав. соб. Догмат. 36 у св. отецъ седм. вселен. соб. объ иконопочт. 1843 г. стр. 5.

²⁾ *Августин.* De civit. Dei lib. XI. с. 9.

³⁾ *Немез.* De hom. opific. с. 1.

⁴⁾ *Август.* Contr. Julian. с. 9.

⁵⁾ *Григор. вел.* In Job. IX. 50. n. 76. *Август.* De civit. Dei lib. XIV. с. 27. *Дамаск.* De fid. orthodox. lib. II. с. 3.

⁶⁾ *Дамаск.* De f. l. orthodox. lib. II. с. 4.

грѣха и смерти. Уже то одно, что онъ своимъ искушеніемъ первыхъ людей причинилъ имъ тѣлесную и духовную смерть, лежитъ на немъ неизгладимымъ кровавымъ пятномъ, которое всегда должно свидѣтельствовать о его самой ожесточенной и неисправимой злобѣ¹⁾). Между тѣмъ здѣсь только начало его губительной дѣятельности въ мірѣ. Продолживши путь чрезъ грѣхъ и смерть къ своему господству въ мірѣ, онъ распростеръ его надъ всѣми людьми древняго міра, злыхъ и порочныхъ возвеличивая, а добрыхъ и благочестивыхъ преслѣдуя и доводя даже до смерти²⁾). Но особенно же враждебную и губительную для людей силу проявилъ онъ въ язычествѣ и идолопоклонствѣ, которое было его дѣломъ, и которое послужило для него самымъ важнымъ и пригоднымъ орудіемъ къ распространенію лжи и обмана, заблужденій и пороковъ³⁾). Не прекратилась также и не прекращается его смертоносная дѣятельность на землѣ и съ устроеніемъ здѣсь благодатнаго царства Христова, потому что и послѣ этого онъ продолжаетъ властвовать надъ остающимися внѣ этого царства, всецѣло поработчая себѣ ихъ души, а иногда овладѣвая самими ихъ тѣлами, что видно изъ многихъ примѣровъ бѣсноватыхъ во время земной жизни Іисуса Христа, и послѣ⁴⁾). Кромѣ того онъ непрестанно вторгается и во внутрь самаго царства Христова, стараясь всячески наносить ему ущербъ, для чего и

¹⁾ „Если Исавъ, пишетъ *Василій великій*, продавъ первородство, не нашелъ мѣста покаянію, то остается ли какое мѣсто покаянію для того, кто умертвилъ первозданнаго человѣка и чрезъ него внесъ смерть? Говорятъ же, что пятно, сдѣланное на одеждѣ человѣческой кровію изъ раны, никакъ не можетъ быть отмыто, но вмѣстѣ съ одеждою состарѣвается измѣненіе цвѣта, произведенное кровью. Посему и дѣволу невозможно изгладить съ себя кровавое пятно и стать чистымъ“ (Comment. in Isaiae cap. 14. vers. 20).

²⁾ *Иуст.* Apolog. 2. n. 8. *Арина.* Legat. pro christ. n. 25 et 26. *Феофила.* Ad Autol. lib. II. n. 28.

³⁾ *Иуст.* Apolog. I. n. 9 et 12. *Татіана.* Ad Graec. n. 12 et 18. *Августинъ.* In Psalm. 94. n. 6.

⁴⁾ См. *Иуст.* Apolog. 2. n. 6. *Тертуліанъ.* Ad Scap. c. 2. *Минуцъ.* Фел. Octav. 27.

неустанно ведетъ, хотя невидимую, неудовимую, тѣмъ не менѣ самую упорную и опасную борьбу какъ съ слабѣйшими, такъ въ особенности съ болѣ сильными въ вѣрѣ и благочестіи, борьбу, нерѣдко оканчивающуюся если не полною гибелью, то чувствительными пораженіями послѣднихъ ¹⁾).

Но все это попуская, Господь вслѣдствіе Своего рѣшенія не нарушать свободы ни одного изъ свободно-разумныхъ существъ ²⁾, вмѣстѣ съ симъ всегда ограничивалъ и ограничиваетъ пагубныя въ мірѣ дѣйствія духа злобы, направляя ихъ кромѣ того даже ко благу людей. Тогда какъ послѣ обольщенія прародителей діаволъ все болѣе и болѣе распространялъ свою власть и господствованіе надъ порабощенными грѣхомъ людьми, Господь и съ своей стороны все подготавливалъ къ тому, чтобы совершенно поколебать и ниспровергнуть эту власть и господство надъ людьми, что и на самомъ дѣлѣ было совершенно пришедшимъ на землю Іисусомъ Христомъ Сыномъ Божиимъ, Который, разрушивъ царство діавола, основалъ и непрестанно возвращаетъ и хранитъ Свое благодатное царство, даровавъ въ немъ истиннымъ и живымъ его членамъ не только силу противиться духамъ злобы, но и власть заставлять ихъ повиноваться Себѣ и господствовать надъ ними ³⁾. „Что Христось родился для сокрушенія демоновъ, писалъ св. Лустинъ, обращаясь къ язычникамъ, это и теперь вы можете узнать изъ того, что происходитъ предъ вашими глазами. Ибо многіе изъ нашихъ, изъ христіанъ исцѣляли и нынѣ еще исцѣляютъ множество одержимыхъ демонами,

¹⁾ Напр. *Григ. наз.* Orat. 2. п. 21. *Лев. велик.* Serm. in Nativit. Domin. VII. с. 3. Можно замѣтить, что у нѣкоторыхъ учителей встрѣчается частное мнѣніе, что при каждомъ человѣкѣ, въ качествѣ злаго ангела хранителя находится приставленный къ нему, конечно, діаволомъ демонъ. См. *Ерм.* Past. II. Mandat. 6. п. 2. *Ориг.* De princip. lib. III. с. 2. п. 10. *Григ. нисск.* De vita Mos. T. I. p. 194. Paris. 1638.

²⁾ *Дамаск.* De fid. orthodox. lib. II. с. 4.

³⁾ Напр. *Васил. велик.* Quod Deus non est auct. mal. sub fin.

и во всемъ мірѣ, и въ нашемъ городѣ, заклиная именемъ Іисуса Христа, распятаго при Понтіѣ Пилатѣ... тѣмъ побѣждаютъ и изгоняютъ демоновъ, овладѣвшихъ людьми¹⁾. „Мы не только презираемъ демоновъ, повторяетъ *Тертуліанъ*, но и побѣждаемъ, ежедневно посрамляемъ и изгоняемъ изъ людей, какъ очень многимъ извѣстно²⁾. Пусть явится здѣсь предъ вашими судилищами кто либо несомнѣнно одержимый демономъ, этотъ духъ, по повелѣнію какого угодно христіанина, заговорить и истинно сознается, что онъ есть демонъ, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ ложно называетъ себя богомъ“³⁾.

Правда, духъ злобы никогда не перестаетъ производить своихъ нападеній и на вѣрующихъ во Христа, ведя съ ними постоянную и ожесточенную брань, но дѣлая это, онъ никогда не можетъ насиловать и не насилуетъ ничьей свободы, прибѣгая для склоненія ея на свою сторону къ однимъ только чарующимъ обольщеніямъ и лукавымъ совѣтамъ и убѣжденіямъ⁴⁾. А потому каждый, вспомошествоваемый благодатію, христіанинъ легко можетъ съ успѣхомъ отражать всѣ нападенія вражін, пользуясь для этого указанными ему средствами, каковы напр. сердечное призываніе имени Іисусова⁵⁾, и такое же употребленіе крестнаго знаменія, чего всегда трепетали и теперь трепещутъ демоны⁶⁾, молитва и воздержаніе, которыя поддерживаютъ и подкрѣпляютъ ослабѣвающія силы борющейся души, а также духовное бодрствованіе, при которомъ духовному

¹⁾ Apolog. 2. n. 6.

²⁾ Ad Scapul. n. 2.

³⁾ Apolog. n. 23. Тоже—*Минуц. Феликс.* in Octav. n. 27.

⁴⁾ *Злат.* De Lazar. conc. II. n. 2. *Август.* In Ioann. evang. c. 3. Tract. XII. n. 10. In epist. Ioann. c. 2. Tractat. II. n. 6. *Дамаск.* De fid. orthodox. lib. II. c. 4.

⁵⁾ *Густ.* Apolog. 2. n. 6. *Григор. наз.* Orat. 2. n. 86.

⁶⁾ *Злат.* Homil. 54. In Matth. cap. 16. vers. 23. *Кирилл. іерус.* Catech. orat. 13. n. 36.

борцу легче бываетъ подмѣтить всѣ искусительныя ухищренія дѣвольскія, и во время ихъ отражать¹⁾. А между тѣмъ и самыя искушенія дѣвольскія Господь попускаетъ не для чего инаго, какъ для посрамленія же и уничтоженія искусителя, равно какъ и для укрѣпленія, возвеличенія и торжества своихъ вѣрныхъ послѣдователей. Потому что послѣдніе въ борьбѣ съ этого рода искушеніями, если бываютъ вѣрны своему призванію, не только ничего не теряютъ, но еще много пріобрѣтаютъ, сознавая и врачуя чрезъ это свои духовныя недуги, укрѣпляясь и уславиваясь въ добрѣ, а вмѣстѣ съ симъ и заслуживая больше правъ на награды въ вѣчной жизни. „Человѣколюбецъ Богъ, пишетъ *св. Василій*, употребляетъ жестокость демоновъ къ нашему уврачеванію, подобно тому какъ мудрый врачъ употребляетъ ядъ вѣдны къ излеченію больныхъ“²⁾. *Златоустъ* же по сему случаю говоритъ слѣдующее: „если кто спроситъ, почему Богъ не уничтожилъ древняго искусителя, мы отвѣтимъ, что это Онъ сдѣлалъ не почему либо иному, какъ по великой попечительности объ насъ. Ибо если бы лукавый овладѣвалъ нами насильно, то тогда бы этотъ вопросъ имѣлъ нѣкоторую основательность. Но такъ какъ онъ не имѣетъ такой силы, могши только къ себѣ склонять насъ, тогда какъ мы можемъ и не склоняться, то для чего ты устраняешь поводъ къ заслугамъ и отвергаешь средство къ достиженію вѣнцевъ?... Богъ для того оставилъ дѣвола, чтобы тѣ, которые уже побѣждены имъ, выложили его самаго, а доблестные имѣли случай къ обнаруженію своей (твердой) воли... Дѣволъ золъ для себя, а не для насъ: потому что, если мы захотимъ, можемъ пріобрѣсть чрезъ него много и добра, конечно, противъ его воли и желанія, въ чемъ и открывается особенное чудо и необычайно вели-

¹⁾ *Васил. велик.* De jejun. hom. 2. n. 1. Подвиз. устав. подвиз. въ обществ. гл. 17. Тв. св. отц. IX, 425. *Злат.* In Genes. homil. 7. n. 3,

²⁾ Comment. in Isaias cap. 13. vers. 5.

кое челоуѣколюбіе Божіе... Когда лукавый устрашаетъ и смущаетъ насъ, тогда мы вразумляемся, тогда познаемъ самихъ себя, и тогда съ большимъ усердіемъ прибѣгаемъ къ Богу¹⁾. „Потому-то, по *Іустину*, Богъ, ради сѣмени христіанъ, которое Онъ признаетъ причиною сохраненія міра, и медлитъ произвести смѣшеніе и разрушеніе вселенной, такъ чтобы не было уже болѣе злыхъ ангеловъ или демоновъ²⁾, пагубной дѣятельности которыхъ совершенный конецъ будетъ окончательнымъ осужденіемъ ихъ на вѣчныя адскія мученія³⁾).

Архимандритъ Сильвестръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Stagir. Orat. 1. n. 8 et 9.

²⁾ Apolog. 2. n. 7.

³⁾ Apolog. 1. n. 28.

Св. Григорій Чудотворецъ, епископъ неокесарійскій, и приписываемыя ему проповѣди.

Святый Григорій Чудотворецъ былъ однимъ изъ ближайшихъ и преданнѣйшихъ учениковъ Оригена. Ему онъ обязанъ былъ своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ, и до конца жизни сохранялъ память о своемъ учителѣ, полную благодарной любви и уваженія. Между всѣми отцами третьяго вѣка онъ выдается даромъ краснорѣчія, и по силѣ своего ораторскаго таланта долженъ занимать видное мѣсто въ исторіи церковнаго краснорѣчія III вѣка. Отъ него не дошло столько произведеній, входящихъ въ кругъ исторіи проповѣди, сколько дошло ихъ отъ Оригена, и даже дошло ихъ сравнительно очень мало. Но что дошло, то показываетъ въ немъ человѣка, болѣе и лучше Оригена владѣвшаго художественнымъ словомъ.

Св. Григорій Неокесарійскій происходилъ изъ знатной фамиліи неокесарійской. Отецъ его, жившій въ язычествѣ, не предполагалъ, что изъ его сына, называвшагося до христіанства Теодоромъ, выйдетъ знаменитый епископъ христіанскій. Онъ предназначалъ для него судебную или адвокатскую карьеру, бывшую въ то время одною изъ самыхъ видныхъ, и въ видахъ будущей успѣшной дѣятельности его на общественномъ поприщѣ хотѣлъ дать ему широкое образованіе, какъ общее, такъ въ частности юридическое. Но онъ скоро умеръ, и мать Григорія, оставшись вдовою, рѣшила слѣдовать, по отношенію къ воспитанію своихъ дѣтей, тому плану, какой начерталъ для нихъ ихъ отецъ. (У

Григорія былъ братъ Аенидодоръ, впоследствии епископъ Понта). И мы видимъ, что Григорій Неовесарійскій въ юные годы весь предался наукъ. По словамъ св. Григорія Нисскаго (въ его словѣ о жизни св. Григорія Чудотворца)¹⁾, въ молодые годы онъ отложилъ все, чѣмъ увлекается юношескій возрастъ, и весь устремился къ стяжанію мудрости. Послѣ посѣщенія школъ въ своемъ родномъ городѣ, онъ для дальнѣйшаго образованія отправился въ другія страны, славившіяся науками, и жилъ нѣкоторое время въ Александріи, куда отсюду стекалось юношество учиться философіи и врачебной наукѣ. Богатый юноша на чужбинѣ велъ въ высшей степени строгую и нравственную жизнь, и не принималъ участія въ тѣхъ удовольствіяхъ, каковымъ свободно предавались другіе юноши,—его товарищи, и возбуждалъ даже со стороны ихъ неудовольствіе на себя за то, что не хотѣлъ жить, какъ другіе, будучи такимъ образомъ какъ бы укоризною * для неразумныхъ. Онъ стремился еще въ Беритъ, гдѣ была юридическая школа, и Римъ, для болѣе основательнаго изученія римскаго права. Но Промыслъ судилъ иначе. Ему вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аенидодоромъ случилось быть въ Кесаріи Палестинской, гдѣ мужъ ихъ сестры занималъ видное мѣсто въ тамошней гражданской администраціи. Здѣсь встрѣчаются они съ Фирмилианомъ, однимъ изъ благородныхъ юношей каппадокійскихъ, бывшимъ впоследствии епископомъ каппадокійскимъ, и узнаютъ отъ него, что въ Кесаріи живетъ знаменитый христіанскій философъ Оригенъ. Влекомые стремленіемъ въ мудрости, они стараются войти въ сношенія съ славнымъ учителемъ, и всѣ трое являются къ нему, какъ къ главному въ то время руководителю въ христіанской философіи. Послѣ первыхъ бесѣдъ Оригена съ ними, они, по словамъ самаго Григорія, оказались, какъ птицы, пойманныя въ клѣтку; привлекательная сила глубокаго и многосвѣдущаго ума Оригенова

¹⁾ Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, т. 45. Твор. св. Григорія Нисскаго, ч. 8. стр. 134—5.

такъ обаятельно подѣйствовала на нихъ, что они забыли и Берить и римское право и рѣшились учиться мудрости у Оригена. Оригенъ не имѣлъ и не устроилъ въ Кесаріи такой регулярной школы, какова была школа александрійская, гдѣ онъ былъ прежде учителемъ, и каковы были во многихъ городахъ школы языческія, посѣщаемыя юношествомъ, ищущимъ образованія. Но всюду, куда онъ ни являлся, вокругъ него собиралась группа людей, стремящихся къ знанію и ищущихъ истины: умъ широкій, стоящій на высотѣ современнаго образованія, владѣвшій всесторонними свѣдѣніями, любившій изслѣдывать предметы до ихъ послѣднихъ глубокыхъ основаній, и въ тоже время пріятный и общительный, онъ, какъ магнитъ, притягивалъ къ себѣ всѣхъ, желавшихъ образованія, и изъ бесѣдъ съ нимъ, какъ изъ источника, жаждущіе истины черпали то, что служило къ обогащенію ихъ знаній, къ разъясненію и разрѣшенію темныхъ вопросовъ, къ исправленію и расширенію ихъ возрѣвій. Такимъ образомъ безъ нарочитаго намѣренія Оригена, тамъ, гдѣ онъ жилъ, сама собою составлялась своего рода школа, или нѣчто высшее обыкновенной школы; такъ какъ къ нему являлись для ученыхъ бесѣдъ не простые, только начинающіе образованіе, мальчики, а люди уже зрѣлые, болѣе или менѣе овладѣвшіе внѣшнею мудростію,—и ученіе ведется у него не путемъ страдательнаго усвоенія уроковъ, а путемъ свободнаго взаимнаго обсужденія предметовъ вѣдѣнія. Цѣлыхъ пять лѣтъ провелъ Григорій Неокесарійскій вблизи Оригена, слушая его бесѣды,—и ученіе, преподаваемое ему Оригеномъ, было заключеніемъ того широкаго курса образованія, какой проходилъ онъ въ своей юности. Оно обнимало весь циклъ тогдашняго образованія: обозрѣвая всю широту его, переходя съ своими собесѣдниками отъ одной ступени къ другой, Оригенъ старался исправлять ихъ въ мысляхъ и сужденіяхъ, устанавливая истинную точку зрѣнія на предметы вѣдѣнія, и показывая надлежащее соотношеніе ихъ между собою. Сначала

онъ старался внушить своимъ ученикамъ любовь къ истинѣ и горячее желаніе трудиться для познанія верховнаго блага. Хвала любомудріе и тѣхъ, которые цѣнятъ его, Оригенъ замѣчалъ, что первый шагъ, какой должно дѣлать разумное существо, есть знаніе самаго себя, и что нѣтъ ничего болѣе смѣшнаго для человѣка, какъ желать звать, что внѣ его, и не знать того, что важнѣе всего для него, и что должно составлять его собственное благо. Общія разсужденія Оригена о философіи и ея задачѣ, по словамъ св. Григорія, воспламенили его сердце и проникли его самою живою страстію столько же къ ученію, сколько и къ учителю. Привязавъ къ себѣ молодыхъ любителей мудрости, Оригенъ проходилъ съ ними логику, научая ихъ не допускать и не отвергать никакого доказательства легкомысленно, но основательно взвѣшивать силу умозаключеній, проходилъ философію естественную, указывая въ природѣ безпредѣльное могущество и мудрость Божію, и заставляя удивляться Творцу, при разсмотрѣніи удивительныхъ дѣлъ творенія,—проходилъ математику, обвинявшую въ себѣ геометрію и астрономію. За тѣмъ онъ разбиралъ начала нравственности, научая искусству умѣрять страсти, возвышаться надъ слабостями человѣческими, и трудиться надъ тѣмъ, чтобы приблизиться къ Божеству и сохранить въ себѣ Его образъ. Это былъ курсъ, такъ сказать, приготовительный: мудрый учитель какъ бы по ступенкамъ лѣстницы велъ своихъ учениковъ къ познанію небесныхъ вещей. Самое главное и существенное познаніе, на которомъ послѣ долгаго приготовленія сосредоточивалъ Оригенъ вниманіе своихъ учениковъ,—это познаніе первой причины. Въ этомъ главномъ курсѣ Оригенъ сначала излагалъ то, что философы и поэты сказали о Божествѣ, подвергая ихъ ученіе строгой и основательной критикѣ. Онъ представлялъ, что хорошо знать то, что есть истиннаго и ложнаго въ ученіи каждаго, и хотѣлъ, чтобъ его ученики знали и испытывали всѣ пути, по какимъ другіе шли къ истинѣ; но въ тоже время съ предо-

осторожностію направлялъ ихъ по этимъ путямъ и какъ бы руководилъ ихъ по обширному лабиринту системъ человеческихъ. Только одни ученія атеистическія, т. е., одни ученія тѣхъ, которые отвергали бытіе или провидѣніе Божіе, онъ считалъ недостойными вниманія своихъ учениковъ, и находилъ неприличнымъ, чтобы душа христіанина, сохраняющая въ себѣ религиозное чувство, осквернила себя прикосновеніемъ нечестія. Послѣ этого онъ вводилъ своихъ учениковъ въ разумнѣе божественныхъ Писаній, и раскрывалъ имъ тѣ тайны божественнаго вѣдѣнія, какія Духу Божію угодно было сообщить человѣку. И здѣсь Оригенъ былъ особенно превосходенъ, и, по словамъ своего ученика, такъ поражалъ ясностію и силою своихъ доказательствъ, что никто, какъ бы ни былъ упоренъ, не могъ противостоять ему. Въ немъ самъ Богъ, вдохновлявшій пророковъ, по представленію св. Григорія, далъ единственный ключъ къ пророчествамъ. Благодаря его искусству, его ученики проникали въ самыя тайны божественныхъ книгъ и находили въ нихъ неисчерпаемый источникъ самыхъ удивительныхъ познаній.

Когда нужно было св. Григорію оставить Кесарію и Оригена послѣ пятилѣтняго постояннаго собесѣдованія съ нимъ, Григорій, разставаясь съ учителемъ, въ трогательной краснорѣчивой рѣчи излилъ чувства глубокой благодарности и безпредѣльнаго уваженія къ своему несравненному наставнику, и вмѣстѣ съ тѣмъ дышущее искренностію сожалѣніе о томъ, что онъ оставляетъ человѣка, въ которомъ нашелъ своего истиннаго отца, и въ содружествѣ котораго вкушалъ самыя чистыя радости. Эта рѣчь служитъ свидѣтельствомъ той привязанности, какую умѣлъ внушать къ себѣ въ своихъ ученикахъ Оригенъ, а еще болѣе того благородства и той деликатности души Григорія, которыя связать въ каждомъ словѣ ученика, прощающагося съ своимъ учителемъ.

На родинѣ, куда отправлялся Григорій по окончаніи своего образованія (около 239 года), онъ имѣлъ въ виду

посвятить себя адвокатурѣ, къ чему предназначалъ его отецъ, и къ чему онъ самъ готовился до своего знакомства съ Оригеномъ. Но видно, что послѣ бесѣдъ Оригена о возвышенныхъ и божественныхъ вещахъ сердце его уже не лежало къ этого рода дѣятельности, и въ прощальной рѣчи Оригену онъ не безъ грусти говоритъ о томъ, что у своего учителя онъ оставляетъ самое дорогое и любезное, и мѣняетъ это на самое худшее, что онъ не будетъ болѣе говорить о божественныхъ вещахъ, а его рѣчь должна будетъ служить человѣческимъ вещамъ и защищать дѣла и тяжбы худыхъ людей. И нѣтъ въ историческихъ документахъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ на родинѣ вступилъ на поприще, прежде казавшееся ему заманчивымъ, а потомъ сдѣлавшееся для него малоцѣннымъ и даже прямо противнымъ, послѣ бесѣдъ съ Оригеномъ о возвышенныхъ божественныхъ вещахъ. Св. Григорій Нисскій (въ словѣ о жизни св. Григорія Чудотворца) прямо говоритъ, что по возвращеніи въ свое отечество съ богатствомъ многообразной мудрости и знанія, Григорій Чудотворецъ уклонился отъ общественной жизни и всякой публичной дѣятельности. „Когда весь народъ (говоритъ Григорій Нисскій) обратилъ на него вниманіе, и всѣ ожидали, что онъ обнаружитъ свою ученость всенародно въ общихъ собраніяхъ, дабы въ похвалахъ и извѣстности получить какой нибудь плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ; сей великій мужъ... выказываетъ свою мудрость молчаніемъ, дѣломъ, а не словами показывая находящееся въ немъ сокровище. Удалившись отъ шума площадей и отъ всей вообще городской жизни, въ уединеніи пребывалъ онъ самъ съ собою и чрезъ себя съ Богомъ, мало заботясь о всемъ мірѣ и дѣлахъ его, но распростившись со всѣмъ въ мірѣ, направилъ всѣ попеченія къ тому, какъ довести до совершенства душу путемъ добродѣтели...“¹⁾

¹⁾ Творенія св. Григорія Нисскаго. Ч. 8. Москва. 1871. стр. 142—3.

Душу, такъ настроенную, одаренную богатыми талантами и обладавшую обширными знаніями, располагали къ служенію церкви, такъ нуждавшейся тогда въ сильныхъ дѣятеляхъ. Объ этомъ болѣе всѣхъ старался Федимъ, предстоятель церкви Амасійской. Но Григорій боялся, какъ бы заботы священства не послужили ему препятствіемъ въ любознудіи, и не давалъ согласія на предложеніе посвятить себя служенію церкви. Когда же онъ увидѣлъ, что Федимъ имѣеть рѣшительное намѣреніе поручить ему начальствованіе въ церкви, онъ скрывался отъ него, переходя изъ одной пустыни въ другую, чтобы только не быть взятымъ рукою святителя. Но Федимъ, вида въ Григоріѣ великую силу, могущую принести много пользы для церкви, рѣшился своею настойчивостію побѣдить стремленіе Григорія къ уединенію, и не смотря на его отсутствіе нарекаетъ его епископомъ его роднаго города Неокесаріи, который былъ совершенно преданъ идолослуженію, такъ что въ немъ всего было семнадцать христіанъ. Такимъ образомъ Григорій противъ воли долженъ былъ принять на себя то начальствованіе надъ церковью, отъ котораго такъ усиленно отказывался, и надъ нимъ, по явленіи его къ Федиму, совершены были всѣ законенныя священнодѣйствія, и онъ, никогда не думая, сдѣлался, въ молодые еще годы, правителемъ церкви, принявъ санъ неокесарійскаго епископа.

Неокесарійскою церковію весьма долго управлялъ св. Григорій, и во время этого управленія обнаружилъ необыкновенную пастырскую ревность. Евсевій называетъ его *славнѣйшимъ изъ епископовъ нашего времени* ¹⁾. Св. Григорій Нисскій, въ словѣ о жизни своего соплеменника, замѣчаетъ, что „не инымъ чѣмъ, какъ подвигами и борьбою должно назвать всю жизнь его въ священствѣ, во время которой онъ вѣрою подвизался противъ всѣхъ силъ противника“ ²⁾. Неокесарія, куда поставленъ былъ епископомъ св. Григорій,

¹⁾ Церк. Ист. Кн. VI, гл. 30.

²⁾ Твор. св. Граг. Нисскаго, въ русск. пер. Ч. 8. стр. 149.

заражена была язычествомъ, нигдѣ не было устроено въ ней храма истинному Богу, но весь городъ и соседнія поселенія наполнены жертвенниками, капищами и кумирами, и вѣрующихъ во Христа было не болѣе семнадцати чело-вѣкъ. Но св. Григорій съ такою силою ратовалъ противъ языческаго суевѣрія, что къ концу его жизни не осталось въ ней столько язычниковъ, сколько было христіанъ при его вступленіи на паству. Съ перваго же появленія его въ Неокесаріи въ званіи пастыря церкви открылось такое необычайное дѣйствіе его слова, вспомоцествуемаго силою Христовою, что къ вечеру перваго дня его пастырской дѣятельности уже было столько увѣровавшихъ, что изъ нихъ „составился народъ“¹⁾. Успѣхъ перваго дня возрасталъ въ другіе слѣдующіе дни. Къ нему стекались цѣлыя толпы, и онъ проповѣдывалъ, разсуждалъ, увѣщавалъ, училъ, исцѣлялъ. Слово его потому особенно сильно дѣйствовало, что оно сопровождалось чудесами, совершаемыми имъ надъ больными и страждущими. Св. Григорій Нисскій разсказываетъ много чудесъ, какія совершены были Григоріемъ Неокесарійскимъ при содѣйствіи благодати Святаго Духа, и какія приобрѣли ему въ церкви названіе Чудотворца.

Во время своей жизни св. Григорій Неокесарійскій пользовался въ церкви большимъ авторитетомъ и принималъ плодотворное участіе въ дѣлахъ вѣры. Евсевій поименовываетъ его въ числѣ епископовъ, сошедшихся въ Антиохіи для осужденія Павла Самосатскаго, отрицавшаго божество Господа Иисуса Христа, и онъ поименованъ, какъ наиболѣе знаменитый изъ участниковъ, послѣ Фирмиліана, епископа Кесаріи Каппадокійской, и рядомъ съ братомъ своимъ Аенинаторомъ, епископомъ Понта²⁾. Отъ него дошло до насъ такое точное изложеніе догмата о триничности лицъ Божества, подобнаго которому не представляетъ современ-

¹⁾ Слово св. Григорія Нисскаго. Твор. св. Григ. Нисскаго. Ч. 8, стр. 158.

²⁾ Евс. Церк. Ист. Кн. VII, гл. 28.

ная ему древность,—это въ известномъ его символѣ, который, по преданію, засвидѣтельствованному св. Григоріемъ Нисскимъ¹⁾, онъ составилъ по откровенію свыше. По этому символу воспитывались и уясняли себѣ тайну вѣры великіе учителя Каппадокійскіе IV вѣка, св. Василиій Великій, св. Григорій Нисскій и св. Григорій Богословъ. Первые двое много слышали о св. Григоріѣ Неокесарійскомъ отъ бабки своей Макрины, происходившей изъ Неокесаріи, и чрезъ нее узнали православное ученіе знаменитаго отца III вѣка, бывшее для нихъ руководствомъ въ дѣлахъ вѣры. Они оба исполнены глубокаго почитанія къ таланту, твердой вѣрѣ и благочестію св. Григорія Чудотворца, что видно изъ слова о жизни его, написаннаго св. Григоріемъ Нисскимъ, и изъ писемъ и сочиненій св. Василия Великаго. Св. Василиій Великій дѣлаетъ такой отзывъ о нашемъ отцѣ въ своей книгѣ о Святомъ Духѣ: „Гдѣ дадимъ мѣсто Григорію великому и словамъ его? Не съ апостолами ли и пророками? Говорю о мужѣ, который ходилъ въ единомъ съ ними Духѣ, во все время жизни шествовалъ по слѣдамъ святыхъ, во всѣ дни свои тщательно преуспѣвалъ въ жизни евангельской. Такъ о немъ говорю; иначе преобидимъ истину, не сопричислявъ къ приснымъ Божиимъ сію душу, сего мужа, который, подобно какому-то свѣтозарному великому свѣтилу, озарялъ церковь Божию, который при содѣйствіи Духа имѣлъ надъ демонами страшную для нихъ силу, и такую *пріять благодать словъ въ послушаніе вѣры во языцехъ* (Рим. 1, 5), что тамъ, гдѣ до него было семнадцать только человекъ христіанъ, весь народъ въ городахъ и селахъ, научивъ боговѣднію, привелъ къ Богу... Долго было бы пересказывать всѣ чудеса сего мужа, котораго, по презыткѣ дарованій, какія въ немъ явлены по дѣйствию Духа во всякой силѣ въ знаменіяхъ и чудесахъ, и самые враги истины называли вторымъ Моисеемъ. Такъ у него во всякомъ словѣ и дѣлѣ,

¹⁾ Слово о жизни св. Григ. Чудотворца. Твор. св. Григ. Н. ч. 8. стр. 145—8. Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

совершавшихся по благодати, просіявалъ какой-то свѣтъ — знавъ небесной силы, невидимо ему сопутствующей. И до нынѣ еще велико къ нему удивленіе туземныхъ жителей, нова и всегда свѣжа въ церквахъ твердо укорененная память о немъ, не увядающая и отъ самаго времени¹⁾... А св. Григорій Нисскій, рассказывая жизнь соименнаго себѣ предшественника, постоянно присоединяетъ къ его имени названіе Великаго²⁾.

Св. Григорій Чудотворецъ былъ ревностный и сильный проповѣдникъ. Это видно изъ того, что онъ весь городъ, прежде закоренѣлый въ языческихъ заблужденіяхъ, своимъ словомъ обратилъ къ истинной вѣрѣ во Христа. По свидѣтельству св. Григорія Нисскаго³⁾, слушавшихъ слово его сперва было малое число, но притягательная сила его слова была такъ велика, что послѣ перваго возвѣщенія имени Христова невѣрующимъ, быстро возрастало число обращенныхъ къ вѣрѣ. Когда онъ говорилъ, то всѣ удивлялись его поученіямъ⁴⁾.

Силу слову его могъ дать его естественный талантъ, полученный имъ отъ Бога, и то широкое образованіе, какое получилъ онъ въ годы юности своей... Но онъ не надѣялся на одни естественныя средства въ дѣлѣ возвѣщенія вѣры, какъ ни были они богаты у него. Онъ считалъ необходимымъ для успѣха въ этомъ священномъ дѣлѣ просвѣщеніе свыше, и просилъ себѣ у Бога всмооществующей благодати Духа. По словамъ св. Григорія Нисскаго, „онъ не прежде осмѣлился проповѣдывать слово, какъ нѣкоторымъ

¹⁾ Книга о Святomъ Духѣ къ св. Амфилохію, епископу Иконійскому, гл. 29. Твор. св. отцовъ въ русскомъ переводѣ Т. VII. Твор. св. Василія Великаго ч. 3, стр. 346—7.

²⁾ Сл. о жизни св. Григорія Чудотворца. Твор. св. Григорія Нисскаго ч. 8, стр. 127, 133, 135, 136, 137, 139, 142, 144 и др.

³⁾ Сл. о жизни св. Григорія Чудотворца. Твор. св. Григорія Нисскаго ч. 8, стр. 158.

⁴⁾ Сл. св. Григорія Нисскаго, стр. 180.

явленіемъ открыта была ему истина. Однажды (въ первые дни послѣ посвященія его во епископа), когда онъ цѣлую ночь размышлялъ о предметѣ вѣры и волнуемъ былъ различными помыслами... въ это время, когда онъ озабоченный исканіемъ истины, проводилъ ночь безъ сна, является на яву нѣкоторый мужъ въ человѣческомъ образѣ, по виду старецъ, святогѣпный по устроенію одежды, какъ пріятностію лица, такъ и стройностію вида, обваруживающій признаки великой добродѣтели. Когда же онъ, утраченный видѣніемъ, боялся встать съ постели и спросить, кто онъ такой, и зачѣмъ пришелъ; сей, кроткимъ голосомъ успокоивъ его душевное смущеніе, сказалъ, что онъ явился ему, по божественному повелѣнію, для разрѣшенія его недумливій, чтобы открыть истину благочестивой вѣры. При этихъ словахъ мужество возвратилось къ нему... Потомъ, когда тотъ протянулъ руку и прямо направленными перстами какъ бы указывалъ стоящее въ сторонѣ явленіе: онъ, обративъ взоръ свой по направленію его руки, увидѣлъ противъ лица явившагося другое видѣніе въ женскомъ образѣ, превосходнѣйшемъ человѣческаго, — и опять утрачился до того, что склонилъ лице свое, приведенный въ замѣшательство видѣніемъ, и не въ состояніи будучи вынести сего явленія очами... (Въ это время) онъ услышалъ нѣкій разговоръ между явившимися ему лицами, которыя вели рѣчь другъ съ другомъ о предметѣ его изысканій. Черезъ этотъ разговоръ онъ не только научился истинному познанію вѣры, но и узналъ явившихся по именамъ; потому что каждый изъ нихъ называлъ другаго собственнымъ его именемъ. Такъ, говорятъ, онъ услышалъ, что явившаяся въ женскомъ видѣ просила Евангелиста Іоанна открыть юному епископу тайну благочестія, а тотъ сказалъ, что готовъ и въ этомъ сдѣлать пріятное Матери Господа... Такимъ образомъ въ стройныхъ и краткихъ словахъ изречши (сію тайну), опять скрылись изъ глазъ. Григорій же божественное оное откровеніе тотчасъ заключилъ въ письмена, по оному послѣ про-

повѣдывалъ слово Божіе въ церкви и оставилъ сіе благодарственное ученіе, какъ вѣкое наслѣдіе потомкамъ¹⁾. Итакъ помазаніе отъ Святаго и озареніе свыше—вотъ та главная сила, которая ввела его во владѣніе истинною вѣрой, и которая помогала ему побѣждать упорство невѣрія, разгонять тьму заблужденія и доводить до благочестиваго убѣжденія души, жаждущія пищи божественнаго слова.

Изъ слова св. Григорія Нисскаго можно видѣть и уяснить себѣ то содержаніе, какое раскрывалъ въ своихъ проповѣдахъ св. Григорій Неокесарійскій. Это было откровенное ученіе о Богѣ и Христѣ, не то только откровенное ученіе, которое хранится въ Библии и доступно для всѣхъ, а ученіе, ему собственно сообщенное и разъясненное при посредствѣ св. Іоанна Богослова и Пресвятой Богоматери. Это ученіе заключало въ себѣ тайну христіанскаго благочестія, и существенные пункты его изложены въ символѣ св. Григорія, пользовавшемся большимъ авторитетомъ въ церкви. Въ этомъ символѣ, извѣстномъ каждому изучающему богословскую науку, мы читаемъ вполне точное и ясное ученіе о Трїединомъ Богѣ, о личныхъ свойствахъ трехъ лицъ Божества и объ отношеніи ихъ между собою. Видно, что св. Григорій мыслию своею возносился къ самымъ высотамъ христіанскаго вѣдѣнія, и самые возвышенные догматы вѣры умѣлъ излагать народу въ ясныхъ и твердыхъ словахъ. Благодаря ему, его руководственному слову, народъ того города, гдѣ онъ епископствовалъ, сохранилъ себя „неприкосновеннымъ отъ всякой еретической злобы“²⁾, въ вѣкъ увлеченія догматическими словопреніями и аріанскими заблужденіями.

Конечно, не одинъ этотъ предметъ, заключенный въ символѣ св. Григорія Неокесарійскаго, раскрывался имъ въ его бесѣдахъ. Онъ, смотря по времени и обстоятель-

1) Твор. св. Григ. Нисск. ч. 8. Слово о жизни св. Григорія Чудотворца, стр. 145—7.

2) Св. Григ. Нисск. твор. ч. 8. стр. 147.

ствамъ, касался и многихъ другихъ сторонъ христіанскаго боговѣдѣнія. Такъ онъ любилъ любомудрствовать о чаемой горней жизни: этимъ предметомъ, по свидѣтельству св. Григорія Нисскаго, онъ занимался всегда и по преимуществу. Склонялъ онъ мысль своихъ пасомыхъ къ представленію о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ, управляющемъ всѣмъ въ мірѣ и по своей волѣ направляющемъ природу стихій. Такъ, когда въ Понтѣ отъ разлива рѣки, текущей съ горныхъ вершинъ Арменіи, произошло ужасное наводненіе, и жившіе близъ рѣки, пораженные неожиданнымъ бѣдствіемъ, пришли къ нему съ прошеніемъ дать имъ какое нибудь облегченіе отъ постигшаго ихъ несчастія, онъ, явившись на мѣсто, гдѣ вода произвела большія опустошенія, сказалъ собравшимся: „не человѣческое дѣло, братія, измѣнять теченіе воды; одна только божественная сила можетъ сдѣлать это и заключить стремленіе водъ въ извѣстные предѣлы; ибо такъ говоритъ пророкъ къ Богу: *предѣлы положилъ еси, ея же не преидеть* (Псал. СIII, 9); одному Владыкѣ твари—Христу подвластна природа стихій, неизмѣнно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ поставлена. Итакъ, поелику есть Богъ, законополагающій предѣлы водамъ, то Онъ одинъ своею силою и можетъ удержать безпорядочное теченіе этой рѣки“¹⁾. Сказавъ это, и призвавъ божественную силу на помощь, св. Григорій далъ другое направленіе безпорядочному стремленію водъ.—Призываютъ его къ себѣ жители города Команы, чтобы онъ утвердилъ ихъ церковь и далъ имъ священника, и онъ, пришедши къ нимъ, ведетъ съ ними бесѣду о священствѣ²⁾. Само собою понятно, что Григорій Нисскій не всѣ предметы вѣры перечислилъ, къ какимъ склонялось учительное слово восхваляемаго имъ отца. Но изъ его случайныхъ и отрывочныхъ указаній мы имѣемъ

¹⁾ Твор. св. Григ. Нисск. ч. 8. Слово о жизни св. Григорія Чудотворца, стр. 167—8.

²⁾ Св. Григ. Нисск. сл. о жизни св. Григорія Чудотворца, стр. 174.

право заключать, что его проповѣдь обнимала широкій кругъ христіанскаго боговѣдѣнія, исправляя и просвѣщая умы своихъ пасомыхъ, прежде зараженныхъ языческою лестію, силою того свѣта Христова, какимъ озаренъ былъ онъ самъ.

Кромѣ ученія вѣры, кромѣ утвержденія своей паствы въ православномъ пониманіи христіанскаго догмата, св. Григорій обильно раздавалъ всѣмъ нравственныя наставленія, примѣнительно къ состоянію каждаго, и въ соотвѣтствіе тѣмъ запросамъ, съ какими являлись къ нему люди его паствы. „Плачущій (говоритъ, характеризуя его учительное слово, св. Григорій Ниссскій)¹⁾ получалъ утѣшеніе; юноша вразумленіе; старики наставляемъ приличными рѣчами; рабы,—чтобы повиновались господамъ своимъ, владѣльцы,—чтобы человѣколюбиво обращались съ подчиненными; бѣднаго училъ онъ, что единственное богатство есть добродѣтель, что это имущество могутъ приобрѣсть каждый, кто ни захочетъ; напротивъ того обладающаго богатствомъ вразумлялъ и училъ, что онъ только распорядитель своего имѣнія, а не господинъ. Женамъ подавая пристойныя, дѣтямъ—соотвѣтственныя возрасту, отцамъ—приличныя правила, и, будучи всѣмъ вся, онъ, при содѣйствіи Духа, столько вдругъ привлекъ къ себѣ народъ, что тотчасъ приступилъ къ построенію храма (котораго прежде не было въ Неокесаріи); потому что всѣ деньгами и трудами содѣйствовали этому предпріятію“.

Мы говорили о содержаніи учительнаго слова св. Григорія Чудотворца, руководствуясь указаніями его біографа и панегириста св. Григорія Нисскаго. Мы желали бы дополнить характеристику знаменитаго учителя церкви анализомъ его собственныхъ гомилетическихъ произведеній. Но древность почти ничего не сохранила для насъ изъ того, что онъ говорилъ своимъ пасомымъ въ качествѣ ихъ па-

¹⁾ Твор. св. Григорія Нисскаго ч. 8. Сл. о жизни св. Григ. Чудотворца, стр. 159.

стыря и руководителя. Въ изданіяхъ его твореній печатаются его проповѣди, именно: три бесѣды ¹⁾ на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, одна бесѣда ²⁾ на святое Богоявленіе, слово на всѣхъ святыхъ ³⁾, и отрывокъ слова о Троицѣ ⁴⁾. Два слова ⁵⁾ на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы и бесѣда на Богоявленіе Господне ⁶⁾ съ именемъ Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, напечатаны и въ русскомъ переводѣ. Но ихъ подлинность, за исключеніемъ развѣ отрывка о Троицѣ, болѣе чѣмъ сомнительна. Древніе писатели не знали этихъ словъ, и не упоминаютъ о нихъ. И въ самомъ содержаніи и характерѣ ихъ изложенія есть признаки, указывающіе на ихъ позднее происхожденіе. Слова на Благовѣщеніе содержатъ въ себѣ восторженныя похвалы Божіей Матери. Подобныхъ похвалъ мы не встрѣчаемъ въ подлинныхъ произведеніяхъ отцовъ III и даже IV вѣка. Онѣ явились и стали особенно часты послѣ возникновенія ереси Несторіевой и со временъ Ефесскаго вселенскаго собора, въ видахъ противодѣйствія тѣмъ людямъ, которые не хотѣли признавать во Христѣ Бога во плоти, и которые называли Дѣву Марію не Богородицею, а Христородицею. Во второмъ словѣ на Благовѣщеніе даже встрѣчается слово, которое вошло въ употребленіе со временъ Ефесскаго собора, — *Богородица*, (θεοτόκος ⁷⁾). Положимъ, смыслъ, заключающійся въ этомъ словѣ, былъ признаваемъ и отцами, жившими ранѣе Ефесскаго собора; но само это слово, какъ техническое выраженіе, въ приложеніи къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, утвердилось въ церковномъ языкѣ съ

¹⁾ Patr. graecae cursus completus. T. X, col. 1145—1178.

²⁾ Ibidem col. 1177—1190.

³⁾ Ibidem col. 1197—1206.

⁴⁾ Ibidem col. 1123—6.

⁵⁾ Христ. Чт. 1837. Ч. 1, стр. 249—262. сл. 1. 1840. Ч. 1. (мартъ) стр. 249—258 сл. 3.

⁶⁾ Хр. Чт. 1838. Ч. 1. (январь), стр. 3—19.

⁷⁾ Patr. с. с. T. X. с. 1186, 1160 сл. 1168.

V вѣка. Въ словѣ на Богопленіе мы читаемъ свободный и пространный перифразъ евангельскаго повѣствованія о крещеніи Господа Иисуса Христа отъ Іоанна на Іорданѣ; въ этомъ перифразѣ при толкованіи и переложеніи словъ Іоанна къ Спасителю и Спасителя къ Іоанну, а также гласа, слышаннаго съ неба отъ Отца, излагается догматическое ученіе о лицѣ Иисуса Христа,—ученіе такое, какое могъ исповѣдать и возвѣщать и св. Григорій Чудотворецъ. Но и въ этомъ словѣ есть выраженія, не обычныя въ церковной литературѣ III вѣка, и утвердившіяся въ ней послѣ перваго вселенскаго собора. Мы разумѣемъ слово „Единосущный (ὁμοούσιος)“. Перифразируя слова Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*, проповѣдникъ говорить въ ихъ разъясненіе: „Ὁμοούσιος, οὐκ ἑτεροούσιος: ὁμοούσιος ἕκαστος κατὰ τὸ ἄρατον, καὶ ὁμοούσιος ὅμωυ κατὰ τὸ ὄρωμενον, χωρὶς ἀμαρτίας“¹⁾. Сынъ Единосущный, а не другаго естества, Единосущный Мнѣ по тому, чего вы не можете видѣть, и Единосущный вамъ по тому, что вы видите, кромѣ грѣха“. Другой разъ это выраженіе употреблено въ приложеніи къ Духу Святому, когда отъ лица Іоанна Крестителя проповѣдникъ обращается къ пришедшему креститься отъ него Богочеловѣку съ вопросомъ недоумѣнія: „Крещая Тебя, кого стану я призывать? Во имя чье буду крестить Тебя? Во имя Отца? Но Ты всегда Отца имѣешь въ Себѣ Самомъ, и Самъ находишься весь въ Отцѣ? Во имя Сына? Но кромѣ Тебя нѣтъ другаго Сына Божія по естеству. Во имя Святаго Духа? Но Онъ всегда съ Тобою, какъ Тебѣ Единосущный (ὁμοούσιος), Единовольный и Единомысленный, Единовластный, Единочестный и Единопокляемый отъ всѣхъ“²⁾. Такого выраженія нѣтъ въ символѣ св. Григорія Неокесарійскаго³⁾, гдѣ излагается ученіе о тринчности лицъ Божества и объ отношеніи ихъ между собою. Между тѣмъ здѣсь весьма естественно и даже необходимо было бы явиться ему, если бы только оно было

¹⁾ Р. с. с. Т. X. col. 1188.

²⁾ Patr. с. с. Т. X. col. 1184.

³⁾ Р. с. с. Т. X. col. 984—8.

въ употребленіи въ церковномъ языкѣ въ вѣкѣ св. Григорія. Явный знакъ, что бесѣда, гдѣ встрѣчается это слово, принадлежитъ не св. Григорію Чудотворцу, а лицу, жившему послѣ перваго всеиенскаго никейскаго собора.

Противъ подлинности этихъ словъ и за нихъ позднее происхожденіе, кромѣ содержанія, говоритъ самый характеръ ихъ изложенія. У св. Григорія Чудотворца, въ его подлинныхъ произведеніяхъ, рѣчь ясная, текучая, безъ аффектаціи, безъ фигуральныхъ риторическихъ приемовъ, полная спокойствія и самообладанія. Такою она является и у другихъ отцовъ-представителей греческаго краснорѣчія въ III и даже IV вѣкахъ. Этой спокойной текучести, этой фразы, чуждой искусственности и фигуральности, нѣтъ въ словахъ, приписываемыхъ св. Григорію Чудотворцу. Въ нихъ такой складъ изложенія, какой узаконила не древняя греческая, а византійская реторика. Этотъ риторическій складъ изложенія началъ появляться съ V вѣка, но утвердился окончательно въ вѣка гимнологіи, нѣ тѣ вѣка; когда создавались церковныя пѣснопѣнія, составляющія своеобразный видъ религіозной поэзіи. Слова, отличенныя характеромъ византійской реторики, составляютъ нѣчто среднее между поученіемъ и пѣснію. Гомилетика въ нихъ отступаетъ на задній планъ, и вступаетъ въ свои права искусственная реторика, прикрашенная поэзією. По вліянію этой искусственной реторики, господствовавшей въ византійской проповѣди, и начавшей заявлять свои права, начиная съ V вѣка, проповѣдники тѣхъ временъ любили поэтическую восторженность и напряженную декламацию. Одна изъ любимыхъ манеръ изложенія у нихъ состоитъ въ томъ, что они варьируютъ и расписываютъ красками, напоминающими одна другую, но не сливающимися въ одинъ колеръ, какое либо одно общее представленіе, берутъ общее понятіе или событіе, разлагаютъ его на мелкія части, и ведутъ его раскрытіе рядомъ краткихъ предложеній, построенныхъ по одной формѣ; при этомъ на одну нить часто накладывается нѣсколько образовъ или сравненій, служащихъ

въ уясненію одного предмета, какъ это мы видимъ въ нашихъ апаеистахъ. Видимую связью этихъ краткихъ предложеній, на которыя раздробляется одно общее представленіе, служить у нихъ риторическая фигура единоначатія. Другую любимую манеру византійскихъ проповѣдниковъ мы можемъ назвать драматизмомъ изложенія. Она состоитъ въ томъ, что они наполняютъ свои проповѣди апострофами, длинными монологами и діалогами. Лица, о которыхъ случается имъ упоминать въ своихъ проповѣдяхъ, они заставляютъ говорить длинныя рѣчи, отличающіяся искусственною декламаціею. Когда передаютъ они какое либо евангельское событіе, положимъ, воспоминаемое въ тотъ или другой праздникъ,—евангельскій рассказъ служить для нихъ ваввою, на которой они выводятъ свои поэтическіе узоры: два, три слова, сказанныхъ какимъ-либо евангельскимъ лицомъ, у нихъ превращаются въ длинныя тирады, наполняющія не одну страницу, и иногда вся проповѣдь, требующая около получаса времени для своего произнесенія, состоитъ изъ монологовъ или діалоговъ, влагаемыхъ въ уста лицъ, выводимыхъ въ проповѣди. Встрѣчается въ третьихъ у нихъ лирическое изліаніе чувства, не всегда внезапное и естественное, а чаще дѣланное и искусственное; вмѣсто ровной, спокойной рѣчи является языкъ одушевленія и восторга, и проповѣдь становится пѣснью, и ею хотятъ не столько учить и наставлять, сколько увлекать и улаждать. Все это есть въ словахъ, приписываемыхъ св. Григорію Чудотворцу, и мы невольно переносимся мыслию въ вѣка византійскаго краснорѣчія, когда читаемъ ихъ и встрѣчаемъ въ нихъ тирады, подобныя пнжеслѣдующимъ: „*Нынѣ* (такъ начинается первое слово на Благовѣщеніе) ангельскіе лики воспѣваютъ славу божественную, и свѣтъ Христова пришествія возсіяваетъ вѣрнымъ. *Нынѣ* настала для насъ радостная весна, и возшло солнце правды—Христось... *Нынѣ* обновляется Адамъ, и вознесенный на небо, соприсчисляется къ сонму ангеловъ. *Нынѣ* вся вселенная исполняется радостію,

вида снисшествіе на людей Духа Святаго. *Нимъ* авицась божественная благодать, надежда благъ невидимыхъ, и совершилось надъ нами чудо, превышающее всякій умъ и помышленіе. *Нимъ* соплетаются вѣнцы въ награду за постоянство въ добродѣтели... *Нимъ* исполнилось Давидово прореченіе: *да возвеселятся небеса, и радуется земля* (Пс. XLV, 11)¹⁾. Подобное начало, повторяющее въ разныхъ видахъ одну и ту же мысль, и связывающее многія предложенія фигурою единоначатія, и въ третьемъ словѣ на Благовѣщеніе, существующемъ въ литературѣ съ именемъ св. Григорія Чудотворца. „*Паки* возвѣщеніе радости, *паки* благовѣстіе свободы, *паки* воззваніе, *паки* возвращеніе, *паки* обѣтованіе веселія, *паки* избавленіе отъ рабства. Ангелъ бесѣдуетъ съ Дѣвою, чтобы змій не говорилъ болѣе съ женою“.

„*Въ мѣсяцъ шестой*, говоритъ Евангелистъ Лука, *посланъ бысть Ангелъ Гавріиль отъ Бога къ Дѣвѣ, обрученной мужеву*. Посланъ Гавріиль возвѣстити спасеніе всему міру. Посланъ Гавріиль проповѣдать освобожденіе Адаму. Посланъ Гавріиль къ Дѣвѣ, да измѣнитъ безславіе жены въ честь. Посланъ Гавріиль приготовить достойное жилище Жениху. Посланъ Гавріиль обручить твореніе съ Творцомъ. Посланъ Гавріиль къ одушевленному чертогу Царя ангеловъ. Посланъ Гавріиль къ Дѣвѣ, хотя обрученной Іосифу, но блюдомой для Іисуса Сына Божія. Посланъ рабъ безтѣлесный къ Дѣвѣ нетлѣнной. Посланъ непричастный грѣху къ безпорочной. Посланъ свѣтильникъ предвозвѣстити Солнце правды. Посланъ утренній свѣтъ быть предтечею Свѣта дня. Посланъ Гавріиль возвѣстити, что пребывающій въ лонѣ Отца снисходитъ въ объятія матери. Посланъ Гавріиль проповѣдать, что Сидящій на престолѣ возлежитъ въ вертепѣ. Посланъ воняъ открытъ тайну великаго царя!...“²⁾.

Затѣмъ въ этихъ словахъ встрѣчаются обращенія, какъ

¹⁾ Христ. Чт. 1837. Ч. 1. стр. 249—50.

²⁾ Христ. Чт. 1840. Ч. 1, стр. 249—50.

будто взятая изъ нашихъ акаеистовъ, или послужившія образцомъ для нашихъ акаеистскихъ лѣснощѣній. Напримѣръ въ первомъ словѣ на Благовѣщеніе авторъ приглашаетъ слушателей принести Маріи дань благодарности, подражая ангельскому хвалебному гласу и взывая къ ней сими словами: „радуйся и веселись, Благодатная! Господь съ Тобою... Радуйся, Благодатная, источникъ Свѣта, просвѣщающаго всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Радуйся, Благодатная, востокъ умнаго солнца и цвѣтъ благовонный. Радуйся, Благодатная, лугъ сладкоуханный. Радуйся, Благодатная, розга присноцвѣтущая и услаждающая души прославляющихъ тебя. Радуйся, Благодатная, пиво неоранная, и принесшая плоды обильнѣйшіе...“¹⁾ Подобныя величанія Божіей Матери, только безъ обращенія къ ней съ словомъ *радуйся*, читаемъ мы и во второмъ словѣ на Благовѣщеніе²⁾. Кромѣ того, въ этихъ словахъ очень часты драматическіе обороты,—монологи и діалоги, влагаемые въ уста лицъ, дѣйствовавшихъ при совершеніи событія, воспоминаемаго въ тѣ праздничные дни, на которые писаны слова. Эти монологи и діалоги частію вымышлены проповѣдникомъ, частію служатъ распространеніемъ словъ, записанныхъ въ Евангеліи. Третье слово на Благовѣщеніе почти все состоитъ изъ преемственнаго ряда такихъ монологовъ. Посылаетъ Господь Богъ архангела Гавріила къ Дѣвѣ, и въ уста Господа при воспоминаніи объ этомъ влагаются длинная рѣчь къ Архангелу: „иди, Архангелъ, и будь слугою страшнаго и сокровеннаго таинства: послужи чуду...“ Когда выслушалъ Архангелъ длинную рѣчь Господа, онъ размышляетъ самъ съ собою, и его недоумѣніе при мысли о порученіи, на него возложенномъ, выражается монологомъ. Видя недоумѣніе Ангела, Господь обращается къ нему съ новою рѣчью, разсвѣляющею его смущеніе: „что смущаешься и недоумѣваешь, Гавріилъ? Не

¹⁾ Христ. Чт. 1837. Ч. 1. стр. 256—7.

²⁾ Patr. c. compl. T. X. col. 1160.

ты ли былъ посланъ отъ Меня прежде сего къ Захаріи священнику?" и т. д. Затѣмъ новое обращеніе Ангела къ Богу: онъ представляетъ Господу возраженія противъ исполнимости того, что повѣститъ ему повелѣвается, и Господь, въ бесѣдѣ, измышленной проповѣдникомъ, разсѣваетъ эти возраженія. Послѣ окончанія пренія съ Богомъ, Ангелъ, исполняя повелѣнное, является къ Дѣвѣ, и его обращеніе къ ней: *радуйся Благодатная: Господь съ тобою*, является въ проповѣди въ формѣ удлинненной привѣтственной рѣчи. Такою же драматическою формою изложенія отличается и слово на Богоявленіи, приписываемое Григорію Чудотворцу. Авторъ въ этомъ словѣ приглашаетъ своихъ слушателей изыти вмѣстѣ съ Христомъ изъ Галилеи въ Іудею, и мысленными стопами достигнуть Іордана, чтобы видѣть, какъ крещается отъ Іоанна Тотъ, кто не имѣетъ нужды въ крещеніи, но лишь только достигъ мысленно со Христомъ проповѣдникъ Іордана, онъ заставляетъ своихъ слушателей выслушивать длинный монологъ Іоанна Крестителя, обращенный къ Господу Іисусу Христу. Основаніемъ этого монолога послужило слово Крестителя, записанное въ Евангеліи: *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли урядеши ко мнѣ* (Матѣ. III, 14)? Но монологъ, служащій распространеніемъ этихъ семи краткихъ словъ, занялъ у проповѣдника цѣлыхъ семь страницъ, по изданію словъ въ переводѣ въ Христіанскомъ Читеніи¹⁾. Непосредственно за этимъ слѣдуетъ новый монологъ: Господь отвѣчаетъ Іоанну и убѣждаетъ его или повелѣваетъ ему исполнить надъ Нимъ то, зачѣмъ Онъ пришелъ. *Остави нынѣ: тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѣ. III, 15). Вмѣсто этихъ словъ проповѣдникъ влагаетъ въ уста Спасителя длинную рѣчь, которая тянется на цѣлыхъ пяти страницахъ Христіанскаго Читенія²⁾. Эти два монолога составляютъ главную суть проповѣди; послѣ нихъ, въ заключительной части слова, слѣдуютъ еще два болѣе краткіе

¹⁾ Христ. Чит. 1838. Ч. 1, стр. 5—12.

²⁾ Христ. Чит. 1838. Ч. 1, стр. 12—16.

монологъ,—одинъ отъ лица іудеевъ, выражавшихъ, при видѣ крещенія Господа Исуса отъ Іоанна, свое сужденіе о превосходствѣ крещаемого предъ Крещаемымъ, а другой отъ лица Бога Отца, возгласившаго съ неба во исправленіе ложнаго мнѣнія іудеевъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. III, 17), представляющій въ распространенномъ видѣ смыслъ этого божественнаго гласа.

Прибавимъ къ этому, въ частности для показанія неподлинности словъ на Благовѣщеніе, что этотъ праздникъ сталъ торжествоваться въ церкви во времена, позднѣйшія вѣка Григоріева, и не только изъ третьяго, но даже изъ четвертаго вѣка, оставившаго намъ обильную проповѣдническую литературу, нѣтъ словъ на этотъ праздникъ, подобныхъ словамъ, существующимъ съ именемъ Григорія Чудотворца. Тѣмъ менѣе въ третьемъ вѣкѣ могли существовать пѣсни въ похвалу и прославленіе Богоматери; по крайней мѣрѣ древность не представляетъ ихъ. Между тѣмъ во второмъ словѣ на Благовѣщеніе проповѣдникъ приглашаетъ современныхъ ему христіанъ прославить Богородицу Дѣву Марію во псалмахъ, пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ ¹⁾).

Слова эти съ именемъ Григорія Чудотворца въ первый разъ изданы въ началѣ XVII столѣтія въ Майнцѣ (Moguntiae, 1604) Герардомъ Воссіемъ, который нашелъ ихъ съ этимъ именемъ въ одномъ древнемъ греческомъ манускриптѣ Кристоферратской бібліотеки. Но въ другихъ манускриптахъ они являются съ именемъ другаго явтора. Второе слово на Благовѣщеніе Риккардъ ²⁾) расположенъ признать произведеніемъ Прокла Константинопольскаго, противника Несторіева, что, конечно, правдоподобнѣе. А о третьемъ словѣ на тотъ же праздникъ Монфокоу ³⁾) свидѣтельствуетъ, что онъ нашелъ это слово въ древнихъ манускриптахъ и съ именемъ

¹⁾ Patr. c. compl. T. X. col. 1160.

²⁾ Ad orat. 6 Procli.

³⁾ Praefat. ad tom. I. Op. Chrysost. § 5.

Іоанна Златоуста, и съ именемъ нашего Григорія, и съ именемъ Макарія Филadelphійскаго, и онъ помѣстилъ его во второмъ томѣ твореній Златоуста, хотя въ отдѣлѣ „Spuria“, но съ краткою замѣткою, допускающею возможность принадлежности этого слова Златоусту ¹⁾. У Комбеѣиза оно напечатано прямо съ именемъ Златоуста ²⁾. Но по своему характеру оно не подходитъ къ подлиннымъ произведеніямъ Златоуста. Мы считаемъ весьма правдоподобною догадку, выраженную въ „Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви“ Филарета архіепископа Черниговскаго, что эти слова принадлежатъ Григорію Неокесарійскому, который жилъ не въ III вѣкѣ, а извѣстенъ былъ во время 7-го вселенскаго собора ³⁾. Тонъ и складъ этихъ словъ совершенно гармонируетъ съ характеромъ проповѣднической литературы тѣхъ временъ.

Слово на всѣхъ святыхъ ⁴⁾ въ своемъ содержаніи и складѣ не имѣетъ такихъ ясныхъ признаковъ позднѣйшаго происхожденія, какіе видны въ четырехъ праздничныхъ словахъ, выше нами разсмотрѣнныхъ. Оно содержитъ въ себѣ, послѣ признанія со стороны автора въ скудости и грубости своего языка и въ своей малообразованности, общую и не распространенную риторически похвалу мученикамъ, которые мужественно встрѣчали смерть и одерживали славную побѣду, когда были поражаемы: ихъ побѣду надъ смертію авторъ связываетъ съ побѣдою Христа, который смертію своею побѣдилъ и обратилъ въ бѣгство діавола, родившаго смерть. Мысль эта выражена довольно просто, и при развитіи ея авторъ не употребляетъ никакихъ искусственныхъ прикрасъ. Кромѣ мучениковъ, авторъ не упоминаетъ о другихъ святыхъ, и воздастъ хвалу однимъ постра-

¹⁾ Chrysost. oper. t. II. (Parisiiis 1718) col. 796—9.

²⁾ Auctar. nov. tom. I, pag. 602—619.

³⁾ Ист. ученіе объ отцахъ церкви. Т. I, стр. 138, 962, прил. 24.

⁴⁾ Patr. graecae curs. compl. T. X. col. 1197—1204.

давшимъ за Христа. По объему это слово очень не велико, и подходитъ къ типу краткихъ поученій.

Съ именемъ Григорія Чудотворца оно издано въ первый разъ въ 1770 году Мингарелли. Онъ нашелъ его въ одномъ греческомъ кодексѣ (принадлежавшемъ епископу Торчельскому Иоанну Навію), содержащемъ въ себѣ собраніе проповѣдей, написанныхъ именами разныхъ древнихъ отцовъ и проповѣдниковъ. Такіе сборники латиняне называютъ „*Homiliarium*“, а греки „*Πατηρικόν*“. Въ этомъ гомиліаріѣ всѣхъ проповѣдей 47, и на тридцать пятомъ мѣстѣ стоитъ похвала всѣмъ мученикамъ, которая въ заголовкѣ имѣетъ такую надпись: Τῆ ἐν ἁγίοις Πατρὶς ἡμῶν Γρηγορίῳ τῷ Θεοπαιτρῷ λόγος εἰς τὰς ἁγίας κἀντας. Εὐλόγητον, Δέσποτα. По мнѣнію издателя, это слово, содержащее въ себѣ похвалу всѣхъ мучениковъ, приурочено было къ празднику или недѣлѣ всѣхъ святыхъ, слѣдующей за недѣлею Пятидесятницы, и читалось въ церквахъ въ этотъ день.

Но мы не видимъ достаточныхъ основаній приписывать это слово св. Григорію Чудотворцу. Уже позднее появленіе его съ именемъ этого отца (въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія) мало говорить въ пользу его древности. Быть не можетъ, чтобы не упоминали о немъ другіе, болѣе древніе писатели, если бы только оно встрѣчалось въ рукописяхъ, какъ слово такого знаменитаго отца древней церкви, каковымъ былъ св. Григорій Чудотворецъ. Ссылка на надпись въ одномъ, мало извѣстномъ, кодексѣ въ этомъ отношеніи очень слабое доказательство. Древніе писцы въ рукописныхъ сборникахъ проповѣдей, какъ греческихъ и латинскихъ, такъ и русскихъ, помѣщая тѣ или другія проповѣди, не слишкомъ заботились о точномъ означеніи ихъ авторовъ; критики тогда не было, и они, если бы и хотѣли, не владѣли достаточными средствами для указанія подлинныхъ творцовъ того или другаго слова. Они списывали проповѣдь, каковъ имъ попадалась, и включая ее въ свой сборникъ, ставили надъ нею такое имя, какое подсказывалъ

имъ случай или преданіе или рукопись, бывшая въ ихъ рукахъ, а иногда, не нашедъ надъ списываемою ими проповѣдію имени автора, они ставили надъ нею на-угадъ имя того или другаго отца изъ чтимыхъ ими или извѣстныхъ имъ. Такимъ образомъ во всѣхъ литературахъ существуетъ множество проповѣдей съ именемъ Златоуста, отнюдь не принадлежащихъ этому великому проповѣднику. И имя св. Григорія Чудотворца могло совершенно случайно попасть въ тотъ гомиліарій, изъ котораго Мингарелли взялъ неизвѣстно кому принадлежащее слово на всѣхъ святыхъ. Далѣе, краткость слова и малый его объемъ не говоритъ въ пользу его древности. Въ древнее время во время богослуженія проповѣди предоставлено было очень широкое мѣсто, и она занимала около половины времени, назначеннаго для богослужебнаго собранія, — и греки, владѣвшіе обильною рѣчью, распространяли свою бесѣду до того, что она требовала около часу для своего произнесенія, или въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ около получаса: сжатость слова не была у нихъ въ обычаѣ. Слова, подобныя слову на всѣхъ святыхъ, нами обсуждаемому, могли говорить въ тѣ вѣка, когда христіане охладѣли въ своей ревности къ слушанію слова Божія и утомлялись пространными бесѣдами пастырей церкви, и когда болѣе развита и разнообразна была литургическая часть богослуженія. Съ V вѣка стали входить въ обычай сравнительно болѣе краткія поученія.

Что въ частности слово на всѣхъ святыхъ не можетъ принадлежать св. Григорію Чудотворцу, на это есть указанія въ немъ самомъ. Проповѣдникъ говоритъ, что онъ приступаетъ къ слову, не смотря на слабость и грубость своего языка, будучи умоленъ *отъ отца* ¹⁾. Это выраженіе даетъ понять, что проповѣдь говорилъ не епископъ, а пресвитеръ или другой подчиненный членъ клира, по настоянію предсто-

¹⁾ Patr. с. с. Т. X. col. 1200.

Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

тели церкви. А св. Григорій Чудотворецъ прямо рукоположенъ былъ во епископа Федиомъ амасійскимъ, и не былъ подчиненнымъ членомъ клира, и къ нему нейдетъ признаніе того, что онъ проповѣдуетъ по просьбѣ или распоряженію отца—предстоятеля церкви. Равнымъ образомъ нейдетъ къ нему признаніе въ своей необразованности (*ἀπαιδευσία*) и въ деревенской грубости своего языка (*ἀγροικίζουσα γλώσσα*)¹⁾, когда извѣстно, что онъ отличался отъ другихъ своею ученостію, посѣщая въ юности многія школы, и по высотѣ своего образованія стоялъ во главѣ людей своего поколѣнія.

Отрывокъ изъ слова св. Григорія Чудотворца „о Троицѣ“²⁾ взятъ Майемъ³⁾ изъ одного арабскаго кодекса, и изданъ имъ въ латинскомъ переводѣ. Въ немъ излагается христіанское ученіе о Троицѣ,—о томъ, что въ Божествѣ три лица, Отецъ, Сынъ и Духъ, и всѣ они составляютъ одно существо, что лице Сына соединяетъ въ себѣ божество и чело-вѣчество, но Троица чрезъ это не получила никакого приращенія, и осталась такою же Троицею, какою была прежде; далѣе исповѣдуется непостижимость и неизреченность рожденія Сына отъ Отца, и объясняется, что Сынъ рожденъ прежде всей твари, вѣчный отъ вѣчнаго, какъ источникъ отъ источника, и свѣтъ отъ свѣта; это Слово Божіе, совѣчное Отцу и не отдѣлимое отъ Него, создало небо и землю, и чрезъ Него сотворено все существующее. Будучи не отдѣлимо отъ Отца и вмѣстѣ съ Отцомъ не имѣя начала бытія, Оно приняло нашу природу отъ Маріи Дѣвы, и послѣ этого по своей божественной природѣ осталось также равно Отцу и также не отдѣлимо отъ Него, какъ было до воспри-нятія нашего естества, а по челоуѣчеству стало совершенно равно намъ; вмѣстѣ съ этимъ Оно, по божественной при-родѣ, равно Святому Духу и не отдѣлимо отъ Него. И не двѣ, но одна природа Святой Троицы была до воплощенія Сына Слова; и одна осталась природа Святой Троицы послѣ

¹⁾ P. c. c. T. X. col. 1197.

²⁾ Mai, Spicil. Rom. t. III, p. 696. P. c. c. T. X. col. 1123—6.

воплощенія Сына... Въ этомъ отрывкѣ нѣтъ ничего такого, что давало бы поводъ заподозривать его подлинность или принадлежность св. Григорію Чудотворцу. Тѣмъ менѣе можно отрицать его подлинность, что, по указанію св. Григорія Нисскаго, соименный ему Григорій Чудотворецъ проповѣдалъ въ церкви первѣе всего ученіе о Трїединомъ Богѣ. Онъ получилъ чудеснымъ образомъ изъясненіе тайны благочестія отъ св. Іоанна Богослова, которое заключилъ въ своемъ извѣстномъ символѣ, передающемъ ученіе о единосущіи и взаимномъ отношеніи трехъ лицъ Божества, и по словамъ Григорія Нисскаго, „по оному послѣ проповѣдывалъ слово Божіе въ церкви“¹⁾. Очень можетъ быть, что отрывокъ, упомянутый нами, есть остатокъ, сохранившійся до насъ отъ многихъ его бесѣдъ, посвященныхъ этому предмету. Намъ кажется подозрительнымъ только то обстоятельство, что этого отрывка нѣтъ въ греческихъ кодексахъ. Можетъ быть, это варіація его символа, сдѣланная кѣмъ либо другимъ, жившимъ послѣ св. Григорія Чудотворца, а ему приписанная на основаніи нѣкотораго сходства въ его содержаніи съ содержаніемъ извѣстнаго символа св. Григорія Неокесарійскаго.

Но хотя у насъ нѣтъ подъ руками несомнѣнно подлинныхъ памятниковъ проповѣдничества св. Григорія Чудотворца, мы однако не лишены возможности составить болѣе или менѣе точное понятіе о степени и достоинствѣ ораторскаго таланта святаго отца, нами характеризуемаго. Достаточную замѣну утерянныхъ его проповѣдническихъ произведеній представляетъ дошедшее до насъ его знаменитое „прощальное и похвальное слово Оригену, которое онъ говорилъ въ Кесаріи Палестинской послѣ многолѣтнихъ ученыхъ занятій подъ его руководствомъ, когда собирался отправиться въ отечество“²⁾. По свидѣтельству Іеронима³⁾,

¹⁾ Твор. св. Григ. Нисскаго, Ч. 8. стр. 147.

²⁾ Pat. c. compl. T. X. col. 1049—1104.

³⁾ Книга о зван. мужахъ, LXV.

это благодарственное слово своему учителю св. Григорій произнесъ „въ присутствіи самого Оригена, созвавъ для этого весьма многолюдное собраніе“. Это слово св. Григорія Оригену заслуживаетъ особеннаго вниманія. Мало того, что оно единственное подлинное ораторское произведеніе такого великаго мужа, каковымъ былъ въ церкви III вѣка св. Григорій Чудотворецъ. Оно отличается высокими ораторскими достоинствами. Хотя авторъ называетъ себя въ немъ чуждымъ искусству языка и говорить, что онъ въ продолженіе восьми лѣтъ жилъ вдали отъ всякихъ занятій краснорѣчіемъ, но это смиренное сознаніе своей неумѣлости или своей слабости въ ораторскомъ дѣлѣ было обычно у риторовъ того времени, и предписывалось тогдашнею риторикою, какъ наиболѣе приличное содержаніе для приступа парадной рѣчи. На самомъ дѣлѣ св. Григорій въ панегирикѣ Оригену показываетъ себя великимъ мастеромъ слова: въ немъ такое ровное, спокойное и обильное теченіе рѣчи, такая обработанность слова, такое аттическое изящество и благородство выраженія, чуждое всякой напыщенности, что подъ нимъ не постыдился бы подписать свое имя самый первоклассный греческій ораторъ. Такъ говорить, какъ говорить въ этомъ словѣ св. Григорій, можетъ только человекъ высокаго таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ широкаго и въ частности ораторскаго образованія. Исторія христіанскаго краснорѣчія за одно это слово должна ставить высоко св. Григорія Чудотворца. Въ третьемъ вѣкѣ это безъ сомнѣнія замѣчательнѣйшій и достойнѣйшій представитель ораторства, и изъ отцовъ и писателей, ему современныхъ, никто не можетъ равняться съ нимъ въ искусствѣ слова. Будучи высокимъ по своему ораторскому достоинству, это слово замѣчательно еще тѣмъ, что въ исторіи христіанскаго панегирическаго краснорѣчія оно первое по времени своего появленія, иля, говоря точнѣе, старѣйшее въ хронологическомъ порядкѣ изъ дошедшихъ до насъ похвальныхъ отеческихъ словъ. Въ IV вѣкѣ былъ полный разцвѣтъ панегирическаго краснорѣчія, и каждый

язъ замѣчательнѣйшихъ отцовъ этого вѣка оставилъ намъ нѣсколько произведеній подобнаго рода. Исторія проповѣди посвящаетъ много вниманія этимъ блестящимъ произведеніямъ церковнаго ораторства IV вѣка, но признавая за ними высокое достоинство слова, она не можетъ обходить вниманіемъ подобнаго произведенія III вѣка, представляющаго первый образецъ панегирика въ христіанскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что въ III вѣкѣ оно стоитъ одиноко и не имѣетъ равныхъ себѣ по достоинству. Независимо отъ своего ораторскаго достоинства и своего старшинства въ ряду панегирическихъ произведеній отеческой литературы, слово Григорія Оригену имѣетъ интересъ историческій и гуманистическій. Оно уясняетъ то обаяніе, какое производилъ на своихъ современниковъ величайшій умъ третьяго вѣка—Оригенъ, и показываетъ ту широту и разносторонность образованія, какую сообщалъ своимъ слушателямъ этотъ великій учитель, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ понятіе о томъ знаніи, съ какимъ выступали на служеніе церкви и вѣрѣ лучшіе изъ людей, призываемыхъ ратовать за нима Христова, стоявшіе на верху христіанскаго общества того вѣка. А если мы обратимъ вниманіе на то положеніе, въ которомъ Григорій говорилъ свое слово, то увидимъ въ немъ изящнѣйшее выраженіе благородныхъ человѣческихъ чувствъ. Григорій говорилъ свое благодарственное слово Оригену, оставляя его школу и прощаясь съ своимъ учителемъ, наставленіями котораго онъ пользовался въ теченіе пяти лѣтъ, и эта прощальная рѣчь Григорія—образцовая рѣчь, которая можетъ быть достойнымъ примѣромъ для учениковъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Едва ли возможно ученику лучше отнестись къ своему учителю, изящнѣе и деликатнѣе выразить предъ нимъ чувства своей признанности и признательности, какъ отнесся при прощаніи къ Оригену, и какъ выразилъ предъ нимъ свою благодарность св. Григорій, впоследствии епископъ неокесарійскій. Какое благородство души! Какія добрыя и вѣжныя чувства! Какое глубокое уваженіе къ своему учителю и какая пре-

данность ему! Ученикъ скорбитъ при разлукѣ съ своимъ учителемъ, который сообщалъ ему самое драгоценное для жизни, при которомъ мирно жилось ему, и въ избыткѣ предлагались духовныя блага; и въ тоже время не находить словъ, чтобы воздать ему достойную дань благодарности. Изящное выраженіе благороднаго чувства ученика къ учителю въ словѣ св. Григорія, въ нашихъ глазахъ, возвышается еще отъ того, что въ немъ заявляетъ себя сильное религиозное убѣжденіе. Приступая къ выраженію признательности своему учителю, авторъ первымъ долгомъ своимъ поставляетъ воздать благодареніе Богу, устрояющему пути наши, и часто противъ воли нашей ведущему насъ ко благу, и дѣло промышленности Божія видитъ въ случайной встрѣчѣ съ великимъ мужемъ.

По этимъ разнообразнымъ достоинствамъ, какими отличается панегирическое слово св. Григорія Оригену, мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь это слово, хотя съ значительными сокращеніями (оно очень велико по объему), тѣмъ болѣе, что оно неизвѣстно въ русскомъ переводѣ.

І. „Если для многихъ другихъ часто прекраснымъ дѣломъ служить молчаніе, то въ особенности оно прилично нынѣ мнѣ,—мнѣ, который, волею или неволею, имѣю замкнутыя уста и нахожу побужденіе къ молчанію. Я не упражнялся въ краснорѣчїи, и совершенно не владѣю тою изящною и украшенною рѣчью, которая употребляетъ отборныя и изысканныя слова и реченія, и которая въ своемъ теченіи слѣдуетъ нѣкоторому особенному стройному грамматическому порядку; а, можетъ быть, и по природѣ я не предрасположенъ къ этому предестному и истинно еллинскому искусству. Уже восемь лѣтъ я не говорилъ и не писалъ никакой, ни длинной, ни короткой рѣчи, и не слышалъ никого другаго, въ частномъ ли кругу пишущаго и произносящаго, или публично декламирующаго панегирическаго и состязательнаго рѣчи, а имѣлъ дѣло только съ этими удивительными людьми, всецѣло преданными прекрасному любо-

мудрію, у которыхъ меньше было заботы о благозвучіи и изяществѣ словъ, и которые, произнося звуки, имѣли въ виду только то, чтобы ими точнѣе указать и выразить самыя дѣла, каково каждое изъ нихъ.

II. Но если что въ особенности отвлоняетъ меня отъ рѣчи и побуждаетъ меня хранить молчаніе, то это самый предметъ, о которомъ я предположилъ говорить,—намѣреваюсь и боюсь. Я думаю говорить о мужѣ, который повидимому человекъ и такимъ является, но который могущимъ видѣть величіе его природы представляется вполне приготовленнымъ къ переселенію въ божественный міръ. Я не намѣренъ говорить ни о родѣ, ни о воспитаніи тѣлесномъ, ни о силѣ, ни о красотѣ... А что въ немъ богоподобнаго, что приближающаго къ Богу заключено въ его видимой и смертной природѣ, что влечетъ его неудержимо къ уподобленію Богу,—вотъ о чемъ я думаю. Я намѣреваюсь коснуться великихъ дѣлъ, и при этомъ возблагодарить Бога за то, что мнѣ даровано встрѣтиться съ этимъ мужемъ, сверхъ всякаго чаянія людей, какъ другихъ, такъ и меня самаго, никогда не предполагавшаго и никогда не надѣявшагося ни на что подобное, и вотъ я, малый и неразумный, намѣреваюсь коснуться такихъ вещей, неосмотрительно выступаю, и стѣсняюсь, и желалъ бы лучше молчать. И хранить молчаніе мнѣ кажется безопаснѣе всего: иначе, подъ предлогомъ благодарности, по своей неразумности говори о великихъ и священныхъ вещахъ слабо и недостойно, я не только не достигну истины, но изображая ихъ по своему разумнію, могу унижить ихъ въ глазахъ другихъ, которые подумаютъ, что въ самомъ дѣлѣ онѣ таковы, тогда какъ слабая рѣчь скорѣе исказила ихъ, не могли сравниться въ силѣ съ дѣлами. Но твои доблести, дорогая глава, не могутъ быть ни умалены, ни закрыты: въ нихъ, какъ онѣ являютъ, скорѣе видно божественное и непоколебимое, и ничто изъ нихъ не можетъ быть умалено нашею слабою и недостойною рѣчью...

III. Страшнымъ дѣломъ мнѣ кажется неблагодарность, страшнымъ и весьма страшнымъ. И если облагодѣльствованный не старается возблагодарить за благодѣяніе по крайней мѣрѣ словомъ, когда не можетъ сдѣлать этого иначе, то это признакъ человѣка или безумнаго или не чувствительнаго къ благодѣяніямъ, или забывчиваго. А у кого есть чувство и сознаніе полученнаго благодѣянія, тотъ, если не сохраняетъ памяти о немъ въ послѣдующее время, и если не приноситъ какимъ нибудь образомъ благодарности оказавшему благо, тотъ и грубъ, и не благодаренъ, и нечестивъ и виновенъ въ преступленіи, котораго нельзя простить ни великому, ни малому... Великіе, одаренные талантами душевными, должны по силамъ воздавать своимъ благодѣтелямъ великія и блистательныя похвалы, соотвѣтственно большому избытку и великому богатству, имъ данному; а малымъ и сидящимъ въ тѣснотѣ не нужно ни беспокоиться о себѣ, ни нерадѣть о долгѣ, ни падать духомъ отъ того, что они не могутъ принести ничего достойнаго. Какъ бѣднымъ, но благодарнымъ, имъ нужно воздавать честь своему благодѣтелю по мѣрѣ своихъ силъ, соразмѣряя приношеніе не съ богатствомъ того, котораго чтутъ они, а съ своимъ собственнымъ имуществомъ, и это приношеніе ему, можетъ быть, будетъ приятно и вожделѣнно не менѣе великихъ и крупныхъ приношеній, если только приносится съ большимъ усердіемъ и отъ чистаго сердца. Такъ въ священныя книги разсказывается, что когда одна незначительная и бѣдная жена, наряду съ богатыми и знатными, приносившими отъ избытка своего великіе и значительныя вклады, положила одну самую малую лепту, но принесла все, что имѣла, то заслужила похвалу за то, что ея даръ больше другихъ. Священное Писаніе, какъ видно, достоинство и величіе дара измѣряетъ не количествомъ приносимаго вещества, внѣшняго человѣку, но расположеніями и намѣреніями приносящаго. Итакъ не нужно намъ уклоняться отъ выраженія благодарности изъ за

напраснаго страха о томъ, что наша благодарность не можетъ сравняться съ благодѣяніями; но напротивъ намъ нужно возмѣть смѣлость и постараться воздать если не равныя почести, то по крайней мѣрѣ такія, какія мы можемъ привести. Если наша рѣчь не выразитъ всего, что требуется, по крайней мѣрѣ ова коснется въ некоторой части дѣла, и насъ освободитъ отъ вины въ неблагодарности. Безчестно по истинѣ совершенное молчаніе; такъ какъ легковѣрному дается поводъ думать, будто нельзя сказать ничего достойнаго; а доброе дѣло попытка привести воздаяніе, хотя бы сила приносящаго благодарность была ниже достоинства и заслуги, вызывающихъ благодарность. Повтому я не буду молчать, хотя и не могу говорить соотвѣтственно съ достоинствомъ хвалимаго; но буду гордиться, если представлю все, что отъ меня возможно. Итакъ настоящая моя рѣчь дань благодаренія...

IV. Отъ Бога нисходятъ къ намъ всѣ блага, и съ Него должно начинать намъ свои благодаренія, гимны и хвалы... Вознесемъ же первѣе всего наши хвалы и величанія Царю и Попечителю всѣхъ, не изсякаемому источнику всѣхъ благъ, который и въ настоящемъ случаѣ врачуетъ вашу немощь, и который одинъ можетъ восполнить недостающее. Вознесемъ хвалы Ходатаю и Спасителю душъ нашихъ, единородному Слову Его, Зиждителю и Правителю всѣхъ... Признавая Его общимъ правителемъ всѣхъ людей, мы въ частности исповѣдуемъ Его своимъ руководителемъ, отъ дней нашего дѣтства. Онъ всегда былъ благимъ питателемъ и попечителемъ нашимъ, и какъ прежде, такъ и нынѣ, меня и питаетъ, и наставляетъ и руководитъ. Кромѣ всего прочаго Онъ устроилъ для меня и то, что я сблизился съ этимъ мужемъ, что для меня важнѣе всего. Ни родомъ, ни кровною человѣческою связью я не былъ связанъ съ нимъ, и не имѣлъ къ нему другихъ близкихъ отношеній,— не былъ его землякомъ и совершенно не принадлежалъ къ одному съ нимъ племени (что у многихъ изъ людей бываетъ

поводомъ къ дружбѣ и единенію). Но божественное и премудрое промышленіе привело въ одно мѣсто людей незнакомыхъ, далекихъ, чужестранныхъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго, которыхъ раздѣляли цѣлыя страны и множество горъ и рѣкъ, и устроило чрезъ то для меня это спасительное соединеніе: къ этому единенію, полагаю, оно свыше направляло меня отъ первыхъ дней моего рожденія и воспитанія. Какъ это случилось, долго было бы объ этомъ вспоминать, хотя бы и не пытался все подробно пересказать, ничего не опуская; но оставляя многое, я вкратцѣ хотѣлъ бы припомнить хоть немного.

V. Первое мое воспитаніе было подъ руководствомъ родителей; отеческіе нравы управлялись языческими заблужденіями. Освободиться отъ нихъ намъ никто другой, думаю, не считалъ бы возможнымъ, да и у меня не было надежды на это, когда я былъ малосмысленнымъ отрокомъ, и отцомъ своимъ воспитанъ въ суевѣрномъ почтеніи къ демонамъ. Затѣмъ послѣдовала смерть отца и сиротство: здѣсь, можетъ быть, было положено для меня начало познанія истины. Тогда въ первый разъ я обратился къ спасительному и истинному слову, не знаю, какимъ образомъ—кажется, болѣе по принужденію, чѣмъ добровольно. Ибо какое у меня могло быть сужденіе, когда всего мнѣ было четырнадцать лѣтъ?... Оставшаяся послѣ отца мать наша, заботясь о насъ, хотѣла, чтобы мы, изучая другія науки, какія обыкновенно изучаютъ дѣти благородно рожденные и воспитанные, въ тоже время ходили и къ ритору, въ тѣхъ видахъ, чтобы самимъ намъ быть риторамі. И вотъ мы ходили къ ритору, и о насъ говорили, что мы скоро будемъ риторамі. Но я не зналъ объ этомъ, и не хотѣлъ этого. Между тѣмъ не было никакого основанія, не было еще никакихъ причинъ, которыя могли бы направить насъ сюда. Но надо мною бодрствовалъ тотъ неусыпный божественный Педагогъ и истинный Попечитель, о чемъ не помышляли мои домашніе, и чего не предполагалъ и я самъ. Онъ внушилъ одному изъ

моихъ учителей, (приглашенному для наученія меня латинскому языку...) предложить мнѣ изученіе у него римскихъ законовъ. И прекрасно велъ это дѣло мужъ тотъ, и я повиновался скорѣе изъ благодарности ему, чѣмъ изъ любви къ той наукѣ. Принявши меня въ свои слушатели, очень усердно онъ началъ учить меня. Высказывалъ онъ то, что мнѣ казалось самою несомнѣнною истинною, то есть, что изученіе законовъ самый необходимый запасъ для жизненной дороги (это выраженіе именно онъ употребилъ), захотѣлъ ли бы я, какъ риторъ, вступить въ число тѣхъ, которые состязаются въ судахъ, или избрать какую либо другую карьеру. Такъ онъ выражался, рассуждая по человѣчески; а мнѣ кажется, онъ высказывалъ свое мнѣніе, руководимый нѣкимъ божественнымъ внушеніемъ, котораго онъ и не подозрѣвалъ. Но послѣ того, какъ я волею или неволею изучилъ эти законы, тотчасъ же брошена какъ бы нѣкая связь,—явилась причина и поводъ къ посѣщенію этихъ странъ, именно городъ Беритъ: недалеко отсюда лежитъ этотъ латинствующій городъ, и въ немъ есть славное училище римскихъ законовъ. А этого святого мужа изъ Египта, изъ Александріи, гдѣ прежде онъ имѣлъ пребываніе, привлекли и переселили сюда другія дѣла, какъ бы навстрѣчу мнѣ... Однако причина, заставившая меня отправиться въ римскій городъ для изученія законовъ, еще не давала мнѣ прямаго повода придти сюда и сойтись съ этимъ мужемъ. Какъ же это случилось? Начальникъ Палестины нечаянно пригласилъ съ собою моего родственника, мужа моей сестры, и привезъ сюда его одного, невольню разлученнаго съ супругою, съ тѣмъ, чтобы онъ помогалъ ему и участвовалъ въ дѣлахъ управленія народнаго: онъ былъ хорошій правовѣдъ. Но отправившись сюда одинъ, онъ, чувствуя тяжесть разлуки съ своею супругою, въ скоромъ времени возымѣлъ намѣреніе призвать ее къ себѣ, а вмѣстѣ съ нею и насъ привлечь сюда. И вотъ, когда мы собирались въ путь, только не сюда, а скорѣе въ другія мѣста, вдругъ

неожиданно является къ намъ солдатъ съ повелѣніемъ проводить къ мужу и всячески охранять въ дорогѣ сестру нашу, а вмѣстѣ пригласить и насъ быть спутниками ей. Нельзя было не удовлетворить желанію зятя, а еще болѣе желанію сестры (чтобы ея путешествіе было болѣе прилично и болѣе безопасно), тѣмъ болѣе, что домашніе и родные побуждали насъ къ этому, и представляли намъ, что, отправившись въ этотъ путь, мы кстаті потому приѣдемъ въ Берить, для продолженія и окончанія въ немъ изученія законовъ. Итакъ все насъ располагало къ этому пути, и долгъ по отношенію къ сестрѣ, и наше стремленіе къ изученію законовъ. Къ тому же присланный солдатъ (когда сдѣлано было упоминаніе объ этомъ) сказалъ, что онъ имѣетъ полномочіе пользоваться бѣльшимъ количествомъ общественныхъ экипажей, и дорожную не на одну сестру нашу, а на большее число насъ. Такъ дѣло стояло повидимому; а сокровенная, но болѣе истинная суть дѣла была другая: этотъ путь, во благо намъ, велъ насъ, слѣпотствующихъ и невѣдущихъ, къ общенію съ этимъ мужемъ, къ истинному познанію чрезъ него Слова, къ пользѣ и ко спасенію нашихъ душъ. И не воинъ привелъ насъ сюда, а тотъ божественный Спутникъ, тотъ добрый Проводникъ и Стражъ, который охраняетъ насъ въ теченіе всей нашей жизни, какъ бы во время длиннаго странствованія. Онъ все дѣлалъ и располагалъ такъ, чтобы мы наконецъ какимъ бы то ни было образомъ сошлись съ этимъ виновникомъ многихъ благъ, нами воспринятыхъ. И сей божественный Ангелъ, пришедшій для этого сюда, здѣсь, можно полагать, успокоился, передавъ этому мужу попеченіе о насъ,—успокоился не потому, чтобы утомился отъ какого-либо труда или напряженія (ибо не утомляется родъ божественныхъ служителей), но потому, что передалъ насъ челоуѣку, который въ состояніи оказать намъ всякое промышленіе и попеченіе о насъ, какое только возможно.

VI. И онъ, воспринявши насъ съ перваго дня (настоящаго для меня перваго дня, лучшаго, нужно сказать, всѣхъ

дней, когда для меня въ первый разъ начало восходить истинное солнце), разомъ привязалъ насъ къ себѣ, и мы оказались какъ какіе нибудь полевые звѣри, или рыбы, или птицы, попавшія въ сѣть или нѣтку, старались ускользнуть и убѣжать отъ него, помышляли удалиться отъ него въ Беритъ или на родину,—и не могли. Онъ дѣйствовалъ на насъ, приводя всяческія слова, употребляя разные обороты и направляя сюда всѣ свои силы. То онъ хвалилъ любителей философіи, выставляя многія и великія выгоды отъ нея,—напримѣръ говорилъ, что тѣ одни ведутъ жизнь, приличную разумнымъ существамъ, которые стараются правильно устроить ее и заботятся познать первѣе всего самихъ себя, кто они, потомъ настоящее благо, къ которому должно стремиться человѣку, и истинное зло, котораго должно избѣгать. То онъ порицалъ невѣжество и всѣхъ невѣждъ: много такихъ (говорилъ онъ), которые, подобно скотамъ, слѣпотствуя умомъ, не знаютъ того, что они такое, и блуждаютъ, какъ лишенные разума, совершенно не знаютъ, и не хотятъ знать, что благо, и что зло, считаютъ за благо деньги, славу, честь у народа, здоровье тѣлесное, и гоняются за всѣмъ этимъ, то есть, цѣня это выше многого и всего, они устремляются къ тѣмъ знаніямъ, которыми могутъ достигаться эти мнимыя блага, избираютъ такіе роды жизни, которые ведутъ къ нимъ,—военный, судебный и изученіе законовъ. Я не могу рассказать теперь всѣ доводы, какіе онъ приводилъ, убѣждая насъ къ философствованію; ибо не въ одинъ только день, но и въ многіе слѣдующіе, какъ мы приходили къ нему въ началѣ, онъ поражалъ насъ своимъ словомъ, какъ какою либо стрѣлою, и мы колебались и не рѣшались, думали предаться любознудрію, но совершенно не убѣждались и не склонялись къ тому, между тѣмъ (не знаю, почему) не могли его оставить: всякій разъ онъ притягивалъ насъ къ себѣ своими словами, какъ нѣкоею непобѣдимую силою. Онъ утверждалъ, что безъ философіи нельзя быть и истинно религіознымъ и бла-

оговѣнно чтить Господа всѣхъ. И многія другія рѣчи говорилъ онъ намъ, и какъ будто волшебствомъ какимъ очаровалъ онъ насъ, и лишивъ насъ произвольнаго движенія, привязалъ насъ къ себѣ своими словами (не знаю, какимъ образомъ), какъ какою-то божественною силою... Какъ будто искра какая, попавшая въ глубину души моей,—возгорѣлась и воспламенилась во мнѣ любовь какъ къ предлюбезнѣйшему священному слову, привлекающему всѣхъ своею неизреченною красотою, такъ и къ этому мужу, его любителю и толкователю. Сильнѣйшимъ образомъ увлеченный ею, я рѣшился бросить всѣ занятія и науки, которыя казались намъ наиболѣе приличными и нужными, какъ другія, такъ между прочимъ и самыя мои любезныя законы,—рѣшился бросить вмѣстѣ съ тѣмъ и отечество и своихъ родныхъ, какъ здѣшнихъ, такъ и тѣхъ, отъ которыхъ я отлучился. Одно только для меня стало вождѣлвнымъ и лубезнымъ,—именно философія и ея учитель, этотъ божественный мужъ. *И прильпилась душа Ионаана къ душѣ Давида* (1 Цар. XVIII, 1)... И не только прильпилась душа Ионаана къ душѣ Давида; но даже она, принуждаемая какою-то силою, невольно оставила то, что для нея было самаго дорогаго, и съ чѣмъ она обыкновенно не легко разстается...

VII. Поступая съ нами въ самомъ началѣ такимъ образомъ, и со всѣхъ сторонъ обходя насъ, онъ достигъ многого, и нами рѣшено было остаться при немъ. Тогда онъ сталъ обращаться съ нами, какъ обращается какой нибудь добрый земледѣлецъ съ землею неподѣланною и никогда не приносявшею плода, сухою, растрескавшася отъ зноя и каменистою, или съ землею, хотя не безплодною, но совершенно заросшею, оставленною въ небреженіи и запущенною, заглушенною терніемъ и другими негодными растеніями, или какъ обращается садовникъ съ деревомъ дивнымъ и не приносящимъ сладкихъ плодовъ, но не совершенно бесполезнымъ, если привить къ нему хорошій ростокъ, расщепить его и связать, чтобы они оба вмѣстѣ возрастали и

питались. Такими онъ принялъ насъ, и при своей необыкновенной зоркости онъ не только совершенно ясно видѣлъ то, что открыто для всѣхъ глазъ и лежитъ на поверхности, но проникалъ глубже и узнавалъ самое сокровенное внутри. Онъ спрашивалъ, предлагалъ на разрѣшеніе разные вопросы и выслушивалъ наши отвѣты и сужденія. Когда онъ узнавалъ, что въ насъ есть нѣчто хорошее и полезное, то началъ копать, переворачивать, подивать почву души нашей, все приводилъ въ движеніе, и употреблялъ все свое искусство и попеченіе, чтобы воспитать, исправить и усовершенствовать насъ. Своими обличеніями и увѣщаніями онъ вырывалъ изъ насъ тернія и волчцы и всякій родъ дикихъ травъ и кустарниковъ, какими заглушена была душа наша. Онъ употреблялъ съ нами методъ сократическій, и то искусно поражалъ насъ своимъ словомъ, то предоставлялъ намъ свободу и смотрѣлъ на насъ, какъ на дикихъ коней, бѣгущихъ не по дорогѣ и безразсудно кружащихся туда и сюда, потомъ представляя какое либо неотразимое доказательство и увѣжденіе, своею рѣчью, какъ уздою, успокаивалъ насъ и заставлялъ повиноваться себѣ... Когда приготовилъ онъ насъ и сдѣлалъ способными къ принятію словъ истины, началъ онъ благовременно и щедро сѣять въ насъ сѣмена, какъ въ хорошо обработанную землю, мягкую и приготовленную къ произращенію брошенныхъ въ нее сѣмянъ,—благовременно прилагалъ и всякое другое попеченіе къ нашему усовершенствованію; тонкими рѣчами и оборотами изощрялъ то, что было тупаго въ душѣ нашей, и уменьшалъ и изгонялъ изъ нея то, что было въ ней ложнаго. Развиваясь однѣ изъ другихъ, начиная отъ самыхъ простѣйшихъ, и различно обращаясь, эти рѣчи составляли какое-то удивительное и неизъяснимое сочетаніе: возбуждая насъ какъ бы отъ сна, онъ приковывали насъ къ предмету разсужденія, и не была для насъ тяжела и утомительна ни ихъ высота, ни ихъ утонченность. Далѣе, онъ очищалъ и исправлялъ то, что въ насъ было неосновательнаго и

опротечиваго, когда мы соглашались съ тѣмъ, что намъ представляли, не смотря на то, каково это, хотя бы оно было и ложно, или когда противорѣчили слышанному нами, хотя бы то было истинно, исправляя какъ тѣми, о какихъ мы говорили, такъ и другими различными рѣчами, приучая насъ не давать безразсудно согласія и послѣ брать его назадъ, какъ это случалось, но тщательно испытывать не только явное, но и сокровенное...

VIII. И не эту одну часть, которую діалектика призвана исправлять, онъ очищалъ и усовершенсвалъ въ насъ; онъ возбуждалъ и исправлялъ другими физическими науками еще и ту подлинно смиренную часть нашей души, которою мы съ изумленіемъ смотримъ на великолѣпіе и удивительное строеніе, на это разнообразное и мудрѣйшее образованіе міра, веразумно удивляемся всему этому, въ ужасѣ повергаемся предъ всѣмъ этимъ, и ничего не понимаемъ, смотря на все это, подобно звѣрямъ, не имѣющимъ разума. Онъ объяснялъ и обсуждалъ каждую изъ вещей, существующихъ въ природѣ, своимъ мудрымъ словомъ провикалъ до самыхъ первыхъ элементовъ и раскрывалъ послѣдовательно природу какъ цѣлой вселенной, такъ и каждой части ея, истолковывалъ многообразныя превращенія и измѣненія вещей, пока мудрымъ своимъ ученіемъ и ясными представленіями (изъ которыхъ однимъ онъ научился прежде, а до другихъ самъ дошелъ) о священномъ домостроительствѣ вселенной и совершенствѣ природы, не вложилъ въ ваши души, вмѣсто неразумнаго изумленія, разумное удивленіе природѣ. Въ этомъ состоитъ возвышенная и боже венная наука, всѣмъ весьма любезная наука о природѣ (физика). Нужно-ли теперь еще упоминать о священной математикѣ? О всѣмъ пріятной и отличающейся точностію геометріи, и о парящей въ высоту астрономіи? Всѣ эти науки онъ видѣралъ въ ваши души, уча, возобновляя въ памяти, (не умѣю надлежащимъ образомъ выразить этого). Геометрію онъ полагалъ, какъ непоколебимое основаніе и твердый

фундаментъ всего; астрономію, какъ бы нѣкоею лѣствицею, досигающею до небесъ, онъ велъ насъ къ возвышенному; тою и другою наукою онъ дѣлалъ для насъ доступнымъ небо.

IX. Но гораздо важнѣе всего то, о чемъ болѣе всего хлопочетъ весь родъ философскій, съ разнообразнаго сада всѣхъ прочихъ наукъ и долговременнаго любомудрія собирая добрые плоды,—божественныя добродѣтели, отъ которыхъ зависятъ спокойное и твердое состояніе стремленій души. Онъ старался сдѣлать насъ такими, чтобы мы не возмущались печальми и были свободны отъ всѣхъ дурныхъ страстей, но чтобы всегда соблюдали порядокъ и спокойствіе и были подобны Богу и блаженны. И въ этому онъ велъ насъ своими словами, кроткими и мудрыми, какія мы слышали отъ него о нравахъ и образѣ жизни. И не словами только, но и еще болѣе своими дѣлами онъ возбуждалъ насъ къ добродѣтели и научалъ насъ умѣрять наши страсти. . .

XIII. Минуя другіе труды и занятія, могу ли я выразить словомъ ту мудрость, ту обдуманность и осторожность, съ какою онъ преподавалъ намъ богословіе, и проникнувъ во внутреннее расположеніе этого мужа, указать, съ какимъ умѣньемъ и съ какимъ запасомъ знаній онъ излагалъ намъ свое ученіе о Богѣ, оберегая насъ, какъ бы мы не подверглись какой либо опасности въ этомъ самомъ важномъ и необходимомъ дѣлѣ,—въ познаніи первой Причины всего? Онъ располагалъ насъ такъ философствовать, чтобы мы, собирая всѣ, какія существуютъ, писанія древнихъ философовъ и поэтовъ, ни одного изъ нихъ не устранили и не отвергали (тогда еще мы не могли имѣть самостоятельнаго сужденія) за исключеніемъ тѣхъ, которые принадлежали атеистамъ, отвергавшимъ, вопреки общему здравому смыслу человѣческому, бытіе или провидѣніе Божіе. (Такихъ нельзя читать, чтобы какимъ нибудь образомъ случайно не осквернилась душа наша, собираясь воздать поклоненіе Богу, когда услышитъ слова, противныя богопочтенію. Ибо людямъ, приходящимъ

во храмъ для поклоненія Богу, совершенно нельзя прикасаться ни къ чему нечестивому. Итакъ ни одной изъ этихъ книгъ рѣшительно не должно быть въ рукахъ людей благочестивыхъ). Остальные сочиненія онъ рекомендовалъ намъ доставать и читать, не предпочитая и не разбирая ни рода, ни достоинства книги, и не обращая вниманія на то, еллинъ или варваръ написалъ ее. Это умно и совершенно справедливо: иначе, если мы выслушаемъ и примемъ за истину одно какое либо мнѣнiе тѣхъ или другихъ, хотя бы въ самомъ дѣлѣ оно не было истиннымъ, и если оно вторгнется въ нашу душу, то оно обольщаетъ насъ и соответственно своему качеству измѣняетъ наши воззрѣнiя, такъ что мы не можемъ ни отстать отъ него, ни измѣнить его; при этомъ съ нами дѣлается тоже, что съ крашеной шерстью, искусственный цвѣтъ которой, разъ ей данный, остается съ нею навсегда. Ибо чрезвычайно сильная и вкрадчивая вещь слово человѣческое: когда оно, приправленное софизмами, достигаетъ до слуха, тогда напечатлѣваетъ и утверждаетъ въ умѣ, что хотеть, и когда оно чѣмъ разъ займетъ кого, тѣ начинаютъ любить то, какъ истину. И оно, часто ложное и обманчивое, остается внутри насъ, и подобно какому нибудь владѣтелю земли, заставляетъ сражаться за себя того, кого обольстило. Легко уловима опять, и весьма подаллива на представленiя и склонна къ соглашенiю душа человѣческая. Прежде, чѣмъ разсудить и изслѣдовать, она весьма безпечно предается ложнымъ представленiямъ и мнѣнiямъ, полнымъ заблужденiя и вовлекающимъ въ заблужденiя принимающихъ ихъ, уклоняясь отъ точнаго испытанiя или по причинѣ тупости и слабости своей или по причинѣ утонченности словъ. Этого мало. Но если бы другое какое либо ученiе захотѣло исправить душу, увлеченную извѣстнымъ мнѣнiемъ, она уже не допускаетъ его и не позволяетъ ему переубѣдить себя, такъ какъ прежде воспринятое мнѣнiе господствуетъ въ ней и управляетъ ею, на подобiе какого либо неутомимаго тирана.

XIV. Любомудрствовать всѣ хотятъ... Но даже отличные, умнѣйшіе и способнѣйшіе изъ еллиновъ обыкновенно такъ философствовали: на что каждый изъ нихъ набредеть сначала, увлекаемый какимъ либо стремленіемъ, то одно онъ считаетъ истиннымъ, а ученія прочихъ философовъ объявляетъ ложью и глупостію. А съ нами не случилось того, что со многими другими: онъ не склонялъ насъ въ одному какому либо изъ философскихъ ученій, не считалъ справедливымъ и не желалъ, чтобы мы останавливались на одномъ ученіи. Напротивъ, онъ проводилъ насъ по всѣмъ ученіямъ, и не хотѣлъ, чтобы какое либо мнѣніе, высказанное еллинами, оставалось намъ неизвѣстнымъ. Но знакомя насъ съ философскими системами, онъ шелъ вмѣстѣ съ нами, или впереди насъ, и какъ бы велъ насъ за руку, какъ это бываетъ во время пути, если встрѣчается гдѣ какая кривизна, или яма, или попадаетея опасное и обманчивое мѣсто. Онъ представлялъ изъ себя опытнаго и искуснаго руководителя, которому, отъ долговременнаго занятія философіей, не было въ ней ничего неизвѣстнаго и незнакомаго, и онъ, твердо стоя на высотѣ, простиралъ оттуда свои руки тѣмъ, которые готовы были погрузиться, и поднимая ихъ вверхъ, спасалъ ихъ отъ опасностей. Что было у каждого философа добраго и истиннаго, то онъ собиралъ и выставлялъ намъ, а что было ложнаго, то онъ, разбирая, отвергалъ, какъ многое другое, такъ въ особенности то, что относится къ богопочтенію.

XV. Касательно этихъ человѣческихъ ученій онъ убѣждалъ ни къ одному изъ нихъ не пристращаться, даже хотя бы кого признавали мудрѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Къ одному Богу и Его пророкамъ онъ склонялъ наше вниманіе, и при этомъ самъ толковалъ и объяснялъ, если что въ нихъ было темнаго и прикровеннаго... открывалъ и выводилъ на свѣтъ, если встрѣчались у нихъ какія либо загадки, какъ способнѣйшій и разумнѣйшій ученикъ Божій. И съ его стороны невозможно было превратное или неправильное пониманіе

чего либо, и не было для него ничего непонятнаго: онъ одинъ изъ всѣхъ людей, нынѣ живущихъ, какихъ я зналъ и о какихъ слышалъ отъ другихъ,—одинъ могъ и старался усвоить себѣ и передать другимъ чистый и свѣтлый смыслъ священныя изреченій. Самъ Вдохновитель всѣхъ этихъ изреченій, внушавшій и сообщавшій друзьямъ Божиимъ пророкамъ всякое пророчество и таинственное и божественное слово, и его почтилъ честію друга и избралъ его въ толкователи своихъ прореченій. Что чрезъ однихъ Онъ указалъ только, изъ того чрезъ этого мужа составилъ полное ученіе. Что Онъ, достойнѣйшій всякой вѣры, по царски приказалъ или объявилъ, основанія и смыслъ того Онъ даровалъ изслѣдовать и находить этому мужу, такъ что если встрѣчался съ нимъ человекъ съ изсохшею душою, невѣрующій и вмѣстѣ любознательный, то, научаясь отъ него, необъяснимымъ образомъ невольно долженъ былъ и соглашаться съ нимъ и вѣрить ему, и повиноваться Богу. Такъ сильно говорилъ онъ, думаю я, не иначе, какъ по вдохновенію отъ Духа Божія: таже сила, которая необходима была пророкамъ, необходима и толкователямъ пророковъ; тотъ не можетъ понимать пророка, кому не дастъ разумнѣнія его словъ Духъ, вдохновлявшій пророка. Въ священномъ Писаніи содержится такое изреченіе, что только одинъ тотъ, кто заперъ, можетъ и отворить, и никто другой (Ис. XII, 22. Апок. III, 7): а запертое отворяетъ божественное Слово, когда объясняетъ темное и загадочное. Отъ Бога онъ получилъ этотъ величайшій даръ; съ неба ему ниспосланъ этотъ прекраснѣйшій жребій быть толкователемъ словъ Божіихъ людямъ,—понимать слова Божія, какія Богъ изрекалъ, и разяснять людямъ, какъ они должны понимать ихъ. Потому ничего въ Писаніи не было для него невыясненнаго, ничего сокровеннаго и недоступнаго; и при немъ мы могли понимать всякое слово, и варварское и еллинское, и таинственное и обыкновенное, и божеское и человѣческое, смѣло могли ко всему приступать и все изслѣдовать, всѣмъ насыщаться, и наслаждаться всѣми благами души. Нужно ли

было какое либо древнее свидѣтельство истины, или иное что, въ немъ мы имѣли удивительный и полный запасъ самыхъ прекрасныхъ вещей и обиліе всего. Однимъ словомъ, для насъ это былъ настоящій рай, подобный тому великому раю Божію, въ которомъ намъ не нужно было ни воздѣлывать низшую землю, ни утучнять себя пищею тѣлесною, во въ которомъ съ радостію и удовольствіемъ мы могли возращать и умножать только богатства души нашей, какъ какія либо прекрасныя деревья, или нами самими насажденныя, или всѣяныя въ насъ Виновникомъ всего.

XVI. Этоть по истинѣ рай утѣхи, эта истинная радость и удовольствіе, которое мы вкушали въ это протекшее время, и притомъ не малое время, весьма не малое,—закроется для насъ, когда мы уйдемъ и переселимся отсюда. И я не знаю, какая неблагопріятная судьба моя или какіе новые грѣхи мои удаляютъ, изгоняють меня отсюда. Что мнѣ говорить, я не знаю; развѣ то, что я началъ говорить, какъ второй Адамъ, изгоняемый изъ рай. Какъ хорошо я жилъ, когда въ молчаніи слушалъ слова своего учителя! Какъ полезно было бы мнѣ и теперь хранить молчаніе и въ молчаніи учиться, но не представлять этого новаго зрѣлища, въ которомъ учитель сдѣлался моимъ слушателемъ! Зачѣмъ понадобилась мнѣ эта рѣчь? Зачѣмъ мнѣ произносить настоящія слова, когда мнѣ слѣдовало не уходить отсюда, а оставаться здѣсь? Настоящее мое преступленіе подобно, кажется, тому древнему оболъщенію, и на мнѣ тяготѣетъ наказаніе нашихъ праотцевъ. Не оказываю ли я, подобно имъ, преслушанія, когда дерзаю бѣжать отъ голоса Божія, тогда какъ мнѣ слѣдовало бы оставаться и пребывать тамъ, гдѣ слышится этоть голосъ? Но я удаляюсь отсюда, убѣгая отъ этой блаженной жизни, какъ тотъ древній человекъ, убѣгавшій отъ лица Божія, и возвращаюсь въ землю, изъ которой взятъ. Тамъ я во всѣ дни своей жизни буду воздѣлывать и глодать землю, и она возраститъ мнѣ терніа и волчцы, то есть, тѣ печали и по-

стыдныя заботы, какіи я принужденъ буду нести, оставивши здѣсь прекрасныя и честныя занятія. Я возвращаюсь опять къ тому, что уже оставилъ, возвращаюсь въ землю, изъ которой вышелъ, возвращаюсь къ своему низшему родству и въ домъ отца своего, и при этомъ оставляю добрую страну, которая оказалась для меня настоящею моею родиною, оставляю родныхъ, въ которыхъ я началъ видѣть самыхъ дорогихъ присныхъ души моеи, оставляю домъ истиннаго своего отца,—домъ, въ которомъ этого отца благоговѣнно чтутъ и уважаютъ всѣ истинныя его чада, желающія жить вмѣстѣ съ нимъ. А я, непочтительный и недостойный, ухожу отъ нихъ, обращая вспять свои глаза и свои шаги. Есть сказаніе объ одномъ сынѣ, какъ онъ, получивъ отъ отца законную часть имѣнія, принадлежавшаго ему вмѣстѣ съ другимъ его братомъ, захотѣлъ удалиться отъ отца въ чужую страну; живя расточительно, онъ растратилъ и растерялъ отцовское наслѣдіе; тогда, увидя себя въ крайнемъ затрудненіи, онъ нанялся пасти свиней; мучимый голодомъ, онъ вмѣстѣ съ свиньями ѣлъ ихъ пищу, а наконецъ не могъ доставать и такой пищи. Онъ получилъ законное возмездіе за свою невоздержную жизнь, которая довела его до того, что онъ принужденъ былъ вмѣсто обильнаго, истинно царскаго, стола своего отца, довольствоваться такою пищею, какой прежде не могъ и представить,—пищею поденщиковъ и потомъ свиней. Тоже самое, кажется, будетъ и съ нами, удаляющимися отсюда, и притомъ не со всею долею имущества, намъ принадлежащаго. Мы не беремъ съ собою того, что намъ нужно, и однако удаляемся отсюда,—у тебя и съ тобою мы оставляемъ самое дорогое и лучшее, а мѣняемъ это на худшее. Насъ ожидаютъ всяческія скорби,—смуты и безпокойства вмѣсто мира, и вмѣсто спокойной и правильной жизни жизнь безпорядочная, вмѣсто настоящей свободы тяжелое рабство, судилища, тяжбы и споры, и у насъ не будетъ уже прежнихъ удовольствій и досуга для лучшихъ

занятій. Не о божественныхъ дѣлахъ мы будемъ говорить; а мы будемъ говорить о дѣлахъ людскихъ, и (что покажется страннымъ мужу пророческаго духа) мы должны будемъ заниматься дѣлами дурныхъ людей. По истинѣ вмѣсто дня насъ срѣтитъ ночь, вмѣсто яснаго свѣта тьма, вмѣсто радости печаль, вмѣсто отечества враждебная страна, на которой миѣ нельзя будетъ пѣть священныхъ пѣсней, а только плакать и вздыхать, вспоминая оставшихся здѣсь, если и это миѣ будетъ дозволено. Мы читаемъ¹⁾, что некогда враги, напавши на великій и священный городъ, въ которомъ чтили Бога жителей его, и между ними и пѣвцовъ и богослововъ, плѣнными отвели въ свою страну,— страну Вавилонскую, и они, пока держали ихъ въ плѣну, не хотѣли ни пѣть божественныхъ пѣсней, когда просили ихъ о томъ плѣнныише ихъ, ни играть на органахъ въ землѣ нечестивой, но свои музыкальныя арфы повѣсили на вербахъ, а сами плакали на рѣкахъ Вавилонскихъ. Кажется, и я одинъ изъ числа людей, подобныхъ этимъ плѣнникамъ, невольно изгоняемый изъ этого священнаго города и отечества (гдѣ день и ночь возвѣщается божественный законъ, поются священные гимны и пѣси, и ведутся таинственные рѣчи, гдѣ свѣтитъ свѣтъ свѣтлѣе свѣта солнечнаго, и днемъ, когда мы бесѣдуемъ о божественныхъ тайнахъ, и ночью, когда мы своимъ воображеніемъ воспроизводимъ то, что душа видѣла и совершила во время дня,—гдѣ, однимъ словомъ, постоянно вѣетъ всюду божественное дуновеніе). Изъ такого города я изгоняюсь и, какъ плѣнникъ, влекусь въ чужую страну. Тамъ миѣ невозможно будетъ ни пѣть, ни играть на арфѣ, и я повѣшу на вербахъ свои органы, подобно тѣмъ вавилонскимъ плѣнникамъ, и я буду сидѣть на рѣкахъ, буду трудиться надъ грязью, и не захочу пѣть гимновъ, хотя и буду помнить ихъ, а можетъ быть, отъ долговременнаго занятія другими предметами, и совсѣмъ

¹⁾ Псал. СХХХVІ.

забуду ихъ, и у меня пропадетъ память о нихъ. О, еслибы я еще невольнo, какъ плѣнникъ, уходилъ отсюда! Но я ухожу добровольно, гонимый не другимъ кѣмъ, а самымъ собою, когда мнѣ можно бы оставаться здѣсь. Уходя отсюда, какъ бы оставляя безопасный и мирный городъ, можетъ быть, я пускаюсь въ опасный путь; можетъ статься, во время пути я попадусь разбойникамъ, и они схватятъ меня, и обнаживъ меня, нанесутъ мнѣ тяжкія раны и потомъ гдѣ нибудь бросятъ меня и я буду лежать, полумертвый.

XVII. Но зачѣмъ я предаюсь такому плачу? Есть Спаситель всѣхъ, и полумертвыхъ и измученныхъ разбойниками. Попечитель и Врачъ всѣхъ, именно Слово, этотъ неусыпный Стражъ всѣхъ людей. Есть въ насъ и сѣмена, которыя пріобрѣтать ты училъ насъ, и которыя мы восприняли отъ тебя,—именно прекрасныя увѣщанія и предостереженія, съ которыми мы отъ тебя удаляемся. Мы плачемъ, какъ люди, собирающіеся въ далекій и неизвѣстный путь, но эти сѣмена возьмемъ съ собою. Можетъ быть, сохранить насъ Стражъ, бодрствующій надъ нами. Можетъ быть, мы опять возвратился къ тебѣ, и принесемъ плоды и снопы, возросшіе изъ этихъ сѣмянъ,—плоды и снопы, конечно, нисколько не совершенные (можно ли думать о такихъ?), а такіе, какіе намъ возможно будетъ возростить при занятіяхъ мірскими дѣлами...

XVIII. Здѣсь долженъ быть положенъ конецъ моей рѣчи, которую я осмѣлился говорить предъ тѣмъ, предъ которымъ мнѣ совсѣмъ не прилично говорить. Но я выразилъ, думаю, по мѣрѣ силъ своихъ свои благодарныя чувства. Если я не сказалъ ничего достойнаго (этого великаго мужа), по крайней мѣрѣ не умолчалъ о томъ совершенно. И если кромѣ того я еще и плакалъ, то такъ обыкновенно дѣлаютъ люди, разлучаясь съ друзьями. Я не знаю, нѣтъ ли въ моей рѣчи чего либо дѣтскаго, или льстиваго, или рвзваго или излишняго; но я очень хорошо знаю, что въ ней нѣтъ ничего вымышленнаго и ложнаго, но вездѣ одна

истина, какую указывалъ мнѣ здравый умъ и чистое и искреннее сердце.

ХІХ. Встань, дорогая глава, и теперь уже отпусти насъ, съ мольбами припадающихъ къ тебѣ. Ты сохранялъ насъ своими священными ученіями, когда мы жили при тебѣ, охраняй насъ своими молитвами и послѣ, когда мы разлучимся съ тобою. Передай и поручи насъ приведшему насъ къ тебѣ Богу, во первыхъ благодаря Его за все, что прежде мы видѣли отъ Него, и потомъ умоляя Его и въ будущемъ, постоянно и всюду, руководить насъ, не оставлять насъ своими внушеніями, и всѣвать въ насъ спасительный страхъ свой, который будетъ для насъ самымъ лучшимъ педагогомъ. Молись, чтобы мы, оставивши тебя, получили отъ Него нѣкоторую замѣну и утѣшеніе, именно, чтобы Онъ послалъ намъ Ангела, который былъ бы для насъ добрымъ вождемъ и спутникомъ. Проси еще Его, чтобы Онъ, допускающій наше отшествіе, опять привелъ насъ къ тебѣ: это одно послужить для насъ самымъ большимъ утѣшеніемъ.

В. Пъеницкій.

О ШТУНДИЗМѢ.

Условія его происхожденія и развитія, и мѣры потребныя православной Церкви для борьбы съ нимъ.

(Продолженіе *).

II.

Распространеніе штундизма.

Необходимость изложенія вѣншей исторіи распространенія штундизма въ Таращанскомъ уѣздѣ. Стремленіе штундизма къ возможно большому распространенію въ народѣ. Ходъ распространенія штундизма—географически-поступательный. Порядокъ въ сѣвнѣ состояній народнаго сознанія. Преданность Церкви и благочестіе большинства народа, любовь и почитательность его къ духовенству. Положеніе худшихъ людей въ приходѣ. Отношеніе всего вообще народа къ штундизму до личнаго съ нимъ знакомства и при первыхъ встрѣчахъ съ его проповѣдниками. Появленіе штундизма въ Таращѣ. Оживленіе штундовой пропаганды въ окрестностяхъ Таращи около 1878—79 г.г. Шумъ и толки въ народѣ по поводу штундизма: встрѣчи со штундистами на ярмаркахъ, въ мѣстахъ сборищъ православныхъ по праздникамъ и проч. толки крестьянъ между собою по поводу этихъ встрѣчъ. Первые соображенія и вербовка новыхъ послѣдователей штундизма между крестьянами; переходное сословіе въ приходѣ. Дѣйствія духовенства. Затрудненія его вслѣдствіе недостатка обстоятельныхъ свѣдѣній о штундизмѣ. Церковная проповѣдь и частныя бесѣды; недостаточность этихъ мѣръ. Обнаруженіе и усиленіе розни въ средѣ православныхъ.

Для будущаго историка штундизма въ нашемъ краѣ, полагаю, на первомъ планѣ будетъ стоять задача—показать болѣе или менѣе полно и обстоятельно то, какъ волны этой ереси, занесенной къ намъ изъ степей херсонской губерніи, разливались изъ центровъ поступательно во всѣ

*) См. Труды Киевск. д. Асад., январь и февраль 1884 г.

стороны, захватывая все большее и большее вокруг пространство. Весьма интересно, а главное — поучительно было бы для насъ и въ настоящее время такое изображеніе поступательнаго движенія штурдизма, хотя бы только напр. въ одномъ таращ. уѣздѣ: ибо очеркъ вѣшняго распространенія штурдизма въ извѣстномъ районѣ лучше всего могъ бы показать, чего должно ожидать также и повсемѣстно отъ сего еретическаго движенія. Я не берусь здѣсь за такое изображеніе просто потому, что не располагаю къ этому возможностью (которая для другихъ, конечно, есть). Но пусть этому крайне нужному и полезному дѣлу послужитъ и та малая крупница свѣдѣній по указанному предмету, которая находится въ моемъ распоряженіи.

Начну, съ указанія на то, что штурдизмъ имѣетъ весьма сильное стремленіе къ повсемѣстному расширенію. Въ немъ кроются смѣлые замыслы — вытравить повсемѣстно православіе, занять его мѣсто и стать господствующимъ: „якъ дасть Богъ“, постоянно твердятъ штурдисты, „то скоро всі будутъ такими, якъ і мы; тоді и церкви будутъ наші, і попы, и паны,—все буде наше... ось подождіть тілко трошки“... Насколько широки эти вождедвінія штурдистовъ, настолько же горячи у нихъ и стремленія къ ихъ осуществленію. Можно сказать, что штурдизмъ въ настоящее время старается всѣ свои наличныя силы приспособлять къ цѣлямъ своей пропаганды. Въ штурдовомъ обществѣ, получающемъ главное направленіе своей дѣятельности, безъ сомнѣній, откуда-то со стороны, считается великимъ дѣломъ совращеніе православныхъ. Тотъ штурдистъ, который особенно много усердствуетъ въ совращеніи православныхъ, пользуется у своей братіи большимъ почетомъ, нѣрѣдко достоинства того или другаго штурдиста опредѣляются количествомъ совращенныхъ имъ. Послѣ этого неудивительно то, если штурдистъ не пропуститъ ни одного случая, а напротивъ, всѣми мѣрами ищетъ и добывается того, чтобы уловить въ свои сѣти прозелита. Не знаю, вѣрять

ли тому, что нѣкоторые рьяные штундисты заходятъ иногда въ мѣста отдаленныя—съ нарочитою цѣлью—проповѣдывать тамъ свое евангеліе. Но несомнѣнно, что вывѣдыванье настроенія умовъ въ отношеніи къ штундизму, выслѣживанье удобныхъ для пропаганды обстоятельствъ и поиски за подходящими для нея лицами составляютъ первое и важное дѣло всякаго штундиста, попадающаго (намѣренно или случайно) въ какую-нибудь новую для него среду. Сужденія и сообщенія штундистовъ о какомъ-либо лицѣ или извѣстной средѣ почти всегда вертятся около вопроса: какъ много можно надѣяться на успѣхъ пропаганды? «Цей буде нашъ», или: «не нашъ», говорятъ всегда штундисты, желая характеризовать извѣстное лицо: и «зъ ціого, може, вийде що вибудь добре», а «той і той пагані»,— «гыдолы»... «не ждаты намъ зъ їх добра». Или еще: «тамъ попереду такой-то буде нашъ, а потімъ ще скілько, а послі побачимъ... Треба начинать...»¹⁾. Въ такомъ родѣ приблизительно но бывають и всѣ отзывы штундистовъ о людяхъ и мѣстахъ.

Какъ ни широки замыслы и нетерпѣливы стремленія штундизма къ своему расширенію, все же ему приходится въ этомъ случаѣ подчиняться условіямъ мѣста и времени. Обыкновенный путь распространенія штундизма географически-поступательный: изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ штундизмъ уже утвердился, онъ распространяется во всѣ стороны по мѣстамъ сосѣднимъ; по утвержденіи здѣсь, онъ идетъ въ слѣдующія и т. д., такъ что о распространеніи штундизма у насъ можно сказать еще, что оно совершается концентрическими кругами²⁾. Такой ходъ распространенія

¹⁾ „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратитъ хотя одного, и когда это случится, дѣлаете его снѣгомъ геенны, вдвое худшимъ васъ!“ Мѡ. XXIII, 15.

²⁾ Я говорю здѣсь о болѣе обыкновенномъ способѣ распространенія штундизма. Въ частности же бываетъ распространеніе штундизма и посредствомъ черезполосной пересадки. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь заочее лицо живетъ подолгу въ зараженной штундизмомъ мѣстности. Тогда оно можетъ само заразиться имъ и по возвращеніи на родину приняться за пропаганду его—сначала подпольную, а затѣмъ и явную; тамъ, конечно, повторяется Чаплинская исторія основанія и утвержденія штундизма Балабагомъ.

болѣе естественъ и болѣе возможенъ для штундизма, при томъ рѣзкомъ противорѣчїи его нашей Церкви, которое всякому бросается въ глаза сразу, при первой встрѣчѣ съ нимъ. Чѣмъ больше противоположность штундизма нашей Церкви, тѣмъ больше приходится ему работать надъ сокрушеніемъ вѣры въ нашемъ народѣ и любви его къ Церкви. Нужно продолжительное воздѣйствіе на православныхъ, чтобы они могли наконецъ сбиться съ пути и попасть въ разставленные для нихъ сѣти. Такое же постоянное и продолжительное воздѣйствіе возможно бываетъ чаще въ отношенїи къ сосѣдямъ. Уже выше сказано о томъ, кто среди нашего простаго народа болѣе склоненъ поддаваться еретическому оболъщенію. При сосѣдствѣ съ зараженными мѣстами, при болѣе или менѣе частыхъ сношенїяхъ и встрѣчахъ съ еретиками, эти слабыя братья наши рано или поздно, но непремѣнно совратятся ¹⁾).

При поступательномъ движенїи штундизма, нашъ православный народъ переживалъ различные моменты болѣе или менѣе важные, болѣе или менѣе рѣшительные какъ для него самого, такъ и для Церкви. Постараюсь же начертать общую картину тѣхъ состоянїй, которыя пережилъ нашъ народъ, переходя отъ искренней сыновней любви къ Церкви и всеобщаго равнодушїа къ штундизму постепенно къ примиренію, благорасположенію и даже въ некоторомъ охотному вниманію новому ученію, вмѣстѣ съ охлажденїемъ нѣкоторой части народонаселенїа къ православной вѣрѣ.

Пока штундизмъ былъ далеко отъ насъ, народъ нашъ былъ почти такимъ, какимъ видѣла его вѣковая исторїа—

¹⁾ Поэтому въ значительной степени ошибочно то мнѣніе, будто бы штундизмъ прививается къ тому или иному приходу исключительно въ зависимости отъ того, достоинъ ли здѣсь священнослужитель или нѣтъ. Штунда въ большинствѣ случаевъ распространяется у насъ, идя впередъ слѣпо, не разбирая того, кто какъ строитъ дѣло Божїе, — небрежно ли, или же со всею вниманїемъ и старанїемъ. Для штундиста православїе вездѣ есть азычество, а священникъ всякій есть жрецъ, или даже болѣе того... Что касается прихожанъ, то я сомнѣваюсь, чтобы въ какомъ нибудь приходѣ хотя бы при самомъ лучшемъ пастырѣ не было и худыхъ овецъ.

крѣпкій въ православной вѣрѣ и неизмѣнный въ отноше-
 нии къ своей народности. Я уже выше сказалъ, чего глав-
 нымъ образомъ нашему народу въ его новомъ положеніи
 недоставало. Это—образованіе. Зато въ немъ было вѣчто
 другое, что въ вѣкоторомъ родѣ могло восполнить это не-
 достающее. Живя въ простотѣ сердечной и страхѣ Господ-
 немъ, онъ питалъ въ себѣ искреннее благочестіе (которое,
 по Апостолу, на все полезно). Не задавался, правда, онъ
 такъ многими вопросами относительно своей вѣры, за то
 больше молился, трудился. Не много онъ умствовалъ, за то
 въ сердцахъ его было меньше лукавства;—за то въ немъ
 не видно было и признаковъ того убѣжденія, что языкомъ
 все можно доказать или опровергнуть, лишь бы „лепетать“
 побольше. Не много онъ думалъ о тѣхъ высокихъ дарахъ,
 которыми надѣлилъ Господь духъ нашъ—„объ разумѣ и
 свободѣ“;—за то онъ зналъ свое назначеніе и соблюдалъ
 мѣру и порядокъ во всемъ: не превозносился много въ
 сердцахъ, не надѣвался умомъ; былъ терпѣливъ въ несеніи
 своихъ обязанностей, послушенъ въ отношеніи къ властямъ
 вообще, въ отношеніи же къ старшимъ по Христу,—пре-
 свитерамъ церковнымъ, отцамъ своимъ духовнымъ, былъ
 особенно почитателевъ. Въ смиреніи и простотѣ своей онъ
 болѣе памятовалъ Бога, проникнуть былъ любовію къ Нему,
 свѣтлымъ упованіемъ на Него. Согрѣшалъ-ли противъ кого,
 самъ ли обиженъ былъ, радость ли и успѣхъ Богъ посы-
 лалъ—всегда первая мысль и слово его были къ отцу щед-
 ротъ—Богу: „Боже, прости меня,—помилуй меня, Господи.—
 слава тебѣ, Господи милосердный“... и т. д.—вотъ обычныя
 выраженія въ народѣ, вырвавшіяся изъ глубины святой и
 чистой его сокровищницы. Да и не пустымъ, празднымъ
 было это слово. Искренне каялся онъ, горячо молился, ра-
 достно благодарилъ. Пусть богослуженіе было ему несо-
 совершенно внятно, языкъ богослужебный не въ каждомъ
 словѣ понятенъ, чтеніе въ храмѣ не вездѣ было безупречно,
 пѣніе тоже не отличалось особеннымъ искусствомъ... Но

посмотрите, что это такъ могуче тянуло нашъ народъ въ Домъ Божій, что наполняло священное мѣсто общаго собранія вѣрующихъ нѣкимъ таинственнымъ движеніемъ, подобнымъ носимому дыханію бурны? Что это заставляло его обращаться къ молитвѣ церкви какъ можно чаще,—по возможности во всѣхъ необычайныхъ—радостныхъ или скорбныхъ—событіяхъ въ своей жизни? Если глубокая религіозность въ нашемъ народѣ обнаруживалась въ обычное время, то еще сильнѣе обнаруживалась она въ особенныя церковныя времена и дни: посты строго имъ соблюдались,—и не въ одномъ только воздержаніи отъ пищи состояли; говѣніе не одной формальностью было: не въ хожденіи лишь въ церковь въ продолженіи нѣсколькихъ дней состояло, а въ усиленіи подвиговъ молитвы, поста, покаянія; и едвали кто дерзалъ давать Создателю лобзаніе лудино, недостойно принимая тѣло и Кровь Христову. И послѣ сихъ подвиговъ, приспособленныхъ обыкновенно къ воспоминаванію какихъ-нибудь важныхъ событій изъ исторіи спасенія рода человѣческаго, самое содержаніе которыхъ къ сямъ подвигамъ располагаетъ, народъ праздновалъ какое-нибудь великое и всерядостное событіе. Это именно былъ въ нашемъ народѣ праздникъ, очищенный постомъ, молитвою, покаяніемъ и причащеніемъ, онъ съ сіяніемъ радости и торжества въ лицѣ, съ благодатію въ сердцѣ, съ красой и блескомъ въ одеждѣ охотно шелъ въ храмъ—воздать хвалу и благодареніе Господу. И сколько утѣшенія получалъ онъ въ сей день! Нѣтъ, не грубое суевѣрное значеніе имѣла для народа (равно какъ и для всѣхъ насъ) церковная обрядность, а она была великой школой, воспитывающей народъ въ благочестіи. Относясь съ благоговѣніемъ къ Церкви, народъ благоговѣлъ и къ своимъ пастырямъ. Не считалъ онъ ихъ безгрѣшными, да этого отъ нихъ и не требовалъ до тѣхъ поръ, пока не вкрался въ его нравы обычай пересушивать, осмѣивать, да пустословить. За то онъ чтить ихъ савъ: онъ видѣлъ въ нихъ служителей Божіихъ и совершителей святыхъ. Не было случая, чтобы,

встрѣтившись со священникомъ, онъ прошелъ мимо, не принявъ отъ него благословенія; съ обнаженной головой онъ говорилъ съ нимъ, рѣчь и отношеніе къ священнику во многомъ напоминали сына предъ своимъ отцемъ. Съ любовію выслушивалъ онъ его совѣты, съ послушаніемъ и терпѣніемъ онъ принималъ его обличенія, прещенія и выговоры. Ссора-ли въ дому,—идуть съ жалобой къ батюшкѣ, обида ли отъ сосѣда, опять туда же, и не думалъ кто бы то-ни было отрицать права священника на умиротвореніе ссорящихся, обличеніе обидащаго, защиту слабого, укоръ прегрѣшившаго: „вы жъ, батюшка,—отецъ въ нашому селі; въ ці парафіи, мы васъ слушаца повинні,—скажить що небудь отому й отому, щобъ вони не були таки распустни“... Жалобой „до батюшки“ бывало прихожане и взаимно—другъ другу грозили. И судъ батюшки имѣлъ всегда благотворное на нихъ вліяніе.—Таковъ былъ нашъ народъ или, лучше сказать, таково было большинство народа! И эта большая часть народа ни за что не могла вдаться чуждому ученію, ни смутиться при встрѣчѣ съ симъ ученіемъ.

Были, правда, у насъ, какъ думаю, и вездѣ люди худшіе: были склонные къ пустословію, лѣнивые къ исправленію христіанскихъ обязанностей,—посвщенію обычнаго общественнаго богослуженія, совершенію обычной частной молитвы, а тѣмъ болѣе—совершенію чрезвычайныхъ подвиговъ—поста, говѣнія, продолжительнаго церковнаго служенія Господу,—равнодушныя къ церковнымъ интересамъ прихода, державшіяся, по возможности дальше отъ отца своего духовнаго. Это тѣ худшіе люди, о которыхъ я выше говорилъ,—бѣдные, без-или мало-земельные, занимающіеся какимъ-нибудь особымъ промысломъ, соединеннымъ съ частыми болѣе или менѣе продолжительными отлучками изъ дому и роднаго села. Я не причисляю сюда всѣхъ поголовно бѣдняковъ: случались и между ними счастливыя исключенія. Таковыми были въ особенности тѣ, которые имѣли или на-

ходили какую-нибудь возможность поддерживать себя дома, въ своей деревнѣ, такіе и понынѣ весьма нерѣдко представляютъ изъ себя людей богобоязненныхъ, добродѣтельныхъ, послушныхъ, отзывчивыхъ ко всякой нуждѣ—частной и общественной, готовыхъ на всякое пожертвованіе своею трудовой копѣйкой, скуднымъ добромъ своимъ, или личнымъ трудомъ, гдѣ только таковое пожертвованіе нужно. Но я разумѣю здѣсь именно ту (кажется, новую) породу среди бѣдняковъ нашихъ, которая имѣетъ свой особый типъ,—„житейско-практическій“, выработавшійся въ нихъ среди постоянныхъ шатаній для заработковъ по различнымъ колоніямъ, фабрикамъ, заводамъ, экономіямъ и пр. Постоянныя отлучки изъ дому и жизнь на свободѣ, т. е. виѣ всякой регуляціи и нормировки со стороны исконныхъ началъ народной жизни, способствовали отрѣшенію сихъ людей отъ этихъ началъ; а постоянныя столкновенія (на матеріальной, экономической) почвѣ этихъ людей съ личностями иновѣрными либо иноплеменными способствовали еще болѣе обезличенію этихъ людей въ національно-религіозномъ отношеніи и подготовили сближеніе такихъ людей съ тѣмъ, что совсѣмъ несродно русской душѣ. Это типъ въ высшей степени замѣчательный сочетаніемъ значительнаго своекорыстія, религіознаго вольномыслія, разсѣянности, безпечности и нѣкотораго тщеславія, желанія хвастнуть, порисоваться предъ коренной деревенщиной,—хорошей, но весьма обыкновенной,—поглумиться надъ своими собратіями честными, искренними и добрыми, но простыми и непосредственными. Понятно, что такіе люди, прибывая домой для временнаго жительства, не могли быть такими же, какъ другіе, коренные жители. И во первыхъ, для такихъ людей уже нѣтъ той живой и сильной потребности къ посѣщенію богослуженія, говѣнію, пощенію и вообще совершенію обрядовой стороны вѣры, которая существуетъ у осѣдлаго населенія. Если эти люди идутъ въ храмъ, участвуютъ въ тѣхъ или иныхъ обрядахъ, то дѣлается это скорѣе „ради компаніи“,

а не для удовлетворенія внутренней потребности. Хорошо же еще, если такіе люди будутъ такъ вести себя, что не вызовутъ противъ себя упрековъ. Однако нужно замѣтить, что рѣдкій избѣжитъ глаза людскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и суда и укоризны со стороны общества, священника и присныхъ по плоти. Общество назоветъ его „недобрымъ“ и „поганимъ человѣкомъ“, станетъ говорить про него, что „онъ Бога не знаетъ и не боится“, священникъ при встрѣчахъ станетъ корить его и усовѣщать, жена тоже примется досаждать своему главѣ, покоя ему не даетъ своими упреками. Вотъ напр. семейная сценка съ натуры въ воскресный день. Мужъ по обыкновенію не пошелъ въ церковь, и одѣтый сидитъ безъ дѣла въ хатѣ. Жена хлопочетъ по хозяйству. Сама бы она пошла въ церковь, да ей нельзя, нужно обѣдъ готовить. Однако, досадно ей, что мужъ ей нейдетъ молиться и здѣсь торчитъ безъ дѣла. „А, Боже мій; що ты собі думаешь, К—мо? чомъ ты до церкви не підешь? щей цыгарку курышь до службы? га? чы ты Бога не боишься? побачышь, побачышь,—нагаже тебе Господь...“—„Чого я піду до церкви? не бачивъ тамъ попа твого, чи що?“—Жена настаиваетъ: «якъ же можно... таже сегодня недѣля свята... люды молятся, а ты якъ та нечиста сыла, и въ церкву не покажешся...»—«Ну, то я й тутъ помолюсь, въ хаті, чого я піду?..»—„Покынь ту цыгарку, нависный... на що вона здалася тобі? Осе та й осе, накурывъ повнісіньку хату... а же щей на „достойно“ не дзвонили...“—„А, чого ты начыпылась на мене, сяка-така дочко? Одчыпысь, нехай тебе дыха годына візьме“, говоритъ мужъ... „Хыба не все ідно, що до „достойно“, що після?... Чого ты вчыпылась до мене, якъ те щеня... Піду зъ хаты“... Скажетъ, и уйдетъ изъ хаты доканчивать „цыгарку“ свою. Подобныя же сцены случались (и случаются) изъ-за поста, говѣнія и пр. Безпечная, лѣнивая и похотливая природа не хочетъ ни воздерживаться, ни каяться, ни молиться.. Заработки отлучиди отъ этого. А тутъ непременно

нужно и поститься и Богу молиться утромъ и вечеромъ и говѣть: а то проходу отъ людей не будетъ,—засмѣютъ и засудятъ; не исправишься,—смотрѣть на тебя не будутъ, сторониться станутъ, какъ отъ нечистаго. Но особенно тяжелы такому крестьянину тѣ обязанности, которыя соединены съ извѣстными матеріальными жертвами: погребеніе, браковѣчаніе, говѣніе и др. таинства и обряды совершаются за извѣстную положенную плату; затѣмъ бываютъ весьма нерѣдко налоги на какія-нибудь нужды церковныя, напр. починку церкви, ограды, дома священническаго, школы и пр. Для человѣка, который никакихъ другихъ интересовъ знать не хочетъ, кромѣ интересовъ житейскихъ, практическихъ, крайне непріятны бываютъ такіе сборы, хоть бы у него и была возможность, чѣмъ заплатить, онъ постарается уклониться, наобѣщавши много и не давши ни гроша, или на отрѣзъ заявивъ, что платить не станетъ. Таковы-то тѣ люди, о которыхъ я въ началѣ говорилъ,—выросшіе внѣ условій общей народной жизни.

Такихъ людей, вообще говоря, у насъ было очень мало. Но они несомнѣнно были, и имѣли важное значеніе въ послѣднее время, какъ готовые элементы къ воспріятію чуждыхъ и враждебныхъ православію идей. Можно сказать еще, что такіе люди никогда не переводились у насъ: ибо, и по Писанію, въ дому Божіемъ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные. Разница только между прошедшимъ и настоящимъ временемъ у насъ та, что прежде эти сосуды такъ и принимались здѣсь всѣми за деревянные или глиняные, а теперь явились у насъ мудрые серебрянники и золотари, которые, обмазавъ ихъ наскоро какимъ-то фальшивымъ золотымъ составомъ, или натерши серебрянымъ секретнымъ порошкомъ, съ шарлатанскимъ выкрикиваньемъ вынесли эти сосуды изъ послѣднихъ мѣстъ, и поставивъ ихъ впереди, стали увѣрять, что это и есть самое настоящее золото и серебро. (Благо же—явились крикуны-благопріятели изъ людей мнящихся умными и

даже изъ лицъ, власть имѣющихъ. Это своего рода рекламаторы). То впрочемъ теперь такъ, а первоначально у насъ на такихъ людей запроса совсѣмъ не было; съ ними не церемонились, никто не думалъ въ отношеніи къ нимъ деликатничать: всѣ на нихъ смотрѣли какъ на рабовъ дѣнивыхъ и лукавыхъ, ненадежныхъ какъ въ религіозномъ, такъ и въ нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. При такомъ отношеніи окружающей среды, трактуемая здѣсь личности, не смотря на свое развращеніе, (которое было собственно легкомысліемъ), все-таки старались быть такими же, какъ и „другіе добрые люди“; хотъ „ради жены да дѣтей такой и Богу помолится, хотъ въ присутствіи другихъ—перекрестится, хотъ для компаніи“, а все-таки пойдетъ въ церковь, особенно въ годовые праздники, и споситса и отговѣтса. Само собой разумѣется, что въ такомъ положеніи чловѣкъ не погибъ еще,—что для него всегда возможно бывало и исправленіе. Если такой чловѣкъ на заработкахъ еще не заразился ересью, то здѣсь, въ своемъ домѣ, въ своемъ родномъ селѣ не могъ онъ даже подумать объ отпаденіи, какъ бы тамъ легкомысленъ онъ ни былъ. Всякій въ частности въ деревнѣ боится едва ли больше, чѣмъ чего другаго на землѣ, суда людскаго, а этотъ судъ не медлилъ съ своимъ приговоромъ даже за простую лѣность, небреженіе и легкомысленное уклоненіе отъ исполненія христіанской обязанности. Что же сказалъ бы этотъ судъ всякому бого-или-вѣро-отступнику?..

Итакъ, вообще говоря, наша простонародная среда въ началѣ была проникнута страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ и всецѣло предана православной церкви. Не удивительно поэтому и то, что когда наша крестьяне въ первый разъ услышали о штундистахъ, а потомъ и встрѣтились съ ними, то отнеслись къ нимъ съ достойнымъ осужденіемъ и отвращеніемъ. Сперва, я помню, крестьяне даже не любопытствовали знать въ подробности, что такое это за штунда; а узнавши одну какую либо про ихъ ученіе част-

ность, (напр., что они въ церковь не ходятъ, не дѣлаютъ на себѣ крестнаго знаменія, надъ иконами и крестомъ ругаются постовъ не держатъ...) съ благоговѣйнымъ чувствомъ, отклоняли даже рѣчь объ этомъ: „Повелось теперь всего на свѣтѣ... Це, мабутъ, ті роблять, що зовсімъ Бога не бояця; теперь, кажуть, уже багацько такихъ есть,—ось навить въ Цара начали вже стрѣлять... Богъ зъ нымы! Намъ колыбъ душу свою спасти... А же батькы наші якось жылы, а намъ чого ще треба“?... Если же случалось встрѣчать самыхъ штундистовъ, заходившихъ въ наши мѣста прямо съ пропагандистской цѣлю, или же какъ нибудь случайно къ намъ попадавшихъ, то крестьяне иначе не смотрѣли на нихъ, какъ на невѣрныхъ, считали ихъ чуть ли не за одержимыхъ духомъ нечистымъ, отрекшались отъ нихъ и отмаливались¹⁾; въ случаѣ же упорства и крайней навязчивости еретиковъ-пропагандистовъ (которые въ фанатическомъ ослѣпленіи лѣзли прямо на приступъ) народъ не думалъ церемониться съ благовѣстниками. Лѣтъ около 10 назадъ въ хорошо извѣстную намъ деревню Болкувъ (тогда принадлежавшую къ с. Керданамъ) пришли пропагандисты штундизма, или какъ они сами себя величаютъ, апостолы. Здѣшніе крестьяне,—люди, какъ и вездѣ у насъ, богобоязненные, крѣпко привязанные къ православію. Выслушавъ штундистовъ, они сказали: „хто васъ знае, що вы намъ кажете, чы воно такъ треба, чы инше; здаеця, що вы брешете; алы жъ вы насъ не підманите... Ось, ходімъ лышынь до нашего батюшкы, вінъ васъ добре разбере, та й намъ розскаже. Якъ буде правда, то й мы повіримо вамъ. А якъ же вы насъ дурите, то тоді, глядїть, недобрувать вамъ“... Апостолы сообразили, что имъ нечего здѣсь теперь дѣлать, и поспѣшно убрались отсюда по добру и по здорову. Думаю, что такая же имъ встрѣча и вездѣ была. Я не знаю примѣра, чтобы штундизмъ гдѣ-нибудь

¹⁾ Немножко припоминается здѣсь приключеніе Соловїнцивъ по дорогѣ „въ Полїсса“.

утвердился сразу, лишь только явились его проповѣдники,— возникъ бы, такъ сказать, ex abrupto, безъ предварительной подготовки въ самомъ настроеніи общества. Не дни, не мѣсяцы, а цѣлые годы должны были пройти прежде, чѣмъ совершилась перемѣна въ настроеніи нашего общества, и началась безпощадная и почти безпрепятственная со стороны самаго народа ломка священныхъ идей и опустошеніе въ вѣковомъ содержаніи духа. Эта же перемѣна совершалась тѣмъ скорѣе, чѣмъ ближе къ намъ приближался штундизмъ.

Почти одновременно съ самой горячей порой штундизма въ Чаплинкѣ, К.—вѣ, Плескѣ, явился онъ и въ г. Таращѣ. Сколько ихъ тамъ было сразу, сколько ихъ даже теперь, сказать не могу. Знаю только, что одними изъ первыхъ послѣдователей были солдатъ Старинскій и мѣщанинъ Мовчанюкъ. Старинскій, въ качествѣ десятискаго, служилъ при помощникѣ пристава Поповѣ, прикомандированномъ въ Чаплинку для надзора за штундистами. Заразившись самъ штундизмомъ, онъ, если вѣрить стороннимъ рассказамъ, заявилъ своему начальству объ этомъ открыто, получилъ отставку и спокойно поселился въ Таращѣ въ своемъ домѣ—на Лысой горѣ. Слухи ходячіе тогда же утверждали, что въ штундизмъ здѣсь перешло семейство болѣе 10. Впрочемъ, быть можетъ, эти слухи тогда въ самомъ дѣлѣ напраслину наводили на Таращанскій приходъ. Ибо, помнится мнѣ, когда эти слухи перешли въ печать (по поводу подвиговъ въ Таращѣ пресвитера Козловскаго— „Кіевлянинъ“, № и года не помню—приблизительно 75-й или 76-й годъ), то со стороны тѣхъ, кому это извѣстіе болѣе всего рѣзало въ глаза, было энергическое опроверженіе. Что касается настоящаго времени, то, кажется, штундистовъ въ Таращѣ стало больше. Въ послѣдніе годы Таращанскіе штундисты особенно замѣтно закопошились. Слышише стало про ихъ собранія. Громче стали слышатся ихъ нападенія на церковь Христову. Больше смущенія

немоцныхъ совѣстей производили. Мнѣ, кажется, это оживленіе штундизма отъ двухъ главныхъ причинъ произошло. Во первыхъ, штундизмъ увидѣлъ себя болѣе свободнымъ и безопаснымъ, чѣмъ прежде, со стороны мѣстнаго общества и мѣстной власти. До послѣдняго времени онъ сидѣлъ въ Таращѣ тихо, потому что еще его положеніе было не твердо: онъ не окрѣпъ еще внутренно и не могъ себѣ всего позволить въ отношеніи къ Церкви; какъ ни расположены были штундисты на первыхъ порахъ къ разнаго рода безобразіямъ, все же еще имъ нельзя было безнаказанно совершать иконоборческія и богохульныя выходки у себя дома и по другимъ окрестнымъ мѣстамъ. Для нихъ было добромъ и то, что общество ихъ терпитъ и принимаетъ, — нужно было ждать, пока общество совсѣмъ свыкнется и примирится съ ихъ существованіемъ. Къ тому же и полиція на первыхъ порахъ больше была на сторожѣ, нужно было ждать болѣе прохладныхъ вѣтнй, которыя не такъ давно для нихъ и наступили. Это одно. Во вторыхъ, штундизмъ увидѣлъ себя болѣе сильнымъ въ нашей мѣстности численно, чѣмъ прежде. До послѣдняго времени Таращанскій штундизмъ былъ совсѣмъ изолированъ отъ остальной братіи. Послѣдователи штундизма, кромѣ Таращи, были пока еще только въ центральныхъ селахъ, которыя отъ Таращи за 50—60 в. (Самые эти послѣдователи еще тоже не окрѣпли въ своемъ ученіи, и тоже еще дѣйствовали не смѣло: нечего, значить, было и Таращанскимъ штундистамъ вѣличаться. Нужно было притихнуть до времени). Но вотъ, въ теченіе 10 лѣтъ штундизмъ центральныхъ селъ потихоньку разлѣзся по сосѣднимъ мѣстамъ, утвердилъ въ нихъ свои факторіи и черезъ рядъ посредствующихъ селъ приблизился къ Таращѣ. Естественно было какъ Таращанскимъ штундистамъ, такъ и живущимъ по другимъ селамъ почувствовать свою силу, воспламениться новымъ энтузіазмомъ и приняться за пропаганду съ новою энергіею и большею дерзостію. По нашему наблюденію, особенное усиленіе штун-

довой пропаганды въ окружности Таращи или—еще точнѣе— на углу уѣздовъ Таращанскаго, Каневскаго и Васильковскаго обнаружилось года три или четыре назадъ около 1878—79 гг., хоть уже и раньше замѣтна была нѣкоторая тревога въ общественномъ сознаниіи. Нерѣдко случалось у насъ и до 1878—79 гг. слышать въ средѣ простаго народа рассказы, сужденія и толки относительно штундистовъ. Передавали другъ другу наши крестьяне о встрѣчахъ со штундистами, разговорахъ съ ними объ ихъ обыкновеніяхъ въ жизни и пр.; но все это большею частію дѣлалось спокойно, безъ шума и страстности. Случалось иногда слышать между крестьянами и споры по поводу штундизма. Но здѣсь почти всегда шло дѣло не о томъ, хорошъ ли штундизмъ или нѣтъ, а только о томъ, какіе въ немъ порядки, обыкновенія и въ чемъ вообще состоитъ онъ. Къ 1878—79 гг. тревожное состояніе умовъ въ нашей мѣстности замѣтно усилилось. Штундизмъ сталъ громко возглашать свою проповѣдь; въ то же время въ средѣ народа стали обнаруживаться признаки и примѣры шаткости однихъ и крайней тревоги другихъ. Штундизмъ сталъ почти единственнымъ предметомъ разговоровъ среди простаго народа. Проповѣдники штундизма не пропускали ни одного случая, чтобы завести рѣчь о православіи и съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, нападали на церковь нашу, выступая съ самыми наглыми ругательствами и издѣвательствами надъ нею. Частныя встрѣчи съ православными никогда и прежде не обходились безъ штундовой проповѣди. Теперь же особенное вниманіе пропагандистовъ штундизма обращено на мѣста многолюдныхъ собраний: торги, ярмарки, корчмы, праздничныя сходки „добрыхъ людей“ и проч. Особенно ярмарки были временемъ оживленной пропаганды въ народѣ. Ярмарки у насъ вообще имѣютъ важное значеніе, какъ мѣсто и время обмена не только естественныхъ произведеній нашего „околотка“, но и обмена мыслей, духовнаго общенія: сюда ѣдутъ не только съ тѣмъ, чтобы продать и купить, но и съ тѣмъ,

чтобы повидѣться съ знакомыми, подѣлиться новостями, по судить на счетъ того или другаго вопроса текущихъ дней. Ярмарки, отрывая нашего поселянина отъ ежедневной монотонной жизни, развлекають его и вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ его лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что есть, живетъ и дѣйствуетъ вокругъ него. Недаромъ наши крестьяне и крестьянки съ такою охотою съѣзжаются сюда. Какая бы ни была пора, рабочая ли или праздничная,—все одно. Народъ массами валитъ въ городъ: села въ это время почти совсѣмъ пустѣютъ... Вотъ такое-то время по преимуществу пропаганда избирала для смущенія народа и обольщенія его. Еще задолго до этого времени—т. е. до 1879 г., приходилось видѣть не разъ въ ярмарочное время пресвитера Козловскаго, стоявшаго на распутіи изъ Таращи въ с.с. Керданы, Троцкое и Синяву, очевидно, съ тою цѣлю, чтобы завести рѣчь съ кѣмъ нибудь на свою тему¹⁾. Съ оживленіемъ же штундизма въ Таращѣ (ок. 1879 г.), думаемъ, ни одной ярмарки въ Таращѣ не обходилось безъ самой го-

¹⁾ Этотъ „апостоль“ явился съ проповѣдью тогда еще, когда общество въ Таращѣ не было приготовлено развращающими толками ко вниманію къ новому ученію. Поэтому и слово его „пало на каменистую почву“, а въ довершеніе всего за свои неуѣренность въ благовѣстіи онъ „принялъ гоненіе“. Дѣло было такъ. К—ій, говорить, открыто ходилъ по домамъ съ проповѣдью, вступалъ въ публичные разглагольствованія на площадяхъ, грозилъ въ короткій срокъ отнять штундистами Таращанск. соборъ и пр. Не долго однако ему пришлось такъ подвизаться. Однажды онъ явился въ домъ городского надзирателя Недзвѣдкаго. Здѣсь случилось быть въ то время въ числѣ другихъ и мнѣ. К—ій явился сюда подъ предлогомъ „поздравленія хозяина съ радостью“. (Это было послѣ свадьбы надзирателя). Испросивъ у хозяевъ разрѣшенія „Богу помолитса“, онъ сталъ на колѣна (оборотася лицомъ въ сторону отъ насъ) и со слезами на глазахъ и дрожью въ голосѣ (естественной или искусственной, Господь его знаетъ), сталъ читать молитву. Молитва эта была нѣчто въ родѣ проповѣди, составленной изъ разныхъ стиховъ и отрывковъ Апостольскихъ посланій, притомъ составленной такъ, что было здѣсь и прѣвѣтствіе, была и главная часть, было и заключеніе. Послѣ молитвы, у насъ завелся разговоръ съ К—мъ. Онъ выдавалъ себя за „православнаго“, однако же изъ разговора съ нимъ оказалось, что онъ гналъ, ибо возставалъ противъ Церкви. Онъ называлъ себя „апостоломъ“, „святимъ“, „пророкомъ“, „священникомъ“, указывая на какое-то таинственное преемство своей власти и званія отъ апостоловъ Христовыхъ; постигъ

рячей пропаганды. Вотъ одинъ изъ тарашавскихъ штундистовъ стоитъ на торгу, видимо безъ всякаго дѣла, а на самомъ дѣлѣ выжидаетъ лишь случая заговорить „о нашій вірі“ съ тѣмъ или другимъ. Вотъ, другіе такъ же завѣдомые агитаторы штундизма собрались въ компаніи, перешептываются о чемъ-то, таинственно поглядываютъ по сторонамъ. А вотъ еще одинъ изъ нихъ, окруженный толпою крестьянъ, толкуетъ имъ, какъ „попы народъ дурять“, ради своей корысти, какъ они „бремена возлагаютъ тяжкія и неудобовосимыя, а сами и перстомъ тронуть не хотятъ“... доказываетъ, что „ваші попы—и Самого Христа распялы, воны и вась, люде добрі, навчають Христа распинать“... „Якъ?“ спрашиваютъ съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ слушатели. „Що ты брешешъ?“... „А отъ же вамъ: „они снова распинають Сына Божія и ругаються Ему“ (Евр. 6, 6). Га? отъ вамъ що Слово Божіе каже!... Воны й зновъ роспывають Христа, та щей ругають Его, бо воны сами христяця, другихъ христять, тай ще навчають другихъ христиця“... Тутъ слѣдуютъ толкованія съ разными примѣненіями и примѣрами. Слушатели различно относятся къ проповѣди: одни ругають проповѣдника и въ споръ вступають, другіе раздумываютъ: „Богъ его зна, що вінъ каже. Алыжъ дывысь—і чыта съ книжки и такъ наче до ладу приказуе“... Наконецъ, бываютъ и такіе, которымъ рѣчь эта и очень кстати: „не треба нічого; не треба ні церкви, ні сповіді, не треба попа, не треба въ его і причащаця... э, э... чимъ не добре?“... Мало по малу эти послѣдніе поддакивать начинаютъ. Народъ слушаетъ, слушаетъ, въ Церкви называлъ лицемѣріемъ (рѣчь велась за столомъ; а день былъ постный—пятница), необходимость иконъ для себя лично отвергалъ, ссылаясь на непосредственное явленіе очамъ его Господа І. Христа и Матери Его... Солидарность со штундистами онъ отвергалъ, но былъ здѣсь же уличенъ въ противномъ. Въ разговорѣ съ нами онъ показалъ себя дерзкимъ, приставалъ ко мнѣ чуть не съ кулаками за то, что я осмѣлился ему противорѣчить. Впрочемъ я разстался съ нимъ мирно, довольствуясь его неудачей. Мнѣ сообщали потомъ, что за грубость и пропаганду онъ посаженъ былъ подъ арестъ (кажется на сутки). Неудивительно, если послѣ этого онъ уже не осмѣливался въ самомъ городѣ проповѣдывать.

да такъ и расходится: „чуманіе“, какъ говорится. Наслушавшись такой проповѣди въ ярморочное, а то и въ другое время, крестьяне снова принимаются за свои дѣла, а между тѣмъ, глядь, среди дѣла опять заводится у нихъ разговоръ о штундѣ, и при томъ уже безъ всякаго участія и вызова со стороны пропагандиста. „Ну, що-то теперъ повелось на свѣті Божому? Куды воно це приходиця? Верзе щось таке, що й купы не держиця: алы въ мене ажъ волосъ на голові сторчъ ставъ“...—говорить одинъ изъ крестьянъ гдѣ-нибудь въ полѣ или на сѣнокосѣ къ другимъ.—„Богъ его зна.. Кажуть, що нібы вони зъ чортами знаюци, нібы-то імъ куций грошей богацько дуже надіае, то за те нібыбъ то бере зъ їхъ рѣсписку, що бѣ Христа цурались... О тожъ вони черезъ те і церкви святої цураюця, і не говіють, і ікони выкидають, та ще й зъ насъ сміюця“... , говорить другой.—„Що вы, дядьку, говорыте?“ вмѣшивається третій, сравнительно молодой, „то такъ собі люде на їхъ наговорють. А воно—слушайте—оці штунды такі самі добрі люде, якъ і мы. Чого не наговорать про ихъ?... А же жъ і вони такужъ Еванголію мають, якъ і мы... А слухалы жъ вы, якъ хороше говоривъ вінъ, та все одъ пісьма,—не одъ себе, каже, говору, а отъ Божого Слова“...—„Ну, де вже, воно, добрі люде, колы воно Креста ломае. Верзешъ ты казна що! А же то нечиста сыла тілько одъ Креста цураетца. Правда, що вінъ чита щось таке, якъ каже... Алежъ, якъ вінъ робить паскудно, то такъ мабутъ вінъ и чита“...—„Ба ні, аже А—нъ заглядавъ въ квыжку (вінъ же таки трохи пісьменный); каже, що такъ... Ні, мабутъ, воно такъ приходиця, якъ вінъ казавъ“...—„Ә, зъ тебе, бачу, небоже, великый штундага буде... чи ты жъ хйба не чувъ, що батюшка въ церквы казавъ?“...—„Що таке?“—„А що до церкви молыца ходить треба, що говіть треба, що икони, та Хрестъ чтити треба... Бо такъ зъ давнихъ поръ було—отъ святіхъ отцівъ такъ принято, та і въ Еванголіи, чи то такъ въ Быбліи объ ціому е“...—„Щіпъ якъ говорыть,

то все на память, може вінъ и не те чита; а той—чулы— якъ читавъ съ книжки? Та й те ще—чи чулы вы, що той казавъ, нібыбъ то піпъ все це за ддя себе говоритъ?“— „Ну, побачишь, побачишь, перейдешъ ты ще й того, що на ярмарку дуже репетувавъ“..., говорить православный. Тѣмъ обыкновенно разговоръ и кончается.

Молодой крестьянинъ, объявившійся защитникомъ пропагандиста, не съ проста взялся его защищать. Онъ дѣйствительно, человекъ не надежный, ибо принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые не могли усвоить и полюбить свое, и при своемъ легкомысліи и разсѣянности, очень падки на всякую новинку. Штунда заняла его очень. Однако онъ еще боится обнаруживать себя приверженцемъ ея открыто. Нужно время для того, чтобы его расположеніе реализовалось и окрѣпло. Замѣчаніе, сдѣланное ему съ упрекомъ, невразумило его; а напротивъ, еще больше поддало огня въ его дотогѣ будто бы безопасную душу. Онъ еще прежде съ завистію смотрѣлъ на то, какъ человекъ, который прежде вичѣмъ особеннымъ не выдѣлялся, кромѣ дѣяности и эгоизма¹⁾,

¹⁾ Полагаю, что находящіеся здѣсь рѣзкіе отзывы о тѣхъ, которые склонны къ переходу и переходятъ въ штундизмъ, вызовутъ противъ себя возраженія не только со стороны тѣхъ, для которыхъ штундисты абсолютно хороши, но и со стороны тѣхъ, которые желаютъ быть безпристрастными въ судѣ надъ этимъ движеніемъ въ средѣ нашего народа. Одни, пожалуй, скажутъ, что въ штундизмъ переходитъ лучшая часть нашего народа, самый цѣтъ его,—что это люди, искавшие и не нашедшіе себѣ удовлетворенія въ господствующей церкви и что, слѣдовательно, остающіеся въ православіи суть худшіе изъ народа,—грубая неподвижная масса, окутанная еще суевѣріемъ и пороками, въ которую не проникло еще сознание высшихъ потребностей духа и прочее. Къ этому же мнѣнію присоединять еще свои голоса тѣ, которые слишкомъ много восхищаются добродѣтелями штундистовъ, хотя и православныхъ не бранятъ: бить не можетъ, скажутъ они, чтобы тѣ, которые по переходѣ въ штундизмъ обнаружили столько добраго, были до измѣны православію худшими въ народѣ.—Въ отвѣтъ на возраженіе тѣхъ и другихъ я сошлюсь на представленныя ниже примѣры: отпадшіе отъ церкви, которыхъ я знаю, вовсе не принадлежали къ лучшимъ въ приходѣ, а напротивъ въ большинствѣ своемъ къ худшимъ. Такъ, полагаю, и вездѣ было и бываетъ. Слышу однако оговориться, что я вовсе не распространяю своего приговора на всю штундовую братію. Я готовъ признать, что и между ними есть нѣкоторые, уклекшіеся

вдругъ сталъ такую роль играть, что всё на него устремляютъ взоры; онъ уже прежде сообразилъ, что то именно, за что ему прежде покою не давали, здѣсь не только не вмѣняется въ обязанность, а и отвергается, какъ преступленіе, какъ суевѣріе, какъ язычество. И вотъ, такія замѣчанія ему еще болѣе возжигаютъ въ немъ тщеславіе. Онъ впрочемъ еще отрицаетъ свою принадлежность къ штундизму; но уже теперь можно считать его погибшимъ для церкви. Одна-другая встрѣча и бесѣда самъ-на-самъ съ явнымъ штундистомъ рѣшаютъ окончательно его переходъ въ секту. Но и послѣ этого новообращенный еще по наружности остается православнымъ. Правда, съ этихъ поръ начинаются его похождения къ братіи и братіи къ нему, но это все еще имѣетъ видъ будто шуточный; въ праздники приходятъ къ нему „добрі люди“,—что нибудь почитаютъ,—иногда здѣсь и попоютъ, но только не очень громко; и неопитъ также ходитъ „къ добрымъ людямъ“ въ праздники, но все по какому-нибудь дѣлу или въ гости. Обыкновенно такіе люди бѣдны; при начавшихся же шатаваніяхъ у нихъ исчезаетъ послѣдній достатокъ. Тогда братія поддерживаютъ новаго своего члена, чѣмъ только можно,—и трудомъ и матеріальною помощью. Эта помощь имѣетъ громадное значеніе: она соблазняетъ новое чадо штундизма даровымъ пропитаніемъ, даетъ ему возможность заняться шатаваніями

искренно и совершенно безкорыстно, бывшіе и въ православіи (по крайней мѣрѣ съ видной стороны) по своимъ нравственнымъ качествамъ не послѣдними, которые при томъ искали здѣсь чего-то и перешли въ штундизмъ, надѣясь найти это искомое тамъ. Тѣмъ не менѣе я даже этихъ немногихъ не нахожу справедливымъ цвѣтомъ нашего народа: то цвѣтъ нашего народа, который приносятъ добрый плодъ свой на своей родной почвѣ, а кто расположенъ уйти въ страну далече (хотя бы и для того, чтобы принести добрый плодъ) и привыкъ тамъ къ чужой землѣ, это ужъ никакъ не цвѣтъ нашего общества, а скорѣе пустоцвѣтъ. Впрочемъ я этихъ немногихъ въ настоящемъ обществѣ очеркъ процесса распространенія штундизма не имѣлъ въ виду, такъ какъ главная роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ не имъ, а остальному весьма значительному большинству ихъ собратій, которые именно таковы, каковыми здѣсь они очерчены мною.

и балагурствомъ, (къ которому такіе люди очень охочи бываютъ), безъ опасенія за свое будущее, и въ тоже время еще позволяютъ ему дѣлать невыгодныя заключенія о православномъ обществѣ, въ которомъ ему, конечно, теперь ничего бы не дали, да еще и осмѣяли бы, сказавъ, что онъ вмѣсто труда, да хозяйства взялся не за свое дѣло: „покинь луче, чоловіче добрый“, сказавъ бы ему православный, „та берись до ціпа... оце нужнійше для тебе...; а такъ блукать по свѣтѣ будешь ты, буду я, то хтожь робыть стане?... Не всімъ же газеты читать“... Что къ нему такъ бы отнеслись, это онъ хорошо чувствуетъ самъ; но, благо—братія выручаетъ его изъ бѣды, и вотъ, онъ еще болѣе пристращается къ своей роли и положенію. Онъ дѣлается приверженцемъ штундизма, хотя еще скрытнымъ, но, намъ кажется, болѣе усерднымъ и преданнымъ новому ученію, чѣмъ иной явный штундистъ. Пока еще не установилась рѣзкая рознь между нимъ и православнымъ обществомъ, онъ является иногда и въ обыкновенныхъ мѣстахъ сборищъ, хотя уже и рѣже. Здѣсь, чтобы тамъ ни было, а ужъ непременно постарается онъ свести разговоръ, (—не то другіе заставятъ вступить въ разглагольствованія) про штунду. Среди собесѣдниковъ являются и оппоненты и защитники. Послѣдніе сначала какъ бы нечаянно обриваютъ одно-другое словечко въ защиту штундизма; агитаторъ платитъ пріятелю большимъ вниманіемъ, и въ свою очередь старается гладить самолюбіе защитника. Начинается сближенію, которое почти всегда заканчивается новой побѣдой штундизма надъ слабымъ въ вѣрѣ и падкимъ на лести сердцемъ. Такъ проходитъ одинъ, два иногда даже три года: время это можно назвать въ приходѣ переходнымъ. Волненія, толки и споры не унимаются, а все болѣе и болѣе возрастаютъ, и среди нихъ все болѣе и болѣе раскрываются шатости въ приходѣ. Явныхъ отпаденій еще нѣтъ; но уже рѣзко намѣчается кружокъ отпадшихъ. Они уже составляютъ свои собранія, хотя все еще частно. Здѣсь весьма

важную роль играютъ старые штундисты, особенно штундисты изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ впервые явился у насъ штундизмъ (Чаплинка, Косяковка, Плоска, Тараща)... Эти штундисты являются здѣсь учителями, вѣстниками, вдохновителями, говоря прямо—поджигателями и развратителями народа. Какъ люди опытные и бывалые, они съ искусствомъ истинно-иезуитскимъ вѣдряютъ въ сознание народа болѣе и болѣе недовольства православіемъ, недовѣрія къ духовенству, неуваженія, презрѣнія и ненависти къ тому и другому. Они всегда являются на выручку совѣсти неопита, смущающагося многимъ на первыхъ порахъ отпаденія, а такъ же служатъ лучшими руководителями и совѣтниками отпадающихъ или отпадшихъ во всѣхъ затруднительныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ. Кромѣ того, они, будучи даже неграмотными, наперечетъ знаютъ тѣ мѣста Св. Писанія, которыя въ отрывочномъ или извращенномъ видѣ могутъ быть примѣняемы къ проповѣди противъ православной церкви. Они же организуютъ собранія, а на собраніяхъ, на первыхъ порахъ, руководятъ чтеніемъ и обучаютъ пѣнію. Все это впрочемъ совершается ими въ тайнѣ. Сборищъ большихъ не бываетъ. Нигдѣ явно братія еще не выступаетъ. Такъ идутъ дѣла въ приходѣ до благопріятной поры—времени, когда, наконецъ, какъ бы по единогласному условію, совратившіеся сбрасываютъ съ лицъ своихъ маски притворства. Тогда уже въ приходѣ наступаетъ другая пора, о которой скажу ниже. А теперь скажу о томъ, что же дѣлаютъ до этого наши пастыри. Кстати же—вопросъ сей, надѣюсь, самъ собою давно уже возникаетъ у моихъ читателей.

Если всякій истинный и искренній сынъ православія относится съ нерасположеніемъ къ этому новому движенію, если и мірянинъ, сердце котораго благодатію насыщено, считаетъ нужнымъ съ своей стороны бороться противъ развитія зла сего въ православномъ обществѣ, то тѣмъ болѣе нужно сказать это о нашемъ духовенствѣ. Иное дѣло

будетъ рѣчь о томъ, одинаково ли духовенство наше дѣйствуетъ противъ штундизма и много ли успѣваетъ въ этой борьбѣ. Несомнѣнно однако и для всѣхъ очевидно, что духовенство наше съ первыхъ же поръ обнаруженія въ нашей мѣстности штундизма не оставалось равнодушнымъ зрителемъ движенія, имъ произведеннаго, старалось заблаговременно знакомиться съ его характеромъ и по мѣрѣ надобности подавало свой голосъ объ этомъ движеніи всенародно или высказывалось частно. Сколько бы ни усердствовали съ обвиненіями нашего духовенства въ поголовномъ равнодушіи къ дѣламъ вѣры, все-таки не уничтожить той очевидной истины, что есть у насъ много пастырей, искренно и свято преданныхъ Церкви Христовой. Что бы ни говорили о новомъ направленіи въ нашихъ семинаріяхъ, все же нельзя отвергать того, что и теперь выходитъ изъ семинарій много людей, любящихъ мать нашу Церковь. (Нужно и то еще имѣть въ виду, что самыя фамильныя преданія многихъ изъ нашего духовенства, восходя ко временамъ борьбы съ уніей и латинствомъ за православіе, поучаютъ его вѣрнѣе любить и стоять за отеческую вѣру: если исторія вообще умудряетъ человѣка въ отношеніи тѣхъ или другихъ явленій нашей жизни, то исторія въ связи съ фамильными преданіями, полагаю, поучаетъ еще и сильнѣе и громче, какъ завѣтъ нашихъ предковъ). Конечно, духъ времени отражается и на нашемъ духовенствѣ; однако не на всемъ, да и не въ той степени, въ какой на прочемъ обществѣ. Если въ комъ и замѣтны нѣкоторыя свобода, нѣкоторое отрѣшеніе отъ добрыхъ обычаевъ старины, то это небольшая и притомъ, полагаю, временная уступка обстоятельствамъ. Вообще же говоря, духовенство здѣшнее, какъ, полагаю, и вездѣ, въ глубинѣ души искренно вѣрующее, ревностно Церкви преданное и о благосостояніи ея пекущееся. Весьма жаль, впрочемъ, что въ условіяхъ его дѣятельности и обстоятельствахъ его жизни множество неблагоприятныхъ и почти непреодолимыхъ препятствій. Вотъ

напр., самое первое и паче всего необходимое,—это основательное и всестороннее знакомство съ новымъ ученіемъ. Лишь только начинаетъ волноваться народная мысль подъ воздѣйствіемъ штундовой пропаганды, сей часъ же всѣ или по крайней мѣрѣ лучшіе въ приходѣ бросаются къ батюшкѣ: „батюшка, скажите Бога рады, що воно оце таке—штунда?“... Весьма важно священнику знать обстоятельно не только исторію протестанства вообще, но и этой секты въ частности, нужно знать исповѣданіе штундовой вѣры, да не поверхностно только, а глубоко и всесторонне, притомъ непремѣнно сознать себѣ ясно отличіе новаго ученія отъ ученія православнаго, дабы сразу показать, что есть ученіе человѣческое, и что—Божіе. Но какъ многого въ этомъ отношеніи нашему священнику не достаетъ! Въ семинаріяхъ читается краткій курсъ исторіи протестанства безъ обличенія или съ очень краткимъ изложеніемъ ученія и опроверженіемъ; сочиненій по исторіи и обличенію хотьбы протестанства вообще очень мало. Приходится самому знакомиться съ ученіемъ штундизма, но и это для священника, особенно на первыхъ порахъ, очень трудно. Сами штундисты большею частію избѣгаютъ священника, (избѣгаютъ не по чему другому, какъ по страху быть разбитыми при ихъ невѣжествѣ, и по естественному желанію оставить свои дѣла, да и свои мысли до времени втайнѣ). Самъ я неоднократно былъ свидѣтелемъ того, какъ штундисты стараются укрыть главное отъ священника. Правда, предъ православнымъ крестьяниномъ они держатъ себя открытѣе, но и здѣсь они говорятъ не то, что составляетъ самую суть ихъ ученія: или нападаютъ на иконопочитаніе, или смѣются надъ святыми (Николай-угодникъ), или пересушиваютъ священника или, наконецъ, расписываютъ въ ярбихъ краскахъ прелести иной жизни, гдѣ человѣкъ свободенъ отъ всѣхъ другихъ обязанностей, кромѣ чисто нравственныхъ. Понятно, что къ священнику доходятъ лишь обрывки ученія, да и то въ искаженномъ видѣ, что, само собою разу-

мѣется, не даетъ ему возможности заняться всестороннимъ и систематическимъ опроверженіемъ новаго ученія. Тѣмъ не менѣе толковъ въ это время бываетъ такъ много, что священнику и безъ того есть чѣмъ заняться для успокоенія умовъ. Прежде всего въ такихъ обстоятельствахъ, по мѣрѣ возможности, усиливается церковная проповѣдь съ специальнымъ направленіемъ противъ новаго ученія, и народъ слушаетъ эти проповѣди съ напряженнымъ вниманіемъ. Затѣмъ священники пользуются всѣми случаями, чтобы разъяснить народу несостоятельность штундоваго ученія болѣе или менѣе частно. Такъ, между прочимъ, они заводятъ рѣчи на собраніяхъ по случаю тѣхъ или иныхъ семейныхъ событій въ домахъ прихожанъ („на окказіяхъ“). Не чуждаются и тѣхъ домовъ, которые уже стали признакомъ разврата для всего прихода, — разумѣю, тѣ дома, въ которыхъ объявляются тайные послѣдователи штундизма, въ которыхъ готовящіеся къ отпаденію мѣстные жители сходятся вмѣстѣ съ пришлыми, и изъ которыхъ исходитъ движеніе по всему приходу, — сюда заходятъ наши отцы духовные какъ нарочно, такъ и при обычныхъ посѣщеніяхъ прихожанъ съ молитвою — въ постъ, на Крещенье и на Свѣтлый праздникъ; и являясь сюда, они вступаютъ въ разговоръ о вѣрѣ съ отпадающими, стараются вразумить, наставить и обличить... Затѣмъ есть еще одно средство, заколомъ предоставленное православной Церкви, это право прибѣгать къ полицейской помощи для устраненія незаконныхъ сборищъ. Но къ нему на первыхъ порахъ совсѣмъ не прибѣгаетъ наше духовенство: ибо трудно бываетъ уличить въ этихъ сборищахъ что-либо преступное. — Что же? достигаютъ ли цѣли тѣ средства, къ которымъ наше духовенство прибѣгаетъ на первыхъ порахъ для успокоенія умовъ? — При нынѣшнихъ обстоятельствахъ почти что нѣтъ. Прежде всего о проповѣди: хотя народъ слушаетъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ, но въ нынѣшней проповѣди нельзя высказать всего, нельзя потому и разубѣдить въ ложныхъ толкахъ.

По современнымъ требованіямъ, проповѣдь должна быть коротка и по утвердившемуся у насъ обычаю она говорится по тетрадкѣ... Такъ ужъ повелось и таковы требованія; а между тѣмъ при этомъ трудно удовлетворять другимъ требованіямъ проповѣди: ясности, обстоятельности и убѣдительности. Что касается частныхъ наставленій, то эти наставленія все же остаются частными, недоступными большинству, бесѣды же со штундистами рѣшительно никакой пользы не приносятъ по естественной скрытности тайныхъ еретиковъ. Большую бы пользу теперь сослужила приходская школа, да бесѣды воскресныя и праздничныя. Но школы остаются большею частію въ забросѣ, а бесѣды священнику безъ помощниковъ и безъ средствъ рѣшительно не по силамъ. Изнуренный продолжительнымъ служеніемъ священникъ не можетъ выдерживать долгой бесѣды (часа 4) самъ; при томъ же его постоянно отвлекаютъ занятія по требоисправленію; а дьячки наши въ этомъ отношеніи не въ состояніи помогать священнику. Такъ вотъ и выходитъ, что священникъ при всѣхъ личныхъ усиліяхъ не можетъ совладать съ новымъ движеніемъ. Ему приходится одному дѣйствовать за всѣхъ и притомъ противъ многихъ. Помощи ему нѣтъ ни отъ кого, если не считать сочувствіе лучшей части прихожанъ. За то противодѣйствія и вредныя вліянія—тьма. Всѣ указанные выше элементы съ величайшею охотой ополчаются на брань противъ священника, какъ какого-то жестокаго противника и врага своего. Много у насъ судей, да мало искреннихъ православныхъ. Будь поменьше брани, да побольше любви ко Христу и Церкви Его, совсѣмъ бы не то было и съ дѣятельностію духовенства. И не диво послѣ этого, если у нѣкоторыхъ нашихъ пастырей сложилось убѣжденіе, что лучше сидѣть тихо на своемъ мѣстѣ, не поднимать шуму, быть по возможности болѣе спокойнымъ въ виду распространяющагося зла, т. е., наказывать его презрѣніемъ,—такъ оно само, аки дымъ, исчезнетъ (о чемъ ниже будетъ сказано): теорія странная,

но оправдываемая тѣмъ соображеніемъ, что ужь лучше довольствоваться отрывочными заявленіями своего осужденія ереси, чѣмъ браться за обличеніе ея и не достигать главной цѣли—ея подавленія. Вотъ въ какихъ условіяхъ дѣятельность духовенства на первыхъ порахъ.

Само собою разумѣется, что волненіе при такихъ условіяхъ не утихаетъ, а возрастаетъ, пока, наконецъ, тайныхъ послѣдователей не наберется достаточно. Тогда штундизмъ уже будетъ въ состояніи претендовать на право существованія, а затѣмъ и участія въ тѣхъ же правахъ въ приходѣ, какія имѣютъ православные. Но не однимъ приобрѣтеніемъ себѣ послѣдователей штундизмъ старается завоевать себѣ право гражданства въ томъ или другомъ мѣстѣ. Чтобы обезпечить себѣ болѣе прочное положеніе, онъ старается и въ средѣ православныхъ приобрѣсть себѣ защитниковъ. Пропагандисты мало по малу сознаютъ, что сколько ни работай, а не сбить имъ съ толку всей православной громады. Еще сильны устои народной жизни. Еще крѣпко въ народѣ здравомысліе, чтобы не пошатнулась его вѣра, не истребилось въ немъ святое чувство любви ко Христу и преданности Его Церкви. И вотъ, поднимается въ приходѣ интрига еще другаго рода. Во всякомъ мѣстѣ есть среди православныхъ партія, которая ставитъ себѣ задачей противодѣйствіе большинству прихода со священникомъ вмѣстѣ во всемъ: священникъ, напр., борется противъ жида-арендаря, эта партія стоитъ за жида,—священникъ заботится объ устройствѣ приходской школы, объ украшеніи и строеніи храма, объ учрежденіи и благотворномъ дѣйствіи попечительства, эта партія относится къ симъ заботамъ всегда съ порицаніемъ и подчиняется имъ съ большой неохотой. Вотъ такіе-то люди и теперь являются очень кстати для штундистовъ. Послѣдніе, разумѣется, не думаютъ обратить ихъ сразу въ своихъ послѣдователей; за то они стараются поселить еще большую рознь между священникомъ и этой партіей. Они стараются внушить

имъ, что при нихъ (штундистахъ) и имъ—православнымъ лучше жить будетъ: потому что „піпъ меньше воли буде мать“, порядки лучше стануть, и къ нимъ самимъ „піпъ“ будетъ меньше касаться: мысль въ высшей степени соблазнительная (и развращающая),—не только для оппозиціи священника, но и вообще для прихожанъ. По мѣрѣ утверженія этой мысли въ умахъ прихожанъ, положеніе священника становится все болѣе и болѣе тяжелымъ: оскорбленія сыплются на него щедро со всѣхъ сторонъ, не только отъ штундистовъ, но и отъ православныхъ, а между тѣмъ онъ не находитъ не только себѣ защиты, но и сочувствія вокругъ; авторитетъ его все ниже и ниже падаетъ, безпорядки и развратъ усиливаются, но онъ долженъ глядѣть на все молча, смотрѣть на эти безпорядки безучастно, иначе его, пожалуй, сочтутъ человѣкомъ безпокойнымъ; впрочемъ и при молчаніи, не избыть священнику упрековъ: на него взвалить вину чуть ли не всѣхъ безпорядковъ приходской жизни послѣдняго времени. Между тѣмъ среди этой безтолковщины ересь смѣло подниметъ голову, открыто станетъ изрыгать мерзкія хуленія на Церковь и безпрепятственно погублять чадъ Божіихъ, правда, не всѣхъ и не безразлично, а тѣхъ, кто болѣе склоненъ къ зараженію.

II. Петрушевскій.

(Продолженіе будетъ).

По поводу рецензій въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на книгу:

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники.
(Опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ, 1883 г.

Въ январьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за настоящій годъ появилась рецензія профессора Н. И. Петрова на нашу книгу о Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ и его сподвижникахъ. Почтенный рецензентъ восхваляетъ насъ паче мѣры и заслугъ, заявляя, что „такія историческія изслѣдованія, (каково наше), появляются не часто“; что мы на основаніи первоисточниковъ и вновь собраннаго матеріала „представили весьма полную, всестороннюю картину Могилянскаго періода, подвергнувъ тщательному обслѣдованію всѣ даже мельчайшія подробности, относящіяся къ этому періоду“, и т. д. Повторяемъ, подобныя похвалы мы считаемъ свыше мѣры и паче заслугъ. Мы далеки отъ мысли признавать свое произведеніе такимъ вкладомъ въ нашу церковно-историческую литературу, который могъ бы восполнить въ ней недостатокъ сочиненій по избранному нами для изслѣдованія предмету. Мы, — какъ заявляли и въ предисловіи къ сочиненію, — почтемъ себя удовлетворенными, если окажется, что нами хотя немного сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Обозрѣвая нашу книгу, г. Петровъ входитъ и въ подробности, — причемъ сначала говоритъ о приложенныхъ къ

сочиненію документахъ, затѣмъ „слѣдить за главною нитью изслѣдованія“, обращая, по его словамъ, вниманіе „преимущественно на такіе пункты, которые касаются непосредственно Петра Могилы, или же представляютъ новое открытіе исторической науки по данному предмету, или же *отзываются предположительнымъ характеромъ и не выдерживаютъ критики*“; наконецъ, въ заключеніе, въ интересахъ исторической истины, дѣлаетъ общія замѣчанія „относительно нѣкоторыхъ пріемовъ изслѣдованія, — *пріемовъ, или нежелательныхъ въ серьезномъ историческомъ трудѣ, или же не вездѣ примѣненныхъ надлежащимъ образомъ*“. Словомъ, почтенный рецензентъ, указывая на научныя достоинства нашей книги, вмѣстѣ съ тѣмъ старается не упустить изъ вида и ея недостатковъ. Мы увѣрены, что подобное отношеніе критики къ ученымъ изслѣдованіямъ желательно для всякаго автора, съ любовью занимавшагося своимъ предметомъ и выше всего, на первомъ планѣ, ставящаго историческую истину. *Errare — humanum est*: ошибки свойственны людямъ и ихъ не можетъ избѣжать изслѣдователь; при этомъ, чѣмъ сложнѣе его задача, чѣмъ съ бѣльшимъ количествомъ фактовъ приходится имѣть ему дѣло, — тѣмъ больше погрѣшностей, неточностей и недосмотровъ онъ можетъ допустить въ своемъ трудѣ. Со стороны недостатки виднѣе, и задача *ученой* критики состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы указать на эти недостатки, а главное *доказать ихъ*. Наука движется совокупными усиліями многихъ людей. Что опущено изъ вида или недостаточно разъяснено однимъ изслѣдователемъ, то можетъ быть замѣчено и уяснено другимъ. Авторъ, затрогивающій новыя стороны разсматриваемаго имъ предмета, долженъ быть доволенъ не только тѣмъ, что ему удалось правильно и точно констатировать нѣкоторые факты, но даже и тѣмъ, что его ошибки для другихъ, болѣе свѣдущихъ и талантливыхъ изслѣдователей послужили поводомъ къ разоблаченію этихъ ошибокъ, къ раскрытію истины.

Безъ сомнѣнія, въ нашей книгѣ можно найти не малое

количество недостатковъ, ошибокъ и промаховъ. Но критика, благосклонно встрѣтившая наше сочиненіе, до послѣдняго времени заключала въ себѣ большой пробѣлъ:—не указывала на слабыя стороны въ нашемъ трудѣ. Пробѣлъ этотъ для насъ нежелателенъ: мы съ радостію и благодарностію готовы принять всѣ замѣчанія на недостатки и погрѣшности въ нашемъ сочиненіи. Это не фраза, а чистосердечное заявленіе. Но, разумѣется, мы въ правѣ желать, чтобы означенныя указанія были не голословны, а наглядно намъ показаны и научно, фактически *доказаны*... Къ сожалѣнію, рецензія проф. Петрова, очевидно имѣвшая въ виду восполнить указанный пробѣлъ въ критическихъ замѣткахъ о нашемъ сочиненіи, —при всемъ добромъ желаніи рецензента послужить „интересамъ истины и науки“,—не достигаетъ своей цѣли—не отмѣчаетъ дѣйствительныхъ недостатковъ въ нашемъ трудѣ; мало того, изобилуя замѣчаніями, не имѣющими для себя твердой почвы и надлежащимъ образомъ необоснованными, она способна даже, до извѣстной степени, нанести означеннымъ научнымъ интересамъ нѣкоторый ущербъ, созидавая рядъ недоразумѣній, если не для специалистовъ, то, по крайней мѣрѣ, для большинства публики.

Разъяснить эти, созидаемые нашимъ рецензентомъ, недоразумѣнія и составляетъ задачу настоящей замѣтки.

Мы будемъ говорить по поводу *всѣхъ* замѣчаній рецензента *безъ исключенія*. Поступаемъ такъ во избѣжаніе упрека, что въ своей антикритикѣ намѣренно уклоняемся отъ нѣкоторыхъ дѣлаемыхъ намъ возраженій: *разжевываемъ* (какъ говоритъ авторъ знаменитаго Апокрисиса), *только мякие куски, а кости, которыми можно подавиться, оставляемъ*.

Рецензентъ,—какъ мы замѣтили,—начинаетъ разборъ нашей книги съ приложений къ ней. Онъ первѣе всего находитъ, что связь этихъ приложений съ самымъ изслѣдованіемъ не вездѣ одинакова, а мѣстами и вовсе не видна.

„Произошло это—говорить рецензентъ—отъ того, что приложенія или матеріалы стали печататься гораздо раньше самаго изслѣдованія, съ 1878 г. (*въ Трудахъ Киев. Дух. Академіи*), когда, по видимому, еще не опредѣлился со всею точностію и строгостію самый предметъ изслѣдованія и его подробности. Поэтому матеріалы даютъ гораздо больше, чѣмъ сколько требовалось отъ нихъ предметомъ изслѣдованія. Нѣкоторые документы, вслѣдствіе ошибочности первоначальныхъ предположеній автора, оказываются теперь совершенно излишними, какъ, на примѣръ, одобрительное свидѣтельство, данное обывателями пивскаго повѣта Дятеловецкому игумену Василю Колыстенскому 30 ноября 1627 года.—Если бы и на самомъ дѣлѣ было такъ, какъ заявляетъ рецензентъ, т. е., что приложенные къ нашему сочиненію матеріалы *даютъ гораздо больше*, чѣмъ сколько требовалось предметомъ изслѣдованія; то и тогда,—въ виду приводимаго самимъ же рецензентомъ отзыва объ этихъ матеріалахъ, какъ заключающихъ въ себѣ *драгоцѣнныя* историческія данныя,—мы не поставляли бы себѣ въ большую вину указаннаго излишества приложеній къ нашей книгѣ. Но съ упрекомъ, выраженномъ даже и въ такой формѣ, мы согласиться не можемъ. Дѣло въ томъ, что дѣятельность Петра Могилы на пользу православія и русской народности была далеко не единична. Прежде него и одновременно съ нимъ на томъ же поприщѣ подвизались и другіе ратоборцы. Поэтому, чтобы сдѣлать, по возможности, справедливую оцѣнку означенной дѣятельности знаменитаго митрополита, мы нашли наиболѣе удобнымъ разсматривать ее *въ связи съ общими ходомъ церковно-историческихъ событій того времени*. Этою задачею опредѣляется планъ нашего сочиненія: представить, во первыхъ, *очеркъ исторіи западно-русской церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII стол.* (т. е. изслѣдовать историческую почву¹⁾), которую пришлось впоследствии воздѣлывать

¹⁾ Изслѣдовать въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ какіе отведены этому предмету (относительно нѣкоторыхъ вопросовъ) въ самомъ сочиненіи—въ вышедшемъ 1-мъ и имѣющемъ видъ 2-мъ т. нашей книги.

П. Могиля), и, во вторыхъ, разсмотрѣть дѣятельность знаменитаго іерарха въ связи съ однородною дѣятельностію современныхъ ему ратоборцевъ, (его сподвижниковъ). Выполненіе послѣдней, обширной половины нашего плана начато нами въ отпечатанномъ I томѣ изслѣдованія; первая же, меньшая половина плана имѣетъ быть выполненною *во введеніи* къ изслѣдованію. Означенное введеніе, какъ нами заявлено въ предисловіи, предполагалось помѣстить въ началѣ вышедшаго въ настоящее время тома, но по значительному объему книги оказалось это неудобнымъ; оно имѣетъ выдти въ свѣтъ *отдѣльною брошюрою*. Послѣднее обстоятельство, известное рецензенту, совершенно опущено имъ изъ вида. Между тѣмъ, часть документовъ, на которые не дѣлается нами ссылокъ въ изслѣдованіи, *имѣетъ тѣсную, органическую связь со введеніемъ къ нему*,—и то, что въ настоящее время кажется рецензенту излишнимъ матеріаломъ въ приложеніяхъ, съ выходомъ въ свѣтъ означеннаго *введенія*, посвящаемаго характеристикѣ предъ-Могилянскій эпохи, получить значеніе необходимаго историческаго фундамента, безъ котораго начальная часть нашего труда могла-бы показаться построенною не на прочныхъ даныхъ. Г. рецензентъ сильно ошибается, объясняя обиліе документовъ, приложенныхъ нами къ сочиненію, не вполнѣ сложившимся при ихъ печатаніи планомъ о предметѣ изслѣдованія; наоборотъ, намѣченный нами широкій планъ изслѣдованія (съ нимъ можно, пожалуй, и не соглашаться, но это—вопросъ другой) именно и былъ *причиною* этого обилія матеріала, не смотря на то, что мы были *крайне экономны* при печатаніи приложевій, выбирая изъ массы просматриваемыхъ нами рукописныхъ документовъ только имѣющіе *несомнѣнное историческое значеніе и ближайшее отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія* (согласно намѣченному плану)... Далѣе, рецензентъ заявляетъ, что нѣкоторые помѣщенные нами въ приложевіяхъ документы оказываются въ настоящее время излишними вслѣдствіе ошибочности первоначальныхъ нашихъ предположеній.

Первѣе всего замѣтимъ, что слово *нѣкоторые* употреблено рецензентомъ не въ точномъ смыслѣ: въ приложеніяхъ къ вашей книгѣ помѣщенъ *только одинъ* документъ (упоминаемое рецензентомъ свидѣтельство Василю Копыстенскому), происхожденію котораго, вслѣдствіе вновь открытыхъ данныхъ, мы дали иное объясненіе, чѣмъ какое дѣлаемо было нами прежде. Но даже и послѣ сдѣланной вами поправки касательнаго означеннаго документа, мы недоумѣваемъ, почему рецензентъ считаетъ его *съ настоящее время совершенно излишнимъ* въ нашемъ сочиненіи. Этотъ документъ, независимо отъ общаго церковно-историческаго своего значенія, не утрачиваетъ интереса въ частности и по отношенію къ предмету нашего изслѣдованія. Потому что, принимая во вниманіе высказанныя нами соображенія о вѣроятной кандидатурѣ на к.-печерскую архимандрію В. Копыстенскаго, — уже *самый фактъ ея удаленія изъ приписной къ Лавръ дятеловецкой обители*, (чему доказательствомъ служитъ упомянутое свидѣтельство), — повторимъ — уже самое существованіе подобнаго факта представляется намъ знаменательнымъ: оно естественно возбуждаетъ поставленный нами въ дополненіи къ сочиненію вопросъ (559 стр.): „переходъ В. Копыстенскаго изъ дятеловецкой обители въ другое мѣсто не былъ-ли слѣдствіемъ неудачи, испытанной имъ въ Кіевѣ“, т. е. не вызванъ-ли былъ опасеніемъ подвергнуться опалѣ со стороны своего новаго начальника, какъ бывшаго соперника? — Рецензентъ скажетъ, что все это предположенія, съ которыми онъ не согласенъ. Предположенія наши онъ можетъ оспаривать, но документъ, на которомъ обосновываются эти предположенія, считать *совершенно* излишнимъ въ нашемъ сочиненіи онъ все-таки не въ правѣ.

Обращаемся къ слѣдующему замѣчанію г. рецензента. „Приложенія — говоритъ онъ — снабжены историческими примѣчаніями; но эти примѣчанія въ настоящемъ видѣ нѣрѣдко представляются повтореніями текста изслѣдованія, какъ напримѣръ, на стр. 259, 283, 299 и друг. во второй части книги“.

Такъ какъ изданіе нами въ приложеніи „матеріаловъ“, иногда съ довольно обстоятельными къ нимъ примѣчаніями, представляетъ значительное уклоненіе отъ обычной у насъ практики при печатаніи документовъ,—то мы, прежде прямого отвѣта на замѣчаніе г. рецензента, считаемъ нужнымъ указать на тѣ побужденія, которыми мы руководствовались при составленіи означенныхъ примѣчаній. Постоянно имѣя дѣло со сборниками древнихъ документовъ, изданными какъ археографическими комиссіями, такъ и частными лицами, мы пришли къ мысли, что изданіе письменныхъ памятниковъ старины принесло бы гораздо большую пользу для науки, если бы они не печатались только, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изучались издателями. Намъ представлялось крайне желательнымъ, чтобы при изданіи документовъ, напр., указывалось, что новаго въ науку они приносятъ, отмѣчались однородные съ ними по содержанію памятники, дополняющіе или уясняющіе ихъ, разрѣшались разныя недоумѣнія, иногда неизбежно возникающія при печатаніи новыхъ матеріаловъ, дѣлались разныя исправленія на основаніи вновь обнаруживаемыхъ данныхъ, опредѣлялась точно или, по крайней мѣрѣ, приблизительно дата памятника, (буде она не выставлена) и т. д., и т. д. Словомъ, мы всегда считали крайне желательнымъ, чтобы издаваемые документы появлялись въ свѣтъ въ научно обряженномъ видѣ. Съ такою постановкою изданія памятниковъ естественно соединено трудное дѣло ихъ изученія: легче и удобнѣе печатать документы, чѣмъ писать къ нимъ примѣчанія; но не всегда что удобно, то и болѣе полезно,—и мы увѣрены, что въ принципѣ нашъ взглядъ на изданіе документовъ вѣренъ и плодотворенъ. Вотъ подобную-то, —хотя, разумѣется и слабую,—попытку научно обряженнаго изданія памятниковъ мы и рѣшились представить въ приложеніяхъ къ нашему сочиненію, снабжая нѣкоторые изъ помѣщаемыхъ здѣсь документовъ сильными примѣчаніями. Можетъ быть затокн найдутъ, что наши примѣчанія не

высокой научной пробы: спорить мы съ ними не будемъ; но согласиться съ нашимъ рецензентомъ, что якобы эти примѣчанія „нерѣдко (?) представляются повтореніемъ текста изслѣдованія“—не можемъ, потому что это *неправда*. Почти всѣ наши примѣчанія во второмъ отдѣлѣ книги имѣютъ видъ небольшихъ изслѣдованій о документѣ или по поводу его, или же представляютъ сводъ извѣстій, уясняющихъ и дополняющихъ сообщаемыя въ печатаемомъ памятникѣ свѣдѣнія. Понятное дѣло, что опредѣляя дату документовъ, (гдѣ она не обозначена), говоря объ ихъ авторахъ, (гдѣ они не указаны), опредѣляя научное и историческое значеніе памятниковъ, пополняя ихъ выдержками изъ другихъ обнаруженныхъ и не обнаруженныхъ документовъ, и т. п.,—мы не повторяемъ того же самаго въ текстѣ сочиненія. Напротивъ, потому именно замѣчанія специально-документальнаго характера мы и отнесли къ *примѣчаніямъ* въ приложеніяхъ, что находили не удобнымъ говорить объ этомъ въ текстѣ самого изслѣдованія. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій даже при поверхностномъ обзорѣ нашей книги. Разумѣется, между нашими примѣчаніями къ документамъ и текстомъ сочиненія есть тѣсная связь, но связь эта такова, какая естественно должна существовать между фундаментомъ и построеннымъ на немъ зданіемъ, между матеріаломъ и основаннымъ на немъ изслѣдованіемъ... Рецензентъ указываетъ на три примѣчанія въ документахъ, гдѣ якобы означенная связь переходитъ въ повтореніе текста изслѣдованія. Насколько правъ рецензентъ, это можно видѣть, раскрывши первое указанное имъ примѣчаніе (стр. 259) и сличивши его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ самомъ сочиненіи.

Примѣчаніе къ грамотѣ іерусалимскаго патріарха Теофана (стр. 258—261, прилож.).

Извѣстно, что православная южнорусская іерархія возстановлена была іерусалимскимъ патріархомъ Теофа-

Соотвѣтствующій примѣчанію текстъ въ сочиненіи (стр. 299—303).

Пріѣздъ Теофана въ Кіевъ уже самъ по себѣ представлялъ много благоприятныхъ данныхъ для осу-

номъ во время посѣщенія имъ (въ 1620—1621 гг.) западно-русскихъ областей. Объ этомъ событїи въ *летописи монастыря Густыинскаго*, между прочимъ, говорится: „моляху святѣйшого патрїарху (по прибытїи его въ Кїевъ) всѣ благочестивыи, да имъ оставитъ святыню, да посвятитъ имъ епископи. *Святѣйшїи патрїарха возбраняшеса имъ того, бояху бо ся краля и ляховъ*, таже святѣйшого патрїарху взяша на рамена и опеку свою благочестивое войско, гетманъ, глаголемый Петръ Сагайдачный“. Увѣренность Теофаша въ надежности *оленки козаковъ*, которые „оточиша патрїарха стражбою аки пчелы матицу свою“, была настолько велика, что онъ на этотъ разъ не убоаяся послать грамоты, (въ родѣ помѣщенной нами), гдѣ убѣждалъ южно-руссовъ безъ колебанія избрать изъ своей среды достойныхъ людей для посвященія ихъ въ епископскїи санъ, не боящеса повеленїи и запрщенїи мира (т. е. польскаго правительства), яко же тькогда родители Моисеевы не бляшася повеленїя Фараонсва.— Впрочемъ, не смотря на вооруженную поддержку козаковъ, Теофанъ не рѣшался открыто посвящать іерарховъ; посвященїе совершалось съ большими предосторожностями и въ тайнѣ отъ польскихъ властей. Такъ постановленїе въ епископы Исаїи Копинскаго происходило (6 окт. 1620 г.) въ братской Богоявленской церкви въ ночи (*лет. густ. мон.*). Въ той же церкви (а не въ пещерской лаврѣ, какъ утверждаютъ всѣ наши изслѣдователи¹⁾) и также тихо

щественїа завѣтной мысли православныхъ южно-русцевъ—возстановленїа своей оскудѣвшей іерархіи (Теофанъ имѣлъ широкїя полномочїя отъ константинопольскаго патрїарха, въ вѣдѣнїи котораго находилась и русская церковь, а также и отъ другихъ восточныхъ іерарховъ); но независимо отъ этого, ко времени означеннаго прїѣзда самое положенїе дѣлъ въ литовско-русскомъ государствѣ представлялось наиболѣе удобнымъ для рѣшительныхъ дѣйствїи православныхъ въ интересахъ улучшенїа своей церкви. Польша находилась въ самомъ критическомъ положенїи. Съ разныхъ сторонъ угрожали ей войны отъ сосѣднихъ государствъ. Правительству, озабоченному тревожнымъ состоянїемъ государства, естественно было съ болѣею осторожностію, чѣмъ когда либо, относиться къ законнымъ требованїямъ своихъ православныхъ подданныхъ,—тѣмъ болѣе, что въ числѣ послѣднихъ состояло и столь необходимое въ данное время запорожское войско, во главѣ съ своимъ знаменитымъ гетманомъ Сагайдачнымъ близко принимавшее къ сердцу интересы своей религіи. Все это православнымъ южно-руссамъ хорошо было извѣстно; извѣстно было, какъ правительственные власти начали заискивать передъ козаками, входили съ ними въ переговоры, щедро расплачивались за ихъ участїе въ московской войнѣ, предлагали имъ авансы и не скупились на заманчивыя обѣщанїя за будущїя ихъ услуги для Рѣчи Посполитой, и т. п.¹⁾—Ра-

¹⁾ Митр. Евгений (Опис. Кїев. Соб., стр. 159. *Закревскїи* (Опис. Кїева, изд. 1868 г. стр. 48), *Максимовичъ* (Собр.

¹⁾ Dzieje Polski podług ostatnich

и тайно (а не торжественно и при большом стечении народа¹) совершено было (8 окт.) посвящение, и митрополита. Современник и очевидец события, известнейший отступник отъ православия Кассианъ Саковичъ, въ своемъ *Eranorthosis*'ѣ говоритъ: „Kiedy Patriarcha Ierozolimski (jeżeli nim był) Theophan święcił w Bratskiej cerkwi w nosy kozackich władcyk u Pseudomitropolitę Boreckiego, azali nie szeptałą nierządcę czytając liturgią miał, bo gadziby byli, żeby nie tylko człowiek, ale u mucha nie słyszała ich liturgię, dla tego okna nie tylko okienkami, ale u kobietami pozabiali“. (стр. 33). Свидѣтельство это получаетъ еще большую вѣру отъ того, что авторъ Λιδος'а, старательно опровергая, по возможности, всё мѣста въ *Eranorthosis*'ѣ, не отрицаетъ означеннаго заявленія Саковича о скрытномъ посвященіи въ Братской церкви митрополита Борецкого и другихъ іерарховъ; онъ только старается ослабить значеніе означеннаго заявленія въ смыслѣ неблагоприятномъ для православныхъ. Вотъ отвѣтъ автора Λιδος'а: „То nie est prawda, bo lubo okna zabite były dla tego, aby ludzie, obaczyszczu swiatłość, do cerkwie się nie cisnęli; przecię jeden spiewak Patriarszy na imie Gabriel zakonny kapłan, według zwyczaju Graeckiego, cicho spiewał (стр. 91).

М. О. Кояловичъ думаетъ, что Сигизмундъ III, изъ опасенія козацкихъ волненій, на сеймѣ 1620 г., на словахъ далъ разрѣшеніе патриарху Теофану посвятить православныхъ іерарховъ (Лит. Цер. Унія. II. 113). — сочиненій. II. 185). Кояловичъ (Лит. Церк. Унія. II. 114) и друг.

¹) Митр. Евеній, Кояловичъ и друг.

зумѣтся, православнымъ естественно было воспользоваться стеченіемъ указанныхъ обстоятельствъ въ видахъ облегченія своей церкви отъ той египетской неволи, въ какой она находилась чрезъ вынужденное оскуднѣніе въ ней высшей іерархіи, — что дѣйствительно ими (православными) было сдѣлано.

Окруживъ Теофана подобающимъ его сану почетомъ и обезопасивъ „отъ противныхъ волковъ“, т. е. отъ возможныхъ преслѣдованій со стороны польскаго правительства¹), — православные вмѣстѣ съ гетманомъ Сагайдачнымъ, (прибывшимъ въ Кіевъ „наводити“ патриарха), „почали раду въ томъ чинити, жабн могли пастирей православныхъ мѣти въ церкви своей“²). Результатомъ этой „рады“ было появленіе разосланныхъ отъ имени патриарха грамотъ, убѣждавшихъ православныхъ южно-русцевъ, чтобы они избрали изъ среды себя достойныхъ лицъ для посвященія ихъ въ епископскій санъ, „не болящя повелѣній и заурешеній міра (т. е. польскаго правительства), якоже вѣкогда родители Моисеви не болящя повеленія Фараонова“ и какъ апостолы не страшились „суровства“ озлобленныхъ

будаń, Józefa Szujckiego. изд. 1864 г. т. III. стр. 214.

¹) Когда Теофанъ прибылъ въ Кіевъ, козаки „какъ ичелу матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастиря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрежаху“ (Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи св. обители монаст. Густынскаго, — въ Чтен. Москов. Общ. Исторіи и Древ. за 1848 г.).

²) Вѣршъ на жалобный погребъ Сагайдачнаго, изд. 1622 г., въ Кіевѣ.

Но съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Если бы королемъ давно было подобное, хотя и словесное разрѣшеніе, то, безъ сомнѣнія, Теофанъ не преминулъ бы выставить его на видъ какъ оправдательный аргументъ своихъ дѣйствій; между тѣмъ изъ помѣщенной нами грамоты видно, что патриархъ считалъ имѣющее быть посвященіе епископовъ дѣломъ крайне нежелательнымъ для польскаго правительства и потому *запрещеннымъ*. Точно также трудно было бы объяснить молчаніе объ упомянутомъ королевскомъ разрѣшеніи (если бы оно на самомъ дѣлѣ было дано) и въ тѣхъ брошюрахъ, которыя специально были посвящены оправданію Теофана отъ нареканій латино-уніатской партіи за якобы незаконное возстановленіе имъ южно-русской православной іерархіи. Наконецъ, мнѣнію г. Коляловича противорѣчить *самый характеръ отношеній польскаго правительства къ іерусалимскому патриарху*. Правда, польское правительство по пріѣздѣ Теофана въ юго-западную Русь „окружило его своимъ изысканнымъ вниманіемъ, объявило всѣмъ, чтобы уважала и поклони высокоуважаемаго мужа и послало къ нему своего чиновника, который нисколько не стѣснялъ (?) патриарха“; но насколько во всемъ этомъ было дѣйствительно уваженія и довѣрія къ Теофану прекрасно можетъ показать слѣдующій отрывокъ изъ письма короннаго гетмана Станислава Жолкѣвскаго къ тогдашнему киевскому воеводѣ Оомѣ Замойскому: „Nie wŹyszaŹem nic — писалъ Жолкѣвскій, — o tych praktykach, ktŹoreby miaŹy bydŹ od Moskwy, miewam z Kijow-

іудеевъ¹⁾. Православные съ радостію отозвались на призывъ Теофана и своихъ киевскихъ единоутрцевъ, прибыли въ большомъ количествѣ въ Кіевъ къ годовому празднику печерской Лавры (15 авгус.), и тогда же намѣтили нѣсколькихъ кандидатовъ на епископскія кафедръ²⁾. Самое посвященіе этихъ кандидатовъ началось съ начала октября того же 1620 года. Первымъ рукоположенъ былъ на перемишльскую кафедру межигорскій игуменъ Исая Копинскій. Присяженіе происходило *6 октября* (пятница) въ богоявленской церкви кіево-братскаго монастыря, причемъ, — такъ какъ относительно возстановленія православной іерархіи не имѣлось королевскаго разрѣшенія, — приняты были большія предосторожности: время для хиротоніи избрано было позднее,

¹⁾ *Прилож. № XXXV*. Теофанъ прібылъ въ Кіевъ около 20-хъ чиселъ марта 1620 г. и почти въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ своего пребыванія здѣсь не дѣлалъ никакихъ духовныхъ распоряженій; причины этой медлительности со стороны патриарха прекрасно выяснены въ извѣстномъ трудѣ М. О. Коляловича—Литов. Церков. Уніи (т. II, стр. 214). Мы не соглашаемся только съ предположеніемъ уважаемаго изслѣдователя, что будто-бы на сеймѣ 1620 г. дано было королемъ словесное позволеніе относительно возстановленія православной іерархіи. Независимо отъ соображеній, высказанныхъ нами въ примѣчаніи къ документу, подъ № XXXVII, подобное разрѣшеніе не могло имѣть мѣста уже и потому, что сейчъ въ 1620 г. былъ не въ маѣ мѣсяцъ, какъ думалъ авторъ Литов. Церковной Уніи, но въ ноябрѣ, когда, слѣдовательно, возстановленіе православной іерархіи уже началось.

²⁾ *Verificatio niewinności*, изд. 1621 г.

skiej strony częste wiadomości, nie mi o tym nie piszą: może to bydź że się tam co secrete dzieje; gdysz bawienie się tak długie w Kіtowіe tego Patryarchy nie iest bez podeizżenia. Bo on nie na co innego, iedno na praktyki wysłany był do Moskwy z Constantynopola, żeby Moskwę buntował przeciwko Coronie: i nie tędy iachał, которѣнду więc инси Patriarchowie iезджали; ale sobie przez Орде szukał inszey niezвычайnej drogi. Przeto dobre że WM., moi Mciwy Pan, raczysz napisac do слуг swoich, żeby были на то intenti, bo musi bydź niedaremна Jego Krol. Моść raczy miec od kogос о tym przestроге. Co się тycзе tego Patryarchy, szkoda by го wolno przepuszczac, że sam z чѣци своіеу chciał tu bydź we Lwowie, i byłбы добры zatrzymania го sposоb, by tu był в ten kraj przyiachał. Informowałem dostatecznie P. Paczanowskiego, y dałem mu чѣдоги Uniwersał, żeby tego Patriarchę we wszelkiej miano uczciwosci, uszбы się nie domyslili, że co sinistre о nim rozmysłamy. Wedle tego Uniwersału Saidaczного обавіам się, żeby го kozacy nie chcieli prowadzić do Terechtymirowa, zaczyм się stantibus rebus трудно бы zaś miał bydź zatrzymany. Zwłaszcza że, iako y WM. sam bacznie uważac raczysz, na то pilny wzgląd miec potrzeба, uszбы zтад większych sedyтiej tumultow między kozaki nie urosło¹⁾, (*Listy Stanisława Żółkiewskiego. Krakow, 1868 стр. 145—146*).

¹⁾ Дата письма 23 июля (3 авг.) 1620 г.

овна церкви были завѣшены, читали и пѣли тихо, монастырь окружень былъ козаками¹⁾). Бромѣ патриарха, въ рукоположеніи Исаин принимали участие: болгарскій софійскій митрополитъ Неофитъ, уже нѣсколько лѣтъ жившій въ западно-русскихъ обителяхъ и къ этому времени, очевидно, нарочито вызванный въ Кіевъ, и стагонскій епископъ Авраамій, находившійся при Теофанѣ²⁾). Въ слѣдующее воскресенье, 8 октября, въ той же богоявленской церкви, съ такими же предосторожностями и при участіи тѣхъ же іерарховъ, (можетъ быть съ присовокупленіемъ Исаин), посвященъ былъ на кіевскую и галицкую митрополию игуменъ кіево-михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій. Вскорѣ послѣ того (не позже 20-хъ чиселъ октября³⁾) посвященъ былъ на полоцкую архіепископію Мелетій Смотрицкій, прошедшій предварительно двѣ низшія іерархическія степени (діаконскую и пресвитер-

¹⁾ *Приложенія*. Примѣч. къ документу XXXVII; Лѣтописецъ густинск. монастыря.

²⁾ Настоящая грамота Исаин (въ коніи) находится въ Архивѣ Минист. Иностран. Дѣлъ въ Москвѣ. (Дѣла малороссіи, годъ 1622). Сравни Рус. Истор. Библ. т. II. стр. 663. Архивъ Юго-Запа. Рос. ч. 1. т. V. №. 1.

³⁾ М. А. Максимовичъ относитъ посвященіе Мелетія Смотрицкаго на полоцкую архіепископію къ началу декабря 1620 г., причемъ называетъ его недавнимъ архимандритомъ свято-духовскаго братскаго монастыря въ Вильнѣ (Собраніе сочин. I. 367). Но это невѣрно. 2-го ноября 1620 г. Смотрицкій присутствовалъ при погребеніи свято-духовскаго архимандрита Леонтія Карповича уже въ санѣ „архіепископа полоцкаго, владыки витебскаго и

скую)¹⁾. Затѣмъ уже по выѣздѣ (7 янв. 1621 г.) Теофана изъ Кіева, на пути въ Востокъ, имъ посвящены были (въ сослуженіи съ прочими прежде поставленными іерархами, провожавшими патріарха подъ охраною 3000 козаковъ, во главѣ съ гетманомъ Сагайдачнымъ): въ трехтемировскомъ монастырѣ тамонній архимандритъ Іезекииль Курцевичъ на епископство владимірское и брестское, въ гср. Бѣлой Церкви—чернчичій игуменъ Исаакій Борисковичъ на епископство луцкое и острожское, въ гор. Жыновѣ (имѣни православнаго князя Стефана Четвертинскаго)—мелецкій игуменъ Пансій Ипполитовичъ на епископство холмское и бѣльское. Кромѣ того, по всей вѣроятности, въ это же время на туровскую и пинскую кафедру назначень былъ греческій стагонскій епископъ Авраамій²⁾.

мстиславскаго“ (см. *Казанье на честной погребъ... Леонтія Карповича*).

¹⁾ О посвященіи Смотрницкаго во священника у Мужилевскаго находится слѣдующее довольно курьезное извѣстіе: *Gdy się, (Смотрницкаго) na iereystwo, stan wielki powoływano, у iusz swięcono, iereuzkiey szaty nie dostawało, — что Мужилевскій (впоследствии) считалъ знакомъ, предѣщавшимъ будущую изиѣну Смотрницкаго православію (An tidotum... изд. 1629 г., лис. 11 на обор.)*

²⁾ *Лѣтопись вуст. монастыря.*—Настоящая грамота луцкому епископу Исаакію Борисковичу (отъ 30 янв. 1621 г.) находится (въ копіи) въ Главномъ Арх. Мня. Иностран. Дѣлъ въ Москвѣ.—Грамота Теофана о возстановленіи западно-русской іерархіи напечатана въ V. т. 1-й части *Архива Юно. Зап. Россіи* подъ № 1; но только здѣсь дата грамоты—„*Кіевъ*, гѣта отъ созданія міра 7128, а отъ воплощенія едиnorodнаго сына Божія гѣта 1620, видить 3“,—обозначена нестерно. Очевидно, документъ, въ которомъ трак-

туется о епископѣ, посвященномъ Теофаномъ епископомъ, не могъ быть выданъ въ Киевѣ, въ 1620 году.

Изъ сопоставленныхъ нами выдержекъ, надѣмся, достаточно ясно видно, что указанное рецензентомъ примѣчаніе не есть *повтореніе* текста изслѣдованія; безъ труда также можно понять и то, съ какою цѣлію сдѣлано означенное примѣчаніе. Въ нашей церковно-исторической литературѣ установилось мнѣніе, что якобы первѣе всего посвященъ былъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ Іовъ Борецкій (на кievскую митрополию), и что посвященіе это совершено было въ Кіево-печерской церкви торжественно, при большомъ стеченіи народа. Мнѣніе это, несогласное съ дѣйствительностію, требовало опроверженія, что нами и дѣлается въ примѣчаніи посредствомъ выдержекъ изъ современныхъ памятниковъ. Далѣе. М. О. Кояловичемъ высказано было предположеніе, что король Сигизмундъ III на словахъ далъ разрѣшеніе патріарху Теофану посвятить православныхъ іерарховъ. Предположеніе это тоже оказалось невѣрнымъ и требовало опроверженія, что также дѣлается нами путемъ разныхъ соображеній, подкрѣпляемыхъ документальными данными. Помѣщая указанныя опроверженія въ примѣчаніи къ документу, мы имѣли въ виду приготовить для себя надлежащую почву при составленіи текста изслѣдованія чтобы впоследствии, излагая фактъ возстановленія патріархомъ Теофаномъ западно-русской іерархіи, уже не возвращаться къ разбору невѣрныхъ мнѣній и предположеній объ этомъ предметѣ, не уклоняться въ сторону, но говорить объ означенномъ событіи на основаніи данныхъ, предварительно уже критически провѣренныхъ. Такъ, дѣйствительно, мы и поступаемъ въ соответствующемъ примѣчаніи текстѣ изслѣдованія, отсылая читателя для справокъ, (гдѣ оказывалось нужнымъ), къ приложеніямъ.

Тожѣ самое должно сказать и относительно двухъ другихъ указаній рецензента на наши примѣчанія, которыя якобы представляются повтореніемъ текста изслѣдованія.

Такъ, на стр. 298 и 299 г.г. (*прилож.*) нами приводится довольно обширная выписка изъ *Беспѣды на дѣянїя св. Апостоль*, изд. 1624 г. въ Кіевѣ, представляющая собою тоже своего рода документъ. А въ текстѣ изслѣдованїя (72 стр.) на основанїи этой выписки (со ссылкой на нее) дѣлается краткое замѣчаніе объ отношенїяхъ кїево-печерской лавры къ дятеловецкой обители. Гдѣ же здѣсь повторенїе? Вѣдь такимъ образомъ, съ одинаковымъ правомъ, рецензентъ (бѣде онъ послѣдователенъ) всякій помѣщенный нами въ приложенїяхъ документъ можетъ считать повторенїемъ текста!

На стр. 283 (*прилож.*) мы говоримъ, что помѣщенная нами подъ № XLIII грамота представляетъ новыя данныя для болѣе точнаго опредѣленїя времени возвращенїя Мелетїя Смотрицкаго съ Востока; указываемъ на прежнїя неточныя мнѣнїя объ этомъ предметѣ; говоримъ о несоотвѣтствїи ихъ съ обнародованною грамотою и о согласїи послѣдней съ *Апологією* М. Смотрицкаго, — словомъ, стараемся, по возможности, точнѣе опредѣлить время возвращенїя М. Смотрицкаго на родину. Это примѣчанїе даетъ намъ возможность сказать въ текстѣ изслѣдованїя (стр. 130), что Смотрицкій *въ концѣ 1625 г. или въ началѣ слѣдующаго (1626) прибылъ въ Кіевъ*. И вотъ подчеркнутыя нами слова, по мнѣнїю рецензента, и есть повторенїе примѣчанїя!..

Послѣднее замѣчанїе рецензента на 2-ю половину нашей книги касается якобы неисправнаго изданїя помѣщенныхъ нами здѣсь документо́въ. „Многіе изъ документо́въ, — говоритъ г. Петровъ, — изданы, къ сожалѣнїю, неисправно, и объясняется это не только свойствомъ самихъ документо́въ, иногда испорченны́хъ и полунислѣвшихъ, но отчасти и спѣшностью работы автора во время его разъѣздовъ, и его неопытностью въ чтенїи древнихъ документо́въ, особенно на первыхъ порахъ собиранїя матеріаловъ. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 298) онъ самъ сознается, что не могъ прочесть подписей вслѣдствїе крайней неразборчивости ихъ и порчи са-

мага документа въ конечныхъ его частяхъ. Въ другихъ мѣстахъ и безъ признанія собирателя видно, что онъ не могъ разобрать въ документахъ многія слова и обозначилъ пропуски точками. Болѣе всего пропусковъ и точекъ встрѣчаемъ мы въ тѣхъ документахъ, которые помѣщены въ началѣ сборника. Иногда собиратель, не разобравъ слова, такъ и пишетъ его въ непонятномъ видѣ, съ вопросомъ недоумѣнія въ скобахъ. Есть глухія указанія на источники (стр. 289, 290, 352 и друг.), тогда какъ эти источники или зарегистрированы, или легко могли быть зарегистрированы по указанію самаго г. Голубева .. Особенно-неисправно или съ неисправныхъ списковъ изданы №№ 18 и 35. Вслѣдствіе того, вторая половина книги г. Голубева, не соответствуя строго научнымъ требованіямъ относительно изданія памятниковъ, во многихъ случаяхъ можетъ служить *только инвентаремъ* для другаго, болѣе исправнаго и научнаго печатанія этихъ документовъ и матеріаловъ“.

Таковъ суровый приговоръ нашего рецензента объ изданныхъ нами въ приложеніи къ сочиненію документахъ. Приговоръ этотъ мы считаемъ голословнымъ и несправедливымъ. Дѣло въ томъ, что собирателю древнихъ документовъ приходится имѣть дѣло съ рукописнымъ матеріаломъ, не всегда одинаково сохранившимся. Попадаются рукописи въ прекрасномъ видѣ дошедшія до нашего времени, попадаютъ,—притомъ очень нерѣдко,—и попорченные. Хорошо сохранившаяся рукопись и читается легко, а поврежденная, полуистлѣвшая, разбирается съ трудомъ, а мѣстами и вовсе не можетъ быть прочтена. Если нѣкоторыя мѣста въ документахъ оказываются отъ времени окончательно изглаженными, то, разумѣется, приходится мириться съ существующимъ фактомъ и по необходимости, при печатаніи документа, обозначать изглаженное мѣсто точками. Подобныя точки можно встрѣчать за-частую въ изданіяхъ нашихъ археографическихъ комиссій, а равно и въ лучшихъ заграничныхъ сборникахъ древнихъ доку-

ментовъ. Винить за это издателей было бы крайне несправедливо. Правда, нашъ рецензентъ добавляетъ, что неисправность нашего изданія документовъ объясняется не только порчею ихъ самихъ, но отчасти также спѣшностію работы и неопытностію въ чтеніи древнихъ рукописей, особенно на первыхъ порахъ собиранія матеріаловъ. Но этотъ упрекъ рецензента имѣлъ бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы онъ *сличилъ какой нибудь изъ неисправно, по его мнѣнію, напечатанныхъ нами документовъ съ подлинникомъ и предложилъ свое болѣе исправное чтеніе*. Но рецензентъ этого не дѣлаетъ. Онъ, очевидно, держится такого образа мыслей. Болѣе всего точекъ находится въ документахъ, напечатанныхъ издателемъ въ началѣ его книги: ergo, на первыхъ порахъ собиранія матеріала онъ былъ менѣе опытенъ въ чтеніи древнихъ рукописей. Наивное предположеніе! Какъ будто мы собирали документы по хронологическому рецепту! Смѣемъ увѣрить рецензента, что первыми собранными нами документами и были именно помѣщенные нами въ концѣ книги (напр. докум. подъ №№ LXXIII—LXXXII) и сравнительная ихъ исправность (почти отсутствіе точекъ) объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ только сохранностію самихъ подлинниковъ, съ которыхъ они были списаны. Притомъ намъ представляется очень страннымъ, почему рецензентъ, желая доказать нашу неопытность при чтеніи документовъ, прибѣгаетъ къ предположеніямъ, и не рѣшается—какъ мы уже замѣтили—стать на почву фактическую. Онъ имѣлъ и имѣетъ полную къ тому возможность. Не всѣ изданные нами документы находятся въ недоступныхъ для него архивахъ и библіотекахъ. Въ нашей книгѣ помѣщено не малое количество документовъ, хранящихся и въ Кіевѣ: въ Кіево-Печерской лаврѣ и Центральномъ Архивѣ при Университетѣ св. Владиміра. Помѣщены даже такіе документы, которые находятся въ нашей академической библіотекѣ и Церковно-Археологическомъ музеѣ,—слѣдовательно, что называется, подъ руками и въ рукахъ у рецензента. При-

ведение некоторых строкъ изъ этихъ документовъ въ подтвержденіе неисправнаго изданія ихъ нами, безъ сомнѣнія, было бы лучшимъ доказательствомъ, чѣмъ разнаго рода догадки, притомъ построенныя на зыбкой почвѣ.

Отклоняя отъ себя упрекъ въ неисправномъ изданіи документовъ, какъ совершенно голословный,—мы далеки отъ мысли считать себя непогрѣшимыми при чтеніи древнихъ рукописей: *нико слово похвальное!* Очень можетъ быть, что кое-гдѣ въ очень неразборчивомъ и попорченномъ документѣ мы не прочли нѣсколькихъ словъ, которыя болѣе опытный чтецъ смогъ бы и прочесть. Но не думаемъ, чтобы отъ этого напечатанные нами документы теряли свое историческое значеніе и *многие (?)* изъ нихъ могли служить только *инвентаремъ (?)* для другаго изданія этихъ документовъ. Вообще, мы смѣемъ думать, что наша неопытность при чтеніи древнихъ документовъ далеко не достигаетъ до такихъ громадныхъ размѣровъ, какіе угодно было создать г. рецензенту. Можемъ представить тому некоторые и доказательства. Рецензенту извѣстно, что въ числѣ приложенныхъ нами къ сочиненію документовъ четыре есть и такихъ, которые напечатаны были уже прежде и переизданы нами вновь по важности ихъ для предмета нашего изслѣдованія и малодоступности періодическихъ изданій, гдѣ онѣ прежде были помѣщены. Печатали мы эти документы *по тѣмъ же рукописямъ*, какими пользовались и прежніе издатели. Возьмемъ одинъ изъ наиболѣе неразборчивыхъ документовъ и сопоставимъ текстъ его въ нашей книгѣ съ текстомъ прежняго изданія, отмѣчая болѣе *крупная разночтенія* курсивомъ.

Протестація отъ имени униатскаго митрополита В. Рутскаго касательно насильственнаго отобрания Петромъ Могилею и его сподвижниками Киево-Софійскаго собора. 1633 г. Іюля 18.

Текстъ документа въ нашей книгѣ (прилож. стр. 530 и слѣд.).

Вписъ с книгъ кгородскихъ воеводства киевскаго.

Лета Божого нароженя тысяча шесть сотъ тридцать третего мѣсяца июля осмьнадцатого дня.

На вrade Его Королевское милости Кгородскомъ въ замку Киевскомъ передомною Станиславомъ Вилгурю, городничимъ и намѣстникомъ замку киевскаго, становши очевисто уроженный панъ Станиславъ Корсакъ, *именемъ* превелебнаго въ пану Богу Его милости Отца Иосефа Великина Рутскаго, Архіепископа Метрополиты Киевскаго, Галицкаго и всея Руси и Капитулы Его Милости въ униі святой будущи, *солемнитеръ* и з великимъ жалемъ сведъчилъ и претествовалсе противько превелебному въ Бозе Его Милости Отьду Петрови Могиле, киевскому и *всее* въ униі небудучое Руси Метрополитови, Архимандритови монастыра печерскаго киевскаго, и всей капитуле печерской и тутошней катедральной русской киевской принципаломъ: Анатолему Мужилловскому, Сильвестрови Коссови, Софрониеви *Почаському*, Ивашковскому чернцемъ: Даниелеви *Думиньскому*, *Андрееви* Предмирьскому и сынови его Иванови Предмирьскому Апостоловскому, комъпринципаломъ учинижу цижей менованого, и помощникомъ

Текстъ документа въ прежнемъ изданіи (Кіев. Епарх. Вѣд. 1873. № 13).

Вписъ с книгъ Кгородскихъ воеводства киевскаго.

Лета Божого нароженя тысяча шестьсотъ, тридцать третого, мѣсяца іюля осмьнадцатого дня.

На Врадѣ Его Королевское милости Кгородскомъ въ замку Киевскомъ перидомною Станиславомъ Вилгурю Городничимъ и намѣстникомъ замку киевскаго, становши очевисте урожанный панъ Станиславъ Корсакъ, *именемъ* превелебнаго в пану Богу Его милости Отца Иосефа Великина Рутскаго, Архіепископа, метрополиты Киевскаго Галицкаго и всея *Россіи* и капитулы Его Милости в Униі святой будущи, *солемните* и з великимъ жалемъ сведъчилъ и протествовалсе противько превелебному в Бозе Его милости Отьду Петрови Могиле, киевскому — „въ униі небудучой Руси Метрополитови, Архимандритови монастыра печерскаго киевскаго, и всей Капитуле Печерской и тутошней Катедральной русской Киевской принципаломъ, Анатолему Мужилловскому, Сильвестрови Коссови, Софрониеви *Поларскому*, Ивашковскому чернцемъ, Даниелеви *Думиньскому*, *Андрееви* Предмирьскому и сынови его Иванови Предмирьскому, Апостоловскому, Компринципаломъ учинижу нижеименованого и помощникомъ

ихъ мещаномъ Киевскимъ, которыхъ се поминати може, меновите Петрови Сызоновичови *Баласи*, Захаркови, Богданови, Веремеенкови и *Бжолотичови* слюсаромъ и иньшимъ всимъ помощникомъ ихъ, которыхъ имена и прозвиска они сами *летей* ведаютъ и *самы* ихъ звають, о томъ ихъ помененый Отець Могила, не заживши в речахъ своихъ правныхъ сродковъ, але *рчей* заживши кгвалтовного способу, на право посполитое и вини в немъ на трансъегресъсоровъ описаные не огледающе, порозумевшисе и спольне на радивши и намовивши з спольпринципалами своими печерскою и киевскою рускою катедральною капитулами, тудежъ *земш* менованными комъпринципалами, року теперешнего тысяча шестьсотъ тридцать третего, мѣсяца юля дванадцатаго дня, вышъ реченныхъ комъпринципаловъ своихъ з немалою купою людей, такъ киевскихъ разныхъ *юрисдикцій* мѣщанъ (*противко* которыхъ, кидысе *именъ* и *прозвискъ* ихъ *досляне*, *протестація* *сворсива* о *рчь* *нижеи* *выражкую* *будеть* *занисена*), также тежъ слугъ, бояръ, подданныхъ и козаковъ монастыра печарского и иньшихъ людей, то есть волоховъ, которыхъ право переховывать заказуетъ, которыхъ всихъ людей было до пети, або шести сотъ человекъ, зъ стрельбою *оимстою* и иньшимъ рожнымъ *до* *воинъ* належачимъ оружемъ, такъ на церковь светое Софїи, въ Киеве на горе будучую, яко тежъ на слободу при той церкви будучую, тудежъ на дворъ мешкана урочонныхъ пана Мартина Корсака и панее Александры Чарковского Корсаковое малъжовковъ, родичевъ протестую-

ихъ мещаномъ Киевскимъ, которыхъ се поминати може, меновите Петрови Сызоновичови *Баласи*, Захаркови Богданови Веремеенкови и *Бжолотичови* Слюсаромъ и иньшимъ всимъ помощникомъ ихъ, которыхъ имена и прозвиска они сами *летей* ведаютъ и *самы* ихъ звають, о томъ ихъ помененый Отець Могила, не заживши в речахъ своихъ правныхъ сродковъ, але *рчей* заживши кгвалтовного способу, на право посполитое и вини, в немъ на трансъегресъсоровъ описаные, не огледающе, по розумѣвшимся и спольне на радивши и намовивши з спольпринципалами своими Печерскою и Киевскою Рускою Катедральною Капитулами, тудежъ *земш* менованными комъпринципалами, року теперешнего тысяча шестьсотъ тридцать третего, мѣсяца юля дванадцатаго дня, вышъ речонныхъ комъпринципаловъ своихъ з немалою купою людей, такъ киевскихъ разныхъ *юрисдикцій* мещанъ (*противность* которыхъ кидысе *именемъ* и *прозвисьи* *ихъ* *досляне* *е* *протестацію* *горсива* о *име* *нижеи* *выражкую* *будеть* *занисено*), также тежъ слугъ, бояръ, подданныхъ и козаковъ монастыра печерского и иньшихъ людей, то есть волоховъ, которыхъ право переховывать заказуетъ, которыхъ всихъ людей было сотъ до пети, або шести сотъ человекъ, з стрельбою, *оими* и иньшимъ рожнымъ *до* *воинъ* належачимъ оружемъ, такъ на церковь светое Софїи въ Киеве на горе будучую, яко тежъ на слободу при той церкви будучую, такъ тежъ на дворъ мешкана урочонныхъ пана Мартина Корсака и панее Александры Чарковского Корсаковое малъжовковъ, родичевъ протестую-

чаго, *лежачій* въ Кieve на горе за валомъ, который валъ одъ монастыря Михайловскаго идетъ, и дворъ также тежъ мешчанъ, тамже за валомъ при дворе мешкающихъ отъ церкви светое Софіи, и одъ слобожанъ зъ давна *делитъ*, наслали. Которые компринципалове, зъ приданными до себе помощниками и приспособленными людьми, року мѣсяца и дня вышей менованчъ т. е. дня дванадцатаго юля, квалтовне, арматно на помененый дворъ мешканя родичовъ протестующаго наехавши, и до избы тое, въ которой ее милость пани Корсакова на тотъ часъ зъ гостями кильку особъ шляхты, будучи правомъ оосполитымъ обыварована, безпечне седела, зъ *тижбою*¹⁾ людей въ армату прибранныхъ вшедши, домогалисе, абы *имъ менованая* пани Корсакова ключи для одомкнениа церкви светое Софіи, *отъ поссесии* Его Милости отца Рутскаго метрополиты и капитулы, водлугъ привилею светое намети Короля Его милости свежо змерлого будучое, дала, которая при бытности гостей своихъ и шляхты, также тежъ и возныхъ двоухъ одъ мене приданныхъ шляхетныхъ Яна Байкача и Богдана Речицкаго, также стороны шляхты при возныхъ будучихъ пана Василя Гуляницкаго и пана Александра Завадовскаго, гды вышей помененымъ компринципаламъ, яко белая голова, будучи *субъ потестате марити, и не суй юрижъ*²⁾, не видечи привилею жадного, а ни дворянина отъ Могиле отъ короля Его милости на то приданого, одповедила, же она росъказана жад-

¹⁾ Опечатка.

²⁾ т. е. *sub potestate mariti, a ne sui iuris.*

чаго *лежачихъ* въ Кieve на горе за валомъ, который валъ одъ монастыря Михайловскаго идетъ, и дворъ также тежъ мешчанъ, тамже за валомъ при дворе мешкающихъ отъ церкви светое Софіи и отъ слобожанъ зъ давна, *делми* наслали. Которые компринципалове, зъ приданными до себе помощниками и приспособленными себѣ людьми, року мѣсяца и дня вышейменованныхъ, т. е. дня дванадцатаго юля, квалтовне арматно на помененый дворъ мешканя родичовъ протестующаго наехавши, и до избы тое, в которой ее милость пани Корсакова на тотъ часъ зъ гостями кильку особъ шляхты, будучи правомъ посполитымъ обыварована, безпечне седела, зъ *личбою* людей в армату прибранныхъ вшедши, домогалисе, абы *именованая* пани Корсакова ключи для одомкнениа Церкви светой Софіи *власески* Его Милости отца Рутскаго метрополиты и капитулы, водлугъ привилею святое намети Короля Его милости свежо змерлого будучое, дала, которая при бытности гостей своихъ и шляхты, также тежъ и возныхъ двоухъ одъ мене приданныхъ шляхетныхъ Яна Байкача и Богдана Речицкаго, также стороны шляхты при возныхъ будучихъ пана Василя Гуляницкаго и пана Александра Завадовскаго, и гды вышей помененымъ компринципаламъ яко белая голова будучи *субъ потестате мерити (?)* а не *сукторимъ (?)* не видечи привилею жадного, а ни дворянина отъ Могиле отъ короля Его милости на то приданого, отповедила, же она росъказана жад-

ного отъ его милости отца Рутскаго метрополита и Капитулы Его милости въ небытности пана малъжонка своего, абы до одмыканя тое церкви кому ключи давати, або ону одмыкати кому позволяти, либо уступовати мела, не маеть, и тое церкви такъ Его милости отцу Могиле, яко тежъ и никому иньшому не уступуетъ и одмыкати не позволяеть; теде они квалтовне и зъ крикомъ и тумуломъ, рекши то, же мы, повяда, маемъ ключи свои и сами туу церковь одомькнемо, и пришедши до тое церкви, такъ у воротъ, которыми на дмпитаръ входить, яко тежъ и у церкви *ку захристій*, колодьки поодбывъши обухами и *поодъминавши* шаблями, до церкви вошли и оную квалтовне подъ моць менованого Его милости отца Могилы загорнули, книги, аппараты, вси справы такъ на метрополию киевскую, яко и на архимандрію печерскую, и все, штокольвекъ тамъ нашли, забрали и т. д.

ного отъ его милости отца Рутскаго метрополита и Капитулы Его милости в небытности пана малъжонка своего, абы до одмыканя тое церкви кому ключи давати, або оную одмыкати кому позволяти, либо оные уступати мела, не маеть, и тое Церкви такъ Его милости отцу Могиле, яко тежъ и никому иньшому не уступуетъ и одмыкати не позволяеть; теде они квалтовне и зъ крикомъ и тумультомъ, рекши то, же мы поведа маемъ ключи свои и сами туу церковь одомькнемо, а пришедши до тое церкви такъ у воротъ, которыми на дмпитаръ входить, яко тежъ и у церкви и *захристия*, колодьки поодбывъши обухами и *поод пыкавши* шаблями, до церкви вошли и оную квалтовне педъ моць менованого Его милости отца Могилы загорнули, книги, аппараты, вси справы такъ на метрополию киевскую, яко и на архимандрію Печерскую и все штокольвекъ тамъ нашли, забрали и т. д.

Не думаемъ, чтобы наше чтеніе приведеннаго документа рецензентъ нашель *худшимъ* чтенія прежнихъ издателей. А можетъ быть, кто *вибудъ*, знакомый съ нашею старописьменностію, найдетъ текстъ документа въ нашей книгѣ и *лучшимъ*?

Особенно неисправно изданными рецензентъ считаетъ документы, помѣщенные у насъ подъ № № 18 и 35. Что касается до послѣдняго документа, то онъ хотя извлечень былъ нами изъ очень неразборчивой рукописи, но напечатанъ *исправно*. На *восемь* печатныхъ страницъ намъ пришлось сдѣлать точекъ въ общей сложности *не болѣе трехъ строкъ*, при чемъ по необходимости пропущенныя мѣста *не нарушаютъ* смысла прерываемой ими рѣчи и нисколько не

уменьшают историческаго значенія этого въ высшей степени важнаго документа (*письмо основателя скитской обители схимонаха Иова Княгиницкаго къ іеромонаху Кириллу Транквилиону, заключающее въ себѣ критическій разбор составленнаго послѣднимъ „исповѣданія вѣры“*). Напрасно, поэтому, рецензентъ приравниваетъ текстъ означеннаго документа къ инвентарю для другаго болѣе исправнаго и научнаго изданія.—Что касается до документовъ подъ № 18, то при печатаніи ихъ мы дѣйствительно часто должны были прибѣгать къ точкамъ. Но это вовсе не зависѣло отъ нашей неопытности при чтеніи древнихъ документовъ. Рукопись, которою мы пользовались, относится къ XIX столѣтію и переписана до такой степени четко, что читать ее можетъ всякій грамотный человѣкъ. Но дѣло въ томъ, (какъ мы объясняли въ примѣчаніи къ документу, стр. 153—154), что извѣстный списокъ этой западно-русской по происхожденію рукописи принадлежитъ перу великоросса, для котораго многія слова въ ней, очевидно, были непонятны, и онъ, копируя ихъ, при перепискѣ допустилъ много ошибокъ. При печатаніи рукописи ея текстъ, по возможности, былъ возстановляемъ нами; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это оказывалось крайне затруднительнымъ, мы ставили точки. Намъ извѣстно, что С.-Петербургская Археографическая коммиссія требовала около 1875 г. изъ Московской Синодальной библіотеки означенную рукопись съ цѣлію издать ее; но нашла это неудобнымъ въ виду крайней трудности возстановленія текста. Мы же рѣшились издать часть рукописи и не въ окончательномъ возстановленномъ видѣ въ надеждѣ, что извлеченные изъ нея документы, не смотря на нѣкоторую неисправность текста, не утратятъ своего церковно-историческаго значенія и для науки будутъ далеко не бесполезны. Мы думаемъ, что не ошиблись,—и съ удовольствіемъ можемъ заявить, что изслѣдователи въ научныхъ интересахъ уже воспользовались означенными документами, представивъ *связный и обстоятельный анализъ* ихъ содержанія. (*Палинодія*

Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII в.в., изслѣдованіе В. З. Завитневича. Варшава. 1883 г. стр. 61—84). Впрочемъ, будемъ справедливы. Мы дѣйствительно заслуживаемъ упрека относительно двухъ документовъ, помѣщенныхъ нами подъ № 18, — хотя *этою* именно упрека и не дѣлаетъ намъ рецензентъ. Именно думаемъ, что, употребивши больше усилій, сильнѣе порабатавши головою, — мы могли бы возстановить текстъ означенныхъ документовъ *полнѣе и исправнѣе*. Къ этому заключенію мы пришли, работая въ настоящее время для Кіевской Археографической комиссіи надъ возстановленіемъ текста нѣкоторыхъ другихъ частей рукописи, еще нигдѣ не изданныхъ. Но мы надѣемся въ скоромъ времени указанный нами упрекъ снять съ себя, издавши означенные документы (въ одномъ изъ томовъ *Архива Юго-Зап. Россіи*) вторично и уже, если не въ окончательно возстановленномъ видѣ¹⁾, то, по крайней мѣрѣ, въ значительно исправнѣйшемъ.

На замѣчаніе рецензента, что у насъ есть *мудрiя указанiя* на источники, откуда заимствованы документы — отвѣчаемъ: мы всегда подъ документами обозначали изъ какихъ библиотекъ или архивовъ они извлечены нами, при чемъ отмѣчали №№, подъ коими они значатся въ каталогахъ. Если же памятники оказывались не записанными въ описи, то, понятное дѣло, мы не могли выставлять на нихъ №№ по произволу. Рецензентъ говоритъ, что такіе памятники легко могли бы быть зарегистрированы по нашему указанію. Но подобное дѣло не входило въ кругъ нашихъ обязанностей: для этого существуютъ лица, коимъ вѣдать о томъ надлежитъ. Вообще, означенное замѣчаніе рецензента имѣло бы значеніе въ томъ только случаѣ, если бы онъ *сомнѣ-*

¹⁾ Какъ несправенъ списокъ означенной рукописи и какъ, поэтому, трудно разсчитывать на *безусловно точное* возстановленіе ея текста, — для пониманія этого приведемъ хотя нѣсколько словъ искаженныхъ переписчикомъ: мы *ожили* написано вмѣсто *множили*, *аназ'* — вмѣсто *и интъ*, *лѣта* — вмѣсто *вѣдай*, *имама* — вмѣсто *и мамы* (т. е. матери), *веселити* — вмѣсто *вселити*, или — вмѣсто *але*, *имже* — вмѣсто *имъ*, *снасти* — вмѣсто *сласти*, и т. д. безъ конца.

самся въ подлинности нѣкоторыхъ, помѣщенныхъ въ нашей книгѣ памятниковъ. Но мы увѣрены, что подобное сомнѣніе у рецензента возникнуть не можетъ,—тѣмъ болѣе, что указываемые имъ не зарегистрированные документы находятся у него подъ руками.

Послѣ замѣчавій, касающихся приложеній къ нашей книгѣ, проф. Петровъ переходитъ къ обзору самаго изслѣдованія,—причемъ,—какъ нами замѣчено,—обращаетъ вниманіе на такіе пункты, которые касаются непосредственно П. Могилы, или же представляютъ новое откровеніе исторической науки по данному предмету, или же *отзываются предположительнымъ характеромъ и не выдерживаютъ строюй критики*. Мы оставляемъ въ сторонѣ не всегда точное изложеніе нашего изслѣдованія г. рецензентомъ¹⁾: за это отвѣтственность несетъ онъ. Для насъ важна его *строгая критика*. На ней-то мы и сосредоточимъ свое вниманіе.

Самыя начальныя строки первой главы нашего сочиненія вызываютъ уже со стороны рецензента критическое замѣчаніе. Мы говоримъ: „Въ XVI и XVII столѣтіяхъ древность и знатность были весьма цѣнными качествами въ глазахъ западно-европейскаго дворянства, польской шляхты и литовско-русской аристократіи. Поэтому всѣ знатныя лица того времени любили возводить начало своей родословной—часто вопреки здравому смыслу и исторіи—ко временамъ самымъ отдаленнымъ,—ко временамъ римской имперіи, Александра Македонскаго, Ноя, Авраама и даже Адама. Подобное же стремленіе мы замѣчаемъ и въ фамиліи Могилъ. Изъ дошедшихъ до нашего времени польскихъ гербовниковъ, писанныхъ главнымъ образомъ съ цѣлю льстить честолюбію знати, и изъ книгъ, посвященныхъ Петру

¹⁾ Разумѣемъ заявленіе рецензента (якобы съ нашихъ словъ), что Апологія Смотрицкаго издана была въ 1629 г. и что въ этомъ же году въ Кіевѣ было два собора, изъ коихъ на одномъ произошло отреченіе М. Смотрицкаго отъ своего неправославнаго сочиненія.

Могилъ, мы узнаемъ, что означенная фамилія считала своимъ своимъ родоначальникомъ Муція Сцевола, потомки котораго будто бы изъ Рима перешли въ Грецію, а отсюда въ молдо-влахійскія земли (родину Могилъ), гдѣ окончательно и поселились⁴. — Рецензентъ по поводу этого мѣста въ нашемъ сочиненіи дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „нельзя сказать, вмѣстѣ съ г. Голубевымъ, чтобы фамилія Могилъ дѣлала это, (считая Муція Сцевола своимъ родоначальникомъ), воплнѣ *вопреки здравому смыслу и исторіи*, такъ какъ румынское происхожденіе Могилъ не подлежитъ сомнѣнію, а Румыны не безъ основанія производятъ себя отъ Римлянъ; воплнѣ же баснословно происхожденіе фамиліи Могилъ именно отъ Муція Сцевола⁴. — Мы не будемъ входить въ препирательство съ рецензентомъ по поводу этого замѣчанія. Мы только, на основаніи его, позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее умозаключеніе. Фамилія де-Круа утверждаетъ ¹⁾, что она обладаетъ неоспоримымъ доказательствомъ древности своего рода. Доказательство это заключается въ старинной картинѣ, на которой средневѣковой живописью изображенъ всемірный потопъ. Вода быстро возвышается. Ноевъ ковчегъ уже плыветъ и тонущіе члены семейства де-Круа, едва поддерживаясь на водѣ, перебрасываютъ свои грамоты и гербы въ руки молодой невѣстки Ноя, урожденной *дъвицы де-Круа*. Впрочемъ — подражаемъ въ выводъ нашему рецензенту — *нельзя сказать, чтобы означенная фамилія дѣлала это* (т. е. возводила начало своей родословной ко времени Ноя) *воплнѣ вопреки здравому смыслу и исторіи*, такъ какъ не безъ основанія *всѣ живущіе теперь люди считаются происшедшими отъ уцѣлѣвшаго во время потопа семейства Ноева; воплнѣ же баснословна фамилія невѣстки Ноя и фактъ передачи ей гербовъ и грамотъ*.

Слѣдующее замѣчаніе г. рецензента можетъ показаться,

¹⁾ См. наше сочиненіе: *Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южно-русскихъ фамилій въ произведеніяхъ духовныхъ писателей XVII в.* (Труды Кіев. дух. Акад. 1872 г. т. III).

на первый взглядъ, болѣе опаснымъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду разшатавъ (на ряду съ мелкими замѣтками) нѣкоторыя изъ существенныхъ положеній нашего изслѣдованія. Вотъ это замѣчаніе.

Петръ Могила родился будто бы (по свидѣтельству одного панегирика) 21-го декабря 1596 г., а не 1597, какъ полагали другіе историки. Такая разница въ означеніи года рожденія П. Могилы въ разныхъ источникахъ, впрочемъ чисто воображаемая, составляетъ плодъ недоразумѣнія и со стороны нашего автора. При счетѣ годовъ и лѣтописныхъ выкладкахъ нужно различать прежній церковный годъ, начинавшійся съ сентября, и новый гражданскій, начинающійся съ января мѣсяца. Такъ какъ Петръ Могила родился въ одинъ изъ промежуточныхъ мѣсяцевъ этихъ двухъ лѣтосчисленій, то слѣдовательно, годомъ его рожденія по церковному лѣтосчисленію былъ 1597, а по гражданскому—1596 годъ. Кроме того, въ XVII вѣкѣ употреблялось изрѣдка и лѣтосчисленіе съ марта мѣсяца. Это-то различіе между различными лѣтосчисленіями и не принято авторомъ изслѣдованія въ расчетъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при опредѣленіи времени кончины Кіево-Печерскаго архимандрита Захаріи Копыстенскаго и избранія на его мѣсто П. Могилы (стр. 66 и 67), постриженія Смотриднаго въ монашество (стр. 104), изданія повѣсти о діаволѣ отъ Отчанина Скитскаго (стр. 411) и др. Что же касается рожденія П. Могилы 21-го декабря, въ день памяти св. Петра, митрополита Кіевского, то извѣстіе объ этомъ позднѣйшаго панегирика 1646 года недостоверно уже потому, что имя Петръ есть монашеское имя Могилы, которымъ, по всей вѣроятности замѣнено было первоначальное имя его, данное при св. крещеніи^а.

Мы думаемъ, что приведенное рецензентомъ замѣчаніе есть плодъ недоразумѣнія именно съ его стороны, или, точнѣе, слѣдствіе его нежеланія вникнуть въ суть дѣла. Если г. Петровъ рѣшился оспаривать нѣкоторыя положенія

въ нашемъ изслѣдованіи на основаніи различно понимасмаго нами и имъ лѣтосчисленія, т. е. вслѣдствіе якобы упущеннаго нами изъ приниманія различія между годомъ церковнымъ и гражданскимъ, — то элементарное правило здравой критики требовало отъ рецензента, чтобы онъ, во 1-хъ, доказалъ, что въ рассматриваемое время въ юго-западной Руси существовало (хотя бы то и не вездѣ) *церковное лѣтосчисленіе*; во 2-хъ, что къ устанавливаемымъ нами датамъ относительно нѣкоторыхъ событій должно быть приложено именно *это лѣтосчисленіе*, и въ 3-хъ, что оно, будучи къ нимъ приложено, *измѣняетъ сдѣланныя нами замѣчанія и выводы*. Всего этого рецензентъ не дѣлаетъ, да и сдѣлать не могъ: замѣчаніе его имѣетъ крайне непрочную подкладку, которая при первомъ же прикосновеніи къ ней научнаго анализа обнаруживаетъ прорѣхи. Но переходимъ отъ словъ къ дѣлу.

Первѣе всего замѣтимъ, что въ *юго-западной Руси* въ рассматриваемое нами время господствовало *лѣтосчисленіе гражданское*, т. е. велось съ 1-го января. Оно было въ употребленіи какъ въ судахъ, такъ и въ частной жизни, какъ въ сферѣ свѣтской, такъ и духовной. Примѣровъ этому бездна, куда бы мы за доказательствами не обратились. До настоящаго времени изданы тысячи документовъ, относящихся до рассматриваемаго нами періода; милліоны ихъ въ рукописномъ видѣ хранятся въ архивахъ при Археографическихкихъ комиссіяхъ. Если возьмемъ любую книгу съ подобными документами, обыкновенно переплетѣнными *поиодно*, то сразу же убѣдимся, что лѣтосчисленіе ведется въ нихъ гражданское: вездѣ годъ начинается съ 1-го января и оканчивается 31 декабря. Тоже самое видимъ и въ письменныхъ памятникахъ (граматахъ, окружныхъ пославіяхъ и т. п.), принадлежащихъ лицамъ духовнымъ. *Тоже самое лѣтосчисленіе* видимъ и въ изданныхъ разными типографіями книгахъ какъ свѣтскаго, такъ и религіозно-богослужебнаго характера, — убѣдиться въ чемъ опять не трудно, такъ какъ изда-

тели верѣдео въ послѣсловіяхъ къ выпускаемымъ ими въ свѣтъ книгамъ сообщали, *когда они начаты печатаніемъ, сколько времени печатались, когда наконецъ отпечатаны.* Сопоставленіе всѣхъ этихъ заявленій опять таки приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что издатели держались лѣтосчисленія гражданскаго (въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—имѣемъ въ виду извѣстные мѣсяцы,—сопоставленіе года отъ Рождества Христова съ выставляемымъ весьма часто годомъ отъ сотворенія міра и индиктомъ,—тоже можемъ служить доказательствомъ нашего мнѣнія).

Наконецъ, если бы мы, вмѣстѣ съ нашимъ рецензентомъ, даже допустили, что въ разсматриваемое нами время въ юго-западной Руси употреблялось *иногда* лѣтосчисленіе церковное; то и въ такомъ случаѣ наши замѣчанія и положенія *не были бы поколеблены.* Потому что означенное лѣтосчисленіе къ однимъ изъ нашихъ положеній (относительно датъ, къ коимъ пріурочиваются тѣ или другія событія), вовсе *не приложимо*; къ другимъ—*не можетъ быть приложимо*; а къ третьимъ, если бы даже и было приложено, то *нисколько бы ихъ не измѣняло.*

Обращаемся къ доказательствамъ.

Указанія на *годъ* рожденія Петра Могилы въ тогочасныхъ памятникахъ *нигдѣ не встрѣчается* (рецензентъ ошибается, говоря, что оно находится въ одномъ изъ панегириковъ, поднесенныхъ нашему митрополиту). Историки опредѣляли этотъ годъ, основываясь на свидѣльствѣ Іерлпча, который говоритъ, что П. Могила прожилъ *полные пятьдесятъ лѣтъ.* Такъ какъ смерть П. Могилы случилась въ ночь съ 31 декабря 1646 г. на 1 января 1647 г., то историки, отсчитывая *ровно* пятьдесятъ лѣтъ, относили рожденіе знаменитаго іерарха къ 1597 году. Но намъ сдѣлались извѣстны панегирики, изъ коихъ видно, что день рожденія Петра Могилы падаетъ на вторую половину декабря, именно на 21 число этого мѣсяца. Отсюда очевиднымъ стало, что годомъ его рожденія былъ 1596-й; потому что, въ противномъ случаѣ,

т. е., признавая означеннымъ годомъ 1597-й, оказалось бы, что Могила прожилъ только *полныхъ* 49 лѣтъ, а не 50.— Спросимъ: какое имѣетъ отношеніе ко всему сказанному нами различіе между церковнымъ и гражданскимъ лѣтосчисленіемъ?—Разумѣется, ни малѣйшаго. Притомъ самъ рецензентъ заявляетъ, что по гражданскому лѣтосчисленію П. Могила родился *въ 1596 году*, т. е., тоже самое, что утверждаемъ и мы. Въ чемъ же состоитъ наше недоразумѣніе? Неужели въ томъ, что мы исправляемъ ошибочное указаніе прежнихъ изслѣдователей (Аскоченскаго, Закревскаго, Костомарова и друг.) относительно рожденія П. Могила въ 1597 году,—исправляемъ, *не принимая во вниманіе церковную лѣтосчисленія*, съ которымъ означенное указаніе находится въ согласіи? Но развѣ поименованные изслѣдователи въ своихъ произведеніяхъ держатся церковнаго лѣтосчисленія, и развѣ ихъ труды и суть воображаемые авторомъ источники для рѣшенія даннаго вопроса?

Рецензентъ считаетъ свидѣтельство цитуемаго нами панегирика о днѣ рожденія П. Могила *позднѣйшимъ*, а потому *недостовѣрнымъ*, причемъ замѣчаетъ, что имя Петръ, *по всей вѣроятности*, есть монашеское имя Могила. Во первыхъ, замѣтимъ, что мы указываемъ на панегирикъ *не позднѣйшій*, а *современный*,—современный, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, что онъ былъ писанъ въ годъ рожденія Могила, а въ томъ, что писанъ *во время его жизни* и былъ *ему преподнесенъ*. А вѣдь послѣднее обстоятельство дѣлаетъ цитуемое нами мѣсто изъ панегирика столь же достовѣрнымъ, какъ если бы онъ писанъ былъ въ самый годъ и даже день рожденія П. Могила. Для поясненія приведемъ подходящій примѣръ. Предположимъ, что какое нибудь знатное лицо, занимающее высокой постъ и имѣющее у себя подъ начальствомъ много подчиненныхъ, ежегодно празднуетъ день своего рожденія. Предположимъ также, что подчиненные, желая почтить своего начальника въ этотъ знаменательный для него день, рѣшаются преподнести ему что нибудь въ родѣ адреса (вѣдь это тѣже

панегирки), гдѣ, разумѣется, естественно отмѣтять число, къ которому приурочивается торжество ихъ патрона. Весьма вѣроятно, что означенный начальникъ уже много лѣтъ праздновалъ годовщину своего рожденія; вѣроятно также, что многіе изъ его подчиненныхъ не только не присутствовали при его рожденіи, но даже, можетъ быть, и не въ особенно близкихъ отношеніяхъ находились къ своему патрону. Теперь предложимъ такой вопросъ: можно ли указаніе поименованнаго адреса *о днѣ рожденія лица, коему этотъ адресъ преподнесенъ*, — можно-ли, повторяемъ, подобное указаніе считать свидѣтельствомъ *позднѣйшимъ и недостовернымъ*? Думаемъ, что въ отрицательномъ отвѣтѣ сомнѣваться нельзя, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ яснымъ — и почему...¹⁾ Во вторыхъ, что касается имени *Петра*, которое якобы не было дано нашему іерарху при крещеніи, а принято имъ при постриженіи въ монашество, — то, думаемъ, что въ данномъ случаѣ рецензентъ введенъ былъ въ заблужденіе невѣрно понятымъ имъ возраженіемъ, сдѣланнымъ намъ на диспутѣ. Нашъ высокоуважаемый оппонентъ насколько не сомнѣвался въ томъ, что имя *Петръ* было всегдашнимъ (и свѣтскимъ и монашескимъ) именемъ Могилы. Онъ только сдѣлалъ намъ замѣчаніе (и совершенно справедливое), что, въ виду существующаго и прежде часто существовавшаго обычая перемѣнять при постриженіи имена, намъ слѣдовало бы, хотя въ подстрочномъ примѣчаніи, разъяснить, почему П. Могила не послѣдовалъ означенному обычаю и сопо-

¹⁾ Считаемъ не лишнимъ также замѣтить, что кромѣ упоминаемаго рецензентомъ панегирика, *точно опредѣляющаго дѣнь рожденія Петра Могилы*, нами приводятся въ изслѣдованіи выдержки и изъ другаго панегирика, тоже поднесеннаго (въ 1633 г.) нашему митрополиту въ день Рождества Христова. Въ этомъ панегирикѣ, хотя и не въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ въ панегирикѣ 1645 г., говорится о времени рожденія Могилы, — тѣмъ не менѣе дѣлается ясное указаніе, что означенное рожденіе случилось въ декабрѣ мѣсяцѣ. Именно панегиристъ, между прочимъ, задается рѣшеніемъ слѣдующаго вопроса: *почему комета, явившаяся предъ Рождествомъ Христовымъ и спустя нѣсколько дней послѣ рожденія Петра Могилы, есть истинный благопріятный вѣстникъ счастья?*

ставить этотъ поступокъ митрополита съ другими аналогичными явленіями (нѣкоторыя изъ знатныхъ лицъ разсматриваемаго времени при поступленіи въ монашество не перемѣняли своихъ первоначальныхъ именъ) .. Что же касается самаго факта—нареченія Могилы именемъ *Петра* еще при крещеніи, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ упомянутомъ нами панегирикѣ, поднесенномъ нашему митрополиту въ день его рожденія, прямо говорится:

Illo die natus, (Петръ Могила) quo suus obiit Patronus Petrus,

*Quia ei suam legavit testamento vitam,
Et ubi ille definit.*

*Felici avspicio incipit vivere Mohila,
Ne Petrus deficit terrae et maxime
Rossiae.*

*Qui multos ante annos mortuus; nascente Petro.
Mohila in eo Renatus... и проч.*

Если нашъ рецензентъ не довѣряетъ означенному панегирику, называя его позднѣйшимъ, то недоумѣваемъ, почему онъ считаетъ нужнымъ игнорировать другія данныя, вполне подтверждающія указаніе панегириста относительно того же самаго предмета (свѣтскаго имени нашего митрополита). Подъ именемъ Петра нашъ митрополитъ извѣстенъ былъ еще во время Хотинской битвы (стр. 54), слѣд. за 6 лѣтъ до поступленія въ монашество. Въ дополненіи къ своему сочиненію (стр. 556) мы приводимъ выдержку изъ того-временнаго (писаннаго до поступленія Могилы на архимандрію) документа, изъ коего видно, что 6 сентября 1627 г. „все духовенство и обыватели, которые до того належали, обрали на архимандрыцью печарскую киевскую вельможного *Петра* Могилу (*Петра*, а не Ивана, Сидора и т. д.), воеводича земль мудадавскихъ, человека высоце знаменитаго“, и проч... Неужели совокупность этихъ данныхъ можетъ оставлять мѣсто для сомнѣнія въ томъ, что имя *Петръ* было всегдашнимъ, даннымъ при крещеніи, именемъ нашего митрополита?—

Вообще, г. рецензентъ, желая показать справедливость дѣлаемаго имъ замѣчанія по поводу разсматриваемаго вопроса (относительно времени рожденія П. Могилы и даннаго ему при крещеніи имени),—употребляетъ для этого странные приемы, производящіе только путаницу. Приемы эти, краснорѣчиво говорящіе сами за себя, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ тогочрепныхъ памятникахъ *вообще* не находится указаній *относительно юда* рожденія П. Могилы. Между тѣмъ, рецензентъ заявляетъ, что такое указаніе находится въ одномъ панегирикѣ, поднесенномъ П. Могила: „по свидѣтельству одного панегирика П. Могила родился будто бы 21 декабря 1596 юда“.

2) Г. рецензентъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не принимали въ расчетъ при опредѣленіи года рожденія П. Могилы *церковнаго лѣтосчисленія, употреблявшагося въ разсматриваемое время въ юго-западной Россіи*. Между тѣмъ, къ указанію панегирика по данному вопросу (*указанію относительно юда* хотя-бы то и имъ самимъ присочиненному), прилагаетъ лѣтосчисленіе *гражданское*: „по свидѣтельству панегирика П. Могила родился 21 декабря 1596 г.“= „по *гражданскому* лѣтосчисленію годомъ рожденія Могилы былъ 1596-й“.

3) Утверждая, что „разница въ означеніи года рожденія П. Могилы (въ разныхъ источникахъ) *есть чисто воображаемая*“, зависящая „отъ различія между разными лѣтосчисленіями“,—рецензентъ даетъ прямое основаніе для заключенія, что *современные* историки (Закревскій, Костомаровъ и друг.), относящіе рожденіе П. Могилы къ 1597 юду, держатся въ своихъ произведеніяхъ *церковнаго* лѣтосчисленія: „по церковному лѣтосчисленію годомъ рожденія П. Могилы былъ 1597-й“.

4) Желая примѣнить къ разсматриваемому вопросу церковное лѣтосчисленіе, рецензентъ, очевидно, основывается (такъ какъ другихъ основаній не имѣется) на свидѣтельствѣ панегирика 1645 г. о рожденіи П. Могилы въ день сво-

его соименника и патрона св. Петра, митрополита Московскаго: „П. Могила родился *въ одинъ изъ промежуточныхъ мѣсяцевъ* ¹⁾ двухъ лѣтосчисленій (церковнаго и гражданскаго)“. Но вслѣдъ за тѣмъ этотъ же самый панегирикъ, поднесенный П. Могила въ день его именинъ, рецензентъ считаетъ *позднѣйшимъ и недостовернымъ* источникомъ для точнаго опредѣленія *самаго дня рожденія* нашего митрополита, потому что это опредѣленіе находится въ противорѣчій съ мнѣніемъ рецензента (мнѣніемъ, какъ мы видѣли, несправедливымъ) о томъ, „что имя Петръ есть монашеское имя Могила, которымъ, по всей вѣроятности, замѣнено было первоначальное имя его, данное при крещеніи“.

Далѣе, своимъ церковнымъ лѣтосчисленіемъ рецензентъ думаетъ поколебать одно изъ существеннѣйшихъ положеній нашего изслѣдованія,—именно, *точное опредѣленіе нами промежутка времени, протекшаго отъ смерти киево-печерскаго архимандрита Захаріи Копыстенскаго до избранія на его мѣсто Петра Могила*. Достигаетъ ли своей цѣли рецензентъ, это можно увидѣть изъ нижеслѣдующихъ нашихъ объясненій.

Дѣло въ томъ, что всѣ наши изслѣдователи смерть Зах. Копыстенскаго относили къ 8 апрѣля 1626 года, а поступленіе на его мѣсто П. Могила къ 1628 и даже къ 1629 г., и, такимъ образомъ, полагали, что киево-печерская архимандрія оставалась незанятою около *двухъ съ половиною* или даже *около трехъ лѣтъ*. Означенный промежутокъ мы сокращаемъ до *пяти съ половиною мѣсяцевъ*, относя кончину Копыстенскаго къ 21 марта 1627 года, а избраніе на архимандрію П. Могила къ 6 сентября того же года. Положеніе наше основано на слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ. Прежніе изслѣдователи приурочивали смерть З. Копыстенскаго къ 8 апр. 1626 г., *исключительно* основываясь на приводимой Кальнофойскимъ надгробной надписи, гдѣ говорится, что этотъ архимандритъ скончался *въ 1626 году, въ великую среду страст-*

¹⁾ Очевидно рецензентъ пользуется здѣсь указаніемъ панегирика относительно мѣсяца (декабра), на который падаетъ рожденіе П. Могила,

ной седмицы. Мы нашли, что въ означенную надпись *относительно юда* вкралась *ошибка* (всего вѣроятно типографская); потому что имѣются положительные данныя, что въ началѣ слѣдующаго 1627 года Копыстенскій былъ еще живъ. Въ февралѣ этого года киево-печерскою Лаврою изданъ былъ „Триодіонъ“, по благословенію З. Копыстенскаго, и предисловіе къ сей книгѣ, помѣченное 17 февраля, составлено самимъ архимандритомъ. Но когда же именно послѣдній свончался? Мы думаемъ, что при печатаніи надгробной надписи Копыстенскому легко могла вкратиться (какъ дѣйствительно и случилось) *ошибка* относительно *цифрами* обозначеннаго года его смерти, но не могла произойти подобная ошибка при обозначеніи *дня* этой смерти, потому что онъ обозначается не посредствомъ указанія на число извѣстнаго мѣсяца, не *цифрой*, но чрезъ указаніе на *недѣлю и день* (буквами). Цѣлая фраза при печатаніи не могла быть искажена. Такимъ образомъ, указаніе надгробной надписи на день кончины Копыстенскаго должна быть признана *вѣрною*. Переводя это указаніе (*великая среда страстной седмицы*) на обыкновенное счисленіе получимъ въ результатѣ 21 марта (пасха въ 1627 г. была 25 марта). Этотъ нашъ выводъ о времени смерти З. Копыстенскаго подтверждается и другими данными и соображеніями: въ половинѣ февраля 1627 г. Копыстенскій, какъ самъ онъ заявляетъ въ предисловіи къ Триодіону, былъ очень боленъ и мало надѣялся на свое выздоровленіе; киево-печерскіе повѣренные вели въ судахъ дѣла Лавры до половины марта 1627 г. отъ имени архимандрита и капитулы, а съ первыхъ чиселъ слѣдующаго мѣсяца—отъ имени одной только капитулы...

Таковы наши доказательства. Рецензентъ говоритъ, что мы, въ данномъ случаѣ („при опредѣленіи кончины З. Копыстенскаго“) не приняли во вниманіе церковнаго лѣтосчисленія. Отвѣчаемъ: во первыхъ намъ не было до этого никакой надобности, потому что и издатели *Триодіона* и составители актовъ держались лѣтосчисленія январскаго; во

вторыхъ, если бы мы и приняли во вниманіе церковное лѣтосчисленіе т. е. признали бы, что къ однимъ памятникамъ, опредѣляющимъ время кончины Копыстенскаго, должно быть приложено одно лѣтосчисленіе, положимъ церковное, а къ другимъ — другое, гражданское: то неужели посредствомъ такого приѣма можно было-бы оправдать дату надгробной надписи Копыстенскому и согласить между собою разнорѣчіе источники? Если такъ думаетъ рецензентъ, то онъ ошибается. Онъ на этотъ разъ совершенно упустилъ изъ вида, что при переводѣ сентябрьскихъ годовъ на январьскіе слѣдуетъ уменьшать данный годъ единицею въ томъ только случаѣ, если рѣчь идетъ о событіяхъ, происходившихъ въ мѣсяцахъ: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. По отношенію же къ остальнымъ 8 мѣсяцамъ подобное уменьшеніе не приложимо, потому что въ теченіи ихъ сентябрьскій годъ (по своему числовому счету) совпадаетъ съ январьскимъ. Поэтому, будемъ-ли мы къ надгробной надписи Копыстенскому примѣнить сентябрьское или январьское лѣтосчисленіе, — годъ, значащійся на сей надписи, и по тому и по другому счисленію, останется неизмѣннымъ — 1626 — мѣ. Точно также, если примѣнимъ и къ Триодиону, изданному въ февралѣ 1627 г., сентябрьское лѣтосчисленіе — числовая цифра года отъ этого не пострадаетъ. Но можетъ быть слѣдуетъ примѣнить въ данныхъ случаяхъ мартовское лѣтосчисленіе, такъ какъ рецензентъ утверждаетъ, что въ XVII стол. изрѣдка употреблялось и оно? (замѣтимъ въ скобахъ, что мартовское лѣтосчисленіе положено было оставить на соборѣ 1492 г.). Попробуемъ. Если мы примѣнимъ означенное лѣтосчисленіе къ Триодиону 1627 г., то по переводѣ его на январьское получимъ уже 1628 г., — слѣдовательно придемъ еще къ большей несообразности; если же примѣнимъ къ надгробной надписи Копыстенскому, получимъ въ результатъ опять тотъ же 1626 г., который значится и на надписи, такъ какъ во всѣхъ лѣтосчисленіяхъ — и обонхъ церковныхъ и въ гражданскомъ — мѣсяцы съ марта по сентябрь при перево-

дахъ одного счисленія на другое не измѣняютъ даты года. Словомъ, куда не кивь—вездѣ выходитъ клинъ!..

Еще болѣе страннымъ и положительно непонятнымъ представляется намъ упрекъ рецензента въ тѣмъ, что мы не приняли во вниманіе церковнаго лѣтосчисленія *при опредѣленіи времени избранія Петра Могилы на архимандрію*. Точное опредѣленіе времени означеннаго событія (указаніе года, мѣсяца и числа) сдѣлано нами на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ. Именно, нами приводится оффиціальное заявленіе иноковъ кіево-печерской обители, изъ коего видно, что на 13-е (по старому стилю 3-е) сентября 1627 года въ Житомирѣ назначенъ былъ провинціальный сеймикъ и на этомъ сеймикѣ 16 сентября (по старому стилю 6-го) „все духовенство и обыватели, которые до того належажи“, избрали на кіево-печерскую архимандрію Петра Могилу. За тѣмъ у насъ въ сочиненіи приводится цѣлый рядъ извѣстій, такъ или иначе относящихся къ означенному избранію и оправдывающихъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, точность сообщаемого кіево-печерскими иноками указанія на время, къ коему приурочивается елекція Могилы. Такъ, на бывшемъ въ сентябрѣ 1627 г. кіевскомъ соборѣ П. Могила присутствуетъ, очевидно, уже въ качествѣ избраннаго, хотя еще и не утвержденного королемъ и непосвященнаго представителя отъ Лавры; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ по случаю избранія Могилы на кіево-печерскую архимандрію идетъ дѣятельная переписка между латино-уніатскими властями; 29 ноября 1627 г. король Сигизмундъ III издаетъ грамоту, утверждающую молдавскаго воеводича въ званіи архимандрита; въ началѣ слѣдующаго мѣсяца нареченному (хотя все еще непосвященному) архимандриту отъ лица лаврской братіи преподносится книга съ посвятительною ему предмовою.—И вотъ, не взирая на такое количество *согласныхъ* между собою данныхъ, опредѣляющихъ время избранія П. Могилы на архимандрію,—нашъ рецензентъ сомнѣвается въ точности этого опре-

дѣленія по отношенію къ юду, совѣтуя принять во вниманіе *церковное лѣтосчисленіе!* Но вѣдь для того, чтобы преподавать такой совѣтъ, нужно предположить, что въ юго-западной Руси въ рассматриваемое время въ гражданскомъ судопроизводствѣ господствовало церковное лѣтосчисленіе (разумѣется житомирскій сеймигъ), что этого лѣтосчисленія держались поляки и латино-уніатское духовенство (письмо Маркарта въ Рутскому), что король Сигизмундъ III датировалъ свои грамоты сентябрьскимъ годомъ, и т. д. При томъ, для чего намъ нужны всѣ подобныя, прямо *противорѣчащія* *всѣмъ извѣстнымъ фактамъ* предположенія? Неужели для того, чтобы январьскій годъ 1627 перевести на сентябрьскій 1628 и объяснять *ошибку* прежнихъ ислѣдователей относительно рассматриваемаго вопроса, — ошибку, *исключительно зависѣвшую отъ неимѣнія у нихъ подъ руками положительныхъ данныхъ*, — различіемъ между годами сентябрьскимъ и январьскимъ?

Рецензентъ говоритъ, что мы не приняли во вниманіе того же церковнаго лѣтосчисленія при опредѣленіи времени постриженія Мелетія Смотрицкаго въ монашество. Отвѣчаемъ: для этого не было никакой надобности; — означенное лѣтосчисленіе въ данномъ случаѣ вполнѣ неприложимо. *Современныхъ указаній о годѣ постриженія Смотрицкаго не имѣется*; мы не соглашаемся съ мнѣніемъ другихъ ислѣдователей относительно времени, къ коему приурочивается означенное событіе, на основаніи числовыхъ выкладокъ и соображеній, не имѣющихъ ни малѣйшей связи съ церковнымъ лѣтосчисленіемъ (стр. 104). Притомъ, какъ мы, такъ и г. Елевевскій, (мнѣніе котораго нами признается не вполнѣ вѣрнымъ), одинаково оба держимся январьскаго года. Очевидно, не въ томъ или другомъ лѣтосчисленіи здѣсь дѣло.

Наковецъ, послѣднее замѣчаніе рецензента, опирающееся на томъ, якобы мы впадали въ ошибки, не различая прежняго церковнаго года отъ гражданскаго, — касается времени изданія *повѣсти о діаволѣ отъ Отечника Сжитскаго*. Опять

невѣрное замѣчаніе. Приводя заглавіе означенной брошюры мы говоримъ, что она издана *въ 1626 году*; а такъ какъ Ундольскій относитъ изданіе этой же брошюры *къ 1627 году*, то мы предположили въ данномъ случаѣ ошибку со стороны библиографа, объясняя ее нѣскольکو вычурнымъ сообщеніемъ издателей повѣсти о времени выхода ея въ свѣтъ. Какое отношеніе имѣетъ ко всему этому церковное лѣтосчисленіе? Дѣло не въ лѣтосчисленіи, а въ томъ, какъ слѣдуетъ понимать слѣдующую дату брошюры: „Въ лѣто Господне, по осмосугубвѣй сотници двадесятно шестно, Октобріа 28. Кругъ солнцу 22, кругъ лунѣ 9“.—Очевидно, что осмосугубно (800×800) двадесятно (20) шестно (6) лѣто—падаетъ *на 1626 г.*—Ундольскій же, по спѣшности работы, могъ при чтеніи допустить въ данномъ случаѣ ошибку¹⁾. Въ этомъ, а не въ чѣмъ иномъ, и заключается дѣло.

Переходимъ къ дальнѣйшимъ возраженіямъ нашего рецензента.

До насъ не дошло опредѣленныхъ свѣдѣній о мѣстѣ, гдѣ получено образованіе П. Могилою. Такъ, по сказанію однихъ біографовъ, онъ обучался греческому и латинскому языкамъ *не извѣстно въ какихъ училищахъ*; другіе говорятъ, что онъ отправленъ былъ для образованія *въ парижскій и прочіе иностраннныя университеты*; третьи, наконецъ, считаютъ мѣстомъ воспитанія Могилы *львовскую братскую школу*. Мы не знаемъ, откуда заимствованы два послѣдніа извѣстіа о мѣстѣ образованія П. Могилы; тѣмъ не менѣе считаемъ ихъ не безъосновательными и притомъ другъ другу непротиворѣчащими. Именно, на основаніи разныхъ данныхъ и соображеній, мы приходимъ къ заключенію, что первоначальное образованіе Могила получилъ *отъ наставниковъ*, дружественно расположеннаго къ его фамиліи *львов-*

¹⁾ Что при означеніи года изданія означенной брошюры Ундольскій допустилъ ошибку, на это указываетъ и *Н. Каратаевъ* въ своемъ *Описаніи славяно-русскихъ книгъ* (т. 1. стр. 385), вышедшемъ въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года.

сказо братства, а окончательное съ заграничныхъ университетовъ, слушаніе лекцій въ коихъ вошло въ моду, сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ въ средѣ польской (и по тѣсной связи съ нею) и молдо-влахійской аристократіи.

Рецензентъ соглашается съ первою половиною нашего заключенія: признаетъ весьма правдоподобнымъ, что П. Могила получилъ первоначальное образованіе отъ наставниковъ львовскаго братства; но не соглашается съ тѣмъ, чтобы свое образованіе молдавскій воеводичъ заканчивалъ въ заграничныхъ университетахъ. „Скорѣе—говоритъ рецензентъ—онъ (Могила) приобрѣлъ его (окончательное образованіе) въ Замойской Академіи. Извѣстно, что опекуномъ П. Могила, по смерти его отца, былъ гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій (52), а въ духовномъ своемъ завѣщаніи († 1626 г.), онъ писалъ своей женѣ слѣдующее: „Не отрывай сына отъ науки.. Въ Замостьѣ начато хорошее обученіе шляхетскихъ дѣтей, и я желаю, чтобы сынъ мой получилъ образованіе здѣсь, въ Польшѣ, а не въ чужой странѣ; такъ какъ извѣстно, что большое число молодыхъ людей отправляется въ чужіе края съ цѣлію окончательнаго образованія, но почти всѣ они усвояютъ наиболѣе злыя, чѣмъ добрыя обычаи. Поэтому, пусть сынъ учится—какъ уже и началъ—съ паномъ Томашемъ“ (стр. 49). Послѣ этого трудно повѣрять, чтобы Жолкѣвскій, вопреки своему глубокому убѣжденію, отправилъ П. Могила, для окончанія образованія, въ заграничные университеты; да объ этой посылкѣ и нѣтъ никакихъ современныхъ извѣстій. Въ пользу образованія Могила въ Замойской Академіи свидѣтельствуетъ и то, что въ послѣдствіи времени Могила поддерживалъ тѣсную связь съ фамиліей Замойскихъ. Поэтому совершенно произвольно предположеніе г. Голубева о томъ, будто П. Могила поселился въ Польской Коронѣ не ранѣе 1617 г., по окончаніи своего образованія въ заграничныхъ университетахъ (стр. 52): Замойская Академія, вмѣстѣ съ Краковскою, могутъ быть названы заграничными заведениями

развѣ только по отношенію къ П. Могила, какъ молдо-влахійскому уроженцу“.

Предположеніе о томъ, что П. Могила могъ получить окончательное образованіе въ Замойской Академіи высказано было еще на нашемъ диспутѣ, хотя нѣсколько и въ иной формѣ, чѣмъ какую придалъ ему рецензентъ (не отвергалось посѣщеніе П. Могилою заграничныхъ университетовъ, но допускалась возможность его пребыванія, между прочимъ, и въ Замойской Академіи, послѣ обученія въ Львовской школѣ). Но подобное предположеніе не находитъ для себя твердой опоры: противъ него могутъ быть представлены довольно вѣскія возраженія.

Мы не отказываемъ въ достовѣрности извѣстію о посѣщеніи П. Могилою западно-европейскихъ учебныхъ заведеній, не только потому, что заграничныя поѣздки съ подобною цѣлію были въ разсматриваемое время всеобщимъ обычаемъ въ аристократической средѣ; но и потому—и *это главное*,— что за достовѣрность означеннаго извѣстія свидѣлствуютъ *самый складъ образованія Могилы и вытекавшій отсюда характеръ его дѣятельности*. Припомнимъ, что Могила былъ знатокомъ западно-европейской литературы и весьма высоко цѣнилъ образованіе, получаемое въ заграничныхъ университетахъ. Задумавъ основать въ Киевѣ высшую коллегію, онъ посылаетъ для подготовки къ профессорскому званію молодыхъ людей *за-границу*; основавши школы, онъ гордится тѣмъ, что въ нихъ также хорошо идетъ ученіе, какъ и въ коллегіумахъ *заграничныхъ*.

Въ виду сказаннаго нами, естественно возникаетъ вопросъ: Замойская Академія по кругу и объему преподаваемыхъ въ ней наукъ, а также по характеру преподаванія, стояла-ли въ уровнѣ съ тогочасовременными заграничными университетами и образованіе, получаемое въ ней, признавалось-ли вполне удовлетворяющимъ потребностямъ времени,—словомъ, могъ-ли Петръ Могила считать означенную Академію такимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, послѣ

обученія въ которомъ поѣздка за границу съ цѣлію научною представлялась-бы дѣломъ излишнимъ?—

Не думаемъ.

Хотя кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Замойской Академіи, и былъ довольно обширенъ, но нѣкоторые изъ нихъ изучались здѣсь въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ заграничныхъ университетахъ, (богословскія же науки долгое время и вовсе не изучались); въ особенности же самое преподаваніе не имѣло того вѣшняго блеска, какимъ славилась послѣдніе. Вслѣдствіе этого, (а также благодаря нѣкоторымъ другимъ неблагоприятнымъ условіямъ), положеніе Замойской Академіи не было цвѣтущимъ и она въ разсматриваемое нами время не пользовалась большою популярностію (см. Исторію польск. литор. *Кондратовича*, изд. 1862 г., II. 237). Число учениковъ въ ней сравнительно было небольшое, — рѣдко доходило до ста. Знатные паны предпочитали отдавать своихъ дѣтей въ іезуитскія коллегіи, а если и отдавали въ Замойскую Академію, то воспитаніе ихъ здѣсь не считали вполне законченнымъ. Какъ на самый краснорѣчивый примѣръ въ данномъ случаѣ можно указать на семейство самихъ Замойскихъ. Тома Замойскій (1594—1638 г.г.), почти сверстникъ П. Могилы, окончивъ курсъ наукъ въ своей фамильной Академіи, *основанной его отцемъ*, не удовлетворяется получаемымъ здѣсь образованіемъ, но для завершенія онаго отправляется *за границу*, гдѣ проводитъ около 3 лѣтъ, посѣщая Амстердамъ, Лондонъ, Парижъ, Римъ и другіе города (*Encyklop. powszechna. t. XXVIII. 265—266*)... Если же, такимъ образомъ, даже сами Замойскіе считали образованіе, получаемое въ ихъ фамильной Академіи, не вполне соответствующимъ потребностямъ времени и предпринимали поѣздки за-границу съ цѣлію научною, — то трудно допустить, чтобы Петръ Могила, сынъ молдавскаго воеводы, оказался въ данномъ случаѣ человекомъ отсталымъ, не выполнившимъ общепринятыхъ между знатыми лицами условій и притомъ въ дѣлѣ такой перво-степенной важности, каково образованіе.

Разумѣется, сказанное нами не исключаетъ возможности обученія П. Могилы, между прочимъ, и въ Замоиской Академіи. Близость отношеній между фамиліями Могилъ и Замоискихъ оставляетъ мѣсто для предположенія, высказаннаго нами на диспутѣ, —именно, что Петръ Могила первоначальное воспитаніе получилъ отъ наставниковъ львовскаго братства, потомъ *обучался въ Замоиской Академіи*, и уже затѣмъ отправился въ заграничныя (западно-европейскіе) университеты. Но съ предположеніемъ, выраженнымъ даже и въ такой формѣ, мы затрудняемся согласиться, —затрудняемся имѣти въ виду слѣдующее обстоятельство. Въ 1631 году П. Могила, будучи уже въ санѣ архимандрита посвятилъ Оумъ Замоискому изданный Лавроу Триодіонъ. Въ посвятельной предмовѣ, Могила, восхваляя фамилію Замоискихъ и перечисляя услуги, оказанныя ею какъ для его родичей, такъ лично и для него —*архимандрита*, не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы онъ своимъ образованіемъ обязанъ былъ означенной фамиліи. Между тѣмъ, указаніе на эту услугу представлялось бы, —если предположить, что Могила дѣйствительно (хотя бы нѣкоторое время) воспитывался въ Замоиской Академіи, —*весьма естественнымъ*: трудно допустить, чтобы П. Могила, группируя факты, свидѣтельствующіе о добрыхъ отношеніяхъ фамиліи Замоискихъ къ себѣ и своимъ родичамъ, *самый главный-то фактъ и просмотрѣлъ*...

Послѣ всего сказаннаго нами, указаніе нашего рецензента на то, что опекуномъ Петра Могилы былъ Станиславъ Жолкѣвскій, *неодобрительно смотряшій на заграничное образованіе*, —представляется слабымъ доказательствомъ въ пользу предположенія объ *окончателномъ* образованіи нашего митрополита въ Замоиской Академіи (а не заграничныхъ университетахъ, —съ чѣмъ, явобы, *трудно согласиться*). Доказательство это еще болѣе ослабляется, если примемъ во вниманіе слѣдующія данныя: во первыхъ, означенное опекунство (въ смыслѣ патронатства) становится намъ извѣстнымъ

только съ 1620 г. (мы предполагаемъ что оно началось не раньше 1617 г.); во вторыхъ: хотя Жолкѣвскій и неодобрительно смотрѣлъ на поѣздки молодыхъ людей въ заграничныя школы, тѣмъ не менѣе подобныя поѣздки были въ средѣ тогдашней аристократіи явленіемъ столь обычнымъ, считались дѣломъ столь необходимымъ, что даже и самъ Жолкѣвскій сомнѣвался, —удобноисполнимо ли, выраженное имъ въ духовномъ завѣщаніи, желаніе относительно обученія его сына на родинѣ. „Но если бы, —обращался онъ къ женѣ въ томъ же, указываемомъ нашимъ рецензентомъ духовномъ завѣщаніи, —но если бы, по совету ихъ милостей пановъ опекуновъ, ты склонилась къ тому, чтобы послать сына въ чужую страну, — знай, что большая часть или даже почти все воспитаніе дѣтей зависитъ отъ инспектора (надзирателя). Кто какого хочетъ имѣть сына, такого пусть и даетъ ему надзирателя. Нужно для этой цѣли выбирать человѣка добродѣтельнаго, богобоязненнаго, разсудительнаго“... и проч.

Дальнѣйшія замѣчанія г. рецензента относятся къ IV главѣ нашего изслѣдованія. Онъ отмѣчаетъ здѣсь „кое-какія частности“, которыя, по его мнѣнію, „могли бы получить иное освѣщеніе“, чѣмъ то, какое дается имъ нами.

„На стр. 248, —говоритъ рецензентъ, —авторъ, въ доказательство безцеремонности, съ какою Сигизмундъ I относился къ правамъ Кіево-Печерскаго монастыря, указываетъ на тотъ фактъ, что право подаванія этого монастыря король уступалъ другимъ лицамъ, а именно князю Юрію Семеновичу Слуцкому. Но вѣдь это проще и естественнѣе можетъ объясняться не безцеремонностію Сигизмунда I, а историческими правами князей Слуцкихъ Олельковичей, предокъ которыхъ, Владиміръ Ольгердовичъ, былъ однимъ изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей Кіевскихъ“. — Не думаемъ, чтобы рецен-

¹⁾ Нашъ рецензентъ, —какъ мы видѣли, —относитъ начало опекуинства Жолкѣвскаго надъ П. Могиломъ ко времени болѣе раннему, исключительно имѣя въ виду то обстоятельство, что Могіла якобы воспитывался въ Замойской Академіи.

зентъ, — какъ онъ полагаетъ, — сдѣлалъ *простое и естественное освѣщеніе* отмѣчаемаго нами факта; мы, напротивъ, думаемъ, что дѣло, весьма ясное само по себѣ, онъ постарался только затемнить. Объяснимся. Мы изображаемъ состояніе кіево-печерской обители въ XVI стол., — причемъ находимъ, что однимъ изъ выдающихся явленій въ ея исторіи за это время были постоянныя неурядицы, зависѣвшія главнымъ образомъ отъ частой смѣны архимандритовъ и ихъ колысатнаго отношенія къ интересамъ обители. Много также вредило благосостоянію обители вмѣшательство въ ея дѣла свѣтскихъ лицъ. Правда, еще въ первой четверти XVI стол. замѣтны со стороны к.-печерской братіи попытки упорядочить свои дѣла и устранить вмѣшательство въ нихъ свѣтскихъ властей; такъ, напр., въ 1522 г. кіево-печерскимъ монастыремъ исходатайствована была у Сигизмунда I привилегія, которою утверждалась въ немъ община и *самой братіи предоставлялось право избирать себѣ архимандритовъ*. Но привилегія эта, хотя и была подтверждаема послѣдующими польскими королями, въ большинствѣ случаевъ, оставалась мертвою буквою. Неурядицы въ обители продолжались. „Предоставленное кіево-печерскому монастырю право избранія себѣ архимандрита, — говоримъ мы въ изслѣдованіи, — не могло уничтожить зла, коренившася въ самомъ складѣ общественнаго устройства и освященнаго обычая; да притомъ и самое право даровавшими же его королями нерѣдко было нарушаемо“. И вотъ въ подтвержденіе послѣдней мысли приводится нами рядъ доказательствъ. При этомъ, указывая на то, что Сигизмундъ I въ 1526 г. (спустя четыре года послѣ дарованія к.-печерскому монастырю поименованной грамоты) предоставилъ кіево-печерскую архимандрію Автонію, *не испрашивая на то согласія монастырской братіи*, — мы говоримъ: „Безцеремонность Сигизмунда I касательно имъ же дарованной кіево-печерскому монастырю привилегіи — свободно избирать себѣ архимандрита — простиралась до того, что онъ преустремлялъ принадлежавшее ему, какъ

королю, право подавапія означеннаго монастыря другимъ лицамъ. До нашего времени дошелъ привилей, данный Сигизмундомъ I князю Юрію Семеновичу Слуцкому, гдѣ говорится, что по просьбѣ этого князя, *подкрѣпленной королевю Боною, онъ—король—„монастырь печерскій святое пречистов у Кіевъ князю Юрію его милости по смерти теперешняго архимандрита Геннадія у подаванье далъ на одну особу, подъ тымъ способомъ: іды теперешняго архимандрита Геннадія въ животь не станеть, тогда маеть князь Юрій оный монастырь къ рукамъ своимъ взяти и дати его тому держати, кому воля его закону греческаю будеть“.*—Спрашиваемъ: какъ назвать подобный поступокъ Сигизмунда I, какъ не *безцеремонностію*? Король предоставляет монастырю право свободнаго избранія архимандрита по желанію братіи,—и тотъ же самый король другому, *свѣтскому* челоуѣку выдаетъ привилегію забрать означенный монастырь въ свои руки и посадить въ него такого архимандрита, какой ему заблагоразсудится! По нашему мнѣнію, здѣсь видна полнѣйшая безцеремонность... Далѣе, самое заявленіе нашего рецензента о томъ, якобы въ данномъ случаѣ Сигизмундъ I поступалъ, принимая во вниманіе *историческія права* князей Слуцкихъ на кіево-печерскую обитель, крайне несостоятельно. Во первыхъ, откуда это можно усматривать, что польскіе короли признавали за князьями Слуцкими историческія права на самовластное распоряженіе дѣлами кіево-печерской обители? Во вторыхъ, что это за историческія права *подаваня на одну особу*? Одною архимандрита посадить на архимандрію можно; но только *одною*: больше вельзя!.. Вообще *простое и естественное* объясненіе нашего рецензента вовсе не отличается этими качествами,—и, безъ сомнѣнія, онъ къ нему не прибѣгнулъ бы, если бы обратилъ надлежащее вниманіе на слѣдующее, весьма плачевное по своимъ послѣдствіямъ, явленіе въ западно-русской церкви за рассматриваемое время. Замѣщеніе высшихъ іерархическихъ мѣстъ въ литовско-русскихъ областяхъ зависѣло преимущественно отъ

польских королей, которые, присвоивъ себѣ названіе „верховныхъ подателей столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ“, пользовались почти неограниченными правами при раздачѣ епископій и монастырей. Въ епископы и настоятели монастырей поступали, большею частію, люди свѣтскіе, мало подготовленные къ исполненію іерархическихъ обязанностей; они смотрѣли на духовныя мѣста съ матеріальной точки зрѣнія, какъ на доходную статью. „Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ,—говоритъ г. Иванишевъ, на основаніи документальныхъ данныхъ,—шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свою власть церковныя имѣнія, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги и получали право вступать въ управленіе епархією по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ они назывались нареченными епископами. Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія. Шляхтичъ, получавшій отъ короля жалованную грамоту, могъ передать свое право другому лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе. Иногда право на епископію король предоставлялъ двумъ лицамъ въ одно и тоже время. Въ такомъ случаѣ, споръ между епископами не ограничивался письменными жалобами и просьбами, но иногда обращался въ открытую войну“¹⁾. Принимая во вниманіе сказанное,—съ одной стороны, легко можно понять указанную нами безцеремонность Сигизмунда I по отношенію къ кіево-печерской обители, а съ другой—можно почти безошибочно указать и на тѣ мотивы, которыми руководствовался князь Слуцкій, домогаясь передъ королемъ о привилегіи *подаванн* архимандрія к.-печерскаго монастыря *на одну особу*, и на тѣ приемы, которые пущены были входъ княземъ для достиженія своей цѣли. Хлопоталъ объ означенной привилегіи князь Слуцкій, безъ сомнѣнія, имѣя въ виду доходность печерской оби-

¹⁾ Архивъ юго-зап. Рос. ч. 1, т. I. стр. XV—XVI.

тели¹⁾; а для успѣха самыхъ хлопотъ, дѣло, очевидно, не обошлось безъ подкупа. Уже то обстоятельство, что здѣсь замѣшена была королева Бона (объ ея ходатайствѣ предъ королемъ прямо говорится въ грамотѣ), известная своимъ корыстолюбіемъ и особенно много злоупотреблявшая раздачею церковныхъ бенефіцій, — служить однимъ изъ вѣсныхъ доказательствъ нашего предположенія.

Слѣдующее замѣчаніе рецензента, касающееся IV главы нашего изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что мы, говоря о возстановленіи архимандритомъ Елисеємъ Плетенецкимъ въ кіево-печерской обители общежитія по чину св. Василія и вообще объ улучшеніи иноческой жизни, *только отмѣчаемъ этотъ фактъ, не разъясняя его исторически.* Между, тѣмъ известно, что еще въ 1522 г. означенною обителию исходатайствована была у Сигизмунда привилегія на учрежденіе общины (общежительства) „*водле обычаю и закону греческаго*“, — вслѣдствіе чего можно думать, что дѣло Плетенецкаго состояло не во введеніи общежитія вообще, а во введеніи его именно по чину св. Василія Великаго. Къ этому рецензентъ присовокупляетъ, что о введеніи общежитія, именно по чину Василія Великаго, много старался князь Константинъ Острожскій, вслѣдствіе чего заботы Плетенецкаго объ улучшеніи иноческой жизни нужно считать только продолженіемъ дѣла, начатаго княземъ, «и притомъ не безъ вліянія этого ревностнаго защитника православія, бывшаго тогда воеводою кіевскимъ».

Первѣе всего сдѣлаемъ общую оговорку. Изображая состояніе кіево-печерской обители въ XVI и нач. XVII стол., въ періодъ, предшествовавшій поступленію П. Могилы на архимандрію, мы имѣли въ виду изслѣдовать ту историческую почву, которую впоследствии приходилось воздѣлывать нашему митрополиту, — хотѣли показать, какое наслѣдство получилъ онъ отъ своихъ предшественниковъ, чтобы точнѣе

¹⁾ Можетъ быть, желая помѣстятъ на архимандричье мѣсто какого-либо родственника, или же просто рассчитывая продать оное выгоднѣе.

опредѣлить значеніе сдѣланнаго имъ прироста. Намѣченная нами задача требовала, чтобы мы не упускали изъ вида ни одного существеннаго явленія въ исторіи Лавры, ни одного звѣна, положеннаго предшественниками Могилы для осуществленія широкаго плана—возвысить религиозно-просвѣтительное значеніе кіево-печерской обители. Но эта задача не налагала на насъ обязанности о каждомъ подобномъ явленіи, свидѣтельствующемъ о религиозно нравственномъ обновленіи обители, писать спеціальное изслѣдованіе. Тогда пришлось бы намъ ввести въ свое сочиненіе—я при томъ безъ нужды—массу отдѣльныхъ изслѣдованій. Разумѣется, краткость историческаго очерка не даетъ права разсматривать изображаемыя явленія безъ генетической между ними связи и послѣдовательности. Но мы смѣемъ вадѣяться, что нами это требованіе не нарушено: мы постепенно сѣддили какъ кіево-печерская обитель, утратившая было въ XVI стол. свое религиозно—просвѣтительное значеніе, ко времени вступленія на архимандрію П. Могилы пріобрѣтаетъ положеніе одного изъ видныхъ религиозныхъ центровъ въ юго-западной Россіи.

Послѣ сказаннаго, лучшимъ отвѣтомъ на первую половину замѣчанія нашего рецензента (т. е., что мы только отмѣчаемъ фактъ возстановленія общины и улучшенія иноческой жизни въ к. печерской обители, не разъясняя его исторически), мы считаемъ приведеніе соответствующаго затронутому вопросу мѣста изъ нашего изслѣдованія. Мы говоримъ: „Первѣе всего, по вступленіи на кіево печерскую архимандрію, Плетенецкимъ обращено было вниманіе на возстановленіе въ обители общежитія по чину св. Василія и вообще на улучшеніе иноческой жизни. Нужно замѣтить, что монашеская жизнь въ южно-русскихъ обителяхъ за разсматриваемое время находилась въ крайнемъ упадкѣ. Если настоятели монастырей—какъ мы видѣли—смотрѣли на свои мѣста съ утилитарной точки зрѣнія, цѣнили ихъ преимущественно со стороны «достатковъ пеняжныхъ и роскош-

ныхъ,—то естественно, что при такихъ руководителяхъ и жизнь простыхъ иноковъ приняла несоответственное ихъ званію направленіе. Строгія правила подвижничества были забыты; общежитіе оставлено или искажено; невѣжество, тупеядство, и какъ неразлучные ихъ спутники—пьянство, буйство и развратъ—стали почти заурядными явленіями среди иночествующихъ братій. Кіево-печерская обитель въ этомъ отношеніи не составляла исключенія изъ общенаблюдаемаго явленія. Правда, еще съ первой половины XVI стол. были здѣсь попытки (не разъ потомъ повторявшіяся) возобновить нарушенное древнее общежитіе, но попытки эти не имѣли успѣха. Нѣтъ основаній думать, что какія либо существенныя улучшенія въ этомъ отношеніи сдѣланы были и ближайшими предшественниками Плетенецкаго. Заслуга возстановленія общежитія въ печерской обители всецѣло принадлежитъ послѣднему“... Думаемъ, что эту, хотя и *весьма краткою, характеристикою* состоянія монашества въ разсматриваемое время (характеристикою, которая по отношенію къ к.-печерской Лаврѣ оправдывается сдѣланнымъ нами прежде очеркомъ сей обители въ XVI стол.), достаточно разъясняется *историческое* значеніе дѣятельности Е. Плетенецкаго касательно давняго вопроса. Поставлять же эту дѣятельность въ генетическую связь съ грамотою Сигизмунда I, которою утверждается (точнѣе подтверждается) община въ кіево-печерской обители, нѣтъ резона. Мы не утверждаемъ того, чтобы въ сей обители не было *общины*, не существовало *тѣхъ или другихъ иноческихъ уставовъ* (существуетъ монастырь—должны существовать въ немъ и уставы); но только заявляемъ, что они плохо исполнялись и монашеская жизнь находилась въ крайнемъ упадкѣ. Поэтому, былъ ли въ к.-печерской Лаврѣ до Е. Плетенецкаго уставъ св. Василия Великаго или какой другой—это въ сущности дѣло безразличное, если только онъ не исполнялся или исполнялся крайне плохо.

Что князь Острожскій заботился объ улучшеніи ино-

ческой жизни—это мы знаем; прибавимъ къ этому, что въ концѣ XVI и нач. XVII стол. подобную заботливость о нравственномъ поднятїи монастырской жизни мы замѣчаемъ со стороны и другихъ лицъ и учрежденій (братствъ). Это объясняется общимъ религіознымъ движеніемъ, вызваннымъ усилившеюся пропагандою католицизма и охватывавшимъ всѣ слои западно-русскаго общества. Къ этому религіозному движенію,—какъ мы говорили въ изслѣдованїи,—съ конца XVI стол. примкнула и кїево-печерская обитель. Но такъ какъ не во всѣхъ тогдашнихъ монастыряхъ дѣло обновленія монашества стояло на одинаковой высотѣ, то указывая на заботы Е. Плетенецкаго относительно улучшенія иноческой жизни, намъ желательно было опредѣлить—каковы были преслѣдуемые имъ идеалы означенной жизни и уставъ какой изъ современныхъ обителей положенъ былъ имъ въ основу устрояемаго общежитія. Мы думаемъ, что, до извѣстной степени, достигли этого сообщеніемъ современныхъ свидѣтельствъ, что Плетенецкій за образецъ благоустрояемаго имъ общежитія принялъ *уставъ скитскій* свято-воздвиженской обители, извѣстной въ то время самою строгою подвижническою жизнїю, а руководителемъ и пособникомъ при своихъ трудахъ упросилъ быть основателя означенной обители, схимонаха *Іова Кляимницкаго*,—человѣка, прошедшаго въ аеонскихъ монастыряхъ суровую школу аскетизма и пользовавшагося по цѣлой Россїи славой искуснаго устроителя „благочестїа церковнаго и трапезнаго и евангельскаго общежительнаго живота“.

Имѣя въ своемъ распоряженїи столь *положительныя* свѣдѣнїя относительно того, уставъ *какой обители* былъ избранъ Плетенецкимъ за образецъ при обновленїи кїево-печерскаго монастыря, *подъ чьимъ* вліяніемъ и при содѣйствїи *кою* совершилось это обновленіе,—была ли надобность съ нашей стороны прибѣгать къ догадкамъ, что де, можетъ быть, въ этомъ дѣлѣ сказалось вліяніе и другихъ лицъ?... Въ частности, относительно предположенія нашего рецен-

зента, что введеніе Плетенецкимъ общежитія въ кіево-печерской обители *совершилось не безъ вліянія князя Острожскаго, бывшаго тогда воеводою кіевскимъ*,—замѣтимъ: во первыхъ, работы Плетенецаго объ улучшеніи иноческой жизни, хотя, какъ можно думать, и начались съ первыхъ же лѣтъ его управленія Лаврою; но общежитіе по чину Василя Великаго вводилось здѣсь уже во второмъ десятилѣтіи XVII в., слѣдовательно когда князя К. И. Острожскаго († 1608 г.) не было въ живыхъ. Во вторыхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что князь Острожскій хотя и былъ кіевскимъ воеводою, но постоянно жилъ въ своемъ родовомъ городѣ Острогѣ, рѣдко заглядывая въ Кіевъ, и что хотя онъ состоялъ въ означенной должности очень долгое время (еще съ 1560 г.), тѣмъ не менѣе за весь этотъ продолжительный періодъ мы *ничего не знаемъ* объ его благотворномъ вліяніи на к. печерскую Лавру, въ которой до начала XVII вѣка не видно ни школы, ни типографіи, ни богадѣльни, ни другихъ тому подобныхъ религіозно-просвѣтительныхъ и благотворительныхъ заведеній.

Относительно того отдѣла въ нашемъ изслѣдованіи, гдѣ мы говоримъ о школахъ, рецензентъ считаетъ пущимъ сдѣлать “двѣ замѣтки”. Первая замѣтка состоитъ въ слѣдующемъ: „Рисуя положеніе школъ Острожской, Виленской и особенно Львовской ко времени вступленія П. Могилы на Кіево-Печерскую архимандрію, авторъ видитъ въ этомъ положеніи поворотъ къ худшему и объясняетъ его отсталостію тогдашняго южно-русскаго народонаселенія въ научномъ отношеніи сравнительно съ латино-уніатами, между тѣмъ какъ неудовлетворительное состояніе тогдашнихъ южно-русскихъ школъ можетъ быть объясняемо также и отсутствіемъ научнаго центра, и разбросанностью научныхъ, дѣйствительно немногочисленныхъ, силъ по разнымъ школамъ“.—Мы затрудняемся считать приведенное нами мѣсто дѣйствительнымъ замѣчаніемъ. Скорѣе это крайне неточная передача нашихъ *объясненій*, съ привнесеніемъ рецен-

зентомъ своего, ничего не объясняющаго *объясненія*. Поэтому, на подобное замѣчаніе отвѣтимъ краткимъ повтореніемъ нашихъ выводовъ, касающихся затронутого въ приведенной замѣлкѣ вопроса, — именно, почему основанныя въ юго-западной Россіи школы находились до Могилы далеко не въ цвѣтущемъ состояніи и не только не увеличили своихъ силъ до равенства съ научными силами польскихъ коллегій, но даже испытывали по временамъ въ учебномъ отношеніи поворотъ къ худшему? — Выводы наши при рѣшеніи этого вопроса были слѣдующіе: во первыхъ, уже при самомъ заведеніи православныхъ школъ въ западно-русскихъ областяхъ, съ разширеннымъ противъ пріявлаго кругомъ наукъ, встрѣтился ощутительный недостатокъ въ потребномъ количествѣ способныхъ для сего преподавателей. Обращались за научною помощію въ грекамъ, приходилось даже обращаться за вею и къ иновѣрцамъ. При преобразованіи же заведенныхъ школъ въ высшія учебныя заведенія подобный недостатокъ обнаружился бы еще въ большихъ размѣрахъ и даже (по крайней мѣрѣ безъ значительныхъ денежныхъ затратъ) едва ли могъ быть восполненъ: еще слишкомъ молода была наука въ юго-западной Россіи! — Во вторыхъ, заведеніе передовыми южно-русскими школъ со введеніемъ новыхъ, прежде не преподававшихся предметовъ, — недружелюбно встрѣчено было нѣкоторыми ревнителями православія съ консервативнымъ образомъ мыслей. „Лативская премудрость, — говорили они, — прямая дорога къ аду“. „Риторика, діалектика и прочія поганскія хитрости и руководства суть изобрѣтеніе діавола“. — Наконецъ, къ числу не мало-важныхъ причинъ, тормозившихъ развитіе и процвѣтаніе западно-русскихъ школъ, мы относимъ также тѣ притѣсненія, которыми подвергались онѣ со стороны иновѣрнаго польскаго правительства. — (Въ примѣненіи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ указывались и частныя причины, мѣшавшія ихъ процвѣтанію)... Что же касается до указаанія нашего рецензента на то обстоятельство, что

въ юго-западной Руси не было научнаго центра и ученія силы были разбросаны,—то, съ одной стороны, это несправедливо: такія научныя центры здѣсь были; именно, сначала такимъ центромъ была *Острожская Академія*, за тѣмъ *Львовская школа* и, нѣсколько позже, *Виленская*. Съ другой же стороны, вопросъ то именно и заключается въ томъ, почему какой либо изъ означенныхъ центровъ не достигнулъ въ научномъ отношеніи до такой высоты, какая требовалась обстоятельствами времени,—почему не сдѣлался такимъ центромъ просвѣщенія, который могъ бы соперничать съ латино-польскими учебными заведеніями и помѣряться съ ними научными силами?...

Вторая замѣтка рецензента касается лаврской школы, преобразованной П. Могилою. На стр. 449 нашего изслѣдованія мы говоримъ: „Между наставниками Могилевской коллегіи за рассматриваемый періодъ ея существованія мы видимъ: во первыхъ, приглашенныхъ изъ Львова—іеромонаха Исаію Трофимовича Козловскаго, возведеннаго вскорѣ въ игумена приписнаго къ лаврѣ Дятеловецкаго монастыря (разумѣется, въ видахъ предоставленія ему настоятельскихъ доходовъ), и монаха Сильвестра Коссова. Первый былъ ректоромъ коллегіи и вмѣстѣ профессоромъ философіи, а второй—профессоромъ реторики; за тѣмъ Софронія Почапскаго, „одного изъ наименьшихъ братій общежительнаго монастыря печерскаго“, тоже преподававшаго, въ званіи профессора, реторику,—и наконецъ отца (монаха) Пацевскаго, обучавшаго поэтикѣ. Безъ сомнѣнія, кромѣ поименованныхъ были „у разныхъ школахъ“ и другіе профессора“.

Рецензентъ замѣчаетъ, что „приведенный нами здѣсь списокъ преподавателей Могилевской лаврской школы и распорядокъ преподаванія ими предметовъ относится не къ 163¹/₂, а уже къ 163³/₄, то есть, къ третьему учебному году, какъ видно изъ приложенія подъ № 89“.—Въ приложеніи подъ означеннымъ № нами помѣщено письмо ректора кіево-могилянской коллегіи Исаіи Трофимовича Козловскаго

отъ 30 августа 1633 г., въ которомъ онъ, сообщая митрополичьему намѣстнику о. Теофілу о разныхъ кіевскихъ новостяхъ,—между прочимъ, пишетъ: *мы першею сентевріа зачинаемъ по старому: я курсъ философіи, отецъ Косовъ реторики, который уже и священникомъ зосталъ; отецъ Пацевскій поетику, который также южъ священникомъ зосталъ; и прочіи у своихъ школахъ.* Отсюда дѣйствительно видно, что списокъ учителей и распорядокъ преподаваемыхъ ими предметовъ относится къ 1633 г. учебному году; по вмѣстѣ съ тѣмъ видно также и то, что онъ долженъ быть относимъ и къ предшествующему времени. Козловскій прямо говоритъ, что мы начинаемъ першого сентября *по старому*, т. е. начинаемъ преподавать науки въ школѣ также, какъ преподавались онъ и прежде. При томъ же приводимый нами списокъ учителей и распорядокъ преподаваемыхъ ими предметовъ оправдывается, въ большинствѣ случаевъ, и другими данными. Извѣстно, что Козловскій и Косовъ были въ числѣ первыхъ лицъ приглашенныхъ П. Могилою въ преобразуемую имъ лаврскую школу (условіе съ ними заключено Могилою еще *до открытія школы*); Софроній Почапскій подписался въ качествѣ профессора реторики подъ предсловіемъ къ Евхаристіюну, поднесенному П. Могилѣ къ пасхѣ 1632 г.; о преподаваніи Козловскимъ именно философіи упоминаетъ Двиглицъ тоже еще въ 1632 г. ... Впрочемъ, такъ какъ строго научная критика по поводу сообщаемого нами списка лаврскихъ учителей все-таки можетъ сдѣлать намъ нѣкоторыя возраженія (относительно частностей), то замѣчанію рецензента мы не отказываемъ въ нѣкоторомъ значеніи и за оное его благодаримъ.

Последнее частное замѣчаніе г. рецензента касается того пункта въ нашемъ сочиненіи, гдѣ мы, указавши на предоставленное православнымъ (на сеймѣ 1632 г.) право имѣть свою, признаваемую правительствомъ, іерархію,—стареемся рѣшить вопросъ: почему представители русскаго народонаселенія (сеймовые депутаты) не просили короля объ

утвержденіи на митрополіи и епископіяхъ тѣхъ лицъ, которыя уже занимали оныя, а приступили къ избранію новыхъ іерарховъ?—Посильный отвѣтъ нашъ на означенный вопросъ былъ слѣдующій: „Мы не думаемъ, чтобы въ данномъ случаѣ—какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи (Преосв. Макарій)—депутаты были принуждены *непреклонностію короля* признать и утвердить прежнихъ святителей. Отношенія Владислава къ православнымъ за рассматриваемое время не даютъ основанія для подобнаго предположенія. Да и какой смыслъ имѣла бы эта *непреклонность*, когда русскому народу предоставлено право имѣть іерарховъ и вообще кассированы стѣснительныя противъ грековосточной церкви постановленія?—Дарованныя православнымъ права безспорно легли въ основу рѣшенія сеймовыхъ депутатовъ избрать *новыхъ* іерарховъ, дали имъ такъ сказать законно-официальное основаніе произвести это избраніе; но мотивы могли быть въ данномъ случаѣ и другіе.—Есть извѣстіе, что будто-бы во всемъ этомъ дѣлѣ принималъ дѣятельное участіе П. Могила, пожелавшій быть митрополитомъ, и что, благодаря его стараніямъ, вліянію и пріятельскимъ отношеніямъ ко многимъ сеймовымъ депутатамъ, прежніе іерархи (собственно И. Копинскій) устраниены съ своихъ каедръ. Чтѣ у Могилы было желаніе занять митрополичью каедрю и чтѣ онъ дѣлалъ соотвѣтствующія сему желанію подготовленія,—это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но самый успѣхъ П. Могилы въ данномъ случаѣ можетъ быть объясняемъ не одними его пріязненными связями съ сеймовыми депутатами; мы думаемъ, что успѣхъ этотъ много зависѣлъ отъ того, что православнымъ депутатамъ избраніе новыхъ лицъ на предоставленныя имъ правительствомъ митрополію и епископіи представлялось въ данномъ случаѣ дѣломъ *наибольше выгоднымъ и полезнымъ*. Во первыхъ, чрезъ это избраніе почти вдвое увеличивалось (хотя и временно) число представителей западно-русской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были увеличиться и ея религіозно-просвѣтительныя

Заканчивая обзор нашей книги, г. рецензентъ дѣлаетъ—какъ мы упоминали—нѣсколько *общихъ* замѣчаній относительно нѣкоторыхъ приѣмовъ нашего изслѣдованія,—приѣмовъ, на его взглядъ, или *нежелательныхъ съ серьезномъ историческомъ трудѣ, или же не вездѣ примѣненныхъ надлежащимъ образомъ*. Насколько мы заслуживаемъ подобнаго упрека это, надѣмся, будетъ видно изъ буквального приведенія означенныхъ замѣчаній и нашихъ объясненій по поводу ихъ. Общія замѣчанія г. рецензента суть слѣдующія:

1). „Г. Голубевъ, за неимѣнемъ положительныхъ данныхъ, иногда основывается на предположеніяхъ, или довольствуется общими, голословными цитатами (стр. 65, 287 и др.), и не смотря на то, черезъ нѣсколько страницъ, выдаетъ свои предположенія и гипотезы за положительные выводы (стр. 61 и др.)“.

Предположенія (которыхъ, замѣтимъ встать, въ цѣлой нашей книгѣ едва ли не меньше, чѣмъ въ небольшой замѣткѣ рецензента) крайне нежелательны въ серьезномъ ученномъ трудѣ только бездоказательныя или малодоказательныя, обоснованныя же на прочныхъ данныхъ и соображеніяхъ весьма желательны. Иногда подобныя предположенія бываютъ цѣннѣе иного факта и смѣло могутъ считаться вкладомъ въ науку. Далекиѣ отъ мысли придавать подобную цѣнность своимъ немногимъ предположеніямъ, мы однако не считаемъ ихъ построеными на зыбкой почвѣ. Поэтому упрекъ рецензента въ томъ, что мы за неимѣнемъ положительныхъ данныхъ прибѣгаемъ иногда къ предположеніямъ, признанъ былъ бы нами основательнымъ въ томъ только случаѣ, если бы намъ доказана была *несостоятельность и неумѣстность* хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ предположеній.—

Выдавать свои гипотезы и предположенія за положительные выводы и довольствоваться общими, голословными цитатами,—это уже совсѣмъ другое дѣло, дѣйствительно крайне нежелательное въ серьезномъ трудѣ и заслуживающее упрека. При своей работѣ мы всячески заботились о томъ, чтобы избѣжать подобнаго упрека. Но такъ какъ, по мнѣ-

нію рецензента, мы отъ него не свободны, то будемъ приносить покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ.

Въ доказательство того, что мы выдаемъ свои предположенія и гипотезы за положительные выводы, рецензентъ ссылается на 61 стр. нашего изслѣдованія. На означенной страницѣ, указывая на причины, благопріятствовавшія развитію въ П. Могилѣ релігіознаго настроенія, мы, между прочимъ, отмѣчаемъ и тотъ фактъ, что онъ былъ „воспитанникомъ львовскаго братства, поставившаго себѣ главною своею задачею борьбу съ иновѣрною пропагандою и утвержденіе въ вѣрѣ отцевъ“. Очевидно, вина наша заключается въ томъ, что мы называемъ Могилу *воспитанникомъ львовскаго братства*, между тѣмъ какъ въ предшествующей главѣ нашего изслѣдованія, гдѣ у насъ идетъ рѣчь о первоначальныхъ годахъ жизни и воспитаніи нашего митрополита, не представляемъ *положительныхъ документальныхъ данныхъ*, могущихъ оправдать наши слова: неимѣніе этихъ данныхъ побуждаетъ насъ прибѣгнуть къ критическому разбору позднѣйшихъ извѣстій объ означенномъ предметѣ и дѣлать выводы, основанные на побочныхъ историческихъ указаніяхъ. Въ свое оправданіе скажемъ слѣдующее. Извѣстіе о воспитаніи (первоначальномъ образованіи) П. Могилы въ средѣ дружественно расположеннаго къ его фамиліи львовскаго братства хотя и принадлежитъ позднѣйшему времени, но оно оправдывается столь многими историческими данными, въ его защиту можно представить значительное количество столь вѣскихъ соображеній, (съ чѣмъ согласенъ даже—какъ мы видѣли—и самъ рецензентъ),—что мы считаемъ означенное извѣстіе не могущимъ возбуждать сомнѣній. Послѣ нашихъ длинныхъ разсужденій относительно этого предмета, подкрѣпляемыхъ доказательствами, и сдѣланнаго на основаніи ихъ заключенія (стр. 19), думаемъ, что мы не безъ права могли назвать П. Могилу *воспитанникомъ львовскаго братства*. Притомъ, замѣчаніе рецензента могло бы имѣть еще значеніе, если бы мы, прамѣняя къ Могилѣ означенное

названіе, сдѣлали это изъ желанія объяснить какое нибудь событіе, безъ того необъяснимое или, безъ нашего примѣненія, могущее получить другое освѣщеніе,—словомъ, если бы поступили такъ въ ущербъ—употребимъ выраженіе рецензента—*интересамъ исторической истины*. Но въ этомъ рецензентъ, надѣмся, упрекнуть насъ не можетъ. Если бы указываемая имъ фраза и *вовсе исключена была* изъ контекста рѣчи, то мнѣніе, высказанное нами въ означенномъ мѣстѣ, *ни на іоту* не могло бы измѣниться. Вопросъ, очевидно сводится *не къ дѣлу, а къ словамъ*. Повтому, мы находимся въ недоумѣніи: смотрѣть-ли на замѣчаніе г. рецензента какъ на результатъ уже *очень строгой критики*, или какъ на простую *придирку*?—

На 65 стр. нашего изслѣдованія находится, по заявленію рецензента, общая цитата. Говоря въ указанномъ мѣстѣ о томъ, что кіево-печерскіе повѣренныя вѣли въ судахъ дѣла Лавры до половины марта отъ имени архимандрита и капитулы, а съ первыхъ чиселъ слѣдующаго мѣсяца отъ имени одной только капитулы,—мы дѣлаемъ слѣдующую цитату: *рукописные акты, находящіеся въ библиотекѣ Киев. дух. академіи и Центральномъ архивѣ Царства Польскаго*. Выставляя эту цитату, (къ ней прибавимъ—и *акты, наход. въ архивѣ греко-уніат. митроп. при св. Синодѣ*),—мы хотѣли сказать, что *во всѣхъ документахъ*, относящихся къ означенному времени и касающихся кіево-печерской обители, мы встрѣтили подтвержденіе отмѣчаемаго нами (и притомъ уже ранѣе подкрѣпленнаго положительными данными) факта.

Такова, указываемая рецензентомъ, общая цитата въ нашемъ сочиненіи!

На стр. 287 нашего изслѣдованія, по заявленію рецензента, находится голословная цитата. Въ указываемомъ мѣстѣ мы говоримъ, что кіево-печерскій архимандритъ З. Копыстенскій, во время одного изъ своихъ посѣщеній кіево-николаевского монастыря, сдѣлалъ на рукописи, принадлежавшей сему монастырю и заключающей въ себѣ полемиче-

скія статьи противъ латинянъ, надпись, гдѣ совѣтывалъ читать означенную рукопись, какъ *зло полезную*. Въ соответствующей цитатѣ мы приводимъ полное (довольно длинное) заглавіе рукописи; но не указываемъ, гдѣ она находится. Пополняемъ пробѣлъ: означенная рукопись принадлежитъ *библиотецѣ Кіевской духовной Академіи*, куда она поступила изъ кіево-николаевскаго монастыря; о ней нами въ свое время сдѣлано было сообщеніе въ *Церковно-Археологическомъ обществѣ при той же Академіи* и помѣщена замѣтка въ *Кіев. Епар. Вѣдом.* за 1875 г. (№ 8).—

Такова, указываемая рецензентомъ, *чолословная* цитата въ нашемъ сочиненіи!

2. Въ изслѣдованіи автора замѣтенъ адвокатскій, защитительный тонъ по отношенію къ П. Могилю, часто не имѣющій для себя прочныхъ оснований и доводящій автора до натянутыхъ выводовъ и общихъ мнѣній (стр. 24—25). Такъ, авторъ въ сущности мало доверяетъ *гербовникамъ, панегирикамъ, отзывамъ тогдашней полемической литературы и тогдашнимъ судебнымъ жалобамъ*; но часто, въ противорѣчіе себѣ, онъ доверчиво пользуется ихъ услугами для изображенія личности, жизни и дѣятельности П. Могиля.

Отвѣчаемъ сначала на первое, процитированное замѣчаніе рецензента. На 25 и 26 стр. нашего изслѣдованія (на 24 стр. о Могилю не упоминается) мы говоримъ: «Въ первоначальные годы жизни, Петра Могиля предъ его глазами проходилъ цѣлый рядъ явленій, вызванныхъ борьбою православія съ католическою пропагандою. Разумѣется, явленія эти не могли проходить безслѣдно для развитія ребенка, а должны были производить сильное впечатлѣніе на восприимчивую дѣтскую душу,—и хотя намъ неизвѣстна въ подробностяхъ первоначальная жизнь нашего митрополита на основаніи чего мы постепенно могли бы слѣдить за религиознымъ его воспитаніемъ въ семейномъ кружкѣ, но зная ревность къ праотцевской вѣрѣ Могиля, энергично борющихся съ иновѣрною пропагандою,—можемъ безошибочно утверж-

дать, что воспитаніе это совершалось среди атмосферы, проникнутой духомъ православія, среди обстоятельствъ, выдвигавшихъ вопросы вѣры на первый планъ. Впрочемъ, можно найти относительно этого и положительные указанія, — правда, очень отрывочныя, но драгоценныя потому, что онѣ принадлежатъ самому Петру Могилѣ⁴. (Слѣдуетъ выдержка изъ собственноручныхъ записокъ П. Могилы).

Это мѣсто мы вовсе не считаемъ общимъ и натянутымъ, во первыхъ, потому, что на предшествующихъ страницахъ нами приведено достаточное количество данныхъ, свидѣтельствующихъ о религіозности, истинномъ расположеніи фамиліи Могилъ къ православной вѣрѣ и о ихъ заботахъ касательно огражденія управляемой ими страны отъ наплыва иновѣрной пропаганды, (отрицать сказанное нами значитъ совершенно отрицать вліяніе на міросозерцаніе той или другой личности *домашней обстановки и той среды*, въ которой этой личности приходится вращаться); а во вторыхъ, потому, что въ подтвержденіе своей мысли мы приводимъ выдержки изъ собственноручныхъ записокъ П. Могилы (стр. 26—32), изъ коихъ видно, что онъ росъ подъ вліяніями, всецѣлывшими въ него любовь къ православной вѣрѣ и утверждавшими въ ея превосходствѣ предъ другими вѣроисповѣданіями.

Дѣйствительно въ большую бы ошибку впалъ изслѣдователь, если бы онъ *доверчиво пользовался* гербовниками, панегириками, отзывами полемической литературы и судебными жалобами; но мы къ этому прибавимъ—*не въ меньшую бы также ошибку онъ впалъ*, если бы совершенно исключилъ означенные памятники изъ числа пригоднаго для его цѣлей матеріала. Памятниками этими, какъ источниками, изслѣдователь можетъ и *долженъ* пользоваться: онъ обязанъ только примѣнять къ нимъ правила строгой критики, обязанъ очистить пшеницу отъ плевелъ. Гербовникамъ (каковыми они были въ разсматриваемое время) и панегирикамъ,—какъ произведеніямъ, написаннымъ съ цѣлю льстить честолюбію знати,—много довѣрять нельзя; но не

может подлежать сомнѣнію, что въ нихъ не мало заключается цѣннаго матеріала, не мало такихъ *достоверныхъ данныхъ*, которыя иногда только въ нихъ однихъ и сохранились. Пользуясь гербовниками и панегириками, мы не упустили изъ вида сказаннаго нами. Положимъ, Окольскій говоритъ, что П. Могила происходилъ отъ Муція Сцеволы. Сообщение это, какъ противорѣчащее историческимъ фактамъ, не можетъ быть принято. Но недостоверное съ этой именно стороны (со стороны фабулы) оно вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ значеніе вполне достовернаго и пригоднаго для насъ факта съ другой, — именно, заключаетъ въ себѣ не подлежащее сомнѣнію извѣстіе, что въ означенное время фамилія Могила увлечена была общимъ въ средѣ тогдашней аристократіи стремленіемъ возводить начало своей родословной ко временамъ самымъ отдаленнымъ. Когда составитель гербовника рассказываетъ о воинскихъ подвигахъ фамиліи Могила, покрывавшихъ непріятельскими трупами поля, дѣлая изъ нихъ *холмы* (*moihy* — откуда якобы произошла и фамилія *Могила*), — критическіе приемы не дозволяютъ считать подобный рассказъ достовернымъ; но если тотъ же составитель, рассказывая о какомъ либо событіи, въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ подлинный, не подлежащій сомнѣнію, документъ (см. 40 стр. нашего изслѣдованія), — то историкъ не въ правѣ игнорировать подобнаго сообщенія. — Тоже самое должно сказать и относительно панегириковъ. Преувеличеніе и сервилизмъ ихъ, особенно за рассматриваемое время, извѣстны. Никакъ нельзя, повтому, довѣрять тому реестру разнообразныхъ добродѣтелей и достоинствъ, какой обыкновенно изготовлялся услужливою рукою панегириста для своего патрона. Но не смотря на это, въ извѣстныхъ случаяхъ, и подобные панегирики представляютъ иногда неогцѣненный матеріалъ для историка. Не слѣдуетъ довѣрять, положимъ, тѣмъ восторженнымъ, обязательнымъ похваламъ, которыя панегиристъ считалъ нужнымъ расточать передъ Могилою въ день его рожденія, — но самое указаніе на этотъ день есть

историческій фактъ, не подлежащій сомнѣнію (рецензентъ не соглашается съ нами въ данномъ случаѣ, но—думаемъ—мы достаточно ясно показали, правъ ли онъ). Если въ 1632 г. Софроній Почаскій въ посвяtitельной предмовѣ П. Могиля воскуряетъ передъ нимъ оміамъ,—то къ похваламъ панегириста должно относиться съ осторожностію; но его подпись подъ предмовою, гдѣ онъ заявляетъ, что состоитъ при Лаврской школѣ въ качествѣ *профессора реторики* должно признать фактомъ вполне достовѣрнымъ. О самомъ существованіи Кіево-Могилянскои коллегіи въ Лаврѣ (въ 1631 и 1632 гг.) откуда извѣстно, какъ не изъ панегирика?

Дѣйствительно полемическія сочиненія разсматриваемого нами времени часто заключаютъ въ себѣ очень невѣрныя свѣдѣнія. Нерѣдко полемисты вступали въ перебранку, причемъ вполне уподоблялись современнымъ сплетникамъ, которые готовы на нелюбимаго ближняго завести всякую напраслину, прибѣгая для этого къ всевозможнымъ недозволительнымъ средствамъ. Но и полемическими сочиненіями, гдѣ касалось дѣло личныхъ перебранокъ и счетовъ, мы пользовались съ крайнею осторожностію: принимали за достовѣрныя только тѣ свѣдѣнія, которыя находили для себя оправданіе или въ другихъ историческихъ данныхъ, или же ихъ подтверждали до извѣстной степени самыя лица, въ интересахъ коихъ было не разглашать подобныхъ свѣдѣній. Напримѣръ, латино-уніаты, возводя на Мелетія Смотрицкаго разныя обвиненія, между прочимъ, (для того, чтобы подорвать его авторитетъ въ глазахъ православныхъ), указывали на то, что онъ имѣлъ тайныя сношенія съ ними. Вынужденный отвѣчать, Смотрицкій не отвергнулъ означеннаго факта, хотя постарался дать ему наиболѣе благопріятное для себя освѣщеніе. Думаемъ, что на основаніи подобнаго сопоставленія свидѣтельствъ, исходящихъ изъ враждебныхъ одинъ другому лагерей, мы въ правѣ сдѣлать несомнѣнное заключеніе о дѣйствительномъ существованіи упомянутыхъ сношеній Смотрицкаго.

Тотъ же самый пріемъ употребляли мы и по отноше- нію къ тогдашнимъ судебнымъ жалобамъ.—Вообще, замѣчаніе рецензента имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы онъ указалъ и доказалъ, что мы дѣйствительно со- общали несправедливыя и невѣрныя свѣдѣнія, благодаря тому, что довърчиво, безъ надлежащей критики, относились къ указываемымъ имъ источникамъ. Этого рецензентъ не дѣлаетъ, а потому и его замѣчаніе мы считаемъ голослов- нымъ.

3. *Въ изслѣдованіи не выдержана строго послѣдовательно хронологія событій жизни П. Могилы: авторъ часто забываетъ впередъ (напримѣръ, м. 2), указываетъ на то, что сказано будетъ ниже (стр. 40), впадаетъ въ повторенія (напримѣръ, на стр. 435) и т. д. Да и самая хронологія отдѣльныхъ фактовъ не вездѣ отчетлива и вѣрна, что отчасти записано, какъ мы уже замѣтили выше, отъ того, что авторъ не различалъ гражданскаго года отъ церковнаго.*

Во второй главѣ изслѣдованія мы говоримъ о поступленіи П. Могилы на кіево-печерскую архимандрію,—и впе- редъ не забѣгаемъ. Можетъ быть, рецензентъ считаемъ забѣганіемъ впередъ то обстоятельство, что мы приво- димъ здѣсь выдержку изъ протестанціи М. Смотрицкаго о Кіевскомъ соборѣ 1627 г. и присутствованія на сномъ П. Могилы, о чемъ мы говоримъ впоследствии (158—159). Но подобное замѣчаніе мы считаемъ въ высшей степени страннымъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые біографы Могилы приурочивали его поступленіе въ монашество къ 1625 г. Мы съ этимъ мнѣніемъ не соглашаемся,—и въ до- казательство указываемъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что „Мелетій Смотрицкій въ своей протестаціи, упоминаю о соборѣ, бывшемъ 8 сентября 1627 г. въ Кіевѣ, говоритъ, что онъ былъ приглашенъ на этотъ соборъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и темерешнимъ (протестація издана была въ сентябрѣ 1628 г.) кіево-печерскимъ архимандри- томъ Петромъ Могилою, въ то время еще свѣтскимъ чело-вѣ-“

комъ". — Неужели это рецензентъ считаетъ забвѣніемъ впередъ? Неужели изслѣдователь не имѣетъ права пользоваться для доказательства своихъ положеній свидѣтельствомъ источниковъ потому только, что о нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, заключающихся въ этихъ источникахъ, болѣе обстоятельная рѣчь имѣетъ быть впередъ?... Требованіе небывалое, неслыханное!

На стр. 40 нашего изслѣдованія мы „не указываемъ на то, что нами будетъ сказано ниже“. Здѣсь со стороны рецензента какое то недоразумѣніе.

Замѣчаніе рецензента о стр. 435 почти совершенно однородно съ замѣчаніемъ о главѣ 2-й вообще. Въ своей книгѣ мы пользуемся рассказомъ Іерлича два раза (332) для двухъ различныхъ цѣлей. Естественно, что повтореніе нѣкоторыхъ словъ — на чтѣ нами сдѣлана и ссылка — оказывалось дѣломъ необходимымъ.

На замѣчаніе рецензента о неотчетливой хронологіи отдѣльных фактовъ считаемъ отвѣчать излишнимъ: думаемъ, что вопросъ этотъ разъясненъ нами достаточно ясно¹⁾.

4. Во многихъ мѣстахъ изслѣдованія авторъ утверждаетъ, что П. Могила въ защиту православія противъ католиковъ и униатовъ пользовался приемами и средствами противниковъ — мысль совершенно верная, но она не приложена ко всемъ фактамъ дѣятельности П. Могила, къ которымъ слѣдовало бы приложить ее. Мы уже замѣчали выше, что въ параллель римско-католическимъ монашескимъ орденамъ и П. Могила задумалъ было учрежденіе сплоченной корпораціи православныхъ монастырей: это все опустилъ изъ виду г. Голубевъ. Равнымъ образомъ, имъ не указанъ опредѣленно тотъ типъ римско-католическихъ учеб-

¹⁾ Хронологическія даты, относящіяся къ П. Могила и членамъ его фамиліи (на отсутствіе чего въ одномъ мѣстѣ указываетъ рецензентъ) отиѣчались, если они были известны. Неотмѣченнымъ же остался годъ Хотинской битвы (1621), въ которой принималъ участіе П. Могила, вследствие описки. Въ отрывкѣ изъ нашего сочиненія, напечатанномъ въ 1 выпускѣ *Чтеній Историч. Общества Нестора Лѣтописца*, означенный годъ отиѣченъ.

ныхъ заведеній, который старался воспроизвести П. Могила въ своей Киевской коллегіи. Вообще, у автора чувствуется недостатокъ тщательнаго и подробнаго изученія современнаго Могиломъ римско-католичества, несомнѣнно отпечатлѣвшаяся, такъ или иначе, на дълительности этого замѣчательнаго челоука.

Мы не знаемъ, чтобы Петръ Могила за разсматриваемый нами періодъ его жизни задумалъ въ параллель римско-католическимъ монашескимъ орденамъ учрежденіе сплоченной корпораціи православныхъ монастырей. Если бы г. рецензентъ могъ представить намъ данныя относительно этого вопроса, мы ему были бы въ высшей степени признательны.

Указать (да еще опредѣленно указать) тотъ типъ римско-католическихъ заведеній, который старался воспроизвести П. Могила при устройствѣ своей коллегіи,—мы не могли по той причинѣ, что тѣ данныя, какія намъ извѣстны о Могилянскои школѣ за первое время ея существованія, не представляють къ тому ни малѣйшей возможности. Только тогда, когда мы сдѣлаемъ очеркъ Киевской коллегіи за все время жизни Могилы, изслѣдуемъ дошедшіе до насъ учебники, изучимъ труды ея преподавателей, разсмотримъ дисциплинарныя правила, существовавшія въ коллегіи,—только тогда, когда ознакомимся со всѣмъ этимъ, мы въ состояніи будемъ дать г. рецензенту на его вопросъ положительный отвѣтъ.

Мы разсмотрѣли всѣ замѣчанія г. профессора Петрова на нашу книгу¹⁾. Не отрицаемъ его добраго намѣренія, при

¹⁾ Необходимо маленькое объясненіе. Рецензентъ, указывая на нѣкоторыя мѣста въ нашемъ сочиненіи, не выдерживающія, по его мнѣнію, строгой критики, и перечисливъ тѣ вѣрныя, которые онъ считаетъ нежелательными въ серьезномъ историческомъ трудѣ,—обыкновенно подкрѣпляетъ свои замѣчанія ссылаками на страницы въ нашей книгѣ, причемъ съ выставленнымъ имъ цифрамъ добавляетъ выраженіе: и *другія* (страницы). Отвѣчая на всѣ процитированныя приѣтры, приводимыя нашимъ рецензентомъ въ подтвержденіе своихъ замѣчаній,—мы, повольное дѣло, не могли давать объясненій относительно тѣхъ мѣстъ въ нашемъ сочиненіи, которыя *подразумѣвались* г. Петровымъ и обозначались имъ словами: и *другія*, и такъ *далее*. Впрочемъ, мы думаемъ, что скорбѣть объ этомъ едва-ли слѣдуетъ. Рецензентомъ, безъ сомнѣнія, приводились

въ преданномъ суду Сынъ человѣческомъ! Такая совершеннѣйшая неземная чистота, и такия, потрясающія сердце, страданія! Такая злоба, такое легкомысліе и такое недостойнство у тѣхъ, отъ кого и за кого Онъ страдаетъ! Мы видимъ здѣсь возмущающее душу торжество неправды, и это торжество неправды, по несповѣдимымъ для насъ судьбамъ небеснымъ, претворилось въ высочайшее торжество правды Божіей. Когда обвинетъ все это мыслию душа христіанина,—невольный вздохъ исторгается изъ груди его, и теплая слеза орошаетъ его рѣсницы. Съ умиленіемъ сердечнымъ внимали мы словамъ священнослужителя, возглашавшаго Евангеліе о страстяхъ Господнихъ, и въ самомъ сокрушеніи сердечномъ, какое возбуждала въ насъ скорбная повѣсть, мы ощущали нѣкую благодатную сладость.

Прекрасно чувство умиленія, съ какимъ мы выслушиваемъ святое благовѣствованіе о смерти нашего Господа и Спасителя. И для него одного не безплодно ходить въ храмъ Божій. Но Церковь не хочетъ оставлять насъ съ однимъ этимъ безотчетнымъ чувствомъ. Предлагая нашему вниманію священный разсказъ о послѣднихъ дняхъ Господа Іисуса Христа, она даетъ намъ тѣмъ и утѣшеніе и побужденіе къ исправленію жизни,—что въ особенности умѣстно и необходимо для насъ въ настоящіе дни поста,—дни сокрушенія и покаянія.

За насъ съ тобою, возлюбленный братъ, пострадалъ Господь нашъ. Онъ повесъ на Себѣ все болѣзни наши, и чистѣйшая кровь Его, изліянная на Голгоѣѣ,—источникъ живой цѣлебной воды, успокоивающей и заживляющей раны нашего сердца. Онъ принялъ на Себя наши беззаконія, изъ-за насъ подвергъ Себя гнѣву оскорбленнаго правосудія небеснаго, чтобы удалить отъ насъ тѣ грозныя проклятія, какія со временъ едемскаго грѣхопаденія тяготѣли надъ бѣднымъ родомъ человѣческимъ, и уничтожить приговоръ, осудившій насъ на мученія. Онъ, будучи безсмертнымъ, вкусилъ смерть, и смерть самую тяжкую и позор-

ную, чтобы насъ освободить отъ этого страшилища, повергающаго въ трепетъ и содроганіе всякое живое и любящее жизнь существо. Не видите ли, какой отрадный свѣтъ низводитъ въ вашу душу воспоминаніе о спасительныхъ страстяхъ Христовыхъ? Снята съ насъ тяжелая судьба, подавлявшая насъ и причинявшая намъ плачь и стenanія. Мы не отданы безвозвратно бѣдамъ и напастямъ, обышедшимъ насъ со всѣхъ сторонъ. Уже мы не чада гнѣва, не рабы неключимые, а чада любви Божіей, и предъ нами открытъ путь къ блаженству въ святомъ общеніи съ Богомъ. И смерть, которая такъ часто похищаетъ изъ среды нашей то того, то другаго, уже не есть уничтоженіе нашего бытія или переходъ въ дно адово, а возведеніе насъ изъ этой юдоли скорбей и плача въ страну, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, а полное успокоеніе и радость.—Итакъ, если скорбь какая снѣдаетъ твое сердце,—(а у кого нѣтъ скорбей, и скорбей многихъ?), обрати взоръ души своей на небесный ликъ Богочеловѣка, за насъ пострадавшаго,—и представленіе Его безконечной любви къ намъ угаситъ ту жгучую боль, какую чувствуетъ скорбящее сердце. Эта любовь сопровождаетъ каждый шагъ нашъ; она поддержитъ насъ, когда жизнь поведетъ насъ по трудно проходимымъ крутизнамъ и стремнинамъ; она не оставитъ насъ безъ помощи и утѣшенія среди самыхъ, по видимому, безысходныхъ положеній нашихъ. Если на совѣсти твоей лежитъ тяжелымъ камнемъ грѣхъ какой (а кто изъ насъ можетъ назвать себя чистымъ предъ Богомъ?), и ты трепещешь гнѣва Божія,—посмотри на крестъ Христа Спасителя, послужившій жертвою очищенія за грѣхи всѣхъ потомковъ Адамовыхъ,—и успокоительная надежда на милосердіе Божіе изгонитъ всѣ мрачныя думы изъ головы твоей. Умираютъ твоя близкіе, родные и знакомые, и ты предаешься горькимъ сѣтованіямъ о безвременной кончинѣ ихъ. Но вотъ мать твоя—Церковь не престааетъ напоминать тебѣ о всемогущемъ Побѣдителѣ смерти, сокрушившемъ ея жало. Не отвращай отъ Него своего мысленнаго взора,—и

за тяжелымъ мгновениемъ разлученія души отъ тѣла предъ тобою живо нарисуются тѣ райскіи обитатели, какіи угодовалъ Господь всѣмъ, любящимъ Его, и въ какихъ есть значное и покойное мѣсто и для присныхъ твоего сердца, напрасно тобою оплакиваемыхъ.

Вмѣстѣ съ утѣшеніемъ, св. Церковь напоминаямъ о страданіяхъ Господнихъ предлагаетъ намъ сильнѣйшее побужденіе къ покаянію и добродѣтельной жизни. Видно, слишкомъ тяжкое зло составляютъ грѣхи наши, когда изъ за нихъ нужно было пострадать и претерпѣть ужаснѣйшую смерть Единородному Божию, добровольно принявшему на себя плоть человѣческую. Собственно они, грѣхи наши, возвели на крестъ Сына Божія, они доставили Ему столько несказанныхъ страданій, и только Его любовь и Его всемогущая сила могла освободить насъ отъ тѣхъ горькихъ и ужасныхъ послѣдствій, какія навлекло на весь родъ человѣческій преслушаніе перваго человѣка, и какія увеличивали своими беззаконіями его потомки. А безъ Его всесильной помощи, безъ Его кровавой умиловительной жертвы грѣхъ угодовалъ бы намъ погибель безконечную и безвозвратную, и нашимъ удѣломъ были бы мученія, всаческія терзанія и тѣмъ кромѣшная. Всегда нужно помнить это, а въ особенности нынѣ, когда Церковь усиленно зоветъ насъ къ покаянію. Пусть память объ этой губительности грѣха обуздываетъ и сдерживаетъ нашу похоть и нашу наклонность ко грѣху, и пусть побуждаетъ насъ спѣшить слезами покаянія омыть наши душевныя скверны. Правда, мы спасены теперь; но спасеніе не дается тѣмъ, которые бѣгутъ отъ него, которые не внимаютъ зову спасающей благодати и дерзновенно отстраняютъ отъ себя руку, готовую исторгнуть и поднять ихъ изъ глубины погубительной бездны. А таковы всѣ тѣ, которые живутъ только для удовлетворенія низшихъ потребностей своего существа, мало думая или вовсе не думая объ очищеніи души своей. Мы любимъ (и можемъ ли не любить?) Положившаго за насъ душу свою. Но когда пренебрегаемъ исполненіемъ того, что велитъ намъ Его святой

спасительный законъ, мы тѣмъ какъ бы наносимъ новое личное оскорбленіе своему Избавителю, безъ конца возлюбившему насъ. Когда мы руки свои простираемъ на беззаконныя дѣла, мы какъ бы прободаемъ Его пречистыя длани, которыя Онъ простираетъ для того, чтобы спасти насъ. Когда мы коснемъ во грѣхахъ и не думаемъ объ угожденіи Богу, то не становимся ли рядомъ съ тѣми жестоко-вѣйными врагами Господа, которые распинали Его и ругались надъ Нимъ, въ то время, когда Онъ своими страданіями и безцѣнною кровію умиловлялъ разгнѣванное на насъ Правосудіе небесное? Ужасно ожесточеніе тѣхъ, которые распинали Господа и ругались надъ Нимъ, и мы съ негодованіемъ воспоминаемъ о нихъ. Но они, какъ засвидѣтельствовалъ самъ Господь, не вѣдали, что творили, не знали, надъ кѣмъ ругались; а мы и знаемъ и вѣдаемъ, а между тѣмъ дѣлами своими ругаемся надъ Тѣмъ, въ комъ видимъ своего Спасителя. Итакъ мы спасены: но спасемся ли? Это еще вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ насъ самихъ, отъ того, воспользуемся ли мы дарами благодати Божіей,ниспосланными намъ любовію Сына Божія, и омоемъ ли свою душу слезами покаянія.

Вотъ какія мысли желаетъ возбудить и утвердить въ насъ св. Церковь, когда созываетъ насъ во храмъ слушать священное благовѣствованіе о страстяхъ Христовыхъ. Когда мы ясно будемъ представлять добрыя намѣренія Церкви въ устроеніи богослужебнаго чина, подобнаго настоящему, для насъ полезнѣе будетъ самое присутствіе въ храмѣ при этомъ назидательномъ чинѣ богослужебномъ, и мы не будемъ уходить отсюда съ праздною душою, какъ это, къ сожалѣнію, не рѣдко бываетъ. Будемъ только внимательны къ тому, что здѣсь намъ предлагается,—и мы унесемъ отсюда съ собою въ душѣ божественную силу, и утѣшающую насъ, и въ тоже время возбуждающую насъ къ уклоненію отъ зла и къ посильному служенію добродѣтели. Аминь.

В. Пшонцкій.

О Т Ч Е Т Ъ

Церковно-Археологическаго Общества при Киевской духовной Академіи

за 1883 годъ.

I. Измѣненія въ составѣ Общества.

Церковно-Археологическое Общество при Киевской духовной Академіи, состоящее подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Александровича, къ концу 1882 года составляли: Попечитель Общества, Высокопреосвященнѣйшій Платонъ, митрополитъ Киевскій и Галицкій; предсѣдатель, преосвященный Михаилъ, епископъ Уманскій, 29 почетныхъ членовъ, 83 действительныхъ и 39 членовъ-корреспондентовъ, всего 154 человека.

Въ теченіи 1883 года послѣдовали слѣдующія перемѣны въ составѣ Общества. Бывшій предсѣдатель, преосвященный Михаилъ, епископъ Уманскій, назначенъ епископомъ Курскимъ и Бѣгородскимъ, а на мѣсто его предсѣдателемъ Общества признанъ новый ректоръ Киевской духовной Академіи архимандритъ Сильвестръ. Товарищемъ предсѣдателя избранъ профессоръ Киевской духовной Академіи П. А. Лашкаревъ, а помощникомъ Секретаря—доцентъ той же Академіи (нынѣ профессоръ) Н. М. Дроздовъ. Скончались: почетные члены—Преосвященный Іаннуарій, епископъ Балт-

скій, Викарій Каменецъ-Подольской епархіи, и Карачевскій уѣздный предводитель—дворянства Владиміръ Сергѣевичъ Муравьевъ; дѣйствительные члены—профессоръ Кіевской духовной Академіи протоіерей Александръ Михайловичъ Воскресенскій, профессоръ тойже Академіи Александръ Димитріевичъ Вороновъ, завѣдывающій отдѣломъ рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ Алексѣй Георгіевичъ Викторовъ и капитанъ М. Семеновъ, и члены-корреспонденты—начальникъ иконописной мастерской Кіево-Печерской лавры іеромонахъ Алвіанъ и священникъ І. Кибальчичъ, изъ Чернигова. Переименованы изъ членовъ-корреспондентовъ въ дѣйствительные: Коллежскій Секретарь Т. І. Вержбицкій, Преосвященный Арсеній, епископъ Ладожскій, законоучитель Кіевского женскаго института священникъ Ѡ. Хорошунъ. Кромѣ того, на основаніи § 9 устава Общества, выбыли изъ него 5 дѣйствительныхъ членовъ и 2 члена-корреспондента. Вновь избраны: въ почетные члены—преосвященные Евгеній Астраханскій и Енотавскій, Михаилъ Курскій и Бѣлгородскій и Виталий Чигиринскій, Викарій Кіевской митрополіи; въ дѣйствительные члены—генералъ-маіоръ свиты Его Императорскаго Величества графъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Викторовичъ Звенигородскій, духовникъ Ея Императорскаго Высочества Великой княгини Александры Петровны протоіерей Василій Ивановичъ Лебедевъ, профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи Николай Ив. Барсовъ и редакторъ Львовской газеты „Новости“ Алексѣй Никитичъ Щербанъ; въ члены-корреспонденты—учитель Одесскаго духовнаго училища Игнатій Антоновичъ Чемена и учитель Рижскаго духовнаго училища Александръ Севастьяновичъ Громачевскій.

Затѣмъ, къ концу отчетнаго года состояло, кромѣ председателя: почетныхъ членовъ 30, дѣйствительныхъ 81, членовъ-корреспондентовъ 37; всего 151 лицо.

II. Приращеніе Музея и библіотеки его.

Въ теченіи 1883 года въ Церковно-Археологическій Музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертвованія ¹⁾:

Отъ почетнаго члена, Его Сіятельства, графа Мих. Влад. Толстова: десятая книга альбома собственноручно сдѣланныхъ имъ рисунковъ, подъ заглавіемъ „Древности Г. М. Т.“; двѣ древнія деревянныя рѣзные иконы и деревянный складень съ живописными изображеніями изъ г. Литина Каменецъ-Подольской губерніи; два кипарисные креста съ муіею цареградской и кіевской; 91 фотографическихъ снимковъ, видовъ и портретовъ; 9 акварелей и чертежей; 142 гравюры и литографіи; 1 рукопись и 4 книги въ 26-ти переплетахъ.

Отъ Хорватскаго Археологическаго Общества: *Viestnik* сего Общества за 1883 годъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, редактора Львовской газеты *Новости* А. Н. Щербана: большой деревянный складень съ живописными изображеніями XVIII в.; пергаменный свитокъ „поминанія“ 1693 г.; карта Польши 1807 г., 5 литографическихъ портретовъ русинскихъ дѣятелей нынѣшняго вѣка, 7 книгъ церковно-славянской печати, изданныхъ въ Галиціи въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкахъ, 1 итальянская, 2 латинскія книги и 1 нѣмецкая.

Отъ члена-корреспондента, коллежскаго ассесора В. И. Карпова: рукописное житіе патріарха Никона, Шушерина; Мессія Правдивый, I. Галатовскаго, 1669 г., Гипотипосисъ или живое изображеніе древности, 1802 г.; Хронологическая таблица достопамятныхъ происшествій, 1821 г.; литое чугунное бронзированное изображеніе неизвѣстнаго лица, съ нѣмецкими стихами.

¹⁾ Пожертвованія перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ поступления въ Музей и библіотеку, при чемъ разновременныя пожертвованія одного и того же лица обозначаются выѣтъ.

Отъ члена-корреспондента, законоучителя Холмскаго Маріинскаго женскаго училища, священника П. Гапановича—серебряная шведская монета Густава Адольфа.

Отъ дѣйствительнаго члена, коллежскаго секретаря Т. I. Вержбицкаго: 7 золотыхъ монеть (изъ нихъ 1 византійская Льва I, 1 венеціанская, 1 венгерская 1611 г., 1 голландская 1777 г. и три русскія импер. Елизаветы Петровны), 14 серебряныхъ и 16 мѣдныхъ греко-римскихъ монеть, 41 серебряныхъ и 17 мѣдныхъ западно-европейскихъ, польскихъ и восточныхъ монеть, 10 серебряныхъ и 1 мѣдная русская монета (въ числѣ русскихъ три рублевика XVIII в.), 2 серебряные жетона, 1 бронзовая и 1 цинковая медаль; 4 фотографическихъ снимка съ копій картинъ нидерландскихъ и голландскихъ художниковъ, 3 листка литографическихъ портретовъ еврейскихъ знаменитостей, пергаментный свитокъ книги Есѣрь, 8 еврейскихъ изданій, брошюра о праздникахъ еврейскихъ 1873 г. и 2 книги церковно-славянской печати, именно: Дѣвїя Баровїя, Москва, 1719 г., и Полууставъ, Почаевъ, 1796 г.

Отъ священника м. Вахновки, Бердичевскаго уѣзда, Н. Карпинскаго, чрезъ того же Вержбицкаго—два полотняные гравированные автиминса 1730 и 1765 г.г.

Отъ священника Бердичевскаго собора Кипр. Олесницкаго, чрезъ того же Вержбицкаго—полотняный униатскій автиминсъ 1730-хъ г.г.

Отъ священника села Псаровки, Бердичевскаго уѣзда, Ил. Брояковскаго, чрезъ того же Вержбицкаго: оловянная чаша.

Отъ дѣйствительнаго члена, инспектора Кишиневской духовной семинаріи Л. С. Мацѣевича: три автографа архіепископа Иннокентія (Борисова) Херсонскаго и связка писемъ Могилевскаго архіепископа Анатолія (Мартыновскаго). Тѣ и другіе напечатаны въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи за истекшій годъ.

Отъ воспитанника Кишиневской духовной семинаріи

В. Логвиновича, чрезъ того же Мацѣвича: Евангеліе учительное Каллиста, изд. въ Евю, 1616 г.

Отъ воспитанника Кишиневской гимназіи Аг. Майдачевскаго, чрезъ того же Мацѣвича: 84 монеты македонскія, босфорскія, римскія, византійскія, татарскія, турецкія, русскія, румынскія, новогреческія, сербскія и западно-европейскія.

Отъ младшаго ординатора при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ Козловскаго—два мѣдные образка.

Отъ священника села Нападовки, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ., І. Доманицкаго: большая деревянная придорожная статуя польско-католическаго святаго Яна Непомуцена, сдѣланная, по преданію, Нападовскимъ крестьяниномъ Сницаремъ болѣе 60 лѣтъ назадъ.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи Г. Крыжановскаго: чаша изъ низкопробнаго серебра, начала XVII в., съ подписью Тимоея Ковальскаго, и серебряный мордовскій сустугъ.

Отъ студента той же Академіи Лон. Концевича: большая картина страшнаго суда, писанная на холстѣ, XVIII в., изъ м. Ратна, Волынской губ., и кусокъ помоста изъ волвьихъ зубовъ передъ палацомъ графа Сангушки.

Отъ студента той же Академіи А. Саббатовскаго: рукописная геометрія и фортификація XVIII в. и Богословіе правоучительное Почаевской печати 1793 г.

Отъ воспитанника второй Кіевской гимназіи Бѣлашевскаго: два портрета генерала Алексѣя Петровича Орлова, писанные на холстѣ масляными красками; 2 мѣдныхъ складня, 4 мѣдные креста, 8 медалей и жетоновъ и 1 печатка отъ перстня 1753 г.

Отъ дѣйствительнаго члена, графа Гр. Ал. Милорадовича—литографическій портретъ графа М. Милорадовича († 1825); „съ картины Дау рисов. Борель“.

Изъ бібліотеки Кіевской духовной Академіи выдѣлены въ музей: 3 литографич. вида Ченстохова и Ясной горы и

2 медальона въ честь 500-лѣтняго юбилея Ченстоховской иконы Богоматери; гравированный портретъ сенатора князя Як. Ѳ. Долгорукова.

Изъ правленія Елисаветградскаго духовнаго училища, Херсонской епархіи, по запискѣ члена-корреспондента Игн. Ан. Чемены, съ разрѣшенія мѣстнаго преосвященнаго, 22 названія книгъ XVIII и нынѣшняго вѣковъ, изъ коихъ три церковно-славянской печати.

Отъ священника м. Кошеваты, Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., Ѳ. Хотинскаго 5-ть серебряныхъ польскихъ монетъ Сигизмунда III.

Отъ почетнаго члена, преосвященнаго Астраханскаго и Енотаевскаго Евгенія книга—„Догмати православныя вѣры“, Самуила Миславскаго, Кіевъ, 1760,—и Отчетъ Астраханскаго епарх. миссіонерскаго Общества за 1882 годъ.

Отъ почетнаго члена, директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова: третій выпускъ составленнаго имъ „Описанія“ рукописныхъ сборниковъ сей библіотеки. С.-Петербургъ. 1882.

Отъ дѣйствительнаго члена, священника Кіево-Спасской на Берестовѣ церкви Кл. І. Ѳоменка: „Галицкій историческій сборникъ“, вып. 1 и 3. Львовъ, 1854 и 1860; „Требникъ малый“, Почаев. печати 1778.

Отъ воспитанника Кіевской дух. Семинаріи Чечота—рукописный служебникъ 1747 года.

Отъ сенатора Д. А. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки, изслѣдованіе въ 5-ти книгахъ, съ 5-ю картинками“. С.Петербургъ. 1881.

Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: „Археологическіе труды Оленина“, 1881, и „Записки отдѣленія русской и славянской Археологіи“, т. 3, 1882.

Отъ Почетнаго члена, Преосвященнаго Виталія, епископа Чигиринскаго, старинный глиняный сосудецъ.

Отъ Правленія Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря, съ разрѣшенія тогоже Преосвященнаго Виталія,

миръ Мих. Варваринскаго — серебряная прусская монета 1697 г.

Отъ студента Кіевскаго Университета В. И. Гошкевича: двѣ гравюры начала нынѣшняго вѣка.

Изъ Кіевской дух. Академіи—портретъ Кіевскаго митрополита Петра Могилы, писанный на холстѣ.

Отъ Православнаго Палестинскаго Общества: Отчетъ сего Общества за 188^а годъ и 3 и 4 выпуски „Православнаго Палестинскаго Сборника“. С.-Петербургъ. 1883.

Отъ преподавателя Одесской дух. Семинаріи протоіерея Г. Ив. Попруженка—рукописная „Книга, собранная изъ разныхъ книгъ въ пользу душевную архимандритомъ Лаврентіемъ“, 1704 г.

Отъ священника с. Збаржевки, Таращанскаго уѣзда, Кіев. губ., чрезъ студента Кіев. Академіи В. Павлинова—рукописная Цвѣтная Тріодъ съ Марковыми главами, 1749 г.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи А. Кирилловича—7 рукописныхъ латинскихъ учебниковъ XVII—XVIII вв., рукописныя Kazania и Concilia Conventus Lachovocensis 1751—1802 гг.

Отъ почетнаго члена, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго Александра рукописный нотный Ирмологій XVIII в., принадлежавшій Поставскому базилианскому монастырю.

Отъ почетнаго члена, Курскаго и Бѣлгородскаго епископа Михаила—большой фотографическій портретъ Его Пресвященства.

Отъ священника С. Дьяковецъ, Литинскаго, у. П. Родкевича, по распоряженію почетнаго члена, пресвященнаго Каменецъ-Подольскаго и Брацлавскаго Іустина, холщевый старинный иконостасъ.

Отъ товарища предсѣдателя, профессора П. А. Лашкарева три старопечатныя латинскія книги XVI и начала XVII в. съ гравюрами.

Отъ дѣйствительнаго члена, доцента Кіевской дух. Академіи Н. С. Тумасова—половинка древняго бронзоваго складнаго ампіона, найд. въ Кіевѣ.

Отъ члена-корреспондента, законоучителя Виленскихъ мужской гимназіи и учительскаго института, священника Н. А. Соколова: фотографическій снимокъ съ одного листа изъ „книги о новомъ календарѣ“ 1596 г.; Эскизъ памятника полковнику Дѣву 1794 г., 3 фотографич. вида Виленскихъ достопримѣчательностей, 2 фотографич. снимка и 2 литографіи Ченстоховской иконы Богоматери; фотографич. снимокъ съ каррикатурнаго портрета папы Пія IX; красный крестикъ и жетонъ съ изображеніями Ченстоховской иконы Богоматери; жетонъ въ память освященія храма Христа Спасителя 1883 г., 2 сургучные оттиска печатей и 3 новѣйшія рукописи.

Отъ члена-корреспондента, законоучителя Новочеркасской гимназіи священника Н. Кириллова: хрустальный потиръ и икона мученика Христофора на деревѣ.

Отъ члена-корреспондента, священника с. Михайловки, Гайсинскаго у., Подольской губ., Г. Берзаковскаго—серебряная польская монета Сигизмунда III.

Отъ священника с. Кислицкаго, Ямпольскаго у., Подольской губ., О. Родаевича—пять изваяній головокъ ангеловъ отъ иконостаса.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи Андр. Михалева: патентъ на дворянство 1803 г. и серебряная австрійская монета бонца XVII в.

Отъ члена, преосвященнаго Арсенія, епископа Ладожскаго, перваго Викарія С.-Петербургской митрополіи и ректора С.-Петербургской Академіи—связка документовъ и др. бумагъ, преимущественно касающихся имущественныхъ правъ Смоленской шляхты, съ 1596 года.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Кіевской дух. Академіи Н. М. Дроздова собственноручное письмо Московскаго митрополита Филарета къ ректору Кіев. дух. Академіи Иннокентію (Борисову), 1838 года.

Отъ намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандрита Леонида: „Афонская гора и Соловецкій монастырь.

Труды Чудовскаго ієродіакона Дамаскина (1701—1706). С.-Петербургъ. 1883^а.

Отъ члена-корреспондента, законоучителя Житомирской гимназіи, священника Н. Трипольскаго: картина „Жертвоприношеніе Авраама“ на холстѣ XVIII в., два крестика, жетонъ на смерть Беранже 1857 г., 125 западно-европейскихъ и восточныхъ и 159 русскихъ мѣдныхъ монетъ и 17 шпиль—марокъ.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи Ральцевича: половинка древняго складнаго бронзоваго энколпіона, мѣдный священническій складной крестъ съ цѣпочкою, 3 серебряныя и 12 мѣдныхъ западно-европейскихъ монетъ XVI и XVII вв.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи Сухозанета: Венгерская мѣдная монета съ изображеніемъ Богоматери 1763 г. и польская княжества Варшавскаго 1812 г.

Отъ священника Каковского, изъ Сквирскаго у., кіевской губерніи: мурница съ оловянными сосудцами для мюра и елея и 4 монеты мѣдныя XVIII и нынѣшняго вѣковъ.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи Стефановскаго—мѣдная турецкая монета 1141 года гиджры.

Отъ приватъ-доцента С.Петербургскаго университета П. Сырку: „Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ“. С.Петербургъ. 1883.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: „Записки“ сего Общества. Томъ XIII. Одесса. 1883 г.

Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Воронежской дух. Семчярии Архимандрита Дмитрія составленный имъ „Мѣсяцесловъ святыхъ, всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ“ и проч. Выпускъ IV. Воронежъ. 1883.

Отъ профессора Н. И. Щеголева пять рукописей, а именно: Палинодія Захаріи Копыстенскаго половины XVII в., сборникъ начала XVIII в. съ нѣкоторыми произведеніями

св. Дмитрія Ростовскаго и три латино-польскіе учебника конца XVII и начала XVIII вѣка.

Отъ священника Кіевской Набережно-Николаевской церкви П. И. Солухи рукописи: Синодикъ или Помянникъ Межигорскаго монастыря, заведенный въ XVII в., и сводъ узаконеній и указовъ половины XVIII в.

Отъ священника с. Бабина, Ровенскаго у., Волынской губ., Ѳ. Савлучинскаго книга *Ἐρμῆς* Мелетія Смотрицкаго Виленской печати 1610 г.

Отъ члена-корреспондента, священника Васильевской церкви въ г. Владимірѣ Волынскомъ Д. Левицкаго: рукописный нотный Ирмологіонъ XVII в. съ миньятюрами, 3 нѣмецкія изданія прошлаго и нынѣшняго вѣковъ, половина оловяннаго селадня съ изображеніемъ великомученика Дмитрія, серебряная монета Сигизмунда III и мѣдная русская XVIII в.

Отъ протоіерея г. Василькова, кіевской губ. А. Мацкевича, по резолюціи Высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Платона,—рукописная „Исторія Христіанской церкви“, вѣроятно изъ академическихъ лекцій 1850-хъ годовъ.

Отъ инспектора народныхъ училищъ Донской области А. Л. Крылова составленная имъ брошюра: „Аксайская икона Божіей Матери Одигитріи. Новочеркасскъ 1883“.

Итого поступило въ теченіи 1883 года, отъ 82 жертвователей, въ музей и библіотеку его:

а) въ музей:

Памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и т. п.	61
Медалей, жетоновъ и монетъ	598
Религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта .	9
Актонъ, грамотъ, писемъ и т. п.	10
Рукописей	35

Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ . . .	16
Гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. под.	269

б) въ библіотеку музея:

Книгъ и брошюръ	70
Всего	1068

За сямъ, коллекціи Общества къ 1 января 1884 года представляли, въ совокупности съ поступлениями предыдущихъ годовъ, слѣдующую численность:

а) по музею:

Церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п. . . .	1590
Памятниковъ нецерковныхъ	6906
Фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ досокъ, гравюръ, чертежей и т. п.	2775
Актвъ, грамотъ, писемъ и т. п.	1333
Рукописей	805
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ . . .	534

б) по библіотекѣ музея:

Книгъ и брошюръ	669
Всего	14612

Въ осенніе мѣсяцы отчетнаго года, по случаю ремонта помѣщенія музея, и въ каникулярное время музей закрытъ былъ для публики. Въ остальное учебное время онъ открывался по воскресеньямъ съ 12 до 2-хъ часовъ по полудни для членовъ Общества, студентовъ Академіи и сторонней публики, а въ исключительныхъ случаяхъ и въ другіе дни. Въ числѣ почетныхъ посѣтителей были: Высокопреосвященные Сергій, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій, Тихонъ, архіепископъ Волынскій и Житомирскій;

Преосвященные Неофитъ, епископъ Туркестанскій и Ташкентскій, Виталій, епископъ Чыгиринскій, викарій Кіевской митрополіи, Модестъ, епископъ Люблинскій, викарій Холмско-Варшавской епархіи, Августинъ, епископъ Аккерманскій, викарій Кишиневской епархіи; семейство князя Голицына; графъ Шереметевъ, членъ Общества древнерусской письменности; графъ Гр. А. Милорадовичъ; д. с. с. А. В. Звенигородскій; Е. Марбо, членъ Центрального Архитектурнаго Общества. Обращались въ Музей за матеріалами и справками: Императорская Академія Наукъ, Императорская Публичная Библиотека, Совѣтъ Казанской дух. Академіи, сенаторъ Д. Ровинскій, секретарь Псковскаго Археологическаго Общества Хорошавинъ, профессора Кіевскаго Университета Павловъ и Бецъ, доценты того же Университета Дашкевичъ и Соболевскій, Общество естествоиспытателей при Кіевскомъ Университетѣ, профессоръ Технологическаго Института Султановъ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета Сырку, кафедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ, редакторъ-издатель „Кіевской Старины“ Ѳ. Г. Лебединцевъ, г. Чирко, г-жа Юнге Е. Ѳ., профессоръ С.-Петербургскаго Университета А. В. Праховъ, архитекторъ В. Н. Николаевъ и художники Платоновъ и Селезневъ,—последніе четверо для работъ своихъ по внутреннему устройству и украшенію древняго Кіево Кирилловскаго храма и вновь выстроеннаго Владимірскаго собора въ Кіевѣ.

III. Занятія Общества и членовъ его.

Въ теченіи 1883 года было десять собравій членовъ Церковно-Археологическаго Общества, изъ коихъ пять посвящены были разсмотрѣнію и обсужденію вопроса о внутреннемъ устройствѣ и украшеніи новаго Владимірскаго собора въ Кіевѣ, каковой вопросъ въ основныхъ чертахъ его и разрѣшенъ былъ Церковно-Археологическимъ

Обществомъ въ отчетномъ году: проекты, планы и смѣты на сей предметъ въ концѣ отчетнаго года представлены Церковно-Археологическимъ Обществомъ высшему начальству. Въ остальныхъ пяти собраніяхъ членовъ Церковно-Археологическаго Общества, кромѣ заслушанія и рѣшенія текущихъ дѣлъ, доложены были: Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества за 1882 годъ и рефераты членовъ: И. И. Малышевскаго и С. Т. Голубева о трехъ рукописныхъ экземплярахъ помянника Кіево-Печерской лавры XV—XVII в., извлеченіе изъ коихъ приготовлено г. Голубевымъ для „Архива Юго-Западной Россіи“; П. А. Лашкарева—объ изображеніяхъ страшнаго суда, Н. И. Петрова о рукописной „книгѣ блаженнаго Іова Почаевскаго, власною рукою его писанной“, помѣщенный въ журналъ „Странникъ“ за сентябрь, октябрь и ноябрь 1883 г., „Описаніе путешествія монаховъ Рыхловскаго монастыря, Черниговской епархіи, Сильвестра и Никодима, во св. землю въ 1722 году“, напечатанное въ „Трудахъ Кіевской духовной Академіи“ за май 1883 г., и „о рукописяхъ и дублетныхъ книгахъ Волынской дух. семинаріи, имѣющихъ значеніе для исторіи уніи въ Юго-Западномъ краѣ Россіи“. Нѣкоторые изъ рефератовъ нынѣшняго и прежнихъ годовъ изданы были въ отчетномъ году особой книгой, подъ заглавіемъ: „Чтенія въ Церковно-Археологическомъ Обществѣ при Кіевской дух. Академіи. Выпускъ I. Кіевъ. 1883“. По нѣкоторымъ вопросамъ Церковно-Археологическимъ Обществомъ составлялись особыя комиссіи или давались членамъ особыя порученія. Такъ напр., составлена была особая комиссія для разработки проекта внутренняго устройства и украшенія новаго Владимірскаго собора въ Кіевѣ, и одному члену поручено было осмотрѣть рвы для фундамента вновь строящейся Кіево-Подольской Введенской церкви; четыре члена принимали дѣятельное участіе въ возобновленіи внутренняго украшенія древняго Кіево-Кирилловскаго храма. Ученые труды отдѣльныхъ членовъ Церковно-Археологическаго Об-

щества или печатались въ журналѣ „Труды Кіевской дух. Академіи, или же выходили особыми книгами и брошюрами, отчасти обозначенными въ вышеприведенномъ спискѣ пожертвованій для бібліотеки Церковно-Археологическаго Музея.

Поддерживая общеніе съ тѣми учеными учрежденіями, съ которыми имѣло связи въ прежніе годы, въ отчетномъ году Церковно-Археологическое Общество вновь вошло въ сношенія съ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Болѣе дѣятельныя связи Церковно-Археологическое Общество въ отчетномъ году имѣло съ Императорской Академіей Наукъ, съ Императорской Публичной Библіотекой, Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей, Казанской дух. Академіей, Кіевскимъ Историческимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца и Хорватскимъ Археологическимъ Обществомъ. Кромѣ того въ отчетномъ году изданія Церковно-Археологическаго Общества вытребованы были въ Болгарію для соображеній при учрежденіи Болгарскаго Археологическаго Общества и Музея.

IV. Денежныя средства Общества.

Оставалось отъ 1882 года 1100 руб. облигаціями и 414 р. 57 к. с. наличными деньгами,—всего. 1514 р. 57 к.

Приходъ въ 1883 году:

Отъ почетнаго члена, Высокопреосвященнаго Митрофана, архіепископа Донскаго и Новочеркасскаго 25 р. —

Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Іустина, епископа Каменецъ-Подольскаго и Брацлавскаго. 50 р. —

Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Михаила епископа Курскаго и Бѣлгородскаго. 10 р. —

Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Виталія, епископа Чигиринскаго, Викарія Кіевской митрополіи, 5% банковый билетъ 3-го восточнаго займа, за № 045,994-мъ, въ . . .	100 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, духовника Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Александры Петровны, протоіерея В. И. Лебедева.	25 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Томской дух. Семинаріи архимандрита Акакія	15 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, кафедральнаго протоіерея Холмскаго собора І. Гошовскаго.	10 р. —
Отъ члена-корреспондента, ректора Минской дух. Семинаріи протоіерея А. Конскаго.	10 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, д. с. с. А. В. Звенигородскаго	10 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, члена С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры архимандрита Арсенія.	5 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, священника с. Краснополки, Уманскаго уѣзда, Кіев. губ., К. Подгурскаго	5 р. —
Отъ члена-корреспондента священника с. Михайловки, Гайсинскаго у., Подольск. г., Г. Борзаковскаго.	1 р. —
Членскихъ взносовъ отъ лицъ изъ академической корпораціи	65 р. —
Отъ семейства князя Голицына	5 р. —
Отъ посѣтителей Музея платы за входъ въ Музей	11 р. 60 к.
Выручено отъ продажи изданій Общества	16 р. 65 к.
Выручено отъ продажи дублетныхъ старыхъ мѣдныхъ монетъ	— 45 к.

Приобрѣтены за 279 р. 30 к. три 5% сторублевья облигаціи втораго внутренняго займа по номинальной стоимости въ 300 р. —

Получено % съ принадлежащихъ Обществу облигацій 72 р. 50 к.

Итого . 737 р. 20 к.

Всего съ остаткомъ 2251 р. 77 к.

Употреблено въ расходъ въ 1883 году:

На покупку трехъ сторублевыхъ облигацій втораго внутренняго займа. 279 р. 30 к.

За пересылку, перевозку и приѣмъ жертвуемыхъ предметовъ 10 р. —

За оттиски отчета, Извѣстій Общества и дипломовъ за 1882 годъ 32 р. 75 к.

За переплеты отчета, Извѣстій и Чтеній Церковно-Археологическаго Общества для высокопоставленныхъ лицъ 8 р. 50 к.

На работы по Музею: размѣщеніе предметовъ, вставку стеколъ, подмывку половъ, поправку ключей и замковъ 9 р. 28 к.

На отсылку дипломовъ, изданій Общества и другихъ книгъ 4 р. 60 к.

На укупорку и отправку чертежей и смѣтъ по внутренему устройству Кіевскаго Владимирскаго собора 9 р. 50 к.

На конверты, бумагу, почтовые марки и проч. 4 р. 34 к.

За переписку нѣкоторыхъ бумагъ 2 р. 80 к.

Разсылному за разноску повѣстокъ и отправку посылокъ и бумагъ на почту и полученіе съ почты, и на извозчика ему 9 р. 50 к.

Итого . 370 р. 57 к.

Остается 1881 р. 20 к.

Изъ нихъ 1500 руб. облигаціями и 381 руб. 20 коп. серебромъ наличными деньгами.

Списокъ лицъ, составляющихъ нынѣ Церковно-Археологическое Общество при Кіевской дух. Академіи.

1. Должностныя лица:

Предсѣдатель Общества, ректоръ Кіевской дух. Академіи архимандритъ Силвестръ; товарищъ предсѣдателя, профессоръ той же Академіи П. А. Лашгаревъ; казначей Общества, профессоръ той же Академіи А. В. Розовъ; заведующій Музеемъ и секретарь Общества, профессоръ же Академіи Н. И. Петровъ, и помощникъ секретаря, профессоръ той же Академіи Н. М. Дроздовъ.

2. Почетные члены¹⁾:

Александръ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій.
 Амфилохій архимандритъ, настоятель Московскаго Данилова монастыря.
 Антонинъ архимандритъ, настоятель Русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ.
 Бычковъ Ае. Феод., академикъ, директоръ Императорской Публичной Библіотеки.
 Виталий, Епископъ Чигиринскій, викарій Кіевской митрополіи.
 Дондуковъ-Корсаковъ А. И., князь, главно-начальствующій гражданскою частію на Кавказѣ.
 Евгений, Епископъ Астраханскій и Енотаевскій.
 Исѣевъ П. Ѳ., конференцъ-секретарь Императорской Академіи Художествъ.
 Іоаннь, Архіепископъ Полтавскій и Переяславскій.
 Іустинъ, Епископъ Каменецъ-Подольскій и Брацлавскій.

¹⁾ Списокъ членовъ Общества составленъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Калачовъ Ник. Вас., сенаторъ, директоръ Археологическаго Института.

Комаровъ Ал. Висс., генераль-лейтенантъ начальникъ Закаспійской области.

Леонтій, Архіепископъ Холмскій и Варшавскій.

Макарій, Епископъ Нижегородскій и Арзамасскій

Маркеллъ, Епископъ Полоцкій и Витебскій.

Митрофанъ, Архіепископъ Донской и Новочеркасскій.

Михаилъ, Епископъ Курскій и Вългородскій.

Модестъ, Епископъ Люблинскій, викарій Холмско-Варшавской епархіи.

Павелъ, Архіепископъ, вѣзархъ Грузіи.

Палладій, Архіепископъ Казанскій и Свіязскій.

Побѣдоносцевъ Конст. Петр., Оберъ-Прокуроръ Св. Синода.

Порфирій (Успенскій), Епископъ, членъ Московской Синодальной канторы.

Рождественскій Іоан. Никол., протоіерей.

Савва, Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

Серапіонъ, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій.

Тихонъ, Архіепископъ Волынскій и Житомирскій.

Толстой Мих. Вл., графъ.

Уваровъ Ал. Серг., графъ, предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества.

Феогностъ, Епископъ Владимірскій и Суздальскій.

Феодосій, Епископъ Екатеринбургскій и Таганрогскій.

3. Дѣйствительные члены:

Акавій архимандритъ, ректоръ Томской дух. Семинаріи.

Анатолій архимандритъ, настоятель Рыльскаго Николаевскаго монастыря.

Анатолій, архимандритъ, членъ японской православной миссіи.

Антоновичъ Вл. Бон., профессоръ Кіевскаго университета.

Аристовъ А. П., учитель Рижской дух. Семинаріи.

Арсеній архимандритъ, бывшій настоятель Кіево-Выдубицкаго монастыря.

Арсеній архимандритъ, членъ С.Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета.

Арсеній, Епископъ Ладожскій, Ректоръ С.Петербургской духовной Академіи.

Барсовъ Н. И., профессоръ С.Петербургской дух. Академіи.

Барсуковъ Ник. Пл., Синодальный библіотекаръ.

Бодилевскій Савва Вас., статскій совѣтникъ.

Бѣлозерскій Н. М., помѣщикъ Борзенскаго у., Черниг. губ.

Вержбицкій Т. I. коллежскій секретарь.

Веселовскій Н. И., профессоръ С.Петербургскаго университета.

Голубевъ С. Т., приватъ-доцентъ Кіевской дух. Академіи.

Гошовскій I., каедральный протоіерей Холмскаго собора.

Григоровичъ Ник. Ив., начальникъ синодальнаго архива и библіотеки.

Дашкевичъ Н. П., доцентъ кіевскаго университета.

Димитрій архимандритъ, ректоръ Воронежской дух. Семинаріи.

Дмитревскій О., инспекторъ Черниговской дух. Семинаріи.

Ефремовъ Н. В., приватъ-доцентъ Кіевской дух. Академіи.

Звенигородскій, А. В., дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Ивановъ А. В., учитель Таврической дух. Семинаріи.

Иринеи архимандритъ, ректоръ Кіевской дух. Семинаріи.

Исаевъ И. П., секретарь совѣта Кіевской Академіи.

Іоаннъ архимандритъ, бывший намѣстникъ Почаевской лавры.

Кибальчичъ Т. В., почетный вольный общникъ Императорской Академіи Художествъ.

Ковальницкій М. Г., профессоръ Кіевской Академіи.

Колосовъ Ал., протоіерей, настоятель Кіево-Троицкой церкви.

Корольковъ И. Н., профессоръ и инспекторъ Кіевской Академіи.

Крыжановскій Е. М., дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Лебединцевъ П. Г., каедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора.

Лебединцевъ О. Г., дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Леонидъ архимандритъ, намѣстникъ Троицкой Сергіевой лавры.

- Ливчакъ А., протоіерей г. Варшавы.
- Линицкій П. И., профессоръ Кіевской Академіи.
- Лисицынъ І. Е., привать-доцентъ той же Академіи.
- Лебедевъ В. И., протоіерей, духовникъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Александры Петровны.
- Малининъ В. Н., доцентъ Кіевской Академіи.
- Малышевскій И. И., заслуженный ординарный профессоръ той же Академіи.
- Мацѣвичъ Д. С., инспекторъ Кишиневской дух. Семинаріи.
- Мелетій, Епископъ Селенгинскій, викарій Иркутской епархіи.
- Милорадовичъ Гр. Ал., графъ, генералъ-маіоръ свиты Его Величества.
- Миропольскій С. И., членъ-ревизоръ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.
- Мисевскій А., коллежскій ассессоръ, помѣщикъ Козелецкаго уѣзда, Черниговской губ.
- Михайловскій А. И., лекторъ англійскаго языка въ Кіевской Академіи.
- Модестовъ В. И., бывшій профессоръ С.-Петербургской дух. Академіи.
- Николаевъ Вл. Н., Кіевскій епархіальный архитекторъ.
- Олесницкій А. А., профессоръ Кіевской Академіи.
- Олесницкій М. А., профессоръ той же Академіи.
- Орнатскій Ф. С., привать-доцентъ той же Академіи.
- Писаревъ М. В., привать-доцентъ той же Академіи.
- Подгурскій К., священникъ с. Краснополки, Уманскаго у., Кіевской губ.
- Покровскій Г., протоіерей, законоучитель Астраханской гимназіи.
- Покровскій Ф. Я., привать-доцентъ Кіевской Академіи.
- Помяловскій Ив. Вас., профессоръ С.-Петербургскаго Университета.
- Пономаревъ Д. С., начальникъ Сѣдлецкой дирекціи.
- Пономаревъ С. И., бывшій учитель Полтавскаго Кадетскаго корпуса.

Поповъ К. Д., доцентъ Кіевской Академіи.

Поспѣховъ Д. В., заслуженный ординарный профессоръ той же Академіи.

Праховъ А. В., профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

Пѣвпицкій В. Ф., заслуженный ординарный профессоръ Кіевской Академіи.

Розановъ П. П., учитель Кіевской дух. Семинаріи.

Сольскій С. М., профессоръ Кіевской Академіи.

Суручанъ Ив. Кас., дворянинъ.

Сычуговъ В. И., архитекторъ, академикъ.

Тарнавскій В. В., Нѣжинскій уѣздный предводитель дворянства.

Терновскій Ф. А. бывший профессоръ Кіевской Академіи.

Толстой Ив. Ив., графъ.

Троцкий П. А., протоіерей, законоучитель Кіевскаго Кадетскаго Корпуса.

Тумасовъ Н. С., доцентъ Кіевской Академіи.

Филимоновъ Г. Д., помощникъ директора Московской Оружейной Палаты.

Хорошунъ Ф., священникъ, законоучитель Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ.

Христофоръ архимандритъ (въ мѣрѣ Ф. А. Смирновъ), ректоръ Тамбовской дух. Семинаріи.

Щегловъ Н. Н., учитель Кіевской дух. Семинаріи.

Щербанъ А. Н., редакторъ Львовской газеты „Новости“.

Яновскій Ф., священникъ с. Вишенокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ.

4. Члены-корреспонденты:

Абрамовичъ И. Г. инспекторъ Плоцкой Гимназіи.

Артемій игуменъ, начальникъ больничнаго Николаевскаго монастыря Кіево-Печерской лавры.

Бернадскій Вл., священникъ с. Глуховецъ, Бердичевскаго у., Кіевской губ.

- Борзакoвскій Г., священникъ с. Михайловки, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ.
- Боцяновскій Ѡ., священникъ селъ Писокъ и Скоморохъ, Житомирскаго уѣзда.
- Воскресенскій І., священникъ г. Николаева, Херсонской губ.
- Ганицкій М., священникъ Кишиневскаго собора.
- Гапановичъ П., священникъ, законоучитель Холмскаго Маріинскаго женскаго училища.
- Громачевскій А. С., учитель Рижскаго дух. училища.
- Желтоножскій І., протоіерей, настоятель Кіево-Рождественской церкви.
- Иваницкій В., священникъ села Кагарлыкской слободы, Кіевскаго уѣзда.
- Карцовъ Вас. Ів., коллежскій ассессоръ.
- Кирилловъ Н., священникъ, законоучитель Новочеркасской гимназіи.
- Ковальницкій І., священникъ с. Баглай, Старо-Константиновскаго уѣзда, Волынской губ.
- Ковскій А., протоіерей, ректоръ Минской дух. Семинаріи.
- Крыловъ А. Д., инспекторъ народныхъ училищъ въ Донской Области.
- Лашкаревъ Игн., священникъ села Луневки, Обоянскаго у., Курской губ.
- Левитскій Авг., священникъ м. Новаго Дашева, Липовецкаго у., Кіевской губ.
- Левидкій Д., священникъ Васильевской церкви въ г. Владиміръ-Волынскомъ.
- Лонткевичъ І., священникъ с. Крупца, Острожскаго у., Волынской губ.
- Мазюкевичъ С., священникъ с. Никольской слободки, Остерскаго у., Черниговской губ.
- Мельниковскій І., священникъ Сулимовской церкви въ г. Кіевъ.
- Павловичъ А., учитель Могилевской дух. Семинаріи.
- Пигулевскій Іос., смотритель Кременецкаго дух. училища.

- Полянский Н., благочинный, священник м. Берисполя, Переяславскаго у., Полтавской губ.
- Пясецкій Г., учитель Орловской дух. Семинаріи.
- Савлущинскій Θεοфанъ, священникъ с. Бабива, Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи.
- Симашкевичъ Митроѳ., протоіерей, ректоръ Подольской дух. Семинаріи.
- Сибсаревъ Н., инспекторъ народныхъ училищъ въ Херсонской губ.
- Соколовъ Н., священникъ, законоучитель Виленскихъ мужской гимназіи и учительскаго Института.
- Солуха П. И., священникъ Кіевской Набережно-Николаевской церкви.
- Струковъ Д., художникъ при Московской Оружейной Палатѣ.
- Тарнопольскій Д., протоіерей, законоучитель Минской гимназіи.
- Трипольскій Н., священникъ, законоучитель Житомирской гимназіи.
- Троицкій Ил., учитель Уфимской дух. Семинаріи.
- Хойнацкій А., протоіерей, законоучитель Нѣжинскаго физиологическаго Института.
- Чемена Игн. Ант., учитель Одесскаго духовнаго училища.
-

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Киевской духовной Академіи

ЗА М. ЯНВАРЬ 1884 Г.

I.

16 января 1884 г. было засѣданіе Церковно Археологическаго общества, на которомъ, кромѣ доклада и рѣшенія текущихъ дѣлъ, пересмотрѣнъ былъ списокъ членовъ Церковно Археологическаго Общества и заслушанъ Отчетъ сего Общества за 1883 годъ.

II.

Въ теченіи января мѣсяца въ Церковно Археологическое Общество, Музей и библіотеку его поступило нижеслѣдующее:

А) Отъ хорватскаго Археологическаго Общества: *Viestnik Hrvatskoga Arkeologickoga Druzstva. Godina VI. Br.*

Б) Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Рыльского Николаевскаго монастыря, Курской епархіи, Архимандрита Анатолія *десять руб.* (10 р.) серебромъ на нужды Церковно-Археологическаго Общества.

В) Отъ дѣйствительнаго члена С.Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета Архимандрита Арсенія *шесть рублей* (6 р.) серебромъ на нужды Церковно Археологическаго Общества.

Г) Отъ дѣйствительнаго члена, профессора С.Петербургскихъ Труды Киев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

бургской Духовной Академіи Н. И. Барсова рукопись „Толкованіе Божественныхъ именъ, находящихся въ священномъ Писаніи на еврейскомъ языкѣ“; посвятилъ начальнику артиллеріи 4-го корпуса войскъ генералъ-маіору Василю Григорьевичу Костенецкому „сочинившій игуменъ соборный іеромонахъ Кандидъ 1818 года 12 марта въ Кіевѣ“, съ цензурскимъ разрѣшеніемъ доктора богословія Казанскаго собора священника Герасима Павскаго отъ 17 ноября 1824 года, in 4 о. Въ началѣ рукописи—акварельный рисунокъ съ подписью „Kabbala denudata“, и проч.

Д) Отъ дѣйствительнаго члена, Инспектора Кишиневской Духовной семинаріи Л. С. Мацѣвича: 1) связка писемъ (8 мь) покойнаго митрополита Новгородскаго и С.Петербургскаго Никанора, 1851—1852 гг., изданныхъ жертвователемъ въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за 1883 годъ; 2) Списокъ книгъ (313-ти) бывшаго Архіепископа Могилевскаго Анатолія (Мартыновскаго), пожертвованныхъ имъ впоследствии въ Подольскую Дух. Семинарію, писанный собственноручно преосвященнымъ Анатоліемъ, и 3) рукописное слово Архимандрита Аристіова въ великій Пятокъ, 1857 года.

Е) Отъ учителя той же Семинаріи Е. Е. Михалевича, чрезъ того же Мацѣвича, пять серебряныхъ западно-европейскихъ монетъ XVII и XIX вв. и одна мѣдная французская.

Ж) Отъ студента Новороссійскаго университета А. А. Оставскаго, чрезъ того же Мацѣвича: 1) бронзовая греческая колоніальная монета г. Александріи; 2—3) два серебряные польскіе гроша 1558 и 1624 г.

З) Отъ воспитанника Кишиневскаго Реальнаго училища Петра Юзефовича, чрезъ того же Мацѣвича: 1) мѣдный брестикъ, 2) жетонъ на 12 Апрѣля 1877 г.; 3) еврейскій серебряный сикль,—средневѣковая поддѣлка; 4) серебряная македонская монета Лизимаха (съ 286 г. до Р. Хр.); 5—6) двѣ маленькія бронзовыя Ольвійскія монеты; 7) серебряная римская монета Марка Аврелія Антоинна; 8—12) пять греко-римскихъ бронзовыхъ монетъ; 13—17) пять мѣдныхъ турецкихъ; 18) мѣдная грузинская начала нынѣшняго вѣка;

19—26) восемь румынскихъ; 27—47) двадцать одна русскихъ; 48—49) двѣ польскія; 50) Соединенныхъ Штатовъ 1881 г., 51) французская Наполеона III въ козацкой шапкѣ, 1856 г.; 52—79) двадцать восемь западно-европейскихъ.

И) Огъ дѣйствительнаго члена, коллежскаго секретаря Т. I. Вержбицкаго: 1) большой серебряный жетонъ. На одной сторонѣ Крещеніе Господне и кругомъ надпись: *Fili hic me est sumoque lignor amore. Hunc audite homines, verba salutis habet.* На другой—Спаситель съ дѣтьми и кругомъ надпись: *Per baptisma mihi pueros adducite vestros. His ego coelorum regna beata dabo.* 2) Серебряный жетонъ на коронацію польскаго короля Владислава IV. На одной сторонѣ крылатый витязь съ вѣнкомъ въ рукѣ около монумента и кругомъ надпись—*Honor virtutis praemium*; на другой—*Wladislaus IV coronatus in regn. Pol. et M. D. L. anno 1633 die 6 Febr.* 3) венгерская серебряная монета XV в. (Владислава VI?); 4—6) прусскія серебряныя Альберта 1537 и 1544 и Фридриха Великаго 1777 г.; 7) польскія серебряныя Сигизмунда I, 1510 г., Сигизмунда II Августа 1548 и 1562 г.; Стефана Баторія 1582 г., Сигизмунда III, 1590 и 1594 г.г., Яна Казимира 1663 г.

И) Огъ протоіерея м. Черновець, Подольской губ., Тимоея Пиленка: 1) серебряная римская монета Гордіана III, 238—244 г., по Р. Хр.); 2—3) серебряныя польскія монеты Сигизмунда III и Августа Понятовскаго; 4) мѣдная польская монета Августа III; 5) мѣдная турецкая XVII в.; 6) мѣдная русская XVIII в.

К) Огъ священника села Пляховой, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губ., Симеона Шереметинскаго: 1) мѣдный эмальированный литой образокъ Воскресенія Господня (изведенія изъ ада праведниковъ); 2) чеканный мѣдный образокъ Богоматери, съ нѣмецкою подписью—*„Maria Schatz-Kammer“*.

Л) Огъ воспитанника вгрой Кіевской гимназіи Вѣдшевскаго—мѣдный крестикъ.

М) Отъ воспитанника первой гимназіи Захаріевскаго—
лубочное гравированное изданіе Сказки объ Ерусланѣ Ла-
заревичѣ XVIII в. и серебряная Ганноверская монета Виль-
гельма IV.

Н) Отъ Кіевского купца Балашова—связка докумен-
товъ XVIII в., касающихся Кіевской и Переяславской
епархій.

Секретарь Общества проф. *Н. Петровъ.*

ПРОТОКОЛЫ

СОВѢТА

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 188³/₄ учебный годъ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., соб. л.

1884.

**Печатано по опредѣленію Совѣта Кіевской дух. Академіи
отъ 27 января 1884 года.**

1883 года 17 августа.

Въ общемъ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея Архимандрита *Сильвестра*, присутствовали профессора Академіи ординарные: *Мамышевскій, Пѣвницкій, Сольскій, Вороновъ, Диницкій* и *Петровъ*, экстраординарные: *Дашкаревъ, Терновскій, Корольковъ* и *Ястребовъ*. Не присутствовали ординарный профессоръ *Поспѣховъ* и экстраординарные профессора: прот. *Воскресенскій, Олесницкій, Ковальницкій* и *Розовъ*, первые три—по болѣзни, а послѣдніе два—по нахожденію въ отпускѣ.

Слушали: I. а) Полученную при отношеніи Кіевской духовной Консисторіи отъ 16 іюня 1883 года за № 8082 копию указа Св. Синода отъ 3 того же іюня за № 1730: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 17 минувшаго мая за № 181, слѣдующаго содержания: ректоръ Тамбовской духовной Семинаріи протоіерей *Димитрій Пѣвницкій* обратился къ Преосвященному Митрополиту Московскому съ прошеніемъ, въ которомъ, изъясняя, что онъ, по разстроенному здоровью, имѣетъ намѣреніе оставить духовно-учебную службу и желаетъ поступить въ епархіальное вѣдомство, просить опредѣлить его на какое-либо священническое мѣсто въ Москвѣ. Сообщая о семъ Преосвященный Митрополитъ *Іоанникій* присовокупляетъ, что, согласно просьбѣ протоіерея *Пѣвницкаго*, онъ зачислилъ его въ составъ причта къ храму Христа Спасителя въ Москвѣ. Приказали: ректора Тамбовской духовной Семинаріи протоіерея *Пѣвницкаго*, согласно его просьбѣ,

уволить отъ духовно-учебной службы въ распоряженіе Московскаго епархіальнаго начальства, и на мѣсто его ректоромъ названной Семинаріи назначить экстраординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи іеромонаха Христофора, съ возведеніемъ его, на основаніи § 24 сем. уст., въ санъ архимандрита; о чемъ, для зависящихъ къ исполненію распоряженій, дать знать Вашему Преосвященству указомъ, поручивъ при семъ Вамъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ архимандриту Христофору, для проѣзда отъ Кіева до мѣста назначенія, слѣдующихъ по положенію прогонныхъ денегъ изъ назначенныхъ въ распоряженіе Кіевскаго епархіальнаго начальства на прогоны и пособія суммъ, а въ случаѣ недостатка таковыхъ—изъ свободныхъ епархіальныхъ средствъ, на счетъ возврата изъ подлежащаго источника.—На указѣ семъ резолюція Его Высокопреосвященства Митрополита Кіевскаго 12 іюня 1883 года послѣдовала такая: „Предлагаю Консисторіи сдѣлать по сему указу надлежащее распоряженіе и сообщить о немъ Правленію Кіевской духовной Академіи, а также и поименованному въ указѣ іеромонаху Христофору“.

б) Увѣдомленіе Кіевской дух. Консисторіи отъ 27 іюня 1883 г. за № 8414 о томъ, что профессоръ Кіевской Академіи, назначенный указомъ Св. Синода, отъ 3-го іюня 1883 года за № 1730, *ректоромъ Тамбовской духовной Семинаріи*, іеромонахъ *Христофоръ* 17 сего іюня Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, при совершеніи божественной литургіи въ Бѣлоцерковской Преображенской церкви, Васильковскаго уѣзда, возведенъ въ санъ *архимандрита*.

Справка: Архимандритъ Христофоръ, занимавшій въ Кіевской Академіи каеэдру церковной археологіи и литургіи, выбылъ изъ Академіи 30 іюня, получивъ по сіе число включительно отъ Правленія Академіи жалованье по должности экстраорд. профессора оной; а прогонными на проѣздъ

деньгами снабженъ Кіевскою Консистоіею. Объ удовлетвореніи архим. Христофора жалованьемъ за мѣсяць іюнь сообщено Правленіемъ Академіи Правленію Тамбовской дух. Семинаріи съ приложеніемъ формулярнаго списка о службѣ его.

Постановлено: О состоявшемся назначеніи экстраорд. профессора Академіи о. Христофора на должность ректора Тамбовской дух. Семинаріи и объ удовлетвореніи его жалованьемъ отъ Правленія Академіи по 1-е іюля записать въ настоящій протоколъ Совѣта и съ этого числа считать вакантною кафедрю церковной археологіи и литургіи, а потому предоставить, по 51 § уст. дух. акад., членамъ Совѣта рекомендовать извѣстныхъ лицъ, достойныхъ занять оную, или, въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, поручить по 52 § тогоже устава Церковно-практическому Отдѣленію составить программу конкурса на занятіе отрывшейся вакансіи.

II. Предложеніе Ректора Академіи о необходимости возобновить сдѣланное въ началѣ апрѣля 1882 года представленіе о разрѣшеніи пристроекъ и перестроекъ въ Кіевской дух. Академіи въ виду того, что къ концу 188¹/₂ учебного года изъ 180 казеннокоштныхъ студентовъ помѣщалось въ зданіи Академіи до 140 человекъ, а прочіе 40 живутъ въ частныхъ квартирахъ, какъ и болѣе 30-ти стипендіатовъ и своекоштныхъ студентовъ; между тѣмъ, по опредѣленію Св. Синода отъ ⁶/₁₁ іюля 1883 года за № 1195, съ наступающаго учебного года даже своекоштные студенты допускаются въ Академію только въ качествѣ пансіонеровъ и должны жить въ зданіяхъ академіи, а внѣ ихъ своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей.

Справка: По Высочайше утвержденному въ 30 день мая 1869 г. штату назначено для Кіевской дух. Академіи 120 казеннокоштныхъ студентовъ и, кромѣ того, по случаю юбилея ея 28 сентября тогоже года учреждено 10-тъ казен-

- 10) Ученіе Фихте (младшаго) о безсмертіи челоуѣчской души.
- 11) О субъективныхъ основаніяхъ религіи.
- 12) Историческое изложеніе догмата о церкви.
- 13) Историческое изложеніе ученія церкви о почитаніи св. иконъ.
- 14) *Summa theologiae*—Томы яквинскаго.
- 15) Фальсификаціи, составленныя въ интересахъ папскаго авторитета.
- 16) О старокатоличествѣ.
- 17) Исторія и вѣроученіе Квакеровъ.
- 18) Исторія и вѣроученіе Социніанъ.
- 19) Иѳеика Климента Александрійскаго.
- 20) Иѳеика Тертулліана.
- 21) Минуцій Феликсъ и его сочиненіе „Октавій“.
- 22) Евсевій Кесарійскій, какъ апологетъ.
- 23) Евсевій Кесарійскій, какъ богословъ.
- 24) Догматическій элементъ противоярїанской полемики св. Аѳанасія.
- 25) Содержаніе и характеръ противоевноміанской полемики св. Григорія Нисскаго.
- 26) Полемика св. Василія вел. противъ Евномія.
- 27) Подлинность книги пророка Данила.
- 28) Древне-еврейскія монеты.
- 29) Взглядъ на сущность зла въ связи съ разборомъ теорій о происхожденіи его.

Б) Церковно-историческаго:

- 1) Общежительные братія (*Fratres vitae communis*).
- 2) Очерки исторіи методизма.
- 3) Ронге и Черскій—первые представители старокатолицизма въ нынѣшнемъ столѣтіи.
- 4) Ультрамонтанское направленіе въ католической литературѣ до 50-хъ годовъ и его главнѣйшіе представители.
- 5) Дѣло Пальмера о воссоединеніи съ православною церковію по подлиннымъ документамъ.

6) Церковное и богословско-литературное общеніе Русской церкви съ греческою въ текущемъ столѣтіи.

7) Славяно-русская языческая и двоевѣрная эсхатология.

8) Исторія Грузіи и грузинской церкви въ X—XIV в.в.

9) Греческій архіерей среди славянской паствы (преимущественно по письмамъ Теофилакта, арх. Болгарскаго, съ примѣненіемъ и къ древнѣйшей исторіи Руси).

10) Крестовые походы въ ихъ ближайшихъ и отдаленныхъ послѣдствіяхъ для нашего отечества (разумѣются главнымъ образомъ Ливонскій и Мальтійскій ордена въ ихъ отношеніи къ Россіи).

11) Юродивые святые и несвятые въ Византіи, на Руси и на Западѣ (историко-психологическій очеркъ).

12) Анаематствованіе противъ узурпаторовъ и политическихъ преступниковъ въ Византіи и на Руси.

13). Постриженіе, какъ способъ политической смерти въ Византіи и на Руси.

14) Преслѣдованіе еретиковъ въ Византіи, въ Россіи и на Западѣ.

15) Анти-церковные секты и ихъ взгляды на іерархію въ Византіи, на Руси и на Западѣ (павликиане, богомилы, стригольники, молокане, штундисты, альбигойцы и т. д.).

16) Св. Синодъ въ его отношеніи къ Правит. Сенату въ первые годы своего существованія (1721—1730).

17) Разборъ проектовъ относительно церкви и духовенства, высказанныхъ въ Екатерининское время (преимущественно въ комиссіи для составленія новаго уложенія).

18) Положеніе римско-католической іерархіи подъ русскимъ императорскимъ правительствомъ.

19) Вольтеръ и его вліяніе на русскую литературу и жизнь.

20) Церковно-историческіе труды м. Макарія (Булгакова).

21) Церковно-историческіе труды арх. Филарета (Гумилевскаго).

22) Арх. Анатолий Мартыновский и его литературные труды.

23) Едесская Церковь, отъ ея основанія до монофизитской борьбы. Значеніе ея въ общемъ движеніи жизни церковной.

24) Путешествія по св. мѣстамъ Палестины въ первые вѣка христіанства.

25) Сношенія между восточными и западными епископами во время аріанской борьбы.

26) Θεодоритъ Кирскій въ несторіанско-евтихіанской борьбѣ.

27) Участіе монаховъ египетскихъ и палестинскихъ въ оригенистской борьбѣ.

28) Іоаннь Вишенскій и его неизданныя сочиненія.

29) Острожская типографія и ея изданія.

30) Очеркъ исторіи Кіево-Михайловскаго монастыря.

31) Виленская іезуитская академія.

32) Литературная полемика, возникшая между православными и латино-уніатами по поводу возстановленія іерусалимскимъ патріархомъ Θεофаномъ южно-русской (православной) іерархіи.

33) Церковные соборы въ Россіи до учрежденія Св. Синода.

34) Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI в. до воссоединенія уніатовъ.

35) Кіевская митрополія съ 1657 до 1687.

36) Сношенія Молдо Валахской церкви съ русскою отъ ихъ начала до настоящаго времени.

37) Кіевскіе митрополиты, какъ покровители и благотворители Кіевской академіи.

38) Исторія русскаго раскола старообрядства съ 1800 до 1845 г.

В) Церковно-практическаго Отдѣленія:

1) Состояніе христіанской церковной проповѣди въ III вѣкѣ.

2) Евсовій, епископъ емисскій, и дошедшіе до насъ его проповѣдническіе труды.

- 3) Проповѣди св. Кирилла Александрійскаго.
- 4) Митрополить Московскій Фотій, его проповѣди и посланія.
- 5) Состояніе проповѣди въ вѣкъ Елисаветы.
- 6) Попеченіе о бѣдныхъ въ христіанской церкви.
- 7) Благотворительныя учрежденія въ христіанской церкви.
- 8) Проповѣди и нравоучительныя сочиненія св. Тихона Задонскаго.
- 9) Амвросій Протасовъ.
- 10) Гавріилъ Петровъ, митр. С.-Петербургскій, и его труды, относящіяся къ исторіи проповѣдничества.
- 11) Обзоръ практическихъ руководствъ для пастыря церкви, явившихся въ послѣднія десятилѣтія.
- 12) Инокентіевскій періодъ въ исторіи Кіевской духовной Академіи.
- 13) Лѣтописныя сказанія и устныя народныя преданія о св. великой княгинѣ Ольгѣ.
- 14) Источники и происхожденіе Скитскаго Патерика.
- 15) Пандекты и Тактиконъ Никона Черногорца.
- 16) Собраніе рукописей Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитина.
- 17) Слѣды книжныхъ христіанскихъ источниковъ въ русскихъ былинахъ о старшихъ и младшихъ богатыряхъ.
- 18) Постановленія Собора Московскаго 1667 года относительно обнаружившагося въ русской церкви раскола.
- 19) Положеніе единовѣрія въ русской церкви.
- 20) Различное положеніе религіозныхъ исповѣданій и сектъ въ Россіи.
- 21) Историческій очеркъ филологическаго изученія славянскихъ библейскихъ текстовъ.
- 22) Значеніе религіи во взаимныхъ отношеніяхъ славянъ.
- 23) Рукописныя евангелія Кіевскихъ книгохранилищъ (сравнительная характеристика языка и текста).

24) Св. Николай Чудотворецъ по изображенію житій, легендъ и народныхъ стиховъ.

25) Народныя представленія Христа и Богоматери въ колядкахъ и другихъ народныхъ стихахъ съ указаніемъ источника данныхъ представленій.

26) Сравнительная характеристика религіозныхъ вѣрованій Славянъ на основаніи Слова о полку Игоревѣ, Краледворской рукописи и Суда Любуши.

Постановлено: Одобренныя Отдѣленіями темы для кандидатскихъ разсужденій записать въ протоколъ и объявить студентамъ III курса съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ на одну изъ упомянутыхъ темъ написалъ сочиненіе въ теченіи семи мѣсяцевъ, начиная съ сентября сего 1883 года, и представилъ на разсмотрѣніе къ 1-му апрѣля 1884 года.

IV. Предложеніе ректора Академіи: „Въ виду замѣченныхъ случаевъ злоупотребленія (кандидатскими) рукописными сочиненіями хранящимися въ библіотекѣ, я полагаю бы въ предупрежденіе таковыхъ случаевъ изъять изъ оной сіи сочиненія и передать въ архивъ Правленія Академіи“.

Справка: 1) Въ рапортѣ отъ 9 октября 1881 года библіотекарь, заявивъ о разныхъ нуждахъ библіотеки, между прочимъ просилъ объ изъятіи изъ нея рукописныхъ сочиненій бывшихъ студентовъ Академіи. Коммиссія, которой поручено было обсудить заявленіе библіотекаря, въ отзывѣ своемъ отъ 25 ноября 1881 г. по настоящему предмету высказала слѣдующее: „Еще въ одномъ изъ первыхъ, въ началѣ учебнаго года, засѣданій Совѣтомъ Академіи предположено было—курсовыя сочиненія студентовъ прежнихъ курсовъ не выдавать наличнымъ студентамъ, какъ не дозволено выдача рукописей вообще; поэтому коммиссія считаетъ этотъ вопросъ уже рѣшеннымъ“.—Соображенія Ком-

миссія Совѣтомъ Академіи 27 тогоже ноября одобрены и объявлены бібліотекарю.

2) Въ архивѣ пока не имѣется помѣщенія удобнаго для храненія сочиненій курсовыхъ за нѣсколько десятилѣтій.

Постановлено: Прекратить выдачу на руки студентамъ рукописныхъ сочиненій, представленныхъ въ прежніе годы на академическую степень, и передать эти сочиненія изъ бібліотеки въ архивъ Академіи на храненіе, а для помѣщенія ихъ устроить особый шкафъ, о чемъ и сообщить Правленію Академіи для зависящаго распоряженія.

На семь журналѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ Митрополитомъ Киевскимъ положена такая резолюція „4-го сент. 1883. Исполнить“.

1883 года 17 августа.

Въ собраніи *Совѣта* Киевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея Архимандрита *Сильвестра*, присутствовали помощники ректора *Малышевскій*, *Пивничкій* и *Сольскій*, и. д. инспектора *Корольковъ*, члены Совѣта: *Вороновъ*, *Петровъ* и *Лашкаревъ*. Не присутствовали въ собраніи члены Совѣта: *Постъховъ* по болѣзни и *Ковальницкій* по нахожденію въ отпускѣ.

Слушали: I. Сданный Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ Митрополитомъ Киевскимъ 25 іюня для надлежащаго исполненія указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 іюня 1883 года за № 1860: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 31 мая сего года за № 233, журналъ Учебнаго Комитета, № 152, о назначеніи въ текущемъ году въ составъ новообразуемыхъ курсовъ духовныхъ академій окончившихъ курсъ семинарій. Прика...

зали: По соображеніи изложеннаго въ журналѣ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣту Кіевской духовной Академіи вызвать къ подлежащему сроку въ составъ новаго въ академіи курса изъ лучшихъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, изъ семинарій: Волынской 4, Воронежской 2, Донской 2, Кавказской 1, Кіевской 3, Кишиневской 2, Курской 3, Минской 1, Одесской 2, Подольской 1, Полтавской 1, Псковской 1, Смоленской 1, Тифлисской 1, Харьковской 2, Холмской 2 и Черниговской 1.—Совѣтъ Академіи долженъ немедленно сообщить о настоящемъ постановленіи Святѣйшаго Синода подлежащимъ Семинарскимъ Правленіямъ къ должному съ ихъ стороны исполненію, а по окончаніи пріемныхъ испытаній въ Академіи представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требуемыя по опредѣленію Синода отъ 11 февраля 1849 г., съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзамены не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ Академіи. 2) Предоставить Совѣту Академіи сообщить, при такомъ вызовѣ воспитанниковъ, семинарскимъ начальствамъ, что Святѣйшій Синодъ поставяетъ имъ въ непрѣмную обязанность, чтобы, при избраніи воспитанниковъ въ Академію, а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученіи и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія; б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 19 марта 1871 г. за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками, по прибытіи на мѣсто, не отказываться отъ вступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса отъ вступленія въ духовноучилищную службу; в) выслали по предписанію въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требуемыми документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ Ака-

девическій Совѣтъ, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣтъ Академіи чрезъ самихъ воспитанниковъ, и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными для проѣзда деньгами и необходимыми, въ опредѣленномъ количествѣ, вещами изъ бѣлья и обуви. Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣта Академіи послать Вашему Преосвященству указъ, предоставивъ Вамъ сдѣлать распоряженіе о распредѣленіи 15-ти свободныхъ вакансій въ Кіевской духовной Академіи между лучшими воспитанниками изъ имѣющихъ явиться въ Академію волонтерами^а.

Справка: Правленіямъ поименованныхъ въ указѣ семинарій сообщено о вызовѣ воспитанниковъ ихъ въ составъ I курса Академіи отношеніями отъ 1-го іюля 1883 г. за №№ 446—462.

Постановлено: Указъ, за сдѣланнымъ распоряженіемъ по нему, приобщить къ дѣлу о составленіи новаго курса въ Академіи.

II. Объявленное чрезъ журналъ „Церковный Вѣстникъ“ (№ 29 за 1883 г.) опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 1-го іюля 1883 г. за № 1195: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ, по случаю предстоящаго въ наступающемъ учебномъ году приѣма семинарскихъ воспитанниковъ въ составъ перваго курса православныхъ духовныхъ академій, имѣли сужденіе о настоящемъ состояніи учебно-воспитательной части въ сихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Дѣйствующій нынѣ уставъ православныхъ духовныхъ академій допускаетъ въ Академіи, кромѣ казеннокоштныхъ студентовъ, неопредѣленное число своекоштныхъ воспитанниковъ и вольныхъ слушателей (§§ 7 и 8). Эти воспитанники и вольные слушатели, не обязываясь, по окончаніи академическаго курса, служить по духовному вѣдомству, въ продолженіи всего

курса ученія живутъ, за весьма немногими исключеніями, внѣ академическихъ зданій, на вольныхъ квартирахъ, и, будучи такимъ образомъ удалены отъ непосредственнаго надзора академическаго начальства, далеко не имѣютъ, какъ показалъ опытъ, той твердости въ добромъ направленіи, какая желательна въ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній. Большинство изъ нихъ, поступая въ духовныя академіи не по призванію и не для пользы Православной церкви, а единственно для свисканія внѣшнихъ выгодъ, какія дастъ высшее учебное заведеніе, по справедливому замѣчанію учрежденнаго Святѣйшимъ Синодомъ въ 1881 г. комитета для пересмотра дѣйствующаго устава духовныхъ академій, оказывается невнимательнымъ къ своимъ обязанностямъ, дозволяетъ себѣ опускать классы и уклоняться отъ надзора инспекціи. Приказали: Принимая во вниманіе, что православныя духовныя академіи имѣютъ цѣлію доставлять высшее богословское образованіе лицамъ, посвящающимъ себя служенію православной церкви на поприщахъ пастырскомъ и духовно-учебномъ, Святѣйшій Синодъ, въ точную согласность съ сею цѣлію, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 года (сбор. узак. и расп. прав. 1881 г. № 82 ст. 552), опредѣляетъ: въ измѣненіе подлежащихъ §§ Высоч. утв. 30 мая 1869 г. уст. пр. дух. акад., постановить нижеслѣдующія *правила относительно принятія въ наступающемъ учебномъ году семинарскихъ воспитанниковъ и постороннихъ слушателей въ составъ перваго курса духовныхъ академій*: 1) „Пріемъ студентовъ въ Академію совершается не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія, назначеннаго Совѣтомъ Академіи. 2) Изъ числа подвергавшихся испытанію, какъ по вызову академій, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—казеннокоштными студентами, а остальные—своекоштными. 3) Своекоштные студенты допускаются въ Академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ Академіи, подчи-

Приложеніе къ журналу общ. соб. Совѣта
Кіевской Д. Академіи отъ 27 января 1884 г.

ПРОГРАММА КОНКУРСА

для лицъ, желающихъ занять вакантныя кафедры въ Кіевской духовной Академіи: а) общей новой церковной исторіи и б) русской гражданской исторіи.

Желающій занять одну изъ означенныхъ кафедръ приглашается представить въ Совѣтъ Кіевской Академіи въ 1 августа 1884 года:

1) дипломъ на степень магистра или доктора богословія, полученную въ одной изъ духовныхъ академій, или на степень магистра или доктора историческихъ наукъ, полученную въ одномъ изъ русскихъ университетовъ;

2) разсужденіе, по которому приобрѣтена ученая степень, и, если имѣются, другія печатныя или рукописныя сочиненія по предмету кафедры;

3) программу лекцій по предмету кафедры. Соискатель, по § 50 устава духов. академій, долженъ прочесть публично въ присутствіи комиссіи изъ профессоровъ и доцентовъ церковно-историческаго отдѣленія Академіи двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію комиссіи.

Къ соисканію кафедры, по § 45 уст. дух. академій, допускаются только лица православнаго исповѣданія.

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1884.

(Годъ двадцать пятый).

АПРѢЛЬ. — № 4.

Содержаніе:	Страницы:
I. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго, (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божіемъ, книга восемнадцатая	81—104
II. Ученіе Шлейермахера о религіи. <i>Ө. С. Орнатскаго</i>	519—550
III. О штундизмѣ. <i>П. Петрушевскаго</i>	551—620
IV. Письма Фидарета, митрополита Кіевскаго, и архим. Антонія, ректора Кіевской Академіи (въ послѣдствіи архіеп. Казанскаго), къ Иннокентію, архіеп. Херсонскому. Сообщилъ <i>Н. И. Барсовъ</i>	621—631
V. Отвѣтъ автору книги: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“. <i>Н. И. Петрова</i>	632—641
VI. Слово на Пассію второй недѣли великаго поста. <i>С. М. Сольскаго</i>	642—651
VII. Слово на Пассію четвертой недѣли великаго поста. <i>В. Н. Малинина</i>	652—659
VIII. Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Академіи (за м. февраль 1884 г.). <i>Н. И. Петрова</i>	660—662

Въ приложеніи:

IX. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевск. Академіи 17 августа 1883 г.	17— 32
X. Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую дух. Академію.	I—IV

„Труды Кіевской дух. Академіи“ выходятъ по прежней программѣ.

Цѣна 7 рубл. съ пересылкою.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улиц., собственный домъ.

1884.

ВЪ 1884 ГОДУ ПРЯ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ИЗДАЮТСЯ:

- 1, Труды Кіевской Духовной Академіи (ежемесячно).
- 2, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости (два раза въ мѣсяцъ),

Цѣна *за годъ* съ пересылкою: Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей 5 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Трудами—11 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, или Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Въ редакціи продаются книги:

(Цѣны на нѣкоторыя книги значительно понижены).

1. Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Высокопр. Арсенія, Митрополита Кіевского (въ 8 д. 634 стр.). Цѣна (*вмѣсто трехъ рублей*) 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.
2. Изъясненіе Божественной Литургіи. Высокопр. Арсенія, Митрополита Кіевского (въ 8 д. 450 стр.). Ц. 2 р.
3. Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ. Ц. 40 коп. съ перес. 55 коп.
4. Книга для назидательнаго чтенія. Изданіе второе. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
5. Сборникъ статей изъ Воскр. Чтенія (для народныхъ школъ). Ц. 20 к., съ перес. 30 к.
6. Самуилъ Миславскій. Ѡ. Рождественскаго. Ц. 1 р. 50 к.
7. Изслѣдованіе о талмудѣ. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.
8. Девять историческихъ книгъ св. Писанія ветхаго завіта въ русск. перев. съ евр., съ примѣчан. М. С. Гуллева. Ц. 1 р. 25 коп. (*см. 1 р. 80 к.*).
9. Жизнь и творенія блаж. Августина. Ц. 40 коп., съ перес. 50 коп.
10. Яковъ Космичъ Амфитеатровъ. Цѣна 30 коп. (*см. 70 к.*).
11. Послѣдніе дни жизни Пресвящ. Филарета, Митрополита Кіевского. Ц. 25 коп. (*см. 50 коп.*).
12. Описаніе 50-лѣтняго юбилея Высокопресвященнаго Арсенія, Митрополита Кіевского и Галицкаго. Ц. 50 коп., съ перес. 60 коп.
13. Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи. Ц. 2 р. 50 к.
14. Списокъ начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской духовной Академіи первыхъ XXV курсовъ (1819—1869). Ц. съ пер. 10 к.
15. Указатель Воскреснаго Чтенія. Цѣн. 80 к., съ пер. 40 к.
16. Историческій характеръ книги Іудий. Н. М. Дроздова. Ц. 50 к.
36. О книгѣ премудрости Соломона. Д. В. Поспѣхова. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к. (*см. 3 р.*).
37. Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. 1-й. Ив. Игн. Малышевскаго. Ц. 3 р. 50 к. (*см. 4 р.*).
38. Обзоръ философскихъ ученій. П. Ив. Линицкаго. Ц. 80 коп. (*см. 1 р. 25 к.*).
39. Философія отцовъ и учителей церкви (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). К. Ив. Свворцова. Ц. 1 р. 85 коп., съ пер. 2 руб.
40. Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита. К. Ив. Свворцова. Ц. 65 к., съ пер. 80 к.
41. Блаженный Августинъ, какъ психологъ. К. Ив. Свворцова. Ц. 1 руб. 30 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.
42. Записки по церковному законодѣванію. Прот. И. М. Свворцова, изд. 4-е. Ц. 90 коп., съ пер. 1 р. 5 коп.

Ибо спустя не много времени онъ покоренъ былъ прибывшимъ туда Александромъ; хотя при этомъ не произведено было никакого опустошенія, такъ какъ они не осмѣлились ему сопротивляться и, потому покорившись ему безъ всякой борьбы, снискали его благосклонность: все же слава этого храма была не такова, какою была она во времена свободной власти ихъ царей. Правда, Александръ принесъ жертвы въ храмъ Божіемъ, но не потому, чтобы обратился къ почитанію Бога съ истиннымъ благочестіемъ, а потому, что съ нечестивой суетностію полагалъ, что Его слѣдуетъ почитать вмѣстѣ съ ложными богами. Затѣмъ Птоломей, сынъ Лага, какъ выше упомянуто мною, послѣ смерти Александра вывелъ изъ Іудей въ Египетъ плѣнниковъ, которыхъ весьма благосклонно отпустилъ отсюда преемникъ его, Птоломей Филадельфъ: благодаря послѣднему, какъ нѣсколько раньше сказалъ я, мы имѣемъ Писаніи Семидесяти переводчиковъ. Потѣмъ, Іудей были сокрушаемы войнами, описанными въ Маккавейскихъ книгахъ. Послѣ того они достались царю Александрійскому Птоломею, называемому Епифаномъ; затѣмъ Антиохомъ, царемъ Сирійскимъ, посредствомъ многихъ и жестокихъ притѣсненій принуждены были къ почитанію идоловъ, и самый храмъ ихъ осверненъ былъ святотатственными суетвѣріями язычниковъ. Впрочемъ вождь ихъ, доблестный Іуда, называемый также Маккавеемъ, по изгнаніи полководцевъ Антиоха, очистилъ храмъ отъ всякой идолопоклоннической сверны.

Нѣсколько же времени спустя первосвященникомъ сдѣлался по проискамъ нѣкто Алкимъ, не происходившій изъ священническаго рода, что было незаконно. За тѣмъ, спустя около пятидесяти лѣтъ, вирожденіе которыхъ Іудей не пользовались мвромъ, хотя и жили до нѣкоторой степени благополучно, Аристовуль, первый надѣвши діадему, сдѣлался у нихъ царемъ и вмѣстѣ первосвященникомъ. Ибо передъ

тѣмъ, со времени возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна и возстановленія храма, у нихъ были не цари, а вожди или князья. Впрочемъ и царь можетъ быть названъ и княземъ отъ первенства власти, и вождемъ отъ того, что онъ предводительствуетъ войскомъ; но не всякіе князья и вожди могутъ быть названы въ то же время и царями, какимъ былъ Аристовулъ тотъ. Преемникомъ его былъ Александръ, тоже царь и вмѣстѣ первосвященникъ, который, говорятъ, управлялъ своими подданными жестоко. Послѣ него у Іудеевъ царствовала жена его Александра, со времени которой послѣдовали для Іудеевъ одно за другимъ еще болѣе тяжкія бѣдствія. Ибо сыновья ея, Аристовулъ и Гирканъ, ведя борьбу между собою изъ-за власти, навлекли на Израильскій народъ Римскія силы; потому что Гирканъ попросилъ у нихъ помощи противъ своего брата. Римъ покорилъ уже тогда Африку, покорилъ и Грецію, и широко распространяя свою власть по другимъ частямъ свѣта, какъ бы не будучи въ силахъ поддерживать самъ себя, такъ сказать—ломился отъ собственного своего величія. Онъ дошелъ до сильныхъ внутреннихъ мятежей, затѣмъ до союзническихъ, а вскорѣ и гражданскихъ войнъ, и до такой степени обезсилилъ и истощилъ себя, что ему предстояла необходимость измѣнить государственный строй, чтобы стать подъ управленіе царей. Итакъ знаменитѣйшій правитель римскаго народа, Помпей, вступивши съ войскомъ въ Іудею, взялъ городъ, растворилъ храмъ не съ набожностью молещика, а по праву побѣдителя, и проникъ, не какъ благочестивый читатель, а какъ поругатель святыни, во святая святыхъ, куда входить не дозволялось никому, вромѣ первосвященника; затѣмъ, утвердивши Гиркана въ первосвященническомъ санѣ и поставивъ надъ побѣжденнымъ народомъ надзирателемъ или, какъ тогда называли, прокураторомъ Антипатра, увелъ съ собою Аристовула въ оковахъ. Съ того времени Іудеи начали быть и

данными Римлянъ. За тѣмъ Кассій ограбилъ и самый храмъ. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ опустя, Іудей подверглись наказанію имѣть царемъ и чужестранца Ирода, въ царствованіе котораго родился Христось. Ибо наступила уже полвота времени, опредѣленная пророческимъ Духомъ чрезъ патріарха Іакова: *Не оскуднѣтъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже придетъ, кому отложено, и той чашніе языковъ* (Быт. XLIX, 10). Итакъ Іудей не переставали имѣть князей изъ Іудеевъ до Ирода, въ лицѣ котораго они получили себѣ перваго чужеземнаго царя. Но наступило уже время придти Тому, Кому было отложено данное Новому Завѣту обѣтованіе, что Онъ будетъ чашніемъ народовъ. Чають же Его грядущаго, какъ чають нынѣ, что Онъ придетъ для совершенія суда въ блескѣ славы, народы не могли бы, если бы прежде не увѣровали въ Него, пришедшаго для принятія суда въ униженіи терпѣнія.

ГЛАВА XLVI.

О рожденіи нашего Спасителя, вслѣдствіе чего Слово стало плотію, и о распятіи Іудеевъ среди всѣхъ народовъ, какъ было предсказано пророками.

Итакъ, когда въ Іудеѣ царствовалъ Иродъ, а у Римлянъ, съ перемѣною государственнаго строя, императоромъ былъ Августъ Цезарь, съ которымъ въ мірѣ настали времена спокойствія, согласно предшествовавшему пророчеству (Мих. V, 2), въ Вифлеемѣ Іудейскомъ родился Христось, какъ человекъ видимый отъ человека—дѣвы, а какъ Богъ сокровенный—отъ Бога Отца. Ибо пророкъ предсказывалъ: *Се дѣва во чрево приметъ и родитъ Сына и нарекутъ Ему имя Еммануилъ*, что въ переводѣ значить: *Съ нами Богъ* (Исаи VII, 14; Мф. I, 23; Лук. I, 31). Въ доказательство Своей божественности Онъ совершилъ много чудесъ; о нѣзо-

торыхъ изъ нихъ, насколько это представлялось достаточнымъ для проповѣданія о Немъ, повѣствуетъ Евангельское писаніе. Первое изъ нихъ то, что Онъ такимъ чудеснымъ образомъ родился, а послѣднее— что съ Своимъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ, тѣломъ вознесся на небо. Иудеи же, которые Его убили и не захотѣли въ Него увѣровать, потому что Ему надлежало умереть и воскреснуть, разгромленные самымъ бѣдственнымъ образомъ со стороны Римлянъ, съ корнемъ вырванные изъ своего царства, гдѣ надъ ними господствовали уже чужеземцы, и разсѣянные по всему лицу земли (ибо вездѣ они есть), служатъ для насъ чрезъ свои писанія свидѣтельствомъ, что пророчество о Христѣ мы не выдумали. Весьма многіе изъ нихъ, внивая въ смыслъ этихъ пророчествъ, и прежде страданія, а особенно послѣ воскресенія Христа увѣровали въ Него; это тѣ, о которыхъ предсказано: *Аще будутъ люди Израилевы яко песокъ морской, останокъ ихъ спасется* (Исаи X, 22). Но прочіе остаются ослѣпленными; о нихъ предсказано: *Да будетъ трапеза ихъ предъ ними въ спѣть и въ воздаяніе и въ соблазнъ. Да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну сляцы* (Псал. LXXIII, 23, 24). Такимъ образомъ, въ то время, какъ нашимъ писаніямъ іудеи не вѣруютъ, на нихъ исполняются ихъ собственныя, которыя они слѣпыми глазами читаютъ. Или, быть можетъ, кто-нибудь скажетъ, что христіане выдумали тѣ пророчества о Христѣ, которыя выдаются отъ имени сивиллы, или кого-нибудь другаго, если есть дѣйствительно пророчества, не принадлежащія народу Израильскому? Но для насъ достаточно и тѣхъ, какия содержатся въ кодексахъ нашихъ противниковъ. Мы убѣждены, что они и разсѣяны среди всѣхъ народовъ, гдѣ только Христова Церковь распространяется, ради свидѣтельства объ этихъ пророчествахъ,—свидѣтельство, которое они даютъ намъ вопреки своей волѣ, имѣя и сохраняя тѣже

самые кодексы. Ибо въ псалмахъ, которые и они сами читаютъ, предпослано относительно этого пророчество въ словахъ: *Богъ мой, милость Его предваритъ мя: Богъ мой явитъ мнѣ на врагъхъ моихъ. Не убій ихъ, да не когда забудутъ законъ Твой. Расточи я силою Твоею* (Пс. LVIII, 11, 12). Такимъ образомъ, Богъ явилъ Церкви на врагахъ ея Іудеяхъ благодать Своего милосердія, потому что, какъ говоритъ апостолъ, ихъ паденіе есть спасеніе язычниковъ (Рим. XI, 11). И Онъ ихъ не убиваетъ, т. е. не теряетъ въ нихъ того, что они суть Іудеи, хотя и побѣждены и угнетены Римлянами, съ тою именно цѣлю, чтобы, не забывая закона Божія, они были свидѣтельствомъ о томъ, о чемъ говоримъ мы. Поэтому мало было сказать: *Не убій ихъ, да не когда забудутъ законъ Твой*; а прибавлено еще: *Расточи я*, потому что, если бы Іудеи съ этимъ свидѣтельствомъ Писаній оставались только въ своей землѣ, а не были разсыяны повсюду, Церковь, которая распространена повсюду, не могла бы имѣть ихъ среди всѣхъ народовъ свидѣтелями тѣхъ пророчествъ, которыя были изречены о Христѣ.

ГЛАВА XLVII.

Были ли до христіанства въ Израильскаго народа такіе, которые принадлежали бы къ обществу Небеснаго Града.

Для полноты мы можемъ упомянуть и о всякомъ иноземцѣ, т. е. не принадлежащемъ по своему происхожденію въ Израилю и въ канонъ священныхъ писаній этимъ народомъ не принятомъ, у котораго читается какое либо пророчество о Христѣ, если о томъ дошло или дойдетъ до нашего свѣденія. Это не потому, чтобы въ случаѣ отсутствія такого иноземца, въ немъ чувствовалась бы необходимость, а потому, что нѣтъ никакой несообразности думать, что и въ

среди другихъ народовъ были люди, которымъ было открыто это таинство, и которые даже понуждены были проповѣдывать о немъ—были или причастны той же самой благодати, или были чужды ей, но научены злыми ангелами, которые, какъ извѣстно, исповѣдали Христа пришедшаго, Іудеями не познаннаго. И сами Іудеи, полагаю, не осмѣлятся утверждать, чтобы съ того времени, какъ появилась отрасль Израиля по отверженіи его старшаго брата, никто кромѣ Израильтянъ не имѣлъ доступа къ Богу. Правда, народа, который назывался бы народомъ Божиимъ, другаго не было никакого; но что и среди другихъ народовъ были люди, принадлежавшіе не къ земному, а къ небесному Граду, къ числу истинныхъ Израильтянъ, гражданъ горнаго отечества, этого Іудеи отрицать не могутъ. Если они станутъ отрицать это, ихъ весьма легко обличить указаніемъ на святаго и удивительнаго мужа Іова, который не былъ ни туземцемъ, ни даже прозелитомъ, т. е. пришлецомъ, Израильскаго народа, а происходилъ отъ Идумейскаго народа, въ средѣ котораго родился и умеръ: божественное писаніе такъ восхваляетъ его, что ни одинъ изъ его современниковъ не былъ равенъ ему въ томъ, что касалось праведности и благочестія (Іов. I. Іез. XIV, 20). Хотя указаній на время жизни его мы въ хроникахъ и не находимъ, но изъ его книги, которую Израильтяне, ради его праведности, включили въ канонъ, заключаемъ, что онъ жилъ на три поколѣвія позже Израиля. Я не сомнѣваюсь, что такъ устроено было божественнымъ промысломъ съ тою цѣлю, чтобы мы знали, что и среди другихъ народовъ могли быть люди, которые жили по Богу и угодили Ему, принадлежа къ небесному Іерусалиму. А быть такимъ могъ, какъ слѣдуетъ думать, лишь тотъ, кому отъ Бога открытъ былъ единый Ходатай Бога и человѣковъ Человѣкъ Христосъ Іисусъ, о будущемъ пришествіи котораго во плоти древнимъ святымъ предсказывалось также, какъ возвѣщено намъ о

совершившемся, чтобы одна и таже вѣра вела чрезъ Него всѣхъ предопредѣленныхъ къ Богу въ Градъ Божій, въ домъ Божій, въ храмъ Божій. Но всякія пророчества о благодати Божіей чрезъ Христа Иисуса, изреченныя другими, могутъ считаться за измышленныя христіанами. Поэтому, чтобы убѣдить кого либо изъ чужихъ, если бы они стали разсуждать объ этомъ предметѣ, и сдѣлать ихъ нашими, буде они окажутся здравомыслящими, нѣтъ болѣе вѣрнаго средства, какъ приводить тѣ божественныя пророчества о Христѣ, которыя содержатся въ кодексахъ Іудеевъ, съ удаленіемъ которыхъ изъ ихъ отечества и съ разсвѣніемъ по всему міру ради свидѣтельства объ этомъ возрасла повсюду Христова Церковь.

ГЛАВА XLVIII.

О томъ, что пророчество Аггея, сказавшаго, что будетъ домъ Божій славнѣе, чѣмъ прежде, исполнилось не на возобновленіи храма, а на Церкви Христовой.

Этотъ домъ Божій гораздо славнѣе, чѣмъ тотъ первый, который былъ построенъ изъ дерева, камня и другихъ драгоценныхъ матерьяловъ и металловъ. Такимъ образомъ пророчество Аггея исполнилось не на возобновленіи того храма. Ибо, со времени своего возобновленія, храмъ тотъ никогда не имѣлъ такой славы, какую имѣлъ онъ во времена Соломона; напротивъ того, какъ оказывается, слава того храма сперва вслѣдствіе прекращенія пророчествъ, а затѣмъ и вслѣдствіе великихъ бѣдствій самого народа умалилась до окончательнаго его разрушенія, что сдѣлано было Римлянами, какъ показываетъ это сказанное нами выше. Между тѣмъ этотъ, принадлежащій Новому Завѣту, домъ Божій настолько во всѣхъ отношеніяхъ славнѣе, насколько лучше тѣ живые камни, вѣрующіе и возрожденные, изъ которыхъ онъ сози-

дается. Подъ видомъ же возстановленія того храма онъ изображается потому, что и самое обновленіе этого зданія на пророческомъ языкѣ означаетъ другой завѣтъ, называемый Новымъ. Такимъ образомъ въ словахъ, которыя Богъ изрекъ въ упомянутомъ пророчествѣ: *И на мѣстѣ семь дамъ миръ* (Агг. II, 10), подъ мѣстомъ означающимъ нужно разумѣть мѣсто означаемое; а такъ какъ тѣмъ возобновленнымъ мѣстомъ обозначается Церковь, которая имѣла быть создана Христомъ, то слова: *И на мѣстѣ семь дамъ миръ*, нужно понимать какъ: Дамъ миръ въ томъ мѣстѣ, которое этимъ мѣстомъ означаетъ. Ибо все означающее представляется нѣкоторымъ образомъ олицетвореніемъ тѣхъ предметовъ, которые оно обозначаетъ, какъ напр. въ словахъ апостола: *Камень же бы Христосъ* (1 Кор. X, 4); потому что камень тотъ, о которомъ это сказано, безъ всякаго сомнѣнія означалъ Христа. Итакъ слава этого новозавѣтнаго дома болѣе, чѣмъ слава дома прежняго, ветхозавѣтнаго; а явится она большею тогда, когда онъ будетъ освященъ.— Тогда „придетъ Желанный всѣми народами“ (Агг. II, 8), какъ читается въ Еврейскомъ. Ибо до Своего пришествія Онъ еще не былъ желаннымъ всѣми народами: того должны были желать, они еще не знали, еще не вѣровали въ Него. Тогда, и по переводу Семидесяти (этотъ смыслъ ихъ перевода тоже пророческій), *придутъ избранная* Господа отъ *всѣхъ языковъ*: Ибо тогда дѣйствительно придутъ только избранные, о которыхъ говоритъ апостолъ: *Якоже избра насъ во Немъ прежде сложенія міра* (Еф. I, 4). Вѣдь и самъ Строитель, сказавши: *Мнози суть званіи, мало же избранныхъ* (Мф. XXII, 14), желалъ показать тѣмъ, что домъ этотъ, который не будетъ уже бояться никакого разрушенія, создается не изъ тѣхъ, которые, будучи призваны, чтутъ Его такъ, что бываютъ извергнутыми, а изъ избранныхъ. Въ настоящее же время, когда въ церквахъ

остаются еще и тѣ, которыхъ Онъ отдѣлитъ, какъ бы про-
вѣивъ на току, слава этого дома не является еще такою,
накою она явится тогда, когда всякій, кто будетъ въ немъ,
будетъ вѣчно.

ГЛАВА XLIX.

*О безразличномъ увеличеніи состава Церкви, въ которой
въ настоящемъ вѣкѣ къ избраннымъ примѣшиваются
многіе и отверженные.*

Итакъ въ этомъ злобномъ вѣкѣ, въ эти несчастные
дни,—когда Церковь достигаетъ будущаго величія путемъ
настоящаго уничтоженія и воспитывается побужденіями стра-
ховъ, муками скорбей, тягостію подвиговъ, опасностію иску-
шеній, находитъ радость только въ надеждѣ, если радуется
правильно,—къ добрымъ примѣшиваются многіе отверженные;
тѣ и другіе соединяются какъ бы въ евангельской мрежѣ
(Мѡ. XIII, 47), и плаваютъ въ настоящемъ мірѣ, какъ бы
въ морѣ, заключенные безразлично въ этихъ сѣтяхъ, пока
не достигнутъ берега, гдѣ злые отдѣлятся отъ добрыхъ, и
въ добрыхъ, какъ въ своемъ храмѣ, будетъ Богъ всяческая
во вѣхъ (1 Кор. XV, 28). Поэтому мы признаемъ испол-
няющимся нынѣ Его слово, которое изрекъ Онъ въ псал-
махъ: *Возвѣстихъ и глаголахъ, умножишася паче числа*
(Пс. XXXIX, 6). Это нынѣ и происходитъ съ того времени,
какъ сначала устами Своего предтечи, Іоанна, а потомъ и
собственными Онъ возвѣстилъ, говоря: *Покайтесь, при-
близися бо царствіе небесное* (Мѡ. III, 2; IV, 17). Онъ
избралъ въ ученики, которыхъ назвалъ апостолами (Лук.
VI, 13), людей низкорожденныхъ, незнатныхъ, неуче-
ныхъ, чтобы все, что только было въ нихъ и дѣлалось
ими великаго, все то былъ и дѣлалъ въ нихъ Онъ
самъ. Въ числѣ ихъ Онъ имѣлъ одного, злобою котораго

пользуясь добрымъ образомъ, и планы относительно Своихъ страданій выполнилъ, и Церкви Своей далъ примѣръ терпимости въ отношеніи къ злымъ. Посвявъ сѣмя святаго Евангелія, насколько долженъ былъ сдѣлать это Своимъ тѣлеснымъ присутвіемъ, Онъ пострадалъ, умеръ, воскресъ, показавши страданіемъ, что должны мы переносить за истину, а воскресеніемъ—чего должны мы надѣяться въ вѣчности, ставъ причастниками возвышеннаго таинства пролитой крови Его въ отпущеніе грѣховъ. Онъ сорокъ дней бесѣдовалъ на землѣ съ Своими учениками, въ ихъ глазахъ вознесся на небо и чрезъ десять дней послалъ обѣщаннаго Святаго Духа. Когда Духъ Святой сходилъ на вѣрующихъ, совершилось величайшее и весьма умѣстное знаменіе: каждый изъ нихъ началъ говорить языками всѣхъ народовъ, знаменуя такимъ образомъ единство католической Церкви, имѣвшей распространиться среди всѣхъ народовъ и говорить на всѣхъ языкахъ.

ГЛАВА I.

О проповѣди Евангелія, которая стала славнѣе и могущественнѣе вслѣдствіе страданія проповѣдниковъ.

Послѣ этого,—согласно съ пророчествомъ: *отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Иерусалима* (Исаіи II, 3), и согласно съ предсказаніями самого Господа Христа, когда Онъ Своимъ изумленнымъ ученикамъ *отверзе умъ разумѣти писанія, и рече имъ: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдаться во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Иерусалима* (Лук. XXIV, 45, 46), и когда опять, на ихъ вопросъ о времени Его втораго пришествія, отвѣчалъ Онъ и сказалъ: *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти: но примете силу,*

нашедишу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели во Иерусалимѣ и во всей Иудей и Самаріи и даже до послѣднихъ земли (Дѣян. I, 7, 8),—Церковь сперва вышла за предѣлы Иерусалима, а когда явились весьма многіе вѣрующіе въ Иудей и Самаріи, распространилась и среди другихъ народовъ, благодаря проповѣдникамъ Евангелія, которыхъ, какъ свѣтильники, Онъ подготовилъ словомъ и возжегъ Духомъ Святымъ. Онъ говорилъ имъ: *Не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить* (Мѡ. X, 28). Чтобы не охладилъ ихъ страхъ, они пламенѣли огнемъ любви. Потомъ, какъ чрезъ нихъ же, которые и до страданія и по воскресеніи видѣли и слышали Его, такъ, послѣ ихъ смерти, и чрезъ ихъ преемниковъ Евангеліе проповѣдано было всему міру среди жестокихъ преслѣдованій, различныхъ мученій и избіеній мучениковъ, подтверждаемое божественными знаменіями, чудесами, различными силами и дарами Святаго Духа; такъ что языческіе народы, увѣровавъ въ Того, Кто былъ распятъ ради ихъ искупленія, стали чтить съ христіанскою любовью кровь мучениковъ, которую съ дьявольскою злобою пролили. Да и сами цари, законами коихъ опустошалась Церковь, спасительно покорились имени, которое старались съ ожесточеніемъ изгладить съ лица земли, и начали преслѣдовать ложныхъ боговъ, изъ-за которыхъ прежде преслѣдовались чтители истиннаго Бога.

ГЛАВА II.

О томъ, что католическая вѣра укрѣпляется и отъ разномыслий еретическихъ.

Но дьяволъ, видя, что храмы демоновъ пустѣютъ и человѣческій родъ притекаетъ къ имени Освободителя-Посредника, воздвигъ еретиковъ, которые подъ христіанскимъ именемъ противодѣйствуютъ христіанскому ученію; какъ будто

въ градъ Божиємъ ихъ могли терпѣть спокойно, не принимая противъ нихъ никакихъ мѣръ, подобно тому, какъ Градъ смѣшенія терпять у себя философовъ, проповѣдующихъ различныя и противоположныя мнѣнія! И вотъ тѣ, которые въ Церкви Христовой мыслятъ что-нибудь вредное и превратное, когда принятымъ къ направленію ихъ на здравый и правильный образъ мыслей мѣрамъ упорно сопротивляются и не хотятъ исправить своихъ зловредныхъ и пагубныхъ ученій, дѣлаются еретиками и, выходя изъ Церкви, становятся въ ряды дающихъ ей занятіе враговъ. Такимъ образомъ своимъ зломъ они приносятъ истиннымъ членамъ Церкви Христовой даже пользу; потому что Богъ и зло употребляетъ на добро и любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое (Рим. VIII, 28). Ибо всѣ враги Церкви, какимъ бы заблужденіемъ и какою бы злобою они ни были ослѣплены и развращены, если получаютъ власть вредить ей тѣлесно, упражняютъ ея терпѣніе, а если являются ей противниками только по своему злому образу мыслей, упражняютъ ея мудрость; а такъ какъ и враги должны быть любимы, то даютъ упражненіе и ся благорасположенію, или даже благотворительности, дѣйствуютъ ли въ отношеніи къ нимъ убѣждающимъ словомъ ученія, или грозой дисциплины. Поэтому діаволь, князь нечестиваго града, выдвигая свои орудія противъ странствующаго въ настоящемъ мірѣ града Божія, не успѣваетъ ничѣмъ вредить ему. Божественный Промыслъ посылаетъ этому Граду и благоденствіе въ утѣшеніе, чтобы несчастія не сокрушили его, и несчастія въ упражненіе, чтобы благоденствіе не испортило его: то и другое уравнивается взаимно такъ, что изъ этого именно града, а не откуда либо другаго мѣста, мы должны считать идущимъ извѣстный возгласъ Псалма: *По множеству скорбей моихъ въ сердце моему утѣшенія Твоя возвеселиша мя* (XIII, 19). Отсюда же и слова Апостола: *Упованіемъ радующаяся, скорби терпяще* (Рим. XII, 12).

Ибо и сказанное тѣмъ же учителемъ: *Вси хотящии благочестно жити о Христѣ Иисусѣ гоними будутъ* (2 Тим. III, 12), можетъ быть приложимо ко всякимъ временамъ. Потому что хотя известное время, когда враги внѣшніе не свирѣпствуютъ, и кажется спокойнымъ, и даже таково есть на самомъ дѣлѣ, и доставляетъ великое утѣшеніе, особенно слабымъ; однако же и тогда есть, и даже очень много внутри такихъ, которые своими развращенными нравами терзаютъ чувства людей, живущихъ благочестиво. Ибо черезъ нихъ хулится и христіанское ваволическое имя. А чѣмъ оно дороже для желающихъ благочестиво жить во Христѣ, тѣмъ болѣе скорбятъ они о томъ, что по винѣ дурныхъ домашнихъ оно не настолько возлюбленно, насколько того желаютъ души благочестивыхъ. Да и самые еретики, такъ какъ представляются имѣющими имя, таинства писанія и исповѣданіе, христіанскія, причиняютъ великую скорбь сердцамъ благочестивыхъ: потому что, съ одной стороны, многіе желающіе быть христіанами дѣлаются по необходимости нерѣшительными въ виду ихъ разномыслія, а съ другой—многіе злорѣчивые находятъ въ нихъ основаніе хулить христіанское имя; ибо и они все же называются христіанами. При существованіи этихъ и имъ подобныхъ развращенныхъ нравовъ и заблужденій желающіе жить благочестиво во Христѣ терпятъ гоненіе, хотя тѣло ихъ и не подвергается ни отъ кѣго нападенію и мученію. Гоненіе это они претерпѣваютъ не на тѣлѣ, а въ сердцѣ. Поэтому сказано: *По множеству болѣзней моихъ въ сердце моему, а не— „въ тѣлѣ моемъ“*. Но съ другой стороны, поелику обѣтованія Божіи мыслятся непреложными, и поелику апостолъ говорить: *Позна Господь сущія Своя* (2 Тит., II, 19), *Ихже бо предуведѣ, тѣхъ и предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего* (Рим. VIII, 29); и никто изъ нихъ не можетъ погибнуть: то въ псалмѣ томъ говорится далѣе: *утѣшенія же Твоя возвеселиша душу мою*. Да и

самая эта скорбь, являющаяся въ сердцахъ людей благочестивыхъ; стѣсняющихся правами христіанъ злыхъ или ложныхъ, приноситъ пользу скорбящимъ; потому что источникомъ ея служитъ любовь, въ силу которой они не хотятъ ни того, чтобы тѣ сами погибли, ни того, чтобы мѣшали спасенію другихъ. Наконецъ великимъ утѣшеніемъ служить и ихъ исправленіе, которое переполняетъ души благочестивыхъ людей столь же великою радостію, сколь великими скорбями огорчала ихъ погибелъ. Такъ въ этомъ вѣѣ, въ эти злополучные дни, не только со времени тѣлеснаго присутствія Христа и его Апостоловъ, но съ самаго Авеля, перваго праведника, убитаго нечестивымъ братомъ, и до самаго конца настоящаго вѣка, Церковь распространяется, совершая свое странствованіе среди гоненій отъ міра и утѣшеній отъ Бога.

ГЛАВА LII.

Слѣдуетъ ли думать, какъ полагаютъ нѣкоторые, что послѣ десяти гоненій, которыя были, не будетъ уже ни одного, кромѣ одиннадцатаго, которое имѣетъ быть во время самаго антихриста.

Поэтому я не считаю основательнымъ говорить или вѣрить, какъ это казалось или кажется нѣкоторымъ, будто Церковь до времени антихриста не будетъ испытывать больше гоненій, кромѣ того числа ихъ, т. е. десяти, какія уже испытала, такъ что одиннадцатымъ и послѣднимъ будетъ яко бы гоненіе отъ антихриста. Ибо первымъ гоненіемъ считаютъ то, которое было отъ Нерона, второе—отъ Домиціана, третье—отъ Траяна, четвертое—отъ Антонина, пятое—отъ Севера, шестое—отъ Максимиана, седьмое—отъ Деція, восьмое—отъ Валеріана, девятое—отъ Авреліана, десятое—отъ Діоклитіана и Максимилиана. Такъ какъ египетскихъ вазней,

прежде чѣмъ народъ Божій началъ выходить изъ Египта, было десять, то полагають, что ихъ нужно разумѣть въ томъ смыслѣ, что послѣднее гоненіе антихриста будетъ соотвѣтствовать одиннадцатой казни, когда Египтяне, враждебно гнавшіеся за Евреями, погибли въ Красномъ Морѣ, между тѣмъ какъ народъ Божій переходилъ чрезъ него посуху. Но я не думаю, чтобы тѣ событія въ Египтѣ прообразовали пророчески гоненія; хотя думающіе такъ съ видимою тонкостью и остроуміемъ сопоставляють каждую казнь съ каждымъ изъ гоненій, но не по пророческому Духу, а по догадкѣ человѣческаго ума, который иногда доходитъ до истины, но иногда обманывается.

Въ самомъ дѣлѣ, что скажутъ думающіе такъ о томъ гоненіи, во время котораго распятъ былъ самъ Господь? Въ какое число влючать его? Если же полагають, что это слѣдуетъ исключить; потому что нужно-де считать тѣ, которыя относятся къ тѣлу, а не то, которое было направлено противъ самой Главы и когда была убита эта Глава: то что скажутъ о томъ гоненіи, которое по вознесеніи Христа на небо производилось въ Іерусалимѣ, когда блаженный Стефанъ побить былъ камнями; когда Іаковъ, братъ Іоанна, усѣченъ мечемъ; когда апостоль Петръ, съ цѣлію подвергнуть его казни, заключенъ былъ въ темницу и освобожденъ изъ нея ангеломъ; когда братія бѣжали и разсѣвались изъ Іерусалима; когда Савлъ, сдѣлавшійся впоследствии апостоломъ Павломъ, опустошалъ Церковь, когда и самъ онъ, уже проповѣдая ту самую вѣру, которую гналъ, претерпѣлъ то, что дѣлалъ самъ, и въ Іудеѣ и среди другихъ народовъ, гдѣ только съ пламенною ревностію проповѣдалъ Христа? Почему же они думаютъ, что слѣдуетъ начинать съ Нерона, когда ко времени Нерона, Церковь возрасла среди жесточайшихъ гоненій, о которыхъ говорить все подробно было бы слишкомъ долго? Если же полагають, что нужно принимать въ

расчетъ гоненія, произведенныя царями; то вѣдь Иродъ, который послѣ вознесенія Господа на небо воздвигъ самое жестокое гоненіе, былъ также царемъ. Затѣмъ, что отвѣтять они намъ объ Юліанѣ, котораго также не причисляютъ къ десяти? Развѣ онъ не гналъ Церковь, — онъ, запретившій христіанамъ и учить и учиться свободнымъ наукамъ? При немъ Валентіанъ старшій, бывшій послѣ него третьимъ императоромъ, явился исповѣдникомъ христіанской вѣры и лишенъ былъ за это военной должности. Умалчиваю о томъ, что начиналъ онъ дѣлать въ Антиохіи если бы одинъ вѣрвѣйшій и мужественнѣйшій юноша, который изъ числа многихъ, схваченныхъ для пытокъ, былъ первымъ въ продолженіи цѣлаго дня подвергнутъ истязаніямъ, пѣвшій псалмы подъ орудіями пытки и въ страданіяхъ, не привелъ его въ ужасъ своею изумительною твердостію и спокойствіемъ, и не возбудилъ въ немъ страха, что остальные заставятъ его оказаться еще болѣе въ постыдномъ положеніи. Наконецъ, на нашей уже памяти братъ вышеупомянутаго Валентіана, аріанинъ Валентъ, развѣ не произвелъ опустошенія въ католической Церкви жестокимъ гоненіемъ по восточнымъ странамъ? За тѣмъ, основательно ли не принимать въ соображеніе того обстоятельства, что Церковь, повсюду вообще плодоносящая и возрастающая, можетъ у нѣкоторыхъ народовъ терпѣть отъ царей гоненіе, когда у другихъ народовъ не терпѣть? Или быть можетъ не слѣдуетъ считать за гоненіе того, что царь Готовъ преслѣдовалъ въ Готіи христіанъ съ удивительною жестокостію, въ то время, когда тамъ были одни православные, изъ которыхъ весьма многіе увѣнчались мученичествомъ, какъ объ этомъ слышали мы отъ нѣкоторыхъ изъ братій, которые тогда были еще дѣтьми тамъ и отчетливо вспоминали, что сами видѣли это? А недавно въ Персіи? Развѣ не свирѣпствовало тамъ на христіанъ гоненіе (если только уже утихло) въ такой степени, что нѣкоторые

бѣжавшіе оттуда прибыли даже въ римскіе города? Размышляя объ этихъ и имъ подобныхъ обстоятельствахъ, я думаю, что не слѣдуетъ ограничивать извѣстнымъ числомъ гоненія, которыми должна испытываться Церковь. Но съ другой стороны не менѣе безразсудно и утверждать, что будутъ и еще отъ царей какія нибудь гоненія, вромѣ того послѣдняго, относительно котораго не сомнѣвается ни одинъ христіанинъ. Поэтому оставимъ вопросъ открытымъ, не наклоняя его ни въ ту, ни въ другую сторону, а только предваряя, что утверждать что либо одно изъ двухъ было бы дѣломъ смѣлымъ до дерзости.

ГЛАВА ЛШ.

О времени послѣдняго гоненія.

Упомянутое послѣднее гоненіе, которое имѣетъ быть отъ антихриста, прекратитъ своимъ явленіемъ самъ Іисусъ. Ибо написано, что Онъ *убіетъ его духомъ устъ Своихъ, и уприздитъ явленіемъ пришествія Своего* (2 Фессал. II, 8). При этомъ обыкновенно спрашиваютъ: Когда это будетъ? Вопросъ совершенно неумѣстный! Если бы намъ нужно было знать объ этомъ, то кому лучше, какъ не самому учителю Вогу, сказать бы о томъ спрашивавшимъ Его ученикамъ? А они не молчали тогда предъ Нимъ, а спрашивали Его лично, говоря: *Господи, аще во время сіе, и когда устрояеши царство Израилево?* Но Онъ сказалъ имъ: *Нысть ваше разумѣти времена и лета, яже Отецъ положи въ Своей власти* (Дѣян. I, 1, 6. 7). Не о часѣ, конечно, или днѣ, или годѣ, а о времени спрашивали они, когда получили этотъ отвѣтъ. Такимъ образомъ мы напрасно стали-бы рассчитывать и опредѣлять годы, которые остаются

еще настоящему вѣку, какъ скоро изъ устъ истины слышимъ, что знать это не наше дѣло. Нѣкоторые, впрочемъ, говорили, что отъ вознесенія Господа до Его послѣдняго пришествія можетъ пройти четыреста, другіе — пятьсотъ, иные даже и тысяча лѣтъ. А на чемъ каждый изъ нихъ обосновываетъ свое мнѣніе, выяснять и долго, и вѣтъ необходимости. Они руководствуются человѣческими догадками, а не указываютъ что либо несомнѣнное изъ авторитета каноническаго писанія. Всѣмъ имъ, расчитывающимъ этотъ предметъ по пальцамъ, развязываетъ пальцы и повелѣваетъ успокоиться Тотъ, Кто говоритъ: *Нѣсть вамъ разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи въ Своей власти.*

Но поелику это изреченіе евангельское, то не удивительно, что оно не воспрепятствовало читателямъ многихъ и ложныхъ боговъ измыслить на основаніи отвѣтовъ демоновъ, которыхъ они чтутъ за боговъ, будто опредѣлено то время, въ продолженіи котораго будетъ существовать христіанская религія. Ибо когда они увидѣли, что не могли уничтожить ее столькими и такими гоненіями, а напротивъ въ нихъ-то она по преимуществу и достигла удивительнаго возрастанія, то выдумали невѣсть какіе-то греческіе стихи, якобы свыше изреченные кому-то изъ спрашивавшихъ оракула; въ этихъ стихахъ они представляютъ Христа неповиннымъ въ преступленіи этого якобы святотатства, но прибавляютъ, что Петръ при помощи волшебной устроилъ такъ, чтобы въ продолженіи трехсотъ шестидесяти пяти лѣтъ чтилось имя Христа и затѣмъ, по исполненіи этого числа лѣтъ, чтобы почитаніе это немедленно прекратилось. О, смыслъ людей ученыхъ! о, просвѣщенные умы, способные вѣрить о Христѣ такимъ вещамъ, которымъ не хотите вы вѣрить въ самомъ Христѣ,—

будто ученикъ Его Петръ не научился у Него магическому искусству, а при Его невинности былъ одноюжъ Его чародѣемъ и захотѣлъ, чтобы имя учителя чтилось больше, чѣмъ его собственное, благодаря его магическому искусству, его великимъ трудамъ, его опасностямъ и наконецъ его пролитой крови! Если Петръ-чародѣй сдѣлалъ, чтобы міръ возлюбилъ Христа; то что же сдѣлалъ невинный Христосъ, чтобы возлюбилъ Его такъ Петръ? Пусть они сами себѣ отвѣтятъ на этотъ вопросъ и пусть, если могутъ, поймутъ, что то было дѣломъ сверхъестественной благодати, что міръ возлюбилъ Христа ради вѣчной жизни, какъ дѣломъ той-же благодати было и то, что Петръ возлюбилъ Христа ради пріобрѣтенія отъ Него вѣчной жизни, и возлюбилъ даже до принятія за Него временной смерти. Да и что же это за боги, которые могутъ предсказывать подобныя вещи, но не могутъ устранить ихъ, подчинившись одному чародѣю и одному магическому злодѣянію, при совершеніи котораго, какъ рассказываютъ, однолѣтній мальчикъ убитъ, растерзанъ на части и погребенъ по непотребному обряду,—подчинившись до такой степени, что позволили въ теченіе столь продолжительнаго времени распространяться враждебной имъ сектѣ, преодолѣть не упорствомъ, а терпѣніемъ ужасныя жестокости многочисленныхъ гоненій и ниспровергнуть ихъ идолы, храмы, вульты и оракулы? Наконецъ, что это за богъ,—не нашъ, конечно, а ихъ,—который прельстился такимъ злодѣяніемъ или побужденъ былъ такимъ вѣщамъ покровительствовать? Вѣдь по сказанію стиховъ тѣхъ, Петръ магическимъ искусствомъ предназначалъ все это не демону какому нибудь, а богу. Такого бога имѣютъ они, какимъ не представляютъ Христа.

ГЛАВА LIV.

О безмысленнѣйшей лжи язычниковъ, будто христіанская религія будетъ существовать не свыше трехсотъ шестидесяти пяти лѣтъ.

Я могъ бы привести много и другаго подобнаго, если бы не прошелъ уже тотъ самый годъ, который опредѣлило измышленное гаданіе и которому повѣрила обманутая суенность. Но поелику съ того времени, какъ почитаніе имени Христа установилось чрезъ присутствіе Его во плоти и чрезъ Его апостоловъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ исполнилось триста шестьдесятъ пять лѣтъ; то зачѣмъ намъ искать другихъ данныхъ для доказательства лживости этого? Не станемъ полагать начало христіанской религіи съ рождества Христова, потому что, будучи младенцемъ и отрокомъ, Онъ не имѣлъ учениковъ; хотя когда Онъ началъ имѣть ихъ, тогда безъ всякаго сомнѣнія сдѣлались чрезъ Его плотское присутствіе извѣстными ученіе и христіанская религія, т. е. послѣ того какъ Онъ крестился отъ Іоанна въ рѣкѣ Іорданѣ. По этой причинѣ о Немъ и было пророчество: *И обладаетъ отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя* (Пс. LXXI, 8). Но поелику прежде Его страданія и воскресенія вѣра не была еще предзназначенною для всѣхъ, такъ какъ предназначеніе это получило въ воскресеніе Христа (ибо такъ именно говорить апостолъ Павелъ Аѳинянамъ: *Нынѣ Богъ повелѣваетъ челоувѣкамъ всѣмъ всюду покаяться: зане установилъ есть день, въ онъже хочетъ судити вселенный въ правдѣ, о Мужъ, въ Немъ же предугадали въру всѣмъ, воскресивъ Его отъ мерт-*

высхъ (Дѣян. XVII, 30, 31): то воскресеніе Христа лучше всего взять за исходный пунктъ въ рѣшеніи этого вопроса, особенно потому, что тогда же дарованъ и Духъ Святой, какъ и надлежало Ему по воскресеніи Христа быть даннымъ въ томъ градѣ, отъ котораго долженствовалъ начаться второй законъ, т. е. Новый Заветъ. Ибо первый законъ, называемый Вѣтхимъ Заветомъ, былъ данъ съ горы Синая чрезъ Моисея. О томъ же, которому надлежало быть даннымъ чрезъ Христа, предсказано: *Отъ Сиона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Иерусалима* (Исаиѣ II, 3). Поэтому и Самъ Онъ сказалъ, что покаяніе должно быть проповѣдано всѣмъ народамъ, но начиная отъ Иерусалима (Лук. XXIV, 47). Итакъ въ Иерусалимѣ началось почитаніе этого имени, состоящее въ вѣрѣ въ распятаго и воскресшаго Христа Иисуса. Тамъ вспыхнула эта вѣра такимъ горячимъ пламенемъ, что нѣсколько тысячъ людей, обратившихся съ удивительною живостію къ имени Христа, распродавъ свои имущества для раздачи бѣднымъ, пришли, движимые святою рѣшимостію и пламеннѣйшею любовію, добровольную бѣдность, и приготовились среди свирѣпствующихъ и жаждущихъ крови Иудеевъ бороться за истину до смерти, не вооруженною силою, а препобѣждающимъ терпѣніемъ. Если все это совершилось безъ всякаго магическаго искусства, то почему не хотять вѣрить, что и во всемъ мірѣ могло это совершиться тою же божественною силою, какою совершилось здѣсь? Если-же обращеніе къ почитанію имени Христа въ Иерусалимѣ такого множества людей, которое или пригвоздило Его ко кресту, когда Онъ былъ схваченъ, или смѣялось надъ Нимъ, когда Онъ былъ пригвожденъ; было дѣйствиємъ волхвованія Петра; то съ этого самаго года и нужно начинать счетъ лѣтъ для опредѣленія,

когда исполнились триста шестьдесятъ пять лѣтъ. Христосъ умеръ въ консульство двухъ Геминиовъ, въ осмой день апрѣльскихъ календъ. Воскресъ же Онъ въ третій день, какъ удостовѣряють свидѣтельствомъ самыхъ чувствъ своихъ апостолы. Потомъ спустя сорокъ дней вознесся на небо; а чрезъ десять дней, т. е. въ пятьдесятый день по Своемъ воскресеніи, низпослалъ Святаго Духа. Тогда, вслѣдствіе проповѣди апостоловъ, увѣровало три тысячи человекъ. Итакъ, именно тогда - то и началось почитаніе Его имени, какъ мы вѣруемъ и какъ свидѣлствуетъ истина, дѣйствующею силою Святаго Духа, а по измышленію или мнѣнію нечестивой суетности—магическимъ искусствомъ Петра. Немного послѣ, вслѣдствіе совершившагося чуда,—когда одинъ нищій, отъ чрева матери бывшій въ такой степени хромымъ, что его носили другіе и полагали при дверяхъ храма, гдѣ онъ просилъ милостыню, по слову Петра получилъ исцѣленіе во имя Іисуса Христа,—увѣровало пять тысячъ человекъ; и затѣмъ Церковь начала возрастать вслѣдствіе новыхъ и новыхъ приливовъ вѣрующихъ. Такимъ образомъ опредѣляется даже и самый день, съ котораго годъ тотъ начинается: это—день, когда посланъ былъ Духъ Святой, т. е. майскіе иды. Пересчитывая послѣдующія консульства, мы найдемъ, что триста шестьдесятъ пять лѣтъ исполнилось въ тѣ же майскія иды въ консульство Гонорія и Евтихіана. Что могло происходить въ послѣдующій за тѣмъ годъ въ консульство Манлія Теодора по другимъ странамъ, когда по смыслу того оракула демоновъ или выдумки людей христіанская религія уже не должна была существовать, намъ не было нужды развѣдывать. Но намъ извѣстно, напримѣръ, что въ знаменитѣйшемъ и главномъ африканскомъ городѣ Карсагенѣ кониты императора Гонорія,

Гавденцій и Іовій, въ четырнадцатый день апрѣльскихъ календъ разрушили храмы боговъ и сокрушили идоловъ. Кто не видитъ, насколько съ того времени и доселѣ, т. е. почти въ продолженіе тридцати лѣтъ, возросло почитаніе имени Христа, въ особенности послѣ того, какъ христіанами сдѣлались многіе изъ тѣхъ, которые потеряли довѣріе къ упомянутому прорицанію, и нашли его, когда исполнилось то число лѣтъ, пустымъ и заслуживающимъ осмѣянія? Итакъ мы, будучи и называясь христіанами, вѣруемъ не въ Петра, но въ Того, въ Кого вѣровалъ Петръ: мы назданы проповѣдью Петра о Христѣ, а не очарованы его волшебствами; не колдовствомъ его прельщены, а укрѣплены его благодѣяніями. Тотъ самый Христосъ, наставникъ Петра въ ученіи ведущемъ къ вѣчной жизни, есть и нашъ наставникъ.

Но закончимъ наконецъ настоящую книгу, въ которой мы доселѣ разсуждали и кажется достаточно ясно показали, каковъ смертный исходъ двухъ Градовъ, небеснаго и земнаго, съ начала и до конца перемѣшанныхъ между собою. Изъ нихъ земной градъ творилъ себѣ, какихъ хотѣлъ, ложныхъ боговъ, или изъ чего ни попало или даже изъ людей, и этимъ богамъ служилъ жертвоприношеніями; а небесный, странствующій на землѣ, Градъ не создавалъ ложныхъ боговъ, но самъ созданъ истиннымъ Богомъ, истиннымъ жертвоприношеніемъ которому самъ же и служилъ. Оба они однако же, при различной вѣрѣ, надеждѣ и любви, или пользуются одинаковымъ временнымъ благополучіемъ, или одинаково удручаются временными несчастіями, пока не будутъ отдѣлены одинъ отъ другаго на послѣднемъ судѣ и

каждый не получить свой конец, которому не будет конца. Къ разсужденію объ этихъ концахъ того и другаго града и перейдемъ вслѣдъ за этимъ.

УЧЕНИЕ ШЛЕЙЕРМАХЕРА О РЕЛИГИИ.

(Окончаніе *).

Религія, по ученію о ней Шлейермахера, не есть какой нибудь внѣшній для человѣка феноменъ, обязаный своимъ происхожденіемъ или божественному сообщенію, или человѣческому наученію и направленный къ внѣшнимъ же цѣлямъ (къ поддержанію права и морали и вообще благоустройства человѣческихъ обществъ), но она—существенно необходимый и основной фактъ внутреннѣйшей духовной жизни человѣка, и сама по себѣ, помимо отношенія къ другимъ фактамъ духовной жизни и тѣмъ болѣе къ внѣшнимъ цѣлямъ, имѣетъ полную цѣльность. Поэтому и для того, чтобы познать религію въ ея чистой внутренней природѣ, нѣтъ нужды обращаться къ какимъ-либо системамъ вѣроученія, которыя кромѣ внѣшнихъ формальныхъ опредѣленій и догмъ ничего не могутъ и дать, и даже исторія религій мало можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, напротивъ первѣе всего необходимо углубленіе въ самое существо человѣческаго духа, наблюденіе надъ внутреннею религіозною жизнію какъ своею собственною, такъ и другихъ людей, отличающихся религіозностію. Это требованіе, указывающее изслѣдованію религіи на иное болѣе научное направленіе, чѣмъ то, какое существовало въ періодъ господства догматизма, впервые было поставлено хотя не самимъ Шлейермахеромъ,—ибо еще со времени Лессинга

*) См. Труды Кіев. дух. Академіи, 1884 г., и. февраль.
Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I

оно составляло болѣе или менѣе ясно сознаваемую тенденцію философіи религіи и особенно усилилось у главнѣйшихъ представителей такъ называемой „эпохи гевіальности“ и романтизма;—но заслуга Шлейермахера состоитъ въ томъ, что онъ не только высказалъ это требованіе съ полною ясностію и опредѣленностію, но еще сдѣлалъ попытку научнаго выполненія его въ своемъ изслѣдованіи религіи. Однакожь можно ли признать попытку Шлейермахера вполне удачною? Удалось ли ему дать такое понятіе о религіи, со стороны субъективной, чтобы оно могло быть принято безъ возраженій? Въ этомъ напередъ уже позволительно усомниться въ виду того, что сказано нами о взглядѣ Шлейермахера на объективную сторону религіи.

По мнѣнію Шлейермахера, религія имѣетъ свою собственную область въ духѣ человѣческомъ, свою особую форму сознанія. Но что это за область или форма сознанія, въ которой заключается и проявляется религія? Отвѣтъ, данный на этотъ вопросъ Шлейермахеромъ, мало устойчивъ: указывается сначала (въ первомъ изданіи Рѣчей) на созерцаніе и чувствованіе вмѣстѣ, а затѣмъ (въ позднѣйшихъ изданіяхъ) только на чувствованіе или вообще сферу чувствованій.

Въ первомъ изданіи Рѣчей самымъ высшимъ объектомъ религіи былъ признанъ, какъ извѣстно, универсъ или міровое цѣлое. Но универсъ можетъ стать объектомъ религіи лишь настолько, насколько онъ воспринимается нами посредствомъ созерцанія; а такъ какъ всякое созерцаніе, т. е. созерцаніе какого-то бы ни было объекта, всегда соединяется съ такими или иными внутренними движеніями или чувствованіями, то не иначе бываетъ и съ созерцаніемъ универса: и оно, даже болѣе чѣмъ всякое другое созерцаніе, соединяется съ чувствованіемъ. Связь того и другаго и есть та субъективная форма, въ которой, по первому изданію Рѣчей, выражается религія. Но такое пониманіе субъективной формы религіи не можетъ быть оправдано

съ точки зрѣнія на религію даже самаго Шлейермахера. Вѣдь, если религія имѣетъ — какъ думаетъ онъ — свою собственную область въ духѣ человѣка или особую форму сознанія, тогда нельзя уже было указывать въ качествѣ таковой формы на созерцаніе и чувствованіе, потому что это двѣ различныя формы сознанія: созерцаніе относится къ теоретическому или объективному сознанію, тогда какъ чувствованіе есть форма непосредственнаго сознанія. Правда; Шлейермахеръ говоритъ, что обѣ эти формы сознанія выходятъ изъ одного общаго момента слитія я и универса, момента, въ которомъ созерцаніе и чувствованіе не различаются между собой, а стоятъ въ совершенномъ единствѣ, но могъ ли онъ это именно единство признавать субъективною формою религіи? По его словамъ, моментъ слитія я и универса лежитъ за предѣлами нашего сознанія; стало бытъ и религія, если бы субъективная форма ея состояла въ этомъ лежащемъ за предѣлами сознанія единствѣ, была бы также фактомъ несознательнымъ, что между тѣмъ не было собственнымъ мнѣніемъ Шлейермахера. Но если Шлейермахеръ не смотрѣлъ на религію какъ на фактъ несознательный, напротивъ усвоилъ ей сознательность, то ему слѣдовало точнѣе и яснѣе опредѣлить, въ какомъ именно смыслѣ онъ разумѣетъ единство созерцанія и чувствованія, считая его субъективною формою религіи. Быть можетъ, говоря о созерцаніи универса, онъ разумѣетъ подъ нимъ созерцаніе не въ обычномъ смыслѣ, т. е. созерцаніе объективное, а родъ мистическаго, интуитивнаго размышленія, слѣдовательно созерцаніе *непосредственное*; и если дѣйствительно такъ, тогда созерцаніе не противоположно уже чувствованію, а близко родственно ему, какъ форма также непосредственнаго сознанія. Это предположеніе оправдывается прежде всего тѣмъ соображеніемъ, что созерцать универсъ иначе и невозможно, какъ непосредственно, мистически, созерцаніе же въ обычномъ смыслѣ своимъ объектомъ имѣетъ не общее и цѣлое, а всегда что нибудь

единичное, ограниченное, определенное; дилѣе, съ призна-
ніемъ непосредственнаго характера созерцанія универса
вполнѣ согласуется и общая тенденція Рѣчей, направ-
ленная къ тому, чтобы отграничить религію по ея су-
ществу какъ отъ теоретическаго знанія, такъ и отъ мо-
рально-практической дѣятельности. Но указанное предпо-
ложеніе, хотя въ общемъ и оправдывается, однако не на-
ходить подтвержденія для себя въ частныхъ мысляхъ
Шлейермахера, относящихся къ объясненію созерцанія уни-
верса. Въ созерцаніи, говоритъ Шлейермахеръ, мы непо-
средственно относимся всегда только къ чему нибудь еди-
ничному, но когда созерцаемъ единичное, какъ дѣйствіе
или откровеніе универса или какъ необходимую часть въ
міровомъ цѣломъ, тогда возникаетъ предъ нами и образъ
универса, т. е. тогда мы созерцаемъ и универсъ. А для
того, чтобы созерцать само единичное, какъ дѣйствіе или
откровеніе универса, необходимо прежде всего пробужденіе
изначала присущаго намъ „чаянія безконечнаго“, которое
(чаяніе), соединяясь съ нашимъ созерцаніемъ единичнаго,
и приводитъ къ мысли, хотя смутной и неопредѣленной,
что созерцаемое единичное есть откровеніе безконечнаго,
универса, и затѣмъ еще болѣе необходимо расширеніе на-
шего самосознанія до міросознанія, вслѣдствіе чего все еди-
ничное сознается нами уже подъ общимъ понятіемъ конеч-
ности, какъ бытіе тѣсно связанное и законосообразное,
такъ что и каждая въ отдѣльности вещь, не исключая и
самаго человѣка, который также подводится подъ общее
понятіе конечнаго бытія, является поэтому необходимою
частью въ цѣломъ, носящею въ себѣ идею его. Нельзя не
видѣть отсюда, какъ мало выдержанъ у Шлейермахера не-
посредственный характеръ созерцанія универса. Ибо, если
универсъ можетъ быть созерцаемъ только чрезъ созерцаніе
чего нибудь единичнаго, то стало быть созерцаніе его не
есть уже непосредственное, а посредствуется созерцаніемъ
единичнаго; и затѣмъ, если само единичное для того, чтобы

черезъ него придти въ созерцанію универса, должно быть созерцаемо, какъ откровеніе универса или какъ необходимая часть въ міровомъ дѣломъ, носящая въ себѣ идею его, то этимъ опосредствованность созерцанія универса увеличивается еще болѣе, такъ какъ созерцать единичное, какъ часть міроваго дѣлага, не возможно безъ предварительнаго развитія міросознанія. Вообще слѣдуетъ сказать, что созерцаніе универса, какъ оно понято у Шлейермахера, насквозь проникнуто дѣятельностію посредствующаго мышленія, и въ этомъ ясно сказалось сильное вліяніе на этого богослова романтики.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Рѣчей, представляющихъ значительную передѣлку перваго изданія ихъ особенно по вопросу о сущности религіи, самъ Шлейермахеръ нашелъ неудобнымъ и даже невозможнымъ удержать созерцаніе въ качествѣ конститующаго элемента въ религіи, и религіозною формою сознанія призналъ, какъ сказано, только чувствованіе. Къ этому привело его видоизмѣненное имъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ Рѣчей понятіе объ объектѣ религіи. Такимъ объектѣмъ былъ признанъ здѣсь уже не универсъ, а трансцендентальное, абсолютное единство мышленія и бытія (идеальнаго и реальнаго), лежащее въ основѣ самаго универса. Но абсолютное единство или Богъ не можетъ уже быть предметомъ созерцанія, а только чувствованія, такъ какъ чувствованіе, будучи единствомъ мышленія и волящей дѣятельности въ нашемъ субъектѣ, представляетъ собою близкую аналогію съ самымъ абсолютнымъ единствомъ, которое поэтому въ чувствованіи и сознается нами непосредственно. При этомъ ограниченіи субъективной формы религіи однимъ чувствованіемъ, Шлейермахеръ несомнѣнно является уже болѣе послѣдовательнымъ себѣ, ибо теперь удерживалась для религіи и особая область въ духѣ человѣческомъ, легче могъ быть выдержанъ и непосредственный характеръ религіи, на что Шлейермахеръ упиралъ и въ первомъ изданіи Рѣчей,—по за то тѣмъ менѣе онъ мо-

щень мышленіемъ, я, строго говоря, не могу сказать, что оно напрімѣръ моральное или религіозное чувствованіе въ отличіе отъ какого либо другаго; все, что я могу сказать, это только то, что извѣстное чувствованіе болѣе или менѣе жизненно, болѣе или менѣе пріятно или мучительно для меня, нежели другое. Въ сферѣ одного чувствованія какой нибудь пантеистическій экстазъ и спокойное истинно религіозное состояніе имѣють одинаковую цѣнность и сколько одно, столько же и другое можетъ быть оправдано, такъ какъ здѣсь нѣтъ никакаго общаго критерія для опредѣленія достоинства и истинности объектовъ чувствованій. Но, быть можетъ, такой критерій можетъ дать намъ различная интенсивность самихъ чувствованій? Допустимъ на минуту эту возможность, и ставемъ распредѣлять свои чувствованія по ихъ объективному достоинству на основаніи большей или меньшей интенсивности ихъ. Что же окажется? Окажется то, что самыя напряженныя чувствованія суть тѣ, которыя наиболѣе связаны съ нашею чувственною природою, т. е. чувствованія чувственыя, напротивъ чувствованія, имѣющія интеллектуальный и моральный источникъ, отличаются болѣею сдержанностію и безстрастіемъ; ясно стало быть, что съ интенсивностію чувствованій отнюдь не совпадаетъ возвышенность или достоинство ихъ объектовъ. Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе еще и то, что интенсивность чувствованій въ значительной степени зависитъ отъ индивидуальнаго характера и темперамента чувствующаго субъекта. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что одинъ и тотъ же объектъ вызываетъ у различныхъ людей, да и у одного и того же человека, только въ различное время, чувствованія различной степени интенсивности. Что въ одномъ производитъ великое удовольствіе, то же самое для другаго остается безразличнымъ, или даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе. Натуры мягкія, гибкія, воспримчивыя отзываются на всякое производимое на нихъ воздѣйствіе: онѣ восторгаются или чувствуютъ себя подавленными, привле-

ваются или отталкиваются въ то самое время, когда натуры болѣе крѣпкія и глубокія по поводу тѣхъ же воздействій остаются спокойными. Можетъ ли поэтому и въ религіи, какъ и повсюду, быть критеріемъ достоинства и истинности объектовъ такая непостоянная и капризная вещь, какъ чувствованіе? Если о достоинствахъ и истинности объектовъ религіи судить по различной степени интенсивности религіозныхъ чувствованій, или что то же, эту мѣрку измѣрять достоинство и истинность самой религіи, тогда трудно было бы и даже невозможно доказать и превосходство чистѣйшей христіанской религіи не только надъ поврежденными формами этой же самой религіи, но и надъ всякой другой даже самой грубой и несовершенной религіей. „Моя религія истинна, потому что я непосредственно сознаю ея истинность“, или „реальность и истинность моей идеи Бога несомнѣнно достовѣрна для меня, потому что въ этомъ убѣждаетъ меня мое собственное чувство“—вотъ родъ аргумента, которымъ одинаково можетъ пользоваться исповѣдникъ каждой религіи въ защиту истинности своей религіи, притомъ чѣмъ менѣе онъ развитъ интеллектуально, тѣмъ чаще будетъ прибѣгать къ такому аргументу, и не было бы никакого средства убѣдить его въ томъ, что онъ самообольщается, если вмѣстѣ съ нимъ оставаться на почвѣ одного только чувствованія. Понятно отсюда, насколько односторонне ограничивать религію сферою только чувствованія. Вмѣстѣ съ Кердомъ мы можемъ даже сказать, что религія одного чувствованія не можетъ быть и названа религіей въ собственномъ смыслѣ, ибо „безъ ясной концепціи или безъ отношенія къ познаваемому объекту религіозное чувствованіе неспособно отличить себя отъ всякаго иного рода чувствованій, приписать себѣ спеціальныя характеры или оправдать свое собственное существованіе“¹⁾. Этимъ не отрицается, конечно, и великое значеніе чувствованія въ ре-

¹⁾ Caird. An Introduction to the philosophy of religion. 1880. p. 170.

лигіи, но утверждается только, что чувствованіе не есть все въ религіи; его великое значеніе въ ней ограничивается тѣмъ, что объектъ религіи, какъ и всякій другой объектъ, въ немъ перестаетъ быть вѣшнимъ и чуждымъ, а такъ сказать сливается съ чувствующимъ субъектомъ, вслѣдствіе чего образуется живое, непосредственное убѣжденіе въ реальности объекта. Но то, что объектъ чувствованія есть объектъ *достойный* и *истинный*, не можетъ быть доказано на основаніи одного чувствованія. Это можетъ быть сдѣлано только при помощи уже мышленія. Только мышленіе, но, разумѣется, мышленіе не предзанятое какими нибудь ложными теоріями, а опирающееся на авторитетъ божественнаго откровенія, хотя бы только естественнаго, общаго и доступнаго всѣмъ людямъ,—въ состояніи дать намъ критерій для опредѣленія достоинства и истинности содержанія религіи; безъ него же, руководствуясь однимъ чувствованіемъ, мы нерѣдко могли бы принимать за истину то, что на самомъ дѣлѣ не есть истина. Вотъ почему и въ Св. Писаніи мышленіе или познаніе выставляется, какъ необходимый факторъ религіи: „се есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Іисусъ Христа“ (Іоан. XVII, 3); тѣхъ людей (язычниковъ), „у которыхъ не было *вѣдѣній* о Богѣ, которые изъ видимыхъ совершенствъ не могли *познать* Сущаго и, взирая на дѣла, не *познаи* Виновника“, оно называетъ „суетными по природѣ“ (Премудр. Сол. XIII, 1). А апостоль Павелъ ложное понятіе язычниковъ о Богѣ прямо вѣнняетъ имъ въ вину за то именно, что они не познали того, „что *можно знать* о Богѣ“ (Римл. I, 18). Необходимость участія въ религіи мышленія, познанія открывається наконецъ и изъ того простаго факта, что человекъ никогда не успокоивается только на своемъ религіозномъ чувствованіи и не замыкается въ немъ, но всегда стремится и познать, насколько возможно, тотъ высочайшій Объектъ, присутствіе коего онъ сознаетъ въ своемъ религіозномъ чувствованіи, что въ свою

Очередь подтверждается присутвіемъ во всѣхъ религіяхъ такихъ или иныхъ религіозныхъ представленій, догматовъ, опредѣленій, т. е. вообще вѣроученія. Если же Шлейермахеръ утверждаетъ противное, замѣчая, что религія сама по себѣ совершенно равнодушна къ образованію понятій и представленій о своемъ объектѣ и что она приглашаетъ человѣка лишь къ спокойному наслажденію тѣмъ, что онъ непосредственно имѣетъ въ своемъ чувствованіи, то на это слѣдуетъ смотрѣть только какъ на послѣдовательный, но не подтверждаемый дѣйствительнымъ религіознымъ опытомъ, выводъ изъ односторонняго понятія о религіи, какъ только чувствованія. Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ мышленію, какъ существенно необходимому элементу въ религіи, Шлейермахеръ основывается между прочимъ на томъ соображеніи, что мышленіе вмѣсто опредѣленія истинности содержанія религіи можетъ привести сюда лишь неистинность и запутанность, и ужъ во всякомъ случаѣ можетъ произвести и дѣйствительно производить вмѣсто мира одни безконечные споры. Но на самомъ дѣлѣ мышленіе, если только оно не предзанятое, никогда не привноситъ неистинности въ истинное само по себѣ содержаніе, все равно какъ законъ напр. не вноситъ грѣха въ добрую саму по себѣ волю; но какъ законъ приводитъ человѣка только къ ясному сознанію изначала присущей его натуральной волѣ грѣховности и тѣмъ предуготовляетъ побѣду надъ нею, такъ и мышленіе раскрываетъ и разоблачаетъ только то, что есть неистиннаго, нечистаго и извращеннаго въ естественномъ религіозномъ сознаніи. Да и относительно религіозныхъ споровъ нельзя не замѣтить, что собственно не интересъ мышленія, какъ такого, составляетъ главное въ нихъ, а вѣчто иное. Почему религіозные споры отличаются инымъ, болѣе острымъ, характеромъ, чѣмъ споры философскихъ школъ? Потому, конечно, что тогда какъ въ послѣднихъ трактуется о противоположностяхъ только мышленія, системъ, противоположностяхъ, которыя путемъ только *мышленія же*

приводятся къ разрѣшенію, въ первыхъ напротивъ принимаютъ участіе и даетъ рѣшающее слово *папосъ сердца*, который вслѣдствіе того, что ему мало доступна холодная логика, обращается и къ средствамъ доказательства болѣе сильнымъ и рѣшительнымъ, чѣмъ доказательства мышленія. Съ ограниченіемъ папоса религіознаго сердца мышленіемъ, въ особенности философскимъ, постепенно умѣряются и смѣгчаются и религіозные споры и развивается вообще духъ безпристрастія и великодушія.

Нѣкотораго отношенія посредствующей дѣятельности мышленія къ религіи, отношенія, выражающагося во всеобщемъ фактѣ существованія религіознаго знанія, т. е. религіозныхъ представленій, догмъ и цѣлыхъ системъ вѣрученія, не отрицаетъ, впрочемъ, да и не могъ отрицать и Шлейермахеръ. Но какъ онъ смотрѣлъ на это отношеніе, или что разумѣлъ подъ религіознымъ знаніемъ? Религіозное знаніе, по Шлейермахеру, есть не что иное, какъ только рефлексивное описаніе религіозныхъ чувствованій. Разъ возникло чувствованіе или рядъ чувствованій, мышленіе рефлектируетъ или точнѣе можетъ рефлексировать на нихъ, и плодомъ этой рефлексіи будутъ религіозныя представленія и догмы. Самый же актъ рефлексіи вытекаетъ не изъ стремленія къ познанію собственно объектовъ чувствованій и къ опредѣленію ихъ истинности (такъ какъ, по Шлейермахеру, все то, что заключается въ религіозныхъ чувствованіяхъ, уже потому самому не можетъ быть неистиннымъ), а изъ свойственной человѣку потребности къ сообщенію своихъ чувствованій другимъ. Такимъ образомъ прежде всего и самое главное, это—чувствованіе, а то, въ какихъ представленіяхъ будетъ выражаться его содержаніе, дѣло уже второстепенное, не важное: представленія, въ которыхъ выражается содержаніе чувствованія, суть только оболочка для него, и притомъ такая, которая можетъ быть очень разнообразною, смотря по направленію фантазіи рефлектирующаго на свое религіозное чувствованіе. Возможно напр., что

у иного то божественное, которое онъ ощущаетъ въ своемъ религиозномъ чувствованіи, будетъ выражаться въ представленіяхъ болѣе или менѣе пантеистическихъ, какъ безличное существо, а у другаго—въ болѣе или менѣе теистическихъ, какъ существо личное; но оба эти вида представленій одинаково безразличны для религіи самой въ себѣ, и при первомъ, какъ при второмъ видѣ представленія, она можетъ быть равно глубокой и истинной. До какой степени одностороненъ этотъ взглядъ на религиозное знаніе, едва ли объ этомъ нужно и упоминать. Вездѣ и всегда религиозное сознаніе человечества смотрѣло на религиозныя представленія и догмы вовсе не какъ на рефлективное только описаніе религиозныхъ чувствованій, нужное для сообщенія послѣднихъ другимъ, а какъ на дѣйствительное объективное ученіе о Богѣ и божественномъ вообще. Пусть это ученіе далеко не всегда и не вездѣ было одинаково высокимъ и истиннымъ, но важно то, что повсюду усвоилось ему объективное значеніе. Невозможность свести все содержаніе вѣроученія на простое рефлективное описаніе религіознаго чувствованія доказалъ, впрочемъ, и самъ Шлейермахеръ своимъ извѣстнымъ Вѣроученіемъ, которое при всей формальной стройности исполнено разнаго рода перетолкованій, ограниченій и вообще критики положительныхъ догматовъ. Когда напр. Шлейермахеръ говоритъ о твореніи міра, то все, чтѣ онъ могъ высказать положительнаго объ этомъ догматѣ, ограничивается только мыслию о безначальности міра; все же остальное, о чемъ говорить этотъ догматъ, подвергнуто критикѣ и отрицанію. Христіанскій же догматъ о троичности въ системѣ Шлейермахерова Вѣроученія вовсе не нашелъ мѣста для себя, и о немъ говорится лишь въ приложеніи къ Вѣроученію, причѣмъ Шлейермахеръ не преминулъ все-таки протолковать и его въ смыслѣ своей системы, т. е. какъ догматъ, имѣющій только субъективное значеніе. При односторонности взгляда на религиозное знаніе, какъ только на рефлективное описа-

ніе содержанія релігійознаго чувствованія, безъ перетолкованій и ограниченій догматовъ вѣры нельзя, конечно, было и обойтись. Да и то уже достойно удивленія, что Шлейермахеръ при своемъ одностороннемъ взглядѣ на релігійозное знаніе сьумѣлъ все же построить такую формально-стройную и, вообще говоря, послѣдовательную систему, какъ его Вѣроученіе. Это явно свидѣтельствуетъ о его необыкновенно тонкомъ діалектическомъ умѣ.

Но сколь мало можно согласиться съ Шлейермахеромъ по вопросу объ отношеніи посредствующей дѣятельности мышленія къ релігійи, столь же мало можно согласиться съ нимъ и въ томъ, что онъ говоритъ объ отношеніи между релігійей и нравственною дѣятельностію. По мнѣнію Шлейермахера, релігійа сама въ себѣ такъ же равнодушна и къ дѣятельности, какъ къ образованію представленій и догмъ, и если бы можно было представить, что въ комъ нибудь была только одна релігійа и ничего болѣе не было бы, то такой человѣкъ и не совершалъ бы никакихъ дѣйствій, а только созерцалъ бы и чувствовалъ, т. е. услаждался бы только своими внутренними состояніями, производимыми воздѣйствіемъ на него безконечнаго чрезъ что либо конечное. Дѣятельность человѣка, это—уже „особая вѣтвь жизни“, и выходитъ она непосредственно не изъ чувствованій, какъ такихъ, а есть плодъ самоопредѣленія воли, свободы человѣка. Все значеніе релігійозныхъ чувствованій для этой вѣтви состоитъ лишь въ томъ, что они *сопровождать* ее, подобно священной музыкѣ, но не *проникаютъ* въ нее въ качествѣ ея импульсовъ; будь это послѣднее, тогда дѣятельность человѣка носила бы на себѣ слѣды возбужденности и теряла бы чрезъ то свой чисто моральный характеръ. „Ни одной капли релігійи, говоритъ Шлейермахеръ въ первомъ изданіи Рѣчей, не можетъ быть примѣшано къ ней (т. е. къ моральной дѣятельности) безъ того, чтобы такъ сказать не флогистировать (воспламенить) ея и не похитить у нея ея чистоты“¹⁾.

¹⁾ Red. üb. Religion. I Aufl. p. 109.

Даже чувствованія *любви*, благоговѣнія, состраданія не имѣютъ отношенія къ моральной дѣятельности человѣка; она не нуждается въ нихъ и не терпитъ ихъ. „Она не можетъ быть любовью и склонностію“... и „ни о какомъ благоговѣніи, кромѣ благоговѣнія къ своему собственному закону, она не знаетъ; она осуждаетъ какъ не чистое и эгоистическое то, что можетъ выходить изъ состраданія и благодарности, она низко цѣнитъ, даже презираетъ и смиреніе и если вы говорите о раскаяніи, то она говоритъ о потерянномъ времени, которое вы напрасно тратите“¹⁾. Съ другой стороны и сама нравственная дѣятельность не проникаетъ въ религію, да и не должна проникать, ибо иначе нарушалась бы чистота религіи, вносился бы въ нее элементъ совершенно несродный ея сущности, элементъ свободы, самоопредѣленія. Въ этомъ взглядѣ Шлейермахера на отношеніе религіи и нравственной дѣятельности несправедлива прежде всего та мысль, будто существу религіи совершенно не свойственны элементъ самоопредѣленія, дѣятельности. Существо религіи, по Шлейермахеру, состоитъ только въ чувствованіи. Но само чувствованіе не заключаетъ ли уже и импульса къ дѣятельности, т. е. акта воли, самоопредѣленія? Чувствованіе, какъ мы выше сказали, есть внутреннее, субъективное состояніе, въ которомъ наше я сознаетъ себя настроеннымъ пріятно или непріятно, радостно или скорбно. Но если такъ, то уже самая пріятность или непріятность, радостность или скорбность, сознаваемая въ чувствованіи, не можетъ ли служить импульсомъ къ проявленію дѣятельности воли? Опытъ дѣйствительно и показываетъ въ большинствѣ случаевъ, что когда мы находимся въ состояніи пріятнаго настроенія, то не замыкаемся въ самихъ себя, а наиболѣе располагаемся къ дѣятельности, соотвѣтствующей нашему настроенію; когда же находимся въ состояніи непріятнаго настроенія, то хотя у насъ

¹⁾ Ibid. p. III.

тогда и не бывает никакой расположенности къ вѣдѣтельности, во за то является желаніе подавить это настроеніе, по крайней мѣрѣ, когда оно не слишкомъ тяжело и не исецѣло овладѣваетъ нами. Далѣе, такъ какъ всякое чувствованіе по своему происхожденію есть результатъ чувственнаго или духовнаго воздѣйствія на нашъ духъ, то какъ скоро это воздѣйствіе сознается нами, въ насъ всегда проявляется болѣе или менѣе сильно или реакція противъ него, или же расположенность къ нему, что не возможно безъ предположенія нѣкотораго самоопредѣленія со стороны насъ. Въѣсть съ сознаніемъ воздѣйствія соединяется въ насъ также стремленіе поставить себя и въ соотвѣтственное отношеніе къ тому самому объекту, который воздѣйствуетъ на насъ, а это опять и еще болѣе указываетъ на участіе самоопредѣленія. Но если такимъ образомъ актъ самоопредѣленія присущъ болѣе или менѣе всѣмъ вообще чувствованіямъ, то тѣмъ болѣе онъ присущъ чувствованіямъ религіознымъ. Эти чувствованія, *по скольку объекты ихъ бываютъ сознаны и признаны нами, какъ истинные*, всегда уже заключаютъ въ себѣ самихъ требованія къ самоопредѣленію, и даже сами становятся непосредственно требованіями. „Они требуютъ именно, чтобы субъектъ позволялъ себѣ опредѣляться ими и сообразно имъ опредѣлялъ себя, предаваясь имъ всю свою личностію и все остальное подчиняя имъ“ ¹⁾. И вообще истинная религія или религіозность не мыслима безъ самоопредѣленія къ дѣятельности и именно къ нравственной дѣятельности; иначе она становится пустой и безплодной, что дѣйствительно и бываетъ всякій разъ, какъ только человекъ вмѣсто опредѣленія себя къ нравственной дѣятельности, для которой мотивы лежатъ уже въ самихъ религіозныхъ чувствованіяхъ, успокаивается только на этихъ послѣднихъ и только ими хочетъ услаждаться, такъ сказать роскошествовать въ нихъ, воображая, что съ выступленіемъ изъ этой услаждающей

¹⁾ *Köstlin*. Religion u. Sittlichkeit. Theol. Studien u. Kritiken. 1870, I. p. 58.

его сферы онъ удаляется и отъ Бога. Такой квіетизмъ въ религіи есть явленіе не нормальное, а болѣзненное, извращенное.

Но религія не только въ себѣ самой заключаетъ элементъ самоопредѣленія, но она служитъ и опорой всей истинно нравственной дѣятельности человѣка. Шлейермахеръ въ выше приведенномъ мѣстѣ Рѣчей нравственность понималъ, очевидно, въ смыслѣ близкомъ къ Кантовскому пониманію. А извѣстно, что Кантъ считалъ истинною ту нравственность, которая опирается только на сознаніи присущаго намъ нравственнаго закона (или долга) и на уваженіи къ нему. Но такая нравственность возможна ли на самомъ дѣлѣ безъ связи съ религіей? Отличительная особенность присущаго намъ нравственнаго закона состоитъ въ томъ, что всѣ его требованія имѣютъ характеръ *безусловной* обязательности для насъ; въ силу него мы сознаемъ себи обязанными подавлять всѣ низшія, чувственныя, эгоистическія влеченія и наклонности и стремиться къ выполненію только его идеальныхъ требованій, выходя изъ сознанія его безусловной обязательности. Но это самое и осуществимо ли безъ вѣры въ Бога и въ живое и дѣятельное отношеніе Его къ намъ? Не говоря уже о множествѣ натуральныхъ и соціальныхъ силъ и обстоятельствъ, которыя весьма часто представляютъ громадныя затрудненія для выполненія требованій нравственнаго закона и которыми не только отдѣльный человѣкъ, но и цѣлое человѣческое общество не въ состояніи безусловно распоряжаться,—и въ своей собственной природѣ человѣкъ, стремящійся къ выполненію требованій нравственнаго закона, встрѣчаетъ непреодолимыя трудности. Каждый, кто болѣе или менѣе серьезно относится къ нравственнымъ требованіямъ и внимательно наблюдаетъ надъ собою и другими, можетъ судить, какъ трудно вообще бороться и противъ своихъ собственныхъ грѣховныхъ наклонностей и страстей, а тѣмъ болѣе противъ чужихъ и дать перевѣсъ надъ ними нравственнымъ требованіямъ,—

трудно же потому, что въ нашей природѣ есть какая-то сила, могущественно влекущая насъ къ грѣховному, есть иной законъ, противоборствующій закону ума нашего и дѣлающій насъ плѣнниками закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ нашихъ (Римл. VII, 23). Въ силу именно этого присущаго намъ „инаго закона, противоборствующаго закону ума“, мы сами собою не можемъ выполнить требованій нравственнаго закона, хотя внутренно и желаемъ этого. Но въ такомъ случаѣ гдѣ же мы можемъ почерпнуть силы, могущія вспомоществовать намъ въ дѣлѣ выполненія нами нравственныхъ требованій? Нигдѣ и ни въ чемъ больше, какъ въ вѣрѣ въ личнаго всемогущаго и благаго Бога, Который не далекъ отъ каждаго изъ насъ. Ова вселяетъ въ насъ убѣжденіе, что въ нравственной своей дѣятельности мы не предоставлены только самимъ себѣ, но что намъ содѣйствуетъ и Богъ, и убѣжденіе это не субъективная какая-либо мечта наша, а имѣетъ твердую реальную основу, потому что насколько чрезъ вѣру въ Бога человекъ вступаетъ въ живое общеніе съ Нимъ, настолько возвышается и укрѣпляется его духъ, вслѣдствіе чего усиливается и готовность его вести и продолжать борьбу со всѣмъ грѣховнымъ и чувственнымъ, не смотря на разнаго рода препятствія. Безъ вѣры же въ Бога и живаго общенія съ Нимъ, т. е. безъ религіи всегда оставалась бы опасность при неудачахъ въ борьбѣ съ грѣховнымъ и чувственнымъ потерять твердость и настойчивость духа и впасть въ индифферентизмъ или—что еще хуже—поступиться идеальными требованіями нравственнаго закона въ пользу низшихъ влеченій и наклонностей. Но это еще не все, что даетъ религія для нравственности человека. Она кромѣ того указываетъ ей еще на самый высшій положительный идеалъ, котораго она должна достигать, идеалъ, состоящій не въ простомъ выполненіи требованій нравственнаго закона (это скорѣе только средство для достиженія высшаго идеала), а въ уподобленіи Богу (Лев. XIX, 2; Мат. V, 48; 1 Петр. I, 15). Но Богъ есть любовь (1 Иоан. IV, 8. 16), и любовь

безпредѣльная, простирающаяся на всѣхъ людей праведныхъ и неправедныхъ; слѣдовательно и человекъ, чтобы приблизиться къ подобію Божію, долженъ также проникнуться любовію и дѣятельно проявлять ее въ отношеніи не только къ близкимъ и дружественно расположеннымъ къ нему людямъ, но и къ своимъ врагамъ (Мѣ. V, 44). И насколько онъ осуществляетъ это требованіе, настолько поднимается на высшую ступень нравственности, нравственности не холодной и самозамкнутой, какою можетъ быть нравственность, опирающаяся только на сознаніи долга, а полной сердечной теплоты, участливости и самопожертвованія. Иною эта высшая нравственность и не можетъ быть, потому что принципъ ея есть любовь, а любовь, понимаемая въ истинномъ смыслѣ, въ томъ и состоитъ, что она не самозамыкается, но всегда радушно готова жертвовать всѣмъ для всѣхъ; она „долго-терпитъ, милосердствуетъ, не превозносится..., не ищетъ своего, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“ (I Кор. XIII, 4—7),—каковыя свойства отнюдь однакожъ не означаютъ потворства любви человѣческимъ слабостямъ, напротивъ всѣ оны проникнуты однимъ общимъ стремленіемъ—возвысить человека надъ узкою сферою эгоизма и приблизить его къ высокому идеалу богоподобія, къ тому, чтобы каждый, по подобію Отца небеснаго, простирающаго Свою любовь на всѣхъ людей и хотящаго чрезъ то создать единое духовное царство чадъ Божіихъ, и самъ все болѣе и болѣе преисполнялся также любовію къ своимъ ближнимъ, какъ братьямъ, и соустроялъ царство Божіе. Понятно отсюда, какой высокій принципъ имѣетъ нравственность въ истинной любви, и какъ высока та нравственность, которая на ней опирается: человекъ, поступающій по любви, не простой лишь исполнитель требованій нравственнаго закона, который онъ при всемъ уваженіи къ нему сознаетъ все таки, какъ тяготящую надъ собой силу, а такъ сказать соратникъ Божій, соустроитель единаго духовнаго царства чадъ Божіихъ. Понятно далѣе и

то, въ какой внутренней связи стоитъ эта, опирающаяся на любви, нравственность съ религіей¹⁾. Быть истинно нравственнымъ, т. е. поступать по любви человекъ тогда только и можетъ, когда онъ вѣритъ, что самъ Богъ есть любовь, дѣятельно открывающаяся, и когда стоитъ въ живомъ общеніи съ Нимъ; равно какъ и наоборотъ быть истинно религіознымъ можно только при дѣятельной любви къ ближнимъ: одно обуславливаетъ и проникаетъ другое до живаго единства.

Не отрицаетъ, впрочемъ, и самъ Шлейермахеръ нѣкотораго отношенія религіи къ нравственной дѣятельности или—что тоже, по нему—къ волящей дѣятельности вообще, какъ это можно видѣть отчасти уже изъ Рѣчей, а еще болѣе изъ философской этики и Діалектики. Но въ чемъ состоитъ это отношеніе? Безъ религіи, говоритъ Шлейермахеръ, намъ не доставало бы твердаго убѣжденія въ реальномъ достоинствѣ волящей дѣятельности, равно какъ и знанія. Реальность волящей дѣятельности состоитъ въ проникновеніи и осуществленіи нашихъ мыслей и цѣлей (мышленія вообще) во вѣншемъ бытіи, а реальность знанія наоборотъ—въ проникновеніи вѣшняго бытія въ нашъ мыслящій духъ и въ усвоеніи имъ этого бытія. Но какъ было бы возможно это взаимное проникновеніе, если бы мышленіе и бытіе (идеальное и реальное) небыли по своему существу единымъ, т. е. не выходили изъ абсолютно одинаго бытія? А это абсолютно единое бытіе или Божество мы непосредственно знаемъ только въ религіозномъ чувствованіи, которое само есть (относительное) единство мышленія и воли; стало быть только на основаніи непосредственнаго

¹⁾ Противъ сказаннаго нельзя выставить, въ качествѣ отрицательной инстанціи, первоначальный буддизмъ, провозгласившій, не смотря на свой атеистическій характеръ, универсальную любовь къ людямъ и ко всѣмъ живымъ существамъ, потому что буддійская любовь не есть на самомъ дѣлѣ даже и любовь, а только *состраданіе* (Schultz. Religion u. Sittlichkeit in ihrem Verhältnisse zu einander, въ Studien u. Kritiken. 1883. I. p. 104. Нравственность и нравственное ученіе индійцевъ въ Трудахъ К. д. Акад. 1883. V. стр. 150 и др.).

сознанія Божества въ своемъ чувствованіи мы и можемъ придти къ убѣжденію въ томъ, что чрезъ дѣятельность воли наши мысли и цѣли дѣйствительно осуществляются во внѣшнемъ бытіи, все равно какъ въ знаніи дѣйствительно воспринимается нами внѣшнее бытіе. Но во первыхъ для убѣжденія въ осуществимости нашихъ мыслей и цѣлей во внѣшнемъ бытіи развѣ существенно необходимо, чтобы абсолютное бытіе, какъ послѣднее основаніе мышленія и бытія, мы непосредственно сознавали въ своемъ религиозномъ чувствованіи? Для этого достаточно, если мы будемъ только *предполагать* абсолютное бытіе и не имѣть его въ своемъ чувствованіи: результатъ всеравно будетъ тотъ же самый. И, во вторыхъ дѣятельность воли, о которой здѣсь говоритъ Шлейермахеръ, далеко не то же, что мы разумѣемъ подъ нравственною дѣятельностію и что собственно и нужно разумѣть, когда идетъ рѣчь объ отношеніи религіи къ нравственности. Дѣятельность воли, состоящая въ осуществленіи во внѣшнемъ бытіи мыслей и цѣлей вообще и въ устроеніи согласно имъ этого бытія, есть собственно *культивирующая* дѣятельность духа, тогда какъ нравственная дѣятельность есть особый, частный видъ этой дѣятельности; она состоитъ въ осуществленіи именно *нравственной* идеи какъ во внѣшнемъ бытіи вообще, такъ по преимуществу въ человѣческихъ существахъ и прежде всего въ собственной личности осуществляющаго,—причемъ осуществленіе это должно опираться не на требованія только самой этой идеи, а главнымъ образомъ на требованія религиозной любви, которою дѣйствительно и проникается каждый истинно нравственный дѣятель. Шлейермахеръ, при своей идеѣ Бога, какъ только абсолютнаго единства или принципа, объединяющаго вмѣстѣ съ высшею противоположностію мышленія и бытія и всѣ остальные противоположности, существующія въ мірѣ, не могъ впрочемъ и говорить объ отношеніи религіи къ нравственной дѣятельности въ истинномъ ея смыслѣ, потому что эта

дѣятельность возможна, какъ сказано, только при вѣрѣ въ личнаго, самосообщающагося Бога и при живомъ общеніи съ Нимъ.

По вопросу о субъективной сторонѣ религіи намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ и о томъ опредѣленіи религіи, какое дано Шлейермахеромъ въ его Вѣроученіи. Разумѣемъ опредѣленіе ея, какъ *чувствованія безусловной зависимости*. Этимъ опредѣленіемъ была указана уже специфическая особенность религіи, какъ чувствованія, или—если такъ можно сказать—субъективно *матеріальный* элементъ ея, тогда какъ указаніемъ на чувствованіе вообще религія опредѣлялась только *формально*. Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что чувствованіе зависимости составляетъ элементъ существенно необходимый въ религіи, и нѣтъ иной формы религіи, которая бы характеризовалась отсутствіемъ этого чувствованія: всегда и вездѣ человѣкъ болѣе или менѣе сознавалъ и никогда не перестанетъ сознавать, что онъ, какъ существо конечное, ограниченное, условное, всецѣло зависимо отъ высочайшаго божественнаго Существа, обуславливающаго и устрояющаго его бытіе и жизнь. Но вопросъ въ томъ, чувствованіе зависимости отъ Бога есть ли *единственно* существенный элементъ въ религіи, такъ что существо религіи и чувствованіе безусловной зависимости вполне совпадаютъ и покрываютъ одно другое? Въ Vorrede zu Hinrich's Religionsphilosophie Гегель, разумѣя Шлейермахерово опредѣленіе религіи, данное въ Вѣроученіи, замѣчаетъ, что если бы религія была не чѣмъ больше, какъ только чувствованіемъ зависимости, тогда и собака имѣла бы благочестіе и весьма не малое (буквально: была бы лучшимъ христіаниномъ), такъ какъ чувствованіе зависимости въ ней очень сильно, и имъ по преимуществу она живетъ¹⁾, а ученикъ его Даубъ прибавляетъ, что чувствованіе зависимости есть собственно животный элементъ въ насъ, кото-

¹⁾ Hegel's Werke XVII Bd. 1835, p. 295.

раго человѣкъ можетъ только стыдиться¹⁾). Конечно, это уже слишкомъ много сказано и безо всякаго права, такъ какъ Шлейермахерово „чувствованіе безусловной зависимости“ вовсе не одно и то же, что и всякое безотчетное чувствованіе зависимости, свойственное и животному, напротивъ съ нимъ неразрывно связана опредѣленная идея *Бога*, какъ абсолютно единого бытія, обуславливающаго и опредѣляющаго все конечное бытіе, и вполнѣ достигается оно только подъ условіемъ развитія нашего самосознанія до міросознанія. Но съ другой стороны нельзя все-таки оправдать и Шлейермахера, когда онъ чувствованіе безусловной зависимости отождествляетъ съ самымъ существомъ религіи. Уже выше нами сказано, что какъ со всякимъ вообще чувствованіемъ, такъ тѣмъ болѣе съ чувствованіемъ религіознымъ, поскольку объектъ его бываетъ сознанъ, соединяется актъ самоопредѣленія, а слѣдовательно и свободы. Къ сказанному можно прибавить здѣсь, въ виду указаннаго опредѣленія религіи, еще слѣдующее. Во первыхъ самое сознаніе зависимости предполагаетъ уже нѣкоторое участіе свободы, ибо сознавая свою зависимость, мы съ тѣмъ вмѣстѣ и возвышаемся надъ нею, т. е. проявляемъ свою свободу; животное, которое не сознаетъ своей зависимости, конечности, потому самому не имѣетъ и не проявляетъ и никакой свободы. Во вторыхъ элементъ свободы открывается въ религіи еще болѣе изъ того, что въ ней человѣкъ не только сознаетъ свою зависимость, но и дѣятельно, чрезъ освобожденіе отъ задерживающихъ границъ чувственной природы, стремится къ Богу и въ преданности Его безконечной Волѣ находитъ истинное свое самоутвержденіе, истинную свободу, ибо, по слову апостола, „гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода“ (2 Кор. III, 17). Иного отношенія къ Себѣ, какъ только свободнаго, личнаго, не можетъ желать и Самъ Богъ, создавшій насъ свободными

¹⁾ Pfeleiderer. Wesen d. Religion p. 62.

существами и Самъ будучи абсолютно свободнымъ. Поэтому кто умалляетъ или совсѣмъ отрицаетъ значеніе въ религіи свободы, какъ дѣлаетъ Шлейермахеръ своимъ догматическимъ опредѣленіемъ религіи, тотъ тѣмъ самымъ отнимаетъ у нея одинъ изъ ея существенныхъ элементовъ. По нашему мнѣнію, единственно правильнымъ опредѣленіемъ религіи можетъ быть признано только то, въ которомъ удерживаются всѣ существенно входящіе въ религію субъективные элементы, а такое опредѣленіе дается не въ иномъ какомъ понятіи о религіи, какъ только въ понятіи о ней, какъ *сознаніи богодѣтства или боюсыновства*, ибо насколько человѣкъ сознаетъ себя въ отношеніи къ Богу, какъ дитя, настолько онъ и стремится тогда возвыситься къ Нему (элементъ свободы) и покорно предается Ему (элементъ зависимости) и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ любовь къ Нему. Болѣе или менѣе ясны проблески этого сознанія можно усмотрѣть почти во всѣхъ религіяхъ, и преимущественно въ древнѣйшихъ періодахъ ихъ. На него указываетъ и общераспространенный обычай жертвъ, основная идея которыхъ состоитъ въ выраженіи, чрезъ пожертвованіе чего либо изъ собственности, покорной дѣтской преданности Божеству, и столь же общераспространенный обычай молитвы, въ которой—какъ бы она ни была несовершенной—всегда выражается нѣкоторое, хотя бы и очень смутное, сознаніе дѣтства предъ Божествомъ. Въ особенности въ нѣкоторыхъ изъ молитвенныхъ гимновъ индійской Веды замѣтно проглядываетъ это сознаніе. Но нигдѣ и никогда однакожъ сознаніе дѣтства предъ Богомъ не достигало, да и не могло достигнуть такой высоты и чистоты, какъ въ христіанствѣ, религіи богооткровенной, ибо христіанство, и только оно одно, возвѣстиво воплѣвъ истинное понятіе о Богѣ, какъ любвеобильномъ Отцѣ небесномъ, понятіе, съ которымъ истинное сознаніе богодѣтства стоитъ въ самой тѣсной связи. Самый высшій примѣръ такого сознанія, соединеннаго съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, представляетъ нашъ Спаситель: вся жизнь Его на землѣ

отъ начала до конца была проникнута глубочайшимъ сознаниемъ дѣтства предъ Богомъ. Но и каждый истинный христіанинъ не иначе сознаетъ себя въ отношеніи къ Богу, какъ дитя въ отношеніи къ отцу. Вотъ это-то сознание мы и считаемъ, въ противоположность Шлейермахеру опредѣленію религіи, какъ только чувствованія безусловной зависимости, такимъ понятіемъ, которымъ истинно опредѣляется сущность религіи. Этимъ опредѣленіемъ въ свою очередь указывается и та область въ человѣческомъ духѣ, гдѣ религія имѣетъ свое глубочайшее основаніе, это—именно *сердце* человѣка, а не просто лишь чувствованіе. Отъ чувствованія, которое состоитъ только въ сознаниіи нами своей внутренней опредѣленности пріятнаго или непріятнаго характера, сердце отличается тѣмъ, что оно есть *общій источникъ и средоточіе* всей нашей духовной жизни, подобно тому какъ тѣлесное сердце есть источникъ и средоточіе жизни тѣлесной. Въ сердцѣ не только наши чувствованія имѣютъ свое мѣсто, но отъ него, какъ источника пункта, исходятъ также мысли и желанія со всѣми ихъ направленіями, равно какъ и слова и дѣйствія, какъ выраженія мыслей и желаній. Однако, тогда какъ чувствованія всецѣло принадлежатъ сердцу и составляютъ собственную сферу его жизни, напротивъ мысли и желанія сердцу принадлежатъ только въ зачаточномъ и, такъ сказать, сокрытомъ состояніи; оттого они, пока находятся въ сердцѣ, обыкновенно бываютъ темны и неопредѣленны, какъ темна и неопредѣленна и вся вообще непосредственная жизнь сердца. Но въ этомъ зачаточномъ, сокрытомъ состояніи они не остаются, а переходятъ въ свѣтлую область познанія и воли, и тогда являютъ въ своемъ настоящемъ значеніи, именно какъ мысли и желанія болѣе или менѣе ясныя и опредѣленныя. Подобно этому и религія, хотя прежде всего коренится въ сердцѣ,—при чемъ уже и тогда, когда остается только въ сердцѣ, она не есть простое лишь чувствованіе, а *implicite* заключаетъ въ себѣ и познавательный и вѣнче-

скій элементъ,—однако опредѣленнымъ и вполне сознательнымъ фактомъ духовной жизни становится тогда, когда освѣщается посредствующею дѣятельностію мышленія и при участіи воли проявляется въ моральной дѣятельности. Очевидно, при такомъ пониманіи религія является дѣломъ уже цѣлаго существа человѣческаго духа, а не одной какой либо стороны его.

Односторонность понятія Шлейермахера о религіи замѣтно отразилась и на его взглядѣ на положительныя или индивидуально опредѣленныя религіи. По Рѣчамъ, положительныя религіи образуются тогда, когда „одно какое либо изъ великихъ отношеній человѣчества въ мірѣ и къ вышнему Существу (по 1-му изданію Рѣчей: „какое либо частное созерцаніе универса“) дѣлается средоточнымъ пунктомъ, и всѣ остальные отношенія подчиняются ему одному“. Поелику же каждый можетъ сдѣлать это для себя, то стало быть и положительныхъ религій можетъ быть столько, сколько религіозныхъ индивидуумовъ, и каждая такая религія должна быть признана столь же истинной, какъ и всѣ другія. Этотъ религіозный атомизмъ или индивидуализмъ, очевидно, представляетъ крайнюю противоположность съ такъ называемой „естественной религіей“ рационалистовъ и, какъ крайность, столь же далеко отстоитъ отъ истины, какъ и эта естественная религія; ибо какъ тамъ все единичное, индивидуальное сглаживалось до совершенно неопредѣленнаго однообразія, такъ и здѣсь при множественности индивидуальныхъ проявленій религіи столько же улетучивается всякая опредѣленность. Шлейермахеръ не отрицаетъ, конечно, и религіозныхъ обществъ; но говоря объ образованіи ихъ, онъ собственно не возвышается надъ религіознымъ индивидуализмомъ. Что связываетъ отдѣльныхъ лицъ въ болѣе или менѣе широкое религіозное общество, это, по мнѣнію Шлейермахера, не общность такого или иного ученія о Богѣ и божественномъ вообще, а только привлекательная сила выдающейся въ религіозномъ отношеніи

личности, именно такой, которая подъ непосредственнымъ божественнымъ воздѣйствіемъ открываетъ новое отношеніе къ Божеству и полагаетъ его въ основу всѣхъ своихъ религіозныхъ обнаруженій. Такая личность естественно производитъ весьма сильное вліяніе на другихъ менѣ зрѣлыхъ и продуктивныхъ въ религіозномъ отношеніи лицъ, которыя вслѣдствіе этого и группируются около нея. Но легко видѣть, насколько должно быть непрочно религіозное общество, покоющееся на такомъ слабомъ основаніи, какъ привлекательная сила выдающейся въ религіозномъ отношеніи личности (религіознаго виртуоза): оно можетъ продолжать свое существованіе только дотолѣ, пока сохраняется эта сила, а какъ скоро она ослабѣваетъ или совсѣмъ терается, тогда распадается и само общество. Въ такомъ, покоющемся только на силѣ привлекательности, религіозномъ обществѣ, по справедливому замѣчанію Гегеля, столь же мало прочности и живучести, какъ въ кучѣ песка, принимающаго отъ дѣйствія вѣтра или волвъ все новыя и новыя формы. Самъ Шлейермахеръ въ своемъ Вѣроученіи нѣсколько ослабилъ этотъ недостатокъ Рѣчей, указавъ на великое значеніе фамильнаго и національнаго родства для образованія и существованія религіозныхъ обществъ. Въ предѣлахъ фамиліи и націи, говоритъ онъ, привлекательная сила выдающихся религіозныхъ личностей проявляется наиболее могущественно, и само религіозное общество, поддерживаемое фамильнымъ и национальнымъ родствомъ, получаетъ большую прочность и жизненность. Что фамильное или точнѣе племенное и національное родство дѣйствительно имѣетъ не маловажное значеніе для образованія и существованія религіозныхъ обществъ, этого не отрицаемъ и мы, но дѣло въ томъ, что это можно сказать только относительно языческихъ религіозныхъ обществъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ ограничивались и ограничиваются большею частію или предѣлами племени, (какъ у низшихъ, не культурныхъ народовъ) или болѣе широкими предѣлами

націи (какъ у народовъ культурныхъ, историческихъ),— и нельзя уже сказать относительно монотеистическихъ религиозныхъ обществъ, ислама и іудейства, а тѣмъ болѣе христіанства, какъ религіи по преимуществу универсальной. Абсолютная истина, какою обладаетъ христіанство, по самому существу своему, не можетъ быть заключена въ какія либо тѣсныя границы, но должна распространяться повсюду во всемъ мірѣ.

Говоря о положительныхъ религіяхъ, Шлейермахеръ не имѣлъ при этомъ въ виду опредѣлять, въ чемъ состоитъ основная идея каждой существующей религіи, и ограничивается только указаніемъ на основныя идеи двухъ высшихъ положительныхъ религіи, іудейства и христіанства. Что касается іудейства, то основная идея его, по мнѣнію богослова, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ сознаніи *непосредственною* отношенія Бога къ конечному въ его *дробности*, въ сознаніи того, что каждая личность непосредственно управляется Богомъ, награждается или наказывается Имъ. Опредѣленіе однако не совсѣмъ вѣрное. Ибо, если подъ іудействомъ не разумѣть только религіи патриархальнаго періода, а іудейство во всѣ его періоды, то въ немъ на самомъ дѣлѣ не столько единичная личность была предметомъ непосредственнаго божественнаго управленія, сколько народъ *въ его цѣлостности*. Нужно было дать этому народу правильное устройство какъ въ религиозномъ, такъ и въ нравственно социальномъ отношеніи, чтобы онъ могъ быть носителемъ и хранителемъ божественныхъ обѣтованій, представлять собою среди другихъ народовъ „избранный народъ Божій“.

Тѣмъ менѣе можно согласиться съ Шлейермахеровымъ опредѣленіемъ основной идеи христіанства и съ неразрывно связаннымъ съ этимъ опредѣленіемъ ученіемъ о лицѣ Іисуса Христа, какъ Основателя христіанства. Основную идею христіанства Шлейермахеръ хотя полагаетъ въ искупленіи, совершенномъ І. Христомъ, но то, что онъ разумѣетъ подъ искупленіемъ, далеко отступаетъ отъ истиннаго пониманія

его. Именно подъ искупленіемъ онъ разумѣетъ не освобожденіе человѣчества отъ тяготѣвшаго на немъ за прародительскій грѣхъ проклятія Божія, совершенное по предвѣчному предопредѣленію Божию крестною смертію и воскресеніемъ Богочеловѣка, І. Христа, и дарованіе реальныхъ благодатныхъ даровъ Духа Святаго, которыми въ силу заслугъ Христовыхъ заглаждаются и личные грѣхи каждаго христіанина подъ условіемъ живой и дѣятельной вѣры его въ Искупителя и участія въ основанной Имъ церкви въ качествѣ живаго члена ея,—а только усиленіе и укрѣпленіе богосознанія надъ чувственнымъ самосознаніемъ, условливаемое съ объективной стороны воздѣйствіемъ *образа* Христа, какъ такого лица, въ которомъ богосознаніе изначала и абсолютно восторжествовало надъ чувственнымъ самосознаніемъ, со стороны же субъективной вѣрою въ Него, какъ Искупителя. Да и это опредѣленіе искупленія дано Шлейермахеромъ только въ Вѣроученіи, тогда какъ въ Рѣчахъ о религіи, по крайней мѣрѣ въ первомъ изданіи ихъ, не признается существенно необходимымъ для усвоенія основной идеи христіанства или для того, чтобы быть христіаниномъ, даже и самое воздѣйствіе образа І. Христа, равно какъ и вѣра въ Него, какъ *единственнаго* Искупителя. И самъ Христотъ будто бы „никогда не утверждалъ, что Онъ единственный посредникъ, въ которомъ (и чрезъ котораго) осуществилась Его идея“, и „могъ бы даже допустить сомнѣніе въ своемъ мессіанскомъ достоинствѣ, лишь бы только не былъ искаженъ тотъ духъ, тотъ принципъ, изъ котораго въ Немъ и другихъ развилась Его религія“¹⁾. Очевидно, Шлейермахеръ прямо склонялся здѣсь на сторону новѣйшаго идеализма (Канта и др.), который также точно полагалъ сущность христіанства въ *независимой* существенно отъ Основателя его (хотя исторически и посредствуемой Имъ) *идеи искупленія*. И если въ послѣдствіи въ своемъ Вѣ-

¹⁾ Red. üb. Religion, p. 285.

роученіи онъ неразрывно связалъ эту идею съ историческою личностію І. Христа, признавъ только Его одного Виновникомъ искупленія, то это безъ сомнѣнія было уже весьма значительнымъ шагомъ со стороны его въ направленіи къ ортодоксальному ученію о христіанствѣ, хотя онъ все же далеко еще не приблизился къ нему, какъ это можно видѣть въ особенности изъ его христологии. Христось Шлейермахера не есть Христось Евангелій и вообще писаній новозавѣтнаго канона, т. е. истинный Богъ и истинный человѣкъ въ единствѣ лица¹⁾, а только совершеннѣйшій „первообразъ благочестія“. Правда, Ему усвоится и божественное достоинство, но не въ смыслѣ соединенія въ Немъ божеской и человѣческой природы, а въ смыслѣ лишь абсолютнаго и изначальнаго проявленія въ Немъ богосознанія. Самое явленіе І. Христа въ мірѣ хотя признается дѣйствиємъ сверхъестественнымъ (чудомъ), такъ какъ не можетъ быть объяснено чисто историческимъ ходомъ развитія человѣческой

¹⁾ Что І. Христось есть истинный человѣкъ, чуждый только грѣха, это настолько ясно открывается изъ новозавѣтныхъ каноническихъ писаній, что исключаетъ всякую возможность сомнѣнія. Но съ другой стороны не менѣе ясно засвидѣтельствовано въ этихъ писаніяхъ и то, что Онъ есть также и истинный Богъ. Говорится напр., что І. Христось есть Владика неба и земли, равно и всѣхъ людей (Мтѣ. XXVIII, 18—20; Іоан. XVII, 2), что Онъ есть Податель всякаго блага и вѣчной жизни (Іоан. VI, 35; X, 28) и что только чрезъ Него каждый можетъ придти къ Богу Отцу (Іоан. XIV, 6), что Онъ имѣетъ такую же силу воскрешать мертвыхъ, какъ Богъ Отецъ (Іоан. V, 21. 25; XI, 28). Ему усвоются далѣе атрибуты вседѣйствія (Іоан. III, 13; Мтѣ. XVIII 20), всемогущества (Филип. III, 21; Евр. I, 3), всевѣдѣнія (Мтѣ. XI, 27; Іоан. I, 47—50), вѣчное существованіе (Іоан. VIII, 58; XVII, 5; Откров. Іоан. I, 8; XXII, 13), равенство (Іоан. V, 17. 19. 21. 26) и единство съ Богомъ Отцемъ (Іоан. X, 30; XIV, 10), одинаковое право съ Нимъ на почитаніе со стороны людей (Іоан. V, 23) и на вѣру ихъ (Іоан. XIV, 1). Говоритъ ся о Немъ и какъ о Творцѣ міра (Іоан. I, 3; Кол. I, 16; Евр. I, 2; II, 10) и какъ Мірохранителѣ (Кол. I, 17; Евр. I, 3). Наконецъ Онъ называется „Образомъ Бoga невидимаго, рожденнымъ прежде всей твари (Кол. I, 15; 2 Кор. IV, 4; Филип. II, 5), „Слѣніемъ славы и образомъ ипостаси Отчей (Евр. I, 3), существомъ, въ которомъ „Божество обитаетъ тѣлесно“ (Кол. II, 9; ср. Іоан. I, 14) и прямо Богомъ (Іоан. I, 1 Римл. IX, 5; Тит. II, 13).

жизни, но въ то же время утверждается, что нѣкоторое основаніе для этого явленія заключалось уже и въ первоначальномъ устройствѣ человѣческой природы. Можно сказать, что, по мысли Шлейермахера, явленіе Христа есть собственно дѣло первоначальной человѣческой природы или реальное осуществленіе, воплощеніе въ Его лицѣ тѣхъ идеальныхъ духовныхъ задатковъ, которые изначала были заложены въ человѣческой природѣ, но только что это дѣло, это осуществленіе возводится къ вѣчному божественному акту, какъ причинѣ. Шлейермахеръ пытается ослабить и въ земной жизни І. Христа все чудесное, сверхъестественное, и даже такое великое чудо, какъ чудо воскресенія Его изъ мертвыхъ, объясняетъ естественнымъ образомъ (какъ пробужденіе отъ летаргіи). Вообще чудеса І. Христа, о которыхъ рассказываютъ намъ Евангелія, по мнѣнію Шлейермахера, не должны и не могутъ служить „составною частію въ ученіи о Его лицѣ“; ихъ значеніе только символическое, но не догматическое¹⁾. Такое уклончивое отношеніе нашего богослова къ чудесному въ лицѣ и жизни І. Христа объясняется ближайшимъ образомъ односторонностію понятія его о сверхъестественномъ вообще. Сверхъестественное, откровенное по Шлейермахеру есть всякое новое, оригинальное начало или явленіе, особенно въ религіозной жизни, поскольку оно не объяснимо, какъ необходимое слѣдствіе, изъ того круга явленій, въ которомъ обнаруживается; но съ другой стороны оно не есть исключительно и божественный актъ, а есть вмѣстѣ и дѣйствіе „силы развитія, имманентно присущей нашей природѣ, какъ роду“. Въ свою же очередь это понятіе о сверхъестественномъ было прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ полупантеистическаго направленія всей философско-богословской системы Шлейермахера. Великою заслугою этого богослова обыкновенно считаютъ то, что своимъ ученіемъ

¹⁾ Christl. Glaube. Zweiter Bf. p. 84 (§ 99).

о христіанствѣ онъ первый представилъ научный опытъ примиренія двухъ противоположныхъ и всегда враждебныхъ между собою направленій богословія, супранатурализма и раціонализма, но на самомъ дѣлѣ этотъ опытъ, какъ покоющійся на полупантеистической основѣ и слишкомъ склонившійся на сторону раціонализма, не только не можетъ быть признанъ великой заслугой Шлейермахера, но даже долженъ быть поставленъ въ упрекъ ему со стороны православнаго богослова. Опыты примиренія указанныхъ направленій если и могутъ быть дѣлаемы, то не иначе, какъ только съ теистической точки зрѣнія на Бога, какъ единственно истинной, и подъ непосредственнымъ руководствомъ авторитета Св. Писанія и церкви Христовой.

Θ. Орнатскій.

О ШТУНДИЗМѢ.

Условія его происхожденія и развитія, и мѣры потребныя православной Церкви для борьбы съ нимъ.

(Продолженіе *).

II.

Распространеніе штундизма.

Исторія штундизма въ с. Керданахъ. Первые совращенія. Тайныя собранія штундистовъ: споры съ православными и новыя совращенія; мое посѣщеніе штундистовъ. Превращеніе штундистовъ изъ тайныхъ въ явные. Устройство ими публичныхъ собраній въ центрѣ села. Первая попытка штундистовъ погребсти дѣтя, крещенное въ православной Церкви. Условіе толковъ объ иконопочитаніи, крестномъ знаменіи, св. храмахъ и проч.; утрировка текстовъ Св. Писанія; брань на св. Воинихъ угодииковъ и въ особенности на св. отцевъ Церкви; наругательства надъ святинею въ узоръ православнымъ. Сильное впечатлѣніе штундовой агитаціи на православныхъ; тяжелое раздумье однихъ, измѣна другихъ, выжидательное положеніе третьихъ (большинства). Тяжелое положеніе священника: требованіе отъ него громады писать Начальству о штундистахъ; отношеніе штундистовъ къ личнымъ бесѣдамъ и проповѣди священника; ругательства надъ нимъ. Дѣло о штундовыхъ собраніяхъ. Погребеніе дѣтяти, принадлежащаго штундистамъ, но крещеннаго въ православной Церкви: оскорбленіе священника всенародно; отзывъ Таращанской полиціи. Первый бракъ штундистовъ. Штундовыя собранія: въ чемъ они состояли; эффектная сцена въ связи съ новымъ состояніемъ обращенныхъ; громкое мнѣніе штундовыхъ собраній на православныхъ. Примѣръ ревности грамотника о православной вѣрѣ противъ еретиковъ. Мысль объ открытіи православныхъ собраній и самое открытіе. Посѣщеніе нами штундоваго собранія. Порядокъ и содержаніе бесѣдъ съ православнымъ народомъ; значеніе этихъ бесѣдъ. Отношеніе къ Таращанской полиціи по дѣлу о прекращеніи штундовыхъ собраній и отзывъ ея. Образецъ жалобы православнаго общества на штундистовъ, не поданной впрочемъ въ судъ. Умноженіе штундистовъ. Дѣло о погребеніи некрещенаго дѣтяти на православномъ кладбищѣ. Первое публичное крещеніе въ вѣрѣ 10 человекъ Петербургскимъ гостемъ; впечатлѣніе на штундистовъ Петербургскихъ новостей. Настроеніе духа православныхъ: уныніе однихъ, охлажденіе къ вѣрѣ, страсть къ осужденію Церкви и своеволие другихъ, твердость въ вѣрѣ и благочестіи третьихъ. Несчастія, постигшія въ послѣднее время с. Керданы: неудачное переселеніе въ Харсовс. губ. и большой пожаръ. - Заключеніе.

Чтобы наши замѣчанія о распространеніи штундизма, (раскрытыя въ прежней книжкѣ Трудовъ Академіи), не показались отвлеченными и не основанными на фактахъ, мы

*) См. Труды Киевск. д. Акад., январь февраль и мартъ 1884 г.
Труды Киев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

постараемся, хотя вкратцѣ, предложить разсказъ о томъ, какъ возникъ и распространился штундизмъ въ селѣ Керданахъ, чему свидѣтелемъ былъ отчасти и я. Село Керданы примыкаетъ непосредственно къ Таращѣ, и именно съ той стороны, въ которой лежитъ часть Таращанскаго прихода—Лысая Гора: эта часть болѣе всего, говорятъ, заражена штундизмомъ. Здѣсь живутъ болѣе крупные пропагандисты штундизма (Старинскій, Мовчанюкъ, Колесниченко и др.). Здѣсь уже давно устраиваются собранія, на которыя ходятъ штундисты изъ окрестныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этой близости, весьма естественно было совершиться пересадкѣ штундизма отсюда въ с. Керданы. Село это соединяется съ Таращей „куткомъ“, называемымъ „Новоселицей“. Кутокъ этотъ, состоящій изъ 15 дворовъ, населенъ очень недавно и составилъ изъ тѣхъ селянъ, которымъ не было мѣста въ центрѣ самаго села и которыхъ общество выселило на свободные участки. Народъ здѣсь, вообще говоря, небогатый. Кутокъ этотъ довольно изолированъ, будучи очень рѣзко отдѣленъ отъ самаго села глубокимъ яромъ, садами и рощами. Здѣсь, вблизи Таращанскихъ штундистовъ и за глазами священника и сельской власти, удобнѣе всего было приняться штундѣ. (Я знаю очень хорошо, что на это мѣсто нынѣшній священникъ (мой отецъ) уже давно взиралъ съ тревогой, — отчетливо перебиралъ всѣхъ тамшнихъ обитателей и старался дать имъ соответствующія наставленія. И не смотря на это, все-таки штундизмъ привился здѣсь). Между жителями „Новоселицы“ есть крестьянинъ Кузьма Гардашъ (Слободявъ). Этотъ человекъ безземельный, и въ добавокъ къ этому, еще крайній лѣнтяй. Онъ уже давно замѣченъ былъ по своему индифферентизму и склонности къ воспріятію чего-нибудь новаго, чужаго. Однажды, напр., привѣчалъ къ раскольнику Сербину, арендовавшему часть поля подъ Керданами, раскольничій попъ. Этотъ послѣдній не пропустилъ здѣсь случая повеличаться предъ православными и даже нѣкоторыхъ благословлялъ. Кузьма былъ въ то время

въ услуженіи у Оербина. Онъ говоритъ, бывъ равнодушенъ къ великорусскому расколу и очень почитителенъ къ апопастырю. Этотъ человекъ первый побратался и со штундистами. Дѣло происходило тогда три назавтра такимъ образомъ. Однажды въ „Новоселанду“ попалъ „по дѣлу“ (заглядывавъ валокъ въ тряпной мѣлванцы) Тираццанскій мѣщанинъ — штундистъ Колесайченко. Къ бывшимъ здѣсь людямъ онъ обратился съ обычной, довольно рваного характера проповѣдью. Приглашенный послѣ сего Кузьмой на домъ, онъ, поначалу, тогда же положилъ первыя сѣмена своего вѣрнiя. Провещанiя Мовчанюва и другихъ продолжалось и зачастились. Еще прежде Кузьма умѣлъ кое-какъ брести по нимъ. Съ приходщими къ нему штундистами онъ началъ разбирать слово-по-слову Н. Завѣтъ. Что здѣсь не могло быть скольконибудь искреннаго убѣжденiя, понятно само собою. Человекъ давно уже былъ безъ вѣры, и началъ мыслить: понятно, что все, что ни внушалось ему здѣсь, было хорошо для него, т. е., въ сущности не было таковымъ, а принималось имъ, какъ хорошее. Онъ старается показать другимъ, что наконецъ-то онъ поймалъ истину. Но на первыхъ порахъ Кузьма долго еще лицемерствовалъ и тайкомъ быть можетъ, ему еще страшно было и предъ своею совѣстью и передъ людьми вывѣстись. Нарѣдка лишь, бывало, вырвется отъ него необострожно сказанное слово. Священникъ, услышавъ объ этомъ, старался образумить его: ходилъ къ нему на домъ; бесѣдовалъ при встрѣчахъ. Кузьма притворяется ничего не вѣдущимъ и увѣряетъ въ неосновательности слуховъ про него. Въ добавокъ же ко всему этому, онъ сталъ ходить въ церковь къ Богослуженiю чаще, чѣмъ прежде, а въ Великій Постъ онъ говѣлъ съ видимымъ благоговѣнiемъ и какъ будто — страхомъ. Однакоже недобрые слухи относительно него не прекратились. Стали говорить, что у Кузьмы устраиваются большія сборища, что въ нихъ участвуютъ уже нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Таковымъ былъ между прочими солдатъ Семеновъ Давиденко

(Ступка), человекъ бѣдный. Эти два человека — Кузьма Гардашъ и Семенъ Давиденко на первыхъ порахъ много усердія прилагали къ обращенію другихъ: ибо въ семь штундисты полагаютъ особенно угодное Богу дѣло. Съ проповѣдью они обращались не только при случайныхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ людьми, но и нарочито бродили по всему селу, чтобы склонять приставать до нихъ. Съ этихъ поръ уже ясно стало, что эти двое совратились, но еще никакъ нельзя было ожидать, чтобы въ это время уже подготовлены были къ отпаденію и многіе другіе.

Первымъ случаемъ къ обнаруженію отступничества Семена Давиденко послужила смерть его жены, умершей въ общеніи съ Церковію. Съ напряженнымъ любопытствомъ православные слѣдили за тѣмъ, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ Давиденко. Приходитъ онъ къ священнику съ явнымъ намѣреніемъ побраниться; для большаго же успѣха приволокъ съ собою солдата Старинскаго. „Идите хоронить мою жену, только, чтобы не было у васъ ни хоругвей, ни креста...“ таковы были первыя слова Давиденко.— „А это что за человекъ?“ обратился съ вопросомъ къ Давиденко священникъ. „Я“, отвѣчаетъ Старинскій, „пришелъ съ своимъ братомъ до васъ вмѣстѣ, чтобы не дать его вамъ въ обиду“...— „Въ обиду?... Не довольно того, что ты уже и такъ много зла надѣлалъ у меня въ приходѣ, что ты соблазнилъ, совратилъ и погубилъ много душъ, ты еще не посовѣстился ко мнѣ въ домъ придти. Я помню, какъ ты на похоронахъ у NN недавно возмущалъ громаду... Кто тебя проситъ? Уйди прочь! Ты пришелъ безъ всякаго дѣла“... Старинскій стоятъ. Приказаніе было повторено, и Старинскій вышелъ. Удаленъ онъ былъ потому, что, дѣйствительно, былъ лишній, да и, по правдѣ сказать, толку бы съ нимъ никакого не вышло. Послѣ этого Давиденко объяснилъ, что онъ не желаетъ ни хоругвей, ни креста, потому что это все идолы; а между тѣмъ XVII гл. Дѣяній говоритъ намъ, что „мы не должны думать, что Божество

подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго“... (ст. 29). Въ отвѣтъ ему на это, послѣдовало разъясненіе, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ. Идолы—это были издѣлія изъ какаго-нибудь матеріала, которыхъ язычники чтили, какъ самихъ боговъ: обращались къ нимъ собственно съ молитвою какъ къ живымъ существамъ, ставили ихъ въ храмахъ на первомъ и главномъ мѣстѣ, и думали, что только здѣсь боги ихъ и присутствуютъ, приносили жертвы и куренія и думали, что ихъ боги, какъ люди, только отъ рукъ человѣческихъ (приношенія) угожденія приѣмлютъ, одѣвали ихъ, поили, кормили, украшали, думая, что эти ихъ боги, какъ и люди, могутъ забнуть, любить щеголять убранствомъ, могутъ испытывать голодъ и жажду. Апостолъ Павелъ за это и упрекаетъ язычниковъ говоря, что „Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ; и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ-либо нужду, Самъ дая всему жизнь, дыханіе и все“ (ст. 24—25). „Сотворивъ родъ человѣческій отъ единыя крове и назначивъ ему предопредѣленные времена и предѣлы обитанія“, Божь тѣмъ самымъ уже указалъ человѣку цѣль—искать Его не въ чемъ-либо видимомъ и временномъ, а въ чемъ-то другомъ... По словамъ Апостола, Онъ не далеко отъ насъ: „ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ... мы Его и родъ“... Если же мы, будучи Его созданіемъ и вмѣстѣ родомъ, имѣемъ душу живу, имѣемъ разумъ, имѣемъ волю и сердце, то тѣмъ паче Богъ давшій намъ все это. Богъ есть Духъ всесовершенный и безконечный, а не бездушный камень или металлъ, какъ думали о Немъ язычники. Это и выражаетъ Ап. Павелъ словами: „итакъ, мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства человѣческаго“ (Д. 17, 29). Теперь обратимся къ себѣ са-

мишь и спросишь себя: такъ ли и мы принимаемъ иконы, какъ принимали язычники своихъ идоловъ? и такъ ли мы думаемъ о Богѣ, какъ язычники о Немъ думали? Мы молимся предъ иконами, но не къ нимъ; мы обращаемся къ иконамъ лицомъ своимъ, а сердцемъ и умомъ мы обращаемся къ Богу и святымъ, на нихъ изображеннымъ; мы чувственными очами взираемъ на иконы, а духовнымъ взоромъ проникаемъ въ міръ невидимый — къ обителямъ Отца Небеснаго и святыхъ. Стоя на молитвѣ, мы говоримъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, Царю Небесный, Отче нашъ, Богородице Дѣво... Но говоримъ это не иконамъ, а первообразамъ. Даже, мы не думаемъ, что Богъ нашъ только въ храмахъ, мѣстахъ нашихъ моленій, или тамъ, гдѣ икона, мы не приносимъ иконамъ жертвъ для ихъ насыщенія, не возносимъ имъ куреній для ихъ обонанія, мы не украшаемъ и не одѣваемъ ихъ, какъ самыя живыя существа. Мы хорошо знаемъ, что Богъ, будучи Господомъ, неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо нужду. Воистину Богъ есть Духъ всесовершенный, и неподобенъ Онъ въ своемъ существѣ ни золоту, ни серебру, ни дереву. Но какъ же ты представишь себѣ Духъ? Спаситель міра, будучи образомъ Божиимъ, однакоже облечся въ тѣло, чтобы явиться міру. Иначе, какъ бы Онъ, будучи Духомъ, могъ явиться нашимъ тѣлеснымъ очамъ? Такъ и мы беремъ вѣщныя образы для напоминанія внутренняго, духовнаго. Иконы существуютъ у насъ единственно для напоминанія, какъ картины міра духовнаго. Вотъ и въ настоящемъ случаѣ для него у насъ употребляютъ при погребеніи хоругви и крестъ? Ты провожаешь въ вѣчность свою покойницу жену: съ отчаяніемъ ли въ сердцахъ ли будешь дѣлать это? Нѣтъ. Крестъ, орудіе спасенія нашего и хоругви — знакъ духовнаго торжества и знаменіе побѣды утѣшать тебя, если ты станешь смотрѣть на нихъ, видя защитнымъ образомъ. Крестомъ мы спасены отъ вѣчной смерти;

итакъ, не мѣсто при погребеніи отчаянной скорби. Смерть для истиннаго христіанина скорбе должна быть духовнымъ торжествомъ; ибо смерть о Господѣ, по нашему упованію, есть рожденіе въ вѣчную жизнь: сіе между прочимъ показываютъ для тебя хоругви. — Послѣ этихъ объясненій Давиденко былъ въ нѣкоторой нерѣшительности и наконецъ сказадь, что у него „некому вестъ все это“... Тѣмъ дѣло и кончилось. Погребеніе совершилось съ процессіей: крестъ и хоругви несли православные. Штундисты между тѣмъ шли кучей издали за процессіей. Подъ кладбищемъ они остановились; пошелъ за гробомъ только мужъ покойной...

Тотчасъ послѣ погребенія жены Давиденко поднялись у штундистовъ хлопоты женить своего вдовца. Выбрали гдѣ-то (въ Чаплинѣ или Косаковѣ) подходящую ему пару и стали распускать слухи, что-де вотъ братъ ихъ Семенъ уже вѣнчаться будетъ штундовымъ пресвитеромъ. Въ громадѣ между тѣмъ тоже стали носиться толки про это; но только еще неблагоприятныя для затѣи штундистовъ: поговаривали, что если Давиденко обвиняется незаконнымъ образомъ, да еще въ такой короткій срокъ послѣ смерти жены, на него всѣ посмотрятъ, какъ на блудника. Не знаемъ, поэтому ли или почему либо другому, но свадьба эта не состоялась.

Послѣ этого происшествія послѣдовало на нѣкоторое время затишье, но это только съ виду такъ могло казаться; на самомъ дѣлѣ въ это время шла оживленная тайная работа штундовой пропаганды по упроченію положенія своихъ послѣдователей въ Керданскомъ приходѣ; и кажется, въ это затишье больше всего было сдѣлано подготовки къ дальнѣйшимъ волненіямъ. Прежде всего собранія штундистовъ стали многочисленнѣе и при томъ устраивались уже болѣе открыто. Сельское начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, а среди жителей нашлось много любопытныхъ, которые стали приходить смотрѣть, что тамъ дѣлается. Штундисты завели съ ними споры. Я не былъ свидѣтелемъ этихъ преній, но судя по тому, что слышать о нихъ при-

ходило, можно положительно сказать, что они обанчивались либо ничѣмъ, либо даже въ пользу штундистовъ, такъ какъ православные дѣйствовали простой доморослой діалектикой, природнымъ здравымъ смысломъ, штундисты же вычитывали все, что имъ хотѣлось, изъ книжки. Пожалуй, и сами-то они мало смыслятъ, но по крайней мѣрѣ на ихъ сторонѣ то, что они могутъ одно читать, другое опускать, да и въ толкованіяхъ излюбленныхъ ими мѣстъ они большіе мастера, по крайней мѣрѣ—на столько, чтобы поставить въ тупикъ того или иного простеца. Вотъ въ такое время, по всей вѣроятности, набралось еще нѣсколько человѣкъ тайныхъ послѣдователей. (Кр. Козаченко, по прозвищу Малеваный (молодой), Бузынныя, по прозвищу Саи — отецъ съ тремя сыновьями и нѣкоторые другіе). Однажды (сколько помнится, въ Рождественскіе святки 1879 г.) пришлось и мнѣ зайти къ Кузьмѣ Гардашу. Я засталъ здѣсь за трапезой какого-то посторонняго человѣка; кромѣ него, здѣсь были и нѣкоторые, считавшіеся еще православными, а на самомъ дѣлѣ бывшіе потаенными штундистами; таковы, напр., молодые Бузынныя (Саенки). Зашелъ у насъ разговоръ о собратіяхъ у Космы. Косма и гость его сказали, что они ничего дурнаго здѣсь не дѣлаютъ: „теперь кто у корчмы, а мы читаемъ и поемъ“. Сознались, что они иногда здѣсь и поютъ, въ доказательство же того, что это пѣсни духовныя, не дурныя и не предосудительныя, они хотѣли пропѣть мнѣ. Къ счастью своему, я заблаговременно отказался слушать ихъ псалму... Тогда они мнѣ дали въ руки Евангеліе на русскомъ языкѣ и просили—прочитать и сказать что вибудь имъ въ назиданіе. Я прочиталъ имъ, кажется, гл. II, 2 собор. Посл. Петра, съ отвѣтственными примѣчаніями о лжепророкахъ. Послѣ этого меня просили прочитать мѣсто изъ посл. къ Гал. V, 19—26. Трактую указываемые здѣсь пороки—дѣла плоти, я остановился въ особенности на „враждѣ, ссорахъ, зависти, гнѣвѣ, разногласіи, (соблазнахъ), ересеяхъ, нена-

висти" (ст. 20, 21), ударя въ особенности на то, что, если вѣрить слухамъ въ народѣ, то все это (и вражду и ссоры...) именно они—мои собесѣдники, вносятъ въ нашу приходскую жизнь. Штундисты къ такому моему замѣчанію отнеслись очень спокойно. Съ видомъ совершенной невинности, они стали рассказывать всякую всячину про „людей“,— т. е., своихъ сосѣдей и вообще селянъ, которые будто бы считаютъ ихъ штундистами лишь потому, что сами ничего не понимаютъ. Кажется, по поводу слова „идолослуженіе“, меня спросили: сказано ли въ Св. Писаніи что нибудь объ иконахъ? при этомъ говорили, будто ихъ кто-то увѣрялъ, что въ Писаніи гдѣ-то объ этомъ прямо сказано. Я отвѣтилъ имъ, что въ Писаніи есть положительныя основанія къ почитанію и употребленію иконъ, но нѣтъ прямой заповѣди. Помнится, указывалъ я на ветхозавѣтные примѣры употребленія изображеній; сказалъ объ употребленіи ихъ въ христіанской Церкви со временъ І. Христа (нерукотворенный образъ) и апостоловъ и объ утвержденіи преданія о нихъ на 7 всел. соборѣ (787 г.).

Когда я ушелъ оттуда, я никакъ не могъ ожидать, чтобы мое посѣщеніе и бесѣда съ бывшими у Кузьмы были утилизированы штундистами въ свою пользу; тѣмъ болѣе, что, казалось мнѣ тогда, въ числѣ собесѣдниковъ моихъ были и православные, пришедшіе по случаю моего прихода изъ любопытства. На дѣлѣ оказалось противное. Собесѣдники и слушатели мои были большею частію тайные штундисты. И вотъ, стали послѣ этого разглашать, будто и я хвалилъ ихъ за все, да при томъ еще говорилъ, что объ иконахъ совсѣмъ ничего нѣтъ въ Св. Писаніи, что это потому о нихъ „выдуманно“. Разглашали объ этомъ, конечно, тайно и настолько осторожно, что узналъ я объ этомъ много времени позже. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь по случаю сего подвигся умомъ, но Богъ свидѣтель, что я ничего не говорилъ въ томъ смыслѣ, какъ разгласить старались эти люди, сожженные въ своей совѣсти.

Спустя немного времени еще въскольке приверженцевъ шундизма изъ тайныхъ перешли въ явные; мѣсто же этихъ тайныхъ заступили другіе. Между крестьянами, открыто пререшедшими въ шундизмъ, нужно сказать о цѣлой фамиліи (Бузынскихъ, по прозванію Саевъ), выставившей изъ себя самыхъ ярыхъ приверженцевъ шундизма. Фамилія эта состоитъ изъ стараго отца—Федора, трехъ его взрослыхъ сыновей—Харитона, Авксентія и Артемона (солдата), одной дочери и двухъ вѣстовъ. И все эти люди, кроме дочери, (тогда еще незамужней), горячо предались шундизму. Очень хорошо извѣстно жителямъ с. Керданавъ, что это были за люди и прежде: безпачоудные, нравомъ неуживчивые, вѣдно раздражительные, задорны, въ добавокъ къ этому, державшіеся всегда особнякомъ и смотрѣвшіе на всѣхъ—что на выскочки—волдами. Вотъ такимъ-то людямъ шундизмъ былъ оцѣненъ на руку; было имъ на комъ и на чемъ согнать злость свою, доселѣ скрыто въ нихъ пребывавшую (только рѣдкѣ, иногда находившую для себя выходъ въ мелкихъ ссорахъ съ другими). Съ переходомъ этой фамиліи въ шундизмъ, огромный базаисъ шундовой агитаціи передвинулся съ окраины въ центръ села. Бузынские (Савы) живутъ на старѣйшей и главнѣйшей улицѣ с. Керданавъ, такъ называемой „Яценкивщина“; къ часъ, по объявленіи отпаденія Бузынскихъ (Саевъ) отъ Церкви, шундовыя собранія стали у нихъ устраиваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность къ болѣе широкому и постоянному вліянію пропагандистовъ на православныхъ.

Въ томъ же году случилось въ с. Керданахъ происшествіе, которое открыло собою рядъ другихъ подобныхъ. Хотя шундизмъ въ с. Керданахъ уже открыто заявилъ себя, но онъ еще не былъ признанъ никѣмъ гласно,—ни со стороны уѣзднаго начальства, ни со стороны громады. Относительно уѣзднаго начальства шундизмъ, кажется, еще и тогда, былъ споренъ. Труднѣе ему было сладить съ громадой. Хотя онъ всѣми мѣрами старался расположить громаду въ примиренію

съ собою, однакожь послѣдняя далека была еще отъ этого примиренія; а тѣмъ болѣе она не могла его терпѣть тамъ, гдѣ затрогивались интересы всего православнаго общества. Какъ ни видѣли шундисты предъ православными, какъ ни притворялись они тѣми же христіанами, только будто бы стремящимися къ болѣе чистой жизни, все же громадѣ уже было довольно ясно, что это за люди и ихъ ученіе, и каково ихъ отношеніе къ Церкви и вообще къ православнымъ, Надлы выходили въ отношеніи къ священнымъ предметамъ, циническія выраженія на счетъ Церкви, святыхъ, различныхъ таинствъ и обрядовъ, самохвалство еардсейское и лицемеріе этихъ праведниковъ (о чемъ ниже будетъ сказано) не могло не бросаться въ глаза людямъ исто-православнымъ, любившимъ и прежде Бога и своего ближняго свято, безкорыстно и не лицемерно, не могшимъ и теперь равнодушно смотрѣть на мерзость заступивія на мѣстѣ святѣ. Такіе люди, — а ихъ еще и теперь есть не мало, — смотрѣли на этихъ выскочекъ съ достойнымъ отвращеніемъ. Не диво, если они постоянно съ негодованіемъ встрѣчали всякое посягательство шундистовъ на права и совѣсть православныхъ. — Упомянутое выше происшествіе было таково. Умерло у Кузьмы Гардаша дитя, крещенное въ православіи. Это послѣднее обстоятельство для Кузьмы Г., конечно, ничего бы не значило, и онъ нисколько бы имъ не постыжлся, чтобы погребсти дитя по своему обряду, но тутъ помѣхой ему стала жена. Не смотря на всѣ издѣвательства мужа надъ ея вѣрою, она все-таки оставалась тогда еще православною¹⁾, и вотъ она теперь рѣшительно воспроти-

¹⁾ Про эту женщину молва гласила, будто она только для виду православная. Не знаю, какою она пребываетъ нынѣ. Но мнѣ тогда казалось, — да и теперь такъ кажется, — что это — женщина въ душѣ искренно православная, и при томъ съ яснымъ, разумнымъ взглядомъ на вещи. Она не довольна легкомысліемъ, невѣріемъ и отступничествомъ своего мужа, давно скорбитъ о его несороченности, старается исправить его и обратить на путь истины. Но при этомъ она считаетъ для себя не лишнимъ присматриваться и къ шундистамъ, видя въ себѣ пользу въ томъ, чтобы слушать ихъ ученіе отъ Божественныхъ

вилась желанію мужа похоронить дитя „по штундовому“. Было дано извѣстіе отъ жены Гардаша священнику, чтобы онъ шелъ хоронить дитя; между тѣмъ мужъ созвалъ своихъ единомышленниковъ—Керданскихъ штундистовъ и своихъ учителей Таращанскихъ. Такъ какъ собравшіеся штундисты обнаружили желаніе взять верхъ насиліемъ, то сюда явился сельскій староста Іерофей Гуменюкъ и личнымъ присутствіемъ удерживалъ ихъ отъ произвола. Пока шли приготовленія къ погребенію со стороны причта (выдавали проводъ, покрывало, книги), на „новоселицкомъ куткѣ“ разыгралась такая исторія. Штундистамъ удалось какъ-то сманить куда-то на сторону старосту. Послѣ этого они, не смотря на протесты матери, подняли маленькаго покойника и понесли его съ пѣніемъ псалмовъ на кладбище. Семенъ Давиденко былъ, кажется, въ роли предстоятеля, пресвитера, проповѣдника, и несъ въ рукахъ Евангеліе. Дорога къ кладбищу отъ Новоселицы шла черезъ глубокій яръ, отдѣляющій этотъ кутокъ отъ главной части прихода.

писаній, поэтому она не бѣгаетъ и отъ еретическихъ собраній въ своемъ домѣ. „Про мене“, разсказывала она, „люде говорить, піби бѣ то й я штундова: некай собі кажуць. Я хожу и въ церковь Богу помолицца, а тутъ послухаю, що вони читають; аже й то Слово Боже... Я їхъ слушаю, а розуму свого не кидаю“. Такъ разсуждаетъ и открыто замываетъ предъ своими мужемъ и другими штундистами эта женщина. Совсѣмъ иначе держитъ себя въ отношеніи къ ней ея мужъ. Фанатическая нетерпимость проникла всѣ отношенія его къ своей женѣ: насилья, издѣвательства и насиліе надъ ея совѣстію были постоянными. Разсказываютъ, напр., слѣдующее. Жена протнвилась иконоборству мужа. Послѣдній старался какъ-нибудь досадить женѣ за это; и вотъ, однажды сооронилъ съ нею такую милую шутку. Въ ея отсутствіе онъ вынесъ икону Св. Николая въ „повитку“ и поставилъ въ асляхъ. Когда воротилась жена, то, понятно, была очень обижена, не найдя въ домѣ на своемъ мѣстѣ „образа“. Выйдя изъ хаты, Кузьма спустя нѣкоторое время воротился къ женѣ съ докладомъ, что „ея Николай—тамъ въ загороді въ асляхъ, змерзъ дуже (очень озабъ) и проситъ до хаты... Піди ипшень, забери“... НВ. Статья эта была готова, какъ я получилъ извѣстіе, что и эта женщина уже штундистка: не ходитъ въ церковь къ Богослуженію, не гохла и двоихъ дѣтей держитъ не крещенными. Какъ это превращеніе съ нею случилось?—Лицеѣрствовала ли она, когда говорила о своей приверженности къ православной Церкви, или же она говорила тогда искренне, совратилась же потомъ, подъ вліяніемъ своего мужа, не знаю: Богъ этому истинный свидѣтель и Праведный Судя.

Вотъ уже толпа штундистовъ прошла яръ и стала взбираться по крутому скату на другую сторону, гдѣ, надъ самымъ яромъ, находится сельское кладбище. Въ это время съ горы напротивъ процессіи спускалось нѣсколько человекъ, несшихъ „проводъ“, взятый изъ церкви. Въ числѣ несшихъ проводъ былъ и сотскій, посланный сельскимъ старостою въ церковь нарочно „ради порядку и скорости“. Услышавъ крикъ штундистовъ, стали сбѣгаться и другіе православные напротивъ процессіи. Повстрѣчавшись съ штундистами, православные рѣшились воспрепятствовать ихъ дѣлу. Сотскій сперва потребовалъ отъ штундистовъ бросить начатое и разойтись. Штундисты и не думали исполнять это требованіе. Сотскій тогда поставилъ въ сторонѣ крестъ и рѣшился разогнать процессію силою, въ чемъ, конечно, поддержали его остальные православные. Началось, кажется, съ того, что сотскій бросился къ предводителю Давиденкѣ и выхватилъ у него Евангеліе. Штундисты схватились съ сотскимъ и поддерживавшими его православными. Произошло рукопашное побоище, въ результатѣ котораго оказались порядочно измятые бока сотскаго, а также царапины на лицѣ и разорванная рубаха у одного изъ православныхъ (имени и фамиліи не помню). Хотя собственно православные были стороной побѣжденной и болѣе потерпѣвшей (ибо ихъ меньше было), но штундистская процессія все-таки разстроилась. Штундисты не посмѣли идти дальше, хотя кладбище было уже подъ бокомъ. Они оставили гробъ въ рукахъ православныхъ и сами отошли въ домъ Кузьмы. Гробъ былъ отнесенъ православными на кладбище и поставленъ на краю ямы въ ожиданіи священника. Пока разыгрывалась эта трагедія, мы положительно ничего не знали. Я и отецъ мой шли въ домъ Кузьмы для выноса тѣла, какъ вдругъ одинъ изъ крестьянъ издали сталъ кричать намъ: „батюшка, батюшка! не безпокойтесь уже ходить, бо штунды вже давно поховалы дытя“...— „Какъ такъ? Неужели?!..“— „Правда, ба-

тешка. Тутъ такой галасъ поднялъ: на все село чуть было... — „Э, да это — человекъ ненадежный; я его знаю“...; сказалъ отецъ. Насъ звали, такъ съ какою же стати намъ назадъ идти? Пойдемъ, увидимъ и узнаемъ, какъ было; притомъ же дитя мною крещено“... Вскорѣ насъ встрѣтили крестьяне съ извѣстiемъ, что гробъ уже на кладбищѣ и рассказали вкорогѣ, какъ было дѣло. Мы поворотили къ кладбищу. Здѣсь уже насъ ждали. Отпѣванiе совершилось нами надъ самымъ гробомъ. Плакала горько при этомъ мать ребенка. Присутствовалъ и отецъ; по виду онъ былъ спокоенъ; пособлялъ вѣдать въ могилу своего ребенка. Во время отпѣванiя сказаны были два поученiя, — одно — на Евангельскiй текстъ: ядый Мою плоть и пий Мою кровь иматъ животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣднiй день (Иоан. 5, 54) — о таинствѣ причащениа Тѣла и Крови Христовой, какъ залогъ безсмертiя и увѣрении (ручательствѣ) будущаго воскресенiя (утѣшенiе плачущей матери), — другое — на тему — о значенiи смерти въ раннемъ возрастѣ по объясненiю автора Прем. (4, 7—20) съ указаниемъ на то, что праведникъ иногда изымается изъ среды людей для спасенiя отъ развращенiя въ будущемъ, и что дѣти, умирающiе о Господѣ, иногда превосходятъ въ мудрости тѣхъ, которые бывають исполнены лѣтъ. Послѣ погребенiя мы приглашены были матерью погребеннаго младенца въ домъ. По дорогѣ мать обращалась къ намъ съ такого рода вопросомъ: „какъ тутъ мнѣ треба буты? Кажуть мнѣ, що мужъ глава жены (Еф. V, 23); значить я его повинна слухать: выходить, якъ вінъ туды (т. е. въ штунду) верне, то й я повинна туды жь?“... Мы отвѣчали ей на это въ томъ смыслѣ, что эти слова Апостола Павла имѣють полное приложенiе тамъ, гдѣ мужъ и жена вѣрны; вообще же говоря, въ дѣлѣ вѣры всѣ равны: о Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго; вѣра — дѣло ея совѣсти и убѣжденiя: поэтому никто не имѣеть права насильно заставить ее вѣровать иначе, чѣмъ какъ внушаетъ ей ея сердце и разумъ. Потомъ насъ еще

она спрашивала: „не бросить ли ей мужа? или—не попросить ли ей развода съ нимъ?“ Мы отвѣчали ей, что лучше оставаться ей съ мужемъ, хотя и невѣрнымъ, и нести терпѣливо крестъ свой, ибо Спаситель сказалъ намъ: «кто не беретъ креста своего, и не слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня» (Мѣ. 10, 38). Въ терпѣннн ей можно будетъ приобрести душу свою, и не свою только, но, если Богу угодно будетъ, то также и душу мужа: „невѣрующій мужъ, сказалъ тотъ же Апостоль, освящается женою вѣрующею... почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?“... (1 Кор. 7, 14, —16 и др.)— Та це то й воны читають, алыжъ воны все таки це на свое повертають... замѣтила наша совопросница. Пришли въ домъ. Отвѣли павникхиду въ хатѣ, а трапезу для насъ устроили въ клунѣ, такъ какъ хата у Гардаша очень тѣсна. Сюда же пришли и штундисты Таращанскіе и Керданскіе; за столъ они, конечно, не сѣли, а расположились въ сторонѣ, кто какъ и на чемъ могъ пристроиться. Зашла у насъ съ ними рѣчь по поводу сейчасъ бывшей у нихъ исторіи съ православными. Мы обличали штундистовъ (въ особенности пришлыхъ) за развратъ душъ и волненія, производимыя ими въ приходѣ. Тѣ съ своей стороны отвѣчали намъ, что они ничего злаго никому не дѣлають,—напротивъ, то, что они здѣсь совершаютъ, будто бы есть дѣло доброе; при этомъ выразили еще удивленіе тому, что мы беремъ обличать ихъ за произведенныя ими волненія въ приходѣ. Въ Таращѣ, по ихъ словамъ, они вольны дѣлать, что имъ угодно: „вы кажете, що мы не добре робимъ. Чомъ же у насъ, въ Таращѣ, попы вічого намъ не кажуть?... Мабуть то й по їхнему мы хороше діло робимъ“... Мы отвѣчали имъ въ томъ смыслѣ, что то, какъ въ другихъ мѣстахъ ихъ принимаютъ, дѣло не наше, что во всякомъ случаѣ не молчать, а проповѣдывать слово, настаивать, обличать, запрещать со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ—заповѣдаетъ Ап. Павелъ (2 Тим. 4 1—2), что мы впрочемъ не вѣримъ, чтобы и таращанское духовенство

совсѣмъ - такъ ничего имъ и „не казалось“ въ обличіе. Тѣмъ дѣло у насъ и кончилось.—Интересно было бы здѣсь знать еще, какъ отнеслась къ этому происшествію Таращанская полиція. Кажется, за все это дѣло, заваренное самими штундистами, отвѣчалъ одинъ сотскій, котораго дѣйствія въ настоящемъ случаѣ были хотя не умѣстны по формѣ, но совершенно законны по существу дѣла. Онъ вызванъ былъ къ приставу... Что тамъ ему было, мнѣ неизвѣстно. Только потому постоянно замѣтно было, что онъ боялся вмѣшиваться въ какія бы то ни было дѣла со штундистами.

Неудача штундистовъ въ двухъ случаяхъ не отняла у нихъ охоты къ дальнѣйшимъ буйствамъ. Напротивъ, полная безнаказанность ихъ за свои дѣйствія, имѣла послѣдствіемъ еще большую въ нихъ охоту къ совершенію безпорядковъ и причиненію оскорбленій совѣсти и религіозному чувству православныхъ. Я не могу въ настоящее время воспроизводить въ хронологическомъ порядкѣ тѣ или другіе мелкіе факты, сюда относящіеся, но я расположу ихъ такъ, какъ они слѣдовали группами, взаимно обуславливая другъ друга.—Прежде всего нужно замѣтить объ усиленныхъ толкахъ среди народа по тѣмъ или инымъ вопросамъ вѣры—толкахъ превратныхъ и дилектскихъ, но проводимыхъ агитаторами съ такою настойчивостію, что ни проповѣдію, ни частными бесѣдами нельзя было угнаться за ними. Таковы, напр., толки о почитаніи св. иконъ и св. креста, какъ идолопоклонствѣ, и о возложеніи на себя крестнаго знаменія, какъ запечатлѣніи себя печатію врага Божія (діавола или антихриста) и вторичномъ распятіи на себѣ Сына Божія. Народъ вашъ, какъ теперь, такъ и до явленія штундизма среди насъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать идолопоклонническимъ. Онъ принималъ иконы, какъ изображенія, но не какъ тѣ самыя существа, къ которымъ онъ съ молитвой обращался. Обычное названіе, которое на его языкѣ усвоилось иконамъ, это — „образа“,

образъ же и для простолюдина не есть самое существо. Другія названія и выраженія, которыя (впрочемъ очень рѣдко) приходится въ народѣ слышать („богій“, „божница“, „Боза“), могутъ развѣ на поверхностный взглядъ показаться чѣмъ нибудь языческимъ; болѣе же внимательное наблюденіе доказываетъ, что народъ употребляетъ (какъ и прежде употреблялъ) эти названія въ фигуральномъ, а не буквальномъ значеніи: вмѣсто „изображеніе Бога и святыхъ“ онъ просто говоритъ „богій“, или въ обращеніи къ дѣтямъ онъ вмѣсто икона или св. крестъ говоритъ „Боза“. (Потому же, думаю, и полка, гдѣ помѣщаются иконы, называется „божницей“¹⁾). Отрицая въ почитаніи

¹⁾ Мнѣ приходилось нѣкогда слышать выраженіе „снять богівъ“ (вмѣсто снять икону) со стѣн. Названіе полки, на которой ставится образа „божницей“ въ нашемъ народѣ стало обыкновеннымъ; дѣтямъ не рѣдко, указывая на икону, говорятъ: „молись до Бози“,—„цѣлуй Бозю“... Собираясь съ ними въ церковь, говорятъ: „ходимъ до Бози“ и проч. Конечно, подобныя выраженія и имена могутъ дать богатую пищу для тѣхъ, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе потѣшаться надъ „глупостью народа. Но если судить объ этихъ выраженіяхъ безъ шутокъ, серьезно, то въ нихъ не окажется ничего предосудительнаго. Народъ нашъ не на столько грубъ, чтобы считать дѣла рукъ человѣческихъ за божества. Въ этомъ можно, думаю, всякому рѣшительно убѣдиться, если добросовѣстно произвести экспертизу народнаго сознанія. Вотъ, напр., по случаю выраженія, снять богівъ“ я часто старался допытать у простолюдина, что онъ разумѣетъ подъ этимъ выраженіемъ, и всегда выходило, что подъ этимъ выраженіемъ не скрывается ничего языческаго. Услыхавъ отъ кого-нибудь это выраженіе, я обыкновенно спрашивалъ: „развѣ можно Бога снять?“ или: „такъ у васъ, („дядьку“ или „тію“) Богъ на полкѣ?“ Отвѣтъ всегда получался въ такомъ родѣ: „ѣ, борони Боже! Що це вы кажете? Це не Богъ, це окони“ или „де образы“.—„А гдѣ же Богъ?“ спросишь, бывало.—„А дежъ? на небі, десь тамъ—надъ нами?“ отвѣчали. Такъ зачѣмъ же вы говорите „снять богівъ“.—„Такъ, батю, люди кажутъ, то й мы такъ“... Очевидно, слово „богій“ употребилось въ несобственномъ смыслѣ—вмѣсто „образъ“ или „изображеніе“ Бога и святыхъ, слѣдовательно, есть не что иное, какъ фигура—метонимія, т. е., замѣна одного слова другимъ (первообразъ вмѣсто его образа). Но, быть можетъ, кто-нибудь возразитъ, что здѣсь вѣрнѣе будетъ предположить остатокъ первоистиннаго понятія нашего народа объ иконахъ, а не обыкновенную замѣну одного слова другимъ. (Что-то подобное, помнится мнѣ, провѣщаль и знаменитый Ив. Ласоцкій въ возраженіи на мою корреспонденцію въ Киев. Еп. Вѣдом.,—кажется, 1879 г.). Но почему же непременно нужно производить эти выраженія отъ времени яз-

Труды Киев. дух. Акад. 1884 г. т. I. 37

иконъ нашимъ народомъ присутствіе языческаго элемента, я не думаю утверждать того, что народъ въ отношеніи къ иконамъ руководится какими нибудь учено-богословскими соображеніями. Народъ относится къ иконамъ не какъ къ богамъ, а просто какъ къ „образамъ“ міра невидимаго, однако нельзя сказать того, чтобы это отношеніе его къ ико-

чества? Видъ говорятъ же у насъ весьма нѣрѣдко: „я купилъ царя“ вмѣсто купилъ портретъ Царя, „сними Царя“, „оботри нылъ съ Царя“, вмѣсто сними со стѣны портретъ Царя, сотри съ портрета нылъ. (Такъ мнѣ приходилось слышать въ Волост. Правленіи). Почему бы ужъ и здѣсь не заподозрить, что портретъ Государа Императора народъ принимаетъ и понимаетъ такъ же, какъ и самую Августѣйшую личность Государа? И ужъ не отнести ли происхожденіе и этого выраженія къ тому времени, когда народъ стоялъ на такой низкой ступени развитія, что могъ принимать и металл, и дерево и краска за самое живое существо?—Ясно, что какъ выраженіе относительно портретовъ вообще есть нетонкимъ, такъ тоже значеніе имѣетъ и вышеуказанное выраженіе (которое впрочемъ рѣдко встрѣчается) объ иконахъ. Послѣ этого нѣтъ нужды распространяться относительно слова-„божница“. Какъ слово „боги“ употреблялось въ фигуральномъ значеніи, такъ въ томъ же значеніи нужно принимать и это слово: божница—это мѣсто, гдѣ поставлены св. изображенія, а не мѣсто, гдѣ живутъ, пребываютъ боги. Утверждать что-нибудь подобное о нашемъ народѣ значить говорить неистинность. Подумаемъ только, что значатъ выраженія волими народными поговорки: „какъ Богъ на небі, такъ Царь на земли“, „до Бога высоко, до Царя далеко“. Не бессмысленно ли будетъ переводить эти выраженія такимъ образомъ: „какъ Богъ на стѣні (въ божницѣ), такъ Царь на земли“, или: „до иконъ (божницъ) высоко, до Царя далеко“? Что сказать, далѣе, о выраженіяхъ: „далуи Возю“, „молись до Возі“, „ходимъ до Возі“?... Нужно ли говорить, что эти выраженія употребляются лишь въ рѣчахъ къ дѣтямъ, ради большей конкретности языка, которая зачаточному дѣтскому сознанію болѣе доступна и сродственна? Отъ такого приспособленія къ дѣтскому сознанію бываетъ не мало пользы. (Вреда не вижу никакого). Дитя съ первыхъ поръ сознательной жизни начинаетъ понимать разницу между мѣстами обыкновенными и священными; оно привыкаетъ окружать благоговѣннымъ чувствомъ тѣ мѣста и предметы, гдѣ и при чемъ возносится молитва общественная и частная. Въ послѣдствіи это благоговѣнное чувство пріобрѣтаетъ болѣе осмысленности и становится болѣе содержательнымъ. Однако и тогда будетъ важна сила чувства благоговѣнія. Отнимите вы это послѣднее, и у васъ останется жалкая, тощая, почти мертвая разсудочность. Человѣкъ въ молитвѣ станетъ разсуждать или же сентиментальничать, но не наливаетъ сердца своего предъ Богомъ... Вообще не мѣшало бы намъ обстоятельнѣе выиснить понятіе народа объ иконахъ, а не родать его съ злычствомъ.

намъ было вполнѣ сознательнымъ. Онъ, пожалуй, и понимаетъ значеніе ихъ, но понимаетъ лишь своимъ непосредственнымъ сознаніемъ, а не рассудочно, рефлексивно. Смыслъ иконопочитанія (подобно тому, какъ и многихъ другихъ предметовъ нашей вѣры) оставался въ немъ раздѣльно не выясненнымъ. Поясню это примѣромъ. Положимъ, онъ обращается съ молитвой къ Богородицѣ Дѣвѣ предъ Ея иконой. Конечно, онъ возсылаетъ свою молитву не къ иконѣ, а къ самой Богоматери. Икона Богоматери лишь сильнѣе настраиваетъ его къ молитвѣ, такъ какъ живѣе отпечатлѣваетъ въ душѣ его образъ нашей усердной Заступницы, Матери всѣхъ скорбящихъ. Стоя предъ иконой, онъ чувствуетъ, что лицо Богоматери, конечно, не то же, что Ея икона, но онъ въ то же время чувствуетъ себя какъ бы въ присутствіи самой Богоматери... и вотъ потому-то икона ему такъ дорога, потому-то онъ ее украшаетъ, лобызаетъ и повергается предъ нею. Но онъ дѣлаетъ все это, не давая себѣ яснаго отчета, не представляя раздѣльно, что есть почитаніе, и что есть служеніе (*лэтраіа*), не представляя себѣ ясно даже различія между тѣмъ, какъ молились его предки предъ Перуномъ, и тѣмъ, какъ теперь онъ самъ молится предъ иконой. Точное разграниченіе этихъ понятій не могло ему придти въ голову, при томъ непосредственномъ отношеніи его къ предметамъ вѣры, которое и до сихъ поръ въ немъ является господствующимъ. Этимъ и объясняется смущеніе его, когда ему съ истинною шарлатанскою наглостію пропагандисты стараются доказать, что онъ идолопоклонничествуетъ. Здѣсь не нужно было большаго труда, чтобы запутывать и сбивать народъ съ толку, особенно нашимъ достойнымъ подражателямъ сыновъ Лойолы—штундовымъ пропагандистамъ.

Относительно безцеремонности и фанатической рѣзкости въ сужденіяхъ штундистовъ вообще я не считаю нужнымъ здѣсь говорить. Кто встрѣчалъ штундистовъ не только въ ихъ преблаженныхъ радѣніяхъ или же—вообще—

тамъ, гдѣ они считаютъ нужнымъ фарисействовать, а видѣлъ ихъ въ самомъ пылу пропаганды, тотъ, думаю, скажетъ о нихъ тоже самое, что и я, именно, что эти люди способны и пойдутъ охотно на все, лишь бы только смутить общественное сознание и совѣсть. Здѣсь я хочу указать на два обстоятельства, которыми штундисты воспользовались, на сколько было имъ можно, для своей цѣли. Это, во первыхъ, множество и разнообразіе текстовъ св. Писанія, касающихся идолопоклонства, въ особенности же обстоятельность, конкретность и живость изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ; во вторыхъ темнота и таинственный характеръ иныхъ мѣстъ Св. Писанія, въ особенности такихъ, которыя соединены съ какими нибудь угрозами, прещеніями и обличеніями. Эти мѣста Св. Писанія давали (какъ и теперь даютъ) богатый матеріалъ для превратной и злонамѣренной критики иконопочитанія, крестнаго знаменія, благоговѣяго отношенія къ храмамъ Божиимъ и проч. Нашъ народъ питаетъ глубокое уваженіе къ Св. Писанію; но онъ мало до сихъ поръ былъ знакомъ съ нимъ. Понятно, что почти всякая утрировка Св. Писанія со стороны пропагандиста могла быть пущена въ ходъ среди народа и привести въ смутеніе совѣсть многихъ. Противъ иконопочитанія пропагандисты не пропустили ни одного мѣста Св. Писанія, въ которомъ упоминается объ идолахъ или кумирахъ и вообще язычествѣ, безъ всякаго стѣсненія отождествляя иконопочитаніе съ идолопоклонствомъ. Но въ особенности привлекала ихъ вниманіе тѣ мѣста изъ Св. Писанія, въ которыхъ болѣе или менѣе наглядно и обстоятельно изображается суетность идоловъ. Таковы, напр., слова псалма 134: „идолы язычниковъ — серебро и злато дѣло рукъ человѣческихъ. Есть у нихъ уста, но не говорятъ; есть у нихъ глаза, но не видятъ, есть у нихъ уши, но не слышатъ, и нѣтъ дыханія во устахъ ихъ. Подобны имъ будутъ дѣлающіе ихъ и всякій, кто надѣется на нихъ“ (15—18 ст.). Таковы же еще, напр., Ис. 41, 9. 20, гдѣ подробно разсказывается о томъ, какъ и изъ

чего готовится идолъ, Посланіе Іереміа, гдѣ съ замѣчательною обстоятельностью, живостію и наглядностію изображается не только ничтожность идоловъ, но и упоминаются многія черты самаго языческаго культа, и нѣкоторыя др. под. мѣста. Сила этихъ мѣстъ состоитъ, конечно, не въ существенномъ отношеніи ихъ къ почитанію св. иконъ въ православной Церкви, но въ той обстоятельности изображенія идолопоклонства, которая даетъ много чертъ для злонамѣреннаго отождествленія культа идоловъ съ почитаніемъ иконъ.— Однако и этихъ мѣстъ для пропаганды было недостаточно. Поэтому, во 2-хъ, приводились штундистами противъ почитанія иконъ и св. креста еще такіе тексты, которые въ сущности не имѣютъ никакого отношенія къ идолопоклонству. Таково множество текстовъ изъ Откровенія Іоанна Богослова, въ которыхъ говорится объ „образѣ перваго звѣря“, сдѣланномъ по повелѣнію втораго звѣря, (дѣйствующаго со всею властію перваго), которому (образу) всѣ живущіе принуждены были кланяться, и здѣсь же—„о начертаніи“, которое, по волѣ этого же втораго звѣря, „положено будетъ всѣмъ—малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ, и рабамъ на правую руку ихъ, или на чело ихъ“ (Апокал. 13 глава вся и далѣе). „Образъ звѣря“—это, по толкованію пропагандистовъ, и есть икона, которая въ народѣ и называется „просто“ образомъ“; „начертаніе же“, это—ни больше ни меньше какъ крестное знаменіе. Не смотря на крайнюю нелѣпость свою, такое толкованіе этихъ мѣстъ смущало многихъ изъ народа: образность давала богатую пищу фантазіи народной, а террористическій характеръ и тонъ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстъ довершали впечатлѣніе на народъ. Таково, напр., мѣсто: кто поклоняется звѣрю и образу его, и принимаетъ начертаніе на чело свое или на руку, свою, тотъ будетъ пить вино ярости Божіей, вино цѣльное, приготовленное въ чашѣ гнѣва Его, и будетъ мучимъ въ огнѣ и сѣрѣ предъ святыми ангелами и предъ Агнцемъ. И дымъ мученія ихъ будетъ восходить во вѣки вѣковъ, и не будутъ имѣть покоя ни днемъ,

ни ночью поклоняющіеся звѣрю и образу его, и принимающіе начертаніе имени его". Вообще говоря, Апокалипсисъ играетъ въ штундовомъ движеніи весьма важное значеніе, чему способствуетъ безъ всякаго сомнѣнія таинственный его характеръ; умы народа теперь у насъ такъ тревожно и безпокойно настроены, что, кажется, готовы искать въ Писаніи непременно чего-то небывалаго, особеннаго, почти чудовищнаго; въ этомъ же отношеніи ничто такъ не въ состояніи занять простолюдина, какъ разные звѣри съ рогами, драконы, жена убѣгающая отъ дракона, книга, печати, Агнець, старцы, свѣтильники и пр. и пр. И замѣчательно, что все это народъ, подъ воздѣйствіемъ пропаганды, старается разрѣшить самъ. Конечно при этомъ бываетъ масса всевозможныхъ вымысловъ. Къ числу вымысловъ, имѣющихъ у насъ громадное значеніе, принадлежит и толкованіе словъ посл. въ Евр. о грѣхѣ „второго распятія въ себѣ Сына Божія и ругательства Ему“ (Евр. 6, 6)¹⁾,—толкованіе, которое указываетъ въ этихъ словахъ обличеніе крестнаго знаменія, полагаемаго вѣрующими на себѣ въ молитвѣ. Наряду съ толками объ иконахъ, Крестѣ и крестномъ знаменіи бродили у насъ весьма оживленные толки относительно храмовъ Божіихъ, или, какъ у насъ чаще говорятъ—„дервахахъ“. Здѣсь прежде всего доказывали, что церковь есть собраніе вѣрующіихъ, а не зданіе. (При этомъ приводили тѣ мѣста Св. Писанія, которыя говорятъ о Церкви какъ въ болѣе широкомъ, такъ и въ болѣе тѣсномъ смыслахъ. См. догмат. Макарія, т. II, § 166 о Церкви); особенно часто приходилось мнѣ слышать ссылки на Мѡ. 19, 17, 19—20. Затѣмъ—

¹⁾ Слова эти стоятъ въ такой связи. Апостолъ не считаетъ нужнымъ на тотъ разъ говорить о начаткахъ ученія. Впрочемъ, „и это сдѣлаемъ“, говоритъ онъ, если Богъ позволитъ. Ибо невозможно однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго, и сдѣлавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусившихъ благаго глагола Божія и силъ будущаго вѣка, и отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда они снова въ себѣ распинаютъ Сына Божія и ругаются Ему“. Евр. 6, 3—6.

возставали противъ общественной молитвы въ храмахъ и благоговѣйнаго почитанія ихъ и противъ самаго названія храмовъ Божиими¹⁾; сравнивали храмы православныхъ христіанъ съ еврейскими синагогами и идольскими капищами; называли ихъ даже храмами Артемиды Ефесской. Возставая противъ всякаго значенія храмовъ и относясь къ нимъ враждебно, штундисты не преминули осудить и осмѣять и все прочее, относящееся къ храму либо съ нимъ связанное: потѣшались надъ причащеніемъ у православныхъ честнаго и пресвятаго Тѣла и Крови Христовой (ложечкой и въ крошечной дозѣ), осуждали практику православной Церкви за недопущеніе въ храмахъ стульевъ для сидѣнія при богослуженіи, издѣвались надъ церковнымъ пѣніемъ, чтеніемъ, осуждали церковно-славянскій языкъ и пр. и пр.

Замѣчательно здѣсь еще то, что штундисты, осуждая православную вѣру, особенно злобно нападали на „попівъ“ и святыхъ православной Церкви. По ихъ понятію, „святію віру выдумали, а попы її піддержують“. Изъ святыхъ же угодниковъ Божіихъ злоба и ненависть еретиковъ болѣе всего остававлялись на Святителѣ и Угодникѣ Божіемъ Николаѣ-Чудотворцѣ. Этому святителю штундисты такое значеніе придаютъ, какъ будто бы отъ него все въ Церкви Божіей пошло „не по закону“. „Николай“, говорятъ штундисты, „заповіді Божі покравъ“, „Николай цю (православну) віру выдумавъ“, „до Николая инше въ Церкві було, а після его стало вже не такъ, якъ прежде,—стали до иконъ молыця, и все друге пішло противъ Еванголія“... Вѣроятно, этому Святителю и Угоднику Божію такое большое значеніе придаютъ въ исторіи Церкви потому, что онъ участво-

¹⁾ Ссылались при этомъ на слова І. Христа въ бесѣдѣ съ Самарянской о поклоненіи Богу на вслѣдствіи мѣстѣ въ духѣ и истинѣ, Іоан. 4. 20—24 и слова ап. Павла въ Ареопагѣ о Богѣ, что Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ... Дѣян. 17, 24—25.

валъ въ первомъ вселенскомъ соборѣ въ Ефесѣ, на которомъ между прочимъ осужденъ древній раціоналистъ Аріій и составлена была большая половина символа вѣры (который, по мнѣнію штундистовъ, есть „выдумка“). За тожь штундисты не скупятся бранью на счетъ этого Святителя и Угодника Божія: можно сказать, что имя св. Николая у нихъ играло и играетъ такую роль, какъ у раскольниковъ имя патриарха Никона. Кромѣ разныхъ ругательныхъ эпитетовъ (вѣшалныкъ, разбойныкъ и др.), про него рассказываютъ еще разнаго рода вебылицы... Сколь ни нелѣпы были многіе изъ толковъ, все-таки они всюду распространялись и производили въ селѣ еще большее броженіе, чѣмъ прежде. Выше мы говорили, что такой пропагандой по селу спеціально занимались Гардашь и Давиденко. Теперь особенно много усердія приложилъ Яковъ Голубецъ и Брыжь (солдатъ). Первый изъ сихъ не разставался нигдѣ съ Евангеліемъ или Псалтирю на русскомъ языкѣ и вездѣ (на полѣ, на мельницахъ, на улицѣ) занятъ былъ вычитываньемъ, толками и спорами. Вообще сказать нужно, что это одинъ изъ фанатичѣйшихъ штундистовъ. О состояніи его головы у насъ говорили, что она совсѣмъ не въ порядкѣ, и самъ онъ близокъ къ умопомѣшательству. Этотъ фанатичѣйшій былъ вмѣстѣ и безпокойнѣйшій; понятно, что при его охотѣ всюду вмѣшиваться и не стѣсняясь городить все, что только въ его вѣчно безпокойную голову въ данную минуту войдетъ, ему иногда доставалось.

Рядомъ съ этими толками шло поруганіе св. иконъ: конечно, всякій штундистъ считалъ своею обязанностию снять образа съ ихъ мѣста, но я не знаю примѣра, чтобы это смѣщеніе иконъ, на которыхъ штундистъ смотритъ, какъ на идоловъ, обходилось безъ поруганія надъ ними: бросали на землю, топтали ногами, обривали на низкія употребленія, на виду другихъ рвали съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ и съ отвратительными приговариваніями. Само собою разумѣется, что такія ихъ выходки

Приводили въ смущеніе какъ постороннихъ православныхъ, такъ въ особенности православныхъ ихъ сожителей и сожительницъ; но ничто—ни слезы, ни увѣщанья, ни просьбы не могли смягчить фанатиковъ: для нихъ, кажется, верхъ удовольствія составляло—подразнить своихъ единокровныхъ, посмѣяться надъ ними, да потомъ еще и поразсказать другимъ, разумѣется, съ разнаго рода вставками и добавленіями. Такъ, напр., крестьянинъ Яковъ Шевченко (Голубецъ), однимъ изъ первыхъ принявши штундизмъ, всѣми мѣрами досаждалъ своей женѣ: послѣдняя, напр., хотеть иконы въ хатѣ сохранить, а мужъ издѣвается надъ нею: однѣ въ печь побросалъ, другія въ землю закопалъ, даже изъ нѣкоторыхъ поддѣлалъ своимъ дѣтямъ саночки. Жена постъ желаетъ хравить, у мужа, напротивъ, въ постъ особенно расходился аппетитъ: продавъ рабочій скоть, онъ купилъ нарочно для себя дойную корову, чтобы поить себя молокомъ:—на зло женѣ жарить въ печи сало и пр. Нужно имѣть въ виду, что у этого людини есть маленькія дѣти, которыхъ онъ тоже старается (и несомнѣнно успѣетъ) воспитать въ своемъ еретическомъ духѣ. Фанатизмъ этихъ „святыхъ“ и „блаженныхъ“ людей не щадилъ не только постороннихъ, хотя бы то и старшихъ ихъ возрастомъ и выше стоящихъ по своему положенію, но даже и родителей: такъ, напр., издѣвались надъ вѣрою и чувствомъ своихъ матерей (по плоти) крестьяне—Климъ Яценко и Брыжуки—Петро и Кирилло; молва гласила, что эти прекрасные люди, лишь только „прозрѣли“, причинили изъ-за своей вѣры много огорченій, не исключая даже побоевъ своимъ матерямъ.

Само собою разумѣется, что такая энергическая агитация не могла обойтись безъ вліянія и на православныхъ и вообще говоря,—на людей порядочныхъ. Надо имѣть здѣсь въ виду зависимость личнаго сознанія отъ общаго духа, господствующаго въ извѣстной средѣ; какъ бы ни были тверды убѣжденія православныхъ прежде, до обнаруженія

въ нашей средѣ въ такой мѣрѣ штундоваго движенія; но при той непосредственности, съ которою доселѣ народъ относился къ предметамъ своей вѣры, общіе толки не могли мало по-малу не подвигнуть съ мѣста и его духа. Стало замѣтно и въ нихъ нѣкоторое недоумѣніе, какъ бы выражавшее собою: „що жъ це таке? Чи вже жъ таки це мы неправой віры держимося, чи вже жъ таки вони більше отъ „нашихъ попівъ, та панівъ вченихъ знають? Чи це жъ „таки справди насъ попы до цієї поры обманували? Та це мовъ наші батьки жили и вмірали безъ правої віры? ой, неповинно такъ буты алежъ все таки треба предивити“. Недалеко отъ церкви въ тѣ дни оканчивалъ свое земное поприще одинъ добрый человекъ (Аггей Фед. Кучеренко). Это былъ воистину человекъ Божій: жизнь проводилъ умѣренную, во всемъ отличался честностію, терпѣніемъ въ трудѣ и добропорядочностію во всемъ, былъ онъ искрени набоженъ; въ сердцѣ питалъ страхъ Божій. Онъ много лѣтъ служилъ при церкви, служилъ съ неослабною ревностію, безкорыстіемъ и самопожертвованіемъ, качествами, которыя становятся такъ рѣдкими въ нынѣшній вѣкъ, насквозь пропитанный тщеславіемъ, эгоизмомъ и практическимъ матеріализмомъ,—вѣкъ, въ который всякому скорѣе хочется быть „просвіторомъ“, „пророкомъ“, „апостоломъ“, или по крайней мѣрѣ хоть „святимъ“, но не скромнымъ и благоговѣйнымъ трудникомъ и служителемъ у храма и Алтара Господня. Столь усердно и такъ продолжительно было служеніе сего человека при храмѣ, что я и теперь еще не могу представить себѣ служеніе въ Керданской церкви безъ сего человека. Но я вспомнюлъ впрочемъ объ этомъ человекѣ не для того, чтобы хвалить его (похвала наша отъ Бога), а затѣмъ, чтобы сказать, что и сей человекъ незадолго до смерти переживалъ нѣкотораго рода тревогу. Мы часто навѣщали его, о многомъ, многомъ бесѣдовали съ нимъ,—утѣшали его и вмѣстѣ сами утѣшались въ его болѣзни и скорби, (онъ лишился жены—старухи незадолго предъ тѣмъ), вспоминали съ нимъ прошедшее,

старались найти утѣшеніе себѣ при свѣтѣ Откровенія въ будущемъ; но среди разговора этотъ человѣкъ весьма нерѣдко повторялъ свои распросы: „ну, скажите, що воно таке оці штунды, — чы воны що зле, чи добре?“... И въ то время, какъ мы ему рассказывали и разъясняли, глубокая задумчивость ложилась на лицо его, голова тихо склонялась на грудь, и долго долго оставался онъ въ такомъ положеніи... Такъ и въ вѣчность отошелъ, унося съ собой въ сердцѣ скорбь и грусть по поводу событій нашего времени. И не одинъ сей человѣкъ пережилъ состояніе раздумья и грусти, взирая на это повальное увлеченіе значительнаго количества свѣжихъ, молодыхъ силъ духомъ вѣка сего, — на эту безумную погоню за вѣтромъ. Думаемъ, многіе старцы тоже самое переживали, или и теперь переживаютъ, съ ужасомъ взирая на то, что ихъ надежда — дѣти, внуки и сродники не то изъ себя обѣщаютъ и въ себѣ обнаруживаютъ, чего изъ нихъ и отъ нихъ они ожидали, что они много, много думаютъ о себѣ, не расположены подчиняться руководству и суду не только чьему нибудь постороннему, а даже ихъ вѣку, родительскому, напротивъ, берутся даже ихъ самихъ переучивать, или по крайней мѣрѣ клеймятъ ихъ званіемъ „никуда негожихъ“, „старыхъ, да дурныхъ“. Но если многіе твердые духомъ все-таки среди этихъ вседневныхъ и ежечасныхъ испытаній остаются вѣрными Богу и Церкви св., то другіе оказываются не настолько сильными, чтобы претерпѣвать эти испытанія до конца. Явнымъ стало то, что нѣкоторые отцы, матери, жены и дѣти, прежде съ отвращеніемъ относившіеся къ штундизму и его послѣдователямъ и за это не мало претерпѣвавшіе, примирились потомъ съ своею долею и мало-помалу пошли (или уже готовы пойти) по тому пути, на который гналъ фанатизмъ ихъ родственниковъ. Примѣровъ этому не привожу; хотя таковыхъ здѣсь въ виду не одинъ имѣется... Но вотъ еще вниманія достойный фактъ. На Іценкѣвицянѣ есть семейство Яценко, состоявшее недавно

изъ трехъ душъ—отца—Романа, матери—Катерины и сына—Митрофана. Съ давнихъ поръ въ этомъ семействѣ было не мирно. Единственнымъ виновникомъ этого былъ отецъ, предававшійся непомѣрному пьянству. Катерина,—женщина добрая и очень религіозная, много терпѣла вмѣстѣ съ своимъ сыномъ отъ своего мужа и давно занята была мыслию, какъ бы его исправить. Много она сама молилась Богу, приходила къ священнику, (моему отцу), за совѣтомъ: что бы сдѣлать ей мужу, чтобы онъ не пилъ, просила моего отца усовѣстить его и молиться за него. Отецъ мой принимался усовѣщать его не только частно, но и публично; исправленія, кажется, не много было, такъ какъ это былъ совсѣмъ особенный человекъ: къ вѣрѣ онъ не прилежалъ, въ церкви бывалъ разъ или два въ году, праздниковъ не соблюдалъ, никого и ничего, кромѣ кабака, не зналъ и знать не хотѣлъ, правомъ отличался, какъ говорить, лютымъ, т. е., непокорнымъ, жестокимъ и свирѣпымъ. Много матерпѣлись отъ его задора жена и сынъ, въ особености, когда бывалъ онъ въ пьяномъ видѣ! И такъ жилось не годъ, не два, а цѣлые десятки лѣтъ! Можно теперь понять все отвращеніе и ненависть къ водкѣ у жены и сына? Когда появился въ Керданахъ штундизмъ, то мы были удивлены извѣстіемъ, что жена Романа Яценко съ сыномъ перешли въ штундизмъ. Ничто такъ не представлялось страннымъ, какъ эта молва. Сама Катерина, правда, предъ священникомъ опровергала эти слухи; но сынъ уже и тогда не скрывался и по настоящее время остается отпадшимъ. Въ скоромъ времени его мать—Катерина заболѣла, приняла христіанское напутствіе въ будущую жизнь (исповѣдалась и приобщилась), умерла и была погребена по обряду православной Церкви. Богъ знаетъ, насколько были справедливы про нее слухи, но мнѣ кажется, что эта женщина если и соблазнилась мишурнымъ блескомъ и чистотой штундовой нравственности, то это было минутнымъ увлеченіемъ ея и объясняется крайностію, до которой она была доведена неисправимостію своего мужа.

Итакъ, вотъ въ какомъ состояніи находились православные: одни смотрѣли на положеніе дѣлъ съ грустью и тяжелымъ раздумьемъ, другіе измѣняли или готовы были измѣнить Церкви. Большинство же православныхъ у насъ стояли какъ бы въ выжидательномъ положеніи: думается мнѣ, что для такихъ людей православіе, конечно, лучше и дороже всякаго штурдизма, но они считали для себя необходимыми воздержаніе и спокойствіе до тѣхъ поръ, пока крайность не привудитъ къ дѣйствию или не настанетъ удобное время имъ съ своей стороны заговорить. Видно, что они сильно надѣялись на то, что гражданская власть сама вступится за интересы православія, обуздаетъ бунновъ и не допуститъ ихъ своевольничать. Какъ исполнялись эти надежды, увидимъ въ послѣдствіи. А теперь скажемъ, что, вообще говоря, эта лучшая часть при всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, старалась держаться, по мѣрѣ возможности, спокойно, такъ что съ виду иногда могла казаться безразличной и безучастной зрительницей фанатическихъ выходовъ еретиковъ. Между тѣмъ весьма нерѣдко изъ среды ея поднимались отдѣльные голоса противъ безчинствъ, многие въ душѣ, видно, сильно негодовали на безчинниковъ и выступали иногда съ горячими протестами противъ разврата въ приходѣ; но въ отвѣтъ на такія заявленія того или другаго въ отдѣльности или нѣсколькихъ вмѣстѣ бывало молчаніе другихъ, такъ что и эти вырвавшіеся обыкновенно принуждены были отступить назадъ и стать въ число спокойныхъ зрителей. А тутъ между тѣмъ штурдисты не скупились на разныя интриги и угрозы (въ особенности посредствомъ наговоровъ предъ начальствомъ и ложныхъ слуховъ). И потъ, православные какъ будто силу духовную потеряли, какъ будто отошло отъ нихъ единодушіе, и оставила ихъ увѣренность въ себѣ... Они были постоянно тихи черезъ мѣру, дозволяя штурдистамъ дѣлать все, что имъ угодно было. Только уже въ послѣдствіи, когда православные увидѣли себя чуть не въ меньшинствѣ, стали они созавать, что

не слѣдовало сразу штундистамъ допускать въ приходѣ такъ много воли.

Но едвали кому въ это время пришлось такъ тяжело, какъ священнику. Всѣ отъ него требовали многого, а сами и словомъ не обмолвились въ защиту его или въ помощь ему; напротивъ, одни робостью, другіе либеральнымъ поведениемъ скорѣе ободрили агитаторовъ, священника же безжалостно унижали. Представьте себя, любезный читатель, въ такомъ положеніи. Вотъ васъ со всѣхъ сторонъ обсыпаютъ недоумѣнными вопросами: „батьшка, ну що це таке въ насъ робыцца? Чомъ це имъ Царь нічого не каже? А же теперъ намъ проходу одъ їхъ не мае? Якъ же це можна? Таки пішла волність, таке паскудство теперъ повелось на свѣті, що й врий Маты Божа. Чи воно такъ и далі буде?.. Просять батьшку прихожане непремѣнно писать начальству. Какъ здѣсь долженъ по нашему поступить священникъ?—Конечно, скажете, писать...—Но вѣдь писать - то еще не значитъ помочь дѣлу. Пиша и поставляя дѣло на судъ, можно дѣлу еще больше повредить. Прихожане, выдвигая священника впередъ, должны не за спиною его стоять, а выступать открыто и смѣло сами вмѣстѣ съ нимъ. Ошибаются прихожане, если думаютъ, что священникъ въ настоящее время признается такимъ лицомъ, которому такъ сразу и повѣрятъ, очень и очень въ этомъ ошибаются: предъ судомъ требуютъ отъ него очевиднѣйшихъ доказательствъ, можетъ быть, даже болѣе очевидныхъ, чѣмъ при другихъ случаяхъ; а есть ли возможность собрать ему самому эти доказательства? да и собравши можно ли еще быть увѣреннымъ въ благопріятномъ результатѣ, если онъ выступитъ предъ судомъ одинъ? Всѣмъ извѣстно то, съ какимъ недовѣріемъ и подозрительностію вообще относятся мѣогіе къ духовенству¹⁾. Но пусть даже процессъ будетъ выигравъ. Важны ли будутъ результаты, если тотъ или

¹⁾ Развѣ мало прихитровъ этому представляютъ судебные процессы противъ штундистовъ въ Херс. губ.?

ной хулигель или святотать будетъ посаженъ подъ арестъ на пять, шесть дней?—Онъ высидитъ эти дни съ удовольствіемъ. За то онъ будетъ страдалецъ и при томъ страдалецъ ни отъ кого больше, какъ только отъ попа. Онъ не станетъ пенять ни на судью, ни на законъ, ни даже на тѣхъ, которые были свидѣтелями противъ него на судѣ. Всему виною здѣсь будетъ попъ. Нѣтъ. Не такъ должно быть здѣсь. Пусть судятъ этихъ негодяевъ судомъ сколько угодно, но пока общественный судъ надъ ними не произнесетъ надъ ними справедливаго приговора, а будетъ деликатничать съ ними, какъ было понынь, не ожидать добра отъ процессовъ, поднимаемыхъ священниками, хотя бы то и отъ имени громады, противъ штурдистовъ. Что пользы можетъ быть теперь отъ процессовъ и всякаго рода писаній священника къ начальству, если теперь еще у насъ дѣла такъ обстоятъ, что подвиги штурдистовъ готовы приписать чуть не мальчишеству, а всякое движеніе православныхъ объяснить поповской интригой... Но вотъ, съ другой стороны, Таращанское начальство поучаетъ, что священникъ долженъ учить, что вся бѣда отъ того приключилась, что священники не учатъ, не доказываютъ: „докажи ему, говорятъ, такъ онъ и повѣритъ, а не хочешь, такъ и вини самого себя.—Прекрасно! Вотъ и велась же проповѣдь въ приходѣ почти непрерывно и повсемѣстно—въ церкви и по домамъ, благовременнѣ и безвременнѣ, съ приготовленіемъ и ех промтѣ. А много ли было пользы для еретиковъ? Скажутъ ли, что ученіе было недостаточно, если невѣрующіе все-таки не повѣрили, сомнѣвающіеся не убѣдились, заблуждающіеся не вразумились и не исправились?... Не станемъ объ этомъ спорить: не лучше ли предать это на судъ Бога, предъ лицомъ Котораго все явно?... Но вотъ что считаю здѣсь нужнымъ отъ себя сказать. Таже самая истина, которую Церковь Божія нынѣ содержитъ и всякому предлагаетъ—вѣрному и невѣрному—принесена намъ на землю Христомъ,—Сыномъ Божиимъ и возвѣщалась людямъ

Его Богочеловѣческими устами... Чтоже? Всѣ ли вѣрили Ему? Не была ли Его проповѣдь въ большинствѣ случаевъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ... Возмошусь я своею мыслию въ тѣ чудныя, благодатныя времена, когда Самъ Богъ посѣтилъ насъ свыше,—сошелъ на землю и возвѣщалъ человѣкамъ тайны царствія Божія. Вотъ Онъ — Небесный Наставникъ и Божественный Учитель на берегу моря Генисаретскаго. „И собралось къ нему множество народа... И поучаетъ Онъ ихъ много притчами, говорить имъ о томъ, какъ различна бываетъ судьба сѣмени, т. е. слова Евангельскаго, бросаемаго Святелемъ на разную почву“... Ковчилась проповѣдь. „Кто имѣеть уши слышать: да слышитъ!“ возгласилъ въ заключеніе ея Спаситель. „И приступивъ ученики, сказали Ему: для чего притчами говоришь имъ? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: для того, что вамъ дано знать тайны царствія небеснаго, а имъ не дано. Ибо кто имѣеть, тому дано будетъ и преумножится; а кто не имѣеть, у того отнимется и то, что имѣеть. Потому говорю имъ притчами, что они видя не видятъ, и слыша не слышатъ и не разумѣють. И сбывается надъ ними пророчество Исаи, который говоритъ: слухомъ услышите, и не уразумеете; и глазами смотрѣть будете, и не увидите. Ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышать, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами, и не услышатъ ушами, и не уразумеютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ (Исаи 6, 9—10). Ваши же блаженны очи, что видятъ, и уши, что слышатъ“... (Мѣ. 13 глава). Такъ была дика, груба, зачерствѣла почва сердца многихъ современниковъ Спасителя, что и Его острѣйшее паче всякаго слово не могло пронять ихъ. То былъ родъ лукавый и прелюбодѣйный, необрѣзанный сердцемъ и ушами. Самыя чудеса Спасителя на него дѣйствовали мало. Какъ же могли на нихъ дѣйствовать слова Его?.. Бываютъ такія состоянія, когда никакіе самыя сильныя доводы, никакія очевиднѣйшія доказательства не въ состояніи убѣдить

человѣка. Какъ можно убѣдить его, когда онъ ни слушать тебя, ни смотрѣть на тебя не хочетъ? Вѣдь вся суть для нашего штундиста не въ томъ, чтобы уразумѣть истину, а въ томъ, чтобы больше нагородить всякой всячины, бросая одно, хватаясь за другое третье-десятое, болтая многое, и безъ толку, и при томъ иногда (по отношенію къ священнику всегда) грубо... Нѣтъ, не для всякаго доводы разума, хотьбы и отъ Писанія они брались, что нибудь значать. Отъ самихъ штундистовъ намъ (въ отвѣтъ на доводы отъ Писанія) приходилось въ одномъ мѣстѣ слышать такія рѣчи: „то, бачте, все бува зъ того, якъ у кого яке понятіе (т. е., способность понимать), вы разумнійше насъ, то вы намъ и доказуете, и мы не будемо зъ вами спорица, бо вы таки бѣльше насъ знаете... А мы бѣльше другихъ знаемо, то мы свое имъ и доказуемъ“... Такъ и бѣзтъ здѣсь то софистическое понятіе, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, понятіе, бывшее источникомъ страшной развужданности мысли и распущенности нравовъ въ Греціи въ вѣкъ софистовъ. „Всякъ молодець на свой образецъ!... Каждый выбирай себѣ любое, хватайся за то, что тебѣ понравится, бросайте, что тяжело, отворотись отъ того, что тебѣ непріятно... Ищи легкаго, пріятнаго, сладкаго“. Вотъ существеннѣйшіе внутренніе мотивы штундоваго движенія. Такіе мотивы, конечно, въ жизни имѣють свое доброе значеніе. Но будучи возведены въ принципъ, думаю, они будутъ не безвредны для авторитета и чувства законности... Что касается церковной проповѣди въ нашемъ с. Керданахъ, то здѣсь, во первыхъ, скажу, что она говорила въ весьма часто,—говорила и по печатнымъ пособіямъ и экспромптомъ. Видно было, что православные съ любовію и благоговѣніемъ ее слушали. Ходили въ церковь и, разумѣется, слушали проповѣдь нѣкоторые штундисты—явные и тайные. Но въ большинствѣ случаевъ, кажется, не было со стороны ихъ искренняго вниманія, такъ какъ они сюда шли, кажется, затѣмъ, чтобы имѣть возможность что-нибудь подмѣтить,

осудить и посмѣяться, что и дѣлали иногда тотчасъ по выходѣ изъ церкви, а иногда и у самыхъ дверей церкви. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ церковь ходили лишь немногіе изъ штундистовъ. Большинство же штундистовъ предпочитали сидѣть дома у себя, или собираться съ братією и упражняться, если есть посторонніе, въ благочестіи, а если нѣтъ, то въ осужденіи попа, православныхъ и пр. Понятно, что для священника было еще труднѣе такихъ достигать своимъ словомъ. Все же таки приходилось ему съ ними встрѣчаться при исполненіи тѣхъ или иныхъ пастырскихъ обязанностей. Но и здѣсь съ ними невозможно было поговорить толкомъ. Они старались держать себя, какъ можно, дерзче и нахальнѣе, думая, увиженіемъ священника предъ другими лишитъ его всякаго уваженія и значенія въ приходѣ. Въ 1879 году, во время обхожденія прихода священникомъ съ молитвою въ одинъ изъ постовъ, штундисты, очевидно, по уговору между собою вездѣ встрѣчали его одними и тѣми же словами: „ступай, ступай себѣ отъ меня, я тебя знать не хочу; не хочу знать и твоего архіерея, и твоего митрополита и твоего Святѣйшаго Синода“. Вступать съ ними въ разговоръ было совершенно бесполезно, если даже не вредно. Въ отвѣтъ на свои слова священнику обыкновенно приходилось выслушивать грубости. Упомянутый выше Яковъ Голубецъ, у котораго жена и дѣти православны, осыпалъ тогда священника щедрой бранью: „ты льстецъ“, говорилъ онъ ему въ присутствіи всего своего семейства и постороннихъ свидѣтелей, — „ты обольститель народный, обманщикъ, лжепророкъ“ и пр. и пр.; въ другихъ домахъ замѣтно было, что и дѣтей такъ понастроивали, что, при появленіи священника, они старались убѣжать отъ него, какъ отъ кого то ужаснаго.

Здѣсь я перехожу опять къ изображенію болѣе или менѣе крупныхъ фактовъ изъ дальнѣйшей исторіи нашей приходской жизни. Сборища у Бузынныхъ (Саевъ) продолжались и дѣйствовали на приходъ вѣрнее развращающимъ

образомъ. Такъ какъ отсюда исходило движеніе по всему приходу, то священнику приходилось просить уѣздную полицію о прекращеніи этихъ сборищъ. По поводу донесенія священника, къ приставу были вызваны въ станovou квартиру нѣкоторые штундисты. Здѣсь имъ строго внушено было, чтобы они не собирались, а старостѣ и сотскому приказано сборищъ не допускать. Но странно. Сборища продолжались и послѣ этого,—продолжаются и нынѣ. Вскорѣ же послѣ этого стала ходить по селу молва, будто штундистовъ на другой же день послѣ сдѣланнаго имъ г. приставомъ внушенія, опять вызывали въ станovou квартиру; здѣсь будто бы сказано имъ было, что запрещеніе сборищъ относится собственно къ собраніямъ открытымъ, т. е., къ собраніямъ, происходящимъ на открытомъ воздухѣ, закрытыя же собранія, т. е. такія, которыя состояются „въ хатѣ“, устраивать нисколько не возбраняется. Не знаю доподлинно, сколько въ этомъ правды. Но мнѣ кажется, что если и допустить чтонибудь подобное на дѣлѣ, то нужно выгородить отъ прямаго участія въ этомъ самаго пристава (нынѣ уже на семь мѣстѣ въ Таращѣ не находящагося). Много говорили въ с. Керданахъ про нѣкоего г. Р. (христіанина изъ евреевъ), правившаго приставской канцеляріей и оказывавшаго много вниманія К—скимъ штундистамъ. Не думаю также, чтобы нашихъ штундистовъ вызывали въ канцелярію становаго пристава во второй разъ нарочито. Они сами весьма часто ходили туда съ жалобами на какія-то обиды, на самомъ же дѣлѣ, чтобы тамъ кое-что вывѣдать, посплетничать на православныхъ, да потомъ еще имѣть возможность и грозить имъ гражданскою властію.

Вскорѣ послѣ этого умерло у одного изъ молодыхъ Бузыниныхъ (Саевъ) дитя¹⁾, крещенное въ православной Церкви. Отецъ и мать этого дитяти были уже штундисты.

¹⁾ Дочь Наталія трехъ лѣтъ.

Явно было, что и дитя свое они погребутъ по штундовому. Но здѣсь противъ штундоваго погребенія возстало православное общество. Во первыхъ, православнымъ не хотѣлось допустить штундистовъ хозяйничать на своемъ кладбищѣ; во вторыхъ, оно считало не законной претензію штундистовъ на погребеніе дитяти, крещеннаго въ православной Церкви. Повтому громада чрезъ сельскаго старосту заявила отцу умершаго, что она не допуститъ погребсти его дитя на общественномъ кладбищѣ его братіи. Тогда Бузынный заявилъ чрезъ старосту, что онъ согласенъ, чтобъ погребалъ батюшка. Сельскій староста пригласилъ отъ имени громады священника для погребенія съ заявленіемъ, что и отецъ умершаго дитяти согласенъ на это. Между тѣмъ на оказію къ Бузынному стала собираться, какъ мѣстная, такъ и окружная братія, которой набралось весьма порядочно—всего было человекъ 20 мушчинъ, не считая женщинъ. Были здѣсь штундисты Таращанскіе и Керданскіе (явные и тайные), а можетъ быть и штундисты другихъ мѣсть. Этотъ сбродъ фанатиковъ, какъ видно, былъ экзальтированъ до высшей степени. Особенно отличались здѣсь штундисты Таращанскіе (Мовчанюкъ, Колесниченко, Никончукъ). Они рѣшительно воспротивились исполненію желанія православнаго общества (на что въ началѣ былъ, какъ выше сказано, согласенъ и отецъ дитяти) и постарались дать настоящему дѣлу другой оборотъ. Посланъ былъ кто-то (кажется, самъ Бузынный, отецъ умершаго дитяти) въ Таращу, въ обычное пристанище штундистовъ, съ жалобами на сельскаго старосту, который будто бы по своему личному произволу не даетъ отцу погребсти свое дитя. Штундисты были увѣрены въ благополучномъ результатѣ своихъ жалобъ со стороны Таращанскаго начальства, и кажется, имѣли, къ тому какія-то ручательства. Но тутъ еще предстояла опасность... Съ минуты на минуту ожидали прибытія священника съ причтомъ. Приходилось дѣйствовать по вдохновенію, не дожидаясь, пока получится письменное разрѣшеніе полиціи. И

вотъ штундисты подняли гробъ и понесли на кладбище съ пѣвiемъ своихъ пѣсней. Здѣсь было много и православнаго народа, говорятъ, человекъ около 300. Это были прежде всего любопытные, выжидавшiе, что-то будетъ дальше. Много было здѣсь, конечно, и такихъ, которые прежде сильно ратовали противъ погребенiя штундистовъ. Но эти люди, кажется, были теперь смущены слухомъ о томъ, что полициѣ приняла сторону штундистовъ и приказала старостѣ не препятствовать штундовому погребенiю. Шествиѣ штундистовъ только что началось. Между тѣмъ въ концѣ улицы показался причтъ, шедшiй, по приглашенiю, къ погребенiю. Процессiю тотчасъ остановили. Священникъ, совсѣмъ ничего не знавшiй о какомъ бы то ни было разрѣшенiи пристава (да и не ожидавшiй его) съ твердостью подошелъ ко гробу и обратился къ пришлымъ штундистамъ съ такими словами: „кто вы такіе? что вы здѣсь возмущаете народъ? Кто далъ вамъ право распоряжаться здѣсь въ моей паствѣ? Я здѣсь поставленъ пастыремъ, а не вы!“... Одинъ изъ бывшихъ здѣсь Таращанскихъ штундистовъ (по прозвищу, какъ впоследствии уже было узнано, Никоновичукъ), человекъ весьма грубый и видомъ свирѣпый, возгласилъ всенародно: „якій ты тутъ пастырь? Не пастырь ты, а вовкъ и разбойникъ!“... Здѣсь наглость фанатиковъ сказала въ всей силѣ; но съ тѣмъ вмѣстѣ съ самимъ православнымъ народомъ случилось вѣчто—столько же странное, загадочное, сколько и печальное, горькое... Когда эти слова были сказаны фанатикомъ, въ громадной толпѣ народа послѣдовало молчанiе. Священникъ, разумѣется, не отвѣчалъ ни слова на эти ругательства. Онъ началъ погребенiе. Между тѣмъ брань штундиста-фанатика („прозрѣвшаго“!) долго еще продолжалась. Говорятъ, что онъ даже грозился убить священника и въ землю зарыть его; при этомъ не иначе называлъ священника, какъ браннымъ непечатнымъ словомъ. А что же православные? Ужели они ничего не дѣлали? не вступились за

честь и достоинство священника, котораго сами же пригласили? Ужели изъ 300 человѣкъ православныхъ не нашелся ни одинъ, чтобы по крайней мѣрѣ обуздать ругателя?—Да!... Съ горечью въ сердцѣ заявляю это. Если бы лично мнѣ не были знакомы многіе изъ бывшихъ тамъ, которыхъ твердую вѣру во Христа, горячую любовь къ Церкви и привязанность къ священнику я очень хорошо знаю, то пришлось бы высказать по поводу настоящаго случая довольно безотрадныхъ заключеній. Но, мнѣ кажется, здѣсь дѣло случилось вовсе не по индифферентизму къ вѣрѣ и не по холодности отношеній къ священнику... Бываютъ извѣстные моменты въ жизни какъ каждаго человѣка въ частности, такъ пожалуй и массы, когда у нихъ какъ бы замираетъ сознание, и они не въ состояніи дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что съ ними дѣлается и что нужно имъ предпринять въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такіе моменты, я думаю, чаще всего бываютъ на степени переходнаго состоянія... По обыкновенію, правильно, ровно и тихо течетъ струя жизни (частнаго лица или цѣлаго общества) къ той цѣли, которая ей предуказана; вдругъ на ея пути встрѣтились преграды. Пока эти преграды малы, теченіе ея идетъ, правда, съ большимъ обыкновеннаго шумомъ, но все таки безъ остановки и безъ перемѣны направленія; оно даже грозитъ силою своего стремленія сдвинуть съ своего пути эти препятствія и увлечь ихъ за собою. Но вотъ проходитъ время, и эти препятствія осѣдаютъ и ложатся будто бы прочно въ русло жизни, а своей массой грозно выдвигаются они супротивъ теченія ея. Не произойдетъ ли тогда нѣкотораго замѣшательства и остановки въ самомъ теченіи?... Обратите здѣсь вниманіе на усиленную пропаганду, которая, быть можетъ, тогда уже приготовила раздѣленіе въ православномъ обществѣ, а затѣмъ на постоянныя угрозы православнымъ со стороны штундистовъ строжайшей отвѣтственностію предъ судомъ за стѣсненіе произвола ихъ и въ особенности—на всеобщіе слухи въ народѣ о покровительствѣ тарашанскаго начальства штун-

дѣстамъ. Я полагаю, этихъ обстоятельствъ было достаточно, чтобы парализовать въ данную минуту силы и подавить духъ народа. Уже послѣ погребенія былъ полученъ отъ становаго пристава „приказъ“ сельскому старостѣ не препятствовать погребенію шундистами дитяти. Такъ какъ предписаніе пристава старостѣ было очень коротко и казалось неосновательнымъ, то священникъ формальнымъ порядкомъ просилъ (а не требовалъ) пристава разъяснить ему основаніе, на какомъ имъ дано старостѣ такое предписаніе. Въ отвѣтъ на это получено имъ отъ пристава Колтоновскаго такое отношеніе (отъ 27 Мая 1880 г. за № 2606). „Г. Приходскому Священнику с. Керданъ. Въ отвѣтъ на ваши отношенія за №№ 19 и 29 имѣю честь увѣдомить В. Преподобіе, что, хотя законъ и не представляетъ Вамъ права требовать отъ меня объясненій: „на какомъ основаніи я разрѣшилъ шундисту погребсти умершую Наталію Бузыннуу 3-хъ лѣтъ“, но исполняя долгъ вѣжливости, считаю нужнымъ объяснить, что ни одна статья закона не обязываетъ никого изъ отступившихъ отъ православія непременно приглашать священника для погребенія ¹⁾. Приглашать его зависитъ отъ доброй воли и нѣтъ права заставлять ²⁾. Отецъ Бузынный Авксентій, ксѣзь отпавшій отъ православія, не захотѣлъ приглашать васъ для исполненія обряда погребенія, а такъ какъ сельскій староста не давалъ ему похоронить безъ васъ свою дочь ³⁾, то я и дозволилъ предать тѣло землѣ на православномъ кладбищѣ, такъ какъ другихъ мѣстъ для погребенія шундистовъ не положено. Давая старостѣ разрѣшеніе, я вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему не допускать сборища шун-

¹⁾ Не мѣсто здѣсь возражать канцелярскимъ приставамъ 1 стана Таращ. уѣзда. Но я только скажу: статьи Росс. Государственнаго закона не говорятъ и того, чтобы дитя, крещенное въ Православіи, хоронить по шундовымъ обрядамъ.

²⁾ Ничто не думалъ бы въ громадѣ объ этомъ, если бы шундисты сами не обнаруживали попомановеній хозяйничать посвоему.

³⁾ Какъ крещенію въ православіи, и не одинъ староста, а православная громада.

дистовъ¹⁾. Такъ-то кончилось второе дѣло штундистовъ съ православными изъ за права погребенія ими на правосл. кладбищѣ. Ниже мы еще одно такое дѣло встрѣтимъ. Что же касается оскорбленія, нанесеннаго священнику публично въ присутствіи такого громаднаго стеченія народа, то, кажется, уѣздное начальство, не смотря на представленіе ему объ этомъ со стороны самаго оскорбленнаго священника, ничего по поводу его не предпринимало. Такимъ образомъ штундисты нашли себѣ въ таращанской полиціи защиту и покровительство, а православный священникъ остался при одномъ оскорбленіи, безъ удовлетворенія.

Въ то время, какъ вопросъ о правѣ погребенія штундистовъ на православномъ кладбищѣ (и при томъ, какъ было въ обоихъ предшествующихъ разахъ, дѣтей, крещенныхъ въ православіи), оттягивался на дальнѣйшее время, проще разрѣшился въ приходѣ по отношенію къ штундистамъ вопросъ брачный. Самый меньшій изъ Бузынскихъ (Саевъ), Артемонъ, женился на дочери Болкунскаго штундиста Ивана Лявы. Объ этой свадьбѣ разнеслись слухи еще задолго до нея и, конечно, вызвали разные толки. Самый болтливый изъ штундистовъ Яковъ Голубецъ со

¹⁾ О какомъ это порученіи здѣсь говорится: усномъ или письменномъ? Кажется, въ томъ приказѣ старостѣ, въ которомъ было разрѣшеніе погребсти дитя, не было сдѣлано этой оговорки. Если же во всякомъ случаѣ такъ или иначе дѣйствительно было дано порученіе старостѣ не допускать сборища штундистовъ, то съ какой жѣ стати это сборище допущено?... Почему это староста, такъ ратовавшій противъ допущенія штундистовъ къ погребенію, не нашелся воспротивиться сборищу и процессіи штундовой, хотя бы именемъ самаго пристава? Кажется, что здѣсь было поступлено такъ, что разрѣшеніе было передано старостѣ письменно, а порученіе сдѣлано устно. Если это было такъ, то для существа дѣла было все одно, что такого порученія (противъ сборищъ штундистовъ) и не было дано. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ разрѣшеніе старостѣ погребсти дитя дается на бумагѣ во всеобщее свѣдѣніе, порученіе не допускать сборища штундистовъ дается устно и какъ бы частнымъ образомъ. Могли ль вѣрять штундисты тому, что говорилъ староста хоть бы и отъ лица пристава, но чего нѣтъ въ разрѣшеніи, принесенномъ чрезъ ихъ руки? Не припишутъ ли они это опять произволу старосты?

смѣхомъ повѣствоваль, что онъ самъ будетъ вѣнчать Артемона съ Лявиной дочкой. Вѣнчалъ, или проще совершалъ благословеніе союза какой-то старшій штундистъ. Была выдана имъ священнику какая-то записка о бракосочетаніи, (въ какихъ словахъ, не помню). Тѣмъ съ виду дѣло и кончилось. Но важно то, что въ народѣ утверждается раціоналистическая мысль, какъ о самомъ таинствѣ, такъ и о способѣ его совершенія.

Собранія штундистовъ у Бузыннхъ (Саевъ) бывали каждый воскресный день. Собранія эти были обыкновенно очень многочисленны. Сюда стекалась штундовая братія, кажется, изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Кромѣ чтенія занимались здѣсь пѣніемъ, и пѣніе это было такое сильное, что слышно было по всему селу отъ края до края. Часто сюда наѣзжали или заходили разные руководители штундизма и такъ называемые пресвитеры (Особенно часто посѣщали Карданскія собранія Таращанскіе штундисты: Мовчанюкъ, Колесниченко, Никоновичукъ и др. Кажется ни одно собраніе не обходилось безъ таращанъ). Эти пріѣзжіе и приходщіе весьма много значили въ дѣлѣ утвержденія и распространенія у насъ штунды: они являлись къ намъ, какъ хранители и передатчики всего, что преподають нѣмецкіе пропагандисты изъ Херс. губ. и наши новоотступники въ Петербургѣ. (Эти люди служатъ вообще живою связью между нашимъ простымъ народомъ и тѣми личностями или, можетъ быть, какимъ нибудь союзомъ, которымъ эта пропаганда принадлежитъ своею инициативою и направленіемъ). По временамъ совершалось у нашихъ штундистовъ причащеніе или преломленіе хлѣба. Необычайность штундовыхъ собраній и своеобразный характеръ ихъ привлекали сюда множество православныхъ. Слушая и смотря на все происходящее здѣсь, православные, въ простотѣ сердечной, иногда даже противъ своей воли, — могли заражаться и заражались новизной. Вотъ какъ это происходило.

Въ этихъ собраніяхъ не обходилось безъ нѣкоторыхъ

эффектныхъ сценъ, которыя у штундистовъ, въ особенности на первыхъ порахъ, бываютъ часты и служатъ какъ бы непосредственнымъ слѣдствіемъ того новаго состоянія, которое наступаетъ въ сердцахъ и мысли новообращенныхъ. Бросивъ свое завѣтное наслѣдіе—вѣру отцевъ, эти люди всею душою предаются новому ученію, съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ въ нихъ и новое состояніе, которое рѣзко выдается въ нихъ, особенно на первыхъ порахъ по ихъ отпаденіи. Чтобы лучше понять это состояніе, нужно обратиться къ самому ученію штундистовъ. Хотя это ученіе у штундистовъ выражено въ особомъ исповѣданіи, однако на практикѣ оно усвоится не въ видѣ какой нибудь опредѣленной формулы, а скорѣе въ видѣ направленія, въ которомъ уже потомъ имѣетъ приложеніе и штундовая формула вѣры. Итакъ, въ чемъ же состоитъ это направленіе?—Чтобы хорошо его понять, слѣдуетъ обратиться къ брошюрамъ Петербургскаго Общества духовно-нравств. чтенія, распространеннымъ у насъ въ большомъ числѣ¹⁾. Вотъ что онѣ проповѣдуютъ: „вѣруй въ Господа нашего Іисуса Христа, какъ Единаго Ходатая нашего, и ты непременно спасешься. Не полагайся на дѣла твои: они не оправдываютъ, и не спасутъ тебя. Подумай лучше о томъ, какъ Спаситель любить тебя: Онъ ли не отпустить тебѣ грѣховъ твоихъ? Только вѣруй въ Него, и Онъ непременно проститъ тебя, хотьбы ты былъ какой тамъ угодно грѣшникъ“. Слова „вѣруй“, „только вѣруй въ Него“ особенно часто повторяются въ этихъ брошюрахъ, и не напрасно: они обозначаютъ то основаніе, на которомъ у насъ въ настоящее время производится перестройка личности. Въ нихъ-то собственно и заключается новое благо. Они-то именно и состав-

¹⁾ Я впрочемъ не утверждаю, что этикъ направленіемъ или „благомъ“ имъ обязаны исключительно распространеннымъ у насъ брошюрамъ. Принято оно въ нашихъ мѣстахъ, конечно, изъ Харсов. губ. отъ колонистовъ. А брошюры Общества духовно-нравственнаго чтенія лишь помогали, да и теперь помогаютъ его распространенію и усвоенію.

яютъ новое Евангеліе или Благую Вѣсть. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ то, какимъ образомъ начало вѣры, принимаемое у штундистовъ, какъ закваска, можетъ играть такую важную роль въ передѣлкѣ личности. Вѣдь и въ православной Церкви вѣра тоже принимается какъ первое условіе нашего освященія и спасенія. Если всмотрѣться ближе въ то, что проповѣдуютъ наши новые учителя, то окажется, что самая вѣра понимается у нихъ слишкомъ односторонне. Когда говорится ими: „вѣруй“, то дѣлается обращеніе собственно не ко всѣмъ силамъ души, а исключительно къ уму и сердцу¹⁾. Вѣра у нихъ является исключительно какъ увѣренность человѣка въ свое спасеніе чрезъ Іисуса Христа, какъ убѣжденіе его въ томъ, что онъ уже оправданъ, спасенъ, что уже ничего больше ему для спасенія не нужно, что все необходимое для этого у него уже есть. Такимъ образомъ здѣсь проповѣдуется вѣра по преимуществу съ характеромъ созерцательнымъ. Дѣятельная же практическая сторона вѣры не какъ нибудь случайно игнорируется, а напротивъ намѣренно устраняется или протвергается. Понятно, что, въ такой односторонней постановкѣ, вѣра не можетъ быть принята тѣмъ, кто сохранилъ въ себѣ здравомыслія настолько, чтобы понимать, что вѣра должна быть совокупнымъ актомъ всѣхъ силъ нашей души, а не нѣкоторыхъ только²⁾. вмѣстѣ съ воспріятіемъ такой кѣры на-

¹⁾ По ученію правосл. Церкви, „вѣра есть свободное принятіе и усвоеніе человѣкомъ, всѣми силами его души“, (слѣд. умомъ, волею и сердцемъ), „тѣхъ истинъ, которыя Богъ благоволилъ открыть намъ во Христѣ для нашего освященія и спасенія“. (Догм. Богосл. Макарія, т. 2, § 197, стр. 299).

²⁾ Въ связи съ этимъ становится понятнымъ и то, почему самыя брошюры у насъ дѣйствуютъ на людей весьма различно. Въ большинствѣ случаевъ онѣ даже для простолюдина кажутся скучными. Чтеніе Евангелія, Дѣявій или Посланій Апостольскихъ услаждаетъ духъ нашъ, но чтеніе этихъ брошюръ наводитъ на душу нашу такое состояніе, какое получается въ насъ, напр., отъ однообразнаго скрипѣнія намазанныхъ колесъ въ телегѣ, или—какое нагоняется на насъ завываніями осенняго вѣтра. Да и удивляться тому нечего. Евангеліе, Дѣянія и Посланія Апостольскія затрогиваютъ всю нашу душу. Эти же брошюры играютъ все лишь на одной струнѣ, да и то какъ-то не умѣло и неслышно: только и слышно отъ нихъ, что „вѣруй, вѣруй, пожалуйста, вѣруй“. Читалъ ихъ,

чинается тотъ жалкій переворотъ, о которомъ я сказалъ выше. Не трудно человѣку вообразить, что онъ уже спасенъ, оправданъ. Лишь только это съ человѣкомъ случилось, говоря иначе, лишь только онъ „прозрѣлъ“, тутъ наступаетъ въ душѣ его великая радость. Голова его сразу отуманивается парами самаго одуряющаго мистицизма. Онъ вдругъ воображаетъ себя ничѣмъ инымъ, какъ Божиимъ избранникомъ, Божиимъ сыномъ, святымъ. Онъ не помнитъ уже своихъ прежнихъ грѣховъ, онъ почти не знаетъ о своей грѣховной природѣ, склонной ко злу; онъ не думаетъ о борьбѣ съ своими дурными наклонностями; все это теперь для него пустяки, даже какъ невольна спрашиваешь себя: „да что же это такое? Чего жъ это здѣсь хотять? Ну, я вѣрую, чего же еще отъ меня хотять?“ Читаешь далѣе и опять здѣсь слышишь тоже самое; какъ будто хотять сказать тебѣ: „нѣтъ ты таки, пожалуйста, непременно вѣруй“. При этомъ нерѣдко кинуть еще словечко: „не полагайся на дѣла“... Да потомъ снова начинаютъ пѣть о вѣрѣ. Для человѣка съ здравнымъ умомъ и прямой душой эти званія такъ и останутся званіями. И броситъ онъ ихъ, какъ приторная, какъ „чуждая“. (Если народъ и много читаетъ ихъ, то отъ того, что они даровны, а другихъ книгъ у него почти нѣтъ). Но есть такія личности, которымъ эти званія приходятся по вкусу. Вотъ человѣкъ, обособленный отъ среды, въ которой онъ прежде жилъ, оставившій завѣты и преданія своихъ предковъ... Къ нему обращаются такъ же съ словами: „вѣруй, вѣруй... только тебѣ этого и нужно... можешь обойтись и безъ дѣла... Будетъ ли такой человѣкъ отвѣчать: „я вѣрую?“ А тутъ еще слова: „только тебѣ и нужна вѣра... безъ дѣла можно обойтись“... Это ужъ очень ему по душѣ. И вотъ для такого человѣка эти званія не пройдутъ безплодно, и онъ рано или поздно отзовется на нихъ съ полнымъ сочувствіемъ. Понятно, что и расположенный къ принатію этой вѣры не сразу же ее постигаетъ. Отъ него требуется извѣстное напряженіе, чтобы нѣкоторымъ образомъ сокрушить въ себѣ здравый смыслъ и повергнуть его въ бездну мистической вѣры. Поэтому шугидисты обыкновенно говорятъ тѣмъ, которме не находить въ этихъ брошюрахъ предлагаемаго ими блага: „читай—лишній та думай, думай та читай, то може таки й подумаешь; може Богъ тебе наставитъ“... И вотъ, человѣкъ начинаетъ вчитываться. Онъ слышитъ званія о вѣрѣ и испытываетъ свою душу,—оказывается, что онъ какъ будто дѣйствительно не вѣритъ; онъ судорожно выплывается, усиливается „вѣрить“. Напряженіе не проходитъ напрасно. Наступаетъ моментъ, когда онъ скажетъ себѣ: „я уже вѣро, вѣро“... Тогда уже цѣль достигнута: благо пріобрѣтено, спасеніе получено... Наступаетъ торжество. Душа преисполняется радости и веселія. Въ ней происходитъ настоящій „брачный пиръ“. И все это совершилось какъ-то внезапно, что называется, ни съ того, ни съ сего. Даже о брачной одеждѣ не позаботились, да что не позаботились?—привыкли для себя эту заботу дѣлать. Вонистину чудо!

будто для него никакого значенія не имѣеть: онъ воображаетъ себя только въ состояннн избраннн, усыновленнн, святостн. Отъ этого и двери райскнн кажутся ему такъ доступнымн, путь къ царствнн небесному кажется ему такъ легкимъ, спасеннн его такъ вѣрнымъ, что онъ уже готовъ бредить о раѣ, о Богѣ и святыхъ, которыхъ онъ тамъ видитъ, о своемъ блаженствѣ, которое онъ уже и теперь какъ бы испытываетъ. Каждый обращенный старается показать себя предъ другими благодатнымъ сосудомъ: выражается это прежде всего взглядомъ, который всегда дѣлается какъ-то изъ-подъ-лобья; затѣмъ штундисты заявляютъ и о присутствнн въ своемъ сердцѣ чего-то особеннаго: „ой, ой, ой... такъ, ей Богу, и чую, якъ щось въ мннн ворущица, осьдечки, осьдечки (указывая противъ сердца), ой, ей Богу, такъ и чую, якъ щось ворущица“... А то, говорятъ, нерѣдко во время собраннн кто нибудь одинъ или всѣ вдругъ становятся на колѣна или ложатся на землю, при чемъ кто-нибудь импровизируетъ проповѣдь или молитву, въ родѣ, напр., такой; „Господи прости мене, Господи помилуй мене, Господи, благодару Тебе... А ты, моя стара Хымко, (Евонннн, жена стараго Сннн—умершая) теперь въ пеклн тамъ мучисн“... При этомъ нерѣдко заливаются слезами. Могли ль присутствовавшнн тамъ выносить равнодушно такнн зрѣлища? Я самъ испыталъ на дѣлѣ нѣкоторое волненнн, когда, лѣтъ 5 тому назадъ, увидѣлъ въ Таращѣ бродягу Козловскаго, какъ онъ (въ домѣ городского надзирателя Недзвѣцкаго), предъ началомъ проповѣди упалъ на колѣна и сталъ читать изъ Евангелнн на русскомъ азнкѣ разные тексты. Самые тексты Писаннн мнѣ извѣстны, и не представляли мнѣ чего нибудь особеннаго; но картинностъ, съ какою они были читаны, произвела на меня свое впечатлѣннн: представьте вы себѣ человека, стоящаго на колѣнахъ въ благоговѣйной позѣ, читающаго Писаннн довольно гармоническимъ теноромъ, съ нѣкоторой дрожью въ голосѣ и слезами на глазахъ; и по мѣрѣ углубленнн въ чтеннн голосъ

его усиливается, дрожь замѣняется легкими вздохами и даже всхлипываніями, а слезы изъ глазъ ручьями разливаются по лицу... Не скажете ли вы, православный читатель, того, что и я подумалъ тогда въ сердцѣ: нѣтъ, этотъ человѣкъ, конечно, ошибается, но ошибается искренно... Увы! Разговоръ съ нимъ показалъ, что у него слезы сами собою, а убѣжденіе само собою... Пришлось послѣ сего сказать: „нѣтъ, можно плакать и не отъ искренняго убѣжденія...“. Есть слезы личнаго горя, есть слезы жалости о несчастіи другаго; но и есть слезы безсильной злости, есть слезы притворства и лицемѣрія, и есть слезы, зависящія отъ привычки; конечно, Богъ, испытуй сердца и утробы, лучше насъ вѣдаетъ источникъ слезъ всякаго. Но съ своей стороны лично я полагаю, что этими втораго рода слезами въ большинствѣ случаевъ и были плаканья въ собраніяхъ нашихъ штундистовъ. Такъ и смотрѣли на нихъ лучшіе и болѣе разсудительные изъ нашихъ православныхъ. Но были и такіе, которые, смотря на происходящее здѣсь, сами заржалась нѣкоторой восторженностью; съ ними плакали вмѣстѣ (слезы, какъ и смѣхъ, вѣдь заразительны), вмѣстѣ умилялись, и такимъ образомъ мало по малу сближались со штундистами и, пожалуй, духовно съ ними сроднялись. Тогда уже не тяжело было этимъ послѣднимъ сказать и къ Церкви Христовой—„прости“. Вотъ вамъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Одинъ изъ здѣшнихъ молодыхъ крестьянъ, довольно порядочный и добрый человѣкъ, сначала по близости штундовыхъ собраній, изъ любопытства сталъ ходить туда, и тамъ увлекся видѣніями тамъ сцениами. Штундисты плачутъ, и онъ плачетъ, и, кажется, вдоволь здѣсь онъ выплакался. Жена его, женщина очень разсудительная, и искренне любящая Церковь Христову, замѣтила въ мужѣ своемъ перемѣну и стала удерживать его отъ посѣщеній штундовыхъ собраній. Мужъ все-таки ходилъ туда: „такъ щось мене туды и тягне... Якъ поплачу тамъ, то наче легче становица... такъ тоді тобі робица гарно, дуже гарно“... Хо-

диль онъ и въ церковь. Въ настоящее время онъ уже, кажется, штундистъ.

Въ нашемъ приходѣ есть десятка два-три такихъ крестьянъ, которые доселѣ кое-какъ умѣли читать: это были частію школяры старой церковно-приходской школы, частію же солдаты, научившіеся письму въ военной службѣ. Нѣкоторые изъ этихъ грамотниковъ съ жадностію накинулись на еретическую новинку, безъ разсужденія принялись за усвоеніе ея и сдѣлались самыми отчаянными и злобными противъ православія штундистами ¹⁾, другіе, напротивъ, отнеслись съ благоразумной сдержанностію, иные даже съ ревностію добрыхъ сыновъ Церкви. Эти другіе стали въ оппозицію противъ штундистовъ-книжниковъ, стараясь ихъ опровергнуть и образумить. Въ воскресенье 5 августа 1880 г. въ церкви послѣ литургіи я получилъ отъ одного изъ таковыхъ ревнителей православія, унтеръ-офицера Трофима Денисовича Яковенка (онъ же и Самсоенко) такую записку: „Не во гнѣвъ вашей милости, осмѣливаюсь попросить у васъ какую-нибудь хорошую книгу для передачи (другимъ) православной Христовой Вѣры, какъ учила и учитъ православная Христова Церковь. Я бы душу свою положилъ, только бы подать хорошій совѣтъ, чтобы они (штундисты) были хорошими христіанами и слѣдовали бы хорошею дорогою, которую Сынъ Божій написалъ и передалъ для насъ своими апостолами“. Не помню, какую именно мнѣ довелось тогда дать книгу. (Потомъ этому ревнителю православія—грамотнику приходилось давать не одну книгу). Но скажу здѣсь, что этотъ случай послужилъ для насъ (моего отца и меня) весьма не малымъ утѣшеніемъ. Видно было, что не оскудѣла еще вѣра въ духовномъ Израилѣ, что есть и между грамотными такіе, которые не надмѣваются своимъ крошечнымъ вѣдѣніемъ, не замы-

¹⁾ Какими: всѣ три Саенин, (одинъ изъ Саениновъ—Вузвинныхъ—Харитонъ умеръ въ этотъ маслѣцъ), крестьянинъ Яковъ Голубецъ, солдатъ Стефанъ Вузвинный (нынѣ), Адрианъ Осанинъ и приходецъ въ Керданцахъ С. Стеценко, всѣ уже перекрещенные въ Кердановской рѣкѣ Котлуѣ.

каются отъ Церкви, не берутся поучать, нуждаясь сами въ наученіи, что, вступая въ споры съ врагами православія, они ищутъ руководства Церкви (какъ учила и учитъ православная Христова Церковь). Итакъ нужно было поспѣшить на помощь доброму желанію. Здѣсь въ нашемъ представленіи вырисовалось во всей своей практической пригодности учрежденіе праздничныхъ бесѣдъ съ народомъ, хотя, впрочемъ, мысль объ этихъ бесѣдахъ и прежде занимала насъ, и мы еще прежде этого случая порѣшили завести православныя собесѣдованія съ народомъ по праздничнымъ днямъ. Праздничныя бесѣды, казалось намъ, суть лучшій способъ къ взаимообщенію нашему съ народомъ, къ распространенію въ немъ здравыхъ понятій вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ отвлеченію его какъ отъ праздности, такъ и отъ самочинныхъ сборищъ. Но какъ однако взяться за это дѣло? Было очевидно и примѣрами доказано, что одному священнику безъ посторонней помощи нѣтъ никакой возможности завѣстись съ успѣхомъ этимъ дѣломъ. Во время каникулъ можно было воспользоваться моею помощію. Итакъ, мы рѣшили не откладывать. Но гдѣ и какъ открыть эти бесѣды? Самое лучшее было бы устроить ихъ въ школѣ или при церкви. Но школа почти въ развалинахъ, а церковь на окраинѣ села. Неожиданный случай помогъ дѣлу. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ іюлѣ мѣсяцѣ проходилъ я по Яценковщинѣ. По обыкновенію у Савевъ въ избѣ происходило сборище. Слышно было оттуда пѣніе. Прямо противъ этой избы на улицѣ сидѣло человѣкъ около десятка православныхъ. Поздоровавшись, я спросилъ, о чемъ они тутъ толкуютъ, и что дѣлаютъ. „А такъ собіе сидымо“, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, извѣстный своимъ прямодушіемъ; „онѣ штунды співають собіе та чытають, а мы щожъ будемо робыть?... якъ е въ кого гроші, то въ корчму піде, а нема, то такъ собіе сидышь, якъ оце мы тутечка“... Разговорившись съ ними, я предложилъ имъ завести свои собственыя православныя собранія, на которыхъ бы намъ можно было въ праздники почитать что-нибудь и попѣть отъ

Божественнаго. Собесѣдники отнеслись къ этому съ большою охотою. Было здѣсь же предположено—собраться для благочестивыхъ упражненій у крестьянина Никифора Брыжа, который предложилъ намъ для этого свою еще не совсѣмъ достроенную избу, находящуюся какъ разъ противъ хаты Саевъ, въ которой происходили штундовыя собранія. Въ слѣдующее воскресенье за богослуженіемъ была сказана проповѣдь на текстъ: „еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся, зная, что такой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ“. (Тит. III, 10, 11 ст.). Здѣсь прежде всего на примѣрахъ Св. Ап. Іоанна (въ Ефесѣ въ отношеніи къ Керинеу) и Ап. Павла (См. 1 Кор. гл. 5) показана необходимость отвращаться отъ сообщества съ еретиками и изображены дурныя послѣдствія худыхъ сообществъ¹⁾, а также и излишнихъ словопреній²⁾. Затѣмъ указана необходимость взаимнаго, болѣе тѣснаго общенія православныхъ, между прочимъ посредствомъ бесѣдъ и разныхъ благочестивыхъ упражненій³⁾, для утвержденія въ вѣрѣ и предохраненія отъ заблужденій⁴⁾. Проповѣдь закончена воззваніемъ къ православнымъ съ приглашеніемъ ихъ посѣщать собранія, которыя на лѣтнее время будутъ вестись въ предназначенномъ мѣстѣ подѣ вѣдѣніемъ и по благословенію нашего пастыря. Въ послѣобѣденное время часовъ около 12-ти бесѣды открыты были самимъ отцемъ моимъ въ домѣ Никифора Брыжа. Предъ началомъ была по осо-

¹⁾ „Не обманывайтесь; худыя сообщества развращаютъ добрыя нравы“, 1 Кор. гл. 15, 33.

²⁾ „Сіе напоминай, заклиная предъ Господомъ, не вступать въ словопренія, что ни мало не служитъ къ пользѣ, а къ разстройству слушающихъ. Старайся представлять себя Богу достойнымъ, дѣлателемъ неукоризненнымъ, вѣрно преподающимъ слово истины. А не потребнаго пустословія удаляйся; ибо они еще болѣе преусиживать будутъ въ нечестіи. И слово ихъ, какъ ракы, будетъ распространяться... Но твердое основаніе Божіе стоитъ, ниѣя печать сію: познавъ Господь Своихъ; и да отступитъ отъ неправды всякій, исповѣдующій имя Господа. 2 Тим. 11, 14—17; 19. и 1 Тим. 6; 3—5.

³⁾ Примѣръ переностающихъ христіанъ,—ихъ единодушное участіе въ собраніяхъ. Дѣян. 5, 12; 2, 42; 5, 14 и пр.

⁴⁾ Здѣсь прекрасный матеріалъ доставилъ псаломъ 118-й.

Труды Киев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

бому чинопослѣдованію совершена отцемъ моимъ соотвѣтствующая дѣли молитва ко Господу. Затѣмъ начались чтенія. Прочитано отцемъ моимъ воскресное Евангеліе съ объясненіями; было потомъ еще что-то прочитано (изъ Четы-Миней, кажется, — сказаніе о происхожденіи древъ Креста Господня; впрочемъ хорошо не помню). Послѣ этого отецъ сдалъ бесѣды на мои руки, заявивши, что ему нѣтъ возможности вести это дѣло непрерывно и систематически, при постоянныхъ отвлеченіяхъ по приходу. Послѣ этого у насъ пошли бесѣды каждый воскресный день и празднигъ большой ли или малый. Но прежде, чѣмъ рассказывать объ этихъ бесѣдахъ, какъ происходили онѣ у насъ и какое значеніе имѣли (точнѣе сказать — какое впечатлѣніе произвели въ нашемъ приходѣ), расскажу здѣсь еще объ одномъ происшествіи у насъ въ тотъ день.

Въ то самое время, какъ мы открывали и вели праздничныя бесѣды, въ хатѣ Сая происходило что-то необыкновенное: „есть“, говорили намъ, „и штундовой пресвитеръ“. По окончаніи бесѣдъ, мы — я и отецъ — рѣшились зайти въ самое сборище штундистовъ: оно оказалось состоящимъ изъ крестьянъ Керданскихъ, Болкувскихъ и нѣкоторыхъ чужестороннихъ. (Изъ Косяковки, Кучковки, Малой Волнянки и др.). Пресвитеръ Теофилъ Гардовскій, какъ послѣ намъ объясняли, былъ изъ дер. Кучковки; при насъ же онъ назвалъ себя таращанскимъ мѣщаниномъ. Когда отецъ пожелалъ знать, кто и откуда здѣсь посторонніе, то они, по почину самого Гардовскаго, съ большою развязностью открывались. Ихъ стали переписывать. Всѣ держали себя спокойно и чинно. Только одинъ довольно пожилой человекъ (изъ Косяковки) отпустилъ на нашъ счетъ остроту (и то впрочемъ безъ признаковъ злости или горячности): а може“, сказалъ онъ, „вже нема, на чому й писати?... Писали мене богацько разъ, алежъ нема ціому ніякої вады“... Штундистамъ все-таки объявлено было, что ихъ собраніе незаконно, что если имъ угодно собираться для чтенія, то пусть не отдѣляются отъ православныхъ, а ходять на открытыя

сегодня православныя собранія. Намъ на это ничего не возражали, но собранія штурдистовъ и впоследствии бывали постоянно по воскреснымъ днямъ. Тогда же Гардовскій предлагалъ намъ возраженія противъ изобразимости Бога и почитанія святыхъ, на которыя мною лично дано объясненіе. Какъ велось это у насъ совопросничество, не считаю нужнымъ здѣсь въ подробности воспроизводить. Укажу лишь здѣсь вообще, что возраженія Гардовскаго противъ изобразимости Бога опирались на духовности существа Божія, а мои доказательства въ пользу практики православной Церкви, допускающей изображенія Бога въ Троицѣ славимаго, состояли, во первыхъ, въ разъясненіи цѣли и значенія изображенія Бога (желаніе представить Бога допустить и для нашихъ чувствъ, подобно какъ человѣка отошедшаго въ вѣчность мы все-таки представляемъ себѣ не иначе, какъ въ томъ вѣшнемъ образѣ, въ какомъ мы знали его во дни земной жизни); и, во вторыхъ, въ указаніи тѣхъ вѣшнихъ образовъ, подъ которыми Богъ, въ Троицѣ славимый, являлся человѣкамъ, (напр., Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ, Дан. 7, 9—13; Апокал. 1, 13—16; 4, 2—3; 6, 1 и 5 и др., о Богъ-Духъ св. Луки 3 гл. 22 ст. и др. мѣста; здѣсь же, — что Сынъ Божій въ подобіи человѣческомъ былъ), и подъ которыми Онъ изображается на иконахъ — въ Троицѣ и каждое Лицо отдѣльно. Противъ почитанія же святыхъ Гардовскій приводилъ слова Ангела къ тайновидцу Іоанну Богослову, „упавшему къ ногамъ его (Ангела), чтобы поклониться ему“: „смотри“, говорилъ Ангелъ Іоанну Богослову при этомъ случаѣ, „не дѣлай сего; я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Іисусово: Богу поклонись; ибо свидѣтельство Іисусово есть духъ пророчества“ (Апокал. 19, 10; 20, 9); здѣсь же было приведено еще другое подобное мѣсто въ Писаніи, именно слова Ап. Петра Корнилію Сотнику, который, при входѣ его въ домъ, „поклонился“ ему, „падши къ ногамъ его“: „встань“, сказалъ Ап. Петръ Корнилію, „я тоже человѣкъ“.

(Дѣян. 10, 25—26). Съ своей стороны я прежде всего обратился къ самымъ приведеннымъ словамъ, какъ Апокалипсиса, такъ и Дѣяній, и здѣсь указывалъ основанія запрещенія поклоняться—Ангелу со стороны Іоанна Богослова и Петру со стороны Корнилія. Изъ неприложимости этихъ основаній къ намъ, я выводилъ неумѣстность ссылки на эти примѣры. Такъ, основаніе словъ Ангела къ Іоанну Богослову („я сослужитель тебѣ и братіямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Іисусово: Богу поклонись; ибо свидѣтельство Іисусово есть духъ пророчества“) я указывалъ въ тѣхъ качествахъ, чертахъ и положеніи Іоанна Богослова, которыя дѣйствительно приравнивали его къ Ангелу (въ данное время) и которыхъ у насъ нѣтъ. Отсюда дѣлался прямой выводъ, что и запрещеніе это не относится къ намъ. Основаніе словъ Ап. Петра Корнилію сотнику я находилъ въ весьма вѣроятномъ языческомъ понятіи Корнилія (прозелита вратъ) о Петрѣ какъ лицѣ, имѣвшемъ не только Божественное посланничество, но и Божественную природу,—понятіи, котораго мы христіане о святыхъ нашихъ не имѣемъ. Отсюда опять сдѣланъ былъ выводъ такой, что то, что запрещалъ Петръ Корнилію, не запрещается для насъ; тѣмъ болѣе, что Ап. Петра и всѣхъ святыхъ мы чтимъ не въ естественномъ ихъ бытіи, а въ прославленномъ, не какъ человѣковъ, а какъ орудія благодати Божіей,—здѣсь разъясненъ смыслъ почитанія святыхъ ¹⁾). Наконецъ, былъ указанъ примѣръ изъ исторіи Іисуса Навина, говорящій совсѣмъ противное первому изъ приведенныхъ выше мѣстъ ²⁾).—

¹⁾ Хотя святые на землѣ и немощныи сосудами были, но благодатию Божіею они сдѣлали великое, ибо „сила Божія въ немощахъ совершается“; вотъ эту-то силу Божію собственно въ нихъ и чтимъ, и наше поклоненіе имъ есть собственно поклоненіе Богу—источнику святости, Святому святыхъ, и Дивному во святыхъ.

²⁾ Когда подъ стѣнами Іерихона явился небесный посланникъ въ образѣ человѣка съ обнаженнымъ мечемъ, и, на вопросъ І. Навина, кто онъ таковъ, отвѣчалъ: „я, вождь воинства Господня, теперь пришелъ сюда“, то „Іисусъ палъ лицомъ своимъ на землю, и поклонился ему, и сказалъ: что господень мой

Вотъ суть моего разговора съ Ѳ. Гардовскимъ. Конечно, штурдисты при своемъ остались. Гардовскій, отягиваясь съ уваженіемъ о приведенныхъ мною доказательствахъ, заключилъ оговоркой, которую не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію тѣмъ, которые думаютъ, что штурдистовъ можно „урезонить“. „А все-таки“ сказалъ онъ, „ваше слово человѣческое, которое Божему повинно уступить“. При этомъ сдѣлана ссылка на рѣчь Ап. Павла о превосходствѣ мудрости Божіей предъ мудростію человѣческою (1 Кор. 1, 17—31). Что же послѣ этого намъ было и говорить?... Онъ, кажется, готовъ признать, что наука вещь прекрасная, но только ужъ никакъ не можетъ быть Божіей. Ну, и пусть себѣ думаетъ такъ. Впрочемъ, я отвѣтилъ тогда ему замѣчаніемъ, что и наше благовѣстіе или ученіе, какъ и нѣкогда Павлово, тоже состоитъ „не въ премудрости слова“, которая можетъ „упразднить Крестъ Христовъ“, а „въ явленіи духа и силы Божіей“, жившихъ въ Апостолахъ—Павлѣ и др. и по наслѣдству къ намъ благодатию Божією перешедшихъ,—слѣдовательно, и благовѣстіе нашей Церкви есть именно мудрость Божія, а не человѣческая (см. 1 Кор. 1, 17 ст. до к.); и всякій, кто возвѣщаетъ это благовѣстіе, возвѣщаетъ мудрость Божію, а не человѣческую; благовѣстіе же, нынѣ ими, штурдистами возвѣщаемое, явилось не раньше, какъ 300 лѣтъ назадъ и притомъ произошло не изъ чего, какъ изъ внѣшней мудрости, изъ средневѣковой философіи (мистики); вотъ почему она и „упраздняетъ Крестъ Христовъ“, какъ сіе видно на самихъ штурдистахъ и на другихъ ихъ собратіяхъ, различныхъ сектантахъ протестантскихъ, которыхъ ученіе далеко удалилось отъ ученія Христова, Апостоловъ и преданія Церкви. Вотъ почему и мудрость ихъ не Божія, а человѣческая, которая несомнѣнно покорится первой. Вся-

скажетъ рабу своему? Вождь воинства Господня“ не выговаривалъ ему за поклоненіе, а еще „сказалъ Іисусу: сними обувь твою съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято. Іисусъ такъ и сдѣлалъ“. Книга Іисуса Навина глава 5, 13—15 ст.

кій безпристрастный человекъ это признаетъ.—Говорятъ, Гардовскій еще долго оставался съ своею братією и предостерегалъ ее отъ посѣщенія православныхъ собраний.

Теперь пора кое-что сказать объ этихъ собраніяхъ. Собранія наши начинались обыкновенно въ послѣобѣденное время—часовъ около 12 и велись почти до вечера. Обыкновенно я забиралъ нужныя книги: Библію на русскомъ языкѣ (всегда), Четы-Минси, исторію Смирнова, пособія къ изученію Свщ. Писанія и нѣкоторыя другія по мѣрѣ надобности (напр., Церковную исторію Евсевія Памфила, творенія мужей Апостольскихъ, разговоръ съ Трифономъ Іудейвиномъ—Іустина Философа, О ересьяхъ—Викентія Леринскаго и проч.)... По дорогѣ къ мѣсту собраній я заходилъ въ домъ указаннаго выше Трофима Сампсоненка, котораго обыкновенно заставлялъ за чтеніемъ книги вмѣстѣ съ крестьяниномъ Иваномъ Чилюкомъ. Оба они грамотные. Но первый отличался твердостью вѣры, а про втораго ходили толки разные. Вмѣстѣ съ ними отправлялись мы къ мѣсту собраній нашихъ—въ извѣстный домъ Никифора Брыжа. Сюда хозяйева тотчасъ приносили столъ, покрытый скатертью, скамью одну или нѣсколько, мы раскладывали книги, читали, а впоследствии пѣли молитву или ко Пресвятому Духу (Царю Небесный), или ко Отцу Небесному (Отче Нашъ) или къ Сыну Божію (Господи Іисусе Христе Сыне Божій)¹⁾... Лишь только узнавали про нашъ приходъ сосѣди—православные, тотчасъ собирались къ намъ; приходили и дальніе. Иногда бывало у насъ посѣтителей полная хата, а бывало такъ, что хата не вмѣщала всѣхъ посѣтителей; тогда они располагались внѣ хаты, подъ окошками, которыя не были еще зарамлены, и въ сѣняхъ. Обыкновенный порядокъ вашихъ чтеній былъ таковъ. Прежде всего было положено рядовое чтеніе изъ Библіи. Я зналъ, какъ при настоящемъ тревожномъ настроеніи умовъ, народъ мало въ-

¹⁾ Эта молитва всегда читалась.

рять устнымъ разсказамъ; поэтому приходилось вести чтенія непосредственно по Библии. Рядовое чтеніе Библии предположено начать съ книги Бытія, т. е. отъ самаго начала Библии; чтобы это чтеніе не было утомительнымъ все-таки приходилось кое-что, не вразумительное для начинающихъ знакомиться съ Писаніемъ, а также требующее обширныхъ (этнографическихъ, историческихъ, археологическихъ) объясненій (напр. 10—11 гл.) пропускать, указывая впрочемъ, что и почему нами выпускается,—конечно, чтенія такъ подбирались, чтобы на каждый разъ выходила цѣльная исторія. Затѣмъ слѣдовало чтеніе и возможно обстоятельный разборъ какихъ-либо мѣстъ Св. Писанія, занимавшихъ въ то время умы народа, или чтеніе изъ какихъ-либо другихъ писаній и пособій, по преимуществу тѣхъ мѣстъ и отдѣловъ, которые отвѣчали нуждамъ времени. Понятно, что эта вторая часть чтеній болѣе насъ занимала, ибо толки о многомъ были сильные, тѣмъ болѣе, что къ объясненію того или другаго мѣста, или къ разсказу о томъ или иномъ предметѣ приводили насъ сами собесѣдники или совопросники, о которыхъ ниже скажемъ. По памяти перечислю лишь то, что нами въ этомъ второмъ ряду чтеній было сдѣлано: разъяснено значеніе словъ Ап. Павла въ Аѳинскомъ Ареопагѣ (особенно 24 и 29 стихи 17 гл. Дѣян.), приводимыхъ штундистами противъ рукотворенныхъ храмовъ и изображеній Божества,—(значеніе) второй заповѣди десятословія (Исх. 20, 4); приводимой противъ поклоненія иконамъ,—словъ Іисуса Христа въ бесѣдѣ съ Самарянкой (Іоан. 4, 21—24), приводимыхъ противъ храмовъ, какъ опредѣленныхъ мѣстъ общественнаго богослуженія новозавѣтной Церкви,—словъ посл. къ Евр.: „они“ (отпадшіе отъ Церкви) „снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему“ (Евр. 6, 6), приводимыхъ штундистами противъ крестнаго знаменія,—значеніе въ общихъ чертахъ Апокалипсиса и съ большею обстоятельностью—Апокалипсическихъ образовъ (—жены, дракона, звѣря перваго—съ семью головами, десятью рогами и 2-го съ двумя и пр.),

въ особенности же дѣйствій втораго звѣря—обольщенія имъ живущихъ, на землѣ сдѣлать образъ перваго звѣря, поклоняться ему и принять начертаніе на правую руку, или на чело (Апокал. XIII, 14—17; XIV, 9—11; XV, 1—4, XVI, 1, 2, 10, 11, 13, 14; XVII, 7—12, 16, 17; XIX, 17—21; XX, 4—5, 9, 10, 14 и др.),—разобраны слова Пс. 113, ст. 9—16, на которыя ссылаются въ обличеніе иконопочитанія,—подробно было трактуемо о первосвященническомъ достоинствѣ и служеніи Господа нашего Иисуса Христа, отношеніи къ нему священства ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго и значеніи того и другаго, противъ кривотолковъ о православномъ священствѣ на основаніи гл. 4—10 Евр., въ особенности гл. 7—10 Евр.),—разобрано было еще мѣсто въ 1-мъ посл. Ап. Петра о всеобщемъ священствѣ (11, 9). Кромѣ этого были читаны по занимавшимъ насъ вопросамъ изъ разныхъ пособій—о Нерукотворенномъ Образѣ (Четьи-Минеи), о кончинѣ міра (спеціальная брошюра), седьмомъ вселенскомъ соборѣ и иконоборческихъ смутахъ (Ц. И. Смирнова) и др. Постоянными собесѣдниками и отчасти помощниками мнѣ были вышеупомянутые два грамотныхъ человѣка. Когда мнѣ приходилось на малое время оставлять собраніе, а у насъ передъ тѣмъ что-нибудь читалось; то я поручалъ продолжать чтеніе этимъ двумъ и главнымъ образомъ—Трофиму Сампсоненку. Съ первыхъ же дней нашихъ бесѣдъ насъ стали навѣщать штудисты съ своими возраженіями. Нисколько впрочемъ не видно было того, чтобы они шли сюда ради уясненія для себя спорныхъ вопросовъ. Изъ всѣхъ ихъ посѣщеній я убѣдился, что они ходили къ намъ только потому, что надѣялись или насъ переспорить или намъ какой-нибудь скандалъ учинить. Такъ напр., являлся къ намъ Артемонъ Сай. Попросивъ у насъ кн. пророковъ (въ русск. перев.), онъ отыскалъ Ис. 44 гл. и сталъ читать вслухъ ст. 9—20. Мы дали ему возможность дочитать все, что ему нужно было. По прочтеніи своего онъ спросилъ насъ: что мы скажемъ на это? къ чему оно?—Мы сказали, что къ идоламъ. Видно было, что щазь

вопросникъ рассчитывалъ произвести на насъ впечатлѣніе своимъ отирытіемъ противъ воображаемыхъ имъ боговъ у насъ. Но сами православные собесѣдники наши заявили, что у насъ одинъ Богъ на небѣ, и нѣтъ у насъ иступановъ; есть у насъ иконы, но то образы,—за боговъ мы ихъ не считаемъ и не принимаемъ, потому и укоризны пр. Исаи несколько не могутъ быть отнесены на нашъ счетъ; потомъ объяснили, въ какомъ смыслѣ и почему мы воздаемъ поклоненіе (въ доказательство возможности откровенія Бога въ людяхъ чрезъ извѣстные предметы и въ извѣстныхъ мѣстахъ сдѣлана была ссылка на Исх. 20, 22). Тѣмъ дѣло и кончилось. Впечатлѣнія, ожидавшася нашимъ возражателемъ, не произошло, а получилось нѣчто обратное. Съ тѣмъ онъ и ушелъ отъ насъ. Въ другой разъ пришелъ къ намъ штундистъ Голубецъ, самый безтолковый и озлобленный изъ всей ихъ братіи, который находитъ для себя удовольствіе въ томъ, чтобы поспорить, вѣрнѣе попустословить, что впрочемъ самъ онъ называетъ „поговорить“. Сперва онъ слушалъ, что на тотъ разъ читалось; потомъ вдругъ прервалъ чтеніе такъ: „нута!.. годи!.. цытьте!.. Скажите лышывъ, що міні буде за те, що я вашіхъ божківъ повыкидавъ“?. Мы спросили его: „про какихъ это онъ „божківъ нашихъ „говорить“?—„Та про тіхъ надѣлія рукъ, що у насъ на стінахъ висять, та вы кланяєтесь имъ“... Мы возмущались духомъ по поводу такихъ выраженій о нашихъ св. иконахъ, и потребовали отъ него, чтобы онъ, если ему угодно разсуждать съ нами объ иконахъ, называлъ ихъ такъ, какъ и мы называемъ ихъ; тутъ я разъяснилъ ему, что иконы мы принимаемъ не за какія либудь существа, а лишь за образы Бога и чтимыхъ нами святыхъ, почему и называемъ ихъ „образами“ или, погречески, иконами (*εἰκόνος*—образъ), указали на обычай употребленія изображеній, не чуждый Св. Писанію и допущенный Церковью Христовою, нашею непогрѣшимою руководительницею въ дѣлахъ вѣры, и не только допущенный, но, съ выясненіемъ

надлежащаго смысла употребленія иконъ, и уваженный, такъ что не признающій его извергается изъ Церкви, яко язычникъ и мытарь; затѣмъ были прочитаны нѣкоторыя мѣста изъ посл. Іуды (напр. ст. 8—11), которыя такъ шли къ этому хулителю. Еще разъ—пришли къ намъ два другихъ штундиста. Эти какъ будто совсѣмъ намъ не думали возражать; иногда даже какъ будто съ нами совсѣмъ были согласны. Читалось въ это время у насъ что-то изъ Епарх. Вѣдом. (Кажется, какое-то извѣстіе о штундистахъ). Черезъ нѣкоторое время мнѣ понадобилось отлучиться изъ собранія. Продолжать чтеніе было поручено Тр. Сампсоненко. При возвращеніи назадъ, я услышалъ въ мѣстѣ нашихъ собраній большой шумъ. Спѣшу туда и застаю такую картину. Сампсоненко стоитъ съ книгою у стола и съ выраженіемъ негодованія въ лицѣ приказываетъ штундисту удалиться вонъ: „поди прочь! А... такъ ты вотъ какой! Поди отъ насъ прочь!“ Штундистъ (Адріанъ Оксаничъ) между тѣмъ стоялъ прямо противъ него съ палкой въ рукѣ и съ шапкою на головѣ. При моемъ появленіи шапка была имъ поспѣшно снята, но и прежде всего сдѣлалъ ему выговоръ за безцеремонность его въ отношеніи къ мѣсту нашихъ собраній; здѣсь я указалъ на то, что наше собраніе учинено во имя Господа, что Христосъ посреда насъ, что мы составляемъ какъ бы нѣкую церковь; что повтому поступокъ его—Оксанича въ высшей степени безобразенъ,—такой, на который не рѣшился бы даже еврей или какой-либо язычникъ. Потомъ я сталъ спрашивать, изъ-за чего собственно у нихъ споръ вышелъ. Оказалось, что штундисты, въ моемъ присутствіи молчавшіе, или даже потвѣрждавшіе насъ, по моемъ уходѣ, тотчасъ дали волю своимъ языкамъ и выразили мысль, что чтеніе какихъ бы то ни было постороннихъ книгъ, кромѣ Писанія, вредно, потому что эти книги челоуѣческія. Въ отвѣтъ на это, я указалъ на брошюры Общ. дух. нравств. Чт., которыя такъ сильно распространены у штундистовъ, при томъ почти помимо нашей Церкви, тогда

какъ употребляемыя у насъ санкціонированы самою нашею св. Церковью. Штундисты остались посрамленными и съ тѣхъ поръ къ намъ почти не являлись. Да не подумаетъ впрочемъ читатель, что наши бесѣды все состояли изъ столкновеній съ штундистами; приведенныя сейчасъ потому и приведены, что были у насъ явленіями особенными въ своемъ родѣ. Большею же частію мы безпрепятственно занимались чтеніемъ въ указанномъ выше порядкѣ. Чтеніе перемежалось пѣніемъ церковныхъ пѣсней—Царю Небесный, Достойно, Взбранной, Подъ Твою милость, Иже херувимы, Отче нашъ, Слава въ вышнихъ Богу и храмоваго тропаря. Иногда приходилъ къ намъ отецъ мой—священникъ и руководилъ нашею бесѣдою (или принималъ участіе въ бесѣдахъ). Такъ продолжалось до конца каникулярнаго времени. Потомъ бесѣды еще вѣскольکو разъ повторялись. Что же изъ этихъ бесѣдъ вышло? Думать можно, что эти бесѣды, какъ онѣ ни были коротки, не часты, остались не безъ нѣкотораго добраго плода: онѣ на первыхъ порахъ показали православному Керданскому обществу, что нашу Церковь святую упрекаютъ во многомъ несправедливо, что православная Вѣра небезпочвенна; разныя недоумѣнія, по крайней мѣрѣ, для посѣщавшихъ наши собранія, пали сами собою. За время бесѣдъ и совращеній не было. Впрочемъ это было только затишье разврата. Скоро онъ опять пошелъ своей дорогой.

Здѣсь упомянемъ объ одномъ нелишнемъ интереса обстоятельстве. Съ учрежденіемъ праздничныхъ бесѣдъ, было послано къ г. приставу 1 уч. Тараш. уѣзда отъ Керданскаго священника отношеніе съ указаніемъ на развращающее вліяніе штундовыхъ собраній въ приходѣ,—съ увѣдомленіемъ объ учрежденіи православныхъ собраній по праздникамъ для чтенія, пѣнія и бесѣдъ въ духѣ православной Церкви, и, наконецъ, съ покорнѣйшей просьбой къ г-ну приставу позаботиться о прекращеніи штундовыхъ сборищъ въ приходѣ. Въ отвѣтъ на это получено отъ при-

става такое отношеніе: „изъ увѣдомленія Вашего отъ 11-го текущаго августа за № 30 между прочимъ видно, что штундисты позволяютъ себѣ ругательства и кощунство въ отношеніи къ святынь, выбрасываютъ святые иконы съ поруганіемъ въ нечистыя мѣста и закапываютъ ихъ въ землю, но кто именно это сдѣлалъ, у Васъ не поименовано. Въслѣдствіе чего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преподобіе увѣдомить меня: кто изъ штундистовъ позволялъ себѣ ругательства и кощунство къ святынь и кто выбросилъ св. иконы въ нечистыя мѣста и какія на то имѣются доказательства“. Хоть это отношеніе и не было отвѣтомъ на такое же отъ священника, но оно дало поводъ православнымъ думать о томъ, какъ бы оградить себя отъ хулителей судомъ. Было составлено такое прошеніе въ судъ отъ громады (которое впрочемъ доселѣ не пошло въ дѣло).

„Съ 1879 г. въ нашей средѣ открыто стали дѣйствовать самозванные проповѣдники новаго ученія, называемые штундистами, учащіе не по Божественному преданію Христовой Церкви. Утверждаясь въ средѣ нашей все болѣе и болѣе, они до настоящаго времени постоянно были для нашего общества предметомъ соблазна и источникомъ развращенія. Выдавая себя за святыхъ, объявляя себя апостолами, пророками, избранныками Божиими, они въ тоже время своими рѣчами и бесѣдами, высказываемыми и совершаемыми публично, развращали благочестивыя дотогѣ сердца, распатывали уваженіе ко всякой святынь и власти и тѣмъ пролагали путь къ дальнѣйшимъ совращеніямъ и отпаденіямъ. Прежде всего штундисты заявили о себѣ постояннымъ ругательствомъ надъ св. иконами, непрестанно употребляемыми въ практикѣ нашей Церкви. Съ древнѣйшей поры (вѣруемъ, что отъ временъ Іисуса Христа и Апостоловъ) благочестивые христіане окружали святымъ благоговѣніемъ и почитаніемъ изображенія или образы Бога, въ Троицѣ славимаго, св. ангеловъ и св. человекъ, и воздавали имъ поклоненіе и лобзаніе, при чемъ это благоговѣніе

и почитаніе относилось ими не къ матеріалу, употребленному для образа, а къ тому, кто служилъ предметомъ этого образа. Не понимая, или, вѣрнѣе, не желая понимать почитанія нами иконъ такимъ образомъ, штундисты непрестанно навязываютъ намъ мысль объ иконахъ какъ бы о нѣкоторыхъ нашихъ божествахъ, а чтобы при этомъ досадить намъ и показать ничтожество будто бы боговъ нашихъ, они постоянно словомъ и дѣломъ ругаются надъ св. иконами. Не имѣя возможности и не желая перечислять всѣхъ известные у насъ случаи такого ругательства, укажемъ на нѣкоторые, прося Судъ принять законныя мѣры къ обузданію ругателей. Таковъ крестьянинъ Яковъ Шевченко, называющій св. иконы „божеами“, и „истуканами“ (слѣдуютъ известные свидѣтели...), св. Крестъ—тѣмъ, „чимъ треба отъ собакъ отгоняца“ (свид...), иконы—одну прирывшій, другую—бросившій въ печь, изъ третьей—подѣлавшій сачочки для дѣтей (свид...). Другой штундистъ Климы Яценко издѣвался надъ церковью, священнымъ мѣстомъ нашей молитвы и совершенія таинствъ, при чемъ говорилъ: „колыбѣ мене пустылы въ церковь, то я бѣ иконостасъ и царскіе врата и престолъ порубавъ бы и разрушивъ бы“ (свид...); онъ же съ яростію и остервенѣніемъ рвалъ икону св. Николая, наступая на нее ногою, и раздравши на куски, на дворъ выбрасывалъ (свид...). Жена Чапорскаго называла Святаго Угодника Божія Николая ругательно (свид...). Ругаясь надъ всякою святынею, называя иконы идолами, а насъ, православныхъ, идолопоклонниками, штундисты съ особеннымъ озлобленіемъ относятся къ нашему уважаемому пастырю и отцу, священнику П. П.—му, принося ему оскорбленія при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Напр., вышеупомнутый Я. Шевченко называлъ его льстепомъ, лицемѣромъ и лживымъ пророкомъ (свид...), а одинъ изъ тараш. мѣщанъ, по прозвищу Никоновчукъ, называлъ его публично, при отправленіи имъ своей обязанности, „не пастыремъ, а волкомъ и разбойникомъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ обычное заключеніе съ просьбой Суду „принять къ разсмотрѣнію сіе прошеніе милостиво и употребить мѣры къ вразумленію и обузданію своевольныхъ и безчинныхъ, обративъ въ особенности вниманіе на то, что такія безчинства, какъ и прежде, не приносили православнымъ мира, такъ и впредь не общають ничего добраго и могутъ только вызвать большіе безпорядки въ жизни и разстройство въ обществѣ“.

Не знаю, случаемъ ли было то обстоятельство, что въ періодъ веденія бесѣдъ по праздникамъ съ православнымъ народомъ не было замѣтно въ приходѣ и совращеній. Съ наступленіемъ осени бесѣды прекратились, оживилась и пропаганда.

Лѣтомъ 1881 года Керданскіе штундисты дождались большаго торжества надъ православными: они были безусловно признаны таращ. уѣздн. властію въ правѣ пользоваться кладбищемъ наравнѣ съ православными, и опираясь на „приказъ начальства“, совершили погребеніе съ своими церемоніями, не смотря на энергическій протестъ православнаго общества. Во всѣхъ доселѣшнихъ случаяхъ, въ которыхъ выразилось поползновеніе штундистовъ къ погребенію по своему обряду на православномъ кладбищѣ, умершіе были крещенные въ православной Церкви: отсюда противодѣйствіе общества православныхъ самому погребенію штундистовъ. О кладбищѣ же пока не было и рѣчи, такъ какъ вопросъ ставился главнымъ образомъ такъ: въ правѣ или не въ правѣ штундисты погребать по своему обряду дѣтей, крещенныхъ въ православіи? таращанская полиція разрѣшила этотъ вопросъ такъ, что штундисты въ правѣ почти безусловно. Теперь былъ такой случай. У штундиста Чапорскаго родилось дитя муж. пола. Дитя это осталось безъ крещенія и чрезъ нѣкоторое время умерло. Штундисты стали готовиться къ погребенію дитяти, конечно, по своему обряду и на православномъ кладбищѣ. Православные не возражали противъ права штундистовъ погребсти „свое по своему“, но рѣши-

тельно возстали противъ желанія штундистовъ погребсти неврещенное дитя на православномъ кладбищѣ. Штундисты же не стали долго думать, какъ да что: стали копать на кладбищѣ могилу. Православные рѣшились разогнать ихъ силою: здѣсь произошло побоище, въ которомъ и тѣмъ и другимъ одинаково досталось. Штундисты рады бызи случаю заявить себя гонимыми: пошли съ жалобой въ Тарашу „къ начальству“ и получили предписаніе верданскому сельскому старостѣ въ такомъ родѣ, что „къ погребенію на православномъ кладбищѣ умершаго Ивана Чапорскаго препятствій не встрѣчается“. Между тѣмъ общество рѣшительно возстало противъ погребенія „нехрещенаго“ на кладбищѣ „коло своєї рідні“, предлагало похоронить это дитя гдѣ-нибудь въ огородѣ или въ саду, какъ это до сихъ поръ бывало съ тѣми младенцами, которые умирали неврещенными; нѣкоторые даже предлагали штундистамъ хоронить гдѣ-нибудь на свободной общественной землѣ, лишь бы только не на освященномъ кладбищѣ. Но штундисты знали, чѣмъ подѣйствовать: вынесли гробъ съ младенцемъ Ивановомъ Чапорскимъ и оставили его подъ самымъ кладбищемъ безъ всякаго видимаго надзора, а православнымъ стали грозить тюрьмой за послѣдствія (свиньи могли переверотать гробъ, тѣло собаки могли съѣсть и пр.). Православнымъ послѣ этого пришлось затихнуть. Тогда штундисты собрались уже безпрепятственно на самомъ кладбищѣ; надъ гробомъ считающійся Керданскимъ пресвитеромъ крестьянинъ Авксентій Бузыный (27 лѣтъ) сказалъ „проповѣдь“, которой содержанія не знаю, но которая, говорятъ, длилась порядочно. Итакъ, штундисты окончательно утвердились въ правахъ на свои церемонія и кладбище. Для нихъ это было большое торжество. Но все таки это еще только первая ступень ихъ успѣховъ въ своемъ общественномъ положеніи, и сами они на это не иначе смотрятъ: „подождіть лишынъ трошки“, говорили они православнымъ, „ось дальшіще не те буде; дальші і церква буде наша, і пресвітеры

ваші, все буде наше... бо всі стануть такими, якъ мы"... Само собою разумѣется, что виѣшательство въ это дѣло таращанскаго начальства вызвало сначала раздраженіе въ населеніи, а потомъ повергло православное общество въ уныніе. О самомъ же начальствѣ открыто ходили толки, какъ о покровительствующемъ болѣе штундизму, чѣмъ нашей отечественной вѣрѣ. Это обстоятельство дало поводъ къ перепискѣ, которую здѣсь же представляемъ. 1) Отъ священника и прихожанъ. 1881 г. Іюля 27 дня. Г. Приставу 1 стана Таращанскаго уѣзда. Сегодня получено отъ В. Благородія категорическое извѣщеніе Керданскаго сельскаго старосты (за № 3279 отъ 27 Іюля 1881 г.) о томъ, „что къ погребенію на православномъ кладбищѣ умершаго Ивана Чапорскаго препятствій не встрѣчается“. Какъ предстоятель православнаго керданскаго прихода, я уполномоченъ отъ своихъ прихожанъ заявить, что они рѣшительно не желаютъ допускать погребенія на своемъ кладбищѣ этого умершаго, какъ намѣренно не введеннаго въ Церковь нашу св. крещеніемъ. Погребеніе среди умершихъ въ вѣрѣ, надеждѣ и общеніи съ св. правосл. Церковью такого младенца, котораго и родители не имѣютъ на правой вѣрѣ, ни св. надежды, и стали ругателями нашего званія во Христвѣ, православные прихожане села Керданъ рѣшительно считаютъ оскорбленіемъ своему святому чувству, вида въ этомъ оскверненіе своей завітной святини. Прошу при этомъ имѣть въ виду и то еще, что и до сихъ поръ дѣлаемъ благочестивымъ обычаемъ въ моемъ приходѣ, какъ и въ другихъ, не допускались къ погребенію на общественномъ кладбищѣ дѣти, даже случайно (помимо воли родителей) умершіе безъ крещенія.—При семъ убѣдительно и настоятельно прошу В. Бл. извѣстить меня теперь же съ возможной обстоятельностью о томъ, какія „препятствія“ Вами имѣлись въ виду въ востоящемъ случаѣ и считается ли Вами въ числѣ препятствій къ погребенію рѣшительное нежеланіе прихожанъ относительно некрещеннаго изъ ихъ

среды? Прошу на это отвѣтить мнѣ сейчасъ же, такъ какъ вышеупомянутое Ваше извѣщеніе къ сельскому старостѣ довольно неопредѣленно и общо, и поэтому вызвало въ прихожанѣхъ недоумѣніе.

Что православные прихожане Керданскаго прихода рѣшительно не желаютъ погребенія на своемъ кладбищѣ, освященномъ по обряду православной Церкви, умершаго дитяти, называемаго Иваномъ Чапорскимъ, и вообще всѣхъ, запятнавшихъ себя отпаденіемъ отъ православія и наругательствомъ надъ нимъ, въ томъ завѣряю сельскій староста (печать) Ерошей Гуменюкъ. 2) Приставъ отнесся къ таршанскому уѣздному исправнику съ вопросомъ: гдѣ именно должны быть погребаемы штундисты, которые отдѣльно кладбища не имѣютъ, а на православное кладбище христіане штундистовъ не пускаютъ.

Исправникъ на его отношеніи положилъ такую резолюцію: препроводить всю переписку священнику с. Керданъ и дать ему знать, что хоронить умершихъ возможно только на кладбищахъ, и никто этому препятствовать не можетъ, а если кто погребаетъ безъ обрядовъ, то дѣло священника урезонить, если же не желаетъ, то не препятствовать хоронить тамъ, такъ какъ для штундистовъ другаго кладбища не положено, иначе они будутъ хоронить, гдѣ вздумается. 30 Іюля. Объ этомъ формально увѣдомленъ былъ священникъ.

Уѣздный начальникъ очевидно не взялъ на себя труда проникнуть въ сущность дѣла. Здѣсь дѣло шло не объ обрядахъ, а о правѣ на кладбищѣ. И отъ чего это таковой страхъ объялъ исправника при мысли о погребеніи не на кладбищѣ теперь именно, тогда какъ доселѣ это съ некрещеными дѣтьми всегда дѣлалось? Что касается нотации священнику о долгѣ его урезонивать и какомъ-то нежеланіи урезонивать, то это кажется здѣсь лишнимъ и къ керданскому священнику не идущимъ. Тѣмъ дѣло о погребеніи Чапорскаго и покончено.—Вопросъ о погребеніяхъ

вообще какъ будто порѣшенъ совсѣмъ. Считаю нужнымъ однако здѣсь замѣтить, что, по поводу этого происшествія въ приходѣ, въ началѣ поднята была мысль ходатайствовать предъ начальствомъ объ отведеніи для штундистовъ особаго кладбища, но такъ на этомъ и стали. Что дальше будетъ, время покажетъ.— А тѣмъ временемъ недавно совершилось въ Керданахъ еще одно событіе, свидѣтельствующее о дальнѣйшихъ успѣхахъ штундизма: это—публичное крещеніе прошлымъ лѣтомъ въ рѣкѣ 10 совратившихся. Крестились мужчины и женщины изъ Кердановъ и при-селка Болкуна. Для крещенія пріѣзжалъ, какъ говорятъ, изъ Петербурга какой-то господинъ. Объ этомъ штундисты знали еще задолго до прибытія Петербуржца и дѣлали особенныя приготовленія: убрали одну избу, подѣлали заново столы и скамейки, на столъ приготовили богатый покровъ (говорятъ, будто изъ парчи). Въ одинъ изъ воскресныхъ дней (въ іюлѣ мѣсяцѣ), какъ разъ при началѣ литургіи въ церкви, толпа штундистовъ собралась на берегу сельской рѣчки надъ дорогою, гдѣ самое чистое и глубокое мѣсто, и гдѣ происходитъ обыкновенное купанье Керданцевъ. Крещеніе началось пѣніемъ псалмовъ. Самый же обрядъ погруженія совершалъ въ рѣкѣ пріѣзжій петербуржецъ. Прежде погруженія въ воду, креститель спрашивалъ крещаемого: вѣруеть ли онъ въ Господа Іисуса Христа? отрицается ли онъ отъ сатаны и отъ православія? При погруженія пѣли: Елицы во Христа крестистесь... Стеченіе народа при этомъ было громадное, много было здѣсь и православныхъ. Само собою разумѣется, что сюда должны были явиться сельскіе блюстители порядка. Сотскій дерзнулъ потребовать отъ петербургскаго верховода прекратить затѣю. Въ отвѣтъ на это получилъ такія угрозы: „не тронь меня, прочь пооди, а то каяться будешь: въ тюрьмѣ, я тебѣ говорю, сгниешь, въ Сибири пропадешь“... Сотскій сослался на запрещеніе соборщъ таращанскимъ исправникомъ. „Объ этомъ, что здѣсь мною дѣлается, знаетъ и исправникъ и приставъ“...

отвѣтилъ петербуржець. Такимъ образомъ крещеніе совершилось свободно, а сельское начальство оказалось въ очень неловкомъ положеніи. Послѣ крещенія былъ устроенъ торжественный обѣдъ. Здѣсь пріѣзжій петербуржець назидаль в утѣшалъ братію петербургскими новостями,—сообщалъ между прочимъ (или, можетъ быть его сообщенія были такъ истолкованы) о томъ, что теперь царь уже на сторонѣ штундистовъ, будто бы уже и министры на ихъ же сторонѣ, такъ какъ тѣ, которые были имъ неблагопріятны, за это самое лишены должностей, сообщалъ такъ же о сочувствіи штундистамъ многихъ изъ знатныхъ петербургскихъ семей и пр. и пр. Эти и подобныя имъ другія сообщенія и толки были лучшимъ укрѣпляющимъ средствомъ для штундистовъ, я полагаю,—лучшимъ даже, чѣмъ само Св. Писаніе. Присмотритесь къ штундистамъ хорошенько: Писаніемъ они больше хвастаются, чѣмъ разумѣютъ; Писаніе у нихъ скорѣе матеріалъ обрабатываемый, чѣмъ путь, по которому бы они сами могли существенно преобразовываться; на Писаніи они потому и не прочны, такъ что нужно быть мало мальски знакомымъ съ Писаніемъ по разуму Церкви, чтобы одолѣвать какого-нибудь бахвала, хоть бы и пресвитера. На Писаніи они смѣло утверждаютъ лишь предъ людьми не книжными, или хоть и книжными, да Писанія невѣдущими; тутъ вѣдь возможно всякіе фокусы чинить: тутъ вамъ пускаются въ дѣло и знаменіе, которое родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ (противъ крестнаго знаменія), и второе распятіе на себѣ Сына Божія (тоже), и апокалипсическіе звѣри и образы ихъ, и знаменіе на челѣ и на правой рукѣ, тутъ и „на Моисеевомъ сѣдалищѣ“...; а чуть только увидитъ какой-нибудь штундистъ-проповѣдникъ искренне православнаго, свѣдущаго въ Писаніи, такъ и давай ступшеываться предъ нимъ; или пустится его обиняками обходить: если же выходовъ для него никакихъ не остается, то онъ не прочь и отъ брани, особенно если онъ духовное лицо. Нѣтъ, не Писаніе, а духъ времени управ-

лжает симъ движеніемъ, и не такъ увѣренность въ истинѣ, какъ надѣніе на князи и на сыны человѣческіе съ ихъ властію и мудрованіемъ даютъ и постоянно давало жизнь и силу сему движенію. Поэтому-то я и придаю не малое значеніе сообщеніямъ крестителя—петербуржца. Они, дѣйствительно, значительно подняли духъ братіи штундовой: не даромъ же они потомъ говорили православнымъ: „та мы бѣльше знаемъ за вашего попа. Бо нашъ пресвітеръ, который призвавъ, поразказувавъ намъ все, що тепереньки на свѣті дієця“.

Да. Несомнѣнно то, что штундизмъ въ послѣднее время пошелъ у насъ въ гору. Смѣлыя замашки, грубыя выходки, самоувѣренныя рѣчи, открытое кощунство штундистовъ—все говоритъ у насъ объ этомъ. Интересно теперь будетъ посмотрѣть, что представляетъ нынѣ наше православное общество. Прежде всего нужно сказать, что въ настоящее время, среди испытаній отъ Господа, болѣе всего открывається, кто каковъ сосудъ въ дому Божиємъ. Не мѣсто здѣсь будетъ, говорить о личностяхъ. Но скажу вообще, что въ православномъ обществѣ обнаружился прежде всего нѣкоторый упадокъ духа. Какъ ни крѣпка будетъ вѣра, а коль скоро видишь зло спѣющимъ, невольно впадешь въ уныніе. Замѣтно, что то, что прежде приводило православныхъ у насъ въ ужасъ, исполняло души ихъ негодованіемъ (иконоборство, хульныя слова на Церковь съ ея ученіемъ и обрядами...), теперь принимается нѣкоторыми, какъ нѣчто роковое, неотвратимое и необходимое. Для другихъ оно уже и не такъ мерзко, даже настолько обыкновенно и невинно, что къ нему уже и прибѣгнуть не прочь, вслучаѣ чего-нибудь. Штундизмъ открылъ двери у насъ широко на вся. Справедливость требуетъ сказать, что съ обнаруженіемъ и усиленіемъ штундизма, стали развиваться своеволіе и страсть къ пересудамъ церковныхъ порядковъ и самыхъ пастырей. О власти духовной, о правѣ рѣшить и вязать опасно даже напоминать: вольно вѣдь теперь каждому поступать по

своей совѣсти. Однажды священникъ съ народомъ возвращался въ св. облаченіи съ процессіей въ храмъ по освященіи колодца (газета, въ канунъ Крещенія). На встрѣчу ему вышелъ въ пьяномъ до безобразія видѣ крестьянинъ Романъ Яценко, и смѣло подошелъ къ нему за благословеніемъ. Священникъ, вмѣсто благословенія, сдѣлалъ ему всенародно выговоръ. Тогда крестьянинъ заявилъ, что если такъ, то онъ и знать ни священника, ни церкви не хочетъ, а лучше въ штунды пойдетъ. Теперь онъ ни въ штундахъ, ни въ Церкви (не говѣлъ), живетъ себѣ по своей волюшѣ. Да не подумаетъ впрочемъ читатель слишкомъ много нехорошаго относительно нашихъ православныхъ. Недостатки эти—принадлежность, да и то думаю временная, лишь нѣкоторыхъ. За то весьма утѣшительна любовь къ вѣрѣ отеческой-благочестивой, ревность по ней и твердость въ ней, которыя проявились здѣсь не у немногихъ. Церковь Керданская имѣетъ своихъ Петровъ и своихъ Наеванайловъ и Іоанновъ. Эти много перенесли, переиспытали и пережили: не безразличными были зрителями дѣющагося предъ ними, но страдали и страдаютъ сердцемъ о заблужденіи братій своихъ по плоти. Это именно и есть остатокъ, который спасется. Господь, основавшій Свою Церковь на твердой, нерушимой скалѣ вѣры, не дастъ этому своему зданію рушиться.

Здѣсь конецъ моей скорбной исторіи. Быть можетъ кому нибудь хотѣлось бы видѣть здѣсь еще статистическія извѣстія о числѣ совратившихся, колеблющихся, а также исто-православныхъ въ приходѣ, процентное отношеніе тѣхъ или другихъ къ общей массѣ народонаселенія, возрастъ, полъ и пр. и пр. Какъ ни интересны и поучительны бываютъ эти данныя въ подобныхъ случаяхъ, я сомнѣваюсь, чтобы они могли много привнести чего-нибудь новаго и точнаго въ настоящее время. Вѣдь у насъ движеніе еще только началось: конечно, всякая личность отзывается на него такъ или иначе, однако нельзя еще съ точ-

ностію сказать о всикомъ, что вѣтъ именно такой-то, а тотъ такой-то. Пройдетъ время, и много еще чего можетъ совершиться со всякимъ. Жизнь нашего скромнаго уголка волнуется, среда нашего простонародья въ броженіе пришла; но кто въ этомъ броженіи чистъ и цѣль будетъ, а кто измѣнитъ своему призванію и отпадетъ отъ церкви, этого еще нельзя сказать теперь. Моя задача была показать, какъ вообще всаждается, вскрывается, возрастаетъ и преуспѣваетъ зло въ нашемъ простомъ народѣ, что способствуетъ этому, какія обстоятельства и условія вызвали къ бытію это явленіе, дали и даютъ ему поддержку. Послѣ всего доселѣ сказаннаго можно уже гадать и о дальнѣйшемъ ходѣ штундизма; начертавши же въ воображеніи возможное послѣдующее, мы тѣмъ активнѣе и цѣлесообразнѣе можемъ отнестись къ настоящему.

II. Петрушевскій.

(Окончаніе будетъ).

Письма Филарета, митрополита Киевскаго, и архимандрита Антонія, ректора Киевской Академіи (впослѣдствіи архіепископа Казанскаго), къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому.

Сокращенному пересказу содержанія писемъ двухъ знаменитыхъ іерарховъ къ Иннокентію и извлеченію изъ нихъ, въ немаломъ числѣ разсѣянныхъ въ нихъ, болѣе или менѣе важныхъ и любопытныхъ свѣдѣній, относящихся какъ къ личной біографіи трехъ іерарховъ, такъ къ исторіи русской церкви вообще и въ частности къ исторіи Киевской епархіи и академіи, мы предпочли изданіе самыхъ писемъ въ ихъ полномъ подлинномъ текстѣ. Письмо вообще отражаетъ въ себѣ личность своего автора такъ, какъ трудно охарактеризовать ее біографу своими словами или сокращенной передачей его содержанія. Если это замѣчаніе справедливо вообще, то особенно оно примѣнимо къ письмамъ личностей историческихъ, къ числу которыхъ никто, конечно, не усумнится отнести какъ Филарета, такъ и Антонія, особенно Филарета, кроткій пастырскій образъ котораго и пастырская дѣятельность всегда тихая, но въ тоже время благоплодная и благодѣтельная для преуспѣванія благочестія до сихъ поръ, за недостаткомъ его біографіи, не довольно ясно рисуется въ сознаніи благочестивыхъ русскихъ людей, знавшихъ Киевскаго Филарета и поучавшихся его назиданіемъ. Что касается историческихъ свѣдѣній, содержащихся въ настоящихъ письмахъ, то они и многочисленны и важны: подробности внутренней жизни академіи, а равно епархіи Киевской, какъ и ихъ внѣшнихъ отношеній, свѣдѣнія объ общецерковныхъ дѣлахъ того времени, доселѣ, большею

частію, неизвѣстныя, отношенія Филарета и его племянника къ знаменитому іерарху Херсонскому, подробности обученныхъ работахъ сего послѣдняго,—все это представляетъ, намъ кажется, не одинъ только мѣстный кіевскій интересъ, но имѣетъ существенную важность и для исторіи научно-религіозной жизни всего нашего отечества.

Н. Барсовъ.

20 января, 1884.

Письмо Филарета, архіепископа Ярославскаго, къ Кіевскому митрополиту Егемію.

Привожу Вашему В—ву искреннѣйшее поздравленіе съ наступившимъ новымъ лѣтомъ благодати Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Молю всеѣмъ сердцемъ благость Его и милосердіе, да обновитъ душевныя и тѣлесныя силы ваши къ новымъ подвигамъ служенія Церкви Его святой. Извините меня, Милостивый Архипастырь, что я не успѣлъ предварить Васъ поздравленіемъ моимъ съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова. По причинѣ тяжелой и долговременной болѣзни Преосвященнаго Тверскаго прибавилось мнѣ труда въ занятіи дѣлами его епархіи.

На другой день Новаго года отправился въ Кіевъ викарій Вашего В—ва Преосвященный Иннокентій. Онъ не по своему желанію оставался такъ долго здѣсь, а были сдѣланы ему нѣкоторыя порученія. Вашему Высокопреосвященству онъ будетъ наилучшимъ сотрудникомъ по его дарованіямъ и усердію. Проѣздомъ въ Кіевъ захотѣлось ему видѣть Москву и Сергіеву Лавру съ Академіей, которыхъ онъ еще не видалъ. Весьма извинительно желаніе видѣть сіи мѣста всякому сыну Россіи.

Филаретъ Архіепископъ Ярославскій.

7 Января 1837.
С.-Петербургъ.

Сообщилъ профессоръ Н. И. Барсовъ.

Письма Филарета, митрополита Кіевскаго, къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому.

I.

Два любезныя письма ваши получилъ я изъ Богоспа­саемаго и святаго града Кіева. Благодареніе Господу Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу, сохранившему Ваше здоровье въ многотрудномъ пути. За то Вы много приобрѣли новаго, побѣхавши чрезъ Москву. Будемъ молить Господа, да орошеніемъ свыше свѣтоносной благодати многопло­денъ и благоплоденъ сотворить виноградъ, насажденный при Святыхъ останкахъ великаго угодника своего Сергія. Очень вамъ благодаренъ, что въ Калугѣ посѣтили и благословили родныхъ сиротъ моихъ. Богъ Отецъ ихъ. Родина ваша пусть поприлежнѣ помолится Господу Богу, да пасыи Израила обратитъ милосердное око Свое на ея духовную скудость.

Дѣла воронежскія крайне насъ озабочиваютъ. Надле­жить скоро принять рѣшительную мѣру къ удаленію винов­ника смущенія. Комиссія дух. училищъ разрѣшила изданіе „*Воскреснаго Читенія*“. Въ программѣ сдѣланы нѣкоторыя малыя поправки. Вы скоро получите предписаніе, а между тѣмъ можете уже приступить къ дѣлу. Проповѣдь Якова ¹⁾ племянника получилъ я на сихъ дняхъ,—но по извѣстнымъ моимъ хлопотамъ еще не читалъ. А между тѣмъ прими, брате возлюбленне, отъ моего искренняго усердія братоло­бивый совѣтъ. Въ числѣ проповѣдей Вашихъ, напечатан­ныхъ въ 1-мъ томѣ, послѣднее *Слово* въ день Сошествія Св. Духа—изъ темы: *Духъ Св. бѣ присно, есть и будетъ*, по моему и другихъ искреннихъ особъ мнѣнію требуетъ исправ­ленія во второмъ изданіи. *Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что съ продолженіемъ времени Церковь Христова приходитъ въ боль­шее совершенство.* Это бы значило дѣло Божіе смѣшивать съ дѣлами человѣческими. Вселенная по сотвореніи явилась предъ очима Творца во всей лѣпотѣ своей—и се вся добра

¹⁾ Якова Косича Амфитеатрова, профессора Кіевской Академіи.

звало. Подобно и новое твореніе—Церковь Христова въ началѣ явилась во всей духовной дѣлѣ. *И върующимъ бѣ сердце и душа едино.* Потому то всѣ новостей вводители и реформаторы церквей, подѣ предлогомъ улучшенія ихъ, суть весьма вредные самовванцы и обманщики. Преуспѣваніе въ мѣру возраста исполненія Христова принадлежитъ Церкви торжествующей на небесахъ;—а на землѣ совершенство Церкви зависитъ отъ непоколебимаго храненія преданій Апостоловъ и мужей Апостольскихъ и святыхъ Богомудрыхъ отцевъ. Житіе святителя Христова Митрофана прошу именемъ его не умедлить переслать ко маѣ. Я обѣщаль доставить оное преосвященнѣйшему Воронежскому въ теченіи наступающаго поста, съ которымъ поздравляю Ваше Преосвященство. Желаю вамъ въ радости святыхъ срѣтить пресвѣтлый праздникъ Воскресенія Христова.

Филаретъ А. Ярославскій.

25 февр. 1837.

II.

Печальную вѣсть о неожиданной кончинѣ мужа ученѣйшаго, и достойнѣйшаго Архипастыря Святыхъ и Православныхъ Церкви получилъ я отъ Вашего Преосвященства. Очень знаю и увѣренъ, сколько прискорбно для васъ особенно сіе плачевное событіе. Но прошу васъ любовію Иисуса Христа Господа нашего, беречь свое здоровье, только нужное для Церкви Его святой. Конечно къ важнымъ обязанностямъ Вашимъ теперь прибавилось еще новое бремя управленія Кіевскою паствою, доколѣ Господь Богъ наберетъ по сердцу Своему новаго Архипастыря. Но не обременяйте себя паче мѣры, возлюбленне. Пловецъ очень пристально смотритъ за своей лодочкой, на которой надобно ему проплыть до намѣреннаго пристанища. Такъ и тѣлесное ваше здоровье очень важно въ дѣлахъ служенія нашего. Боюсь я, не обременить ли васъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ исправленіе рукописи житія св.

Митрофана. Прощу единьжды навсегда со мною быть совершенно откровеннымъ. Кромѣ Господа Іисуса Христа, надежды моеѣ, нѣтъ въ сердцѣ моемъ никакого желанія, никакого исканія. Пришлите ко мнѣ бумаги, если вамъ нѣтъ времени заняться ими;—но Господа ради не извурайте себя излишними трудами. Господь Богъ все устроилъ во славу пресвятаго имени Своего, и во благо святыхъ Церкви Своєю. Получилъ я вчера и книжку Вашу, *Собраніе на торжественные дни Словъ Вашихъ*. Два Слова прочиталъ. Второе превосходное и рѣдкое по всему,—истинно достойно каеэды церковной. Впрочемъ, возлюбленне, прошу Васъ именемъ Господнимъ, не почитать моихъ замѣчаній непреложною истинною. Я своего образа мыслей никому не смѣю навязывать. А какъ знаю и чувствую, искренно говорю, исполняя долгъ христіанскаго общенія и дружбы. Весьма охотно слушаю, если кто меня поправляетъ—и весьма благодаренъ за братскій совѣтъ. О изданіи журнала Вашего послѣдовало уже Высочайшее соизволеніе—будемъ ожидать съ любовію „Воскреснаго Чтенія“.

Преосв. Тверской такъ же еще боленъ и ничѣмъ не можетъ заняться. Время его епархіи еще на мнѣ лежить. Располагаетъ отправиться весною восвояси, кажется надолго.

Филаретъ Архіепископъ Ярославскій.

Племянникамъ моимъ посылаю благословеніе.

9 марта 1837.

III.

Господу Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу угодно было въ Свѣтлый день Воскресенія Своего вручить моему недостойнству . знаменитую Кіевскую паству. *Сердце Царево въ руцѣ Божіей*. Благочествѣйшій Государь Императоръ въ высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на мое имя, изволилъ весьма ясно начертать обязанности Кіевскаго

Митрополита. Да поможетъ намъ Господь Богъ оправдать, сколь возможно, ожиданіе Всемилостивѣйшаго Государя. Я совершенно надѣюсь, что Ваше Преосвященство, постигая высокія и благотворныя намѣренія Его Величества, всѣми силами и всѣмъ сердцемъ будете мнѣ помогать въ исполненіи общаго нашего долга. Прилагаю при семъ копію съ Высочайшаго Рескрипта для вашего только свѣдѣнія. До полученія указа изъ Святѣйшаго Синода, разумѣется, что Ваше Преосвященство письмо мое будете почитать только частнымъ, а не официальнымъ извѣстіемъ. Преосвященный Тверскій за болѣзнію уволенъ въ свою епархію на два года отъ присутствованія въ Св. Синодѣ. Отъ Академіи нашей ожидаютъ *Христіанскою Воскресною Чтенія*. Да благословитъ Господь Богъ всядѣмъ благословеніемъ сей духовный вертоградъ,—только важный предъ Царскимъ взоромъ.

Съ пастырскою любовію поздравляю Ваше Преосвященство съ свѣтлымъ праздникомъ праздниковъ, молю воскресшаго изъ гроба Господа и Спасителя нашего, да сохранитъ и укрѣпитъ ваше здоровье и изліетъ въ сердце ваше свой миръ и свою радость. А себя поручаю святымъ вашимъ молитвамъ.

Филаретъ М. Кіевскій.

19 Апр. 1837.
С. - Петербургъ.

Рукопись Житія Св. Митрофана получена. Прошу передать мое благословеніе племянникамъ моимъ.

IV.

Изъ прилагаемой при семъ выписки изъ журнала Комиссіи духовныхъ училищъ Ваше Преосвященство изволите усмотрѣть непремѣнное желаніе ея получить отъ Васъ Конспектъ Богословскихъ наукъ. На мои представленія о увольненіи Васъ отъ сего занятія не согласились. Почему прошу васъ исполнить требованіе Ком. Дух. Училищъ. Очень

знаю, что Вы обременены дѣлами и говорилъ о семъ здѣсь — но что дѣлать? Въ облегченіе Васъ получилъ отвѣтъ, что отъ Вашего Преосвященства не требуется подробное и большею частію мелочное изложеніе уроковъ Богословскаго ученія, — а желаютъ знать ваше мнѣніе о томъ:

а) Какую употребить наилучшую методу къ успѣшному преподаванію Богословскаго ученія въ дух. Академіяхъ и Семинаріяхъ, сообразно потребностямъ собственно нашей Православной Отечественной Церкви.

б) Какія принять мѣры къ отвращенію могущихъ вкратцы въ духовныя училища новыхъ лжеученій, несообразныхъ съ духомъ православной вѣры, — разсѣваемыхъ инославными писателями.

с) Какія употребить книги для преподаванія Богословія въ дух. Академіяхъ и Семинаріяхъ, — и какія избрѣсти средства для составленія вновь классическихъ книгъ по богословскому ученію. А что еще изволите дополнить вашу опытностію, на которую всѣ здѣсь очень, очень, очень полагаются. Да пожалуйста съ первою почтою пришлите ко мнѣ книжку — изъ сочиненій студентовъ Кіевской Академіи: *О происхожденіи Святаго Духа отъ Отца*. Здѣшній Пр. Митрополитъ очень желаетъ имѣть ее у себя. Къ О. Ар. Іереміи писалъ я и утѣшалъ — укрѣпляютъ и Вы его малодушнаго. Его не отпускайте. Ибо знаютъ и здѣсь, сколько онъ полезенъ для монашества. Простите и благословите.

Филаретъ М. Кіевскій.

23 февраля. 1838 г.

Готовлюсь совершить литургію и панихиду о покойномъ Пр—омъ Митроп. Евгеніи въ день его кончины. Вѣрно и вы помянете рѣднаго и незабвеннаго сего Архипастыря.

V.

Письмо Вашего Преосвященства отъ 15 окт. получено мною. Слава Богу, что у насъ въ Кіевѣ все мирно. По письму Его Святѣйшества буду хлопотать у Св. Синода о

пособіи Греческому Монастырю. Новому благочинному покорнѣйше прошу помогать наставленіями, да блюдется въ Св. градѣ Кіевѣ истинное благочыніе.

Господа ради постарайтесь уплатить академическіе долги—доставленіемъ въ Св. Синодъ перевода св. Златоуста и напечатаніемъ студенческихъ разсужденій—лучшее напечатать книжкою вмѣстѣ—можно печатать и безъ моего разсмотрѣнія, чтобъ много не терять времени. Но вотъ еще важный долгъ за Вами. Это сборникъ символовъ вѣры,—о которомъ уже Государю донесено въ отчетѣ Сив. Оберъ-прокурора, и напечатано. Графъ Николай Александровичъ убѣдительнѣйше проситъ Ваше Преосвященство безъ отлагательства завѣяться симъ дѣломъ.

О греческомъ лексиконѣ поговорю съ кѣмъ слѣдуетъ. Довольно для меня три экземпляра Воскреснаго Чтенія. Мысли Вашего Преосвященства касательно преподаванія богословскихъ наукъ въ Академіи графъ очень одобряетъ—оба мы приедемъ ихъ подъ свою защиту. Серьезно думаютъ сдѣлать значительное преобразование по духу училищамъ—но доселѣ ничего еще не созрѣло.

Въ адѣйшей Академіи по нравственной части сдѣлано большое улучшение. Спальныя комнаты студентовъ запираются утромъ и отворяются въ десять часовъ вечера. Въ теченіи всего прочаго времени студенты въ комнатахъ для занятія, въ которыхъ кромѣ столовъ, табуретовъ и книгъ повсе ничего нѣтъ. Такъ приведено, что студентъ на всякомъ шагу въ глазахъ начальства. Можетъ быть, и отъ нашей Академіи того же потребуется,—но едва ли можно будетъ исполнить по дурному расположенію комнатъ. Если еще не очищены отъ арестантовъ вачальничья келья на ближнихъ пещерахъ, сдѣлайте милость, попросите Дмитрія Гавриловича моимъ и своимъ именемъ, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе непременно и немедленно вынести ихъ отсюда. Это очень меня озабочиваетъ. Ибо надобно назначить блюстителя пещеръ.

Старцу о. Іереміи благословеніе и миръ и радость о Духъ Святъ. Пусть помолится, да возвратитъ меня Господь навсегда во св. градъ Кіевъ.

Филаретъ М. Кіевскій.

28 октября.
1838.

VI.

Возвращая къ Вамъ журналъ по случаю ревизіи Семинаріи и нижнихъ Кіевскихъ Училищъ, прошу обратить вниманіе на сдѣланныя мною карандашемъ замѣчанія. Здѣсь ни малѣйшаго слуха нѣтъ о десяткѣ школьничковъ шалуновъ, которые за свою дерзость получили уже должное наказаніе. Я считалъ это дѣло оконченнымъ. Зачѣмъ же опять его поднимать, и при томъ въ такомъ видѣ, что мѣстное начальство его скрыло и открылъ ревизоръ? При томъ ревизоръ такъ написалъ, что комиссія духовныхъ училищъ непременно потребуеъ полнаго изслѣдованія сего происшествія. Ежели Вы по какимъ нибудь мнѣ не извѣстнымъ причинамъ, считаете необходимымъ донести комиссіи дух. училищъ о семъ рѣшенномъ дѣлѣ: то даю свободу донести съ изложеніемъ его во всей подробности. А такіе неясные намеки представлять высшему начальству не годится. Ревизоръ пишетъ, что *старшихъ* довольно. Академическое правленіе полагаетъ умножить число ихъ. Умноженіе не есть улучшеніе надзора, ибо отличныхъ и мужей мало, а школьничковъ зѣло не много. Надлежало бы сказать,—дать другаго инспектора или помощниковъ съ жалованьемъ. Ревизоръ нужнымъ находитъ учредить стражу за тѣми учениками, которыхъ сажаютъ въ *карьеръ*.—Неужь ли въ самомъ дѣлѣ Кіевская Семинарія такъ буйна, что для ней нужно переимѣнять уставъ—и сверхъ служителей требовать воинскую стражу? Не думаю.—Вообще нравственное состояніе Семинаріи такъ описано, что я и бѣдный о. Іеремія кругомъ виноваты—я, что въ прошедшемъ году реко-

мендовавъ комиссіи Дух. Училищъ Семинарію,—а о. Теремія, что въ одинъ годъ ова такъ успѣла испортиться подъ его начальствомъ. Къ чему въ описаніи экономической части говорить съ такою подробностію о подштанникахъ и тому подобномъ? Кажется, довольно сказать вообще,—да и то не съ такою настойчивостію, чтобъ высшее начальство поставить въ непріятное отношеніе.—Вамъ и ревизору извѣстно, что ни для Кіевской ни для какой-либо другой Семинаріи не станутъ возвышать и умножать окладовъ до общаго разсмотрѣнія,—и то съ Высочайшаго разрѣшенія. Ревизору довольно указать съ должною скромностію вужды Семинаріи, а назначать оклады вовсе не его дѣло, и притомъ входить въ бѣдность епархіи и выказывать живущихъ въ домахъ дѣтей по справкѣ въ Консисторіи—это дѣло епархіальнаго начальства, которое взяло заботиться о семъ.

Состояніе уѣзднаго и приходскаго училищъ такъ точно описано, какъ замѣчено мною карандашемъ на журналѣ. Спятъ по двое на одной кровати, ходять въ халатахъ безъ поясовъ, босикомъ, принимаются безъ воли ректора Семинарскимъ правленіемъ и митрополитомъ.—Извольте милостиво послушать: такъ ли платятъ мнѣ за то, что я пять тысячъ рублей жертвую ежегодно? Какая то тысяча рублей не выслана епархіальнымъ начальствомъ,—жалуется ректоръ. Очень знаю бѣдность содержанія учениковъ и тѣсноту, да зачѣмъ же такъ высчитывать и открывать матернюю наготу? Я самъ до самой философіи ходилъ въ лаптяхъ и босикомъ,—не только въ халатъ,—но въ сѣромъ зипунѣ:—развѣ лучше сихъ бѣдныхъ малютокъ оставлять въ домахъ безъ всякаго обученія? Вѣрю, что ревизоръ сдѣлалъ такое описаніе по ревности къ улучшенію содержанія учениковъ,—но ревность не по разуму влечетъ обыкновенно за собою вредныя послѣдствія. Въ заключеніе прошу Ваше Пр—во съ свойственнымъ Вамъ благоразуміемъ потрудиться, чтобъ и донесеніе о. ревизора и разсужденіе Академическаго Правленія составлено было приличнымъ образомъ. Ибо сами

видите, что не только нельзя рекомендовать начальниковъ училища, но слѣдуетъ неминуемо подвергнуть ихъ строгой отвѣтственности. — Впрочемъ ежели Иванъ Михайловичъ¹⁾ найдетъ затрудненіе: то пусть доведетъ только мнѣ о состояніи уѣзднаго и приходскаго училищъ, а не комиссія, которая ему и не поручала обозрѣвать ихъ. Аще же скажете и скажутъ другіе—*еже писалъ—писалъ*, то вычистивши замѣчанія мои карандашемъ, имѣете свободу представить въ комиссію Дух. Училищъ—только меня устранили, какъ лицо, подвергаемое отвѣтственности. Какъ бы то ни было, только пожалуйста, прочитавши сіе письмо и сдѣлавши, что должно и возможно,—бросьте его въ огонь—а написанное на журналѣ карандашемъ совершенно изгладьте.

Поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, а на учащихъ и учащихся призывая благословеніе Божіе, съ искреннѣйшимъ почитаніемъ...

Филаретъ М. Кіевскій.

29 ноября
1838.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Скворцовъ, профессоръ Академіи.
Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

Отвѣтъ автору книги: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“.

Въ концѣ прошлаго года я получилъ предложеніе написать рецензію на сочиненіе г. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“ для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Какъ не присяжный специалистъ по южно-русской церковной исторіи, я отвѣтилъ сначала отказомъ на это предложеніе и только впоследствии принялъ его, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что отъ меня требуется не подробная критическая, а только библиографическая статья. Все это извѣстно и самому г. Голубеву. Къ сожалѣнію, написавъ рецензію, я встрѣтился на этотъ разъ съ однимъ изъ щекотливѣйшихъ авторскихъ самолюбій и вызвалъ отъ г. Голубева длинную и придиричавую отвѣдь ¹⁾, хотя моя рецензія, по признанію читавшихъ ее лицъ, заключаетъ больше указаній на достоинства книги, чѣмъ на ея недостатки. Г. Голубевъ не принимаетъ не только моихъ замѣчаній относительно возможности лучшей постановки нѣкоторыхъ частныхъ его изслѣдованій, но и моей похвалы его книгѣ, находя ихъ неосновательными, странными и т. п. Въ своей антикритикѣ г. Голубевъ, не только старается выставить меня некомпетентнымъ лицомъ, но какъ будто хочетъ набросить тѣнь и на мою добросовѣстность. Это послѣднее обстоятельство налагаетъ на меня нравственную обязанность отвѣтить на болѣе существенную часть антикритики г. Голубева; чтобы показать по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ за мартъ 1884 г. и особымъ отпаяскомъ.

что я писалъ свою рецензію не наобумъ и не имѣлъ другихъ побужденій, кромѣ научныхъ.

Основная точка зрѣнія г. Голубева на мою рецензію состоитъ въ томъ, что рецензія моя голословна, что я не обосновалъ надлежащимъ образомъ своихъ замѣчаній. На это я отвѣчу, что я писалъ не подробную критику, а библиографическую замѣтку, которая вчетверо меньше его антикритики, при этомъ имѣлъ въ виду только одну книгу г. Голубева и вовсе не имѣлъ ни времени, ни охоты, ни возможности штудировать всѣ источники изслѣдованія и справляться съ прежними работами г. Голубева, на которыя онъ ссылается въ своей антикритикѣ. Но въ предѣлахъ библиографической замѣтки, полагаю, я не былъ совершенно бездоказателенъ; въ противномъ случаѣ, не зачѣмъ было бы г. Голубеву и писать длинную антикритику.

Моя рецензія въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ состояла изъ замѣчаній на приложенія къ книгѣ г. Голубева, на самое изслѣдованіе и резюме. Такому же порядку слѣдуетъ и антикритика г. Голубева. Отвѣчаю пока на первую часть антикритики г. Голубева.

Важнѣйшую часть въ книгѣ г. Голубева составляютъ приложенія, служащія фундаментомъ для его изслѣдованія. Въ своей рецензіи я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на эту часть книги, касающихся несправности подавннхъ памятниковъ, и придавалъ этимъ замѣчаніямъ наибольшее значеніе. Къ сожалѣнію, и въ настоящее время, послѣ антикритики г. Голубева, я не могу взять назадъ этихъ замѣчаній. Въ своей антикритикѣ г. Голубевъ, не отрицалъ ошибокъ въ изданныхъ имъ памятникахъ, слагаетъ вину на тѣ условія, въ какія поставлены бывають издатели и изслѣдователи памятниковъ нашей старины, и въ какихъ онъ самъ находился, и старается доказать, что онъ сдѣлалъ, въ предѣлахъ этихъ условій, все возможное, и лучше, чѣмъ его предшественники на томъ же поприщѣ. Я на это отвѣчу, что условія благопріятствовали г. Голубеву, и онъ дѣйствительно

могъ сдѣлать весьма много для своего предмета, и гораздо лучше, чѣмъ его предшественники, такъ какъ онъ около 12-ти лѣтъ почти исключительно занимался этимъ предметомъ и имѣлъ доступъ ко многимъ древлехранилищамъ не только въ Россіи, но и за границей. Но я все-таки долженъ сказать, что г. Голубевъ не сдѣлалъ всего, возможнаго при его условіяхъ. Идеальное требованіе относительно исправности и точности изданія состоитъ въ томъ, чтобы найдено и сличено было нѣсколько списковъ извѣстнаго памятника. Требованіе это для г. Голубева было тѣмъ болѣе осуществимо, что акты юго-западной Россіи часто встрѣчаются во многихъ спискахъ, заносившихся въ градскія, трибунальскія и другія актовыя книги, или въ выпискахъ изъ этихъ книгъ. А г. Голубевъ, нашедши плохо переписанный или плохо сохранившійся списокъ и напечатавши его въ такомъ видѣ, и оправдывается именно тѣмъ, что списокъ погубленъ, поврежденъ и проч. Но вѣдь самъ же г. Голубевъ доказалъ въ своей антикритикѣ возможность отысканія болѣе исправныхъ списковъ, чѣмъ какіе у него изданы: одинъ изъ такихъ списковъ онъ нашелъ въ Кіевѣ же, по изданіи своей книги. Впрочемъ, есть достаточное основаніе полагать, что г. Голубевъ не воспользовался надлежащимъ образомъ и тѣми документами, которые у него были подъ руками. Я полагаю такъ на основаніи не однѣхъ только точекъ, означающихъ пропуски, какъ угодно умозаключать г. Голубеву. Что мнѣ задолго еще до выхода въ свѣтъ книги г. Голубева извѣстенъ былъ употребляющійся имъ способъ чтенія и изданія старинныхъ памятниковъ, въ подтвержденіе этого я могу сослаться на свое же примѣчаніе въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ за октябрь 1879 года (стр. 238). Для своихъ работъ я проштудировалъ этотъ памятникъ (трагедокомедію Лискаронскаго) и нашелъ, что онъ изданъ г. Голубевымъ „довольно небрежно“. Если бы нужно было, я могъ бы раскрыть и самый процессъ приготовленія этого памятника къ печати. Я имѣлъ также случаи познакомиться съ приемами г.

Голубева и относительно чтенія и изданія памятниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Могилинской эпохѣ и къ самому Петру Могилю. Укажу на изданный г. Голубевымъ каталогъ книгъ, принадлежавшихъ Петру Могилю. Однажды я, безъ всякихъ справокъ, помогъ г. Голубеву разобрать нѣсколько заглавій книгъ въ этомъ каталогѣ, замѣтивъ, что для разбора остальныхъ неразобранныхъ заглавій требуются справки; а г. Голубевъ такъ и оставилъ ихъ неразобранными ¹⁾, хотя рукопись не истлѣла и не испорчена. Послѣ этого, пересматривая приложенія къ книгѣ г. Голубева, я не могъ не узнать здѣсь знакомыхъ мнѣ пріемовъ г. Голубева относительно чтенія и изданія имъ памятниковъ, находя въ послѣднихъ множество пропусковъ, искаженій текста, недоразумѣній самого издателя и вообще ошибокъ. Г. Голубевъ сваливаетъ вину въ этомъ на самые памятники и требуетъ отъ меня, чтобы я сличилъ какойнибудь изъ неисправно напечатанныхъ имъ документовъ съ подлинникомъ и предложилъ свое болѣе исправное чтеніе. Признаюсь,—г. Голубевъ изобрѣлъ чрезвычайно легкій способъ отвѣчать на замѣчанія рецензента, заставляя послѣдняго объѣхать тѣ мѣста, по которымъ г. Голубевъ собиралъ свои матеріалы. Въ числѣ наиболѣе неисправно изданныхъ документовъ мы отмѣтили документъ подъ № 35-мъ; а подлинникъ этого документа находится во Львовѣ, въ библіотекѣ, Оссолинскихъ. Другой документъ, подъ № 18-мъ, въ плохой копіи, хорошо мнѣ знакомой, находится въ библіотекѣ Кіевской дух. Академіи, а болѣе исправная копія—не въ Кіевѣ. Но о спискахъ этого памятника самъ г. Голубевъ замѣтилъ, что ихъ нельзя назвать безукоризненными, что онъ издалъ памятникъ по худшему списку и исправилъ въ немъ нѣкоторыя ошибки; „въ тѣхъ же мѣстахъ,—говоритъ онъ, гдѣ исправленіе было затруднительно, поставлены точки“. Къ чему же тутъ сличеніе,

¹⁾ „Труды III Археологическаго Съѣзда“, 1878 г., т. II, стр. 65,

если бы оно и возможно было, когда издатель самъ сознается и въ несправностяхъ списка, и въ опущеніи имъ нѣкоторыхъ непрочитанныхъ мѣстъ? Да рецензентъ, наконецъ, и не обязанъ проиѣрять источники разсматриваемаго имъ изслѣдованія: для библиографической замѣтки достаточно констатировать фактъ несправнаго изданія документа, отъ чего бы онъ ни происходилъ. Нужно еще замѣтить, что я въ своей рецензій и не обвинялъ исключительно одного г. Голубева въ несправномъ изданіи приложений. Вотъ мои подлинныя слова: „особенно несправно или съ несправныхъ списковъ изданы №№ 18 и 35“. Если ужъ не нашлось болѣе исправныхъ списковъ, то вина г. Голубева въ такихъ случаяхъ могла состоять развѣ въ томъ, что онъ не приложилъ или не выполнѣ примѣнилъ къ спискамъ этимъ приемовъ внутренней критики текста и содержанія ихъ и допускалъ иногда неосмысленное чтеніе; но въ этомъ сознается самъ г. Голубевъ на стр. 439 своей антикритики.

Къ числу важныхъ недостатковъ приложений къ книгѣ г. Голубева и самаго изслѣдованія относится множество опечатокъ или ошибокъ,—не знаю, какъ точнѣе назвать ихъ. Я въ своей замѣткѣ указалъ только нѣкоторыя изъ нихъ, но не потому, чтобы ихъ столько и было, а потому, что ихъ ужъ очень много. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько серьезны, что легко могутъ быть считаемы за ошибки или обмолвки самого автора. Напримѣръ, Тома Замойскій смѣшивается съ Яномъ Замойскимъ и въ изслѣдованіи г. Голубева, и въ печатныхъ тезисахъ. Ксендзъ Оранскій четыре раза на одной страницѣ называется княземъ,—и это едва ли простая типографская опечатка: если польское слово *окрутъ* (корабль) переводятъ словомъ *оплютъ*¹⁾; то такимъ же способомъ и ксендзъ могъ превратиться въ князя, хотя бы то и по недосмотру. Эти ошибки или опечатки въ изслѣдованіи могли бы быть замѣчены и исправлены читателемъ

¹⁾ См. „Труды Киев. дух. Академіи“ за октябрь, 1872 г., стр. 357.

при помощи документовъ, помѣщенныхъ въ приложеніи; но и эти документы тоже обилуютъ опечатками, такъ что часто недоумѣваешь, нѣтъ ли опечатокъ и въ такихъ словахъ, которыя съ перваго взгляда не кажутся опечатками. Чтобы вывести читателя изъ лабиринта недоумѣній, порождаемыхъ опечатками, необходимо нужно было приложить къ книгѣ указатель опечатокъ, по крайней мѣрѣ встрѣчающихся въ приложеніи, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ; а этого-то г. Голубевъ и не сдѣлалъ. Поэтому въ настоящемъ своемъ видѣ приложенія къ книгѣ г. Голубева „во многихъ случаяхъ могутъ служить только инвентаремъ для другаго, болѣе исправнаго и научнаго печатанія этихъ документовъ и матеріаловъ“.

Инвентарныя указанія, вслѣдствіе неисправности изданія памятниковъ г. Голубевымъ, получаютъ особенный интересъ, и хотя сдѣланы имъ при каждомъ памятникѣ, но не вездѣ обстоятельно, на что я и указалъ въ одномъ изъ замѣчаній своей рецензій. Но г. Голубевъ прогнѣвался на меня за это и, къ величайшему моему удивленію, чуть ли не обвиняетъ меня самого въ неопредѣленности нѣкоторыхъ его указаній на мѣстонахожденіе памятниковъ! Это ужъ чисто схоластическіе приемы той южнорусской полемики XVII вѣка, съ которою г. Голубевъ имѣлъ возможность основательно познакомиться. Въ рецензій своей я указалъ, между прочимъ, на два документа, о которыхъ г. Голубевъ глухо замѣтилъ, что они находятся въ библиотекѣ Кіевской Академіи, но не занесены въ каталогъ. Мнѣ страннымъ показалось такое глухое указаніе. Еще въ бытность г. Голубева студентомъ Академіи, я началъ составлять „Описаніе рукописей Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской духовной Академіи“, оконченное въ 1878 году, гдѣ зарегистрированы были и всѣ академическія рукописи, съ указаніемъ №№ библиотекы или музея. При этомъ были два случая, не болѣе, когда въ запертыхъ ящикахъ библиотечныхъ столовъ находимы были рукописи, не занесенныя

въ библиотечный каталогъ. Въ такихъ случаяхъ библиотечарь и безъ моей просьбы заносилъ ихъ въ каталогъ. Если бы г. Голубевъ дѣйствительно нашелъ цитуемыя имъ рукописи въ академической библиотекѣ, и притомъ не записанными въ каталогъ, то обязанъ былъ предъявить ихъ библиотечарю, который и занесъ бы ихъ въ каталогъ. Поэтому я въ своей рецензіи на книгу г. Голубева замѣтилъ, что глухо указываемые имъ документы могли бы быть зарегистрированы по его указанію. А г. Голубевъ, уклоняясь отъ моего замѣчанія, говоритъ, что регистрація документовъ академической библиотеки не его дѣло, что мое замѣчаніе имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы я сомнѣвался въ подлинности вѣкоторыхъ памятниковъ, и что указанные мною нерегистрированные документы находятся будто бы у меня подъ руками. Что хотѣлъ сказать г. Голубевъ вторымъ пунктомъ своего отвѣта, я не понимаю: то ли, что, послѣ изданія г. Голубевымъ извѣстнаго документа, подлинникъ его уже не имѣетъ значенія, что вѣтъ нужды указывать его мѣстонахожденіе? Если такъ, то слѣдуя порядку мыслей г. Голубева, можно прійти къ тому выводу, что подлинникъ извѣстнаго документа, послѣ неисправнаго изданія его, можно и истребить, какъ уже ненужный болѣе. Но въ такомъ случаѣ возможно ли сличеніе изданныхъ г. Голубевымъ документовъ съ ихъ подлинниками,—сличеніе, котораго онъ требуетъ отъ меня въ другомъ мѣстѣ своей антикритики? Въ дальнѣйшемъ пунктѣ своего отвѣта г. Голубевъ говоритъ, что указанные мною нерегистрированные документы находятся будто бы у меня подъ руками. Что значитъ послѣднее выраженіе „подъ руками“? Если то, что означенные документы находятся въ академической библиотекѣ и слѣдовательно доступны мнѣ,—то я скажу, что они недоступны мнѣ потому, что у г. Голубева нѣтъ точныхъ инвентарныхъ указаній на нихъ; если же то, что они находятся въ моемъ личномъ завѣданіи, то это—положительная неправда. Въ такомъ случаѣ

смыслъ отвѣта былъ бы таковъ, что я—Петровъ—имѣю будто бы подъ руками веригистрованные документы и не смотря на то обвиняю г. Голубева въ отсутствіи регистраціи ихъ! Такъ г. Голубевъ и не сказалъ ничего опредѣленнаго о мѣстонахожденіи искомыхъ документовъ, какъ будто усматривая въ отысканіи и опредѣленіи мѣстонахожденія ихъ мой личный интересъ, а не интересъ науки. Справляюсь по своему Описанію рукописей Церковно-Археологическаго Музея, не найду ли тамъ какихъ нибудь слѣдовъ того рукописнаго сборника, изъ котораго г. Голубевъ заимствовалъ верегистрованные документы, и, послѣ долгихъ поисковъ, останавливаюсь на связкѣ документовъ священническаго рода Борзаконскихъ, пожертвованной въ Церковно-Археологическій Музей кафедральнымъ протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцевымъ и хранящейся при библіотекѣ (а не въ самой библіотекѣ) академической, подъ вѣдѣніемъ библіотекаря. Эта связка значитъ здѣсь подъ 100 № музея и описана мною подъ валовымъ № 619-мъ. Судя по содержанію документа, напечатаннаго у г. Голубева подъ № 58-мъ, онъ можетъ быть отнесенъ къ этой связкѣ, хотя и не упомянуть мною при ея описаніи. Чѣмъ же это объяснить? Связка эта поступила въ Церковно-Археологическій музей въ мартъ 1875 года, когда г. Голубевъ былъ помощникомъ секретаря Церковно-Археологическаго Общества, и притомъ наиболѣе отвѣтственнымъ лицомъ, вслѣдствіе настойчиваго моего тогдашняго желанія сложить съ себя обязанности секретаря Общества¹⁾; но когда я впоследствии описывалъ эту связку въ прибавленіи къ своему „Описанію рукописей“, то искомыхъ документовъ въ ней не было. Вотъ мое наиболѣе вѣроятное объясненіе происхожденія безпаспортныхъ документовъ академической будто бы библіотеки, изданныхъ г. Голубевымъ.—Нѣсколько справедливѣе г. Голубевъ отнесся къ моему указанію на

¹⁾ По этой причинѣ г. Голубевъ и назначенъ былъ тогда помощникомъ секретаря Общества.

глухую цитату его на страницѣ 287 изслѣдованія. Въ антикритикѣ своей онъ пополняетъ пробѣлъ и говоритъ, что „означенная рукопись принадлежитъ библіотекѣ Кіевской дух. Академіи, куда она поступила изъ Кіево-Николаевскаго монастыря“; но при этомъ въ укоръ мнѣ прибавляетъ: „о ней нами въ свое время сдѣлано было сообщеніе въ Церковно-Археологическомъ Обществѣ при той же Академіи и помѣщена замѣтка въ Кіев. Епар. Вѣдом. за 1875 г. (№ 8). Такова, восклицаетъ съ торжествомъ г. Голубевъ,—указываемая рецензентомъ голословная цитата въ нашемъ сочиненіи“. Здѣсь по крайней мѣрѣ, г. Голубевъ восполнилъ то, чего не доставало въ его изслѣдованіи, хотя восполнилъ не точно, обстоятельно. Рукописи Кіево-Николаевскаго монастыря, равно какъ и другихъ Кіевскихъ монастырей, лавры и Кіево-Собійскаго собора, доселѣ не переданы въ библіотеку Кіевской Академіи, да едва ли и будутъ переданы, по независящимъ отъ Академіи обстоятельствамъ. По официальному увѣдомленію начальства Кіево-Николаевскаго монастыря, нѣкоторые изъ рукописей библіотеки дѣйствительно взяты лично г. Голубевымъ; но за нихъ онъ лично и отвѣтственъ. Что же касается комментарія г. Голубева на мою замѣтку и его восклицанія, — то едва ли серьезно можно отвѣчать на нихъ. Я отмѣчаю въ его книгѣ глухую ссылку на рукопись, а онъ говоритъ, что объ этой рукописи онъ сдѣлалъ сообщеніе въ Церковно-Археологическомъ Обществѣ и помѣстилъ замѣтку въ 8 № Кіев. Епарх. Вѣд. за 1875 годъ. Какъ будто мнѣ лично нужна эта рукопись, и какъ будто каждый читатель его книги, безъ указаній въ ней самой, обязанъ знать, гдѣ г. Голубевъ дѣлалъ свои сообщенія и гдѣ помѣщалъ замѣтки свои объ этой рукописи!

Еще два слова въ отвѣтъ на антикритику г. Голубева относительно изданія имъ документовъ въ приложеніи къ его книгѣ. Я въ своей рецензій указалъ между прочимъ на то, что нѣкоторые документы (допустимъ,—одинъ) оказы-

ваются теперь совершенно излишними въ книгѣ г. Голубева. Здѣсь я указалъ именно на такой документъ, по поводу котораго самъ г. Голубевъ сдѣлалъ оговорку въ томъ смыслѣ, что этотъ документъ, вслѣдствіе новыхъ открытій, уже не подтверждаетъ той мысли, для подтвержденія которой онъ первоначально предназначался (стр. 558 изслѣдованія). Но тѣмъ не менѣе г. Голубевъ отстаиваетъ теперь этотъ документъ и старается доказать ближайшее отношеніе его къ предмету изслѣдованія, не безъ натяжки и противорѣчія самому себѣ. Немного удивляетъ меня ссылка г. Голубева на *отдѣльную брошюру* его, еще не вышедшую, съ которою, по его словамъ, имѣетъ тѣсную, органическую связь часть напечатанныхъ въ приложеніи къ книгѣ документовъ. Можетъ быть, и такъ, но это для меня пока неизвѣстно.— Впрочемъ, вопросъ этотъ не имѣетъ существеннаго значенія для науки.

Иногда г. Голубевъ укоряетъ меня за то, что я въ своей рецензій не указалъ такихъ недостатковъ въ изданіи имъ приложеній, которые и самъ онъ считаетъ дѣйствительными недостатками.—Этой вины своей я не отрицаю.

Остальные пункты антикритики г. Голубева касаются замѣчаній на самое его изслѣдованіе и, по моему мнѣнію и мнѣнію другихъ, не имѣютъ особаго значенія, потому что 1) самое изслѣдованіе г. Голубева, въ существѣ дѣла, имѣетъ переходящій, измѣчивый характеръ, не имѣетъ той прочности и устойчивости, какия должны бы принадлежать приложеніямъ; 2) мои замѣчанія на изслѣдованія г. Голубева большею частію рѣшительно не имѣли аподиктического характера; 3) антикритика г. Голубева, за исключеніемъ двухъ—трехъ пунктовъ, такого свойства, что пришлось бы отвѣчать на нее только раскрытіемъ полемическихъ приѣмовъ автора ея и ставить дѣло на почву личныхъ препирательствъ и отношеній. Поэтому я, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ до поры до времени (смотря по обстоятельствамъ), оставляю эти пункты въ сторонѣ и ставлю точку.

Н. Петровъ.

С Л О В О

на Пассію второй недѣли великаго поста.

О ЛИЦЕМЪРНОМЪ СЛУЖЕНІИ.

Сынъ человѣческой идетъ, якоже есть писано о Немъ; юре же челоуьку тому, имъ же Сынъ челоуьческой предастся; добре было бы ему, аще не бы родился челоуькъ той (Марк. 14, 21).

Съ такими словами, исполненными скорби и вмѣстѣ карающаго обличенія, Спаситель нашъ обратился къ своимъ ученикамъ, готовясь совершить съ ними послѣднюю священную вечерю. Такъ Онъ говорилъ къ нимъ, имѣя предъ глазами своего предателя. Онъ зналъ умысль Іуды, давно проникалъ въ его намѣреніе, но по Своей неизреченной любви къ падшимъ и заблудшимъ грѣшникамъ терпѣлъ его въ Своемъ сообществѣ до такой минуты, пока онъ самъ не оставилъ Его. И теперь Онъ не только не изгналъ его изъ сонма святыхъ Своихъ избранныхъ, не лишилъ его участія въ великомъ святомъ таинствѣ, но скорбя и сокрушаясь о его глубокомъ паденіи, желая предостеречь его отъ совершенія тяжкаго грѣха, говоритъ: *юре челоуьку тому, имъ же Сынъ челоуьческой предастся.* Преступленіе уже созрѣло въ умѣ Іуды, намѣреніе продать своего учителя въ руки незаконныхъ было обдуманно, но еще не было приведено въ исполненіе, Іуда еще могъ приостановиться съ его выполненіемъ; и вотъ челоуьколюбивый Господь, желая еще вызвать въ немъ раскаяніе, указываетъ на тяжкую кару,

предстоящую за позорный порокъ: *добрые было бы ему, аще не бы родился человекъ той*. Слова эти, исполненные сѣрдобольной заботливости о гибнущей душѣ, могли бы потрясти и отрезвить сердце, еще не омраченное беззаконіемъ; но закоснѣніе Іуды во злѣ было уже такъ велико, что вмѣсто ожидаемаго исправленія, онъ съ лицемѣрною наглостію, желая казаться невиннымъ, подобно другимъ ученикамъ, спрашивалъ Господа: „не я ли, Равви“ (Мате. 26, 25)? Что же собственно расположило Іуду къ совершенію такого тяжкаго грѣха? Что привело его къ подавленію въ себѣ святыхъ чувствъ уваженія и преданности къ своему великому Наставнику? Не любя своего Учителя, онъ могъ оставить его подобно другимъ послѣдователямъ; за чѣмъ же продалъ кровь неповинную въ руки беззаконныхъ? за чѣмъ, злоумышляя на Его жизнь, приуготовилъ Ему такую позорную казнь?

Превратное и извращенное направленіе въ дѣятельности въ такой сильной мѣрѣ, въ какой вынаружилось въ Іудѣ предатель, возникаетъ въ душѣ человека не сразу и не мгновенно. Оно слагается постепенно, постепенно овладѣваетъ его умомъ и волею и только послѣ омраченія всего святаго, возвышающаго духъ человѣческой надъ неразумною тварію приводитъ его къ совершенію такихъ тяжкихъ преступныхъ дѣяній, какія совершилъ Іуда. И въ жизни Іуды были такія отрадныя минуты, въ которыя Господь называлъ его „солю земли“, „свѣтомъ міра“, „блаженнымъ“... Это было въ то время, когда Господь изъ великаго множества людей, Его окружавшихъ, избралъ его въ числѣ двѣнадцати учениковъ, просвѣщалъ Его вмѣстѣ съ другими лучами божественнаго свѣта, готовилъ его вмѣстѣ съ ними быть руководителемъ и просвѣтителемъ людей, находившихся во мракѣ невѣденія (Мате. 5 гл.). Іуда внималъ словамъ Спасителя, благоговѣлъ предъ Нимъ, какъ великимъ чудотворцемъ, повелѣвавшимъ силами природы (Марк. 4, 41), до тѣхъ поръ, доколѣ Онъ не сказалъ, что все то, что Онъ дѣлаетъ и чему учить,

должно служить не къ устройству временнаго благополучія, не къ создаванію тѣмноваго скоропреходящаго царства, но къ возрожденію того духовнаго состоянія, къ восстановленію того царства, которое витаетъ внутри человѣка, почи- ваетъ въ его сердцѣ, обладая которымъ, человѣкъ не ста- нетъ износить изъ своего сокровища-сердца преступныхъ замысловъ, не станетъ совершать позорящихъ достоинство человѣка дѣйствій, но сдѣлается сыномъ небеснаго Отца, унаслѣдуетъ не блага тѣмныя и скоропреходящія, но пре- бывающія во вѣки и дающія наслѣдіе живота вѣчнаго. Ко- гда небесный Посланникъ сталъ раскрывать такіа спаси- тельныя истины предъ Своими учениками и послѣдователя- ми, когда сталъ указывать имъ на то, что служеніе такимъ истинамъ не всегда бываетъ соединено съ достиженіемъ временнаго благополучія, но часто требуетъ высокаго са- моотверженія и самоотреченія со стороны ихъ исповѣдни- ковъ, обрекающаго ихъ на тяжкія гоненія и преслѣдованія, что Онъ самъ, провозвѣстникъ этихъ священныхъ истинъ, будетъ преданъ въ руки беззаконныхъ и пропять, преступ- ная мысль стала закрадываться въ умъ Іуды. Онъ не лю- билъ глаголовъ живота вѣчнаго, не расположенъ былъ ради слѣдованія имъ обречь себя на гоненія, лишенія, скорби; онъ хотѣлъ оставаться сыномъ вѣка его, искалъ его пре- лестей; заботы объ очищенія и просвѣтленія своего духа, спасенія своей души были далеки отъ него и не занимали его помысловъ. Но въ то время, когда другіе, подобно ему настроенные, послѣ показаннаго Спасителемъ значенія исти- нъ, сообщаемыхъ людямъ, и уясненія цѣли своего прише- ствія, рѣшились навсегда оставить Господа, Іуда не захо- тѣлъ выдѣлиться изъ сонма двѣнадцати избранныхъ учени- ковъ, не смотря на то, что Спаситель, проникая въ его намѣреніе, тотчасъ возвѣстилъ, что между двѣнадцатью, оставшимися Ему вѣрными, *единъ діаволь есть* (Іоанн. 6, 70. 71). Такимъ образомъ, Іуда, не питая искренней преданно- сти къ своему Учителю, не дорожа тѣми истинами, которыя Онъ вѣщалъ, рѣшился лицемѣрно Ему служить.

Не это ли рѣшеніе Іуды на лицемѣрное служеніе въ лицѣ двѣнадцати избранныхъ учениковъ своему небесному Учителю и проповѣданнымъ Имъ истинамъ привело его къ тѣмъ тяжкимъ преступленіямъ, которыя онъ совершилъ? Войдите въ то расположеніе и настроеніе духа, въ которомъ онъ находился съ этихъ поръ. Въ душѣ онъ не любилъ своего Учителя, не питалъ уваженія къ проповѣдуемымъ Имъ истинамъ, а по вѣшнему виду и выраженію долженъ былъ казаться любящимъ Его, ревнующимъ о преподаваемыхъ Имъ наставленіяхъ; по внутреннему расположенію онъ хотѣлъ жить по влеченію плотнаго сердца, по указанію чувственныхъ стремленій, а по вѣшнему поведенію долженъ былъ казаться радѣющимъ о высшихъ небесныхъ благахъ, не пекущимся ни о чемъ земномъ, не прилагающимъ своего сердца ни къ какимъ земнымъ благамъ. Жизнь должна была прикрывать каждый шагъ его жизни. Онъ всегда долженъ былъ казаться не такимъ, какимъ былъ на дѣлѣ. Постоянно же прикрывающая его поведеніе ложь должна была окончательно извратить всѣ нравственныя основы его духовнаго существа. Чѣмъ болѣе онъ оставался въ такомъ положеніи, тѣмъ необходимѣе долженъ становиться извращеніе и безнравственіе. Спаситель велъ Своихъ учениковъ отъ меньшаго къ большому совершенству. По мѣрѣ приближенія къ днямъ искупленія, страданій и смерти, Онъ чаще и чаще указывалъ Своимъ ученикамъ на высшіе подвиги самоотверженія, на необходимость всецѣлаго посвященія себя благу человечества, на непрекословное предательство себя волѣ Божіей при всѣхъ невзгодахъ жизни. Чѣмъ чище и свѣтлѣе становились вѣрные служители Христовы отъ прозяновенія этими истинами, тѣмъ тусклѣе и мрачнѣе дѣлался лицъ злочестиваго Іуды, чуждавшагося этихъ истинъ. Предъ взоромъ любвеобильнаго Учителя и его вѣрныхъ послѣдователей, а своихъ сподвижниковъ, Іуда долженъ былъ облекаться во всеоружіе неправды, лести и обмана. И онъ такъ и дѣлалъ. Когда нѣкая богобоязненная жена, предвидя

неминуемую страдальческую кончину своего любимого Учителя, и желая оказать Ему послѣднюю дань своего глубокаго уваженія, купила драгоцѣнное муро и возлила на главу Спасителя, возлежащаго въ дому Симона прокаженнаго, Іуда, питая въ себѣ одну преступную страсть къ наживѣ, вознегодовалъ на нее за напрасную трату столь цѣннаго мира, но не во имя лицемерно скрываемой страсти, а во имя заботы о нищихъ. „Для чего бы не продать, говоритъ онъ, это муро за триста динарiевъ и не раздать нищимъ“ (Іоанн. 12, 5)? Алчный и жадный, не способный, можетъ быть, чашею студеной воды утолить жажду умирающаго, ревнуетъ о нищихъ! Такъ, напыщенное лицемеріе всегда старается высоко держать свое знамя! Оно желаетъ казаться помышляющимъ объ удовлетвореніи высшихъ насущныхъ потребностей.

Но лицемерно надѣтая маска не можетъ же до конца скрывать таящееся подъ ней развращенное существо. Когда Спаситель нашъ вошелъ въ Іерусалимъ, когда пререканія и противодѣйствія, встрѣчаемыя Имъ на каждомъ шагу ясно указали, что теперь наступаетъ то время, когда предъ Богомъ и людьми необходимо было засвидѣтельствовать свою преданность и вѣрность небесному Учителю и Его ученію, тогда злочестивый Іуда послѣшилъ поступить по внушенію чувства, уже не прикрываемаго лицемеріемъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ іудейскими первосвященниками и старѣйшинами о преданіи имъ своего Учителя.

Привыкши хитро сарывать тайные помыслы и преступныя цѣли, Іуда не отказался еще принять участіе въ томъ священномъ собраніи, въ которомъ Господь нашъ установилъ величайшее таинство общенія съ Собою людей чрезъ плоть и кровь, и здѣсь еще разъ пытался прикрыть себя личиною невинности, но въ этотъ священный моментъ влеченія плоти и крови божественнаго Страдальца, когда все существо присутствующихъ должно было обратиться въ чистѣйшую и пламеннѣйшую любовь, душа злочестиваго

Иуды, еще и теперь лицемѣрившаго, сдѣлалась уже вмѣстѣ лицомъ сатаны. *И вошелъ въ него сатана*, замѣчаетъ евангелистъ (Іоанн. 13, -27). Гдѣ не дають пріюта для царства правды, мира и любви, тамъ готовятъ жилище для царства тьмы, лжи, обмана, для царства сатаны. Иуда все время при жизни Спасителя чуждавшійся царства свѣта, дѣлался царствомъ мрака и уготовалъ въ себѣ мѣсто для царства вельзевула и его темныхъ дѣлъ.

Продавъ кровь неповинную въ руки беззаконныхъ лицемѣрнымъ знакомъ лобзанія, Иуда думалъ было уже насладиться миромъ и покоемъ, дать полный просторъ своимъ нечистымъ стремленіямъ и желаніямъ, но не смогъ подавить въ себѣ поднявшихся мученій и угрызений пробудившейся совѣсти при видѣ неповиннаго Страдальца, *и шедъ удавился*. Такъ, большею частію, кончаютъ свою жизнь люди, лицемѣрно служащіе истинѣ и втайнѣ питающіе преступные замыслы и стремленія! По приведеніи въ исполненіе задуманнаго злаго помысла, они не въ состояніи бороться съ возставшими мученіями и угрызеніями совѣсти и насильственно прекращаютъ свою безотрадную жизнь.

Описанный нами печальный образъ злочестиваго Иуды не возбуждаетъ ли размышленій о многомъ, совершающемся среди насъ въ настоящее время? Растущее и усиливающееся среди насъ хищничество чужаго добра, укрытіе и оправданіе этого хищничества предъ судомъ общественной совѣсти, оправданіе всякаго рода поступковъ, позорящихъ достоинство человѣка, не обязаны ли тому, что у насъ люди съ испорченнымъ сердцемъ и извращенною совѣстію, подъ видомъ ревнителей общественнаго блага, честныхъ и доблестныхъ гражданъ, безкорыстныхъ дѣятелей, повсюду проникають къ намъ на служеніе? Вотъ предъ вами похититель чужаго добра; какъ онъ овладѣлъ имъ? Онъ добылъ его не чрезъ насиліе, не посредствомъ взлома; будь онъ явный злодѣй, его бы побереглись. Нѣтъ; онъ достигъ этого не такимъ путемъ. Сначала онъ старался снискать довѣріе общества своими якобы

Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I. 42

безкорыстными дѣйствіями; пріобрѣвъ довѣріе, онъ занялъ въ немъ видное мѣсто; занявъ видное мѣсто, онъ по прежнему продолжалъ вести жизнь, повидимому, скромную и воздержную, заботился о бѣдныхъ, участвовалъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, украшалъ храмы и только послѣ такого обмана сталъ приводить въ исполненіе свои преступные замыслы, сталъ расточать имущества другихъ, тайкомъ присвоенныя. Не образъ ли это злочестиваго Іуды, который, войдя въ число двѣнадцати избранныхъ учениковъ, лицемерно оставался въ немъ, питая свои преступные замыслы, ревновалъ объ удовлетвореніи нищихъ и въ заключеніе сдѣлался предателемъ Господа? Вотъ предъ вами оправдавшій завѣдомаго вамъ вора или преднамѣреннаго убійцу. Какъ онъ достигъ этого? Сначала онъ прикрылся именемъ честнаго гражданина, за тѣмъ, оправдывая завопроштаннаго, онъ хотѣлъ казаться дѣйствующимъ? или во имя всепрощающей христіанской любви или во имя разнаго рода обстоятельствъ, смягчающихъ преступленію. Не тотъ же ли это Іуда, который, показывая видъ, будто принадлежитъ къ ягу избранныхъ учениковъ, свою преступную страсть къ наживѣ оправдываетъ заботливостію о нищихъ? И многое множество подобныхъ дѣятелей вы встрѣтите въ настоящее время на разныхъ поприщахъ нашей общественной жизни. Не болѣзнь ли это нашего времени? И не стремленіемъ ли лицемерно служить обществу отравляются всѣ здоровые соки нашего общественнаго организма? Конечно, Іудино лицемеріе не составляетъ исключительной принадлежности нашего времени. Но прискорбно, если оно составляетъ преобладающее явленіе, прискорбно, если оно является преобладающимъ въ то самое время, когда создаваемыя для общественаго блага учрежденія еще не окрѣпли и требуютъ людей, всецѣло посвящающихъ себя безкорыстному служенію общества. Люди, съ преступными видами принимающіе такой вызовъ общества и лицемерно посвящающіе себя на служеніе ему, способны убить въ немъ всѣ благія начина-

нія въ самомъ зародышѣ. Лицемерный недугъ самый опасный врагъ всякаго зачинающагося добраго предпріятія. Поэтому-то Господь, имѣя въ виду своего лицемернаго предателя, сказалъ: „лучше было бы тому человѣку не родиться“. И самъ онъ препобѣдилъ его только своею всесильною десницею, воставъ отъ мертвыхъ по преданіи имъ Его на смерть. Какъ же не легко бороться съ этимъ опаснымъ недугомъ слабымъ и немощнымъ людямъ!

Тѣмъ не менѣе, какъ развился и какъ развивается среди насъ этотъ тяжкій недугъ? Мы не видѣли и не видимъ непосредственно своими глазами поучающаго насъ Господа, подобно Іудѣ, не слышали и не слышимъ, подобно ему, непосредственно своими ушами Его спасительныхъ рѣчей, могущихъ насъ умудрить и наставить на путь спасенія. Но мы слушали и слушаемъ Его слова здѣсь въ церкви; насъ учили и учатъ Его заповѣдямъ въ школахъ, въ семьяхъ. Какъ относились и относимся мы къ урокамъ и наставленіямъ, въ нихъ предлагаемымъ? Смотрѣли ли и смотримъ ли мы на нихъ, какъ на средства, назначенныя для исправленія и очищенія нашего сердца, возвышенія нашего духа? Или одна изъ насъ вовсе не прилагали и не прилагаютъ къ нимъ своего сердца, а другіе только показываютъ видъ, будто внимали и внимаютъ имъ, а на дѣлѣ подъ кровомъ ихъ продолжали питать и питаютъ свои преступныя стремленія и пожеланія? Вотъ на примѣръ, мы много разъ уже проходили и теперь проходимъ поприще поста и покаянія, назначеннаго для уврачеванія и исцѣленія нашихъ душевныхъ недуговъ. Съ того ли мы начинали и начинаемъ свое покаяніе, что сознавъ свое удаленіе отъ небснаго Отца, старались склонить Его на милость исправленіемъ своей прежней жизни и возвращеніемъ въ лоно возлюбленныхъ Его чадъ, или же мы приступали и приступаемъ къ покаянію и посту по принятому обычаю, и поднавъ временно эту непривычную для насъ ношу воздержанія, спѣшимъ поскорѣе высвободиться отъ нея и съ радостію бросаемся

въ объятія прежней жизни. Колю скоро мы такъ относилась и относимся къ одному изъ важнѣйшихъ церковныхъ установленій, то неудивительно, если это святое учрежденіе нашей матери Церкви не давало и не даетъ тѣхъ благихъ плодовъ, какихъ можно было ожидать отъ него. Мы каемся и каемся, а зло растетъ и усиливается. Сѣются добрыя сѣмена, а растутъ и зрѣютъ плевелы. Стоя здѣсь, мы иногда стонемъ, вздыхаемъ и даже плачемъ, а за дверьми сего святилища продолжаемъ жить беззаконно. Само святое покаяніе оказывается безсильнымъ уврачевать наши недуги. Одни изъ насъ учились, другіе учатся въ школахъ. Съ какими ли пожеланіями мы вступали и вступаемъ въ нихъ, чтобы укрѣпить въ нихъ свой духъ, просвѣтить свой умъ и сердце для борьбы съ невзгодами жизни, для разумнаго и сознательнаго выполненія долга, возлагаемаго ею на насъ, или же мы хотѣли и хотимъ получить въ нихъ одни внѣшнія права на занятіе извѣстнаго мѣста въ обществѣ? Колю скоро мы руководились послѣдними стремленіями, то неудивительно, если и самая школа оказывалась не только бесполезною, но часто и вредною въ нашей жизни. Наконецъ всѣ мы росли, получали и получаемъ задатки къ добрымъ навыкамъ, къ исполненію заповѣдей Божіихъ, къ уваженію правъ другихъ, къ любви истины и добра въ семьѣ. Считали ли мы обязательными для всей своей жизни первоначальные добрые совѣты богобоязненной матери, или придя въ извѣстный возрастъ, мы поспѣшили отрѣшиться отъ нихъ и вовсе ихъ позабыть? Если мы хотимъ врачевать одолѣвающій насъ недугъ; мы обязаны стать въ искреннія сыновнія, а не лицемерныя отношенія прежде всего къ матери Церкви, а за тѣмъ къ школѣ и семьѣ. Если мы не хотимъ дать роста уже проникшему къ намъ злу, не станемъ показывать своего сочувствія какимъ бы то ни было образомъ тѣмъ, которые заскаютъ это зло, прикрываютъ, оправдываютъ его. Іуда не продалъ бы безбоязненно Господа, если бы не зналъ, что вслѣдъ за нимъ народъ

станеть кричать „распи, распни Его“. Если мы не сдѣлаемъ перваго и не пристуимъ ко второму, то печальный образъ злочестиваго лицемѣрнаго Іуды не перестанеть тяготѣть надъ нашею жизнію и всегда будетъ покрывать безславіемъ всю вашу дѣятельность. Сознаемъ же глубину своего паденія и съ твердою рѣшимостію исправиться воззовемъ ко Господу, да не попуститъ Онъ намъ валяться въ грѣховной безднѣ, но да направитъ стопы наша на стезю праву нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

С. Сольскій.

С Л О В О

на Пассію четвертой недѣли великаго поста.

Во дни поста и покаянія и въ этомъ священномъ мѣстѣ о чемъ другомъ можно говорить и бесѣдовать, какъ не о Виновикиѣ настоящаго нашего молитвеннаго собранія, Господь Иисусъ Христъ? О событіяхъ Его земнаго служенія повѣствуютъ намъ евангелисты, о заслугахъ Его учатъ насъ апостолы, Его милосердіе къ человѣческому роду воспѣваетъ Церковь. Неужели мы можемъ оставаться глухи къ этому совокупному голосу нашихъ наставниковъ? Мы не должны и не можемъ: не должны потому, что къ этому призываетъ насъ естественное чувство благодарности за безконечную милость, ничѣмъ везаслуженную;—не можемъ потому, что въ подвигъ Христа Спасителя столько дорогаго и близкаго нашему сердцу, что только глубочайшее нравственное паденіе можетъ сдѣлать насъ неспособными понять и оцѣнить величіе и высокую привлекательность Лица божественнаго Страдальца.

Ты хочешь знать, слушатель, въ чемъ состоитъ это величіе и привлекательность? Припомни только, въ какомъ положеніи находилось человѣчество во время вѣступленія Господа Иисуса Христа на служеніе роду человѣческому. Іудеи изнемогали подъ долговременнымъ рабствомъ иноплемениковъ и единственную опору видѣли въ свѣтломъ образѣ Мессіи; лучшіе изъ язычниковъ открыто осмѣивали своихъ идоловъ, но въ замѣнъ ихъ ничего другаго не могли создать, кромѣ „жертвенника неизвѣстному богу“ (Дѣян.

XVII, 23); большинство же человечества продолжало косить въ своемъ глубокомъ невѣжествѣ и обнаруживало почти столь же мало признаковъ жизни, какъ и тѣ идолы, которымъ служило. И вотъ въ эту минуту, когда лучшая и наиболѣе образованная часть вселенной изнемогала подъ бременемъ сознанія своего нравственного безсилія, является милостивый Самарянинъ—Христось, избыткомъ Своей любви вручаетъ язвы нашей нравственной природы и не только доносить больного до покойнаго пріюта, но и Самаго Себя предаетъ на позорную смерть, чтобы только былъ живъ и здоровъ врачуемый. Скажи мнѣ, слушатель, кто найдетъ въ себѣ присутствіе духа—безчувственно оттолкнуть отъ себя эту врачующую руку божественнаго Искупителя? Если ты можешь, то горько оплакивай окаменѣніе своего сердца, скорби за твое неисцѣльное паденіе, потому что твои глаза потеряли способность видѣть, уши слышать, и сердце перестало чувствовать (Исѣин VI, 10).

Но не это одно влечетъ меня къ божественному Страдалцу; меня трогаетъ и радуетъ самая возможность божественной любви къ падшему человечеству: *такъ бо возлюбилъ Богъ міръ, яко и Сына Своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ оныя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16) Если такъ возлюбилъ Богъ человѣка, то значить оныя не болѣлъ еще неисцѣльно, значить и въ самомъ паденіи своемъ оныя продолжалъ сохранять на себѣ печать своего божественнаго происхожденія: потерявши истинную дорогу, оныя не переставалъ ее искать; нравственно падши, оныя дѣлалъ постоянныя усилія встать. Это было дитя, искалѣченное страшною и продолжительною болѣзнію, но все еще милое и дорогое для любящихъ родителей. Мудрено ли, что Богъ не оттолкнулъ отъ Себя кающагося сына, но вышелъ къ нему на встрѣчу, палъ на его шею, цѣловалъ его (Лук. XV, 20) и украсилъ праздничною одеждою (Ibid. ст. 22): *аще вы, говоритъ Спаситель, лукавы суще, умѣете давати блага даяти чадомъ вашимъ; кольми паче Отець*

вншъ небесный дастъ блази просящимъ у Нею (Матѣ. VII, 11). Но Онъ не только не оттолкнулъ отъ Себя кающагося человѣка, но и сдѣлалъ его непосредственнымъ участникомъ спасенія. Единый вѣчный, Онъ не погнушался принять на Себя наше смертное тѣло; безконечный и вездѣсущій, Онъ избралъ наше ограниченное существо достойнымъ орудіемъ Своего Промысла, чтобы въ единеніи конечнаго и безконечнаго совершить удовлетвореніе безконечной Правды, оскорбленной нашимъ грѣхопаденіемъ; смертный человѣкъ соединился съ бессмертнымъ Творцомъ; рабъ принять Господомъ и Богомъ въ участники величайшаго дѣла міровой исторіи; небо соединилось съ землей для водворенія общаго мира, нарушеннаго нашими отдами. Подними же высоко твою голову, падшій человѣкъ! Не смотря на твоё паденіе, ты удостоенъ отъ Господа неизреченной почести. Ты уже не рабъ, а сынъ и другъ Божій, такъ какъ рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господивъ его (Іоан. XV, 14—15). И какимъ почетомъ окружено въ устахъ Спасителя имя „сынъ человѣческій“?! „Сыну человѣческому подобаетъ быть вознесену подобно змію въ пустынь“ (Іоан. III, 14); Сынъ человѣческій пришелъ отдать душу свою для искупленія многихъ (Лук. X, 45); тотъ же Сынъ человѣческій прославится въ подвигѣ своего служенія (Іоан. XII, 23; XIII, 31—32), воскреснетъ изъ мертвыхъ (Мѣ. XVII, 9), возседеть одесную силы Божіей (Лук. XXII, 69) и наконецъ придетъ во славу Отца своего со святыми ангелами (Марк. VIII, 38). Каждый народъ гордится лучшими своими сынами, усматривая въ ихъ подвигахъ высшее проявленіе собственныхъ своихъ силъ. Ихъ заслуги виѣняются въ заслуги цѣлой народности; ихъ слава становится достояніемъ народной гордости. Но скажи мнѣ, слушатель, читалъ ли ты гдѣ-либо о подвигѣ, подобномъ тому, какой совершилъ человѣкъ въ Лицѣ Богочеловѣка? Конечно, нѣтъ. Такъ вотъ почему должны быть близки и дороги нашему сердцу тѣ подвиги Искупителя, въ которыхъ сказалась мощь нашего

нравственнаго существа. Въ этихъ подвигахъ мы должны черпать силу для собственной дѣятельности, въ нихъ видѣть высшій примѣръ для своего подражанія. Здѣсь, въ земномъ служеніи І. Христа, мы видимъ не то, каковъ человѣкъ, но какимъ онъ долженъ и можетъ быть, оставаясь вѣрнымъ своей человѣческой природѣ, но поднятый на высоту своего нравственнаго долга.

Я не кончилъ бы своего слова, если бы сталъ исчислять все поучительное для насъ въ земной жизни и дѣятельности Господа І. Христа; потому изъ многого выберу самое немногое.

Извѣстно, что высшее проявленіе человѣческой личности, наибольшая ступень ея развитія сказывается въ служеніи общему благу, въ способности самопожертвованія. Самъ Спаситель сказалъ: *болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). И вся жизнь Спасителя дѣйствительно была ничѣмъ инымъ, какъ непрерывнымъ подвигомъ служенія роду человѣческому, его спасенію: *Сынъ человеческій пришелъ, говорить Онь, не да послужоуть Ему, но послужити и дати душу Свою избавленія за мнозихъ* (Лук. X, 45).

Тридцати лѣтъ выступаетъ Онь на дѣло Своего уи-тельства и не оставляетъ его до самаго конца Своей жизни. Онь переходитъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и повсюду учитъ, гдѣ только находитъ слушателей. Ради наилучшаго исполненія своего долга Онь обрекаетъ Себя на всевозможныя лишенія, уклоняется отъ мірскихъ почестей (Іоан. VI, 15). Указывая на трудности слѣдованія Ему, Христось говорилъ: *лиси язвены имють и птицы небесныя имъзда; Сынъ же человеческій не имать, идъ главу подклонити* (Лук. IX, 58). Ради того же долга Онь забываетъ иногда любимую Имъ родительскую семью, переноса всѣ Свой чувства на своихъ слушателей и учениковъ: *Мати Моя и братія Моя сіи суть, слышашии слово Божіе и творящи е* (Лук. VIII, 21). И сколько любви и сердечной

теплоты чувствуется въ каждомъ Его словѣ, обращенномъ въ многочисленнымъ слушателямъ и ученикамъ; и сколько, наоборотъ, негодовавія слышится въ Его огненныхъ рѣчахъ противъ порока, неподдающагося исправленію! Блудницы и грѣшники, — эти жертвы извѣстнаго общественнаго строя, — находили въ Немъ своего защитника и радушнаго гостя, если только Онъ видѣлъ въ нихъ хотя искру вѣры. И тоже чувство любви, какъ основаніе взаимныхъ отношеній, Онъ завѣщалъ и Своимъ ученикамъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; якоже возлюбилъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 34—35). Но вы, быть можетъ, скажете, что Спаситель по крайней мѣрѣ имѣлъ утѣшеніе и поддержку въ признаніи Его заслугъ, въ усердіи Его слушателей, въ ихъ готовности исполнять сказанное. Послушайте, что говоритъ Онъ самъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: ищите Мене не яко видѣте знаменіе, но яко яли есте хлѣбы и насытитесь* (Іоан. VI, 26). Вотъ уровень развитія Его слушателей и такъ-то принимались Его проповѣди о самоотреченіи! Въ другой разъ послѣ проповѣди о хлѣбѣ, который Онъ даетъ вѣрующимъ въ Своей плоти и крови, даже ученики Его разсуждали: *какія странныя слова! Кто можетъ ихъ слушать? Съ сего времени, замѣчаетъ евангелистъ, многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него и уже не ходили за Нимъ* (Іоан. VI, 60, 66). А сколько разъ хотѣли побить Его камнями? Сколько разъ искали схватить Его? И это послѣ массы чудесъ и послѣ того, какъ даже простецы признавали: *никоимъже тако есть глаголае челоувѣкъ, яко сей челоувѣкъ* (Іоан. VII, 46). Но что я говорю: не ближайшій ли изъ Его учениковъ позорно продалъ Его за ничтожную сумму? И ты, быть можетъ, подумаешь, слушатель, что это не трогало Его? Послушай, что говоритъ евангелистъ: *сія рече, Иисусъ возмутися духомъ, и свидѣтельствова и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, яко единъ изъ васъ предастъ Мя* (Іоан. XIII, 21).

Но самымъ высшимъ подвигомъ Его самоотверженія,

безспорно, служить Его смерть ради нашего примиренія съ разгнѣванной правдой. И съ какой тревогой Онъ представлялъ Себѣ неизбежность этого часа! *Нынѣ душа Моя возмутится*, говоритъ Онъ, *и что реку? Отче, спаси отъ часа сего! Но сего ради приидохъ на часъ сей* (Іоан. XII, 27). Въ другой разъ, когда уже былъ близокъ предающій (Мрк. XIV, 42), Іисусъ удалился въ садъ геесиманскій, чтобы въ молитвѣ найти подкрѣпленіе: *и начатъ* (Онъ), *разсказываетъ Маркъ, ужасатися и тужити и малола ученикамъ: прискорбна есть душа Моя до смерти: будите здѣ и бдите. И прешедъ мало, паде на земли, и моляшеся, да аще возможно есть, мимо идетъ отъ Него часъ, и малолаше: Авва Отче! вся возможна Тебѣ; мимо неси отъ Мене чашу сію* (Мрк. XIV 33—36). И какъ было не смущаться? Еще недавно Онъ пережилъ низкую измѣну избраннаго ученика, другому предсказалъ троекратное отреченіе (Ibid. X, 30), а теперь въ минуту послѣдней опасности, видитъ Своихъ любимцевъ спящими и неспособными бодрствовать в единого часа ради своего Учителя: *Симоне! спиши ли?* говорилъ съ укоромъ Спаситель; *не возмогахъ для сего единого часа побдѣти* (Мрк. XIV, 37); и возвращается опять и все таки находитъ всѣхъ спящими (XIV, 40—41). Итакъ одинъ, только съ надеждой на Бога Отца, Спаситель неуклонно шелъ въ цѣли, которую указывалъ Ему долгъ, шелъ не вслѣдствіе высшаго только назначенія, а добровольно, имѣя власть отдать душу Свою и опять принять (Іоан. X, 16). Но посмотрите, что дѣлается съ Нимъ во дворѣ первосвященниковъ, Пилата и на Голгоѣѣ. Какъ будто демонъ какой овладѣлъ сердцами всѣхъ, ожесточилъ и лишилъ разумѣнія: *и начаша*, *разсказываетъ евангелистъ, нынѣи плювати на нь и прикрывати лице Его и мучити Его и малолати Ему: пророчи, и слуги по ланитамъ Его бѣяху* (XIV, 65). Остановитесь, несчастные! Подумали ли вы, на Кого поднимаете руку? На того, Кто первый возвѣстилъ вамъ свободу, Кто прішелъ вырвать васъ изъ рукъ бездушнаго господина, Кто первый, возвысилъ голосъ за ваше человѣческое достоинство.

ство!—Но вотъ Господь І. Христось уже у Пилата. И чтоже! Язычяиѣ стоятъ за невиннаго Страдальца, а родной народъ въ какомъ-то изступленіи требуетъ Его смерти. Чьей смерти? Того, Кто кормилъ его хлѣбомъ въ пустынѣ, Кто врачевалъ его больныхъ, Кто составляетъ его славу и гордость націй Кто готовится принести послѣднюю жертву за его неправды?! Скажите мнѣ, кто не остановится предъ этой неблагодарностью“. Кто еще въ силахъ остаться вѣрнымъ своему долгу?—Но вотъ Господь І. Христось уже на крестѣ. Казалось бы, что удовлетворенная злоба уступить мѣсто состраданію. Послушаемъ же, что рассказываетъ евангелистъ: *Мимоходящіе хуляху Его, покиваяще главами своими и маююще: уа, разоряяи церковь и трети дени созидаи: Спасися Самъ и сиди со креста. Такожъ и архіерее ругающеса съ книжники маюлаху: иныи спасе, Себе ли не можетъ спасти? Христось, Царь Израилевъ, да сидеть нынѣ съ креста, да видимъ и въру имемъ Ему. И распятая съ Нимъ поношаста Ему (Мрк. XV, 29—32). Гдѣ найти словъ, чтобы выразить все безчеловѣчіе этого нравственнаго истязанія? Не только страдающій отъ ранъ позорной казни, но и здоровый не можетъ вынести такой нравственной пытки. Не вынесъ ея и Христось; изъ Его груди невольно вырвалась жалоба: *Боже Мой! Боже Мой! почто Мя оставилъ еси?* (Мрк. XV, 34). Теперь ты вѣришь, слушатель, глубинѣ страданій твоего Спасителя? Теперь ты видишь, до какой высоты нравственного долга можетъ подняться человѣческая природа? Не подумай, что только Богъ могъ вынести такіа страданія—Божество не доступно страданію—здѣсь страдалъ человѣкъ, и только человѣкъ. Но я уважу тебѣ еще на большій подвигъ человѣка въ Лицѣ Христа: *Иисусъ же маюлаше: Отче! отпусти имъ; не видятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34) „Вотъ человѣкъ“! скажу я словами Пилата (Іоан. XIX, 5); таковъ онъ долженъ быть, такова послѣдняя ступень его нравственного совершенствованія, таковъ конечный подвигъ его самоотверженнаго служенія на пользу ближняго.*

Порадуемся же за такую высоту назначенія чловѣка, порадуемся за то, что слабый чловѣкъ призванъ къ общенію въ дѣлѣ Божіемъ, что по своей природѣ онъ предназначенъ къ безконечному самосовершенствованію. Постараемся и сами, каждый въ своемъ мѣстѣ и въ своемъ дѣлѣ, возвыситься до той ступени самоотверженной преданности долгу, какую мы видѣли въ примѣрѣ Господа Іисуса Христа. Не подумаемъ, что путь Христа есть путь только избранныхъ; нѣтъ, Онъ затѣмъ и сдѣлался чловѣкомъ, чтобы показать намъ примѣръ возможнаго выполненія нашего долга, показать намъ границы нравственнаго совершенствованія чловѣка: *будите вы совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. V, 48), сказалъ Господь, и тѣмъ указалъ, какое совершенство должно составлять конечную цѣль нашихъ стремленій. Аминь.

В. Малининъ.

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Киевской духовной Академіи

ЗА М. ФЕВРАЛЬ 1884 Г.

I.

13 Февраля было очередное собраніе членовъ Церковно-Археологическаго Общества, на которомъ, кромѣ доклада текущихъ дѣлъ, заслушано было сообщеніе члена Общества Н. Петрова „О западнорусскомъ лицевомъ ирмологіи XVII вѣка“.

II.

Въ теченіи февраля мѣсяца въ Церковно-Археологическое общество, Музей и библіотеку его поступили нижеслѣдующія пожертвованія:

А) Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—Отчетъ сего общества за 1883 годъ.

Б) Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества „Извѣстія“ сего общества за октябрь, ноябрь и декабрь 1883 г. и за январь и февраль 1884 г.

В) Отъ дѣйствительнаго члена, законоучителя Киевскаго института благородныхъ дѣвицъ священника Ѳ. Хорошупова—„Историко-Статическое описаніе Харьковской епархіи“, въ 7-ми книгахъ, въ трехъ томахъ. 8-о. Черниговъ. 1873—1874.

Г) Отъ дѣйствительнаго члена, инспектора Кишиневской дух. семинаріи Л. С. Мацѣевича разные рисунки по-

койнаго архієпископа Анатолія Мартыновскаго, пріобрѣтенныя жертвователемъ отъ племянника высокопреосвященнаго Анатолія Н. В. Мартыновскаго. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: а) рисунки болѣе или менѣе законченныя, акварелью или перомъ, въ количествѣ 28, а именно: страшный судъ; овчья купель; богатый и Лазарь; милосердный Самарянинъ; старая Кіевская Академія; Благовѣщеніе; великомученица Варвара; намѣстныя иконы; Марія Магдалина; два рисунка распятія; миеологическая птица, питающая своею кровью птенцовъ; икона Почаевской Богоматери; благословеніе дѣтей; фасадъ какого-то зданія; Симеонъ, столпникъ (?); Савватій и Зосима: Ангелъ и Тѣвія; Ангелъ и Захарія; раскаяніе Маріи Египетской въ 8 ми эскизахъ; Евангелистъ Марко; Спаситель на тронѣ; рисунки благословляющей руки; большой рисунокъ неизвѣстнаго святаго; три рисунка Богоматери съ младенцемъ; портретъ Кіевского митрополита Евгенія б) 25 разныхъ эскизовъ карандашомъ. с) 6 рисунковъ для иконостаса въ домашней церкви Анатолія. d) 10 рисунковъ разныхъ орнаментовъ. е) 13-ть рисунковъ виньетокъ и заглавныхъ буквъ. Эти виньетки и буквы преосвященный Анатолій рисовалъ для своихъ сочиненій. Вообще архієпископъ Анатолій любилъ и понималъ живопись.

Д) Отъ священника г. Василькова, Кіевской губ., Іоанна Бодянскаго, чрезъ того же члена Мацѣвича, 8-ми собственноручныхъ писемъ Преосвященнаго Иринея Фальковскаго, писанныхъ между 1796 и 1809 г.г. къ родственнику своему діакону Гавріилу Бодянскому и сыну его священнику Павлу Бодянскому. Письма эти имѣютъ быть напечатаны въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“.

Е) Отъ дѣйствительнаго члена, коллежскаго секретаря Т. І. Вержбицкаго: 1) золотой жетонъ 1644 года. На лицевой сторонѣ вверху IHS въ сіявіи, въ срединѣ чаша на столѣ, скрещенные мечъ и кирка, щитъ и колосья нивы; кругомъ надпись—*Strena auspiciis anni Christi MDCXXXIII dicata*. На оборотѣ въ срединѣ трехугольникъ съ еврейскимъ сло-

вомъ Іегова и кругомъ нѣмецкая надпись: Gott gib Fried in deinem Lande Gluck und heil zwallem Stande. 2—8) Семь мордовскихъ сустуговъ, представляющихъ подражаніе московскимъ серебрянымъ копѣйкамъ; 9) серебряная римская монета Фаустины (diva Faustina); 10) испанскій талеръ Фердинанда VII, 1818 года; 11) польская серебряная монета 1791 года, и 12) русско-польская монета 1828 года въ два золотыхъ.

Ж) Отъ дѣйствительнаго члена, священника с. Краснополки, Уманскаго уѣзда, К. Подгурскаго:— одна книга „Всеобщей древней и новой исторіи“ аббата Миллота, 1820 года, и 3-я книга „Собранія законовъ и постановленій, до части военнаго управленія относящихся“, 1816 года.

З) Отъ священника села Кищенець Р. Кисилевича, чрезъ того же члена Подгурскаго—полотняный антиминосъ, выданный Кіевскимъ митрополитомъ въ царствованіе императора Павла I, и связка печатныхъ указовъ и манифестовъ.

И) Отъ членовъ Общества изъ состава академической корпораціи членскихъ взносовъ тридцать три рубля (33) серебромъ.

І) Отъ учителя Кіево-Подольскаго духовнаго училища Г. О. Булашева рукописныя выписки изъ большаго требника, начала нынѣшняго вѣка, вачинающіяся „чиномъ благословенія и освященія новоосуженнаго креста отъ золота, или сребра, или инаго крушца, или древа, или распятія на крестѣ деревяномъ или на досцѣ иконной“.

К) Отъ воспитанника первой Кіевской гимназіи Захаріевскаго монеты: 1) мѣдная византійская Михаила Пефлагонянина (1034—1041 г.); 2) серебряная Карла I Сицилійскаго (1270 г.); 3) испанская мѣдная Филиппа IV (1621—1665); 4) саксонская 1701 г.; шведскія—5) Карла XII, 1718 г.; 6) Ульрики Елеоноры (1719—1720); 7—8) Фридриха, 1721 и 1735; 9) Адольфа Фридриха (1751—1771); 10) Густава III, 1779 г.; 11) Гамбургская; 12) Франкфуртская 1773 г., и 13) мѣдная г. Ростова, 1749.

Секретарь Общества *Н. Петровъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

перваго тома Трудовъ Кіевской духовной Академіи за 1884
годъ (№№ 1—4).

Январь (№ 1).

ОГЛАВ.

1. Блаженнаго Августина, епископа испонійскаго, (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божиємъ, книга восемнадцатая	1— 32
2. Изъ чтеній по догматическому богословію. <i>Архимандрита Сильвестра.</i>	3— 40
3 О штундизмѣ. <i>П. Петрушевскаго.</i>	41— 76
4. По поводу защиты славянофильства въ Православномъ Обзорѣніи. <i>П. И. Линицкаго</i>	77— 94
5. Житіе и хоженіе Давида русьскія земли игумена. 1106—1108 г. <i>В. Н. Маминина.</i>	95—111
6. Письмо высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго, въ ректору Кіевской духовной Академіи Иннокентію Борисову, епископу Чигиривскому, Сообщилъ <i>Н. М. Дроздовъ.</i>	112—115
7. Александръ Дмитриевичъ Вороновъ. <i>И. И. Мамшевскаго.</i>	116—135
8. Некрологъ и надгробныя рѣчи	136—144
9. Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Академіи (за м. ноябрь 1883 г.). <i>Н. И. Петрова</i>	145—146

Февраль (№ 2).

10. Блаженнаго Августина, епископа испонійскаго, (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божиємъ, книга восемнадцатая.	33— 64
11. Ученіе Шлейермахера о религіи. <i>Ө. С. Орнатскаго.</i>	147—177
12. О штундизмѣ. <i>П. Петрушевскаго.</i>	178—196
13. Сильвестръ Куляба, архіепископъ С.-Петербургскій, какъ духовный писатель. <i>П. Зальскаго.</i>	197—256
14. О первоначальныхъ церковно славянскихъ вѣнгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, 1491 г. (Съ рисункомъ). <i>С. Т. Голубова.</i>	257—268
15. Протоіерей Александръ Михайловичъ Воскресенскій, экотраорд. профессоръ Кіевской дух. академіи. <i>В. Ф. Линицкаго.</i>	269—296
16. Рѣчи, посвященныя памяти пр. А. М. Вокресенскаго	297—306
17. Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Академіи (за м. декабрь 1883 г.). <i>Н. И. Петрова.</i>	307—313

Мартъ (№ 3).

18. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго, (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божиємъ, книга восемнадцатая.	65— 80
19. Изъ чтеній по догматическому богословію. <i>Архимандрита Сильвестра.</i>	315—338
20. Св. Григорій Чудотворецъ, епископъ неокесарійскій, и приписываемыя ему проповѣди. <i>В. Θ. Пъеницкаю.</i>	339—387
21. О штундизмѣ. <i>П. Петрушевскаю.</i>	388—415
22. По поводу рецензій въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на книгу: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. I. Кіевъ, 1883 г.“ <i>С. Т. Голубева.</i>	416—484
23. Слово на Пассію первой недѣли великаго поста. <i>В. Θ. Пъеницкаю.</i>	485—489
24. Отчетъ Церковно археологич. Общества при Кіевской дух. Академіи за 1883 г. <i>Н. И. Петрова.</i>	490—514
25. Извѣстія Церк.-археологич. Общества при Кіевской Академіи (за м. янв. 1884 г.) <i>Н. И. Петрова.</i>	515—518

Въ приложеніи:

26. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевск. Академіи 17 августа 1883 г.	1— 16

Апрель (№ 4).

27. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго, (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божиємъ, книга восемнадцатая	81—104
28. Ученіе Шлейермахера о религіи. <i>Θ. С. Орнатскаю.</i>	519—550
29. О штундизмѣ. <i>П. Петрушевскаю.</i>	551—620
30. Письма Филарета, митрополита Кіевскаго, и архимандрита Антонія, ректора Кіевской Академіи (впослѣдствіи архіепископа Казанскаго), къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому. Сообщилъ <i>Н. И. Барсовъ</i>	621—631
31. Отвѣтъ автору книги: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“. <i>Н. И. Петрова.</i>	632—641
32. Слово на Пассію второй недѣли вел. поста. О лицемѣрномъ служеніи. <i>С. М. Сольскаю.</i>	642—651
33. Слово на Пассію четвертой недѣли вел. поста. <i>В. Н. Малинина</i>	652—659
34. Извѣстія Церк.-археол. Общества при Кіевской Академіи (за м. февраль 1884г.) <i>Н. И. Петрова.</i>	660—662

Въ приложеніи:

35. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевск. Академіи.	17— 32
36. Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевск. дух. Академію.	1—IV

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

APR 26 514

3 2044 105 204 226